11(2)

Максимилиан ВОЛОШИН

Максимилиан Волошин

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Москва
Эллис Лак
2015

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Том одиннадцатый

Книга вторая

Переписка с Маргаритой Сабашниковой

1906–1924

Москва
Эллис Лак
2015

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95
В68

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012–2018 годы)

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российская академия наук

Составление
К.М. Азадовского, Р.П. Хрулевой

Подготовка текста
Р.П. Хрулевой

Комментарии
К.М. Азадовского

Общая редакция
А.В. Лаврова

Художник
В.Н. Сергутин

Редакционно-издательский совет:
А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)
К.М. Азадовский
Т.А. Горькова
В.П. Купченко
А.В. Лавров
В.Н. Сергутин
С.В. Федотов
Р.П. Хрулева

ISBN 978-5-902152-96-5 (т. 11, кн. 2)
ISBN 978-5-902152-05-4

© Эллис Лак, 2015

От составителей

Вторая книга 11-го тома Собрания сочинений Максимилиана Волошина включает в себя бóльшую часть его переписки с М.В. Сабашниковой (далее – Переписка): письма 1906–1924 гг. Этот период охватывает целую эпоху, насыщенную историческими катаклизмами и ознаменованную яркими и драматическими событиями в жизни Волошина и Сабашниковой: их брак в Москве в апреле 1906 г.; совместная жизнь в Петербурге в конце 1906 – начале 1907 г.; сближение с Вячеславом Ивановым и Лидией Зиновьевой-Аннибал и неудавшаяся попытка их «тройственного союза»; разрыв Сабашниковой с Волошиным и ее отъезд за границу в конце 1907 г.; десятилетие, проведенное Сабашниковой преимущественно вблизи Р. Штейнера, ее тесное общение с немецкими и русскими антропософами; участие Сабашниковой и Волошина в строительстве первого Гетеанума; ее возвращение в Россию весной 1917 г.; общественная и антропософская деятельность Сабашниковой в Советской России (вплоть до ее окончательного отъезда в августе 1922 г.).

Для Волошина, склонного измерять свой жизненный путь семилетними циклами, это были пятое (1905–1912) и шестое (1912–1919) семилетия (в одной из автобиографий он дал им названия «Блуждания» и «Война»), которые внутренне подготовили его к следующему периоду (1919–1926), обозначенному им позднее как «Зрелость». В эпоху российских и мировых катастроф Волошин вырастает в зрелого мастера, сумевшего воплотить в своих литературных произведениях трагедию гражданского раскола в России и запечатлевшего в своих акварелях пленительный образ родной Киммерии. Оба семилетия оказались для Волошина «судьбоносными» и в личном плане: расставание с Сабашниковой, наметившееся уже в конце 1906 г. и поначалу мучительное, предопределяет новое сильное увлечение поэта (Е.И. Дмитриева) и приводит его, в конце концов, к новому браку с М.С. Заболоцкой (1922; официально – 1927).

В Переписку включены все известные в настоящее время письма Волошина и Сабашниковой за 1906–1924 гг. – как публиковавшиеся ранее, так и не появлявшиеся в печати. Основная их часть хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге (письма Волошина: ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111–114; письма Сабашниковой: ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1062–1065). Три письма Волошина 1908 г. (№ 417, 422 и 453) оказались в заграничном архиве Сабашниковой. Одно волошинское письмо 1908 г. (№ 444), попавшее в частное собрание, находится ныне на государственном хранении (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва). Три письма Сабашниковой 1906 г. (№ 291, 305 и 306) отложились в архиве В.И. Иванова (Там же).

Первым публикатором Переписки был В.П. Купченко, обнародовавший в середине 1990-х гг. двадцать четыре письма Волошина к Сабашниковой за 1906 г. (Минувшее. Ист. альм. <Вып.> 21. М. – СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. С. 297–350). Шесть писем Волошина за 1917–1923 гг. (№ 503, 504, 506, 508, 512 и 517) сохранились в виде неавторизованных машинописных копий; по одной из них, оставшейся (после передачи волошинского архива в Рукописный отдел Института русской литературы) в коктебельском Доме-музее М.А. Волошина, была осуществлена публикация 2009 г. (см.: «За духовную сущность России у меня нет страха». Письма Максимилиана Волошина к Маргарите Сабашниковой 1917–1923 гг. Из фондов Дома-музея М.А. Волошина / Публ., предисл., подгот. текста и коммент. И.В. Левичева // Новый мир. 2009. № 8. С. 130–138).

В Доме-музее Волошина хранится также машинопись еще одного (седьмого) письма Волошина за этот период (№ 510), оставшегося за рамками новомирской публикации.

Тем не менее, значительная часть писем Волошина к Сабашниковой, написанных после того как их брак распался, до настоящего времени не обнаружена; по-видимому, их можно считать погибшими. Следует, в частности, признать утраченными все письма Волошина за 1909 и 1911–1916 гг. Несколько автографов, сохранившихся в архиве поэта, представляют собой, по всей вероятности, черновики (№ 433, 458, 477); местонахождение оригиналов не известно. Не обнаружено, кроме того, волошинское «письмо об Иванове», относящееся предположительно к ноябрю 1907 г. (см. примеч. 1 к п. 395).

Не в полном составе сохранились и письма Сабашниковой. Одно из них упомянул В.П. Купченко в своей публикации 1997 г.

(см. примеч. 7 к п. 307); однако признать утраченными в настоящий момент следует большее число писем. Так, в п. 453 Волошин цитирует (возможно, по памяти) «маленькую записочку» Сабашниковой 1907 г., тогда как ни в одном из ныне известных текстов этих слов не обнаружено. Летом 1914 г. Сабашникова сообщает Волошину, что посылала ему несколько открыток (см. п. 493); из них сохранилась только одна. Не удалось обнаружить также оригиналы отдельных писем Сабашниковой, доступных в свое время В.П. Купченко, который, работая долгое время в Коктебеле, либо их копировал, либо делал выписки (см.: № 239–241, 244, 248, 281, 298 421, 439, фрагмент п. 251 и заключительная часть п. 309).

Готовя к печати второй полутом Переписки, составители придерживались в целом тех же эдиционных принципов, которые изложены в заметке, предваряющей первый полутом (Т. 11, кн. 1 наст. изд. С. 10–11). Считаем, тем не менее, нужным еще раз оговорить (или уточнить) ряд частностей.

Все письма, оригиналы которых хранятся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, публикуются без ссылки на архивный источник. Во всех прочих случаях указываются (в первом примечании к письму) место хранения, шифры и т.д.

Письма публикуются в строго хронологическом порядке. Последовательность писем, написанных в один и тот же день, определяется содержанием.

В датировке писем сохраняется принцип, принятый в предыдущих томах Собрания сочинений: письма до февраля 1917 г., отправленные и полученные в России, датируются по русскому календарю; в отношении писем, написанных за границей, указываются – независимо от местонахождения получателя – как старый, так и новый стили (то же – в отношении писем, написанных в России и отправленных в Западную Европу). Переписка 1918–1920 гг. (п. 509–512) также сопровождается двойной датировкой в связи с тем, что новый стиль, принятый в Советской России с февраля 1918 г., не соблюдался в тех регионах бывшей Российской империи, которые находились под юрисдикцией сил, оппозиционных советской власти. Датировка писем, написанных после 1920 г., – по новому стилю (ср.: Т. 8 наст. изд. С. 7; Т. 12 наст. изд. С. 5).

В связи с тем, что конверты писем как Волошина, так и Сабашниковой не сохранились, а сами корреспонденты далеко не всегда датировали свои послания, точная датировка оказалась

подчас затруднительной, а то и вовсе невозможной, так что время написания в отдельных случаях определяется предположительно.

Описки и неточности в русском тексте устранены без оговорок. Знаки препинания (запятая, вопросительный или восклицательный знаки, тире), часто недостающие в оригинале (особенно в письмах Сабашниковой), восстановлены в соответствии с ныне действующими синтаксическими правилами и эдиционными нормами.

Иноязычные слова и фрагменты, нередко написанные с ошибками, выправлены без оговорок. Перевод иностранных слов, словосочетаний и названий дается в подстрочном примечании к основному тексту при первом упоминании.

Наиболее характерные искажения или отступления от нормы в написании названий и отдельных слов отмечены указанием <*sic!*>. Так же отмечены – при первом упоминании – ошибки в именах и фамилиях (например: Богоевский, Кузьмин, Ремезов, Vaillolet, Hard и т.п.); в дальнейшем тексте эти имена и фамилии печатаются правильно.

Отдельные слова иностранного происхождения, а также имена собственные, имеющие в русской традиции различные написания (например: сериозно, Ляйпциг, Мэдон, Нюренберг, евритмия), воспроизводятся в соответствии с автографом.

Обращаясь к Волошину в первые годы их эпистолярного общения, Сабашникова писала местоимения «Ты», «Твой» и производные от них, как правило, с заглавной буквы (именно так они печатались в первом томе Переписки). Это же написание сохраняется и в ее письмах 1906 г. и отчасти 1907 г. Начиная с 1908 г., Сабашникова пишет эти местоимения преимущественно со строчной буквы, что и воспроизводится при публикации ее писем за этот год (как и последующие годы).

Все сокращения, в публикуемых текстах или примечаниях, а также недописанные в автографе слова восполняются при помощи угловых скобок <...>. В тех же скобках – уточнения в тексте примечаний (перевод иностранных слов, краткие пояснения), вопросительный знак (в местах, вызывающих сомнение в правильности прочтения) и необходимые уточнения в библиографических описаниях.

Фрагменты, представляющие собой обратный перевод с немецкого языка на русский (см. п. 417 и 422), а также восстановленный отрывок в п. 251 отмечены фигурными скобками { }. Перевод выполнен К.М. Азадовским.

Книга, как и первый полутом Переписки, содержит два вспомогательных указателя:

1. Перечень лиц, часто упоминаемых по именам или именам и отчествам (или прозвищу);

2. Именной указатель, в который введены имена всех реальных лиц, упомянутых в книге (как в основном тексте, так и в комментариях).

В комментариях к письмам широко использованы фрагменты из дневников Сабашниковой 1908–1915 гг., ныне хранящихся в Отделе документов Гетеанума (Дорнах, Швейцария). Ранее эти записи публиковались (или были использованы) лишь частично и только в немецком переводе. Неоценимую помощь в ознакомлении с дневниками Сабашниковой нам оказали директор Отдела документов И. Нило (Дорнах) и немецкая исследовательница Р. фон Майдель (Гейдельберг, Германия). Составители выражают им обоим искреннюю признательность. Благодарим также Г.В. Обатнина (Санкт-Петербург – Хельсинки), облегчившего нашу работу содержательными советами и сведениями.

**Указатель лиц,
упоминаемых в письмах по именам,
именам и отчествам или прозвищам**

Александра Алексеевна – А.А. Андреева
Александра Васильевна – А.В. Гольштейн
Александра Михайловна – А.М. Петрова
Алеша (Алексей Васильевич) – А.В. Сабашников
Аморя – М.В. Сабашникова
Анна Николаевна – А.Н. Иванова
Анна Рудольфовна – А.Р. Минцлова
Борис (Борис Алексеевич) – Б.А. Леман
Борис Николаевич – Б.Н. Гофман
Вайолет – Э.В. Харт
Василий Михайлович – В.М. Сабашников
Вячеслав (Вячеслав Иванович) – В.И. Иванов
Девочка – М.К. Гринвальд
Екатерина Алексеевна – Е.А. Бальмонт
Елена – Е.К. Цветковская
Елена Оттобальдовна – Е.О. Кириенко-Волошина
Елизавета Николаевна – Е.Н. Гофман
Катя – Е.А. Бальмонт
Константин (Константин Дмитриевич) – К.Д. Бальмонт
Константин Федорович – К.Ф. Богаевский
Лидия (Лидия Дмитриевна) – Л.Д. Зиновьева-Аннибал
Лиля – Е.И. Дмитриева (Васильева)
Людвиг (Людовик) – Л.Я. Квятковский
Ляйза – Е.Н. Гофман
Маргарита Алексеевна – М.А. Сабашникова
Маргарита Константиновна – М.К. Гринвальд
Маргоря – М.В. Сабашникова
Марина – М.И. Цветаева
Мария Яковлевна – М.Я. фон Сиверс
Михаил Самойлович – М.С. Чуйко
Нина (Нина Васильевна) – Н.В. Евреинова
Ниника – Н.К. Бруни
Нюша – А.Н. Иванова
Пра – Е.О. Кириенко-Волошина
Татьяна Алексеевна – Т.А. Бергенгрин
Тетя Саша – А.А. Андреева
Тетя Таня – Т.А. Бергенгрин
Трифон – Т.Г. Трапезников
Юлия Леонидовна – Ю.Л. Оболенская

Условные сокращения

АШ	Архив Рудольфа Штейнера (Rudolf Steiner Archiv). Центр документации и издания научного и художественного наследия Рудольфа Штейнера (Дорнах / Швейцария).
ГМИИ	Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва).
ДМВ	Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).
ИРЛИ	Рукописный отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).
ОДГ	Отдел документов Гетеанума (Dokumentation): библиотека, архив и собрание художественных материалов (Дорнах / Швейцария).
РАО	Российское Антропософское общество (1913–1923; с 1991 г. – Антропософское общество России).
РГБ	Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
Андрей Белый и антропософия (с указанием выпуска)	Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Ист. альм. <Вып.> 6. Paris: Atheneum, 1988. С. 337–448; Минувшее. Ист. альм.. <Вып.> 8. Paris: Atheneum, 1989. С. 409–471; Минувшее. Ист. альм.. <Вып.> 9. Paris: Atheneum, 1990. С. 409–488.
Дневник 1905–1907	*Кузмин М.* Дневник 1905–1907. Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000.

Документальные хроники	*Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009.
Записные книжки	*Волошин М.* Записные книжки. Сост., предисл. и примеч. В.П. Купченко. М.: Вагриус, 2000.
Зеленая Змея	*Волошина М.* (*Сабашникова М.В.*) Зеленая Змея. История одной жизни. Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. Вступ. заметка («Вместо предисловия») С.О. Прокофьева. Коммент. М.Н. Жемчужниковой. Примеч. и ред. подготовка С. В. Казачкова и Т.Л. Стрижак. М.: Энигма, 1993.
Летопись...	*Купченко В.П.* Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. (СПб.). 2000. Т. III. № 3. С. 360–387.
Маргарита Сабашникова в 1908 году	*Азадовский К.* Маргарита Сабашникова в 1908 году (из писем к А.М. Петровой) // Параболы. Studies in Russian Modernist Literature and Culture. In Honor of John E. Malmstad. Edited by Nikolay Bogomolov, Lazar Fleishman, Alexandr Lavrov and Fedor Poljakov. Frankfurt a. M. – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien, 2011. P. 101–122 (серия «Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe» edited by Fedor B. Poljakov (Vienna). Vol. 7).
Мемориальная библиотека...	Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле. Книги и материалы на иностранных языках. Каталог. Вступ. статьи Н.М. Мирошниченко, Н.Н. Зубкова, Е.Ю. Гениевой. М.: Центр книги Рудомино, 2013.
Сестры Герцык	Сестры Герцык. Письма. Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. Вступ. статья М.В. Михайловой. СПб.: Инапресс; М.: Дом Музей Марины Цветаевой, 2002.

Стихотворения. 1900–1910	*Волошин М.* Стихотворения. 1900–1910. Годы Странствий. Amori Amara Sacrum. Звезда Полынь. Алтари в Пустыне. Corona Astralis. Обложка А. Арнштама. Фронтисписы и рисунки в тексте К.Ф. Богаевского. М.: Гриф, 1910.
Труды и дни-1	*Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.
Труды и дни-2	*Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества 1917–1932. СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007.
Черубина де Габриак...	Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину. Сост., подгот. текстов, примеч. Владимира Купченко и Розы Хрулевой. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2009.
Chronik	*Lindenberg Ch.* Rudolf Steiner: eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben, 1988.
Erinnerungen...	Erinnerungen an Rudolf Steiner. Gesammelte Beiträge aus den "Mitteilungen aus der anthroposophischen Arbeit in Deutschland" 1947–1978 <Воспоминания о Рудольфе Штейнере. Сборник публикаций из "Сообщений об антропософской работе в Германии" за 1947–1978 годы>. Herausgegeben von Erika Beltle und Kurt Vierl. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben, 1979.
GA (с указанием тома)	Rudolf Steiner Gesamtausgabe. Herrausgegeben von der Rudolf Steiner Nachlassverwaltung. Dornach / Schweiz <Полное собрание трудов Рудольфа Штейнера, подготовленное Попечительством о наследии Рудольфа Штейнера. Дорнах / Швейцария> (издается с 1956 г. по настоящее время).

Vor dem Thore

Maydell R. von. Vor dem Thore. Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum / Freiburg: projektverlag, 2005 (Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Band 29. Herausgegeben von Karl Eimermacher und Klaus Waschik).

ПИСЬМА

1906

239. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

19 февраля / 4 марта или 20 февраля / 5 марта 1906 г. Кельн[1]

Милый, мы-таки летим, не успеваем написать. Целую.

[1] Открытка с видом Кельнского собора, отправленная, видимо, на вокзале. Оригинал не обнаружен; приводится по копии, сделанной В.П. Купченко. Датируется по содержанию: Сабашникова и А.Н. Иванова покинули Париж 19 февраля / 4 марта 1906 г., о чем свидетельствует запись в дневнике А.Н. Бенуа от 18 февраля / 3 марта 1906 г.: «Днем приехали неожиданно Сабашникова (завтра уезжает) и Макс» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1906 года / Публ., вступ. статья и коммент. Г.А. Марушиной, И.И. Выдрина // Наше наследие. Москва. № 77. 2006. С. 88).

240. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

20 февраля / 5 марта 1906 г. В поезде Париж – Берлин[1]

Милый мой, милуша моя, еду, как во сне: 5 немок разделяют нас с Нюшей. Сейчас 6 часов, духота; у нас болит голова, мы обе молчим. На этот раз я ненавижу Ж<елезную> д<орогу>,[2] зачем у Тебя было такое грустное лицо? Ах, мальчик мой. Я видела всех провожавших, а на Тебя не смотрела совсем. Мне казалось, что я могу видеть Тебя сейчас, но я не вижу. У Тебя народ?

До свиданья, милый, будь спокоен и радостен. Господь с Тобой. Кланяйся маме.[3]

[1] По-видимому, открытка. Местонахождение оригинала в настоящее время не установлено; публикуется по копии, сделанной В.П. Купченко. Датируется по содержанию (см.: Труды и дни-1. С. 154).

[2] Намек на стихотворение Волошина «В вагоне», которое в его кругу обычно называли «Железной дорогой». «Мне многим хотелось раньше дать Ваши стихи, – писала Волошину А.Н. Иванова 19 октября / 1 ноября 1906 г., – но кроме "Железной дороги" мало Вас знают» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 4 об.). См. также примеч. 2 к п. 129.

[3] Е.О. Кириенко-Волошина приехала в Париж в первой половине января 1906 г. и покинула его вместе с Волошиным 12/25 марта 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 153, 156).

241. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21 февраля / 6 марта 1906 г. Берлин[1]

Милый мой, вчера я не успела Тебе написать, поезд летел, не останавливаясь, до границы, а в Кельне мы стояли 11 м<инут>, и я только несколько слов написала Тебе, там же опустила и французскую открытку,[2] но она, конечно, не дойдет. Я была, как во сне, когда мы прощались, всех видела, кроме Тебя, потом молча сидели с Нюшей в духоте до вечера. Нюша страшно устала. Ехать было неудобно и после Кельна. Я все думала о том, отчего я, когда была с Тобой, так недостаточно внимательна, точно во сне и точно все так и нужно. Милый, я так устала, я чувствую, что пишу нелепо, я совсем не могу. Сижу в Алешиной мышеловке. Помнишь узкую комнату его на Augsburgerstrasse.[3] Они с Любим<овым> и Нюшей болтают тут же. Я не могу сосредоточиться. Они встретили нас. Алеша коротко обстрижен, красив, пока ни о чем как-то не говорит. А Берлин такой знакомый, близкий. Острый холодный воздух. Комнаты те же. Запах тот же. Мы пили кофе в столовой за маленьким столом. Все то же, только теперь гораздо лучше. Только если бы Ты был со мной. И потом дорога утомительна. Я теперь с трудом ее переношу.

Макс, отчего Ты был такой грустный, ужасно. А теперь? Как Ты себя чувствуешь, и как проходит Твой день? Нет, нам нельзя быть врозь. Мне все чуждо без Тебя.

Милый, милый, милый мой. Прости, что я не могу писать совсем. Хочу скорее попасть в Москву, и вообще, чтобы это все не тянулось.

Я опять разучилась Тебе писать. Каждую мелочь, кот<орую> Ты сделал, веревки на багаже, провизию – все меня умиляет, я за все так благодарна.

Будь спокоен и счастлив. Не теряй равновесие. Целую мою Максюшу, мою милушу. Кланяйся маме, Кате и Девочке.

Ах Ты, мальчик мой!

[1] Местонахождение оригинала не установлено. Публикуется по копии, сделанной В.П. Купченко.

[2] Видимо, п. 239.

[3] Имеется в виду пансион М. Шульце на Аугсбургерштрассе 30/31, где в октябре-ноябре 1905 г. жили Минцлова и Сабашникова (ср. примеч. 3 к п. 183; п. 200 и др.).

242. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 февраля / 7 марта 1906 г. Варшава

Варшава. Утро.

Вчера я послала Тебе открытку с границы;[1] ах, Максюша, как гадко, как гадко здесь все. У меня уже в Берлине началась беспричинная тоска. Что же я говорю беспричинная; довольно того, что Тебя не было со мною. Мы выспались до завтрака в Алешиной узкой комнате, а после завтрака пошли опять за подарками. (Весы Маши[2] и Поли[3] уравновесились, я купила Маше хороший зонтик.)

Говорили с Алешей. Но мало сравнительно, ему нужно ведь долго раскачиваться. И когда он разговорился, нужно было расставаться (в 7 ч<асов>). Он успел рассказать мне, что вышел из чудного осеннего настроения и не может писать Анн<е> Руд<ольфовне>.

Среда Гарелиных (будущей жены Гарелина) совершенно невозможна. Все время ведется только двусмысленный разговор. (В ней смесь французской и цыганской крови, она безграмотна и истерична, и ей нужны приключения.)[4] Алеша ей необходим, Гарелину тоже, хотя он и страшно ревнует.[5] Алеша чувствует, что дело плохо, и на вакансии у него сейчас 1½ месяца свободы, он стремится в Москву, чтобы в последний раз быть всем вместе в сборе. Я ему рассказывала немного о письмах, но о нас как-то говорить не могла. Любимов мне стал очень чужд. Уж очень сух и занят только своими и нашими планами.

В Берлине у меня сделалась страшная тоска. На границе я безумно волновалась. Какая-то бесконечная канитель с паспортом, за кот<орый> придется платить очень дорого, не только за просрочку, как всегда, но за этот заменный лист, как за новый паспорт, 25 руб.

У нас рыли мало, но продержали нас все время, так что я не успела написать Тебе, и мы даже не пили чая. Скандалы, аресты, грубость и подобострастие – все это привело меня в отчаяние. Я все теряла, забывала. Презирала себя и опять была готова кричать: «Откажись от меня». Я не выношу этих форм жизни, а теперь я стала какой-то неврастеничкой, у меня от грязи физической болят пальцы и тоже и душа. Я с ужасом думаю, что этот путь придется проделать Тебе и нам вместе. Но вместе ничего.

Я только теперь поняла, что я совсем, совсем не могу быть без Тебя, мой родной, мой любимый. Но ведь нужно уметь быть одной; это слабость. И слабость тоже эта беспомощность, эта чувствительность. Разве можно с этим жить в современной России. А жить здесь нужно; иначе отвыкнешь и задохнешься, как в душной комнате и, пожалуй, так ее возненавидишь, что ничего не поделаешь. Какие ужасные лица у офицеров и чиновников. Торжествующие свиньи, подхалимы. Какие евреи здесь! Какое небо, какая грязь, какие лохмотья.

Максик мой, целую Тебя. Твои милые плечи, Твой милый лоб, Твои глазки и ручки. Если бы Ты знал, как я люблю все в

Тебе, с какой нежностью я думаю обо всем в Тебе, и как мне дорога цепочка, булавка в шляпе, кот<орые> Ты подарил мне. Я хотела увидеть Тебя вчера вечером. Мне казалось, что мастерская Твоя... Что в ней только мама, а Тебя нет, м<ожет> б<ыть>, Ты был у Кати тогда.

Что Ты делаешь? Езди в St. Germain – l'Auxerroi,[6] чтобы быть одному. Присылай стихов. Готовы ли портреты?[7] Завтра Москва. Какой бесконечный путь. Мой Макс, мой любимый, мой мальчик!

Кланяйся маме. Читаю Germen Laserteux <*sic!*>[8] и раздираюсь, я не могу читать ничего такого и никогда не могла. Очень больно. Я, как истая буржуа, боюсь этого.

[1] См. п. 240.

[2] Служанка в семье Андреевых, позднее – М.А. и В.М. Сабашниковых; в течение сорока лет вела домашнее хозяйство Сабашниковых. В своей мемуарной книге М.В. Сабашникова с большой теплотой воссоздает ее портрет и рассказывает о ней: «Она была всегда с нами, спала с нами, шила все для нас. <...> Она жила с нами до самой революции, голодала, как мы, но продолжала работать до тех пор, пока в силах была стоять на ногах; тогда ее взяли к себе родственники...» (Зеленая Змея. С. 18–19).

[3] Горничная, служившая в семье М.А. и В.М. Сабашниковых с конца 1870-х г.; нянчила Маргариту и Алешу. «Поля вместе с нами жила у бабушки и ухаживала за нами, – сообщает Сабашникова. – Она рассказывала нам сказки» (Зеленая Змея. С. 19). Умерла от тифа в Москве зимой 1919 г. «Я ухаживала за Полей, пока могла с ней справиться», – вспоминала Сабашникова, заразившаяся от нее тифом (Там же. С. 275).

[4] О невесте (?) Гарелина упоминается в одной из дневниковых записей, сделанной Сабашниковой в Париже в апреле 1905 г.: «Сегодня утром в комнате у меня сидели Любимов, Гарелин, Чуйко, Алеша и Нюша. Куст красной азалии горел на столе. Гарелин читал Пушкина. Какое счастье, что они здесь все. Это случилось неожиданно. <...> Гарелин здесь с красавицей, с которой он не может бывать у нас, хотя мы хотели этого. Ему 21 год. Он красив, изящен, умен, как никто из моих знакомых, романтик, холодный самодур, миллионер. Он с ней не может говорить о том, что видит в Париже. Она совсем ничего не понимает. Мы говорим урывками. Чем кончится эта исто-

рия? Бедная женщина! Алеша увлечен своей рыцарской ролью. Это ребячливый романтизм. Он все удивляется. Отношения Гарелина я все не пойму. Тоже рыцарство, увлечение красотой, не знаю...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 59).

[5] Алексей Сабашников был соучеником Гарелина по московской гимназии и близким другом. После безвременной кончины Гарелина он написал короткие воспоминания об их совместной студенческой жизни в Лейпциге в 1906–1907 гг., однако эпизод, связанный с «невестой», в них отсутствует (РГАЛИ, ф. 2432, оп. 1, ед. хр. 319).

[6] Имеется в виду парижская церковь Сен-Жермен л'Оксерруа (см. примеч. 2 к п. 8).

[7] Речь идет, по всей видимости, о парижских фотографиях 1906 г.

[8] Имеется в виду роман братьев Гонкуров «Жермини Ласерте» («Germinie Lacerteux», 1864).

243. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 февраля / 7 марта 1906 г. Брест

Среда. Брест. 2 ч<аса>.

Милый, возлюбленный, дорогой. Мне ужасно, ужасно хочется Тебя видеть. У меня нет слов, одно стремление к Тебе. Нам нельзя быть врозь. Нет, это не распущенность; я не знаю, что со мною, что за тревога, что за тоска без Тебя.

С Варшавы ехала с одной барышней, кот<орую> я сначала не узнала, потом это оказалась товарка по гимназии. Она учится в Цюрихе у Störing'a <*sic!*>[1]; философка, позитивистка. Заговорили о Зайчике, с него перешли на Штейнера. На теософию, т<ак> к<ак> у нее ум культурный, она предлагала осмысленные вопросы; я чувствовала, что говорила очень хорошо и была для нее вполне вооружена. Но я чувствую, что я не имею права об этом говорить, п<отому> ч<то> у меня только логика и чувство, а нужно власть личности.

Мне почему-то страшно больно все, точно нервы обнажены. Я еще читаю Germenie[2] и еще бросаю книгу, читаю гадкую газету и тоже не могу. Макс, не оставляй меня никогда. Но как же это будет всегда?

У меня ум ослабел, я все теряю. Ты не смейся, но меня за это один Ты разве не презираешь. Нюша еле переносит мою забывчивость, и я сама не знаю, что делать. Например, я забыла Твой адрес в Кельне и только благодаря маминому конверту, кот<орый> был со мною, я могла Тебе написать.

В окно виден пейзаж: замерзшие лужи и земля с прошлогодней травой. А Ты говоришь, у вас весна. Нас весна подождет в России.

Я сказала, что я так счастлива, что жертвую всем, сказала себе и была уверена, что это так, а сама не могу дня быть без Тебя.

Ты мой мальчик милый.

Я все смотрю на Твои портреты, и знаешь, какой лучше всего Тебя передает для меня: там, где большая голова оперлась на руки. Нельзя ли бледнее напечатать? Пошли мне.

А те портреты готовы? Скорее посылай их.

Написал ли Ты папе?[3] Написал ли Суворину? М<ожет> б<ыть>, так: Тебе приехать и разговаривать с ним и с нами, т.е. с моими родителями. Если выйдет, что Тебе надо возвращаться, то увози меня с собой, если можно оставаться, то мама ликвидирует все. Укладывать книги ведь можно нанять человека. Как Ты об этом думаешь; п<отому> ч<то> ведь приехать-то Тебе же нужно? Без Тебя, не увидав Тебя, они ничего не решат.

Отчего мы не поехали вместе?

Я сейчас говорю об этой комбинации Нюше, что, во всяком случае, нужно, чтобы Ты скорее приехал, п<отому> ч<то> Ты не второстепенную роль играешь в этой истории и без Тебя ничего не решится, а она смеется и говорит, что всё и все обряды могут произойти без Тебя.

Милый друг, мы никогда определенно не могли говорить, но ведь нельзя же думать, что Ты можешь вовсе не приезжать и что все мои согласятся ехать на свадьбу в Париж, не видав Тебя. Я и просить об этом не стану. Катя яростно утверждает то одно, то другое, а мы слепо верим.

Мое мнение вот. Приезжай на время, если устроишься с Суворинym, в России оставайся и выписывай маму; если не устроишься, уезжай и тогда свадьбу справим в Париже, куда, вероятно, тогда согласятся приехать наши. Что скажешь?

Что скажешь на это?
Они должны скорее Тебя видеть.
Прощай, милуша, прощай, кудряша.
Прощай, мой ангеленок.
Целую Тебя.

Ведь вещами Ты можешь условно распорядиться, Тебе поможет мама, Катя и Чуйко. Не будь благоразумен.

Мы ехали с молодой еврейкой беременной. Она едет одна, сама достает вещи, волнуется на таможне. Женщина в таком положении не должна иметь этих гнусных впечатлений. Какое поколение народится под влиянием террора.

[1] Имеется в виду Г.В. Штёрринг.

[2] См. примеч. 8 к п. 242.

[3] Письмо Волошина к В.М. Сабашникову (о желании вступить в брак с его дочерью) было написано и отправлено сразу же после отъезда Сабашниковой в Россию (не сохранилось). См. об этом примеч. 3 к п. 245, а также в п. 247 и 251. Ответное письмо В.М. Сабашникова см. в примеч. 4 к п. 261.

244. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 февраля / 7 марта 1906 г. Минск[1]

Минск. Среда. 10 ч<асов> вечера.

Спокойной ночи. С предыдущей станции послала Тебе длинное письмо, но не верю что-то ни русским кондукторам (я не сама его опускала), ни русской почте. Читать нельзя, свет в купе тусклый, я всё смотрю на фотографии, Нюша посмеивается. Как я рада, что они у меня. А Ты чем утешаешься? Скорее пиши о комбинации, кот<орую> я придумала. Иначе нельзя и врозь нельзя быть. Завтра Москва. Читаю L<umière> s<ur le> S<en>t<ier>?>*[2]

Спокойной ночи, милый.

---

* Свет на Пути *(фр)*

[1] Открытка (ср. в п. 245: «Вчера я отправила Тебе <...> открытку из Минска»). Местонахождение оригинала не установлено. Публикуется по копии, сделанной В.П. Купченко.

[2] О книге М. Коллинз «Свет на Пути» см. подробно в примеч. 15 к п. 131.

245. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 февраля / 8 марта 1906 г. Москва[1]

Милый мой, я, было, легла спать. 1 ч<ас> ночи, но я не могу заснуть, не написав Тебе. Зажигаю свечу, и Нюша говорит: «Ах, ты испугалась, что я первая напишу Максу». (Она сказала, что будет писать Тебе, п<отому> ч<то> у меня сильная головная боль.)

Париж и Москва так ужасно несовместимы, что опять мне все кажется «В долине Дагестана.....»[2]

Я начну с конца день, как советовал Шт<ейнер>. Мы вдвоем с Нюшей в очень высокой большой комнате с массой вещей. Мы не можем спать. Я ей говорю: «Расскажи скорее, что говорили Вы, когда я была в ванне.... п<отому> ч<то> со мной говорит о Максе папа... мама не хочет говорить». С Нюшей говорили и мама, и папа, и Ляйза. Вчера мама получила Твое письмо.[3] Оно лучше первого.[3] Мама говорила, что мое письмо ее нисколько не удивило, что она все видела в прошлом году и в Цюрихе (т.е. мое отношение), а что М<адам> Гольштейн говорила ей, что Ты мной страшно увлечен. Что папе она не сразу сказала, и когда сказала, то он стал припоминать и *извинять* молодостью все, что ему в Тебе не нравилось. Когда они сидели с Нюшей все вместе, они спрашивали про Тебя, про твою маму, про Твою работу, про Нюшино отношение к Тебе теперь и почему она Тебя не любила раньше. Она сказала, что теперь Ты ей страшно нравишься, а раньше она просто не знала Тебя и Ты для нее был совсем другой человек.

Нет, метод с конца мне не нравится. Начну с начала...

Вчера я отправила Тебе письмо из Бреста и перед сном открытку из Минска.[4] Ночью я видела странный сон: Ты был

моим отцом, и я говорила: вот почему я *так* Тебя люблю и не могу любить иначе. Какое счастье, что меня что-то спасало от другого чувства. Весь день ехала, думая о Тебе и не читая. Говорила с девицей из Цюриха. Читала ей Бальмонта и Иванова, рассказывала про Бенуа и Сомова (я неисправима). Глядя в окно, была равнодушна к полям и лесам... Москва. На платформе Ляйза и папа. Мама не приехала. Развезло дороги, и ей нездоровится. Папа розовый, очень поседевший, смеющийся. Ляйза находит, что у меня взрослое лицо. Идем через вокзал:

– Папа, благодарю за письмо, я была так счастлива.

– Милая, милая моя (совсем, как Ты).

Едем в четвероместных санях. Скребем по лужам. Бедная, убогая, грязная Москва. На улице перед Зоологическим садом около части 3 дома разрушены дотла; на других побиты стекла, и пробоины видны. Выходили у дома из саней. Поля бросается и вынимает вещи.

Является Маша, Акуля[5] и мама с Николенькой[6]. Мама смотрит и говорит только с Николенькой. Пока я иду умываться, из-за чайного стола Ляйза говорит, как бы извиняясь: «Мама теперь будет все время выдвигать Николеньку, п<отому> ч<то> она волнуется». И действительно за чаем только Николенька. Он бледный, некрасивый мальчик с очень плоским затылком и длинными волосами, что-то бормочет, чего разобрать нельзя, и ходит плохо. Я несколько раз упоминаю Твое имя... молчание. Анна Руд<ольфовна> входит. Точно в жару щеки горят, руки, как пламя, – Принцесса! У меня сдавливает от слез горло. Как я рада ей. С первых же слов: «Когда Макс приезжает». Я начинаю развивать соображения. Мама не слушает, папа интересуется.

– Привезли от него письмо мне?

– Нет, А<нна> Р<удольфовна>, он не успел.

– Ах, негодяй! –

Я привезла портреты и приношу их.

Папа с большим интересом смотрит; мама нехотя. Потом опять Николенька.....

Потом мама долго разговаривает с А<нной> Р<удольфовной> о каких-то историях. Я, не унывая, приношу Твои

детские карточки А<нне> Р<удольфовне>. Все смотрят. Потом опять ненужные разговоры о М<ada>m<e> Жан,[7] России и др<угие>. Анна Руд<ольфовна> берет мою руку. Она мне так бесконечно дорога. Я <с> трудом удерживаюсь от слез, опускаю глаза и чувствую с ужасом, как прыгают мои губы. Был ли Ты с нами тогда? Я чувствовала Тебя. Это было около 6-ти по Москв<е>. А<нна> Руд<ольфовна> уходит. Я увижу ее завтра к вечеру. Я страстно хочу ее видеть. Потом я надеваю Твой халат и лежу на диване с страшной гол<овной> болью. Рассказываю маме и папе про Девочку, про Тебя всякий вздор. Мама слушает молча с безучастным лицом. Она даже как-то не ласкает сама, а дает с какой-то смиренной покорностью себя целовать.

Ах, видишь, я главное пропустила. Пока А<нна> Р<удольфовна> говорила со мамой, мы с папой вышли из столовой в гостиную, и он, обняв меня, спросил: — Ну, значит, решила свою судьбу? — Да. — Уверена? — Уверена. Да и Ты будешь уверен, когда узнаешь. Ты видел его в невыгодный момент. — Да, я думал, совсем недоросль, маменькин сынок, он был, что ли, молод очень. Я смеюсь. — Он заботится о Тебе очень? — Да, очень. Он страшно был тронут, что Ты послал ему привет и хотел со мной послать Тебе письмо, но не успел[8].

За обедом говорили о политике. Т.е. мама рассказывала о том, что она мечтала сделать клуб. Потом о читальнях. Я рассказываю об Анфитеатрове <*sic!*> и его лекции.[9]

Иду в ванну. Нюша остается с ними. Меня моет Маша. После вопросов о ее самой переходим на политику, на взгляды ее родственников. Слабо. Хотя все люди хорошие и сравнительно культурные. После ванны приезжает тетя Саша. Хочет хлопотать за каких-то сосланных через маму у Вл<адимира> Ф<едоровича>,[10] мама отказывает. Крупный разговор. Они уходят в гостиную.

Я рассказываю папе и Ляйзе о Тебе, о Девочке. Потом тете Саше об Амфитеатрове, Бенуа и т.д. Под конец пою «Monsieur le curé»*.[11] На прощание тетя Саша декламирует «и в Ардынцы <*sic!*>,[12] и в Москву гонит символов толпу».[13]

* «Господин кюре» *(фр.)*.

Потом томительное перебиранье чужих историй. Потом мама спрашивает про Алешу и решает его выписать телеграммой. Спрашивает про Шт<ейнера>.

Ах да, Макс, опять самое главное забыла. А<нна> Р<удольфовна> говори<т>, М.Я. Сиверс писала ей, что Шт<ейнер> так переутомлен, что она умоляет его уехать в Париж на месяц раньше конгресса, т.е. на май, и он соглашается только с тем условием, чтобы ему было кому читать из русских. Он будет читать курс.[14] Из этого следует, что мы в мае должны быть в Париже и что Ты должен во что бы то ни стало заняться немецким языком. Слышишь? Есть ли у Тебя характер?

Ну, теперь пора спать. Мое изложение сухо, п<отому> ч<то> я боюсь плакать.

Я страшно хочу видеть А<нну> Р<удольфовну> и говорить о Тебе. Я Тебя так люблю, что мне страшно: откуда мне сие?[15]

Целую Твои глаза и плечи. Береги их.

[1] Датируется по упоминанию о письме из Бреста и открытке из Минска (см. п. 243 и 244).

[2] Словами из стихотворения Лермонтова «Сон» (1841) Сабашникова пытается, видимо, передать свою тоску по Парижу, который видится ей из Москвы как далекий прекрасный сон. У Лермонтова: «В полдневный жар в долине Дагестана...». См. также примеч. 3 к п. 4.

[3] Эти письма Волошина к М.А. Сабашниковой не сохранились. Однако из сохранившихся писем Минцловой к Волошину и Сабашниковой за январь-февраль 1906 г. явствует, что в эти месяцы Волошин отправил М.А. Сабашниковой, по крайней мере, два письма. Первое из них было написано в январе или начале февраля 1906 г. (после того, как Сабашникова письменно известила свою мать о решении вступить в брак с Волошиным). М.А. Сабашникова ознакомила мужа с письмом Волошина, и таким образом В.М. Сабашников узнал о намерении дочери.

Переписка между Москвой и Парижем в декабре 1905 г. и январе-феврале 1906 г. проходила на фоне встреч и бесед А.Р. Минцловой с родителями Сабашниковой. Приехав в Москву, Минцлова энергично пыталась «подготовить» Маргариту Алексеевну (а затем и Василия Михайловича) к предстоящему объяснению с дочерью и, в

первую очередь, переломить их предубежденное отношение к Волошину.

Утром 27 января / 9 февраля Минцлова навестила М.А. Сабашникову и имела с ней долгий разговор, о котором в тот же день рассказала Сабашниковой. «Если бы Вы знали, *как* она слушала меня, с какой жадностью! – писала Минцлова. – И она мне дала тоже сказать все. Потом спросила о его матери – я ей сказала, какая она, как мне нравится. <...> Мы с ней три часа говорили. Для меня несомненно одно – когда она поверит Вашему чувству, она согласится и может полюбить Макса. <...> Ей было, видимо, приятно все-таки, что Вы написали *ей одной*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 87, л. 83–83 об.).

Разговоры Минцловой, несомненно, оказали влияние на М.А. Сабашникову. «Я Вам писала, т.е. Максу, о том разговоре, что я имела с ней <М.А. Сабашниковой> 3 февраля у Поляковых, – писала Минцлова Сабашниковой 7/20 февраля 1906 г. – Ведь она прямо и просто сказала, что она сейчас за глаза не решается судить о происходящем, что она готова теперь с иной стороны взглянуть на Макса... "Я терпеть не могла Ляйзиного мужа – оказалось, *я была неправа*". И она решила сказать все Вас<илию> Мих<айловичу>, она просила моего содействия, чтобы я "сказала ему то, что я ей сказала о Максе"... Я не видела ее с 3 февр<аля>, я не хочу и чересчур настойчиво добиваться разговоров с ней, тем более, что она мне сказала, что даст мне знать, как только я понадоблюсь ей... Она хочет, чтобы Вы встретили здесь уже готовую почву» (Там же. Л. 85 об. – 86; Ляйзин муж – Б.Н. Гофман).

10/23 февраля Минцлова вновь посетила Сабашниковых и имела беседу с родителями Маргариты. В письме, написанном в тот же день и обращенном к Волошину и Сабашниковой совместно, она сообщала: «Вас<илий> Мих<айлович> сказал мне прямо и просто (и спокойно): "Я узнал вчера все. И был поражен, конечно. Но *я верю Маргоре*. Пусть сама решает свою судьбу. *Ей лучше знать*". Потом он сказал, что он читал письмо Макса, и *оно произвело на него сильное впечатление*. Что он не любил его очень, да! И что очень хорошо было бы, если бы он (Макс) приехал и если бы можно было действительно рассмотреть его, увидеть поближе. <...> Да, Вас<илий> Мих<айлович> послал (после письма Макса) Вам телеграмму с запросом, *когда* Вы приедете. Но это не есть ускорение приезда, это *просто и только* вопрос. И не надо обижаться на Марг<ариту> Ал<ексеевну> за ее сухие письма – когда она взволнована, она не умеет писать. Пусть Макс напишет еще (если может) Вас<илию> Мих<айловичу>. Это – человек, перед которым до земли можно преклониться и *надо* преклониться – – –» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3,

ед. хр. 844, л. 17–17 об., 19–19 об.). Усилия Минцловой, как видно, были не напрасны: к приезду Сабашниковой ее родители уже смирились с мыслью о неизбежности предстоящего брака.

Смягчившись в своем отношении к Волошину, В.М. Сабашников через несколько дней написал дочери (письмо от 14/27 февраля 1906 г.): «Дорогая моя девочка. Счастлива ты – счастлив и я. Мое же благословение всюду с тобой. Я уверен, что ты не способна на сознательно дурной шаг. А ошибки! Но кто же не ошибается! Да, хотя ты и счастлива, но все же тяжело свыкаться с мыслию, сознавать почти совершившийся факт – что ты не вся наша; а главное – то, что ты принадлежишь твоему Максу, для нас почти неизвестному. Но, с другой стороны, я утешаю себя тем, что ты не обижена даром от бога – распознавать людей. Я верю, что он, хороший человек, – действительно любит тебя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 99, л. 6–6 об.). Узнав об этом письме, Волошин, со своей стороны, решился – но уже после отъезда Сабашниковой из Парижа – написать отцу Маргариты (о письме Волошина к В.М. Сабашникову см. примеч. 3 к п. 243, примеч. 9 к п. 247, п. 251 и примеч. 4 к п. 261).

Второе письмо к М.А. Сабашниковой Волошин написал также по совету Минцловой. «Я считаю, что Вам надо написать ей, – убеждала его Минцлова в письме от 9/22 февраля 1906 г. – Она не ответит, но не из раздражения или гнева – а потому, что она не будет знать, как ответить, что сказать сейчас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 844, л. 14 об. – 15 об.).

[4] См. п. 243 и 244.

[5] Служанка в семье Сабашниковых.

[6] Н.Б. Гофман.

[7] Мадам Жан (Жеан) – хозяйка парижского пансиона на бульваре Монпарнас (ср.: примеч. 10 к п. 77).

[8] См. примеч. 3 к наст. письму.

[9] О какой именно парижской лекции А.В. Амфитеатрова идет речь, неясно.

[10] В.Ф. Джунковский.

[11] Существует ряд народных французских песен, как правило, сатирического содержания, в которых главным персонажем выступает «господин кюре».

[12] Очевидно, имеются в виду Ордынцы – деревня в Подмосковье близ платформы Щербинка по Московско-Курской железной дороге (ныне – Подольский район Московской области), где летом 1904 г. отдыхали Н.А. и А.А. Андреевы и куда к ним приезжала Сабашникова (см. примеч. 1 к п. 21).

[13] Иронический намек на Волошина, посылавшего свои стихи Сабашниковой в 1904–1905 гг. и в деревню, где она отдыхала, и в Москву.

[14] Весной 1906 г. Штейнер принимал участие в Третьем ежегодном конгрессе Федерации европейских секций Теософского общества, проходившем в Париже с 3 по 5 июня (н.ст.) 1906 г. В то же время (с 25 мая по 14 июня) Штейнер читал лекционный курс, первоначально предназначенный только для русских, но привлекший к себе и других слушателей. Подробное описание этих лекций, которые посетили, в частности, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский и др., см. в кн. «Зеленая Змея» (С. 138–140).

В начале 1906 г., обсуждая в своих письмах к Минцловой различные детали предстоящей поездки Штейнера в Париж, М. фон Сиверс упоминала, в частности, о том, что он непременно желает видеть среди своих слушателей Волошина. «...Frl. Sivers писала мне о том, что она надеется устроить так, чтобы Шт<ейнер> приехал к 1 мая в Париж, – сообщала Минцлова Волошину 26 февраля / 11 марта 1906 г. – <...> Но тогда он непременно хочет прочитать курс лекций в Париже *специально* для русских. И первый, про кого спрашивает Frl. Sivers (со слов Шт<ейнера>), – это *Вы*. "Будет ли Волошин в Париже?" Это было бы чудесно, и М<аргарита> В<асильевна> очень взволновалась от этого известия. Я буду завтра писать Frl. Sivers» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 35 об.).

[15] Восклицание праведной Елисаветы при встрече с Марией (Лк. I, 43). Ср. в стихотворении Волошина «Воскресенье» из цикла «Руанский собор» (1907): «Жемчуг дня... Откуда мне сие?» (Т. 1 наст. изд. С. 85).

246. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 февраля / 9 марта 1906 г. Москва

Ночь.

Милый мой, милый. Сейчас мы с мамой были вечером у А<нны> Р<удольфовны> и Т<атьяны> А<лексеевны>. С А<нной> Р<удольфовной> мы немного говорили о Тебе. Вот главное, что А<нна> Р<удольфовна> говор<ит>: Макс должен *непременно* скорее приехать сюда, после Пасхи вен-

чаться, и Вы с ним поедете в Париж. Шт<ейнер> спрашивает, будет ли Волошин там; тогда он бы приехал на месяц раньше, чтобы русским прочесть курс о *грядущей революции*.[1] А<нна> Р<удольфовна> уверенно говорила: Максу сейчас нужно приехать только на время. Он позднее должен вернуться в Россию. В судорогах помочь больному нельзя, а сейчас Россия в судорогах. Слушай, Макс, я уверена, мне ясно: ты должен приехать, мы обвенчаемся и уедем опять в Париж. Милый мой, я вижу, что писать здесь ты не сможешь. Штейнер главное. Это Твой путь.

Но я расскажу опять весь день. Утром, пока до завтрака я лежу в постели (папа в амбаре), вокруг сидят Ляйза, мама и Вера Мих<айловна>.[2] Мама рассказывает об историях с библиотекаршами, о клубах и беседах с рабочими. После завтрака она зовет меня и спрашивает, когда же Ты думаешь приехать. (Все утро и тогда она очень холодна и, когда я говорю о Тебе, не слушает.) Этот разговор после завтрака я не буду передавать, я старалась не слышать слов; слова были только о деньгах и о моем оскорбительном отношении к ним, что я одна все решила; приводила истории, ничего общего не имеющие, главным образом, о том, как Сергей Поляков уложил свою мать,[3] п<отому> ч<то> у него родился сын 4 месяца спустя после венчания[4] и т.д. Я не возражала. Но главный вопрос о деньгах. Очень сухо, холодно и все-таки дрожащим голосом она спрашивала, на что мы рассчитываем. Я отвечала все то же. Что же он может писать? Да, обеспечение теперь только в самом человеке, если бы он имел знания юридические или технические, но что же он знает. О чем он может писать?

Боже мой, Макс, о чем Ты можешь писать? Мне так смешно. Обо всем живом... но я ограничилась тем, что перечислила твои излюбленные темы. Говорили о венчании. Она против Парижа. Она спрашивала смиренным голосом, когда же это все произойдет. На этот тон трудно отвечать, но я сказала, что нам главное не разлучаться, что мы хотели бы повенчаться, как только можно будет, но ничего резкого делать не хотим, и пока они с Тобой не увидятся, говорить не будем. Говорили о расходах на свадьбу..... Это глупости, Макс, я даже писать не хочу об этом. Мне было страшно тяжело и жаль нас

обоих, что мы *так* говорим о таком вопросе; и я спросила ее: разве это тревожит тебя больше всего? Нет, сказала она, меня ничего не тревожит, тогда будет время тревожиться, когда Вы завязнете в долгах и ляжете обузой и т.д. Не о чувствах же нам говорить.

Мама мне говорила еще, что и как сказала папе, что ему говорила А<нна> Р<удольфовна>. И, между прочим, что она сказала, что Ты можешь восстановить какой-то титул. (Вот смешно от А<нны> Р<удольфовны>.) Спрашивала про твоего отца, кто он был: я почему-то сказала, что был предводителем дворянства, и потом не знала, правда это или я выдумала. Напиши мне, кем он был. За кем была Твоя бабушка?[5] Боже мой, как это скучно. Ведь Ты мне все рассказал, а я все забыла. Спросила меня, что я скажу бабушке; «не говори определенно, скажи, что, мол, приедет молодой человек познакомиться с моими родителями, что он мне, мол, нравится».

Я поехала к бабушке.[6] Она мне ужасно обрадовалась. Мы сидели вместе с т<етей> Сашей за чаем, потом я пошла с т<етей> Сашей вниз, и мы говорили о Тебе. Под конец она мне подарила эту почтовую бумагу, марок и перо и велела ее в письмах побольше хвалить. «Я думаю намекнуть бабушке, – сказала я. – Я уже подготовила почву, сказала, что, мол, хороший женишок наклевывается».

Потом я пошла к бабушке, она в угловой портретной комнате убиралась в шкапу и охала. Потом мы сели в сумерках, она говорила про своих сыновей, про Нюшу, что у нее плохой и грустный вид, спрашивала, почему она такая, почему не выходит замуж, неужели ей никто не нравится. Я не без скачка перешла на то, «что есть такой молодой человек» и т.д.

У нас народ. Я не могу кончать письма. Пришла М<адам> Юнге.

Милый мой, со вчерашнего дня мама страшно мила. Весело, ласково, просто говорит о Тебе. Будь спокоен, милый.

Я отсылаю это письмо, чтобы Ты каждый день имел. Сейчас пришло Твое первое письмо.[7] Допишу вечером. Милый, любимый мой. Пиши же мне.

[1] См. примеч. 14 к п. 245. Через несколько дней в письме к А.М. Петровой от 1/14 марта Волошин повторит эти слова из письма Сабашниковой: «В мае Штейн<ер> должен приехать в Париж читать курс о "Грядущей Революции" – он хочет читать главным образом для русских» (Т. 9 наст. изд. С. 232).

[2] В.М. Викентьева.

[3] А.И. Полякова.

[4] Александр Поляков, сын С.А. Полякова, родился в 1905 г. от брака С.А. Полякова с француженкой Софи Люссек-Вель-Дюзек (в России ее звали Софья Ромуальдовна). Об их судьбе известно следующее: «В середине 20-х годов <С.А. Поляков> был арестован. Жена его однажды поехала на поезде за хлебом и не вернулась, и больше ее уже никто не видел. После освобождения Сергей уехал к детям в Петербург. Сын его к тому времени поступил в Ленинградский университет, затем женился, и Сергей поехал к нему жить. В начале 40-х годов сына Александра с женой арестовали, хотя они были активными комсомольцами. Жена Александра не пережила заключения в тюрьме и вскоре умерла, а его выслали далеко на север. Через год Александр скончался, и отец поехал его хоронить» (*Семенов М.Н.* Вакх и Сирены / Сост., подгот. текста и перевод, коммент. В.И. Кейдана; вступ. статьи В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 576; комментатор приводит сведения, сообщенные внучкой М.Н. Семенова и А.А. Поляковой).

[5] Т.е. Н.Г. Глайзер. См. также п. 257.

[6] Н.А. Андреева.

[7] По-видимому, утраченное письмо Волошина, отправленное в Москву сразу же после отъезда Сабашниковой из Парижа.

247. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

25 февраля / 10 марта 1906 г. Париж

Суббота. Утро.

Вчера вечером я вернулся такой усталый и измученный, что ни слова не мог написать тебе, моя девочка. Ужасная суета во мне и кругом меня. Надо же было, чтобы как раз в этот день соединилось столько людей и столько суматохи.

Утром приехал за мной Рябушинский и повез меня на автомобиле в Версаль к Бенуа.[1]

Там мы говорили об выставке «Золотого Руна», которую он собирается устраивать весною в Париже: большую русскую выставку с лучшими вещами Врубеля, Малявина, Сомова, Бакста, Бенуа и т.д.[2] Он несколько раз справлялся о тебе. Потом мы ездили с ним смотреть помещение для нее – великолепную квартиру на Place Vendôme*[3] с громадными светлыми залами.

Затем я должен был быть у одной феодосийской знакомой – подруги моей юности,[4] затем надо было обедать на Монмартре с моим дядей,[5] который, узнав от мамы о «событии»,[6] хотел непременно это ознаменовать обедом...

Словом, я не могу быть без тебя... Меня разрывают. Я вчера весь день с отчаянием думал, что у меня нет ни минутки, чтобы остаться одному с тобой.

Сейчас утром приходил Coles. Фотографии напечатаны только твои в шляпке и мои во весь рост. Для других он меня снимет еще раз в понедельник.

Я вышлю тебе сейчас же, как получу еще твои.

Только что пришли твои письма из Варшавы, из Бреста[7] – одно за другим. Милая моя, ты уже теперь начинаешь звать меня приезжать сию же минуту. Что же будет в Москве. Я ни одной минуты, в сущности, и не думал, что я смогу оставаться спокойно в Париже и ждать тебя.

Но мне страшно важно, что ты напишешь из Москвы.

Я не могу быть в Париже без тебя. Сколько бы я ни был здесь – у меня сейчас же начинают расти и расти дела и хлопоты и ни минуты не остается на себя. Я не могу совершенно вести такой образ жизни. Когда-то у меня была в этом страшная выносливость, а теперь это стало невыносимым.

Вот сегодня: у меня только несколько часов свободных: в 5 придут ко мне мои феодосийские знакомые и будут обедать у меня, а после вечером я читаю на литературном вечере.

Я в самом начале программы и постараюсь удрать сейчас же.

Но не надо об этом, а то получаются те наши ужасные разговоры перед твоим отъездом, когда вещи, покупки – все это лезло, лезло со всех сторон.

---

* Вандомская площадь *(фр.)*.

Мне хочется взять тебя на руки, прижаться к тебе и пом<ол>чать. Больше всего я люблю молчать с тобой. Милая моя, родная моя девочка, как я боюсь за тебя, как мне страшен каждый шаг, который ты делаешь в России, как мне хочется быть с тобой, над тобой...

Ты понимаешь, почему я так боялся, чтобы ты взяла те книжки.[8] Представляешь себе, как было бы ужасно, если б вся эта грубость на тебя опрокинулась. Я не боюсь этого сам. Но за тебя, за каждое прикосновение русской жизни к тебе, я страшно боюсь.

Письмо из Москвы может быть только в понедельник. Никак не раньше, и только с понедельника твои письма станут приходить правильно. До четверга я следил за тобой. Теперь я не знаю и не представляю, что ты делаешь, что ты думаешь. Я не знаю ни твоего дома, ни твоей обстановки, ни твоей комнаты.

Что ты сейчас делаешь утром, как проходит твой день? Я не представляю ни разговоров, которые ведутся, ни лиц, ни отношений, которые установились.

Милая, милая моя девочка... Как тебя встретили? Ты уже третий день в Москве... Все должно было определиться, все уже теперь переговорено... Как же я ничего не знаю.

Мое письмо Вас<илию> Мих<айловичу> уже получено.[9] Письмо к Мар<гарите> Ал<ексеевне> должно было прийти еще раньше твоего приезда.[10] Я не знаю, какое впечатление произвели они – эти письма...

Боже мой! как я люблю тебя... Как мне хочется быть с тобой... Милая, милая, милая моя.

Ты уже много говорила с Ан<ной> Руд<ольфовной>. О чем? Как? Где? Я думаю, что не будь этой ужасной суеты в моей жизни, я бы мог знать то, что делается с тобой... До свидания... Целую тебя и Нюшу.

[1] Встречи с Рябушинским, навещавшим А.Н. Бенуа в Бретани (летом 1906 г.) и Версале (осенью 1906 г.), нашли отражение в воспоминаниях художника (см.: *Бенуа А.* Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги четвертая и пятая. Издание подготовили Н.И. Алек-

сандрова, А.Л. Гришунин, А.Н. Савинов, Л.В. Андреева, Г.Г. Поспелов, Г.Ю. Стернин. М.: Наука, 1980. С. 439–440, 446–447) и его дневнике. Ср. дневниковую запись от 24 февраля / 9 марта 1906 г.: «...от Макса письмо. Собирается с Бальмонтами. <...> Подробности о визите Рябушинского в большом дневнике. Здесь же скажу, что с внешней стороны все сошло отлично». Запись от 25 февраля / 10 марта 1906 г.: «Днем Щербатов. В ужасе от "Руна" и от моих рассказов (проклятая экспансивность) о Рябуш<инском>» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1906 года. С. 89; письмо Волошина, о котором упоминает Бенуа, не сохранилось; визит Бальмонтов к Бенуа 24 февраля / 9 марта, видимо, не состоялся; «большой дневник» Бенуа за данный период не известен).

[2] Парижская выставка «Золотого Руна», задуманная Н.П. Рябушинским, не состоялась.

[3] Вандомская площадь – одна из пяти главных площадей старого Парижа, в центре которой в 1806–1810 гг. была установлена – как символ побед наполеоновской армии – Вандомская колонна, увенчанная статуей Наполеона (подвергшись разрушению в период Парижской коммуны, колонна и статуя были впоследствии восстановлены). Образ Вандомской колонны появляется в неоконченном стихотворении Волошина «Революция» (1922; см.: Т. 2 наст. изд. С. 429).

[4] Л.А. Соломос.

[5] Н.О. Глазер.

[6] Имеется в виду предстоящая свадьба Волошина и Сабашниковой.

[7] Т.е. п. 242 и 243.

[8] Вероятно, подразумеваются запрещенные в России книжки и брошюры революционного содержания.

[9] См. примеч. 3 к п. 243, п. 247 и 251 и примеч. 4 к п. 261.

[10] Речь идет о втором письме Волошина к М.А. Сабашниковой (см. примеч. 3 к п. 245).

248. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Конец февраля – начало марта <до 6/19> 1906 г. Москва[1]

Дядя Вася, мамин старший брат,[2] просил меня привезти эту книгу. Он переводит псалмы, и ему нужны книги Беллармина[3] <...> Прости, что затрудняю этим Тебя. Я знаю, как и

без того все злоупотребляют Твоим временем. Книги Твои Нина Вас<ильевна> получила,[4] спроси у Кати деньги. Что она получила их, мне говорила А<нна> Р<удольфовна> <...>

[1] Местонахождение письма не установлено. Публикуется по выписке, сделанной В.П. Купченко. Датируется приблизительно (по связи с п. 267).

[2] О В.А. Андрееве, старшем брате в семье Андреевых, Сабашникова вспоминает, что «он жил постоянно в своем имении <...> Он был по-церковному религиозен и интересовался переводами псалмов, но без какой-то бы ни было руководящей идеи. Он был столь же умственно ограничен, как и его братья, но не обладал их юмором и добродушием...» (Зеленая Змея. С. 54). Несколько дополнительных сведений о нем сообщает (в комментарии) М.Н. Жемчужникова: «...Окончил историко-филологический факультет Московского университета; однокурсник Вл. Соловьева... <...> писал богословские статьи, которые печатались» (Там же. С. 323). Дожил до глубокой старости.

О неудачном браке В.А. Андреева с А.П. Боткиной см.: *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. Под общей ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. С. 138–140.

[3] В частности, – книга Р. Беллармина «Толкование псалмов» («Explanation in psalmos», 1611), неоднократно переиздававшаяся. Волошин упоминает о ней (и о приобретенной им для В.А. Андреева книге Беллармина «Opera omnia») в п. 267.

[4] Речь идет о книгах, посланных Волошиным из Парижа в Берлин в ноябре-декабре 1905 г. (см. п. 234 и 238).

249. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

26 февраля / 11 марта 1906 г. Париж

Воскресенье. Утро.

Моя милая, милая девочка!

Вчера вечером я не успел написать тебе, потому что после того, как мы вернулись с концерта,[1] зашла к нам Девочка и сидела до 2-х часов. Вчера я целый день был дома и писал разные вещи. Перед вечером меня охватило томление невыносимое: я уверен, что с Анной Рудольфовной что-то было плохо в это время, и очень плохо. В Москве это был уже поздний

вечер. Мне не хотелось совсем ехать, и я решил сейчас же после своего номера, а он был второй, уйти. Нас с мамой проводили в отдельную комнату, где уже ждала Девочка. Девочка сейчас же мне сообщила:

«Вы знаете... Это возмутительно... Меня спрашивают уже, правда ли, что я Ваша невеста...»

Потом рассказала, что как только она пришла, распорядители вечера отвели ее в эту комнату и сказали: «Волошин сейчас сюда придет» и оставили.

Через несколько времени вбежал распорядитель и предложил нам шампанского. Это был уже comble*. Затем распорядители вечера всё об ней заботились, очищали ей место в первом ряду рядом со мной и т.д. Девочка только слабо протестовала, но принимала с таким видом, точно она это делает не для себя, а для тебя — как отчасти твоя заместительница.

Что теперь с тобой, моя девочка?.. Завтра должно прийти твое первое письмо из Москвы. Неужели оно не придет еще?

Я эти дни искал все у Достоевского разных параллелей к тому пророчеству, что в «Преступ<лении> и наказании».[2]

Перечти в «Подростке» эту грезу Версилова. Там есть такие потрясающие слова о том, что было, когда люди перестали верить в Бога:

«Люди остались *одни*, как желали: великая прежняя идея оставила их. Великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величаво зовущее солнце в картине Клода Лоррэна, но это был как бы уже последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни и вдруг почувствовали свое великое сиротство.

Осиротевшие люди стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее...»[3]

Прочти это все непременно. Это так хорошо (стр. 466 по старому не Марксовскому издан<ию>).[4]

Мне ужасно хочется достать ту картину Клода Лоррена, о которой говорит Версилов. Это «Атис и Галатея» в Дрезденской галерее.[5] Помнишь ты ее?

---

* Предел *(фр.)*.

Сегодня опять заедет за мной Рябушинский на своем чудовищном автомобиле,[6] чтобы ехать в Версаль за Бенуа,[7] а потом решать относительно выставки. Я жду его уже с минуты на минуту и потому спешу закончить письмо.

Если успею, припишу еще. До свидания.

Нет... он, верно, запоздает...

Милая моя, милая моя девочка... Мне так хочется быть с тобой одному, хотя бы вдали.

Конечно, я приеду как можно скорее. Но мне хотелось бы еще дождать<ся>, по крайней мере, хотя бы открытия Салона Indépendent,*[8] чтобы хотя бы одну статью о Салонах написать.[9] Все-таки мой дух был бы чище перед «Русью».

Это будет дней через десять. А потом мне надо, мне надо твое письмо из Москвы, чтобы что-нибудь решить. Боже мой, как долго идут письма! Сегодня воскресенье. Ты уже четыре дня в Москве, и я ничего не знаю...

[1] Речь идет о литературном вечере, на котором выступал и Волошин (см.: Труды и дни-1. С. 154).

[2] Имеется в виду сон Раскольникова в «Эпилоге» романа: о «какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. <...> Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слыхал их слова и голоса» (*Достоевский Ф.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука. 1973. С. 419–420).

[3] Волошин не вполне точно цитирует слова Версилова. См.: Там же. Т. 13. М.: Наука. 1975. С. 378 (ч. III, гл. 7, главка III). Другой отрывок из этого широко известного монолога Версилова Волошин приводит в статье «Осколки святых чудес» (1908). О восторженном (с детства) отношении Волошина к Достоевскому см.: *Купченко В.П.* Ф. Достоевский и М. Волошин // Достоевский. Материалы и исследования. <Вып.> 8. Л.: Наука, 1975. С. 203–217.

[4] Волошин цитирует по изданию, осуществленному А.Г. Достоевской в 1888–1893 гг.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В XIV т.

* Независимый *(фр.)*.

3-е изд. Т. 8. СПб., 1888. С. 466 (то же: 4-е изд. СПб., 1892). Полное 12-томное собрание сочинение Достоевского (с критико-библиографическим очерком В.В. Розанова) печаталось в петербургском издательстве А.Ф. Маркса в 1894–1895 гг.

[5] Картина Клода Лоррена «Асис и Галатея» (холст, масло) была завершена в 1657 г.; находится в Дрезденской галерее. Достоевский использовал эту картину как образ утраченного «Золотого века» в романах «Бесы» (см.: *Достоевский Ф.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 11. Л.: Наука. 1974. С. 21–22; глава «У Тихона») и «Подросток» (Там же. Т. 13. Л.: 1975. С. 373; Часть третья, глава седьмая). Волошин упоминает об «Асисе и Галатее» в своей статье «К.Ф. Богаевский» (1907). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 185.

[6] Вспоминая о приезде Н.П. Рябушинского к нему в Примель (Бретань) летом 1906 г., Бенуа пишет, что «пожаловал этот гость <...> на великолепной, грандиозной открытой машине <...> ...Он усадил наших и кого-то из примельской детворы в свою машину <...> и повелел шоферу в течение получаса покатать их по окрестностям» (*Бенуа А.* Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги четвертая, пятая. С. 439–440).

[7] Ср. запись в дневнике А.Н. Бенуа от 26 февраля / 11 марта: «День провел с Рябуш<инским>, Максом и Еремой» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1906 года. С. 90). Ерема – С.П. Яремич (1869–1939), художник, искусствовед, многолетний друг А.Н. Бенуа. В записке к Яремичу, отправленной утром того же дня, Бенуа извещал его: «...Сегодня в воскресенье, около 2–3 часов, или чуть позже, я приду к Вам в компании господ Рябушинского и Волошина» (Степан Петрович Яремич. Т. III. Переписка С.П. Яремича с А.Н. Бенуа. А.Н. Бенуа о коллекции С.П. Яремича. Статьи С.П. Яремича и другие материалы. Сост. В.П. Третьяков. СПб.: Книга; Сад Искусств, 2009. С. 125). См. также примеч. 1 к п. 247.

[8] Выставка «Салон Независимых» открылась в Париже 7/20 марта и продолжалась до 17/30 апреля 1906 г.

[9] О парижских выставках весны 1906 г. Волошин рассказал в статьях: «Первая выставка Интернационального общества акварелистов» (впервые – Золотое Руно. 1906. № 3. С. 95–98); «Весенние салоны 1906 года. (Письмо из Парижа)» (впервые – Двадцатый век. 1906. № 67. 5 (18) июня. С. 2); «Письмо из Парижа. Национальный Салон 1906 г.» (впервые – Весы. 1906. № 9. С. 37–42). См. также: Т. 5 наст. изд. С. 592–595; 600–603; 632–638.

Статья, посвященная «Салону Независимых» (вернисаж – 7/20 марта 1906 г.), Волошиным не была написана.

250. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

26 февраля / 11 марта 1906 г. Москва

26. Воскресен<ье>, ap<r>ès midi*.

Мой милый, я тоже одна мало бываю и не могу быть с Тобой, писать Тебе. Ужасно рада, что Тебе предложили читать по революции, только как же это будет с твоей поездкой в Россию. Здесь у Танеева громадная библиотека и специально по предвестиям революции, мно<го> о St. Жермене.[1] А<нна> Р<удольфовна> говорила мне вчера об этом.[2] Сколько времени будут продолжаться занятия в школе?[3] Тебе бы следовало подготовиться. Представляя себе ту публику, кот<орая> будет тебя слушать, невольно смущаюсь. Что Твои лекции будут всегда занимательны, более того, значительны и по мысли и по форме, я уверена; но что в них будет то, что называется строгой наукой, в этом я сомневаюсь. Помнишь, как в «Бесах» Лиза говорит про Ст<епана> Трофим<овича>, про его уроки истории,[4] т.е. про Грановского;[5] Ты будешь так же фантазировать.

Думаю тоже, что Твоя фантазия будет больше походить на действительность, чем научные сведения, но лохматым социалистам будут нужны цифры и экономические теории. Знаешь ли Ты эту сторону революции? Я сейчас хочу читать о St. Simon'e.[6]

Теперь не знаю, что Тебе советовать: оставаться или приезжать.

У нас в доме настроение отличное, и мама, и папа ужасно ласковы. Очень расспрашивают про Тебя, и стеснения не чувствуется. Папа получил твое письмо, благодарит, очень ему рад и скоро Тебе напишет.[7] Но я хочу писать по порядку, чтобы Ты знал все дни, вчера я не успела.

В пятницу вечером, вернувшись от бабушки и пообедав, я собралась к А<нне> Р<удольфовне> и хотя мне хотелось видеть ее одну, я все же позвала маму, и мы поехали вместе. Мама мне говорила, как она любит А<нну> Р<удольфовну>. Что Штейнер единственный человек, кот<орого> она хотела

* Вторая половина дня *(фр)*

бы видеть; спрашивала про Алешу. У т<ети> Тани мы сидели все вчетвером, мама обнималась и целовалась с А<нной> Р<удольфовной>. На минуту мы вышли с т<етей> Таней и немного мне пришлось побыть с А<нной> Р<удольфовной>. Я написала Тебе ее слова тогда.

Когда мы возвращались, мама просто в первый раз говорила, что она в России пока Твоей деятельности не представляет, я ей передавала Твои мысли. Вечером я писала Тебе. Вчера утром я получила Твое первое письмо.[8] После завтрака пришла Ек<атерина> Ф<едоровна>[9]. Ужасно рада была меня видеть, спрашивала про Тебя. Мама была с ней обворожительна. Ек<атерина> Ф<едоровна> помешала мне идти к А<нне> Р<удольфовне>, и в 4 часа мы прямо отправились к т<ете> Ане (Поляковой), кот<орая> в тот день причащалась. А<нна> Р<удольфовна> была там.

Т<етя> Таня имела ужасно плохой вид, я сидела с А<нной> Р<удольфовной>. Мама ушла шептаться с т<етей> Аней обо мне. В 5 ч<асов> я пошла провожать А<нну> Р<удольфовну> к Строгановым. Шел густой снег, мы проваливались и скользили, моя вуалька намокла, мы держались за руки и шли по переулкам от Собачьей площадки[10] через Поварскую, Арб<атскую> площадь на Бронную и т.д. Бесконечное количество нищих обступало нас. Я думаю, что на Руси только в смутное время было столько нищего люда.

– А<нна> Р<удольфовна>, Вы должны видеть многое на улицах, сколько призраков внезапно убитых людей...?

– Да, и лошади особенно это чувствуют, они видят еще все, продолжают видеть и боятся, и без причины шарахаются иногда; птиц нет, Вы замечаете. Когда пулеметы стреляли с колокольни Страстного монастыря, люди карабкались на памятник Пушкину и обнимали его. Он был весь покрыт людьми, только лицо виднелось и спокойно и грустно улыбалось, защищая их. Потом шепчущие люди; я отвечала некоторым на их ужасную мысль «нет, не надо», и они говорили: «Так что же делать».

Она показывала: тут была баррикада, тут убили извозчика..... Говорили, конечно, о Тебе. «Ему предложат быть гла-

вой какого-то движения, громадного; я не знаю еще, м<ожет> б<ыть>, даже политического, но он должен подготовиться, сосредоточиться, получить знания». Говорила про маму. Накануне мое<го> приезда она, обнимая А<нну> Р<удольфовну>, сказала ей: «Vous ne vous doutez pas, combien vous avez rendu de moi à mes enfants»*...[11] А потом этот холод, когда Вы приехали, но это напускное, ее несчастье, что она не умеет говорить. Когда я вернулась домой, мама сказала: «Я говорила с т<етей> А<ней>. "Вот Маргоренька надумала замуж выходить". – Волошин? Что-то я помню о нем. Ах да, Анюта Семенова[12] рассказывала, что когда Сергей Поляков куда-то с тобой поехал, Семенов, кот<орый> в это время должен был сидеть при жене, сказал: "Ну, недолго он с Волошиным пробудет, Вол<ошин> больше пробавляется водицей да овощами и излияний никаких"». Вот Тебе, Макс, неожиданный аттестат. Мама была очень довольна. После обеда я принесла папе Твое письмо ему. «Читай, что-то подозрительный конверт»; он прочел и дал мне; мы спешили на прения в Народный дом. Ехали по конкам, шлепали по лужам и снегу через Страстную площадь.[13] На Долгоруковской улице в театре Народного дома Кизеветтер читал о Конституцион<но>-демократич<еской> партии или партии «Народной свободы».[14] Зала, вмещающая 800 человек, была переполнена рабочими. Зрелище невиданное. Председатель Лемус заявил, что будут раздаваться списки членов Думы, кот<орых> нужно избирать, и что для этого нужно знать, какие члены к какой партии принадлежат, и чего каждая партия добивается. Выскочил чахоточный мужик и стал кричать, что если не будут избирать рабочих, то они думы не хотят, т<ак> к<ак> председатель не кончил говорить, мужика останавливали, поднялся тако<й> неслыханный крик, что никого нельзя было расслышать; ни председателя, ни лектора. Рабочие, сидящие справа, кричали «долой председателя» и махали руками. Кое-как водворилось спокойствие. Кизеветтер стал читать доклад. Тон его не понравился мне: он высмеивал правые партии: «Правового порядка»,

* *Букв. перевод.* «Не сомневайтесь· Вы так много дали за меня (вместо меня?) моим детям» *(испорч. фр.).* Вероятно, имеется в виду: Вы смогли заменить меня моим детям».

«17 окт<ября>», «Торгово-промышленную».[15] Такие фразы, как «презрение с высоты резиновых шин», вызывали восторг. Также высмеивал социал-дем<ократов> и с<оциал>-р<еволюционеров> за то, что они сулят журавля в небе.

Зала ужасно волновалась. Несколько раз раздавался кроткий и пьяный голос «Я ничаво, я ничаво», и что мужичок все бормотал «права не имеете, ни-и-как нельзя, ни-и-как». Тогда председатель: «Господа, здесь все время кто-то перебивает докладчика, и длинная речь; господа, во имя свободы слова дайте высказаться лектору; возражения будут после».

Из задних рядов кричат: «Здесь есть, которые выпимши некоторые».

После перерыва записавшиеся возражают. — Один старик говорит кратко и хорошо, что правые партии должны на время хотя бы соединиться и часть голосов предоставить тем, кот<орые> сейчас в тюрьмах.

Потом выходит какой-то сиволапый: «Я к партии никакой не принадлежу, и все мне не нравится. Господа: ра-вно-пр-а-а-вие. Говорят ра-а- авно-пра-аа-вие. Оно, конечно, оно оченно приятно. Значит, это все равны, но только не всё тут очень приятно, ведь равноправны будут и другие люди — и эти люди евреи.... Это значит не очень, чтобы красиво».

— Долой, долой его, долой.

Крик и гам не умолкают. Я вспомнила театральную народную сцену конвента в «Термидоре».[16] Махают руками и кричат. Наконец, он еще говорит. «Вот обедняет, продаст избенку и лошаденку, и коровенку, и последнего куренка. Господа, теперь мужик землю может продать, а еврей купить....»

Опять крик, и на этот раз юдофоб стушевывается. Кизеветтер возражает. После говорит какой-то социал-д<емократ> интеллигентный, говорит отвлеченно и быстро, жестоко упрекая в обмане К<онституционно>-д<емократическую> парт<ию>. — Ему кричат из публики: «Пореже и погромче».

Он говорил о том, что вся борьба должна быть основана на классовых инт<ересах> и *вражде*. — Опять Кизеветтер возражает, с<оциал>-д<емократы> ему не дают. Он должен говорить в конце. Крик ужасный, какая-то оргия. После долгих

усилий хотят голосовать. Большинство за то, чтобы говорил лектор, меньшинство все же криками не дает ему говорить. Звонка председателя уже не слышно. Весь комитет подходит к рампе и молча выжидает. ¼ часа крик не умолкает.

– Наконец, Кизеветтер: «Хорошо, на этот раз поведение части публики не дает мне возможности говорить. Следующему я даю говорить, но после говорю я, и, если Вы не дадите мне слова, я напечатаю, что Вы боитесь того, что я скажу». Тогда из кучки с<оциал>-д<емократов> выскакивает человек, кот<орый> кричал больше всех, и бежит на сцену. После нескольких слов с лектором: «Господа, я сначала скажу, что лектор мне сказал: имейте в виду, что Вы говорите против желания большинства». – «Верно, верно», – загудела зала, и опять сплошной беспорядок. Наконец, стал говорить оппонент в рубахе, и его всего ломало, он кричал, призывал к классовой вражде.

Я устала и не в силах описывать всего, что было. Меня ужасает, что все они одинаково играют на худших струнах челов<еческого> сердца, что они ослепляют, озлобляют и ведут к террору. Страница Достоевского вспомнилась мне.

С<оциал>-д<емократы> логичнее и прямее, но они не подозревают, что в человеке, кроме животной борьбы за существов<ание> и классовых интерес<ов>, есть другие; а на это им никто не возражает. Но какое новое зрелище, Макс, и как нужны другие слова, кот<орые> будут приняты русским народом.

Ехала я с мамой, и опять много и хорошо говорили. Все утро папа при маме о Тебе много расспрашивал: есть ли у Тебя образование «основательное», не ленив ли Ты, про Твой характер; не нервен ли Ты, что-то Ты, когда говорил, очень захлебывался.

Я пишу давно и ужасно устала. Сейчас А<нна> Р<удольфовна> придет, уже 3 часа, и мы все пойдем к бабушке. Устаю я ужасно эти первые дни. Все очень хорошо, только без Тебя очень скучно. До сих пор не написала Яше.[17]

Когда Ты приедешь?

Уедем в Париж после свадьбы, а сейчас приезжай, только вот с лекциями как; не отказывайся и, если нужно, побудь в Париже. Ожидается забастовка 1 марта.[18] Ее нужно переждать.

Прочти Девочке о собрании. Ей бы нужно приехать в Россию.

Вечером, когда я останусь одна с Тобой, я напишу Тебе другое письмо. Милый, милый мой. Целую Катю и маму.

[1] Имеется в виду граф де Сен-Жермен. О библиотеке В.И. Танеева см. примеч. 6 к п. 251.

[2] Об этом же А.Р. Минцлова рассказывала и Волошину в письме от 27 февраля / 12 марта 1906 г.: «Да – о графе С<ен>-Жермэне есть одно, вернее, – и это было в нескольких мемуарах того времени – его посещение к Marie Antoinette, его разговор с графиней Adhémar в 1786 году, когда он пришел просить королеву и короля сделать что-нибудь для отклонения в сторону близившейся Революции – тогда еще был момент возможности изменений – но его не выслушали, над ним рассмеялись – и течение мира пошло иным путем. Этот разговор сообщает графиня Adhémar в своих "Мемуарах". Прочтите их» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 37–37 об.; Габриель Полин, маркиза де Вабель, графиня Адемар де Монфалькон (1735–1822), придворная Марии-Антуанетты, автор четырехтомных мемуаров, впервые опубликованных в 1836 г.).

[3] Высшая русская школа общественных наук в Париже, основанная М.М. Ковалевским и Ю.С. Гамбаровым. Находясь в Париже, Волошин посещал лекции в Школе, а в конце 1905 – начале 1906 гг. Амфитеатров (исполнявший в то время – после отъезда в Россию М.М. Ковалевского – обязанности директора Школы) пытался привлечь его к более тесному сотрудничеству. В июне 1906 г. Волошин выступил с лекцией «Предчувствия Великой Революции». См.: *Грякалова Н.Ю.* «Священное жертвоприношение» (Александр Амфитеатров и Максимилиан Волошин в 1905–1906 годах) // Грякалова Н.Ю. Человек модерна. Биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин. 2008. С. 76–93. См. также п. 259.

[4] Встретившись (после многолетнего перерыва) со Степаном Трофимовичем Верховенским, некогда преподававшим ей историю, Лиза (Лизавета Николаевна Тушина), восклицает: «Видите, я все ваши лекции наизусть помню <...> А помните, как вы мне историю принца Гамлета рассказывали? А помните, как вы мне описывали, как из Европы в Америку бедных эмигрантов перевозят? И всё-то неправда, я потом всё узнала, как перевозят, но как он мне хорошо лгал тогда...» (ч. I, гл. 3, главка VII). См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 87.

[5] Создавая в образе Степана Трофимовича Верховенского обобщенный тип либерала-западника 1840-х гг., Достоевский имел в виду прежде всего Т.Н. Грановского. На эту связь указал сам Достоевский в «Дневнике писателя» (1876, июль и август, гл. 2, I). См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: 1981. Т. 23. С. 64.

[6] Внимание Сабашниковой к Сен-Симону было привлечено Штейнером, упомянувшем о нем и Ш. Фурье во время своей лекции 13/26 октября 1905 г. «с страшным волнением и нежностью» (см. п. 219).

[7] См. примеч. 3 к п. 243, примеч. 3 к п. 245, п. 247 и 251 и примеч. 4 к п. 261.

[8] Имеется в виду п. 247.

[9] Е.Ф. Юнге.

[10] Площадь в районе Арбата, уничтоженная в 1962 г. при строительстве проспекта Калинина (ныне – Новый Арбат).

[11] Смысл этих слов не вполне ясен. В письме к Волошину, написанном в ночь с 22 февраля / 7 марта на 23 февраля / 8 марта 1906 г. (накануне приезда Сабашниковой в Москву), Минцлова, рассказывая о своей встрече с М.А. Сабашниковой, состоявшейся днем 22 февраля / 7 марта, сообщала: «...Я спешу сказать Вам, что М<аргарита> А<лексеевна> (в те полчаса, что мы были с ней вдвоем) – в удивительном, хорошем настроении, со мной ласкова и нежна до крайности. Измучена и нервна очень, да. <...> Просила меня непременно прийти завтра к ним, к 4 часам – на вокзал не хочет, чтобы я ехала, чтобы я не "утомилась бы"... Я ей сказала тогда, что я не хочу, что мне не хочется нарушать их первых минут с детьми... Тут она припала ко мне на плечо и говорит: "Я именно и хочу, чтобы Вы пробыли с нами вместе первые часы: Вы... Вы не знаете, как много Вы сделали – ce que vous avez rendu *de moi* à mes enfants"... И заплакала. Я не вполне поняла ее французскую фразу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л.31–32).

[12] А.А. Семенова.

[13] С 1937 г. и по настоящее время – Пушкинская площадь.

[14] Имеется в виду собрание Конституционно-демократической партии (Народной свободы) Сущевского района Москвы в Народном доме на Долгоруковской улице вечером 25 февраля 1906 г. (объявление о предстоящем собрании см.: Русские ведомости. 1906. № 53. 24 февр. С. 1). Доклад А.А. Кизеветтера был посвящен программе партии в связи с предстоящими выборами в Первую Государственную думу.

«Февраль и март 1906 г. прошли для меня как в чаду, – вспоминал Кизеветтер. – <...> Московский комитет включил меня в

число ораторов, которые должны были пропагандировать партию на митингах. А митинги происходили почти ежедневно! <...> Митинги устраивались во всех частях Москвы и всегда привлекали многочисленную публику из самых разнообразных слоев населения. <...> Мы разъясняли программу нашей партии, и многое там было ново для малоинтеллигентной обывательской массы; порою доклад превращался в целую лекцию по государственному или финансовому праву или по вопросам народного хозяйства. Затем после доклада происходили дебаты» (*Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1997. С. 284).

[15] Перечислены три правые политические партии, возникшие в 1905 г. и принимавшие активное участие в событиях Первой русской революции.

[16] Пьеса В. Сарду (1894).

[17] Я.А. Глотов.

[18] Забастовка 1/14 марта не состоялась.

251. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

26 февраля / 11 марта 1906 г. Москва[1]

Вечер. Воскресенье.

Милуша мой, крошечный. Максюта. Я отослала Тебе сегодня письмо в 20 страниц, где описывала прошлые дни и заседание.[2] Получил ли Ты его? Когда я окончила его (я писала его в папиной комнате в мезонине, он в это время лежал рядом на диване), я сошла вниз, там с мамой сидела А<нна> Р<удольфовна> и хлопотала за какую-то даму. У нее очень горели глаза. Она сказала мне мельком: «Я получила от Штейнера большое письмо».

Я шла к бабушке, она к Строгановым, до Никитских[3] мы шли вместе. Штейнер возлагает на нее громадные надежды.... Она ему писала по поводу одной дамы, кот<орую> нужно было спасти от призраков. Он все поручил А<нне> Р<удольфовне>.[4]

А<нна> Р<удольфовна> просила не говорить Бальмонту о том, что Ш<тейнер> будет читать в Париже.[5] Она видела Танеева, говорила о Тебе; у него в имении замечательная библиотека по революции;[6] Танеев чудно относится к А<нне>

Р<удольфовне> и будет рад Тебе. По-моему, прежде всего Тебе следует приехать сюда, только не знаю, как Ты устроишься с лекциями.

Вернемся в апреле в Париж, и тогда начни свои лекции, потом приедет Штейнер. Будем жить в Твоей мастерской, м<ожет> б<ыть>, на неделю, на 2 сначала съездим в Барбизон или куда-нибудь на природу, чтобы Ты отдохнул. Самое важное для нас это Шт<ейнер>. Поэтому, Макс, у меня к Тебе страшная просьба: читай по-немецки, это важнее всяких хлопот. О свадьбе я не говорю определенно, Ты приедешь, и тогда будет видно, что к маю и Тебе, и мне нужно вернуться в Париж, устрой так свои дела.

Свадьба будет здесь, и теперь это не пугает меня. Революция изменила людей. Близость смерти оживляет людей. Не думай о внешних вещах; это я заставила Тебя вязнуть в этих мыслях, и это все-таки неважно.

Не думай о нас, теперь это невозможно, да Ты и не думаешь, я знаю. В нашей жизни ничего не изменится, только[7] {мы будем сильнее вместе. И все должно быть направлено, все силы на Россию. Нужно сказать «Тебе, Господи».[8]

Я бы просила Тебя приехать как можно скорее, ведь Тебе было бы это возможно по денежным обстоятельствам? Дело Тебе бы нашлось, Ты бы проводил дни у А<нны> Р<удольфовны>, писал и читал и потом тебе нужно видеть Россию; Ты не узнаешь людей. Но... но... но мне страшно жаль Катю, она останется одна совсем, и вот это меня останавливает. Не делай ничего резкого, не спеши; но думаю, что с моими планами ты согласишься. Возьми на месяц отпуск в «Руси» и недели через 2–3 приезжай. Здесь Ты можешь закончить статью о предвестиях революции для «Весов».[9]

Спокойной ночи, милый. Обнимаю Твою голову. Бери немецкую книжку и уезжай в St. Cloud. Ходи в St. Germain l'Auxerroi[10] и молись, вот мой совет. Бегай людей всех, кроме Кати. Ничего не покупай.

Я забыла рассказать или писать Тебе, что вчера на заседании председатель предложил подписывать петицию об отмене смертной казни.[11] Это же было самое главное. Зала без разбору партий вся ревела: подпишемся, подпишемся.[12] У меня совсем захватило дыхание.}

Все говорят, что Шмита <*sic!*> помилуют.[13] Прощай, милый, любимый мой.

Когда остаюсь на минутку одна, иду к Тебе и обнимаю Тебя мысленно.

[1] Датируется по содержанию: упоминание о состоявшемся накануне собрании.

[2] П. 250 действительно занимает 20 рукописных страниц.

[3] Т.е. до Никитских ворот (название известной московской площади).

[4] Речь идет о письме Штейнера к Минцловой от 22 февраля / 7 марта 1906 г. – ответ на ее запрос по поводу одной дамы, обратившейся к ней в Москве с просьбой о психической поддержке для себя и будущего ребенка (имя этой дамы не названо). Штейнер предлагает систему упражнений для ежедневной «медитации», а также – текст «мантры», которую пациентка должна повторять в течение всего курса («В чистых лучах света / Сияет божество мира..» и т.д.). В письме упоминается и о тех упражнениях, которые Штейнер рекомендовал Минцловой (осенью 1905 г. в Берлине) и которые, по его мнению, ей следует «продолжать». «Если Вы это будете делать, – пишет Штейнер, – Вы укрепите заложенные в Вас великолепные возможности, что вполне соответствует Вашему существу. Успех не заставит себя долго ждать. Изменять упражнения мы пока еще не можем – это помешает Вашему углублению в духовную сферу. Вы склонны к быстрому развитию при сохранении одних и тех же упражнений, тогда как множество других людей может продвигаться вперед лишь путем изменений. Вас охраняют и берегут лучшие духовные существа. Ваша душа призвана помогать человечеству. Вы настолько проникнуты истинным чувством духовного мира, что не буду сегодня ничего более Вам говорить, скажу лишь, что всегда буду просить "досточтимых учителей" не лишать Вас своего покровительства» (*Steiner R.* Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904–1914. Briefe, Rundbriefe, Dokumente und Vorträge. Herausgegeben von der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung. Die Herausgabe besorgte Hella Wiesberger. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1984. S. 104–106; GA 264).

[5] «*Если* этот проект состоится (насчет лекций Шт<ейнера>), – писала Минцлова Волошину 26 февраля / 11 марта 1906 г., – я бы очень просила Вас пока не говорить ничего К<онстантину> Д<митриевичу>, т<ак> к<ак> я не хотела бы присутствия Елены на этих лекциях. Когда К<онстантин> Д<митриевич> с ней – он с такой ненавистью и отвращением, так недостойно говорит о теософии – что *для него* это не может быть нужно теперь, когда он с ней. (Когда он со мной – напр<имер>, последние 2–3 недели в Москве, он удивительно относится к этому учению и говорит о нем так, как мало людей на земле говорят о святыне). Но теперь – он с ней, и если он вздумает ходить на эти лекции, то это будет только из любопытства, с тем, чтобы потом издеваться с Еленой над ними. А для меня это было бы *очень* тяжело и мучительно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 36–36 об.).

[6] В своем имении в Демьяново (на окраине Клина) В.И. Танеев имел большую библиотеку, содержавшую немало редких изданий, особенно по общественным наукам. «Он собирал библиотеку, – вспоминал М.В. Сабашников, близко знавший В.И. Танеева, – и книги свои переплетал изысканным образом, посылая их для этого в Париж, т.к. находил, что в Москве не умели переплетать» (Записки Михаила Васильевича Сабашникова. Под общей ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 76). Книжное собрание В.И. Танеева образовало впоследствии основный состав библиотеки Социалистической (с 1924 г. – Коммунистической) Академии. О библиотеке В.И. Танеева см. также: *Андрей Белый*. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. литература, 1989. С. 155–158, 493. Ср. п. 250 (место, отмеченное примеч. 1).

[7] Далее следует (в фигурных скобках) фрагмент, отсутствующий в данной единице хранения, как и в других известных нам бумагах Сабашниковой. Восстановлено по выписке в рабочей тетради В.П. Купченко.

[8] Ответные слова хора при чтении ектеньи в православной литургии.

[9] Статья Волошина «Пророки и Мстители. Предвестия Великой Революции», первоначально предназначенная для «Весов», была опубликована в журнале «Перевал» (1906. № 2, дек. С. 12–27). См. также примеч. 15 к п. 279 и п. 296.

[10] См. примеч. 2 к п. 8.

[11] Вопрос о смертной казни широко дискутировался накануне выборов в Первую государственную думу (за ее отмену горячо ратовали в первую очередь конституционные демократы). На мно-

гих собраниях и заседаниях того времени принимались петиции и резолюции за отмену смертной казни. Попытки принять соответствующий закон предпринимались в 1906 г. депутатами и Первой, и Второй думы (однако ни одна из попыток не увенчалась успехом). Председатель собрания – В.И. Лемус.

[12] См. примеч. 14 к п. 250.

[13] П.П. Шмидт был расстрелян 6/19 марта 1906 г.

252. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

26 февраля / 11 марта – 27 февраля / 12 марта 1906 г. Париж

Воскресенье. 8 час<ов> вечера.

Сегодня целый день я ездил с Рябушинским, но не жалею очень о времени, потому что все-таки много говорил с Бенуа, затем устроил так, что Чуйко будет приглашен на выставку «Золотого Руна»,[1] потом, что M<iste>r Coles будет делать снимки для воспроизведения картин в «Золотом Руне» и, наконец, то, что, наверно, выйдет так, что Бенуа возьмет выставку под свое покровительство.

Рябушинский много раз спрашивал о тебе и о твоих произведениях, очевидно, для выставки.

Выставка будет, должно быть, очень хороша и грандиозна, судя по затеям.

Вечером у меня будут мои феодосийские знакомые, Чуйко и Девочка.

Видишь – не могу я защититься от людей. Уносит меня все что-то. Каждую минуту представляются все новые и новые «дела», от которых никак не уйдешь, и никогда это, очевидно, не кончится, пока мы не будем вдвоем. Не знаю почему – я начал с того, что этот день не пропал у меня, а в то же время чувствую, что мне стыдно перед тобой. Ох, не могу я уйти ото всей этой суеты.

Милая моя... мне хочется уткнуться тебе в плечо. Милая моя... Я очень, очень устал. Мне хочется быть с тобой в Коктебеле. Скоро ли? Дня через четыре я получу ответ от Суворина.

Меня перервали... Пришел Мих<аил> Сам<ойлович>, потом мои феодосийск<ие> знакомые. Это одна подруга моей юности, которая считалась в Феодосии самой красивой из барышень и с которой я был очень дружен в гимназии (но не та, про которую я тебе рассказывал). Теперь она вышла замуж за феодос<ийского> предводителя дворянства.[2] Опять на меня пахнуло Россией. Разговоры обо всех знакомых, бывших товарищах, которых уже разделила революция, как меч рассекающий.

Надо, надо быть теперь в России в этот год. Мне стыдно перед тобой за каждую минуту, которую я не с тобой. Твои письма с дороги, как голос уходящего человека... Все дальше, все дальше, все слабее.

Милая моя, родная моя... Возьми же меня, охрани же меня от людей. Будем всегда вместе подходить к людям.

Да... будет так – я получу ответ от Суворина и сейчас же начну собираться. Это не будет долго.

Я перечитываю листки, присланные тобою с дороги, и мне так жутко за тебя. Когда я подумаю, что тебе надо будет быть в России и все это переживать и видеть, мне хочется закутать твою голову и унести тебя оттуда.

Но это малодушие.

Что ты говорила с Ан<ной> Руд<ольфовной>? Как ты нашла ее? Очень ей плохо?

Сейчас мое сердце надрывается от любви к тебе... Если б я знал твою комнату, с кем говоришь ты сейчас. Дай мне обнять тебя крепко, нежно, совсем обнять и прижать к себе, целовать твои глаза, твои руки, твои ножки. Неужели завтра еще не придет твое письмо из Москвы? Верно, не придет – это самый быстрый срок, а может быть столько задержек. Почему я не просил тебя телеграфировать из Москвы?

Моя ненаглядная, милая, милая девочка...

Чуйко очень доволен, что его пригласили на выставку «Золотого Руна», и притащил маме по этому поводу большой букет цветов.

Нет... Я ни о чем не могу писать тебе... Я люблю. Люблю, люблю тебя...

Я сейчас лягу в постель и буду думать о тебе...

Поздно... второй час. Девочка моя...

Утро.

Пришло письмо от Ан<ны> Руд<ольфовны>, написанное накануне приезда твоего.[3] Значит, твое письмо – завтра.

Ан<на> Руд<ольфовна> пишет: «Мар<гарита> Ал<ексеевна> получила Ваше второе письмо – и *очень* хорошее впечатление у нее от него».[4] Если бы это так...

Милая моя девочка, если бы я уже мог знать, какие слова уже сказаны, какие отношения установились.

Ан<на> Руд<ольфовна> пишет про тебя: «Как только она въедет в Москву, ни *на минуту* душа моя не оставит ее. До Вашего приезда я буду хранить ее безотлучно».

До свиданья, моя девочка... Я чувствую, что только завтра после твоего письма я смогу начать говорить с тобой. А теперь сознание того, что все выяснилось и решилось, а я не знаю об этом, меня удручает.

[1] См. примеч. 2 к п. 247.

[2] Л.А. Соломос.

[3] Имеется в виду недатированное письмо Минцловой к Волошину (судя по содержанию – от 22 февраля / 7 марта 1906 г.); в нем есть слова, которые в точности приводит Волошин (см.: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 32 об.).

[4] См. примеч. 3 к п. 245.

253. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

27 февраля / 12 марта 1906 г. Париж

Понедельник. 11 час<ов> ночи.

Сейчас, когда я уже перестал ждать твоего письма, консьержка постучала и отдала. Наконец-то твое письмо из

Москвы.[1] Я его читаю... читаю очень долго. Мама, которая уже хотела идти спать, сидит сзади за столом со свечкой и терпеливо ждет и крутит папиросы. Потом мы читаем с ней вместе.

Боже мой, как я рад за тебя. Как я благодарен Нюше за то, что она хотела писать мне. Как я люблю твоего папу. Теперь я начинаю бояться; а вдруг мое письмо к нему не дошло до него, пропало. Оно было очень короткое, но такого письма нельзя написать два раза.

Я сперва, когда отправил его, сомневался в нем, теперь я только боюсь, что оно пропало.

Я уже сегодня утром знал, что ты благополучно доехала, потому что Ек<атерина> Алекс<еевна> получила уже письмо Алекс<андры> Алекс<еевны>, в котором описывался твой приезд, что ты сидела в японском халате с распущенными волосами, «пела французские шансонетки»[2], и у всех были счастливые лица.

Значит, мое письмо Мар<гарите> Алекс<еевне> не показалось ей оскорбительным, вмешивающимся в ее дела, в ее жизнь... Я так боялся этого... Почему все так хорошо складывается? Но как произойдет (т.е. он уже ведь был) твой разговор обо мне с Марг<аритой> Алекс<еевной>?

Милая моя, милая моя девочка... как я рад за тебя, за то, что ты снова среди любви и заботы, что тебе не надо бороться и отстаивать меня и себя. Все наша колдунья...

Эти дни я чувствовал себя оторванным от тебя – именно с четверга – с твоего приезда в Москву – оторванным неизвестностью того, что произошло, того, как тебя встретили. Теперь я знаю, что каждый день будут от тебя письма.

Сегодня понедельник – самый утомительный день из всех.

С утра меня увлекло из дому: пришла Елена просить от имени Ек<атерины> Ал<ексеевны> телефонировать Рябушинскому: узнать о Бальмонте. Он исчез со вчерашнего дня. Началось вот это.[3]

Потом был у портного, где шью-таки сюртук (о вещи!!!). Потом у M<is>t<e>r Coles. Он еще не напечатал фотографий. Я еще снимался у него. Я хочу все-таки иметь у него вполне хорошую фотографию и надеюсь, что на этот раз будет хорошо.

Потом приехал туда Рябушинский – я тебе писал, что я хотел их познакомить для «Золотого Руна», и они согласились и заключили условия. Завтра он начинает снимать вещи Бенуа для его номера.

Бальмонт вчера вечером ушел от Рябушинского.

Затем мы поехали ко мне. У меня была уже Алекс<андра> Вас<ильевна>, M<ada>me Амфитеатр<ова> и толпа народа. Ал<ександра> Вас<ильевна> Рябушинскому покровительствует, и по ее рекомендации он берет с собою в Москву поэта Valdor'a[4] для французских переводов. Кажется, ты его раз видела у Алекс<андры> Васильевны. M<ada>me Амфит<еатрова> мне с радостью сообщает, что послезавтра мы все едем в Клерво к Эрве на весь день (это в 4 часах от Парижа).[5] Меня это не очень радует, но она сообщает мне это с таким видом, что я вижу, что она об этом столько заботилась и так хотела осчастливить меня, что я радуюсь. Завтра, во всяком случае, целый день сплошь принадлежит мне, и я буду писать стихи и статьи. Может быть, Клерво мне много даст. Я хочу еще перед отъездом взглянуть на Францию.

И потом мелькает в уме мысль о *Клервоском* Бернарде,[6] который, по словам Ан<ны> Руд<ольфовны>, играл роль в моей жизни...

Когда они все расходятся к 8 часам, я, совсем утомленный, ложусь на диван и засыпаю, думая о тебе.

Надо скорее ехать в Россию. Вот как только получу ответ от Суворина, сейчас же назначу день отъезда. Тоже страшно важно решить – оставлю ли я ателье за собой или брошу. Это очень важно, и надо теперь же решить.

Ты видишь, я не могу заградиться от людей без тебя. У меня нет своей минуты свободной. И думается мне так – я приеду (смотря по всем обстоятельствам) недели через 2, т.е. это будет половина марта русского. Затем мы в первый же возможный срок, т.е. 10 апреля, повенчаемся и вернемся в Париж до конца июня. Тогда бросим мастерскую и поедем в Крым. Так мне кажется лучшей и единственной возможностью. Потому что, собственно, именно в апреле и мае мне всего важнее быть в Париже для журнальной работы. Надо

все-таки Париж оставить нашей постоянной резиденцией, т<ак> к<ак> с ним, очевидно, связана вся моя работа. Хочешь так? Но надо, чтобы свадьба была 10 апреля, чтобы это было решено, и затем мы сейчас же уедем обратно в Париж.

До свиданья, моя девочка... Милая моя девочка. Как я счастлив сейчас после твоего письма...

Мой привет Вас<илию> Мих<айловичу>, Марг<арите> Ал<ексеевне> и Елиз<авете> Никол<аевне>. Прилагаю письмо Нюше.[7]

[1] Имеется в виду п. 245.

[2] См. п. 245 (место, отмеченное примеч. 11).

[3] Речь идет об очередном «срыве» Бальмонта; страдавший алкоголизмом, поэт доходил порой до невменяемого состояния. Об одном из таких эпизодов Е.А. Бальмонт сообщала Сабашниковой в письме от 25 марта / 7 апреля 1906 г.: «Как меня поразило, что ты, Макс и Аника думали обо мне в воскресенье. Весь день этот был очень мучителен, а вечер и ночь – из незабываемых. Я давно не испытывала такого ужаса. Я думала, К<онстантин> сошел с ума. Утром все объяснилось, но ночью, правда, было ужасно страшно. Внешнего ничего особенного не было, но я переживала годы за эти часы. Все прошло, все хорошо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 53, л. 32; Аника – А.А. Полякова; «воскресенье» – 19 марта / 1 апреля 1906 г.).

О запоях Бальмонта и его «исчезновениях» см. также: Зеленая Змея. С. 177; *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. С. 378–380.

[4] Вальдор или Эсмер-Вальдор (Eshmer-Valdor) – псевдоним французского поэта Александра Мерсеро, одного из участников литературной группы «Аббатство». См. о нем в примеч. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова к письму Волошина Брюсову от 9/22 марта 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 235–236). См. также: *Богомолов Н.А.* Символистская Москва глазами французского поэта // Богомолов Н.А. Вокруг «Серебряного века». Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 338–360; 617–619.

[5] Волошин ездил в Клерво (вместе с И.В. Амфитеатровой) 1/14 марта 1906 г. – навестить Г. Эрве, находившегося в клервоской тюрьме (см.: Труды и дни-1. С. 155).

[6] Имеется в виду св. Бернард Клервоский.

[7] Письма Волошина к А.Н. Ивановой за этот период не сохранились.

254. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

27 февраля / 12 марта 1906 г. Москва

№ 1[1]

Понедельник. 12 ч<асов> ночи.

Милый мой, сегодня от Тебя не было письма, и я не могла Тебе писать, потому что целый день хотя и была дома, но чувствовала болезненную пустоту в голове, и вокруг в комнатах брожение нянек, детей и знакомых. У нас замечательная квартира: нельзя сосредоточиться. Все ко мне чудно относятся. С мамой о Тебе совсем легко говорить тоже. Сегодня она взяла у меня Твои портреты взрослые и детские, чтобы показать их тете Ане.[2]

Папа Тебе уже написал. Я этот день плохо провела из-за этой головной боли и пустоты. Не могла ни читать, ни писать. Лежала у папы в мезонине, и отчего-то была тоска. А вечером я маме, папе и Верочке[3] рассказывала о лекциях Штейнера. Они слушали замечательно хорошо часа три. Мне никогда не было с мамой так хорошо, как теперь. Только тяжело без Тебя в этой бесплодной суете. Я буду уходить в Румянцевский музей.

Целую Тебя, мальчик мой. Сегодня Ты обними мою голову; приласкай свою девочку; я сижу в Твоем халатике. Нюша вернулась из концерта и легла.

До этого я Верочке читала Твои стихи (ей страшно нравятся они). А до этого мама ей в кабинете показывала Твои портреты.

Прощай, милуша моя. Верно, почта плохо работает, что письма приходят не каждый день. Вчера я писала Тебе 2 раза.

Буду ставить № на письмах, и Ты тоже делай это.[4]

Максюта, Максюша. Целуй Катю. Скажи ей, что Маша Волконск<ая> была; привозит детей в Москву и тоже <?> будет у нас. Ждем, кроме того, Б<ориса> Ник<олаевича> и Алешу.

Поклон маме.

[1] Номер проставлен рукою М.В. Сабашниковой, собиравшейся нумеровать свои дальнейшие письма к Волошину (см. ниже примеч. 4).

[2] А.А. Полякова.

[3] В.М. Викентьева.

[4] На последующих письмах Сабашниковой и Волошина номера отсутствуют.

255. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

28 февраля / 13 марта 1906 г. Москва

Вторник, après midi.*

Макс мой, какая у меня тоска без Тебя. Сегодня утром мы говорили с Ляйзой и Нюшей про свадьбу; они говорят, что мама раньше июня ее не допустит, что ей хочется пожить со мной, что неприлично так гнать и т.д. Она думает, что Ты сейчас приедешь и еще второй раз приедешь в июне (венчаться можно с 29 июня). Но, Макс, это же невозможно. В мае мы должны быть с Тобой в Париже из-за Штейнера, кот<орый> будет для нас читать и для Тебя, вероятно, главным образом.[1] Я с мамой еще не говорила об этом и боюсь говорить. Хорошо бы, чтобы Ты сам скорее приехал и сам бы сказал, что Тебе нельзя разъезжать, а в мае необходимо быть в Париже. М<ожет> б<ыть>, это еще уладится.

Потом еще одно: я не хочу, чтобы вещи играли роль во всем этом. Останемся в твоей мастерской так, как она есть; вот и все. Я подумывала было о мастерской пошире, для работы и с садом для лета, но одна мысль, что на переезд Ты опять потратишь столько сил, меня останавливает. Наверное нам захотят диктовать, как устроиться, но этого не нужно, и мы должны жить в тех самых условиях, в кот<орых> Ты жил до сих пор.

Я совсем не могу писать, мне страшно тоскливо без Тебя. Об этой тоске я никому не скажу, и никто не узнает, как мы близки. Ко мне чудно относятся все, я не говорю о папе уже, мама очень проста и мила. Но я не могу примириться со всем строем жизни, я устаю до слез; нет возможности сосредоточиться. У нас с Нюшей проходная комната, через которую идут вереницей няньки, дети и друзья. А теперь еще

* Вторая половина дня *(фр)*

мы с мамой будем ездить покупать пальто, платье, башмаки. Вот эти прогулки для меня ужасны. Я чувствую себя всегда страшно виноватой. Сейчас мама поехала к бабушке говорить обо мне. Я должна зайти за ней и ехать в город. Мне страшно хочется видеть А<нну> Р<удольфовну>, и нет времени.

[1] См. примеч. 14 к п. 245.

256. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

28 февраля / 13 марта 1906 г. Москва

Вечер. Вторник.

Вчера не было от Тебя письма, а сегодня было от четверга письмо, в кот<ором> Ты пишешь, что писал накануне, а я от среды письма не имею.[1] Неужели пропадают письма? Я пишу Тебе ежедневно, а с дороги писала 7 раз, писала из Варшавы письм<о>, с границы и из Минска открытки и письмо после Бреста. Все ли Ты получил?[2] Я сажусь писать Тебе всегда усталая и раздраженная, и Тебе мои письма, вероятно, ничего не дают. Мне ужасно хочется сидеть рядом с Тобой, быть вдвоем. Жизнь в Москве мне утомительна, и мне просто ужасно скучно без Тебя.

Ходили по пассажам, я на морозе не могу дышать, задыхаюсь, и у меня бьется сердце. Это от малокровия. Хочется плакать.

Мама говорила с бабушкой. И было очень хорошо, говорит. Во время поездки я не могла говорить, я не могу больше говорить почему-то. Она говорила, что мне нужно все новое, п<отому> ч<то> начинается новое; а у меня этого чувства вовсе нет и я его не понимаю, но я не имела сил возражать. После чая пошла к Н.И. Авенариус. Она живет в Катиной кв<артире> в доме Куманина напротив Юнге.[3] Вид этой кв<артиры> взволновал меня; но красные диваны с салфеточками и электричество меняют вид. Я ей сказала о Тебе, п<отому> ч<то> пришла за этим, но в ту минуту говорила против своей воли, п<отому> ч<то> настоящей прежней близости не чувствовала. Она была рада и взволнована. Она

ужасно меня любит. Пришла Надя, ее падчерица, кот<орая> (всегда была влюблена и собирала землянику) теперь замужем за прис<яжным> пов<еренным> Снеговым. Она стала поперек себя толще, глаза заплыли жиром, и роскошное платье шуршит. Пришлось и ей сказать..... Она обнимала, целовала и говорила, что вот как она потолстела, п<отому> ч<то> уж очень спокойно живется. Мне стало грустно. Мне казалось, что что-то наше осквернено. Прости меня, Макс. Когда я вернулась, нашла дома Бор<иса> Ник<олаевича>. Он рассказывал, а у меня все чувство страшной скуки. Пиши мне чаще или лучше приезжай сам. Я не знаю, что Ты делаешь. Зачем возишься с Рябушинским...

Максик мой, если бы я о Тебе не говорила, Ты был бы ближе мне, говоря о Тебе, я говорю о каких-то пошлых добродетелях.

Ляжем вместе на диванчик, исцели мою голову, а я буду целовать Твою грудь и Твои плечи и руки. Когда мы будем вместе? Приезжай и возьми меня.

Кланяйся маме.

[1] Письма Волошина «от четверга» (23 февраля / 8 марта) и от среды (22 февраля / 7 марта) не обнаружены.

[2] Из перечисленных Сабашниковой семи открыток и писем «с дороги» известны шесть (п. 239–244).

[3] Имеется в виду дом В.Н. Куманина, московского домовладельца и потомственного почетного гражданина, расположенный по адресу: Ваганьковский (ныне – Староваганьковский) переулок, 3. Одну из квартир в этом доме снимала в 1903 г. Е.А. Бальмонт. Е.Ф. Юнге жила, согласно адресной книге, в Ваганьковском переулке, 4 (дом упраздненного Крестовоздвиженского монастыря).

257. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

28 февраля / 13 марта 1906 г. Париж

Вторник. Ночь.

Милая моя девочка, к вечеру я жду и не могу дождаться твоего письма. Вот, наконец, пришло.[1] Они приходят теперь

с последней почтой, т.е. в 10 час<ов> вечера. Я его читаю, потом читаю отрывки маме, и мы смеемся над путаницей с моими родственниками и предками.

Отец мой никогда предводит<елем> дворянства не был. А был сперва мировым посредником, а потом членом суда в Киеве.[2] У деда было большое имение в Киевск<ой> губерн<ии>, а кто он был, не знаю, и вообще родствен<ников> моего отца совсем не знаю. Сам я значусь в паспорте «сыном коллежск<ого> советника» и больше никакими бумагами, ни родовыми документами не обладаю.

Дед по матери был инженером и начальником телеграфн<ого> округа (что-то важное).[3] Его отец был синдик (не знаю, что это значит) в каком<-то> остзейском городе не то Риге, не то Либаве. А отец бабушки делал Итальянск<ий> поход с Суворовым,[4] а его отец был чьим-то лейб-медиком: не то Елизав<еты> Петр<овны>, не то Ан<ны> Иоан<новны> (мама перепутала).[5] Титулов никаких не было и не будет. Из маминых братьев один был приговорен в молодости к расстрелянию.[6]

Вот тебе снова в точности все мои семейные легенды и традиции. Надеюсь, что это достаточно. В случае надобности можно спросить еще разъяснений и дополнений у моей бабушки. Мама уже предчувствует, как ей придется отвечать на точно такие же вопросы о тебе, и как бабушка будет огорчаться и негодовать на ее незнание.

Но довольно же об этом. Я нарочно составил этот список, чтобы больше не повторять, и пусть только, ради Бога, меня самого об этом не спрашивают. Во мне какой-то дух протеста подымается.

Фу, как глупо.

Как раз сегодня я весь день думал о том, что я распоряжусь так: оставлю ателье за собой и поеду в Москву на месяц. Мы повенчаемся, вернемся сейчас же в Париж. Здесь мы будем жить снова в нашем ателье. Я напишу ряд статей о Салонах. Будем слушать Штейнера.

В июле поедем через Грецию в Крым месяца на 2–3. Все так и сходится.

Раз мне не надо все разорять, упаковывать и отправлять в Коктебель, то, значит, мне собраться и уехать – быстро – можно сразу, в один день. Приеду я тогда недели через 2, чтобы пробыть в Москве месяц. Так?

Твое письмо обрывается как раз в самом патетическом месте: «Есть такой молодой человек»... Что же сказала бабушка? Как она приняла это?

Как меня радует твоя приписка о том, что М<аргарита> Алек<сеевна> после всех этих безнадежных разговоров вдруг снова переменилась. Мне ужасно страшно было за тебя, читая их. Но я верю, что ты их преодолеешь и не падешь духом. Только активным чувством, активной любовью можно преодолеть это. В словах Мар<гариты> Алекс<еевны> мне чудится какая-то дикая застенчивость своего чувства и поминутно подымающаяся оскорбленность против собственной воли, которая просит, которая хочет, чтобы ее преодолели любовью.

Слова Алекс<андры> Алекс<еевны> очень меня трогают и бумага тоже. Передай ей мою благодарность и привет.

Сегодня я, наконец, целый день с утра дома. Пишу стихотворение для Амфитеатр<ова> журнал<а>.[7] Написал почти совсем, но еще не кончил.

Несколько раз забегал к Ек<атерине> Ал<ексеевне>, чтобы рассказать о тебе, о твоем первом письме из Москвы. Все не заставал. Наконец, застал в сумерках. Мы говорили о тебе. Потом она стала говорить о том, как ей тяжело, и вдруг разрыдалась. Мы долго сидели с ней в темноте, я держал ее руку и успокаивал ее. У меня такая любовь и такая жалость к ней – и знать, что это никогда, никогда не кончится.

Мы должны быть в Париже тоже и для того, чтобы быть вместе с ней.

Да, нам нужно, нужно быть в Париже – я это вижу ясно.

Милая моя девочка, я теперь мечтаю о том, как мы будем с тобой вместе «у себя» в этом ателье. У меня была какая-то невыразимая боль, боязнь его оставить. Что-то здесь не было докончено, и его нельзя было так бросить.

Милая моя, как будет нам хорошо здесь. Поздно. Я кончаю письмо. Завтра я еду в Клерво, и поезд отходит очень рано. Надо ложиться спать. Вернусь поздно вечером и найду еще твое письмо.

Все ли мои письма ты получила, я ни одного дня не пропустил без письма со дня твоего отъезда.

До завтра. Если успею – напишу тебе из Клерво. Поклон Нюше.

[1] Имеется в виду п. 246.

[2] Отец поэта Александр Максимович Кириенко-Волошин (1838–1881) был юристом в звании коллежский асессор, служил в Киевской палате уголовного и гражданского суда.

[3] Дед Волошина по матери, Оттобальд Глазер, был начальником Житомирского телеграфного округа.

[4] «Итальянский поход» – боевые действия русской армии, возглавляемой Суворовым, против французских войск в северной Италии в апреле-августе 1799 г.

[5] «Со стороны матери есть немецкая кровь (врачи и инженеры, обрусевшие в XVIII века)», – указывал Волошин в одной из своих автобиографий (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 223). См. также примеч. 2 к п. 193.

[6] О каком из братьев Е.О. Кириенко-Волошиной идет здесь речь, установить не удалось.

[7] А.В. Амфитеатров готовил в тот период издание журнала «Красное Знамя» (Париж, 1906–1907).

258. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

1/14 марта 1906 г. Москва

Среда вечером. 1 ч<ас> ночи.

Ушел Яша,[1] сидели еще до 1 ч<аса> за столом, и мама острила. Что-то мне страшно скучно, хотя все очень милы. И Яша, несмотря на внешнее сходство с Тобой, совсем другое. Я рада была ему, но мне стало еще тяжелее.

Мама с папой были с ним очень ласковы. Мама предложила ему идти на собрание в воскресенье,[2] он еще не был ни на одном.

Он переводит одну книгу с французского об рев<олюции> <18>48 г<ода>[3] и ожидает от нее всяких благ, живет в Сокольниках, потолстел, похорошел.

Я рассказывала ему больше о Девочке, очень спрашивал про Тебя. Нет, я ни о чем не могу писать теперь. Утром была у А<нны> Р<удольфовны>. Она была мне страшно рада, я ей. Говорили все о том же, решили вместе читать «La Doctrine Secrète»*.[4] Завтра иду к ней.

Москва вся в снегу. Я чувствую себя плохо и среди дня спала. Отчего-то я не вижу Тебя во сне, а если вижу, то чужим. Когда Ты приедешь, даже если с Тобой и будут очень ласковы, и все будет хорошо, мне будет тяжело. Все не о том. Не наше. Всё разговоры навязывают что-то другое, и пока я не буду с Тобой совсем и далеко отсюда, все будет не то.

Я очень упрекала себя мысленно, что обстановка, среда, город играют такую роль в моей жизни. Я думала: личное кончилось. Но теперь я чувствую, что я еще слаба; все еще слишком действует: ухо не потеряло чувствительности, глаз не потерял способности плакать.

Жизнь здесь была бы надрывом, а нужны ли надрывы. Мне очень грустно писать Тебе это, потому что Ты приготовился к другому. Приезжай и посмотри, готов ли Ты. Я не знаю, в чем это, в чем для меня этот ужас здешней жизни. Я никого ни в чем не могу обвинить, все хорошо, все меня любят, и я всех люблю, но отчего же так страстно хочется вон, вон. До завтра, прощай, милый. Сегодня я получила письмо от субботы.[5] От среды и от пятницы не было.

Я с Тобой только тогда, когда я с А<нной> Р<удольфовной>.

Милый, мой милый.

Как хороши версальские снимки.[6] Пришли еще.

Завтрак так переносит.[7]

В феврале в «Весах» Мережковский пишет о предвестиях революции у Достоевского.[8]

Завтра приезжает Алеша.

---

* «Тайная доктрина» *(фр.)*.

[1] Я.А. Глотов.

[2] Имеется в виду одно из собраний в связи с предстоящими выборами в Первую Государственную думу.

[3] Речь идет о книге: *Стерн Д.* История революции 1848 года (Т. 1. СПб., 1906 (на обложке – 1907); Т. 2. СПб., 1907). Издание было осуществлено А.И. Иванчиным-Писаревым и Н.Е. Кудриным (псевдоним народовольца, впоследствии эсера Н.С. Русанова (1859–1939), одного из первых русских марксистов). Имя переводчика на титульном листе отсутствует (указано, что перевод с французского выполнен под редакцией Н.Е. Кудрина).

Автором книги была Мария (Мария Катерина Софи) де Флавиньи, графиня д'Агу (1805–1876), писавшая под псевдонимом «Даниель Стерн». Первое издание состоялось в Париже в 1862 г., второе – в 1869 г. Русский перевод выполнен со второго издания.

В ДМВ сохранился первый том «Истории...», подаренный Волошину Я.А. Глотовым с надписью: «Милому толстому Максу и прозрачной Маргоре – свои первые переводческие опыты Якс. СПб. 22/II. <19>07» (Якс – домашнее имя Я.А. Глотова).

[4] Трехтомный труд Е.П. Блаватской (см. примеч. 5 к п. 126).

[5] Т.е. п. 247.

[6] Т.е. фотографии, которые Волошин делал в Версале накануне отъезда Сабашниковой из Парижа. Ср. в дневнике А.Н. Бенуа (запись от 18 февраля / 3 марта 1906 г.): «Макс снимал бесчисленные фото» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1906 года. С. 88).

[7] Фраза предположительно относится к одному из снимков, на котором изображен завтрак в Версале.

[8] *Мережковский Д.* Пророк русской революции. К юбилею Достоевского // Весы. 1906. № 2. С. 27–45.

259. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

1/14 марта 1906 г. Париж

Среда. Ночь.

Моя милая девочка, только что я вернулся из поездки в Клэрво (Клерьво). Не особенно удачно. Пять часов дороги туда и столько же назад. А там мы смогли пробыть всего час. Эрве интересен, но все-таки не стоит такого количества времени, чтобы сказать с ним несколько слов. Самая тюрьма

интересна – это старый клэрвоский монастырь XI века.[1] На горе громадная каменная фигура Бернарда.[2] Может быть, мне действительно было надо повторить какой-то свой старый маршрут XI века?

Что скажет Ан<на> Руд<ольфовна> об этом?

М<ada>me Амфитеатрова, которой всецело принадлежала идея и ин<и>циатива поездки и которая сама не ожидала, что это окажется так далеко, все время страшно конфузилась, извинялась и старалась загладить.

Я все время думал о тебе, сидя в вагоне. Вернувшись, нашел у себя груду писем: твое письмо от воскресен<ья> с описанием митинга[3] и еще письмо моего друга Александры Михайловны Петровой (о которой я тебе говорил). Бабушка-таки проболталась ей о нас с тобой.[4] Это меня очень огорчает, потому что я не сам написал ей. Письмо ее удивительно во многом, и я посылаю его тебе.[5] Читая его, имей в виду, что я ни слова ей не писал с весны, т.е. год, и ничего не писал ей ни об оккультизме, ни об чем. Она живет страшно одиноко, вне всяких влияний. Меня так тронуло это письмо и так хочется, чтобы ты прочла его. Она страшно порывиста и до невероятности застенчива.

Правда, как удивительно об сказке Сологуба?[6] Я летом послал ей все мои стихи о тебе и к тебе,[7] но об самой тебе никогда ничего не говорил и не писал.

Вот человек, которого я бы больше, чем кого-нибудь, хотел бы познакомить с Анной Рудольфовной. Я знаю, что для нее эта встреча была бы решающей.

Только что мама мне дала письмо:

«Вот это я написала Марг<арите> Вас<ильевне>. Вложи в свое письмо».[8]

– Можно прочесть?

– Да.

Я прочел и чувствую... Ах, я не знаю... мне хочется плакать.

Мама за занавеской. Я сказал:

– Я прочел, мама.

Она не ответила. Потом сказала:

– Ты очень недоволен, что бабушка разболтала...

– Нет, мне только жаль, что не я сам написал Алекс<андре> Мих<айловне>.

– Я ей ведь написала, что не надо этого говорить. Но, верно, старые люди не могут.

Я после долгого молчания, наконец, говорю:

«Фу... это глупо... на меня Ваше письмо произвело страшное впечатление... но я ничего не могу сказать»... И в то же время чувствую, что голос мой становится каким-то сдержанно-холодным, а я становлюсь деревянным... Мне страшно хочется пойти сейчас к ней за занавеску и поцеловать ее. Но я знаю заранее, что мои ноги прилипнут, и я не смогу этого сделать.

Такое же оцепенение я чувствовал, когда мы были в St. Cloud.[9]

Моя девочка, моя милая, любимая... Я только тебе могу говорить эти слова. Я знаю, что ты разобьешь ту застенчивость, которая с детства лежит между мною и мамой. Это только ты сможешь сделать.

Я сейчас опять перечитал мамино письмо, и там есть слова, которые я не могу читать...

Боже мой... За что это?.. За что столько любви? Столько безысходной любви...

Милая моя, милая девочка... Я в себе чувствую страшную силу любви – не собственной, а той, которую дали мне ты, мама, Ан<на> Рудоль<фовна>.

Мы с тобой среди этой любви точно в сердце голубого пламени, которое так тонко, что не обжигает.

Какую страшную радость мы понесем в себе в жизнь. Я чувствую, как это пламя сжигает все мелкое и скверное.

Не будем никогда жить для себя... Это будет заклятие нашего счастья.

Милая моя...

Мама просит тебя поговорить точно о сроке свадьбы. Бабушка уже теперь ее ждет не дождется, и, если свадьба будет

позже 10 апреля, то она не сможет быть. Это для нее будет страшно тяжело. Я приеду сейчас же, как получу твой ответ. Мне теперь собираться долго нечего, раз мастерская остается за мной. Мама кончит свои покупки и платья, я – свой сюртук, – и мы приедем.

А лекции – я уже сказал Амфитеатрову, я буду читать по приезде в Париж.[10]

Я только что зашел за занавеску. Мы говорили о письме Алекс<андры> Мих<айловны> и сказке Сологуба. Потом она сказала: «Покойной ночи», – и протянула руки, и мы поцеловались долго и несколько раз. Мы никогда не целовались и не говорили друг другу «покойной ночи»... Я сейчас же вышел.

Я не мог остаться с ней больше ни минуты... Сейчас она потушила свет. Я еще буду писать письма.

Боже мой... Боже мой... Как я счастлив...

[1] Клервоское аббатство (монастырь цистерцианского ордена) было основано в 1115 г. св. Бернардом Клервоским (он же – первый его настоятель). В Средние века аббатство пользовалось немалым авторитетом в католическом мире; обладало обширными земельными угодиями, великолепным собранием рукописных книг и т.д. Упразднено и частично разрушено в период Великой Французской революции. В 1808 г. превращено в тюрьму (используемую в качестве таковой до настоящего времени). С конца XX в. находится в ведении Министерства культуры Франции; ведутся реставрационные работы.

[2] Речь идет о св. Бернарде Клервоском.

[3] Имеется в виду п. 250.

[4] «На днях узнала от бабушки о Вашей женитьбе, – писала Волошину А.М. Петрова 23 февраля / 8 марта 1906 г. из Феодосии. – Так как не дождусь от Вас никаких “официальных” заявлений по этому поводу, то спешу сама присоединить свои поздравления к Вашей радости. Поздравьте от меня также и дорогую Елену Оттобальдовну. И бабушка, видимо, предовольна любимым внуком. <...> Я очень рада за Вас, что Вы, наконец, сумели полюбить. Это был большой пробел. Но с эгоизмом старого, можно сказать, заклятого друга не могу не побеспокоиться в сознании у Вас моего прежнего

уголка. Я надеюсь, что Маргарита Васильевна так же снисходительна будет к моей своеобразной любви и интересу к Вам, как и Вы. <...> С каким нетерпением я жду Вас!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 2; бабушка – Н.Г. Глазер).

[5] Письмо сохранилось среди писем Волошина к Сабашниковой (другие письма А.М. Петровой к Волошину за 1906 г. неизвестны).

[6] Отрывок из письма А.М. Петровой, посвященный сказке Сологуба «Благоуханное имя», см. в примеч. 7 к п. 37.

[7] Письма Волошина со стихами, обращенными к Сабашниковой, были отправлены А.М. Петровой из Парижа 18 июня / 1 июля и 2/15 июля 1905 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 196–204, 212–214).

[8] Приводим полный текст письма Е.О. Кириенко-Волошиной к М.В. Сабашниковой от 1/14 марта 1906 г.:

«Милая Маргарита Васильевна, мне хочется написать Вам то, что вследствие своей застенчивой сдержанности я не могла сказать Вам, не могла выразить ни словом, ни лаской, с какой любовью и нежностью я отношусь к Вам, как я счастлива счастьем вас обоих. Ведь я, несмотря на свою наружную холодность, очень увлекаюсь людьми, чаруюсь ими, и Вы мне понравились при первой же встрече, так как, помимо ума и талантов, я чуяла в Вас прекрасную, добрую душу. И вот чем больше я узнаю Вас, тем больше увлекаюсь, чаруюсь, люблю.

Говорят, что матери ревнуют обыкновенно своих сыновей, недолюбливают невесток, но я, по-видимому, буду исключением из этого правила и думаю даже, что со временем вы оба станете одинаково дороги мне... Я считаю Макса счастливейшим человеком и не боюсь за его счастье, лишь бы он сумел сохранить его на всю жизнь. Не считайте мою внешнюю холодность, деревянность равнодушием к Вам. Сколько раз мне хотелось дотронуться к Вам, поцеловать Вас, но я не могла превозмочь своей скованности. Вы дороги мне. Я люблю Вас, Маргарита Васильевна, и чувствую, что буду любить все больше и больше.

Е. Волошина.

Анне Николаевне и Анне Рудольфовне кланяюсь и целую их» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 81, л. 1–2 об.).

[9] См. примеч. 9 к п. 13.

[10] См. примеч. 3 к п. 250.

260. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

2/15 марта 1906 г. Москва

Четверг.

Милый мой; сегодня утром была у А<нны> Р<удольфовны>. Мы читали «La Doctrine Secrète». Очень темно, она мне рассказывала вещи, кот<орые> я не буду писать Тебе, но кот<орые> она Тебе расскажет сама. Вернувшись к завтраку, получила Твое письмо от воскрес<енья>.[1]

Милый мой, как хотелось бы мне взять Тебя и унести подальше от людей. Эта бесплодная затрата энергии, такой дорогой, прямо кощунственна. Когда Ты приедешь в Москву, оставь на время старых знакомых. Давай по утрам читать у А<нны> Р<удольфовны>; днем пиши; вечером приходи к нам. Конечно, придется пройти сквозь всякие представления. Но это недолго; не протестуй; будь готов, давай простимся честь честью со старыми формами. Главное, настоять на скорую свадьбу, но для этого приезжай сам.

Закажи все же себе фрак или то, что можно надевать на свадьбах; да он и пригодится Тебе, вероятно. Боюсь только, что туго Тебе придется с деньгами. Сегодня мама показала мне несколько драгоценных кусков атласных белых материй, вроде парчи, кот<орая> у нее хранилась: pour la robe de noce*. Вообще мне сошьют несколько платьев. Я стараюсь с радостной готовностью проделать все, что нужно, п<отому> ч<то> думаю, что мама свое внутреннее волнение будет разряжать в заботе о вещах и получит от этого удовлетворение. Она еще показала мне китайские шелковые платки и спросила, аккуратный ли Ты; я вспомнила хотя вид твоих платков, но сказала, что Ты аккуратный, п<отому> ч<то> меня очень тронуло, что она Тебе хочет подарить это. Она ужасно весела, ласкова и мила. После завтрака Борис Ник<олаевич> говорил мне, что Ляйза сказала ему и что он ужасно рад. Потом до 4-х спала мертвецким сном. Нюша с папой поехали встречать Алешу, а я пила с мамой чай и говорила о Тебе.

* Для подвенечного платья *(фр.)*.

Приехал Алеша; приехала Маша Волконская с детьми, дети, игрушки, няньки, Протопопов – и это до обеда. После обеда села писать Тебе. В «Полярной Звезде» читала статью Шестова «Пророческий дар», где он высмеивает пророчества Достоевского и Толстого.[2] Я не понимаю тона статьи. То, что Ты пишешь из «Подростка», я отлично знаю и страшно люблю, но перечту.

Я думаю, что нам лучше всего вот как устроиться. Шт<ейнер> хочет жить под Парижем, м<ожет> б<ыть>, в Версале или друг<ом> месте; мы бы тоже поселились вблизи его. Тогда бы было больше уединения, и Тебя бы не одолевали люди.

Прощай, милочка, приезжай же, милуша. А<нна> Р<удольфовна> говорит, что опять Ты с нами и что Тебе остается только выявиться, милуша мой.

А худеешь ли Ты? Я считаю, что по-настоящему мы с Тобой увидимся, только когда будем вдвоем в Париже.

Целую Твою голову и Твои плечики, и ручки. Я буду хорошей теперь.

Отчего Ты про Катю ничего не пишешь?

[1] Имеется в виду п. 249.

[2] *Шестов Л.* Пророческий дар. К 25-летию смерти Достоевского // Полярная звезда (СПб.). 1906. № 7. 25 янв. С. 481–493.

261. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

2/15 – 3/16 марта 1906 г. Париж

АНГЕЛ МЩЕНЬЯ

Народу русскому:
Я скорбный Ангел Мщенья.
Я в раны черные – в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой – набат. Хоругвь моя, как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взращу багряные цветы.

Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость;
Я грезы о любви слезами затоплю,
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовой, которых хоть однажды
Коснулась кровь! Я ведаю ваш счет...
Я камни закляну заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу,
И где тебя нагайками хлестали,
Я «Знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я: «Свобода!»,
Но разный смысл я каждому придам.*
Я напишу: «Завет мой — Справедливость»,
И враг прочтет: «Пощады больше нет».
Убийству я придам манящую красивость,
И в душу мстителя вопьется страстный бред.
Меч Справедливости — провидящий и мстящий —
Отдам во власть толпе, и он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий,
Им сын зарежет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч — погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.[1]

Это стихотворение я писал сегодня целый день. Я его хотел написать для Амфитеатровского «Красного Знамени», но подумал, что там оно слишком не подойдет, и послал его в «Русь». Я надеюсь, что его не побоятся напечатать.

А мне очень хочется, чтобы эти слова прочли многие. Только боюсь, что все увидят в этом не надвигающийся ужас,

* *Было:* Но смысл иной я каждому придам.

а призыв к анархии – такое впечатление оно произвело на Бальмонта.

Я сейчас чувствую себя снова способным писать стихи. И завтра с утра засяду снова. Пожалуйста, дай или пошли эти стихи Яксу[2] – непременно.

Моя милая девочка. Сегодня не было от тебя письма. Верно, оно запоздало и придет завтра утром. Теперь, когда решено, что мы вернемся в Париж, мне нечего долго собираться. Но надо все-таки знать что-нибудь более твердое и определенное о сроке свадьбы. Ты ничего об этом не пишешь.

Во всяком случае, я дождусь открытия Салона Независимых (через 5 дней) и напишу об нем.

Ужасно боюсь только, что забастовка сможет нас отрезать на неопределенное время. Что же тогда делать?

Я сейчас плохо соображаю. Мозг очень устал.

Мне все мешали и прерывали меня целый день. Приходили один за другим в то время, когда я писал – то Рябушинский, то Шервашидзе, то Девочка, то Бальмонт.

Девочка была растрогана этим стихотворением и сказала: «Я так счастлива, что я такое стихотворение слышала и что Вы его написали. Я всегда мечтала о том, чтобы Вы такие стихотворения – русские – писали. В нем и рифмы русские (?)».

Сейчас я был у Бальмонтов. Там Рябушинский. Он рассказывал с очень веселым и обязательным видом, с любезным расшаркиваньем в голосе о том, как при нем казнили 19 китайцев, привязывая их за косы к гибким стволам, так что голова их далеко отлетала, как его мать умерла от голоду, как он варил голову одного знакомого филиппинца, подаренную ему после казни, и отделал ее череп и т.д. Все это с неизменно радостным и наивным видом. Было как-то очень неприятно.

Я не могу больше писать. Очень устал. Завтра утром, наверное, придет твое письмо, и я докончу это.

Вчерашнее письмо я послал тебе заказным и боюсь, что оно запоздает.

Утро. Пятница.

Твое письмо пришло рано утром[3] вместе с письмом Вас<илия> Мих<айловича>[4]. Я все утро писал стихи о M<ada>me de Lamballe.[5] В душе какое-то скверное чувство от них. Не знаю, удадутся ли они.

Мама очень беспокоится тем, что ты ничего не говоришь о сроке свадьбы. Она боится, что не сможет присутствовать на свадьбе, если она будет позже 10 апреля. Она теперь сама меня начинает торопить в Россию, говоря, что иначе будет поздно, что мне надо заранее приехать. Indépendents* открываются во вторник. Если в четверг или в пятницу будет готово ее платье, то мы можем ехать. Значит через неделю, если ничего не случится.

Только что пришло письмо от Ан<ны> Руд<ольфовны>.[6]

Она тоже просит ничего не говорить Бальмонту, но я ему уже сказал еще до твоего письма.[7]

На него не произвело это никакого впечатления. Да, я буду заниматься немецким языком, конечно. И начну сейчас же. Но, увы, от хлопот и от людей мне в Париже не избавиться.

Вот и сейчас мне надо идти завтракать с Рябушинским, потом смотреть помещение для выставки;[8] потом идти смотреть выставку к Жоржу Пти,[9] потом к портному – т.е. весь день до вечера.

До свиданья, моя девочка.

Пришла Девочка. Писать больше нельзя.

Передай мой привет и благодарность Вас<илию> Мих<айловичу>.

[1] Стихотворение было впервые напечатано в парижском журнале «Красное Знамя», издававшемся А.В. Амфитеатровым (№ 1 (апрель). С. 71). Вторая публикация – в газете «Двадцатый Век» (1906. № 91. 29 июня / 12 июля. С. 4), сменившей с конца марта 1906 г. запрещенную «Русь». Публиковалось также в сб. «В борьбе. Вып. 3» (СПб., 1906. С. [18]). Между первоначальным и опубликованным текстами имеются незначительные расхождения. См.: Т. 1 наст. изд. С. 252–253, 523.

[2] Я.А. Глотов (ср. примеч. 3 к п. 258).

* Независимые *(фр.)*.

[3] Имеется в виду п. 251.

[4] Речь идет о письме В.М. Сабашникова к Волошину от 27 февраля / 12 марта 1906 г. – ответ на несохранившееся письмо Волошина из Парижа, отправленное одновременно с отъездом Сабашниковой (см. п. 247). Приводим его полный текст:

«Любезный Макс Александрович.

Крепко жму Вашу руку за Ваше письмо. Я верю, что Вы действительно любите нашу Маргорю и желаете дать ей счастие. Дай Бог, чтобы это исполнилось.

Надеюсь, Ваша мама одобряет Ваш выбор.

Теперь будем ждать Вашего приезда – чтобы поближе познакомиться с Вами и переговорить о существенном. Приезжайте тогда, когда сможете, не ломая ваших парижских дел. Потом труднее будет их направить.

Ну, будьте здоровы и благополучны.

Преданный Вам

В.М. Сабашников»

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3. ед. хр. 1056, л. 1 – 1 об.). См. также п. 247 и 251.

[5] См. примеч. 2 к п. 263.

[6] Имеется в виду недатированное письмо от Минцловой с пометой «Воскресенье, ночью», написанное, судя по содержанию, 26 февраля / 11 марта 1906 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 34–36 об.).

[7] См. примеч. 5 к п. 251.

[8] См. примеч. 1 и 2 к п. 247.

[9] 1/14 марта 1906 г. эту выставку посетил А.Н. Бенуа, отметивший этюд Л. Симона «Ярмарка» и «отличные “Цветы”» Ж.Э. Бланша (см.: *Бенуа А.Н.* Дневник 1906 г. С. 90).

262. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3/16 марта 1906 г. Москва

Пятница. Вечер.

Сегодня я получила 2 письма от воскресенья вечера и от понедельника.[1] Милый мой, как все хорошо. У нас царство Божие на земле. Сегодня утром Алеша мне рассказывал, что мама вчера вечером долго с ним говорила о нас; читала ему

с умилением отрывки из Твоих писем и сказала, что она Тебе вполне, вполне верит.

Утро мы провели с Алешей у А<нны> Р<удольфовны>, читали. После завтрака я ездила с мамой ей за платьем; она так нервна, что вскрикивает от каждого извозчика, кот<орый> наезжает, но ни на кого из нас не раздражается и ужасно мила и весела. Как она очаровательна. У Мюр и Мюрелиза *<sic!>*[2] спросила меня: почему Ты хочешь венчаться уже в апреле.

Я объяснила причину — она согласилась. «Только мучительно как-то, я волнуюсь». Вернувшись, я получила Твое письмо с планами и рассказала ей; она сказала: «Ну что же. Я заказываю венчальное платье».

Макс, сшей себе фрак. Уж давай, все чтобы было хорошо и честь честью.

Если не фрак (а лучше фрак), то выбирайте с Чуйко, чтобы чего-нибудь ужасное не сделал. Сюртук нельзя. Раз в жизни ведь можно сшить фрак.

У нас сидят Пашин и Любимов, и я спешу отослать письмо.

До конца июня пробудем, значит, в Париже; а лучше под Парижем; пыльно, жарко в Париже, и людей много. А, впрочем, делай, как знаешь. Если в Севре? Или Медоне?

Алеша сияет. Папа тоже. Нюша тронута Твоим письмом.

Прощай, радость моя. Еще напишу скоро.

[1] Т.е. п. 252 и 253.

[2] «Мюр и Мерилиз» — российский торговый дом, первый в России универмаг для среднего класса, а также известный магазин шляп и галантерейных товаров в Москве на Петровке (по имени основателей фирмы, шотландцев Э. Мюра и А. Мерилиза). Полностью сгоревшее в 1900 г., здание магазина было заново отстроено и открыто на том же месте в 1908 г. Поблизости от главного здания работали филиалы. Торговый дом прекратил свое существование в 1922 г. В здании главного магазина ныне размещается ЦУМ (Центральный универсальный магазин).

263. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

3/16 марта 1906 г. Париж

Пятница. Ночь.

Милая моя девочка, я боюсь, что я послал тебе вчера пустое и холодное письмо. Сегодня опять суета, и я недоволен собой. Я утром пытался написать стихотворение, да ничего не вышло. Потом меня Рябушинский уговорил ехать на автомобиле далеко за город. Я соблазнился. Так ушел день.

Но в этой скорости, право, есть что-то безнравственное, пред землей грешно. Какое-то оскорбление ей наносится.

А без меня приходили ко мне Бенуа, Ек<атерина> Алек<сеевна>...

Потом, когда я вернулся, приходили один за другим разные незнакомые русские. Вечером я уже вышел, чтобы пойти к Ек<атерине> Алекс<еевне>, но столкнулся с Мих<аилом> Самой<ловичем>, который шел ко мне. Так я Ек<атерину> Алекс<еевну> сегодня и не видал. Мне стыдно за этот день. Мне хочется быть с тобой, и я знаю, что скоро придет и одолеет меня сон. Уж очень поздно.

Я буду завтра утром писать Вас<илию> Мих<айловичу> и напишу ему обо всем: и сроке свадьбы, и о всех наших планах. Надо мне до отъезда все-таки знать твердо, что свадьба может быть в апреле. Маме, я вижу, страшно этого хочется, она и платье-то только специально для этого случая шьет. А позже оставаться она не может. Если будет иначе, то это будет страшное огорчение для нее. Я думал, что мне неловко писать твоему папе о сроке свадьбы, раз ты ничего не говоришь, но теперь я подумал и напишу ему все, как я думаю, и все планы наши, как они есть.

Меня это только смущает: я не знаю, на что я еду. Если б не это, то я бы выехал на днях. Но я надеюсь, что в твоих письмах скоро будет хоть какое-нибудь определенное слово. При тех условиях, при которых я теперь еду, мне надо будет, во всяком случае, к 15/28 апреля с тобой или без тебя вернуться в Париж. Но ведь это же немыслимо. Об этом *надо* раньше говорить.

Моя милая, милая девочка, мне тяжело, что между нами стоят все эти вопросы и соображения.

Дай мне твою голову. Я приласкаю и успокою тебя. Я сниму у тебя головную боль. Как я рад за тебя, что все вокруг тебя так спокойно и радостно.

Я страшно беспокоился вначале за твои отношения с твоей мамой, но мне казалось, почему-то я был уверен в том, что все должно разойтись. Напиши мне подробнее, как все произошло, как, с какого момента изменились ваши отношения. Какие они? Такие ли, как были в детстве? Все ли злобное исчезло или остались еще тени?

Я думаю о том, как я войду в ваш дом и как я в первый раз каждому загляну <в глаза и скажу?> слова. Я не знаю, найду ли я те слова, которые надо будет сказать. Я боюсь выявить это. Я знаю, что слова сами придут. Приедешь ты меня встретить на вокзал? Ты должна приехать, непременно. Одна или с Нюшей.

Боже мой... Я чувствую, что опять глаза мои слипаются. Будь со мной, моя девочка. Как меня трогает то, что Марг<арита> Алекс<еевна> смотрит и показывает мои карточки. Что она говорит об них? Говорила ли *она* с тобой обо мне или только ты с ней. Что она спрашивала обо мне?

Будем читать в Москве по-немецки.

Нет... Я сам буду — один читать — это будет полезнее. С тобой мы не сможем. Сейчас открывается масса выставок. Я все эти дни буду ходить по ним. Я, верно, не успею обо всем написать здесь. А сделаю заметки и буду писать в Москве.

Покойной ночи.

Суббота. Утро.

Только что закончил стихотворение. Вот оно:

Голова Princesse de Lamballe

Мое гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне.
Надо мной надругалась, раздела...
И не смела на землю взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,

Оставив лоскутья
Окровавленных членов на камне.
И парижская голь
Унесла меня в уличной давке.
Кто-то пил в кабаке алкоголь,
Меня бросив на мокром прилавке.
Куафер меня поднял с земли,
Причесал* мои светлые кудри,
Нарумянил он губы мои,
И напудрил...
И потом вся избита, изранена,
Грязной рукой
Как на бал завита, нарумянена,
Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом. Неслась** вакханалия.
Пел*** в священном безумье народ.
Мне казалось: на бале в Версале я...
Плавный танец кружит и несет.
Точно пламя гудели напевы...
И тюремною узкою лестницей
В башню Тампля[1], к окну королевы
Поднялась я народною вестницей...[2]

Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покою. И мне оно кажется хорошо в своем ужасе. Как какая-то тяжесть упала с плеч.

Прочти его Ан<не> Рудольф<овне>. Мне кажется, что его не всем можно читать.

---

[1] Тампль (Temple или Tour de Temple) – средневековый парижский замок, сооруженный в 1222 г.; некогда – резиденция ордена тамплиеров и его последнего гроссмейстера (Великого Магистра) Жака Бернара де Молэ. В годы Великой Французской революции использовался как тюрьма. В Тампль были заключены Людовик XVI, Мария-Антуанетта и их дети. Разрушен по приказу Наполеона в 1808–1810 гг.

---

* *Было:* И завил

** *Было:* Росла

*** *Было.* Был

[2] Впервые – в журнале «Красное Знамя» (№ 1 (апрель). С. 72–73); то же – «Двадцатый век» (1906. № 88. 26 июня (9 июля). С. 2) и «Вольница. Сборник № 2» (СПб.: Борьба, 1906. С. 26). В дальнейшем публиковалось также под заглавиями «Голова принцессы Ламбаль» и «Голова madame de Lamballe» (с разночтениями по отношению к данному тексту). См. также примеч. 2 к п. 150, примеч. 7 к п. 159 и п. 261 (место, отмеченное примеч. 5).

264. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

4/17 марта 1906 г. Москва

Суббота. Ночь.

Сегодня от Тебя не было письма, мой милый. Макс! Максюша мой. Скучно, когда от Тебя нет известий, зато вчера было 2 письма. Теперь я жду Тебя. Вчера я писала Тебе наспех, чтобы скорее сообщить, что свадьба может быть в апреле. За нами поедут и А<нна> Р<удольфовна> с Нюшей, и Алеша с Любимовым. Мы говорили с папой, м<ожет> б<ыть>, на сентябрь он приедет в Крым, но трудно загадывать. В России будет, вероятно, нечто ужасное. Захочешь ли ты оставаться именно в Крыму.

Вчера вечером у нас сидели Любимов и Пашин, а потом приехал Влад<имир> Фед<орович> Дж<унковский>, сияя эполетами. У него хороший вид. Я подавила в себе первое движение смущения и старалась забыть, кто он, и беспристрастно слушать, что он говорит. Он работает по 14 ч<асов> в сутки, и я думаю, что ему очень тяжело. Но его самоуверенный тон, насмешечки над некоторыми людьми и такие фразы, как «я засадил его», и в т<аком> духе было больно слушать. Я думаю, власть развращает всех людей; кроме того, он очень озлоблен на постоянные клеветы, кот<орые> про него печатают в газетах.

Ты знаешь, Макс, я думаю, есть священные войны и можно убивать врага, любя его и не осуждая. Убийство Брута так всегда волновало меня.[1] Что бы А<нна> Р<удольфовна> ни говорила про В<ладимира> Ф<едоровича>, мне кажется,

он прямой и по-своему справедливый человек, и есть минуты, когда поэтому мне кажется немыслимым его существование.

Я опять так устала, что еле собираю слова. Прости меня. Я только хочу сказать, что осуждение хуже убийства. В Бхагавад Гите Кришна побуждал сражаться героя.[2] Я думаю, что люди с чистым сердцем, люди бескорыстные могут убивать. Они приносят жертву.[3] Тот, кто знает кармические законы, может убивать. Нужно, простив врага, убить его. Это все, конечно, не по поводу вчерашнего вечера.

Милый мой, милый Макс; сейчас я пишу одна в большой комнате. Нюша с Алешей у тети Тани, а другие разошлись спать. Я осталась дома, чтобы все вечера проводить с папой. До чая мы были у всенощной. Я рада, что на Страстной неделе ты будешь здесь. А<нна> Р<удольфовна> будет говеть. Тебе тоже надо.

У меня ум и глаза все время скованы сном. И вся Москва мне кажется старым сном. Мне жаль, что я ничего не воспринимаю: я как будто заколдована. Вижу Edgar Quinet,[4] а Москва вся в сугробах, приземистая, пестрая. Почему я не нахожу в себе моей прежней любви к ней? Или я проснусь. У меня прежнее состояние возобновилось: чувство сна, мне нужно вспоминать, что я русская, что вот теперь я выхожу замуж, что в России революция. Я смотрю и вижу это из бесконечной дали. Ты не далек; Ты, папа, мама – все близки, а жизнь далека. Я не умею объяснить этого. Но это не очень приятно. Приезжай и измени меня. Я бы хотела присутствовать вполне в эти минуты, а я боюсь уйти еще дальше. Я не рисую и страдаю от этого. По утрам за чтением «Doctrine Secrète» это немыслимо; а потом осаждают люди и вещи. И вижу я плохо. Читая, А<нна> Р<удольфовна> страшно волнуется. А во мне что-то тяжелое. Я потом Тебе многое расскажу. Я так боюсь, что буду Тебе плохой поддержкой, или я так слаба только теперь. Мне стыдно, что я все это написала. Просто я устала.

Мы поедем с Тобой в Руан, в Клервос <*sic!*> и в Шартр. Не правда ли?

Слушай, какую я Тебе расскажу быль: в Италии есть лесистое озеро Nemi, посвященное Диане.[5] В древности там стоял храм Дианы, куда мог входить один жрец. По ночам он

ходил, вооруженный, вокруг и ждал. В лунные ночи приходил воин и боролся с ним; если он был слабее, жрец убивал его. Если он был сильнее, он убивал жреца, и сам становился жрецом и так же ходил вокруг храма, ожидая сильнейшего.

Напиши стихотворение вот об этом.[6]

Спокойной ночи, Макс. Когда же мне ждать Тебя? Спокойной ночи, милый. Ты рядом со мной и днем и ночью. А я?

Целую Тебя, Твою голову, Твои глаза.

Получил ли Ты письмо от вчерашнего дня, от пятницы? Я писала, как мама хорошо к Тебе относится, и еще, чтоб Ты шил фрак.

Кланяюсь маме.

[1] Сабашникова имеет в виду убийство Юлия Цезаря (15 марта 44 до н.э.), совершенное Брутом и группой заговорщиков.

[2] «Бхагавад Гита» (другие написания: «Бхагавад-Гита» и «Бхагаватгита») – памятник древнеиндийской религиозно-философской культуры, созданный на санскрите за несколько веков до н.э. (заглавие означает «Божественная песнь», «Песнь Бога»). Состоит из 18 глав и 700 стихов; составляет 6-ю часть поэмы «Махабхарата». Один из основных источников индуизма, почитаемый в теософии. «Этот труд исключительно оккультен, эзотеричен», – характеризует «Бхагавад Гиту» Е.П. Блаватская (см.: *Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994. С. 101). Один из переводов «Бхагавад Гиты» на английский язык был осуществлен А. Безант (1-е изд. – 1895). Особое внимание этому памятнику уделял Р. Штейнер, прочитавший в конце декабря 1912 г. в Кельне курс из пяти лекций под названием «Бхагавад Гита и послания апостола Павла» (GA 142; рус. перевод: Калуга: Духовное познание, 1993), а с 28 мая по 5 июня 1913 г. в Гельсингфорсе – курс из девяти докладов под названием «Оккультные основы Бхагавад Гиты» (GA 146; рус. перевод: Калуга: Духовное познание, 2001).

Основное содержание «Бхагавад Гиты» представляет собой философский спор между принцем Арджуной и его колесничим Кришной перед началом великой битвы: Арджуна сомневается в целесообразности боя, который приведет к гибели многих людей, в том числе – его кровных родичей; Кришна рассеивает сомнения Арджуны, побуждая его «исполнить дхарму».

«Бхагавад Гита» была хорошо известна Волошину по французскому переводу Э. Бюрнуфа; в Доме-музее Волошина сохранились

второе и третье издание этого перевода с его пометами: La Bhagavad-Gîtâ: Le chant du bienhereux / Traduit du sanscrit par Émile Bornouf. Seconde édition. Paris: Libraire de l'art indépendant, 1895; Troisième edition, 1905 (Мемориальная библиотека... С. 99–100). В статье «О теософии» он называл этот памятник «одним из величайших Евангелий Человечества...» (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 244; статья впервые опубликована В.П. Купченко в 1990 г.). В свою записную книжку Волошин занес ряд наставлений Кришны, обращенных к Арджуне перед сражением (см.: Записные книжки. 60–61; см. также примеч. 1 к п. 271 и п. 272).

Сабашникова познакомилась с «Бхагавад Гитой» весной 1901 г. в Богдановщине. «Это была восточная мудрость, – читаем в ее дневнике (запись от 6 июня 1901 г.). – Вокруг, как зеленый сон, шумел сад, вишни стояли в цвету, как осыпанные сахаром. Вокруг жили люди. 4 молодые девушки пели, смеялись, мечтали. А я читала индийскую поэму Багавад <*sic!*> Гиту и не жила. <...> Думается мне, что жизнь страшна, что есть абсолютное, неизменяемое. Но мистицизма во мне нет. Я познакомилась с теософией. Все там стройно, логично, но все принимаю только как символизм» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 19, л. 2). Об этом она вспоминала – спустя много лет – и в «Зеленой Змее»: «Была ранняя весна, яблони, цвели в нашем чудесном саду, липы еще не распустились. <...> Я читала мою "Бхагавад-Гиту"; мир не был больше механическим явлением, он стал сновидением, майей» (С. 100).

Летом 1907 г., прочитав «Эликсир Сатаны» Гофмана, Сабашникова задумала написать роман, своеобразно отражающий сюжетно-смысловую канву Бхагавад-Гиты. «Тем, что является у Гофмана "эликсиром сатаны", – сообщала она 10 июля 1907 г. В.И. Иванову, – в моем романе – рассказ о Кришне и Арджуне. Кришна испытывал царевича Арджуну послушанием, и последнее испытание было испытание богоборчеством. Он заставил сперва Арджуну самым подлым и предательским образом убить любимых и близких, говоря: "Твоя Дхарма выше твоей чести", а под конец потребовал, чтобы Арджуна предал его, Кришну, врагам. Вероятно, Арджуна просил: "Да минует меня чаша сия", – но потом его глаза стали каменными, он связал Кришну и бросил его врагам. Те повесили его, и первую стрелу в него пустил Арджуна. Кришна вывел из ада всех людей и взял их в рай, и Арджуна пошел в ад один за всех. Другого своего ученика, который не осмелился поднять на него руку (раньше; это было лишь испытание), Кришна проклял» (цит по: Документальные хроники. С. 213). Задуманный Сабашниковой роман не был написан. См. также п. 378.

[3] Далее зачеркнуто: «(Я вспомнила о Иуде)»

[4] Имеется в виду мастерская Волошина на бульваре Эдгара Кине 16, куда он переехал в октябре 1905 г.

[5] Вулканическое озеро Неми (в 25 км юго-восточнее Рима) предание действительно связывало с культом Дианы, о чем Сабашниковой могла рассказать Минцлова (ср. в письме Минцловой к Волошину от 26 февраля / 11 марта 1906 г.: «Еще мне хочется написать Вам о "Зеркале Дианы" – но это потом» // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 37). 10 июля 1907 г. Сабашникова писала В.И. Иванову (см. выше примеч. 2): «...Рассказ о жреце у храма на озере Неми, кот<орый> в полнолуние, вооруженный, ждет сильнейшего. Тут храмом Дианы – эта девушка» (Документальные хроники. С. 213–214; «эта девушка» – героиня задуманного романа). Этот сюжет Иванов тогда же воплотил в стихотворении «Жрец озера Неми. Лунная баллада» («Я стою в тени дубов священных...»), отразившем в завуалированной форме его отношения с Волошиным и Сабашниковой (впервые: Факелы. Кн. 3. СПб.: Д.К. Тихомиров, 1908. С. 183–184). Впрочем, Иванов и ранее вдохновлялся легендами, связанными с озером Неми; см. его стихотворение «Speculum Dianae» («Зеркало Дианы» – *лат.*), посвященное И.М. Гревсу и вошедшее в сб. «Кормчие звезды» (СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903), а также – авторский комментарий к этому стихотворению (Там же. С. 369).

Упоминание об озере Неми см. также в п. 266.

[6] Стихотворения, посвященного озеру Неми, у Волошина нет.

265. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

4/17 марта 1906 г. Париж

Суббота. Ночь.

Дорогая моя, милая моя девочка, мое сердце надрывается за тебя, и я не могу больше быть здесь.

Я уже написал и отправлю одновременно с этим письмом письмо Василию Михайловичу.[1] Я ему пишу откровенно о наших планах, о том, что свадьба должна быть 10 апреля, и главными причинами выставляю невозможность мамы ждать дольше, невозможность оставить теперь Париж ради «Руси» больше, чем на месяц, и, наконец, необходимость присутствовать на лекциях Штейнера. При этом я пишу, что я хочу выехать в пятницу или субботу 23 или 24 (10 или 11) и прошу

остановить меня телеграммой, если свадьба *абсолютно* невозможна в апреле.

Я думаю, что еще до получения этого письма у тебя будут уже более определенные разговоры о сроке свадьбы, и ты мне напишешь их. Во всяком случае, я в день выезда буду тебе теле<г>рафировать.

Твое письмо (от вторника)[2] привело меня в отчаяние и побудило сейчас же написать об этом вполне определенно. В июне венчаться невозможно. Я не смогу приехать еще раз, а, с другой стороны, при тех условиях, как я теперь еду, я не смогу остаться позже 12–13 апреля. Потом я вижу теперь, что если венчание будет не при маме, это будет для нее очень, очень большим огорчением.

Нет. Теперь, когда получится это мое письмо вместе с письм<ом> Вас<илию> Михайловичу, – оно должно прийти самое позднее в четверг утром, ты должна сейчас же точно и определенно начать говорить об этом.

И ты телеграфируй мне, во всяком случае, одно слово: *приезжай* или *жди*. Я не могу выехать без этого, а с другой стороны, я больше не могу оставаться в Париже: мне надо быть там, где ты, быть с тобой.

Почему ты позволяешь, чтобы тебе делали все эти покупки, если это так тяжело и мучительно для тебя. Зачем эти вещи? Мы их купим в Париже. Ты боишься обидеть отказом? Почему не сказать прямо, что ты думаешь? Это не может быть оскорбительно, если сказано с любовью. Оскорбляет только правда, сказанная от лени.

Ты живешь в проходной комнате? У тебя нет уединения? Милая моя, дорогая моя, больная, милая... Мне так жаль тебя, так мучительно за тебя. Приди ко мне, посиди у меня... Как нам будет тихо и одиноко, когда мы будем вместе.

Да, надо тебе рассказать о сегодняшнем дне: утром я писал то стихотворение. После пошел к Бальмонт<ам> и читал там им обоим новые стишки. Конст<антину> «M<ada>me de Lamballe» страшно понравилась. Мы говорили потом долго вдвоем с Ек<атериной> Алекс<еевной>, и мне она давала разные благоразумные советы житейские. Потом она предла-

гала будущей зимой поселиться всем вместе – т.е. отдельно, но рядом. Затем говорила: «Когда приедет Кругликова, скажите ей сейчас же все и скажите сами».

Вечером вдруг появилась Кругликова – на этот раз действительно сама. Потом прибежала Девочка и очень смутилась, когда познакомилась с Ел<изаветой> Серг<еевной>.

Судя по тому, что Ел<изавета> Сер<геевна> не удивилась, когда я сказал ей, что я в конце недели еду в Москву, я догадался, что она что-то знает или подозревает. Оказалось, что я был прав. Она была у Алекс<андры> Иосифовны[3] в то время, когда та получила письмо от мамы с этим известием, и догадалась по разным признакам.

Послушай, мне Ан<на> Рудольф<овна> пишет, что она нарочно старается тебя видеть реже, чтобы не мешать тебе отдаться семейным впечатлениям,[4] а ты в то время пишешь, что никак не можешь поговорить с ней. Выясни это недоразумение – я напишу ей тоже об этом.

Покойной ночи, моя милая, милая девочка. Я спешу закончить письмо, чтобы сейчас же опустить его в ящик.

Сейчас поздно. А Елиз<авета> Серг<еевна> долго сидела.

Мих<аил> Сам<ойлович> еще ничего не знает..!!

[1] Это письмо Волошина не известно.

[2] Видимо, п. 255.

[3] А.И. Орлова.

[4] В письме Минцловой к Волошину 26 февраля / 11 марта 1906 г. сказано: «М<аргариту> В<асильевну> я вижу очень мало, урывками, и всегда не одну <...> Да это и понятно, и естественно вполне – у М<аргариты> В<асильевны> так много сейчас важного, нового и потрясающего, что вполне естественно некоторое отдаление от меня, особенно первое время. Само собой разумеется, что ей теперь надо как можно больше быть со своими, и я первая стараюсь об этом изо всех сил» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 844, л. 34).

266. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5/18 марта 1906 г. Москва

8 ч<асов> вечера. Воскресенье.

Мой милый, Боже мой, когда я буду с Тобой. У меня сейчас какой-то приступ тоски. Вспомни, что было с Тобой в воскресенье, когда у нас было 7 и 8 ч<асов>.

У нас был обед. Обедала М<ada>me Юнге с сыном Сашей. Я сидела между ними. М<ada>me Юнге надрывалась о Толстом и со страстью говорила труизмы, а ее кисленький сын криво улыбался и ни на какие разговоры не шел. Как он противен! Меня все люди так раздражали, сделалась какая-то спазма в горле, головная боль, так что я не поехала на собрание К<онституционно>-д<емократической> партии, куда поехали все наши и М<adame> Юнге и куда я очень стремилась. Папа, конечно, остался со мною.

Ах, Макс, милый Макс; вот я читаю о Майе,[1] все думаю о том, что не нужно личного, и это у меня все ложь. Я хочу Тебя и счастья с Тобой, я не хочу быть врозь, я не могу без Тебя. Когда-нибудь, м<ожет> б<ыть>, я стану другой, но я не хочу лгать, и я не хочу, чтобы Ты думал, что я могу помочь Тебе освободиться, я не хочу этого надрыва; дай я поплачу у Тебя на груди и не слушай меня, Макс. Это все пройдет. У меня туман в голове, я все время усиливалась быть справедливой, т.е. не быть справедливой, а терпимой и всех принимать и быть со всеми. А вовсе этого не нужно. Кроме правдивости, ничего не нужно. Я – unvollkommen,* я unvollkommen и хочу быть только Твоей женой, никого, кроме Тебя, не видать. Конечно, не слушай меня. Это я сейчас хочу немножко, ну часочек, пробыть с Тобой совсем одна. Неужели мы не будем ничем защищены, и к нам будут стучать каждую минуту, и мы будем отскакивать друг от друга, Макс, выслушай меня, сегодня я буду человеком и так, как будто ничего не слыхала об эгоизме и альтруизме и пр<очее>, и пр<очее>. Потом все забудь, конечно. Я мечтаю, м<ожет> б<ыть>, это все немыслимо, п<отому> ч<то> неизвестно, что будет в апреле; но я мечтаю после свадьбы по дороге за границу заехать дня на 3, на 5 в Богдановщину, там в

* Несовершенна *(нем.)*.

доме ведь все есть, мы бы ходили по пустынному саду, по дому, по лесам, м<ожет> б<ыть>, в последний раз перед их истреблением. Максик, приласкай меня, мне так хочется плакать.

11½ ч<асов> вечера.

Весь вечер просидела с папой, и было так хорошо. Я так много ему рассказывала, и мы массу, массу говорили.

У Гейера осталась моя книга Шт<ейнера> «Haeckel und seine Gegner»*,[2] привези мне. Я ее прочту и расскажу папе. Как нам хорошо вместе. Только, когда я говорю, я задыхаюсь, и у меня бьется сердце. Странное чувство. Много говорила о Тебе, милый мой.

Моя спазма тоски и раздражения совсем прошла, головная боль осталась. Что Ты написал для Амфитеатрова? Опасаюсь я. Мне кажется, Тебе нужно хранить свою чистоту и зря слова не говорить, пока они не вырвутся сами по-настоящему. Впрочем, что же я заранее говорю, не зная, что ты написал. Буду ждать этого стихотворения с большим нетерпением. Я прочла обе амфитеатровские брошюры[3] и нахожу их очень неинтересными. Тебе не нужно петь с ними. Это мое глубокое убеждение. Ты будешь говорить, обращаясь к другим сторонам человеческой души. Твое оружие не их оружие, и Тебе не нужно связывать своего имени с именем Бальмонта и с им<енем> Амфитеатрова. Не пойми ложно моих слов. Никакое личное чувство в данную минуту не руководит мною. Здесь нет никакой личной вражды ни к тому, ни к другому; нет *никакого* расчета, и если бы Ты спросил меня, почему я пишу Тебе это, я не сумела бы Тебе этого объяснить. Я сейчас читала и переводила «La lumière sur le sentier»** и ясно сейчас что-то почувствовала. Мне хочется, чтобы Ты и Твое имя было чисто не для Тебя и не для меня.....

---

* «Геккель и его противники» *(нем.)*.

** «Свет на пути» *(фр.)*.

Приехали наши и перебили меня, а так как последняя страница была Боговдохновенна, то продолжать в том же духе я не могу.

В России сейчас действительно ужасно. Но деятельность левых партий такое же насилие, такой же мрак. Я бесов ненавижу, не вижу чистых и светлых борцов; в крестьянском движении тьма и брожение худших элементов. Ты не говори Кате, она рассердится и не поймет меня.

Спокойной ночи, мой мальчик. Будь спокоен и радостен. Присылай мне стихи. Я очень жду много от лекций Шт<ейнера>. Мне кажется, после них можно будет писать и говорить уверенно. Писать, конечно, нужно теперь, если пишется, но погоди печатать. Помнишь, ты говорил о Фр<анцузской> революции, что это была эпоха, когда слово не отделяли от дела.[4]

С А<нной> Р<удольфовной> я не говорила об этом, и мне не хочется об этом говорить, но я уверена, что она так же бы отнеслась.

Я падаю от усталости. Спи, милый мой.

Зеркало Дианы – имя озера, о кот<ором> я вчера писала, а жрец был царем и убийцей. Чудная вещь. Я страшно это чувствую.

Забудь первую половину моего письма.

Знаешь, я хочу сбросить тяжелое благоговение перед восторгами А<нны> Р<удольфовны> и перед Шт<ейнером>. Это неестественно и мешает жить. Это должно быть глубже и высказываться в обиходе.

Прощай.

Я все хочу еще и еще писать, но не могу.

[1] См. примеч. 2 к п. 39.

[2] Статья Р. Штейнера под таким названием была впервые опубликована в августе-сентябре 1899 г. в мюнхенском журнале «Gesellschaft» («Общество»). Отдельное изд. – Minden: J.C.C. Bruns, 1900. Перепечатана в составе тома, объединяющего в себе ранние работы Штейнера: *Steiner R.* Methodische Grundlagen der Anthroposophie. Gesammelte Aufsätze zur Philosophie, Naturwissenschaft, Ästhetik und Seelenkunde 1884–1901 3. Auflage. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1989; GA 30.

[3] Очевидно, брошюры, напечатанные Амфитеатровым в 1905 г. в Женеве (парижские лекции 1905 г.; четыре выпуска из серии «Современные сказки»; и др.).

[4] В письме к Сабашниковой от 14/27 сентября 1905 г. Волошин приводил слова из книги Ж. Мишле «История Французской революции»: «В эти эпохи действие является послушной рабыней слова» (см. примеч. 6 к п. 159).

267. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

6/19 марта 1906 г. Париж

Понедельник. Ночь.

Милая моя девочка, вот твое письмо. Гости ушли. Чем ближе день моего отъезда, тем мне как-то радостнее, проще все представляется. Только бы то мое письмо к Василию Михайловичу не пропало,[1] и пришла бы скорее телеграмма.

Я чувствую уже, что я здесь почти перестал быть и что я в Москве.

Знаешь, как мы устроимся: мы оставим мое ателье. Т.е. мы сперва приедем прямо сюда, а потом сейчас же станем искать себе места для постоянного жительства в окрестностях Парижа. Хочешь? Будем все равно ездить за город. И нам гораздо лучше будет жить не в городе, а за городом. В Версале, пожалуй, будет немного далеко – поселимся где-нибудь по Сене – в Мэдоне или в Кламаре.

Там нам не будут мешать люди. Там мы можем нанять целый отдельный домик. Хочешь так? Мое ателье, как я вижу, для лета совсем невозможно.

Сегодня у меня было очень хорошо. Как-то были только интересные люди. Был, между прочим, кн<язь> Щербатов, у которого «Раковина», «Колокольчики» и «Демон» Врубеля.[2] Его привел Шервашидзе. Были Бальм<онт>, Рябушинск<ий>, Амфит<еатров>, Девочка... Ах, Девочка-таки сериозно едет в Россию. Можешь себе представить! Положим, она уверяет, что не будет в Москве, но этому я не верю. Какое-то курьезное

единство действующих лиц. Последнее действие: все лица, бывшие одновременно в тот день[3] в доме M<adame> Жан при первом действии, потом все целиком переехавшие в Цюрих, оказываются в Москве.[4] Ужасно странно, если так именно и случится.

Приехавши в Москву, я никого из посторонних лиц видеть не буду, сделавши только исключение для Брюсова и Белого, которых я очень хочу видеть.

Сегодня я читал всем мои последние стихотворения, и мне кажется, что они производят-таки впечатление.

Амфитеатр<ов> вчера уверял меня, что «Русь» не напечатает «Ангела Мщенья», а если напечатает, то меня арестуют.[5] Я что-то совершенно ему не верю. Все... буквально все принимают это стихотворение за анархический призыв. Какая слепота охватывает людей в такие эпохи! Вот опять эзотеричность искусства — то, что должно остаться неведомым для «испивших хмельной отравы гнева», остается им неведомым, хотя оно сказано.

Пожалуйста, давай его и читай его, это стихотворение, как можно большему числу людей, мне кажется, что будут многие, которые примут его так, как оно есть.

Меня страшно тронули китайские шелковые платки. Но, Боже мой, что же я буду делать с ними? И твои платья... Представляешь ли ты, как мы приедем в Париж, сюда в мастерскую, и как это все будет к ней идти — и шелковые платки, и парчовые платья. Я не боюсь никаких представлений, никаких знакомств, и в этом для меня не будет ни тяжести, ни ужаса. Я почему-то очень теперь стал уверен в себе. Только бы мне быть с тобой и только бы повенчаться 10 апреля.

Мне не кажется, чтобы этому могли возникнуть препятствия. Только нужно настоять, чтобы это было очень просто и в старой, скромной церкви. Ведь это *наше* таинство, и никого не может обидеть, если это так будет.

Я себе шью сюртук, а фрака у меня не будет.

У меня такое чувство, что я не только к тебе еду, — а ко *всем вам*. И всех готов полюбить. Как мне хочется увидеть Ан<ну> Руд<ольфовну>.

Ей сейчас очень тяжело, и мне надо быть с ней.

Я пишу тебе эти письма небрежно и наскоро. Я чувствую, что на них уже не получу ответа, потому что сам приеду раньше.

Покойной ночи, дитя мое...

Cardinali Bellarmini Opera Omnia*.[6]

Издание *1629* года я нашел, и т<ак> к<ак> это был редкий случай, оно стоило всего 20 fr., что для такой книги страшная редкость, то я его купил на свой страх для твоего дяди. А «Explanatio in psalmos»** мне обещали найти.

Утро. Вторник.

Доброе утро, моя милая девочка. Сегодня вернисаж Indépendents.[7] Иду туда.

До свидания.

[1] См. примеч. 1 к п. 265.

[2] Собрание князя С.А. Щербатова распалось после 1917 г. О картине «Колокольчики» сведений не обнаружено. Вариант «Демона» из щербатовского собрания демонстрировался на русской выставке при Осеннем Салоне 1906 г. (см. примеч. 7 к п. 299). Полотно Врубеля «Раковина» (другое название — «Жемчужина») поступило в 1925 г. в Государственную Третьяковскую галерею, где хранится поныне.

[3] Какой именно «день» имеет в виду Волошин, неясно.

[4] Под «первым действием» Волошин подразумевает, видимо, лето 1905 г., когда в пансионе мадам Жан на бульваре Монпарнас жили одновременно Сабашникова, ее мать, М.К. Гринвальд, А.В. Сабашников, А.Л. Любимов; все они летом 1905 г. приезжали в Цюрих.

[5] Стихотворение «Ангел Мщенья» не было напечатано в «Руси» (см. примеч. 1 к п. 261).

[6] См. примеч. 2 и 3 к п. 248.

[7] См. примеч. 8 к п. 249.

---

* Собрание всех сочинений кардинала Беллармина *(лат.)*.

** Толкование псалмов *(лат.)*.

268. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

6/19 – 7/20 марта 1906 г. Москва

Понеде<льник>.

Сегодня утром пришло Твое заказное письмо с письмом мамы и Ал<ександры> Мих<айловны>.[1] Макс! Макс мой. У меня чуть не разорвалось сердце. И это со вчерашнего дня растет во мне волна любви. Я не могла спать ночь и все думала, отчего этот порыв безысходен. Почему мы не вместе. Целый день с ненужными утомительными людьми, Мюрелизом[2] и пр<очее>, и пр<очее>. Я устала до слез, до злости и не могу сейчас писать Тебе, до завтра утра, мой милый. Что-то громадное происходит в нас. Ах, зачем это письмо, а не Ты, не Твои руки, не Твоя голова и грудь, не весь Ты, Макс мой.

Утро. Вторник.

Твое стихотворение поразительно, страшно чудно. Я не нахожу слов. Мне хочется поцеловать Твою руку. Макс, Макс мой.....

Макс, Шмидта расстреляли. Не верится. Буду писать вечером. Сейчас не могу.

А<нна> Р<удольфовна> очень взволнована, и Тебе следовало бы скорее приехать. Она собирается лечить одну женщину, страдающую от привидений с детства. Шт<ейнер> поручил ей это.[3] Я за нее боюсь, т.е., конечно, я уверена, но хорошо бы Тебе приехать. О Шмидте мы утром еще не знали.

[1] Имеется в виду п. 260, к которому были приложены: письмо А.М. Петровой к Волошину от 23 февраля / 2 марта 1906 г.; письмо Е.О. Кириенко-Волошиной к Сабашниковой от 1/14 марта 1906 г.

[2] См. примеч. 2 к п. 262.

[3] См. примеч. 4 к п. 251.

269. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

7/20 марта 1906 г. Париж

Вторник. Вечер.

Моя милая, милая девочка, ужасно я измучен сегодня – день вернисажа Indépendents – весь день с утра суматоха и беготня. Пришел домой только к 8 часам – пред этим сидели с Алекс<андрой> Вас<ильевной>, с Гилями, со Щербатовым, с Шервашидзе в кафе по заведенной традиции. Дома нашел твое письмо от пятницы[1] и телеграмму о стихах.[2] Неужели это «Ангел Мщенья» так понравился? Значит, это действительно хорошо. Т.е. я знал, что это хорошо, но не знал, хорошо ли это сказано.

У Вас «Царство Божие на земле»?[3] Скоро я, наконец, буду с тобой. Я окончательно назначил мой отъезд на воскресенье, так что буду в Москве верно в среду в 3 ч<аса> 15 м<инут>; во всяком случае, буду тебе телеграфировать.

В твоем письме одна фраза меня перетревожила и подняла всю суматоху вещей снова. Ты пишешь, что необходим фрак. Фрака у меня не будет, потому что я уже сшил себе сюртук. И если я еще буду шить фрак, то это, с одной стороны, еще на неделю задержит меня в Париже, а с другой стороны, у меня тогда не хватит денег совсем. Нет – оставим это. Послушай, ради Бога, не будем говорить больше об этом. Венчаться можно будет и в сюртуке. Вот сейчас эта мысль нагло засела в уме, и я бунтую, протестую против нее и не могу успокоиться. Прости меня. Не будем никогда больше говорить о вещах. Пусть тебе шьют что угодно – не протестую, если это может оскорбить, но пусть с моими костюмами уж будет что будет.

Я сейчас мысленно спорю с кем-то неведомым, говорю ему жестокие слова, доказываю, что сюртук то же, что и фрак, что меня никто не может заставить шить фрак, что если я буду шить фрак, то у нас не останется денег, чтобы ехать в Коктебель... Фу... Это какое-то безумие...

Потом Кругликова... Все ужасно осложняет жизнь. Мне сейчас хочется быть с тобой, а надо идти к ней. Она только что

была здесь, увела к себе маму, и я должен, написав письмо, зайти за мамой. И мне неловко – у нее в ателье я еще ни разу не был со дня ее приезда, а я бы очень не хотел обидеть ее.

Боже мой... Дай мне отдохнуть на твоем плече от людей...

Сейчас пришел Coles и принес все фотографии, и твои, и мои. Моя – новая, которую я теперь снял, – великолепна. Это лучшая фотография, которая когда-либо была с меня снята.

Я завтра пошлю их тебе, удержав по одной для себя и для мамы.

Как странно – ты мне предлагаешь жить в Севре или в Мэдоне – то, что я тебе только что сегодня писал. Только бы мне хотелось вообще там поселиться и на зиму, чтобы не жить в самом Париже и не видеть сотен людей, которых волей-неволей придется видеть иначе.

Только бы можно было уехать летом в Крым. В этом вся моя надежда. Что бы то ни было, как бы то ни было, а мы должны быть в Крыму летом.

Я ни о чем не могу писать тебе, потому что все, что я делаю, я делаю теперь как-то наспех, думая только об отъезде через несколько дней.

Сегодня я виделся с поэтом Вальдором, который тоже едет в Москву.[4] Мы поедем вместе. Мне интересно будет видеть его впечатления от России.

В воскресенье выеду, в среду в три часа в Москве... Опять Брестский вокзал...[5] Триумфальные ворота...[6] Ты приедешь на вокзал, да? Да?

Целую Алешу и Нюшу.

[1] Имеется в виду п. 262.

[2] «Телеграмма о стихах» не сохранилась.

[3] Слова из п. 262.

[4] Волошин действительно покинул Париж вместе с А. Мерсеро (Эсмер-Вальдором), которого пригласил в Москву Н.П. Рябушинский для работы в «Золотом Руне». См. об этом в письме Волошина к В.Я. Брюсову от 9/22 марта 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 233–235).

[5] В 1912–1917 гг. – Александровский (ныне – Белорусский) вокзал.

[6] Имеется в виду Триумфальная арка, сооруженная в 1829–1834 гг. у Тверской заставы (напротив Брестского вокзала) как памятник Победы в Отечественной войне 1812 г. (архитектор О.И. Бове). Разобрана в 1936 г.

270. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

8/21 марта 1906 г. Москва

8 марта 1906 г.

Милый мой, вчера я не могла Тебе писать, а мне так много нужно было сказать. Я получила Твое письмо со стихами,[1] вернувшись к завтраку от А<нны> Р<удольфовны>, и прочла их вслух Алеше, Нюше и Ляйзе. Всех нас они потрясли..... Когда я пришла на завтрак, мне страшно хотелось сказать об них маме, но она очень грубо стала на меня кричать, чтобы я оставила ее в покое... Потом мне сказали о казни Шмидта. Что-то оборвалось... Не давать в душе своей вспыхивать ненависти, перетворять ее в активное чувство жалости к убийцам..... Пока твои глаза не потеряют способности плакать.....

Я перечитываю и перечитываю Твои стихи.[2] Они прекрасны. Для меня в них горит каждая строчка.

И голос мой набат, хоругвь моя, как кровь.

А потом:

И тусклой яростью ей очи ослеплю.

Самое страшное: «О камни мостовой... Я ведаю ваш счет. Я камни закляну заклятьем вечной жажды. И кровь за кровь без меры потечет.»

Это все выражает, и это такой ужас, Макс...

Потом у Тебя написано: «Скажи восставшему». Не «скажу» ли?

Единственное, что режет слух и совершенно невозможно с общим тоном, а в особенности в сопоставлении со знаками

рыб, это «нагайки». Милочка, право нехорошо, пускай блещут мечи, но только не хлещут нагайки. Следующие 2 строчки чудесны и еще следующие 2.

Меч справедливости и эти 4 строчки о мече прямо гениальны.

И 4 последних, и этот чисто русский оборот, не «сеятель сберет колючий колос сева».

Поднявший меч, погибнет от меча,
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом
Иль жертвой палача.

Чудно, Макс.

Я прочла папе по его просьбе, ему понравилось, я полетела к т<ете> Саше, чтобы идти с ней на выставку, и прочла ей. Ей тоже очень понравилось, и это от нее я послала Тебе телеграмму, п<отому> ч<то> мне казалось немыслимым ждать.

Только убери Ты нагайки. Мама эти стихи так и не захотела слушать. Она кричала вечером, что я навязываю Твои стихи, как Катя всем навязывает Бальмонта; а я в первый раз просила ее выслушать их.

Вообще, мне трудно с ней. Я думаю, что она так страдает от мысли, что я ухожу, что всячески эту боль на мне вымещает. Когда я получила письмо от Ел<ены> От<тобальдовны>, мне страшно захотелось дать ей его. Но она очень сухо и насмешливо сказала: полагаю, что это должно трогать тебя, а не меня, и читать не стала. А папа наоборот несколько раз просил прочесть его и был очень тронут; и так во всем. Когда я ласкаю ее, она делает такой вид, будто это притворство с моей стороны, и она мне не нужна. Сейчас я получила Твое письмо, где Ты спрашиваешь о том, какие у нас отношения.[3] Изменилась я, благодаря тебе и А<нне> Р<удольфовне>, счастью и мудрости, т.е. слова меня не оскорбляют, улыбки и молчание. У меня нет озлобления, п<отому> ч<то> я верю теперь, что это одна внешность; но от каждого разговора с ней у меня бьется и болит сердце (очень новое и странное чувство) и болит голова. На меня грубость действует только физически, и теперь стены встать не может. Она снова не говорит и не

спрашивает про Тебя. Она оскорбляется, что Алеша и Нюша не говорят с ней. Но если бы она знала, как трудно побеждать ее внешнюю враждебность. Когда она бывает проста, то она так очаровательна, что я забываю все, что было. Вчера я сказала ей, что Ел<ене> От<тобальдовне> нельзя быть на свадьбе позднее 10<-го>. Она пришла в какое-то исступление, говорила, что только с ней не считаются, с ее чувством, что от нее требуют невозможной работы, что теперь нельзя все устроить и т.д. И снова разговор о деньгах и вещах. Макс, но это она так говорит, Тебя не должно это огорчать, и не говори маме об этом. Ее не вещи тревожат, а то, что последний месяц придется гоняться за вещами, не видать Тебя и меня. Конечно, и ей, и папе хочется, чтобы все было хорошо. В этом для их чувств большое удовлетворение. Свадьбу делают родители жениха и невесты, а не они. Когда поднялся вопрос о приглашении губернатора,[4] и я сказала, что мы же не близки, папа возразил: «Милочка, приглашают на свадьбу родители».

Макс, встань на эту точку зрения. Наша свадьба была в St. Germain l'Auxerroi, будет в Руане. Эта свадьба московская делается для родителей, это та форма, в кот<орую> выливается их чувство, последняя форма, и мы должны безропотно подчиняться, с радостью. Согласись на это для меня, милочка, потом все будет по-нашему, теперь все пусть, как приятно им, – последняя дань. Не могла ли бы Елена Оттоба<льдовна> остаться до 16 апреля? В Париже трудно себе представить московские условия. 9-ое это первый день после пасхальной недели (затем идут такие дни, в кот<орые> венчаться нельзя). На Страстной неделе и на Пасхе ничего сделать нельзя. Ты спросишь, что именно нужно делать? 1000 мелочей. Ты, конечно, сделаешь себе фрак в Париже (этого требуют условия), а мне сейчас никакая портниха ничего не берется шить, п<отому> ч<то> все завалены работой. Мне же нужно венчальное и дорожное платье. Нюше, Ляйзе тоже они нужны. Потом на «красной горке»[5] все втридорога: кареты и пр<очее>, и пр<очее>. Нужно хлопотать о заграничн<ом> паспорте, до венчания это противузаконно. Затем оглашаться в церкви, затем заказывать певчих и т.д. И знаешь, как все дорого? Певчие от 50 до 80 руб. средние, священники 40, 50 руб. и т.д.

Привези мне, пожалуйста, fleur d'orange*, венок – une couronne et un bouquet pour le corsage**[6]; они плохи здесь. Это мама просит. Поговори с Катей об этом. Ну, милый мой, отнесись к этому без возмущения. Ты сам будешь доволен, что все будет как следует, т.е. в тех формах, к кот<орым> привыкли мои родные и без кот<орых> им будет тяжело. Я уверена, что Ты не побежишь из гигиены в церковь пешком.

Заказывание колец, букетов и т.д. Ах, милуша, ничего ни Ты, ни я – мы в этом не понимаем et il faut nous faire guider***.

Сейчас была мама у меня (я лежу, и <она> была очень мила).

Кто страшно мил и как-то самоотверженно хлопочет, это Нюша.

Она прослезилась, целовала меня и говорила, только бы был такой, как папа. Потом вошла Поля, я сказала ей. Узнав Твое имя, она вся затряслась и горько, горько заплакала и сказала шепотом: «Ужасно жаль», – и убежала. Бедная Поля; потом она снова пришла, придя в себя, и я показывала им Твои фотографии.

Теперь я слышу, как она на голос плачет, и мама спрашивает: «Чего Вы плачете?»

Ну вот, Макс, мои истории.

Теперь я невеста официально.

Сегодня я не могла идти к А<нне> Р<удольфовне>, а мне так хочется прочесть ей Твои стихи. Я лежу.

Стихи «Головы»[6] мне еще не успели понравиться, последняя строка хороша.

Поцелуй от меня маму. Я только сейч<ас> не могу писать, физически устала.

Подарил ли Ты ей то, что я говорила.

Напомни Ел<ене> От<тобальдовне>, если она забыла, что в церкви нужно быть в шляпе светлой и, пожалуй, вообще шляпу нужно темную. Как я понимаю. Прости ради Бога!

---

* Флер д'оранж *(фр)*, цветы померанцевого дерева, в виде венков, убор невест в день венчания.

** Венец и букет для корсажа *(фр.)*.

*** И надо, чтобы нас вели *(фр.)*

Итак, милуша, когда будет готов твой фрак, приезжай. Пошли мне телеграмму, чтобы я зря не писала.

Меня мучает мысль, что Тебе туго придется с деньгами. Как Ты устроишься?

Папа меня как-то спросил, спрашивал ли Ты меня о приданом. Я сказала, что этого вопроса не было, п<отому> ч<то> он знает, что у меня его нет. — «Да вот, девочка, я могу Тебе давать только то, что давал до сих пор». Его мысль эта очень мучает. Я рассказывала Тебе в Цюрихе, как он разорился.[7] Мне так жаль его, что его это мучает.

Если Ел<ене> От<тобальдовне> никак нельзя ждать до 16<-го>, то я уверена, что все устроится и 9-го. Я ей напишу на днях, п<отому> ч<то> я очень плохо себя чувствую. Третьего дня был доктор, нашел истощение всего организма и велел «ограничивать впечатления». А бабушка спросила: «Да он знает твои впечатления?» — «Нет».

Я боюсь, как бы этот упадок сил не повлиял на общее душевное состояние; пока я бодра и спокойна.

Сейчас мама при мне сказала о новости Маше.

[1] Имеется в виду п. 261.

[2] Речь здесь и далее идет о стихотворении «Ангел Мщенья».

[3] Отсылка к п. 263.

[4] Московским генерал-губернатором был в то время Ф.В. Дубасов.

[5] «Красная горка» — русский народный праздник, совпадающий с Фоминым воскресеньем. К этому дню (первому воскресенью после Великого поста) были приурочены молодежные гулянья и хороводы, ярмарки невест, обряды встречи весны и др. Церковь же возобновляет в этот день таинство венчания, и бытует поверье, что пожениившиеся «на Красную горку» будут жить долго и счастливо.

[6] Стихотворение «Голова madame de Lamballe» (см. примеч. 2 к п. 263).

[7] Дела В.М. Сабашникова стали ухудшаться с конца 1890-х гг., о чем не раз упоминается в сохранившихся дневниках Сабашниковой конца 1890-х — начала 1900-х гг. Ср. также в «Зеленой Змее»: «Дела моего отца шли все хуже...» (С. 192; фраза относится — в контексте воспоминаний Сабашниковой — приблизительно к 1910 г.).

271. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

8/21 марта 1906 г. Париж

Среда. Ночь.

Милая моя, радость моя... Я сейчас так близко чувствую твое присутствие: твою руку у меня на шее, твою голову у меня на плече.

Я несколько раз сегодня говорил к тебе непосредственно всем чувством.

Все дрожит во мне от любви к тебе.

Утром я узнал, что Шмидт расстрелян, – мне сказал Бальмонт. Как-то захватило дыхание от негодования, и в то же время охватила какая-то злорадная радость к совершившим это: точно это последняя капля. Точно этим царь подписал приговор себе. Точно еще колебались весы, но в это мгновение Ужас перевесил, и нет больше томительного колебания. Да, я думаю, что, когда Кришна говорит «убей», надо убить.[1] Но этот голос должен быть ясный и повелительный. Шмидт действовал в пароксизме жалости и не убил, когда Кришна приказал ему «убей», и принесен радостной жертвой, потому что я уверен, что смерть ему была радостна, а жизнь тяжела была бы.

Бальмонт был сегодня весь радостный и звенел, как струна. Я с невыразимой силой снова ощутил его обаяние. Мы очень долго говорили.

Среди дня был кошмар о вещах. Bon marché*[2] и покупки: чемодана, жабо и т. д. и т.д.

Только что пришел я домой, начались визиты: Вальдор – поэт, с которым вместе я поеду, Смирнов (петербургский – не сумасшедший)[3]...

Потом пришла Ек<атерина> Алек<сеевна>. Мы говорили о Мережковских, которые только что приехали в Париж...[4] Говорили все о постороннем, но я чувствовал такой прилив лю<б>ви к ней.

Пошел ее провожать. На повороте встретили Бальмонта.

«Я написал новые стишки».

---

* Букв.: Дешевый рынок *(фр.)*.

Я зашел. Он читал стихи о «Синем камне».[5]

«Я тебе их дам. Отвези их сеньорите Маргоре. Они ей должны понравиться».

Есть минуты, когда я смотрю на него с таким восторгом и так любуюсь им, и как я понимаю Ек<атерину> Алек<сеевну> в эти минуты, как можно все прощать и терпеть.

Я шел домой в каком-то странном опьянении.

Он очень любит те стихи (первые), что я написал тебе (Антигона), и все просит повторять их.[6] Да, не делай в них тех изменений, что я писал, – это ошибка. Надо так, как было.

Был мой дядя и обедал у нас. Потом пришло твое письмо от субботы.[7] Теперь я с тобой.

Я думаю: будем жить в Bellevue, это между Мэдоном и Севром, – на горе около Мэдонской террасы. Помнишь, где финикюлэр? <*sic!*> Оттуда великолепный вид на Париж – огромная старая аллея, что ведет к Обсерватории.[8]

Знаешь, мы бы могли там за 600–800 fr. в год иметь целый отдельный маленький домик. Были бы около Парижа и не в городе. Хочешь так жить? Как только вернемся, так будем искать и переедем. Хочешь? Видеть всегда Париж внизу и быть отделенным от людей. Это будет так хорошо.

И там хорошо тем, что там самое лучшее сообщение с Парижем: две железные дороги и река, и рядом громадный лес и Мэдонская терраса, а внизу Сена. И до парка Сен Клу – 10 минут.

Я думаю целый день об этом. Это самое лучшее, что можно было бы придумать. Я почему-то страшно счастлив сегодня. До свиданья. Целую тебя, моя милая девочка... В среду в 3 ч<аса> 15 м<инут>. В среду... Ровно через неделю мы будем сидеть с тобой вместе. Целую Нюшу и Алешу. Мой привет Вас<илию> Мих<айловичу>, Марг<арите> Алек<сеевне> и Елиз<авете> Никол<аевне>. Через неделю в среду...

[1] Ср. слова Кришны, приведенные в записной книжке Волошина: «Сознай свой долг и не колеблись, ибо нет ничего более лучшего для человека (кшатрия), чем война во имя справедливости» (Записные книжки. С. 61). См. также примеч. 2 к п. 264.

[2] Известный парижский универмаг.

[3] Речь идет об А.А. Смирнове, находившемся в то время в Париже.

[4] Мережковские приехали в Париж в последние дни февраля (по русскому стилю) 1906 г.; их пребывание в столице Франции (совместно с Д.В. Философовым) затянулось до второй декады июля 1908 г. См.: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биограф. альм. <Вып.> 1. М.; СПб.: Феникс – Atheneum, 1992. С. 319–407.

[5] Имеется в виду одно из двух стихотворений: либо «Синий Камень» («Если хочешь молча плакать с неразлучною тоской...»), либо «Близь Синего камня» («Близь Синего камня песок золотой...» – оба вошли в сб. «Злые чары. Книга заклятий» (М.: Издание журнала «Золотое Руно», 1906. С. 47, 49; раздел «Отсветы раковин»).

[6] Волошин отсылает к стихотворению «Вослед» («Мысли поют: Мы устали... мы стынем...»), написанному «вослед» уехавшей в Россию Сабашниковой (впервые: Речь. 25 дек. 1906 (7 янв. 1906 г.). Рождественское приложение к № 252. С. 1; помета под стихотворением: «Париж. Март 1906»; в кн. «Стихотворения 1900–1910» – уточненная дата: «1906. Февраль. Париж»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 72, 457.

[7] См. п. 264.

[8] Парижская Обсерватория была построена в 1671 г.; действует до настоящего времени.

272. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

9/22 марта 1906 г. Париж

Четверг. Ночь.

Ночь на пятницу. Очень поздно. Мы только что вернулись с мамой от Гольштейнов. Холодно. Печка потухла. Сегодня пришла твоя телеграмма о свадьбе. Только что – письмо от воскресенья...

Как я люблю тебя... и как мне грустно. Вот только что мы ехали с мамой на извозчике. Я смотрел в окно и думал... Об России, о Шмидте, о расстрелах... Я думал, что мы уже так близко, что только месяц остался до свадьбы, но сколько в этот месяц может ворваться в нашу жизнь того, что придет

со стороны, неожиданно, безобразно. Вдруг какая-нибудь грубая сила станет между нами. Выдержим ли мы это испытание. Примем ли мы с радостью в эти дни *все*, что пошлет нам жизнь. Мне хочется закричать судьбе: *все, все* – только вместе с тобой. В тебе вся моя сила, вся моя жизнь. Когда уходят мысли о тебе, когда я делаю что-нибудь не для тебя, мне кажется, что жизнь оставляет меня.

Ты так близко со мной сейчас. Мне кажется, что я держу в руках твои холодные пальчики и глажу твои волосы. В воскресенье я еду. Как жутко будет вступить на русскую землю, переступить круг безумия... Как я люблю тебя. Нет, не может быть, чтобы волна могла разделить нас... Да, мы не будем теоретичны. Не будем предрешать сво<е>й жизни. Кто не прислушивается к своим инстинктивным порывам, тот режет лучшие побеги возможной жизни.

Теперь я говорю и пишу: «Не убий». Но если Кришна скажет «убей», то надо убить.[1]

Шмидт ослушался Кришны, когда был во главе флота. Теперь Кришна ходит по русской земле и говорит каждому «мсти».

Рассказ генерала в «3<-х> разговорах» – это о Кришне.[2]

Сегодня с мамой мы были у Амфитеатровых и у Гольштейнов – прощались.

Утро. Пятница.

Вчера меня свалил сон, а утром я не могу писать. С самого утра начинается какая-то дьявольская суета: телеграммы в русских газетах, приносят покупки, приходят люди, подымается пыль, я чихаю, чувствую себя каким-то униженным, опозоренным. Эти дни мне страшно хочется писать стихи. И вот у меня нет ни минуты спокойствия. С тобой я могу быть только по ночам, когда уже подходит сон. Да и то теперь и по ночам приходят люди.

Мне хочется сказать тебе все, что мы вчера говорили с Алекс<андрой> Васильев<ной>. Разговоры были практические. Но разговоры с ней даже такие никогда не утомляют, а только ободряют.

Мы говорили, где мы будем жить. Она говорила об удобствах и неудобствах жизни за городом. Вечером почти нигде нельзя бывать, потому что нельзя добраться назад. Нельзя, следовательно, бывать в театрах, что мне необходимо.

Она советует поселиться или в Пасси,[3] или наверху Монмартра. Если не за городом, то последнее меня привлекает больше всего.

Потом мы говорили о «ФРАКЕ», и она сказала мне вещь в высшей степени утешительную. Оказывается, что фрак необходим только в том случае, если свадьба происходит *вечером. Днем* же венчаются в сюртуке – *обязательно*, т<ак> к<ак> в этом случае фрак считается признаком очень дурного тона. Это английский обычай, который теперь безусловно принят парижским светом. Таким образом, я буду только *особенно приличен* в сюртуке. С моей души скатилось тяжелое бремя.

Остается только устроить свадьбу днем.

Я хочу перечесть твое письмо и не могу. Я читал его вчера ночью с такой любовью. А теперь я весь в пыли.[4] Мне так хочется все бросить и уехать завтра же. Боже мой, как меня все это измучило.

Эти дни в моей душе было столько стихов. И не было минуты записать их. Не было ни минуты тишины в душе. Мне их бесконечно жаль: мне кажется, что это были мои лучшие стихотворения и что они погибли навсегда. Хочется плакать, как от обиды.

Вот плохонькие строчки, которые я написал вчера. Но мне совсем не это, а другое надо было писать. В них несколько строк еще прошлого года:

На черных каштанах сияют листы,
Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
Звенит от безвольных усилий.
Я болен весеннею смутной тоской
Не сознанных миром рождений...
Овей мое сердце прозрачною мглой

Зеленых своих наваждений...
И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острою грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
На волю к широкому устью...[5]

Надо снова бежать... До вечера...

Да! Девочка вчера уехала. Перед отъездом она прибегала сказать, что это страшный секрет, то, что она едет, и очень рассердилась, когда узнала, что это я уже написал тебе. Имей это в виду. Кажется, это тайна, особенно от Алеши.

[1] См. примеч. 2 к п. 264.

[2] Имеется в виду отставной генерал, один из персонажей в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории...» В.С. Соловьева (1899), который в споре со своими собеседниками оправдывает войну и военную службу и рассматривает существующую армию как необходимое орудие в борьбе со «злом». Упомянутый Волошиным «рассказ» генерала относится к периоду Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и повествует об истреблении русской армией на Кавказе турецкого отряда, вырезавшего перед тем всех жителей армянской деревни (см.: *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 660–664). Рассказ генерала напоминает Волошину о словах Кришны, призывающего Арджуну к «мести».

[3] Пасси – район Парижа на правом берегу Сены, прилегающий к Булонскому лесу, – место проживания состоятельных людей, деятелей искусства и других «знаменитостей».

[4] В лексиконе Волошина и Сабашниковой того времени слово «пыль» употребляется в переносном смысле, обозначая внешнюю и суетную сторону жизни, ее мелкие повседневные заботы и т.п. Возможно, это слово было воспринято обоими от Минцловой. В августе 1905 г. Минцлова говорила Волошину в одной из «ночных» бесед: «На Вас нет пыли жизни... Вы совершенно чисты...» (см.: Т. 11, кн. 1 наст. изд. С. 360). 27 сентября / 10 октября 1905 г. Волошин писал Сабашниковой: «Мое чувство не растет, не расширяется <...> и я все хороню его глубже и глубже и берегу от шума и пыли» (Там же. С. 558). Ср. в черновом письме Сабашниковой к Штейнеру (сентябрь 1905 г.): «Во мне слишком много пыли...» (Там же. С. 444).

[5] Впервые – в газете «Русь» (1906. № 63. 1/14 нояб. С. 3) с разночтением в первой строке («На старых каштанах сияют листы...»).

273. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

10/23 – 11/24 марта 1906 г. Париж

Пятница. Ночь.

Я пришел домой поздно от Бальмонтов, чтобы остаться с тобой, с твоим письмом. Но у нас сидела Кругликова. Вот она ушла, но во мне чувство досады и обиды, что у нас взяли это время, этот ночной час.

Это мое последнее письмо. Оно пойдет завтра и придет во вторник – накануне моего приезда.

В среду в 3 ч<аса> 15 м<инут>. Я буду телеграфировать только в том случае, если что-нибудь изменится в пути.

Я беру и для себя, и для мамы билеты туда и обратно, чтобы ты вернулась с маминым.

Но я не об этом хотел писать. Это Кругликова сбила мои мысли. Мне теперь неприятно, что я был с ней так холоден и не мог скрыть своего неудовольствия.

Ты так же, как и я, измучена людьми. Мне больно думать, что мы будем только видеть друг друга, но не будем вместе. Но теперь нам нельзя и не надо быть вместе. Не надо потому, что сейчас, весь этот месяц, надо быть именно всецело с другими. Я знаю и вижу, как нужно мне быть с людьми, как много надо будет отдавать самого себя всецело, и боюсь только своего теперешнего страшного напряжения, утомления и какой-то тупой раздражительности. Я думаю, что я отдохну за три дня дороги.

Моя милая, милая... в твоих последних письмах растет такой надрывающий буйный порыв ветра.

Мне хочется верить, что «Ангел Мщенья» это действительно хорошо. Мне это не казалось. Мне оно казалось растянутым и составленным из кусочков.

Если в нем сказалось то, что я хотел сказать, то я страшно счастлив.

Надо, чтоб его знали и прочли. «Русь» мне ничего не отвечает об нем.

Я не могу писать – дрема долит.

Покойной ночи, моя девочка. Сейчас ты верно уже спишь давно. Я наклоняюсь над твоей подушкой и целую твои волосы, и обнимаю твою голову.

Ты это письмо будешь читать накануне моего приезда.

Будь на вокзале вместе с Анной Рудольфовной. Спи, мое дитя...

Утро. Суббота.

Завтра... Завтра я еду... Здравствуй, моя девочка, моя Аморя... Я пишу эти слова и вижу твои глаза... Они, когда будут читать, тоже скажут – завтра.

Вчера я не лег еще спать – я раскрыл один из твоих пакетов и перечитывал мои летние письма.[1]

Мне были странны эти слова, которые я писал, но никогда не видел. Они мне казались боговдохновенными и в то же время моими. Я в них видел часть своей души, обращенную к тебе, и я спрашивал себя: неужели я такой? Смирение и восторг... Знаешь – я думал, что эти письма, и твои, и мои надо, после того как мы станем вместе, привести в порядок, переплести, и эта книга будет нам священной книгой наших обетов и... когда у нас будут дети, мы должны им оставить эту книгу, когда они вырастут. Подумай о том, что бы дало нам, если бы такую книгу мы получили бы от наших родителей. Как бы много она нам дала. Она была бы книгой оправдания нашей жизни, книгой Бытия – детей... Своей собственной книгой Бытия.

И для нас в минуты сомнения в жизни эта книга обетов будет вечным залогом.

Сейчас снова начнется дневная суета... Мама уже встает и начинает искать разные вещи, которые она никогда не может найти по утрам. Потом станут приходить люди, и начнется беготня.

Пришла «Русь». Подробности казни Шмидта и следствие о Спиридоновой...[2]

Что-то звенит только в самой глубине души, но не проступает наружу.

Через 2 дня я переступлю заклятый круг. В какое страшное время мы живем. С какою целью Карма кинула нас – меня и тебя – в эти годы русской жизни? Через какое горнило ужаса должны мы пройти и пронести наши алые розы?[3]

Мне кажется, что я вхожу внутрь раскрытой раны и на руках моих цветы – розы, фиалки, мимоза... Пронесем ли мы их, девочка моя?

Я никогда в своей жизни не видел смерти... 9<-го> января был только перед моими глазами какой-то мгновенный отсвет ее...[4]

Моя Аморя... Моя Аморя... Мне жутко и грустно, и радостно...

Я буду целовать твои руки, твои ноги... Еще 4 дня...

Только бы нам крепко взяться за руки, и пусть нас несет гроза... Все наше с нами...

Я обнимаю твою голову, целую твои волосы, твои усталые глаза, твои холодные ручки...

До свиданья...

[1] Волошин имеет в виду свои письма к Сабашниковой, относящиеся к лету 1905 г.

[2] В газете «Русь» от 7 (20) марта 1906 г. сообщалось о последних часах П.П. Шмидта перед расстрелом (С. 1, 3; статья под названием «Расстреляние лейт<енанта> Шмидта и трех матросов»). Там же, на с. 3–4 была помещена корреспонденция В.Е. Владимирова, озаглавленная «По делу Спиридоновой» (об истязании М.А. Спиридоновой казачьим офицером Аврамовым и помощником пристава Ждановым). Перепечатано в кн.: *Лавров В.М.* Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. Повествование в документах. М.: Археографический центр, 1996. С. 19–35.

[3] «Алые розы» Волошин воспринимал в то время как символ своего чувства к Сабашниковой; букет роз, которыми Сабашникова покрыла его руки при отъезде из Парижа в Цюрих (см. п. 50), казался ему «благословением» их любовного союза. В своих письмах к Сабашниковой Волошин не раз прибегал к этому иносказанию; см., например, в п. 211 (от 10/23 октября 1905 г).: «Алые розы вырастут между нами и миром...» (Там же. С. 630).

[4] 9 января 1905 г. Волошин, приехав в Петербург, воочию наблюдал то, что происходило на улицах столицы после расстрела мирной демонстрации, и описал события «Кровавого воскресенья» в очерке «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 494–498), впервые опубликованном на французском языке в еженедельнике «L'Européen. Courrier international hebdomadaire» (1905. № 167, 11 février. P. 11–16). Сохранилась, кроме того, запись в дневнике Волошина, отражающая события того дня (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 189).

274. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

21 сентября 1906 г. Санкт-Петербург

17. Симбирская, кв<артира> Орловой.

Аморя, милая... Столько впечатлений за эти сутки в Петербурге, что их не уместишь на этом клочке бумаги за час времени. Я приехал вчера утром. Пришел к Орлишке.[1] Говорил, видел мельком.

В 10 час<ов> утра ушел – в контору к Суворину. Суворина застал: из разговора ясно – мною очень дорожат и боятся потерять. Суворин говорит: «Мне одинаково приятно, если Вы будете жить в Париже или в России. Ваши последние статьи произвели здесь большое впечатление и, если Вы будете жить в России, то темы Ваши расширятся. Давайте нам больше стихов». Наш разговор – несколько минут. Затем М<ada>me Суворина[2] подтвердила мне то же, говоря, что мои статьи читались нарасхват и были как необычные оазисы в газете. Вопрос о деньгах сам Суворин замолчал. Потом я был в редакции. Там настроение подавленное. Все верят в то, что газету удастся открыть через несколько дней, и в то же время у всех тайная уверенность, что правительство решило покончить с ними.

Словом, о Париже нечего и думать, и я сегодня телеграфирую Екат<ерине> Алек<сеевне>, что мы не едем.[3]

Относительно денег: между сотрудниками состоялось соглашение, по которому они отказывались от 25% гонорара.

Так что, во всяком случае, теперь я получу не все 700 р., но часть их. Об этом надо поговорить <с> заведующей конторой, а я еще не видел ее – увижу сегодня.

В редакции видел много людей и знакомых, и новых, которые мне говорили о том, какое впечатление произвела на всех моя статья о справедливости,[4] и как все почувствовали, что об этом надо говорить.

Потом был в «Стране» у Ковалевского.[5] Он принял меня очень радушно и любезно и просил прислать для опыта статью и какие-нибудь уже напечатанные фельетоны. Словом, там можно будет иметь работу, но надо еще зарекомендовать себя и завоевать себе место.

Потом пошел к Косоротову. Я рассчитал, что если он узнает раньше о моем пр<и>езде, то он, согласно психологии мнительного человека, найдет время припомнить все мои обиды и совсем разобидится. Если же я приду к нему прямо и неожиданно, то ему обидеться не будет времени. Так и случилось. Он только через пять минут после радостной встречи и ошеломления неожиданности вспомнил, что я его обидел, но было уже поздно, и дело было кончено. От него я узнал, что Вяч<еслав> Иванов уже в Петербурге,[6] и мы сейчас же помчались туда.

Тут... тут... О! моя голова разрывается от впечатлений и чувств... Я вернулся домой в 5 часов утра. Наша встреча была очень радостна и очень сердечна.[7] В. И<ванов> сказал: «Я рад потому, что вместе с Вами приехала сама чуткость, само понимание... В Вас есть та особенная нервность... Ваше пребывание в Женеве и наши беседы произвели на меня неизгладимое впечатление, я их всегда вспоминаю с большим чувством».[8] Затем стали приходить молодые поэты: Городецкий, Кузьмин <*sic!*>, Линдебаум <*sic!*>, Леман. Наконец, пришел Сомов. И он мне был так мил и так обходителен со мной...[9] Ах да! Внизу как раз под Ивановыми я прочел на дощечке:

«Художественная школа под руководством Бакста»[10]..... и с ужасом отпрянул от роковой двери.

Но самое сильное из всех впечатлений – это стихи молодых поэтов: Городецкого и Кузмина.

У меня нет возможности описать их. Но я почувствовал, что это целое художественное событие в моей жизни. Я так почувствовал затхлость и ложность Москвы и моск<овских> поэтов. Надо жить в Петербурге. В Петербурге... Слышишь, Аморя? Я через неделю вернусь в Москву, и мы поедем вместе в Петербург. Только здесь можно работать. Аморя, милая. Милая моя девочка, как хорошо... как хорошо все на свете. Как я здесь буду писать... Аморя...

Макс

[1] Шутливое прозвище А.И. Орловой.

[2] Е.К. Суворина.

[3] О телеграмме, отправленной Волошиным в Париж Е.А. Бальмонт, см. в п. 276 и примеч. 14 к нему.

[4] Волошин имеет в виду свою статью «Во времена революции» (Око. 1906. № 5. 11/24 авг. С. 3); ее текст вошел практически целиком в статью Волошина «Пророки и мстители» (Т. 3 наст. изд. С. 274–304).

[5] «Страна» – ежедневная «политическая, экономическая и общественная газета»; издавалась в Петербурге в 1906–1907 гг. (последний номер – 13/26 января 1907 г.). Редакторами газеты были Ю.С. Гамбаров, М.М. Ковалевский и др. В начале сентября 1906 г. Сабашникова писала Е.О. Кириенко-Волошиной, что Волошин «хочет завязать отношения с "Страной" Ковалевского» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 6; письмо от 5/18 сентября 1906 г.). Однако сотрудничество Волошина в «Стране» не состоялось.

[6] В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал вернулись из Женевы в Петербург еще летом 1905 г. (в конце июля они обосновались в новой квартире на Таврической, 25).

[7] Видимо, в этот день Иванов подарил Волошину оттиск своей статьи «Кризис индивидуализма. К трехсотлетней годовщине "Дон-Кихота"» (Вопросы Жизни. 1905. № 9. С. 47–60) с надписью «Дорогому Максимилиану Волошину в радости новой встречи. Вяч<еслав> Ив<анов>» (Труды и дни-1. С. 163).

[8] О пребывании Волошина в Женеве в июле-августе 1904 г., его знакомстве и беседах с В.И. Ивановым см.: Т. 9 наст. изд. С. 141–143, 144; Т. 11, кн. 1 наст. изд. С. 109–110, 113–114.

[9] В дневнике Кузмина об этом вечере рассказывает следующая запись:

«У Ивановых были, кроме Сомова, Волошин, Косоротов и Леман; Волошин читал стихи и толковал об оккультизме, читали стихи Вяч<еслав> Ив<анович>, Городецкий и я; Городецкий читал свой водевиль с пародиями стихов Иванова, Бунина и своих – очень забавно. Волошин нашел какую-то общность моей поэзии с Сомовым, что мне было очень ценно, хотя последний и отрекался и из всех сил. <...> Волошин мне показался дешеват, хотя очень симпатичен, похож на Юрашу Верховского» (Дневник 1905–1907. С. 226; упоминается Ю.Н. Верховский).

[10] Имеется в виду частная художественная школа Е.Н. Званцевой, открытая в Петербурге с осени 1906 г.; занятиями в 1906–1910 гг. руководил Л.С. Бакст (рисунок преподавал также М.В. Добужинский). Помощницей Е.Н. Званцевой была Е.И. Кармин. В письме к Сабашниковой от 21 августа 1906 г. Е.И. Кармин сообщала: «...Квартиру нашли очень удачную, и я сильно надеюсь, если попадете в Пет<ербург>, побываете у нас. Учеников у Елиз<аветы> Ник<олаевны> уже, по выражению Бакста, наклевывается человек 12. Для начала хорошо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 80, л. 1 об.).

275. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21 сентября 1906 г. Москва

Четверг. 1½ дня. Ляйзина комната.

Максюта, я даже не знаю, что Тебе писать. Милый, как это нехорошо разлучаться, или оттого, что мне нездоровится. Так все смутно, страшно. Ничего не могу делать. «Убей желание счастья»,[1] а я желаю счастья, желаю Тебя. Я думаю еще, ну еще немножко, потом я буду сильнее, я откажусь, но сейчас еще, еще немножечко. Ты знаешь, я ясно чувствую, что мы даны друг другу на время сейчас. Мальчик мой, солнце мое золотое, милый, милый. Мы даны, чтобы из холодных стать горячими, чтобы помрачиться, чтобы сойти на землю и поцеловать ее, начать путь. Потому что, что мы были до этого? Все, что Ты писал об искусстве, относится к нам. Чтобы понять свободу, нужно стать сначала несвободными. Реально почувствовать цепи. Да, я их реально чувствую и благословляю.

Что я знала о жизни до сих пор, что она тень, но этого мало. И сначала этого не было, и Ты был тенью, которую я

ловила непонятно зачем. А теперь что-то новое. Я сейчас так много поняла. Пусть одно мое «я» очень любит, очень страдает и сгорает, а другое пусть любит еще больше и будет холодно и вечно горит. Пусть царица пошлет своего раба в подземелье за сокровищами. Пусть раб идет, берет и отдает.

Максик мой, Максик мой.

Ты, верно, в суете и далеко от этих мыслей. Я прочла в газетах, что «Русь» и т.д. не может открыться.[2] Телеграфируй решение Кати. Что-то Тебе удалось устроить? Когда-то получу от Тебя весточку.

Проводив Тебя, я обедала у бабушки и рассказывала ей «вымысел». Она так слушала, что жевала губами. После обеда переписывали с т<етей> Сашей сказку,[3] но это очень длинно, скучно и утомительно. Каждое слово длится минуту, и мне все слова показались ненужными. Очень болела голова. Вчера я лежала целый день, все трясется внутри. Прочла «Сумасшедшая» и «Тварь» Гиппиус, очень хорошо.[4] Много чувства, или это во мне так отзывается болью и любовью каждое слово.

Пробовала разрисовывать для мамы солонки, но руки дрожат, как у пьяницы. Пробовала писать «роман»,[5] горячий туман в голове. Вот что: спроси, правда, о стихах в моей сказке. М<ожет> б<ыть>, и дать ее, там стихов 70 или 80 наберется. Зимой лесные поют,

А мы, души детей нерожденные,
В серебро и хрусталь облаченные,
Ледяными мы сыпем цветочками,
На морозе горим огонечками,
(И поем под окном мы с метелями
Про дубочек в лесу между елями).[6]

Посылаю Тебе 2 письма, пришедших вчера. А Богаевскому Ты будешь писать?

Сегодня я не спала почему-то всю ночь.

Мальчик мой милый. Как Тебе живется? Поцелуй от меня Орлишку.[7] Кланяйся Сомову.

Пиши каждый день? Да скоро ли Ты вернешься?

Целую моего Мишу Мишуту.

[1] «Убей желание» – сквозной мотив книги «Свет на Пути» (см. примеч. 15 к п. 131 и примеч. 5 к п. 149).

[2] Издание газеты «Русь» было прекращено 20 марта / 2 апреля 1906 г. и возобновилось лишь 1/14 ноября 1906 г. В перерыве вместо нее выходили последовательно газеты под заглавиями «Молва», «Двадцатый век» и «Око».

[3] Имеется в виду стилизованное произведение Сабашниковой (стихи и проза), озаглавленное «Сказка о распятом царевиче» (начато в августе 1906 г. в Коктебеле; завершено в сентябре 1906 г. в Москве). Сохранился машинописный экземпляр «Сказки...» (РГБ, ф. 374, карт. 11, ед. хр. 10), опубликованный И. Репиной (Крымский альбом 2000. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Сост., предисл. к публикациям Дмитрия Лосева. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2000. С. 148–155).

[4] Повесть З.Н. Гиппиус «Сумасшедшая» впервые появилась в журнале «Новый Путь» (1903. № 2. С. 71–106); рассказ «Тварь. (Ночная идиллия)» был опубликован в альманахе «Северные цветы ассирийские» (М.: Скорпион, 1905. С. 79–93). Оба произведения вошли в четвертую книгу рассказов З. Гиппиус «Алый меч» (СПб.: М.В. Пирожков, 1906), которую, очевидно, и читала Сабашникова в сентябре 1906 г.

[5] О «романе», который Сабашникова начала писать в то время, точных сведений не имеется, однако 26 сентября 1906 г. в письме к Е.О. Кириенко-Волошиной она сообщала: «Стала писать "роман" про безбровую. Когда напишу, пошлю Вам копию. Это для "Тропинки", если примут, а со "Сказкой" не знаю, куда обратиться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 8 об.; «Сказка», т.е. «Сказка о распятом царевиче», – см. примеч. 3 и 6 к наст. письму). «Роман», по всей видимости, не был завершен.

[6] Сабашникова цитирует строки из «Сказки о распятом царевиче» (возможно, вариант, не вошедший в известную ныне редакцию). В опубликованном тексте:

А мы души детей не рожденные,
Во глухие леса заточенные,
В серебро да хрусталь облаченные.
Ледяными мы сыплем цветочками,
На морозе горим огонечками,
Запрягаем метель с позвоночками.
Серебристыми правим уздечками.
Ах, родиться бы нам человечками!

(Крымский альбом 2000. С. 151).

«Сказку о распятом царевиче» Сабашникова давала читать осенью 1906 г. своим родным и знакомым. «Дорогая Маргарита Васильевна, – писала ей 18 октября 1906 г. Т.А. Полиевктова, – сказка очень понравилась детям, я им читала ее два раза в один день, как принесла. Больше всего милы им березяночки, осиннички, им страшно нравится, что это души детей нерожденных, и они говорили о себе, что и они были шелестинками, листочками, пока не родились. И распятый царевич-дубок их поразил, и сосновочка в красных башмачках очень нравится. Мне так радостно было читать им, видеть, как они слушают и слышат. <...> Да, детям еще очень нравится заклинание Катеринушки. Чудесно это. Дайте нам Ваш рассказ про девочку и мальчика, Алекс<андра> Алексеевна говорила, что очень хорошо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 94; о рассказе «про девочку и мальчика» («Облачное лето») см. примеч. 2 к п. 305).

[7] А.И. Орлова.

276. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

22 сентября 1906 г. Санкт-Петербург

Пятница. Утро.
17. Симбирская, кв. 2.[1]

Милая моя девочка... Я только по утрам, когда встаю, могу беседовать с тобой, потому что не возвращаюсь домой до ночи (Орлишка[2] живет на краю города – на Выборгской стороне). И хотя среди дня много свободных минут, но негде писать. Я жду от тебя ответа – согласна ли ты жить в Петербурге? Когда получу, то сейчас же начну хлопотать об комнатах. Потом надо будет написать и попросить Нюшу, чтобы она выслала сейчас же *большой скоростью* наше платье и белье, и пальто, и художеств<енные> ящики. Что тебе сейчас же будет надо из Парижа? Я думаю, что все можно будет выслать в твоем сундуке и на адрес Орлишки. А потом надо теперь же просить, чтобы сюда малой скоростью отправили мой энциклопедич<еский> словарь[3], *ковры*, столик Чуйко и др<угие> вещи, которые ты найдешь необходимым иметь здесь в Петербурге.

Мои соображения, почему надо устраиваться в Петербурге, а не в Москве, таковы: хотя в Москве жизнь дешевле, удобнее и устроиться проще, но в Петербурге у меня будет

гораздо больше работы и материалу для работы, и главное, я буду в непосредственном общении (крайне необходимом) с редакциями. Это практически.

Духовно же: здесь В. Иванов. Я тебе не могу сказать, как меня поразила и потрясла вся художественная атмосфера и какое впечатление на меня произвели стихи Городецкого и Кузмина. После того мертвого впечатления, которое производит Брюсов и «Скорпион»,[4] – это как ключ живой воды. Это новый родник поэзии – самобытной, простой, лишенной всяких вычур....

Я буду искать комнаты неподалеку от В. Ив<анова>. Одно только страшно, что у этого царства блаженных есть своя преисподняя в виде Ел<ены> Иван<овны>,[5] сторожащей вход на нижней площадке лестницы, – страж порога.[6]

Туда поднимаются по подъемной машине, и надо из нее выходить прямо перед дверью Х<удожественной> Школы[7] и после уже подниматься в следующий этаж по лестнице.

Я сейчас иду к Вяч<еславу> Иванову в 12 час<ов>, а вечером буду у Манасеиных, которые уже приехали.[8]

Вчера я имел собеседование в конторе Газеты[9] о деньгах, и мне сказали, что через 3–4 дня они мне уплатят часть суммы, должной мне. Все теперь зависит от того, будет ли выходить газета. Раз она начнет выходить (этого ожидают на воскресенье)10, сейчас же явятся и деньги.

Относительно устройства в Петерб<урге>: самое лучшее было бы, если бы можно было нанять комнаты у кого-нибудь из знакомых. Я буду искать. Может тебе что-нибудь такое придет в голову. Как относятся Мар<гарита> Алекс<еевна> и Вас<илий> Мих<айлович> к этому проекту житья в Петербурге? Может, Марг<арита> Алек<сеевна> может посоветовать, как устроиться?

Отчего от тебя до сих пор нет письма?

Милая моя девочка... как ты живешь без меня? Мне так жаль, так досадно, что тебя нету со мной. Во вторник вечером у Вяч<еслава> Ив<анова> будет специально для меня вечер, на котором Кузмин будет петь свои стихи под свою музыку.[11]

Прочти внимательно, очень внимательно его «Александрийские песни» в «Весах».[12] У меня лежит этот номер в Москве. А в среду я выеду в Москву и буду в четверг утром.[13]

Вчера я отправил телеграмму Ек<атерине> Але<ксеевне> (Restons Russie prenez appartement*)[14] и открытки и Нюше[15], и Ек<атерине> Ал<ексеевне>[16]. Напиши им.[17] И сию же минуту напиши мне об вещах, какие тебе здесь будут нужны сейчас же и немного погодя.

Отправка их не составит большой трудности и хлопот, т<ак> к<ак> я попрошу обратиться к транспортной конторе «Michel et Knebel», которая сама уложит и запакует, и отвезет, и доставит с наложенным платежом. Так что все хлопоты Нюши будут пойти в эту контору и отобрать наши вещи. Больше ничего.[18]

До свиданья... Я живу в небывалом подъеме и восторге. Я много говорил с Вяч<еславом> Иван<овым> об Штейнере и рассказывал ему его лекции; для В. Ив<анова> это полная новость, и он очень заинтересован.

Привет всем.

Макс.

[1] Указан петербургский адрес А.И. Орловой (ср. п. 274).

[2] А.И. Орлова.

[3] Под «Энциклопедическим словарем» Волошин имеет в виду «Большую энциклопедию...» (La Grande Encyclopédie: inventaire raisonné des sciences, des letters et des arts, par une société de savants et de gens de lettres), изданную в 1886–1902 гг. Энциклопедия объемом в 31 том (в каждом – 1200 страниц) включала в себя 200 000 статей, 15 000 иллюстраций и 200 карт. Все тома сохранились в ДМВ.

[4] «Скорпион» – московское издательство (1900–1916), основанное С.А. Поляковым.

[5] Е.И. Кармин.

[6] Распространенное в оккультных науках понятие: попадая после своей физической смерти в высшие сферы, человек встречается со стражем (иногда – драконом), стерегущим вход в потустороннюю область, и должен его одолеть. Этим понятием охотно пользовался, по-своему его трактуя, Р. Штейнер. «Важными событиями при восхождении в высшие миры являются встречи со “Стражем порога”. Существует не один, а, в сущности, два “Стража порога”: “Малый” и “Великий”» (*Штайнер Р.* Как достигнуть познания высших миров? Ереван: Ной, 1992. С. 128).

* Остаемся в России берите квартиру *(фр.)*.

[7] См. примеч. 10 к п. 274.

[8] Летние месяцы и часть сентября 1906 г. семья Манасеиных провела в Коктебеле.

[9] Редакция газеты «Русь».

[10] Издание «Руси» возобновилось лишь 1/14 ноября 1906 г. (см. примеч. 2 к п. 275). Между 6 августа и 31 октября 1906 г. газета выходила под названием «Око».

[11] Имеется в виду вечер на «башне» 26 сентября / 9 октября 1906 г. «У Ивановых, – отметил в своем дневнике Кузмин, описывая этот вечер, – против ожидания, была куча народу, что не сулило большой приятности, но потом все вышло лучше, чем можно было ожидать, и я даже рисковал петь, читал "Любовь этого лета". Кажется, понравилось; мне особенно ценно и важно, что нравится молодым. Читали Вяч<еслав> Ив<анович>, Городецкий, А. Блок, Бунин, Федоров, Allegro, Беляевская, Леман. Милый Сомов был приветлив» (Дневник 1905–1907. С. 228). О Волошине, участнике этого вечера (см.: Труды и дни-1. С. 163), Кузмин не упоминает.

[12] Стихотворный цикл Кузмина из одиннадцати песен (Весы. 1906. № 7. С. 1–12), которому Волошин посвятил отдельную статью под названием «"Александрийские песни" Кузмина» (Русь. 1906. № 83. 22 дек. С. 3).

[13] Волошин уехал из Петербурга вечером 27 сентября (в среду) и прибыл в Москву утром 28 сентября (см.: Труды и дни-1. С. 164).

[14] «Вы меня прямо убили Вашей телеграммой к Кате», – отвечала Волошину А.Н. Иванова 22 сентября / 5 октября 1906 г. – Мне кажется, что это дурной сон, кот<орый> должен пройти. У Кати есть еще надежда, что вы приедете, но я не верю. И Катя, и А<нна> Р<удольфовна> в большом огорчении также. Что же вы будете делать? Где и к<а>к устроитесь? Я себе не представляю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 26).

[15] Открытка Волошина к А.Н. Ивановой не сохранилась.

Предполагалось, что Бальмонты (вместе с А.Н. Ивановой) займут с осени 1906 г. (вернувшись из Бретани) квартиру Волошина на ул. Сэнже (rue Singer, 17). Однако квартира Волошиных оказалась для Бальмонтов неудобной, и Е.А. Бальмонт стала искать для своей семьи другое пристанище. Получив открытку Волошина, А.Н. Иванова немедленно (24 сентября 1906 г.; датируется по содержанию) написала Сабашниковой:

«Сегодня получила Максину открытку из Петербурга, и надежда видеть вас в Париже совсем рухнула. Я очень, конечно, горюю... Сегодня еще огорчение, что Катя не хочет брать этой квартиры – ей очень неудобно жить так высоко из-за Никики и Бальмонт<а > – ему

тоже почему-то расхотелось жить здесь. Это еще больше меня опечалило. Мне здесь все страшно нравится – я все-таки чувствую себя дома – – – все знакомое, милое. <...> Катя хочет взять меблированную квартиру, а эту сдать. Меня приглашает к себе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 78, л. 48, 49 об.).

[16] Эта открытка Волошина к Е.А. Бальмонт не известна.

[17] Сабашникова выполнила просьбу Волошина. Е.А. Бальмонт ответила ей 27 сентября / 10 октября 1906 г.:

«Милая Аморя, сейчас получила твое письмо о том, что окончательно вы решили жить в С<анкт>-П<етер>б<ург>е. Я жалею, что написала Максу письмо, убеждая его приехать в Париж. Я только не знала, что ваше решение окончательное. Если так, то не надо сомневаться и перерешать. Жаль, что и Нюша тебе написала о наших сомнениях. Воскресенье, когда она тебе писала, я совсем решила ликвидировать вашу квартиру, мне представлялось невозможным устроиться в ней. Мы думаем искать другую, а ваши вещи частью убрать, частью продать. Мы не успевали с Нюшей говорить, я была все время с К<онстантином> Д<митриевичем>, к<о>т<о>рого вчера проводила в Руан, он уплыл в Норвегию, а Нюша провожала Анну Руд<ольфовну>, к<о>т<ор>ую она не оставляла ни на минуту» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 53, л. 47).

Однако Бальмонты продолжали пользоваться квартирой на улице Сэнже вплоть до первой половины 1907 г.

[18] Здесь, как и в ряде дальнейших писем (п. 279, 280, 283 и др.), речь идет об отправке в Россию вещей и книг, оставленных Волошиными (после отъезда из Парижа в июне 1906 г.) в квартире на улице Сэнже. Хлопотами по пересылке вещей занималась А.Н. Иванова, которая некоторое время жила в этой квартире (этому частично посвящены ее письма к Волошину 1906–1907 гг. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585). См. также п. 279 (место, отмеченное примеч. 8).

277. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 сентября 1906 г. Москва

22 сентября.

Милый мой Максик,

Как я рада, как я рада, как я рада!

Выясни только свое матерьяльное положение и поищи обиталище. Заводить хозяйства невозможно. Будем жить у

кого-нибудь нахлебниками, комнаты 2 возьмем. Я страшно рада кружку Иванова и Бенуа. Не только Ты, но и я буду иначе работать, а потом признаться ли Тебе? Я хочу быть в России. Если бы не Нюша и не Твои книги.... Я так взволнована, что не нахожу себе места. Маму Твое письмо очень опечалило почему-то, а папа обрадовался мысли, что мы будем ближе. Мама к денежным вопросам уж очень трагично относится. Теперь она высчитывает, сколько обойдется моя шуба, платья: «Вот я думаю тебе сделать». Ах, Максюта, устроимся как можно дешевле, только бы не зависеть. М<ожет> б<ыть>, в Петербурге и мне легче будет найти работу. Я бесконечно радуюсь обществу Бенуа и Сомова, они мне помогут. Милый, милый мой Максик. А немножко страшны эти новые люди. Так устрой же все поскорее и приезжай, мой милый. Еще помни, что «Русь» Тебе заплатила в июне, т.е. только за май; и что за июнь, июль, август и сентябрь она Тебе должна – это 600 руб., не считая статей; так что 700-то Ты должен получить.

Я очень рада, что к Тебе все так отнеслись, конечно, говорят, у В. Иванова нужно отбавлять приятности, но все же я думаю у него с Тобой действительно много общего. Ты знаешь, этот момент нашей жизни мне кажется особенно торжественным. Вот он «выбор». Вот что значит, что судьба Твоя решается, как писала А<нна> Р<удольфовна>. Я получила письмо от Гернет.[1] Она тоже будет в Петербурге. Не увез ли Ты ее письма, я опять забыла ее адрес. Не сходишь ли Ты к ней? Я думаю, что она Тебе может много сведений дать. Ей писал<и> Штейнер и Churé <*sic!*>[2] совместно, не знаю о чем. Ее улица – Пантелеймесская <*sic!*>[3], кажется, 11 кв. 1. Ей очень нравится Твое стихотворение.

Милый Максик, целую Тебя.

Припади <к> моим благодетельницам и патронессам; думаю, что в практическом отношении Нат<алья> Ив<ановна>[4] может помочь, это насчет квартиры.

Ну, прощай, моя радость? Радостная радость!

Только что отправила письмо маме, а теперь напишу еще, п<отому> ч<то> она ничего еще не знает.[5]

[1] Среди писем Н.К. Гернет к Сабашниковой за 1903–1906 гг. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 65) это письмо отсутствует.

[2] Имеется в виду Э. Шюре (Schuré).

[3] Видимо, Пантелеймоновская.

[4] Н.И. Манасеина.

[5] Сохранилось письмо Сабашниковой к Е.О. Кириенко-Волошиной от 22 сентября 1906 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 7–8). Письмо, написанное «вдогонку», не обнаружено.

278. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

22 сентября 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Дорогая девочка, я пишу тебе, сидя в комнате Елены Ивановны,[2] и мне очень стыдно того, что я писал в письме, отправленном сегодня утром. Я только что был у Вяч<еслава> Иванова и, спустившись, зашел сюда.

Здесь, оказывается, сдаются три великолепных комнаты и очень дешево (45 руб.). Комнаты мне страшно нравятся. Удобства неисчислимы: это рядом с Вяч<еславом> Ивановым, затем Елизав<ета> Николаев<на>[3] предлагает тебе в том случае, если ты даже и не хочешь работать с модели в школе – пользоваться мастерской безвозмездно и писать сколько угодно после 3-<х> часов, когда кончаются занятия. Затем комнаты будут меблированы, их отопление. Есть ванна. Очень высоко, но лифт. Громадный вид. Единственная здоровая местность в Петербурге.

Комнат у нас будет 3. Одна большая. Средняя как спальня. И рядом совсем маленькая – как раз для моих занятий. И потом ты можешь пользоваться мастерской для работы. Остается только то, что мы будем жить вместе с Ел<еной> Иван<овной>. Но это не страшно. Наши комнаты совсем отдельно по коридору. Только обедать вместе – обед по 15 р. в месяц.

Словом, вся жизнь будет нам стоить 75 руб. в месяц, что вполне в наших средствах и очень, очень дешево для Петербурга. И потом мы будем в самом центре художественной жизни.

И потом у нас лишняя комната и для приемов, и на случай приезда мамы. Словом все, все....[4] Немедленно ответь мне, лучше даже телеграфируй. (Петербург, 17 Симбирская. Орловой. Согласна), телеграфируй так на имя Орлишки, и я тогда сейчас же условлюсь, дам задаток, и все будет решено. Сейчас же телеграфируй.

А с людьми уживемся... Тем более, что наши комнаты совсем замк<н>уты, и ничего до них не доходит.

А в следующем этаже Иванов... и т.д. Моя милая, милая девочка, как я рад, что все так великолепно устраивается. Это указующий перст, что нам надо оставать<ся> в Петербурге.

Я только что 4 часа говорил с Ивановым. Ах... Это такой подъем, это такое счастье. Как мы здесь будем работать, Аморя. И я, и ты. Потому что и для тебя ведь здесь все условия для работы.

Телеграфируй сейчас же.

Макс.

[1] Датируется по связи с п. 276. Написано, судя по содержанию, в пятницу вечером.

[2] Е.И. Кармин.

[3] Е.Н. Званцева.

[4] Однако, вопреки первоначальной договоренности, Е.Н. Званцева смогла предоставить Волошину и Сабашниковой только две комнаты. «Мне очень совестно и неприятно, – писала она Сабашниковой 7 октября 1906 г., – но обстоятельства сложились так, что я увидела, что *третью* комнату я отдать никак не могу. Сгоряча, желая иметь Вас с мужем своими жильцами, я поспешила предложить комнату Елены Ив<ановны>, а теперь та, в которую я думала перевести ее, оказалась необходимой для школы как приемная и второй класс. <...> Не сердитесь, милая Маргарита Васильевна, на этот невольный обман, но – войдя в мое положение – Вы поймете, что, несмотря на все мое желание иметь вас обоих у себя, я не могу отдать лишней комнаты кому то ни было. Мне кажется, что вам двоим будет достаточно и маленьких, а по субботам и воскресеньям вы можете пользоваться залом для приемов, если вы захотите устраивать у себя какие-нибудь вечера» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 75, л. 1, 2 об.).

279. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

23 сентября 1906 г. Санкт-Петербург

Суббота. Утро.

Милая моя девочка... Милая моя девочка... вчера я получил твое первое письмо.[1] Я его читал вечером перед сном и чувствовал тебя. Как будто это было одно из старых, первых писем. Милая моя девочка.

Я бегаю... Бегаю до изнеможения. У меня столько впечатлений.

Я чувствую, что здесь в Петербурге начнется совсем новый период жизни и творчества для меня.

Мне очень, очень нравятся твои новые стихи. «В серебро и хрусталь облаченные» – это очень хорошо.

Вчера я четыре часа разговаривал с Вячес<лавом> Ив<ановым>. Быстрым, напряженным разговором. Обо всем самом важном: об индивидуализме, об оккультизме, о Дионисе, об Иуде,[2] о пророчественности, о молодой поэзии...

Для него многое и из того, что я говорил ему, было ново и страшно заинтересовало его.

Он говорил мне: «Вам необходимо жить в России. В Вас я замечаю теперь то, что было раньше во мне в годы моего уединения. Это уединение приносит самоуглубление, но оно не должно длиться слишком долго. Вы увидите сами, как много Вам даст русская жизнь. Я Вам говорил раньше, что в ваших стихах я видел один большой глаз, обращенный на мир. Теперь часто он бывает повернут внутрь. Но все как будто скрыто за стеклом.

Ваши идеи об искусстве все очень интересны и оригинальны. Но их надо собрать. Вам надо теперь же собрать две книги: стихов и теоретических статей. Вашей книги ждут. Есть необходимость увидеть Вас в книге. Теперь как-то русские поэты московской школы разошлись.

Брюсов погрузился в холодный парнас<с>изм и магнетизм, далекий от жизни. Бугаев собирается писать некролог Андрею Белому, которому больше некуда идти.

Надо оставить этот истрепавшийся литературный псевдоним. Бальмонт со своей чуткостью что-то почуял и бросился на народную русскую поэзию.[3]

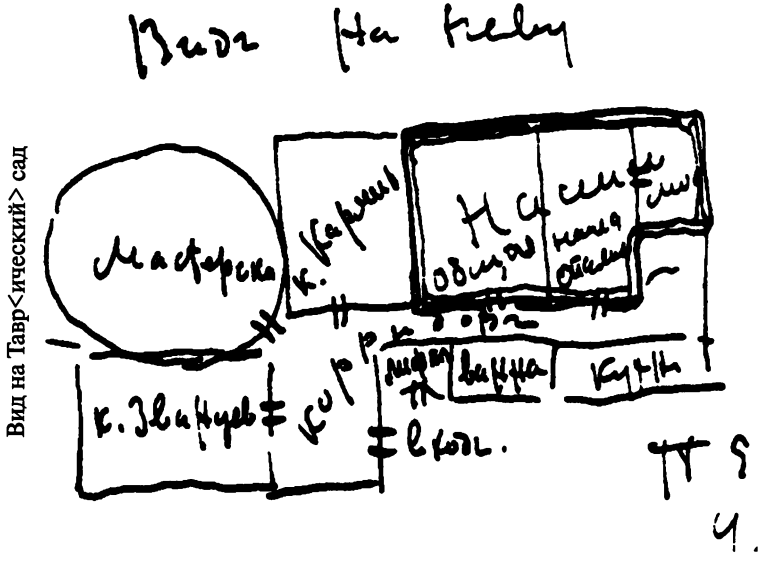
И еще остаются два уединенных поэта – Балтрушайтис и Вы. Я не знаю, что сделал Балт<рушайтис> за эти годы. Но он крупный одинокий поэт.

А Вы... в форме вы достигли полной мэтриз...[4] Но все за стеклом. Вам надо живого прикосновения к жизни. Я думал, что эти годы Вашей женитьбы подействуют на Вас в этом смысле. Но я вижу только обращение внутрь. Я напрасно ждал в Ваших стихах этой струи»....

Спускаясь от него, я почему-то вдруг остановился перед дверью художествен<ной> школы и позвонил.

Потом оказалось все, что я говорил тебе в письме, написанном вчера. Я думаю, что ничего лучшего мы найти не можем. И потом я думаю, что это, может, единственная для тебя возможность работать в Петербурге, т<ак> к<ак> Елиз<авета> Ник<олаевна>[5] предлагает тебе мастерскую в полное распоряжение по окончании работы в 3 часа.

Вот план квартиры.



Видишь, одна из наших комнат будет примыкать к комнате Елен<ы> Иван<овны>[6], но не спальня, а наша гостиная. У меня будет крошечная отдельная комната как раз для занятий. Спальня же отделена совсем. Стены очень фундаментальные, и звуки не проникают. Шел разговор об том, не будет ли тебя, при твоей замкнутости, стеснять такое совместное житье, и разговор этот был начат Елен<ой> Иван<овной>. Но она же говорила, что ведь мы можем так устроиться, чтобы не видеть друг друга и жить совсем отдельною жизнью.

Имей в виду, глядя на план, что кв<артира> Ивановых находится непосредственно над круглой залой мастерской и вся заключается в ней.

Вопрос о мебели. Комнаты сдаются меблированными. Но мебель Званцевой надо покупать. Поэтому я прошу немногое: большой стол, сомье[7] и полки для моей. Большое широкое сомье, стол, умывальник и стулья для нашей.

А нашу гостиную я думаю устроить без мебели. Мы устелем ее всю серым войлоком и затянем часть стен. А затем наделаем как можно больше подушек из холста и морской травы. Это будет и дешево, и уютно, как в татарской избе. Хочешь так? Только нам все-таки надо набрать как можно больше всего, что возможно, у родных и знакомых.

А там придут наши ковры. (Я пойду на таможню и узнаю про пошлины.) И тогда у нас совсем будет хорошо.[8] Наша жизнь будет нам, следовательно, стоить 75 руб. (кв<артира> 45 и стол по 15). Можно было бы взять и просто две маленькие комнаты за 25 (без большой).[9] Но это и тесно, и маме нельзя. Если «Руси» не будет, то мама разделит с нами расходы. Если же будет, что у меня обеспечено 150 р., и это вполне достаточно на трех. Во всяком случае, я думаю, что через месяц или два мы сможем свободно отказаться от денег. Ты так и скажи.

Только нам надо достать в Москве непременно подушек и постельн<ого> белья. А книги выпишем сюда, и платья. Платья – больш<ой> скоростью, а книги малой.

И подумай: мы действительно будем в самом центре жизни Петербурга.

На этой же улице живет Струве и мой приятель Винберг.[10] Главное, что хорошо для тебя, – это то, что не нам придется

ходить к людям и искать их, а они все будут сюда приходить. Вяч<еслав> Иван<ов> еще ничего не знает об этих планах.

Я приеду в Москву в четверг утром.

Сегодня немного простужен, кашляю и поэтому сижу дома, кстати, я ничего и не обещал на сегодняшний день. Я хотел только пойти к Сомову. Но написал ему письмо.[11] Я жду не дождусь телеграммы от тебя, чтобы покончить с квартирой.

А простудился я потому, что в моем пальто и теперь во время ветра холодно. Надо будет и мне шубу покупать. Я думаю, что можно купить по случаю в ломбарде.

Вообще, если мне отдадут теперь рублей 500, то у нас, с выплатой маме 200 р., будут деньги. Я ей буду сейчас писать о квартире.

Только что получил твое второе письмо.[12] Милая моя девочка. Я сижу дома и думаю о тебе.

Я всегда простужаюсь в Петербурге.

Как все хорошо устраивается!! Как все хорошо устраивается!

Мне надо рассказать тебе о Городецком и Кузмине. Но это я сделаю вернувшись.

Во вторник вечером я буду у Ивановых, где Кузмин будет петь свои стихи со своей музыкой.[13]

Прощай, моя девочка.

Мы недолго останемся в Москве. Я пишу Грифу[14] и прошу его как можно скорее устроить мою лекцию.[15] Если тебе будут что шить, то начинай сейчас, не медля ни минуты.

До свиданья, до свиданья...

Поклон М<аргарите> А<лексеевне>, В<асилию> М<ихайловичу>, Ляйзе и Б<орису> Н<иколаевичу>.

Вышли ли мои фотографии?

Макс.

[1] Имеется в виду п. 275.

[2] Можно предположить, что именно беседы с В.И. Ивановым осенью 1906 г. помогли Волошину переосмыслить традиционный образ Иуды, увидеть в его предательстве «подвиг», сопоставимый с

жертвой Христа, и т.д. (см. примеч. 11 к п. 315, примеч. 7 к п. 459 и др.).

[3] В годы первой русской революции Бальмонт, увлеченный русской и славянской стариной, создает произведения, стилизованные под народные предания и сказы, заклинания и заговоры, сектантские песнопения и др. Эти стилизации Бальмонта были собраны в его книгах «Злые чары» (1906), «Жар-птица. Свирель славянина» (1907), «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (1909).

[4] От *фр.* maître, maîtrise – мастер, мастерство.

[5] Е.Н. Званцева.

[6] Е.И. Кармин.

[7] Мягкая широкая кушетка (от *фр.* sommier – матрас). Ср. примеч. 3 к п. 217.

[8] См. примеч. 18 к п. 276.

[9] Ср. примеч. 4 к п. 278.

[10] П.Б. Струве жил (после своего возвращения в Россию осенью 1905 г.) на Тверской 23; А.В. Винберг – на Таврической 1.

[11] Это письмо Волошина к К.А. Сомову не известно.

[12] Имеется в виду п. 277.

[13] См. примеч. 11 к п. 276.

[14] С.А. Соколов.

[15] Лекция под названием «Пророки и Мстители – предвестники Великой Французской революции» была прочитана Волошиным 6 октября 1906 г. в московском Литературно-художественном кружке. «Мою статью Пророки и Мстители (так я назвал теперь статью о Предвестиях) я буду читать по возвращении из Петербурга в Художественном Клубе в пользу конституционных демократов, по просьбе этой партии», – сообщал Волошин матери 19 сентября 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 247–248). Сообщение о предстоящей лекции было напечатано в газете «Русское Слово» (1906. № 245. 6 окт. С. 4). См. также п. 283.

280. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 <?> сентября 1906 г. Москва

Максюта, получила сегодня Твои 2 письма; от Кармин от четверга и от пятницы утра.[1] Я писала Тебе, как я рада жить в Петербурге и около Таврического сада.

Ты очень ошибаешься, что в Москве дешевле и легче устроиться. В Петербурге комнаты дешевле, дома благоустроеннее, и в Москве были бы требования, чтобы было то или другое, по крайней мере, я бы старалась не шокировать

чувств, да во всяком случае, там интереснее. Против Ел<ены> Ив<ановны>[2] ничего не имею; нужно только выработать себе вежливость, кот<орая> не допустит фамильярности.

Я не поняла, кто сдает комнаты, у кого мы будем столоваться. Вместе я не хочу; нам будут присылать. Узнай про стол и как же с вегетарьянством. Скоростью выписывать вещи — безумно дорого. Постельное белье привезет из Коктебеля Яша[3]. Напиши ему об этом. Он же из Коктебеля может привезти мои краски и ящик. Пальто свое Ты все равно не будешь носить; Тебе нужно купить ватное. А если Ты думаешь, что можно его носить, то почтовой посылкой его можно выслать.

Мои башмаки и нижние юпки мне нужны, есть и платья, но я могу ждать. Посылать сундук большой скоростью безумие. «Бриллианты» мои попрошу захватить Бенуа, это одна шкатулочка. А<нна> Р<удольфовна> в Кельне, по словам Любимова, м<ожет> б<ыть>, ей в Берлин Нюша бы послала что-нибудь, мы бы, конечно, заплатили за багаж, но все-таки скидка. Да сундук одними этими вещами и не наполнишь. Лучше его с коврами и подушками послать тяжелым. Попроси Яшу привезти и мою подушку. Да я вообще, кажется, без всех этих вещей могу обойтись; предложу купить Нюше юпки и башмаки. Кто-нибудь привезет платья. Я все говорю о каких-то мелочах.

Одним словом, лучше белье и краски выписать из Коктебеля, а Тебе сшить пальто; остальные Твои одежды — дрянь. Поживем, а потом выпишем словарь и ковры. Мне жаль нашего сомье. М<ожет> б<ыть>, его можно продать в Бон Марше[4], он совсем новый. Столик Чуйко страшно тяжел, подарим его Ал<ександре> Вас<ильевне>. Надеюсь, что Нюша нас навестит и что-нибудь привезет. Знаешь ли Ты, что Бенуа один приедет в октябре и вернется в Париж?[5]

[1] Т.е. п. 274 и 276, видимо, отправленные через Е.И. Кармин.

[2] Е.И. Кармин.

[3] Я.А. Глотов.

[4] Т.е. в универмаге «Bon marché» (см. примеч. 2 к п. 271).

[5] Поездка Бенуа в Россиию осенью 1906 г. не состоялась. См. запись в его дневнике от 31 октября 1906 г.: «Решаю не ехать в Петербург, чтобы здесь работать» (*Бенуа А.Н.* Дневник 1906 года / Публ. и коммент. Г.А. Марушиной, И.И. Выдрина // Наше наследие. № 86. 2008. С. 130).

281. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 или 24 сентября 1906 г. Москва[1]

Пишу очень плохо, п<отому> ч<то> исхожу от какого-то непонятного волнения, у меня от радости разрывается сердце <...>

«Александрийские песни»[2] мне безумно нравятся, т.е. не безумно, но когда я их читала, душа приняла тихий строй и зазвучала им в лад. Вот когда слово стало музыкой и получило цену, зажглось своим блеском. Вот орнамент в слове. Мысль, вытекающая из формы, и художник сам встречает ее удивленный <...>

[1] Полный текст письма не известен; местонахождение оригинала обнаружить не удалось. Публикуются фрагменты, скопированные в 1970-е гг. В.П. Купченко.

[2] См. примеч. 12 к п. 276.

282. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

24 сентября 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Утро.

Моя милая, милая девочка... Вчера я был совсем болен и никуда не выходил. Жар, насморк, кашель – у меня всегда Петербург этим начинается. Сегодня у меня еще туман в голове и насморк, но надо бежать – покончить относительно комнат у Званцевой. А потом еще я должен сегодня обедать у Суворина...

Твоя телеграмма пришла вчера вечером. Пришли тоже корректуры «Индивидуализма в искусстве».[2] В напечатанном виде она гораздо яснее и проще. Я даже немногое там переделал. Эта статья мне даст, верно, рублей 50.

Вчера весь вечер я лежал в постели. Орлишка[3] сидела надо мною, и мы долго и много говорили.

Я много рассказывал ей про тебя и про нас... Только... Она все-таки меня продолжает любить...

У меня был жар, и было так хорошо. Милая моя девочка...

Мне наша жизнь в Петербурге рисуется самыми радужными красками.

Даже самая газетная работа, неприятная мне в Париже, здесь кажется для меня заманчивой. Можно будет так много сделать. Писать о людях, передавать разговоры — построить мост между поэтами и большой публикой, как во Франции сделал Мирбо для Метерлинка.[4]

И потом я чувствую, что я сам начну совсем иначе писать стихи — мне мои стихи теперь кажутся такими холодными и искусственными, что мне стыдно читать их. Милая моя девочка, как будет хорошо работать. Я думаю, что наше сожительство со школой будет для тебя страшно важно. Оно снова введет тебя в атмосферу живописи, захватит тебя.

(Да! Манасеина просила тебе передать, что иллюстрации твои выйдут *очень хорошо*, как сказал ей Голике).[5]

До свидань<я>, моя милая, милая девочка. Я пишу это письмо в классе, сидя за детской партой.[6]

Только вот насморк, насморк!![7]

[1] Датируется по содержанию и связи с предыдущими письмами.

[2] Статья Волошина «Индивидуализм в искусстве» была напечатана в журнале «Золотое Руно» (1906. № 10. С. 66–72).

[3] А.И. Орлова.

[4] Октав Мирбо откликнулся восторженной статьей на появление первой пьесы Метерлинка «Принцесса Мален» (1889). Статья Мирбо, напечатанная в парижской газете «Фигаро» 24 августа 1890 г., сделала имя начинающего бельгийского автора широко известным.

[5] Имеется в виду иллюстрации Сабашниковой, предназначенные для журнала «Тропинка».

[6] Т.е. в школе Е.Н. Званцевой.

[7] Дальнейший текст письма (в нижней части листа) утрачен.

283. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

24 сентября 1906 г. Санкт-Петербург

Воскресенье вечером.

Милая моя девочка, что-то от тебя письма нет сегодня... Я был у Званцевой. Дал задаток за квартиру. Она будет за нами с первого октября.

У меня слипаются глаза сейчас. Меся<ц> на меня из угла делает стойку. Он ходит по комнатам и, точно собака, стучит когтями. Целый день он смотрится в зеркало, то в одно, то в другое. Все опрокидывает, все бьет.

Я обедал у Суворина. «XX ВЕК» разрешен и выходит во вторник.[1] Я обещал фельетон и буду его писать завтра целый день.[2] Поэтому я и пишу тебе сейчас, чтобы с утра приняться за работу.

От Званцевой я зашел к Вяч<еславу> Ив<анову>, чтобы сообщить ему о том, что я поселяюсь под ним. Он был очень рад, и мы строили разные проекты. Он спросил:

– Вы собираетесь иметь какие-нибудь определенные дни?

– Да, я думаю.

– Так знаете – не соединиться ли нам вместе и не привлечь ли к этому Званцеву, чтобы устраивать эти собрания в ее мастерской. Потому что у меня очень уж тесно. И придать этому немного характер клуба. С известным небольшим взносом. Об этом подымался уже в прошлом году вопрос. Только оставим пока эти проекты между нами. Не говорите пока ничего Званцевой.

Мы опять с ним много и горячо говорили. Разговоры с ним как-то ужасно ярко освещают для меня мои собственные мысли. Он так умеет вести беседу, что мысли невольно группируются в стройную систему.

Я чувствую, как мой ум может воспитаться от этого. Он мне сказал:

– С нашей встречи в Женеве Вы страшно изменились. В Вас явилось совсем новое. Явилась глубокая уверенность в чем-то. Вы импонируете этой уверенностью. Раньше мне

казалось, что Вы видите ясно только часть дороги перед собой, а дальше белый туман и ничего, никакой цели. А теперь Вы точно стоите на вершине и видите целый лабиринт дорог....

В Ваших словах есть что-то сивиллинское... точно входишь в священную рощу...

Относительно преувеличения в словах В. Ив<анова>... У него нет преувеличения в точном смысле. Он не преувеличивает приятности[3] и не умалчивает о недостатках. Только он старается для всего найти образ, и этот образ бывает взят не по отношению к человеку, а сам по себе, и именно эта отделенность и законченность образа производит впечатление преувеличения по отношению к человеку. Но для него это не преувеличение — это только точное художественное определение.

Мне кажется, он твердо держится принципа не говорить приятной лжи и неприятной правды.

Во вторник я буду снова у него. Кузмин будет петь свои стихи со своей музыкой.[4]

Покойной ночи, моя девочка.

Тобой здесь очень все интересуются и ждут твоего появления.

Как хорошо жить на свете...

Аморя, милая, как хорошо...

До свиданья.

P.S. Я написал Грифу,[5] что в четверг буду в Москве, и чтобы лекция была назначена как можно скорее.[6] Но сегодня узнал, что он поехал на съезд к<онституционных> д<емократов> в Финляндию[7] и, значит, письма моего не получил.

Поэтому, пожалуйста, поговори с Раш<елью> Мироновн<ой>[8] по телефону и сообщи ей, что я приеду в четв<ерг>[9] и готов читать когда угодно, а то я боюсь, что эта лекция может задержать нас в Москве, а мне не хотелось бы оставаться дольше недели.

[1] Вероятно, Волошин по привычке употребляет название газеты, издававшейся (вместо запрещенной «Руси») с 25 марта по 1 августа 1906 г. О том же Волошин писал и матери 19 сентября: «"Русь" возродилась снова в виде XX ВЕКА» (Т. 9 наст. изд. С. 247); точно так же Сабашникова писала ей 22 сентября 1906 г.: «Вы, верно, прочили в газетах, как и я, что "20-ый век" запрещен окончательно. Макс этого не знал, уезжая» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 7).

В действительности, после закрытия «Двадцатого века» стала выходить (с 6 августа 1906 г.) ежедневная газета «Око», издание которой было приостановлено 27 августа, возобновлено 26 сентября и окончательно прекратилось на № 50 (31 октября 1906 г.).

[2] Возможно, имеется в виду очерк Волошина «Разговор» (о политической ситуации в России), опубликованный в газете «Око» (1906. № 22. 28 сент. (11 окт.). С. 3) и включенный в переработанном виде под заголовком «Террор и танец (Разговор в 1907 году)» в макет 3-й книги «Ликов творчества» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 250–257, 751).

[3] Отклик на слова Сабашниковой в п. 277 («...говорят, у В. Иванова нужно отбавлять приятности....»).

[4] См. примеч. 11 к п. 276.

[5] С.А. Соколов.

[6] См. примеч. 15 к п. 279.

[7] IV съезд конституционно-демократической партии состоялся в Гельсингфорсе 24–28 сентября / 7–11 октября 1906 г.

[8] Р.М. Хин.

[9] Волошин приехал из Петербурга в Москву 28 сентября 1906 г. (в четверг).

284. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

25 сентября 1906 г. Москва

Макс, Глаголева с мужем едет на 2 недели в Париж. Я предложу остановиться пока у нас.[1] Ведь Катя еще на Assas;[2] у них нет багажа, следовательно, им можно поручить отдельный сверток с платьями и заплатить за это. Здесь в канцелярии можно выхлопотать свидетельство, что Ты жил долго в Париже, и тогда пошлины не возьмут.[3] Я уже написала маме просьбу послать с Яшей или по почте белье и краски.[4]

То, что мы будем в такой близости с Кармин и Званцевой, меня очень смущает. Нужно обедать и завтракать отдельно и иметь ключи.

Мастерской очень радуюсь. Мы с Алешей зачитываемся Кузминым.

Я танцую и пою наизусть.

> Кружитесь, кружитесь, держитесь крепче за руки
> Звуки звонкого систра несутся, несутся.....[5]

Любимов, окаменев на пороге, кричит, наконец, в восторге: «Заря! Обезьяна сошла с ума».[6]

Мама суха и грустна. Я спрашиваю почему, а она не знает сама. Напиши Кате, не даст ли Нина Вас<ильевна> нам какой мебели. Не хочу я покупать опять мебель. Нина Вас<ильевна> в Берлине пока.[7] Я не хочу вещей больше. Мы научены. Одни ткани!

[1] Т.е. в квартире на улице Сэнже, 17.

[2] Вернувшись из Бретани, Е.А. Бальмонт остановилась в пансионе на улице д'Асас (близ Люксембургского сада). «...Списалась с нашей хозяйкой, буду жить месяц *rue d'Assas, 100,* – сообщала она Сабашниковой 22 августа / 4 сентября 1906 г. – Я, было, хотела у вас, но там я буду связана и ночь, и день из-за Ниники» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 53, л. 45; «у вас», т.е. в квартире на улице Сэнже). См. также в письме А.Н. Ивановой к Волошину от 22 сентября / 5 октября 1906 г.: «Катя на месяц условилась с пансионом в Assas» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 27 об.).

[3] См. примеч. 18 к п. 276, п. 279 и др.

[4] Я.А. Глотов находился тогда в Коктебеле.

[5] Начальные строки стихотворения М. Кузмина из цикла «Александрийские песни» (Весы. 1906. № 7. С. 9). Вошло в его сб. «Сети» (М.: Скорпион, 1908; 2-е изд. – Пг.: изд. М.И. Семенова, 1915; 3-е изд. – Петербург; Берлин: Петрополис, 1923) в составе того же цикла (раздел «Канопские песни»).

[6] Эти слова, восходящие к книге Ницше «Так говорил Заратустра», Волошин узнал от В.И. Иванова во время их женевских встреч летом 1904 г. Впоследствии Волошин использовал этот образ в своих статьях, а также письмах к Сабашниковой 1905 г. (см. примеч. 6 к п. 23).

[7] Н.В. Евреинова находилась в Германии возле своего больного брата С.В. Сабашникова (см. п. 133, 202 и др.); вернулась в Россию 25 октября / 7 ноября 1906 г. (см. ее открытку к Сабашниковой от 30 октября 1906 г. (из Петербурга) // ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 74, л. 10). См. также п. 286.

285. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

25 сентября 1906 г. Санкт-Петербург

Понедельник.

Милая моя девочка, это второе мое письмо сегодня.[1] Оно будет чисто деловое.

Комнаты мы нанимаем у Званцевой и обедать будем у нее же. Конечно, можно оговорить, чтобы нам в нашу комнату отдельно приносили. Относительно вегетарианства – мне уже пришлось его здесь нарушить, потому что оно ставило все время или хозяев дома, у которых я обедал, или меня самого в страшно неловкое положение. Так нельзя. Так что я его уже нарушил. Ел<изавета> Ник<олаевна> Званцева говорит, что если мы оба будем вегетарианствовать, то это не составит очень большого затруднения, но все-таки придется готовить второй отдельный обед. Но об этом мы поговорим и посоветуемся после.

Относительно вещей – я согласен, что выписывать большою скоростью очень дорого. Тогда мы сделаем так – платья вышлем сюда малой скоростью и Энциклопедическ<ий> словарь.[2] А остальное пусть идет в Крым тоже малой скоростью.

Вяч<еслав> Иванов мне говорил, что если взять свидетельство в Париже, что я жил там больше трех лет, то я могу провезти все беспошлинно. Об этом надо узнать в таможне. Что касается платьев моих, то там очень много мне необходимого и хорошего, что мне надо будет в Петербурге. Не могу же я ходить в моем летнем костюме, в котором я теперь.

Если ты будешь просить Бенуа захватить бриллианты свои, то попроси его тоже захватить и наши письма.[3] Они в верхнем ящике комодика.

В сундук, я думаю, только-только войдут наши платья, пальто, белье и одеяла. Я Яше[4] уже написал о том, что надо привезти. Я прошу его привезти тоже татарские полотенца и индусскую ткань.

Только ты, пожалуйста, напиши ему еще сама и поподробнее все, что надо. Я, например, не помню совсем – взяли ли мы пакет с твоими не начатыми красками, что был завернут в бумаге в квадратной коробке. Мне кажется, что он в Коктебеле остался. Мне жаль расставаться со скамейкой Чуйко. Я бы хотел ее выписать в Коктебель. Если же нет, то оставим ее на сохранение Ал<ександре> Вас<ильевне>.

Довольно об этом. Мне что-то надоело. Только напиши сейчас же Яше.

Правда, что Дэзи[5] будет в Петербурге?

Ты тоже не находишь исхода от непонятного волнения и радости. Значит, вот он – выбор.

Случайность остановила нас на Петербурге, и сердце радостно и звонко подтвердило этот выбор. Как странно.

Да, конечно, мы будем кататься на коньках и на лыжах тоже. Я уже мечтал об этом. Мы в двух шагах от Невы, и там совсем близко уже начинается загород. Потом мы поедем зимой в Финляндию на Иматру.[6] Да?

Только почему ты не спишь ночью? Без меня? Почему ясности в тебе нет?

В четверг. Четверг. Я бы раньше уехал,[7] если бы не этот вечер со стихами Кузмина, назначенный специально для меня.[8] До свидани<я>...

Спи хорошо, моя девочка... Спи хорош<о>.

Макс

[1] Вероятно, под «первым письмом» Волошин подразумевает п. 283, начатое, судя по содержанию, вечером в воскресенье и отправленное, скорее всего, на другой день.

[2] См. примеч. 3 к п. 276.

[3] См. примеч. 5 к п. 280.

[4] Я.А. Глотов.

[5] М.М. Шевелева.

[6] Водоскат на Вуоксе, привлекавший в конце XIX в. многочисленных туристов. Также – поселок (с 1948 г. – город), расположен-

ный ныне на территории Финляндии в 6 км от российско-финляндской границы.

[7] См. примеч. 13 к п. 276.

[8] Вероятно, имеется в виду вечер у В. Иванова 26 сентября (см. примеч. 11 к п. 276).

286. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 1 ноября 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Макс, докторша принимает по записи,[2] я записалась на понедельник. Была у Нины.[3] Она сегодня везет Сережу в Москву.[4] Я еду с ней к Барановским, чтобы видеть его, и приеду оттуда одна к Манасеи<ным> в 6 ч<асов>.

[1] Записано на чистой странице письма В.М. Сабашниковой к дочери от 18 октября 1906 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 99, л. 17 об.). Основание для датировки: вернувшись из Германии 25 октября, Н.В. Евреинова находилась в Петербурге до 30 октября (см. примеч. 7 к п. 284).

[2] Осенью 1906 г. Сабашникова чувствовала себя больной и постоянно обращалась к врачам. «Я тогда страдала непонятным для врачей упадком сил...», – вспоминала она впоследствии (Зеленая Змея. С. 155). «Ты не думай, что я все хожу по гостям, – писала она отцу 9 ноября 1906 г., – я только и бывала на вечерах в первую неделю приезда, а последние недели решительно никуда не выхожу, даже и на субботах не бываю; никого не вижу, только толку-то от этого мало. Докторша думает, что у меня нервы так расстроены от печени, которая увеличена; прописала мне строгую диету, но я ей не верю; то одно говорит, то другое; хотелось бы найти настоящего доктора...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 42, л. 13–13 об.). Состояние здоровья Сабашниковой беспокоило ее близких. «Милый Макс, напишите мне, что с Маргорей, – просила Волошина Е.Н. Гофман 13 ноября 1906 г. – В чем выражается ее нервное расстройство и почему она поехала – по совету врача или сама? Вы своим письмом очень взволновали нас, а подробностей не сказали» (Там же, оп. 3, ед. хр. 449, л. 3; «поехала», т.е. отправилась в пансион в Мустамяках – см. об этом в дальнейших письмах).

[3] Н.В. Евреинова. «С Ниной Вас<ильевной> я часто видаюсь, но все мельком, – писала Сабашникова отцу 9 ноября 1906 г.; – она окружена, как всегда, безалаберной суетой, мне ее ужасно жалко.

Я думаю писать ее портрет; впрочем, пока так себя чувствую, ничего не стану предпринимать» (Там же, оп. 5, ед. хр. 42, л. 13 об.; без даты, с пометой «четверг»; датируется по упоминанию о пожаре на «башне» – см. примеч. 8 к п. 287; портрет Н.В. Евреиновой работы Сабашниковой не известен).

[4] См. примеч. 7 к п. 284.

287. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

11 ноября 1906 г. Санкт-Петербург

Милая моя девочка!

Сейчас 2 часа ночи. Мама[1] меня встретила словами: «Только что вы уехали[2] – начались события: приехала Анна Рудольфовна....[3] Она еще вчера приехала».

Я сейчас же, в час ночи, помчался к ней. Разбудил весь дом ее тетки, но все-таки ее видел.

Мы решили так: ты приедешь во вторник и останешься здесь, пока здесь Ан<на> Рудольф<овна>. А она будет здесь недели 2–3.[4]

Сию же минуту не приезжай: пробудь эти 4 дня там.[5] Это необходимо. А <во> вторник утром приезжай.

Мы хотели, было, все за тобой ехать, но Анне Рудольф<овне> это будет утомительно. Может, так и надо было тебе уехать, чтобы подкрепиться перед Ан<ной> Рудольф<овной>.

Милая девочка, поэтому нам так и было хорошо последнюю ночь в Петербурге, что Ан<на> Р<удольфовна> была уже здесь.

Завтра утром пойду в Эрмитаж и за покупками.

Я, конечно, после всей беготни проспал. И сейчас напишу Леману извинительное письмо.[6]

Вот что еще было без нас:[7]

1) Приходил некий молодой человек и велел передать тебе, чтобы «акварели» ты доставила на Морскую 34 не позже, чем через неделю. Иначе будет *поздно*. И ушел, отказавшись назвать свое имя, но прибавив, что завтра уезжает в Москву.

2) Принесли тебе пакет, в котором какие-то два лоскута японских, очень тонких тростниковых циновок. Пакет здесь. Письмо посылаю.

3) Привез посыльный тебе меховую шубу с вокзала от свитского офицера. Без пояснений.

4) У нас чисто, копоти никакой.[8]

Ан<ну> Руд<ольфовну> я видел минут 15. Мы только захлебывались. Сегодня буду у нее в 6 час<ов>. Сперва я думал, что лучше будет приехать к тебе вместе с Ан<ной> Руд<ольфовной>, но вижу, что ей это все-таки утомительно.

За покупками мы поедем после завтрака. Я решил купить тебе только панталоны. Боюсь, что платок оренбургский очень дорог. Если не дорог – куплю. Теперь все меняется, если ты приедешь во вторник. Тогда купишь себе шапочку. Клетчатый платок все-таки посылаю.

Адрес Алеши: Leipzig. Hohenzollernstr<asse> 16 II-г. Он был с Ан<ной> Руд<ольфовной> на лекции о крови.[9] Лекции эти здесь.

Напиши, в котором часу ты приедешь во вторник. Тогда я позову Ан<ну> Руд<ольфовну> к нам.

[1] Е.О. Кириенко-Волошина приехала из Коктебеля в Петербург 9 ноября 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 167).

[2] 10 ноября 1906 г. Сабашникова отправилась в Мустамяки, где поселилась в частном пансионе Ланг; Волошин ее проводил и в тот же день вернулся обратно (Там же).

[3] А.Р. Минцлова вернулась в Россию после полугодового отсутствия: уехав в Париж в мае 1906 г., чтобы присутствовать на парижских лекциях Штейнера, она провела затем месяц в Бретани (вместе с А.Н. Ивановой), оттуда вернулась в Париж, а осенью 1906 г. слушала в Берлине лекции Штейнера.

[4] В действительности Минцлова прожила в Петербурге до конца января 1907 г.

[5] «Там», т.е. в Мустамяках .

[6] Это письмо Волошина не известно, однако ясно, что речь идет о встрече с Б.А. Леманом – их знакомство состоялось в Петербурге 20 сентября 1906 г. на «башне» В. Иванова (см.: Труды и дни-1. С. 163); Леману посвящено стихотворение «Солнце» (Т. 1 наст. изд.

С. 79; впервые: Стихотворения. 1900–1910. С. 74–75). В октябре с Леманом познакомилась и Сабашникова, которой посвящен (написанный на рубеже октября и ноября 1906 г.) сонет Лемана (Б. Дикса) «Magnificat», опубликованный в петербургском альманахе «Белые ночи» (СПб.: Изд-во «Вольная типография», 1907. С. 189–190).

[7] «Без нас», т.е. в течение 10 ноября 1906 г.

[8] Волошин имеет в виду пожар 8 ноября 1906 г. в доме на Таврической 25, начавшийся на чердаке и затем перекинувшийся в квартиру Ивановых. В.И. Иванов посвятил этому событию стихотворение «Пожар» (см. подробнее: *Галанина Ю.Е.* О некоторых реалиях в мифологическом пространстве Башни // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 482–486).

[9] Лекция под названием «Кровь – особенный сок» (слова Мефистофеля из «Фауста» Гете; акт I, сцена 4) была прочитана Штейнером для широкой публики в берлинском Архитектенхаусе 12/25 октября 1906 г. (подзаголовок: «О значении крови как носительницы индивидуальных сил человека»). Доклад под тем же названием был произнесен в Мюнхене 18 октября / 1 ноября 1906 г. и в Лейпциге 29 декабря 1906 г. / 11 января 1907 г. Вскоре появилось и отдельное издание (*Steiner R.* Blut ist ein ganz besonderer Saft. Eine esoterische Betrachtung. Abgedruckt nach der Niederschrift eines Vortrages. Berlin: Selbstverlag «Besant-Zweig» der «Theosophischen Gesellschaft», 1907), позднее включенное в кн.: *Steiner R.* Die Erkenntnis des Übersinnlichen in unserer Zeit und deren Bedeutung für das heutige Leben. Dreizehn öffentliche Vorträge Berlin, 11. Oktober 1906 bis 26. April 1907; Köln, 1. Dezember 1906. Dornach: Verlag der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung, 1959. S. 35–65 (GA 55). Русский текст см. в изд.: *Штайнер Р.* Человек как земное и как небесное существо. СПб.: «Деметра», изд-во им. Вл. Соловьева, 2005.

29 сентября / 12 октября 1906 г. Минцлова сообщала Волошину: «С будущей недели начнутся частные уроки у St<einer'a>, с нами отдельно. И одна большая публичная лекция с дерзким названием, вызовом материализму. Заглавие это – слова Мефистофеля Фаусту о крови: "Кровь – это сок особенного рода..." В своей лекции о Парсифале St<einer> уже говорил о крови, говорил о Св<ятом> Граале... Я сейчас занята этой лекцией о таинстве крови. Это – страшная вещь. Когда я ночью пишу ее в этом странном доме (Вы знаете его), у громадного окна – сейчас очень жарко, и я открываю окно, когда работаю, – мне страшно минутами. А внизу, в саду, целая толпа белых статуй, толпа мертвецов, точно ожидающих чего-то – – –» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 58 об. – 59); см. также примеч. 2 к п. 323).

Продолжая ту же тему, Минцлова писала Волошину 10/23 октября 1906 г. из Берлина (за день до лекции Штейнера): «Не знаю, можно ли будет послать Вам лекцию St<einer'a> – боюсь, что на почте она может пропасть. Она будет страшно интересна, да! Он коснется самой глубины. Он уже несколько раз говорил об этом, подходил к этой тайне – и в волнении останавливался, не докончив. Когда я говорю, вспоминаю об этом, я знаю, что я бледнею и кровь тяжелыми ударами бьет в виски и в кисти рук, заставляя замолчать... Кровь *знает* больше, чем тело человеческое. У нее есть страшные счеты с Солнцем и Землею, они не должны видеть друг друга... И когда кровь говорит – ужасен голос ее – – –

Я Вам пришлю то, что будет возможно, в письме. Но я ведь не умею говорить внятно – я немая – –» (Там же, л. 60–61).

288. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

12 ноября 1906 г. Мустамяки[1]

Милый мой мальчик, я приеду во вторник с поездом, кот<орый> отсюда выходит в 1 ч<ас> дня.[2]

Сегодня утром мне никто не отдал Твоего письма и пакета, и я хотела в грусти гулять; все казалось, что с Тобой что-то случилось; а потом после обеда я решилась спросить, и хозяйки мне отдали. Когда я увидала все, и панталончики, и платочек, я заплакала от умиления.

Как я этот платочек буду любить!!!

Читаю Violine <*sic!*> и тоже плачу.[3] Продолжаю плакать вообще, и если бы не Анна Руд<ольфовна>, я бы ни за что не уехала в Питер. А Анна Руд<ольфовна> сама радость.

Милый мой мальчик. Любовь – это боль в сердце. Правда?

[1] Датируется по содержанию.

[2] Сабашникова вернулась из Мустамяк во вторник 14 ноября и пробыла в Петербурге до 30 ноября 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 167–168).

[3] Имеется в виду пьеса П. Клоделя «Юная дева Виолена» («La jeune fille de Violaine»; 1-я ред. – 1892, 2-я ред. – 1899), вошедшая в сборник его драматических произведений «Дерево» («L'arbre»,

1901). Сюжет пьесы представляет собой мелодраматическую историю: Виолена, главная героиня, олицетворяющая собой христианское смирение и самоотверженность, приносит себя в жертву ради своих близких. Косвенное подтверждение тому, что Сабашникова в то время читала Клоделя, см. в п. 295.

289. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

12 ноября 1906 г. Санкт-Петербург

Воскресенье утро.

Милая моя девочка, только что получил твое письмо.[1] Как мне жаль тебя отрывать оттуда. Но я думаю, что ты за несколько дней отдохнешь, а потом, через неделю или полторы, когда Ан<на> Руд<ольфовна> уедет, а в Финляндии выпадет снег, ты вернешься снова.

Вчерашний день – суббота – для меня был днем писем: деловых и других. Я исполнил все свои старые долги. Написал Нюше, тете Кате и твоему папе.[2]

Потом исполнял твои поручения вместе с мамой. После обеда был у Ан<ны> Руд<ольфовны>,

Она живет у своей тетушки – очень почтенной дамы, – и мое ночное вторжение произвело в этом скромном и чинном доме очень глубокое впечатление.

С Ан<ной> Руд<ольфовной> мы говорили часа два. Но отрывочно. Перескакивая с вопроса на вопрос. Письма твоего она не успела еще получить. «Майа-Мария» произвела на нее страшное впечатление.[3] Она говорит, <ч>то она совпадает почти дословно с тайной молитвой розенкрейцеров,[4] известной только посвященным, которая кончается призывом – «Майа».

Потом мы с ней говорили о крови. Она успела мне только сказать, что у крови есть связь с Сатурном. Она возникла – там.

При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая выработалась на этой планете.

Кровь – трагедия Сатурна.[5]

Зрение и ощупь – трагедия Солнца.[6]

Пол – трагедия Луны.[7]

Кровь знает больше человека. От ужаса крови человек может умереть.[8]

Потом я рассказывал ей про Ивановых, про Ремизовых – особенно про последних. Сегодня она придет ко мне после обеда. Я познакомлю ее с Ивановыми. С Ремизовыми я хочу, чтобы она познакомилась при тебе.

Только что она была в Мюнхене. Привезла нам привет от графини[9] и Frl. Stinde. Они от нас в восторге. Письма твои получили. Но были так заняты все время, что не имели возможности ответить. Всё собираются и извиняются перед тобой.

На будущий теософский конгресс, устраиваемый в Мюнхене,[10] я избран почетным распорядителем – против всяких правил, т<ак> к<ак> не члены не могут быть распорядителями. Но по настоянию Мюнхенской секции.[11] Хотя Ан<на> Руд<ольфовна> и говорила, что, может, мы и не сможем из России приехать к конгрессу.[12]

Вечером Ан<на> Руд<ольфовна> отправилась в театр, а я домой. И провел весь вечер в уединении за письмами.

«Гедда Габлер» у Комиссаржевской <*sic!*> провалилась[13], как мне сказал Чулков.

Мама ночует теперь у меня. Копоть вся счищена. Я взял у Ан<ны> Руд<ольфовны> все переведенные ею лекции Штейн<ера>, чтобы переписать их для нас. И мама теперь сидит рядом со мной за столом и переписывает.

Только что пришло извещение, что пришли наши вещи малой скоростью. Надо уплатить 57 рублей. Поеду в таможню завтра утром.

Вчера в мое отсутствие заезжал Ник<олай> Феод<орович> Дж<унковский>; виделся с мамой. Сказал, что уедет во вторник.

Лид<ии> Дм<итриевны> я не видал. Вячес<лаву> И<ванову> сказал просто, что ты от копоти бежала в Финляндию умыться и вернешься во вторник.

Но если ты высидишь и дольше вторника, то оставайся там. Потому что ведь Ан<на> Руд<ольфовна> пробудет 2 или 3 недели...

До свиданья.

[1] П. 288.

[2] Эти письма Волошина не известны.

[3] Имеется в виду стихотворение Волошина «Гностический гимн Деве Марии», написанное в ноябре 1906 г. Впервые опубликовано в журнале «Вестник теософии» (1908. № 2. С. 58–59) под заглавием «Гностический гимн» и с посвящением В. Иванову. См.: Т. 1 наст. изд. С. 86–87, 462–463.

[4] О розенкрейцерстве и розенкрейцерах см. примеч. 4 к п. 212.

[5] Минцлова, насколько можно судить, пыталась познакомить Волошина с теософской доктриной мирового развития, предполагающей смену планетарных циклов, в частности, – Сатурна, Солнца и Луны, которые якобы предшествовали Земле (все названия условны и не имеют отношения к нынешним названиям небесных тел). Опираясь на книги Блаватской и другие источники, Р. Штейнер подробно изложил теософскую теорию эволюции мира, сознания и человека в своих статьях 1904–1908 гг., публиковавшихся в журнале «Люцифер» под названием «Из хроники Акаши» (Акаша – санскритское слово, означающее тончайшую, едва уловимую субстанцию, нечто промежуточное между физической и астральной материей). Первое книжное издание (с предисловием М. фон Сиверс): *Steiner R.* Aus der Akasha-Chronik. Dornach: Philosophisch-anthroposopischer Verlag, 1939 (GA 11). Русские переводы появились значительно раньше: *Штейнер Р.* «Акаша-хроника». История происхождения мира и человека. Перевод с немецкого А.В. Борнио. М.: Московская типо-литография, 1912; *Штейнер Р.* Из летописи мира (Aus der Akasha-Chronik). Разрешенный автором перевод <имя переводчика не указано>. М.: Духовное знание, 1914 (переиздано: Калуга: Духовное познание, 1992).

Утверждение, что кровь возникла на Сатурне, расходится с тем, что писал Штейнер. В «Летописях мира», например, сообщается, что человек на Сатурне был создан «в своем физическом теле» и пребывал в глубоком «трансе», «неоживленном» состоянии, был «минералом» (хотя существа, обитавшие на Сатурне, предки современного человека, уже обладали «смутным» сознанием). Позднее, на Солнце, возникает некая тепловая энергия, способная пробуждать жизнь. Однако «до периода Земли *ни в одном* из природных царств не было

еще теплой крови» (*Штейнер Р.* Из летописи мира. С. 249 и др.). О том же см. в кн.: *Штейнер Р.* Очерк тайноведения. Разрешенный автором перевод с 6-го издания. М.: Духовное знание, 1916. С. 170.

Слово «трагедия» Минцлова употребляет здесь, вероятно, в значении «судьба», «предопределенность».

[6] На Солнце, согласно теософским представлениям, человек проходит вторую ступень сознания: человеко-минерал, возникший на Сатурне, как бы «оживляется» и становится человеко-растением; физическое тело постепенно превращается в «эфирное». «С середины седьмого кругооборота Солнца – сказано у Штейнера – снова выступает заложенный еще на Сатурне зачаток Духа-человека (Atma). Он соединяется с Жизне-духом (Buddhi) и возникает оживленная монада» (*Штейнер Р.* Из летописи мира. С. 196). О зрении и осязании в связи с «солнечным состоянием» у Штейнера не упоминается.

[7] О связи пола с Луной Минцлова, вдохновленная, по-видимому, лекциями Штейнера, говорила в те годы неоднократно. «Проходя через лунную стадию своего развития, – писала она, например, Сабашниковой 26 сентября / 9 октября 1905 г. из Берлина, – человечество восприняло, впитало в себя влияние Луны, олицетворяющей собой половую жизнь» (У истоков русского штейнерианства / Публ. и примеч. К. Азадовского и В. Купченко // Звезда. 1998. № 6. С. 171). См. также примеч. 8 к п. 80, примеч. 4 к п. 186 и примеч. 10 к п. 201.

[8] Рассказы Минцловой о периодах планетарного развития, через которые прошла Земля, прежде чем обрести свое нынешнее воплощение, произвели на Волошина глубокое впечатление, непосредственно отразившись в его стихотворениях «Кровь» (1906), «Солнце» (1906), «Сатурн» (1907), венке сонетов «Lunaria» (1913) и др. В письме к А.М. Петровой от 1 января 1907 г., Волошин, объясняя содержание своих стихотворений «Кровь» и «Солнце», писал (в сущности, – излагал сведения, полученные от Минцловой):

«Для уяснения смысла этих стихотворений я должен сказать, что человек древнее земли и жил раньше на других планетах и что кровь возникла на той планете, что была древнее Солнца, и что Солнце оторвалось от нее. Поэтому кровь не должна никогда видеть солнца.

Кровь знает больше человека и помнит сокровенные тайны мироздания. Черная Магия была этим древним знание крови» (Т. 9 наст. изд. С. 279).

Через несколько месяцев Волошин просил Минцлову напомнить ему «сколько возможно, о возникновении стихий жизни на

разных планетах. Сатурн – кровь и звуки, Солнце зрение и? Луна – пол и? Какая сила готовится на Вулкане? Я все смутно предчувствую, все смутно вижу. Мне достаточно намека, одного слова, и вокруг него все станет собираться и формироваться» (Там же. С. 295; письмо от 10 апреля 1907 г.). На основе «намеков» и «слов» Минцловой о теософской космогонии Волошин создает в апреле 1907 г. стихотворение «Сатурн» (впервые: Вестник теософии. 1908. № 3. С. 72; стихотворение посвящено М.А. Эртелю). «Только теперь, читая хронику "Akasha", – писала Волошину О.Н. Анненкова весной 1908 г., – поняла вполне Ваше прекрасное и глубокое стихотворение "Сатурн", смысл которого еще на Рождество был для меня неясен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 190, л. 1).

[9] П. фон Калькройт.

[10] Четвертый ежегодный Конгресс Федерации европейских секций Теософского общества состоялся в Мюнхене 18–21 мая 1907 г.

[11] «...Вероятно, этой весной мы поедем в Мюнхен на теософский съезд, – писал Волошин А.М. Петровой 1 января 1907 г. – Меня, между прочим, совершенно неожиданно и против всяких правил, т<ак> к<ак> я не член общества, выбрала германская группа распорядителем съезда» (Т. 9 наст. изд. С. 278).

[12] Поездка Волошина и Сабашниковой в Мюнхен не состоялась.

[13] Постановка пьесы Г. Ибсена «Гедда Габлер» (1891) в театре В.Ф. Коммиссаржевской (премьера – 10/23 ноября 1906 г.) действительно провалилась. «Ибсен не был понят или по крайней мере не был воплощен, – писал Блок в статье "Драматический театр В.Ф. Коммиссаржевской (Письмо из Петербурга)", – ни художником, написавшим декорацию удивительно красивую, но не имеющую ничего общего с Ибсеном; ни режиссером, затруднившим движения актеров деревянной пластикой и узкой сценой; ни самими актерами, которые не поняли, что единственная трагедия Гедды – отсутствие трагедии и пустота мучительно прекрасной души, что гибель ее – законна» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Проза 1903–1917. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 97; художник – Н.Н. Сапунов; режиссер – В.Э. Мейерхольд).

290. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

12 ноября 1906 г. Санкт-Петербург

Воскресенье. Ночь.

Милая моя девочка! Сейчас уже поздно, но я хочу тебе все-таки описать сегодняшний день до сна.

После обеда пришла Ан<на> Руд<ольфовна>. (До обеда я работал.) Почти тотчас же пришла и Лидия Дм<итриевна> и почти тотчас же начала:

– Вячес<лав> Ив<анович> очень хотел просить Вас об одной нашей знакомой.[1] Сомов Вам писал об ней.[2] Она хочет поступить в буддийский монастырь в Индии. Это такое глубоко несчастное существо. Вся ее жизнь... Ей было 15 лет, когда над ней совершили насилие. Это положило печать на нее. Она очень чувственна, но у ней другие порывы, мечта о белых ступенях[3]. Она хотела сама Вам писать, но рвала письма. Она была в страшном отчаянье в эту осень. Вяч<еслав> Ив<анович> ее всячески успокаивал.[4] Но ей нужна дисциплина, власть над ее волей. Она хотела отравиться. Теперь она уехала за границу, но потеряла деньги и возвращается. Будет через 2–3 дня здесь. Поговорите с ней, помогите ей. Вы одни можете это. Чулков говорит, что года четыре назад она была замечательно хорошенькой. Но теперь за этот год она страшно изменилась. Сомов говорит, что ему сначала страшно было быть с ней и смотреть на нее. Она писательница и очень талантливые вещи писала.

Потом, когда я провожал Ан<ну> Руд<ольфовну>, я тотчас заговорил с ней об Мирэ. Она сказала, что Сомов написал ей об ней очень длинное и трогательное письмо, где просил помочь этой бедной женщине как его другу, как его сестре.

Я сказал Ан<не> Руд<ольфовне>, что я ее очень хорошо знаю и что был момент, когда жизни наши были связаны, и что я не видел ее 3 года.[5]

Но не сказал ничего точно, что было. Теперь это меня мучит и беспокоит. Я не знаю, надо ли Ан<не> Руд<ольфовне> знать или не надо. Мне так необходимо с тобой об этом посоветоваться.

Ан<ну> Руд<ольфовну> рассказ Лид<ии> Дм<итриевны> очень потряс – она была подготовлена письмом Сомова. У меня какое-то чувство радости и страшного волнения. Точно в том, что Мирэ едет в Петербург и что ей надо будет именно через меня познакомиться с Ан<ной> Руд<ольфовной>: все это так странно, так совпадает. Точно здесь какая-то определенная судьба – указание. У меня чувство вины и стыда перед Мирэ. Я не знаю почему. Это то, что не было оправдано в моей жизни и теперь как бы дает и указывает, что надо делать, как связать нити. Как все странно. Моя душа трепетала вся трепетом ожидания и волнения, когда Лид<ия> Дм<итриевна> рассказывала, не называя имени.

Кончив рассказ, она ушла, и пришел Вяч<еслав> Иван<ов>. Он читал стихи. Потом они говорили о Христе и Люцифере.

Он очень понравился Ан<не> Руд<ольфовне>. Она говорит, что редко ей с кем бывало так легко и свободно, как с ним.

Она ушла в 9 час<ов>. Я ее провожал и усадил на извозчика.

После зашел на минутку к Вяч<еславу> Ив<анову> и остался там на целый вечер, читая друг другу стихи.

[1] Имеется в виду А.М. Моисеева (Мирэ).

[2] Эти письма К.А. Сомова не известны.

[3] Лестница, ступени, движение ввысь, восхождение «на башню» – образы духовного совершенствования, принятые в символистском поэтическом языке.

[4] В.И. Иванов и его жена в то время опекали Мирэ и принимали участие в ее судьбе. См. записи в дневнике Кузмина: «После обеда пошли к Ивановым, у них была Мирэ, переживающая какой-то кризис, так что с ней им нужно было возиться»; «Зашел <к Ивановым>: они были очень душевны, рассказывали о Мирэ. Действительно, несчастная женщина...» (Дневник 1905–1907. С. 208, 217; записи от 22 августа и 6 сентября 1906 г.).

[5] Знакомство Волошина с А.М. Моисеевой состоялось, по-видимому, в Париже весной 1902 г. О своем кратковременном романе с ней Волошин упоминает в письме к А.М. Пешковскому

от 2/15 декабря 1902 г. (см.: Т. 8 наст. изд. С. 770, 773). Позднее Волошин встречался с Мирэ в Париже летом 1904 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 137–138; письмо Волошина к Г.И. Чулкову от 26 июля / 8 августа 1904 г.).

291. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

30 ноября или 1 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Макс милый, мне очень жаль, что я не видала Лидию Дмитриевну перед отъездом.[2] Может быть, я преувеличивала, не заходя к ней. Если ты ее увидишь, скажи ей, что я об ней думаю все время. Я спокойна и напряженно требую, чтобы она была здорова. Пиши мне каждый день об ней. Когда можно будет ее видеть, я приеду.

И Вяч<еславу> Ив<анову> скажи, что мне очень стыдно, что я так нелепо с ним простилась. Я была так чем-то смущена в нем, что не могла вынести его взгляда. Я хотела, было, ему писать, но думаю, что им теперь не до писем.

Маме еще не пишу. Хочется, чтобы А<натолий> Л<ьвович> здесь был дольше.[3]

Словаря не присылай. Нашелся Макаров[4] у Станюкович.

Глубокий снег. Мы гуляем вдвоем и много говорим, вечером переводим.[5]

Мне представляется, что в башне жить невозможно.[6] Не умею жить с чувствами навынос. Если бы наша жизнь была сектантской проповедью, то, конечно, можно было бы и должно делать всех свидетелями. Но нам не о чем проповедовать.

Теперь я, в сущности, поняла, что в России каждая мысль требует исповедующей ее секты. Всегда это было так, и всегда у нас насилие. В сущности, Вяч<еслав> Ив<анов> насильник; он инквизитор и способен извести человека, который подчинится не вполне.[7]

Хочешь быть в его секте? Может быть, и я вижу все очень крайне, но мне представляется, что сейчас нужно выбирать. Мне очень хочется укрыться пока и быть свободной и в чувстве, и в искусстве, признаюсь в подчиняемости.

Целую тебя, мальчик мой, жду письма. Что А<нна> Р<удольфовна>? Миррэ? <*sic!*>

Manon Lesco <*sic!*>[8] – пошли. Нечего читать.

А ночью у меня ножки мерзнут и некому согреть.

Максик, милый.

Работаешь, любишь, худеешь. Целуй маму.

[1] РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 11, л. 5–6. Датируется по содержанию: Сабашникова приехала в Мустамяки 30 ноября; письмо написано, скорее всего, в тот же вечер или на другое утро.

[2] Утром 30 ноября М.В. Сабашникова, чувствуя упадок сил, вернулась в Мустамяки (см. примеч. 2 к п. 286).

[3] А.Л. Любимов приезжал навестить Сабашникову и провел в Мустамяках несколько дней (видимо, со 2 по 4 декабря). Пансион «Ланг» был хорошо знаком Любимову – он жил там в середине августа 1905 г. после своего возвращения из Цюриха (см. его письма к Сабашниковой от 11 августа 1905 г. и др. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 84, л. 27–38 об.).

[4] Французско-русский словарь Н.П. Макарова.

[5] Видимо, Сабашникова и М.К. Станюкович переводили лекции Штейнера (ср. в п. 300: «Я перевела 2 лекции»).

[6] Имеется в виду «башня» (салон в квартире В.И. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал) на Таврической, 25.

[7] Это впечатление укрепилось в Сабашниковой и после сближения с Ивановым. «Вячеслав, у тебя есть власть над людьми, и мне за тебя страшно», – писала она Иванову 6 июля 1907 г. (Документальные хроники. С. 212). Аналогичные отзывы об Иванове можно найти и у других современников. «Дар дружбы у него <В.И. Иванова>, – вспоминал Бердяев, – был связан с деспотизмом, с жаждой обладания душами» (*Бердяев Н.* Самопознание: (Опыт философской автобиографии). 3-е изд. Paris: YMCA-Press, 1989. С. 178).

[8] Роман А.Ф. Прево «История кавалера де Гриё и Манон Леско» («Histoire du chevalier de Grieux et de Manon Lescaut», 1731). Сабашникова впервые прочла эту книгу летом 1899 г. (см.: ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 16, л. 39; запись от 19 июня 1899 г.).

292. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

1 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Пятница. 1 декабря. Утро.

Милая моя девочка!

Вот утро. Я один в пустых комнатках, и мне странно просторно и свободно. Я начинаю заниматься то тем, то другим, но мне никто не мешает, и я все меняю планы: то начинаю писать статью, то стихи...

Вероятно, я не могу хорошо работать, если мне не мешает моя милая девочка. И я не нахожу ничего лучшего, как употребить это драгоценное утро, из-за которого я так ссорюсь с тобой и ворчу на тебя, как на писание письма тебе. Милая, милая моя девочка. Я тебя так люблю...

Ils me disent, tes yeux, clairs comme le crystal,
«Pour toi, bizarre amant, quel est donc mon mérite?»
...Berceuse dont la main aux longs sommeils m'invite!
Aimons-nous doucement... ô pâle marguerite!
Comme moi n'es-tu pas un soleil automnal,
Ô ma si blanche, ô ma si froide Marguérite?"*[1]

Угадай, какой поэт написал эти строки, без сомнения, относящиеся к тебе?

После твоего отъезда произошло вот что: я пошел и купил тебе словарь и отправил его. Словарь большой –Макарова. Такого, как я хотел, я не нашел. Затем – к Ан<не> Рудольф<овне>. Она очень возбуждена, взволнована. Она знает, *что́* у Ивановых, и очень, очень беспокоится за них.[2]

Я отвез ее к Мирэ и о результатах этого свидания не знаю еще. Я увижу Ан<ну> Руд<ольфовну> сегодня вечером.

Затем приезжала к нам с визитом М<ada>me Суворина – очень извинялась, что не приняла нас тогда. У нее была тогда консультация – она была больна. Очень просила приехать нас обедать, как только ты вернешься.

---

* Твои светлые, как кристалл, глаза говорят. «Что восхищает тебя во мне, мой странный возлюбленный ..» Ты, чья рука убаюкивает и зовет меня погрузиться в глубокие сны! Будем нежно любить друг друга... о бледная маргаритка! Разве ты не подобна мне, разве ты не осеннее солнце, О моя белая, о моя холодная Маргарита? *(фр)*

С большим вниманием осматривала комнаты наши и сказала: «Про вас говорили, что Вы за своей женой три миллиона взяли. Но теперь я вижу, что это неверно».

После обеда пришел Чуковский[3] и с удивительным юмором рассказывал свою жизнь и свои приключения. Потом пришел Городецкий. Так весь вечер.

Лидию Дм<итриевну> перевезли в больницу. Ей еще хуже. Но доктор говорит, что опасности нет, но он же и настоял на ее перевозе в больницу.[4]

Да, еще у нас был Блок во время обеда,[5] и обедал Вячес<лав> Иванович.

Словом, как ты только уехала, так гости и посыпались на меня до самой глубокой ночи.

Сейчас я иду в контору «Руси» посмотреть, нельзя ли получить жалования, и по дороге опущу это письмо.

Как ты себя чувствуешь, моя милая, милая девочка?

[1] Строки из «Осеннего сонета» («Sonnet d'automne») Ш. Бодлера («Цветы Зла»). Приводим полный текст в переводе А.С. Эфрон:

Читаю я в глазах, прозрачных, как хрусталь:
«Скажи мне, странный друг, чем я тебя пленила?»
– Бесхитростность зверька – последнее, что мило,
Когда на страсть и ум нам тратить сердце жаль.

Будь нежной и молчи: проклятую скрижаль
Зловещих тайн моих душа похоронила,
Чтоб ты не знала их, чтоб все спокойно было,
Как песня рук твоих, покоящих печаль.

Пусть Эрос, мрачный бог, и роковая сила
Убийственных безумств грозят из-за угла –
Попробуем любить, не потревожив зла...

Спи, Маргарита, спи, уж осень наступила.
Спи, маргаритки цвет, прохладна и бела...
Ты, так же, как и я, – осеннее светило

(*Бодлер Ш.* Цветы зла. Издание подготовили Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М.: Наука, 1970. С. 101).

[2] Имеется в виду болезнь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

[3] Знакомство Волошина с К. Чуковским состоялось, скорее всего, у В.И. Иванова 18 октября 1906 г. (на диспуте об Эросе). «Был

у Вяч. Иванова: слабо, – язвительно писал Чуковский Брюсову 20 октября 1906 г. – Преобладал Аничков, приват-доцент, карикатура. Был Макс Волошин, декадент-лихач. Читал стихи французско-египетского содержания. Блок – все то же. Городецкого усиленно портят; Вяч. Иваныч для него – зараза. Был ненужный Ремизов, и не было Розанова. И много профессоров – целый факультет» (*Чуковский К.* Письма. 1903–1925: В 15 т. Т. 14. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. С. 101). Спустя месяц Чуковский познакомился и с Е.О. Кириенко-Волошиной. «Был вчера у Вяч<еслава> Ивановича, – сообщал Чуковский Брюсову 23 ноября, – и там было очень приятно. Была мать Макса Волошина и сестра Зин<аиды> Венгеровой. Разошлись в 6-м часу утра – всё спорили о театре Коммисаржевской» (Там же. С. 105; сестра З.А. Венгеровой – пианистка Изабелла Афанасьевна Венгерова).

[4] Л.Д. Зиновьева-Аннибал была отправлена в больницу С.-Петербургского попечительного комитета о сестрах милосердия Красного Креста при Общине св. Евгении (Новгородская ул., 29). Диагностировать ее болезнь оказалось непросто. «...Лид<ия> Дм<итриевна> после своей болезни должна будет жить в Царском Селе. Она ведь была очень больна – у нее было воспаление обоих легких, ангина, а теперь флебит, и она еще лежит в больнице», – сообщал Волошин А.В. Гольштейн 31 декабря 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 271). См. также п. 302–305 и примеч. 10 к п. 306.

[5] Об этом визите Блок упомянул в письме к матери, А.А. Кублицкой-Пиоттух, 30 ноября 1906 г.: «...был у Волошиных» (Письма Александра Блока к родным. С предисл. и примеч. М.А. Бекетовой. Л.: Academia, 1927. С. 160).

293. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

1 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Максюша, очень жду сегодня от Тебя письма. Жаль, что та же почта, которая привезет Твое письмо, увезет мое.

Моя комната свободна только до 20-го декабря, и я думаю безвыездно прожить здесь это время, вероятно, на Рождестве придется ехать в Москву, и там я повидаюсь с Анной Рудольфовной.

Вчера и сегодня я подводила итоги этих годов. В сущности, они были страшно изнурительны. С весны, когда я в

первый раз приехала в Париж, все шло плохо; а тогда было очень хорошо. Эти годы не было ни счастья, ни продуктивной работы. Макс, я вижу очень ясно, что мне рано жить в Петербурге. Боюсь, что наши пользы не сойдутся в этом. А может быть, и Тебе это рано. Через несколько лет мы должны вернуться и войти в эту «секту» активным и сильным началом; эти же несколько лет, я умоляю Тебя, будем жить в тишине. Нет, я не могу еще отдавать всю свою жизнь; вместо красоты, кот<орая> должна быть при этом, получается безобразие. Я прошу у Тебя года 2 уединенной жизни, полной работы и ритма. Поедем в Мюнхен.[2] Причастимся еще греческой и германской культур и музыки. Я очень хочу музыки, Макс. Ты будешь заниматься под руководством Штейнера. У нас будет уютно. Мы будем видеть таких, как графини.[3] Я знаю ясно, что если я останусь в Петербурге, я не смогу работать. Они меня подавляют. Я не могу сосредоточиться, изучать. И потом мои силы так подорваны, что я должна жить в очень хорошей обстановке, кот<орую> дешево можно найти только к Мюнхене; я даже думаю так: что, если Ты этого не захочешь, т.е. если ты считаешь, что Тебе нужно быть в Петербурге; я все-таки стану жить в Германии тогда одна. Но, конечно, это очень плохо.

Мне кажется, я должна на этом настоять, иначе я искалечу Твою и мою жизнь. Это я знаю. Этого я определенно хочу.

Но как устроиться в матерьяльном отношении, подумай, милый мой.

Я страшно, страшно мечтаю об уюте; нужно созреть под скорлупой. У нас какая-то проституция, а не семья. Нужно немножко подождать.

Я написала маме, что жду ее, и умоляла телеграфировать Тебе, когда она едет.

Встреть ее тогда и проводи на Финл<яндский> вок<зал>, а также, получив телеграмму, пиши немедленно мне.

Целую очень, и маму.

[1] Датируется по содержанию и соотнесенности с другими письмами.

[2] См. примеч. 10–12 к п. 289.

[3] Сабашникова имеет в виду графиню П. фон Калькройт и С. Штинде.

294. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

2 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

2 декабря. Суббота.

Милая моя девочка,

сегодня я весь день работал и закончил статью о переводах Брюсова.[1] Завтра утром посылаю их ему. Маме она очень понравилась и по тону, и по содержанию.

Вчера я был у моего дяди[2] с мамой. Странная, давно забытая атмосфера. Я немножко жалел тетю.

После был у Ан<ны> Руд<ольфовны>. Она мне только в общих словах говорила о Мирэ. Они с ней говорили долго и много. Ан<на> Руд<ольфовна> ее очень жалеет. Они должны еще раз увидеться.

А<нна> Р<удольфовна> была очень утомлена, и поэтому мы сидели так тихонько обнявшись на диванчике. А потом она мне кончила читать примечания к «L<umière> s<ur> l<e> S<entier>»[3].

Мы с мамой сегодня едем на «Сестру Беатрису» к Коммиссаржевской.[4]

Билетов у нас нет, едем на авось.

У Ивановых квартира заперта, и никого нет уже второй день. Лид<ия> Дм<итриевна> в больнице (где? не знаю!!).[5] Вяч<еслав> Ив<анов> уехал в Москву судить Черта.[6] Городецкий в пространстве.

Посылаю тебе письмо, пришедшее сегодня утром.[7]

Я сейчас очень устал от напряженной работы целого дня.

Завтра на<пи>шу тебе письмо получше.

До свидания, моя девочка.

Когда ты хочешь, чтобы я приехал к тебе?

[1] Речь идет о статье Волошина «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» (Весы. 1907. № 2. С. 74–81). См. об этой статье: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 663–668 (коммент. В.А. Мануйлова).

[2] Дядя Волошина (брат Е.О. Кириенко-Волошиной) В.О. Глазер и его жена М.В. Глазер жили в Петербурге на Надеждинской (ныне – Маяковского) улице (д. 38, кв. 17).

[3] О комментарии в книге «Свет на Пути» см. в примеч. 15 к п. 131.

[4] Премьера спектакля по пьесе М. Метерлинка «Сестра Беатриса. Чудо в трех действиях» (1900) в переводе М.П. Сомова состоялась в театре В.Ф. Коммиссаржевской 22 ноября / 5 декабря 1906 г. (режиссер-постановщик – В.Э. Мейерхольд, композитор – А.К. Лядов, художник – С.Ю. Судейкин; в главной роли – В.Ф. Коммиссаржевская).

[5] См. примеч. 4 к п. 292.

[6] Имеется в виду «закрытый конкурс», объявленный в середине 1906 г. редакцией журнала «Золотое Руно» на тему «Дьявол» (художественная, поэтическая и религиозно-философская концепция)» (см.: Золотое Руно. 1906. № 6; объявления о предстоящем конкурсе публиковались и в последующих книжках «Руна»). Конкурс предполагался по трем основным отделам журнала: художественному, литературному и литературно-критическому; победителей ожидали денежные премии (всего 11 премий). Срок поступления произведений для конкурса, первоначально назначенный на 1 ноября 1906 г., был затем продлен до 1 декабря. В состав литературного жюри вошли А.А. Блок, В.Я. Брюсов, В.И. Иванов, А.А. Курсинский, Н.П. Рябушинский; в состав жюри по художественному отделу – М.В. Добужинский, П.В. Кузнецов, В.Д. Милиоти, Н.П. Рябушинский, В.А. Серов.

[7] О каком письме идет речь, неизвестно.

295. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

2 декабря 1906 г. Мустамяки

Суббота. 3 ч<аса> дня. Тьма.

Милый мой, как живется Тебе? Мне хорошо, только мгла. Ночь я не очень-то хорошо спала. Мария Андреевна.[1] Все утро гуляла под дождем. Встретила M<ademois>elle Станюкович, другую сестру;[2] они тут с матерью всегда живут. Разговаривали; я рассказывала ей о Claudel,[3] и она оказалась теософкой, но ненавидит теософский кружок и Писареву; читает Блаватскую; предложила мне заниматься здесь английским. Я не уеду отсюда долго. Тебя люблю ужасно, ужасно. Милый, милый. Как нехорошо я думала и чувствовала в Питере, это милосердная судьба меня остановила, чтобы я образумилась.

Очень мила старушка Станюкович[4] (та, что про «недотыканку»[5] говорила). Она очень любит М<ada>me Гольштейн и рассказывает про ее молодость. Дама с девочкой уехали; дама из породы Виленкиных,[6] К<онстантина> Д<митриевича> и препротивная.[7] Хозяйки очень хороши. Мгла и дождь.

Что Ты нарассказал про меня? Я хочу писать Лидии Дм<итриевне>, но сначала, что Ты рассказал?

Целую мальчика моего и маму.

Написал ли Ты папе?[8]

Твоя Аморя.

Пиши мне больше, я буду вклеивать в дневник.[9]

[1] Лицо неустановленное.

[2] З.К. Станюкович.

[3] Имеется в виду П. Клодель, которому в 1900-е гг. Волошин посвятил статью «Поль Клодель» (см.: Т. 3 наст. изд. С. 94–133, 489–497), а также перевел его драму «Отдых Седьмого дня» и оду «Музы» (см.: Т. 4 наст. изд. С. 234–325, 933–935). См. также примеч. 3 к п. 288.

[4] Л.Н. Станюкович.

[5] Недотыкомка – фантасмагорический образ, введенный в русскую литературу Ф. Сологубом (стихотворение «Недотыкомка серая...» (опубл. в 1904 г.), роман «Мелкий бес», 1905).

[6] Речь идет о Н. Минском и Л.Н. Вилькиной.

[7] Сабашникова имеет в виду увлеченность дамы революционными настроениями, которыми были захвачены и Минский, и Бальмонт (оба эмигрировали в декабре 1905 г. и обосновались в Париже).

[8] Письмо Волошина к В.М. Сабашникову от декабря 1906 г. не известно.

[9] Дневник Сабашниковой за 1906 г. не известен.

296. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

3 декабря 1906 г. Санкт-Петербург[1]

3 декабря. Воскресенье.

Милая моя, милая моя девочка...

Конечно, – это решено. В январе мы едем в Мюнхен. Я сегодня же отправляюсь обедать к Суворину и переговорю

с ним об этом. Я уверен, что препятствий не будет. Когда я прочел твое письмо, то я понял, что я, в сущности, все время в глубине души мечтал о Мюнхене. Для меня, в сущности, теперь должна быть одна цель – учиться у Штейнера. Для этого я должен изучить немецкий язык. Я могу это сделать только в Германии. Мюнхен как раз такой город, который может мне давать материал для газетной работы. Словом, это решено. Вопрос только во времени. Я думаю, что к половине января мы устроимся. Мы съездим в Москву, я прочту лекцию.[2] Где достать денег? Я теперь получу скоро за «Пророков и Мстителей»[3] – 100 р. или около, да за лекцию сто.[4] Да «Русь» еще мне около 300 должна. Вот переезд и первое время жизни нам обеспечены.

Вопрос только об «Руси», но я не вижу никакой причины – почему бы Суворину не согласиться на это, как он соглашался на то, что я буду в Петербурге.

Летом мы останемся тогда там и будем жить или в Тироле, или в итальянских Альпах.

Сейчас Петербурга и России с меня довольно – я взял все, что мне было нужно. Мне еще много надо работать над собой и над своим образованием.

Все наши вещи мы отправим в Коктебель, а с собой возьмем только платья и десяток книг. Хорошо? Чтобы быть совершенно свободными.

Как тебе хорошо будет в Мюнхене работать и писать!

Милая моя девочка, конечно, в Мюнхен – без всяких колебаний.

Мы будем ездить в Италию иногда. Это так близко оттуда. Я буду делать горные экскурсии. Я, наконец, похудею!!

Я смотрю на это, как уже на решенный вопрос, и остается только найти средства к существованию.

Сейчас утро. Я еще никого не видал. Мама еще не знает об этом нашем новом решении.

То, что ты пишешь о секте, я не совсем понимаю и секты никакой не вижу. Секта «Эроса»?[5] Я в нее не хочу, это не моя область, не мое пламя.

Милая моя девочка, мы с тобой поступили в секту Штейнера.

Меня ужасно смешит твоя фраза: «У нас какая-то проституция, а не семья». Милая, милая моя... Да разве у нас есть «семья»? У нас Содружество[6] и как там угодно, но не семья.

Вчера у нас в Таврическом саду бросали бомбы и стреляли в Дубасова, но я ничего этого не знал и прочел только сегодня в газетах. Однако не убили его, только ранили.[7]

Вчера я был у Коммиссаржевской в театре на «Сестре Беатрисе». Это очень хорошо.[8] Я сейчас буду писать об этом статью.[9]

Ан<ну> Руд<ольфовну> я не знаю, когда увижу. Она эти дни занята и обещала мне написать. Сегодня вечером выяснится у Суворина судьба нашего мюнхенского плана.

До свиданья.

[1] Ответ на п. 292.

[2] Волошин предполагал выступить в московском Литературно-художественном кружке с лекцией под предварительным названием «Судьба богов». «Я раньше декабря не смогу читать и лучше во второй половине, – сообщает он Брюсову 11 ноября 1906 г. – <...> К 21-му я *не успею* приготовить лекции. Моя окончательная тема: история античных богов после падения античного мира, как она отразилась у Ан. Франса, у Р. де Гурмона, Гейне и т.д. Заглавие: "Судьба богов". Хотя, может, я и придумаю более звучное имя» (Т. 9 наст. изд. С. 254). Эту лекцию Волошин намеревался превратить в статью и напечатать ее в журнале «Перевал» (Там же. С. 256; письмо к С.А. Соколову от 11 ноября 1906 г.). Однако в водовороте своей петербургской жизни в ноябре-декабре 1906 г. Волошин так и не успел подготовить лекцию. «Моя лекция? – пишет он Брюсову в первые дни декабря 1906 г. – Я еще не начал ее. Пожалуйста, не решайте ничего с ней, пока она хотя бы до половины не будет написана» (Там же. С. 258). Очевидно, задуманная лекция, как и статья, не осуществилась. Во всяком случае, рукопись под названием «Судьба богов» не известна; не упоминается об этом и в дальнейшей переписке Волошина с Брюсовым. Сохранился, однако, план лекции (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 367).

[3] Имеется в виду статья Волошина «Пророки и Мстители. Предвестия Великой Революции» (см. примеч. 9 к п. 251).

[4] Вероятно, Волошин пишет о гонораре за лекцию «Судьба Богов» (см. примеч. 2 к наст. письму).

[5] Под «сектой Эроса» Волошин понимает круг Вячеслава Иванова, увлекавшего посетителей «башни» своим «дионисийским» пафосом, а также – всю атмосферу духовных исканий той поры, отмеченных «эротизмом». «Дионисическое веяние прошло по России, захватив верхний культурный слой. Оргиазм был в моде», – вспоминал Н.А. Бердяев (*Бердяев Н.* Самопознание: (Опыт философской автобиографии). С. 172). «Для тех лет, – пыталась впоследствии объяснить Сабашникова, – было вообще характерно, что в душах людей жило томление, не находившее удовлетворение в застое буржуазной культуры. Они жаждали осуществить свои грезы, а Люцифер морочил их иллюзорными переживаниями, имя которым – Эрос» (Зеленая Змея. С. 157).

[6] Волошин намекает на петербургскую литературно-артистическую группу «Содружество», возникшую в 1905 году (в нее входили Л.Е. Габрилович, О. Дымов, С.К. Маковский, С.Л. Рафалович, Н.К. Рерих, Л.Д. Семенов и др.). Под маркой «Содружества» в 1905–1906 гг. было издано несколько книг. См.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 220.

[7] Покушение на В.Ф. Дубасова в Петербурге (в Таврическом саду) было совершено 2 декабря 1906 г. группой эсеров-максималистов (двоих задержали, третьему удалось скрыться). Дубасов был ранен осколками в ногу. «У нас под окнами в саду бросали бомбы в Дубасова», – писал Волошин А.В. Гольштейн 31 декабря 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 272).

[8] Оценка Волошина совпадает с мнение о спектакле большинства современников (А.А. Блока, Л.Я. Гуревич, Г.И. Чулкова и др.). См. подробнее: Т. 5 наст. изд. С. 739–741; 869–872 (коммент. А.В. Лаврова к статье Волошина, посвященной «Коринфскому чуду»).

[9] Статья Волошина, написанная в последующие дни, была впервые опубликована в газете «Русь» (1906. № 71. 9 (22) дек. С. 2–3) как вторая часть статьи, озаглавленной «Лики творчества. 1. Театр – сонное видение. 2. «Сестра Беатриса» в постановке Театра В.Ф. Комиссаржевской» (первая публикация Волошина под рубрикой «Лики творчества»).

297. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Милый Макс,

Вчера я видела старую дачку,
Вокруг росли белые кораллы,
Отяжеленные снегом березы.
Опалы горели на небе.
Я заглянула в темные окна,
Взошла на занесенную снегом террасу.
Внизу лесная даль чернела морем.
Хочешь, исполним старую сказку,
Поселимся на горе в избушке,
За нами будет лес сосновый,
А внизу перед нами даль, как море.
Ты будешь писать стихи на воле.
Называть белыми кораллами березы
И бледное небо – опалом.
И скажешь, что нарцисс – кристалл из снега,
А снег назовешь ковром из нарциссов.
Даль назовешь черным морем,
А снежную ветку сосны –
Крылом серафима.
А я буду бегать на лыжах,
Сушить мокрые валенки на печке
И мечтать о ненаписанных картинах.
Когда в потемневшем небе
Зажжется заря красной фольгой
И снег станет вечером синий,
Мы наймем у чухонца быструю лошадку
И поедем с Тобой кататься.
Леса, занесенные снегом,*
На бледно-серебряном небе
Сравнишь Ты, наверное, с чернью.
Мы будем проезжать
Над шумящею черной рекою
(Она так быстра, что замерзнуть не может),
И ты назовешь ее кровью,

* *Зачеркнуто (в начале строки):* И ты назовешь

А, может быть, вспомнишь о ртути.
О, Ты не узнаешь преображенную землю
И меня не узнаешь, мой Максик,
Глаза заблестят влажным блеском,
А щеки будут, как вишни,*
И я буду самой счастливой...
в Египте.
Река в запруде становится глубже,
Орех в скорлупе зреет.
Ой, рано, рано нам, маленьким детям,
Выходить в люди, надевать маски.
Мой милый,
Исполним старую сказку.
Поселимся в пушкинском доме,
Сохраним очаг втайне,
Закроем двери.
Закроем двери.

Я жду Тебя. Ты едешь? Приезжай сейчас же, не могу быть без Тебя. И приезжай надолго; тут чудно работать.

Ан<атолий> Льв<ович>[2] Тебе расскажет. Меня страшно поразило, что Вяч<еслав> Ив<анов> уехал в Москву.[3]

Я бы на его месте послала черта к черту.[4] Это странно. Если бы я была больна, а Ты уехал. Ничего не понимаю. Узнай, где она и что. Я ее ужасно люблю. Я прочла ее вещи в «Факелах».[5] Как хорошо. Я ее страшно люблю. Знаешь ли Ты адрес Чулковой? У нее можно узнать о Л<идии> Дм<итриевне>.

Привези еще по 5 ф<унтов> соли, хоть 2 пакета. Потом мои штучки такие и ластик[6] к этому и, если у нас есть, хопи джелли.[7] Захвати свою работу.

Целую и страшно жду.

Страшно.

[1] Датируется по содержанию: упоминание о пребывании А.Л. Любимова, отъезде В.И. Иванова в Москву и др.

[2] А.Л. Любимов.

---

* *Было:* 1) А щеки станут; 2) А щеки вспых<н>ут зарею

[3] В.И. Иванов уехал в Москву 1 декабря для участия в конкурсе «Золотого Руна». Сабашникову (это явствует также из дальнейших писем) «страшно поразило» то, что Иванов уехал в Москву в тот момент, когда его жена оказалась в больнице.

[4] Обыгрывается название конкурса «Золотого Руна» (см. примеч. 6 к п. 294 и примеч. 16 к п. 299).

[5] В петербургском альманахе «Факелы» (1906. Кн 1. С. 178–195) были напечатаны три рассказа Л.Д. Зиновьевой-Аннибал («Медвежата», «Помогите вы. Бред красным карандашом», «Пасха. Эпилог»), объединенные заглавием «Нет». Включенный затем в книгу Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (СПб., Оры, 1907), рассказ «Медвежата» был посвящен М.В. Сабашниковой.

[6] Имеется в виду эластичная ткань с резиновыми нитями, употребляемая на подвязки, пояса и т.п.

[7] Happy jelly (*англ.*) – конфеты, обсыпанные сахаром.

298. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

4 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Максик, как я огорчилась, не увидав Тебя сегодня.

Как я ждала, как упоительно здесь.

Жду Тебя.

Как меня огорчила мамина телеграмма.

Я готовилась к ее приезду.[2]

Стала радоваться, а теперь опять рассердилась. Это письмо везет Мария Конст<антиновна>[3].

Она зайдет к Тебе за книгой. Ей очень хочется Eliface Levy <*sic!*>.[4]

Целую крепко.

У меня история началась, и нет подвязок! Ужасно!

[1] Публикуется по копии, сделанной В.П. Купченко.

[2] Видимо, речь идет о телеграмме от М.А. Сабашниковой, сообщившей, что ее приезд в Мустамяки откладывается на несколько дней.

[3] М.К. Станюкович.

[4] В коктебельской библиотеке Волошина сохранилось четыре книги Элифаса Леви, причем две из них – с карандашными пометами, подчеркиваниями и т.п. (см.: Мемориальная библиотека... С. 290–291).

299. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

5 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Вторник 5 декаб<ря>.

Милая моя девочка, милая моя девочка! Я сижу и о тебе радуюсь и страшно, страшно люблю тебя.

Мне ужасно много надо написать тебе. Я был вчера у Суворина и сказал ему, что мы едем в январе в Мюнхен. Он был очень опечален, так как имел, кажется, какие-то планы относительно меня в Петербурге, но, тем не менее, не протестовал и против Мюнхена. И все условия мы оставляем попрежнему.

Так что это покончено. Но как же так, моя девочка, – я-то еду в Мюнхен, а ты уже все переменила и нанимаешь дачу в Финляндии?[1]

Я думал, что ты только об Мюнхене и мечтаешь (как я), а Анат<олий> Льв<ович>[2], который привез мне твое письмо, был совершенно потрясен как полной неожиданностью, когда я ему сказал, что мы 15 января едем в Мюнхен.

Милая моя девочка! Мне очень хочется тебя видеть и быть с тобою в Финляндии, но я сейчас к тебе все же не приеду. Я хочу работать, и мне сейчас очень работается. Я написал фельетон о «Сестре Беатрисе»[3] и теперь почти уже закончил большой фельетон об «Яри» Городецкого, которая у меня лежит в корректурах.[4]

Вчера я был на «Вечной Сказке» Пшибышевского. Это было плохо.[5]

После театра я отправился к Розановым. Это были именины его жены. Меня встретили с распростертыми объятиями, страшно ласково, и просили непременно привести тебя.

Там были Ремизовы, Бакст. Бакст мне рассказывал, как Симону[6] понравилась твоя «Нюша».[7]

Я сказал Сераф<име> Пав<ловне>[8], что мы, по всей вероятности, уезжаем в Мюнхен, и надолго. Она опечалилась, вспыхнула, взволновалась. После ко мне подошел Ал<ексей> Мих<айлович>[9] и стал говорить:

«Вы должны непременно уговорить Серафиму Павловну поехать за границу. Пусть она к Вам поедет летом. Примите ее. Вы себе и представить не можете, сколько тут скрыто, сколько здесь похоронено, сколько тут могил. Ведь сколько она об заграницe мечтала. Вы думаете, что ночью мы спим. Что у нас ночью... Два-три часа сна беспокойного...

Вот Вам и Марг<арите> Вас<ильевне> она поверила. Вы ведь не знаете, что это значит: человеку поверить. И вот вы уезжаете...»

Я после долго еще говорил с Сер<афимой> Пав<ловной>, рассказывал ей, как дешево можно жить за границей. Звал ее к нам, если мы будем там летом, чтобы жить в Тироле и проехать по северной Италии.

Я не все понял, что говорил мне Ремизов. Но видел, что наш отъезд какое-то большое событие в их жизни.

После я еще говорил с Бакстом. Он мне *страшно* нравится.[10] Он говорил, что он крайне огорчен тем, что тебя нет и что ты не работаешь в мастерской. Что он очень рассчитывал на то, что ты будешь работать и, так сказать, показывать другим, *как следует* работать.

Ан<ну> Руд<ольфовну> я не видел уже несколько дней, и все не имею от нее обещанной вести. Вчера ночью я, едучи к Розанову, проезжал мимо ее дома. Окна ее были освещены. Верно, она беседовала с Анатол<ием> Львовичем.

Я еще раз перечел твое письмо. Мне очень нравятся твои стихи.[11]

Но сегодня от тебя нет письма.

И все-таки я не смогу приехать, пока не напишу еще 3<-х>–4<-х> статей и лекции.[12]

Мне нужен ритм для работы. Теперь он возник, и мне очень хорошо работается. А там меня ведь все время будут тянуть днем в лес, кататься и бегать на лыжах, а вечером мне никогда не работается. И теперь с тобой будет Марг<арита> Алекс<еевна>. Нет, моя девочка, как это ни соблазнительно, а я теперь не приеду, а приеду к концу твоего пребывания там. А ты сюда не возвращайся до самого конца – не надо тебе возвращаться в Петербург до 20.

Я тебе писал, что мама едет с нами в Мюнхен?

До свидань<я>, моя милая девочка. Мое присутствие в Петербурге сейчас необходимо еще потому, что мне надо видеть разных людей, много людей. И устроить себе еще разную работу.

Лид<ии> Дм<итриевне> не хуже, но и не лучше. Она лежит в Евгеньевской больнице.[13] Вяч<еслав> И<ванов> еще не вернулся.

Мама очень тебя целует. Когда ты вернешься из Финляндии, мы поедем с тобой к Розанову. У него удивительно хорошо: и он сам, и его жена.

Вяч<еслав> Ив<анов> только что приехал. Премия I присуждена Ремизову и Кузмину – за литер<атуру>.[14] За стихи, один сонет – II прем<ия>.[15] Рисунки – никому.[16] Лид<ии> Дм<итриевне> немного хуже. Все время идет то улучшение, то ухудшение.

[1] Шутка Волошина в ответ на предложение Сабашниковой в п. 297: «Исполним старую сказку. / Поселимся в пушкинском доме...»

[2] А.Л. Любимов.

[3] См. примеч. 4 к п. 294 и примеч. 8 к п. 296.

[4] Имеется в виду: *Городецкий С.* Ярь. Стихи лирические и лироэпические. СПб: <Кружок молодых>, 1907 (фактически книга вышла в декабре 1906 г.). Статья Волошина, посвященная «Яри», была напечатана в газете «Русь» (1906. № 80. 19 дек. С. 4).

[5] Пьеса Пшибышевского «Вечная сказка» (1905) была поставлена в театре В.Ф. Коммиссаржевской (перевод – Е.Н. Троповского; режиссеры – В.Э. Мейерхольд и П.М. Ярцев, художник – В.И. Денисов; в главной роли – В.Ф. Коммиссаржевская). Премьера состоялась вечером 4 декабря 1906 г. Отклики прессы оказались разноречивыми.

[6] Живя в Париже, Сабашникова посещала мастерскую Симона. В письме к С. Делонэ от 11/24 февраля 1906 г. А.А. Смирнов называет Сабашникову «симпатичной ученицей Симона (и Бланша)» (*Смирнов А.А.* Письма к Соне Делонэ 1904–1928. Публ. и вступ. статьи Джона Малмстада и Жан-Клода Маркадэ. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 183).

[7] Имеется в виду портрет А.Н. Ивановой работы Сабашниковой, экспонированный под названием «Женский портрет» в Русском отделе при Осеннем Салоне. «Я обрадовалась на выставке моему портрету, – писала А.Н. Иванова Сабашниковой 5/18 октября

1906 г., – вообще от Салона самое лучшее впечатление – пойду опять завтра...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 73; в архивной описи ошибочно обозначено как письмо от Н.В. Евреиновой).

Русская выставка при Осеннем Салоне проходила с 2/15 октября по 29 октября / 11 ноября 1906 г. Организатором выставки был С.П. Дягилев; непосредственное участие в ее подготовке принимали Л.С. Бакст и А.Н. Бенуа. См.: Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве: В 2 т. Сост., авторы вступ. статьи и коммент И.С. Зильберштейн и В.А. Самков. М., 1982. Т. 1. С. 401–408, а также: *Бенуа А.Н.* Русская выставка в Париже // Товарищ. 1906. № 147. 23 дек. (5 янв.). С. 2.

Помимо портрета А.Н. Ивановой, на выставке были показаны, видимо, и другие работы Сабашниковой. «Тут несколько картин Мар<гариты> Вас<ильевны>, кот<орым> я очень обрадовалась, – сообщала А.Н. Иванова, посетив выставку, в письме к Волошину от 2/15 октября 1906 г., – какие-то они близкие и знакомые» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 34). Однако в каталоге выставки указан только «Женский портрет» (см.: Salon d'automne. Exposition de l'art russe / Русская художественная выставка в Париже. Paris: Moreau frères éditeurs, 1906. P. 82; автором предисловия (на французском языке) к этому каталогу был А.Н. Бенуа).

[8] С.П. Ремизова.

[9] А.М. Ремизов.

[10] Наметившееся осенью 1906 г. сближение Волошина с Бакстом углубится в последующие годы. О Баксте-живописце Волошин писал в статье «Архаизм в русской живописи (Рерих, Богаевский и Бакст» (1909). В 1915 г. Волошин посвятил ему стихотворение «Армагеддон», вошедшее в стихотворный сборник «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зёрна, 1916. С. 52–53), оформленный Бакстом.

[11] Имеется в виду стихотворение в п. 297.

[12] См. примеч. 1 к п. 296.

[13] См. примеч. 4 к п. 292.

[14] Первую премию на конкурсе «Золотого Руна» по отделу художественной прозы разделили А.М. Ремизов (рассказ «Чертик») и М.А. Кузмин (рассказ «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер»). Оба произведения были опубликованы в первом номере «Золотого Руна» за 1907 г. (С. 39–52 и 38–39).

[15] Вторую премию получил А.А. Кондратьев за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...» (Там же. С. 29); первая премия за стихи не присуждалась.

[16] Выразительное описание конкурса, проведенного редакцией «Золотого Руна», содержится в письме В.Я. Брюсова, возглавлявшего литературное жюри, к З.Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г.:

«На конкурс прибыли из Петербурга Вяч. Иванов, А. Блок и М. Добужинский, все в черных сюртуках. Заседали три дня. Прочли около 100 рукописей про дьявола и пересмотрели 50 изображений дьявола. Уяснилось, что ни авторы, ни их судьи (и я в том числе) никакого понятия о дьяволе не имеют. Что такое дьявол, кто такой дьявол, откуда к нему подойти, как к нему отнестись? Не знаем. <...> Художники вышли из затруднения просто: не присудили ни одной премии, всё забраковали. Мы были стыдливее: премировали Кондратьева, Кузмина и Ремизова, – но за вещи, к дьяволу относящиеся весьма косвенно. А жаль, что никто не пожелал воспользоваться премиями, назначенными "Руном". Суммы были предложены довольно пристойные, и взять их было очень нетрудно. В связи с конкурсом, по московскому обычаю, были разные банкеты, длившиеся до 4 и 5 утра» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 687–688; публ. А.Н. Дубовикова).

300. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

6 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

и т<ак> д<алее>, и компания очень дурного тона и вкуса.[2]

Я очень рада, что Ремизов получит премию, и духовно, и матерьяльно ему большая поддержка.

Поздравь его от меня.

Очень жду этот № «Руна».[3]

А что же Ты в четверг не был у Кузьмина, как хотел.[4]

Я перевела 2 лекции. Они очень плохо составлены; теперь я всегда буду Шт<ейнера> лекции записывать.[5] Надеюсь, Анна Руд<ольфовна> пришлет мне еще.[6] Я просила M<ademois>elle Станюкович зайти к ней за ними. Не знаю, успеет ли она.[7]

В каком состоянии Лид<ия> Дим<итриевна>? Можно ли ей писать? Скажи Иванову, что в Мустамяки посылают лечиться после легочных болезней, не приедет ли Л<идия> Дим<итриевна> сюда.

Видел ли Иванов эскизы Иванова?[8] Поговори с ним обо мне, мне очень жаль было бы, если у него от меня осталось гадкое впечатление. Скажи, что я просто страшно смутилась, вот и все. Я читала Ан<атолию> Льв<овичу>[9] про 4-ое измерение. Он пришел в восторг. Нужно обработать эти статьи. Я подожду Тебя, и Иванову их не миновать. Я очень-очень счастлива. Только мое равновесие не очень устойчиво, и каждый пустяк его нарушает.

Кланяйся от меня всем, к кому я неравнодушна. Я бы выехала встречать маму,[10] если бы знала, с каким она приезжает поездом, но вечерних поезда четыре.

Пожалуйста, зайди к Нине, скажи ей, что комнат лишних нет и не предвидится; но на случай ее приезда я могу поместиться с мамой в одной комнате, а она рядом. Возьми у нее вещи.

Неужели Аргутинский так и не был у нас, ведь у него есть для меня письмо от Кати.[11]

Скоро напишу Нюше. Опускай письма вечером, тогда я получаю их на другой день; а когда Ты утром опускаешь, они сутки идут.

Когда Лид<ия> Дм<итриевна> сможет поправиться; уж я как-нибудь добыла бы ей комнату. Поговори с Елиз<аветой> Ник<олаевной>[12] относительно того, чтобы она не считала мой пансион; а также откажись от большой комнаты. Если Станюкович не была у А<нны> Р<удольфовны>, пошли мне лекции заказным.[13]

Целую Тебя очень-очень, люблю моего мишу-мишуту. Я – снегурочка.

[1] Датируется по связи с п. 299 (упоминание о премии, полученной Ремизовым, и др.). Написано, по всей видимости, в первую половину дня 6 декабря (М.А. Сабашникова приехала в Петербург вечером 6 декабря).

Лист с началом письма утрачен. Опираясь на письмо Волошина к Сабашниковой от 7 декабря 1906 г., В.П. Купченко предполагает, что в утраченной части говорилось об «отмене» поездки в Мюнхен (вернее, о том, что эту поездку следует на некоторое время отложить). См.: Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906.

Письма к М.В. Сабашниковой / Публ. В.П. Купченко // Минувшее. Ист. альм. <Вып.> 21. С. 333. См. также примеч. 2 к п. 302.

[2] К какой «компании» относится эта фраза, неясно.

[3] Т.е. номер «Золотого Руна» за 1907 г., в котором появится рассказ Ремизова «Чертик» (см. примеч. 14 к п. 299).

[4] Видимо, Волошин собирался зайти к Кузмину 30 ноября (в этот день Сабашникова уехала в Мустамяки).

[5] В архиве Волошина сохранилась рукопись перевода нескольких статей о «Четвертом измерении», выполненного Сабашниковой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 9). Статьи эти принадлежат, однако, не Штейнеру, а Матильде Шолль, читавшей лекции о «Четвертом измерении» в августе 1906 г. во время летней встречи немецких теософов (с участием Штейнера) в имении графини Евгении фон Бредо (?–1922). По-немецки эти тексты впервые опубликованы в периодическом издании: Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe. Veröffentlichungen aus dem Archiv der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung. Doppelheft 114/115. Dornach, 1995. S. 77–87; ср. русский перевод этого издания, выполненный Л.Б. Памфиловой: *Рудольф Штайнер*. Дополнения к полному собранию трудов. Тетрадь № 114/115. Рудольф Штайнер и многомерное пространство. М.: Титурель, 2010 (перевод лекций М. Шолль на с. 111–127).

О «Четвертом измерении» см. примеч. 13 к п. 7.

[6] Из этой фразы явствует, что переведенные ею лекции М. Шолль Сабашникова получила от приехавшей из Германии Минцловой. Через несколько дней Минцлова прислала Сабашниковой конспект лекций Штейнера, которые он читал в Штутгарте с 9/22 августа по 23 августа / 5 сентября 1906 г. (курс из 14 докладов, получивший название «У врат теософии»; впервые опубликован полностью в 1964 г.: GA 95), однако сразу же потребовала их обратно. «...Я только что отправила Вам Stuttgart<ские> лекции – а теперь мне приходится их, обе тетради, просить у Вас обратно, на время! – писала она Сабашниковой 9 декабря 1906 г. – Пришлите мне их поскорее почтой, милая, – я их должна перевести *на этой неделе* непременно (о трех путях). Потом могу опять вернуть Вам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 87, л. 94; «о трех путях» – в 12-ой штутгартской лекции Штейнер говорил о трех «путях развития»: восточном, христианско-гностическом и розенкрейцерском).

[7] М.К. Станюкович заходила к Минцловой 7 декабря 1906 г. и передала ей письмо Сабашниковой. «Мне очень, очень хотелось быть как-нибудь любезнее и милее к этой барышне, она мне понравилась...», – писала Минцлова Сабашниковой в тот же день (Там же, л. 51). Минцлова вручила М.К. Станюкович (для передачи Сабашни-

ковой) две тетради штутгартских лекций Штейнера, которые через день запросила обратно (см. предыдущ. примеч.).

[8] Сабашникова имеет в виду эскизы А.А. Иванова, чье творчество высоко ценила и стремилась привлечь к нему внимание своих знакомых (см. п. 36). Сблизившись в 1907 г. с Вячеславом Ивановым, она мечтала сводить его в Румянцевский музей, где хранилась значительная часть живописного наследия А. Иванова. «Вячеслав, не смейся надо мной и не отвергай египетской любви моей, – пишет Сабашникова В.И. Иванову 1 сентября 1907 г. – Вот моя вера и моя любовь. Мы пойдем с Тобой в Румянцевский музей, и там ты увидишь брата своего Александра Иванова. Это и узнаешь в нем, и Христа своего узнаешь там. Потом напишешь мистерию» (Документальные хроники. С. 229). О том же речь идет и в ее письме к В.И. Иванову от 12 октября 1907 г.: «Когда будешь в Москве, пойди непременно в Румянцевский музей, посмотри эскизы Иванова. Если дашь мне московский адрес, я напишу тебе подробно о них, чтобы ты не пропустил лучшие» (Там же. С. 237).

[9] А.Л. Любимов.

[10] М.А. Сабашникова приезжала в Мустамяки навестить дочь. Как явствует из письма Минцловой к Сабашниковой от 7 декабря, М.А. Сабашникова прибыла из Москвы 6 декабря и, не задерживаясь в городе, сразу же отправилась с Московского вокзала на Финляндский (Там же, л. 52).

[11] В.Н. Аргутинский-Долгоруков, приехав из Парижа, привез два письма Волошину – от А.Н. Ивановой и Е.А. Бальмонт (см. п. 304). Письмо от Е.А. Бальмонт к Сабашниковой за этот период не выявлено.

[12] Е.Н. Званцева.

[13] См. примеч. 6 к наст. письму.

301. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

6 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Среда. 6 декабря. Вечер.

Милая моя девочка, сегодня я целый день ждал Маргар<иту> Алекс<еевну>, чтобы послать тебе [illegible],[1] но она не заехала, верно, она уже у тебя.

Вчера вечером я нашел твое письмо, где ты просишь дать книгу Мар<ии> Конст<антиновне> (это Станюкович?).[2] Но я

Марьи Конст<антиновны> не видел, – одно письмо лежало в передней.

Я очень смущен. Ты ни слова не пишешь о Мюнхене, в то время как я уже все решил, устроил, всем рассказываю, что мы едем. Что это значит? Я ничего не понимаю.... Ты расхотела ехать в Мюнхен? Я думаю, что для нас с тобой Мюнхен – это единственное и естественное прибежище. Надо быть там, где Штейнер. Боюсь, что это наше решение очень изумит и рассердит Мар<гариту> Алекс<еевну>, но я думаю, что это единственное действительно благоразумное, что мы можем теперь сделать. Но только отвечай же мне, пиши мне о Мюнхене, а то я чувствую себя говорящим в пустое пространство, и твое вчерашнее письмо прямо рассердило меня: ты зовешь меня и ни слова не пишешь о главном в нашей жизни.

Милая моя девочка, я не могу сейчас приехать. Я хочу очень работать. (Сегодня я закончил большую статью о Городецком, которая маму привела в восторг – она никогда так меня не хвалила.)[3]

Потом я сейчас чувствую <себя> простуженным, насморочным, животоболящим, ногонарывным и т.д., а в таком виде совершенно не хочу ехать к тебе.

Милая моя девочка, я очень люблю тебя издали, и меня очень соблазняет твой зов. Но мне надо воспользоваться этими последними неделями в России, чтобы исчерпать людей, больше написать, найти себе еще журналы и газеты.

В этом я рассчитываю очень на указания Чуковского.

Потом я думаю, что лучше будет, если я приеду к тебе после отъезда Мар<гариты> Алек<сеевны>. Мне кажется, что тебе не следует разрываться между двумя людьми: это тебя утомляет и раздражает. Долго ли Мар<гарита> Алек<сеевна> пробудет в Финляндии?

Теперь я буду писать статью о театре Коммиссаржевской для «Весов»,[4] потом лекцию,[5] окончу статью о Реми де Гурмоне, начатую еще осенью.[6]

Вчера мы с мамой были у моего старого друга Валериана Вяземского, только что приехавшего из Ташкента. Я был страшно счастлив увидать и его, и его жену, и очень мне хочется, чтобы ты познакомилась с ними.

Только что была Орлишка[7] – лежала со мной рядом на кровати, блаженствовала и болтала много и загадочно. Узнавши, что сегодня проезжает через Петербург Марг<арита> Алекс<еевна>, она воскликнула одно слово: «Смоквы!!» и сконфузилась.

Сегодня Вяч<еслава> Иван<ова> не видел. Сейчас, верно, увижу его у Кузмина, который приходил меня звать к себе сегодня вечером.[8]

До свиданья, моя милая, моя любимая девочка. Кланяйся Марг<арите> Алекс<еевне> и скажи ей, что я очень, очень действительно огорчен, что мы не увиделись в Петербурге.

Моя милая, любимая маленькая Аморя...

До свиданья.

[1] Ср. тот же рисунок в п. 297.

[2] Имеется в виду п. 298.

[3] См. примеч. 4 к п. 299.

[4] Статья о театре Коммиссаржевской для журнала «Весы» не была написана.

[5] См. примеч. 2 к п. 296.

[6] Волошин имеет в виду свою статью «Реми де Гурмон. “Une nuit à Luxembourg” («Ночь в Люксембургском саду» – *фр.*) <...>», опубликованную в газете «Русь» 30 июня (13 июля) 1907 г. (№ 168. С. 2).

[7] А.И. Орлова.

[8] 6 декабря Волошин присутствовал на вечере у Кузмина. «Было много народу, – записал в дневнике Кузмин: – Ремизов, Бакст, Сомов, Нувель, Гофман, Леман с кузиной, Волошин, Иванов, Городецкий, Потемкин, Тамамшев. Ремизов читал свою “Иродиаду” и “Илью” – avec restriction <с сокращениями. – *фр.*> – очень хорошо. Прелестны детские стихи Городецкого» (Дневник 1905–1907. С. 282; кузина Лемана – О.Н. Анненкова; о повестях Ремизова «О безумии Иродиадином» и «Гнев Ильи Пророка» см. примеч. 7 и 8 к п. 302).

302. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

7 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Четверг. 7 декабря.

Милая моя девочка, от тебя ни письма, ни вести. Я и сержусь, и беспокоюсь. Что же это значит? Вчера ничего. Сегодня ничего. Последнее, что я получил – это те несколько бессвязных строк с M<ademoiselle> Станюкович,[1] которую я не видел.

Мне же нужно знать – едем ли мы в Мюнхен или нет. Ведь я и к тебе-то не еду, главным образом, потому, что не хочу терять этих последних дней в Петербурге – ведь мне надо набраться впечатлений на много лет теперь, потому что из Мюнхена мы уже не скоро вернемся в Россию. Ты мне ни слова не написала об Мюнхене после твоего отчаянного письма, которое меня заставило сразу решиться и сейчас же начать свои приготовления. Ты ведь мне написала, что даже если я остаюсь в России, то ты все-таки едешь в Мюнхен – чего бы это ни стоило.[2] А теперь выходит, что в Мюнхен еду я, а ты остаешься в Финляндии.

Я ничего не знаю ни о твоем здоровье, ни о том, что ты делаешь...

Пожалуйста, напиши мне обстоятельно и подробно. Или ты все ждешь со дня на день моего приезда? Но ведь я не собирался приезжать теперь же. Если я теперь уеду хотя бы на день, то опять вся моя регулярная работа полетит к черту, и я снова буду выбит из колеи, в которую мне так трудно бывает забраться. А мне необходимо работать, потому что нам будут нужны деньги, и много.

Ну, я не буду больше ворчать на тебя. Прости меня. Я вижу, как ты огорчилась. Вчера «Среды» у Вяч<еслава> Ив<анова> не было. Вечером у меня сидел Косоротов. Потом я был у Кузмина.[3] Он пел все «Куранты любви»,[4] музыка к «Зиме»[5] уже почти закончена.

Я теперь буду писать статью о нем.[6] Уйдя от него в 2 часа ночи, Городецкий зашел ко мне, чтобы я ему прочел свою статью об «Яри». И мы еще сидели и говорили до 5 час<ов> утра.

Он остался очень доволен моей статьей и сказал, что сам не предполагал такой внутренней цельности всей книги и связи всего с космическим вступлением.

Ремизов у Кузмина читал свою новую вещь «Илью Пророка» с описанием Ада. Она поразительна и потрясает.[7] По общему признанию, она лучше «Иродиады».[8]

Это такой оркестр слов и такая фантазия: совсем какой-то древнерусский Дант.

До свиданья, моя милая девочка. Не томи меня – пиши больше и не сердись на то, что я не еду.

Милая моя, милая моя девочка, только что пришло, наконец, твое письмо, которого я так долго ждал.[9] Об Мюнхене – я так <и> ожидал. Но ничего против этого не имею, т<ак> <как> сейчас мне хочется написать целый ряд статей и использовать тут же свои русские впечатления. Ничего не имею против того, чтобы отложить отъезд до февраля или даже марта. Дело-то ведь не во мне, а в тебе, моя девочка, ведь ты все в Петербурге в один день спустишь, что нагуляла в Финляндии. Только что я написал начало статьи о Кузмине, которым очень доволен.

Я очень спешу, мне надо обедать и ехать в редакцию.

Лид<ии> Дм<итриевне> вчера вечером было гораздо лучше. У нее ангина.

[1] Имеется в виду п. 298.

[2] «Отчаянное письмо» – п. 293.

[3] См. примеч. 8 к п. 301.

[4] См.: Куранты любви. Слова и музыка М. Кузмина. Рис. С. Судейкина и Н. Феофилактова. М.: Скорпион, 1910.

[5] «Зима» – один из разделов книги «Куранты любви».

[6] Статья Волошина об «Александрийских песнях» Кузмина (см. примеч. 12 к п. 276).

[7] Повесть Ремизова «Гнев Ильи Пророка, от него же сокрыл Господь день памяти его» впервые напечатана в сб.: *Ремизов А.* Лимонарь сиречь: Луг духовный. СПб.: Оры, 1907. С. 33–62.

[8] Имеется в виду повесть Ремизова «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь» (Там же. С. 5–25). Волошин и

Сабашникова присутствовали на авторском чтении этой вещи 7 ноября 1906 г. «Были Волошины и Вяч<еслав> Ив<анович>, – отметил в своем дневнике Кузмин. – Алек<сей> Мих<айлович> читал свою "Иродиаду", очень красочную и душную вещь, не без декадентства, очень раскритикованную Ивановым; сидели очень недолго» (Дневник 1905–1907. С. 258).

[9] П. 300 (см. примеч. 1 к этому письму).

303. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

7–8 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Четверг. 7 декабря. Ночь.

Здравствуй, моя милая девочка! Я только что вернулся от Анны Рудольф<овны> и хочу поговорить с тобой перед сном.

Она говорила о тебе с Кудрявцевым, не называя тебя.[1] Кудрявцев ей сказал, что, по его мнению, неврастения не болезнь, а признак существования в человеке громадных психических сил, которых он в себе еще не сознает и которые себе находят исход. Что у него были подобные случаи, и излечение наступало, когда неврастения находила себе исход иногда в ясновиденье, иногда в целительной силе, иногда в творчестве. Определить те силы, которые скрыты и не находят себе исхода именно в данном субъекте, может только обладающий сам силой ясновиденья.

Мне эта мысль кажется бесконечно верной и блестящей.

У слепого существа, у которого скоро должен возникнуть глаз, такое же нервное состояние возникает о<т> действия света.

Люди, у которых должно было возникнуть математическое сознание, представляли из себя «народ эпилептиков», как говорит Вячеслав Иван<ов>.

Как это верно и хорошо! Только где уже у тебя – у моей девочки – вырастет новый глаз? Ан<на> Руд<ольфовна> говорит, что определить это может только Штейнер. Но я непременно хочу, чтобы ты побывала у Кудрявцева.[2]

Ан<на> Руд<ольфовна> говорила с ним тоже об гипнотизме, тяготеющем над тобой. Он сказал, что гипнотизм сам

по себе постепенно ослабевает с течением времени, приблизительно в конце третьего года, если он не возобновлялся, и когда те силы, которые теперь беспокоят тебя, найдут свой выход и свое приложение, то заклятие спадет само собою.

Я думаю, что свойство этих сил, ищущих исхода, таково, что они совершенно неожиданны для носителя их. Так как, если бы он об них бы имел какое-нибудь понятие, то они бы его не тревожили так своею безысходностью.

Ан<на> Руд<ольфовна> была у Нины Васильев<ны>, и она сказала ей, что Марг<арита> Алекс<еевна> уже в Финляндии. Кланяйся ей от меня.

Я был у Суворина и сказал, что я не очень буду торопиться с отъездом в Мюнхен и, может, останусь до конца февраля. Тогда он поручил мне писать о картинных выставках – вот и все его *планы* на меня.

Ан<на> Руд<ольфовна> очень счастлива от того, что мы едем в Мюнхен, и уверяет, что графини с ума сойдут от восторга. Она им будет писать сегодня же вечером.[3] И говорит, что они нам подыщут комнаты и всё нам устроят к нашему приезду.

Я просил передать им от нас самый горячий привет и то, как мы будем счастливы жить рядом с ними. Милая моя девочка, подумай, нет, подумай только, как хорошо будет в Мюнхене.

А пока покойной ночи. Завтра я еще буду продолжать письмо.

Пятница.

Я целый день работал и закончил статью о Кузмине. Сейчас пойду ее прочесть ему.[4] Лид<ии> Дм<итриевне> лучше, но страшная слабость. Вяч<еслава> Ив<анова> я не видел уже 2 дня – все время работал.

До свиданья, моя девочка.

[1] О К.Д. Кудрявцеве и его оккультной терапии Минцлова сообщала Сабашниковой в письме от 11 декабря 1906 г.:

«С Кудрявцевым я очень и очень сблизилась, сразу. Он пришел к знанию своему – которое не очень глубоко, но очень *сильно* – через женщину. Он встретился с Шабельской, случайно. Она направила

его на этот путь, раскрыла в нем те огромные силы, которые в нем есть, – она умерла год или два тому назад. У него – большая целительная сила, огромная любовь и детская ясность и простота духа. То, что он знает, он знает из практики или из слов Шабельской. Неврастению он знает практическим путем. Он знает, что для излечения ее надо открыть путь тем духовным силам, которые зарыты в человеке. Эгоизм при неврастении есть последствие, а не начало. Это бесконечное искание вокруг себя, путь в темноте своего "я", это есть глухое сознание того, что должно пробудиться и не может пробудиться еще без толчка извне. Когда человек сознает, наконец, всем существом своим поймет, что его "переживание" не есть центр мироздания, – он уже здоров, перед ним уже открылись мириады миров. Среди гроздий планет трудно уже думать о своей особе... <...> Я знаю, что он прав в этом... Сила его – изумительна. Я была у него на одном из его приемов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 87, л. 95 об. – 96 об.; упоминается целительница Надежда Юльевна Шабельская (?–1904) – ее памяти посвящена книга Кудрявцева «Животный магнетизм как лечебное средство» (СПб., 1913); «гроздья планет» – цитата из стихотворения Бальмонта «Я помню в далекие детские дни...»; см.: *Бальмонт К.* Литургия красоты. М.: Гриф, 1905. С. 198; пятое стихотворени цикла «Вода»).

[2] В декабре 1906 – январе 1907 г. Сабашникова несколько раз посещала Кудрявцева; ей казалось, что его «сеансы» оказывают благотворное воздействие на ее психику. «Милая Анна Рудольфовна, – писала Сабашникова А.Р. Минцловой 6 февраля 1907 г., сообщая о своем "пробуждении" после долгого "сна", – это, конечно, благодаря Вам, Кудрявцеву и Вяч<еславу> Ив<анову> что-то громадное произошло в жизни» (ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 342, л. 2; написанное рукой В.И. Иванова и сохранившееся в бумагах его архива, это письмо, возможно, не было отправлено). Впрочем, через несколько месяцев, когда Сабашникова вернулась в Москву (после пребывания на «башне») родные и близкие связывали ухудшение ее состояния именно с терапевтическими методами Кудрявцева. «У меня изредка бывают просветы; вот сейчас, и потом бред, и тогда я говорю Бог знает что. Больно, что это приписывают дурному влиянию Кудрявцева, и я не могу объяснить им, да я сама не понимаю, в чем дело» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 12, л. 8 об.).

[3] Написала ли Минцлова в эти дни в Мюнхен, неясно; скорее всего это было сделано позднее – в первые дни января 1907 г. (ср. примеч. 2 к п. 313).

[4] В дневнике Кузмина сказано (запись от 8 декабря): «Пришел Волошин, принес мне свой фельетон обо мне по Ал<ександрийским>

п<есням> в связи со внешним, и о театре довольно лестное, что дало мне возможность выдержать все помои и ругательства, которыми, как некие мегеры, осыпали Сомов, Бакст, Добужинский и Нувель театр, и особенно, конечно, Сапунова и Судейкина» (Дневник 1905–1907. С. 283).

304. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

13 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Среда. Утро.

Милая моя девочка, я вчера тебя безумно любил, уезжая и читая «Манон Леско»[1] в вагоне и едучи с вокзала.[2]

Я сейчас же, приехав, пошел к Вяч<еславу> Иванову и сидел у него до 5<-ти> часов утра. У нас были очень длинные и важные по своим последствиям разговоры. Узнав, что я собираюсь издавать мои стихи, он мне предложил издать в «Орах»[3] мои стихи последнего периода – мистические. Я стал сомневаться. Мы стали подсчитывать, и оказалось, что их вполне достаточно, и выйдет книжка величиной с «Эрос».[4]

Он предложил ее назвать «Rosa Mystica»*, но мне это показалось слишком много, и я предложил заглавие «Ad Rosam» – «К Розе», которое ему очень понравилось.[5]

Говоря об стихах, мы их пересчитывали. Когда в «Amari sacrum» он узнал, что приведенные стихи твои,[6] он заставил меня сказать все и вспомнить все, что я помнил из твоих стихов. Нашел в них массу грации, тонкости и прикосновения тонких пальцев. И сказал, что их необходимо присоединить к книге «Ad Rosam».

Хочешь? Это будет очень хорошо. Мне страшно хочется, чтобы ты согласилась – 3–4 стихотвор<ения>: «Рассвет»,[7] «На твой алтарь...»,[8] «Елену»[9]..., «Бальмонта»,[10] *«Лебедя»*[11] и можно еще из «Царевича»[12] выбрать.

Мы вместе все обработаем. Хочешь? Вяч<еслав> Ив<анов> будет тебе сам писать об этом, потому что ему это страшно хочется.[13]

* Мистическая роза *(лат.)*.

Вчера (вторн<ик>) я весь день провел в переписывании стихов, чтобы выяснить себе физиономию и размеры книги.

Выходит две вполне законченных книги: «Ad Rosam» (25 стих<отворений>) мистическ<ая>[14] и «Годы странствий», в которой будут все описательные, лирические, «Письмо»[15], переводы и общественные (50 стихотв<орений>).[16]

«Годы Странствий» я тогда попробую предложить «Знанию».[17] Меня это не скомпрометирует в глазах декадентов, т<ак> к<ак> выйдет одновременно «Ad Rosam» в «Орах».

А разграничение это может только принести пользу для той и для другой книги.

Весь вопрос только за тобой. Согласна ли ты напечатать свои стихи?

Я за вчерашний день составил обе свои книги — целиком. Все переписано, приведено в порядок. Теперь я вижу, что мне надо будет еще написать и для той, и для другой, и займусь этим теперь же. Вчера я весь день сидел дома. Брал ванну и никуда не выходил. А вечером опять до 3-х часов был у Иванова.

Лид<ии> Дм<итриевне> опять хуже. У ней острая жаба. Она вся обвязана компрессами и очень страдает.[18]

Я пишу наспех, т<ак> к<ак> надо заниматься. До свиданья, моя милая, милая девочка. Вечером буду у Ан<ны> Руд<ольфовны>, в редакции[19] и в «Кружке Молодых».[20]

Аргутинский был без меня и оставил две записочки — от Нюши (она тебе особые булавки для ворот<ника> посылает)[21] и <от> Ек<атерины> Ал<ексеевны>[22], обе мне.

Клан<яюсь> Мар<гарите> Алекс<еевне>.

[1] См. примеч. 8 к п. 291.

[2] Волошин провел в Мустамяках, согласно «Трудам и дням» (С. 169), с 9 по 11 декабря и вернулся в Петербург вечером 11 декабря. Данное письмо позволяет уточнить эти даты: пребывание в Мустамяках — 10 и 11 декабря, возвращение в Петербург — 12 декабря.

[3] «Оры» — петербургское издательство, созданное Вячеславом Ивановым и выпустившее в 1907–1912 гг. ряд книг (прежде всего — самого В. Иванова и писателей его круга). Название издательства восходит к имени древнегреческих богинь, покровительниц красоты, благополучия и времен года, а также — к журналу Шиллера «Оры» («Die Horen», 1795–1797).

[4] Имеется в виду стихотворный сборник В. Иванова «Эрос» (СПб.: Оры, 1907; фактически книга появилась в продаже в последние дни декабря 1906 г.; см.: Дневник 1905–1907. С. 505: открытка Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 1 января 1907 г.). На экземпляре этой книги, хранящейся ныне в ДМВ, – дарственная надпись В.И. Иванова: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы. Максу возлюбленному *Вячеслав* – per odium ad amorem <через ненависть к любви – *лат.*>» (факсимиле надписи воспроизведено в статье И. Левичева «Автографы Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал из мемориальной библиотеки Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле // http://www.utoronto.ca/tsq/43/tsq43_levichev.pdf).

[5] О Розе, символически осеняющей отношения Волошина и Сабашниковой, см. примеч. 6 к п. 50, п. 52, примеч. 3 к п. 132 и др.

[6] Под названием «Amori sacrum» («Святилище любви». – *лат.*) Волошин опубликовал в «Золотом Руне» (1906. № 7/9. С. 107–108) стихотворение «И были дни как муть опала...» (в сборнике «Стихотворения. 1900–1910» – под названием «Второе письмо»). В текст этого стихотворения введены слова и строки Сабашниковой. См. также примеч. 16–18 к п. 52 и п. 306.

[7] Имеется в виду стихотворение «Бледнеют к утру небеса...» (см. примеч. 4 и 5 к п. 52).

[8] Речь идет о стихотворении Сабашниковой «Забудь мятежное признанье!...», впервые опубликованном в Т. 11, кн. 1 наст. изд. С. 222–223 (п. 59 и примеч. 2 к нему).

[9] Подразумевается стихотворный фрагмент, посвященный Е.К. Цветковской, из стихотворного послания Сабашниковой Волошину («Письмо») от 8/21 июля 1904 г. (см. п. 19) или одна из редакций того же текста (см. примеч. 10 к тому же письму).

[10] Имеется в виду стихотворный «портрет» Бальмонта – один из фрагментов стихотворного послания Сабашниковой Волошину («Письмо») от 8/21 июля 1904 г. В 1906 г. Сабашникова переработала этот текст (см. примеч. 8 к п. 19, а также п. 309 и примеч. 5 к нему).

[11] Стихотворение Сабашниковой «На взморье древний лебедь дремлет...» (1907 или 1908). Рукопись стихотворения воспроизведена факсимильно в кн.: *Давыдов З., Купченко В.* Крым Максимилиана Волошина. Автографы, рисунки, фотографии, документы, открытки из государственных и частных собраний. Фотоальбом. Киев: Мистецтво, 1994. С. 86.

[12] «Сказка о распятом царевиче» (см. примеч. 5 к п. 275).

[13] В. Иванов действительно высоко ценил стихи Сабашниковой. На своей книге «Эрос» он сделал 15 января 1907 г. следующую надпись: «Маргарите Васильевне Сабашниковой-Волошиной, поэту,

художнику, другу, эту "дерзновенную книжечку" подносит автор» (цит. по: Труды и дни-1. С. 173).

[14] Издание сборника «Ad Rosam» не состоялось, однако ясно, что Волошин, предполагал объединить в нем прежде всего свои стихотворения 1904–1906 гг., отражающие его философско-оккультные искания того времени. «Издаю книгу мистических стихов новых в "Орах"», – писал он Брюсову во второй половине декабря 1906 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 268); о том же он писал и А.М. Петровой 14 декабря 1906 г. (Там же. С. 263). Сборник был объявлен – упоминание о нем помещено, например, на обложке сборника В. Иванова «Эрос» и в «Снежной Маске» Блока (СПб.: Оры, 1907). Однако дальнейшее развитие личных отношений, как и положение дел в издательстве, заставили Иванова отказаться от намерения издать в «Орах» эту книгу Волошина.

[15] См. примеч. 14 к п. 15.

[16] Ср. в п. 23: «Я написал книгу стихов. Она будет называться "Годы странствий"». Однако в первой опубликованной книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910) это название осталось лишь за первым разделом, посвященным Я.А. Глотову.

[17] Публикация в сборниках товарищества «Знание», которые редактировал М. Горький, не состоялась. Ср. примеч. 8 к п. 310.

[18] См. примеч. 4 к п. 292 и примеч. 10 к п. 306.

[19] Т.е. в редакции газеты «Русь».

[20] «Кружок молодых» – литературно-художественное объединение, возникшее в ноябре 1906 г. при историко-филологическом факультете Петербургского университета. К числу инициаторов Кружка и активных его участников принадлежали С. Городецкий, Вл. Пяст, Д. Цензор, К. Чуковский (см.: *Пяст Вл.* Встречи. Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 88–91). При «Кружке молодых» работали секции: библиографическая, философская и секция драмы и трибуны (см.: Обозрение Театров. 1906. № 37. 30 дек. С. 9); читались доклады и проводились литературные обсуждения; издавались книги.

«Кружок молодых» проводил свои заседания, помимо университетских аудиторий, и на частных квартирах, в том числе у Ивановых на «башне». «У нас в СПБ. кружок "Молодых", – сообщал К. Чуковский Брюсову 21 декабря 1906 г. – Вся публика и все заправилы – с Таврической, 25» (*Чуковский К.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. Письма. 1903–1925. С. 113).

[21] «Маргоре посылаю булавки для поддержки воротника, – писала А.Н. Иванова (записка без даты). – Головки отвинчиваются, и гвоздики протыкаются – это для кружевных воротничков – к<а>к

у голубого Маргорин<ого> платья» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, 43–43 об.).

[22] Среди сохранившихся писем и записок Е.А. Бальмонт к Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230) записка соответствующего содержания не обнаружена.

305. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

14 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Четверг.

Милый Максик, так я Твоего вчерашнего письма и не добилась, т<ак> ч<то>, если Ты писал что-нибудь важное, повтори. Я, кажется, весь день только и делала, что ходила к лавке, в дом к лавочнику, ждала у лавки в метель, наконец, еще раз послала Соломона! Он принес газеты, а письма потерял; очевидно, потерял, п<отому> ч<то> я сегодня опять ходила к лавочнику, и тот говорит, что он отдал все письма.

Признаюсь Тебе, что мне здесь очень надоело жить; метель такая, что нельзя выйти. Моя комната до 22<-го>; так что 22-<го> я уеду, мама мне выхлопотала помещение с 25-го, но мне, правда, здесь надоело, тем более, что у меня печень болит, или я не знаю что.

Рассказ пишу, но очень туго.[2] Странная есть вещь: это, что Нюша не может петь, а я не могу решиться начать рисовать, все откладываю, все боюсь.

Приеду в Петербург и начну coûte que coûte* работать в мастерской, хотя скучная там компания.

«Ярь» вышла, очень жду ее и Твоего фельетона.[3] Пошли ее Алеше.

М<ожет> б<ыть>, мне так скучно без Твоих писем.

Когда Лид<ия> Дм<итриевна> вернется домой?

Собственно, мне сегодня нечего Тебе писать, но хочется быть с Тобой, к Тебе обращаться.

Я хотела перечесть «Капитанскую дочку», чтобы вдохновиться стилем, да здесь нет прозы Пушкина.

* Любой ценой, чего бы это ни стоило *(фр.)*.

Целую Тебя, мòй мальчик. Будь здоров.
Очень интересно, что Ты написал про «Эрос».[4]
Видел ли А<нну> Р<удольфовну>, Ремизова, Мирэ.
Целую Твою маму и Тебя, моя радость.

[1] РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 11, л. 3–4.

[2] Какой именно рассказ имеется в виду, неясно. В «Зеленой Змее», вспоминая события осени 1906 г., Сабашникова, между прочим, упоминает написанный в те месяцы «рассказ для детей» (Зеленая Змея. С. 153); речь здесь идет о повести «Облачное лето», напечатанной, с рисунками автора, в журнале «Тропинка» (1907. № 7. Апрель. С. 274–279), – о мальчике по имени Гриша, прототипом которого послужил, видимо, Юрка (см. примеч. 2 к п. 129). Однако в п. 307 Сабашникова сообщает, что ее рассказ выдержан в стиле горьковского «Человека», а в п. 314 утверждает, что он написан «на злобу дня». Учитывая это, идентифицировать оба произведения не представляется возможным.

[3] См. примеч. 4 к п. 299.

[4] Рецензия Волошина на сборник В. Иванова «Эрос» появилась в газете «Русь» (1906. № 88. 28 дек. С. 3). См. также примеч. 4 к п. 304.

306. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

14 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Четверг.

Милый, вчера тот, кого я просила опустить письмо, опоздал, и Ты получишь оба мои письма сразу. Письмо, из-за которого я так сражалась с лавочником, было письмо от А<нны> Р<удольфовны>, и оно нашлось.[2]

То, что Вяч<еслав> Ив<анов> предложил Тебе издать твои мистические стихотворения, меня очень, очень радует; но где же их количество? Я знаю только «Землю»[3], «Руанские»[4] и «Гностический гимн деве Марии»[5], и, пожалуй, «Рэдона»[6]. Ну а остальные не стоит издавать сборником. Ты не думаешь? Для «Ad Rosam» (мне очень нравится заглавие) я себе представляю чудную обложку, впрочем, ведь они издают без обложки.

Я очень, очень этому рада, что <В. Иванов> тебя издаст в «Орах». Что касается моих стихотворений, меня очень обо́дрило, обрадовало то, что Вяч<еслав> Ив<анов> их одобрил; мне очень захотелось написать и вообще много писать, но печатать эти ребячливые и неумелые попытки я совершенно не вижу смысла. Это какое-то затмение у вас. Я совершенно и решительно от этого отказываюсь. Тем не менее, ужасно предложением горжусь и думаю: вот мне исход на случай слепоты. Обещаю теперь тебе писать стихи (не советуясь с тобой). Все они будут посвящены, конечно, Вяч<еславу> Ив<анову> (горе ему <?>) за то, что вы все держали меня в черном теле, а он так меня возвеличил.

Кабы он, Вяч<еслав> Ив<анов>, да был живописцем! Ибо я скалой застыла острогрудой, а ему дан звонкий млат.[7] Ну, и скажи все это ему своими словами и кланяйся.

Пишу рассказ.[8] Похоже на «Человека» Горького,[9] тот же милый стиль.

Мои планы изменились. Комната моя свободна до 22. Итак, я приезжаю 22<-го> и больше не возвращаюсь. 25 еду в Москву по маминой просьбе. Меньше 2-х недель пробыть там нельзя будет.

У нас метет и ветрено, выйти нельзя и, кажется, с меня довольно. Кажется, из моего уединения я вынесу новые скрижали.

Напиши мне, что за жаба у Лид<ии> Дм<итриевны>: грудная или горловая.[10] Как я хочу, чтобы она скорее поправилась.

Пиши мне, моя радость, мой милый, милый кавалер.

[1] РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 11, л. 1.

[2] По-видимому, письмо А.Р. Минцловой от 11 декабря 1906 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 87, л. 95–96).

[3] Имеется в виду стихотворение Волошина «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...», написанное в сентябре 1906 г. в Богдановщине (впервые: Перевал. 1907. № 3. С. 3). «Нравится ли Вам его <Волошина> последнее стихотворение “Быть черною землей”? Мне – очень, очень, больше всех», – восклицала Сабашникова в письме к Е.О. Кириенко-Волошиной 22 сентября 1906 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 8 об.). В книге «Стихотворения. 1900–1910» Волошин открыл этим стихотворением раздел «Звезда Полынь».

[4] «Руанскими» Сабашникова называет стихотворения Волошина, составившие впоследствии посвященный А.Р. Минцловой цикл (из семи стихотворений) «Руанский собор» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 81–85). Стихи были написаны в конце 1906 г. Посылая А.М. Петровой этот цикл, Волошин пишет: «...Несколько из моих новых стихотворений» (Т. 9 наст. изд. С. 263; письмо от 14 декабря 1906 г.). Впервые: Перевал. 1907. № 8/9. С. 3–5.

[5] См. примеч. 3 к п. 289.

[6] Вероятно, Сабашникова имеет в виду посвященное Редону стихотворение Волошина «Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...» (1904), впервые опубликованное под названием «Одилон Рэдон» в альманахе «Северные цветы ассирийские» (С. 55). О работах Редона (литографии «Искушение св. Антония», «Болотный цветок» и «Свет») Волошин упоминает также в стихотворение «Письмо» (1905). См. Т. 1 наст. изд. С. 76, 55, 458 и 452.

[7] Сабашникова обыгрывает и перефразирует строки из стихотворения В.И. Иванова «Менада»:

Я скалой застыла острогрудой,
Рассекая черные туманы,
Высекая луч из хлябей синих...
«Ты резни,
Полосни
Зубом молнийным мой камень, Дионис!
Млатом звучным источи
Из груди моей застылой слез ликующих ключи...»

Стихотворение «Менада» написано, как установил А.Б. Шишкин, в начале февраля 1906 г. (см.: *Шишкин А.* Симпосион на петербургской башне // Русские пиры (альманах «Канун». Вып. 3). СПб., 1998. С. 349–350). Впервые опубликовано (под названием «Перед жертвой») в первой книжке «Факелов» (1906. Кн. 1. С. 59–61) с посвящением: «Георгию Чулкову – зачинателю "Факелов"». Это же стихотворение (без посвящения) открывает первый раздел («Esse Cor Ardens») в первом томе сборника «Cor Ardens» (М.: Скорпион, 1911. С. 7–8).

[8] См. примеч. 2 к п. 305.

[9] Поэма в прозе М. Горького (1903), впервые опубликованная в первом «Сборнике товарищества "Знание" за 1903 год» (СПб., 1904. С. 211–219).

[10] «Жаба» может означать как воспаление слизистой оболочки зева (ангина), так и сердечное заболевание (стенокардия). См. также примеч. 4 к п. 292.

307. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

14 декабря 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Дорогая моя девочка! Я написал новое стихотворение, которым будет начинаться первая часть «Ad Rosam».

Первую часть я назову «Звезда Полынь»,[2] а вторую – «Мистические Розы».[3]

Вяч<еславу> Ив<анову> это стихотворение очень понравилось. Он считает его одним их лучших и видит в нем дерзновение и освобождение от «красивости». Он мне говорил вчера ночью:

«У вас есть большой недостаток. Известного рода компромисс. Вы хотите всегда, чтобы стихи были красивы, чт<обы> они понравились. Даже в мистических стихотворениях Вы похожи на даму католичку, которая становится на колени, чтобы молиться, и в то же время заботится, чтобы ее поза была красива. У Вас нет "дерзновенья в ночь и хмель".[4] Вот если бы сейчас на Вашем месте сидел Бальмонт и спросил меня: "Скажи мне, Вячеслав, какая разница между тобой и мной?" Он ведь любит задавать такие вопросы. То я бы ему ответил: "Там, где ты употребляешь слово *красивое*, я говорю *прекрасное* ".

Надо помнить, что прекрасное далеко не всегда бывает *красиво*. Оно может быть и безобразно. И Вы, полюбивший Марг<ариту> Васильевну, Вы должны понимать значение слова прекрасный, потому что она далеко не красива, ее нельзя назвать красивой, но она прекрасна. И Лидия прекрасна, хотя она и безобразна.

....У меня сегодня странное настроение. Я хотел бы оргии. Много вина, шампанского. Чтобы развратно и страшно. И пригласить избранных из настоящего и прошлого, и будущего. Я бы позвал и Маргар<иту> Васильев<ну>. Позвал бы Аспазию, Антиноя... Алкивиада... Нет, он бы слишком стеснял, как Судейкин... Знатных римлянок... Катуллову Лезбию?[5] Только это страшно немного».

– Но я был бы, верно, исключен из этого списка за добродетель?

– О нет, Вы имели бы большие шансы пройти.

Мы опять сидели до четырех часов.

Я вчера весь день писал стихи. Сегодня исправлял корректуры статей, так что не мог еще приняться за «Эрос».[6]

Только что мне подали твое письмо. Как хорошо, что ты в новой комнатке.[7] Я сделаю все, как ты велела, к твоему приезду. А в Москву тебя не пущу.

Похвали мои стихи. Они мне очень дороги. Собери все свои стихи поскорее, запиши и пришли.

Они должны быть непременно в книге. Это будет наша книга. Совсем интимная.

Объявление об ее выходе появится уже на днях.

Вот стихи:

Звезда Полынь

Коктебелю.

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал надломленные крылья.
Титанов мускулы под бременем холмов.
Земли отверженной застывшие усилья.
Уста Праматери, разверстые без слов.

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи,
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту призывные лучи.

Я сам твои уста — безгласные, как камень,
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших звезд. Я слов застывший пламень,
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, Мать-Невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине.
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн останутся во мне.[8]

До свиданья, моя милая, дорогая, любимая. Как мне хорошо! Как мне хорошо работается! Как я счастлив, что ты есть.

[1] Датируется по содержанию и связи с п. 309.

[2] Звезда Полынь – образ из Откровения св. Иоанна (VIII, 10–11): «...и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику <...> Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

В феврале-марте 1907 г. Волошин склонялся к тому, чтобы использовать этот образ в качестве названия ко всему сборнику (см. примеч. 10 к п. 329 и п. 336 – место, отмеченное примеч. 11), но позднее отказался от этого замысла. Стихотворение «Звезда Полынь» (см. примеч. 8 к наст. письму) получило в окончательной редакции название «Полынь», а заглавие «Звезда Полынь» Волошин сохранил для третьего раздела в сборнике «Стихотворения. 1900–1910», составленного преимущественно из стихотворений 1906–1907 гг.

[3] По сохранившимся экземплярам сборника «Звезда-полынь» (см. примеч. 10 к п. 329) можно видеть, что в раздел «Мистическая роза» Волошин предполагал включить цикл из семи стихотворений, обращенных к А.Р. Минцловой, и стихотворение «Гностический гимн Деве Марии ("Славься, Мария!..")». В сборнике «Стихотворения. 1900–1910» заглавие «Мистическая роза» отсутствует, а все указанные стихотворения включены в раздел «Звезда-полынь» (при этом стихи, посвященные Минцловой, образуют отдельный цикл – «Руанский собор»).

[4] Неточная цитата из стихотворения В.И. Иванова «Вызывание Вакха». У Иванова: «...И на зов твой не отвечу / Дерзновеньем в ночь и хмель?..» (*Иванов В.* Эрос. СПб.: Оры, 1907. С. 30).

[5] К женщине по имени Лесбия обращено большинство любовных стихов Катулла.

[6] Волошин имеет в виду свою рецензию на сборник В. Иванова «Эрос» (см. примеч. 4 к п. 304 и примеч. 4 к п. 305).

[7] О каком именно письме Сабашниковой идет речь, неясно (в ее предыдущих письмах о «новой комнатке» не упоминается). В комментарии В.П. Купченко сообщается, что это письмо Сабашниковой «не обнаружено» (см.: Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906. Письма к М.В. Сабашниковой // Минувшее. Ист. альм. <Вып.> 21. С. 340).

[8] Впервые опубликовано в иллюстрированном приложении № 6 к газете «Русь» от 6/19 февраля 1907 г. (№ 37) под заглавием «Коктебель». Вошло (под названием «Полынь») в книгу «Стихотворения. 1900–1910» (раздел «Звезда Полынь»), где открывает цикл «Киммерийские сумерки», посвященный К.Ф. Богаевскому (см.: Т. 1 наст. изд. С. 88, 464).

308. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

15 декабря 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Я боюсь, что не успею написать тебе сегодня большого письма, так как сейчас бегу по разным делам с утра. Занесу Мар<ии> Конст<антиновне>[2] для тебя полотенце и Евангелие. И оттиск статьи о Городецком.[3] Потом иду в «Знание»; к Чуковскому, а после обеда к Ан<не> Руд<ольфовне> и вечером на «Коринфское чудо», о котором хочу сегодня же ночью написать.[4] Весь день в суете. Я ужасно боюсь расплескать те стихотворения, что теперь лежат на душе. Когда приедет Марг<арита> Алекс<еевна>?

Как ты себя чувствуешь? Как я рад, что ты приедешь на Рождество. До свиданья. Может, я успею и большое написать письмо еще.

Нравится ли тебе мое стихотворение?[5] Что-то от тебя сегодня письма еще нет. Не знаю почему. До свиданья.

[1] Открытка. Почтовые штемпели отправления и получения: СПб. 15.06; СПб. 16.12.06.

[2] М.К. Станюкович.

[3] См. примеч. 4 к п. 299.

[4] Трагедия А.И. Косоротова «Коринфское чудо» была поставлена в петербургском Малом театре режиссером А.П. Ленским; премьера состоялась 15 декабря. Статья Волошина, посвященная этой пьесе, появилась в петербургском еженедельнике «Молодая Жизнь» 18 декабря 1906 г. (№ 2. С. 3). См. также примеч. 8 к п. 296.

[5] Имеется в виду стихотворение «Звезда Полынь» (см. п. 307).

309. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

16 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Суббота.

Милый мой Максютушка, Твои стихи... И Ты еще спрашиваешь, нравятся ли мне *Твои* стихи. Pardon, это *мои*, а не *Твои* стихи. Это мои «сиротливые звезды» и мои «надломлен-

ные крылья», и титаны, и «застывшие усилья», и уста, «разверстые» без слов, мои, мои, и я, а не Ты «дитя ночей призывных и пытливых»; я сама, а не Ты «глаза, раскрытые в ночи».

Это даже нечестно.

Уступаю Тебе первые 4 строчки, «шуршащие шелесты струистого стекла» и «истомную мглу», где течет и качается «горькая душа тоскующей полыни» (excusez du peu!*). Это не мое; что касается до конца, то хотя он по праву и Твой, но подари его мне, очень уж он хорош.

Очень даже хорошие стихи.

Целую Тебя за них. Продолжай.

Правда, напиши побольше.

О крови, об Иуде, о Поле[2] (и Маше[3]), да нельзя ли и меня как-нибудь воспеть. Понатужься.

Я проводила сегодня маму.

Упоена Мустамяками я опять. Рассказ не выходит,[4] т.е. смелости у меня нет написать то, что я хочу.

Я очень, очень счастлива. Вчера только никак не могла заснуть. Все мне казалось, что нужно уткнуться в Твое плечо, и было без Тебя скучно.

Проведу с Тобой 3 дня, а там закачусь в Москву. М<ожет> б<ыть>, так и лучше. Ты будешь лучше работать и больше меня любить. Последние дни мама меня все допрашивала, как мы в Питере проводили дни и, главное, *о чем* мы говорили с Ив<ановым> и что его больше всего интересует. Я затруднялась сказать.

Кланяйся ему. Будут ли подарки у нас на елке?[5]

Бальмонту

Непостижимый и мятежный,
Неверный, как болотный свет,
С душой безжалостной и нежной
Дитя, преступник и поэт.

Твои зрачки, как сталь, упорны.
Порою веки без ресниц
Прикрыты, как у спящих птиц,
Порой глаза, как дыры, черны,

* Ни больше, ни меньше! *(фр., ирон.)*. Дословно: Извините, что мало!

Влекут, как топи злых болот.
Презрителен порочный рот.
Презрительные ноздри гневны,
Слова то нежно перепевны,

То точат искры из кремня.
На подбородке клок огня.
На лбу изрытом шрам печатью,
Как некий знак, клеймо, заклятье.

Дух алчный алчно пьешь ты кровь.
Дух темный, пьешь ты свет
И алчно пьешь и пьешь любовь,
И упоенья нет.

Неодолима крепость тела,
Не рвется шелковая нить.
Как кубок, сердца не разбить!
Не ведаешь, не зришь предела.

Бесстрашен, слаб, неуловим,
Как золотистый лист гоним.
Неверным ветром окрылен,
С высот в пучины устремлен.

Вот Тебе страсти. Как лучше, в третьем лице или во втором, а как начать?

Неужели это хорошо? По-моему, плохо, но похоже. Похоже?

Кажется, последние 4 строчки лучше будут.

Целую Тебя крепко, мой милый, милый мальчик, милый; кудрявый мой!

[1] Ответ на п. 307.

[2] Горничная в семье Сабашниковых (см. примеч. 3 к п. 242). Обыгрывается слово «пол» (проблема «пола», привлекавшая внимание и Волошина, и Сабашниковой, не раз возникает в их переписке – см. п. 151, 154, 201 и др.).

[3] См. примеч. 2 к п. 242.

[4] См. примеч. 2 к п. 305.

[5] Дальнейшая часть письма (стихотворение «Бальмонту» и приписка к нему) публикуется по копии в рабочей тетради В.П. Купченко, поместившего оба текста в конце п. 293. Присоединение этого

фрагмента к данному письму является условным и определяется, в частности, упоминанием «стихов о Бальмонте» в п. 315. Вариант стихотворения (с мелкими разночтениями), ошибочно приуроченный нами к 1904 г., опубликован в примеч. 8 к п. 19.

310. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

16 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Суббота.

Милая моя девочка, я вчера успел написать тебе только открытку: очень я затормошился эти дни. Больше всего я боялся расплескать стихотворение «Кровь», которое у меня было в голове.[1] Но я его не расплескал и сегодня, наконец, написал.

Вчера был у Чуковского. Он меня зовет в «Вестник Европы», и секретарь «В<естника> Ев<ропы>» Ляцкий, по его словам, должен на днях приехать ко мне приглашать меня сотрудником.[2] Я пишу для них статью о Реми де Гурмоне.[3] Затем я был у Ан<ны> Руд<ольфовны>: она мне читала из лекций о крови.[4] Потом – на «Коринфском Чуде».[5] Это нехорошо. В чтении лучше. Но и театр невозможен. Дымов говорил мне вчера: «О пьесе здесь еще нельзя судить. Потому что, когда я здесь "Гамлета" смотрел, то я нашел, что Шекспир полная бездарность».[6]

После театра я пошел с Чулковым в кафе, и мы с ним долго говорили. Потом я ночью написал статью по поводу «Коринфского чуда» для «Свободы и Жизни».[7] Ее надо было отвезти сегодня же в типографию к 11 часам, чтобы она попала в понедельничий №. Что я и сделал. Она вышла политической и остроумной. Боюсь, что цензура задержит ее.

Потом я написал письмо Горькому в Неаполь, предлагая ему издать «Годы Странствий»,[8] и послал «Короля»[9] и «Письмо»[10] для «Сборников Знания».[11]

Наконец, вернувшись, нашел твои два письма.[12] Успел написать стихотв<орение> и сбегать к Вяч<еславу> Ив<анову>. Но его я не застал дома. Лид<ии> Дм<итриевне>

гораздо лучше. Но когда она выйдет из больницы, об этом еще и речи нет.

Завтра приезжает ее старший сын.[13]

Стихотв<орение> «Кровь» я посвящаю Вяч<еславу> Иван<ову>. Я думал именно о нем, когда писал его, и мне кажется, что в нем отразилось веянье его духа, веянье «Эроса».[14]

Кровь

В моей крови слепой Двойник.[15]
Он редко кажет дымный Лик, –
Тревожный, вещий, сокровенный.
Воззвал...
И встал из бездны ПЛЕННЫЙ.
И мысль рванулась... и молчит, –
На дне глухая кровь стучит.
Стучит – бежит.... Стучит – бежит...
Слепой огонь во мне струит.*

О, пламень черный, пламень древний!
В нем тьма горит, в нем света нет,
Но он властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.

О, мой Двойник, мой Прадур пленный,
Носитель мне невнятных грез!
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душные принес?

Зачем во тьму кровосмешений,
К соприкасаньям жгучих жал
Меня – Эдипа ты послал
Искать зловещих откровений?[16]

Я тебя очень, очень жду, моя девочка, и не отпущу в Москву через три дня, а оставлю дольше.

Для «Ad Rosam» стихов у меня хватит. Туда войдет «Amori Sacrum»[17], «Зеркало»[18], «Небо в темных узорах»[19], «Медленная

---

* *Далее зачеркнуто:* Огонь древней, чем пламя звезд:
В нем память темных старых мест.

Майя»[20] и др<угие>. Кроме того, я еще напишу несколько стихотворений. Как жаль, что ты отказываешься принять участие в этой книге. Но я думаю, что Вяч<еслав> Иванов еще убедит тебя. Он хочет написать тебе.

[1] Стихотворение Волошина «Кровь» (см. далее в тексте) было навеяно, с одной стороны, стихотворением В.И. Иванова «Двойник», вошедшим в сборник «Эрос», с другой стороны, – рассказами А.Р. Минцловой о недавней лекции Штейнера «Кровь – особенный сок» (см. примеч. 9 к п. 287 и примеч. 15 к наст. письму). См. также: Т. 1 наст. изд. С. 458–459; примеч. В.П. Купченко).

[2] Сотрудничество Волошина в журнале «Вестник Европы» не состоялось, за исключением публикации (перепечатки) стихотворения «Зеркало» (1909. № 4. С. 638–639).

[3] Эта статья, видимо, не было написана; однако в газете «Русь» (1907. № 168. 30 июня. С. 2) Волошин опубликовал статью о романе Реми де Гурмона «Ночь в Люксембургском саду» (1907), в первой части которой рассказал о самом писателе, обрисовал его внешней облик, описал его парижское жилье и т.д.

[4] См. примеч. 9 к п. 287.

[5] См. примеч. 4 к п. 308.

[6] О. Дымов имеет в виду спектакль «Гамлет» (по пьесе Шекспира), который, начиная с 1897 г., был включен в постоянный репертуар Малого театра (Театр Литературно-художественного общества; Суворинский театр).

[7] Рецензия Волошина появилась в еженедельнике «Молодая Жизнь» (см. примеч. 4 к п. 308). «Свобода и Жизнь» – возможно, предполагавшееся название этого издания.

[8] Письмо Волошина к М. Горькому от 16 декабря 1906 г., впервые опубликованное В.П. Купченко в составе статьи «М. Горький и М. Волошин» (Русская литература. 1976. № 2. С. 145–146), см.: Т. 9 наст. изд. С. 265–266. Горький оставил письмо Волошина без ответа. См. также коммент. А.В. Лаврова (Там же. С. 266–268).

[9] Стихотворения под названием «Король» у Волошина нет. Как установил В.П. Купченко, речь идет о незавершенном стихотворении Волошина «Царь-жертва! Ведаю и внемлю...» (см.: Русская литература. 1976. № 2. С. 146–147; Т. 2 наст. изд. С. 541–542, 721).

[10] О стихотворении «Письмо» (1904) см. примеч. 14 к п. 15.

[11] См. примеч. 17 к п. 304.

[12] Видимо, п. 305 и 306.

[13] С.К. Шварсалон.

[14] См. примеч. 4 к п. 304.

[15] Этот образ восходит, скорее всего, к лекции Штейнера «Кровь – особенный сок» (см. примеч. 9 к п. 287) – основные положения этой лекции Волошину сообщила Минцлова вечером 15 декабря 1906 г. «В крови, – говорил Штейнер, – заключен истинный двойник человека, его постоянный спутник, от которого человек постоянно черпает новые силы и которому отдает то, в чем более не нуждается сам. Поэтому кровь с полным правом можно назвать текучей человеческой жизнью; кровь имеет для человека то же значение, что клетчатка для низших организмов» (*Steiner R.* Die Erkenntnis des Übersinnlichen in unserer Zeit und deren Bedeutung für das heutige Leben... S. 43–44; GA 55).

[16] Стихотворение «Кровь» впервые напечатано в книге «Стихотворения. 1900–1910» (С. 73–74) с подзаголовком «Посвящение на книге "Эрос"» (имеется в виду книга В.И. Иванова).

[17] См. примеч. 6 к п. 304.

[18] О стихотворении «Зеркало» (1905) см. примеч. 2 к п. 53.

[19] Первая строка одноименного стихотворения. См. примеч. 10 к п. 61.

[20] «Медленная Майя» – строка из стихотворения Волошина «Мир закутан плотно...» (см. примеч. 4 к п. 55). См. также примеч. 2 к п. 39.

311. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17 декабря 1906 г. Мустамяки

Воскресенье.

Максюня милый мой,

Сегодня от Тебя не было письма, а вчера была одна открытка.[1] Спасибо Тебе за Евангелие; эти Твои посылочки меня всегда страшно трогают. Милый, милый мой!

Твоя статья о «Яри» очень хороша. Как Ты пошел вперед за этот год, милый мой мальчик. Его наружность хорошо описана. И как хорошо и про русскую поэзию: «все ли чуют, все ли чают, что в тебе светаю я».[2] Я так люблю Городецкого, Кузм<ина>, Ивановых, Ремизовых. Я иногда закрываю глаза и представляю себе их всех.

Я ничего не делаю; день проходит безалаберно, и рассказ мой не двигается. У меня какая-то робость.

Вчера я послала, кажется, Тебе стихи; они очень плохи; забудь их и никому не показывай.[3]

Видел ли Ты маму?[4]

27<-го> у Орлишки[5] елка; я непременно хочу на ней быть, т<ак> ч<то> раньше 29<-го> в Москву не попаду. Скажи это маме. Орлишка написала мне прелестное письмо.[6]

Сейчас мы все едем на станцию, наша кухарка Матильда играет в спектакле в соц<иал>-дем<ократической> партии. Мне страшно хочется потанцевать.

Целую Тебя, радость, счастье, приют.

Миленький, миленький мой, меня зовут.

[1] См. п. 308.

[2] Заключительные строки второго стихотворения цикла «Отец и сын» (*Городецкий С.* Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические. С. 19).

[3] Имеется в виду стихотворение о Бальмонте (см. п. 309) и, возможно, стихотворение «Личины стали предо мной...» (отмечено в одной из тетрадей В.П. Купченко при копировании писем Сабашниковой к Волошину; текст этого стихотворения в архиве Волошина не обнаружен).

[4] 16 декабря Волошин «принимал М.А. Сабашникову, приехавшую из Мустамяк», а 18 декабря «устроил обед» в ее честь, пригласив на него В. Иванова, Кузмина, Ремизова и др. (Труды и дни-1. С. 170). См. об этом в п. 312.

[5] А.И. Орлова.

[6] «Милая, дорогая девочка! – писала А.И. Орлова Сабашниковой 13 декабря 1906 г. – Я что-то все последнее время думаю об Вас и на этот раз в очень интересный, живой и яркий период своей жизни. <...> Милая, приезжайте на 3-ий день Рождества, мои дети тоже вспоминают Вас и зовут беленьким ангелом. Я готова, не знаю что сделать, лишь бы Вы были с моими ребятами, увидели, какой это чудный, талантливый народ, какой чуткий, отзывчивый, ясный и радостный. <...> Как Вы живете? Как себя чувствуете? Я очень редко вижу Макса. Я почти отрезана теперь от той стороны, и личная жизнь отчасти причина этого да и елка... Хочется, чтобы это был <их> праздник, так как они это заслужили. Ведь Вы любите детей, любите елку.. Приезжайте. Мне так хочется опять быть с Вами. Мне хочется, чтоб Вам было так же хорошо, как и мне. Ужасно хочется. Когда самой так светло и радостно, хочется, чтоб было и другим одинаково хорошо. Я Вас очень, очень люблю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 90, л. 6–7; слово «их» поставлено в угловые скобки А.И. Орловой).

312. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

17 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Воскресенье.

Милая моя девочка, сегодня опять нет письма от тебя, а вчера было два.[1] Я вчера успел написать стихотворение «Кровь», что я послал тебе. Сегодня, верно, не удастся, потому что мне надо сейчас ехать к Нине Васильевне, потом к Суворинам обедать, а вечером к Розановым. Так весь день.

Вчера была у меня Марг<арита> Ал<е>к<сеевна>, как только она ушла, пришли Ан<на> Руд<ольфовна> и Вячесл<ав> Иванов.

Потом Вяч<еслав> Ив<анов> повез меня к Бердяевым. Там было очень много интересных разговоров. Но меня смущает всегда философский язык, термины и вообще все маски, надеваемые философами на образы мира, и я мало понимал то, что говорил Бердяев, хотя разговор шел все об мистике и религии. Но эта мистика и религия были мне непонятны и скучны.

Вяч<еславу> Ив<анову> очень нравится «Кровь». Я еще сегодня ее переделывал и отделывал, но так еще <и> не кончил. Прочту в окончательном виде, когда ты приедешь.

В понедельник я устраиваю для Марг<ариты> Алек<сеевны> вечер с Ремизовыми, Вяч<еславом> Ив<ановым> и Кузминым.[2]

Вчера я читал Вяч<еславу> Ив<анову> еще твои стихи, все, которые были у меня, – «На твой алтарь»,[3] твое «Письмо»[4] и «Девушка в синеньком платье».[5] Ему все ужасно понравилось. Он находит у тебя прекрасный стих и добросовестную точность слова.

«Девушка» ему ужасно понравилась. Он не хотел верить, что тебе было 13 лет, когда ты ее написала.[6] Он настаивает, чтобы и она была помещена в сборнике. Он находит у тебя «мою школу» (??!!) и «тонкие пальцы» в стихах.

Нет – ты должна непременно приготовить несколько стихотворений для печати.

Почему ты упрекаешь меня, что я тебя не признавал? Я твои стихи всегда страшно любил, да ты мне не верила.[7]

Милая моя девочка, я тебя очень, очень жду. Приезжай поскорей. Я каждое утро молюсь о тебе.

[1] П. 305 и 306.

[2] См. примеч. 4 к п. 311, п. 315 (место, отмеченное примеч. 5) и примеч. 3 к п. 316.

[3] См. примеч. 8 к п. 304.

[4] См. примеч. 9 и 10 к п. 304.

[5] Стихотворение о девушке «в синеньком платье» («Мокрые астры, скамейки гнилые...») Сабашникова написала в Богдановщине летом 1899 г. См. запись в ее дневнике от 24 августа: «Вот мои милые стишки» и далее – текст стихотворения (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 16, л. 58 об.–59). Позднее Сабашникова вписала это стихотворение (без последней строки) в дневниковую тетрадь Волошина, содержащую в основном записи 1904–1906 гг. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 441, л. 96 об.). Стихотворение не публиковалось.

[6] В действительности – 16 лет.

[7] Волошин высоко ценил поэтическое творчество Сабашниковой. «Ваши стихи местами прекрасны», – писал он ей 29 июля / 11 августа 1904 г. (п. 23). Еще ранее, в письме от 15/28 января 1904 г. он решительно опровергал слова Сабашниковой о том, что она якобы не может «писать стихов» (см.: п. 7, 23 и др.).

313. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17 или 18 декабря 1906 г. Мустамяки[1]

Я не знаю, куда Ты положил шляпу мою серую с пером, кот<орую> из Парижа прислали. Дай ее маме, я хочу, чтобы она заказала такую же из бархата, а отделку перешила бы на новую. Все равно мне в Мюнхене придется носить. Боюсь только, что цвета мама не выберет. Дай ей бархатное серое платье, чтобы бархат был такого цвета.

Да, еще: если Ты будешь в кустарной и случайно увидишь какие подарочки, купи, а то я боюсь, что не успею купить ничего для Москвы. Но об этом не заботься; это если случится только.

Еще: я хотела поздравить с новым годом графинь[2] и Fr<l.> Шоль и не знала адрес. Пошли открыточки. Ничего, что опоздает.

[1] Датируется по содержанию (М.А. Сабашникова уехала из Петербурга в Москву 19 декабря 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 170).

[2] Видимо, Сабашникова все же не успела отправить графине фон Калькройт и Софи Штинде новогоднее поздравление; о возможном приезде ее и Волошина в Мюнхен обеих информировала Минцлова – скорее всего в начале 1907 г. (ср. примеч. 3 к п. 303).

«Я написала на днях Frl. Stinde, – сообщала Минцлова Сабашниковой 9 января 1907 г., – сказала, что Вы собираетесь в Мюнхен, а сегодня утром, *до* получения Вашего письма как раз, сидела и строчила письмо Доктору на своем удивительном старо-немецком языке, с новейшими и грубейшими ошибками». С. Штинде не медля откликнулась на письмо Минцловой. «От Frl. Stinde я получила большое радостное, *прекрасное* письмо, – писала Минцлова Сабашниковой 3 февраля 1907 г. – Она страшно радовалась, что Вы приезжаете, хотела очень дешево устроить Вас в Мюнхене и мечтала, что Вы в апреле напишете портрет Доктора, к Конгрессу.. Но все это, конечно, планы и мечты...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 87, л. 98 об., 100–100 об.).

Получив письмо Минцловой, Паулина фон Калькройт ответила Сабашниковой 22 января / 5 февраля 1907 г.: «Мы неописуемо рады, что вы оба приедете, и мы хотим, насколько это в наших силах, обеспечить вас всем, что требуется: жильем и т.д. Пожалуйста, сообщите нам дружески и *в любое время* ваши пожелания. Моя приятельница сердечно приветствует вас, и мы с радостью ожидаем Вашего прибытия. <...> До 1 апреля мы подыщем, по указаниям Анны Рудольфовны, мастерскую с комнатой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 79; в оригинале на немецком языке; под письмом подписалась и С. Штинде).

314. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18 декабря 1906 г. Мустамяки

Понедельник.

Милый мальчик мой, сейчас я ездила с Постаковым на станцию и получила Твои письма от воскресенья и субботы.[1]

(Постаков этот, японский брат Акимовой, помнишь, она была в Париже и не знала, жив ли ее муж, кот<орый> в Порт-Артуре). Мне стали так невыносимы все пансионеры, что даже он, только п<отому>, ч<то> он говорит о Париже, стал мне мил. Впрочем, это неважно.

Твои стихи мне нравятся очень, кроме некоторых мест.

Мне нравится «слепой двойник» и «дымный лик», но не нравится «редко кажет», не лучше ли, чтоб он никогда не казал его.

Очень нравится «Пленный», но не нравится «мысль рванулась». Вообще второе четверостишие мне не очень нравится.

А это очень хорошо: «О, пламень черный, пламень древний».

И все это четверостишие.

Мне не нравится «носитель мне невнятных грез», это как-то банально сравнительно.

Вот, что чудно:

С какой покинутой вселенной
Ты тайны душные принес.

и последняя строфа.

«Стучит-бежит» мне не нравится, п<отому> ч<то> есть песня

Стучит-гремит, стучит-гремит.
Пан спать не дает.[2]

Отчего Ты не намекнул на его заклятие видеть солнце. Не нравятся мне некоторые повторения: двойник, пленный, огонь и пламень.

Я бы хотела, чтобы это стихотворение было полнее и короче. Чтобы кровь знала больше, чем Ты, и говорила.

«Кровь говорит».

Боюсь, что в Мюнхене не будет той атмосферы, кот<орая> так чудно влияет на Тебя. По поводу Твоего фельетона об «Яри». Хорошо было бы Тебе издать книжечку, в кот<орой> были бы 7 портретов. Вяч<еслав> Ив<анов>, Кузмин, Городецкий, Брюсов, Бальмонт, Ремизов и, м<ожет>

б<ыть>, Блок или Белый. Ты бы написал очерки, привел лучшие стихи, и портреты можно воспроизвести. Вяч<еслава> Ив<анова> – Сомова;[3] Бальм<онта> – Серова,[4] Кузм<ина> – Сомова[5], моего будущего Город<ецкого>[6]. Белого – Бакста....[7] моего Ремизова.[8] Мне кажется, что это была бы цен<н>ая книжечка. В ней есть необходимость, и в переводе для немцев и французов она имела бы значение. Сделай это.

Вчера мы все поехали вечером на спектакль, в кот<ором> участвовала кухарка наша. Я Тебе расскажу. Забавно. Потом мы все поехали ужинать к Джиральдони – брат тенора,[9] у него красавица жена. Но это такая вульгарность, тупость и животность. Был один остряк, от смеха кот<орого> я совершенно увяла. У меня было почти физическое чувство задыхания, когда гаснет свечка от недохвата кислорода. И я так тосковала. Всякий мужик лучше этого типа!

Мой рассказ сделан, его нужно только исполнить на бумаге, но уже звук всех слов есть.[10]

Помести его фельетоном в «Русь».[11]

Это на злобу дня и написано очень просто.

Вся джиральдоновская компания здесь, и сейчас мы будем обедать. Ненавистные, о ненавистные!

Я хотела еще Тебе сказать: мне не нравится «Звезда-полынь» – название. Это нелепо; точно звезда называется полынью или полынь звездою, это нехорошо.[12]

Я начинаю думать, что мне необходимо видеть Кудрявцева. У меня бок болит все сильнее, и это действует на дух.

Спроси Анну Руд<ольфовну>, можно ли это устроить на этих днях.

Целую Тебя, милый мой.

Как я счастлива Тобой.

[1] Имеются в виду п. 310 и 312.

[2] Сабашникова неточно цитирует песню странников из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Крестьянка», 1874). У Н.А. Некрасова:

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает

(*Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 5. С. 136). Поэт использовал здесь русскую народную песню (позднее засвидетельствованную – в различных вариантах – в сборниках П.В. Шейна и А.И. Соболевского).

[3] Портрет В.И. Иванова был написан К.А. Сомовым в 1906 г. Впервые: Золотое Руно. 1907. № 3.

[4] Имеется в виду известный портрет Бальмонта (с красной гвоздикой в петлице), написанный В.А. Серовым в 1905 г. (впервые: Золотое Руно. 1906. № 1).

[5] К.А. Сомов написал портрет Кузмина в апреле 1906 г.

[6] В январе-феврале 1907 г. Сабашникова действительно предполагала написать портрет С.М. Городецкого. «Пишу Кузмина и буду писать для Вяч<еслава> Ив<ановича> Городецкого, – сообщала она А.Р. Минцловой 6 февраля 1907 г. – Мы придумали изобразить его обнаженным с цевницей. "Так заказывают надгробный памятник", – сказал мне Вяч<еслав> Ив<анов>» (ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 342, л. 3). Замысел портрета, как и тот факт, что он обсуждался несколькими лицами, вызвали явное неудовольствие Городецкого. «Условия ставил, с одной стороны, исходя из некоторой странности Вашего замысла, – писал Городецкий Сабашниковой 12 февраля 1907 г., – с другой стороны, считая, что портрет есть либо дело одного художника, либо художника и позирующего, но никак не целого селения, хотя бы и дружественного. Как видите, они имеют не случайный, а принципиальный характер» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 68). В результате портрет так и не был написан (о сабашниковском портрете М.А. Кузмина, выполненном в феврале 1907 г., см. примеч. 8 к настоящ. письму).

[7] Портрет Андрея Белого, выполненный Бакстом, известен в двух вариантах: первый (погрудный) относится к декабрю 1905 г.; второй (во весь рост) – к февралю 1906 г. (впервые: Золотое Руно. 1907. № 1). Первый хранится ныне в Государственной Третьяковской галерее, второй – в Государственном литературном музее.

[8] Первые сабашниковские наброски к портрету Ремизова относятся, по-видимому, к осени 1906 г. В январе 1907 г. – в связи

с результатами конкурса (см. примеч. 14 к п. 299) – Н.П. Рябушинский заказал ей для «Золотого Руна» два портрета – А.М. Ремизова и М.А. Кузмина. «Сабашниковой Рябушинский заказал портреты Ремизова и меня», – отметил Кузмин 19 января 1907 г. (Дневник 1905–1907. С. 310). Портрет Ремизова был выполнен к началу февраля 1907 г. «Я закончила портрет Ремизова», – сообщала Сабашникова А.Р. Минцловой 6 февраля (ИРЛИ, ф. 607, ед. хр. 342, л. 2 об.). «Я рисовала углем Ремизова, – вспоминала она впоследствии, – кутающегося в свой платок, с его висячими чертиками на заднем плане – в манере натуралистического гротеска; Кузмин стилизован под фаюмский портрет. Оба рисунка в натуральную величину удались, но Вячеслав Иванов слишком носился с ними, показывал всем, когда они еще не были закончены, и говорил такие громкие слова, что мне стало невмоготу и один рисунок я почти насильно у него отняла» (Зеленая Змея. С. 157).

Завершив портрет Ремизова, Сабашникова приступила к работе над портретом Кузмина. «После обеда пошел к Ивановым, – записал в дневнике Кузмин 7 февраля 1907 г., – за столом было шумно и весело, потом Сабашникова рисовала меня с голой шеей, грецизированного» (Дневник 1905–1907. С. 318). Работа над портретом продолжалась приблизительно две недели. «Марг<арита> Вас<ильевна> кончила мой портрет...», – отметил Кузмин 22 февраля 1907 г. (Там же. С. 324).

В конце февраля 1907 г. Волошин отвез оба портрета в Москву и показал их Рябушинскому, которому они решительно не понравились. «Знаете, эти портреты меня не удовлетворяют художественно, – заявил Рябушинский. – Они совсем не подходят к моей коллекции. В них нет красок. <...> Это только внешнее сходство» (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 253). Портрет Ремизова не понравился и Сомову (см.: Дневник 1905–1907. С. 320; запись от 11 февраля 1907 г.). В «Золотом Руне» (1907. № 7–9) появился портрет Ремизова работы Б.М. Кустодиева.

Сабашниковский портрет Ремизова был воспроизведен в первом томе «Сочинений» Ремизова (СПб.: Шиповник, 1910). Оригинал долгое время находился в Москве (у родителей Маргариты Васильевны), позднее – в собрании Э.Ф. Голлербаха, предлагавшего его в 1936 г. в Литературный музей (см.: РГАЛИ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 3043, л. 1). Ныне – в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Местонахождение портрета М.А. Кузмина до настоящего времени не выявлено.

[9] Имеется в виду Марио Джиральдони, брат Эудженио Джиральдони, неоднократно гастролировавшего в России (Москва, Одесса, Киев). С Россией были тесно связаны и родители Марио и Эудженио. Их мать, итальянская певица (сопрано) Каролина Джиральдони (урожд. Ферни; 1839 или 1841–1923), переселилась в начале 1890-х гг. в Петербург, где давала частные уроки; в 1895–1921 гг. – профессор Петербургской консерватории; в 1921 г. вернулась в Италию. Ее муж, Леоне Джиральдони (1825–1897), итальянский певец и вокальный педагог, преподавал в 1891–1897 гг. пение в Московской консерватории.

[10] См. примеч. 2 к п. 305, п. 309 и 311.

[11] В газете «Русь» ни одно из произведений Сабашниковой не появилось.

[12] Волошин остановился на названии «Полынь».

315. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

18 декабря 1906 г. Санкт-Петербург

Понедельник.

Милая моя, милая моя девочка, я что-то тебя жду не дождусь. Одно за другим пришли твои два письма.[1] Как, ты возмущаешься на мою кражу? Разве не во всех стихах моих ты оплодотворяла меня. Но я нашел тело для них. Почему тебе не нравится «горькая душа тоскующей полыни»? Эти строки больше всего понравились Вячесл<аву> Ив<анову>. Вторую строфу я исправил (т.е. восстановил в своем первон<ачальном> виде) так:

В гранитах скал надломленные крылья,
Под бременем холмов изогнутый хребет.
Земли отверженной застывшие усилья
Уста Праматери, которым слова нет.[2]

А то, что *«ты»* – «дитя ночей призывных и пытливых», я, право, не знал, честное слово, ты мне никогда этого не говорила. И я согласен только на то, что оба мы «два глаза, развернутые в ночи».

В конце тоже изменение – не в *полночной*, а в *рассветной* тишине.[3]

Твои стихи о Бальмонте мне, к сожалению, не нравятся. Первый, старый вариант, гораздо лучше.[4]

Сегодня у меня будут гости. И они скоро уже придут. Марг<арита> Алекс<еевна> придет обедать. Будет Ремиз<ов>, Куз<мин> и Вяч<еслав> Иван<ов>.[5]

Утром у меня был сегодня Валер<иан> Вяземский. Я ему проповедовал оккультизм, и он слушал с большим интересом и принимал.

Мне очень радостно его видеть и спокойно говорить. Он шесть лет не был в Европе — шесть лет жил лицом к лицу с пустыней. Как мне хочется, чтобы ты его увидала.

Вчера я обедал у Сувориных. Они очень ждут тебя. М<ada>me Суворина мне говорила: «Ну, знаете, Ваш фельетон возбудил такие страсти, что если б Вы прошлое воскресенье Вы бы <*sic!*> пришли к нам, то я не ручаюсь, что бы Вас не побили. Теперь только об нем и говорят. И театральные рецензенты в полном составе считают себя лично оскорбленными им. А мне и Алек<сею> Алек<сеевичу>[6] он очень нравится».[7]

Мне Косоротов на днях показывал театральн<ую> газетку какую-то, в которой меня кто<-то> разносил за этот фельетон с пеной у рта — называл тупоумным писанием, в котором нет ни одной здравой мысли.[8] И в конце с негодованием спрашивал: «Значит, г<осподи>н Волошин утверждает, что Пушкин — невежда? Мы ведь никаких снов не видели, читая Пушкина».[9]

Все-таки, я не мог себе никак представить, что я лично оскорблю им стольких людей. Это убеждает меня в действительной оригинальности и верности моей мысли.

Милая моя, милая моя девочка, я тебя страшно люблю. Страшно. Мне хочется обниматься и целоваться. Милая, милая, милая моя.

Вчера я очень много и долго объяснял Мар<гарите> Алекс<еевне> и Нине Вас<ильевне> о кровосмесительстве, и им очень понравилось. Я читал им «Эрос» с комментари-

ями,[10] и Нин<а> Вас<ильевна> хочет купить себе. Мар<гарита> Ал<ексеевна> была в восторге.

Вчера вечером я был у Розанова. Поднял вопрос об Иуде. Был очень шумный спор. На моей стороне были Розанов и Ремизов. Против Григ<орий> Петров.[11] У Ремизова есть легенда о таком Иуде.[12]

Много говорил с Нувелем о Кузмине и с Бердяевым о мистике.

[1] П. 309 и 311.

[2] Именно в таком виде эта строфа стихотворения «Полынь» публикуется до настоящего времени во всех изданиях (см.: Т. 1 наст. изд. С. 88).

[3] В окончательной редакции: «полночной» (Там же).

[4] См. примеч. 5 к п. 309.

[5] Ср. в дневнике Кузмина: «После обеда пошел к Волошину, там были Ремизовы, Минцлова, Евреинов, еще разные люди, я читал стихи, читали новые стихи Бальмонта, очень слабые» (Дневник 1905–1907. С. 288; запись от 18 декабря 1906 г.). Евреинов идентифицируется в данном издании как Н.Н. Евреинов; в действительности – Н.В. Евреинова.

[6] А.А. Суворин.

[7] Речь идет о статье Волошина в «Руси» (см. примеч. 9 к п. 296 и п. 298).

[8] Имеется в виду статья: *Бодрствующий зритель*. Давайте спать в театре! // Обозрение Театров. 1906. № 29. 11 дек. С. 8. Статья Волошина в «Руси», – утверждал автор, – «шедевр какого-то тупоумия» (С. 8).

[9] Этих слов в газетной статье нет.

[10] Сборник Вячеслава Иванова «Эрос».

[11] Речь идет об Иуде Искариоте. Разделяя «еретические» толкования этого библейского образа, Волошин был склонен расценивать предательство Иуды как «жертву» и «подвиг». «Иуда, сохранившийся в учениях офитов, каинитов и манихеев, – утверждал Волошин в статье "Некто в сером" (1907), – является самым высоким, самым сильным и самым посвященным из учеников Христа» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 173). Сопоставление Иуды и Христа венчает волошинский трактат «Пути Эроса» (1907): «Иуда должен предать Христа, чтобы Христос мог умереть и воскреснуть. В каждом человеке живет Христос и Иуда, и в каждом человеке Иуда приносит в жертву Христа, плоть предает Эроса, и только благодаря ей Эрос – Христос может воскреснуть» (см. Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 235). Эта тема волновала Волошина

и позднее. В 1919 г. он написал стихотворение «Иуда-апостол» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 359–360, 555–556; коммент. В.П. Купченко). Сохранилась также (не увидевшая свет при жизни Волошина) статья «Евангелие от Иуды» (предположительно 1908 г.), впервые опубликованная В.П. Купченко (Наука и религия. 1992. № 2. С. 16–19. См. подробно: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 586 – 594; 927–930, коммент. А.В. Лаврова).

Образ Иуды был подвергнут своеобразному осмыслению и в трудах Штейнера (см.: примеч. 6 к п. 459, п. 460 и примеч. 7 к п. 481).

[12] Имеется в виду поэма Ремизова «Иуда» (1903), впервые опубликованная в альманахе «Воздетые руки. Книга поэзии и философии» (М.: Орифламма, <1908.> С. 6–21) и одновременно – в кн.: *Ремизов А.М.* Чортов лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэмы. СПБ.: EOS, 1908. С. 295–309 (впоследствии поэма печаталась под заглавием «Иуда-Предатель»). Кроме того, перу Ремизова принадлежит «Трагедия о Иуде принце Искариотском», написанная в 1908 г. (впервые, с приложением апокрифа «Сказание о Иуде Предателе»: Золотое Руно. 1909. № 11–12. С. 15–50).

О параллельном освоении темы «Иуда» Леонидом Андреевым, Волошиным и Ремизовым и различии их интерпретаций см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб.: Скифия; издательский дом «ТАЛАС», 2004. С. 138–145; См. также: *Розанов Ю.* Иуда Искариот в трактовке Алексея Ремизова // Библейские мотивы и образы в русской литературе. Вологда, 1995. С. 43–51; *Иезуитова Л.А.* Три Иуды в русской литературе Серебряного века // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века. Избранные труды. СПб.: Петрополис, 2010. С. 431–447.

316. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

19 декабря 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Милая моя девочка, я тебя жду не дождусь. Жизнь моя так закрутилась, что вот уже три дня я не работаю, не пишу. Это меня очень огорчает. Так что у меня даже рождается мысль поехать вместе с тобой на праздники в Москву и, никому не давая знать о своем существовании, сидеть и работать в маленькой комнатке наверху. Здесь меня совсем затормошили. Сегодня с утра: я завтракал у Нин<ы> Васил<ьевны>, провожал Марг<ариту> Алекс<еевну> на поезд. Потом был у

Косоротова, у Сокологорской – моей старой знакомой, которая мне написала на днях. А сейчас надо ехать к Каменской. Ан<на> Руд<ольфовна> сказала, что это необходимо. Она будет читать там сегодня.

А потом вечером мне надо еще к Кузмину, где Ремиз<ов> будет читать свой премированный рассказ о Черте.[2]

Вчера был смотр поэтов для Марг<ариты> Алек<сеевны>. Прежде всего, неожиданно во время обеда приехал Сологуб. Был недолго. Спрашивал о тебе и жаловался, что ты до сих пор не была у него.

Потом прибежал Городецкий сверху с кипящим самоваром. Был Кузмин, Ремизовы и Вяч<еслав> Ив<анов>.[3] Ремизов и на Ек<атерину> Ал<ексеевну>,[4] и на Н<ину> Вас<ильевну> произвел страшное впечатление. Он читал «Иродиаду» и «Илью Пророка».[5]

Сидели до 11 час<ов> веч<ера>.

Кузмин читал новый роман в стихах в стиле «Любви этого лета» – герой его Судейкин и любовь к нему Кузмина.[6] Это очень, очень хорошо. Марг<арите> Алекс<еевне> очень понравилось. Но она, конечно, не догадалась, что это посвящено Судейкину.

В 11 час<ов> мы все – т.е. Вяч<еслав> Ив<анов> и Ремиз<овы> – пошли к Тырковой,[7] где должно было происходить знакомство наше с политическими деятелями: там были Гредескул, вице-презид<ент> Думы, и Жилкин.

Были очень интересные и остроумные прения о политике. И я могу похвастаться – я имел бурный успех – после одного моего возражения Жилкину мне все стали аплодировать – и он сам тоже. Хотя это была простая беседа за столом. И Жилкин, и Гредескул нас би<си>ровали, так что Бердяев, выйдя на улицу, кричал: «Необходим блок мистиков с трудовиками».[8]

Вернулся в 4 часа утра.

Нет, моя девочка, это все страшно интересно и увлекательно, но мне хочется работать; а это и вдохновляет, и страшно мешает.

Я, верно, с тобой поеду, тем более что мне мало 3-х дней быть с тобой. А Мар<гарита> Алек<сеевна> говорит, что приезда нашего страшно на Поварской[9] все ждут и жаждут.

До свиданья, милая, милая, милая моя...

Сегодня на заседании, может, увижу Кудрявцева и поговорю с ним тогда.

[1] Датируется по содержанию (упоминание об отъезде М.А. Сабашниковой).

[2] Имеется в виду рассказ Ремизова «Чертик» (см. примеч. 14 к п. 299 и п. 317).

[3] Кроме перечисленных лиц на обеде, устроенном в честь М.А. Сабашниковой, присутствовали также А.Р. Минцлова и Н.В. Евреинова (см.: Труды и дни-1. С. 170). Ср. примеч. 5 к п. 315.

[4] Явная описка Волошина (Е.А. Бальмонт находилась в это время в Париже). Имеется в виду Маргарита Алексеевна.

[5] См. примеч. 8 к п. 301 и примеч. 7 и 8 к п. 302.

[6] «Любовь этого лета» – цикл стихов Кузмина (июнь-август 1906 г.), опубликованный в журнале «Весы» (1907. № 3. С. 10–20) и посвященный П.К. Маслову. Ср. примеч. 12 к п. 276. Дружба Кузмина с Судейкиным нашла отражение в стихотворном цикле «Прерванная повесть» (ноябрь 1906 – январь 1907 г.); впервые: Белые ночи. Петербургский альманах. <СПб.>, 1907. С. 209–219.

[7] «Я вижусь довольно часто с Ариадн<ой> Владимир<овной> Тырковой, которая живет очень близко от нас», – рассказывал Волошин А.В. Гольштейн в письме от 31 декабря 1906 г. (Т. 9 наст. изд. С. 272). Знакомство Волошина с А.В. Тырковой состоялось, по-видимому, в Париже весной 1906 г. (Тыркова присутствовала на 4-м Конгрессе Федерации европейских секций Теософского общества).

[8] Трудовики или Трудовая группа – политическое объединение (народнического направления), сформировавшееся в апреле 1906 г. внутри Первой Государственной думы. Основу организации составляли учителя, адвокаты, врачи и т.п. Объединение просуществовало до 1917 г.

[9] На Поварской улице в доме графини Милорадович находилась квартира родителей Сабашниковой (см. примеч. 1 к п. 13).

317. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

20 декабря 1906 г. Санкт-Петербург[1]

Милая моя девочка,

Послезавтра ты, значит, приедешь. Это мое последнее письмо, следовательно, которое ты сможешь получить.

Вчера я познакомился с Кудрявцевым, и мы условились, что я приду к нему в субботу утром, чтобы поговорить и познакомиться. Я просил позволения прийти вместе с тобой. Я ничего не *говорил* ему о том, что ты больна. Тогда, когда мы с ним познакомимся, – будет видно.

Он мне очень понравился лицом. Но в манерах и словах есть некоторая елейность. Ее значения я еще не понимаю.[2]

Я видел его на теософском собрании у Каменской.[3] Там было душно и торжественно. Все молчали или говорили шепотом. Мне ужасно хотелось сделать несколько скандальных парадоксов, но я удержался.

Потом был у Кузмина. Ремизов читал о Черте.[4] Это поразительно хорошо, глубоко и сильно. Он хрипел, читая. Т<ак> к<ак> (я поз<а>был тебе это написать), когда накануне был смотр поэтов в честь Мар<гариты> Алекс<еевны>,[5] у нас была такая стужа и ветер в комнате: был мороз и ветер прямо в окно, что мы все сидели в шубах, пледах и калошах. Вяч<еслав> Ив<анов> старался спасти положение тем, что уверял, что у нас очень уютно-холодно. Я давал Марг<арите> Алекс<еевне> честное слово, что это в первый раз у нас так случилось, но едва ли она этому поверила...

Я надеюсь, что ты мне напишешь еще точный час твоего приезда, чтобы я выехал тебя встретить.

Я решил ехать с тобой в Москву, чтобы там работать, а то вон я даже статьи об «Эросе» все не могу написать.[6]

На днях Вяч<еслав> Ив<анов> мне сказал: «Вы знаете, что M<ademoise>lle Герцык очень близкая мне душа, которая написала такую превосходную статью о “Тантале”.[7] Вы ее видели у Бердяевых. Она мне, уезжая, неожиданно дала завет – культивировать дружбу с Вами. Что это для меня очень полезно. Я ее мнение очень ценю и уважаю».

Я ужасно горжусь этим.

Милая моя девочка, мне страшно хочется быть с тобой. Это как-то последние дни возникло бессознательно. Я ночью, проснувшись, тебя во сне руками ищу. Мне хочется прижаться к тебе, трогать тебя. Волосы твои гладить, ножки твои целовать. Милая моя девочка.

Скоро ли ты приедешь?

[1] Основание для датировки: Труды и дни-1. С. 171.

[2] Ср. с отзывом А.К. Герцык: «Из Кудрявц<ева> струятся потоки любви, и всякий, кто подойдет, ощущает их на себе...» (из письма к В.С. Гриневич от 9 февраля 1908 г. // Сестры Герцык. С. 104).

[3] Волошин посетил «теософское собрание» у А.А. Каменской вместе с Минцловой (см.: Труды и дни-1. С. 170).

[4] Ср. запись в дневнике Кузмина от 19 декабря 1906 г.: «Был Блок, Ремизов, Бакст, Нувель, маленькие студенты. <...> Ремизов читал своего "Черта". Гофман принес "Ярь". Бакст был обычно бестолков» (Дневник 1905–1907. С. 289).

[5] См. примеч. 4 к п. 311, п. 312 и 315.

[6] Имеется в виду, скорее всего, статья Волошина об «Эросе» В. Иванова, завершенная, по-видимому, около 20 декабря (см. примеч. 4 к п. 305). Одновременно Волошин обдумывал и готовил (возможно, для альманаха «Факелы») реферат «Пути Эроса (Мысли и комментарии к Платонову "Пиру")», дважды обсуждавшийся на «башне» (в ночь с 14 на 15 февраля и 24 февраля 1907 г.) и прочитанный 27 февраля 1907 г. в Московском Литературно-художественном кружке (текст доклада впервые опубликован в 1999 г.; см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 208–235; 825–837, коммент. А.В. Лаврова). См. также примеч. 6 к п. 318.

[7] *Герцык Е.* О «Тантале» Вячеслава Иванова // Вопросы жизни. 1905. № 12. С. 163–175. «Тантал» – трагедия В.И. Иванова (1904), первая часть задуманной драматической трилогии (замысел осуществлен не полностью), опубликованной в альманахе «Северные цветы ассирийские» (С. 200–245).

1907

318. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

26 февраля 1907 г. Санкт-Петербург[1]

Понедельн<ик>.

Мой милый, милый, как все хорошо! Все совершенно ясно и хорошо. Ночь, проведенная с Лидией, ужасно много выяснила и для меня самой, и для нее и, думаю, для него. И Ты должен быть совершенно спокоен, п<отому> ч<то> я совершенно свободна. Ничто, ничто не нарушает этой моей свободы. Да, теперь последняя неуверенность прошла. Она меня поняла до конца, я – ее. Ему я объясняла себя. Он, кажется, еще не верит, что во мне нет того, чего он желает, но он поверит, и он примет, и все будет хорошо. Спали мы, конечно, мало. Говорили и ели, спали и опять говорили, и опять ели.

Я чувствую себя бодрой. Утром получила отчаянное письмо от Нины; ей хуже, был припадок. Но это ведь и должно быть. После первых разов болезнь обостряется. Сегодня придет ко мне Юшкова, чтобы все рассказать. Юшкова думает, что приемы Анны Руд<ольфовны> ей удаются, а для Нины ее присутствие мучительно. Скажи это Анне Руд<ольфовне>. Прошу ее дать мне указания и благословить меня быть при Нине в эти часы.[2]

Правда же, мне кажется, я буду спокойна и сильна.

Мама веселенькая.[3] Мы только что позавтракали; я жду ее «пользовать», а потом Вяч<еслав>, у кот<орого> болит зуб. Он пишет статью. Она очень хороша.[4]

Я могла бы написать Тебе массу, но очень спешу.

Целую Тебя, родной мой, мой милый. Милый, Миша-Мишута,[5] милый! Очень, очень жду письма Твоего.

Надеюсь, что наши не пошли на Твою лекцию.[6] Целуй их от меня крепко.

Христос с Тобой, мой мальчик.

Как хорош наш союз. Как хороша жизнь.

Твоя Аморя.

[1] Датируется по содержанию (упоминание о лекции Волошина).

[2] Речь идет о психической помощи, в которой нуждалась тогда Н.В. Евреинова и которую ей пытались оказать методами оккультной терапии (гипнозом, внушением, накладыванием рук и т.д.), с одной стороны, – К.Д. Кудрявцев, с другой, – А.Р. Минцлова, выступавшая, как ей было свойственно, в роли всеведущей целительницы и охотно делившаяся своим «знанием» и «опытом» с Н.А. Юшковой и Сабашниковой (которую она также стремилась «курировать»).

«Я написала Н<аталье> А<лександровне> подробно обо всем этом, – сказано в одном из писем Минцловой к Сабашниковой того времени, – стараясь не оскорблять ее и даже приласкать ее и успокоить. Хорошо было бы, если бы она дала Вам прочесть мое письмо к ней, мне трудно помнить то, что пишу я. Я думаю, что она *может* многое давать Нине впоследствии своей любовью безграничной.

Что касается Вас, дорогая, – следуйте *пока* указаниям Кудрявцева. Но не утомляйте себя, слыщите?! Не напрягайтесь, не тратьте сил. И если бы Вы начали помогать Нине – тогда оставьте Елену Отт<обальдовну>.

Вегетарианствовать Вам *нельзя* начинать сейчас. И я лично – *кроме Нины* – я не хотела бы, чтобы Вы теперь, сейчас тратили силу свою. Вы живете в *очень* насыщенной ароматами и ядами атмосфере. Об этом Кудр<явцев> не имеет представления. Моя девочка, не тратьте слишком много сил; берегите себя, свои физические силы. Моя рыбка золотая, моя звездочка, жемчужинка, радость моя – – –» (РГБ, ф. 109, карт. 30, ед. хр. 4, л. 6–6 об.; лист ошибочно помещен среди писем Минцловой к В.И. Иванову за февраль-октябрь 1908 г.).

27 февраля 1907 г. Минцлова писала Сабашниковой (в Петербург из Москвы): «Теперь о Нине. Дорогая, я думаю, Вы можете помочь ей. В Вас есть близость крови с Ниной, родство физическое и (отчасти) духовная близость. И затем, что *очень* важно, – в Вас та же сила, что в Кудр<явцеве>, и, действуя на Нину, Вы будете продолжать его влияние, действовать однородно, однострунно с ним. Те приемы, что я дала Н<аталье> А<лександровне>, – я думаю, Вам излишни сейчас, т<ак> к<ак> моя сила – *иная*, чем у Кудр<явцева>,

и вместе мы, вероятно, действовать не должны. Я думаю, как это пишет Н<аталья> А<лександровна>, что те приемы, которые я указала ей, – верны. <...> Н<аталья> А<лександровна> пишет мне, что она припомнила мой способ, дунула Н<ине> В<асильевне> в глаза, как я показала ей, – хотя, пишет она, "это казалось мне кощунством, дуть в эти святые глаза"... Я вся затрепетала от гнева и негодования при этих словах, показывающих *полное* незнание тех сил, что живут и властвуют над человеком» (РГБ, ф. 109, карт. 31, ед. хр. 8).

Однако манипуляции и «приемы» Минцловой, усвоенные Н.А. Юшковой, оказывали на Н.В. Евреинову, скорее, негативное воздействие. «Милая Маргоря, я к тебе за советом: продолжать ли мне лечение у Кудрявцева или бросить, – писала Н.В. Евреинова Сабашниковой. <...> – У тебя сегодня к 5-ти ч<асам> будет Нат<алья> Алекс<андровна>. Она хотела от себя зайти к тебе рассказать тебе обо мне. Хотела тебя, дорогая, предупредить только на счет того, что Нат<алья> Алекс<андровна> думает, что *помогает* мне приемами Минсловой, но это неверно, на меня все манипуляции надо мной действуют удручающе, но я не могу этого ей сказать. Посоветуй ей от себя этого не делать, ведь и ей это вредно, только сделай это от себя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 74, л. 9; письмо не датировано; написано, судя по содержанию, в тот же день, что и письмо Сабашниковой к Волошину – т.е. 26 февраля 1907 г.).

[3] Имеется в виду Е.О. Кириенко-Волошина.

[4] Речь, по всей видимости, идет о статье В.И. Иванова, озаглавленной «О веселом ремесле и умном веселии» (Золотое Руно. 1907. № 5. С. 47–55). 14 апреля 1907 г. Иванов, опираясь на уже полностью завершенную к тому времени статью, читал на Высших Женских историко-литературных курсах Н.П. Раева лекцию «Пути и цели современного искусства» (в п. 348 Сабашникова указывает другое (видимо, первоначальное) название лекции: «Задачи современного искусства»). См. также примеч. 3 к п. 345 и примеч. 4 к п. 352.

[5] Прозвище Волошина, данное ему Сабашниковой. Ср. в дневниковой записи Волошина от 6 марта 1907 г., запечатлевшей его разговор с Маргаритой в квартире Ивановых: «Макс... Милый Миша-Мишута... Ведь ничто не изменилось между нами. Я только теперь полюбила тебя. И я тебе делаю больно с полной уверенностью, что так надо. Я не боюсь тебе делать больно, Макс. Я еще больнее буду тебе делать. Ты должен воплотиться, Макс» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 258). См. также п. 345.

[6] Имеется в виду доклад «Пути Эроса», прочитанный Волошиным 27 февраля 1907 г. в московском Литературно-художественном кружке (см. примеч. 6 к п. 317). Сделанное как бы «вскользь», заме-

чание Сабашниковой свидетельствуют о ее скептическом отношении к волошинскому осмыслению Эроса; в своих воспоминаниях она утверждает, что именно этот реферат стал вехой, определившей ее внутреннее отдаление от Волошина: «После доклада Макса об "Эросе" <...> с которым я в глубине души не могла согласиться, я открыла, что не могу больше о себе и Максе сказать "мы"» (Зеленая Змея. С. 161).

319. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

16 марта 1907 г. Санкт-Петербург[1]

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный ток... А я –
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вещих звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день – смотри...
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.[2]

Четверг. Ночь.

Иван<овых> дома еще нет.

[1] Открытка (почтовый штемпель: Царское Село 17.03.07), написанная вечером 16 марта или «в ночь» с 16 на 17 марта 1907 г. и отправленная в Царское Село, куда в тот день уехала из Петербурга Сабашникова (в Свято-Троицкую санаторию).

[2] Впервые: Белые ночи. Петербургский альманах. С. 194. Вошло в книгу «Стихотворения. 1900–1910» (в составе посвященного Сабашниковой цикла «Amori amara sacrum», с изменением одного слова: вместо «вещих звезд» – «вечных звезд»).

320. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18 марта 1907 г. Царское Село[1]

Утро воскресе<нья>.

Мой мальчик милый, я перечитываю Твои стихи. Они очень, очень, очень хороши. Очень трагичны.

Они нравятся мне больше всех Твоих стихов. Но знаешь ли, что Ты плохо их читаешь. Твои стихи много теряют в Твоем чтении.

Пиши мне каждый день, как мы условились. Что было вчера, когда мы уехали?[2] Говори о себе больше. Не бойся ничего разрушить. Пусть все, что можно разрушить, разрушается. Все случайное, все навязанное пусть разрушается. Мне ничего не жаль.

Мой мальчик, мой маленький мальчик, уткнись мне в плечо. Благословенно все, что было, и благословенно все, что будет.

Не думай, не придумывай, ничего не решай, не строй теорий. Тебе очень больно, мой мальчик; вчера я ничего не чувствовала. Не чувствовала Тебя.

Сегодня я с Тобой, и мне радостно, несмотря на боль, несмотря на разлуку.[3] Пугает меня большое расстояние, этот дикий Коктебель. Но это слабость. Нет, меня ничего не пугает.

Мой мальчик милый, с бедными глазами. Мой мальчик любимый с бедным взглядом, с радостным взглядом. Пиши мне все. Не бойся, пиши всегда все.

Целуй наших, целуй Анну Руд<ольфовну>.

Какое дивное весеннее утро.

Я проснулась в 7 ч<асов> утра, п<отому> ч<то> в 11 уже спала. Я поправляюсь.

Целую Тебя, мой милый, милый.

Дитя; *Ты* мое дитя.

Твоя Аморя.

Пошли мне ножницы.

[1] Ответ на п. 319.

[2] Вероятно, Сабашникова имеет в виду: *...после того* как мы уехали.

[3] К середине марта 1907 г. Волошин принял решение на время расстаться с Сабашниковой и вернуться (вместе с Е.О. Кириенко-

Волошиной) домой в Коктебель. «Теперь я еду в Коктебель <...> и в конце марта буду у Вас, – сообщал он А.М. Петровой 12 марта 1907 г. – Еду с мамой. Марг<арита> Вас<ильевна> остается пока в Царском Селе, а после едет раннею весною в Смоленскую губ<ернию> к себе в деревню, где будет жить с Вяч<еславом> Ивановым и куда я приеду позже летом. В Коктебель она в этом году не решается приехать, т<ак> к<ак> и море, и ветер, и горы слишком тревожат ее и не дают покоя, и сейчас ей <это> не вынести. Я же жажду уединенной работы и горного одиночества» (Т. 9 наст. изд. С. 288; «к себе в деревню», т.е. в Богдановщину).

Однако, как явствует из дальнейшей переписки, события стали развиваться в ином направлении, и большинству намеченных планов не суждено было осуществиться.

321. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

20 марта 1907 г. Москва[1]

Милая Аморя! Пишу тебе в суете, т<ак> к<ак> в комнате Ольги Мих<айловны>[2] сидят четверо человек, и мама шумит и собирает вещи.[3]

Марг<ариту> Алек<сеевну> застал я больной, в постели, благодаря страшной головной боли уже третий день. Вас<илий> Мих<айлович> тоже хорош. Он тоже мечтает о Богдановщине и жизни там с тобой (это не с его слов, а со слов Ан<ны> Руд<ольфовны>). Ан<на> Руд<ольфовна> очень страдала всем тем, что было у нас еще до моего письма, но теперь успокоилась.[4] Она совсем потрясена тем, что Вячесл<ав> не вернул ей рукописи Шт<ейнера>[5], несмотря на ее просьбы. Это было страшно важно до полнолуния.[6] Она так потрясена этим, что я отправил Вячес<лаву> телеграмму с просьбой немедленно прислать рукопись (от моего имени).[7] Летом Анна Рудольф<овна> будет жить в деревне в Калужской губернии в 20<-ти> верстах от Вязьмы.[8] В августе хочет приехать в Коктебель.[9] Ляйза тоже собирается в августе в Коктебель. Она с горечью сказала: «Вот, кажется, первое расхождение Ваших вкусов с Аморей: Кокт<ебель> и Богдановщина». Когда я прочел ей стихи «Млечн<ый> Путь»[10],

она вдруг насторожилась и спросила: «Кому это посвящается: кому-нибудь или небу». Я поспешил ответить: «Небу».

Я страшно счастлив. Мы очень много еще говорили с Ан<ной>Руд<ольфовной>. Но я тебе напишу все из Коктебеля. Ан<на> Руд<ольфовна>, быть может, и не поедет в Мюнхен.[11]

В том, что Вячесл<ав> не прислал рукописи, для нее есть нечто невыразимо ужасно<е> – по отношению к нему. Пиши мне в Коктебель. А мои письма, значит, не раньше, чем через неделю, к тебе станут приходить – мы ведь три дня будем ехать в III классе.

До свидания, моя милая, милая девочка. Все очень тебя ждут в Москву на Пасху.

[1] Датируется по: Труды и дни-1. С. 169 (утром 20 марта 1907 г. Волошин приехал в Москву).

[2] О.М. Струкова.

[3] В квартире О.М. Струковой (Большой Левшинский переулок, д. 14) Волошин неоднократно останавливался в те годы. Он жил здесь, например, во время своего приезда в Москву в феврале-марте 1903 г. Осенью 1906 г. Волошин, его мать и Сабашникова обсуждали вопрос о возможности совместной жизни в Москве в квартире О.М. Струковой. «Да, по всей видимости, Вам в Париж не попасть, – писала Е.О. Кириенко-Волошина Сабашниковой 25 сентября 1906 г., – придется устраиваться в России и, как Макс пишет, поселиться всем вместе у Ол<ьги> Мих<айловны>. Значит, Вы раздумали переселяться в Питер? Мне лично все равно, где бы ни жить, лишь бы вместе с обоими Вами, и я уверена, что мы отлично заживем у Ол<ьги> Мих<айловны>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 81, л. 6–6 об.).

[4] Имеется в виду несохранившееся письмо Волошина к А.Р. Минцловой, в котором он сообщал о своем решении уехать в Коктебель. Волошину ответила Минцлова 14 марта 1907 г. Она пишет, что его письмо положило конец «тому невыносимому периоду "терзания вчетвером", который прошел теперь... Ваше решение – достойно Вас, Максимилиан. Оно – такое, *как должно быть*. Вы правы – во всем правы, совсем правы. Теперь я спокойна за всех вас четверых, и вся моя любовь и вера в вас всех – вернулась с новой силой и радостью. <...> Но сделайте *скорее* то, что Вы решили. Уезжайте с мамой поскорее в Коктебель. <...> Милый, милый мой, я люблю Вас, *я уверена*, что Вы найдете себя и жизнь Ваша не нарушена, а усилена, прояснена теперь. И с Аморей, разумеется, разрыва

или надрыва быть не может у Вас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 6–7 об.).

[5] Какую именно «рукопись Штейнера» передала Минцлова В.И. Иванову в январе 1907 г. перед своим отъездом из Петербурга в Москву, с точностью определить не удалось. Предположительно это были заметки Штейнера, посвященные книге «Свет на Пути» (см. примеч. 15 к п. 131). В письме к Иванову Минцлова писала в те дни: «Посылаю Вам с Марг<аритой> Вас<ильевной> маленькую рукопись, несколько страниц о "Licht auf den Weg". Если Вы приедете, привезите сами мне ее назад, если же Вам нельзя будет (почему-либо) – тогда пришлите» (РГБ, ф. 109, карт. 30, ед. хр. 1, л. 19 об.; письмо имеет помету «Пятница» – видимо, 26 января 1907 г.). Ср.: *Обатнин Г.* Иванов-мистик. С. 22, 183.

Заметки о книге «Свет на Пути» сохранились в записной книжке Штейнера за 1906 г. (см.: *Steiner R.* Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904–1914. Briefe, Rundbriefe, Dokumente und Vorträge. S. 180–188). Возможно, Штейнер переписал эти заметки для Минцловой в Берлине осенью 1906 г.

Рукопись была возвращена Минцловой в конце марта. «Дорогой мой, – писала она Волошину 25 марта 1907 г., – спешу уведомить Вас, что я рукопись от В<ячеслава>, наконец, получила вчера – с очень милой, светлой запиской... Но я чувствую сейчас, что все мои слова были бы для него "как трость, колеблемая ветром", о которой говорит Ев<ангелие> – – И потому я уведомила его о получении рукописи, написала несколько ласковых слов – и больше не буду писать...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 11; приведенная евангельская цитата – Мф. XI, 7).

Дальнейшие упоминания о «рукописи» см. в п. 323, 326, 328 и 332.

[6] См. примеч. 8 к п. 80.

[7] Эта телеграмма Волошина в архиве В.И. Иванова не сохранилась.

[8] «...Я уеду в Калужскую губернию, в деревню, к моей подруге (Дерюжинской), в начале мая, оттуда *очень* близко Вязьма, – сообщала Минцлова Волошину 15 апреля 1907 г. – Я пробуду там с месяц, чтобы отдохнуть, прийти в себя. <...> В начале июня – я могу приехать к Вам. Быть может, тогда Вы меня проводите назад, из Коктебеля в Богдановщину, а потом я уеду опять, туда, в Калужские леса и дебри» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 26–27). Однако в конце апреля Минцлова отправилась в Мюнхен (см. п. 355 и примеч. 1 к п. 357). Вернувшись в Москву, она вновь стала готовиться к отъезду. «Через 5–6 дней мне придется все же уехать в Калужскую

губ<ернию>, – пишет она Волошину 12 июня. – Я обещала давно туда ехать, и мне там *надо* быть. Напишите мне туда, голубчик. Адрес – самый невероятный: Калужской губ<ернии> Медынского уезда по Варшавскому шоссе почтовая станция *Крюковская* имение Сергиево Анне Федоровне Можаровой *для меня*. Я пробуду там месяц, буду очень много работать там, писать, переводить» (Там же, л. 35 об. – 36 об.). В Калужской губернии Минцлова провела пять недель (до конца июля 1907 г.); о предполагавшейся поездке в Богдановщину см. примеч. 4 к п. 324.

[9] Минцлова приедет в Коктебель около 20 сентября 1907 г. и пробудет там до второй половины октября.

[10] См. п. 319.

[11] Минцлова уехала в Мюнхен 28 апреля / 11 мая 1907 г. Она принимала участие в ежегодном (5-ом) Конгрессе Федерации европейских секций Теософского общества, проходившем с 5/18 по 8/21 мая; вернулась в Москву (вместе с А.Н. Ивановой) 5/18 июня 1907 г. Ср. п. 355, примеч. 1 к п. 357 и примеч. 1 к п. 365.

322. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

20 марта 1907 г. В поезде Москва – Харьков[1]

Милая моя девочка! Вот мы едем. Первый вечер в поезде. Очень неуютно и тесно, и душно в третьем классе. Младенцы орут. Не могу ни читать, ни писать стихов, ни думать о тебе. Хочется только скорее добраться до Коктебеля. В Москве было торопливо. Мало с кем успел поговорить. Только с Ан<ной> Рудол<ьфовной>. Что-то ты сейчас делаешь? Мне еще двое суток в этом душном вагоне. Как мне хочется стихи писать. Ан<на> Руд<ольфовна> от «Луны»[2] в восторге. Милая, милая моя девоч<ка>.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Хар<ьков> – Москва 21.III.07; Царское Село 22.III.1907.

[2] Имеется в виду сонет «Луна» («Седой кристалл магических заклятий...»), впервые опубликованный в альманахе «Белые ночи» (С. 193). В измененном виде («Жемчужина небесной тишины...») стихотворение напечатано – как магистрал венка сонетов «Lunaria» – в юбилейном выпуске альманаха «Гриф» (М.: Типография В.М. Саблина, 1914. С. 56–57).

323. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

21 марта 1907 г. Орел[1]

Милая моя девочка. Вот прошла первая мученическая ночь нашего пути. Пишу тебе из Орла. Поезд плетется, как черепаха. Я ужасно раскаиваюсь, что согласился ехать с мамой в почтовом поезде в третьем классе. Но еще не задохнулся.

Ну, не надо об этом. Ночью я думал о тебе. Мне кажется, что я много, много должен понять, когда приеду в Коктебель. Теперь что-то зреет в душе, но не может выявиться.

Ан<на> Руд<ольфовна> читала мне лекцию о Парсифале, где много о Граале и браке.[2] Я что-то понял, но остановился на каком-то пороге. «Нельзя жить сразу на всех планах», – сказала Ан<на> Руд<ольфовна>, со страшной силой упирая на слово «нельзя». Я понимаю действительно, что это закон.

Сознание и воля могут быть только на одном плане. Другие могут в это время сознаваться, но они ослабевают. Она говорила про Вячесл<ава>: «Теперь, если он будет продолжать исполнять все, что я ему указала, может быть для него страшная опасность». Предупреди его об этом. Она напишет ему, когда получит рукопись.[3] В этом есть что-то невыразимо ужасное для нее, что рукопись не присла<на>. Какое-то преступление, которое она совершила.

[1] Открытка. Почтовый штемпель: Царское Село 23.III.1907; второй штемпель – неразборчиво.

[2] Вероятно, Минцлова рассказала Волошину о лекции Штейнера «Тайна Грааля в творчестве Рихарда Вагнера», прочитанной 16/29 июля 1906 г. в имении графини Е. фон Бредо (см. примеч. 5 к п. 300). «Я сейчас занята этой лекцией о таинстве крови», – писала она Волошину 29 сентября / 12 октября 1906 г. из Кельна (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 844, л. 59). Выступая в имении графини Е. фон Бредо, Штейнер действительно подробно говорил о «крови», отталкиваясь от фразы из «Фауста» Гете «Кровь – это особенный сок» (см. примеч. 9 к п. 287). О «браке» при этом не упоминалось, однако 12/25 октября 1906 г. в лекции «Кровь – особенный сок» Штейнер, рассуждая о духовной и «кровной» эволюции человечества, использовал понятия «ближнего» и «дальнего» брака (см.: *Steiner R.*

Die Erkenntnis des Übersinnlichen in unserer Zeit und deren Bedeutung für das heutige Leben. S. 61–62). Можно предположить, что Минцлова использовала фрагменты из нескольких лекций Штейнера.

Лекцию «Музыка "Парсифаля" как выражение сверхчувственного» (о музыкальной драме Вагнера «Парсифаль») Штейнер читал также в Касселе 3/16 января 1907 г. (текст обеих лекций см. в кн.: *Steiner R.* Das christliche Mysterium. Einunddreissig Einzelvorträge mit sechs Fragenbeantwortungen zwischen dem 9. Februar 1906 und dem 17. März 1907 in verschiedenen Städten. 2-te Auflage. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1981. S. 258–268; GA 97). К марту 1907 г. Минцлова могла знать и об этой лекции.

См. также п. 332 (место, отмеченное примеч. 13). О драме Вагнера «Парсифаль» см. примеч. 6 к п. 85.

[3] См. примеч. 5 к п. 321.

324. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

21 марта 1907 г. Под Белгородом[1]

Милая моя девочка, едем мы благополучно. Мне удалось открыть окно, и воздух, проходящий сквозь щелочку, спасает меня от перспективы задохнуться. Мозг как-то тупеет на жел<езной> дор<оге>. Хочу писать стихи, и ничего не пишется. Может, потому, что в нашем отделении ревут трое ребят. Разговоры мамы и Анну<шки>[2] тоже не дают уединения. Я закрываюсь книгой и радостно думаю о тебе, о себе, о том, что каждая наша разлука – начало какого<-то> нового романа между нами.

Завтра утром мы будем уже за Лозовой,[3] и начнутся южные весенние свечения <?> Теперь всюду снег.

Милое дитя мое... Я еще не найду твоих писем в Коктебеле? Радуешься ли ты тому, что Ан<на> Руд<ольфовна> будет в Богдановщине?[4] Ей не хочется никуда уезжать из России. Были ли у тебя в Царс<ком> Вячеслав или Лидия? Боюсь, что ты не разберешь ничего, что я пишу тебе, так качает вагон. Я благословляю все, что было этот месяц, каждую минуту... А ты? Я забыл тебе написать, что Ляйза на лето берет дачу под Моск<в>ой,[5] где должны быть постоянно

и В<асилий> М<ихайлович>, и М<аргарита> А<лексеевна>, но Вас<илий> Мих<айлович> мечтает о Богдановщине, только боится астмы.

До свиданья, моя милая, милая девочка. Я жду уединения, чтобы что-то решить, что<бы> почувствовать, что все не может проявиться здесь на толпе, в суете, в тесноте.

Под Белгородом.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Белгород 21.III.07; Царское Село 23.3.07. Датируется по содержанию и связи с п. 322, 323 и 325.

[2] Служанка Волошиных.

[3] Город на юге Харьковской губернии (ныне – Харьковской области), крупный железнодорожный центр.

[4] Возможность поездки в Богдановщину живо обсуждается в дальнейшей переписке вплоть до мая 1907 г., когда В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал решительно отказались – сознавая всю сложность такой ситуации – от совместного отдыха с Волошиным, Сабашниковой и ее родителями. Эту двусмысленность вскоре почувствовал и Волошин (см. п. 333). Ни Минцлова, ни другие предполагавшиеся участники совместного отдыха летом 1907 г. в Богдановщину не приезжали.

[5] Летом 1907 г. Е.Н. Гофман с семьей отдыхали в Лукино (см. примеч. 1 к п. 26).

325. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

22 марта 1907 г. Синельниково[1]

Синельниково.[2]

Трудно представить себе обстановку ужаснее, чем наш третий класс. Сидят у нас <на> ногах, на головах, пошевельнуться нельзя. Духота и вонь удушающие. Я ночью уже совсем задохся. Мама клянется, что никогда больше третьим классом не поедет, а я и подавно. Страшно раскаиваюсь, что уступил ее желаниям и экономическим соображениям и согласился ехать в этом поезде.

Милая моя девочка, тебе не интересно слушать эти отдаленные дорожные жалобы, но мне хочется писать тебе, и кругом такое отвратительное ощущение сырости и жидкой грязи.

Вчера я все-таки мог писать стихи, а сегодня совсем не могу. Этой ночью на рассвете мы приезжаем в Феодосию, наконец. Но пока еще Коктебель и пока он приведется в обитаемое состояние! Приезжают ли к тебе из Петербурга? Пиши мне всё – все разговоры, все события, главное, все слова, чтобы твои письма были твоим дневником.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Синельниково 22.3.07; Царское Село 24.III.1907.

[2] Синельниково (с 1921 г. – город) – крупный узел Екатерининской (с 1936 по 1961 гг. – Сталинской; ныне – Приднепровской) железной дороги, построенной в 1882–1904 гг. В начале XX в. – центр Синельниковского уезда Екатеринославской губернии; ныне – центр Синельниковского района Днепропетровской области (Украина). Название восходит к фамилии генерала И.Е. Синельникова, на землях которого возник в свое время одноименный поселок.

326. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 марта 1907 г. Царское Село[1]

Мой милый, любимый мальчик, как радостна была наша разлука; Вячеслав смотрел вслед Твоему поезду, пока он не исчез из глаз. Мы отправились на вокзал и закусывали, пропуская один поезд. В<ячеслав> очень светел, совсем светел; говорил, что он мною побеждает себя. Вчера был сияющий день. Но я безумно устаю от одиночества, п<отому> ч<то> напряженно сочиняю стихи или рисую и, когда гуляю, тоже напряженно думаю.[2] От этого напряжения и одиночества вечером я совсем разбита. И у меня тоска, совсем внешняя, конечно, тоска. В телефон не дозвонишься, я вчера добилась, услыхала голос Вяч<еслава>, и нас разъединили, а когда я опять добилась, его уже не было внизу. По утрам бываю в церкви, в той милой, и это для меня громадное счастье.

Сегодня холод и дождь, не знаю, приедет ли ко мне Лидия завтра. Мне иногда кажется, что я их всех выдумала. Ни о чем личном своем я не думаю. Я спокойна. Волнуют

меня только мысли о Нюше, о Богдановщине и папе. Все это очень сложно, и нужно необычайную внутреннюю гармонию, чтобы все шло стройно. Нюше я думаю писать и сказать ей о том, что с Ивановыми мы связаны на всю жизнь.[3] О том, чего я сама не знаю, писать, конечно, не буду, а я по-прежнему о себе ничего не знаю и не хочу ничего знать.

Сейчас получила Твое письмо открытое.[4]

Ах, мальчик мой, как долго ждать Твоих писем; как мне нужны Твои письма.

Мои стихи я пошлю Тебе в следующем письме, они не закончены, но, кажется, хороши.[5]

Поцелуй от меня маму.

Что значит, что А<нна> Р<удольфовна> едет к Тебе в августе? Значит ли это, что Ты не приедешь в Богдановщину?

Относительно рукописи я тоже не знала, что это так важно, но я думаю, что в этом факте нельзя видеть чего-нибудь фатального.[6] Он очень светел, очень светел.

До свиданья, мой мальчик. Я молюсь за Тебя.

Молись за меня.

Твоя Аморя.

[1] Датируется по содержанию (упоминание о получении п. 322).

[2] «В старинном липовом парке, – вспоминала Сабашникова о своей жизни в Царском Селе в марте 1907 г., – я много гуляла одна. Стихи, там написанные, были напечатаны той же весной в альманахе "Цветник Ор". <...> Я была погружена в свою работу и радовалась, что могу показать свои достижения Максу и Ивановым» (Зеленая Змея. С. 163; о стихах Сабашниковой, опубликованных в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб.: Оры, 1907), см. примеч. 4 к п. 344).

[3] Ср. в п. 330, 332 и 334 («Нюше написала»).

[4] Имеется в виду п. 322.

[5] Стихи были отправлены Волошину через несколько дней (см. п. 331).

[6] См. примеч. 5 к п. 321.

327. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

23 марта 1907 г. Джанкой[1]

Джанкой... Еще несколько часов, и вагонные страсти кончаются. Я так хочу одиночества... одиночества. Меня так раздражают все разговоры и со мной, и вокруг меня. Мама в прекрасном расположении духа и разговаривает со всеми. Меня это почему-то страшно раздражает. Я как-то отупел и внутри, и вовне. Сейчас мы сидим в ожидании поезда[2] и будем сидеть еще 3 часа. Милая, милая моя девочка... Мне бы хотелось быть теперь с тобой где-нибудь в уединенной уютной комнате, и вдвоем, совсем вдвоем... Ах, что это был за путь: грудные двойни ревели и захлебывались от кашля, кондуктора меня ночью тянули за ногу и требовали билета, на меня кричали, когда я отворял окно, на каждой станции вваливалась толпа мужиков, от которых пахло удушливо потом, над моей головой ютился какой-то малый, который вез двух догов из Тюмени в Ялту, мама разговаривала с каким-то хромым старичком о Государствен<ной> Думе и пропагандировала ее, пол был покрыт семечками и плевками, шел мокрый снег, и дул пронзительный ветер. Весна кончилась с отъездом из Петербурга. Я все писал в уме сонет о Фонтенбло и Диане де Пуатье[3] и читал книгу Ленотра о маркизе де Руари...[4] Теперь звездное небо и холодный резкий дух крымской степи. Милое дитя, милое дитя мое... Как, верно, у тебя хорошо сейчас и уютно в твоей маленькой комнатке. Грустно ли тебе, одиноко ли тебе? Мне бы хотелось, чтобы теперь мне было уютно, грустно и одиноко и думать о тебе. У меня робкая надежда на то, что курьерский поезд, который нагонит нас здесь в Джанкое, везет мне твое письмо, и я найду его завтра в Феодосии.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Джанкой 23.III.1907; Царское Село 26.3.07.

[2] То есть в ожидании поезда на Феодосию.

[3] См. п. 329.

[4] Имеется в виду книга: Le marquis de la Rouërie et la conjuration bretonne (1790–1793): D'après des documents inédits / Par G. Lenôtre. Paris: Didier et Cie; Perrin et Cie, 1906 (см.: Мемориальная библиотека... № 901). 1-е изд. – Paris, 1899.

328. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

23–24 марта 1907 г. Феодосия

Пятница. 24 мар<та>[1].

Наконец Феодосия... Мы приехали сегодня в 6 часов утра. Увы! Сегодня мы еще остались на день в городе и не едем в Коктебель.

Еще из окна вагона видел я утром море и восходящее над ним солнце. Великое, тихое море... Каждый раз меня что-то потрясает, когда я его вижу.

А Алекс<андра> Мих<айловна>. Застаю флюс и боль всех 34 зубов и начинаю свой визит пассами. Она в одиночестве и в молчании кипит и переживает все, что мы переживаем в разговорах. Ей все близко, и каждое слово для нее разоблачение чего-то не высказанного, не выявленного и знакомого.

Она до ужаса волнуется, когда говорит о тебе, и яростно проповедует нормальную, тихую и спокойную жизнь для тебя. Совсем теми же словами, что когда-то Вячесл<ав>, против наших сборов в Мюнхен.

Потом был у Богаевского, но только несколько минут. К нему пришли разные знакомые, которых я не хотел видеть, и я сбежал через другую дверь. Сейчас я у бабушки.[2] Это удручительно. Она очень негодует, что мы с тобой разъехались, но одобряет тебя в твоей нелюбви к Коктебелю.

25 март<а>[3]

Сейчас мы выезжаем в Коктебель. Я ночевал у Алекс<андры> Мих<айловны>, до глубокой ночи говорил с ней и с Богаевским. Напишу обо всем после.

Теперь страшная суета, покупки, наем извозчиков. Получил уже от Ан<ны> Руд<ольфовны> письмо с описанием античного спектакля у кн<язя> Бобринского с древнегреческими танцами.[4] Она со страшным волнением ждет рукописи от Вячеслава.[5]

А от тебя нет писем и, значит, еще много дней не будет, т<ак> к<ак> сообщение с городом уже прекратят. Богаевский в скором времени собирается в Коктебель.

Меня зовут обедать. До свиданья, моя милая, милая девочка. Наконец-то наступит для меня тишина через несколько часов.

Милая моя.

[1] Ошибка Волошина: пятница приходилась на 23 марта (ср. п. 329).

[2] Н.Г. Глазер.

[3] Ошибка Волошина; в действительности – 24 марта (см. примеч. 1 к наст. письму).

[4] «Вчера вечером я была на генеральной репетиции спектакля Бобринского, его попытки воссоздать античную Грецию, – рассказывала Минцлова Волошину 21 марта 1907 г. – Конечно, было много недочетов, пробелов, промахов. Декорации писал Поленов, но я указала Эртелю на то, что "Танцы богини Афины" – совершались перед зданием, на кот<ором> Поленов надписал красивыми буквами: Ἀφροδίσιον <святилище Афродиты. – *греч.*>, – это было бы *оскорблением* для *Афины Паллады* танцевать перед храмом Афродиты, – да и самый храм был изображен неверно – –

Но были удивительные моменты вчера. У графа Бобринского в его труппе, в его мечте, – есть 3 прекрасные образа. Одна – полька (Франческа), 2) испанка и 3) гречанка, некрасивая, но прекрасная телом и *вполне* сознающая все, что требует, что зовет к себе античный мир – –

Было два обряда – молитва на утренней заре, прелестная, когда вся голубая фигура, среди перламутровых теней, молилась на заре богам – плач вдовы по умершем муже. Тут была удивительна эта Франческа, вся в лиловом, фиолетовом облаке, вся – один воздушный порыв неутоленной мечты, нездешней скорби – – и затем танцы милетских девушек перед Афиной Палладой (ἀναγωγή <восхождение, порыв ввысь. – *греч.*>), танец с цветными покрывалами, и потом они бросают их и берут бубны, кроталы, тимпаны. – Самый прекрасный, самый выдержанный, это последний "Танец Павлина" – священный танец Геры, Юноны, которой посвящены павлины. Это было что-то удивительное... Зрители разошлись наполовину (т<ак> к<ак> репетиция очень затянулась). И три лучшие художницы, три истинные, вдохновенные, плясали перед нами, немногими, этот строгий таинственный танец "Павлинов Геры", с опахалами из павлиньих перьев, со всей гордостью, скорбью и страстью священных птиц нелюбимой богини... Они танцевали этот танец на закате дня, в вечернем сумраке, когда южные горы и моря принимают густо-лиловые, синие цвета павлиньих перьев, цвета... и эта "вечерняя пляска павлинов"

была до того прекрасна и печальна, что я до сей минуты не могу забыть ее – – – » (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 8–10 об.; упоминаются В.Д. Поленов и М.А. Эртель; кротал – ударный музыкальный инструмент).

Графу А.А. Бобринскому и его «труппе» посвящено несколько строк в воспоминаниях писательницы Л.Д. Рындиной (1882–1964), жены С.А. Соколова. Рассказывая об открытии в Москве ряда танцевальных школ по системе А. Дункан, она, в частности, пишет: «В это время на нашем с Грифом горизонте появилась еще одна своеобразная фигура Москвы: граф Алексей Алексеевич Бобринский. Он тоже основал школу, в которой по изображениям на греческих вазах восстанавливал пляски и религиозные ритуалы Эллады. Я поступила к нему, меня интересовала не только пластика, но и мистическая сторона ритуалов. <...> Крупный, с правильным чертами лица, темной окладистой бородой, когда Бобринский надевал греческое одеяние, то был воплощенным эллином. К сожалению, в его школе я пробыла недолго, он вскоре заболел, и занятия прекратились» (*Рындина Л.* Ушедшее // Мосты (Мюнхен). 1961. № 8. С. 304; Гриф – С.А. Соколов).

[5] См. примеч. 5 к п. 321.

329. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

24–26 марта 1907 г. Коктебель

Суббота. Вечер. Коктебель. 24 март<а>.

Милая моя, милая моя девочка, вот, наконец, Коктебель. Он неуютен, суров. Резкий холодный горный воздух. Горы инкрустированы снегом. Море ревет.

В домах неуютно и холодно.

В мамином доме разоренье. Перебиты окна, взломаны двери. Вытащены вещи, сломаны замки. Но почти ничего не украдено. Только самовар исчез <?>. Более ценные вещи оставлены. Но есть что-то возмутительное в этих разбитых окнах и взломанных ломом дверях. Какая-то тупая, бессмысленная грубость. Но надо к этому привыкать – это ступни революции.

Пришел я в свой дом, в наши комнаты. Там ничто не тронуто. Все в том виде, как было при нас. Твои вещи, твои

платья, твои книги, альбомы, рукописи. Тут меня охватило чувство какой-то грусти и одиночества.

Милая, милая моя девочка, все здесь говорит о тебе, и мне горько, что тебя нет. И я чувствую какое-то глупое раскаяние в том, что я не сумел сделать для тебя Коктебель милым и дорогим, не сумел создать тебе уютную — твою жизнь.

Наши кроватки стоят так же рядом. Я унес твою в другую комнату. Завтра я буду уже спать в моей комнате, а нашу спальню запру, чтобы не чувствовать каждую минуту этого острого физического разрыва.

Сейчас море шумит. Я зябну. На дворе ночь непроглядная. Боже мой, как я люблю тебя, Аморя, и как я не умею, в сущности, любить тебя. Я теперь понял, что я — я ничего не сумел для тебя сделать. То, что было, — это ты сама взяла у меня. Я пассивно отдавал, всего себя тебе отдал, но пассивно.

Мне холодно и грустно в этих опустелых комнатах, где всюду следы твоей беспомощности, твоих бессильных милых пальцев.

Платья твои висят на стене. Портрет твой стоит на столе,[1] твои морские туфельки в углу.

Я никогда не видал Коктебеля таким грозным и неприветливым.

Сейчас я спрячусь от холода в постель и буду долго читать. Теперь еще рано — 9 часов, но все так пустынно, что кажется, что давно уже глубокая ночь.

У.. как море ревет.

Пожелай мне покойной ночи из своей теплой уютной светлички, в которую глядятся старые пушкинские деревья, милая моя деточка.

Утро. Воскресенье.

Ночь была бурная. Воздух, как лед. Я лежал в комнате, нахолодевшей за всю зиму, и кутался в плед, и не мог заснуть. Меня мучила неизбежность затопить печку. С этой мыслью, трепеща от холоду, я проснулся сегодня утром. Работника еще нет. Сегодня Благовещение. Никто работать не пойдет. Вместо того, чтобы немедленно взяться за писание, я должен

сперва обеспечить себе тепло. Иду сам к маме пилить и рубить дрова. Становится жарко. Думаю о политической экономии. Об обеспечении необходимых потребностей для умственной работы. Думаю о том, что нарубить дрова дает столько же тепла, как их горение. Никогда такого крепкого дерева не видал.

Теперь дрова принесены, печка затоплена. Комната подметена, книги разложены. Мое гнездо приняло жилой вид. Кровать я перенес в свою угловую комнату. Теперь можно начать жить. Здравствуй, Аморя!

Ты ведь любишь Благовещение? Это твой любимый праздник. Здесь его не чувствуется. Ты знаешь, что в Коктебеле Христа нет нигде, ни в чем. Верно, поэтому он так и чужд тебе. Здесь могилы древних богов, а новый бог не пришел. Трагедия смерти на всем.

Вечер. Воскресенье 25.

Сегодня пришла почта. Газеты пришли из Петербурга от четверга. А от тебя нет ни письма, ни открытки. Меня это начинает страшно беспокоить и тревожить.

В понедельник мы расстались. Вот — уже неделя. Или письма пропадают?

Вот пришел к концу мой второй день в Коктебеле. Мне очень мешает эта непрерывная борьба с холодом. Она не дает работать. Организм утомляется. Хочется спать. Это письмо пойдет только во вторник.

Я писал сегодня стихи, но еще ничего не закончил. Читал Шопенгауэра[2] и 6 систем индус<ской> философии.[3]

Я боюсь только одного, что вдруг упадет та творческая энергия работы, которая так сосредоточенно и напряженно требовала себе выхода в Петербурге.

Понедельник 26.

Холод и ветер. На море буря. Все море один пенный вихрь. Ветер колотится в дверь, дергает ее, не дает отворить, вырывает из рук. Я по утрам все-таки совершаю подвиг гим-

нософистики.[4] Затем иду к маме пить кофе, колоть и пилить себе дрова и несу их к себе топить печку. Нельзя сейчас достать ни поденщика, ни прислуги. Все надо делать самим. Сижу с книгой, закутавшись в халат, плед, фуфайки, старую ташкентскую шубу.

Мне почему-то невыразимо больно глядеть на твои оставленные вещи. Я все перечитываю письмо твое, которое я получил в день отъезда из Петербурга утром.[5]

После ведь не было ни одного письма от тебя. Почему не было? Аморя, знаешь, я и до сих пор не могу прикоснуться мыслию к тем страшным дням по моем возвращении из Москвы.[6] Мне страшно начать думать об этом.

Вот два новых стихотворения, что я написал за эти дни:

Диана де Пуатье

Над темным мрамором склонились к водам низко
Струи плакучих ив и нити бледных верб.
Дворцов Фонтенебло[7] торжественный ущерб
Тобою осиян, Диана – Одалиска!

Богиня строгая с глазами василиска,
Средь сказочных лесов воздвигла ты свой герб,
И в залах царственных сияет лунный серп
Средь лилий Генриха и саламандр Франциска.

В бесстрастной наготе среди охотниц – нимф
По паркам ты идешь, волшебный свой заимф[8]
На шею уронив Оленя – Актеона...

И он – влюбленный Принц, с мечтательной тоской
Глядит в твои глаза, владычица!
Такой
Ты нам изваяна на мраморах Гужона.[9]

Другое, начало которого ты знаешь, – на обороте. Я только сегодня закончил его. Оно должно тоже войти в «Звезду-Полынь».[10]

Милая моя девочка, чувствуешь ли ты, как я тоскую по тебе? Милая моя, родная моя девочка!..

Где, когда и как мы встретимся?..

До свидания, моя девочка, до следующего письма. Жду завтра твоих писем. Почта приходит и уходит 3 раза:

Пятница, воскресенье, вторник.

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель,
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре,
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях.
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Припаду я к острым щебням, к серым срывам размытых гор,
Я напьюсь струями ветра – соком гроздий лиловых туч.
Облекусь я в скорбный траур – в бурный пурпур вечерних гроз,
Обовью полынью, мятой, горным чобром свое чело...
Здравствуй ты, в весне распятый, мой торжественный*
Коктебель![11]

[1] Вероятно, имеется в виду фотография Сабашниковой (ср. «портрет» в том же значении в п. 399); однако в других письмах (см. примеч. 3 к п. 396, п. 397, 398 и др.) Сабашникова употребляет это слово в его прямом значении.

[2] Какой именно труд Шопенгауэра (и на каком языке) читал тогда Волошин, уточнить не удалось. В перечне книг волошинской библиотеки, составленном В.П. Купченко, значится издание: *Шопенгауэр А.* Полное собрание сочинений (на обложке томов III и IV – Собрание сочинений). Т. I. Вып. 1–5. М.: Книжное дело, 1901 (на обложке – 1900); Т. II. Вып. 6–9. М.: Д.П. Ефимов, 1903 (на обложке – 1902); Т. III. Вып. 10–14. М.: Д.П. Ефимов, 1904; Т. IV. Вып. 15, 16. М.: Д.П. Ефимов, 1910 (при этом 15-й выпуск последнего тома в ДМВ отсутствует (*Купченко В.* Библиотека Максимилиана Волошина. Доклад, прочитанный 26 декабря 2001 года <в петербургском клубе библиофилов «Бироновы конюшни»>. Дезидераты библиотеки М.А. Волошина в Коктебеле. СПб., 2002. С. 48).

[3] «Шесть систем индийской философии» (1899) – труд немецкого филолога и мифолога Макса Мюллера. Первый русский перевод – М.: К.Т. Солдатенков, 1901 (современное издание – М.: Искусство, 1995).

---

* *Было*: таинственный

[4] Гимнософистами древние греки называли индийских философов-аскетов, пренебрегавших одеждой. Ср. в письме Волошина к В.И. Иванову от 26 марта 1907 г.: «Только одна гимнософистика поддерживает меня и согревает в этой бесплодной борьбе со стихийными явлениями мира» (Т. 9 наст. изд. С. 292).

[5] Имеется в виду п. 320.

[6] Волошин вспоминает о своем возвращении из Москвы в Петербург 2 марта 1907 г. В дневнике Волошина (записи между 2 и 11 марта 1907 г.) запечатлена «нечеловечески напряженная» атмосфера тех дней, вызванная прежде всего обострением отношений между ним и Сабашниковой, которая всерьез увлеклась Ивановыми и их идеей «тройственного союза». «Все, что происходило эти дни, мне кажется наваждением», – записал Волошин в своем дневнике 9 марта (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 263).

[7] Фонтенбло – пригород Парижа, загородная резиденция французских королей.

[8] Заимф – священное покрывало карфагенской богини Танит. Волошин заимствовал это слово, скорее всего, из романа Флобера «Саламбо» (1862). См. об этом: Т. 1 наст. изд. С. 444 (коммент. В.П. Купченко).

[9] Впервые: Русская Мысль. 1907. № 6. С. 138. Позднее стихотворение было послано С.М. Соловьеву, восторженно откликнувшемуся в письме от 8 июля: «Спасибо за Гужона. Прочел в ялтинской читальне и будто подарок получил. Сонет – настоящий французский, и конечное enjambement *такой* – очаровательно!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1129, л. 2).

[10] Имеется в виду сборник стихотворений Волошина, предполагавшийся к печати в издательстве «Оры» и первоначально озаглавленный «Ad Rosam» (см. примеч. 14 к п. 304). Однако в феврале-марте 1907 г. Волошин стал склоняться к другому названию – «Звезда Полынь» – так, согласно первоначальному замыслу, предполагалось озаглавить лишь первый раздел (см. примеч. 2 к п. 307). В письме к В.И. Иванову от 21 или 22 марта 1907 г. он называет свой будущий сборник «Звезда Полынь» (см.: Т. 9 наст. изд. С. 291) и еще определеннее – в п. 336 (см. ниже): «Имя этой книге да будет Звезда Полынь». Иванов, по-видимому, согласился с новым названием: во всяком случае, в «Цветнике Ор», вышедшем в середине мая, было объявлено о готовящейся книге Волошина «Звезда-Полынь».

«Почему Вы переменили название Вашей книги, почему именно назвали "Звезда Полынь"?», – спрашивала Волошина А.Н. Иванова в письме от 7/20 апреля 1907 г. из Парижа, отвечая на его (неизвестное) письмо (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 12 об.).

Сохранилось несколько экземпляров верстки несостоявшегося сборника (см. подробно: Т. 9 наст. изд. С. 269; примеч. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова к письму Волошина Брюсову от второй половины декабря 1906 г.). По одному из них, хранящемуся ныне в ДМВ, осуществлено современное издание, подготовленное Н.М. Мирошниченко и И.Н. Палаш (Харьков: Золотые страницы, 2013; вкладыш-предисловие Н.М. Мирошниченко; серия «Из мемориальной библиотеки М.А. Волошина»).

[11] Впервые: Золотое Руно. 1907. № 4. С. 27 (в составе цикла «Terre antique»). В сборнике «Стихотворения. 1900–1910» – в составе цикла «Киммерийские сумерки» (с делением на два четверостишия).

Стихотворение было написано, по-видимому, в поезде после отъезда из Москвы. Сохранилось несколько вариантов. Первый был отправлен В.И. Иванову из Курска 22 марта 1907 г. (см.: Т. 9 наст. изд, С. 290–291). Между известными ныне редакциями этого стихотворения имеются текстовые расхождения.

330. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

25 марта 1907 г. Санкт-Петербург

25 марта.

Милый, пишу в Петербурге. Я приехала третьего дня. Меня по телефону позвала Лидия. Были ее именины,[1] и как раз мне было так невыносимо в Царском, что я побежала на вокзал прямо, не зайдя к себе в комнату. Провела вечер и утром вчера была у Кудрявцева в последний раз. Я пришла поздно и была одна. Наше прощанье с ним было потрясающе. Он обнимал меня и целовал так, что я чувствовала его зубы. Говорил мне «ты». «Моя родная, мое дитя, мой дитеночек, бедный дитеночек, ты устала, отдохни. Приходи ко мне за помощью духовной и физической. Христос с тобой».

Он крестил меня.

«Укрепи, очисти и воскреси духовную мощь».[2]

После трех дней смуты и тоски я почувствовала необычайную радость. Была у Нины и ей много рассказывала о нашей жизни. Она так много понимает, так принимает. «Созвездиями должны быть люди, – сказала она. – Бедная

Катя, ей этого не удалось». Ты знаешь, Макс, Ниника очень больна воспалением в легких опасно, а у Нюши жаба. Я Нюше все еще не написала. Напиши и Ты им.

Должна, Макс, я признаться. У меня ужасная тоска по Тебе. Совершенно инстинктивная, я не могу ее скрыть. Но это ничего не значит, и этого не должно быть. Из Царского я уеду в четверг этот. Боюсь, что Ты все еще туда пишешь. Ну, мне перешлют. Физически я чувствую себя отлично. Здесь буду благоразумна, не беспокойся за меня. Тв<о>и стихи Коктебеля чудные. Из лучших Твоих.[3] Пошлю Тебе скоро мои. Вчера у меня не хватило духу уехать. Я провела чудный вечер с В<ячеславом>, – какого раньше не бывало. Сегодня мы были у обедни. Через 1½ часа я уезжаю. В<ячеслав> в очень работящем настроении. Сейчас занят Твоими стихами. Он во вторник ведет Ремезову *<sic!>* к Кудрявцеву.

Пишу Тебе тушью, п<отому> ч<то> чернильницы нет.

Его отношение ко мне, это что-то совершенно самоотреченное и божественное. Все его слова золотые. Когда я ему говорила о тоске, о весеннем страхе моем, он сказал: «Не нужно слишком долго прислушиваться к тоске. Истина является всегда благовещением, она всегда радостна. То, что не радостно, – искушение; и эти голоса – тоскливые, от злого духа». Мне остается побороть в себе старые тени семейной меланхолии.

Буду ли я когда-нибудь радостной и свободной?

Стал ли Ты вновь радостным и свободным?

Как я жду твоего письма из Коктебеля.

Те дни я писала Тебе, но не отправила письма. Они были разнеженные. Ты меня распустил, мой мальчик, мне все хочется няньки, я все жду сиделки; я не научилась быть одной. Мне кажется, мне нужно пройти вот эту суровую школу. Не таять, не плакать, не тосковать.

Ах, какую новую жизнь я чувствую.

Сегодня мы стали рассматривать Твой сборник.[4] И я, и В<ячеслав> находим, что составлен он нехорошо. Мы завтра в Царском хотим заняться им и тогда Тебе напишем, а Ты ответь

телеграммой, согласен ли будешь на изменения; конечно, по получении письма.

Мой милый мальчик, я не буду больше плакать, я буду взрослой и сильной, и здоровой.

Ты встретишь меня спартанкой.

Целую моего милого мальчика. Буду аккуратно писать Тебе теперь, не поддамся тоске. Не поддамся.

Целую. В сумерках я с Тобой, мой любимый.

Твоя Аморя.

[1] Именины Лидии приходятся на 23 марта / 5 апреля.

[2] Вольный парафраз молитвенной стихиры.

[3] 21 или 22 марта 1907 г. Волошин отправил В.И. Иванову для своего сборник стихотворение «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...» (см.: Т. 9 наст. изд. С. 290–291). Спустя несколько дней тот же текст был отправлен Сабашниковой (см. п. 329).

[4] См. примеч. 10 к п. 329, а также примеч. 3 к п. 307.

331. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

26 марта 1907 г. Царское Село[1]

Царское.

Мой милый, целый ряд открыточек ждало <*sic!*> меня здесь. В них духота вагона, бедный мой мальчик.[2]

Теперь Ты дома; как я жду твоих писем из Коктебеля. Из-за них я думаю остаться до субботы здесь, чтобы их получить. Я люблю Тебя радостно и нежно, и душа моя вся прозрачная и радостная. Вчера у меня болела голова, и я была как <в> тумане. Я взяла с собой Твою книжечку, чтобы пересмотреть порядок стихотворений, кот<орый> мне показался сове<р>шенно бессмысленным. И так я была с Тобой весь день. Было решено при отъезде, что или я приеду на другой день в Питер, или Вяч<еслав> ко мне, чтобы обсудить книжечку, но я не могла, и он не мог. Тогда я отослала ее с посыльным, написав письмо.[3]

Я понимаю ее цельность так.

Ты неинволюированный странник;[4] впрочем, вот этот список я прикладываю.[5] Делить эту маленькую книжечку на отделы я нахожу претенциозным. Я бы отделила только соборы[6] и Гимн Марии.[7]

Всю книжечку назвала бы «странником», а фронтиспис поручила бы, умолила бы Богаевского, сделала бы дорогу, крылатые горы и звезды или солнце. Сейчас мы будем, вероятно, по этому поводу говорить с В<ячеславом> по телефону.

Вероятно, он напишет сегодня Тебе от себя.[8]

Теперь я могу быть одна, и мне хорошо. В минуты силы и крепости я знаю, что наш путь прекрасен и правдив, и только в минуты утомления я хочу в наш уютный угол, и это искушение. Когда-то я писала в дневнике: прочь из угла! Не бояться разбивать и быть разбитым, не бояться убивать и быть убитым, быть богом и жертвой.[9]

Пусть, Макс, все горит. Счастья не будет, и не надо. Слушай: вот Тебе стишок не мой, а старый Вячеслава.

Над смертью вечно торжествует
В ком память вечная живет.
Любовь зовет, любовь предчует
Кто не забыл, — не отдает.

Скиталец, в даль — над зримой далью
Взор ясновидящий вперя,
Идет утешенный печалью
За ним — заря, пред ним заря...

Кольцо и посох — две святыни
Несет он верною рукой.
Лелеет пальма средь пустыни
Ночлега легкого покой.[10]

Вот это наш удел.

Ты хочешь, чтобы я писала Тебе все слова. Раньше я помнила слова — теперь я ничего не помню.

В<ячеслав> был со мной строг; передразнивал мой тягучий безвольный голос, мои позы; когда я спрятала свою

голову на его плечо, как на Твое, ища убежища, он стряхнул меня. — «А, ты ищешь сиделки, нет, нет».

Он рисовал мой характер в очень верном и позорном виде. Он знает меня *антиномично*. И называет меня после всех обвинений «избранной», «священным сосудом», «победой».

И от его громов, и от его ни с чем несравнимой ласки я расту.

Он обвинял меня в дилетантизме, в лени, и я вижу свой путь.

О, мне было неуютно на башне, как бывало, вероятно, Городецкому;[11] у меня рыдания стягивали горло так, что я говорить не могла; я звала Тебя.

Но новая сила и радость вырастала из этой печали. О, Макс, тем, чей путь таинственно суров,[12] не до́лжно искать богаделен. Это было наше преступление с Тобой. Пока каждый из нас не станет другим, мы не должны быть вместе. Да, мой любимый, мы надолго расстались.

И пусть то, что было в нашей жизни слабостью, станет силой. Я радостно люблю Тебя.

С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог.[13]

Мой милый, милый, Христос с Тобой.

Вот мои стихи.

Песня

И опять весна таинственно
приложила к губам свирель,
Вызывая в<с>ходы темные, зазвенела
в стеблях свирель.[14]

Под напев в глубинном сумраке
Тайноборствуют сонмы вод.

Опрокинут в светлом озере
незабудкам подобный свод.

Прибывают соки тайные,
по холодным кипят стволам.

И весь мир дрожит безмолвием
и весь мир, как прозрачный храм.

Вот клубятся кони белые —
облака над землей парной,

И трава смарагдным пламенем
шевелит в лесах перегной.

И горят лучи,
И поют ключи,
И восходят цветы в твой день.
И кусты звенят,
И сверкает сад,

И дриады колеблют тень.

Под напев весны
Воскресают сны,
И не может их мир принять.*
О, внемли, внемли:
Каждый вздох земли
Подымает за ратью рать.

Ты черна, земля отверстая,**
Свои тайны сокрой, сокрой.

Уж идут из недр усопшие,
О, свирель, не зови, не пой!

Закляни порог,
Духам нет дорог,
Пусть восстанет страж у дверей.
Прегради им путь,
Повели уснуть,
Мир дрожит от твоих теней.

Низойдите прочь.
Вам покой и ночь.
Не глушите, алчные***, нас.
Мир избытком полн
Тайно звучных волн
И нам страшен, свирель, твой глас.

---

* *Было:* И подлунный стал тесен мир

** *Было:* 1. Уж идут из
2. Ты страшна земля отверстая
3. Ты темна земля отверстая

*** *Было:* Не глушите, темные, нас

И тогда весна таинственно
отнимает о<т> губ свирель,
И восходит светлым облаком,
в водоем уронив свирель.[15]

<Приложение на отдельном листе:>[16]

Исключая «Руанский Собор» и «Гимн деве Марии», для меня в этой книге ясны следующие отделы (называть и отделять их не нужно, но руководиться в порядке):

Макс неинволюированный странник.[17]

Тесен мой мир
Редон
Быть заключенным
По ночам[18]

Потом как переход к предчувс<твиям>[19]

Мир закутан плотно
Эта светлая аллея[20]
На старых каштанах
Зеркало Маллар<ме>
Зеркало[21]

Следующий цикл:

Я ждал страданья столько лет
В зеленых сумерках, дрожа и вырастая.
В серо-сиреневом вечере
Небо в тонких узорах
И были дни
Мы заблудились
Как млечный путь любовь твоя.

Потом Коктебель и оккультизм.[22]

Я иду дорогой скорбной
И день, и ночь, шумя угрюмо
Полынь
Быть черною землей
Луна
Кровь
Солнце[23]

Жди письма Вячеслава.[24]

[1] Сабашникова покинула Царское Село 29 марта 1907 г. (в четверг).

[2] Среди сохранившихся писем Волошина, отправленных им на пути из Москвы в Коктебель, открытками являются п. 322–325 и 327.

[3] Приводим полностью текст письма Сабашниковой к В.И. Иванову, сохранившегося в волошинском архиве и, можно предположить, неотправленного:

«Хотелось бы начать книгу "Полынью", п<отому> ч<то> это самое характерное стихотворение для нее и одно из лучших.

Потом те 4 стихотворения, кот<орые> вы и поместили вначале, где Макс неинволюированный странник:

I. Странник

Тесен мой мир
Редону
Быть заключенным
По ночам, когда в тумане

Переходим от этого – <к> стихотвореви<ям>, в которых есть предчувствия:

Мир закутан плотно....

II. Орфей

Эта светлая аллея
Зеркало (к нему еще и "Зеркало" Малларме?)
На старых каштанах

Потом следующий цикл

Я ждал страданья столько лет
В зеленых сумерках
Небо в тонких узорах
Мы заблудились
Как млечный путь любовь твоя

Потом, мне кажется, Коктебель и оккультизм.

Тут тоже была бы "Полынь" уместна и "Я иду дорогой скорбной"; и затем

Быть черною землей
Луна
Кровь
Солнце

Потом Руан и Гимн деве Марии.

Стихотворения "В серо-сирен<евом> вечере..."; "Зеленый вал отпрянул и угрюмо..."; "И день и ночь я сторожу.." как-то безразлично куда отнести.

"В серо-сиреневом" можно перед "Небом в тонких узорах".

А 2 последних после пути в Коктебель.

Мне очень жаль, что нельзя вместе обсудить этого, п<отому> ч<то> ведь я совершенно не знаю, чем вы руководились, составляя книгу. Для меня в таком порядке, как я пишу, есть его путь и рост, и потом они, кажется, хорошо звучат одно за другим. Но, может быть, при составлении сборника есть еще совсем иные задачи, кот<орых> я не знаю.

Не могу приехать ни сегодня, ни, вероятно, завтра и вас не зову, боюсь отвлекать.

Милый, не сердись, что я не приехала, а также если это письмо бессмысленно; я смутно понимаю от головной боли и сейчас лягу совсем, а завтра в 12 ч<асов> буду телефонить *<sic!>*. А на душе у меня хорошо. И я теперь всегда буду хорошей, и голова болит в последний раз, и плакать я больше никогда не буду.

Очень радостно люблю вас. У нас в доме корь, и если Ты чувствуешь себя дитей *<sic!>*, то не приезжай.

Если не был у Ремизовых, пошли это письмо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 33, л. 3–4 об.; после строки «Небо в тонких узорах» зачеркнута строка «И были дни»; заглавия « I. Странник» и «II. Орфей» вписаны позднее).

[4] Инволюированный, то есть подверженный инволюции. Этот теософский термин, означающий «нисхождение», «обратная эволюция», неоднократно встречается в трудах Штейнера. В записной книжке Штейнера за 1903 г. сохранилось толкование обоих терминов: «Эволюция есть расширение (Expansion) духа во внешность вещественного. Инволюция есть стягивание (Contraction) духа в недра душевного. Не может быть никакой эволюции без одновременной соответствующей инволюции. Не может быть никакой инволюции без одновременной соответствующей эволюции» (GA 265, S. 17; цит. по: *Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии. Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века. Сост., ред. и коммент. С.В. Казачкова и Т.Л. Стрижак. М.: Энигма, 1997. С. 469).

Волошин неоднократно использует этот термин в реферате об Эросе, построенном на антиномиях: инволюция – эволюция,

нисхождение – восхождение, Афродита Всенародная – Афродита Небесная, Пол – Эрос. «В человеке происходит и инволюция, и эволюция» (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 219). Яркий пример мировой инволюции для Волошина – Христос, сошедший в мир. «Крест символизирует этот процесс инволюции как распятие мировой души на кресте мирового тела». Пол, как и Эрос, неразрывно связан в рассуждениях Волошина (в докладе и набросках к нему) с божественным началом; «Пол – это инволюция Бога в материю. Пол – это крестное нисхождение божества»; и т.п. (Там же. С. 217, 828).

Взгляд на Волошина как на странника, бесцельно кружащего в своем собственном мире, не нашедшего своего пути и не способного к «нисхождению», «воплощению» и т.п., видимо, не раз поднимался и, в конце концов, утвердился на «башне» в начале 1907 г. (особенно в связи с его докладом об Эросе на «среде» 14 февраля). Ср. отзыв В.И. Иванова о книге «Стихотворения. 1900–1910»: «Это богатая и скупая книга замкнутых стихов – образ замкнутой души. Она учит поглощать мир, а не расточать свою душу...» (Аполлон. 1910. № 7. С. 38; раздел «Хроника»). О своем странничестве по «замкнутому» кругу свидетельствовал в те годы и сам Волошин: «Странником вечным / В пути бесконечном / Странствуя целые годы, / Вечно стремлюсь я...» («В вагоне», 1901). Ср. также в стихах цикла «Когда время останавливается...» (1903–1905): «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...»; «Быть заключенным в темнице мгновенья...» и др. (Т. 1 наст. изд. С. 38). Вспоминая в 1910 г. о том периоде, когда он «много ходил по земле», Волошин признавался в своем присущем ему в те годы поверхностном отношении к миру: «...Видел только внешние формы и слышал только внешние слова» (Т. 1 наст. изд. С. 435). См. также сонет «Как некий юноша в скитаньях без возврата...» (1913).

[5] См. далее «Приложение на отдельном листе» и примеч. 14.

[6] Имеется в виду стихотворный цикл «Руанский собор» (1906). Впервые: Перевал. 1907. № 8/9. С. 3–5.

[7] О стихотворении «Гностический гимн Деве Марии» (1906) см. примеч. 3 к п. 289.

[8] Это письмо В.И. Иванова не известно. Ср. в п. 334: «От Вячеслава не жди письма».

[9] Сабашникова приводит по памяти свою дневниковую запись от 20 марта 1905 г.: «Не бояться разбиваться самой, не бояться, чтобы другие разбивались, не бояться убивать и не бояться быть убитой. Быть Богом и жертвой одновременно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 55 об.).

[10] Приведено полностью стихотворение В.И. Иванова «Вечная память» (см.: *Иванов В.* Кормчие Звезды. Книга лирики. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903. С. 102).

[11] Весной – летом 1906 г. Вяч. Иванов пережил бурное увлечение Городецким, которого он и Л.Д. Зиновьева-Аннибал пытались «включить» в свои интимно-личные отношения, создав некий «тройственный союз» (влюбленность Иванова в Городецкого образует реальную подоплеку стихов в сборнике «Эрос»). См. об этом подробнее в дневнике В. Иванова за 1906 г. и комментарии к нему, написанном О. Дешарт (*Иванов В.* Собр. соч. Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт, с введением и примеч. О. Дешарт. <Т.> II. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1974. С. 748–754, 757–764). Неудавшийся опыт «брака» с Городецким можно рассматривать как своего рода прелюдию к начавшемуся в январе 1907 г. сближению Иванова и Зиновьевой-Аннибал с Сабашниковой.

[12] Усеченная строка из стихотворения Волошина «Вечерние стекла» (третье стихотворение цикла «Руанский собор»), в тот момент еще не опубликованного (см.: Т. 1 наст. изд. С. 83). Первая публикация – Перевал. 1907. № 8/9. С. 4.

[13] Из торжественной песни на пророчество Исайи о пришествии Мессии; поется на Великом Повечерии после чтения шести псалмов. В современном каноническом тексте: «Враждуйте, народы, но трепещите <...> ибо с нами Бог» (Ис. VIII, 9). В буквальном переводе: «Познайте, народы, и покоряйтесь <...> ибо с нами Бог».

[14] В первых двух строках Сабашникова обозначила (при помощи традиционных надстрочных символов) метрические особенности этого стихотворения: ударные и безударные слоги и чередование трехдольных и двудольных стоп.

[15] В доработанном виде «Песня» Сабашниковой была опубликована (под названием «Весна») в альманахе «Цветник Ор» (С. 206–208).

[16] «Приложение» находится в той же единице хранения (см.: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1063, л. 34).

[17] Ниже рукою Волошина помечено (в качестве общего заголовка к нижеследующим четырем стихотворениям): «I. Странник».

[18] Сокращенные названия стихотворений: «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...» (1904), «Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...» (1904; стихотворение посвящено О. Редону), «Быть заключенным в темнице мгновенья» (1905), «По ночам, когда в тумане...» (1903).

[19] Далее рукою Волошина (как общий заголовок к нижеследующим названиям): «II. Орфей».

[20] Далее Волошиным вписано: «Темны лики весны...».

[21] Сабашникова имеет в виду как стихотворение Волошина «Зеркало», так и переведенный им отрывок из поэмы Ст. Малларме

«Иродиада» (см. примеч. 13 к п. 8, п. 53 и примеч. 2 к нему, а также письмо Сабашниковой к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, приведенное в примеч. 3 к наст. письму).

[22] Ниже рукою Волошина вписан заголовок: «III. Stella Amara» <Звезда Полынь. – *лат.*>».

[23] Ниже рукою Волошина – заголовок цикла: «V. Ad Rosam per Crucem» («Через Крест к Розе»).

[24] См. примеч. 8 к наст. письму.

332. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

27 марта 1907 г. Коктебель

Вторник 27 марта.

Милая, милая моя девочка... Наконец-то пришло твое письмо.[1] Как долго шло оно... Я радуюсь ему и целую его. Бедная моя, милая моя... Нет тебе всё успокоения даже в одиночестве. Я тебя страшно, страшно люблю. Часть моей души переселилась в тебя. Теперь мой черед мечтать о том, как хорошо было бы, если бы мы были с тобой вдвоем и чтобы никого не было, никто бы нам не мешал. Милая, хорошая моя девочка...

Сегодня я послал тебе мое первое письмо из Коктебеля. Это письмо пойдет завтра с Пав<лом> Павл<овичем>[2], и с ним же – египетские зеркала и другие египетские снимки[3] под бандеролью.

Теперь мне уютно. Топится печка, запасены дрова. Я переселился пока в большую комнату, где жила Марг<арита> Алекс<еевна>[4] (там теплее), обложился книгами и пишу и читаю весь день. На дворе холодно совсем. Буря почти стихла. Но на горах иней. Это придает Святой Горе[5] какую-то мрачную торжественность. Она сизо-черная внизу и тускло-хрустальная, седая наверху.

Я начал писать статью о Блоке (о «Нечаянной Радости»[6]) и попутно делаю заметки для исправления и расширения «Путей Эроса»[7]. Там есть нестройности, которые сбивают. Надо туда вставить страницу о вечно-женственном и вечно-

мужественном идеале – идеале Девы Марии и идеале Эроса-Христа.

Идеал вечной женственности – идеал девственной божественности, еще не сошедшей в материю. Идеал воспоминания о прошлой божественности человека. Он относится к деве, но не к женщине.

Идеал же мужественный, волевое устремление, очищаемое грехом и страстью, – это идеал будущего. Поэтому у Платона идеал вечно-мужественный. Эрос «грязен, необут, спит у дверей домов на улице»[8], «Сыну Человеческому негде преклонить главы своей»[9].

А потом еще о том, что все наши чувства восприятия ведут нас по дороге неприятия мира. Неприятием мы создаем мир объективный: свою карму. Рождая объективный мир из себя, мы погружаемся в материю. Погружая, говорим новому и новому: ты – не я.

Отдавая свое Я миру, мы погашаем карму, принимаем мир в себя.

Ты знаешь – это все не ново для меня, но я только теперь – эти дни, вдруг это понял органически, изнутри. Когда это случается, то все слова, которые говорил раньше, вдруг преображаются.

Мне очень хочется получить весточку от Вячеслава. Мне надо чувствовать, осязать его. Я боюсь, что я опять его теряю, опять могу начать через тебя видеть.

Рукопись Ан<не> Руд<ольфовне> так важна потому, что она не имела права никому давать ее и должна была отдать ее, когда ее потребуют. У нее ее потребовали, и ее не было, она считает это преступлением – своим, разумеется. В неприсылке рукописи ее потрясла, конечно, небрежность, непонимание того, как это важно для нее и сколько она брала на себя, отдавая, доверяя ее.[10] Она повторяла много раз:

«Только Бальмонт, только Бальмонт мог так поступить». И плакала...[11]

Она тогда же меня с беспокойством спрашивала, продолжает ли Вячеслав свои утренние упражнения, и сказала: «Теперь, в этом состоянии, это может быть страшно вредно, гибельно для него. Он должен все это оставить. Нельзя, нельзя жить на всех планах сразу».[12] Потом она прочла мне лекцию о св<ятом> Граале. О том, что цветок – это Грааль. В цветке очищенная любовь, в которой нет страсти. Любовь человеческая должна очиститься, стать цветком, стать св<ятым> Граалем. Должен быть св<ятой> очищенный брак.[13]

Потом она спросила меня: «Вы поняли, зачем я читала Вам?» И я почувствовал, что именно это место в лекции она хотела заставить понять меня. Но я боюсь, понимаю ли я его так, как надо. Я боюсь, что невыразимый ужас потерять тебя диктует мне иной смысл, иное повелительное значение этим словам Шт<ейнера>, этим ее словам.

Аморя, в чем таинство брака? В чем связаны мы им, таинством, ненарушимо и безвозвратно? Пиши мне об этом все свои мысли. Я не верю себе, потому что слишком люблю тебя и слишком боюсь потерять тебя, потому что не вижу в себе сил и радости, чтобы совсем отказаться, совсем отречься от пола, от радости тела, от полной любви к тебе.

Аморя, милая моя, царевна моя, деточка моя, слабая бледная девочка моя...

До свиданья, Аморя...

Приезд Ан<ны> Руд<ольфовны> в Коктебель в августе совершенно не относится никак к моему приезду в Богдановщину. Но, конечно, если она приедет в Коктебель в августе, то я приеду туда, где бы я ни был в то время.

Я думаю, что Нюше нужно написать.[14] Хотя ее сердце проницательно и подозрительно и будет читать гораздо больше, чем то, что ты напишешь. Я буду писать ей со следующей почтой.[15]

[1] Имеется в виду п. 326.

[2] П.П. фон Теш.

[3] Вероятно, имеется в виду ряд фотографий Сабашниковой перед бюстом царицы Таиах.

[4] М.А. Сабашникова была в Коктебеле летом 1906 г.

[5] Высшая точка горного массива Карадаг близ Коктебеля (576 м над уровнем моря). Карадагом — «черной горой» — издавна называли древний вулканический массив общей площадью 10 кв. км (неприступные скалы, таинственные гроты, маленькие бухты и т.д.), расположенный на выступе береговой линии между устьем Отузской долины на западе и Коктебельской долиной. Из Коктебельской долины открывается вид на три горы: Кок-Кая («Синяя гора»), Святая гора и Сюрю-Кая («Острая скала»). См.: *Купченко В.П.* Кара-Даг. Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1976.

[6] Имеется в виду рецензия Волошина на книгу стихов Блока «Нечаянная Радость» (М.: Скорпион, 1907; вышла в декабре 1906 г.), опубликованная в газете «Русь» (1907. № 101. 11 апр. С. 3).

[7] См. примеч. 6 к п. 317.

[8] Волошин повторяет слова, приведенные им ранее в реферате «Пути Эроса»: «...Сын Изобилия и Нищеты, он <Эрос> разделяет судьбу родителей своих. С одной стороны, он всегда нищ, совсем не нежен и не прекрасен, как думают многие, а худощав, грязен, не обут, бесприютен, ложится на землю, спит под открытым небом у дверей домов на улице, всегда терпит нужду и похож на мать» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 208). Эти слова восходят к «Пиру» Платона (Пир, 203 b–d), причем миф о рождении Эроса от Изобилия и Нищеты принадлежит самому Платону.

[9] Слова Иисуса: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. VIII, 20).

[10] См. примеч. 5 к п. 321.

[11] Далее вымаран большой абзац.

[12] Далее вымарано целое предложение.

[13] См. примеч. 2 к п. 323.

[14] Т.е. сообщить А.Н. Ивановой об отношениях, сложившихся между Сабашниковой, Волошиным и В.И. Ивановым (см. п. 326 и 334).

[15] Письма Волошина к А.Н. Ивановой за этот период не сохранились.

333. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

28–29 марта 1907 г. Коктебель

Из Коктебеля письмо третье.[1]
Среда. Ночь. 28 марта.

Милая, милая моя девочка... Не знаю почему, но мне что-то очень горько... Так горько, так одиноко. Какое-то необъяснимое, невыразимое беспокойство о тебе растет во мне. Что с тобой? Что ты делаешь? Хорошо ли тебе? Мне кажется почему-то, что и тебе нехорошо, грустно, смутно. Я видел печальные сны сегодня. Снилось мне, что ты умерла, а потом, что это не ты умерла, а Нюша. И что мы с тобой в чем-то горько каемся. Что чего-то мы не исполнили относительно нее.

А за ужином мне мама говорила: «Знаешь, я два <д>ня подряд вижу во сне Маргариту Васильевну. Очень больной, очень грустной. Сегодня она куда-то торопилась, где-то должна была встретиться с Лидией Дмит<риевной>. Искала своих теплых панталончиков». Мы с мамой мало говорим. Но нам хорошо, по-прежнему. И о тебе не говорим – только вот оба тебя видим во сне грустной.

Потом мама еще добавила: «И вот во сне было такое же чувство к М<аргарите> В<асильевне>: какая-то черта, которую я никак не могу перейти».

Когда я шел домой с фонарем, небо было звездное. Я смотрел на Млечный Путь и вдруг почувствовал, что я плачу. И теперь у меня слезы капают, как тогда. Помнишь, ты спрашивала: «О чем ты плачешь?»[2]

Аморя, милая, милая моя девочка... Я не знаю, о чем... У меня чувство чего-то невозвратного... а чего – не знаю. Знаю только, что я не могу без тебя жить... Вот здесь что<-то> физически дрожит, обрывается... летит... Что с тобой сегодня? Что-то с тобой случилось сегодня... Если бы ты меня сейчас позвала, я бы ночью пешком сейчас бы бросился в Феодосию и уехал бы к тебе.

Аморя, я что-то отдал тебе такое, что теперь я не могу без тебя жить. Просыпаясь, я не раскрываю глаз и протягиваю руки, думая, что моя рука встретит тебя, твои милые волосы,

твои милые беспомощные пальчики, которые надрывают мое сердце. Моя маленькая, слабая девочка... Как мне страшно тех дней в Петербурге. Мне, как и тогда, хочется просить тебя: уйдем, уйдем оттуда, будем одни. Аморя, будем одни, будем чисты и смиренны.

Исполним смиренно и чисто тайну, возложенную на нас. Таинство — это не страсть, не любовь — это смирение перед божественным законом, дух должен причаститься плоти; все должно быть бесстрастно, чисто, и не желанно, как цветок, как Св<ятой> Грааль.

Надо войти в таинственную Пещеру Нимф, где водные нимфы ткут пурпурную пряжу жизни, где один вход для богов и один выход для людей. Это святая пещера зачатий...[3]

Нас благословили, обручили войти в эту пещеру... богами... смирившимися... Выйдем людьми... Таинство в том, чтобы склониться смиренно и нежеланно: «Да будет воля твоя».[4] Желания и страсти — той прежней, мучительной, которой стыдился я, во мне нет больше. То умерло и очистилось.

Чем-то иным я люблю тебя, чем-то иным не могу жить без тебя, дитя мое, милая моя, милая моя девочка.

Мне кажется теперь, и я думаю, что это верно, тогда в Петербурге у меня был безумный страх, что ты нарушишь таинство, священное таинство, церковью наложенное, нашей волей, нашей покорностью.

Прежде был авторитет. Теперь у нас какая-то страшная свобода. Нам сказано: в самих себе найдите авторитет таинствам жизни. Моя девочка кроткая, доверчивая, чистая, благородная... Верю тебе и верю моей боли. Боль это стрелка, указывающая на север в мир добра и зла.

Я раскрыл твое письмо, которое я в день отъезда получил от тебя.[5] Ты там пишешь:

«Не думай, не придумывай, ничего не решай, не строй теорий». Нет, это — то, что я сейчас тебе говорю, это не теории — это моя боль, это моя любовь, это то, что я не могу, не могу жить без тебя, и что жизнь наша не цельна, не полна, потому что мы горды, потому что не было у нас сознания святости и таинства. Так все мне ясно. И любовь моей мамы к тебе

(да, она тебя очень любит – продолжает мучительно любить), и любовь твоих ко мне – все это возникло из таинства, все это ведет нас к исполнению, к совершению таинства. Помнишь, как ты положила мне руки на плечи, смотрела между нами и говорила: «Вот здесь будет между нами Он. Видишь?» Аморя, ты помнишь это? Я сейчас не могу без трепета вспомнить этого, и сжимается горло... Милая деточка моя, весенняя моя березка... Как случилось, что и ты одинока там за тысячи верст – на севере – и я здесь одинокий в этой одинокой комнате, где твои вещи, твои платья висят на стене: все, к чему ты прикасалась... Аморя, чувствуешь ли ты сейчас в этот вечер, что я с тобой, всем своим существом с тобой, что я глажу твои волосы, целую твои ясные глазки, твои руки, твои пальчики? Аморя, где ты? Что ты сейчас думаешь? Аморя... Аморя...

x

Я не знаю и не понимаю, что со мной делается сегодня. Этот дом, эти пустые комнаты. Это сознанье, что кругом ни одной живой души. Шаги мои звучат гулко и пусто по всему дому.[6] Я не могу подойти ни к одной твоей вещи, чтобы меня не начали душить слезы. Я сейчас подходил к вешалкам, где висят по-прежнему твои платья и капоты... и... не выдержал этого зрелища...

x

Мама тебя просит очень крепко поцеловать. Ты знаешь – все наваждение петербургское совсем прошло у нее.

Она, между прочим, просила спросить тебя: ты перед отъездом показывала ей свое платье серенько-голубое в полосках, испачканное масляными красками, и спрашивала ее совета, что с ним делать, кому его подарить, так как ты больше не хочешь его носить. Так она спрашивает – не хочешь ли ты подарить его Аннушке? Мне его очень жаль – я так помню тебя в нем в Париже... Ты Ан<ну> Руд<ольфовну> в нем писала.[7]

Сегодня Аннушка говорит: «А я, барыня, хотела вам облако принести – там на берегу лежало. И звезда в нем осталась. Да его волной смыло». Разгадка – медуза.

x

Четверг. Утро. 29 марта.

x

Милая моя девочка... Я перечел все, что я написал вчера ночью. Это был припадок...

Теперь мне радостно, бодро, хочется работать. Но пусть все написанное идет к тебе. Ведь эти письма — мой дневник. У меня теперь какой-то пароксизм любви к тебе. Сегодня я бы не написал тебе тех слов о таинстве, о связи, о смирении. Сегодня я говорю — будь свободна и радостна — иди и решай так, как тебе кажется справедливым и нужным. Но, быть может, в моем вчерашнем бреду есть какая-то высшая ночная истина. Теперь я смотрю ясно и сознательно и совсем не хочу бежать к тебе сейчас же, без оглядки, где бы ты ни была. Наша теперешняя разлука слишком важна, слишком надо, чтобы мы были врозь теперь и оба одиноко сознали друг друга, свою нераздельность. Знаю, что такие припадки еще будут повторяться; я чувствую, что что-то прорвалось в сердце, чего раньше совсем не было, и этого нового не закрыть, не зарастить.

Вчера до глубокой ночи, оставив это письмо, я читал твой дневник — ведь он здесь в Коктебеле, твой старый дневник. С какой любовью я читал каждую строчку. Вот ты опять была совсем близко со мной и такой наивной, молоденькой девочкой, гимназисткой. Мне как раз попалась та тетрадь твоя, где ты кончаешь гимназию и живешь летом в Богдановщине.[8] Как я все, все люблю в тебе: и эту вечную устремленность, которая в твоем дневнике, и жажду жизни, и жажду творчества, и те черточки, недостатки, которых ты сама стыдишься. Их я больше всего люблю.

Письмо это пойдет с почтой завтра — в пятницу. Сегодня Пав<ел> П<авлович>[9] поехал в город. Он отправит тебе мое письмо и бандероль с египетскими фотограф<иями>[10]. Быть может, вечером он привезет от тебя письмо. Подумай: ведь я с самого моего отъезда только одно, только одно письмо получил от тебя.

x

Четв<ерг>. Вечер. Сумерки.

Милое дитя мое... Я ходил только что в горы. Сегодня серый безветренный день. Милая моя, мне так без тебя одиноко, так пустынно. Я наивно думал, что, уехав в Коктебель, я овладею собой, откажусь от тебя.

Но чувствую, что попал в собственную ловушку. Тут-то я тебя только и полюбил. Я вдруг почувствовал, что все для меня пусто там, где тебя нет. Я не знаю даже, как это назвать, — меня вдруг несколько раз в день охватывает судорожная любовь к тебе, какое-то отчаяние и хочется уткнуться лицом в землю. Тут и все башенные мучения отходят и забываются, а просто я чувствую, что я не могу быть без тебя — ни работать, ни читать, ни думать. Я не понимаю, как это случилось.

Ты ведь совсем переродила меня. Разве такой я был четыре года назад? Я перечел в дневнике твоем страницы о первых встречах со мной, когда ты меня ненавидела за мои манеры и любила за радость.[11] Как я, оказывается, во всем обманул тебя.

Была радость, а оказался «горький стих».[12] Был свободный, а тут оказался самым сантиментальным влюбленным.

Нет, моя девочка, все это пройдет. Я все-таки овладею собой. Не придавай никакого решающего значения моим припадкам. Будь совсем свободна. Знай только, что я люблю тебя больше всего, больше всех на свете.

Конечно, теперь я знаю уже это, — я приеду в Богдановщину вскоре, как вы все туда переселитесь. Мне только хотелось бы хоть немного до этого побыть с тобой вдвоем, с глаза на глаз. Милая Аморя... милая...

Я перечел это письмо. Мне кажется, что оно ужасно давно написано. Как много прошло для меня с тех пор, как я это писал. Во мне теперь такая радость и сила, и весенняя молодость.

Но я знаю, что все, что здесь я писал, хранится на дне. Может, это хорошо, что письмо это придет к тебе только

теперь на Пасху и в Москву, а не тогда, когда оно было написано.

Одновременно с ним я послал тебе египетские фотографии заказной бандеролью: их-то ты получила ли?

[1] Первые два письма – п. 329 и 332.

[2] Вероятно, именно этим переживанием было навеяно стихотворение Волошина «Как Млечный Путь, любовь твоя...» (см. п. 319).

[3] Владевший в те дни Волошиным поэтический образ «Пещеры нимф» воплотился в одноименном стихотворении, которое было приложено к его письму к Минцловой от 10 апреля 1907 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 295–297). В этом письме Волошин указывал, что его стихотворение написано « в смутные дни ожиданий» (т.е. ожиданий писем от Сабашниковой) и навеяно трактатом Порфирия, философа-неоплатоника III в. «О пещере нимф в "Одиссее"» (в XIII песне «Одиссеи» говорится о пещере или гроте нимф на Итаке).

Под названием «Грот нимф» стихотворение впервые напечатано в «Золотом Руне» (1907. № 4. С. 29; раздел «Terre antique»; без посвящения); впоследствии – с посвящением С.М. Соловьеву – вошло в сб. «Стихотворения. 1900–1910» (С. 76).

О трактате Порфирия «Пещера нимф», «представляющем мистический комментарий к нескольким строкам "Одиссеи"», Волошин упоминает в рецензии на трагедию Сологуба «Дар мудрых пчел» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 78; примеч. 6 к п. 353).

[4] Слова молитвы «Отче наш».

[5] То есть п. 320.

[6] Ср. начальные строки стихотворения «О, как чутко, о, как звонко / Здесь шаги мои звучат!» (1903).

[7] Портрет А.Р. Минцловой Сабашникова писала в Париже летом 1906 г.

[8] Сабашникова окончила гимназию в мае 1899 г. Ее дневник, относящийся к этому времени: ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 16.

[9] П.П. фон Теш.

[10] См. примеч. 3 к п. 332.

[11] См., например, запись в дневнике Сабашниковой от 16 марта 1903 г. (в этот день Волошин был на обеде у Сабашниковой и читал ей, А.Н. Ивановой и Е.Н. Гофман свои стихи): «Был Максин бенефис. Он читал все свои стихи. Есть еще одно последнее. Очень характерное для него. Он уезжает. Ну, прощай, ты, радостное воплощение одной части моей души. Как ты мне близок и понятен, свободный, счастливый, неуязвимый человек, и как чужд иногда, чужд как неодушевленная тварь. Я люблю его за то, что он никого не

любит и радостен. Странное чувство» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 21, л. 3–3 об.).

[12] По-видимому, Волошин намекает на «горькую» окраску своих поэтических произведений 1906–1907 гг. и в первую очередь – на проникнутое трагизмом стихотворение «Полынь» (см. примеч. 2 к п. 307), обращенное к Коктебелю, но отражающее общее состояние поэта, его горестные и «безрадостные» раздумья того времени, усугубленные перипетиями его отношений с Сабашниковой. Не случайно Сабашникова восприняла это стихотворение как «свое» (см. п. 309). Ср. в сонете «Как Млечный Путь, любовь твоя...», обращенном к Сабашниковой: «Ты горький звездный ток...» (п. 319). См. также обыгрывание Волошиным латинского слова «amara» («горькая»), рифмующегося с домашним именем Сабашниковой («Аморя»), в названиях и посвящениях несостоявшегося сборника «Звезда-Полынь» («Amori amara sacra», «Stella amara», «Amori sacrum») и позднее, хотя и в менее выраженной форме, – сборника «Стихотворения. 1900–1910».

334. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

30 марта 1907 г. Санкт-Петербург[1]

Пятница.

Мой милый, милый, любимый Макс, вчера я приехала в Петербург. Конечно, Чулков.[2] Я его ненавижу. В<ячеслав> и Л<идия> в страшно рабочем настроении. В<ячеслав> написал 8 сонетов дивных,[3] Л<идия> пишет запоем комедию в стихах.[4] Очень изящно. Но мне как-то опять неуютно, и нет энергии приниматься за большой портрет,[5] просто сил нет. Сейчас пишу тебе на почте, я отправляла тебе «Факелы»;[6] это я их запаковала. Настроение мое очень изменчиво, то мне радостно, спокойно; то кружится от ужаса голова. Первое время я тосковала без Тебя безумно, теперь как-то заглушила это чувство и только обожаю все наши с Тобой вещи. Нюше написала.[7] От В<ячеслава> не жди письма. Он занят стихами. До субботы остаться я не могла, это не в правилах.[8] В Москву еду во вторник на Страстной. Завтра напишу тебе настоящее письмо.[9] Моя радость! Целую тебя, мой милый любимый, мой Макс!

[1] Закрытка. Почтовые штемпели: СПб. 30.3.07; Феодосия 3.4.07.

[2] Г.И. Чулков был в то время постоянным гостем на «башне».

[3] Предположительно – сонеты, обращенные к Сабашниковой и составившие основную часть цикла «Золотые завесы» (первоначально: Цветник Ор. Кошница первая. С. 215–233; впоследствии – в сб. «Cor Ardens»). Несколько сонетов этого цикла, написанных в 1907 г. рукой Иванова, Сабашникова хранила до конца жизни (ныне – ОДГ).

[4] Имеется в виду «Певучий осел» – комедия Зиновьевой-Аннибал («сатирический маскарад в четырех ночах») по мотивам пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь». Первая часть трилогии («Алцвет») была опубликована в «Цветнике Ор» (С. 121–170); вторая и третья – в журнале «Театр» (1993. № 5. С. 159–191; публ. Н.А. Богомолова). Напечатано полностью в кн.: *Зиновьева-Аннибал Л.* Тридцать три урода. Роман, рассказы, эссе, пьесы / Сост., предисл., коммент. М.В. Михайловой. М.: Аграф, 1999. С. 319–398.

[5] Речь идет о портрете, работу над которым Сабашникова, согласно ее воспоминаниям, начала еще в октябре (у Сабашниковой ошибочно – в декабре) 1906 г., но вынуждена была прервать в связи с болезнью Зиновьевой-Аннибал. «В то время я начала писать портрет Лидии – в своей оранжевой комнате она лежит против меня, в позе сфинкса, опираясь на локти. Я писала ее en face. Но при петербургском декабрьском освещении работа шла медленно. Затем она тяжело заболела воспалением легких, и ей пришлось лечь в больницу» (Зеленая Змея. С. 155). Портрет был завершен в 1908 г. – см. примеч. 3 к п. 409.

[6] Имеется в виду вторая книжка альманаха «Факелы» (СПб.: изд. Д.К. Тихомирова), появившаяся в марте 1907 г. (сборник статей, посвященных в основном «мистическому анархизму»).

[7] См. п. 326 и 332.

[8] То есть остаться до субботы в царскосельской санатории.

[9] Следующее письмо Сабашниковой – от 5 апреля (п. 338).

335. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

31 марта 1907 г. Коктебель

Суббота. Ночь. Старое письмо возвращаемое.[1]

Милая моя девочка... Как редко и как мало ты мне пишешь. Со своего отъезда, т.е. за 2 недели, я получил от тебя

2 письма.[2] С прошлой почтой ничего не было. Эта неизвестность о тебе пугает и мучит меня.

Целыми днями сижу я за книгами. С мамой вижусь только за кофе, за обедом и за ужином. Но тотчас я ухожу к себе. Гулять нельзя — дождь. Сегодня я начал уже купаться: вода не очень уж холодна.

Но стоит мне только оторваться от книги и от писания, как я начинаю думать о тебе. Думаю неотступно, упорно, до головной боли и не могу оторваться, уйти от своих мыслей.

Тогда я начинаю читать твой дневник.[3] Как я люблю твой дневник и тебя в твоем дневнике. В нем страшная цельность, стремительность и борьба за жизнь, несмотря на все противоречия, несмотря на все сомнения. Я связываю твое настоящее с прошлым и глубже понимаю твою жизнь и ценю то единство порыва, которое проходит через все тома твоего дневника, через каждый день твоей жизни. У тебя есть страшная смелость жизни и цельность, несмотря на то, что ты так мучишься постоянно отсутствием и того, и другого. Непримиренность, неуступчивость, независимость, знание своих стремлений — словом все, чего ты так жаждешь на каждой странице и не сознаешь, что все это дано тебе в высшей степени. Местами ты в нем страшно наивна — но и это не изменилось. Я живу теперь твоим дневником, и каждая страница его для меня значительна и раскрывает мне глаза на многое в нашей жизни, на многие мои ошибки. Когда ты обращаешься там так часто к своему неведомому читателю, я принимаю это за обращение ко мне. Как я люблю эту милую девочку с золотыми волосами, которая «борется за жизнь», «за счастие» и хочет сделаться великой художницей. Такие страстные желания не могут не исполняться.

Милая девочка моя, ведь ты нисколько не изменилась: ты ведь теперь совершенно так же, как в 17 лет, устремляешься на людей, ищешь «настоящей» жизни и несправедливо называешь своим *эгоизмом* инстинктивное чувство самосохранения таланта.[4]

Когда у меня подступает к сердцу новый припадок о тебе, — тогда твой дневник успокаивает меня. Я все твои поступки начинаю видеть сквозь него немного литературно,

со стороны, и чувствую к ним глубокое уважение за их внутреннюю цельность, за неизменную верность самой себе.

x

А все-таки мне очень грустно, моя милая девочка. Я так одиноко и безвыходно заперт со своими мыслями о тебе, и они так часто владеют мной, а не я ими, и я так часто стремлюсь угадать, что делаешь ты в настоящую минуту, и это мучительно больно.

x

Работаю я плохо — без подъема вдохновения. Но все это начинаю преодолевать теперь. Что бы то ни было — уехать было необходимо, и все, что я продумал о тебе, бесконечно важно для нашей жизни.

Но у меня малодушный и слепой страх за твое здоровье, за состояние твоего духа, за твои нервы. Я невольно представляю себе, что опять ты проводишь бессонные ночи в разговорах, что опять ты в том же непрерывном напряжении всей своей воли, и малодушно я молюсь о том, чтобы ты уехала поскорей в Москву — питаться и отдыхать, и все свои «тетькинские» надежды[5] возлагаю на Богдановщину.

x

Скоро ли вы все туда едете? Думаешь ли ты из Москвы вернуться еще в Петербург или ехать прямо в Богдановщину? Мне кажется, что я по твоему дневнику начинаю любить ее и с радостью поеду туда. Но как бы мне хотелось пробыть некоторое время вдвоем с тобой.

Меня страшит сложность всех элементов, которые встретятся в Богдановщине: Лид<ия>, Вяч<еслав>, выходцы из Женевы,[6] Нюша, Вас<илий> Мих<айлович>....

И во мне все живет инстинктивный ужас жизни под одной кровлей с Ивановыми. Не знаю, как все сложится в деревне, но в Петербурге я ни за что, ни за что не согласился бы жить снова вместе, несмотря на всю мою любовь к ним.

От последних недель на башне у меня осталось ощущение непобедимого, дикого, панического ужаса, и острота тех дней, верно, не изгладится во мне никогда.

x

Посылаю тебе маленькие стишки, написанные размером архилоховской строфы.[7] Я теперь все делаю разные опыты с древними ритмами. Это очень интересно, но вначале страшно трудно.

Я нашел случайно в книгах старый листок, на котором мною были записаны некоторые из ритмов в то время, как я готовился к выпускному экзамену в гимназии, и вот он мне неожиданно пригодился.

Помнишь ты, что ты мне обещала списать наставления Кудрявцева для магнетизаций?[8]

Покойной ночи. Принесет ли мне завтрашняя почта письма от тебя?

Милое, любимое дитятко мое.....

x

Пожалуйста, купи мне и пришли сейчас же книгу Н. Морозова об Апокалипсисе «Откровение в грозе и буре».[9] Не забудешь? Есть ли у тебя деньги? Будь экономна, потому что «Русь» не исполняет своих обещаний и фельетонов моих по субботам не печатает. Очевидно, надо быть в Петербурге, чтобы они печатали.

Посылаю тебе твоего «Пана».

Осиянный осенью, стелет листья лес.
Бледен серп серебряный в синеве небес.
Внемлет смерти вестнику бледноликий Пан.
В<с>третит вечер песнею, тихой песней Пан.
Загорятся тусклые в темной мгле волос
Огоньками синими гроздья винных лоз.
По полянам вереска веет смерти тень,
Под свирель напевную умирает день.
По полянам вереска, по ущельям гор
На свирель напевную отзовется хор:
Голоса Дриад
Из лесных прохлад,
И струя струе,

Как сестра сестре,
Повторит напев,
Прозвенев.....[10]

<Приложение на отдельном листе:>[11]

X

Темны лики весны... Замутились влагой долины.
Выткали синюю даль прутья* сухих тополей.
Тонкий снежный хрусталь опрозрачил дальние горы.
Влажно тучнеют поля.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет** тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль по пустынным пескам...[12]

X

Передай это стихотворение Вячеславу. Им, я думаю, можно пополнить «Звезду Полынь», чтобы было ровно 30 стихотворений.[13] В стихотв<орении> о Коктебеле я не помню, как я написал Вяч<еславу> всю строку:

«По долинам тонким дымом розовеет *внизу* миндаль».[14]

Надо непременно *внизу*, а не "вдали". На все перестановки и изменения я заранее согласен, полагаясь вполне на ваш общий вкус.

[1] К этому письму Волошин приложил свое первое вернувшееся к нему письмо к Сабашниковой (от 24–26 марта).

[2] Видимо, п. 326 и 330.

[3] Покидая Коктебель в сентябре 1906 г., Сабашникова оставила в доме Волошина – среди других вещей – свои дневники за 1897–1905 гг.

[4] В дневниках 1898–1899 гг. Сабашникова неоднократно упоминает о своем «эгоизме», упрекает себя в «себялюбии» и т.п. «У меня на первом плане я, – пишет она 24 июня 1898 г., – и мое тщеславие, желание быть счастливой и любимой людьми. <...> Да, малодушие,

* *Было:* нити

** *Было:* Ветер поет и прядет

себялюбие, безнадежный эгоизм. Вот! Теперь я поняла, теперь я знаю цену себе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 14, л. 92 об.). И в другой дневниковой тетради: «Что я буду всегда одинока, это я знаю. Да и как же может быть иначе с таким эгоизмом? Мне ни до кого нет дела. Мне хочется только, чтобы мне не мешали быть одной. Что, такие эгоисты рождаются? И можно ли пробудить человеколюбие в таком скудном сердце?» (Там же, ед. хр. 15, л. 146 об.; запись от 9 февраля 1899 г.).

[5] Маргариту Сабашникову в юности опекали (помимо родителей) ее тетки, в особенности – А.А. Андреева и Е.А. Бальмонт.

[6] Под «выходцами» из Женевы Волошин подразумевает М.М. Замятнину и детей Зиновьевой-Аннибал от первого брака, которые в то время собирались в Россию.

[7] Речь идет о стихотворении «Темны лики земли. Замутились влагой долины...». (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 23, л. 1); см. приложение в конце наст. письма.

[8] Эти «наставления» были впоследствии напечатаны в кн.: *Кудрявцев К.Д.* Животный магнетизм как лечебное средство. СПб.: Городская типография, 1913; то же – под названием «Целительная жизненная сила» (СПб., 1913).

[9] Имеется в виду кн.: *Морозов Н.* Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. СПб.: Редакция журнала «Былое», 1907 (2-е изд. М.: В.М. Саблин, 1907; 3-е изд., испр. и доп. М.: В.М. Саблин, 1910).

[10] Волошин посылает Сабашниковой начало стихотворения, опубликованного в полном виде под названием «Осень» (третье стихотворение цикла «Лесная свирель») в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая» (С. 209–211). Эта часть стихотворения была скопирована Волошиным в одну из его записных книжек 1905–1907 гг. (см.: Записные книжки. С. 74).

[11] Листок со стихотворением «Пан» и припиской к нему отделился от публикуемого письма; хранится среди других рукописей Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 23, л. 1).

[12] Впервые: Золотое Руно. 1907. № 4. С. 27 (в составе цикла «Terre antique»). Вошло в «Стихотворения. 1900–1910» (третье стихотворение цикла «Киммерийские сумерки»).

[13] В реконструированном в 2013 г. сборнике «Звезда-Полынь» (см. примеч. 10 к п. 329) – 28 стихотворений.

[14] Строчка из стихотворения «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...» (см. примеч. 11 к п. 329). В тексте, посланном В.И. Иванову 21 или 22 марта 1907 г. (см.: Т. 9 наст. изд. С. 290–291), – в той же редакции, что и в данной приписке (и в п. 329).

336. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

1–3 апреля 1907 г. Коктебель[1]

Воскресенье. 1 апр<еля>. Ночь.

Милая моя, милая моя девочка, сегодня я опять отправил тебе письмо, написанное в минуту истерики,[2] и оно кажется мне теперь очень несправедливым. Но что же делать – как я только начинаю думать о тебе (а в сущности, я никогда и не кончаю этого делать), как меня охватывает какое-то безумие: я все время только то и делаю, что то отрекаюсь от всякого личного счастья и благословляю тебя, то чувствую, что не могу от тебя отречься, и маюсь в безысходной тоске. Моя любовь к тебе тоже стала антиномична, и поэтому все письма, что я пишу тебе, противоречат одно другому. Я то отрекаюсь от тебя во имя твоей высшей свободы, во имя твоей утренней девственности, то чувствую, что не могу больше жить без тебя. Антиномия вообще ведь есть логическая истерика сознания, а потому принимай основное противоречие моих писем как высшую истину (я-то сам не могу этой истины постичь теперь).

Я перечел твое письмо: в нем нет ничего обидного и больного для меня. Я так понимаю слова твои о «богадельне» и о том, что нам обоим надо стать сильными, что наша теперешняя разлука живительна и необходима. Конечно, я чувствую и сознаю всю творческую силу тех противоречий, которые живут во мне. Антиномичность в моей любви к тебе порядка инволютивного.[3] Я любил тебя с божественным спокойствием, теперь душа моя расщепилась на Егову и Люцифера, ее пронизала глубока<я> трещина, которая едва ли скоро закроется, потому что она – воплощение. Аморя, ведь я уже совсем не тот, что был в Париже и раньше. Ты любила меня – божественно спокойного, но примешь ли ты меня теперь? Ведь мне уже нет возврата к моему прошлому.[4]

Раньше я, читая твои слова: «О, мне было неуютно на башне, как бывало, вероятно, Городецкому; у меня рыданья стягивали горло так, что я говорить не могла; я звала тебя...» – Раньше я бы прочел их спокойно и подумал бы о том, что

такие минуты воспитывают душу, что это очень хорошо... А теперь у меня все сердце перевернулось, читая эти слова, и самому захотелось плакать.

Милая, милая моя девочка — и тебе тяжело и одиноко бывает.

А то, что Вячесл<ав> передразнивал твой «тягучий и безвольный» голос, меня вдруг страшно оскорбило. Голос у тебя не тягучий и не безвольный — он раздумчивый и тихий. Это твой голос. Больше ни у кого нет такого голоса, и я его безумно люблю. Я пишу это, чтобы ты поняла, что изменилось во мне. Пиши мне все, больше, все слова, все, что было. Я хочу этой боли, я люблю эту боль, потому что эта боль — *ты*. Я ждал страданья столько лет...[5] Все, что от тебя, — хорошо.

X

Стихотворение твое мне очень и очень нравится и совпадает со всем, что я чувствую теперь в весне. Там есть строки пронзительной весенней грусти. Но оно мне не кажется вполне законченным. Мне не нравится «незабудкам подобный свод» ни по звукам (б, д, к — некрасиво звучит), ни по образу — он дает не цвет, а дробление маленьких цветочков. Мне не нравится «сокрой, сокрой» (по мысли очень нравится, не нрав<ится> по выражению).

И потом две последние строчки («И тогда свирель таинственно отнимает от губ свирель») очень красивые, мне кажутся лишними — надо окончить строкой «И нам страшен, свирель, твой глас».[6]

Мне обидно тоже, что здесь снова, как в «Пане»[7], повторяются рифмы «свирель — свирель» и «смарагдный пламень», как в сонете.[8] Отдельно это и там, и там хорошо, но в книге рядом это умаляет достоинства и того, и другого.

«Тайноборствуют сонмы вод» — очень хорошо, но страшно похоже на Вячеслава.[9]

...«Соки тайные по холодным кипят стволам» — великолепно.[10] «Трава.... шевелит в лесах перегной» — тоже.

Очень хорошо: «Каждый вздох земли подымает за ратью рать».

Все двойные трехстишия очень хорошо, но их надо как-то еще сковать, наполнить — тут только одно твое чувство может указать тебе в чем.

Обиднее всего мне эти слова и рифмы из других твоих стихов. Но, в общем, мне очень, очень нравятся они.

x

Что касается моей книги и твоего плана... От Вячеслава я ничего не получил. Значит, теперь до вторника ждать.

Заглавие «Странник» мне не нравится для книги: ведь другая моя книга будет называться «Годы Странствий». Имя этой книге да будет «Звезда-Полынь».[11]

Заглавия для отделов я нахожу нужными: они дают бóльшую ясность и цельность книге.

С порядком же расположения стихов, который ты предлагаешь, я вполне согласен. В нем является перестановка отделов: I Странник; II Орфей; III Stella Amara и IV Ad Rosam per Crucem.[12]

И, конечно, — мне это вполне ясно теперь, что Орфей должен быть раньше Stella Amara.[13]

В «Орфей», значит, должно войти то, что ты считаешь 2-м и 3-м отделами.

Расположение же отдельных стихов я считаю вполне логичным в твоем плане. Я возвращаю тебе на всякий случай листок с твоим расположением, но все-таки окончательно решу по получении письма Вячесла<ва>.

x

Это письмо я буду еще два дня писать. А теперь покойной ночи, моя милая, моя дорогая девочка. Я буду думать о тебе. Чувствуешь ли ты, как напряженно все время, все время я думаю о тебе?

x

Понедельник 2 апреля. Утро.

Милая, милая моя девочка, не огорчайся и не мучайся теми моими письмами, теми словами, что я пишу тебе во

время припадков любви <и> тоски. Я читаю все время твой дневник и наши старые письма – и твои, и мои. И тогда все, все мне становится понятно, радостно и благословенно.

Я прочел только что в одном из моих первых писем в Цюрих слова:

«Я остановился и вскрикнул от чужой боли, а не от своей, а та, которую Анна Рудольфовна мне обещала, – будет моя собственная, и я жду ее».[14]

Вот теперь она пришла. Милая, милая моя девочка, сегодня я молился за тебя, чтобы ты приняла всю полноту жизни и искусства, хотя бы и без меня, хотя бы я был для тебя только ступенью, чтобы все было не так, как мне хочется в эти минуты тоски, а так, как мне, тебе скажет внутренний голос правды.

Понедельник. 2 апреля. Ночь.

Сегодня серый безветренный день. Я с утра читаю наши письма и дневники, и во мне подымается безмолвие и успокоение. Потом я иду в горы – на безлесные холмы. Тихо и радостно. Еще нигде нет зелени. Кустарники лиловатые. По долинам стоят весенние озера.

Я чувствую, как что-то выясняется, связывается в душе. Настоящее постепенно связывается с каждой минутой прошлого. Все цельно, все едино, все оправдано. Я начинаю действительно только теперь приобщаться Коктебелю.

Коктебель для меня никогда не был радостен. Он всегда был горек и печален. Каждый раз, когда я приезжал сюда, мне бывало тяжело, и будущее было непроницаемо. Но каждый раз в этой горечи рождались новые ростки и новая жизнь, все перекипало, оседало, прояснялось в жизнь. Он – моя горькая купель. За это я люблю его. Да. Тут человек может только сам в себе рождаться и бороться. Поэтому присутствие других людей в Коктебеле и общение с ними так невыносимо и так раздражает.

После сегодняшнего дня я знаю, что во мне и теперь вырастает что-то новое. Припадки, конечно, еще будут повторяться, но это неизбежно: это инстинктивная боязнь за тебя,

за твое здоровье, за твои силы. Прежде моя любовь была чужда этого. Теперь она стала более реальной, более воплощенной. С этим надо примириться. Постараюсь только этим не очень удручать тебя. Смотри на мои письма только как на дневник и на все мои трагические монологи только как на констатирование новых явлений в моей психологии.

На таком расстоянии, когда проходит 10 дней между письмами, переписка в смысле ответов почти невозможна. Будем писать дневники.

x

Как я полюбил твой дневник, и как много он дает мне. Я с особым волнением читал те места, когда наши дороги близко сходились еще до нашего знакомства. Мы, например, были одновременно в театре во время первого представления «Чайки».[15]

И я думал, как мудро то, что мы не встретились с тобой в то время, когда я был студентом; это ведь было очень возможно и зависело от простой случайности. Я тогда страстно искал тоже людей – поэтов и художников, но никого еще не знал и занимался политикой. Я ведь в то время еще не имел *никакого* понятия о живописи.

Тот момент, когда мы встретились, был именно тем моментом, когда это было психологически неизбежно и для меня, и для тебя. Во всех этих случайностях есть глубокая художественная мера, то, что мы все время исполняем чье-то произведение, очень цельное и законченное.

Я вспоминал, как летом 1903 года после того, как я из Москвы уехал 22 марта в Коктебель (тот же день, что теперь из Петербурга),[16] я долго совсем не думал о тебе и вдруг, бросая камень, я неожиданно сказал себе:

«Если он попадет, то, значит, М<аргарита> В<асильевна> будет моей женой». Камень попал. Мне стало тогда очень стыдно за эти слова «моей женой» и почему я вдруг сказал их, но с этого дня я стал о тебе думать... Помнишь – я тебе рассказывал: это было в пещере между скал над морем.

X

Я жду твоих писем со страстным нетерпением, и мне кажется, что ты пишешь очень мало. Ведь я теперь совершенно в таком же положении, как ты была в Цюрихе. И так же, как я тогда *колдовал* с Ан<ной> Руд<ольфовной>, так и вы теперь колдуете вместе с Вячеславом, колдуете тоже и об моей жизни и судьбе. Я тоже живу теперь от почты до почты. Если бы ты писала мне каждый день, то я бы получал с каждой почтой не одно, а два письма. Пиши мне каждый день, моя девочка. Я посылаю тебе письма с каждой оказией, которая только представляется, и в каждый почтовый день. Только вот с четверга до пятницы – три дня перерыва неизбежных.[17]

До свиданья, девочка моя. Пиши мне о планах – когда ты в Москве, когда в Богдановщине. Я решил в Богдановщину приехать весно<й>, но после к осени опять вернуться в Коктебель. Но это будет видно. Милая моя... Милая моя...

3 апр<еля>. Вторник. Рано утром.

Милая моя, милая моя девочка, я хочу еще написать тебе несколько слов, прежде чем опущу это письмо. Я радостен и счастлив. Мне кажется, что молитвы мои услышаны. Все в нашей жизни кажется мне гармоничным, цельным и связанн<ым>. Ничего не хочу я изменить. Все благо. Все путь вечного очищения. Я радуюсь всему, что есть. Тому, что ты любишь Вячеслава, тому, что я здесь один, твоему дневнику, твоей любви, твоим стихам, тому, что наша жизнь цельна и сильна. Милая моя, радостная, сильная Аморя... Я нахожу себя снова.

Твой дневник мне так много дал, столькому научил. Что бы ни бы<ло>, как бы ни было, – никто, ни мы сами разлучиться, ни покинуть друг друга не можем. Я знаю и свою боль. Я знаю, что она не ушла и не уйдет. Что она много раз будет теперь возвращаться и мучить меня. Но я благословляю и принимаю ее радостный огонь, ее горькую купель.

Мы сойдемся теперь иными – я знаю это. И я знаю, что богадельней твоей я не буду[18] – богадельня – наваждение, физическая болезнь, остатки твоего гипноза; я был и буду

активным и радостным в твоей жизни. И был, был активным. Милая моя, радостная, сильная, счастливая Аморя...

Господь с тобой... Господь с тобой... Мама целует тебя крепко. Она по-прежнему любит тебя.

[1] Ответ на п. 331.

[2] То есть п. 333.

[3] О значении этого термина см. примеч. 4 к п. 331. Рассуждая о противоречивости и «антиномичности» своего душевного состояния, Волошин, в сущности, говорит о том, что его чувство к Сабашниковой, развиваясь «инволютивно», «по нисходящей» (от Еговы к Люциферу), обрело теперь новое измерение: стало более «человеческим», открытым для боли и земных «страстей».

[4] Глубоко переживая «трещину» в своих отношениях с Сабашниковой и внутренне противясь случившемуся, Волошин в то же время пытался обнаружить некий «смысл» в событиях, разлучивших его с женой. Он усматривал в их разрыве своего рода закономерность, возможность подняться на новую ступень в своем творческом развитии – «воплотиться». «Я чувствую, что ближайший путь мой – это испытующий меня путь воплощений, мне раньше совсем неведомых, – писал Волошин 1 апреля 1907 г. А.Р. Минцловой. – <...> Я молился о воплощении – оно дано. Я молился о *своей* боли – она есть. Но я верю, что я преодолею их, и они действительно будут радостными дарами моего человечества» (Т. 9 наст. изд. С. 296).

[5] Первая строка одноименного стихотворения, обращенного к Сабашниковой (1903). См.: Т. 1 наст. изд. С. 42 и 448; коммент. В.П. Купченко.

[6] Сабашникова не прислушалась к совету Волошину. В публикации этого стихотворения последняя строфа сохранена (см.: Цветник Ор. Кошница первая. С. 208).

[7] Стихотворение «Пан» было опубликовано под названием «Осень» (см. примеч. 10 к п. 335 и п. 349).

[8] Слово «свирель» в стихотворении «Осень» повторяется четырежды; «смарагдный пламень» сохранен в сонете «Посвящение» (Там же. С. 205), а в стихотворении «Весна» («И опять Весна таинственно...») обе строки, отмеченные Волошиным («И трава смарагдным пламенем / Шевелит в лесах перегной»), заменены на другие (Там же. С. 206). См. также примеч. 5 к п. 349.

О «Цветнике Ор» и публикации в нем стихов Сабашниковой см. также п. 343.

[9] Волошин неточно цитирует эту строку (у Сабашниковой: «Тайноборствуют силы вод»). В печатной редакции вся строфа сохранена в первоначальном виде (Там же. С. 206).

[10] В печатной редакции – «соки темные». Ср. примеч. 4 к п. 349.

[11] См. примеч. 10 к п. 329.

[12] Сборник «Звезда-Полынь» состоит из следующих разделов: «Странник», «Stella amara», «Орфей» и «Мистическая роза». См. также примеч. 10 к п. 329 и примеч. 17, 18 и 22 к п. 331.

[13] В действительности «Орфей» следует за разделом «Stella amara» (см. предыдущ. примеч.).

[14] См. п. 55.

[15] Первые представления «Чайки» А.П. Чехова в Московском Художественном Театре состоялись 17 и 18 декабря 1898 г.; затем из-за болезни О.Л. Книппер пьеса на две недели была снята с репертуара. Волошин присутствовал на спектакле 17 декабря (см.: Труды и дни-1. С. 62), тогда как Сабашникова смотрела эту постановку вместе с князем А.И. Урусовым 3 января 1899 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 15, л. 114; запись от 4 января).

[16] Волошин уехал из Москвы в Коктебель 21 марта 1903 г. (см.: Труды и дни-1. С. 109).

[17] Вероятно, описка Волошина, имевшего в виду «с вторника до пятницы». Ср. упоминание о «перерыве почтовых дней (вторник – пятница)» в примеч. 3 к п. 360 (черновик письма Волошина к Сабашниковой от 23 апреля 1907 г.).

[18] Возражение на слова Сабашниковой в п. 331 («...не до́лжно искать богаделен»).

337. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

3–4 апреля 1907 г. Коктебель

Вторник. 3 апреля. Вечер.

Милая, милая моя девочка... С каким страшным волнением я жду твоих писем и как огорчаюсь, когда приходят такие маленькие редкие обрывки. Теперь за почтой надо ходить к Пав<лу> Пав<ловичу>[1] на гору и брать лично у него. Но он не сию же минуту распечатывает ящик по приходе почты, т<ак> к<ак> находится на работе и заставляет ждать. Это очень унизительно.

Я тотчас сую твое письмо в карман и бегу с горы и потом по дороге распечатываю и читаю. Милая, милая моя девочка. Мне теперь радостно, все прошло. Мне только страшно за одно письмо, которое я послал в воскресенье через Юнге после того, как была уже почта. Оно было очень несправедливо, мелочно, недостойно.[2] Теперь оно еще не пришло к тебе, и мне хочется тебе внушить, чтобы ты ему не придавала значения, смотрела бы на него только как на документ о состоянии моего духа. Я боюсь, что оно взволнует, растревожит, обидит тебя. Я в тот день, помню, места себе не находил, и это все вдруг прорвалось ни с того ни с сего. Теперь этого больше не будет.

Как я рад, что ты решила ехать в Москву во вторник на Страстной. Я боялся, что ты и на Пасху останешься в Петербурге. В Москве ты будешь питаться и отдыхать. Пока ты на башне, у меня такой же страх за тебя, как за Бальмонта во время его припадков и исчезаний.[3] Со всеми башенными переживаниями мне кажется, что ты стоишь все время на лезвии ножа, и еще один момент – силы твои надорвутся, ты усомнишься, закружится голова...

И вот когда ты пишешь, что у тебя от ужаса кружится голова, – я этого вынести не могу. Когда ты будешь в Москве, сердце мое будет спокойно, и тогда я приеду к тебе после Пасхи в середине мая.

x

«Факелы»[4] я уже получил. Но это, очевидно, не те, которые ты отправила, потому что они пришли еще в пятницу. А вместе с твоим письмом получил я повестку на заказную бандероль – это верно твои – я полюбуюсь их упаковкой.[5]

x

Пришли мне новые стихи Вячеслава – мне очень хочется их знать. Сегодня, когда письмо к тебе было уже запечатано, я написал сонет и послал его на открытке Вячеславу вместе с письмом тебе.[6]

x

«Русь» меня очень беспокоит. Вот уже две субботы не было моих фельетонов, как было условлено.... Не знаю, что это значит. Надо обеспечивать себе иные источники дохода – буду писать для больших журнало<в>: для «Русской Мысли» – статью о Бальмонте.[7] Теперь у меня есть 150 руб. – это все мои деньги пока.

Надо быть экономными летом и много работать. Ты это имей в виду, но не беспокойся и не волнуйся, т<ак> к<ак> все, наверное, обойдется и нам летом вовсе не надо столько денег.

x

4 апреля. Среда. Утро.

Как хорошо по утрам. Какое море жгучее и жалящее. Холодное и острое. Все тихо, серо, успокоенно. Запах гнющих трав – соли и йода. Выкупавшись, я сижу на песке, слушаю волны и думаю о тебе, и благодарю Бога, что ты есть, что мы есьмы.[8]

Спокойствие и радость, и тишина. Милая, милая моя. Я всему радуюсь – и тому, что мы скоро увидимся, и тому, что мы теперь расстались, и тому, что молния пронизала нашу жизнь.

Прости мне мои малодушные, эгоистические письма, что я писал тебе эти дни. Все это не так. Все радостно, и мы связаны с тобой не слабостью, а силой. Милое дитя мое, моя радостная, сильная, смелая... Я мысленно кладу руки на твою голову и молюсь за тебя в утренней тишине, когда ты еще спишь там – за тысячи верст. Я молюсь за то, чтобы тебе была дана твердость и смелость, чтобы охраняющая рука вела бы тебя по пути лезвиином.

Я всегда с тобой, целый день с тобой. Но ближе всего утром, когда ты спишь. Тогда я спокоен за тебя. Милая, дорогая, радостная моя. Позабудь мои прошлые малодушные жалобы и не думай об них. Я тогда несправедливо упрекал тебя. Прости меня.

Я закрываю глаза и глажу рукой твои волосы, твои золотистые легкие волосы.

[1] П.П. фон Теш.

[2] Волошин имеет в виду п. 333.

[3] См. примеч. 3 к п. 253.

[4] Речь идет о второй книге «Факелов» (см. примеч. 6 к п. 334). От кого получил Волошин другой экземпляр этого альманаха, – неясно. Ср. также п. 339.

[5] Ср. п. 339.

[6] Волошин послал В.И. Иванову сонет «Здесь был священный лес. Божественный гонец...» с припиской: «Вот последнее мое стихотворение. Быть может, ты его тоже найдешь возможным включить в Звезду-Полынь, Вячеслав?» (Т. 9 наст. изд. С. 293–294). Стихотворение было опубликовано в альманахе «Цветник Ор» (С. 48; второе стихотворение цикла «Киммерийские сумерки»); вошло в книгу «Стихотворения. 1900–1910» в составе цикла под тем же названием.

[7] Задуманная статья не была написана.

[8] Имеется в виду «есмы» – старинная форма первого лица множественного числа от глагола «быть».

338. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5 апреля 1907 г. Санкт-Петербург

Четверг. 5 апреля.

Мой милый, мой любимый Макс! От Тебя нет писем! Ни одного письма из Коктебеля я не получила. Оставила в Царском адрес; да и сюда уже Ты мог писать. Сначала это раздирало меня. Теперь я как-то притупила это чувство и жду спокойно.

Радость моя, мой нежный мальчик, писать Тебе мне очень трудно. Все звучит ложью, каждый момент уничтожает другой. Я буду вести дневник и прочту его Тебе потом.[1] Посылать не буду, п<отому> ч<то> для чего же мы расстались, как не для того, чтобы найти каждый себя.

Я спокойна и радостна в глубине души. Ты со мною все время. В минуты слабости и сомнения бывает тяжело. Кажется, я знаю теперь, как быть. К В<ячеславу> у меня вполне цельное и полное чувство, большая любовь, но не «любовь». Больше не может быть лжи и мучений.

Макс, теперь я вижу, как я была эгоистична, распущена всю свою жизнь и по отношению к Тебе. Прости меня. Я стану другой.

В<ячеслав> Тебя очень любит, он не может Тебе писать, п<отому> ч<то> все слова не выражают его чувства. Что, говорит он, я напишу, – «милый Макс», разве это выразит мое чувство. Оно живо. Макс пронзил меня своей красотой навсегда.

Так, Макс, и Ты пронзил меня навсегда.

С каждым днем в В<ячеславе> и Л<идии> открывается для меня новая красота.[2]

Милый, хорошо ли Тебе?

Радостный мой мальчик, возлюбленный мой Макс.

Целую Тебя.

Твоя Аморя.

Хочешь ли Ты поселиться в соседней квар<тире> (3 комнаты 40 р.) своим хозяйством? Можно прорубить дверь в умывальную, так мы будем и близко, и независимо. Или, правда, Ты не хочешь жить со мною?

Герцыки основывают журнал для В<ячеслава>, для его идей. Статьи о мифотворчестве, слове.[3] Очень рассчитывают на Тебя. Сонет твой прекрасен. Он будет в альманахе «Ор»: «Цветник Ор».[4]

Нина вернулась из Москвы. Мама вне себя от беспокойства за меня. Я буду на Страстной в М<оскве> и успокою ее.

Я думаю, что скоро все выяснится окончательно, и мы проведем вместе радостное лето.

Целую Тебя, моя радость.

[1] Дневник Сабашниковой за 1907 г. не известен.

[2] Сложные любовные отношения, завязавшиеся в начале 1907 г. между Сабашниковой и четой Ивановых, следует рассматривать прежде всего в свете их религиозно-мистических и оккультных исканий, насыщенных эротизмом и «дионисийским» духом, который господствовал в ту пору на «башне». «С Маргаритой Сабашниковой у нас у обоих особенно близкие, любовно-влюбленные отношения, – писала Л.Д. Зиновьева-Аннибал М.М. Замятниной 4 февраля 1907 г. – Странный дух нашей башни. Стены расширяются, и виден

свет в небе. Хотя рост болезнен. Вячеслав переживает очень высокий духовный период. И теперь безусловно прекрасен. Жизнь наша вся идет на большой высоте и в глубоком ритме» (цит. по: *Богомолов Н.А.* Петербургские гафизиты // Серебряный век в России. Избранные страницы. М.: Радикс, 1993. С. 201). О природе сложившегося в те недели духовного «тройственного союза» Зиновьева-Аннибал размышляет в письме к А.Р. Минцловой от 2 марта 1907 г.: «Подсчитываю теперь свою убыль и свои дары. Жизнь одарила негаданно там, где не просила, и отняла там, где складывала я свои сокровища. <...> Так, обретя вновь свой пакирожденный брак с Вячеславом, я устремляла свою светлую волю изжить до последнего конца любовь *двоих* и знала, что еще и еще растворяться будут перед нами двери нашего Эроса прямо к Богу. <...> Но жизнь подрезала корни у моего Дерева Жизни в том месте, где из них вверх тянулся ствол любви Двоих. И насадила другие корни. Это впервые *осуществилось* только теперь, в январе этого года, когда Вячеслав и Маргарита полюбили друг друга большою *настоящею* любовью. И я полюбила Маргариту большою и *настоящею* любовью, потому что из большой, последней ее глубины проник в меня ее истинный свет. Более истинного и более настоящего в духе брака *тройственного* я не могу себе представить, потому что последний наш свет и последняя наша воля — тождественны и едины» (Там же. С. 201–202). Ср. примеч. 11 к п. 331.

[3] Речь идет об издании под названием «Журнал для мифотворчества», который собиралась осуществить В.С. Гриневич (совместно с сестрами Герцык). Предполагалось, что редактирование журнала возьмет на себя В.И. Иванов. Издание не состоялось.

«Один раз ко мне <в Царское Село> приезжала Лидия, другой раз — Вячеслав, — вспоминала Сабашникова. — Мы бродили по парку, и он рассказывал о своем плане нового журнала; средства для этого издания предложила одна его почитательница, чтобы — по ее выражению — "его гений получил широкое поле деятельности". Его идея заключалась в том, чтобы в общей работе узкого круга писателей создать полное единство; тогда в этом кругу разных индивидуальностей может заговорить единый дух. Он напоминал о средневековых соборах, которые именно так и строились. Теперь эти идеи кажутся мне порядочно иллюзорными, но тогда они для меня были огонь и пламя!» (Зеленая Змея. С. 163).

О том же в начале апреля 1907 г. Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщала своей дочери В.К. Шварсалон в Женеву: «К Вячеславу обратились сестры Герцык, одну из них ты знаешь, и их подруга, заменившая им сестру и мать, с предложением основать для него журнал, где

он проводил бы свои идеи на искусство, жизнь и религию и призвал бы помощников по выбору. Это очень важно. И Вячеслав очень священно и вдохновенно к этому относится» (Документальные хроники. С. 240).

[4] Имеется в виду сонет «Здесь был священный лес. Божественный гонец...» (см. примеч. 6 к п. 337).

339. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

5–6 апреля 1907 г. Коктебель

Четверг 5 апреля. Ночь.

Милая, милая моя девочка... сегодня ездили от Юнге в город и привезли мне «Факелы» (очень хорошо упаковано) и 2 письма Ан<ны> Руд<ольфовны>.[1] А от тебя ничего. Значит, ты два дня уже не писала мне? Как тебе не стыдно? Ведь ты знаешь, какое значение имеет каждая строчка в таком одиночестве и насколько я живу твоими письмами. Быть может, я не прав, упрекая тебя, может, письма пропадают? Но все-таки ты ужасно мало пишешь.

Мне очень хорошо эти дни, очень хорошо. Я овладел собой, начал работать, победил, наконец, свою слепую бессознательную боль о тебе, которая все время горела во мне.

Теперь я пишу статью о Богаевском, т.е. записываю на листочки все, что мне в голову приходит об пейзаже, о Клоде Лоррэне, о Коктебеле...[2]

Вчера я написал сонет, которым я, наконец, доволен.[3] Я не успел его вложить в письмо, что отправил вчера, потому что отправил его неожиданно с Феод<о>р<ом> Эдуардов<ичем>[4].

Переписываю для тебя и другой сонет, что я послал на открытке Вячеславу.[5] Там я исправил один неправильный стих – поэтому, если вы с Вяч<еславом> его решите включить в «Звезду-Полынь», то по этому тексту. Я подчеркнул те слова, что исправлены.[6]

x

Анна Рудольфовна пишет мне, что ей безумно хочется иногда сейчас же поехать в Коктебель, но что она теперь все-

таки не приедет. Ей очень хочется видеть тебя, когда ты приедешь на Пасху. «Я ужасно радуюсь мысли скоро увидеть ее и буду писать Вам часто о ней». Решительно и положительно пишет, что *будет* в Богдановщине, подчеркивая слово «буду».[7]

Еще она пишет мне:

«У меня сейчас почти то самое чувство к Вам, что было в Париже *до* Вашей поездки в Цюрих. Тот оттенок глубокого внимания, уважения к Вам, ожидание чего-то очень большого от Вас, – он возвращается опять, но как-то еще более сознательно и глубоко, чем полтора года тому назад. Прошлою весной, май и июнь в Париже, мне было очень тяжело видеть Вас. Вы были не Вы. Это было оскорбительно тяжело видеть мне. Впервые после Вашей женитьбы я вижу Вас сейчас....»[8]

....«Мне кажется, что Вы в Коктебеле очень многое сделаете теперь, сейчас, особенно, если у Вас хватит силы, мужества пробыть месяца два безвыездно в Коктебеле».[9]

Я нарочно выписываю эти слова целиком, – так они согласуются с нашими чувствами и мыслями. Теперь, когда я овладел собой, я благодарен Коктебелю и одиночеству. И я тоже думаю, что мне не следует слишком торопиться покидать его, хотя бы чувство и звало неотвратимо к тебе. Теперь, когда одиночество мое стало творческим, мне надо здесь оставаться и работать.

Как много, много даст нам эта разлука и как она *уже* переродила всю нашу жизнь. Как права Анна Рудольф<овна>, говоря так обо мне в течение этого года и прошлой весны.

Милая, милая моя девочка... Я сначала мечтал, было, уже о том, чтобы приехать на Пасху, – теперь я решил не ехать на Пасху к тебе – не зови меня, не смущай моего сердца. Я приеду в мае (в середине или в конце) туда, где ты будешь.

Долго ли вообще думаешь ты оставаться в Москве? Думаешь ли ты вернуться еще после Пасхи в Петербург или прямо ехать в Богдановщину? По-моему, в Петербург не имеет смысла возвращаться. Лучше бы тебе подольше *попитаться* в Москве.

Мне бы очень хотелось, чтобы ты, когда увидишься с Анной Рудольфовной, поговорила бы с ней много и подробно

и об Вячеславе, и обо мне, и о себе. Это очень, очень нужно: и для тебя, и для нее самое, т<ак> к<ак> все она знает все-таки исключительно через меня и, следовательно, только с одной точки зрения. Тебе самой надо обо всем этом начать говорить.

Некоторые слова ее, которые она говорила мне в Москве, звучат для меня темно и смутно, как слова Сивиллы. Мне бы хотелось, чтобы ты сама слышала их: я не знаю, я боюсь, что понимаю их ложно, так, как мне хотелось бы. До свиданья, моя милая, милая, ясная девочка... Будь сильна и светись...

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.[10]

6 апр<еля>. Пятница. Утро.

Милая моя девочка, здравствуй! Сегодня будет почта и письмо от тебя. Я радуюсь и волнуюсь. Мне хорошо, очень хорошо. Письма Ан<ны> Руд<ольфовны> меня радуют и ободряют. Как я жду твоих писем. Милая, милая, радостная моя Аморя...

Как хорошо будет нам потом, когда мы опять сойдемся. Милая Аморя, милая ласковая, ясная, смелая девочка моя. До свиданья.

[1] Письма от 31 марта и 2 апреля 1907 г. (см. ниже примеч. 7, 8 и 9).

[2] Статья Волошина «К.Ф. Богаевский» была напечатана в журнале «Золотое Руно» (1907. № 10. С. 24–30). См. также примеч. 6 к п. 425.

[3] Очевидно, сонет «Старинным золотом и желчью напитал...», опубликованный в альманахе «Цветник Ор» (С. 47; первое стихотворение цикла «Киммерийские сумерки»). Сонет был отправлен Сабашниковой спустя несколько дней (см. п. 344).

[4] Ф.Э. Юнге.

[5] Сонет «Здесь был священный лес. Божественный гонец...» (см. примеч. 6 к п. 337).

[6] Волошин исправил несколько слов во втором катрене (ст. 5–7). См.: Т. 9 наст. изд. С. 294 (примеч. А.В. Лаврова к письму Волошина В.И. Иванову от 3 апреля 1907 г.).

[7] Письмо от 31 марта 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 14 об.).

[8] Письмо от 2 апреля 1907 г. (Там же, л. 15 об. – 16 об.). Волошин цитирует неточно.

[9] Письмо от 31 марта 1907 г. (Там же, л. 14). Слово «безвыездно» в оригинале подчеркнуто.

[10] См. примеч. 1 к п. 115.

340. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

6 апреля 1907 г. Коктебель

Пятница 6 апреля.

Я взволнован, ошеломлен, огорчен. Сегодня вместо твоего письма я получил мое собственное письмо к тебе – первое, что я отправил из Коктебеля.[1]

Оно было в Царском, вернулось на Таврическую, и там дали справку, что ты выехала в Коктебель, – ты или не прописалась, или тебя принимают за маму...

Словом, теперь мои письма будут возвращаться обратно ко мне... Ты еще ни одного письма не имела от меня из Коктебеля... Ты мне поэтому сама не пишешь, ты недоумеваешь... Я посылаю тебе сейчас телеграмму на имя Вячеслава,[2] и это письмо адресовываю <*sic!*> на его имя.

Неужели так все мои письма одно за другим вернутся ко мне? Это какое-то издевательство над нами.

Я писал тебе все это время почти каждый день, т<ак> к<ак>, кроме трех дней почты, посылал с Юнге 2 раза и со всякими оказиями.

Боже мой, неужели ты до сих пор не получила ни одного моего письма?

Я посылаю письмо мое обратно (что пришло сегодня).

Я не нахожу себе места и не знаю, что делать. Но ты – *ты* почему не пишешь? С коротенькой записочки, написанной на почте при отправке «Факелов»,[3] я ничего не получал. Вот уж 4 дня прошло. Теперь снова ждать до воскресенья... Какая мука!!

Может, все и хорошо и с тобой ничего не случилось, но я волнуюсь[4] невыразимо.

Милая, милая моя девочка, быть может, ты сама так же волнуешься, оскорбляешься, недоумеваешь, мучаешься...

[1] Т.е. п. 330.

[2] Телеграмма не сохранилась. Упоминание о ней см. также в п. 341 и 346.

[3] См. примеч. 6 к п. 334.

[4] Далее вымарано одно слово.

341. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

6–8 апреля 1907 г. Коктебель

6 апреля. Пятница. Ночь.

Милая моя девочка, я был сегодня страшно огорчен, не получив твоего письма и получив обратно свое первое письмо. Теперь у меня перспектива, что все мои письма будут приходить обратно одно за другим, а ты, не получая ничего, будешь недоумевать, обижаться и не писать мне.

Я тотчас же отправился к Юнге, чтобы послать тебе телеграмму об этом, а оттуда пошел ходить по холмам.

Как удивительно красив и спокоен Коктебель. Теперь настали спокойные тихие дни. Тепло. Но в здешней весне нет ласки. Как здесь все гра<н>диозно и строго – никаких лишних деталей, ничего «красивого», все прекрасно и просто, как эсхиловская трагедия. Как строги все тона, все линии и какое разнообразие лица всей долины. У меня теперь определилось несколько областей в Коктебеле, из которых каждая соответствует известному периоду жизни.

Св<ятая> гора – это отрочество, первые годы здесь. Потом юношеский романтизм – вершина Карадага.[1]

Перепутье, на котором возникла моя любовь к тебе, – это берег под обрывами, где гроты.

Теперь – это те пустынные долины, что идут на запад. Теперь я только там чувствую великое спокойствие. А в течение многих лет я их совсем не знал, не ценил и не видел.

Уже 15 лет как Коктебель вошел в мою душу – ровно половина всей моей жизни. Ах, Аморя, ты не знаешь Кокте-

беля, ты совсем не видала его. Ты полюбишь его, когда увидишь.

Сейчас тихая теплая ночь. Но громадная веерообразная туча молча, вся сверкая зарницами, подымается с запада и закрывает месяц.

На море мертвая зыбь, и оно страшно гудит.

Это первая гроза...

Покойной ночи, моя милая, милая девочка. Меня страшно мучает мысль: неужели ты не получила до сих пор ни одного моего письма?

7 апреля. Суббота. Сумерки.

Мне сегодня что-то совсем не работается. Сонета, что начал вчера, сегодня не могу кончить. В горы идти нельзя: дождь. И вот я брожу по пустым комнатам и думаю о тебе. Вот уже будет почти неделя, как я не имею от тебя писем. Завтра — воскресенье — почта. Но у меня нет надежды на письмо. Думается, что вот еще мое собственное письмо опять вернется. Во мне смутное и тупое беспокойство и потому, что я не знаю, что с тобой, и потому, что ты тоже, верно, недоумеваешь и беспокоишься. На таком расстоянии все парализуется.

Завтра, после того, как придет почта (и если не будет дождя), я пойду в город. Пришел мой велосипед, и мне хочется поскорее получить его. Тогда я в любой момент могу быть в городе и не буду в такой зависимости от почтовых дней.

На меня нашло отупение от того, что прервалось сообщение между нами.

Как мне безумно хочется услышать твой голос, посмотреть в твои глаза, чувствовать твои руки, твои волосы, твои плечи.

Как мне грустно сегодня, моя девочка. Где ты? Что с тобой? Что ты думаешь сейчас?

Как неуютно мне в этих сумерках дождливых, надрывающих... Как я был бы одинок, если бы тебя не было. Я благословляю все, все, что от тебя в моей жизни.

Ночь.

Проливной дождь. Реки разлились. Я еле перебрался домой. Воет ветер, и страшно тоскливо. Внимание не может

сосредоточиться ни на одной книге. Оставляю, беру другую. Но это не помогает. Как мне грустно. Как моя жизнь становится пуста и одинока без тебя. Ты мне бесконечно близкая и неведомая, приобщившая меня жизни и воплощения. Я думаю, что душа, оставивши тело, испытывает первое время нечто вроде этого. Я от самого себя оторван...

Как было бы хорошо в эту дождливую ночь, если бы ты была здесь. Как было бы уютно, тихо, спокойно, и была бы полнота... Милая моя, далекая девочка...

x

Из живых существ я вижу только M<ada>me Абсетар, которая продолжает жить в кухне нашего дома.[2] Ни одно существо никогда не внушало мне такого панического отвращения, и я с ужасом думаю, что это неспроста, с точки зрения кармических законов; уж не явится ли она в одном из моих будущих воплощений той кухаркой, на которой приходится жениться великим людям перед окончательным посвящением для ликвидации своих земных счетов.

Жуткие мысли...

x

8 апр<еля>. Воскресенье. Утро.

Ходят грозовые тучи. Холодный ветер. Туск<л>ая одинокая тоска. Неужели это надо: эти тупые дождливые часы, когда все погасает. Придут ли от тебя письма сегодня? Это волнует меня. Мне кажется, что это единственное, чем я живу теперь. Аморя, милая моя, далекая моя девочка...

Идти в город нечего и думать в такую погоду: все реки разлились, и хляби разверзлись.

Где ты? Что с тобой? Девочка моя...

Я хотел послать тебе еще новых сонетов. Но у меня три начато, и ни один не закончен вполне. До следующего раза.

[1] См. примеч. 5 к п. 332.

[2] Служанка (татарка) в коктебельском доме Волошина, жена сторожа Абсетара.

342. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

7 апреля 1907 г. Санкт-Петербург

Суббота. 7 апр<еля>.

Вот пришло Твое первое письмо из Коктебеля (первое ли посланное Тобой?).[1]

Ты оскорблен моими словами о богадельне. Ты не понял меня; разве это Тебе упрек? Это моя вина и мое сознание, что этого не должно быть. Повторяла я твои выражения, поняв их до конца; может быть, неточность моих слов сделала Тебе так больно. Мой бедный, милый, Ты не понял меня.

Я пишу: мы расстались надолго в том смысле, что мне нужно так много преодолеть в себе, чтобы стать для Тебя, чем нужно; опираясь на себя, не отнимая твоих сил.

Внешний срок может быть очень короток.

Я поняла, Макс, всю свою вину перед тобой, этого не повторится.

Ты уже знаешь мое отношение к В<ячеславу>. Оно полно, цельно, это не страсть, но светящаяся рука, и моя душа горит верой и радостью и нежностью несравненной.

Ты спрашиваешь: что же будет? Можешь ли быть мне братом? Только я могу спрашивать Тебя, п<отому> ч<то> ты ведь знаешь природу моего чувства к Тебе и всегда знал ее; лжи не было; ошибка была не в том, и вина моя не в том.

Если не будет внутренних противоречий, внешние формы жизни тоже сложатся гармонично. Я доверяюсь судьбе.

Вопрос в Тебе. Я не изменю себе. Когда Ты говоришь, что любишь во мне девушку, что, когда Ты рядом со мной, у Тебя нет желания, то я ясно сознаю, что не свята, не священна для Тебя страсть ко мне.

А я, Макс, хотя в жизни не знала ее, знаю ее; знаю как Бога; не приемлю подобия ее, не предам ее. Пусть умру, не узнав ее, не обманусь, не обману. Так я всегда знала, хотя путалась и могла обмануть. Макс, я могла обмануться, когда потеряла себя. Теперь я знаю, я видела ее или провидела. Она возможностью сверкнула; роковой невозможностью отошла, но я вспомнила и не забуду.

Мы должны строго жить. И Твой путь таинственно суров.[2] И я должна быть смиренной.

Разве я не знаю, что Тебе больно. Болью я пришла в Твою жизнь, но и жизнью; а если не так, Макс, если я мертвящее начало, отсеки меня. Только я знаю, что мы связаны, и если я буду собой и сильной, я нужна Тебе, а я буду сильной.

Доверься судьбе.

Что касается Твоего ужаса от гадкости Ивановых, то ведь Ты сам говоришь, что это глупо; я думаю, мелочно, что Ты гораздо крупнее и шире, а это просто было тяжелое, невыносимое время для Тебя; Ты был не подготовлен к боли, не знал, где центр ее, искал обиды. Я была много виновата в этом, неясностью своей посеяла между вами недоразумения.

Очень, очень много зависит от меня. Но когда Ты снимешь с себя тягу, навязанную Тебе мною же, перестанешь чувствовать себя опекуном моим, то у Тебя будут с В<ячеславом> самостоятельные отношения, которые ведь дивные же у Вас без меня. Странно и таинственно мы, в сущности, все связаны. Я не говорю о своей привязанности к Тебе, о той привязанности, кот<орая> есть дело привычки, но у меня есть особенное чувство связи с Тобой, точно Ты Богом мне поручен, как я Тебе; и все мы призваны; еще не знаю для чего. В святые и радостные минуты, в мину<ты> истины, во мне поет что-то: с нами Бог, разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог.[3]

Целую Тебя; доверься судьбе.

Хочешь уговор: будем писать друг другу только в светлые минуты, когда правда светится.

Пришло твое письмо от 3 апреля.[4] Все предыдущие письма пропали.[5]

Приезжай на Пасху в Москву, и поедем вместе в Богданов<щину>.

[1] Имеется в виду п. 335.

[2] См. примеч. 12 к п. 331.

[3] См. примеч. 13 к п. 331.

[4] П. 338.

[5] На самом деле письма не «пропали», а были ошибочно отправлены в Берлин, откуда затем возвращены в Коктебель (см. п. 354).

343. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Не ранее 9 или 10 апреля 1907 г. Санкт-Петербург[1]

Мой милый, мой дорогой Максик,

Вот пришло Твое письмо от пятницы, и мне так горько думать, что столько дней Ты не имел от меня писем. По нелепости почтальона, кот<орый> все письма Волошиным отсылал в Коктебель, я не имела от Тебя целую неделю писем и решила, что Ты хочешь вполне уединиться, поэтому я и не писала, а еще потому, что вся та неделя, о кот<орой> идет речь, была для меня тяжела, и вообще трудно писать, как раньше; когда идет большая внутренняя работа, не находишь слов. Мне бы хотелось прижаться к Тебе, целовать тебя, но сказать мне нечего. Мне кажется все, что я имею сказать, я сказала в прошлом письме. Если хочешь, прочти его А<нне> Р<удольфовне>. Я это письмо дала В<ячеславу>, и он сказал, что оно мудрое, даже просил переписать.

Но я не успела. За это время все стало так дивно гармонично, так радостно, так хорошо, что мне теперь непонятно, откуда могли происходить мои терзания. Чего мы так мучились.

Эти дни все поглощены работой. Издается «Цветник Ор», Кошница первая. Где будут Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Ты и Верховский, потом «Евдокия» Кузмина,[2] потом Блок и Чулков, потом первый акт «Осла»[3], а в последнем отделе В<ячеслав> и его приемные или детки его: Герцык, Городецкий и я. У меня будет сонет, «Весна», «Осень» и «Лес».[4] Все это в очень дополненном и усовершенствованном виде. Над ними я и работала эти дни, а В<ячеслав> с изумительной щедростью помогал мне, Лидии, списывал все стихи Герцык[5] в ущерб своим сонетам. Такой радостной работы, верно, не бывало в жизни. Что за щедрый дух, что за доброта.[6]

Эти дни у меня была жаба, и я лежала. Вчера я уже встала и сегодня совсем здорова. Меня вылечила Лидия аспирином.

Был один вечер потрясающий. Но, кажется, сегодня я не сумею найти для него слов. Дело в том, что некая Гриневич, подруга Герцыков, хочет издавать журнал для распростране-

ния идей В<ячеслава>. Он будет во главе, Герцык редактором, вероятно.[7]

Это еще тайна. Рассчитывают очень на Тебя. «Мифотворчество», «слово», «архаизм» и фольклор, причащение древней мудрости и наше варварство. «Гуманизм» – вот его принцип. Новый гуманизм. Я поняла, что в этой задаче – задача всей эпохи – связать древнее темное сознание с новым грядущим ясновидением. Связать Россию с древними культура<ми>, перешагнув мещанскую культуру Запада. Кроме этого, журнал будет касаться вопросов экономических, т.е. общих принципов. Он будет очень реалистичен, т.е. в нем не будет идеализма, кадетства, он будет искренно относиться к вопросам материальным, проповедуя исторический матерьялизм – как параллелизм с духом; будет поддерживать отчасти соц<иал>-дем<ократов>, отчасти соц<иалистов->рев<олюционеров> и вести с ними большую борьбу. Не в журнале дело, а в В<ячеславе>, кот<орый>, как 7<-ми>цветная радуга, охватил небо, соединяя два края земли, упираясь в землю. Этот журнал будет его воплощением.

Он говорил вдохновенно. Иногда у него бывает «осененное чело». Лидии не было, она с Аделью[8] говорила в соседней комнате. Мне хотелось, чтобы его слышал весь мир, я посмотрела на Евгению[9] и поняла, что она не религиозна и не слышит, тогда мне стало страшно, что я одна его слышу. И еще страшнее: в нем одном все спасение, что, подобно Петру, он должен быть и мореплаватель, и плотник;[10] что в нем перекрестились все линии.

Когда Герц<ыки> уходили, Евгения была смущена ответственностью журнала. А я сказала ей: «Нужно сказать себе: разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог».[11] И еще я почувствовала, что все, что я предчувствовала, о чем так неумело говорила Тебе в Fontainebleau[12] (помнишь?), он выражал. И я узнала, что я – его духа, что мы связаны и опутаны. Вечером я сказала ему: «Сегодня ты подари мне что-нибудь». Он сказал: «У меня ничего нет». Я настаивала, должно быть. И тогда он принес мне дар. У него есть 2 монеты золотые Наполеона I <18>13 года; талисман славы.[13] Одну из них он

подарил Город<ецкому>, делясь с ним своей славой, а тот забыл ее у него. Другую дал мне В<ячеслав>.

Макс, мой возлюбленный, милый.

Послезавтра 12<-го> наша свадьба.

Я обожаю Тебя, обожаю.

Мое дитя, мой милый, дивный Макси<к>.

[1] Датируется по упоминаю о получении п. 339 («письмо от пятницы»).

[2] «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» – пьеса М. Кузмина, опубликованная в альманахе «Цветник Ор» (С. 59–93).

[3] Речь идет о пьесе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел» (см. примеч. 4 к п. 334).

[4] В «Цветнике Ор» (С. 205–213) Сабашникова опубликовала цикл из четырех стихотворений под общим названием «Лесная свирель»: 1. Посвящение («Что мы посеяли туманною весною...»); 2. Весна («И опять Весна таинственно...»; 3. Осень («Осиянный осенью..»); 4. Лес («По ветвям над смольной мглою темнокрылый бог...»). Первое стихотворение – сонет. См. также п. 331 и 336.

[5] Имеется в виду А.К. Герцык (в «Цветнике Ор» был напечатан цикл из восьми ее стихотворений, озаглавленный «Золотключ»).

[6] Об альманахе «Цветник Ор» см. статью Н.А. Богомолова «Глава из истории символистской печати: Альманах "Цветник Ор"» (*Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 323–342).

[7] См. примеч. 3 к п. 338.

[8] А.К. Герцык.

[9] Е.К. Герцык.

[10] Парафраз известных строк Пушкина о Петре I из стихотворения «Стансы» (1826).

[11] См. примеч. 13 к п. 331.

[12] Впервые Волошин и Сабашникова посетили Фонтенбло в мае 1904 г. – в день рождения Волошина (см. запись в дневнике Волошина от 16/29 мая 1904 г.: «Прогулка в Фонтенбло» и т.д. // Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 144).

В данном случае Сабашникова имеет в виду их совместное пребывание в Фонтенбло весной 1906 г. Оба приехали в Фонтенбло из Парижа 27 апреля / 10 мая 1906 г. «Вчера вечером мы вернулись из Fontainebleau, где провели пять дней, – писала Сабашникова матери

2/15 мая 1906 г. – В первый день много гуляли, и Макс меня совсем загонял, т<ак> ч<то> на второй день я осталась писать одна в парке, а он на целый день уходил в лес и в горы, ему необходимо движение, а я сейчас совсем за ним не могу угоняться. Да, оказывается, что мы оба можем чувствовать природу только в одиночестве» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 42, л. 16–16 об.). Последние два дня в Фонтенбло Волошин и Сабашникова провели вместе с Е.Н. и Б.Н. Гофманами.

[13] Видимо, золотой наполеондор (монета в 20 франков) чеканки 1813 г. с изображением Наполеона Бонапарта, увенчанного лавровым венком.

344. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

10 апреля 1907 г. Коктебель

10 апреля 1907. Вторник.

Милая, милая моя девочка... Наконец-то... вот твое письмо.[1] Ах, если бы ты знала, до какой степени я волновался, ожидая. Все казалось стянутым от напряжения внутри – все мысли, все чувства – все было устремлено только на ожидание. И ты тоже ждала!! Ты знаешь... Но ты не знаешь, как это вырастает, если нет никаких событий в жизни, кроме своих дум. И каждый раз это ожидание достигало невыносимого напряжения, и приходило мое собственное письмо к тебе. Сегодня только это все разрешилось только что... Пришло твое письмо. Милая, милая моя, как все хорошо, как я люблю тебя!

x

Пришло и мое письмо к тебе[2] – посылаю его обратно. На конверте опять почтовая справка о том, что ты 18 марта выехала в Феодосию.

Я пишу в этом письме, что во мне живет «инстинктивный ужас жизни под одной кровлей с Ивановыми». Нет, этого нет, слава Богу. Но относительно квартиры рядом с ними – ее ведь надо занимать тотчас же и платить все это время по 40 рублей в месяц. А у нас ведь совсем мало денег, т<ак> к<ак>

«Русь» *еженедельно н е* печатает моих фельетонов. Так что это материально совершенно невозможно теперь. (Если только нельзя эти комнаты нанять с *1 октября*. Тогда, разумеется, – *Да.*)

Ты пишешь: «Или, правда, Ты не хочешь жить вместе со мной?» Аморя!! Да разве я могу без тебя жить?

x

Но имей в виду, что те письма, которые я тебе возвращаю теперь вторично, – они не все – я писал больше, и ко мне многие, написанные раньше этого письма, не вернулись. Я не знаю, что это значит. Я надеюсь только, что вернется еще ко мне одно очень глупое эгоистическое и самолюбивое письмо, что я написал тебе,[3] – и его тогда я не отошлю обратно. Я спешу написать это письмо, потому что мама завтра утром едет в город, и я пошлю его с ней.

Вчера (т.е. сегодня) я послал тебе мой сонет «Пещера Нимф». Я сейчас перепишу тебе еще два сонета, которые были посланы (но они, быть может, еще вернутся ко мне), и Вы с Вячесл<авом> решите, куда их лучше поместить: в «Звезду-Полынь» или в «Цветник Ор».

Я очень рад, что будет «Альманах Ор». Это то же, что журнал, основываем<ый> Герцыками для распространения идей Вячеслава, или нет? Я не понимаю. Напиши мне подробнее об этом.

Я, конечно, с радостью приму в этом всяческое участие. Когда выходит «Альманах Ор»? Я бы, может, успел еще прислать стихов. У меня много сонетов задумано и начато.

1.

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках шевелятся фигуры:
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал;

Вот холм сомнительный,* подобный вздутым
ребрам...
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?
Здесь жутко в тесноте... А там простор... свобода...
Там дышит тяжело усталый Океан,
И веет запахом гниющих трав и йода.[4]

Милая моя, милая моя девочка! Я напишу тебе еще одно письмо в пятницу на имя Вячеслава, а потом буду уже писать в Москву, предполагая, что ты, как хотела, уедешь туда во вторник на Страстной.

Письмо из Петербурга идет 5 дней.

2.

Здесь был священный лес. Иных богов гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин...
На месте городов ни камней, ни развалин...
По склонам бронзовым** ползут стада овец.
Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках трагичен и печален.
Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?
Кто знает путь Богов — начало и конец?
Лиловых*** осыпей, как прежде, звонки щебни,
Море скорбное, в<з>дымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.
И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отверженных богов
Глядят и требуют... Зовут неотвратимо...[5]

Пиши мне о себе, обо всем, что происходит. Ничто так не волнует и не беспокоит, как общие фразы. Пиши, посылай мне дневники.

Ведь мои письма к тебе — мой дневник, я их пишу по 2 раза в день. И если в них нет фактов, то потому, что и в моей

* *Вариант, вписанный под этим словом*: таинственный

** *Было:* выжженным

*** *Было:* Размыты<х> осыпей, как прежде, звонки щебни

жизни нет фактов, а есть только мысли о тебе и чувства к тебе. Но теперь, после твоего письма, я страшно счастлив, я совсем спокоен.

Милая моя, родная моя. Я всю жизнь и все в жизни приму радостно, только бы ничто тебя не отняло у меня. Милая моя, милая моя девоч<ка>.

Целую Лидию и Вячеслава. Я вынул из вчера переслан<ных> обратно тебе писем письмо к Лидии.[6] Я напишу еще, после. Это время я не мог писать ни ей, ни Вячес<лаву>, потому что волнения о тебе меня заполняли всего.

[1] Имеется в виду п. 338.

[2] П. 336.

[3] Речь идет о п. 333.

[4] Первоначально (с разночтениями по отношению к данному варианту): Цветник Ор (С. 47) в составе цикла «Киммерийские сумерки». Вошло (в составе того же цикла) в «Стихотворения. 1900–1910». Девятая строка в печатной редакции: «Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам...»

[5] Сонет был отправлен В.И. Иванову в открытке от 3 апреля ст. 1907 г. Опубликован в альманахе «Цветник Ор» (С. 48) в составе цикла «Киммерийские сумерки»; вошел в «Стихотворения. 1900–1910» в составе того же цикла. В текстах, посланных Иванову и Сабашниковой, как и в опубликованных вариантах, имеется ряд разночтений (см.: Т. 1 наст. изд. С. 90; Т. 9 наст. изд. С. 294; примеч. А.В. Лаврова).

[6] Это письмо Волошина к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал не известно.

345. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

11 или 12 апреля 1907 г. Санкт-Петербург[1]

Макс, я думаю, что Тебе выгоднее подождать с твоей книжечкой до осени. Раньше конца мая она не выйдет. Кто станет летом ее покупать, о ней писать. За лето Ты значительно дополнил бы ее, она очень жидка.

И потом ведь Ты издаешь ее на свой счет. Где же сейчас деньги? Это я говорю, а не В<ячеслав>. В<ячеслав> занят «Цветником Ор», всякими другими корректурами, своей лек-

цией «Задачи современного искусства», кот<орую> он в Вербную Субботу[2] читает у курсисток,[3] и тысячью разных вещей. Пусть лучше книжечка Твоя издастся при Тебе. Напиши мне, согласен ли Ты жить в квартирке рядом своим хозяйством?

Тогда нужно задержать ее на зиму и велеть отделать. Ты бы мог книги выписать из Парижа и ковры, белье постельное и посуду. Все это беспошлинно. Мебель нам часть дают Ивановы, часть дали бы из Москвы или из Богдановщины. Как я хотела бы увидать Тебя теперь. Целую тебя, мой ребеночек. Мой мальчик. Милый мальчуганчик мой в калюпой люпаситьке,[4] в ка-лю-пой. Миша, Мишута. Мой Миша-мишута.

Милый миша, мишута.[5]

На это письмо Ты ответишь мне в Москву. Сегодня читали твой фельетон о Блоке.[6] Сам Блок, кажется, хорошо характеризован, а другие ужасно, неладно, так стыдно, когда описывают лицо, я все-таки не могу с этим согласиться; и почему Сологуба нет, а есть Белый? Я знаю, что «таинственность», а не «талантливость». Это опечатка.[7] Про Блока говорю «кажется», п<отому> ч<то> сама его не понимаю.

Сегодня весь день с Тобой. Была я у Нины, хотелось с ней вспомнить этот день.[8] Ну, милый, милый, до свиданья.

Милый, милый.

Поцелуй от меня маму.

[1] Датируется по упоминанию о статье Волошина в «Руси», появившейся 11 апреля 1907 г. (см. примеч. 6 к п. 332).

[2] Вербная Суббота в 1907 г. приходилась на 14 апреля.

[3] См. примеч. 4 к п. 318. Название доклада В.И. Иванов изменил, возможно, потому, что лекцию под таким же названием («О задачах современного искусства») неоднократно читал в 1903 г. Брюсов, опубликовавший ее затем под названием «Ключи тайн» (Весы. 1904. № 1. С. 3–21). Этот манифест русского символизма был Иванову хорошо известен, и он не мог не считаться с работой Брюсова, готовя в начале 1907 г. статью, направленную против «декадентского индивидуализма». Конечно, Иванов помнил и о выступлении Брюсова в Париже (с этой же лекцией) перед русскими студентами 21 апреля / 3 мая 1903 г. – именно в те дни Иванов и Брюсов лично познакомились и подружились (см. письмо В.И. Иванова к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 17/30 апреля 1903 г. //

Вячеслав Иванов — Лидия Зиновьева-Аннибал. Переписка. Подгот. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова при участии М. Вахтеля. Вступ. статьи М. Вахтеля и Н. Богомолова. Коммент. Н.А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д.О. Солодкой. Т. 2. 1894–1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009, С. 499).

[4] Т.е.: в голубой рубашечке.

[5] См. примеч. 5 к п. 318.

[6] См. примеч. 6 к п. 332.

[7] Описывая лицо Вячеслава Иванова, Волошин употребил в своей рецензии слово «талантливость»: «В глазах его пронзительная пытливость, в тенях, что ложатся на глаза и на впалости щек, есть леонардовская мягкость и талантливость» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 64). Сабашникова, по всей видимости, ошибается, расценивая это слово как «опечатку».

[8] Имеется в виду день свадьбы (или накануне свадьбы) Волошина и Сабашниковой (12 апреля 1906 г.).

346. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

11–12 апреля 1907 г. Коктебель

Среда 11 апреля 1907. Ночь.
Коктебель. Пелеата.[1]

Милая, милая моя девочка, я испытываю страшную радость бытия, радость жизни. Твое письмо разогнало все тучи.[2] Мне кажется, что кончились все мои испытания, воплощения и что снова я готов так же радостно и свободно принимать все, что жизнь пошлет мне. И это несмотря на проливной дождь, который идет с утра, благодаря которому мама не могла сегодня поехать в город, реки разлились, и, чтобы обедать, надо было обходить на шоссе, несмотря ни на что я чувствую, что жизнь ко мне вернулась.

Целый день сегодня я читаю об Урусове и готовлю статью об нем, т.е. об книге, ему посвященной.[3] В его письме к Ал<ександре > Алекс<еевне> я нашел фразу: «Прелестнее всех была ваша племянница М<аргарита> В<асильевна> С<абашникова>»[4] и страшно обрадовался. А потом каждый день читаю все твой дневник и все больше и больше влюбля-

юсь в тебя 17–19-летнюю. Меня приводит в страшный восторг, когда ты описываешь свою наружность, свои платья, мечтаешь о балах и миллионе туалетов, «несмотря на то, что меня окружает такая сериозная семья», когда ты говоришь про себя «я дикая птица»[5] и когда, говоря о тете Кате, клянешься, что «никогда не выйду замуж за поэта – это я знаю».[6]

Есть места, которые я без трепета не могу читать. Там, где ты говоришь об искусстве, и молишься об Ангеле-хранителе в латах и отдаешь свое сердце Богу, – то, что ты мне так часто говорила.[7] Но тогда это все было сейчас, в эту минуту. Теперь передо мной развертывается вся твоя жизнь. Именно в том, что это бесконечное близкое, родное видишь как литературу, как роман – т.е. объективно и в перспективе это составляет какую-то неизъяснимую прелесть и откровение. Есть глубокая красота тех заключений, выводов, которые сдела<ла> жизнь для многих твоих слов и порывов уже за пределами дневника, и глубокий порыв, напряжение тех линий, которые стремятся за настоящее из прошлых, незаконченные, неукротимые.

Да, тебе дарована в высшей степени добродетель дерзания – «тюмос»[8]. Но она как-то бьется внутри тебя, не находит выхода. Ты ее несешь в душе, но не смеешь пролить в мир. Быть может, слишком дорожишь содержимым чаши, слишком боишься расплескать.[9] Все твои цели еще в будущем – в ожидании чего-то, и отсюда этот страх. Надо, чтобы они разлились на каждую минуту, охватили бы всю жизнь.

Благодаря этой добродетели «дерзания» за тебя так страшно всегда. Но я думаю, что она только тогда станет истинной добродетелью, когда исчезнет ее «целеустремленность», выражающаяся в честолюбии, в желании создать великое. Да, тебе надо больше всего смирения перед мгновением.

Это все я пишу не тебе, а тебе – литературной, тебе – характеру, которую я вижу сейчас на протяжении десяти лет.[10]

Милая, милая моя девочка, мы будем жить. Мы до сих пор что-то переживали – очень важное и нужное, – но эти переживания шли по ту сторону нашего сознания и только тревожили и беспокоили нас.

Как много, много дала уже теперь мне наша разлука, и я думаю часто, не затем ли мне суждено было попасть, против всяких ожиданий, именно в Коктебель, чтобы прочесть здесь без тебя в одиночестве и в напряженной тревоге за тебя эти тетради и сознать и почувствовать тебя шире, глубже, историчнее. Милая, смелая, благородная девочка, мне кажется, что все мое чувство к тебе переменилось теперь – и что там, где была жалость, явилось уважение. Страх за тебя – он останется, но что ж с этим поделаешь?

Но теперь я уже не боюсь вспоминать о тех днях в Петербурге, и не страшны мне жизненные отношения никакие. И знаешь – я чувствую, как живительно и творчески пронизывают мою душу горы и дали, когда я пред вечером ухожу гулять. Это им я обязан этим возрождением. Ах, как мне бы хотелось увести тебя в горы и дать тебе подышать этой строгой силой, проникающей сердце, горное прозрачное сердце. Милая Аморя...

x

12 апреля. Четверг. Ночь.

Милая, милая моя девочка, вот только что пришло (П<авел> П<авлович>[11] привез) твое письмо от субботы[12] – ответ на мое первое, полученное тобою, письмо. Это как раз то, которое я написал в минуту слабости, отчаянья, которого так стыдился, и просил тебя во всех письмах не читать его, не обращать на него внимания.[13] И вот те письма, которые я писал тебе с такой любовью, в таком порыве нежности к тебе, такой тоски по тебе, – они пропали. А это отвратительное письмо пришло, и ты мне подробно отвечаешь на него. Оно первое пришло к тебе. Это такая гадость, низость, подлость почты, которая смеет выделывать такие штуки. Ведь оно должно было пропасть, а не те. Этого я хотел и требовал. Я писал тебе ежедневно, писал (и пишу) все, что приходит мне в голову, все, что я в данные минуты чувствую. А это все так противоречиво! И оно в числе остальных писем должно было сказать тебе, что́ я переживаю к тебе. То, что случилось, это так возмутительно и мерзко. Теперь ты никогда не забудешь этого *единственного*

письма моего из Коктебеля. Аморя, я ведь первые дни изнывал, места себе не находил от тоски по тебе, от безысходной любви к тебе, у меня наступали припадки и нежности, злобы и отчаяния, и тоски. А потом этот перерыв – ты не пишешь ни строки, мои письма возвращаются ко мне с пометкой швейцара: «Уехала в Крым». И вот это твое письмо – оно от субботы. Ты должна была уже получить мою телеграмму в этот день, а ты ничего не упоминаешь об ней.

В твоем ответном письме далекое и холодное эхо моего письма. Ты отвечаешь на обидные и эгоистические слова, которые я говорил тебе в нем. Боже мой, Боже мой! Как мне хочется услышать твой ласковый, милый, любящий голос. Я не хочу думать о том, что и как будет, что надо делать. Я не хочу и не буду больше никогда говорить о том, как мы должны любить друг друга, страстно или не страстно, супружески или не супружески. Об этом нельзя говорить. Об этом грех говорить. Слова здесь убийцы. Я хочу быть честным и чистым перед каждым настоящим мгновением. Честным и чутким. Я не хочу думать о том, что *может* случиться, что мы *будем* делать... У меня в жизни было омертвение потому, что я утратил чувство мгновенья. Я жил все время в каком-то пассивном *ожидании*: я ждал тебя, ждал от тебя. Ожидание – это мертвое состояние духа, это потеря чувствительности к мгновению, это болезнь, от которой нужно избавиться.

И теперь я знаю, против чего надо *мне* бороться, от чего *мне* надо избавиться. Милая, милая моя девочка, прости мне это глупое и скверное письмо, которое меня мучило все время. Но только я вовсе не хочу писать друг другу исключительно в светлые минуты. Я хочу писать во все минуты, и все минуты должны быть светлыми.

И мое письмо, и твой ответ на него – анахронизм, и в этом есть издевательская жестокость судьбы, что она изо всех моих писем привела к тебе только это.

Мои письма к тебе не должны пропасть, я в них слишком много вложил. Тебе нужно подать заявление в почтамт и потребовать разъяснения этой небрежности и возвращения писем, не отосланных в Крым, потому что, вероятно, им про-

сто надоело пересылать ежедневно письма обратно. Я, кроме тех двух, что послал сейчас же тебе, иных не получал. Непременно наведи справки и потребуй.

x

Относительно условий жизни в Коктебеле передай Верховскому следующее: комнаты есть в 10–15 р. и выше. За пансион мама берет 35 р. с человека. Но может сделать и исключение, уступку в 30 р. Так что в общем на 100 р. вдвоем можно жить.

x

Это последнее письмо мое, что я отправляю в Петербург на имя Вячеслава. Теперь я буду писать на Поварскую, т<ак> к<ак> ты мне писала, что выедешь во вторник на Страстной. Это письмо должно придти ко вторнику и застать тебя. Целую Лидию и Вячеслава.

x

Сегодня я был в горах. Вся трава ярко-зеленая – это так странно для Коктебеля. Был ветер и нес клочки тумана. Солнце светило в промежутках между туманом. Было дико и дивно по краскам. Мне очень хорошо, весело, бодро, и я нахожу себя старого, очень, очень юного.

x

Уговори Ан<ну> Рудольф<овну> ехать на Пасхе в Крым. Она пишет, что смертельно устала, что силы ее гаснут; ей необходим отдых. Уговори ее. Она тебя послушает. Она ведь для тебя остается сейчас в Москве. Ты можешь и должна убедить ее. Это необходимо ей.

На Пасхе я, конечно, в Москву не приеду. Теперь мне еще нельзя покинуть Коктебель. Моя душа только что начинает проникаться им, а она должна совсем обновиться. Мне еще *нужно* быть здесь. Меня удручает, что ты не пишешь ничего о том, сколько времени думаешь ты пробыть в Москве; и ничего не говоришь <о> своей жизни в Петербурге. Я ведь

ничего не знаю — ни чем ты живешь, ни о чем вы говорите, ни что случается в твоей жизни... Аморя!!

Есть ли у тебя еще деньги? Помнишь ли ты, что сегодня годовщина нашей свадьбы?

[1] «Пелеата» или «Вилла Пелеата» — название двухэтажного (с одноэтажной пристройкой) дома Волошина в Коктебеле (строительство завершено летом 1903 г.).

[2] Волошин имеет в виду п. 338 — первое, полученное им в Коктебеле от Сабашниковой.

[3] Речь идет о рецензии Волошина на издание: Князь А.И. Урусов. Статьи его о театре, о литературе и об искусстве. Письма его. Воспоминания о нем: А.А. Андреевой, К.К. Арсеньева, К.Д. Бальмонта... В 3 т. <в двух книгах>. М.: тип. И.Н. Холчев и К°, 1907. Опубликована в газете «Русь» (1907. № 115. 26 апр. С. 2).

[4] Эти слова содержатся в письме А.И. Урусова к А.А. Андреевой от 15 февраля 1897 г., содержащем описание вечера у А.И. Урусова («ужинало 27 персон»). «Милее всех была Ваша племянница», — пишет Урусов в этом письме (Князь А.И. Урусов... Т. 3. С. 375).

[5] Эти записи в дневнике Сабашниковой относятся к 1898 г. См., например, запись от 26 апреля: «Вчера вечером в постели я плакала. Вы понимаете, что я дикая птица. Мне больше несносен наш курятник. Наши куры хороши, но выше забора летать не могут, а мне хочется дальше, выше и смелей. А! Туда, туда и совсем одной. Я плачу, потому что бессильна. Вы слышите, вы понимаете, что я дикая птица, что мне <надо?> улететь, мне носиться над волнами и во время бури кричать и любить волны, и любить другую безумную чайку.

И я хочу быть далеко и хочу, чтобы меня любили не за то, что я дочь и сестра, а за то, что я — я, за мой голос, за мой взгляд, за мою душу, за меня саму.

Пусть я безумна, мне несносна спокойная довольная жизнь.

Разве это счастье? Разве может быть счастье без борьбы? А я хочу своего счастья, звучного и мгновенного счастья. Я говорю вам: я хочу!

Может быть, когда-нибудь я с ненавистью прочту эти строки и буду тщетно звать рассеявшуюся семью. Может быть... А теперь я хочу ветра... Хочу открытого океана, хочу собственной жизни, своей любви!» В этой же записи Сабашникова упоминает о своей «большой, добродетельной и скучной семье» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 13, л. 148—149).

[6] Волошин имеет в виду запись от 19 декабря 1898 г.: «Я теперь знаю 2 вещи: это то, что выше любви к людям ничего нет, и то, что я никогда не выйду замуж за поэта. Меня тошнит от стихов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 15, л. 105). В дневнике это место отмечено (вероятно, Волошиным) двумя вертикальными линиями слева.

[7] 14 апреля 1898 г. Сабашникова оставила в своем дневнике следующую запись: «Я сейчас встала на колени перед открытым окном, и я решила, я хочу, я умоляю. И солнцу, и небу я сказала, что́ хочу, и теперь я посвящена, теперь Твоя, пошли мне жестокого ангела-хранителя в латах и с мечом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 13, л. 120). О том же она пишет и 21 апреля: «Боже, я умоляю Тебя, помоги! И еще раз прошу жестокого ангела-хранителя в латах. О возьми мое сердце в себя и сохрани. Пусть я очищусь хотя бы ценой горя. Горе возвышает, делает больше, но я должна, чтобы быть чем-нибудь, быть самоотверженной и беспощадно строгой. Нужно мне освободиться от себялюбия и тщеславия, нужно» (Там же, л. 142–142 об.).

[8] Тюмос (*греч.* – τύμος) – мужество, воля, сознание своей внутренней силы.

[9] Ср. в стихотворении Волошина «Если сердце горит и трепещет...» (1905): «Расплескали мы древние чаши, / Налитые священным вином» (Т. 1 наст. изд. С. 60).

[10] Первая запись в дневниковых тетрадях Сабашниковой датирована 21 июня 1897 г.

[11] П.П. фон Теш.

[12] П. 342.

[13] Речь далее идет о п. 333.

347. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

12 апреля 1907 г. Санкт-Петербург

12.

Сегодня 12 апреля. День нашей свадьбы, дорогой, любимый, мой, мой.

У меня есть Макс, у меня есть Макс. Только он не муж мне, а мальчик мой, м<ожет> б<ыть>, мой сын, приемыш, маленький; но у меня есть Макс, у меня есть Макс. Целую тебя, нежный Максюта, Твою кудрявую голову, Твою милую любимую голову, Максину. Я поверила в Тебя, и Ты вырастешь большой и удивишь всех и меня.

От моего папы я получила сегодня письмо, и он пишет: «Я уверен, что душой Вы вместе, дай Бог Вам всю жизнь идти рука об руку, душа в душу».[1]

И мы пойдем, Макс, так. Знаешь, Макс, ведь я до сих пор не понимаю, почему нужно было, чтобы мы связались браком. Почему? Ты-то понимаешь? Может быть, Тебе горько, что я так говорю? Что нам нужно быть друг с другом, это я знаю, а зачем мы венчались, этого я не знаю. Кого мы обманывали? Ведь каждый раз, как Ты спрашивал меня, хочу ли я быть Твоей женой, я отвечала: «Нет». Мне так больно иногда, зачем же я мучаю Тебя; зачем Ты имеешь вид счастливого, женатого, а сам одинок в смысле плотском.

Мне очень больно об этом думать. Хочется просить у Тебя прощения и плакать. В чем моя вина? Виновата ли я? Ты ли виноват в том, что согласился быть моим мужем, зная, что у меня нет этого чувства. Мы были как дети. Или предназначен нам суровый путь? П<отому> ч<то>, Макс, ведь его я бы иначе любила, иначе, ведь я его иначе люблю, но есть фатальность, есть невозможность, а один строгий суровый путь возможен. Видишь, Макс? Значит, и Ты, и я, так мы должны, значит, жить. И иногда грустно, и плакать хочется от этой судьбы. А впрочем, «что мы знаем, что нам знать, о чем жалеть?»[2]

Мой родимый, родимый; странно, когда в жизни что-то разбито и звенит надтреснуто. Я люблю Бога. Иногда плачу и люблю его как отца. Ведь он все знает. Ведь его лучи живые, и не может быть холодного, слепого в жизни. Я не хочу рассуждать о путях его. Кому же верить, как не ему? Отдаюсь. Отдаюсь. Вот мои последние дни в Петербурге. Чему же Ты рад? Разве Ты не знаешь, как больно уезжать. В Москве будет настоящее одиночество. Только А<нна> Р<удольфовна>. Но А<нна> Р<удольфовна>, ведь я с ней не умею говорить. Когда я увижусь со всеми? В<ячеслав> будет работать над «Цыганами»[3] и до конца мая не выберется, а Лидия останется здесь. Ты тоже не едешь, и вот я буду пропадать в Москве. Если бы Ты приехал, мы бы сейчас же уехали в Богдановщину вдвоем. А впрочем, делай, как считаешь лучшим.

Я люблю Тебя, люблю Тебя, родной мальчик, и чувствую издали твою тоску. Только Ты не тоскуй. Это грешно. Люби

меня и верь жизни. Доверься, Макс, я доверяюсь и плачу от радости. Целую, милый, милый, милый.

[1] Среди сохранившихся писем В.М. Сабашникова к дочери это письмо отсутствует.

[2] Из IX «Александрийской песни» М. Кузмина («Кружитесь, кружитесь...»). Волошин цитировал этот фрагмент в своей рецензии на «Александрийские песни» (см. примеч. 12 к п. 276).

[3] Имеется в виду статья В.И. Иванова «Цыганы», написанная для 2-го тома «Сочинений» Пушкина (в серии «Б-ка великих писателей») под ред. С.А. Венгерова (СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908. С. 228–240); вошла в книгу Иванова «По звездам» (СПб.: Оры, 1909) с названием «О "Цыганах" Пушкина».

348. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

13 апреля 1907 г. Коктебель

13 апреля. Пятница.

Милая, милая моя девочка, я посылаю сегодня тебе письмо в Петербург, но одновременно хочу написать тебе еще несколько слов в Москву, чтобы они тебя встретили. Милая, милая моя девочка, я тебя люблю безумно. Знаешь ли ты, что вчера была годовщина нашей свадьбы? Помнила ли ты это?

Как можно скорее – сегодня же пойди к Анне Рудольфовне. Ее письма меня очень беспокоят: она *смертельно* устала. Ей непременно надо отдохнуть. Уговори ее, чтобы она исполнила свое желание уехать в Коктебель, чтобы хоть немного здесь отдохнуть и успокоиться. Она не хочет уезжать теперь из Москвы (сколько я понял) отчасти потому, что хочет, считает необходимым видеть тебя. Так что ты можешь заставить ее уехать. Она пишет, что *сгорает* от усталости.[1] Вот тебе первая задача в Москве.

Конечно, если Ан<на> Руд<ольфовна> приедет теперь в Коктебель, то я останусь столько, сколько она останется, чтобы уехать вместе с ней. Поцелуй от меня всех в Москве.

Я думаю, что во избежание всяких недоразумений и недоумений относительно нашей разлуки – в Москве лучше всего

объяснить то, что есть, т.е., что мы расстались для того, чтобы самовоспитаться, окрепнуть, найти в себе личную энергию. Я думаю, это все лучше теперь же объяснить.

Пиши мне подробно о своей жизни. Я хочу знать, что с тобой. Я хочу знать каждый твой день. Я бы ни за что не уехал бы никуда, если бы знал, что ты мне перестанешь писать.

Пиши мне все, что ты будешь говорить с мамой. Почему она так волновалась? Вообще как можно больше скажи ей об наших отношениях: потому что, я думаю, они, не понимая, очень волнуются.

У меня теперь ужас перед всякими теориями и рассуждениями. Я знаю только, что я люблю тебя страшно: и как брат, и как влюбленный, и как мать, и как тетка, и как муж. Что разлука с тобой мне страшно тяжела. Но что теперь я вполне овладел своей тоской, которая первые дни была невыносима. Теперь же я каждую минуту радуюсь тому, что ты есть, радуюсь всем твоим вещам, оставленным здесь, твоему дневнику, Коктебелю, горам, горным травам.

Единственно, что меня беспокоит страшно — это что я *ничего* не знаю о твоей жизни. Со времени твоего отъезда из Царского ты не написала *о себе* ни одного слова. И перед прибытием почты я волнуюсь каждый раз страшно. И вот теперь уже это начинается.

До свиданья, моя милая, моя родная девочка. Пусть тебе будет хорошо в Москве — радостно, уютно и близко. Милая моя, милая моя...

[1] «Устаю я, очень... — писала А.Р. Минцлова Волошину 6 апреля 1907 г. — Все больше и больше горит жизнь, все ярче светильник — но фитиля уже немного осталось, и ненадолго свет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 19 об.). О том же — в письме от 9 апреля 1907 г.: «...Устала я — безгранично. И измучена до последней степени, до какой может быть измучен человек...» (Там же, л. 23 об.).

О том же, по-видимому, Минцлова писала в апреле и другим своим знакомым, в частности, — В.И. Иванову. 17 апреля 1907 г. в письме к Сабашниковой (из Петербурга в Москву) Иванов выражал озабоченность состоянием Минцловой. «Пусть она услышит, как я ее <Минцлову> люблю, — сказано в этом письме. — Но ужас испытываю за нее *я* — и пусть она этого не слышит. Мнится мне, что *она*

обречена, — она одна» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. С. 159; публ. Г.В. Обатнина).

349. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 14 апреля 1907 г. Санкт-Петербург[1]

И струя струе,
Как сестра сестре,
Повторит напев,
Прозвенев:
— Холодея, песнь мы слышим.
Вечер видит Пан.
Сестры! – Слышим и не дышим,
Пышных тканей не колышем,
Вечер видит Пан.
— Уберем кудрей прозрачных
Стынущий узор,
Сохраним залог венчальный
В урне струйной, погребальной
Бога Пана взор.
— Развернем в лесу рубинных
Ожерелий нить.
Скорбь багрянцем тканей винных,
Пряжей косм червонных длинных
Радостно повить.
— Пан, оставь свирель.
Сердцу колыбель
Хладная купель,
Ясная печаль.
Гробовой хрусталь.
— Замолчит свирель,
Разорвем, смеясь,
Ожерелий вязь.
Багрянец чащоб

Нанесем на гроб.
Спящего ли жаль?
Красная метель
Кроет колыбель.

И прозрачна даль,
И ясна печаль.

Замерла свирель....

Вот окончание «Осени».[2]

В «Весне» следующие изменения:

Под напев в глубинном сумраке
Тайноборствуют силы вод,
И восходит сонм невидимых,
И трепещет весенний свод.[3]

Севы сонные, а не всходы темные; не храм, а «зыблет мглящийся фимиам».[4]

Чей тревожит шаг невидимый
шевелящийся перегной?
Чьи всклубились кони белые
высоко над землей парной?[5]

И разят лучи,
И гремят ключи,
И восход<ят> цвет<ы> в т<вой> день.
И горят листы,
И звенят кусты,
И дриады колеблют тень,

И идут на свет,
Коим лика нет,
И не может их мир принять.[6]

Лесной же царь будет разделен на 2 части. И вторая часть:[7]

У царя в гудящих хвоях не мое ль лицо?
Не царево ли на пальце у меня кольцо?

Рысий царь в венце огнистом, ты ли внемлешь мне?
Я ль дремлю, дремлю и слышу твой призыв в огне.

От меня чего ты хочешь, мой лесной двойник?
Что к моей душе душою, как к ключу, приник?

Душу жалит взор горящий, голос скован мой.
Кто здесь темный, кто здесь зрящий, вещий и немой?

Цикл моих стихов называется «Лесная свирель». Твои 2 крымских сонета назовутся «Киммерийскими сонетами»[8] (старое имя Крыма[9]).

Оба они очень нравятся В<ячеславу> и всем. Первый вариант гораздо лучше.[10] Во втором сонете только слово «фигуры» очень плохо, и это всех поражает. М<ожет> б<ыть>, ты успеешь изменить их:

Понуры или еще как.[11]

[1] Датируется по смысловой соотнесенности с п. 344: оба «киммерийских сонета» Волошина, отправленные 10 апреля, должны были достигнуть Петербурга около 14 апреля.

[2] Вторая часть стихотворения «Осень» (Цветник Ор. Кошница первая. С. 209–211). Имеются незначительные расхождения с опубликованным текстом.

[3] Эта строфа опубликована в «Цветнике Ор» без изменений (С. 206).

[4] В опубликованный текст вошло в следующем виде:

Прибывают соки темные,
По холодным кипят стволам;
И весь мир дрожит безмолвием
И колышется фимиам (Там же).

Ср. примеч. 10 к п. 336.

[5] В опубликованном тексте эта строфа подверглась изменениям:

Чьи всклубились кони белые
Высоко над землей парной?
Чей тревожит шаг невидимый
Шевелящийся перегной?

(Цветник Ор. Кошница первая. С. 206). См. также примеч. 8 к п. 336.

[6] Весь приведенный фрагмент вошел в стихотворение «Весна» (Там же. С. 207).

[7] По-видимому, стихотворение «Лесной царь» состояло первоначально из двух частей. Первая часть, посвященная Пану, получила название «Осень»; вторая – название «Лес». Оба стихотворения опубликованы в «Цветнике Ор» (Там же. С. 209–213). Кроме того, в 1905 г. Сабашниковой была задумана и одноименная картина (см. примеч. 5 к п. 172).

[8] Название «Киммерийские сонеты» было дано В.И. Ивановым. 3 мая 1907 г. Иванов писал Волошину: «Я ни в чем не виноват перед тобой <...> кроме произвола, выразившегося в наименовании твоих двух сонетов "Киммерийскими Сумерками" (мне очень нравится это соединение и кажется соответственным и выразительным), и, быть может, отчасти произвольного выбора той редакции их из многочисленных твоих вариантов, которая представляется мне наиболее безупречною формально» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 155; публ. Г.В. Обатнина).

[9] Волошин действительно отождествлял Киммерию с частью Крымского полуострова, используя это название, скорее, как поэтический образ. «*Киммерией*, – писал он в статье "Константин Богаевский" (1912), – я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от *Тавриды*, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического)» (Т. 5 наст. изд. С. 167). В действительности Киммерией, о которой упоминают несколько античных авторов, в частности Геродот («История», IV, 12), принято в современной науке называть более обширные территории северного Причерноморья (захватывающие также Крым), где в IX–VII вв. до н.э. сложилась особая культура, созданная кочевыми киммерийскими племенами.

[10] Имеется в виду вариант сонета «Здесь был священный лес. Божественный гонец...», посланный В.И. Иванову 3 апреля 1907 г. (и в этой редакции опубликованный в «Цветнике Ор»). Второй вариант («Здесь был священный лес. Иных богов гонец...») был отправлен Сабашниковой 10 апреля 1907 г. (см. п. 344).

[11] Волошин не воспользовался советом Сабашниковой, однако внес в эту строку изменение: «В крылатых сумерках – намеки и фигуры...»

350. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

14 апреля 1907 г. Феодосия[1]

14 апреля 1907. Феодосия.

Я пишу тебе несколько слов из Феодосии, т<ак> к<ак> за массой беготни мне некогда написать большого письма. Я получил твое большое письмо от 10-го.[2] Как я завидую всему тому, что затевалось и происходило без меня, и как досадую на то, что ты мне ежедневно не пишешь. Между слов твоих я чувствую и новых людей, и новые отношения, которые возникли без меня. Какая ты счастливица, зайка. Журнал меня повергает в трепет и восторг.[3] Связать древнее темное сознание с грядущим ясновидением – ведь это моя вечная и глубочайшая мечта. Это действительно то дело, которое святит жизнь. Как же ты тогда же, тотчас же в тот вечер, не написала всего? Какие мои стихи берет Вячеслав для «Цветника Ор»? Получила ли ты в Петербурге мои 2 сонета о Коктебеле и сонет «Пещера Нимф»? Они, мне кажется, подойдут к «Цветнику».[4]

Только что я получил прелестное письмо от Нюши. Она приедет в июне в Россию, чтобы всех нас увидать.[5] Ты, верно, тоже имела от нее уже письмо? Напиши мне подробнее о Герцыках? (Вы зовете уже все друг друга по именам?) Когда они едут в Крым? Мне очень хочется видеть их, когда они будут жить в Судаке. Ты, значит, не забыла о дне нашей свадьбы? Я так боялся, что ты забудешь. Помни, что ты *должна* уговорить Ан<ну> Руд<ольфовну> поехать отдохнуть на Пасху в Коктебель, а если не на Пасху, то после Пасхи, но теперь же. Это *не для меня*, а для нее. И мне кажется, что это необходимо ей.

Я вчера вечером пришел из Коктебеля. Сегодня видел Богаевского и Алекс<андру> Мих<айловну>. Она кланяется тебе. Мне очень хорошо. Завтра утром иду домой. В «Руси» сегодня мой фельетон об «Блоке».[6] Меня все-таки печатают. Я ликую. Надо работать, работать, работать... Мне и в Коктебеле времени мало. Целую всех на Поварской.[7]

Что такое «Евдокия» Кузмина?[8]

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия 15.4.07; Москва 17.4.07.

[2] То есть п. 343.

[3] См. примеч. 3 к п. 338, п. 343 и 344.

[4] Сонет «Пещера Нимф» в «Цветник Ор» не вошел (см. примеч. 2 к п. 333). О двух «коктебельских сонетах» см. примеч. 3 к п. 333 и примеч. 8 к п. 349.

[5] Имеется в виду письмо А.Н. Ивановой к Волошину от 7/20 апреля 1907 г. «Я думаю, что мы скоро с Вами увидимся, – сказано в этом письме. – У меня план быть в России в июне, чтобы повидать всех вас. В Россию же, по правде сказать, не тянет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 12).

[6] В действительности статья (рецензия) Волошина, посвященная «Нечаянной Радости» Блока, появилась в «Руси» 11 апреля 1907 г. (см. примеч. 6 к п. 332 и п. 345). (Слово «сегодня», означает, возможно, что именно в этот день, 14 апреля, Волошин, находясь в Феодосии, получил номер газеты со своей статьей).

[7] Речь идет о родителях Сабашниковой.

[8] См. примеч. 2 к п. 343.

351. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

15 апреля 1907 г. Феодосия[1]

15 апреля. Феодосия.

Сейчас я ухожу в Коктебель. Мне хочется написать тебе еще несколько слов. Я все перечитываю с возрастающим чувством радости и некоей зависти твое письмо об журнале.[2] Как я жду от тебя писем. Я провел в Феодосии 1½ дня, главным образом, из-за получения велосипеда. Теперь он в починке, и через 3 дня я буду уже им пользоваться. И, следов<ательно>, сообщение мое с миром установится. Когда журнал начнет осуществляться – осенью?[3] Когда же в Богдановщину? Как мне хочется видеть тебя, моя девочка, и как мне трудно здесь оставаться. Я надеюсь, что ты мне будешь писать больше из Москвы и также о все<м>, что было в Петерб<урге>. Почему тебе бывало так тяжело? Отчего не написала, когда была больна?

Я чувствую, что я теперь совсем перерождаюсь и приеду иным. Все мое отношенье к тебе, к Ивановым меняется и растет. Алек<сандра> Мих<айловна> все никак не может собраться в Коктебель. Но надеюсь все-таки затащить ее. Богаевский пишет поразительную и сумасшедшую <картину>: город, над которым зеленоватая комета, освещающая все небо: от нее веет чумой и Страшным Судом.[4] До свиданья. Привет всем.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Феодосия 15.4.07; Москва 17.4.07.

[2] То есть п. 343.

[3] См. примеч. 3 к п. 338.

[4] Имеется в виду картина К.Ф. Богаевского «Звезда Полынь» (1907), написанная под влиянием одноименного волошинского стихотворения (см. примеч. 2 к п. 307). «Ваши стихи "К Солнцу" и "Полынь" – это то, что мне всего роднее в природе, самое прекрасное и значительное, что я подметил в ней», – писал Богаевский Волошину 14 января 1907 г. (цит. по: Т. 5 наст. изд. С. 717); упоминаются стихотворения «Солнце» («Святое око дня, тоскующий гранит!..», 1906) и «Полынь» («Костер мой догорал на берегу пустыни...», 1906). «Еще отчетливее, – пишет исследователь, сопоставляя два этих произведения, – трагизм выражен в пейзаже "Звезда Полынь". На всей протяженности вытянутого по горизонтали холста раскрывается панорама разрушенного каким-то бедствием города: обвалившиеся крыши, обрушившиеся стены, на земле заметны обломки фундаментов исчезнувших жилых построек. И над этим опустошенным городом в скорбном сиянии застыла голубоватая звезда Полынь – символ гибели и несчастья» (*Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 36). Аналогичными (апокалиптическими) мотивами проникнуты и все иллюстрации (фронтисписы и рисунки) Богаевского, выполненные для книги «Стихотворения. 1900–1910»).

Картина «Звезда Полынь» не сохранилась. Экспонировалась в 1908 г. на выставках Нового общества художников (Петербург) и Московского товарищества художников. Воспроизведена в журнале «Аполлон» (1912. № 6 <между стр. 8 и 9>).

В Симферопольском художественном музее хранится выполненный тушью рисунок «Звезда Полынь» (см.: *Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. С. 40), который и был воспроизведен в книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» на с. 69 (перед разделом «Звезда Полынь»).

352. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

16 апреля 1907 г. Санкт-Петербург[1]

16 апреля.

Мой милый, я от Тебя долго не имела писем, письмо со стих<отворением> «Грот нимф», о кот<ором> Ты пишешь, пропало. Новое же маленькое стихотворение очень хорошо.[2] Правильная переписка будет возможна только в Москве. Здесь этого делать я не могу и уже писала Тебе, почему. Будь светел, будь спокоен. Я с Тобой, мой любимый.

Трудно жить. Лезвиинаая наша жизнь. Большое испытание наша жизнь. Я в Бога верю и Бога люблю. С Богом я тверда и сильна. Никого не предам.

Большая работа ожидает меня. С Вяч<еславом> я богоборствую. Он не учитель, а испытание, а, впрочем, всякое испытание – учитель. Весело и трудно жить. Жизнь – игра, на которой можно шею себе сломать, и не страшно с Богом. Т.е., конечно, страшно, очень страшно. Но весело. Нужно, чтобы весело было. Умеешь ли Ты играть, Макс? Змий научил играть людей. Бог судит великое игрище.[3]

Третьего дня стояла 2½ часа в хвосте для билета III-го класса, все билеты на 5 ч<асов> 45. III оказались распроданы на всю Страстную неделю, взяла первый попавшийся билет III-го класса без плацкарта, потом ехала под дождем на извозчике и плакала, и смеялась над собой, потом послала лакея Барановских (обедала у них вчера) переменить, нашла на среду. Еду в среду во втором на скором.

Вечером третьего дня была лекция Вяч<еслава> потрясающая.[4] Но обо всем напишу Тебе из Москвы. Требовать твои письма не умею, не знаю где, у меня времени нет. Напиши сам на почту. А лучше приезжай и сам расскажи, – я в письм<ах> изверилась. У меня какой-то другой склад в душе. Живое чувство и в письма не укладывается.

Малютка моя, малютка, моя красота, чистое сердце, кот<орое> я одна знаю, царевич, кот<орого> я одна знаю. Богом данный мне, обрученный мне, и мой, мой.

Наш союз — тайна от всех.
Квартиру можно с октября нанять.

Зайду сегодня проститься с Кудрявцевым.
Отнесу рукопись, кот<орую> переписываю.
Завтра мы с Вя<чеславом> займемся Твоей книжеч<кой>.[5]

Мальчик мой, кладу голову на Твое плечо. Всегда мы вдвоем. Помни, что никто не стоит между нами, и тайна только между двух людей. Люби меня, как я люблю Тебя. Как я жду Тебя, и сказать не могу Тебе.

Я бы желала быть царицей и красавицей, и гением и быть Твоей для людей. Как весело играть. Умеешь ли играть? Хочешь играть перед лицом Божьим, жив ли Ты?

Плясать между кинжалами. Как мы страдаем все! Ну и жизнь!

А все-таки весело! Я люблю Тебя.

Во мне бес. Ты видишь. Я не могу писать.

Господь с Тобой. Любимый, милый, милый.

Деньги у меня есть пока, не беспокойся, и в Москве хватит.

[1] Ответ на п. 344.

[2] Какое именно «маленькое стихотворение» имеет в виду Сабашникова, не вполне ясно (скорее всего, «Темны лики весны. Замутились влагой долины...» — см. п. 335).

[3] О тяготении Сабашниковой к «игре» и ее перекличке с Волошиным, воспринимавшим «детство» в аналогичном ключе, см. примеч. 2 к п. 1.

[4] В лекции Иванов говорил о противоположности «культуры» (прежде всего — в форме современного «декадентства») стихийным устремлениям «соборной народной души» (что означало, по существу, выпад против «Весов» и «брюсовской» линии русского символизма). См. об этом подробнее: *Обатнин Г.В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица. Биограф. альм. <Вып.> 3. М.; СПб.: Феникс — Atheneum, 1993. С. 468—469. См. также примеч. 4 к п. 318 и примеч. 3 к п. 345.

[5] О начавшейся в марте работе В.И. Иванова и Сабашниковой над сборником стихотворений Волошина см. п. 331.

353. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

17 апреля 1907 г. Коктебель

Коктебель. Вторник. 17 апреля. Утро.

Милая моя девочка, сегодня ты выезжаешь в Москву и тебе, верно, очень тяжело расставаться с Петербургом.

Я пробыл два дня в Феодосии, откуда послал тебе две открытки в Москву.[1] Теперь мне очень хорошо. Погода тихая и ясная. Все зацветает. Я очень много делаю гимнастики, купаюсь, много хожу, и физическое утомление очень укрепляет и уравновешивает. Вероятно, в четверг я опять пойду в Феодосию, чтобы взять велосипед, который в чистке, и приехать на нем.

Каждый вечер ухожу я в горы, и всегда Коктебель поражает меня своим разнообразием и неожиданностями. Каждый раз я попадаю в какую-нибудь совсем новую долину или ущелье, которых я никогда не знал раньше.

Аморя, Аморя, когда ты будешь крепка и сильна, чтобы ходить со мной по горам, какой новый мир откроется тебе! Ты себе не представляешь *моего* Коктебеля. Мне всякий раз кажется, что я вижу его в первый раз, что только теперь у меня глаза открылись.

x

Я все перечитываю письмо твое – то, которое Вячеслав назвал мудрым.[2] Мне оно почему-то причиняет горечь. Я не вполне понимаю это. Быть может, мне больно то, что оно написано в ответ на то мое письмо, о котором я мечтал, что оно пропадет...[3]

Мне оно кажется далеким, это твое письмо. Мне больно, что Вячеслав его знает. Неужели ты и мое *то* письмо показала ему?

То, что ты пишешь в нем, все правильно. Но не этих рассуждений ждал я от тебя. Я по тебе истомился, по твоей ласке, по твоем трепете. Ты знаешь ведь теперь из моих писем (ты ведь, верно, их достала теперь все с почты?), что я переживал это время.

Теперь это прошло. Органически ты оторвалась от сердца, т.е. эта бессознательная глупая боль утихла. Но не хочется мне говорить об этом в письме. Мне кажется, что то, что ты в этом письме писала, можно только уткнувшись в плечо говорить.

Мне почему-то невыносимо горько читать эти слова твои: «Когда ты говоришь, что любишь во мне девушку, что когда ты рядом со мной, у тебя нет желания, то я ясно сознаю, что не свята, не священна для тебя страсть ко мне». Ах, Аморя, ты ничего не понимаешь, ничего не понимаешь...[4]

Нет, я не хочу писать об этом. Можно говорить, только близко чувствуя прикосновение.

Мой грех я знаю — это грех перед мгновением. Раньше его не было, раньше я никогда не думал о завтрашнем дне, а теперь начал. Мечтой я постоянно грешу перед жизнью. И в Петербурге я мучился, может быть, не от действительности, а только от того, что я сам себе представлял. Поэтому я так судорожно хватался за действительность, за реальные слова Вячеслава. Моя собственная мечта выплеснула меня из действительности, и я потерял власть над нею. Вот в чем мой кризис. Я теперь постоянно борюсь с мечтой, т.е. с разными фантазиями о себе, о нас, о том, что будет. Как только я их начинаю побеждать, я чувствую, как возвращаются силы, желания и радость. Гибельно, когда каждое желание одевается в одежду мечты.

Это убивает и творчество жизни, и творчество мечты. И тебе надо с этим бороться. Ты этим заражена так же, как я. А, может, даже и больше. Весь секрет, верно, в том, что я люблю тебя больше всего на свете, и нет исхода...

... Ну вот, я опять мечтаю о «завтрашнем дне». За этот год с 12 ап<реля> 1906 по 12 ап<реля> 1907 у меня не было ни одного *сегодня* !!

Третьего дня я отправил Вячеславу открытку с таким сонетом, приветствующим «Цветник Ор»:[5]

Я здесь расту один, как пыльная агава,
На голых берегах, среди сожженных гор,
Здесь моря вещего глаголящий простор
И одиночества змеиная отрава...

А там, на севере, крылами плещет Слава,
Восходит древний бог на жертвенный костер,
Там в дар ему несут Кошницы легких Ор...
Там льды Валерия, там солнца Вячеслава.

Там брызнул Константин певучих Саламандр,
Там снежный хмель взрастил и розлил Александр,
Там Лидиин «Осел» мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные Хариты
Сплетают верески свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, χαιρή!* – Максимильян.[6]

XXX

Теперь я пишу статью о трагедии Сологуба «Дар мудрых пчел». Я в восторге от нее. Это классическое произведение. И, кажется, моя статья выйдет хороша.[7]

До свиданья. Целую мою милую, милую девочку. Привет М<аргарите> А<лексеевне>, В<асилию> М<ихайловичу>, Б<орису> Н<иколаевичу>, Ляйзе и детям.

Я тебя очень, очень хорошо чувствую и верю в будущее и в жизнь. Только не хочу больше мечтать. Милая, милая, родная моя, девочка. Мама тебя каждый раз целует и всё видит тебя во сне.

[1] П. 350 и 351.

[2] Имеется в виду п. 342.

[3] То есть п. 333.

[4] Далее следует дважды зачеркнутое и незаконченное предложение: «Мне теперь иногда страшно думать о наш».

[5] 15 апреля 1907 г. Волошин отправил открытку с этим сонетом В.И. Иванову (см.: Т. 9 наст. изд. С. 299–300). См. об этом также в п. 355.

[6] Впервые опубликовано В.П. Купченко (по тексту настоящего письма) – см.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1988. № 168/169. С. 63.

В стихотворении упомянуты участники «Цветника Ор»: В.Я. Брюсов (Валерий), В.И. Иванов (Вячеслав), К.Д. Бальмонт (Константин), А.А. Блок (Александр) и Л.Д. Зиновьева-Аннибал (автор пьесы «Певучий осел»). «Свирельная Маргарита» – намек на цикл стихотворений Сабашниковой «Лесная свирель» (см. примеч. 4 к п. 343).

* Привет *(греч.)*.

[7] Рецензия Волошина, посвященная трагедии Федора Сологуба «Дар мудрых пчел» (Золотое Руно. 1907. № 2. С. 38–43; № 3. С. 41–53; затем – в составе «Собрания сочинений» Сологуба (Т. 8. Драматические произведения. СПб.: Шиповник, <1910>. С. 57–131); отдельное изд.: *Сологуб Ф.* Дар мудрых пчел. Пг., 1918), была напечатана в газете «Русь» (1907. № 152. 14 июня. С. 2). Волошин присутствовал на чтении Сологубом своего произведения вечером 22 октября 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 165).

Рецензия на «Дар мудрых пчел» была первой из трех статей Волошина о Ф. Сологубе, написанных в 1907 г. См. подробно: М.А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 151–164.

354. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

17–19 апреля 1907 г. Коктебель

Вторник. 17 апреля 1907. Ночь.

Милая, милая моя девочка, – вот пришло твое письмо, написанное в годовщину нашей свадьбы.[1] Милая, милая моя... Вот я в первый раз за все время слышу твой настоящий голос ко мне. Как я его ждал, как мне было горько без него. Я, прочтя твое письмо, бросился в горы. Я не мог оставаться дома. Я шел, бежал. И зашел очень далеко, где еще никогда не бывал, на высокую пустынну<ю> гору в самой глубине долины. Оттуда были видны и степи, и Азовское море. Необъятный вечерний простор. И я вынул наше обручальное кольцо, которое у меня висит на шее вместе с крестом, и целовал его и клялся, что буду верен тебе и не предам: и целовал крест. На нем надпись: «Да воскреснет бог и да разразятся врази его!»[2] Потом я опять шел по горным склонам, по глубокой зеленой траве. Фиалки везде. На кизиле желтые цветы. Яблони в розовом снеге. Я чувствовал всего себя. Все тело, каждым нервом, каждым мускулом было напряжено и трепетало, и пело. Это молодость, это жизнь. Я давно их не ощущал. Какое-то окрыление во всем естестве. Чувствуешь, как внутри физические силы поют гимн единому слиянному миру. Милая, радостная моя Аморя. Аморя! Аморя! Как хорошо жить...

Я вернулся домой поздно, – уже было совсем темно. Застал маму, приехавшую из города. Она привезла мне еще одно мое письмо к тебе,[3] вернувшееся сюда: на этот раз почтальон Тарантулов (см. конверт[4]), по справке у швейцара, направил его в Берлин (!!!), и оно уже оттуда вернулось.[5] Я прочел его. Оно написано было в момент моей наибольшей тоски по тебе и любви к тебе. Я его посылаю тебе. Оно должно было прийти к тебе в Петербург, а не то мерзкое, которое ты получила первым. Прочтя его, ты поймешь, *почему* у меня был такой надрыв, когда ты не писала мне, и письма к тебе возвращались, и почему казалось мне, что все потеряно. О, теперь-то я этого не думаю!

x

О делах: 1) квартиру рядом с Ивановыми я хочу, если можно ее занять *с октября*.[6] Иначе же нет. 5 месяцев – это 200 руб., а их у нас нет. Раньше октября я ни в каком случае не хочу возвращаться в Петербург. А если возможно, то позже. Мы страшно рано приехали в город в прошлом году.[7]

2) Мою книгу, конечно, я хочу издавать лучше осенью и напишу об этом Вячеславу.

3) Если Ан<на> Руд<ольфовна>, несмотря на все мои уговоры (и твои?), откажется приехать в Коктебель отдохнуть, то я приеду в Москву между 10 и 15 маем, и мы тотчас же поедем в Богдановщину. Быть может, Ан<на> Руд<ольфовна>, не находя возможным уехать теперь отдыхать в Коктебель, найдет возможность вместе с нами поехать в Богдановщину? Поговори об том с ней и выясни это точно. Если же она приедет <в> Коктебель (она хотела на 3 недели), то, значит, я вернусь с ней в конце мая.

x

Когда я был там на горе, то я думал о том, что вот ты едешь по железной дороге, и мысли твои, верно, со мной. Я очень устал. Покойной ночи. О стихах завтра.

Среда. 18 апр<еля>. Ночь

Милая, милая моя девочка... Как мне хорошо, как мне хорошо с того момента, как я получил твое письмо...

Сегодня я опять был в горах. Я бродил в том лабиринте, что между Отузами[8] и Коктебелем. Всюду цветы. Поля фиалок. Черемуха. Вдруг я вышел неожиданно на перевал, с которого раскрывался вид на долину Отуз с заходящим солнцем, всю укрытую зеленым золотистым бархатом... Была такая тишина, такая *святость* на этих долинах. Во мне росло какое-то великое успокоение. Раньше у меня были эти моменты глубоко<го>, святого слияния. Эти годы их не было, и я думал, что я их утерял совсем. В этих мгновениях какое-то глубокое обновление всего существа. Я чувствовал себя вновь рожденным. Только на вершинах гор бывают они, когда чувствуешь эти святые, человеческие долины. Мне было больно, что я без тебя, и опять я целовал твое кольцо. Неужели никогда ты не войдешь в этот мой мир? Единственный *мой*. В нем я целен, и нет во мне никаких сомнений и воплощений.

Неужели ты никогда не захочешь быть сильной, выносливой, ходить по горам и испытывать это ни с чем не сравнимое вдохновение движения, вдохновение тела. Придешь ли ты ко мне в мой настоящий мир? Потому что если у меня были моменты настоящей жизни – то это здесь в горах.

Аморя, то, что я пишу тебе в том моем старом письме, служит ответом моим на твое предыдущее письмо. Ответ и в первой части, где о таинстве, и в страницах, написанных на другой день утром («Будь свободна и радостна»).

Ты меня еще спрашивала в том письме – хочу ли я быть тебе братом? Разве вся моя жизнь с тобой не была ответом на этот вопрос? Разве я не был тебе все время только братом? Разве может что-нибудь измениться? А *хочу ли я* – на это трудно ответить: все то, что я переживал это время, было неожиданно и непредвиденно для меня самого. Какие неожиданности готовит мне еще мое воплощение и вочеловечение, я не знаю. Теперь же у меня только чувство безграничной любви, нежности и радости, которое не ищет никаких выражений и исходов, потому что оно так цельно и полно в самом

себе. Знаю тоже, «что не хочу ни за что опять чувствовать себя "мужем"».

Это все как будто противоречит тем словам, что я писал в ту ночь в письме... Логически – да. Но в сердце моем живо и то, и другое.

x x x

Вот новые мои стихи:

Туманный день раскрыл больное око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Дробясь, скользит над мутной глубиной...
То колос дня от пажитей Востока...

И чаша вод колышется широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мыс, зубчатою стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

О, этот час в затишье бледных утр,
Когда в горах* струится перламутр,
Журчат ручьи, безмолвствуют долины,

Звенит** трава, и каждый робкий звук
Поет струной... и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.[9]

x

Теперь покойной ночи. Завтра утром я еще буду писать тебе. А после пойду в город, чтобы отправить это письмо заказным и взять велосипед.

Сегодня я закончил статью о Сологубе («Дар мудрых пчел»), которой, кажется, доволен.[10] Спи, моя девочка. Это твоя первая ночь в Москве.[11]

19 апреля. Утро.

Мне надо сейчас идти в Феодосию. О твоих стихах напишу тебе подробно после. Мне они все (т.е. исправления) очень нравятся. Буду ждать с нетерпением решения: ехать ли

* *Было:* Кругом в волнах
** *Было:* Шуршит

мне в начале мая к тебе или нет. Ты отчасти сама виновата: до сих пор я ничего не знал о том, что ты хочешь делать, и когда едут в Богдановщину: ты мне ни слова не писала об этом.

Это письмо придет уже на Пасху. Христос Воскресе, моя девочка! Поздравляю и целую Марг<ариту> Алекс<еевну>, Вас<илия> Мих<айловича>, Ляйзу, Бориса Николаев<ича>. Николеньку,[12] Алешу и т.д. Привет и поздравления Поле и Маше.[13]

Жду от тебя писем из Москвы. Милая, милая, милая, радостная моя девочка. Я нашел себя в природе. Мне хочется с тобой в лесу встретиться и посмотреть опять на твою головку на красном фоне листьев, гладить твои волосы, целовать твои тонкие пальчики. Христос Воскресе, Аморя!!

[1] То есть п. 347.

[2] Первые слова 67-го псалма; с этих же слов начинается православная молитва кресту Господню.

[3] Речь идет о п. 333.

[4] Конверт не сохранился.

[5] Этому эпизоду Сабашникова придавала впоследствии едва ли не провиденциальный смысл. В книге воспоминаний она утверждает, что все письма Волошина, «посланные тогда в Петербург, переадресовывались на какой-то незнакомый адрес в Берлин; в этих трогательных письмах Макс звал меня приехать, он ужасно страдал, а письма через некоторое время возвращались к нему из Берлина! Что это было? Чья-то непостижимая ошибка, недосмотр? Или сознательная воля, хотевшая нас разлучить? Лишь много позднее пришел мне на ум этот второй вопрос, но я и теперь не могу на него ответить» (Зеленая Змея. С. 164). В действительности, судя по переписке, в Берлин были отправлены лишь два письма, затем вернувшиеся в Коктебель (ср. примеч. 2 к п. 356).

[6] Далее вымарано несколько слов.

[7] Волошин и Сабашникова вернулись из Коктебеля в Москву 4 сентября 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 162).

[8] Отузы (с 1945 г. – Щебетовка) – селение в Феодосийском уезде Таврической губернии, позднее – в Судакском районе Крымской республики; ныне – в составе Феодосийского горсовета Республики Крым Российской Федерации). На территории Щебетовского поселкового совета находится в настоящее время Биостанция Карадагского отделения Института биологии южных морей им. А.О. Ковалевского (там же – администрация Карадагского природного заповедника).

[9] Сонет был одновременно послан В.И. Иванову (см.: Т. 9 наст. изд. С. 300–301). Впервые опубликован в журнале «Золотое Руно» (1907 № 4. С. 28) в составе цикла «Terre antique» (первая строка – «Равнина вод колышется широко...»). Между первоначальной и окончательной редакциями имеются расхождения.

[10] См. примеч. 7 к п. 353.

[11] На самом деле Сабашникова приехала в Москву утром 20 апреля (см.: Труды и дни-1. С. 182, а также п. 352 и 355).

[12] Н.Б. Гофман.

[13] См. примеч. 2 и 3 к п. 242.

355. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

20 апреля 1907 г. Москва[1]

Пятница.

Милый, любимый, пишу Тебе только несколько слов по приезде. Я опоздала в среду на поезд. Лидия ошиблась, и пришлось ехать в четверг. Последний день посвятила твоей книжке. Откладывать ее невозможно до осени, но я взяла на свою ответственность выбросить «По ночам, когда в тумане»;[2] это слишком старое стихотворение: «Ряд случайных сочетаний» и все прочее;[3] ведь ты не подпишешься под этим сам теперь. Еще плохо стихотворение «И были дни»; там есть хорошее, но в общем оно не сделано.[4] Ах, вообще, Макс, ты мало работал, и в твоих стихах много дилетантства и риторики. Ты не находишь? Теперь мне досадно на В<ячеслава>, что он взялся издавать эту книжечку; она должна была созреть.

При мне получилась твоя открытка с сонетом.[5] Очень, очень мило.

Меня встретили радостно. Папа болен только. Мама очень бледна, но ласкова и бесконечно близка мне. Сейчас иду к Анне Руд<ольфовне>. С башней рассталась хорошо, радостно. В<ячеслав> все повторял мне: «Бог не выдаст – свинья не съест». Вот что говорить себе, когда страшно. А потом рекомендовал все, что «едро́во».

Писать Тебе много не могу. Мне скучно останавливаться на себе, на своих и Твоих чувствах. Тебе, может быть, обидно

это. Не пойми меня плохо; но нужно или жить вместе, или не переживать по письмам всего, а просто только знать. Знай, что мне радостно и хорошо. Что я люблю Тебя, что я свободна. Люби и Ты меня, будь радостен и свободен.[6] Мое письмо в ответ на твое первое[7] не есть анахронизм и холодное эхо; а есть сущность моя.

Мальчик мой любимый, любимый. А<нна> Р<удольфовна> едет в Мюнхен на днях,[8] когда же ты приедешь ко мне?

Целую тебя и люблю. Я видела кв<артиру>, она стоит 35 руб. 3 маленьких светлых комнаты, прелестных. Буду сегодня писать еще. Христос воскресе, братик мой.[9]

Поцелуй маму.

[1] Датируется по содержанию (упоминание о приезде в Москву).

[2] Стихотворение Волошина (1905). Впервые – в альманахе «Северные цветы ассирийские» (М.: Скорпион, 1905. С. 52–54) с посвящением В.Я. Брюсову. Вошло в «Стихотворения. 1900–1910».

[3] Строка из стихотворения «По ночам, когда в тумане...»

[4] Стихотворение Волошина «Второе письмо» («И были дни, как муть опала...»). См. примеч. 11 к п. 32 и примеч. 18 к п. 52.

[5] См. примеч. 5 к п. 353.

[6] Отклик Сабашниковой на слова Волошина, повторяющиеся от одного письма к другому: «Будь свободна и радостна» (см. п. 333, 354 и др.).

[7] Имеется в виду п. 342 (ответ Сабашниковой на первое полученное ею письмо Волошина из Коктебеля).

[8] См. примеч. 11 к п. 321 и примеч. 1 к п. 357.

[9] Письмо написано в преддверии Пасхального воскресенья, приходившегося в 1907 г. на 22 апреля.

356. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

21 апреля 1907 г. Коктебель

20 апреля.[1] Суббота.

Милая моя девочка. Сегодня Страстная суббота. Я представляю себе, как ты стоишь в церкви в Москве, и твое лицо, и твое чувство. Жду писем от тебя. Опять не было письма от

тебя давно. А могли бы быть уже из Москвы. Я еще получил мое письмо из Берлина и пересылаю тебе.[2] Это из самых ранних. Теперь оно имеет только историческое значение – часть коктебельского дневника моего сердца. Поэтому не придавай его словам больше значения.

Я получил еще одно письмо от Нюши – очаровательное, милое, ласковое. В июне она приедет в Россию.[3]

Ан<на> Рудольф<овна> пишет мне, что она ни в каком случае теперь приехать не может в Коктебель.[4] Значит, я скоро приеду к тебе, за тобой. Но я не хочу это сделать сейчас же, т<ак> к<ак>, с одной стороны, мне не хочется сию минуту покидать Крым, когда, наконец, стало тепло, хорошо, и настала настоящая весна, а с другой стороны, мне кажется, что ты должна немножко побыть одна в Москве без меня – не столько для тебя самой, сколько для Марг<ариты> Алекс<еевны> и вообще для Москвы. Но, во всяком случае, буду ждать от тебя определенных писем и указаний из Москвы. 1 мая должны ко мне приехать на несколько дней Богаевский и Александра Михайловна. Так что я смогу приехать только в 10-ых числах.[5] А теперь я (если погода будет благоприятствовать) хочу уехать на несколько дней из Коктебеля и проехать хотя бы в Ялту,[6] где теперь мои кузины Лямины.[7]

Мне теперь страшно хочется движения, физической усталости, воздуха, гор.

Вчера я получил, наконец, мой велосипед и приехал на нем из города в Коктебель. В нашей встрече (меня с велосипедом) была какая-то особенная радость – ведь он играл такую роль все-таки в нашей судьбе, и я, сидя на нем, так много думал о тебе, что он для меня почти олицетворяет разлуку с тобой.[8] Сейчас он мне дает большую почтовую свободу (но к чему мне она, когда ты перестала писать мне письма!?)

Воскресенье. Утро.

Христос Воскрес! моя девочка!
Поздравляю и целую всех вас.

[1] Ошибка Волошина. Следует: 21 апреля (возможно, написано в ночь с пятницы на субботу).

[2] Видимо, второе письмо, ошибочно переадресованное из Царского Села в Берлин (см. примеч. 5 к п. 354).

[3] Имеется в виду письмо от 7/20 апреля 1907 г. из Парижа (см. примеч. 5 к п. 350).

[4] «В Коктебель мне нельзя приехать, хотя *сейчас* мне этого больше всего на свете хотелось бы», – писала Волошину Минцлова 9 апреля 1907 г. из Москвы (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 21). О том же – в следующем письме (от 15 апреля 1907 г.): «Милый, мне нельзя будет уехать из Москвы теперь. Хотя я чувствую, что Вы правы – и как необходимо мне было бы сейчас это...» (Там же, л. 25 об.). И, наконец, в письме от 17 апреля 1907 г.: «...Мне безгранично хотелось бы побыть несколько дней хотя бы с Вами сейчас – но – – это невозможно!» (Там же, л. 47).

[5] В действительности, получив 26 апреля телеграмму от Сабашниковой с «призывом» приехать в Москву, Волошин в тот же день выехал из Феодосии и прибыл в Москву, видимо, 28 апреля утром (см.: Труды и дни-1. С. 182).

[6] Поездка Волошина в Ялту состоялась 24–25 апреля (см.: Там же. С. 182).

[7] Е.С. и Л.С. Лямины.

[8] Ср. примеч. 14 к п. 73.

357. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21 апреля 1907 г. Москва

Суббота.

Мой Макс, вчера я видела А<нну> Р<удольфовну>. Я нашла, что у нее ужасный вид. В субботу она едет в Мюнхен,[1] но путь ее страшит. Я сказала: «Если бы Макс поехал с Вами?» И у нее сделалось радостное лицо. Макс, ведь деньги на такую вещь всегда можно найти, взять из Парижа, взять у Нюши в долг. М<ожет> б<ыть>, и Тебе нужен Мюнхен? Думать об этом некогда, конечно. Нужно решать. Об личных делах А<нна> Р<удольфовна> не говорит. Ее душа в каком-то страшном вихре. Мне страшно за нее. На такого человека

нельзя опираться. В ее неполном знании, в ее ошибках есть ужас. Те отрывочные слова, кот<орые> она говорила мне, страшны; что Тебе не нужно быть там, где В<ячеслав>, что и Лидия не может быть с нами. Не приедешь ли Ты теперь ко мне? Лучше проведем вместе этот месяц, чем лето. Летом будет слишком трудно.

Мой любимый, радость моя. В сущности, каждый из нас бесконечно одинок теперь, и будущее очень темно. Я сказала полушутя: «Ужасно так ничего не знать», а А<нна> Р<удольфовна>, закрыв лицо руками, прошептала: «Ужасно знать, ужасно знать».

Только не будь малодушен, мой мальчик, не говори: «Ах, Аморя, Аморя!» Не растравляй своего и моего сердца. Вот смотри, я знаю, что впотьмах, и знаю, что всякий мой шаг будет убийственен. Я не хочу счастья, ничего для себя не хочу. Принимаю жизнь. Смирение, смирение! Я почему-то не могу писать ни В<ячеславу>, ни Л<идии>.

Мама ласкова и смиренна, ни о чем не спрашивает, но слушает с интересом. Меня дома все трогают бесконечно и умиляют.

Макс, дай руку. Макс, мы связаны на вечность, как – не знаю.

«Кольцо и посох, две святыни».[2] Жизнь скажет, что нам нужно сделать.

Целую Тебя.

Твоя Аморя.

[1] «В эту субботу, *28* апреля, я и М.В. Шперлинг, мы едем в Мюнхен через Берлин», – сообщала Минцлова Волошину 25 апреля 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 34; упоминается теософка Мария Владимировна Шперлинг). Обратно в Москву Минцлова вернулась 5 июня 1907 г. См. также примеч. 11 к п. 321 и п. 355.

[2] Из стихотворения В. Иванова «Вечная память» (см. примеч. 10 к п. 331).

358. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21–22 апреля 1907 г. Москва

Суббота, вечер.

Милый, я очень жалею, что отправила Тебе свое сегодняшнее письмо. Оно было очень взволнованно. А<нна> Р<удольфовна> так подействовала на меня. Но ведь я не успела ничего рассказать ей и не знаю, что она знает. Я должна видеть Тебя, п<отому> ч<то> письма – ложь. Я вижу это. Или быть вместе, или не быть вместе. Только остановиться у нас сейчас нельзя, но Ты можешь, вероятно, остановиться у Ольги Мих<айловны>.[1] Здесь сестра Б<ориса> Н<иколаевича> с девочкой.

Родимый мой, родной мой. Мы должны вместе жить, вдвоем, все остальное – птичье молоко. М<ожет> б<ыть>, я смогу быть только одна? Я смотрю здраво теперь. Буду об этом писать В<ячеславу>.[2] Я не могу начать ему писать. Не могу писать двум и по этому факту вижу, как все невозможно.

Маму я люблю страстно и папу.

Относительно Твоих писем. В<ячеслав> знал то, что ему нужно было знать: то мое письмо я показала ему,[3] п<отому> ч<то> мне важно было ясно выразить себя, хотелось, чтобы он меня понял. Я писала для двух, а, может быть, это была исповедь себе. На ней я настаиваю.

Как мне хотелось бы, чтобы Ты был со мною. Мне тяжело одной. Иногда мне кажется, что я одна против всего мира, любящего меня и мною безнадежно любимого. Поцелуй Твою маму от меня. Я люблю ее. Бабушке Твоей я не писала к Пасхе, п<отому> ч<то> не знаю, где она. Поздравь ее от меня.

Что Ты делаешь, Макс? Неужели Ты не приедешь. Это бессмысленно.

Целую Тебя, я Твоя маленькая девочка

Аморя.

Воскресенье.

Милый мой, вчера я очень звала Тебя; но сегодня думаю, что, если не хочешь приезжать, не надо. Это слабость, м<ожет> б<ыть>. Нужно привыкнуть к одиночеству. Помнишь, как мы капризничали в этот день в прошлом году?

С мамой я много говорю о В<ячеславе>. Она слушает с большим интересом все его мысли, нашу же частную жизнь как-то игнорирует. Ляйзе я говорила про наши с тобой отношения, она поняла меня. Она сказала: «Это товарищество, а не брак, тогда Вам нельзя так близко жить физически». Я сказала: «Да, я поняла это, и мы будем иначе жить».

Макс, у меня остался кошмар от Ремизовых. Они были со мною страшно сухи, когда я видела их, и С<ерафима> П<авловна>[4] даже не поблагодарила за то, что я направила ее к Кудрявцеву, ты знаешь, ведь она лечилась у него. Ты знаешь также, что Ремизов, бывши в Москве, не решился зайти к маме, боясь встретить Тебя. И все это п<отому>, ч<то> Гофман что-то невероятно насплетничал про тот вечер, когда мы возмущались его рассказом. М<ожет> б<ыть>, Гофман и еще сплетничал, и они кое-что знают и возненавидели меня. Впрочем, это не помешало ей попросить у меня портрет Ремизова.[5] Для «Руна» его написал Кустодиев.[6] Я нахожу, что в этой просьбе есть какое-то обесценивание моего труда. Если бы они ценили мой портрет, он должен был бы отказаться позировать Кустодиеву; если он не ценит, зачем он просит. А впрочем, все это, может быть, я выдумываю.

Мне стали ненавистны петербургские педерастики и оккультисты. Гофман просто развратный мальчишка, и мне стыдно, что я направила его к Кудрявцеву, к кот<орому> он ходит теперь. Перед отъездом я была у Кудрявцева. Он сказал на мой вопрос, писал ли Ты ему, что Ты, верно, подгоняешь к Пасхе. Ведь Ты же хотел ему написать. Что Ты ничего не ответил мне на письмо, где я описывала Тебе, как он прощался со мною?[7]

Блоку очень понравилась рецензия о нем, только он просит Тебя приписать ему больше сознания. Я видела его тогда на лекции.[8] Он был божественно прекрасен и очень нежен со

мною. Обещал послать «Снежные Маски» Тебе и мне.[9] Ему очень нравится мой рассказ в «Тропинке».[10] Он неожиданно сказал В<ячеславу>: «Она очень хрупкая, ей нужно простой жизни, а вы бесконечно осложняете ее жизнь». Мне кажется, что Блок очень чуток. Отвечает прямо из сердца, живет без верхнего этажа.

У Герцыков я буду здесь. На Фоминой они едут в Крым и, если Ты решишь оставаться, то, конечно, повидайся с ними. Поступай, как знаешь, голубчик мой, нет, я не зову Тебя. Писем Твоих я не достала, не знаю, как это делается. Это отправитель должен делать. А потом эти письма, они так терзают меня, а я не хочу, не хочу, не хочу мучиться. Я не вынесу тогда. Вот мне жаль, что пропал «Грот Нимф»,[11] м<ожет> б<ыть>, он очень подходил бы к «Орам». «Оры» выйдут после Пасхи. Они выходят на коллективные деньги, и я дала 25 руб. У меня всего 40 руб. Теперь. Но пока мне и не нужно денег.

[1] О.М. Струкова.

[2] Тем не менее, желая знать мнение Вячеслава Иванова о перспективах ее совместной жизни с Волошиным, Сабашникова задала ему этот вопрос в одном из писем. Иванов же, первоначально побуждавший Сабашникову не расставаться с Волошиным, в мае 1907 г. намеревался склонить ее к обратному решению. Об этом свидетельствует сохранившийся черновик недатированного письма В.И. Иванова к Сабашниковой (судя по содержанию, – первая половина мая).

«...Относительно Макса, – писал Иванов, – решай свою жизнь как *свободная*. Связанности между людьми нет – благодарение Богу Живому, Которого имя – *Свобода*. И только Свободы жизнь и Бог от тебя требуют. Что до моего отношения к твоей связи с Максом, не ссылайся на мои прежние, давнишние полуодобрения, полувопросы Загадке Жизни, на мои зыбкие, противоречивые, уступчивые, не из глубины моей исшедшие утверждения, что "*кажется,* – вы должны быть вместе". Нет, моя глубочайшая воля, мое последнее самоопределение по отношению к миру, который этою внутреннею волей моей я свободен принимать или не принимать, – этот внутренний голос моего внутреннего *я отказываюсь* сказать Вашему союзу свое Да. Благословить Ваш союз я не волю и не могу, как не мог бы сказать свое Да, дать свое благословение, например, союзу дочери своей с человеком, радоваться на которого как на человека,

составляющего с ней *чету*, – я был бы не в силах. Где невозможно такое благословляющее *Да*, там возможно или отвергающее *Нет*, или безразличие отношения как к явлению, связь которого с моей внутреннею жизнью мне не чувствительна» (РГБ, ф. 109, карт. 10, ед. хр. 30, л. 1–2). Это письмо (в том виде, как оно сохранилось в архиве В.И. Иванова) не завершено. 21 мая 1907 г. Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщала Сабашниковой, что «Вяч<есла>в начал было писать, но не вышло, и теперь он говорит, что писать так не может» (Документальные хроники. С. 204; упоминание об отказе ехать в Богдановщину, как и общий контекст? позволяют заключить, что речь идет именно о цитированном выше письме Иванова). Ср. примеч. 6 к п. 365.

[3] См. п. 353 (место отмеченное примеч. 2).

[4] С.П. Ремизова.

[5] О выполненном Сабашниковой портрете А.М. Ремизова см. примеч. 8 к п. 314.

[6] Портрет А.М. Ремизова, написанный Б.М. Кустодиевым, был воспроизведен в № 7–8–9 «Золотого Руна» за 1907 г.

[7] См. п. 330.

[8] То есть на лекции В.И. Иванова «Пути и цели современного искусства» 14 апреля 1907 г. (см. примеч. 4 к п. 318).

[9] Имеется в виду книга: *Блок А.* Снежная маска. СПб.: Оры, 1907. Экземпляр, подаренный Волошину, хранится в ДМВ. Дарственная надпись: «Многоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину искренно преданный Александр Блок. 24 апреля 07. С-П-Б» (см.: Литературное наследство. Т. 92, Кн. 3. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1982. С. 45). О нынешнем местонахождении экземпляра, подаренного Сабашниковой, сведений не имеется.

[10] Речь идет о рассказе «Облачное лето» (см. примеч. 2 к п. 305).

[11] Письмо Волошина к Сабашниковой со стихотворением «Грот нимф» до настоящего времени не обнаружено (ср. примеч. 3 к п. 333, а также п. 344, 350 и 352).

359. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 или 23 апреля 1907 г. Москва[1]

Мой милый мальчик, сегодня я получила Твое письмо,[2] где Ты присылаешь третье письмо из Коктебеля.[3] Оно произвело на меня очень сильное впечатление; это третье письмо я

решилась прочесть только вечером, так я боюсь Твоих писем; так боюсь муки. М<ожет> б<ыть>, Тебе больно это. Но это от того, что я не могу выносить Твоего страдания и не могу не причинять его Тебе. Родимый, родной мой мальчик, на меня нашло великое спокойствие. Кажется, кроме спокойствия и одиночества, я ничего не хочу. Хочу еще работы. От счастья я отказалась, в сущности, очень давно.

Сегодня я была опять у А<нны> Р<удольфовны>. Я сказала ей:

– Мне ничего не нужно для себя, кроме творчества, но для В<ячеслава> я готова на все, только троих и четверых не может быть.

– Да, да, вы должны быть вдвоем с В<ячеславом>.

– Мне ничего не нужно и никого, – повторила я, – в моей душе полная свобода, полная гармония; мне даже все равно, где жить.

– Вы должны жить с ним.

– Послушайте, – сказала я, – знали ли вы раньше, что это будет?

– Да, только я иначе объясняла себе это.

– Почему, – спросила я, – вы соединили меня с Максом. Я считаю, что это должно было быть, но вы говорили об этом как о вечном; и я шла, слепо веря вам, против себя. Он так же, я думаю. Но вы были уверены, что так нужно, и говорили как власть имеющая.

Она: – Нет, я верила вам, во мне все время был протест против вашего брака, но я верила вам.

– А теперь какое у вас чувство?

– Очень ясное, очень спокойное. И она прибавила:

– Не решайте ничего, лето все покажет, только страдания других не должны играть роль в ваших решениях. Максу нужно страдать.

Макс, так играют нами феи,[4] и их ошибки путают игру. Разве в этом нет чего-то беззаконного, в этом полузнании и в этом вмешательстве в жизнь. Бедный Макс! Анну Руд<ольфовну> я люблю больше, чем когда-либо, но не верю ей больше, вовсе не верю. Верю себе только; буду Богу

молиться и никого не слушать. Дорого мы заплатили: Ты за твое воплощение, я за свою свободу.

Поедем в Богдановщину числа 10-го?[5] Тебя, мой мальчик, люблю нежно и радостно по-прежнему. Любовью твоей счастлива. Христос с Тобой. Христос с Тобой, милый.

[1] Датируется по содержанию и по связи с п. 357 и 358.

[2] Имеется в виду п. 354.

[3] То есть п. 333.

[4] «Феей» Сабашникова и Волошин называли А.Р. Минцлову (см. примеч. 4 к п. 101).

[5] Поездка в Богдановщину не состоялась. См. примеч. 4 к п. 324, примеч. 6 к п. 365 и др.

360. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

23 апреля 1907 г. Коктебель[1]

Понедельник 23 апр<еля>. Ночь.

Милая моя девочка!

Вчера – в первый день Пасхи – я получил твое письмо от 16<-го> (вероятно, последнее из Петербурга). Завтра жду твоего письма из Москвы.

Эти дни я в страшном движении. Все время или на велосипеде, или в горах. Мне хочется физически истомить себя, вполне использовать эти теплые весенние дни. Каждый вечер в горах я впадаю в какой-то экстаз пред красотой Коктебеля. Завтра после почты я хочу уехать в Ялту. Я думаю, это займет два дня. Я думаю, а в пятницу я думаю уже вернуться в Коктебель пароходом.[2]

На твое письмо я написал тебе большой ответ. Но лучше я тебе не пошлю его.[3] Я жду твоих писем из Москвы и не верю твоим письмам из Петербурга, т<ак> к<ак> ты ничего не можешь написать толком.

Относительно квартиры – подожди до моего приезда. Ведь теперь, сию минуту, еще <не> надо ничего решать? Я вообще не хотел бы себя так заранее связывать обязатель-

ством жить непременно в Петербурге и непременно на этой квартире. Об этом гораздо лучше решить, когда мы съедемся. Видала ли ты эту квартиру? Какая она?

По дороге из Ялты буду посылать тебе открытки.

Еще одно дело: и мама, и Аннушка обнаружили в своих вещах целый ряд пропаж, в которых обе они подозревают Катю[4] и просят, чтобы ты предупредила об этом Лидию Дмитриевну. Ты это тоже имей в виду.

Я тут никакого мнения не имею.[5]

До свидания.[6]

Я люблю игру.

«Да, жизнь игра. Тот мудр, кто понял это!».[7]

Но я не хочу «плясок между кинжалами». Танцующему это приятно. Быть зрителем невыносимо. Я хочу иной жизни.

Это должен быть эпически ясный, свободный подъем. Я хочу строгого *ритма* в работе и жизни. Не хочу нервов! Не хочу надрывов! Не хочу антиномичности! Ты знаешь, что когда слишком за кого-нибудь боишься, то любовь от продолжительности может перейти в озлобление. Трагедия должна длиться одно мгновение и иметь логическое заключение. Трагедия же длящаяся обращается в неврастению.

Твои слова: «Умеешь ли ты играть, Макс» напоминают мне твою детскую фразу: «Я буду играть с кошкой, а Ты смотри. Хочешь так?»

Нет, я не хочу смотреть на то, как ты танцуешь между кинжалами. Этих игр я не люблю. Это слишком мучительно смотреть.

Аморя, милая моя Аморя, твое письмо, несмотря на то, что в нем все время сквозит радость, ужасно мучительно. Как мне хочется увидеть тебя, держать тебя за руки, смотреть в твои глаза, увериться, что это действительно ты, что ты не изменилась. Здесь в Коктебеле, перед лицом глубокого спокойствия и радости мира, из твоих писем для меня сквозит какая-то истерика. Скажи мне, что это не так. Что ты – ты!

Что принесет завтра твое письмо из Москвы...?

Мой привет всем.

[1] Ответ на п. 352.

[2] Согласно «Трудам и дням-1» (С. 182), 24 апреля 1907 г. Волошин уехал на велосипеде в Ялту (через Судак и Алушту), а вечером 25 апреля отплыл на пароходе из Ялты в Феодосию, откуда, получив телеграмму от Сабашниковой, отправился на другое утро в Москву.

[3] Это недописанное и неотправленное письмо оказалось (в архивном хранении) среди других писем Волошина к Сабашниковой. Приводим его текст полностью:

«Понедельник 23 апреля <1>907. Коктебель.

Милая моя девочка, я ждал от тебя вчера письма из Москвы, но пришло еще письмо из Петербурга от 16 апреля. Я останусь еще до завтра в Коктебеле ждать твоего письма и поеду после в Ялту на велосипеде на несколько дней (3–4), это как раз совпадает с перерывом почтовых дней (вторник – пятница). Видишь, вся моя жизнь распределена невольно по почтовым дням, когда *могут* прийти твои письма. Но они приходят так редко. И когда они не приходят, то на меня нападает отупение и злоба на это отупение.

"Да, жизнь – игра, тот мудр, кто понял это". Это мои постоянные слова.

Но, Аморя, смысл твоих слов тоже старый: "Я буду играть с кошкой, а ты смотри. Хочешь так играть?" Играть хорошо. И я умею играть. Но смотреть, как играют другие – для этого нужно самому перестать жить. Когда сам ходишь по лезвию над пропастью – это весело. В этом опьянение. Но видеть, как другой ходит, и бояться за него каждую секунду – это невыносимо. Вырастает отвратительное чувство "опасения". Твои письма с намеками и недосказами режут и колют, как ножом, мое "опасение".

"Плясать между кинжалами" я совсем не расположен. Мне не этого от жизни хочется. Ты себе, наверное, и представить не можешь теперь, *что* в твоих письмах, *какие* слова мне так больны.

Я сейчас читал, не знаю в какой уже раз, твое вчерашнее письмо, ходил по комнате и долго тебе говорил... Но знаешь, лучше все это скажется, когда мы увидимся. Тогда решим все – и про квартиру. Теперь, сию минуту, этого решить еще никак нельзя. Надо будет посмотреть, как наша жизнь сложится летом.

Ты пишешь: "Как мы страдаем все! Ну и жизнь! А все-таки весело".

Я не хочу трагедий и плясок между кинжалами... Я хочу эпически ясного свободного подъема. Я хочу строгого *ритма* в работе и жизни. "Пляски между кинжалами" à regretuité <навечно, навсегда. – *фр.*>, этого я не хочу. Это чуждо всему моему существу, и я лучше буду жить один.

Я многое в себе теперь понял. Я теперь полон глубокой ясностью природы, я опьяняюсь запахами горных трав и физическим утомлением. Я хочу только того, что цельно, сильно и здорово.

Игры – я хочу, потому что в ней олимпийская светлость и радость.

Мучение и страдание только тогда велики, когда они – одно мгновение. Трагедия – это одно мгновение с мгновенным разрешением. Иначе это неврастения, а не трагедия.

Весной на башне была неврастения. Что теперь было, я не знаю... Но я неврастении больше не хочу, и если летом окажется возможность ее продолжения, то лучше буду жить один и, может, уеду из Петербурга. Теперь об этом рано говорить.

Лето все выяснит и определит.

До этого я не могу решиться на совместную жизнь снова. Мне уже казалось одно время, что все прошлое было только каким-то нервным припадком с моей стороны. Но теперь снова после твоего последнего письма поднялось во мне это ощущение «едкости» жизни Ивановых, которое меня заставляет колебаться. И мне кажется, что тебе сейчас гораздо ближе они, чем я. Их жизнь, а не моя. Поэтому с твоей стороны не может быть выбора – выбор только для меня. Но и это станет все ясно только летом. Теперь уже, верно, скоро мы увидимся.

За это время я полюбил тебя гораздо больше, глубже, мучительнее и беспокойнее, чем раньше. Мои внутренние требования к тебе и к твоей любви увеличились. Как сложится наша жизнь, я себе не представляю. Но *свою* жизнь я теперь буду беречь, потому что знаю, в чем она и в чем ее сила и равновесие, которые я потерял, было, эти годы. Если мне все-таки придется отойти от тебя на время, то это мне будет страшно тяжело. Тяжелее, чем было уехать в Коктебель теперь. Теперь-то я знаю, как тяжело уезжать. Но и перед своей жизнью я не буду предателем и не внесу в нее стихии, чуждой моему духу, – спокойному и ясному духу.

Боюсь только одного, что все это опять мои *мечты*, которые я принимаю за действительность. Ах, как трудно различить одно от другого.

До свиданья, Аморя. Жду твоих писем из Москвы с нетерпением и со страхом. Теперь мне все твои письма страшны. Я в комнате стараюсь не думать о тебе. Там в горах – там совсем другое. И ты другая, и жизнь другая... И ты никогда не была со мной в горах... в моей жизни...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 113, л. 9–10 об).

[4] Катя – служанка в петербургской квартире Ивановых.

[5] Далее вымарано несколько слов.
[6] Далее зачеркнуто слово «целую».
[7] Слова из одноактной стихотворной пьесы Артура Шницлера «Парацельс» (1898). См. примеч. 12 к п. 126.

361. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

31 мая 1907 г. Москва[1]

Четверг.

Милый Макс, как живется Тебе? Если бы знать, что хорошо, если бы знать, что Ты забыл этот гадкий месяц в Москве.[2] Все будет хорошо.

Если бы не было ничего насильственного и естественно все вошло в колею; но я боюсь, что если Ты поедешь в Мюнхен, произойдет что-то насильственное. А впрочем, не буду ни о чем думать.

Я тоскую без Тебя и без них. Мама со мною страшно нежна. Все очень милы. Холод и дождь. Не знаю, что рисовать. Нет у меня путей от замысла к исполнению, и так проходят дни. Читаю «Фауста».[3] Это, оказывается, страшно трогательно.

Грустно, очень грустно.

Целую Тебя, мой бедный мальчик.

Прости меня.

Твоя Аморя.

Поцелуй свою маму.

Напиши о «Зверинце» получше.[4] Как хороша эта книга, интересно сравнить ее с «Детством и отрочеством» Толстого;[5] описания чувственных восприятий те же, только у него подавляет, у нее же просветленно. Напиши о двух моментах; о демонизме: «Зла? и слава Богу, одна? и слава Богу; предательница? и слава Богу».[6] И потом: «О Боже! Я камушек».[7]

Укажи на «безжалостную любовь», на последнюю победу нашей эпохи над жалостью. Напиши, что девочками трагическо<го> зв<еринца> жива земля.[8]

Макс, милый, будь спокоен, будь счастлив. Мой хороший.

[1] Датируется по связи с п. 364. Отправлено в Коктебель, куда Волошин выехал из Москвы, видимо, 28 мая (см.: Труды и дни-1. С. 184).

[2] Месяц, проведенный Волошиным в Москве, был невыносимо тяжелым и для него, и для Сабашниковой: оба вновь и вновь обсуждали сложившуюся ситуацию и не могли достигнуть согласия. «...Эти дни были очень смутными днями, – писал Волошин В.И. Иванову в первой декаде мая 1907 г., – и много писем к тебе и Лидии было разорвано. Только сегодня, сейчас кончилось это наваждение...» (Т. 9 наст. изд. С. 313). «Наваждение» Волошина, как можно понять, было вызвано его переживаниями за Сабашникову, разрывавшуюся между чувством к Иванову и угрызениями совести по отношению к мужу. «Мне было эти дни так же смутно, как Аморе, от всевозможных нравственных конфликтов, – рассказывал Волошин Л.Д. Зиновьевой-Аннибал через несколько дней. – Все казалось безвыходным и темным, и не было веры в себя, мне казалось, что мы совсем заблудились в лабиринте психологии и морали» (Там же. С. 314).

Мучительное душевное состояние тех дней (объяснения между супругами, разговоры с матерью, нервная обстановка в семье) нашли отражение в письме Сабашниковой к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 4 мая 1907 г. (дата устанавливается по содержанию). «Вчера у нас был разговор с мамой. Она все знала без того. Но вышло так. Макс сказал, что он хочет навестить Андрея Белого, что хочет видеть, чтó с ним, как он дошел до такого состояния. Тут я не помню, чтó я стала ему говорить; я говорила, что между нами после этого нет ничего, что он мне чужд и отвратител<ен> в своей холодности и терпимости, что нельзя идти к человеку, кот<орый> плюет в священный образ, что это доказывает, что он не любит В<ячеслава>. Тут была мама, и я ей говорила все это, что я ненавижу Макса, что он не человек и т.д. Вообще, выходка довольно не свойственная мне. Потом мы остались вдвоем, и она спросила меня про Макса, отчего я не хочу быть его женой и что с ним; почему он уезжал. А потом прибавила, что она всегда все про меня знает вперед; и я знала, что она знает; тогда я сказала, что люблю В<ячеслава>. Она сказала: “Ты этого слова и произносить не смеешь, потому что не знаешь, что оно значит. Раньше ты была очень строга в словах, а этот последний год вы с Максом, черт знает, сколько говорите, и все это ложь. Ты тоже говорила, что любишь его; Ты всегда омраченная; стоишь с закрытыми глазами и воображаешь, что видишь, всегда поглощена каким-то вихрем своей фантазии, всегда все стихийно, напролом, рассудочна, когда не нужно, и безрассудна, и всегда самоуверенна. Меня и отца, кот<орый> Тебя обожает, Ты всегда швыряешь для своих прихотей. Твое отношение

к Максу было позорно; не было у тебя никогда любви к нему" и т.д. Потом она спросила меня, как В<ячеслав> относится ко мне. Я сказала: "Он меня любит и Лид<ию> Дм<итриевну>". Я почти ничего не говорила, говорила она. "В вас смирения нет перед Богом, Ты только себя слушаешь, а не Бога; и он, если думает все вместить, гордый и не смиренный человек; вы боги, конечно, и разобьешь Ты их жизнь, свою жизнь и Макса, и нас топчешь". Конечно, речь только о платон<ической> любви. После этого разговора она стала очень нежна со мною. Говорить с ней больше не буду. Это верно, что мои слова для нее ничто – потому что я с Максом обманула ее. <...> И видно, что ей легче после того, как я сказала ей. Страшно терзает ее, видимо, вид мой. Я в Петербурге лучше себя чувствовала» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 12, л. 11–12 об.; слова об Андрее Белом, который «плюет в священный образ», вызваны его резкими полемическими выступлениями того времени, направленными против «мистического анархизма», адептами которого «москвичам» представлялись в первую очередь В.И. Иванов и Г.И. Чулков).

[3] Трагедия Гете (ч. I – 1808; ч. II – 1825–1831). Ср. в письме Сабашниковой к В.И. Иванову и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 10 июля 1907 г.: «Главные книги, которые я читаю, – "Фауст" и "Кормчие звезды"» (Документальные хроники. С. 214).

[4] Книга Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец. Рассказы» (СПб.: Оры, 1907) появилась в мае 1907 г. В книгу вошло девять рассказов; каждый из них был посвящен тому или иному конкретному лицу (круга "башни"). Сабашниковой был посвящен рассказ «Медвежата», Волошину – рассказ «Волки». Экземпляр книги, отправленный Волошину, сопровождался надписью «Максу с любовью Лидия» (факсимильное воспроизведение этой надписи см. в статье И. Левичева «Автографы Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал из мемориальной библиотеки Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле» // http://www.utoronto.ca/tsq/43/tsq43/levichev.pdf). Местонахождение экземпляра, подаренного автором Маргарите Сабашниковой, не выявлено.

Рецензия Волошина на книгу рассказов Зиновьевой-Аннибал не была написана; сохранилось лишь несколько фрагментов, впервые опубликованных в 2008 г. (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 565–570); по ним видно, что оценка Волошиным этого произведения была чрезвычайно высокой. «"Трагический Зверинец", – писал Волошин, – прекрасная, свободная и ярко индивидуальная книга, которая останется в литературе и будет читаться долго и с увлечением» (Там же. С. 568). «Мне все-таки кажется, что уже в "Трагическом Зверинце" она <Л.Д. Зиновьева-Аннибал> нашла себя и свой язык, – сказано

в письме Волошина к А.В. Гольштейн от 27 декабря 1907 г. – Я очень люблю эту книгу» (Т. 9 наст. изд. С. 336).

Однако те мотивы «Трагического Зверинца», к которым Сабашникова пыталась привлечь внимание Волошина (см. далее в настоящ. письме), в рецензии Волошина, насколько можно судить по черновым наброскам, не затрагивались.

[5] Перечисляя русских авторов, чьи произведения были «предками» (то есть предшественниками) «Трагического зверинца», Волошин называет в первую очередь Л.Н. Толстого и его повести «Детство» и «Отрочество» (Там же. С. 570).

[6] Сабашникова приводит сокровенные мысли юной героини Зиновьевой-Аннибал (рассказ «Черт»): «Одна? И слава Богу! Зла? И слава Богу? Предательница? И слава Богу!» (*Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Трагический зверинец. Рассказы. С. 266).

Эти «богоборческие» признания мятежной героини были в тот период глубоко созвучны Сабашниковой, терзавшейся своим «предательством» по отношению к Волошину, «одиночеством», в котором она оказалась, и т.д. «С Максом этот месяц было ужасно, – писала она Зиновьевой-Аннибал в начале июня 1907 г. – Я была дурная, я отравлена, и нет оправдания. У Тебя хорошо сказано: “Разве сердце, научившееся предавать, может выбиться из одиночества?” И конечно же я Макса предала, и теперь надолго одна, совсем одна» (Документальные хроники. С. 206). Цитируемая Сабашниковой фраза – из рассказа «Черт» (*Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Трагический зверинец. Рассказы. С. 265).

[7] «О Боже, – я камушек!» – из рассказа «Черт» (Там же. С. 278; внутренний монолог героини рассказа).

[8] Эти слова, как и фразы из «Трагического Зверинца», Сабашникова приводит в своем (недатированном) письме к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, написанном вскоре после отъезда Волошина из Москвы в Коктебель (т.е. в самом конце мая или начале июня 1907 г.):

«Дорогая моя, прости мне мое молчание (и мои письма) на Твои дивные письма и на Твою книгу, моя горячая, единственна<я>. В них и в ней Ты вся. Диотимой и девочками из “Трагического зверинца” жива земля. Книгу твою я знала только отрывками. “Журю”, “Волков”, “Глухую Дашу”, “Царевну-Кентавр” и “Бунт” вовсе не читала, а “Чудовище” и “Мошку” только отчасти слышала. Теперь не могу себе представить, как могла Ты сомневаться в своем таланте, когда эта книга уже существовала. Это же chef d'œuvre <шедевр. – *фр.*>; она была нужна неизбежно, п<отому> ч<то> в ней вся современная трагедия и последнее освобождение. И какой демонизм,

и какое смирение. "Одна, и слава Богу. Зла? И слава Богу!" И потом: "О Боже, я камушек". И это рождение и крещение. "Чудовище" и "Черт" лучше всего. "Воля", хотя и написана блестяще и логично заканчивает книгу, но она не так<ая> настоящая, т.е. может быть одна ее страница, где учитывается самоубийство брата, п<отому> ч<то> уже в весне, в смерти и в радости, есть вся та воля и творческая безжалостная любовь, и слова о воле и о подвиге не должны быть сказаны. В передаче чувственных ощущений жизни: запаха, земли, леса, здоровья, жары, описания кухни, чая Ты по силе равна Толстому, но у него эта сторона даже как-то подавляет, не просветлена, как просветлена у Тебя. У Тебя всегда все пронизывается острым лучом. Когда я читаю Тебя и В<ячеслава>, все больше я изумляюсь и восхищаюсь вашим чудесным несходством и чудесным родством; так явно видна ваша извечная принадлежность друг другу. Вы нерастворимы и слиты (Ты особенно нерастворима; впрочем, эта главная черта твоя, она мешает Тебе в искусстве, и она же – Твоя сила в искусстве и в жизни). Каждый из вас – источник своей силы, но вы немыслимы один без другого. "И это не банально".

Это такая красота, какой больше нет» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 12, л. 7–8; Диотима – домашнее имя Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в кругу «башни»; в тексте письма упоминаются названия отдельных рассказов книги «Трагический зверинец»).

Можно предположить, что это письмо содержит в себе основные положения той статьи о «Трагическом Зверинце», которую напишет Сабашникова менее через год. Статья была завершена летом 1908 г. (см. п. 429, 434, 447 и др.) и затем предложена «Весам» и «Золотому Руну» (см. примеч. 6 к п. 448). Не получив ответа, Сабашникова принялась за доработку своей статьи (см. п. 449), которая, однако, так и не появилась в печати (дальнейшая судьба рукописи не известна).

362. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

1 июня 1907 г. Коктебель[1]

Дорогая Аморя!

Я доехал благополучно, хотя в том же поезде ехал какой-то Великий князь. Но кондуктора ходили и успокаивали публику, которая волновалась: «Ничего, ничего. Покушения не будет. Это безопасный».

У меня полная ясность и успокоение. Я ни о чем не думаю и удивляюсь всему, что я чувствовал, думал и говорил весь этот месяц.

Хочется работать. Мне очень уютно, очень дома. С радостью буду ждать твоего приезда. Мне кажется, что здесь все мои мучительные переживания окончились совершенно. От тебя приму только радость и жду только радости.

К Вячеславу у меня нет и не будет вражды, но и нет прежней любви: дружба с осторожностью.

Твоя слепая любовь к нему большое несчастье для тебя. Только если ты победишь ее отречением от своего счастья, она сможет стать для тебя творческой.

Писать Ивановым я не буду совершенно.

Будь сильна. Борись сама с собой. Начни делать что-нибудь простое физическое, не творческое, что бы могло тебя отвлечь от самой себя.

Главное, о самой себе не думай.

Я говорил с мамой о тебе. Она очень, очень тебя любит. Она говорила так просто, разумно и ясно о тебе, что у меня после разговора с ней прошли все наваждения.

Будь сильной, Аморя, и радуйся.

Посылаю тебе древние размеры.[2]

Целую всех.

[1] Датируется по: Труды и дни-1. С. 184.

[2] Т.е. метры древнегреческого стихосложения (ср. п. 365). Записано было, по-видимому, на отдельном листке (не обнаружен).

363. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

2 июня 1907 г. Коктебель[1]

Суббота 2 июня.

Дорогая Аморя,

я получил сегодня твое письмо, написанное после моего отъезда.[2] Ты должна воскреснуть, должна работать, должна жить.

Как только я приехал в Коктебель, с меня все сразу соскочило. Мне стало так радостно, спокойно и светло.

Мне теперь стали почти что уже совсем не понятны мои сомнения и терзания в Москве.

Я тебя ужасно путал и мучил, и сам мучался. Забудь все, что я говорил тебе. Мне не следовало оставаться в Москве так долго. Мы оба только путали друг друга.

Теперь мне все ясно, и все просто. Я *не думаю* совсем.

Много читаю, много пишу. Мне просто очень хорошо. Мне казалось бы, что и тебе стало бы хорошо, если бы ты создала себе уединение и свою жизнь в Москве или здесь.

У меня прошла и глухая тоска по тебе, которая мне раньше не давала покою в Коктебеле, и мучительные мысли о будущем.

Я знаю теперь, что поеду в Мюнхен.[3] Занимаюсь немецким языком, т.е. читаю вслух. Мама тоже мечтает о Мюнхене и об художес<твенно>-ремесл<енном> училище.[4]

Очень неприятны только обязательные обеды и ужины с бабушкой и с сумасшедшим дядей.[5] Но я их очень сокращаю и тотчас убегаю к себе.

Здесь Манас<еины> и Поликс<ена>[6]. Сегодня приехала Орлишка[7].

Мне очень радостно видеть людей, с которыми у меня нет никаких переживаний.

Аморя, милая, надо кончить наши переживания. Ты *не* преступница, ты совсем *не злая*. Ты только очень слабая и очень боишься причинить боль то одним, то другим. У тебя щепетильность честности. Не надо бояться даже предать. Будь больше сама по себе. Найди свою собственную жизнь, независимую от каких бы то ни было других людей. И сама больше входи в чужую жизнь. Ты мне не можешь больше сделать больно, Аморя.

Будь радостна. Будь счастлива.

Скоро ли приедет Нюша?[8]

Целую всех.

Макс.

[1] Закрытое письмо («секретка»). Почтовые штемпели: «Феодосия 3.6.07; Москва 5.VI.1907».

[2] Это письмо Сабашниковой, написанное предположительно 28 или 29 мая 1907 г., не обнаружено. П. 362 было вторым, написанным Сабашниковой после отъезда Волошина, прибывшего в Феодосию 30 мая (см.: Труды и дни-1. С. 184).

[3] Поездка Волошина в Мюнхен не состоялась.

[4] По-видимому, Е.О. Кириенко-Волошина, увлекавшаяся выжиганием и резьбой по дереву, предполагала посещать занятия в мюнхенской Школе прикладного искусства (Kunstgewerbeschule), основанной в 1868 г. и получившей к началу XX в. всеевропейскую известность. См. также примеч. 8 к п. 387.

[5] А.О. Глазер.

[6] П.С. Соловьева.

[7] А.И. Орлова.

[8] А.Н. Иванова вернулась в Москву (из Франции через Берлин) 5 июня 1907 г. вместе с А.Р. Минцловой (см. п. 365).

364. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

4 июня 1907 г. Коктебель[1]

4 июня 1907. Понедельник.

Милая Аморя, я получил вчера твое второе письмо (от четверга).[2] Ты спрашиваешь, хорошо ли мне живется и забыл ли я этот месяц в Москве. Мне очень хорошо, Аморя. И о прошлом я совсем не думаю. В том, что месяц этот был так ужасен, я считаю себя виноватым, а не тебя. Но это больше не повторится. Я не каюсь даже в этом. Многое, что я говорил там, я не повторил бы в Коктебеле. Обстановка на меня страшно действует. Я ведь очень сливаюсь духовно с обстановкой.

Там мне казалось все совершенно невозможно, и я чувствовал на себе, как жернов, свою ответственность мужа и т.д. Теперь мне это совсем перестало быть понятным. Все в Москве болезненно обострилось, и мои требования к тебе возникли.

Теперь этого нет совсем. Я хочу только, чтобы наша жизнь была действительно дружная и деятельная и чтобы ни один из нас не был бы обузой для другого. Поскольку наши интересы и цели будут совпадать, мы будем вместе. Если же нет – будем отдельно. Быть посредником между тобой и твоими я совсем не хочу. Эта ответственность слишком всё запутывает меня.

В том, что я еду в Мюнхен, для нас нет ничего насильственного. Я просто исполняю то, что было решено раньше и что мне для моей работы очень необходимо. Петербург мне теперь бесполезен и, кроме того, противен.

Быть с тобой для меня будет всегда радостью. Я хочу дружеской и товарищеской жизни с тобой. Но чтобы это было на деле, а не на словах. Чтобы жизнь наша была упрощена, а не осложнена вдвоем. Чтобы все практическое падало не на меня одного, а на обоих. Словом, я хочу, чтобы ты была самостоятельной, а не опекаемой, как до сих пор, иначе я не знаю, где кончается твоя самостоятельность, где тебя надо опекать.

Милая Аморя, если б ты захотела такой жизни и помогла бы создать ее.

Я тебя считаю совсем свободной и со мной не связанной.

Но только если ты самостоятельна, то создай себе сама свою жизнь с Ивановыми. Если же ты этого сделать сама без моей помощи не можешь, то, значит, ты хочешь опеки, а не товарищества.

Милая Аморя, ты должна себя взять <в > руки. Только сильным усилием воли ты можешь выйти из твоего состояния вечного угнетения и вечной зависимости. Зависимость ведь в тебе, а не в окружающих. Только ты сама можешь помочь себе, и никто другой тебе помочь в этом не может. Но воля это не порыв восторга, а долгое и систематическое напряжение. Не забывай это, потому что ведь это именно ты всегда забываешь.

Милая Аморя, будь радостна и сильна. Прими и полюби прозу работы, прими всю жизнь. Ведь все, что скучно, – это наша Карма[3], все, что скучно, должно нами же просветиться.

Крепко целую тебя и молюсь за тебя каждое утро, моя слабая, моя милая девочка.

Мама целует тебя.

Манасеины остаются здесь, кажется, все лето (это решится на днях), и тогда ты сможешь писать Катин портрет.[4]

Когда приезжает Нюша? Адрес Анны Рудольфовны?

Привет Мар<гарите> Алекс<еевне>, Вас<илию> Мих<айловичу>, Ляйзе, Борис<у> Ник<олаевичу> и т.д.

Макс.

[1] «Секретка». Почтовые штемпели: Феодосия 5.6.07; Москва 8.VI.1907.

[2] П. 361. См. также примеч. 2 к п. 363.

[3] Карма – одно из центральных древнеиндийских этико-религиозных понятий, воспринятых теософией. Означает совокупность причинно-следственных связей, определяющих жизнь человека во всех его воплощениях (в настоящем, прошлом и будущем).

[4] Имеется в виду портрет Е.М. Манасеиной, который, насколько известно, не был написан Сабашниковой. Однако в 1907 г. Волошин сам написал ее портрет (хранится в ДМВ).

365. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

6 июня 1907 г. Москва[1]

Среда.

Милый Макс,

прости, что я долго не пишу Тебе. Я получила только одно Твое письмо из Коктебеля; второе ждет меня на даче,[2] куда его отвез Б<орис> Н<иколаевич>. Вчера я приехала в Москву чинить пенсне и, к удивлению своему, нашла на Поварской Нюшу и Анну Руд<ольфовну>.[3] Ан<на> Р<удольфовна> о чем-то беседовала с мамой, а я разговаривала с Нюшей в ванной. Ночь мы с Нюшей много говорили; и очень хорошо. Она очень, очень изменилась и духовно, и похорошела страшно. Я ей про нас все рассказала. Встретила без удивления и ужаса. И в первый раз за все это время стало мне хорошо.

Утро сегодняшнее провела я с А<нной> Р<удольфовной>. Тоже хорошо. Очень много о Мюнхене; ну и об нас, конечно.

Имела одно письмо от Лидии;[4] они, верно, моих писем не получали, а Юшкова сказала им, что мы оба в Богдановщине,[5] вот они и собираются навестить нас, чтобы отдохнуть.[6]

Все это время я была очень малодушна и тосковала страшно. Сейчас едем все на дачу, где я затеваю Ляйзин и Нюшин портреты. Целую Тебя крепко. Работаешь ли Ты, мой милый мальчик, мой хороший. Будь бодр.

Спасибо за размеры греческие.[7] Целую и обнимаю Тебя.

Целую маму. Только не будь Ты под ее влиянием, ради Бога! Это ужасно, Твои слова «дружба с осторожностью».[8] Как Ты не слышишь, что не может быть таких слов. Или верить, или не верить; или любить, или ненавидеть, или просто равнодушие, наконец, но дружба с осторожностью.

Ах, Макс!

Ну, не буду, не буду.

Будь счастлив и свободен.

Твоя Аморя.

[1] Датируется по упоминанию о приезде в Москву А.Н. Ивановой и А.Р. Минцловой. См. в письме Минцловой к Сабашниковой от 1/14 июня 1907 г. (из Берлина): «Нюшенька здесь и едет со мной. Мы выезжаем из Берлина в воскресенье вечером (3-го) и в Москве будем 5-го, во вторник днем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 87, л. 113). См. также примеч. 8 и 11 к п. 321 и примеч. 1 к п. 357.

[2] Имеются в виду п. 362 и 363.

[3] См. примеч. 8 к п. 363.

[4] Письмо от 29 мая 1907 г.

[5] «Дорогая Маргарита, – писала Л.Д. Зиновьева-Аннибал в этом письме, – меня беспокоит ваше долгое молчание. Напиши два слова. Юшкова говорила мне вчера, что вы в Богдановщине. Но не знаю туда адреса» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 76, л. 10).

[6] Насколько можно понять из этих слов, Сабашникова еще в начале июня полагала, что Ивановы намерены приехать в Богдановщину. Между тем в приведенном выше письме от 29 мая Л.Д. Зиновьева-Аннибал писала: «...Не огорчилась ли ты нашим отказом ехать *семейно* в Богдановщину. Но ты должна понять, что это невозможно» (Там же). Ясно, что о своем «отказе» Ивановы оповестили Сабашникову в одном из более ранних майских писем; так, Л.Д. Зиновьева-Аннибал писала ей 21 мая: «В Богдановщину мы ехать не можем из-за отношений к родителям Маргариты» (Документальные хро-

ники. С. 204; письмо было обращено к Волошину и Сабашниковой одновременно). Несколькими днями раньше Сабашниковой писал о том же и В.И. Иванов в цитированном выше письме (см. примеч. 2 к п. 358). «Любимая, вот ответы: 1) В Богдановщину, которая принадлежит не тебе, мы не поедем» (РГБ, ф. 109, карт. 10, ед. хр. 30, л. 1).

[7] См. примеч. 2 к п. 362.

[8] Слова Волошина из п. 362.

366. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

9 июня 1907 г. Лукино[1]

Суббота. 9 июня.

Дорогой мой, спасибо Тебе за Твое ободрительное письмецо;[2] я была ему очень рада. Пиши мне, что именно пишешь и читаешь. Написал ли о «Зверинце»?

Я начала портреты: Ляйзы на фоне берез и Нюши овальный в кринолине.[3] Только рисование не мешает мне думать. У меня продолжается тоска. Твое письмецо порадовало меня.

Из Петербурга известий нет, и мне очень скучно. Нюша ужасно мила, вся светится. Мы с ней очень близки, впрочем, говорим немного.

Я получила от Чуйко прелестное письмо.[4] Очень ему рада.

На днях приедет к нам Анна Рудольфовна на несколько времени погостить.[5] Она мне много рассказывала про Мюнхен. Мама с ней говорила о В<ячеславе>. Повторяла: «Я ее ему не отдам».

Мне моя жизнь кажется сном. Я не я, все не настоящее. Так дико.

Ну, целую Тебя.

Будь здоров, радостен, мой Максик, мой хороший.

Твоя Аморя.

[1] Лукино – подмосковный поселок, где жила летом 1907 г. семья Гофманов и Сабашниковых (см. примеч. 1 к п. 26).

[2] Имеется в виду п. 364.

[3] Портрет Е.Н. Гофман, выполненный Сабашниковой в 1907 г., хранится в собрании Гофман-Кадошниковых (Москва). Портрет А.Н. Ивановой (овальный) – в ДМВ. См. также п. 370.

[4] Сабашникова сообщает о письме Чуйко из Парижа от 25 мая / 8 июня 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 111, л. 27–29 об.).

[5] А.Р. Минцлова провела в Лукино два дня – между 10 и 14 июня (см. подробнее примеч. 1 к п. 368).

367. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

12 июня 1907 г. Коктебель[1]

Милая моя Аморя! За эти дни я получил два письма от тебя.[2] Первое меня опять почему-то взволновало и замутило, но то, что пришло сегодня, мне было радостно получить и прочесть.

Мне очень хорошо, очень ясно. В Коктебеле тишина и зной, которые я так люблю.

Эти дни гостила у меня Алекс<андра> Михайловна. Все ее разговоры очень важны и значительны. Она страшно хочет видеть тебя и приехать на более долгий срок, когда ты будешь.

Мне так часто хотелось с ней поговорить об нас и обо мне. Но я теперь так глубоко понял, что о себе надо молчать и ни с кем о своих делах не говорить, что только в полном уединении, в полной замкнутости – сила.

Часто я видаюсь с Поликсеной Серг<еевной>[3], и мы беседуем очень дружественно. Они все все-таки уезжают скоро за границу против своего желания.

Орлишка с мужем здесь.[4] Она очень изменилась, стала скучной, ее совсем не видно. Она поблекла и отошла совсем и от меня, и от мамы. Ее муж молчалив и неприветлив. Это все грустно.

В Судак я все еще не ездил – все мне мешало. Поеду завтра утром, чтобы к вечеру вернуться.

Мне хорошо только, когда я совсем один в своей комнате со своими мыслями или в горах.

Я тебя очень, очень люблю. Но вспоминаю только такой, как ты была, как мы были в Париже. К остальному боюсь еще дотрагиваться.

О петербургской жизни думаю с ужасом и с неприязнию. Я понял, что все мне в Петербурге чуждо – самая сущность его мне враждебна. Мой путь не там. Мне нужна очень уединенная, тихая, сосредоточенная жизнь, и только изредка, как вино, люди.

Об Ивановых я не думаю больше, как о людях, с которыми у меня какие-то личные отношения. А так просто думать о них мне радостно.

Я написал за это время только статью «Некто в Сером» об Леониде Андрееве и послал ее.[5] Много писал для статьи об искусстве для «Золотого Руна».[6] Об «Трагическом Зверинце» теперь пишу.[7]

Читал я это время «Акселя» Вилье де-Лиль Адана – гениальную оккультную драму. Раньше, когда я читал ее пять лет тому назад, она мне осталась наполовину непонятна. Теперь она только стала для меня ясна. Эта книга мне страшно много дала.[8]

Miss Hart собирается приехать в начале июля. Я очень радуюсь ее приезду, хотя и плохо представляю себе, как это все будет. Об любви ее я думаю с глубокой грустью и не хочу ее. Мне хочется быть с ней добрыми товарищами, друзьями. Мне бы очень хотелось видеть Нюшу. Может, она соберется вместе с тобой в Коктебель. Хотя я как-то не верю ни в твой приезд в Коктебель, ни в то, что ты захочешь снова жить со мной, и, строя планы на будущее, я думаю только о себе. Когда же приходит пронзительная мысль: а если б ты захотела, если б ты вспомнила меня... то я ее прогоняю.

Милая Аморя, будь сама. В самой себе ищи источники жизни, не будь ты хмелем, которому надо непременно около чего-нибудь виться.

Об тебе мне очень горько думать. И вот сейчас я останавливаюсь писать и чувствую, как большая грусть о тебе подступает к сердцу.

Я не сумел, не мог тебе дать никакого счастия, ничего, что ты искала, бедная девочка, и только связал тебя собой.

Напиши мне подробнее об Анне Рудольфовне. Что говорила она об нас? И ты Нюше рассказывала об нас, и что она сказала?

Как начала ты писать Нюшу? В какой позе? Шлю всем мой привет, особенно Нюше.

Макс.

[1] Датируется приблизительно (см.: Труды и дни-1. С. 185).

[2] П. 365 и 366.

[3] П.С. Соловьева.

[4] Имеются в виду А.И. Орлова и ее муж, Константин Иванович Лукьянчиков.

[5] Статья Волошина (Русь. 1907. № 157. 19 июня. С. 2) представляет собой отклик на появление двух произведений Л.Н. Андреева: драмы «Жизнь Человека», опубликованной в 1-й книжке Литературно-художественных альманахов «Шиповник» (СПб., 1907), и повести «Иуда Искариот и другие», напечатанной в 16-й книжке Сборников товарищества «Знание» (СПб., 1907).

[6] Через несколько дней Волошин уточняет, что пишет для «Золотого Руна» «большую теоретическую статью об искусстве» под названием «Перламутровая Раковина» (см. п. 373). Статья не была написана (подробнее см. примеч. 16 к п. 7).

[7] См. примеч. 4 к п. 361.

[8] Драма «Аксёль» – основное произведение Ф.О. Вилье де Лиль-Адана – создавалась в течение нескольких десятилетий и была напечатана лишь посмертно. Волошин перевел эту драму на русский язык; первая ее часть опубликована Н.И. Балашовым в кн.: *Вилье де Лиль-Адан О.* Жестокие рассказы. М.: Наука, 1975. С. 149–166; серия «Литературные памятники»); полный текст перевода опубликован П.Р. Заборовым в 2003 г. (см.: Т. 4 наст. изд. С. 84–233 и 932–933). Кроме того, Волошин написал статью «Апофеоз мечты и смерти (Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни)» (впервые: Аполлон. 1912. № 3/4. С. 68–90), вошедшую в «Лики творчества» (см.: Т. 3 наст. изд. С. 7–40; 461–472, коммент. А.М. Березкина).

368. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

15 или 16 июня 1907 г. Лукино[1]

Мой милый Макс,

что-то долго от Тебя нет писем, и я начала беспокоиться.

У нас провела 2 дня А<нна> Р<удольфовна>. Мне почему-то было тяжело с ней. М<ожет> б<ыть>, я уж очень темна. Сонеты В<ячесла>ва ей страшно не понравились. Ложь чувствуется в них.[2]

Конечно, во мне ложь. Сегодня получила письмо от Лидии и окончательно решила, что не буду не только с ними, но и в Петербурге.[3] Верно, пробуду в Москве часть зимы. С Тобой, милый, не поеду в Мюнхен. Тебе нужно пожить на свободе для себя. Говорили с А<нной> Р<удольфовной> о Тебе; напротив Эртеля она думает, что школа необходима Тебе,[4] и жалеет, что ее не будет на первых порах в Мюнхене с Тобой.

Что Ты пишешь? Что читаешь? Как себя чувствуешь? По утрам я пишу Нюшу. Ужасно она мила. До обеда – Ляйзу. Удачно. Думаю, это лето будет плодотворно. Пишу Лидии, что ей не придется убивать «чудовище», п<отому> ч<то> оно превратилось.[5] В<ячеслав> меня не любит.

Мой милый Макс, судьба мстит мне за Тебя. Не говори этого маме своей. Я счастлива, что нет в моей жизни больше лжи.

Целую Тебя и люблю.

[1] Датируется по упоминанию о визите А.Р. Минцловой в Лукино; см. ее письмо к Волошину от 12 июня 1907 г.: «Сегодня я еду “на 17-ую версту”, где вся Поварская сейчас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 35 об.).

[2] Подразумевается обращенный к Сабашниковой цикл сонетов «Золотые завесы», (см. примеч. 3 к п. 334).

[3] О каком письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал идет речь, неясно.

[4] Минцлова полагала, что Волошину необходима «духовная школа», способная приобщить его к «оккультному знанию».

[5] Сабашникова имеет в виду рассказ Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Чудовище» (из книги «Трагический зверинец»), посвященный

К.А. Сюннербергу. Героиня рассказа, девочка Вера, выращивает в банке непонятное «чудовище», питающееся лягушачьей икрой и живыми лягушатами-головастиками. Девочка воспринимает его как воплощенное зло, которое должно «превратиться», потому что не может «совсем пропасть», и в конце концов убивает это смертоносное «чудовище» (см.: *Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Тридцать три урода. Роман, рассказы, эссе, пьесы. С. 88–97).

369. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

17 июня 1907 г. Коктебель

Милая Аморя!

Позавчера я вернулся из Судака, где провел 2 дня у Герцыков.[1] Там было очень хорошо. Они очень ждут тебя и просят приехать на более долгий срок.

Я совсем очарован этим двумя днями. Мы все время ходили по горам и говорили с Ев<гением> К<азимировной>. Ад<елаида> К<азимировна> почти не принимала участия в наших беседах и была в стороне.

Ев<гения> Каз<имировна> страшно любит голые холмы и пустыни, не боится жары, и мы с ней ходили в самый полдень, т<ак> что я был в восторге. Чувствовал тоже, что и я приобрел симпатию. Она говорила, что я здесь ей являюсь совсем другим, чем в Петербурге, где я был таким недоступным, что меня можно было только «уважать» (!).[2] Этого я уже никак не ожидал.

Я спросил: «Почему Вы думаете, что мы так не подходим друг к другу с Марг<аритой> Вас<ильевной>?» Она сказала: «Это я тогда думала. Теперь я этого совсем не думаю. Напротив».

Они живут втроем с матерью.[3] Больше никого. Маленький дом весь в зелени. Большой виноградник в долине под ним. Гряды голых гор – моря не видно, но оно недалеко – минут десять ходьбы.

Мы говорим без умолку все два дня почти без роздыху. Я давно уж так усиленно ни с кем не говорил. Они просили приезжать поскорее и надольше.[4]

Я ездил туда на велосипеде. Это ровно 3 часа езды, но очень усиленной и утомительной. Так что, вернувшись оттуда, я почувствовал себя совсем разбитым, и, кроме того, у меня сделался снова фурункул, как в Москве, только теперь на щеке. Так что сижу теперь в унынии и в лихорадке и читаю до головной боли, но как-то бесплодно. Очень жду окончания этого состояния, чтобы снова энергично приняться за работу.

Я получил письмо от Ан<ны> Руд<ольфовны>,[5] но мне очень трудно писать ей. Я написал ей одно письмо; но стал описывать все, что было после ее отъезда. Опять все вспомнил, опять все перепуталось и замутилось в душе. И я не отправил письма.[6]

Она пишет, что все дальше и дальше отходит от человеческой жизни.[7] Надо ли ей говорить о наших «переживаниях»? До них ли ей?

Все эти распутывания узлов надо в себе переживать.

Хорошо ли работается тебе, Аморя? Как идут твои портреты?

Думаешь ли ты о приезде в Коктебель? Приедет ли Нюша сюда?

Анне Руд<ольфовне> я больше о нас писать не буду. Но ты мне напиши все-таки, что она говорила об нас и что говорила Нюша.

Я от тебя сегодня жду письма.

Иногда мне становится одиноко и грустно. Но это только в минуты слабости.

Мне стыдно того месяца, что мы провели в Москве. Я думаю, что он будет самым тяжким из грехов на нашей душе.[8]

Miss Hart спрашивает меня в письме, действительно ли́ хочется тебе показать ей Москву и не будет ли и это тебе затруднением? И, вообще, хорошо ли ты относишься к ней, и не доставит ли тебе встреча с ней неприятности?

Но, по всей вероятности, она все-таки через Москву не поедет, а поедет через Одессу, т<ак> к<ак> она хочет дольше остаться в Москве и поэтому собирается это сделать на возвратном пути.[9]

До свиданья. Крепко целую тебя и желаю радости, бодрости и как можно больше *внешней* жизни, милая моя девочка.

Когда вспомнишь меня, приезжай поскорей.

Кланяюсь и целую всех.

Макс.

[1] Судя по письмам Волошина, он был в Судаке с 13 по 15 июля 1907 г.

[2] Волошин познакомился с Е.А. Герцык в Петербурге в декабре 1906 г.

[3] Сестры Герцык жили в Судаке вместе со своей мачехой Е.А. Герцык.

[4] Этот визит Волошина запечатлен в воспоминаниях Е.К. Герцык:

«В конце мая <1907 г.> мы в Судаке, и в один из первых дней он <Волошин> у нас: пешком через горы, сокращенными тропами (от нас до Коктебеля сорок верст), в длинной, по колена, кустарного холста рубахе, подпоясанной таким же пояском. Сандалии на босу ногу. Буйные волосы перевязаны жгутом, как это делали встарь, вихрастые сапожники. Но жгут этот свит из седой полыни. Наивный и горький веночек венчал его дремучую голову.

Из рюкзака вынимает французские томики и исписанные листки – последние стихи. <...>

Помню долгие сидения за утренним чайным столом на террасе. Стихи новейших французов сменяются его стихами, потом сестриными, рассказами о его странствиях по Испании, Майорке, эпизодами из жизни парижской богемы...» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. Сост. и коммент. В.П. Купченко, З.Д. Давыдова. М.: Сов. писатель, 1990. С. 153–154).

[5] Имеется в виду письмо Минцловой к Волошину от 12 июня 1907 г.

[6] Это письмо Волошина в его архиве не сохранилось.

[7] «Все больше и больше овладевает мною *та* жизнь, по ту сторону чувств и волнений земли, – писала Минцлова Волошину 12 июня (см. выше примеч. 5). – У меня остается горячая, глубокая любовь ко всем, кого люблю я. Но очень, очень многое *в жизни* этих близких и любимых людей отходит в сторону, тоже уходит из глаз моих теперь...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 35–35 об.).

[8] См. примеч. 2 к п. 361.

[9] В письме В. Харт к Волошину от 9/22 июня 1907 г. говорилось: «Благодарю госпожу Маргариту за то, что она готова показать мне

Москву, – но я думаю, что это будет ей в тягость, чего мне не хотелось бы. <...> Макс: мне очень хотелось бы познакомиться с госпожой Маргаритой, если она так же этого желает. Но мне не хочется доставлять ей неприятности. – Скажи мне откровенно, как поступить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1430, л. 25; письмо на французском языке).

370. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

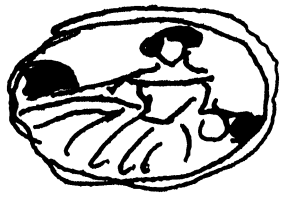
Около 20 июня 1907 г. Лукино[1]

Дорогой мой Максик, прошли ли Твои фурункулы, как я узнала, что Ты болен, так все сердце у меня перевернулось. Не грустишь? Напиши мне подробнее о ваших разговорах с Е<вгенией> Каз<имировной>. Говорили ли о «Зверинце».

Я получила от Лидии письмо очень большое, очень жестокое, но прекрасное, как все, что от нее. Узнала, что они поняли, как связаны, и она ужасается будущего.[2]

Я поспешила ее успокоить.[3] Люблю их только радостнее от этого, и все невозможное кажется мне теперь возможным. Не правда ли? И хотя здесь мне очень тоскливо, я спокойна. Верно, уже очень настрадалась, так что этот удар точно «отсек страдавший член».[4] Мы еще поживем, и все узко эгоистическое уйдет из нашей жизни. Правда?

Я пишу Нюшу и Ляйзу неудачно, п<отому> ч<то> разучилась. Портрет Нюши задуман изумительно. Овальный,



она в белом платье с кринолином и синими васильками в руках. С синим шарфом на фоне неба, внизу деревья.

Об Анне Руд<ольфовне> не знаю, что сказать, она чужда мне, и я ей. В житейских делах не верю ей ни капли, до того она пристрастна, себе противоречит и все преувеличивает. Впрочем, люблю ее по-прежнему, и в ней есть красота, кот<орой>

ни в ком нет. Об нас смутно что-то говорила; что между мной и В<ячеславом> ложь, что он должен быть с Лидией, а когда я сказала: «Уйти?», – она с ужасом сказала: «Нет, нет». Наше суеверие к ней просто пагубно, и она сама этим несчастна.

Думаю приехать в Коктебель в начале августа, в конце июля. Обещай мне никогда не говорить и не думать дурно о В<ячесла>ве. Если можешь не судить его, выкажешь величие своей души.

Макс, милый, Христос с Тобой. Будь радостен.

Твоя Аморя.

Поцелуй свою маму.

[1] Датируется по связи с п. 369, полученным Сабашниковой не ранее 20 июля, и упоминанию о недавнем визите А.Р. Минцловой.

[2] Вероятно, имеется в виду недатированное письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к Сабашниковой (ответ на ее письмо от начала июня 1907 г.), в котором Лидия Дмитриевна, пытаясь прояснить характер отношений между участниками «треугольника», настаивала на том, что она и Вячеслав Иванов представляют собой нерасторжимое двуединство. «Так вот, – писала Зиновьева-Аннибал, – единственное спасение, чтобы я и В<ячесла>в слились *воедино* и для тебя не стали бы *двумя*. Из этого следовало бы неизбежное или невольное приятие тебя мною, *как* и *всегда* и *где* ты принимаешься им. И как он был бы даже не двуедин для тебя, а просто един. Но, думаю я, тогда и во мне был бы он и я для тебя была бы *одною* с ним? Вот в чем вся роковая завязка: любим ли *мы* две друг друга, как *он* и *ты* друг друга. Или люблю ли я тебя, как он тебя. Тогда все бы приложилось. Вне этого – три одиночества, и чем ярче разорвать тусклость мнимого единения, тем честнее и реальнее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 76, л. 12–13 об.).

[3] Видимо, «заказное» письмо, отправленное в Петербург и оттуда пересланное в Загорье (почтовые штемпели: Москва 16.6.07; СПб. 17.VI.1907). Зиновьева-Аннибал ответила на него письмом от 23 июня 1907 г., текст которого опубликован Н.А. Богомоловым (Документальные хроники. С. 209–210)

[4] Слова Сальери из «Моцарта и Сальери» Пушкина (1830): «Как будто нож целебный мне отсек / страдавший член!».

371. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

20 июня 1907 г. Коктебель[1]

Милая моя девочка, это время от тебя все не было писем, и мне стало совсем грустно.

Еще приехал на днях Манасеин и рассказывал, что видел перед отъездом Ивановых и что Лидия ему говорила, что они на днях одни едут в Богдановщину и что ты уже там.[2] Я знал, что все это недоразумение, но было как-то очень неприятно.

Мне бывает очень хорошо, когда я весь сосредоточен в работе и творчестве. Когда же эта сосредоточенность падает, то становится очень грустно. Но это моя вина. Нет у меня настоящей сильной власти над самим собой.

В эти минуты я не пишу тебе потому, что если бы стал писать, это снова были бы такие же письма, что я писал тебе в Петербург и что ты не могла читать.

Мне ужасно хочется звать тогда тебя. Милая моя девочка, почему ты считаешь себя «чудовищем», – это неправда. И у тебя не было лжи. Слепота – не ложь.

А ты только слепа во многом.

Ты – не виновата ни в чем, ни в чем. Я во многом виноват перед тобою.

Что писала тебе Лидия? Почему пишешь ты, что Вячеслав тебя больше не любит? Что же ты думаешь делать, если не поедешь ни за границу, ни в Петербург? Где будешь жить?

Как я рад, что тебе хорошо работается. Мне не очень: сосредоточенности настоящей нет. Но эти дни опять начал писать стихи и, верно, скоро пришлю тебе несколько новых.

Как только закончу одну статью, что пишу теперь,[3] поеду снова в Судак. Очень мне хорошо было у Герцыков.

Напиши мне поподробнее о твоей работе. О чем ты говоришь с Нюшей? Каковы твои отношения с мамой?

Скажи ей, что мне страшно стыдно за то, как я себя вел тот месяц у вас, и чтобы она мне простила это.

Только теперь мне как-то стало ясно все неприличие моего поведения в то время и вся моя распущенность.

Милая моя девочка, до свиданья. Крепко целую тебя, люблю тебя, грущу по тебе. Милая, милая Аморя...

Привет всем.

[1] «Секретка». Почтовые штемпели: Отузы 20.6.07; Москва 22.VI.1907. Ответ на п. 369.

[2] В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал приехали в Загорье 21 июня 1907 г. Таким образом, встреча М.П. Манасеина с ними могла состояться около 15 июня.

[3] См. примеч. 5 к п. 367.

372. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 июня 1907 г. Лукино

Пятница 22.

Дорогой мой Максик, как Твое здоровье, как Твоя щечка, ведь это ужасно болезненно? Меняй чаще белье, это было прописано Бор<исом> Ник<олаевичем>,[1] меняй каждый день. И пиши мне чаще. Мне страшно одиноко. Ивановы едут в Могилевскую губ<ернию> в имение тетки Мар<ии> Мих<айловны>[2] и в июле зовут меня, но я не поеду, хотя тоскую страшно.

Моя живопись совсем плоха. Ах, хотелось бы поплакать на чьем-нибудь плече. Что мне делать: я обоих вас люблю, и «разве сердце, научившееся изменять, может выбиться из одиночества».[3] Моя душа совсем разорвана. Я никогда не перестану любить его; это навсегда. И теперь все просто кажется, и теперь ведь могли бы мы жить в одном городе и видаться. Нет, это невозвратимо, вы оба не захотите, и я несчастна навсегда.

Тоска. Боже, что за тоска.

Я забыла Тебе сказать, что Ремизов послал нам «Лимонарь»,[4] послать ли Тебе или до июля подождешь? М<ожет> б<ыть>, я в августе только приеду, мои портреты не двигаются.

С Нюшей нам хорошо; после зимы, проведенной с Бальмонтами, ей ничто не чуждо; я ей много рассказываю; она очень жалеет Тебя, очень хочет Тебя видеть.

С мамой мне очень тяжело, как в Финляндии.[5]

К Герцыкам очень стремлюсь.

Целую Тебя. Люби меня. Прости меня и его, Макс; не возненавидь его.

Твоя Аморя.

[1] Б.Н. Гофман был по профессии врачом.

[2] Загорье, имение тетки М.М. Замятниной, находилось в Могилевской губернии.

[3] См. примеч. 6 к п. 361.

[4] Книга А.М. Ремизова «Лимонарь, сиречь Луг духовный» вышла в издательстве «Оры» в мае 1907 г. Экземпляр этой книги был послан в Коктебель (см. п. 382), однако в настоящее время считается в ДМВ утраченным.

[5] Т.е. в декабре 1906 г., когда М.А. Сабашникова приезжала к дочери в Мустамяки (см. п. 300 и 316).

373. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 24 июня 1907 г. Коктебель[1]

Милая моя Аморя, как ты себя чувствуешь и что ты делаешь? Как идут твои портреты?

Мне не хочется, чтобы ты из-за меня мучилась. По твоему последнему письму[2] я вижу, что ты считаешь себя преступницей и «чудовищем» в мирном аврариуме[3] башни, а нас всех головастиками.[4] По меньшей мере, это очень самоуверенно. Милая моя девочка, зачем принимаешь ты на себя какие-то смертные грехи, которых ты никогда не совершала? Ведь если кто-нибудь из всех нас несчастен действительно и глубоко, то это только ты. Найди себя, укрепи себя, будь сама. Зачем так несправедливо винить себя.

Ведь единственная вина твоя, что ты не была «сама», но это больше всего твоя вина перед самой собой. Не ты, а я перед тобой виноват и за этот месяц, и за много мгновений, не вспыхнувших золотом.

Сегодня я написал письмо Ан<не> Руд<ольфовне>.[5]

Вот новое стихотворение, написанное на днях, еще к «Киммерийским Сумеркам».

Над медной рябью вод встает из глубины
Тяжелый кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы серые, потоки красных щебней,
Немые берега нерадостной страны.

Я вижу грустные торжественные сны:
Заливы гулкие Земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампады Семизвездья.[6]

Сегодня не было писем от тебя. Я очень жду от тебя подробностей о разговорах с Ан<ной> Рудольф<овной>.

В «Руси» появились мои статьи о Сологубе («Дар мудрых пчел») и об Андрееве «Некто в сером» (вторник 19 июня).[7]

Манасеины остаются здесь на лето и за границу не едут. Miss Hart пишет, что выедет 10 июля (нов<ого> стиля) из Лондона.[8]

Теперь мне снова работается и пишется. Верно, скоро еще напишу стихов. Постепенно подготовляю большую теоретическую статью об искусстве для «Золотого Руна», которой дам старое, давно обещанное, заглавие «Перламутровая раковина».[9]

Читаю Шопенгауэра,[10] Макса Мюллера[11] и мн<ого> другого из французов.

Достань и прочти «Акселя»[12] непременно. Это так хорошо, так гениально!

Мне очень, очень недостает тебя. Хочется забыть, похоронить все, что заволакивало все время нас друг от друга, и говорить не о нас, а об важном и вечном, о чем мы так давно не говорили. Когда мы, наконец, увидимся так — снова лицом к лицу, как в ранние парижские времена?

Почему отрекаешься ты и от Петербурга, и от Мюнхена? Разве есть у тебя планы большой работы на зиму в Москве?

Напиши мне о Нюше.

До свиданья, моя милая, милая Аморя. Я очень люблю тебя, и жизнь моя без тебя никогда не будет полна.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Имеется в виду п. 368.

[3] Видимо, игра: намеренное соединение слова «аквариум» с латинским aurum, aurarium (золото, золотой).

[4] См. примеч. 5 к п. 368.

[5] Это письмо Волошина не сохранилось.

[6] Впервые: Русская Мысль. 1907. № 9. С. 60 (первая строка: «Над темной рябью вод встает из глубины...»). Вошло в «Стихотворения. 1900–1910» (цикл «Киммерийские сумерки») с незначительными изменениями по отношению к предыдущим вариантам.

[7] См. примеч. 7 к п. 353 и примеч. 5 к п. 367.

[8] В письме к Волошину от 12/25 июня В. Харт сообщала, что отправляется в путешествие около 27 июня / 10 июля 1907 г. «Вероятно, я поеду в Лондон, – сказано в этом письме, – и там будет видно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1430, л. 26; письмо на французском языке).

[9] См. примеч. 6 к п. 367.

[10] См. примеч. 2 к п. 329.

[11] См. примеч. 3 к п. 329.

[12] См. примеч. 8 к п. 367.

374. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 27 июня 1907 г. Лукино[1]

Милый Макс, получила Твое письмо со стихотворением. Оно нравится мне, но это все те же слова: обрывы серые, кряжи, хребты, щебни; гулкие заливы. Очень много «древнего» и таинственного. Это уже было. Мне нравится: «Я вижу грустные торжественные сны». Но потом нельзя опять «*грустнее* и напевней». Относительно гекзаметров волны не знаю, что сказать; нехорошо звучит «Ветров тоскующих и дышащих зыбей». «И в небе теплятся лампады семизвездья»: очень хорошо передает сон.[2]

Не жди от меня подробностей о разговорах с Анной Руд<ольфовной>. Она говорит то одно, то другое. Я ей вовсе не верю, советую и Тебе верить одному себе. Мне досадно и смешно на нашу наивную веру, т.е. суеверие, во всем этом было много суетного мечтания, очень много самообольще-

ния; очень мало настоящей религиозности. Я скоро, как Чуйко, возненавижу оккультизм.[3] Да я его уже ненавижу. У меня сейчас лекции Штейнера; что за пресность. Зачем все великое и скрытое низводить на эту степень. Нет, тысячу раз предпочитаю одинокий голод, чем эдакую пищу. Точно итальянские гиды или Куки потустороннего.[4] О, ненависть!

Всякое чувство обращать на пользу. Кухня! Механики противные, которые хотят ускорить машину. Где тут вера, где молитва, где жизнь? Нет жизни. Боже, как мне скучно. Как со всеми мне скучно. Я знаю одного человека, с кот<орым> не скучно; но и он будет скоро святым, и мне с ним нечего делать. В Мюнхен я не еду, п<отому> ч<то> смертельно скучно с теософами. В Москве я не останусь, конечно, а поеду в Париж и стану натурщицей или в Рим, там мало блондинок. Не знаю, где найти другой жизни. Задыхаюсь от всеобщей добродетели. У меня она была напускная. Во мне нет ни доброты, ни любви, а я есть голод, голод, голод. Близких я не люблю и за жизнь их тоскливую не могу их простить. Наша «сказка»[5] скучна мне до чрезмерности. До чего бы мы дошли, если бы продолжали в том же духе. Ненавистная паутина, добродетели. Зачем я пишу Тебе? Я Тебя расстраиваю, ягненок мой бедный. Махни на меня рукой, нам не по пути.

Целую Тебя, кудрявый и толстый, и смешной и милый.

Прости меня. Мне невыносимо жить. Я так люблю его.[6] Я места себе не нахожу.

За что мы так несчастны?

[1] Ответ на п. 373; датируется по соотнесенности с этим письмом.

[2] Критические замечания Сабашниковой Волошин в данном случае оставил без внимания.

[3] Неприятие религиозной мистики и оккультизма еще более усилилось у Чуйко после его общения с А.Р. Минцловой в Париже в 1905 г. (см. примеч. 7 к п. 216).

[4] Имеется в виду туристическая компания Кука, основанная в 1841 г. и носящая имя британского предпринимателя Томаса Кука (1808–1892), изобретателя системы организованного туризма. Слово «Куки» Сабашникова употребляет здесь в значении «гиды»; ср. «гиды потустороннего» в ответном письме Волошина (п. 377).

[5] Склонные воспринимать жизнь как некую «мистерию», протекающую в иллюзорном мире, «по ту сторону», Волошин и Сабашникова часто называли «сказкой» и свои отношения друг с другом. Упоминания о «сказочности» бытия, о своей погруженности в «сказку» и «детство» содержатся в ряде писем Волошина и Сабашниковой, их дневниковых записях и т.д. «Слышишь: сказки шелестят?» – писал, например, Волошин в стихотворении «О, как чутко, о, как звонко...» (1903). Ср. в п. 88: «Жизнь – сказка, если глаза широко открыты и видят...» См. также примеч. 2 к п. 1.

[6] Речь идет о В.И. Иванове.

375. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

29 июня 1907 г. Лукино

29 июня.

Дорогой мой Макс, вчера я получила от Тебя очень ласковое, очень радостное для меня письмо,[1] целую Тебя, братец мой, любимый мой. Вместе с ним получила из Загорья письма[2] и стихи[3], в кот<орых> зовут меня; письма Лидии я не поняла, он любит меня по-прежнему и тоскует.[4] Все это наполнило, было, меня радостью; когда впервые произошел разговор с мамой ужасный. Теперь понимаю, откуда было у Тебя в Москве все состояние. Я совсем убита, совсем истерзана. Написала, что не приеду, что ухожу,[5] но все во мне горит и болит. И так его жаль, что я хотела бы, чтобы камнем меня пришибли, чтобы дольше не мучиться. Мама терзается, извелась; ее слова, очень цельные и сильные, отчасти верны по отношению ко мне и к Тебе; весь же принцип жизни построен на призрачном доме, на законе; есть что-то ветхозаветное, чуждое мне; в этом жизни нет, и все же она прекрасна. Я думаю, что она проклянет, умрет, если я ушла бы к ним. Я в ее присутствии не имею слов. Если бы их напустить друг на друга. Московское состояние у меня повторилось в еще более тяжелом виде. Работа совсем не клеится; ничего не выходит, хотя я неукоснительно пишу каждый день.

Милый, я написала Тебе в прошлом письме страшные глупости. Господи, когда кончится эта адская мука. Как я не

сошла с ума от непрерывной этой боли и сомнений. Мне все хочется бежать куда-то, но разве от себя убежишь. Что написал Ты об «Зверинце»?[6] Не пришлешь ли прошлые статьи «Руси», я не могу их добыть.

Я Тебя люблю, Макс; как хорошо Ты заговорил. Как развяжется весь этот узел, как я вынесу.

Мама страшно нежна со мною; как мы любим друг друга и как терзаем. Если бы не было призрачных долгов и если бы люди не были ревнивы, как мы могли бы быть все счастливы, какое громадное счастье страдает рядом с нами.

Кланяйся Miss Hart. Будь весел и легкомыслен; я люблю Тебя.

Твоя Аморя.

Мой день складывается так. Утром пишу Нюшу на балконе. После завтрака брожу по лесу или лежу с книгой; после чая пишу Ляйзу. Вечером мы гуляем и читаем Гофмана.[7] Приеду в конце июля или начале августа с Нюшей, впрочем, это зависит от портретов, они не идут.

Относительно упаковщика,[8] папа не знает такого, а Ивановы в Загорье, их почтовый адрес: Любавичи, Могилевской губ<ернии>. Имение Загорье.

[1] О каком именно письме идет речь, неясно.

[2] Одно из писем, полученных Сабашниковой от Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, было написано 23 июня 1907 г. и содержало предложение приехать в Загорье в июле (см.: Документальные хроники. С. 209–210). Известно и другое письмо Зиновьевой-Аннибал, в котором также обсуждался вопрос о приезде Сабашниковой (Там же. С. 216–217). Помещая второе письмо среди документов, относящихся к концу июля 1907 г., Н.А. Богомолов не исключает и более ранней датировки: конец июня – начало июля.

[3] 24 июня Иванов отправил Сабашниковой стихотворное приглашение, относительно которого, как замечает Н.А. Богомолов, «мы не можем быть уверены» (Там же. С. 211). Текст этого «приглашения» действительно не известен, однако упоминание о нем содержится в письме Зиновьевой-Аннибал к Сабашниковой, написанном на другой день, 24 июня: «Вчера Вячеслав отослал тебе стихотворное призывание. Получила ли?» (Там же). «Дорогой мой, – отвечала

Сабашникова Иванову 6 июля, – Твое призывное стихотворение сделало меня очень счастливой и очень несчастной. Не зови меня. Я не приеду» (Там же. С. 212).

[4] В письме от 23 июня 1907 г. Зиновьева-Аннибал подтверждала неизменность чувства В.И. Иванова к Сабашниковой. «Раз ты любишь и он любит (а любит он глубоко и нежно), вы должны смело стать рядом...» и т.д. Приводя слова Иванова о том, что он «искренно, глубоко» тоскует по Сабашниковой, Зиновьева-Аннибал добавляет: «И это правда» (Там же. С. 209).

[5] Вероятно, подразумевается недатированное письмо Сабашниковой, написанное, судя по сохранившемуся конверту (почтовые штемпели: Москва 30.6. 07; Любавичи 1.VII.07), в последние дни июня 1907 г.) и содержащее, в частности, такие слова: «Я ухожу в полной уверенности, что это единственный исход. <...> Лидия, моя сестра любимая, благослови меня и не зови. Очень большая пытка была бы для меня свидание с вами сейчас» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 12, л. 9 об., 10 об.). Еще более подробно Сабашникова обосновывала свой отказ от поездки в Загорье в письмах от 6 и 10 июля 1907 г., а 9 июля она отправила Иванову и Зиновьевой-Аннибал телеграмму: «Приехать не могу. Маргарита» (Документальные хроники. С. 212–213).

[6] См. примеч. 4 к п. 361.

[7] Имеется в виду Э.Т.А. Гофман и, в частности, его роман «Эликсир Сатаны» (см. об этом в примеч. 2 к п. 264).

[8] Речь идет, видимо, об отправке в Коктебель вещей и книг, присланных из Парижа.

376. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

30 июня – 1 июля 1907 г. Коктебель

Суббота. 1 июля.[1]

Милая, милая моя девочка, я только что вернулся из Судака от Герцыков[2] и нашел твое грустное, грустное письмецо, то, в котором ты пишешь, как ты одинока и как плохо тебе, и что тебе хочется поплакать, уткнувшись в плечо.[3] Меня такая жалость и любовь к тебе охватили, моя милая, моя бедная девочка. Мне так хочется обнять твою милую, грустную голову и успокоить тебя, чтобы ты поверила, чтобы ты знала, что есть жизнь и будет жизнь.

Я себя, а не тебя виню. Ты была собой. Слабой, но сама собой. А я не был собой. Вот теперь как-то особенно эти дни в разговорах с Герцыками я вспомнил себя. Я вдруг вспомнил себя таким, как я был <на> наших первых встречах. Я почувствовал, что они вдруг почему-то таким меня увидели. И в них я себя вспомнил: спокойного, радостного и невоплощенного. Я не забуду себя, Аморя. Я буду для тебя таким, как тогда был, каким ты меня тогда еще полюбила. Я больше не буду путаться в своих «долгах», «обязанностях». Быть радостным и быть собой — вот долг. Ты знаешь — любовь не предает. Только <ко>гда самое себя ты предаешь, тогда ты предаешь и того, кого любишь.

Вячеслава я люблю, и если теперь жить с ним не могу, то только потому, что я сам для *Петербурга* не готов.

Петербург с его лихорадочной, *порочной* атмосферой мне страшен. Я не достаточно силен, чтобы прямо противупоставить ему свое. Я часто представляю себе, как бы мы все могли жить вместе, напр<имер>, в Риме, и это мне кажется радостным и возможным. Нет, не ради Вячеслава я бегу от Петербурга. И для него Петербург вреден, и его он искажает, но он-то Петербургу нужен. Хотя и в этом я не уверен. Как некоторые наркотические яды, Петербург дает острое напряжение творчества. Но этого надо бежать.

Аморя, Аморя, тишины, сериозной глубокой работы внутри себя, уединенного творчества, глубо<ко>й честности перед своим трудом мне надо. И тебе тоже. Пусть горечь утраты (если есть утрата!) станет в тебе творческой. Пусть она тебя ведет в искусстве. Оплодотвори, освяти ее. Не надо желаний, не надо земных осуществлений, будем расти, как цветы, радостно из себя навстречу неведомому свету.

Аморя, ведь это так, ведь для этого мы соединены. Аморя, я так же слаб. Ведь та боль, которая вдруг так странно охватила меня — боль потерянной любви, разбитой сказки и оскорбленного самолюбия (и это было!) — это была малодушная, недостойная слабость. Но если наша жизнь будет строга и деятельна, если мы друг другу будем помогать в этом, только тогда наша жизнь станет нашим подвигом. До сих пор мы были детьми.

Нас обоих переродило это крещение болью. Теперь надо жить. Нельзя терять ни одного мгновения.

Я это вчера писал. Мне хочется еще написать тебе о себе. Я был второй раз в Судаке. Опять это были два дня лихорадочных торопливых разговоров. Больше с Ев<генией> Каз<имировной>. Ад<елаида> Каз<имировна> прислушивалась, но говорила мало. Она страшно отъединена глухотой от жизни. Мне в ее стихах глухота напоминает то, чем была слепота для Карьера.[4] Это та же отъединенность и грусть. В ее ритме и в ее рифмах это есть. Чувствуется, что она никогда не слышит слова до конца, что звуки теряются в смутном шорохе. Мать их замечательно глубока и достойна их обеих.[5] В их доме напряженность постоянной сериозной и глубо<ко>й работы. Дом весь в зелени, весь в тени. Глубокая тишина кругом.

Я чувствую, что я их очень интересую, и что они видят меня таким, как видела ты в начале. Я не могу тебе сказать, как это радует меня, и какие крылья дает мне. Я боялся, что я совсем себя утратил и ловлю призраки. Теперь я знаю, что нет.

Перед отъездом Ев<гения> Каз<имировна> сказала мне: «Вы знаете, что для Вяч<еслава> Ив<анова> встречи с Вами были еще важнее, чем для Вас. Он от Вас взял больше, чем Вы от него». Я почувствовал глубокую радость.

Лидия писала им, что они в сентябре непременно приедут в Судак. Но сами они не очень верят этому. Они много расспрашивали про тебя и про нас. Но я мало мог сказать им. Я не знаю, что говорить об нас. Ах, Аморя, как я жажду, чтобы между нами снова возникло «да» вместо этого нерешительного, смутного «нет», что теперь.

Вернувшись в Коктебель, я застал Пешковского с женой, который приехал отдыхать сюда и нанял комнату у мамы. Жду тоже, что должен приехать еще один мой прежний друг, спутник моего первого итальянского путешествия, – Леонид Кандауров, который живет в Судаке с братом своим.

Miss Hart приезжает в этот вторник. Я очень жду ее, но боюсь только, что к ее приезду еще не пройдет у меня болеть

нога после моего похода в Судак. (Фурункулы у меня совсем прошли.)

Это было удивительно хорошо, эти 9 часов в раскаленной пустыне, которые я провел, идя в Судак через Меганом.[6] Полуденный зной от напряжения света казался темным. Сперва были мощно выгнутые гомеровские заливы, потом пустыня холмов и поляны сожженной звонкой травы. Я все больше проникаюсь священным величием этой древней земли.

Аморя, полюби ее, прими ее. Это родина нашего духа. Ты увидишь – Евг<ения> Каз<имировна> наставит тебя пониманию Киммерии. Она так понимает и любит ее.

Почему ты приедешь только в августе? Может, раньше? Приедет ли Нюша с тобой? Ах, как мне хотелось бы, чтобы Нюша, милая Нюша, приехала. Я как-то суеверно верю, что если она будет при нашей встрече, мы встретимся лучше, яснее и ближе. Уговори ее приехать, умоли ее приехать, Аморя. Как рад я, что ты обо всем можешь говорить с ней и говоришь обо всем.

До свиданья. Мой привет всем.

Макс.

Пришли мне «Лимонарь» поскорее.[7]

[1] Ошибка Волошина: суббота приходилось на 30 июня. Возможно, письмо было написано в ночь с 30 июня на 1 июля.

[2] Волошин был у Герцыков в Судаке 28 и 29 июня 1907 г.; вернулся в Коктебель 30 июня (Труды и дни-1. С. 186).

[3] Имеется в виду п. 372.

[4] О «слепоте» Э. Карьера Волошин писал в статье, посвященной художнику (1904): «Парадоксальность судьбы: Карриер, один из величайших колористов, не различал цветов. Он видел только колебания холодных и теплых тонов. "Разве природа окрашена?" – говорил он с удивлением своим ученикам, рассматривая их этюды. От рождения он был слеп к цветам. "Будь слеп, как Гомер, или глух, как Бетховен..."» (Т. 5 наст. изд. С. 32–33; последняя фраза – неточная цитата из написанного гекзаметром стихотворения А.К. Толстого «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..», 1856).

[5] Сестры Герцык жили со своей мачехой Е.А. Герцык (Лубны-Герцык). Их мать С.М. Герцык (Лубны-Герцык; урожд. Тидебель) умерла в 1880 г.

[6] Меганом – мыс и гора в Крыму (между Феодосией и Судаком).

[7] См. примеч. 4 к п. 372.

377. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

4–5 июля 1907 г. Коктебель

Среда.

Милая моя девочка!

Вчера я поехал встречать Miss Hart (она не приехала)[1] и получил в Феодосии два твоих письма.[2]

Они что-то очень грустны, твои письма, и очень безнадежны. В чем твой «ужасный» разговор с мамой заключался?

А мне последнее время «все» не кажется уже таким безнадежным. Мне кажется, что для нас есть выход и что нам надо увидеться поскорее и именно здесь, на свободной почве Коктебеля. Прежде всего нам надо похоронить наш *законный* брак. Это слово большое всего нам напутало. Я это в душе своей уже сделал и вдруг почувствовал себя совсем свободным и что ты стала мне снова бесконечно близка. Я не зову приезжать сию же минуту. Но как только ты сможешь – не откладывай. Приезжай с Нюшей и закончи здесь ее портрет. Милая Аморя, я жду тебя радостно потому, что чувствую, что я больше не муж (отвратительное понятие!), а товарищ и сообщник, и мы вместе обсудим, как устроить тебе жизнь. Об этом я отправляю и соответственное письмо Мар<гарите> Алек<сеевне>, в котором прошу больше не смотреть на меня как на твоего законного мужа и не доверять мне в этом смысле. Я знаю, что это письмо, быть может, осложнит наши отношения, но считаю его необходимым.[3]

Я думаю, что Марг<арита> Алек<сеевна> тебе покажет его.

Четверг.

Вчера мое письмо перебили. Явилось семь человек гостей – Кандауровы (мои стар<ые> москов<ские> знаком<ые>) и еще несколько из Судака. Кроме того, здесь Богаевский.

Он просит тебя выбрать себе все, что ты хочешь из его альбомов, но взамен просит, чтобы ты ему подарила что-нибудь из своих вещей. Он пришел в восторг от маминых выжженных деревян<ных> сосудов и с ней тоже произвел мену.

Miss Hart должна приехать сегодня. Но я не мог отправиться ей навстречу, т<ак> к<ак> вчера разразилась страшная гроза и нельзя проехать на велосипеде. Жду ее с минуты на минуту.

Все остальные гости пошли сейчас на Карадаг с Богаевским. (Увы! у меня болит нога.) Они уезжают все сегодня, кроме Богаевского. Между ними жена директора московской обсерватории – Цераского. Этим знакомством я очень счастлив, т<ак> к<ак> это даст мне возможность быть на обсерватории осенью, о чем я очень мечтал. Я получил уже приглашение.[4]

В одном их твоих писем есть слова об оккультизме, которые меня очень возмутили.[5] Как *ты* можешь писать такие вещи об лекциях Штейнера, которые знаешь и слыхала его сама?

О каких «гидрах потустороннего» ты говоришь? Такие слова позволительны невеждам, но не тебе. Сама же ты знаешь, что оккультизм не художественное произведение. Он не заражает. Он дает мертвые кристаллы, которые должны быть наполнены живым духом каждого, подходящего к ним. Ты говоришь так, как будто эти кристаллы уже ответ сами по себе, как будто тот, кто принял их, сыт ими, а не идет дорогой вечного голода. В этих словах твоих какое самоуверенное недомыслие. Я не верю им. Просто то письмо написано в слишком тяжелую минуту.

Напиши мне о твоем разговоре с мамой. Относительно «суеверия» к Ан<не> Руд<ольфовне> я тебе, кажется, уже

писал, *что* я думаю и в чем ей верю безусловно? Если нет, то напишу или лучше поговорить обо всем этом.

Пока до свиданья. Может, еще припишу после.

[1] В. Харт предполагала приехать в Феодосию 3 июля, но задержалась на два дня (см. об этом: Труды и дни-1. С. 186).

[2] Имеются в виду п. 374 и 375.

[3] Письмо Волошина к М.А. Сабашниковой не сохранилось. Однако о его содержании позволяет судить ответное письмо Маргариты Алексеевны:

«Дорогой Максимил<иан> Александр<ович>!

Ваше письмо смутило и огорчило меня. Почему Вы отделяете ответственность мужа от ответственности друга и защитника? Я понимала всегда, что ответственность мужа и есть ответственность друга и защитника, соединенного с женою Таинством. Такую же ответственность чувствуем и мы, родители, за детей своих. Только поверив Вам как такому мужу-другу и защитнику, мы доверили Вам дочь-ребенка. Никто лучше меня не знает, поскольку <*sic!*> Маргоря, ребенок, увлеченный отвлеченными теориями жизни, при полном непонимании действительности, идет по опасному пути и не пройдет его одна. Вы пишете, что Вы ее проведете, но не знаете, какими путями Вы исполните этот долг, возложенный на Вас Таинством. Вы боитесь, пишете Вы дальше, что при этом взгляды Ваши на формы жизни разойдутся совершенно с моими. Из чего Вы это заключаете? Из того, что я не согласна была с формой жизни Вашей зимой. Если я говорила Вам, что, нарочно (искусственно) или случайно спутанная с чужой жизнью, Ваша жизнь не та форма жизни, которая могла бы укрепить душу Маргори на борьбу за жизнь и защитить ее от зла, то мне кажется, что и Вы навряд ли теперь признали такую форму путем защиты и охраны Маргори. Мой милый Мак<симилиан> Ал<ександрович>, Вы все-таки только начинаете знакомиться с формами действительной жизни, а я уже пожила их и думаю, что могла бы сказать Вам иногда, что́ в известных формах есть <немало?> доброго и нужного для действительной полной жизни человека. Мне кажется, что только вместе мы могли бы защитить и укрепить Маргорю для борьбы с соблазнами, которые так ослабляют ее сердце и ум.

Своим доверием ко мне весною Вы так тронули меня, что я стала любить Вас больше и в Вас я увидела союзника на охрану Маргори. Это доверие к Вам помогло мне перенести жизнь этих последних

месяцев. Должно ли понять из Вашего письма, что Вы хотите отстраниться от меня. Мне было очень больно, что Вы заканчиваете Ваше письмо словами: "Я ничего не решил, но предупреждаю Вас, что мои решения могут быть совершенно чужды Вашим планам". Почему? Я надеялась, что в общей нашей заботе и ответственности о Маргоре, мы сблизились настолько, что планы Ваши мне не только не могут быть чужды, но что Ваши планы будут общими нашими. Ведь иначе я опять, как зимою, буду в положении человека, которому Вы будете сообщать, когда найдется время, о том, как Вы предполагаете сложить свою жизнь, не считаясь с нами. Почему мы, родители, должны быть только зрителями Вашей жизни и не должны участвовать в этой жизни. На чем Вы хотите чтобы мы основали наше доверие к Вам, о котором Вы просите.

Пожалуйста, напишите мне яснее, что Вы хотели сказать Вашим письмом. Не надо, чтобы между Вами и мною было недоразумение. Я хотела бы иметь к Вам непосредственное отношение и думаю, что сумею понять Вас.

М. С<абашникова>»

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1066, л. 6–7 об.; написано между 10 и 15 июля 1907 г.). См. также п. 383.

[4] Речь идет о Московской обсерватории, директором которой был В.К. Цераский. Его жена – Л.П. Цераская.

[5] См. п. 374.

378. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5 или 6 июля 1907 г. Лукино[1]

Дорогой мой, милый, Твое письмо (по возвращении из Судака) доставило мне громадную радость.[2] Здравствуй, Макс, мой радостный брат, здравствуй. Я же томлюсь между «Да» и «Нет». Меня зовут в Загорье.[3] И опять великая дилемма. Боже мой, как я хочу быть со всеми в мире и радости и как хочу счастья, счастья. Боже мой!

Мама в Москве; так ей тягостно меня видеть. Работка плоха; упорствую, но ни с места; точно заколдованные портреты. В Крым собираются и Нюша, и Ляйза.

Макс, что за фельетон Ты написал, за кот<орый> арестован редактор по статье о кощунстве?[4] Не о «Зверинце» ли? Вместе с моими собственными «да» и «нет» переживаю «да»

и «нет» мировые, и страшно, и скучно, и никому не верю. Мечтаю написать роман, где leitmotiv была бы история с предательством Кришны, и все бы люди путались, не зная, где искушение, и был бы один среди них, похожий на злодея и на святого. И о Боге ничего бы не знали верного; в Бога не верили бы, но Христа бы любили.[5]

Целую Тебя, мой милый, горячо любимый. Спасибо за слова: будет жизнь, и будет счастье.

Твоя Аморя.

[1] Датируется приблизительно (по соотнесенности с п. 376 и 379 и перепиской с Ивановыми).

[2] То есть п. 376.

[3] Сабашникова имеет в виду письмо от Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 3 июня 1907 г. с припиской В.И. Иванова: «Моя любовь *умоляет* тебя приехать, и моя правда *знает*, что так поступить тебе должно» (Документальные хроники. С. 211).

[4] См. п. 379 (место, отмеченное примеч. 5, 6 и 7) и примеч. 7 к п. 396.

[5] См. примеч. 2 к п. 264.

379. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

8 или 9 июля 1907 г. Коктебель[1]

Моя милая девочка!

Твои письма так смутны и беспокойны, что я не знаю, чтó писать тебе и чем помочь тебе. А мне кажется, что *теперь* я бы мог тебе помочь распутаться и в личных, и мировых вопросах. Во всяком случае, не стал бы тебя путать, как раньше. Надо тебе ко мне ехать.

Приехала Miss Hart и здесь очаровала всех своей энергией, простотой и решительностью. Приехала она в страшный ливень и пришла босиком через речку.

Жил эти дни Богаевский.[2] Ездили мы два дня подряд на лодке к Карадагу. Он говорил, что у него прямо мучительная боль делается, когда он видит те места, так чувствует он пол-

ную невозможность передачи этого. Он очень хочет видеть тебя и приедет гостить снова, когда ты приедешь.

С Miss Hart у нас как-то сразу и естественно восстановились те отношения, что были раньше в Париже. Я чувствую, что она меня *очень* любит и идеализирует. Но я чувствую к ней глубокую дружбу – я рад, что у меня есть товарищ. Мои ласки дают ей страшную радость, и я даю их ей, но мне кажется, что я люблю ее больше вне этого. Мне кажется, что всю ласку, что живет в моей душе, я отдал тебе навсегда. Но надо ли быть скупым и отказывать в радости? Я чувствую, как во мне снова восстанавливается прежнее великое равновесие и что я снова радостно встречаю все, что посылает мне жизнь, и радостно иду, куда она ведет меня.

Как я рад, что приезжают и Нюша, и Ляйза. А Борис Николаевич приедет?[3]

Аморя, Аморя, приезжай скорее – здесь, я уверен, ты найдешь выход и скорее и проще, чем в Москве, и я смогу помочь тебе. Тебе вредно оставаться в Москве, где ты так запутана всем старым своим.

Нам надо быть вместе в Коктебеле ли, в Петербурге ли или в Риме, но не в Москве.

Надо самим и без ведома других устраивать свою жизнь – ты была совершенно права.

Совсем не надо, чтобы вся внутренняя жизнь была на виду. Откровенность должна быть *даром*, но не обязанностью.

Прости меня за то, что я тебя так запутал, так все осложнил, когда был в Москве.

Нельзя нам было там быть обоим вместе в такую сложную минуту нашей жизни. Где угодно, только не там.

У меня масса проектов и планов на будущее, но нельзя из них ничего выбрать, ничего нельзя решить, пока мы не встретимся.

Приезжай скорее. Тебе здесь будет лучше работать, чем в Москве, особенно если твои обе модели[4] приедут вместе с тобой.

Относительно конфискации «Руси» за мою статью и обвинение в богохульстве в первый раз от тебя слышу.

Это может быть только статья об «Une Nuit de Luxembourg»* R. de Гурмона.[5] Эта книга, действительно, богохульственная, но она переведена на русский язык,[6] и я высказываюсь против нее.[7] А может быть, это статья об «Иуде» Андреева?[8] Ничего не понимаю.

Написал письмо Суворину.[9]

Об «Зверинце» еще не кончил. Хочется, чтобы хорошо было.

Теперь заканчиваю статью об динамитных бомбах — очень парадоксальную.[10]

До свиданья. Не мучься, не страдай. Живи и будь радостна. Все будет хорошо. Будет жизнь. Будет радость. Надо только быть свободными в сердце своем. И я буду с *тобой*, а не против тебя, моя милая, моя любимая девочка.

Макс.

[1] Ответ на п. 378. Датируется также по упоминанию о приезде В. Харт (5 июля 1907 г.).

[2] К.Ф. Богаевский находился в Коктебеле приблизительно с 3 по 7 июля (см.: Труды и дни-1. С. 186–187).

[3] Приезд Б.Н. Гофмана в Коктебель в 1907 г. не состоялся.

[4] А.Н. Иванова и Е.Н. Гофман.

[5] Статья Волошина была напечатана в газете «Русь» (1907. № 168. 30 июня. С. 2).

[6] Перевод романа Р. де Гурмона на русский язык появился в майской книжке журнала «Вестник Иностранной Литературы» (С. 1–50). Имя переводчика не указано.

[7] См. примеч. 7 к п. 396.

[8] Волошин имеет в виду свою статью «Некто в сером», бóльшая часть которой посвящена повести Л.Н. Андреева «Иуда Искариот и другие» (см. примеч.5 к п. 367).

[9] Это письмо не известно.

[10] См. примеч. 7 к п. 381.

* Ночь в Люксембургском саду *(фр.)*.

380. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

10 или 11 июля 1907 г. Москва[1]

Дорогой мой,

Получила Твое письмецо.[2] Давно до него не было известий. Сегодня живу получше, а все те дни извивалась в судорогах страданий. Ивановы шлют телеграммы, убеждают, что необходимо увидаться;[3] я же хочу работать, боюсь больше всего причинить боль маме и сама чувствую себя сейчас совершенно неспособной к жизни, если найти силу уехать отсюда, где найду силу уехать от них. Я очень зову их в Крым.[4] В Коктебель, верно, им неловко будет приехать (разве Ты позовешь?). Но у Герцыков можно увидеться. Как они живут? Ловко ли гостить у них?

Я очень рада, что Тебе хорошо. Мне тоже хорошо со вчерашнего вечера. Задумала роман.[5] Прости меня за оккультизм. Это ведь я глупости писала, сердце не на чем было сорвать. Сама же страсть как в оккультизм вдалась, и скоро пошлю Тебе один мой чертеж «Отче наш».[6] Делаю этюды с Нюши, ибо chef-d'œuvre* не по силам.

Что Ты написал маме? Она что-то расстроена и говорит, что ровно ничего из Твоего письма не поняла. Наш разговор с ней, верно, то, что она и Тебе говорила о моей слабости, о том, что я не я теперь, что брак свят, что Иванов хищник; что я дура. Ну, это, конечно, в других словах. Только я увидала, что она мною несчастна. Сегодня мне снова кажется, что вовсе никаких дилемм нет и все может быть очень хорошо. О том, что я не буду жить с Ивановыми, для меня больше нет вопроса. Но уезжать совсем мне страшно тяжело. М<ожет> б<ыть>, привыкну, может, нет.

Моя главная идея – рисовать. Заботит меня, чем мы будем жить. Что я могу делать, чтобы быть товарищем Тебе.

Целую Тебя, мой дорогой Максик, я тоже соскучилась по Тебе.

В начале августа приеду. Напечатан ли «Зверинец» Твой? За что была конфискована «Русь»?[7]

---

* Шедевр *(фр.)*.

Пришли стихов.

Я сейчас очень устала и подробнее напишу в другой раз.

Вчера видели с Джунко<вским> дом Боде. Чудный, чудные портреты.[8]

Сегодня Ляйза писала Тебе письмо, но не отослала. Она очень была взволнована и огорчена моим романом, там учитель женится на своей дочери, не подозревая этого.[9] Она говорит, что об этом нельзя говорить. Кажется, жаловалась Тебе на меня и ужасно меня растрогала.

Целую Тебя крепко, милый, милый Макс.

Аморя.

[1] Дата и место написания устанавливаются по содержанию (упоминание о посещении дома Боде-Колычевых, извинение за нападки на «оккультизм», отсутствие сообщения о болезни А.Н. Ивановой и др.).

[2] Имеется в виду п. 377.

[3] К этому времени Сабашниковой было получено «призывное» письмо от Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. «Перед лицом Бога и по крайнему моему и Вячеславову разумению зову тебя, – писала Лидия Дмитриевна 7 июля. – Приезжай. Не ставь срока своему пребыванию: пусть это будет день или век, но приезжай. Иначе не душишь ли живого, не грешишь ли перед Духом живым? Я зову, и Вячеслав зовет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 76, л. 17 об.).

«Дорогие мои, сейчас получила ваше призывное письмо, – отвечала Сабашникова 10 июля 1907 г. – <...> Теперь приехать я, во всяком случае, не могу. Кроме той причины, о кот<орой> я писала вам, и моей крайней слабости, есть две важные причины. Мой отъезд теперь был бы ужасом для моей матери. Она мною измучена. И больше терзать ее я не могу. <...> Вторая причина, также очень важная для меня, – это начатые работы» (Документальные хроники. С. 213).

[4] «...Успокойте мою душу, обещайте провести осень вместе в Крыму», – просила Сабашникова Ивановых в письме от 10 июля 1907 г. (Там же. С. 214).

[5] О романе, начатом Сабашниковой летом 1907 г., см. примеч. 2 к п. 264 и п. 378, а также примеч. 9 к настоящему письму.

[6] «В следующий раз напишу, что мне открылось в молитве "Отче наш"», – писала Сабашникова Ивановым 10 июля (Там же. С. 214).

[7] Номер «Руси», в котором была напечатана статья Волошина о романе Р. де Гурмона «Ночь в Люксембургском саду» (см. примеч. 5 к п. 379), был конфискован «за кощунство» (см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 289; ответы Волошина на анкету Ф.Ф. Фидлера).

[8] Известный дом семьи Боде-Колычевых на Поварской улице (д. 52), описанный, как принято полагать, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (Дом Ростовых). Один из его владельцев барон М.Л. Боде-Колычев (1824–1888), историк, археолог и коллекционер, превратил этот дом в своеобразный музей древностей: помимо уникального собрания книг, в нем находились фамильные портреты, старинная мебель, фарфоровые изделия, коллекция оружия и т.д. В начале XX в. владелицей дома была графиня Н.М. Соллогуб (урожд. Боде-Колычева; 1851–1916), вдова графа Ф.Л. Соллогуба (1848–1890), а после ее смерти – их старшая дочь, графиня Е.Ф. Соллогуб (1874–?). Впоследствии усадьба была национализирована, и в ней располагались различные учреждения (в 1919–1921 гг. – Дворец искусств, учрежденный А.В. Луначарским). С 1932 г. в этом особняке размещался Союз советских писателей.

Примечательно, что Сабашниковы жили по соседству на Поварской улице, а семья Гофманов снимала в 1900-е годы дачу в деревне Лукино, где была расположена усадьба Боде-Колычевых, получившая известность благодаря многочисленным постройкам в древнерусском стиле, возведенным стараниями М.Л. Боде-Колычева («кремль», часовни, церковь, усыпальница рода Колычевых и др.).

[9] «Герои мои – учитель, жена его, ученик и его жена, и девушка (она оказывается дочерью учителя), – рассказывала Сабашникова о содержании задуманного романа в письме к Ивановым от 10 июля. – Ее любят и учитель, и ученик. Она является мечтой учителя, и через нее в мир приходит всяческое зло. Через нее осуществляются все его бессознательные желанья. <...> Живой и действующий учитель, герой моего романа, будет богоборец и восставший на своего учителя, и, совершив свой круг, он становится его братом. <...> Над ним и над его дочерью – странный рок – что-то смертоносное – они за собой оставляют пожарище. Ну вот, роман этот родился третьего дня; многое может измениться <...> Что лучше – начать писать или все рассказывать; мне скучно одной писать. Но слушатели мои, 2 кузины и зять, очень смущаются» (Документальные хроники. С. 213–214).

Работа Сабашниковой над романом была прервана, едва начавшись, в июле 1907 г. (в связи с болезнью А.Н. Ивановой). Правда, в письме к Волошину от 22 сентября 1921 г. Сабашникова упоминает о романе «Вечная память», который был «давно задуман», однако нет оснований утверждать, что речь идет о том же самом романе.

381. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Между 10 и 12 июля 1907 г. Коктебель[1]

Милая моя девочка, я что<-то> давно уже не получал от тебя писем, но письмо Нюши дало мне много о тебе, чего я не мог извлечь из твоих слишком кратких писаний.[2]

Я жду приезда твоего с нетерпением и глубокой радостью. У меня явилась какая-то глубокая уверенность в своих силах и в том, что я буду знать, что делать.

И как это ни странно, мне кажется, что это присутствие Miss Hart дало мне это окончательное равновесие.

Она так проста, смела, пряма. Я как-то не вижу в ней ничего, что так мучает и беспокоит нас. Она любит и ничего не требует. Она как-то совсем не по-русски просто и открыто относится к жизни. И наши отношения как-то свободны и равны, и нет никаких оков жалости, страдания и неведения.

Если б она была русской, я, быть может, ждал бы и требовал от нее иного понимания и иного трепета. Но теперь я чувствую к ней уважение как <к> представительнице какой-то иной расы людей, так на нас непохожей. Быть может мы – мечтающие – и сильнее этой действующей расы, но я так потерял равновесие в своих грезах о жизни, что соприкосновение с источником силы действующей кажется мне насущной потребностью.

Вчера я получил письмо Сергея Соловьева из Алупки – он собирается приехать сюда в Коктебель погостить.[3]

Я рад его приезду.

На днях я имел одно из самых сильных литературных впечатлений этого лета – я прочел небольшую статью Аделаиды Герцык «Из детских игр», которую она дала мне во время моего последнего пребывания в Судаке.[4]

Эти несколько страниц воспоминаний так богаты и несут в себе такой глубокий личный тембр голоса, что я их ставлю даже выше «Трагического Зверинца». Теперь я нашел свою статью о «Звериице», мне не хватало это<го> звена, и она все застывала и не могла воплотиться.

Быть может, ты уже знаешь ее – эту статью. Она давала тебе ее? Она была напечатана в каком-то педагогическом, очевидно, весьма нелепом журнале «Русская Школа».[5]

Там есть слова гениальные, которые нельзя читать без глубокого трепета.

Она рассказывает, как она охраняла свои детские игры от гибельного прикосновения взрослых. Как она была уверена, что каждое их слово обманет ожидание, вызовет скуку, что что-нибудь в окружающем мире будет убито, обесцвечено, разрушено ими.

Это главный мотив. Я не могу и не хочу тебе пересказывать. Это надо прочесть вместе. На этих нескольких страничках такие откровения, такие сокровища из тайников души ребенка.

И все то, что она пишет, – в детстве я не знал этого. Но теперь, в настоящую минуту, это дает столько нужных ответов на самые важные вопросы[6].

Теперь я напишу, наконец, о «Зверинце». Только что я кончил статью «Боги Войны» о динамитных бомбах.[7] Очень насыщенная, парадоксальная и резкая статья. Я ей доволен.

Последние дни я все за работой. Miss Hart отдыхает после путешествия и после прогулок первых дней. Но я хочу через дня два поехать вместе с ней в Судак к Герцыкам, чтобы успеть до приезда С. Соловьева.[8]

Сегодня, между прочим, я прочел в последней книжке «Merc<ure> de France», что в России есть школа декадентов-парнасцев, состоящая из Брюсова, Серг<ея> Соловьева и меня (!!).[9]

Скоро ли ты приедешь? Я очень рад, что Ляйза собралась-таки ехать. Передай ей это. Приедет ли Борис Николаевич?[10]

Не забудь, что необходимо всем привезти с собой постельн<ое> белье, подушки и одеяло. Вообще, чем больше захватите с собою из Москвы разных предметов удобств, – тем лучше.

Приезжай скорее и портреты будешь продолжать писать здесь.

Теперь в моем доме свободен только верх. Miss Hart пока живет в большой комнате, которую я, собственно, приготовил для тебя. Тогда вы все втроем поместитесь в ней, а Miss Hart в средней — нашей прошлогодней.

Ты же или со мной в моей, или с Нюшей и Ляйзой в большой.

В крайнем случае, останется еще ресурс — чердак, где очень удобно и поместительно.

Тебе надо будет привезти еще керосинку, а то наша прошлогодняя теперь у мамы.

Потом советую еще запастись в Москве большой коробкой каких-нибудь печений.

Погода теперь не жаркая и не душная — все это прошло с несколькими сильными грозами. Ветра стихли. Сейчас я пишу тебе, сидя на своей террасе. Луна над морем, и пламя лампы не шелохнется.

Чем скорее ты приедешь, тем лучше. Будь радостна, будь ясна и верь в жизнь. Крепко целую твою милую голову, твои бедные глаза. Будь радостна, Аморя.

[1] Датируется по упоминанию о полученном письме от А.Н. Ивановой от 6 июля 1907 г. и письме от С.М. Соловьева от 9 июля 1907 г.

[2] «Все произошедшее, наверно, не удивило меня, — писала А.Н. Иванова 6 июля, имея в виду драматическую коллизию в отношениях Волошина и Сабашниковой. — Говорить, убеждать, удерживать или направлять, ведь, я не могу, не умею. Я чувствовала только, что для Маргори страшное облегчение говорить мне обо всем и что это сделалось само собой — она себя не принуждала к этому. Макс, ведь я, к<а>к и вы оба, живу не реальной жизнью. Я не знаю, куда иду, никого не сужу, не считаю себя правой — и это к<ак> б<удто> внешнее спокойствие меня часто мучит и утомляет — хотелось бы быть пристрастной, осуждать одних, превозносить других и чувствовать себя хоть на время правой. Я и Маргарите не могу сказать: поступай так или иначе. А ей к<а>к будто хочется, чтобы кто-нибудь беспристрастно сказал — что-нибудь одно — ясно определенно... да, может быть, это только на время ее обидело — а потом она все-таки опять стала бы подчиняться чувству — и не вполне, а опять с мучени-

ями и колебаниями, к<а>к теперь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 16–17).

[3] О своем желании посетить Волошина С.М. Соловьев (личное знакомство состоялось в Москве в декабре 1904 г.) известил его открыткой от 8 августа из Алупки. Волошин, по-видимому, ответил согласием. Около 1 августа 1907 г. С. Соловьев прибыл в Коктебель, где провел два дня (см.: Труды и дни-1. С. 187–188). «...Я провел несколько дней с Максом Волошиным на морском побережье...», – сообщал он Брюсову в письме от 17 августа 1907 г. (РГБ, ф. 386, карт. 103, ед. хр. 23, л. 14). С. Соловьев посвятил Волошину сонет «Ты говорил, а я тебе внимал...» (*Соловьев С.* Цветы и ладан. Первая книга стихов. М.: Типография т<оварищест>ва А.И. Мамонтова, 1907. С. 74). Сборник «Цветы и ладан» вышел в мае 1907 г.; 18 мая автор отправил его Волошину, сопроводив вписанным от руки посвящением (см.: Труды и дни-1. С. 184).

[4] Имеется в виду статья А.К. Герцык «Из мира детских игр» (Русская Школа. 1906. № 3. С. 31–45), на которую Волошин откликнулся статьей «Откровения детских игр» (Золотое Руно. 1907. № 11/12. С. 68–75).

[5] Журнал «Русская Школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи» (с 1907 г. – «Общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию») издавался в Петербурге в 1890–1917 гг. Его основателем и первым редактором-издателем был известный педагог Я.Г. Гуревич, а после его смерти в 1906 г.– его сын, беллетрист Я.Я. Гуревич (оба – владельцы и директора гимназии и реального училища – одного из лучших учебных заведений в Петербурге).

[6] В статье «Из мира детских игр» А. Герцык писала:

«Горячее желание глубже понять детскую мысль побуждает меня записать некоторые ощущения, которые я пережила в далекую пору детства и которые могу еще восстановить во всей их яркости. Быть может, восстанавливая в памяти собственное детство, мне удастся проследить и понять свойственные детям инстинкты и черты, о которых мы, взрослые, часто забываем и которые нигде не сказываются так определенно, как в свободной творческой игре.

Мое неизменное преобладающее чувство по отношению к взрослым было разочарование. Бессознательно, но глубоко вкоренилась во мне уверенность, что каждое их слово, объяснение, рассказ обманут мои ожидания, вызовут скуку; что-нибудь в окружающем мире будет убито, обесцвечено, разрушено ими. Конечно, я не отдавала

себе ясного отчета в этом чувстве, но инстинктивно охраняла все любимое и интересное мне от гибельного прикосновения старших.

Это странное чувство нельзя приписать особо неблагоприятным условиям моего детства. Я росла, как растет большинство наших детей в состоятельных, благополучных семьях, где их окружают физическим уходом, делают все, что требует внешнее воспитание, не вникая при этом особенно в их психологию и не задумываясь над ней. Ничем не нарушаемая жизнь текла однообразно, зимой – в городе, летом – в деревне. У меня были добросовестные и чувствительные швейцарки, мне покупали игрушки и книги, во мне старались развить любознательность. Моя единственная сестра была на несколько лет моложе меня, и раннее детство мое протекало одиноко. Меня сводили с другими детьми, но эти попытки кончались неудачно, благодаря моему необщительному нраву. Сколько я себя помню – я играла всегда непрерывно, если можно назвать игрой потребность видоизменять все окружающее, одаряя его собственным смыслом и придумывая ему свои объяснения. Я ни к кому не обращалась с вопросами, зная по опыту, что ответ не удовлетворит меня и безжалостно разобьет то представление, которое у меня сложилось о предмете» (Серебряные нити. Таинство игры: Аделаида Герцык и ее дети / Сост. и примеч. Т.Н. Жуковской. М.: Эллис Лак. 2007. С. 42–43).

[7] «Боги войны» («Les dieux de la guerre») – эссе М. Метерлинка из книги «Разум цветов» («L'intelligence des fleurs», 1907), которое, по всей видимости, и послужило для Волошина основным источником.

Статья Волошина под названием «Боги войны» неизвестна. Видимо, так назывался первый вариант статьи, опубликованной под названием «Демоны Разрушения и Зла» (заголовок в «Ликах творчества» – «Демоны Разрушения и Закона») в журнале «Золотое Руно» (1908. № 6. С. 59–65); первая часть этой статьи первоначально предполагалась к публикации в газете «Русь» под названием «Лики творчества. Меч» (см.: Т. 3 наст. изд. С. 521; коммент. Н.В. Котрелева к статье «Демоны Разрушения и Закона»).

Сохранилась первоначальная редакция этой статьи под названием «Гении разрушения» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 221, 15 лл.).

[8] Поездка Волошина в Судак (вместе В. Харт) продолжалась с 18 по 21 июля (Труды и дни-1. С. 187).

[9] В своей постоянной рубрике журнала «Mercure de France», посвященной русской литературе, журналист и переводчик Е.П. Семенов в публикации под названием «Мистический анархизм» (Le Mysticisme anarchique // Mercure de France. 1907. T. 68, № 242.

3/16 juillet. P. 361–362) сообщал читателям о том, что русские декаденты делятся на «парнасцев» (Брюсов, Волошин, С. Соловьев) и «чистых» (Бальмонт, Ф. Сологуб, Кузмин). Кроме того, среди современных русских писателей Семенов выделил группу «неохристианских романтиков» (Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, Андрей Белый), которых он называл «по преимуществу символистами», и, наконец, непосредственно «мистических анархистов» (В. Иванов, Блок, С. Городецкий, Чулков).

[10] См. примеч. 3 к п. 379.

382. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 14 июля 1907 г. Коктебель[1]

Милая, дорогая моя девочка!

Каким надрывом звучат все твои письма, и как хочется мне тебя поскорее из Москвы вытащить. Там для тебя мертвый воздух. С ним справиться ты не можешь, там ничего ты не надумаешь и выхода не найдешь.

Марг<арите> Алекс<еевне> я писал о том,[2] что я теперь здесь понял вполне, что наша связь совсем не связь мужа и жены и не в этом было таинство, нас связавшее. Что пред тобою очень трудный путь, который ты одна не можешь совершить, и что я считаю себя обязанным помочь тебе, что бы ты ни решила и куда бы ни пошла, и поэтому прошу мне больше не доверять как твоему мужу. Это было необходимо мне сказать, т<ак> к<ак> я слишком запутался в моих долгах и обязанностях.

Надо жизнь устроить по-своему вне всяких влияний. Не нужно, чтобы знали об интимной жизни. Ты была совершенно права. На твоем месте я бы сказал так: мне надо вполне самостоятельно устроить и решить свою жизнь. Как она устроится, я не знаю. Решить это могу только я сама и должна это сделать без всяких влияний. Поэтому я должна уйти на несколько лет и свои решения, попытки, дерзания и разочарования знать только про себя и никому не давать в них отчета.

Так *должно* статься в твоей жизни. Иначе тебе некуда жить. Понимаешь?

Видишь – теперь я говорю совершенно иное, чем говорил в Москве. Здесь все изменяется для меня.

Почему думаешь ты, что я не хочу позвать Вячес<лава> и Лидию в Коктебель? Напротив, мне очень, очень хочется видеть их здесь. И мне кажется, что здесь тебе лучше всего будет увидеться с ними.

Напиши мне адрес их (ты мне писала, но я никак не могу найти его).

Теперь я могу писать Вячеславу. И буду звать его от всего сердца в Коктебель.

Мой ужас теперь сосредоточился на Петербурге и на Башне, а их я люблю и ценю по-прежнему, как в лучшие времена.

Башню же не люблю со всей ее исключительностью и культурой извращений. В ней нет силы здоровой и свежей. Вяч<еслава> и Лидию я от башни отделяю. Мне до боли страшно за обеих Герцык с их интимной, чуткой, чистой глубиной, что они попадут в этот круг людей, специализировавшихся на психологических и половых экспериментах. Я теперь только начал постигать всю уединенность и проникновенность их сериозной и строгой жизни. В Петербурге им будет очень горько и оскорбительно.

Не в Петербурге, а в Женеве следовало бы им жить с Вячеславом.

Быть может, их присутствие победит «башню»?

Здесь же в Коктебеле мне очень хочется видеть Вячеслава. Мама тоже очень зовет его в Коктебель. Зови и уговаривай его ехать сюда. Я же напишу ему, как только получу от тебя адрес.

Я что-то все меньше думаю о Мюнхене, т<ак> к<ак> у меня все растет и растет тоска по Парижу, милому Парижу, где все так воистину гармонично и пластично. Хочешь снова жить в Париже?

Ты будешь жить с Нюшей. А я буду жить где-нибудь отдельно в маленькой мастерской, как раньше.

Мне невыносимо хочется опять Парижа.

Приезжай скорее сюда, Аморя. Право, это для тебя лучше будет. Напиши подробнее об твоем романе.[3]

Ивановых, я думаю, лучше всего звать к середине августа, т<ак> к<ак> в моем доме сейчас все занято, кроме нашего верха, где большую комнату (до твоего приезда) занимает Miss Hart. Если же ты, Нюша и Ляйза приедете сейчас, то устроимся очень удобно – вы втроем в большой комнате, я в своей, Miss Hart в средней. Для меня еще есть место – чердак.

В трех комнатах всем нам – Ивановым, мне, тебе, Нюше, Ляйзе, Miss Hart – никак не устроиться. А в середине августа сразу освободится масса комнат и будет всем место.

Употреби всю силу своей убедительности, чтобы они приехали, и знай, что для меня большая радость встретиться всем вместе именно здесь.

В Петербурге же – это будет так сложно и больно.

До скорого свидания. Не откладывай своего приезда до августа, тем более, что Нюша в половине августа уже хочет возвращаться. А мне так хотелось бы подольше задержать ее в Коктебеле.

Мой привет Мар<гарите> Алек<сеевне>, Вас<илию> Мих<айловичу>, Бор<ису> Ник<олаевичу>, Ляйзе, Нюше и детям.

Будь радостна, моя милая, милая девочка.

Макс.

Я вкладываю письмо на имя Вячеслава. Я в нем зову и уговариваю приехать в Коктебель.[4]

Напиши адрес и отправь его.

Напиши тоже ему, что и мама очень зовет их в Коктебель – я позабыл написать это.

[1] Ответ на п. 380. Датируется по содержанию.

[2] Далее Волошин пересказывает содержание своего письма к М.А. Сабашниковой, отправленного в начале июля 1907 г. (см. примеч. 3 к п. 377).

[3] См. примеч. 2 к п. 264, а также п. 378, 380 и 384.

[4] Это письмо Волошина к В.И. Иванову не известно. Свое приглашение приехать в Коктебель Волошин повторит еще раз в письме от 15 августа 1907 г. (на другой день после приезда Сабашниковой): «Дорогой Вячеслав <...> я жду тебя и Лидию в Коктебель. Мы должны прожить все вместе здесь на той земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее Одиссеево море. <...> Здесь я нашел свою древнюю ясность, и все, что есть между нами, мне кажется просто и радостно. Я знаю, что ты мне друг и брат, и то, что мы оба любим Аморю, нас радостно связало и сроднило и разъединить никогда не может. <...> Я зову тебя не в гости, а в твой собственный дом, потому что он там, где Аморя, и потому что эти заливы принадлежат тебе по духу. На это<й> земле я хочу с тобой встретиться, чтобы здесь навсегда заклясть все темные призраки петербургской жизни. Лидия, Вячеслав, вы должны приехать сюда и как можно скорее» (Т. 9 наст. изд. С. 319).

383. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

15 или 16 июля 1907 г. Лукино[1]

Дорогой мой Макс, Твое письмо такое свободное, радостное, полное надежды. И такое доброе.[2]

А я... я, Макс, совсем больна душевно. Совсем разбита.

Нюша больна. У нее воспаление легких. Она все не хотела ложиться в постель, а бегала и пела, теперь 3 дня как лежит с сильным жаром и кашляет очень сильно. Бывает доктор каждый день. Ей немного уже лучше. Как только она поправится, мы приедем; но это не может быть раньше начала августа. Ах, я бы бросила все и бежала бы отсюда. Но, Макс, убежишь ли от своей тоски? В<ячесла>в умоляет меня приехать, и Лидия. Считают то, что я не еду, малодушием.[3] Да, это малодушие. Но мне хочется, как больной собаке, уйти прочь с дороги, не мешаться под ногами. Я не еду потому, что боюсь огорчить маму; п<отому> ч<то> еще его люблю.

Милый Макс, как может быть жизнь для меня? Счастье обращается в острое, невыносимое страдание. Приедут ли они в Крым? Я не думаю. Как Ты должен отдыхать от меня с решительной Miss Hart.

Да, мы сделали ряд коренных ошибок, открыв то, что происходит между нами. Насколько проще сложилась бы жизнь. Какое адское лето, какая весна. И кто знает еще будущее. Я сломана надолго. Я уже недостойна их[4]; это падение непоправимое.

В Твоем письме мелькнула одна строчечка, кот<орая> озарила меня слабой надеждой. Но это, верно, ошибка. Ты ведь не хочешь жить в Петербурге. Хочешь жить всем вместе с Miss Hart? Она же, верно, захочет остаться на зиму в Петербурге и работать у Бакста.

Ах, нет, не слушай меня, я, как маньяк, свожу все к одному и тому же. Прости меня. Знаю одно, что я должна отойти от своих надолго. Иначе разобьется вся моя жизнь.

Я не знаю Твоего письма к маме, но думаю, что оно было совсем напрасно. Что она будет только больше беспокоиться; и уже окончательно наложит на меня опеку. Зачем, зачем мы не скрыли всего, что происходило. Как хотела бы я никого не любить или любить одного, забыв о всех других. Иногда мне кажется, что мое положение нарочно для меня изобретено, чтобы моей нерешительности и сомнениям было бы где разгуляться, и, правда, я схожу с ума от всей сложности. Впрочем, для другого и это было бы просто.

Как я счастлива, Максик мой, за Тебя, что Ты нашел равновесие. Пошли мне свои фельетоны.[5] Пишешь ли стихи?

Целую Тебя крепко. Я очень, очень по Тебе стосковалась.

Мой милый, мой родной, воскресну ли я когда-нибудь.

[1] Датируется по связи с последующими письмами (сообщения о болезни А.Н. Ивановой) и просьбой о присылке фельетонов (см. примеч. 7 к п. 387).

[2] Имеется в виду п. 381.

[3] См. примеч. 3 к п. 380.

[4] Сабашникова говорит о В.И. Иванове и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

[5] Волошин откликнулся на просьбу Сабашниковой (см. примеч. 7 к п. 387).

384. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17 июля 1907 г. Москва или Лукино

17.

Дорогой мой, сегодня получила письмецо от Тебя.[1] Я рада, что Ты радостный. У нас очень расхворалась Нюша. У нее воспаление легких. Страшный жар 39,6; скачки температуры, кашель и самые мрачные опасения. Эта вещь может очень и очень затянуться. Я писала вчера Кудрявцеву.[2] Что касается приезда, то я жду ее выздоровления, приедет она уже тогда с Ляйзой, но я подожду, чтобы уехать совсем спокойной. Мое состояние очень плохо.

Вчера сделала попытку уехать на несколько дней в Загорье. (Я еще не знала тогда, что Нюша так больна), вышло все ужасно. Оказалось, что мама все уже рассказала папе, что он страшно огорчен мной и Тобой, и вообще мы сделали с Тобой великую, великую нелепость, открывши то, что никто не должен был знать; это надолго лишит их покоя и свободы нас.

Comme nous sommes bêtes,
Comme nous sommes bêtes.*

Во всем такая неловкость в высшем смысле.

У меня совершенно черно в глазах от ужаса. Бывают часы затишья, а потом тем сильнее, тем острее чувство бессилия, разлада, горя и стыда.

«Они»[3] вовсе перестали мне писать, вероятно, возмущенные тем, что на такой призыв я не еду.[4] С их точки зрения это, верно, просто подло такое упрямство. Но они не знают, как и среди кого я живу.

Живопись моя, конечно, заброшена. Пока перевожу лекции.[5] Пробую писать стихи.

Целую тебя, мой дорогой. Макс, Твои фельетоны мне очень нравятся. Что-то Ты написал о «Зверинце»! Мне досадно только, что Ты Кришну и Арджуну в фельетон поместил.[6] Это ведь гвоздь моего романа.[7]

---

* Какие мы глупые, Какие мы глупые *(фр)*.

Статьи Герцык я не знаю. Пиши мне больше о них. Набирается ли матерьял для журнала?[8] Ждут ли «их»?[9] Работает ли Miss Hart? Как вы объясняетесь? О чем?

Поклон ей; маме кланяйся очень. Целую ее.

Как хозяйство? Не одолевает ли ее? Что Аннушка? Кто живет в Коктебеле? Кто прислуживает? Напиши про Манасеиных. Есть ли какие сплетни про меня? Страх Аннушки боюсь в этом отношении.

Целую крепко Тебя, мой милый. Очень рада, что Тебе работается.

Нюша страшно мила и нежна. За письмо целует Тебя.[10]

Получил ли Ты «Лимонарь»?[11] Я просила Бор<иса> Ник<олаевича> послать заказным, а он просто так послал. Очень, очень он мил. М<ожет> б<ыть>, приедет и он.[12] Алеша пробудет от 17 августа до 17 сентября в Москве.

[1] Имеется в виду п. 379.

[2] В связи с болезнью А.Н. Ивановой Сабашникова неоднократно консультировалась с К.Д. Кудрявцевым. «Напиши еще Кудрявцеву, – просила ее Е.Н. Гофман 18 августа 1907 г., – скажи ему, что теперь надо ей <А.Н. Ивановой> сил, надо, чтобы температура стала ниже 37° и чтобы ее легкие расправились» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 69, л. 16).

[3] Подразумеваются В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

[4] См. примеч. 3 к п. 380.

[5] Лекции Р. Штейнера.

[6] В статье «Некто в сером» (см. примеч. 4 к п. 368) Волошин подробно пересказывает основной сюжет «Бхагават-Гиты» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 174).

[7] См. примеч. 2 к п. 264.

[8] См. примеч. 3 к п. 338.

[9] Т.е. В.И. Иванова и Л.Д. Зиновьеву-Аннибал.

[10] На это (несохранившееся) письмо Волошина А.Н. Иванова ответила 3 августа, оправившись после болезни (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 84–84 об.).

[11] См. примеч. 4 к п. 372.

[12] См. примеч. 3 к п. 379.

385. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17 июля 1907 г. Лукино[1]

Дорогой мой, получила еще сегодня письмо от Тебя.[2] О Париже, а, впрочем, о всяком городе, кроме Пет<ербурга>, думаю с ужасом. Моя душа разорвана, и вся жизнь сплошная измена; исцелюсь ли я? Адрес Ивановых – Любавичи (Могилевской губ<ернии>), имение Загорье.

После моего отказа приехать[3] не было и, верно, не будет писем. О чем им писать слабой и безумной дурочке? У меня путаются мысли. Я то решаюсь бежать туда навсегда, то, придя в себя, вижу эти измученные лица и думаю, что скорее умру, чем убью их. У меня чернеет в глазах буквально, и так идут дни; приехать к Тебе боюсь. Вдруг опять заражу тебя этим состоянием.

Напиши Иванову, что и мама зовет;[4] я не пишу. Я предательница.

Нюша чувствует себя недурно, и воспалительный процесс продолжается.[5] Жар очень сильный и кашель. Состояние духа очень плохое. Боится за пение и за Париж. Ведь ее легкие всегда были слабы. Помнишь, история в Гейдельберге, когда ее посылали на юг.

Ты думаешь, что будет жизнь и будет радость. А у меня, верно, душа измучена, и я ничего не вижу. Будем жить в Петербурге. Будем иметь своих друзей. Я буду хорошей, нежной. Ведь я люблю Тебя, Макс; но, если мы будем вдали, он всегда будет между нами. Попробуем жить в Петербурге.

[1] Датируется по соотнесенности с п. 384 (судя по содержанию, оба письма написаны в один день).

[2] Вероятно, п. 382.

[3] Имеется в виду отказ Сабашниковой приехать в Загорье (см. примеч. 3 к п. 380).

[4] В письме к В.И. Иванову от 15 августа 1907 г. (на другой день после приезда Сабашниковой в Коктебель) Волошин писал: «Мама <...> вас обоих очень любит, очень зовет и ждет с радостью» (Т. 9 наст. изд. С. 320).

[5] Видимо, описка Сабашниковой. В соответствии с общим смыслом этого абзаца, предполагается обратный смысл: «Нюша чувствует себя неважно» и т.д.

386. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

19 или 20 июля 1907 г. Коктебель[1]

Милая моя девочка!

Конечно, прежде всего и важнее всего тебе встретиться и пожить с Ивановыми, где бы это ни было, – здесь ли или в Петербурге. Что ты будешь с ними, я обещаю тебе.

Герцыки говорят, что они могут приехать сюда в сентябре. Если они не приедут, то мы поедем в Петербург (только не раньше, чем в октябре).

Там мы увидим, как сложится жизнь. Я не знаю совсем, смогу ли я остаться и жить в Петербурге. С тех пор, как я понял, что мы не муж и жена, *никогда* ими не станем, все будущее стало мне легко и радостно. Но то, что было... Я и теперь не могу остановиться мыслью ни на одной минуте нашей петербургской жизни, чтобы меня не охватило чувство нестерпимой боли. Даже те минуты, что казались мне радостными тогда, – теперь невыносимы. Вся наша жизнь там как одна пытка представляется мне, и я не знаю, смогу ли жить там. Мне безумно хочется в Париж.

Мы всё это увидим, когда будем в Петербурге. Быть может, ты найдешь возможным дольше остаться с ними, а я буду ждать тебя в Париже. Я больше всего боюсь, что снова вернется там та боль, что была весной, и замутит нашу жизнь. Эта боль не я. Я презираю ее и боюсь ее. Но не надо об этом.

Мне хочется, чтобы ты поскорее приехала, и тогда все разрешится здесь. Все твои безвыходные мучения найдут исход. Только нужно решать самим для себя, а не для других.

Я об этом отправляю большое письмо Мар<гарите> Алек<сеевне> (в ответ на ее письмо).[2] Я не хочу его пересказывать сейчас. Расскажу все, что пишу, когда приедешь.

Сегодня жду приезда Герцыков из Судака. Не знаю, приедут ли они.[3]

Вчера мы вернулись с Miss Hart из большого путешествия по степям – мы ездили туда в гости в несколько больших имений – в Шах-Мамай и в Эссенели.[4]

Она в восторге от Крыма и от радушия всех, к кому мы приезжали. Ею тоже все очарованы. В ней удивительная простота, решительность и в то же время строгость.

Но мое сердце увлечено теперь обеими Герцыками несравненно больше, чем ею. Только из-за них хотелось бы мне быть в Петербурге.

Ты их совсем еще не знаешь, как они удивительно интересны, прекрасны и глубоки.

Тебе так важно быть с ними. Я думаю, что их слова и дух помогут тебе больше всего разобраться в самой себе.

Тебе необходимо пожить вместе с ними, причаститься их духа.

Он для меня как обновляющий источник, каждый раз, как я прикасаюсь к нему, я чувствую, как раскрываются новые тайники души.

Мне страшно за них в Петербурге, как они со своей уединенной душой вынесут эту жизнь со всеми этими людьми, с ее едкостью и ее обнаженностью.

Я чувствую их бесконечно близкими и родными.

Приезжай, Аморя, скорее, как только станет лучше Нюше.

Я никак не могу понять из твоих писем ничего об ее здоровье. Пришло почти одновременно 3 твоих письма, и в них все разное.[5]

Жду с нетерпением известий об ней и очень волнуюсь. Ей хорошо будет после выздоровления пожить осенью в Крыму.

До свиданья, моя милая, милая девочка. Вырвись скорее из своего заколдованного круга в Москве. Приходи скорей, я расколдую тебя. Жду тебя.

Макс.

[1] Датировка В.П. Купченко: «Около 18 июля» (Труды и дни-1. С. 187).

[2] Было ли отправлено это «большое письмо» Волошина к М.А. Сабашниковой, не вполне ясно; текст его не известен. См. также примеч. 3 к п. 377.

[3] Визит сестер Герцык в Коктебель в те дни не состоялся. Вместо этого Волошин и В. Харт отправились в Судак, где провели три дня (см.: Труды и дни-1. С. 187).

[4] Приблизительно 15–18 июля Волошин и В. Харт совершили «большое путешествие»: посетили имение Эссен-Эли (близ Старого Крыма), принадлежавшее О.А. Дуранте, тетке А.М. Петровой, а также – Шах-Мамай, имение Н.М. Лампси, внука И.К. Айвазовского и хранителя его наследия (Труды и дни-1. С. 187).

[5] Вероятно, имеются в виду п. 383, 384 и 385.

387. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

21 июля 1907 г. Коктебель

Суббота. 21 июля.

Моя милая, милая, моя бедная девочка, я не хочу, чтобы <ты> так мучительно, так долго, так безнадежно надрывалась. От тоски своей *можно* уйти. В жизни есть заколдованные круги, которые плотно охватывают и душат все, что враждебно и чуждо их собственной сущности. Но стоит только переступить границу заколдованного круга, и его чары падают, и власть его рассыпается. Не все люди с одинаковой силой попадают под власть таких магических кругов, но мне кажется, что мы с тобой имеем особенную наклонность к этому. Уехав из Москвы, ты не от себя уйдешь, – ты освободишь свое *Я*[1] от непосильного гнета.

В этом мы так близки с тобой: наше уважение к чужой морали так велико, что мы принимаем ее и начинаем считать своей. Со мной было так по отношению к твоей семье. Сперва это было уважение, а потом, когда надорвалась между нами наша старая любовь и неожиданно, обессиленный, я остался в Москве, то колдовство чужой морали совсем придушило меня. Но как только я вернулся сюда – в Коктебель – так все отошло.

Аморя, не надо бороться, не надо становиться враждебной к твоему дому и к твоим, надо только уйти, отойти в свою собственную жизнь. И мы это сделаем. И не надо, чтобы знали о нашей жизни. Мы не будем против, мы только отойдем. Ты должна сказать Мар<гарите> Алек<сеевне> откровенно и прямо, что ты уйдешь, чтобы найти вместе со мной себе свою жизнь. Но *как* ты будешь ее искать, ты не знаешь и не будешь говорить.

Я теперь сознаю, какое зло я сделал, посоветовав тебе все сказать маме.[2] Но я не знал... Я думал, что ты *уже* отошла от подчинения ей. Я думал, что ты это скажешь как другу, с которым ты хочешь поделиться, а не как враждебной власти, которая давит тебя. Надо было сказать и уехать.

Боюсь, что теперь ты не сможешь уехать к Ивановым из Москвы. Это будет как бунт, которого твоя душа не вынесет. Надо, чтобы не было бунта.

И его не надо. Разве по законам этого же самого магического круга не стоим мы с тобой вне его влияний и власти. Пока ты одна там — у тебя нет законного права отойти, когда мы вместе, оно есть. Оно *наше*. Я же повторяю тебе — я буду твоим помощником и сообщником.

Я был малодушен — ты знаешь, как это было невыносимо вна<ча>ле для меня — одна мысль о том, что *наша* игра порвалась, но теперь я знаю, что я должен быть с тобой, что я должен помочь тебе пройти твой путь до конца, тот путь, который ты не сможешь никогда сделать одна. Я теперь понял это и принял это. И знаю, что смогу исполнить.

Милая, милая Аморя, будь радостна. Как только ты будешь здесь со мной, то ты увидишь, что ничего нет безвыходного, что все это наваждение заколдованного круга, от которого и Нюша бежала в Париж. Милая, милая девочка моя, — есть жизнь, и будет жизнь для тебя.

Ты пишешь о Петербурге... Того ужаса к Петербургу, что у меня был, — нет теперь. Он просто мне очень неприятен и по своим нравам, и по той муке, что была пережита в нем. Поселиться там для постоянной жизни я не хочу, но поехать туда в октябре, я думаю, будет даже необходимо на время.

Я сейчас мало думаю о Мюнхене. Мне хочется обратно в Париж. Я последнее время много думал об этом и ясно увидел: как я хорошо знаю и как я сильно чувствую Париж, — и в то же время я уехал оттуда именно в то время, когда мог начать говорить об нем свободно и много. Надо вернуться туда. И тебе, я думаю, тоже будет хорошо. А пред отъездом мы проведем месяц или полтора в Петербурге с Ивановыми. Хочешь так? Захоти так, Аморя.

Надо сделать нашу жизнь так, Аморя, чтобы мы оба были только силой друг для друга, чтобы мы жили рядом, но каждый вполне самостоятельной жизнью. Создать полную свободу, провести черту твоей свободы между тобою и «домом» можно только за границей.

Останься мы жить в Петербурге — это будет один сплошной надрыв. Но мы будем в Петербурге — обещаю это тебе.

Как здоровье Нюши? Я страшно обеспокоен письмом твоим о ее болезни. Правда ли, что это воспаление легких? Может, просто бронхит?

Во всяком случае, я думаю, что после выздоровления для нее пребывание в Крыму будет не только полезно, но и необходимо.[3]

Ты ведь еще не знаешь совсем крымской осени. Мы останемся здесь как можно дольше.

Герцыки думают, что если Вячеслав приедет, то только в сентябре. Переслала ли ты ему письмо мое?[4] Я очень, очень зову его сюда.

Только что я вернулся из Судака, где 3 дня провел у Герцыков вместе с Miss Hart. 3 очаровательных дня.[5] К Герцыкам у меня все время растет чувство глубокой привязанности и трепетной дружбы.

Мне так не хочется покидать их. Мы ведем такие долгие беседы, бродя по выжженным горам в полуденном зное.

Я ничего не говорил им об нас теперь. Но Е<вгения> К<азимировна> сказала мне одно слово, которое мне было так драгоценно, так бесконечно важно: «Если один из играющих отказывает<ся> дальше играть, то не бросайте игру. Играйте и за себя, и за него. Это очень тяжело выносить на себе одном все бремя игры. Но надо».

Мы все время говорили об детстве и об игре.[6] Ах, как тебе важно быть с ними. Они такие спокойные и мудрые, и такие ищущие внут<ри>.

Я буду молиться, чтобы Нюша поскорее выздоравливала. Ты должна вместе с ней приехать и ей надо остаться здесь как можно дольше и вполне оправиться.

Поцелуй ее от меня.

Милая, милая моя девочка, тебе нужно на много лет совсем отойти от дома, но отойти спокойно, без бунта и без вражды, с сознанием своего права и необходимости. Милая Аморя, пусть будет так. Как мне стало спокойно и уверенно, когда я понял, что это только выдумали про нас, что мы муж и жена. Больше мы никогда этому не поверим, правда? Любимая, милая сестрица моя. Передай мой привет Мар<гарите> Алек<сеевне>, Вас<илию> Мих<айловичу>, Ляйзе и Бор<и-су> Ник<олаевичу>. Приедут ли они?

Я уверен, что наши отношения с Мар<гаритой> Алек<сеевной> после моего письма могут стать только ближе и лучше. По крайней мере, с моей стороны. Скажи ей это.

Свои фельетоны я выслал на имя Нюши. Но они предназначаются всем. Читала ли ты их, получены ли они?[7]

Аморя! Очень важно: мама просит тебя привезти ей как можно больше разных деревянных вещей для выжига<ния>: солонок, ковшиков, чашек и ящичков.[8] Купи на ее счет в Кустарном.[9] Не забудь. Непременно.

[1] Подчеркнуто дважды.

[2] Ср. в письме Волошина к Е.О. Кириенко-Волошиной от 3 мая 1907 г.: «Сегодня Мар<гарита> Вас<ильевна> сказала своей матери о любви своей к Иванову (ее страшно мучило то, что она этого не знает). Подробностей разговора я не знаю» (Т. 9 наст. изд. С 305).

[3] Пребывание в Крыму рекомендовал А.Н. Ивановой и лечивший ее московский врач. 3 сентября 1907 г. М.А. Сабашникова писала Волошину (в ответ на его несохранившееся письмо, в котором он, видимо, подтверждал свое приглашение для А.Н. Ивановой): «Доктор Поляков, с которым Нюша советовалась относительно своего здоровья, настоятельно рекомендовал ей ехать на юг в Крым (Коктебель он никак не знает и предоставляет на наше усмотрение) в обстановку, которая помогла бы ей справиться с остатками воспаления легкого. <...> Судя по Вашему письму, я думаю, что такая обстановка может быть устроена для Нюши. Поэтому она приехала бы с Елизав<етой> Никол<аевной> месяца на два до холодов или пока не соскучится, сказал доктор. Потом доктор очень настаивает, чтобы Нюша провела зиму на юге Италии, в Сицилии, например. *Жизнь в Париже ей безусловно запрещена до... поздней весны??*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1066, л. 10–10 об.).

[4] См. примеч. 4 к п. 382.

[5] См. примеч. 8 к п. 381.

[6] См. примеч. 2 к п. 1.

[7] «Спасибо за письмо и фельетоны – я их все читала в Париже, кроме "Человека в Сером"», – благодарила Волошина А.Н. Иванова в письме от 3 августа 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 84 об.; «Человек в Сером», т.е. «Некто в сером» – см. примеч. 5 к п. 367).

[8] Е.О. Кириенко-Волошина увлекалась выжиганием по дереву, расписывала солонки, чашки, ковшики, инкрустировала их полудрагоценными коктебельскими камешками и т.п. «Я приготовила, чтобы послать Вам, несколько шкатулок белого дерева для выжигания, – писала ей Сабашникова 22 сентября 1906 г, – да, пожалуй, нужно сначала что-нибудь нарисовать на них, а уже потом высылать Вам их. Или нет? Есть и солонки, и коробочки» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 8). См. также примеч. 4 к п. 363.

[9] Имеется в виду Кустарный музей (Торгово-промышленный музей кустарных изделий) в Москве, основанный в 1885 г. После 1917 г. – Музей народного искусства им. С.Т. Морозова (в 1999 г. вошел как структурное подразделение в основанный в 1981 г. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства имени С.Т. Морозова).

388. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Между 20 и 25 июля 1907 г. Москва или Лукино[1]

Дорогой мой, Нюше все хуже. У нее воспаление легкого, воспаление захватывает все новые области. Температура 39 с лишком все время. Кашель ее измучил; но страшнее всего, что ведь это то легкое, из-за которого, помнишь, ей нельзя было жить в Париже. И теперь, верно, нельзя будет. А она только что нашла свою жизнь. В Париже была жизнь. Она приехала новой. И успехи в пении были поразительны. А теперь где ей жить. Где-нибудь на юге. Она в отчаянии. Впрочем, там будет видно. Она очень несчастна и очень опасно больна.

Спасибо за Твои письма. Я дождусь ее поправления, хотя бы чтобы ей стало значительно лучше. Сейчас не хватает духу уехать. Конечно, Крым ей будет необходим; но и питание, и вот насчет этого я сомневаюсь. Есть ли молоко в Коктебеле?

Как еда в этом году? Я писала Кудрявцеву и получила от него очень милое письмо, он действовал на нее 3 дня подряд и одновременно на меня, чтобы поднять мою целительную способность. Я писала ему, что очень сама смутна.

Ничего хорошего про себя написать не могу. Ивановы молчат уже 2 недели на все мои письма. Я думаю, что я оскорбила их одним глупым письмом.[2] У меня разрывается душа. А уехать я, конечно, не могу. Мысль, что он меня презирает и ненавидит, и любит, м<ожет> б<ыть>, п<отому> что я все данное мне в жизни разбила, и то лето, так<ое> прекрасное, данное мне Богом, в ад превратила. О, какие я сны вижу, Макс; они ножом режут сердце. Теперь я знаю, что такое счастье и несчастье. И знаю судьбу, кот<орая> стережет большое счастье и не может его видеть. О, я для всех людей хочу счастья, о, я хочу красоты в жизни, но пока не будет мира в моей душе, я никому ничего не могу дать. Главное, что он уже не примет меня. Что уже поставил крест.

Ты не знаешь мамы. Страстная любовь требует всего или ничего. Она, как он. Этих моих и Твоих слов, ограничений, условий нет для них. Моя или изменница и предательница. Со мной во всем или против меня. Вот.

[1]Датируется по связи с другими письмами и на основании переписки Сабашниковой с Ивановыми в июле 1907 г. (см.: Документальные хроники. С. 212–214).

[2] Вероятно, Сабашникова имеет в виду свою телеграмму в Загорье, посланную 9 июля («Приехать не могу. Маргарита») и подробное письмо от 10 июля 1907 г., в котором она обосновывает свой отказ (Там же. С. 213–214).

389. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

30 или 31 июля 1907 г. Москва

3 июля.[1]

Дорогой мой, Нюше лучше; уже 3 дня температура нормальная, но это ничего не значит, не сама эта болезнь по себе страшна, страшны ее последствия. В Париже жить ей не при-

дется, а петь нужно будет подождать. Но пока сказать еще ничего нельзя. Твои письма меня очень радуют. «Они»[2] же молчат на все мои. Макс, может быть, по дороге в Крым я на сутки или на двое задержусь. У меня явился план съездить к ним из Орла. Я посмотрела расписание, это вполне возможно. Конечно, тайно. Но это вовсе не решено. Для меня необходимо видеться, чтобы дальше жить. И билет не пропадет, а из Орла я послала бы тебе письмо, вложив открытку к нашим, что доехала, чтобы они не беспокоились, или лучше не посылать тебе открытки, ведь может узнаться.

Мама мне Твое письмо не дает, очень им недовольна и говорит, что не принимает этого.[3] Ее любовь ко мне, страстная, накладывает какие-то цепи, кот<орые> мне невыносимы, я всегда на границе ненависти. Мы с ней еще раз говорили. Она все грозится, что поедет к В<ячесла>ву. — «Я ему выскажу», — говорит..... Один и есть выход, это уйти от нее. Во всяком случае, я этой любви не выношу.

Анна Рудольфовна мамой совершенно очарова<на>. И я это очень понимаю; А<нна> Р<удольфовна> под ее влиянием. Она приезжает в Москву в начале августа.[4] Меня очень удивил Любимов, кот<орый> вдруг с большой страстью стал просить меня говорить с А<нной> Р<удольфовной> побольше, насколько возможно, п<отому> ч<то> она уже вошла в мою судьбу. Мне же кажется, что А<нна> Р<удольфовна> относится ко мне теперь, как к Чуйко.[5]

Сейчас пишу Тебе, сидя в Москве, куда выехала в первый раз за все время, чтобы повидаться с Олей Сиверс. Они оба здесь,[6] здоровы (насколько возможно), очень счастливы. Я провела у них вчера вечер, сегодня день, и очень, очень полегчало мне.[7]

Там на даче я совершенно очумела без работы, готовая к отъезду, с навязчивой мыслью. Уеду, верно, через неделю. Буду писать Тебя и Катю М<анасеину>. Хотя у меня ужас, что мои портреты дурно действуют на моделей.

Miss Hart я очень рада; чем плохо могут сложиться наши отношения, не вижу. Конечно, никому о вас знать не следует.

Целую Тебя, мой милый, мой хороший Макс. Теперь и я начинаю верить в жизнь. Не будем только предавать друг

друга. А маме Ты все-таки напрасно все это писал. Если не должны знать о нас, то и этого не нужно докладывать. Условия заключать в таких вещах нельзя. Здесь страстная любовь.

[1] Описка Сабашниковой: в действительности либо 30, либо 31 июля.

[2] В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьев-Аннибал.

[3] См. примеч. 3 к п. 377, п. 382 и 385.

[4] См. примеч. 8 и 9 к п. 321.

[5] Отношение Минцловой к Чуйко резко изменилось осенью 1905 г. после того, как художник заявил о своем неприятии религиозной мистики. До этого (летом 1905 г.) он находился под сильным воздействием личности и «чар» Минцловой, писал ее портрет, сопровождал ее в прогулках по Парижу и т.п. (см. примеч. 7 к п. 216 и примеч. 3 к п. 374).

[6] О.Э. Сиверс и ее муж А.С. Залманов.

[7] Ср. в письме А.Н. Ивановой к Волошину от 3 августа 1907 г.: «Маргоря эти последние дни пребывает много в Москве, т<ак> к<ак> приехала Ольга Сиверс (Вы помните ее?), и Маргоря каждый день видалась с ней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 83).

390. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

3 августа 1907 г. Коктебель[1]

Милая моя девочка!

Письмо твое меня страшно обрадовало и успокоило, хотя в нем нет ничего особенно радостного.[2] Но я так изнывал, когда от тебя не было писем, и так беспокоился об Нюше.

Мне страшно, страшно жаль ее. Где и как она будет жить? На юге? Хорошо бы в одном из старых городков в Сицилии или в Италии и тебе пожить вместе с ней. Для нее прежде всего. И для тебя также.

Относительно Ивановых – конечно, съезди к ним. Но с открыткой через меня – все это не надо. Не надо ничего прятать. Не нужно ничего сообщать, предупреждать, рассказывать. Но и прятать не нужно. Когда приедешь в Феодосию, напишешь сама, что приехала, или напишешь оттуда, если

задержишься дольше. Надо делать открыто, но не предупреждать о своих поступках. И не нужно давать отчетов. В этом я с тобой вполне согласен.

То, что я писал Мар<гарите> Алекс<еевне>, надо было сказать. Ты забываешь, что ведь мои отношения к ней совершенно иные, чем твои. Я не условия заключал с нею. Я только сказал, что теперь я буду поступать иначе, чем раньше. Предупредить об этом было обязательно для меня и объяснить почему.

Теперь, я думаю, разговоры об этом кончены. Если Марг<арита> Алекс<еевна> мне напишет еще, то я, конечно, ей отвечу, но больше не буду говорить ни о тебе, ни о себе.

Я очень рад, что ты будешь писать мой портрет. Я об этом давно мечтаю.[3]

Не забудь привезти с собой для мамы вещи для выжиганья,[4] о чем она тебя очень просит: солонки, шкатулки, чашки, ковшики.

Не забудь взять простыни, наволочки и все такое, потому что у нас тут полное оскудение в этом отношении.

Когда увидишь Вячесл<ава> и Лидию, то расскажи им про меня все: какое озлобление у меня вырастало против них, и что теперь оно *совсем* кончилось, и что я по-прежнему люблю их.

Тебе надо видеть их, и я думаю, что ты *должна* заехать к ним из Орла во что бы то ни стало. И должна заехать, никого и ни о чем не предупреждая и не говоря. Это страшно важно для тебя.

Я жду тебя с радостью. Мне теперь снова очень работается и думается.

Завтра в субботу мы с Miss Hart едем на велосипедах в армянский монастырь под Старым Крымом,[5] где у нас назначено свидание с Герцыками.

Оттуда мы, верно, поедем вместе с ними в Судак дня на два.[6]

Ах, как я буду рад, когда ты, наконец, будешь здесь, и мы поедем с тобой к ним в Судак. У них удивительно хорошо.

Вот мой новый сонет — тоже к «Киммерийским Сумеркам». (Я его послал вместе с предыдущим «Над темной рябью

вод...» в «Рус<скую> Мысль». Там была уже напечатана моя «Диана де Пуатье».[7])

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут белой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой.

И тутнет[8] гулкая...* Див кличет пред бедой,
Ардавде,[9] Корсуню, Поморью, Посурожью[10] –
Земле неведомой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убудил, и встал звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло:

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида Вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.[11]

До свидань<я>, моя милая, моя далекая сестрица. Я тебя жду не дождусь. Торопись уезжать из Москвы.

Предупреди о приезде, чтобы мне выехать тебя встретить.

Если бы почему-нибудь случится так, что я не получу от тебя предупреждения вовремя или будет дождь и я не смогу ни приехать, ни прийти, словом, если меня, паче чаяния, не будет на вокзале, то заезжай к Алек<сандре> Михайл<овне>. Она тебя страшно хочет видеть, а ты в Феодосию из Коктебеля, Бог весть, когда соберешься.

И Богаевского повидай.

Адрес Александры Михайловны: Дурантевская улица, д<ом> Петровых. Целую Нюшу. Приедет ли она сюда?

Привет всем.

Макс.

P.S. Купи себе пред отъездом в «механич<еской> обуви»[12] туфли на лосиной подошве. Это очень удобно для гор.

* *Было.* И стонет гулкая

[1] Датируется по содержанию. В.П. Купченко предполагает, что это письмо могло быть написано и 10 августа (см.: Труды и дни-1. С. 188).

[2] Имеется в виду п. 389.

[3] Портрет Волошина, написанный Сабашниковой летом 1907 г. в Коктебеле, ныне хранится в ДМВ.

[4] См. примеч. 4 к п. 363 и примеч. 7 к п. 387.

[5] Средневековый армянский монастырь Сурп-Хач близ Старого Крыма.

[6] Основываясь, очевидно, на данном письме Волошина к Сабашниковой, В.П. Купченко датирует поездку Волошина и В. Харт к монастырю Сурп-Хач, встречу их там с сестрами Герцык и последующее двухдневное пребывание в Судаке следующим образом: «4(?) августа, с<у>б<бота>» (Труды и дни-1. С. 188). Однако никаких иных сведений, подтверждающих этот факт, обнаружить не удалось.

[7] См. примеч. 9 к п. 329.

[8] Тутнуть – стонать. В первой (журнальной) публикации этого стихотворения (см. ниже примеч. 11): «И стонет гулкая....»

[9] К этому слову Волошин сделал – в журнальной публикации – примечание (внизу страницы): «Ардавда – древнейшее имя Феодосии (город 7 богов)»; в кн. «Стихотворения. 1900–1910» примечание отсутствует.

[10] Сурож – древнерусское название Судака. Однако в журнальной публикации этого стихотворения (см. ниже примеч. 11) дано следующее (ошибочное и, скорее всего, редакционное) пояснение: «Сурож – старое имя Черного моря».

[11] Впервые опубликовано в журнале «Русская Мысль» (1907. № 9. С. 60–61; без заголовка и с эпиграфом из «Слова о полку Игореве»: «Див кличет по древію, велить послушати Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...»). Под названием «Гроза» и с тем же эпиграфом вошло в цикл «Киммерийские сумерки» (Стихотворения. 1900–1910. С. 89).

[12] Магазин в Москве, где продавалась «механическая обувь» (т.е. обувь, изготовленная не по индивидуальному заказу, а механическим, машинным способом).

391. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

4 августа 1907 г. Москва[1]

Суббота.

Дорогой Макс, я опять в Москве, ждали вчера Алешу, он не приехал. Ждем сегодня. Нюше лучше. Завтра она вста-

нет. Вчера приехала Анна Руд<ольфовна>. Я вошла, когда они говорили с мамой, она поспешно что-то спрятала, и обе они были так взволнованы, что я совершенно растерялась. Кажется, говорили о Твоем письме, кот<орое> в высшей степени оскорбляет маму. Она выразилась, что Ты выгоняешь ее из жизни.[2] И ведь это так. При страстной любви не может быть таких ограничений: всё или ничего. В своей любви она прекрасна, только для меня-то это ужасно. Я дошла до последнего изнеможения и не знаю, что делать. «Они»[3] молчат. Если смогу, проеду из Орла на несколько часов к ним. Опусти эту карточку в Феодосии, если не встретишь меня[4] (я телеграфирую, когда у меня будет билет). М<ожет> б<ыть>, я и не в состоянии буду из Орла поехать к ним, тогда ты меня встретишь. Эту карточку не потеряй. Ты будешь ни при чем, если что-нибудь узнают, я скажу, что ее опустила спутница. М<ожет> б<ыть>, я задержусь на 3<-ое> или 2<-ое> суток; если я не прощусь с ними как следует, не смогу жить. Телеграфировать в случае чего нужно на Любавичи (Могилевской), имение Загорье. А еду я на Красное.[5] Я выеду, верно, в среду.

Целую Тебя крепко.

М<ожет> б<ыть>, я и не сделаю этого.[6]

Бедный мой Макс, мне кажется, я ужасно, ужасно перед всеми виновата. Бедный Макс, прости меня.

Аморя.

[1] Датируется по упоминанию о приезде А.В. Сабашникова, который должен был приехать в Москву 3 августа 1907 г. Ср. в письме А.Н. Ивановой к Волошину от 3 августа 1907 г.: «Сегодня ждали Алешу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 83).

[2] См. примеч. 3 к п. 377 и п. 390.

[3] В.И. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

[4] Речь идет о «секретке», адресованной в Москву родителям Сабашниковой (см. также п. 389, 390 и 392).

[5] Красное – железнодорожная станция Западной (ныне – Белорусской) железной дороги (до 1918 г. – в составе Оршанского уезда Могилевской губернии; ныне – в составе Красновского сельского поселения Краснинского района Смоленской области).

«Сюда от Красного 20 верст, – писала Зиновьева-Аннибал Сабашниковой в конце июня – начале июля 1907 г. из Загорья, –

Если телеграфируешь за два дня, тебе мы вышлем мягкий экипаж и лошадей» (Документальные хроники. С. 216–217).

[6] Сабашникова имеет в виду свою поездку к Ивановым в Загорье.

392. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

9 августа 1907 г. Орел[1]

Утро.

Милый мой, ну, я решилась. Пишу Тебе из Орла, откуда еду в Смоленск. В 10 вечера буду в Красном, ст<анция>, откуда едут туда.[2] Телеграфировала о лошадях. Буду в Феодосии в понедельник.[3] Из Орла выеду со скорым. Билет визировала. Часть багажа сдала на хранение. Чувствую себя отлично. Надеюсь, Ты опустил мою закрытку, иначе они бы страшно волновались.[4] Маме я потом, м<ожет> б<ыть>, и скажу. О моем заезде знает лишь А<нна> Р<удольфовна>. Напиши сейчас же маме краткое письмо, что *узнал* от меня. Будто она боится за питание Нюши, но что с Аннушкой и деньгами можно устроиться. Нюше очень, очень хочется к нам. Зови также и ее самое. Ивановы до октября пробудут в Загорье, а потом в Петербург.[5] Он просил Тебе передать самые светлые вещи.[6]

Макс, устрой потактичнее, чтобы о моем заезде никто не знал. Я сказала, что мы с Тобой проведем несколько дней в Феодосии. С мамой прощание было раздирающее. Она пронзила мою душу. Я очень, очень рада Тебе и счастлива.

Письма ко мне распечатывай.

[1] «Секретка». Почтовые штемпели: Орел <*нрзб.*>; Феодосия 11.3.07.

[2] См. примеч. 5 к п. 391.

[3] Проведя в Загорье два дня (10 и 11 августа), Сабашникова действительно прибыла в Феодосию в понедельник 13 августа (ночевала у А.М. Петровой, а на другой день, 14 августа, приехала в Коктебель).

[4] Речь идет о закрытом письме, предназначенном для родителей Сабашниковой (см. об этом в предыдущем письме).

[5] В одном из июльских писем, полученных Сабашниковой, по всей видимости, в первые дни августа (письмо не датировано), Л.Д. Зиновьева-Аннибал сообщала: «Здесь мы пробудем, если будет работаться, до октября, после чего едем в Петербург» (Документальные хроники. С. 216).

[6] В том же письме сказано: «Ему <Волошину> В<ячесла>в выражает свои светлые, ласковые приветы...» (Там же. С. 217).

393. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 24 августа 1907 г. Коктебель[1]

Милая Аморя, писем нет, кроме одного от Нюши (мне)[2] и от Ляйзы тебе.[3]

Посылаю тебе их оба.

В чемоданчик вкладываю: твое серое платье, белую вязаную кофточку, платок теплый, гуашь белую и эти письма. (Проверь).[4]

Здесь о нашем отсутствии нисколько не беспокоились, т<ак> к<ак> понимали, что нас задержал дождь, и даже радовались за тебя, что застал он тебя там, а не здесь.

Я доехал прекрасно и быстро (3 ч<аса> 15 м<инут>) несмотря на ветер.[5]

Я посылаю тебе эти вещи, а не везу сам, т<ак> к<ак> хочу завтра ехать в город, т<ак> к<ак> получил повестки на книги для меня и деньги для Вайолет. Завтра же возвращусь.

Мне хочется скорее получить эти книги – там много для «L'âme latine»*[6], скажи это Евг<ении> Казимир<овне>.

Привет всем. До свидания. Не торопись уезжать, если ты больна.

Макс.

[1] Написано, судя по содержанию, в день возвращения Волошина из Судака в Коктебель, либо на другое утро (точная дата не установлена).

* Латинской души *(фр.)*.

[2] Имеется в виду письмо А.Н. Ивановой к Волошину от 19 августа 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 128–129).

[3] Речь идет о письме Е.Н. Гофман к Сабашниковой от 18 августа 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 69, л. 15–16).

[4] Письма и вещи были отправлены в Судак, где Сабашникова задержалась на несколько дней у сестер Герцык.

[5] Волошин вернулся из Судака в Коктебель на велосипеде.

[6] В то время сестрами Герцык и В.С. Гриневич был задуман сборник под названием «L'âme latine» (замысел не осуществился). В дневниковой записи Волошина от 25 сентября 1907 г. (в этот день он находился в Судаке) сказано: «Мы читали Барреса и Швоба для L'Âme Latine. Там будет мой перевод Клоделя. Это решено» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 277).

394. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

20 ноября 1907 г. Феодосия

20.

Манюня, мое милое дитя, надеюсь, что Ты хорошо доехал,[1] что в Москве Тебе не слишком тяжело, что Ты не смущаешь напрасно умы. Милый мой мальчик, я люблю Тебя; я дурно обращалась с порученным мне маленьким ребенком; но я буду хорошей и изглажу все. Да? Манюня!

Погода ясная, снег выпал вчера и лежит, море темно-синее, светит солнце. Нюша жаждет ехать в Москву, и мы верно уедем не сегодня завтра.

Видела Гиляра.[2] Говорила с ним. Очень сильное впечатление. Совсем новый мир.

Завтракаем в «Генуэзской»,[3] остальное время до вечера у А<лександры> М<ихайловны>.

Пишу рассказ.[4]

Целую Тебя, крошка моя. Целую всех дома. Ляйзе на ушко особые мои комплименты. Ел<ену> От<тобальдовну> целую и Miss Hart. Как-то ей нравится Москва?

Ну, всего хорошего. Нюша Тебя целует.

Твоя стрижка <1 слово *нрзб.*>[5]

У Нюши температура вполне нормальная все время во все часы.

[1] 17 ноября 1907 г. Волошин выехал из Феодосии в Москву (см. также примеч. 1 к п. 395).

[2] Видимо, один из феодосийских знакомых А.М. Петровой и Волошина. Ср. в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 20 сентября / 3 октября 1908 г.: «Напишите мне о Гиляре, кот<орого> люблю и о кот<ором> думаю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 31 об.).

[3] До революции – феодосийская гостиница (здание, известное как «Дом Лагорио»). Ныне в этом здании – городской краеведческий музей («Музей древностей»).

[4] Какой именно рассказ писала Сабашникова в ноябре 1907 г., не установлено.

[5] Строкой выше зачеркнуто: «Маргоря. Аморя».

395. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 ноября 1907 г. Феодосия

24 ноября.

Друг, я получила Твое письмо.[1] Я потеряла больше счастья; я человека потеряла. Он, как все. Я не поняла Загорья, потому что не поняла, что он слаб, как все; и горд не как все и не имеет мужества правды. Я за что-то крепко держусь и, если это оборвется, не вынесу. Как Ты должен быть с ним! Как Ты любишь его!

Анну Рудольфовну не хочу видеть, пусть она не пишет мне. Пусть она забудет обо мне совсем и будет всецело с ним. Спроси ее только, где сейчас Штейнер, и напиши мне. У Вячеслава спроси для меня его стихотворение «Церера».[2] Это единственно<е>, что я хотела бы иметь от него, что мне в нем свято. Не увижу его. Не знаю, когда увижу Тебя.

Аморя.

Нюша целует Тебя, мой чистый и светлый. Целую маму и папу. Как я увижу их. Я не могу еще.[3]

[1] Это письмо Волошина, которое В.П. Купченко называет «письмом об Иванове» (Труды и дни-1. С. 192), до настоящего времени не обнаружено. Не подлежит сомнению, что в этом письме Волошин сообщил Сабашниковой о своем приезде в Москву (19 ноября) и своих первых – после смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в Загорье 17 октября – встречах с В. Ивановым и Минцловой (20 и 21 ноября). О содержании этих встреч можно составить впечатление по дневниковым записям Волошина, сделанным 23–26 ноября 1907 г. (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 281–290).

[2] Имеется в виду стихотворение «Нива» («В поле гостьей запоздалой...»), написанное 26 июня 1907 г. и впервые напечатанное в «Золотом Руне» (1908. № 3/4. С. 50) под названием «Церера». Вошло в «Cor Ardens» (книга первая; раздел «Повечерие»).

[3] Из этих слов можно заключить, что Сабашникова – в момент написания этого письма – еще точно не знала, когда вернется в Москву. Между тем, А.К. Герцык 24 ноября сообщала сестре: «Она <А.Р. Минцлова> сказала, что Маргар<ита>, вероятно, приедет во вторник и что уже решен ее отъезд прямо из Москвы за границу с больной...» (Сестры Герцык. Письма. С. 178–179; «во вторник», т.е. 27 ноября; «больная» – А.Н. Иванова).

В действительности Сабашникова и А.Н. Иванова выехали из Феодосии 28 ноября и прибыли в Москву 30 ноября (Труды и дни-1. С. 193).

396. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

7 декабря 1907 г. Москва

7 дека<бря>.

Мой милый, мой хороший Манюня, не писала Тебе до сих пор, п<отому> ч<то> неточно знаю твой адрес[1] и все ждала письмеца от Тебя, а Ты не пишешь. Дорогая моя крошка, будь счастлив; я с Тобой, будь и Ты со мной. Дай мне хоть издали принимать участие в Твоей жизни, не забывай, но будь свободен. Пиши мне.

Мы едем на днях, п<отому> ч<то> Нюша в Москве тоскует, и я уговорила ее ехать вперед в Берлин, где мы повидаемся с Алешей и дождемся мамы. У нее все держится жар.[2] По утрам дописываю портрет, и возможно, что пошлю его

Тебе.[3] Узнай, когда «Союз».[4] Пиши мне о всех подробно, как дневник. Буду делать то же Тебе. Погрузясь в старую мою жизнь, поняла, что́ Ты для меня, мой милый, любимый друг. Кого видишь? Что пишешь и что в этом году царит в Петербурге?

Сегодня провела вечер у бабушки. Читала ей Ремизова «Иродиаду».[5] Было очень хорошо. Успела поговорить и с тетей Таней, и с тетей Сашей. Нет, это все не мертво, и это отрубать нельзя. Видела у Викентьева «Книгу Мертвых»[6] и имею разные новые идеи по части Египта, когда оформятся, напишу Тебе. Чувствую, что Нюше я нужна, а это помогает мне жить. Перед отъездом побываю у Эртеля и Ульяновых. Лето думаю провести в Нарни близ Рима в 2-х часах в Умбрских горах; Ты приедешь туда? а *<так!>* осенью в Крым. А впрочем, о чем можно загадывать? Ста рублей я не получила. Ну, а Ты на что живешь, крошка? «Русь» не заплатит? Что там делается? Меня тревожит суд над Тобой,[7] и я, и Бор<ис> Ник<олаевич> советуем Тебе отнестись к этому серьезно.

Если паспорта не задержат, уедем во вторник;[8] тогда телеграфирую.

Целую Тебя нежно, мой мил<ый>. Привет маме и Miss Hart.

Часто ли бываешь на башне? Как здоровье Анны Руд<ольфовны> и В<ячесла>ва? О Бальмонте самые успокоительные и хорошие известия.

[1] Волошин покинул Москву 5 декабря 1907 г. и по 11 мая 1908 г. жил в Петербурге.

[2] «Маму нашли больной; – сообщала Сабашникова А.М. Петровой 5 декабря 1907 г. (вернувшись из Феодосии в Москву), – у нее инфлюэнция и до сих пор сильный жар» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 3).

[3] Сабашникова имеет в виду либо портрет Волошина (см. примеч. 3 к п. 390), либо автопортрет, над которым в то время работала (см. п. 397, 404 и др.).

[4] Т.е. выставка Союза русских художников, которая ежегодно, начиная с 1907 г., открывалась на рождественской неделе в Москве, а в феврале-марте следующего года демонстрировалась в Петербурге.

[5] См. примеч. 8 к п. 302.

[6] «Книга Мертвых» – общепринятое название для древнеегипетских сборников гимнов, молитв, заклинаний и песнопений, связанных с заупокойным культом (обычно помещались в гробницу, чтобы сопровождать умершего и помогать ему в потустороннем мире). Сабашникова видела у В.М. Викентьева скорее всего одно из западных египтологических изданий «Книги...»

[7] «Против меня еще теперь ведется уголовное дело по обвинению в кощунстве. – сообщал Волошин А.В. Гольштейн 18/31 декабря 1907 г. из Петербурга. – За статью о романе R. de Gourmont "Une Nuit au Luxembourg". Обвинение самое нелепое. Т<ак> к<ак> я высказывался *против* этого романа, а сам он был уже переведен по-русски. Но если меня признают виновным, то единственное наказание по этому пункту – ссылка на поселение без срока. Пока же до суда я прикреплен к Петербургу» (Т. 9 наст. изд. С. 329). См. также п. 378 и 379.

[8] Сабашникова уехала из Москвы в Германию (вместе с А.Н. Ивановой) 11 декабря 1907 г. (см.: Труды и дни-1. С. 193).

397. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

14/27 декабря 1907 г. Берлин[1]

Пятница

Бедный милый мой Макс, мне переслали в Берлин Твое письмо, написанное в ночь астмы.[2] Как Ты мучился, лучше ли Тебе теперь? Я рада, что Ты переехал.[3] Если бы Тебе удалось скорее получить работу для Парижа и уехать.[4]

Мы вчера приехали в Берлин. Ожидала, что Алеша нас встретит, но он в Кёльне.[5] Это мы узнали из маминой телеграммы. Мама приедет в среду.[6] Мы на Augsburgerst<rasse> 30–31 Pension Müller.[7] Милый Берлин. Нюша в упоении. Я тоже радуюсь на Европу и жалею Тебя. У меня много проектов и для живописи, и для повести. На днях пришлю Тебе повесть, помести ее куда-нибудь.[8] Любимов привезет Тебе мой портрет, но после того, как я побывала в музее здесь и вновь увидала истинное искусство, я умоляю Тебя его припрятать, покрыв предварительно густо лаком. При случае доставь его мне, из него можно много сделать. Узнай, когда

будет выставка, где мы видели Богаевского.[9] К этой выставке я думаю кое-что приготовить и исправить этот мой портрет.

Пиши мне о своих литературных проектах и делах, и о людях, кот<орых> видишь. Не пиши мне о башне. Я чувствую, что не в силах выносить известия, и мне надо только знать, что он жив и здоров, п<отому> ч<то> я хочу знать все и страдаю непомерно. Нужно отпустить какую-то завесу и научиться жить дальше. Я очень люблю жизнь. Очень радуюсь какой-то новой внутренней свободе.

Знаешь ли, Макс, что нам вовсе не нужно быть вместе. Считай себя совершенно свободным, но знай и почувствуй, милый мой Максюня, что я поняла Тебя и поняла, что Тебе нужно, и свою ошибку сознала и не впаду в нее больше. Я думала, что вид Берлина и этих комнат будет мне мучителен, но нисколько. Я рада, что моя жизнь связана с Твоей, я рада, что мы были вместе, рада, что Ты существуешь, и мне бы хотелось, чтобы Ты так же воспринял и прошлое, и настоящее. Скажи мне, нет у Тебя на меня зла? Скажи, в общем, не в минуты экстаза, а в общем, как Ты относишься ко мне. Нюша чувствует себя и духовно, и физически очень хорошо. Ты успеешь ответить сюда. Мы пробудем здесь неделю. В Риме я хочу быть 7 лет. Целую Тебя крепко.

Деточка моя. Привет Твоим. В день отъезда я заехала с цветами к М<adame> Юнге, она совсем, совсем плоха. Доктор сказал, что ее легкие отравлены дымом от выжигания Е<лены> О<ттобальдовны>.[10] Ты это, конечно, маме не говори, но скажи ей, чтобы она написала М<adame> Юнге и справилась о ее здоровье, п<отому> ч<то> та страшно оскорблена таким молчанием после гощения.

Что сказал Тебе доктор относительно астмы? В чем будет состоять лечение?

[1] Датируется по содержанию.

[2] Это письмо Волошина, написанное, по-видимому, около 9 декабря 1907 г. (см.: Труды и дни-1. С. 193) и отправленное из Петербурга в Москву, не известно. В декабре 1907 г., по приезде в Петербург, Волошин сильно простудился и страдал от приступов

астмы. «Как мне было жаль услыхать, что Вы страдали так астмой! – писала ему М.А. Сабашникова 16 декабря. – Надеюсь, что все теперь прошло» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1066, л. 9). Ср. п. 397, 401 и др.

[3] Прибыв из Москвы в Петербург 6 декабря 1907 г., Волошин первоначально поселился на Пушкинской улице, 7, а через несколько дней переехал (вместе с Е.О. Кириенко-Волошиной) в меблированные комнаты «Эрмитаж» (Невский пр., 73).

[4] О своем желании уехать в Париж Волошин сообщал А.В. Гольштейн в конце 1907 г. «Мне страшно хочется в Париж, – писал он 27 декабря 1907 / 9 января 1908 г. – У меня много планов работ, что осуществимы только там. И потом мне так хочется гармонии и стройности во внешней жизни, которых так мучительно не достает здесь» (Т. 9 наст. изд. С. 338). А в письме Волошина, отправленном А.В. Гольштейн спустя два дня, сказано: «В глубине души я решил во что бы то ни стало весною ехать в Париж и снова на много лет» (Там же. С. 342). Видимо, о том же Волошин писал и Сабашниковой.

[5] Очевидно, А.В. Сабашников находился в Кёльне в связи с лекциями Штейнера, читавшего там между 18 и 30 декабря курс под названием «Оккультные знаки и символы» (GA 101).

[6] М.А. Сабашникова покинула Москву 17/30 декабря (в понедельник). «Моя болезнь очень затянулась, – писала она Волошину 16/29 декабря 1907 г. (из Москвы в Петербург). – Температура все поднимается, и кашель не унимается. Из-за этого пришлось отложить мой отъезд до завтра» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1066, л. 9).

[7] В этом же пансионе (ранее – пансион Шульце) Сабашникова жила осенью 1905 г. вместе с А.Р. Минцловой (см. п. 182) и останавливалась на пути из Парижа в Москву в марте 1906 г. (см. п. 241).

[8] О какой повести идет речь, неясно.

[9] Имеется в виду выставка «Нового общества художников» в Петербурге (март 1907 г.), на которой экспонировались следующие произведения Богаевского: «Утро», «Розовый гобелен», «Из прошлого Крыма», «Страна великанов», «Пейзаж (Солнце)». Ср. запись в дневнике Волошина от 10 марта 1907 г.: «Я пошел на вернисаж выставки “Нового общества”, где картины Богаевского. Я не ожидал видеть так много народа. Это меня изумило и оглушило» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 264). На другой день Волошин посетил эту выставку вместе с Сабашниковой, о чем свидетельствует его дневниковая запись от 11 марта: «Мы едем с Аморей на выставку...» (Там же).

[10] См. примеч. 8 к п. 387.

398. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

20 декабря 1907 / 2 января 1908 г. Берлин[1]

Милый Макс,

Ты просил прислать Тебе откр<ытки> художественные. Ничего интереснее этого не нашлось здесь. Меня очень беспокоит Твоя болезнь. Напиши пока сюда. Мы еще здесь останемся неделю. Мама приехала вчера.[2] У нее вид неважный, но настроение хорошее. Новый год мы встретили у Штейнера.[3] Он спрашивал о Тебе.[4] Мы с ним еще увидимся.

Умоляю Тебя снять с себя Твою «миссию».[5] Если бы Ты знал, какое обратное действие производят Твои слова, то стал бы другое говорить. Прости, что не пишу Тебе. Моя жизнь слишком страшно сложилась. Целую Тебя крепко.

Будь здоров, но, ради Бога, не будь добродетелен. Портреты мои отнюдь *не выставляй*.

Будь здоров.

Алеша находит во мне стиль.[6]

[1] Фотооткрытка (изображены Сабашникова, А.В. Сабашников и А.Н. Иванова) со штампом берлинского фотоателье F. Lippens (Фридрихштрассе 154). Почтовый штемпель: Berlin 2.1.08; второй штемпель отсутствует.

[2] М.А. Сабашникова приехала в Берлин 19 декабря 1907 / 1 января 1908 г. См. запись в дневнике Сабашниковой: «1 января. Приезд мамы» (ОДГ).

[3] 18/31 декабря Штейнер читал в своей берлинской квартире на Мотцштрасе закрытый (т.е. для членов Теософского Общества) доклад о «Тайнах» Гете. Повторяя отчасти свой доклад, сделанный в Кельне 12/25 декабря 1907 г., Штейнер говорил о фрагменте незавершенной поэмы Гете «Тайны» (1784–1785), выявляя в этом сочинении розенкрейцерские и прочие оккультные мотивы (см.: *Schmidt H.* Das Vortragswerk Rudolf Steiners. Verzeichnis der von Rudolf Steiner gehaltenen Vorträge, Ansprachen, Kurse und Zyklen. Dornach: Philosophisch-Anthroposophischer Verlag Goetheanum, 1978. S. 117). См. также: *Steiner R.* «Die Geheimnisse» – Ein Weihnachts- und Ostergedicht von Goethe. Vortrag gehalten am 25. Dezember 1907 in Cöln. Herausgegeben von Marie Steiner. Dornach: Philosophisch-anthroposophischer Verlag, 1931 (обложка выполнена А.А. Тургене-

вой). Впоследствии этот доклад неоднократно переиздавался (включен в том лекций Штейнера, прочитанных между 5 ноября 1907 и 14 июня 1908 г. – GA 98). Русский перевод (А. Ярина): *Штайнер Р.* «Тайны». Рождественско-пасхальная поэма Гете. Лекция перед членами Теософского общества, прочитанная в Кёльне 25 декабря 1907 г. // *Гёте И.В.* Тайны. Сказка; *Штайнер Р.* О Гёте. М.: Энигма, 1996. С. 172–213. Ср. примеч. 14 к п. 402.

Среди слушателей 18/31 декабря были Сабашникова, ее брат и А.Н. Иванова. О содержании того, что говорил Штейнер, рассказывает запись в дневнике Сабашниковой, датированная 2 января 1908 г.:

«31 января <описка: имеется в виду: 31 декабря> заседание ложи у Штейнера. Нюша, Алеша и я слушаем из глубины второй комнаты. На столе над ним крест с Красными Розами. Слова сначала тихие, глухой голос, потом сильнее и с расстановкой все громче, как удары.

В католических странах церкви на Рождество открыты целый день, но в полдень закрываются, остатки язычества: в полдень боги спят. Во время наименьшей силы физического солнца вырастает иной духовный свет. В полночь под Рождество Христово посвященный видит сквозь опрозраченную землю полночное солнце.

(Все, что мы видим физическими глазами, – тело и форма духовной сущности.) Духовную сущность солнца видит посвященный и главного Духа правящего, который есть Христос. Звезда, ведшая волхвов, был сам Христос.

Егова – бог Ветхого Завета, лунный бог, отраженный свет. Ныне нам светит непосредственный свет Солнца. Но да будет земля сама телом Христовым. Да примет в себя начала Христа, да будет наша земля Солнцем.

Кто сплел венок из красных роз на черный крест. Тайна креста и красный розы. Чистота растения; страсти зверя – красная кровь. И вновь вернул Никто чистоту крови. Пчела прильнула к ране Христа, как прильнула бы к красной розе.

М<ария> Я<ковлевна> читала Гете “Geheimnis” <тайна. – *нем.*>. Он объяснял» (ОДГ).

О том же Сабашникова писала и А.М. Петровой (приблизительно 22–23 декабря 1907 г. по русскому стилю; получено в Феодосии, согласно карандашной помете, – 30 декабря 1907 г.). «Мы все еще в Берлине. Видели и слышали Штейнера. Накануне их нового года он говорил о том, что в ночь Рождественскую посвященные видели сквозь опрозраченную землю полночное солнце. Духовные существа солнца, духов – и главный из них сам Христос. Звезда, ведшая волхвов, был сам Он, идущий на место своего воплощения.

Раньше Егова – лунный бог светил людям, и люди жили отраженным светом; после Рождества Хр<истова> мы получаем непосредственный свет, но должно настать время, и наша земля сама должна стать Телом Христовым, принять в себя начало Христа – стать солнцем. Он говорил о черном кресте, увитом красными розами. Что красная кровь страдания и страстей духовным подвигом расцветет, розами. М<ожет> б<ыть>, еще увидим его. Посылаю Вам его портрет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 6–6 об.; «портрет», т.е. фотография – ср. примеч. 1 к п. 329 и п. 399).

[4] В цитированной выше записи от декабря 1907 г. / 2 января 1908 г. сказано: «После лекции <Штейнер> подходил, спрашивал о Максе, сказал, что напишет, когда прийти» (ОДГ).

[5] Возможно, Волошин написал Сабашниковой, что считает своей «миссией» заботу о ней.

[6] Это замечание относится к фотографии.

399. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21 декабря 1907 г. / 3 января 1908 г. Берлин

21 декабря.

Бедная моя крошка, Ты все еще болен; бедный, милый Макс. Деточка, как же помочь этому, что же Ты не бываешь у Кудрявцева? Как проведешь Ты Рождество?[1] Неужели не сделаешь елки?

Целую Тебя нежно и обнимаю. Очень нежно. Тяжело ли Тебе, что я редко Тебе пишу; если да, то я сделаю усилие и буду писать; если нет, то пока мне лучше молчать. Мне надо научиться жить, и тогда можно будет писать о себе. Христос с Тобой, мой милый. Будь здоров, будь деятелен; будь светел.

Твоя Аморя.

Спроси у Анны Руд<ольфовны>, что я ей писала о чтении Штейнера.[2] Мне 2 раза трудно писать.

Мама очень в духе. Все хорошо. После свидания со Штейнером напишу Тебе.

Привет Miss Hart и маме.

Мы едем во вторник.[3] Портрет Штейнера я послала.[4]

[1] Имеется в виду Рождество по русскому стилю (7 января).

[2] Письмо к Минцловой, о котором упоминает Сабашникова, не известно, но его содержание, по-видимому, совпадает с цитированной выше дневниковой записью от 20 декабря 1907 г. / 2 января 1908 г. и письмом к А.М. Петровой (см. примеч. 3 к п. 398).

[3] Сабашникова, А.Н. Иванова и М.А. Сабашникова уехали из Берлина в Италию 26 декабря 1907 / 8 января 1908 г. (в четверг). См. п. 401.

[4] Т.е. фотографическую карточку Штейнера.

400. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

25 декабря 1907 / 7 января 1908 г. Берлин[1]

Дорогой мой, сегодня я получила твою открытку.[2] Ты все еще болен? Отчего же не принимаешь ты никаких мер? Отчего только один раз был у Кудрявцева?

Милый, родной мой мальчик, как мне больно думать о тебе. Прости мне мои открытки. Я тогда написала и разорвала много писем к тебе. Мне не следует пока писать вовсе, такой хаос живет в моей душе.

Мы останемся в Берлине до завтра – до четверга. Едем на Мюнхен, но останавливаться там не будем и прямо на Флоренцию или Верону, где переночуем. Алеша уехал несколько дней тому назад. Он удивительный. Его заботливость, ясный и уверенный ум и прелестный по щедрости и открытости характер для меня совершенное открытие. Он действительно стал человеком за эти три года. Да, он не потерял времени. Ну, конечно, занимается моим воспитанием. Кто же когда мог от этого удержаться.

Вчера мы втроем, мама, Нюша и я, были на лекции Штейнера.[3] Вспомнила я всю мучительность этих лекций, когда, применяясь к какому-то идиотскому интеллекту, он говорит о великих вещах. Он говорил о крови, лимфе и пищевых соках и о связи этих трех вещей с планетами и астральными существами, которые в физическом плане воплощены именно в этих системах нашей природы; так что в нас и через нас живут полчища духовных существ. Связь микрокосма с

макрокосмом все яснее. Каждое наше движение есть призыв к тем или иным духам.

Накануне мы были с Алешей у М. Сиверс, чтобы сказать ей, что уезжаем.[4] Ведь он хотел написать нам, когда прийти.[5] Он сказал через нее, что Алешу увидит скоро в Ляйпциге[6], а со мной будет говорить после лекции, но после лекции он ушел. Да и что бы он мог сказать мне; человек должен найти свою опору только в себе. Мне же с фундамента надо начинать свою постройку; п<отому> ч<то> все разрушено, все. С фундамента начинаю, ухожу в глубину. Буду жить в темноте так, как жила бы при ярком свете. Этому надо учиться. Только не знаю, Макс, как жить с такой грустью. Милый, милый, милый Макс.

Встреть новый год бодро. Я обещаю Тебе работать над собой и из хаоса выявить строй. Я буду посылать Тебе фотографии. Здесь нет ничего. Малютка моя, крошка моя.

Целую тебя. Пиши Rome Posta restante. *V*olochine.*[7]

С мамой у нас хорошие отношения, Нюша же унывает.

Вот последние страшные дни, кот<орые> надо пережить.

Я не позволяю себе тосковать о Тебе.

Макс! милый!

[1] Датируется по содержанию (отъезд из Берлина и упоминание о лекции Штейнера, состоявшейся 24 декабря 1907 / 7 января 1908 г.).

[2] Эта открытка не известна.

[3] Лекция Штейнера, прочитанная 24 декабря 1907 г. / 6 января 1908 г., слагалась из двух частей: «Астральный мир на основе легенд о богах» и «Мировое развитие и планетарные существа» (см.: *Schmidt H.* Das Vortragswerk Rudolf Steiners. Verzeichnis der von Rudolf Steiner gehaltenen Vorträge, Ansprachen, Kurse und Zyklen. S. 117).

[4] Ср. незаконченную запись в дневнике Сабашниковой, сделанную в Берлине в начале января 1908 г.: «Разговор с Марией Сиверс о Риме и оккультизме среди католиков. О Христианстве. Германия как колыбель Эзотерического Христианства. Штейнер – первый знающий. Первый, решивший загадку 777. Христос в связи с Космосом и Солнцем? Розенкрейцерство. Безант признает Штейнера знающим больше нее.

* Рим. До востребования. Волошиной *(ит.)*.

У Марии Сиверс очень синие глаза и золотые волосы. Сдержанность и насмешливость внешняя. Сияние глаз выдает любовь и силу. Говорит на всех языках. Ее миссия».

[5] См. об этом в дневниковой записи от 20 декабря 1907 г. / 2 января 1908 г. (примеч. 3 к п. 398).

[6] Подразумеваются лекции Штейнера в Лейпциге, которые предполагал посетить А.В. Сабашников. Штейнер находился в Лейпциге с 10 по 12 января 1908 г. (н.ст.). 10 и 11 января он прочитал два публичных доклада под общим названием «Мужчина и женщина в свете духовной науки», а 12 января – доклад, предназначенный для членов Теософского общества, – «Оккультные знаки и символы астрального и духовного мира».

[7] В написании Volochine первая буква подчеркнута трижды.

401. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

28 декабря 1907 / 10 января 1908 г. Флоренция[1]

28 декабр<я>

Дорогой мой, любимый, крепко, крепко целую нежного, милого моего мальчика. Здоров ли он, моя крошка? Первый день во Флоренции.[2] Уфици <*sic!*> [3], церкви. Я потрясена.

Но последние дни живу под мечом. Когда я узнаю, что у вас все благополучно, что опасность прошла,[4] то вздохну, и тогда, Макс, наша жизнь будет полна. От того, что я видела, нет пути обратно. Но ни на минуту меня не покидает страх за то, что у вас.

Напиши мне, мой милый, как обстоит все. Здоров ли и бодр Вячеслав? Анна Рудольфовна? Твоя астма прошла ли?

Целую Тебя нежно, родной мой.

Пошлю из Рима телеграмму, чтобы скорее узнать, как вы живете.

Твоя девочка Аморя.

[1] Открытка с изображением картины Филиппо Липпи «Поклонение богоматери» («La Vergine in adorazione»), находящейся в Галерее Уффици (Флоренция). Почтовые штемпели отсутствуют.

[2] Во Флоренции Сабашникова ее спутницы пробыли с 27 до 30 декабря (по русскому стилю). «Вчера приехали сюда и едем завтра далее в Рим», – сообщала Сабашникова из Флоренции А.Р. Минц-

ловой 28 декабря 1907 / 10 января 1908 г. (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 13). В дневнике Сабашниковой сохранилась запись от 29 декабря 1907 / 11 января 1908 г.: «Острое, почти потрясающее впечатление от воздуха и цвета неба при приближении к Флоренции». Далее – отдельные записи, сделанные, видимо, в галерее Уффици (см. следующее примеч.): «Почти боюсь смотреть вокруг. Зияющее небо в аркадах лоджий» (ОДГ); и др.

[3] Уффици (*букв.* – канцелярии) – флорентийский дворец, построенный в 1560–1581 гг. для городской администрации. Уже в 1570-е гг. в здании начал формироваться музей (на основе собрания семьи Медичи). Ныне Галерея Уффици – один из самых крупных в Западной Европе музеев изобразительного искусства.

[4] Вероятно, Сабашникова имеет в виду судебное дело, которое было возбуждено против Волошина в связи с его статьей о романе Р. де Гурмона «Ночь в Люксембургском саду» (см. п. 378, примеч. 5 к п. 379 и примеч. 7 к п. 396).

402. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

31 декабря 1907 г. / 13 января 1908 г. Рим[1]

31 дек<абря>

Третьего дня мы приехали в Рим,[2] и вчера я бродила по Риму. Небо темно-синее, к вечеру серебряное. На Форуме пахнет весной, трава зеленеет, и цветут маленькие красные розы. На улицах дух апельсинов, лука и цветов. Меня потрясает такой восторг. Анна Рудольфовна не вынесла бы Рима. Я сравнительно мало впечатлительна и чувствую, как каждую минуту может открыться какая-то дверь, что-то сорвется. Предел жизни и красоты. Я не буду писать. Ведь слов никаких нет. «Нам память говорит: лишь ей язык».[3] Вспомни.

Пожалуйста, узнай у Твоего священника[4] учителя-попика для меня.[5] Буду заниматься греческим и латынью.[6] Поскорее. Пиши Poste Restante. Я еще ничего не имею от Тебя здесь и ни от кого. Сегодня я послала Тебе телеграмму. Ищем помещения на via Sistina, а пока живем на via Nationale. До апреля буду здесь работать. «Пан»[7] и 2 портрета,[8] икону Богаевскому.[9] Май и июнь в Grunewald'е у Дёнкан. Я уже сговорилась.[10] Потом со Штейнером в Нюренберге в июле.[11]

С осени опять в Риме.[12] Милый, где и когда мы увидимся? Все ли благополучно? У меня ужасная, ужасная тревога. Помнишь путь от Флоренции в Рим?[13] Читаю Гете и о Гете.[14] Все здоровы и веселы.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: отправления – Roma 13.1.08; получения – СПб. 4.1.1908.

[2] См. примеч. 2 к п. 401.

[3] Строка из поэмы В. Иванова «Сфинкс», впервые опубликованной в сборнике «Кормчие Звезды. Книга лирики» (С. 273).

[4] Какого именно «священника» имеет в виду Сабашникова, неясно.

[5] Сабашникова хотела познакомиться в Риме с каким-нибудь католическим священником, в частности для того, чтобы заниматься древними языками. Ср. в письме Волошина к А.Н. Бенуа от 11/24 января 1908 г.: «Напоминаю Вам тоже о Вашем обещании дать ей <Сабашниковой> рекомендации к католическим священникам, которых она жаждет» (Т. 9 наст. изд. С. 351).

[6] В открытке, отправленной 11/24 января 1908 г. из Рима В.М. Викентьеву, Сабашникова, упоминая о своем увлечении античностью («Я очень в Греции»), просила прислать ей греческую грамматику (ГМИИ, ф. 36, оп. I, ед. хр. 347).

[7] Этот замысел, насколько известно, не осуществился.

[8] Первый – портрет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см. об этом далее); о другом портрете, задуманном в те дни Сабашниковой, сведений не имеется.

[9] Ср. запись в дневнике Сабашниковой от 29 декабря 1907 г. / 11 февраля 1908 г.: «Икона, кот<орую> я напишу Богаевскому, черное с розовым на золотом фоне, последняя» (ОДГ). С этим замыслом Сабашникова не расставалась долгое время. «Мысль написать для Константина Федоровича икону занимает меня постоянно, – писала она А.М. Петровой 31 мая / 13 июня 1908 г. – И я сделаю это непременно, но я готовлюсь, пусть он будет терпелив» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 20).

[10] В Груневальде, районе (в то время – пригороде) в западной части Берлина находилась школа Айседоры Дункан (ср. примеч. 3 к п. 230). Сабашникова посетила ее вместе с братом 21 декабря 1907 г. / 3 января 1908 г. Ср. запись в дневнике Сабашниковой, сделанную в этот день: «Школа танцев Изидоры Денкан. Мой порыв и Алешино благоразумие» (ОДГ). В письме к А.М. Петровой, написанном предположительно 22–23 декабря 1907 г. (по русскому стилю), Сабашни-

кова рассказывала: «...Неожиданно сегодня я узнала, что Изидора Дэнкан имеет школу танцев для взрослых, что она дает частные уроки и приняла бы меня. Мы с братом у нее были. Ведь танцевать – моя страстная мечта, и я могла бы! И вот мне представилась мастерская К<онстантина> Ф<едоровича> и Бетховен, и Бах, и я в греческом платье. Но когда я сказала Нюшеньке, что вот осталась бы я на месяц здесь и приехала бы позднее в Рим, личико ее исказилось. Я решила ехать и рисовать. Но вся моя душа в танцах. Женщине прилично петь и танцевать, а рисовать неприлично (да еще в очках!). И вся нервность, вся тоска – все это ушло бы в ритм! Но это еще возможно в следующем году. Не умру ли я до тех пор? Что будет?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 7; в оригинале описка: К<онстантина> Д<митриевича> вместо К<онстантина> Ф<едоровича>).

[11] В Нюрнберге Штейнер читал цикл лекций с 4/17 по 17/30 июня 1908 г. (см. примеч. 1 к п. 437).

[12] Этот план не осуществился: осень 1908 г. Сабашникова провела в Германии (см. дальнейшие письма).

[13] По-видимому, Сабашникова напоминает Волошину о его пребывании в Тоскане и Риме в июле 1900 г.

[14] Вероятно, Сабашникова читала «Итальянское путешествие» Гете, в первой части которого описана дорога от Феррары до Рима (см.: *Гете И.В.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. литература. 1980. Т. 9. С. 54–64).

«Для порядка хочу изучать Гете, – писала Сабашникова А.М. Петровой в цитированном выше письме (см. примеч. 10). – Он гармоничный, спокойный и может создать Космос из моего Хаоса, постараюсь поговорить об этом со Штейнером» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 7 об.). Желание Сабашниковой «изучать Гете» было навеяно лекцией Штейнера, прочитанной 18/31 декабря 1907 г. (см. примеч. 3 к п. 398). Лекцию на ту же тему Штейнер читал и в Кельне 12/25 декабря 1907 г. (см. в кн.: *Steiner R.* Natur- und Geisteswesen – ihr Wirken in unserer sichtbaren Welt. Dornach: Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, 1983 (GA 98); в томе собрано 18 докладов Штейнера, прочитанных им между 5 ноября 1907 г. и 14 июня 1908 г. в разных городах Германии).

1908

403. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

4/17 января 1908 г. Рим[1]

Пятница.

Милый мой, как я боюсь каждого написанного слова, как ни в одном выражении не умещается то, что в душе. Я нарочно молчу. Жду, когда ясность и тишина сойдут в душу. И бывают такие минуты, когда я одна в Риме теряюсь и вся обращаюсь в зрение; но как ужасно после этого очнуться, когда все это хочется принести, отдать. Макс, милый, милый родной мой, прости, что я вновь заговорила об этом! Ужас, что надо еще жить, жить дальше и все так же вдали, непереносим. Сознание, что это не случайная разлука с В<ячесла>вом, не временная, что он никогда по-настоящему и не любил меня, непереносимо. Сознавать, как он глубоко страдает и не быть в силах ничем, ничем помочь ему! Я заговорила вновь с тобой об этом, п<отому> ч<то> ты теперь любишь его. Мне иногда хочется прижаться к тебе, к тому, каким ты был раньше, и спросить тебя, что же делать; как нам жить дальше? Тебе не должно быть больно, что я говорю это. Я тебя люблю. Нет, я не буду говорить об этом. К этому нельзя притронуться.

Здоров ли ты? Мне очень не хочется думать, что ты уедешь в Париж.[2]

Слушай: я сегодня видела во сне, что я с ним встретилась, и он был далек, ласков и презрителен и, когда я застонала от горя, ожидая, что он заговорит о себе и о Лидии, он, вдруг отвернувшись, глухо проговорил: «Да, я тоже иногда плачу... и... не помогает».

А потом был опять далек, точно мы чужие.

И будто мы виделись с ним между двух поездов. Я была с вами всеми и с мамой.[3]

Отчего ты редко мне пишешь? Ты не пишешь ни о своих занятиях, о своих знакомых. Что Дикс? Как его оккультизм? Обложку я тебе рисую. Мне она очень нравится пока, но, м<ожет> б<ыть>, слишком нарядно для тебя, там в раковине пейзаж, заходит солнце и маленькие фигуры певцов и слушательниц – античных.

Мы переехали на Via Sistina 68. Это почти крайний дом с Piaz<za> d'Ispagna <*sic!*>[4] Самый фантастический дом, какой мне когда-либо приходилось видеть с переходами и лесенками. В окна видны апельсинные деревья в плодах. Комнаты очень высокие и невероятно холодные; зуб на зуб не попадает.[5] Дни стоят чудные. Сегодня я весь день искала мастерскую. Оказывается, что в Риме мастерских сейчас найти невозможно, все занято, и думать нечего найти. А у нас <с> Нюшей тесно, да и позировать в этой холодине никто не станет.

Я бегаю с утра до вечера, проявляя энергию необычайную. Мне легче на душе, пока я бегу. Бегаю же я все по практическим делам, устраиваю себе даровые входы в музеи и разрешения рисовать. Для Ватикана это удается, и Латеран[6] также. Бегаю в бюро Ватикана, русское посольство, русское légation près de St. Liège* и т.д.[7] Для остальных музеев мне надо получить официальное свидетельство в том, что я художница. Не можешь ли ты спросить у Бенуа и поскорее, как это сделать. Секретарь сказал мне, что для этого достаточно свидетельства от того общества, где я выставляла. «Союз»[8] меня приглашал, не может ли он заявить, что, мол, я действительно художница; пришли мне, голубчик, такую бумажку, и я достану всюду свободный ход.[9] В Ватикане буду пока рисовать смиренно греческие мраморы, орнаменты и т.д.[10] (только теперь поняла я гадость гипса) и лечить мою вывихнутую душу и mon mysticisme mal tourné** этим единственным искусством. Я купила тебе ряд открыток и буду постоянно посылать. Это

* Представительство при Святом Престоле *(фр.)*.

** Мой дурной мистицизм *(фр.)*.

время я читала письма Гете из Италии.[11] Читаю ежедневно «Fioretti»* по-итальянски[12]. Но как удастся мне заниматься живописью, не приложу ума. По вечерам буду рисовать в atelier** и натура.

Я целый день брожу одна. Сегодня встретила Олю Муромцеву. Долго вместе гуляли по Pincio[13], потом она сидела у нас. Она одна здесь (Маня[14] вышла замуж за Витевского). Оля произвела на меня впечатление очень потерянной. Она умна, у нее есть воображение, и вовсе нет сердца; очень большая чувственность и полное разделение чувственности от духовности. Она очень страдает. Она как-то сразу стала говорить о себе; о безверии, об ужасе, что личность ограничена навсегда, и я почувствовала к ней большую жалость и возможность помочь ей или желание помочь ей. Она не язвила, слушала жадно. Она сказала, что для нее чувственность обратно пропорциональна творчеству и что, когда она влюблена, она не может работать и, наоборот, когда работает, не может влюбляться. М<ожет> б<ыть>, таких людей мне жаль больше всего.

— Но нельзя же ничего убивать в себе?

— А вы не думаете, что творчество — чувственность, перешедшая за пределы.

— О да, это совсем так.

— Разве вы тогда убьете что-нибудь. Ничего нельзя убивать, но высветлять.

Вопросы религиозные ее очень мучают, и вместе с тем в ней какое-то бессилие. Завтра она поведет меня в одну мастерскую, где работает. Ей писала мать, что у меня был ребенок.[15]

Часто я бы не могла с ней видеться, с ней делается очень тяжело и холодно.

Макс, напиши мне свои сонеты и все написанное за весну и лето, когда будет время, напиши. Ей было интересно. Она сказала, что она ничему не удивляется, но тому, что мы поженились, она удивлялась бесконечно. 3 дня не могла в

* «Цветочки» *(ит.)*.

** Мастерская, ателье *(фр.)*

себя прийти. О России, т.е. литературе русской, она ничего не знает. Видишь, как много я написала тебе о твоей пассии,[16] несмотря на то, что руки зашли от холода. За все время в Риме я имела только одно письмо от тебя и одно от Адели.[17]

Пиши мне больше о себе.

Целую тебя крепко, дорогой мой. Могу сказать, что я здесь не теряла ни минуты.

Уехала ли Анна Рудольфов<на>.[18]

Мальчик мой Макс, родной мой, друг.

[1] Датируется по упоминанию о переезде на Via Sistina и сопоставлению с датой письма Волошина к А.Н. Бенуа (см. ниже примеч. 9).

[2] См. примеч. 4 к п. 397.

[3] Этот сон Сабашникова записала в свой дневник. Приводим эту запись (от 4/17 января 1908 г.) полностью:

«Вчера успокоение казалось так близко. Я бродила одна по Риму и с радостным изумлением повторяла: я нашла прежнюю цельность? Моя жизнь ни с кем не связана? Счастлива? Да! Да!

И вот ночью мне снится, что мы между двумя поездами спешим зайти к нему. Здесь и Макс, и мама. Он встречает нас; я жду, что он меня обнимет. Но он жмет руку и ведет через маленькую залу-atrium в гостиную. Я помню электрическое освещение. Он очень светски любезен и весел. Времени мало, у меня разрывается сердце. Мама очень довольна. Входит Нина и спрашивает, как мне живется; я отвечаю, что очень, очень хорошо. Она показывает мне букет из веток с какими-то красными плоскими ягодами. Одни бледнее, другие ярче. Он выходит, я иду за ним. Он идет в маленькую темную комнату и зажигает электричество. Я думаю, что вот тут он будет настоящим, заговорит о Лидии и о себе. Но он все так же далек. Я ломаю пальцы, и он смотрит нежнее и спрашивает тем ласковым и презрительным голосом, кот<орый> у него был в Загорье:

– Разве есть что-нибудь новое? И у меня вырывается стон сквозь зубы от горя, от негодования, п<отому> ч<то> я хочу, чтобы он был близким, п<отому> ч<то> мы принадлежим друг другу, и на это он, отвернувшись, глухим голосом говорит: – Вот я тоже плачу иногда... и... не помогает.

У меня нет слов сказать ему, как я его чувствую. И я только говорю: Вячеслав! Что ты сделал со мной! – И тогда он опять с тем презрением, кот<орое> у него всегда бывало, и с тем непониманием

сердца: – Что же, у нас были хорошие дни. И я просыпаюсь от удара по сердцу» (ОДГ).

[4] Площадь Испании (Piazza di Spagna) – одна из центральных площадей Рима. Пансион, в котором остановились Сабашникова и ее спутницы, находился рядом с Площадью Испании. «Если Вы от Piazza di Spagna подымитесь по лестнице, то сразу направо, – сообщала А.Н. Иванова Волошину в недатированном письме, написанном, судя по содержанию, во второй половине января. – На одном уровне с Monte Pincio» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 19 об.; о Monte Pincio см. ниже примеч. 13).

[5] «Живем мы не в палаццо, а в пансионе, где очень мало народу, т<ак> ч<то> чувствуешь себя совсем дома, – рассказывала А.Н. Иванова Волошину в том же письме. – Дом очень старый, с причудливой витой лестницей и смешными закоулками. Окна выходят на сады, в кот<орых> горят на солнце апельсины» (Там же).

[6] Латеран – папский дворец в Риме, резиденция пап (до их «пленения» в Авиньоне в 1309 г.). С середины XIX в. – музей, в котором хранятся языческие и христианские произведения искусства.

[7] Ср. запись в дневнике Сабашниковой от 4/17 января 1908 г.: «Все утро искала мастерскую. Нет. У русского посланника за рекомендацией Monsignor'y Michatelli относительно свободного входа и работы в Ватикане; гарантия того, что я племянница Феди Сабашникова, издавшего Леонардо да Винчи» (Архив Гетеанума; упоминается Ф.В. Сабашников (1869–1929), брат М.В. и С.В. Сабашниковых, издатель рукописей Леонардо да Винчи, почетный гражданин города Винчи).

[8] «Союз русских художников» возник в 1903 г. как объединение части бывших передвижников и членов «Мира искусства»; окончательно закрылся в январе 1924 г. А.Н. Бенуа принадлежал к учредителям «Союза».

[9] Волошин выполнил просьбу Сабашниковой. «Дорогой Александр Николаевич! – писал он Бенуа 11/24 января 1908 г. – Только что получил от Марг<ариты> Вас<ильевны> еще письмо с просьбой, касающейся Вас: ей для работы в музеях надо удостоверение, что она действительно художница. Это удостоверение должно быть от общества, в котором она выставляла. В "Союз" она приглашена, но еще не выставляла. К кому можно было бы обратиться туда? Но мне приходит в голову, что, быть может, Дягилев или даже Вы сами могли бы дать ей это удостоверение как устроители парижской выставки? Если это возможно, то, б<ыть> м<ожет>, для скорости Вы сами отправите ей это удостоверение непосредственно: ее адрес *Via Sistina, 68*» (Т. 9 наст. изд. С. 351). О получении Сабашниковой

такого «удостоверения» от А.Н. Бенуа или С.П. Дягилева, сведений не имеется.

[10] «Маргоря теперь начала работать, – писала А.Н. Иванова Волошину в цитированном выше письме, – имеет также разрешение копировать в Ватикане» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 20).

[11] См. примеч. 14 к п. 402 (в каком издании читала Сабашникова «Итальянское путешествие» Гёте, неизвестно).

[12] «Цветочки св. Франциска Ассизского» – итальянский средневековый сборник («цветник») из 53 глав, повествующих о событиях жизни святого Франциска Ассизского. Создан анонимным автором (или авторами) в XIV в. Русский перевод относится к 1913 г. (М.: Мусагет, 1913; перевод А.П. Печковского; предисл. С.Н. Дурылина. Переизд.: М.: Вся Москва, 1990).

«Учимся с Нюшей по-итальянски, – писала Сабашникова А.М. Петровой 16/29 января 1908 г., – читаем " Il Cuore" и др<угие> вещи. Напишите мне, знаете ли Вы "Fioretti" Франциска Ассизского. Вот что Вам будет по душе. Я пошлю Вам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 39; "Il Cuore" ("Сердце". – *ит.*) – детская повесть итальянского писателя Эдмондо де Амичиса (1846–1908), пользовавшаяся в свое время огромной популярностью и переведенная на многие языки, в том числе и русский; первое итальянское изд. – 1886).

[13] Пинчо (Пинчио) – один из римских холмов (не принадлежащий к семи «классическим»), знаменитый своими садами, виллами эпохи Возрождения (вилла Медичи; вилла Боргезе) и террасой, с которой открывается великолепный вид на город в направлении Ватикана.

[14] М.С. Муромцева.

[15] Ср. дневниковую запись от 4/17 января 1908 г., рассказывающую о встрече и беседе с О.С. Муромцевой в Риме:

«Встретила Муромцеву, дочь председателя первой Думы. Долго не узнавали и узнали друг друга. – Вы были больны? – Да, эти 2 года. – У Вас ведь был ребенок? – Нет. – Разве вы не замужем? – Да, ну что же? – Мне сказали. Мы вместе пошли на Monte Pincio. Она говорит о впечатлительности, силе воображения, которая мешает жить, что она не знает, где она и где не она. – Нужно больше работать, тогда избыток воображения уйдет в творчество. Она мне показалась совсем потерянной и беспомощной. Прежней злобности и скептицизма я в ней не нашла. Ее что-то мучает, и я знаю что: раздвоенная линия на руке. – Можно ли в себе что-нибудь убивать? А для меня творчество с чувственностью несовместимы. – Но всякое творчество художественное есть перешедшая за пределы чувственность. Ей это очень понравилось. – Да, да, это так. Я чувствую,

что она мне вдруг стала жалка, и мне очень захотелось поделиться с ней знаниями, когда она говорит об ограниченности личностью. Так хочется открыть ей тайну, что этот лик – временное ограничение, что путь бесконечен и есть бытие, обнимающее всё; и в каждом из нас есть источник жизни вечной. И если не сказать главного, все слова покажутся праздными утешениями. Я ли этого не испытала сама? Дома говорили о Максе. Она сказала, что наш брак ее страшно изумил, а она обыкновенно ничему не изумляется.

Некоторые люди любят носить маску, мне же очень тяжело жить в форме, не соответствующей содержанию» (ОДГ).

[16] Летом 1902 г. Волошин был влюблен в О.С. Муромцеву – ей посвящено стихотворение «Небо запуталось звездными крыльями...» (1902), вошедшее (с посвящением) в кн. «Стихотворения. 1900–1910» (см.: Т. 1 наст изд. С. 37 и 446; коммент. В.П. Купченко). См. также Т. 7, кн. 1 наст. изд. (по именному указателю).

[17] Адель – А.К. Герцык (ее письма к Сабашниковой за 1908 г. не известны).

[18] Имеется в виду пребывание Минцловой в Петербурге вблизи В.И. Иванова в конце 1907 г. См. запись в дневнике Кузмина от 1 ноября 1907 г.: «Зашел к Вяч<еславу> Ив<ановичу>, там эта баба Минцлова водворилась» (Дневник 1905–1907. С. 420). В ноябре Минцлова ненадолго возвращается в Москву, а 1 декабря вновь уезжает в Петербург, где остается до 2 января 1908 г. «Вчера приехала Анна Рудольфовна и остановилась у Строгановых, – сообщала 3 января 1908 г. Е.Н. Гофман Волошину, – но я ее еще не могла увидеть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 449, л. 7).

404. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5/18 января 1908 г. Рим[1]

Милый мой, дорогой Макс, мысль о том, что ты все еще болен, огорчает меня. Бедный мой мальчик, как хотелось бы прийти к тебе, посидеть с тобой тихонько, молча. Да, молча; и ты прости мне мое молчание. Все, что бы я ни сказала тебе теперь, будет неверно. Я писала тебе часто и не отсылала писем. Вчера написала письмо в 8 стра<ниц> и чувствую, что не надо отсылать его.[2]

Настало время глубокой и трудной, трудной работы. Я рада, что ты в творческом периоде. Твои стихи здесь кажутся

мне не достаточно простыми и скромными. Здесь требование правды становится безусловным. И желаешь того, что французы называют sobre*. Мне нравятся последние 2 строчки первого стихотворения.[3] Всюду же нагромождение слов, слишком громадных уже каждого в отдельности. Нет божественной легкости, есть подражание В<ячесла>ву, кот<орое> пагубно всегда; его тяжесть (90 пуд<ов> в каждой строчке). Ты опять скажешь, что я расхолаживаю тебя. Не обижайся на меня. Мои слова справедливы. В первой строфе 9 тяжеловеснейших прилагательных без передышки, одно за другим.[4] «Слепящий вихрь креста» — это очень верно, очень страшно;[5] но как у вас нет стыдливости и как легко ты говоришь то, чего еще не имеешь права говорить. У меня глубокий протест и негодование против таких стихов.

Отчего ты не пишешь о Violet? Привет маме и ей.
Целую тебя нежно, мой нежный маленький мальчик.
Пиши. Адрес: Via Sistina 68.[6]

Травы мне не нравятся, и особенно то, что они к полдням вынесли «трепеща от сладкого страха, мертвые тайны земли».[7] Это отвратительно. Все неверно. Нет ничего целомудреннее, чище и спокойнее, чем растение; и разве *«мертвые»* тайны у земли. Я задыхаюсь от этих трав. М<ожет> б<ыть>, ты хотел этого? Если бы ты стал простым, невычурным, если бы забыл «оккультные» сведения (п<отому> ч<то> настоящих знаний у тебя нет. Я считаю, что лишь тот, кто сам видел и слышал, имеет право говорить).

В третьем стихотворении мне очень нравится размер.[8] Очень. И вторая строфа. Эта строфа лучшее, что ты вообще написал.

Но третья, как в ней смешано шарлатанство с настоящим.[9]

Я рада, что ты решил издавать стихотворения.[10] Как только мы устроимся, я займусь обложкой, кот<орая> уже очень удачно у меня задумана. Если ты и не захочешь ее, все же она будет сделана. У меня только здесь проснулся вкус к орнаменту.

* Умеренный, сдержанный, трезвый *(фр.)*

Не понимаю, почему ты выписал мне слова А<лександры> В<асильевны>. Не люблю я эту самоуверенную и самодовольную старуху и ее слова о том, что мне свято и дорого, оскорбительны. Я не о ненависти ее говорю.[11]

Присылай мне твои статьи. Что было уже напечатано. Если ты хочешь, чтобы тебя хвалили, то, конечно, этого не делай. Если ты в моих суждениях не видишь горячего участия и правды, то наша связь вовсе не существует, и тогда нужно иметь смелость ясно и навсегда сказать себе это.

О себе, повторяю, говорить я не могу. Если ты помнишь Рим,[12] то можешь себе представить, какая жизнь мне открылась. Новое бытие. Стараюсь обуздать безмерную впечатлительность (переход из одной части Ватикана в другую, из одной эпохи в другую потрясает меня болезненно; и я реально чувствую не дух, но духа времени). И о планах ближайших своих писать не буду. О дальнейших планах написала тебе одному, не говори о них (и вообще я была бы очень довольна, если бы ты обо мне никогда ни с кем не говорил: могу ли я просить тебя об этом?). В Россию я не вернусь до следующего лета. Это лето в Берлине, Нюренберге и август где-нибудь в горах. Зиму опять в Риме. Весной через Грецию в Коктебель. Ça va?* Все это было бы очень исполнимо, если бы не деньги. Знаменитых ста рублей я так и не получила, 30 рубл<ей> отдала Ляйзе за «Тропинки».[13] Начатые повести не могу здесь продолжать. Все ненастоящее здесь немыслимо.

Но что далеко загадывать. Только бы скрепить свое сердце; только бы не цепляться так отчаянно за призрачное.

Что говорят о моем портрете те, кто видели его?[14]

Достань же мне попика для греческого и латыни, как только сможешь выходить.[15] Пиши мне о своих мыслях. Мне хотелось бы, чтобы ты статьи писал так, чтобы за каждую мысль дать голову на отсечение. Я буду так любить тебя, если с тебя сбегут все фразы, все парадоксы.

Милый, милый ты мой.

Ты милый?

---

* Ладно? *(фр.)*.

[1] Ответ на несохранившееся письмо Волошина, написанное в начале января 1908 г. и содержавшее, очевидно, сообщение о своей болезни, выдержку из письма А.В. Гольштейн и три новых стихотворения (см. ниже примеч. 4–8 и 11). Датируется по упоминанию о п. 403, написанном накануне.

[2] Имеется в виду п. 403 (видимо, все же отправленное, поскольку Волошин сразу выполнил заключенную в нем просьбу Сабашниковой и написал А.Н. Бенуа).

[3] Как явствует из дальнейшего, речь идет о стихотворении «Над горестной землей – пустынной и огромной...», впервые опубликованном в газете «Русь» (1908. № 1. 1/14 янв. С. 4; без посвящения). Вошло (с посвящением П.С. Соловьевой) в «Стихотворения. 1900–1910»).

[4] Приводим первую строфу стихотворения:

> Над горестной землей – пустынной и огромной, –
> Больной прерывистым дыханием ветров,
> Безумной полднями, облитой кровью темной
> Закланных вечеров...
>
> (Т. 1 наст. изд. С. 102).

[5] 10-я строка стихотворения: «Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты» (Там же).

[6] Дальнейший текст – на других листах и другой бумаге. Объединен с первой частью письма по содержанию.

[7] Речь идет о стихотворении «Полдень» («Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи...»), впервые напечатанном в журнале «Аполлон» (1909. № 1. Отд. III. С. 10).

[8] Какое именно третье стихотворение было послано Сабашниковой, не вполне ясно.

[9] В 1908–1909 гг. Сабашникова не раз определяла творчество Волошина словом «шарлатанство», упрекала его в несерьезности, тяготении к «игре» и парадоксальности, «оригинальничании». Так, в ее дневниковой записи, сделанной в Гамбурге между 6/19 и 11/24 мая 1908 г., сказано: «На днях увижу Макса. Если теперь он не вспомнит – эта его жизнь пропадет. Его слова не строги, и все, что он делает, – шарлатанство» (ОДГ; «не вспомнит» означает в данном контексте «не вернется на путь религиозного искания»). Ср. в ее письме к А.М. Петровой от 17 февраля / 2 марта 1909 г. (о Волошине): «Честный безукоризненно в жизни, он в мысли шарлатан» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 49 об. – 50; ср. также мнение Сабашниковой о Волошине в примеч. 4 к п. 462).

Слово «настоящий» повторяется и в других отзывах Сабашниковой о Волошине. «Меняется ли он <Волошин>? – спрашивает она,

например, А.М. Петрову в письме, датированном «1910 г.» (по содержанию – декабрь). – Становится ли настоящим?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 42 об.). Еще более подробно Сабашникова пишет об этом Петровой 24 января / 6 февраля 1911 г.: «Вы говорите, что у него <Волошина> есть сердце. Я не нашла сердца. Есть добродушие, но не сердце. Потому он и делает невозможные вещи, не подозревая; и бестактность его так велика, что говорить с ним об этом безнадежно. Я сейчас говорю не о дуэли. Он точно слепой. Нет, это какой-то недоросль, и нельзя с ним считаться как с мужчиной, мужем; всё будут фразы и парадоксы, всё "лики творчества" и ничего настоящего. Я не знаю, что нужно еще, чтобы он стал настоящим. Все серьезные люди возмущаются его выступлениями. Я все надеюсь, что он изменится» (Там же, ед. хр. 39, л. 6; упоминается дуэль между Волошиным и Н.С. Гумилевым, состоявшаяся в Петербурге на Черной речке 22 ноября / 5 декабря 1909 г.).

Ср. также эпитет «настоящий» в отзывах Сабашникова о В.И. Иванове (примеч. 3 к п. 403) и Богаевских (см. п. 461).

[10] Ясно, что Волошин сообщил Сабашниковой о своем намерении издать в ближайшем будущем книгу своих стихов. «...Я поставил себе как долг до отъезда во что бы то ни стало издать две книги – *Книгу стихов* и *Сборник моих статей*, – писал он А.В. Гольштейн 29 декабря 1907 г. / 11 января 1908 г. – Чувствую, что, не сделав этого, не имею права уезжать. Надо ликвидировать эту эпоху и подвести итоги. Это чувство есть в душе» (Т. 9 наст. изд. С. 342). Однако до отъезда в Париж в мае 1908 г. эти замыслы Волошину осуществить не удалось.

[11] Очевидно, в письме к Сабашниковой Волошин цитировал неприязненный отзыв А.В. Гольштейн о В.И. Иванове. «Я знаю и понимаю, что Вы называете "Злым Гением" в Вячеславе, – отвечал он А.В. Гольштейн 27 декабря 1907 г. / 9 января 1908 г. – Но ведь Вы же знаете, что в нем есть и другое. За это другое я продолжал его любить в минуты наибольшей боли и враждебности, нас разделявшей. Я знаю, что его близость страшно гибельна для всех, кто близок ему, особенно для тех, кого он любит. Он не умеет обращаться с людьми, он ломает и коверкает их. Надо страшную силу иметь в себе и страшную любовь к нему, чтобы бороться и противустоять ему. Но эта Злая сила в нем, но не от него» (Т. 9 наст. изд. С. 337).

[12] Волошин был в Риме в июле 1900 г. (см.: Труды и дни-1. С. 77).

[13] Видимо, экземпляры тех номеров журнала «Тропинка», в которых печаталась повесть Сабашниковой «Дэзи» (см. примеч. 3 к п. 202).

[14] См. примеч. 3 к п. 396.

[15] См. примеч. 5 и 6 к п. 402.

405. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

11/24 января 1908 г. Рим[1]

Мой милый, сегодня мама получила письмо от Ляйзы, из кот<орого> я узнала, что А<нна> Р<удольфовна> уже в Москве,[2] и поняла, что ты еще болен.[3] Неужели это возможно? Неужели ты все не спишь, задыхаешься, сидишь дома? Как ты исстрадался, как мне хочется все бросить, чтобы лететь к тебе. М<ожет> б<ыть>, тебе лучше уехать из Петербурга?[4] И в Италию, тогда выпиши деньги из Парижа. Целую тебя. Последнее известие была телеграмма от тебя.[5] Отчего ты не пишешь мне? Будь здоров.

[1] Открытка с видом Старой Аппиевой дороги и гробниц. Почтовые штемпели: отправления – Roma 24.1.08; получения – СПб. 15.1.08. Адрес: «Russie. Petersburg. Россия. Петербург. Невский 73. Меблированные комнаты "Эрмитаж". Максимилиану Алексан<дровичу> Волошину».

[2] См. примеч. 18 к п. 403.

[3] Это письмо Е.Н. Гофман к М.А. Сабашниковой не сохранилось.

[4] Ср. в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 3/16 января 1908 г.: «Бедный, бедный Макс, он болен с тех пор, как в Петербурге. У него астма и бронхит; он не спит ночей и совершенно измучен. Рвется в Париж» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 41 об.).

[5] Эта телеграмма, отправленная, возможно, М.А. Сабашниковой или А.Н. Ивановой, не сохранилась.

406. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

12/25 января 1908 г. Рим

12 января 1908 г.

Дорогой Макс, после твоей телеграммы, что ты все еще болен,[1] я не имею от тебя письма и начинаю думать Бог знает что. Зачем ты меня напрасно мучаешь? Впрочем, это так не похоже на тебя, что я думаю, не пропадают ли твои письма, хотя и Нюша, и мама получают их на Poste Restante очень аккуратно.[2] Ведь ты же знал, что нужно писать на Poste Restante?[3]

Вчера мы встретили Латри. Они[4] были у нас, и мы потом долго вместе гуляли. Он художник чистой воды, какого я еще не встречала. Его наблюдательность и отчетливость его взора, и особенный изысканный вкус меня удивляют. Это так не похоже на меня, и мне все труднее и труднее найти себя. Как нигде я расплываюсь здесь и прихожу в отчаяние от неумения ограничиться, устроиться. Если бы я знала, что Рим будет на много, много лет, тогда бы у меня не было этого чувства беспокойства и ужаса что-то потерять. Я бы спокойно делала то, что представляется в данную минуту, и развивалась бы естественно; но теперь я знаю, что пробуду здесь 2 месяца, а потом.....

Если эти 2 месяца изучать Рим, то уже, конечно, нельзя работать; если работать, то только сделать 2–3 этюда или написать портрет и не видать Рима.

Рим, м<ожет> б<ыть>, единственный город родной мне. Такой родной, что я хотела бы всю жизнь прожить в нем; и если бы ты видел его, то изменил бы своему Парижу, где такая, по правде сказать, суетность и сухость. Макс, разве это пустяки, что небо всегда, всегда синее? По дороге на Pincio на склоне растет в огороде капуста, а между ней деревья с апельсинами.

Сегодня я все утро была на Капитолии; никого не встретила и смотрела вверх на кипарисы и небо. И в нем тонуло чуть видное облачко. А внизу в тумане розовые развалины, и потом легкие силуэты развалин и пиний до гор на горизонте. На горах снег. Мы просыпаемся под пение птиц каждое утро; а ведь весна еще не наступила. На улице все ласковы, все тебе желают добра; атмосфера нежности окутывает тебя. И потом в этом городе все так «прочно». Ничему эфемерному здесь нет места.

Потом, Макс, здесь можно жить* уединенно. Библиотека здесь единственная по истории, религии и искусству, и так легко получать книги. М<ожет> б<ыть>, ты и изменишь своему Парижу, где сыро и серо, где консьержки кричат, люди презирают и где хорош только XVIII век, который, думаю я, для нашего времени исчерпан и не может быть для нас источником, как Греция и Возрождение. Для меня важны и нужны 2 вещи: древность, в кот<торой> хотела бы жить здесь и в Гре-

* Далее вымарано несколько слов.

ции, и немецкий мистицизм. 2 вещи такие несовместимые и вместе с тем такие мне родные и нужные. Поэтому я хотела бы зимы проводить здесь, а летом в Германии. Я не верю, чтобы тебе Франция и латинство были близки. Ты случайно хорошо устроился в Париже, но у тебя в душе нет ничего общего с этой нацией, и если ты стремишься туда, то из-за «легкости», а м<ожет> б<ыть>, здесь эта «легкость» честнее, примитивнее и не оставляет возможности процветать дилетантизму и спекуляции. Здесь иначе дышишь, иначе живешь.

А, впрочем, после всей этой апологии я скажу про себя, что никогда мне не было тяжелее и труднее жить, никогда жизнь мне не являлась суровее. Но ведь это не от Рима, и я не знаю, как бы я переносила этот тяжелый период в другом месте.

Макс, не забывай меня, приласкай. Я целую тебя нежно; что с тобой? Как ты живешь? Все ли благополучно? Ведь я ничего, ничего не знаю, А<нна Рудольфовна тоже не пишет мне.

Нюша и мама веселы и здоровы. У меня нервы в очень плохом состоянии.

[1] См. примеч. 4 к п. 405.

[2] Письма Волошина к А.Н. Ивановой и М.А. Сабашниковой за этот период не известны.

[3] В первой половине января 1908 г. Волошин, по всей видимости, не писал Сабашниковой; кроме того, нельзя исключить, что его письмо (или письма) могли затеряться. «Куда вы, Макс, посылали письма Маргоре за границей, — спрашивала его Е.Н. Гофман 18/31 января 1908 г. — Они пишут, что от вас давно нет писем. Их адрес: Roma, via Sistina 68, pension M-me Gasperoni» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 449, л. 8).

[4] Т.е. М.П. Латри и его жена Е.Н. Латри, с которой Волошин и Сабашникова встречались, по-видимому, в конце 1906 — начале 1907 г. в Петербурге. В письме к А.М. Петровой от 14 декабря 1906 г. Волошин обещал познакомить приехавшую в Петербург Латри «с возможно большим числом интересных людей» (см.: Т. 9 наст. изд. С. 262). В письме к Волошину от 2 марта 1907 г. А.М. Петрова спрашивала: «Что Катя? Она очень и очень довольна тому, что попала в Ваш круг, и я очень рада за нее. Понравилась ли она Марг<арите> Вас<ильевне>» (Там же. С. 282).

407. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

16/29 января 1908 г. Рим

16 января.

Дорогой мой Макс, твоя болезнь очень огорчает меня и беспокоит. Выпиши деньги из Парижа и уезжай туда. Что такое тебе нужно ликвидировать? Разве ты там не можешь писать то же, что здесь? Из-за печатания книги оставаться не следует; правда же важнее здоровье. Ты можешь его совсем расстроить. Целую тебя нежно; я посылаю тебе фотографии антиков.[1] Писать о Риме не умею, да и мало вижу его последнее время, п<отому> ч<то> начинала кое-что делать по утрам и так устаю, что дальше потом ни на что не способна. Вчера был первый темный день. Дует сирокко. Выйдя утром на улицу, я увидала танцующих вальс под шарманку, коломбину с арлекином в ярких лоскутьях и белого Пьеро. У всех, и у них, и прохожих, были трагичные лица, и Муромцева мне сказала потом, что у итальянцев всегда трагические лица, когда нет солнца.[2]

На твои вопросы, мой милый, я не стану отвечать.[3] Я написала тебе не одно, а много писем в ответ и чувствую, как всё это слова, в сущности, ничего не выяснялось, и как не в словах дело. Как мне завоевать твою любовь? И имею ли я на нее право? Моя личная жизнь какая-то сплошная рана, к которой я не могу прикоснуться, и теперь я думаю об одном, как бы найти хотя бы некоторое равновесие, чтобы не погибнуть окончательно, п<отому> ч<то> я чувствую иногда, как я близка от греха против Св. Духа.

Относительно ремесла и искусства... в литературе нельзя это разделять. Как, например: статью о Богоевском <*sic!*> ты считаешь ремеслом или искусством?[4] Твои фельетоны слишком насыщены идеями, и они выиграли бы и по форме, и идеи эти же самые выиграли бы, и тебе была бы возможность писать еще больше, если бы ты развивал эти идеи легче, проще, детальнее, иногда раза 2 повторяя ее и так и сяк, без трескучих фраз, п<отому> ч<то> эти сложные эпитеты, как бы ни были они изысканны и эффектны, все-таки дурной вкус.

Попробуй писать о вещах очень элементарных, попробуй писать, как писали старые немцы – наивно (я не о теперешних говорю).

Относительно стихов ты не понял меня. Там, где твоя собственная интуиция, будет и *страх* должный, но там, где ты занимаешь знания, знания, кот<орые> не пережил, нет должного страха, и «Сатурн»,[5] «кровь»,[6] «ветры сторожа земли»,[7] это не то. Ну, как ты не хочешь меня понять. Нельзя произносить слова и давать их на растерзание, те слова, кот<орые> ты не пережил и не нашел сам. И еще одно другое условие: «Божественное приходит легкой поступью»,[8] и хорошая поэзия по существу должна быть прозрачна и легка. «Кормчие звезды»,[9] несмотря на все сокровища мысли, образов и языка, не совершенны, не выживут, не будут нужны, п<отому> ч<то> они лишены очень важного.

Жду не дождусь, когда люди снова будут легки. Очень трудно писать легко и просто. Да? Но ты не огорчайся, ты будешь, и я только хочу предотвратить опасность. Как я буду любить тебя, когда ты станешь серьезным и веселым и когда у тебя появится милая простота Пушкина и Гете. Если есть в переводе теория света Гете, прочти ее непременно.[10] Какая красота его мысли, его пути и его язык в научных статьях.

Я бы не хотела встретить тебя, пока я все такая, как сейчас. Меланхолия и недоверие к себе убийственно влияют на других. Ты знаешь, что того, что было до Петербурга, быть не может, реки не текут обратно, и для меня это сознание так же ужасно и больно, как для тебя. Все люди живут настоящим, когда они счастливо любят, и я уверена, что все живут в ожидании истинной любви, а когда этой надежды на земле нет, то ждут смерти, которая есть дверь к новой надежде на любовь. Смерть осенила нашу жизнь.[11] Надо научиться жить в этом новом свете. Я не умею, у меня не хватает терпения, и мне хочется бросить работу до вечера. А, может быть, освобождение ближе, чем мы думаем.

Целую тебя, дорогой мой. Мне очень хочется, чтобы ты был бодрым. Не питай в себе дурных чувств ко мне. Оставь мне дом мой. Если можешь, прости.

<*Приписки на первом и втором листах*:> Поклон маме и miss Hart. Я писала им из Флоренции. Все твои письма и открытки, что ты писал на Poste Restante в «Helvezi<a>»[12], пропали, я справлялась и тут, и там. Напиши, как ты виделся с А<нной> Р<удольфовной> в *последний* раз. Она разлюбила меня? Что Ольга Мих<айловна>?[13] Позови к себе Райчвича <*sic!*>.[14]

Письмо Брюсова нахожу очень грубым и подлым. Тон твоего ответа очень хорош, но я не могу согласиться с содержанием.[15] С Муромцевой видаемся очень часто. Я очень люблюсь ей и ее умом. Она очень, очень мне мила.

[1] Вероятно, художественные открытки с изображениями античных статуй (ср. п. 398).

[2] Сабашникова пересказывает запись в своем дневнике, сделанную накануне, 15/28 января: «Утром солнца нет. Я иду писать портрет Муромцевой. На нашей улице играет шарманка. Человек в белом костюме Пьеро что-то кричит, и два арлекина в ярких костюмах танцуют. И у них, и у прохожих трагические лица. Муромцева говорит, что когда нет солнца, итальянцы всегда трагичны» (ОДГ).

Этим же впечатлением Сабашникова поделилась и с А.М. Петровой в письме, написанном в тот же день (16/29 января):

«На нашей улице я видела танцующих вальс под шарманку арлекина и коломбину. У них и у прохожих были трагические лица. Мне сказали, что итальянцы становятся сейчас же трагичными, когда солнце не светит. А когда хорошая погода, все страшно веселы, все улыбаются и даже со всеми нищими у меня романы, улыбки и т.д. Есть безногие с собачками в офицерских шапочках, все веселятся. До чего итальянцы чувствительны, патриархальны, Вы не можете себе представить...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 38–38 об.).

[3] Эта фраза (как и следующие далее слова о том, что Волошин «не понял» ее отзыва о его стихах) означает, что к 16/29 января Сабашникова получила его отклик на свое письмо от 6/19 января (это письмо Волошина не известно).

[4] См. примеч. 2 к п. 339.

[5] Имеется в виду стихотворение Волошина «Сатурн» («На тверди видимой алмазно и лазурно...»), написанное в апреле 1907 г. Впервые: Вестник теософии. 1908. № 3. С. 72 (с посвящением М.А. Эртелю).

[6] Речь идет о стихотворении «Кровь» («В моей крови – слепой Двойник...»). См. примеч. 16 к п. 310.

[7] «И ветры – сторожа покинутой земли» – строка из стихотворения Волошина «Над горестной землей – пустынной и огромной...» (см. примеч. 3 к п. 404).

[8] Известный афоризм Ницше из его эссе «Казус Вагнера» («Der Fall Wagner», 1888): «"Хорошее легко, все божественное ходит нежными стопами" – первое положение моей эстетики» (*Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 528). У Ницше: «Das Göttliche läuft auf leichten Füßen».

[9] Сборник стихотворений В.И. Иванова (1903).

[10] Известный труд Гете «К учению о цвете» или «К теории цвета» («Zur Farbenlehre») появился в 1810 г.; в 1820 г. Гете напечатал «Дополнения» к этой книге. Первая публикация «Учения о свете» на русском языке – в кн.: *Гете И.В.* Избранные сочинения по естествознанию. Пер. и коммент. И.И. Канаева, ред. – акад. Е.Н. Павловского. М.: Наука, 1957. Эту книгу хорошо знал и не раз ссылался на нее в своих лекциях Р. Штейнер, который в 1880-е гг. издавал естественнонаучные труды Гете, снабжая их вступительными статьями и обширным комментарием (см.: Goethes naturwissenschaftliche Schriften. Von Rudolf Steiner mit Einleitungen, Fußnoten und Erläuterungen im Text herausgegeben. Berlin; Stuttgart, 1883–1897; вышло в общей сложности четыре тома (Т. 114–117 в серии «Немецкая национальная литература», издававшейся Й. Кюршнером). См. также GA 1 (вступ. статьи Штейнера к томам Гете).

[11] Подразумевается смерть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

[12] Вероятно, название отеля или пансиона, в котором Сабашникова, ее мать и А.Н. Иванова останавливались по прибытии в Рим – до переезда на Via Sistina (см. п. 403).

[13] О.М. Струкова.

[14] Имеется в виду А. Райчевич (возможно, что Сабашникова познакомилась с ним в Феодосии летом 1906 или осенью 1907 г.).

[15] Речь идет о полемике между Брюсовым и Волошиным в конце 1907 – начале 1908 г. Получив от Брюсова экземпляр его книги «Пути и перепутья. Т. 1» (М.: Скорпион, 1908; фактически – первая половина декабря 1907 г.), Волошин откликнулся на нее пространной статьей-рецензией (Русь. 1907. № 248. С. 3–4), в которой сообщил, в частности, о своем знакомстве с Брюсовым, описал его внешний облик, привел ряд его частных суждений и т.д. Статья Волошина задела Брюсова. «Я считаю совершенно необходимым напечатать протест против Вашей статьи, – писал он Волошину 1 января 1908 г. – и пересылаю его Вам в виде "письма в редакцию Руси". *Если Вы хотите сохранить со мною добрые отношения*, я прошу Вас устроить это письмо в "Руси"» (см.: Переписка <Брюсова> с М.А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадов-

ского и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. С. 377). «Протест» Брюсова появился в «Руси» через несколько дней (1908. № 3. 4 янв. С. 5); в том же номере был помещен и волошинский «Ответ Валерию Брюсову» – попытка объяснить и обосновывать свой творческий метод (см. подробно: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 648–652; (коммент. А.В. Лаврова и В.А. Мануйлова к статье Волошина о «Путях и перепутьях»). Ответ Волошина – в отличие от резкого тона брюсовского «Письма в редакцию» – был подчеркнуто корректен, так что состоявшаяся «дуэль» поэтов не повлияла на их дальнейшие отношения.

В мемориальной библиотеке ДМВ сохранился экземпляр «Путей и перепутий» (два первых тома, сплетенных вместе) с дарственной надписью Брюсова на французском языке: «A Maximilien Wolochine confraternellement Valère Brussov 18 novembre 1908» («Максимилиану Волошину дружески. Валерий Брюсов 18 ноября 1908»). Аналогичная надпись была сделана (по-русски) и на третьем томе «Путей и перепутий», изданном в марте 1909 г.: «Максимилиану Александровичу Волошину дружески Валерий Брюсов. 1909, Пб.» (Там же).

408. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 января / 6 февраля 1908 г. Рим

24 января.

Милый Макс, как ты чувствуешь себя? Сегодня я получила открытку от Адели[1], из кот<орой> узнала, что вы были вместе пять дней в Сестрорецке и что ты там очень поправился.[2] Правда ли, что тебе лучше? Я что-то опять давно не имела от тебя известий, и сама тоже не помню, когда тебе писала.

Дни проходят в занятиях. Еле поспеваешь, а к вечеру устаешь так, что чуть ли не сейчас же после ужина ложишься в постель. Рима я последнее время не вижу, т.е. не бываю в музеях и церквах, но чувствую его все время. Погода эти дни была все время очень плохая, настоящее ненастье.

Как ты угадал, что Муромцева будет играть роль в моей жизни! Но мне ни о чем не хочется говорить; я так боюсь спугнуть словами жизнь. Почти каждый день мы с Латри рисуем

его жену, делаем ряд строгих рисунков с его жены. Изготовляю также один chef-d'œuvre, но уж тебе, да и никому не скажу. Вот что, милый, узнай крайний срок приема картин на выставку молодых, где в прошлом году мы видели вещи Богаевского.[3] Латри говорит, будто бы она всегда открывается на масленице, я же помню, что мы с тобой были в один из первых дней открытия позднее. Если можно прислать перед самым открытием, я бы хотела кое-что прислать, согласилась бы, чтобы в каталоге не было. Тогда бы выставила и мой портрет,[4] закажи, прошу тебя, на него рамку на всякий случай, но отнюдь не надо его выставлять в единственном числе. Слышишь, я этого не хочу.

Напиши мне про Бенуа, ты, верно, у него был. Что он делает в Петербурге? Так же ли он мил, как в Париже? Что его дети? Как он относится к тебе? Видаешь ли Ты Ремизовых? Вообще пиши мне больше о своих знакомых, которых, верно, ты теперь видаешь.

Пошли мне для Оли[5] «Лимонарь», Городецкого «Ярь».[6] Ведь она ничего не знает из современной литературы. Скоро ли выйдут книги «По звездам» и «Cor ardens»,[7] если последняя не скоро, то пошли и «Эрос»[8]. Как обстоят твои денежные дела? Я бедствую. Бабушка отменила мне свои подарки, и у меня нет карманных денег, все на мне разорвалось, грязное; зубы болят, и всего ущерб. Когда я думаю на эту тему, то не вижу никакого выхода. Рисовать обложки мне не по глазам, да и нельзя на это жить. Писать тоже не пишется. Просто отчаяние. Ты говоришь, родные будут тебе присылать, но ты ведь знаешь, что и мама живет на Нюшин счет.[9] Что папа больше не служит и, чтобы достать деньги на Алешин экзамен, продали какой-то лес. Ну, посоветуй, что мне сделать. Я не удручаюсь этим, но вижу, что es ist höchste Zeit* что-нибудь предприни<мать>.

Жить на счет Нюши я не могу. Она из-за меня многого лишается, да и меня это стесняет. Папе же эта мысль была бы очень тяжела. Мама все меня спрашивает, как ты устроился. Но я ни за что, ни за что не хочу, чтобы ты из-за меня в чем-

* Самое время *(нем.)*.

нибудь стеснялся. Ты должен быть совсем свободен. Что же мне делать?

Знаешь, Муромцева мне много рассказывала об Аничковой, она с ней очень близка, и она говорила, что это все страшная ложь, что рассказывают про нее, что это на нее врет муж, который врет прямо истерически, что судьба Аничковой — судьба Нины Евреиновой, что <она> святая, что к любви у нее ужас и отвращение, п<отому> ч<то> она видела от мужа один ужас, но она его все-таки всегда выгораживает; и вообще все, что Оля мне про нее рассказывала, так чудно, и Оля сама, когда говорит о ней, вся светится. Ну зачем твоя Александра Вас<ильевна> все это рассказывала! Мне это страшно больно. При случае скажи и В<ячесла>ву правду. Аничков не ответственный за свои слова, он сам не знает, как врет. Оля..... Но об ней не хочется говорить. Я ношу ее в душе и молчу об ней. Сегодня мы ходили далеко вдоль Тибра за город.

Я учусь, как маленькая девочка, разным предметам. Прости, что пишу тебе неинтересно. О главном, о важном я сама с собой не говорю словами. Несу что-то великое и большое и молчу. Не питай в себе дурных чувств против меня. Прости мне мое зло. Постарайся простить. Целую тебя. Здоров ли ты?

[1] Эта открытка А.К. Герцык не известна.

[2] Точные даты пребывания Волошина и А.К. Герцык в Сестрорецке (где в то время отдыхала В.С. Гриневич) не установлены. Основываясь на данном письме Сабашниковой, В.П. Купченко указывает приблизительно 18–22 января 1908 г. по русскому стилю (см.: Труды и дни-1. С. 197). Однако письмо А.К. Герцык к В.С. Гриневич от 19–20 января уточняет, что она вернулась в Петербург 19 января, тогда как Волошин еще задержался в Сестрорецке (Сестры Герцык. Письма. С. 99–101). Можно предположить, что Волошин пробыл в Сестрорецке более пяти дней (предположительно с 15 по 21 января 1908 г.).

[3] См. примеч. 9 к п. 397.

[4] См. примеч. 3 к п. 396, п. 404 и ряд дальнейших писем, где Сабашникова пишет о «своем» портрете.

[5] Речь идет об О.С. Муромцевой.

[6] Волошин выполнил просьбу Сабашниковой (см. п. 414).

[7] Книга В.И. Иванова «По звездам. Статьи и афоризмы» вышла в 1909 г. (СПб.: Оры); книга стихов «Cor Ardens» (ч. 1) — в 1911 г. (М.: Скорпион).

[8] О стихотворном сборнике В.И. Иванова «Эрос» см. примеч. 4 к п. 304.

[9] А.Н. Иванова и Е.Н. Гофман обладали собственными средствами, оставшимися после смерти их родителей. Этими деньгами распоряжался В.М. Сабашников, регулярно переводивший каждой из них определенную сумму.

409. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

30 января / 12 февраля 1908 г. Рим[1]

30 января.

Милый Макс, что-то давно нет от тебя известий, из письма Violet знаю, что ты, наконец, здоров, спасибо ей большое за хорошие вести, за милое письмо.[2] Я напишу ей скоро. Я переработала за это время, был большой подъем в работе, как всегда, перестала спать и теперь очень, очень устала. Нашла и наняла пополам с Латри мастерскую. Мне это было необходимо ввиду портрета Лидии.[3]

Я хотела на днях посылать тебе одну вещь для выставки «Молодых»,[4] но Латри получил телеграмму, что уже поздно,[5] а я имела надежду поспеть и со второй вещью; напиши мне или телеграфируй, если можно, как обстоят дела с выставками, м<ожет> б<ыть>, будет еще какая-нибудь приличная весной. Что-то «Молодые» рано в этом году. Можно ведь послать и не к началу? Сегодня мы, было, с Латри «открыли» серию этюдов в парке Боргезе,[6] да совсем замерзли, там уж очень сыро. Недавно вечером бродили по Капитолию. Получил ли ты сверток фотографий, что я послала тебе заказным недели 2 тому назад?[7] К спеху ли обложка? Милый мой, целую тебя. Прости за коротенькое и сухое письмо. Я так рада, что ты здоров, наконец. Не могу писать, п<отому> ч<то> нет тишины в душе, грустно.

Пиши о людях. Только не пиши открыток, это здесь неудобно. Я твердо решила провести месяц в Берлине со Штейнером, я одна не могу восстать.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Roma 13.2.08. Петербургский штемпель отсутствует. Ср. также в дневнике Сабашниковой: «30 января. Пишу М<аксу>» (ОДГ).

[2] Письма В. Харт к Сабашниковой не сохранились.

[3] Имеется в виду портрет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, написанный Сабашниковой (по фотографиям и воспоминаниям) в Риме весной 1908 г. См. в ее воспоминаниях: «В Риме я написала портрет Лидии в позе Моисея Микеланджело. Я начала его в красном – ее цвет при жизни. Но торжественная серьезность картины требовала темно-лиловых тонов» (Зеленая Змея. С. 166; упоминается мраморная статуя ветхозаветного пророка Моисея, созданная Микеланджело в 1513–1515 гг. для гробницы папы Юлия II в римской базилике Сан Пьетро-ин-Винколи). В настоящее время этот портрет хранится в римской квартире Д.В. Иванова. См. также примеч. 5 к п. 334 и примеч. 13 к п. 447.

[4] Речь идет о выставке Нового общества художников в Петербурге (см. примеч. 9 к п. 397).

[5] Выставка Нового общества художников открылась в Строгановском дворце (Невский пр. 23) 12/25 февраля 1908 г. Волошин был на открытии выставки вместе с Е.К. Герцык. «Вчера днем я была с Максом на открытии выставки, где Богаевский – и опять весь этот мир, и меня с разными знакомили <...>», – писала Е.К. Герцык В.С. Гриневич 13/26 февраля 1908 г. (Сестры Герцык. С. 509).

[6] Парк Боргезе или Вилла Боргезе – ландшафтный парк на холме Пинчо, разбитый в XVII в. и украшенный римскими статуями. В течение долгого времени принадлежал княжескому роду Боргезе; в 1903 г. был приобретен государством и передан в дар городу. На территории парка находится ныне ряд зданий, в том числе – знаменитая Галерея Боргезе, в которой размещается художественное собрание князей Боргезе (живопись и скульптура).

[7] Видимо, «фотографии антиков» (см. примеч. 1 к п. 407).

410. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

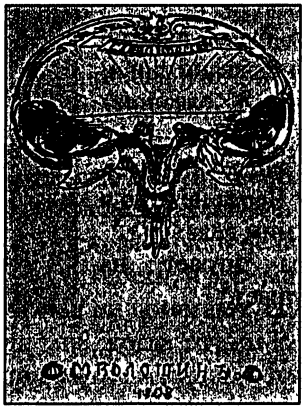
Январь (после 7/20) – начало февраля 1908 г. Рим[1]

Дорогой мой, посылаю тебе эскиз обложки.[2] Если тебе такая идея понравится, то я сделаю это тщательнее и в большом виде.[3] Формат же такой очень удобен и симпатичен, у меня есть несколько томиков Гете в таком издании, и «Фауст»,

между прочим, печать стихов очень приятная. Наверху будет написано «стихотворения», на ленте, а внизу между двумя раковинами — Волошина (или Волошин?), и имя будет меньше, чем я сделала. Постараюсь сделать это очень нежно и тонко, и золота чуть-чуть? Хочешь? Или у тебя есть другие мысли, тогда напиши мне и пошли формат, кот<орый> выберешь.

Я не могу тебе сказать, как меня тревожит твое молчание. Все ли здоровы? Глубокая грусть окутывает весь мир. Но что же об этом говорить. Тебе не легче. Даже вещи, кот<орые> искренно радовали раньше, потеряли силу. Вероятно, жизнь предлагает не радоваться, а работать, и я не говорю высокого слова «творчество», п<отому> ч<то>, чтобы этот свет проник в душу, нужно сначала одержать победу над тем, что сейчас мне кажется непобедимым; я говорю о черной подпольной работе.

Целую тебя нежно. Пиши мне чаще, чтобы самые черные мысли не приходили мне в голову. За этот год[4] я получила лишь одно письмо от тебя![5] Сегодня видела нашу Furi'ю Andormentata.*[6] Как прекрасна! Пока не нашла внутреннего равновесия и спокойствия, решила по утрам рисовать в Ватикане греков, после 12<-ти> читать в библиотеке Винкельмана и Гете. Как мне дорог Гете.



* Спящая фурия *(ит.)*

[1] Датируется по связи с п. 404 («Как только мы устроимся, я займусь обложкой...»)

[2] Эскиз (перо, чернила) выполнен на первом листе письма.

[3] На отдельном листе (та же бумага) – крупно выполненная верхняя часть рисунка, с припиской (на обороте): «Не поехать ли тебе хоть в Москву, чтобы переменить воздух. А?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1063, л. 125–125 об.).

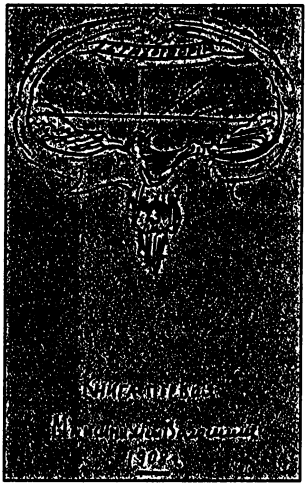
[4] Имеется в виду новый, 1908-й год.

[5] Вероятно, утраченное письмо Волошина, на которое Сабашникова отвечает в п. 404.

[6] «Спящая фурия» или «Спящая Эриния» – название мраморной головы (предположительно II до н.э.), хранящейся в Национальном Римском музее, куда она поступила из собрания Людовизи; одно из названий – «Медуза Людовизи».

411. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Конец января – начало февраля 1908 г. Рим[1]



Я пришлю тебе рисунок этой штук<и> в большом виде, а надпись ведь ты можешь сделать сам, если хочешь. Мне очень нравится такой цвет, как я уже послала тебе. Или с золотом нельзя?

А я все-таки очень против отделов с пышными названиями и, ради Бога, избавь от «Ж<елезной> Д<ороги>».[2]

Когда Бенуа видел портрет, днем или вечером? Через неделю я напишу тебе, что с ним дела<ть>.[3]

Одна фигура играет на дудочке, другая слушает.[4]

[1] Датируется предположительно по связи с п. 410. Возможно, – часть этого письма.

[2] Имеется в виду стихотворение Волошина «В вагоне» («Снова дорога. И с силой магической...», 1901). Ср. примеч. 2 к п. 129.

[3] См. примеч. 3 к п. 396.

[4] Фраза относится к рисункам, на которых изображены соответственные фигуры.

412. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 29 января / 10 февраля 1908 г. Рим[1]

Макс, милый, от тебя нет писем уже 10 дней, и за весь этот месяц всего одно письмо.[2] Я чувствую себя оторванной, забытой; и снова страшное состояние возвращается. Это как злая лихорадка, от кот<орой> я гибну.

Дорогой мой, с какой нежностью, с каким глубоким благоговением я думаю о тебе, о всем, что ты для меня сделал. Никто не виноват в том, что я не могу бороться с моей тоской. Теперь мне надо решать лето. Мучительные разговоры с мамой, кот<орая> требует, чтобы я связала свою жизнь с ней, и не может, не хочет понять, что мне эта жизнь с ней невозможна. При ней я теряю возможность даже соображать; ее присутствие для меня страшно тяжело; я не могу дать себе отчета почему. Я, было, решила провести с ними это лето, но после разговора с ней поняла, что это еще не под силу мне. С папой я жила бы с такой радостью, так бы хотела этого; но при ней это невозможно. Это будет прошлогодней тюрьмой. Я не надеюсь, что ты захочешь провести это лето со мной в Коктебеле, а если есть исцеление для меня, м<ожет> б<ыть>, это было бы так. Но я снова ничего не понимаю. Моя разбитая душа не находит цельности, и весь мир кажется разбитым. Ни работа, ни молитва не помогают. Если ты решил ехать в Париж, то напиши мне, когда точно. И напиши мне также, твердо ли Ты решил жить следующие годы в Париже.[3] Мама сказала мне, что папа впадет в меланхолию, не вынесет, если узнает, что я живу с чужими одна, не с тобой, она требует,

чтобы я жила или с ними, или с тобой. Мне же так ясно, что я должна создать себе отдельную жизнь.

Мысль окончить Академию[4] кажется мне очень хорошей, но если начнутся опять драмы, я не знаю, что делать. Я не хочу стеснять тебя никаким образом, но для папиного спокойствия и чтобы мама оставила меня в покое, надо соблюдать формы. Как это сделать? Мне слишком тяжело, и я не хочу пока писать А<нне> Р<удольфовне>. Поцелуй ее крепко от меня. Уговори ее поехать в Берлин. Как страшно, что из всех прекрасных возможностей ничего не осуществилось и, м<ожет> б<ыть>, уже нет возврата к жизни. Одна мелочь может смять, свернуть всю жизнь; есть такие минутки в жизни, кот<орые > несут гибель целого существования.

Мыс<л>ь о том, что ты так любишь В<ячесла>ва, для меня глубокая радость.[5] Все вышли победителями, и все светлы, кроме меня. Я борюсь с собой отчаянно. И перед твоим великодушием я преклоняюсь; я не понимаю, я не обнимаю величия твоей души. Есть жертвы без подвига, как называла их Лидия, таких как я, не понявших, не обнявших. И все же я думаю и знаю, что для меня были иные возможности и что со мной гибнет целый мир.

Пиши мне больше о себе, о Вячеславе, о ваших отношениях. О ваших разговорах. Если бы я могла быть с вами хоть на минутку, как раньше, как вначале, до всего ужаса. Моя тоска доходит до галлюцинаций. Я начинаю видеть, кого хочу.

Ну, целую тебя крепко и Твою маму, и Violet. Пиши, ради Бога.

Твоя Аморя, Твоя девочка.

[1] Датируется предположительно. Основанием для датировки являются, в частности, слова Сабашниковой о том, что Волошин не захочет видеть ее в Коктебеле (после этого Волошин начинает настойчиво приглашать ее в Коктебель, упоминает о возможном приезде в Крым В.И. Иванова с семьей и т.д.). Кроме того, учитывается упоминание о возможности учиться в Академии (к этой мысли Сабашникова не раз возвращается в февральских письмах).

[2] Имеется в виду письмо Волошина, полученное Сабашниковой в Риме в конце января 1908 г. по новому стилю (см. п. 407). На предыдущее письмо Волошина Сабашникова ответила 5/18 января 1908 г. (см. п. 404).

[3] См. примеч. 4 к п. 397.

[4] Как явствует из дальнейших писем, Сабашникова в феврале 1908 г. увлеклась идеей поступить в петербургскую Академию художеств.

[5] Приехав в конце 1907 г. в Петербург, Волошин первое время пытался поддерживать с В.И. Ивановым доверительно-дружеские отношения (о чем, по-видимому, и сообщил Сабашниковой в январском письме). «С Вячеславом быть мне очень радостно и спокойно, – писал он А.М. Петровой в конце января 1908 г. – А к Аморе глубокое отчуждение. Кажется порой, что невозможно нам больше быть вместе» (Т. 9 наст. изд. С. 353). Однако уже в скором времени он стал все более отдаляться от Иванова (см., например, в п. 422: «С Вячеславом почти не вижусь <...> Он меня совсем не понимает»).

413. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3/16 февраля 1908 г. Рим

3/16 февраля.

Дорогой мой Макс, спасибо тебе за письмецо со стихами о звездах.[1] Они очень хороши. Предыдущих я не получала и, вообще, вот ровно 2 недели, что не имела от тебя известий, только от Violet знала, что ты здоров и бодр. Все открытки, верно, пропали.

Спасибо за 100 лир. Мне очень совестно, что ты прислал их мне, я не просила, я только просила совета, что делать.[2] Раньше для меня было радостью тратить твои деньги, когда я была для тебя радостью; теперь не знаю, как мне быть. Отчего ты так мало пишешь о себе, о знакомых. Ведь я всей душой там с Вами, и эта оторванность для меня ужасна.

Не зови Петербург всероссийским сумасшедшим домом, в этом есть такое презрение, такая безжалостность к России. Ты был болен, потому так ненавидел всех, и не может быть, чтобы теперь ты вновь не полюбил их. Макс, кланяйся от меня Кузмину очень, скажи, что я часто вспоминаю его; передай от меня Ремизовым сердечный привет. Что он пишет, что написал, как ее настроение? Попроси Ляйзу переслать тебе портрет Ремизова и подари ей от меня.[3] Может быть, Ты достанешь

у Дикса снимки с моих портретов для меня. Исполни это. Что из итальянцев любит Кузмин, я бы ему послала. Мне так иногда хочется всех их повидать и спросить, как они живут. Кланяйся Сомову. Что он сделал летом, что делает теперь? Бенуа что? Передай мой привет Чулковым, скажи Надежде Григорьевне,[4] с каким чувством я постоянно думаю о ней; как ее адрес? Скажи ей мой адрес. Нувелю, Диксу – всем передай мой привет. Они дороги мне. Я часто вспоминаю Блока. Мне так больно потерять их; прошу, чтобы они не забывали меня. Я умоляю тебя писать мне подробно обо всех. Видаешь ли Бердяева? Ты ни разу, ни слова не сказал о своей маме, как ей живется? Что Ольга Мих<айловна>[5], Орлишка[6], «Тропинки»[7]? Уехала ли Адель в Москву?[8] Дорогой мой, не оставляй меня письмами, подумай, как я оторвана. Что на башне, опиши мне, как там живут, опиши мне комнаты. Что в комнате бывш<ей> В<ячесла>ва и как устроена третья квартира? Столовая там же? Что делает Вера[9], Мар<ия> Мих<айловна>[10]?

Какие у вас отношения с В<ячесла>вом? Как вы встретились после Сестрорецка?[11] Изменился ли он? Как его здоровье? О чем он теперь говорит?

Все письмо мое в вопросах. О себе я лучше не стану писать, пока в моей душе нет света. Я написала много писем тебе и вчера, и сегодня, и раньше, но решила, что мне подобает молчать, а если я не смогу преодолеть эту совершенно стихийную тоску, то вообще уйти. Должен быть какой-нибудь предел сердечной муки, и чувство меры подсказывает конец тот или иной. У одного меньше, у другого больше сил. Вот и все.

Макс, меня очень беспокоит состояние здоровья А<нны> Р<удольфовны>. Уговори ее уехать хоть на месяц к Штейнеру.[12] Потом не поехать ли ей в Коктебель с Нюшей, м<ожет> б<ыть>, ты бы отложил свой отъезд в Париж до осени. М<ожет> б<ыть>, ты бы предложил часть дома Ивановым. Будут Богаевские (Латри устраивает керамический, т.е. фаянсовый, завод и предлагает мне работать[13]). Весь дом был бы наш, и я уверена, что Violet тоже осталась бы еще в России. Скопленные деньги ты мог бы оставить до осени неприкосновенными. Я бы была хорошей, как в начале нашей жизни на

башне. Макс, есть ли для меня спасение; можешь ли ты помнить и видеть хорошее в жизни? Если бы раз еще хоть немножечко нам пожить вместе в новой жизни с В<ячесла>вом, то снялось бы с души неоправданное, оборванное, то, что мертвит. У меня точно камень привязан к шее. Ведь я ясно сознаю, как гибну, как с каждым днем возврат к жизни становится для меня невозможнее. Помоги мне, если это правда, что ты еще не совсем меня разлюбил.

Через месяц Нюша уезжает в Париж,[14] мама – в Москву через 10 дней. Я боюсь одна оставаться здесь. Я слишком в себе не уверена. Мне очень важно было бы провести недели 4 или 6 в Берлине. Штейнер сказал Алеше, что жалеет, что не видал меня, и хотел бы, чтобы я 4 недели провела в Берлине. Я бы в Грунвальде *<sic!>* танцевала у Дункан. (Я уже сговорилась.)[15]

Может быть, и Анна Руд<ольфовна> приехала на это время туда, и Алеша, т.е. на март-апрель. А потом мы бы с ней и с Нюшей в Коктебель, или она бы с Нюшей еще пожила в Париже. Поговори с ней об ней. Если у нее нет на заграницу денег, предложи ей руб<лей> 400 из парижских. Я думаю, ей это необходимо.

Я сделала портрет Муромцевой в стиле Гейнсборо; он почти закончен.[16] Она хорошо к тебе относится, только считает тебя неспособным к чувству и страданию; очень удивляется, чего ради ты на мне женился.

Недавно я отм<с>тила ей за нес<к>ромные вопросы и рассказала ей про себя целый невероятный роман, при этом так живо, с такими подробностями и волнением, что сама удивилась, и только когда увидала, что она очень сочувствует, спросила, правдоподобно ли это? Она не хотела верить, что я все сочинила, так я описал<а> его, его египетские губы и глаза, его миросозерцание (он биолог), его теории, его жену и маленького сына, наш роман (он, между прочим, был француз и грузин и принял в Алжире магометанство!). У меня было настоящее вдохновение. Я думаю, что она до сих пор убеждена в правде моих слов.

Она сейчас поглощена любовью, а т<ак> к<ак> ее любовь не имеет никакого отношения к ее душе, то это грустно. Я все

советую ей просто стать куртизанкой, ей эта мысль очень нравится, но она не знает, как начать. Если бы ты слышал наши разговоры. О чем говорят эти развратницы! Эти ангелы![17] В Оле мне неприятно только одно, уж очень она невежлива, как-то намеренно. Пленяет меня ее юмор.

Послушай, нет ли у кого из знакомых наших знакомых в Риме? Я не могу жить без людей. Латри очень милы, но это теплая ванна, они скучноваты. Мне надо видеть людей, иначе я переутомляюсь от напряженной жизни в себе. Последнее время у меня, как в Париже, непрестанно болит голова.

Макс, получил ли ты целый сверток фотографий, кот<орый> я три недели тому назад тебе послала заказным,[18] если нет, я стребую с почты. Макс, достань для себя *непременно* статьи Бугаева-отца и прочти, будешь мне благодарен.[19] Прошу тебя, прошу тебя!

Целую тебя, милый, милый мой. Очень тебя люблю. Люби меня!

Напиши мне, какие выставки предвидятся. Мне так надо бы выставить. Еще узнай, кто бы издал детскую книгу и стоит ли? Что заплатят, если я напишу к «Облачному лету» и «Дэзи» еще три рассказа о тех же детях. Жизнь Гриши в приюте, потом Гриша с дядей в Риме, и еще одно лето.[20]

Целую крепко моего милого, милого. Будь здоров, но не толстей. Мастерская мне будет стоить 30 fr., мы взяли ее на месяц. Я читаю Данте по-итальянски. Мы берем уроки 3 раза в неделю.

[1] Это письмо не известно. Упоминается стихотворение «Созвездия» («Звенят Весы и клонят коромысла...», 1908), впервые опубликованное в журнале «Аполлон» (1909. № 1. Отд. III. С. 9). См.: Т. 1 наст. изд. С. 115–116 и 473–474, коммент. В.П. Купченко).

[2] См. об этом в п. 408 («Я бедствую» и т.д.).

[3] См. примеч. 8 к п. 314.

[4] Н.Г. Чулкова.

[5] О.М. Струкова.

[6] А.И. Орлова.

[7] Имеются в виду Н.И. Манасеина и П.С. Соловьева.

[8] А.К. Герцык уехала из Петербурга в Москву вечером 6 февраля 1908 г. (см.: Сестры Герцык. Письма. С. 101–102).

[9] В.К. Шварсалон.

[10] М.М. Замятнина.

[11] Т.е после пребывания Волошина в Сестрорецке в январе 1908 г.

[12] Сабашникова имеет в виду психотерапевтические способности Штейнера, не раз помогавшего душевнобольным людям (своего «врача» видела в нем и Сабашникова).

[13] Увлекавшийся художественной керамикой, М.П. Латри оборудовал в 1905 г. в своем имении Баран-Эли (Боран-Эли) под Феодосией специальную керамическую мастерскую; расписанные им керамические изделия демонстрировались на выставках. Замысел М.П. Латри открыть собственный «фаянсовый завод» не осуществился.

[14] В действительности А.Н. Иванова покинула Рим значительно позже: в самом конце марта или начале апреля 1908 г. (по новому стилю). «Я с грустью покидаю Рим – уезжаю через 5 дней», – писала она Волошину 12/25 марта 1908 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 75). «Я уже дней десять к<ак> тут, – сообщает она (ему же) 6/19 апреля из Парижа. – Приехала для всех неожиданно» (Там же, л. 9 об.).

[15] См. примеч. 10 к п. 402.

[16] Этот портрет не известен.

[17] Один из таких разговоров отражен в дневнике Сабашниковой (запись от 17/30 января 1908 г.): «– О чем мы вчера говорили, когда нас перебил на Piazza di Spagna русский? – Не помню. – Вы мне говорили, что я должна стать куртизанкой. – Да, я еще потом об этом думала и решила, что это лучшее, что Вы можете сделать. Выйти замуж Вам не надо, это будет нечестно. – Ах, какие глупости; ну что из того, что нечестно, Вы все о морали, что из этого, что я буду его обманывать, ведь и он так или иначе будет меня обманывать. – Отчего Вы так боитесь этого слова "честно"? Да что Вы хотите им сказать? – Нечестно, т.е. форма не будет соответствовать содержанию и у Вас никогда не хватит безвкусия нарушать форму. – Да, это верно, ради формы приносится столько жертв. – И она стоит этого, улыбнулась я, п<отому> ч<то> ничего совершеннее форм существующих не было сделано. Нужно находить новые: вот я и говорю Вам: найдите. – Но может выйти так же пошло быть простой кокоткой... – Я думаю, что форма, соответствующая содержанию, никогда не пошла, это уже совсем будет зависеть от Вашей личности. Но разве не чувствуется потребность в такой форме? Вовсе не всякая женщина создана для семьи, и вовсе не всякая при этом может жить без страсти или переводить свою страсть в творчество. Я все-

таки думаю, что творчество женщины не в этом, она творит через мужчину, она вдохновляет, ведет, но согласитесь, что безобразна женщина-художница, женщина-писательница. Самое большое, что ей позволено, по-моему: это петь, танцевать, а если слагать стихи, то только импровизируя. Гетеры Греции вдохновляли и были не любовницами, товарищами, чувственно греки любили юношей. Женщина в духовной области то же для мужчины, что он для нее в физическом; она оплодотворит его дух, и он несет и рождает. Но я не буду разговаривать, чтобы внимательнее писать...

Она говорит через некоторое время: ну как же начать? Ну скажите мне, как начать. А я, подумав, отвечаю: Не стоит, нет интересных мужчин, le jeu ne vaut pas la chandelle <игра не стоит свеч. – *фр.*>. А она: Ну вот, Вы уже и на попятный» (ОДГ).

[18] См. примеч. 7 к п. 409.

[19] Сабашникова имеет в виду философские работы Н.В. Бугаева, утверждавшего «не только непрерывность явлений природы, но и прерывность» (см.: *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. С. 321). В действии мировых сил Бугаев усматривал вероятность, протестуя тем самым против детерминизма современной ему науки и обосновывая возможность *свободы, идеальных целей* и *красоты*. Его философия отличается интересом к нравственным и метафизическим проблемам.

На основе представлений о «прерывности», «скачкообразном» развитии, прерывности функции и т.д. Бугаевым была создана оригинальная теория, получившая название «аритмология», с которой современные исследователи связывают музыкально-ритмическое начало в прозе Андрея Белого, во многом определяющее его писательскую манеру. См.: *Каидзава Х.* Идея прерывности Н.В. Бугаева в ранних теоретических работах А. Белого и П. Флоренского // Москва и «Москва» Андрея Белого. Сост. М.Л. Спивак, Т.В. Цивьян. М., 1999. С. 29–44; *Каухчишвили Н.М.* Андрей Белый и Николай Васильевич Бугаев // Там же. С. 45–57.

Идеи Н.В. Бугаева изложены в его работах: «По вопросу о свободе воли» (Труды Московского психологического общества, 1889. Вып. III. С. 195–218; отд. оттиск: М.: типография А. Гатцука, 1889); «Основные начала эволюционной монадологии» (Вопросы философии и психологии, 1893, кн. 2 (17), с. 26–44; отд. оттиск: М.: типолитография т-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1893); «Математика и научно-философское миросозерцание» (Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. V (45). Ноябрь-декабрь. С. 697–717; отд. оттиск: Киев: типография С.В. Кульженко, 1898); и др.

В течение 1908 г. Сабашникова неоднократно обращалась к трудам Н.В. Бугаева. См. примеч. 5 к п. 429 и примеч. 7 к п. 441.

[20] См. примеч. 6 и 7 к п. 419 и п. 434.

414. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

7/20 февраля 1908 г. Рим[1]

Спасибо, Макс милый, за деньги, кот<орые> я сегодня получила. Я страшно тронута твоим вниманием, но мне очень стыдно. Книги для Оли[2] тоже пришли, но я не отдала ей их еще. Ей не до них теперь, а я ими сама страшно наслаждаюсь. Думала сперва, что это новое что-нибудь, и обрадовалась, так хочется русских стихов. Что пишет теперь Городецкий, пришли мне его новую книгу.[3] Что нового в русской литературе?* Я решила остаться в Риме, пока не будет слишком жарко, и уже нашла себе помещение на крыше. Целую. Будь счастлив.

[1] Открытка с изображением одной из фигур (figura decorativa) в расписанной Микеланджело Сикстинской капелле. Почтовые штемпели: отправления – Roma 20.02.08; получения – СПб. 10.II.1908. Адрес: «Петербург 73 Невский проспект Меблиров<анные> комнаты Эрмитаж Максимилиану Александровичу Волошину Russia».

Датируется по почтовому штемпелю.

[2] О.С. Муромцева.

[3] Имеется в виду кн.: *Городецкий С.* Дикая воля. Стихи и сказки. СПб.: Факелы, 1908.

415. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 7/20 февраля 1908 г. Рим[1]

Дорогой мой, я очень расстроена письмом, которое ждала так долго, п<отому> ч<то> ты чужой[2] (предыдущее письмо пропало, а, м<ожет> б<ыть>, и много писем). Я не понимаю, какой был тебе смысл жить все время в Петербурге,

* Далее зачеркнуто несколько слов.

а не в Париже, если ты ничего для себя не устроил. Лекции дадут тебе самое большее 300 руб. Не читай «о наготе и гражданственности».[3] При наших политических и климатических условиях это смешно и безнравственно. Выйдет то же, что в московском Клубе.[4] Ты все шалишь, а не время, и я не понимаю тебя.

Отчего ты пишешь мне так редко? Ни о ком ни слова. Отчего не описываешь, как и где танцевала Изидора;[5] кто ее видел? С кем ты говорил о ней? А отчего ты не сообщил мне вовремя о выставке «Союза»?[6]; у меня сегодня по этому поводу был припадочек. Ведь у меня же 2 вещи готовы, и я с Москвы не перестаю тебя спрашивать о выставках. Были бы три вещи, считая с тем портретом, что у тебя, и последний, т.е. твой, сошел бы с двумя римскими! А ты сообщаешь мне, когда уже поздно. Ну что за издевательство. Они такие милые вещицы, что могли бы продаться. Ну что вы делаете со мной, злые, злые люди. Для души моей важно и нужно было выставить. Ах, как я зла! Боже мой, что за бессильная злоба. Если «Союз» приглашал меня, мог бы предупредить, уж если ты так небрежен! Ну, Господи, за что это! Мне все изменяет. Макс, прости меня, но мне так горько! Только не вздумай выставить мой портрет отдельно. Я *не хочу* этого. Придется ждать еще год. Напиши мне, м<ожет> б<ыть>, еще можно и не к началу прислать. Больше выставок не будет? Какая же могла быть оказия! Я же никого здесь не знаю. Что это за «Венок».[7] Ну, скажи, по крайней мере, что тебе стыдно, что ты так надсмеялся надо мною!

Я *умоляю* писать мне чаще и подробнее. За этот месяц сегодняшнее письмо было вторым.[8] Если я пишу тебе мало, Макс, то это п<отому>, ч<то> я целый день рисую и читаю, пишу рассказ.[9] Кроме Латри, о кот<орых> нечего сказать, кроме того, что они очень милые люди, я никого не видаю.

О живописи я решила вообще никогда не говорить и не писать; о чувствах.... лучше, если я буду молчать. Я могла бы писать о снах, но ты тоже не велишь. О Микель Анджело мне писать стыдно, п<отому> ч<то> я влюблена в него. О Риме тоже стыдно. Но ты, ты видишь много людей, неужели ты ничего ни о ком не напишешь мне? А о тебе ведь я ничего,

ничего <не> знаю. Напиши мне, в каком костюмчике ты ходишь, с кем близок, что читаешь? Кто что пишет и чем живут в Петербурге? Чулков и подобные. Отчего В<ячесла>ву тяжело тебя видеть, оттого что ты связан для него со мной, а он меня теперь очень не любит? Что ты сделал ему, или он считает себя виноватым перед тобой? Напиши же мне очень подробно и правдиво об этом. Я ничего не понимаю. Часто ли ты бываешь на башне?

Если бы ты ранней весной поехал в Коктебель! Или осенью. Что тебе до Судака! У нас в Коктебеле свое родное царство и «фаянсовый завод».[10] Одна я там умру с тоски. Да и надо же нам пожить по-настоящему вместе когда-нибудь. Уж очень я стала хорошей. Целую тебя. Милый, хоть бы был ты счастлив. Ну, и в Париже.

[1] Датируется предположительно, с учетом ответного письма Волошина (п. 417).

[2] По-видимому, намек на строки волошинского стихотворения «Таиах»: «Ты ведь знала: я — Прохожий / Близкий всем, всему чужой» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 59).

[3] Сабашникова предостерегает Волошина от увлечения «эпатажными» темами, возбуждающими внимание широкой публики (проблема «наготы» затрагивалась Волошиным в ряде его парижских корреспонденций 1904–1905 гг., тогда как отдельные стихотворения этого периода были навеяны революционными событиями в России).

[4] Имеется в виду выступление Волошина в Московском литературно-художественном кружке 27 февраля 1907 г. (см. примеч. 6 к п. 317).

[5] Третьи петербургские гастроли Айседоры Дункан и учениц ее школы проходили в Петербурге и Москве в декабре 1907 — феврале 1908 г. Волошин отозвался на это событие в статье «Золотой век», опубликованной в газете «Русь» (1908. № 54. 24 февр. С. 3) с подзаголовком «Картины Богаевского и танцы детей Айседоры» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 683–684).

[6] Пятая выставка «Союза русских художников» открылась в Москве 26 декабря 1907 / 9 января 1908 г. г. в новом помещении Строгановского училища на Мясницкой улице; закрылась 3/16 февраля 1908 г., после чего была перенесена в Петербург (ср. примеч. 2 к п. 418). См. также: *Лапшин В.П.* Союз русских художников. Л.: Художник РСФСР, 1974. С. 223–224.

[7] По-видимому, Волошин сообщил Сабашниковой о новой группе «левых» художников под названием «Стефанос» («Венок»). Первая выставка этой группы, в которой участвовали, с одной стороны, Владимир Бурлюк, Давид Бурлюк, Людмила Бурлюк, Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, А.В. Лентулов и др., с другой, – участники объединения «Голубая роза» (В.П. Дриттенпрейс, П.В. Кузнецов, С.Ю. Судейкин, П.С. Уткин и др.) и, наконец, лично знакомые Сабашниковой Н.П. Ульянов и А.С. Глаголева, проходила в том же здании Строгановского училища с 27 декабря 1907 г. по 15 января 1908 г. (о группе «Венок – Стефанос» см.: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). Справочник. СПб.: Изд-во Чернышева, 1992. С. 37–38). Отголоском и, в известной мере, продолжением московской выставки была выставка «Венок», устроенная в Петербурге А.Ф. Гаушем и С.К. Маковским в доме графа Строганова (Невский пр., 23) с 24 марта по 27 апреля 1908 г. и объединявшая московских и петербургских художников (см.: Там же. С. 36–37). Этой выставке Волошин посвятил статью «Русская живопись в 1908 г. "Венок"» (Русь. 1908. № 88. 29 марта / 11 апр. С. 3; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 211–217). Почти одновременно в петербургском «Пассаже» была открыта выставка «Современные течения в искусстве» (организатор – Н.И. Кульбин), на которой также демонстрировали свои работы Бурлюки и примкнувшая к ним А. Экстер, выступавшие под тем же названием «Венок» (см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932. Исторический обзор. В трех томах. Т. 1. Боевое десятилетие. Книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 86–112).

[8] Т.е. второе письмо, полученное Сабашниковой в феврале 1908 г. Упоминание о «первом» письме Волошина к Сабашниковой см. в п. 413 («письмецо со стихами о звездах»).

[9] См. п. 413 (место, отмеченное примеч. 20), примеч. 6 и 7 к п. 419 и п. 434.

[10] См. примеч. 13 к п. 413.

416. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 7/20 февраля 1908 г. Рим[1]

Милый Макс, я очень жалею, что написала тебе вчера это письмо. Забудь его, уничтожь. Я не должна писать о себе, пока во мне нет твердости и мужества. Увидимся, верно, в Берлине, когда ты поедешь в Париж; когда это будет? Там я

решу, ехать ли мне в Париж или в Москву. Не говори А<нне> Р<удольфовне> о моем вчерашнем письме. Я пишу ей о том, что лето проведу в Париже или в Москве. Если видаешь Богаевского, передай ему мой привет. Я глубоко рада, взволнована тем, что он едет в Палестину.[2] Опиши мне его картины. Какой ты злодей, что на все мои просьбы написать и телеграфировать о выставках ты молчал. Ты меня этим сильно подвел, и я не понимаю твоего поведения в этом случае. Или письма мои и твои пропадают. Что это за выставка «Венок»?[3]

Целую тебя крепко.

Алеша выдержал экзамен и, м<ожет> б<ыть>, приедет сюда.

Муромцева работает с нами, и Латри. Я ее очень люблю, но тем, кто ее не знает близко, она своим нахальством и невежеством досаждает.

Что ты написал и пишешь? Пришли все стихи, кот<орые> я не знаю.

Милый, милый мой.

[1] Датируется предположительно по соотнесенности с п. 415 и др.

[2] В декабре 1908 г., получив стипендию имени Е.Д. Поленовой, К.Ф. Богаевский вместе с женой отправился в заграничное путешествие. В самые последние дни 1908 г. он прибыл в Берлин, где провел несколько дней, оттуда проехал в Дрезден, Нюрнберг и Мюнхен, затем посетил Грецию и Италию (см. также примеч. 4 к п. 461). Путешествие продлилось четыре с лишним месяца. Первоначально запланированная поездка в Палестину не состоялась (см.: *Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. С. 53).

[3] См. примеч. 7 к п. 415.

417. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Не ранее 12/25 февраля 1908 г. Санкт-Петербург[1]

Милая Аморя, право, я не так виноват в том, что не известил тебя вовремя о «Союзе». Сперва было решено, что в Петербурге его не будет за неимением помещения. И найдено

помещение было лишь недавно, и его открытие решено очень поспешно.[2] Я написал тебе об этом, лишь только узнал сам.

Вообще же видаю здесь Бенуа и др. Бываю у него на четвергах. Но там много народу, и атмосфера слишком петербургская.

Вообще мало вижу прошлогодних людей, и не хочется никого видеть. Я тебе уже подробно писал об этом. *На башне* бываю очень редко. И не хочу писать о ней. Да и что могу написать об ней, когда знаю о Вячеславе лишь со слов *Ан<ны> Руд<ольфовны>* и *Герцык. Вчерашний вечер* я провел там часа полтора, но больше с Ан<ной> Руд<ольфовной>[3] {Я не хочу и не должен говорить с тобой о Вячеславе. Когда уходишь, не надо оглядываться. Но я ухожу от всего, что было. И эти нежелательные взгляды в прошлое, и глупые сожаления, невольно воскресающие в этих комнатах, — их не должно быть. Когда мы встретимся, между нами не будет прошлого, никаких воспоминаний, сомнений, никакой оглядки. Все, что возникнет, будет новым. Нужно быть сильным и уметь в жизни ограничивать самого себя. Это мое твердое решение. Поэтому я ничего не пишу тебе о людях и самом себе; мне тяжело писать тебе. Прошлого не надо бояться, его надо искать. Забыть означает окончательно принять, нерасторжимо слиться, бессознательно <...>[4].

Уезжать в Крым мне совсем не нужно. Анна Рудольфовна тоже против этого, хотя и за то, чтобы ты приехала в Коктебель.[5]

Могли бы мы жить там «по-настоящему вместе»? Нет, пока твои отношения с Вячеславом не примут определенную форму, я не смогу быть и с тобой, и с ним. И до этого нам не следует видеться.

Тебе совершенно необходимо поехать в Коктебель.

Что касается меня, то меня теперь очень радуют все новые люди, совсем обычные, совсем неприметные. У меня опять завязываются отношения с людьми, как и с явлениями, и я этому очень рад.

Мне опять стала ближе всего книга Монеллы. «Строй свой дом сам и сожги его сам... Пусть умрут древние боги и не

оставайся, подобно плакальщице, возле их могил. Ибо древние боги улетают из своих могил».[6]

Теперь между нами только могила, которую покинули прежние боги. Не надо ее сохранять. Но если мы это сможем, то создадим новую жизнь. Совершенно новую, без каких бы то ни было воспоминаний} и без всяких ссылок на прошлое.

Хочешь? Можешь?

Сейчас, конечно, еще не можешь, потому что ты своего цикла еще не завершила. А его завершил и уже могу забыть. Поэтому теперь мы так разделены.

Аморя, понимаешь ли ты меня? Понимаешь ли ты, что нужно жить без воспоминаний? Просто жить.

Наш путь – жизнь. Просто жизнь. А указание его – все то, что жизнь приносит нам. Принять, полюбить и забыть – вот каждая ступень жизни. Я это *почти* сделал. «Почти» потому, что ты вся еще там в прошлом. Когда ты *примешь* и *забудешь* – тогда снова мы будем вместе.

[1] Ответ на п. 415 и п. 416. Оригинал хранился в архиве Сабашниковой в Штутгарте, но после ее смерти был передан Розмари Вермбтер, душеприказчицей Сабашниковой, неизвестному лицу. Нынешнее местонахождение оригинала не установлено. В архиве Сабашниковой, переданном Р. Вермбтер в ОДГ, сохранился немецкий перевод этого текста (переводчик не известен) с пометой о том, что письмо «не завершено» и что в оригинале отсутствуют дата и подпись.

Русский текст этого письма, а также п. 422, был известен В.П. Купченко, получившему его фотокопию от Р. Вермбтер в 1975–1976 гг. (см. черновики писем В.П. Купченко к Р. Вермбтер от 19 мая 1975 г. и 27 ноября 1976 г. // РНБ, ф. 1502, оп. 1, ед. хр. 561, л. 5 и 8), и частично (первая и последняя страницы автографа) воспроизведен в кн.: *Давыдов З., Купченко В.* Крым Максимилиана Волошина. Автографы, рисунки, фотографии, документы, отрывки из государственных и частных собраний. Фотоальбом. Киев: Мистецтво, 1994. С. 90. Однако в архиве Купченко обнаружить фотокопию этого письма не удалось, и нынешнее ее местонахождение не установлено.

Датируется предположительно в соответствии с «Трудами и днями-1» (С. 198).

[2] Пятая выставка «Союза русских художников» открылась – после Москвы (см. примеч. 6 к п. 415) – в Петербурге 28 февраля /

12 марта 1908 г. в доме на Мойке у Певческого моста, где жил и умер Пушкин (мемориальный музей был открыт в нескольких комнатах этого здания в 1927 г.); закрылась 30 марта / 12 апреля 1908 г. На вернисаже присутствовали Блок, Кузмин (см.: *Кузмин М.* Дневник 1908–1915. Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 22, 587) и, вероятно, Волошин, опубликовавший через несколько дней в газете «Русь» (1908. № 64, 5/18 марта. С. 3) статью «Русская живопись в 1908 г. "Союз" и "Новое общество"» (впоследствии, в макете «Ликов творчества», Волошин внес правку в текст статьи и дал ей заглавие «Осколки святых чудес»; см.: Т. 5 наст. изд. С. 74–81, 677–680; коммент. К.А. Кумпан и А.М. Конечного).

[3] Дальнейшая часть письма, взятая в фигурные скобки, представляет собой обратный перевод с немецкого (см. примеч. 1).

[4] Пропуск одного или нескольких слов в немецком переводе.

[5] «Если бы Маргоря решила приехать в Коктебель, – писала Минцлова А.В. Сабашникову 27 марта / 9 апреля из Москвы, – ей следовало бы написать М<аксимилиану> А<лександровичу> об этом самой, хотя бы в день отъезда своего. Я считаю, что свиданье их – крайне желательно для выяснения этого мучительного для Маргори состоянья, невозможного» (РГБ, ф. 109, карт. 31, ед. хр. 14; копия рукой В.К. Шварсалон; речь идет о возможном «свидании» Сабашниковой с В.И. Ивановым в Судаке).

[6] Ср. в другом переводе: «Строй сам дом твой и сжигай его сам. <...> Предоставь умирать древним богам; не сиди, подобно плакальщикам, на их могилах. Ибо древние боги улетают из своих гробниц» (*Швоб М.* Книга Монэль. Пер. К. Бальмонта и Е. Ц*** СПб.: Товарищество Голике и А. Вильборг. 1909. С. 12; Е. Ц*** – Е.К. Цветковская). Об этой книге М. Швоба см. примеч. 2 к п. 40.

418. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

13/26 февраля 1908 г. Рим[1]

Среда.

Милый мой, прости за прошлое письмо. Мне жаль, что я так напала на тебя за выставку.[2] Конечно, это не важно совсем. Третьего дня мы проводили маму. Пиши мне больше о себе и о всех. Над чем ты работаешь? Что делается в Петербурге? Пиши про Россию, чем живут, о чем говорят, что пишут. О выставках. Пиши.

Целую тебя, Violet и маму. Ведь я ни о ком ничего не знаю. Как здор<овье> А<нны> Р<удольфовны>?

[1] Открытка с изображением украшения Латеранского музея в Риме. Почтовые штемпели не прочитываются. Адрес: «*Russia*. Максимилиану Александровичу Волошину. 73 Невский. Меблированные комнаты Эрмитаж. *Петербург*». Датируется по связи с предыдущими письмами.

[2] См. п. 415 и 416.

419. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17 февраля / 1 марта 1908 г. Рим[1]

Воскресенье.

Ты опять больше недели молчишь, милуша. Как нехорошо. Ну, не буду тебя упрекать; целую нежно. Мне жаль, что не знаю ничего про тебя. Здоров ли ты? Как живешь и работаешь?

Спрашивала я тебя о выставках сто раз, ты молчишь, но я все надеюсь, что, наконец, ты мне ответишь. Я не теряю времени, и если бы мой подъем не переходил всегда границы, то котел не лопался бы так часто и машина не останавливалась бы. Так было дней 10 тому назад; портрет был закончен,[2] и Латри пришел от него в восторг, просил не трогать; но незаметно наступил упадок. Отчасти она виновата;[3] когда пишешь женщину, она сейчас же перестает быть артисткой, требует розовых щек и голубых глаз. Пока я отложила эту вещь и занялась другой. Пишу после завтрака, так что утро свободно для Рима и рисования в Ватикане.

У нас с Латри чудная по освещению комната-мастерская. В ней-то я и думаю поселиться весной, когда уедет Нюша, в их квартире. Одно из моих любимых занятий – отправляться к Allinari,[4] я покупаю одну, 2 фотографии по 50 сент<ов?>, а пересматриваю бесконечное количество альбомов. Мне кажется, что я сильно двинулась вперед в понимании, и клянусь, что впредь терять времени не буду.

Теперь, Макс, слушай внимательно, что я прошу тебя сделать. Дело в том, что я решила кончить Академию, это необходимо и с чисто практической точки зрения; мне нужно диплом, чтобы иметь возможность преподавать в гимназиях и открыть школу; а нельзя больше закрывать глаза на это, и ясно, что это единственно может дать мне матерьяльную независимость, п<отому> ч<то> при моем характере «творить», говоря высоким слогом, для денег я не могу. Кроме этого добиваться определенной практической цели мне необходимо внутренне, необходимо взять и до конца довести предприятие; схватить своего черта за хвост и овладеть своей судьбой. Я хочу жить в России и хочу жить в Петербурге; никоим образом не связываю свою жизнь в Петербурге с какими-нибудь отдельными людьми. Если ты твердо решил жить в Париже, то я устроюсь на Васильевском острове с Латри или с кем-нибудь еще. Но осенью совру и скажу, что жду тебя. С тебя же снимаю всякую ответственность в этих делах, и если пишу тебе сейчас об этом, то потому, что прошу узнать для меня от Бенуа следующее: думает ли он, что возможно, чтобы Серов принял меня прямо в свою мастерскую ввиду того, что я все-таки подготовлена.

Параллельно с этим я, конечно, рисовала бы в классах, чтобы получить номера, проходила бы курс перспективы, анатомии и истории искусства. Диплом гимназический у меня есть. Думает ли Бенуа, что возможно окончить при таких условиях академию в 2 года; конкурсную картину я бы могла ведь писать в другом любом месте. О своем намерении я еще не говорю и сделаю это сама, никого не впутывая. Ты же только узнай мне про Серова; я приготовлю к осени несколько работ, чтобы он мог принять меня. Академия теперь не может повредить мне, после Парижа и Италии; раньше бы она задушила. Напротив, я вижу в обязательном курсе большую пользу для себя, если даже не чисто художественную (хотя постоянное рисование не может мне не принести пользы), то, во всяком случае, педагогическую. Отнимет у меня дилетантство, заставит узнать перспективу.* Там учат бесплатно.[5]

* Далее зачеркнуто несколько слов.

Второе дело: я кончаю рассказ для «Тропинки» про Гришу и посылаю его.[6] Дост<ань> для меня издателя для этих рассказов. Будет 5 рассказов, по 4 иллюстрации в каждом.[7] Текст приблизительно в 5 раз больше «Облачного лета»[8], сколько мне могут заплатить? Как видишь, я поглощена в практическое. Рассказ, впрочем, очень мистический; я пошлю его тебе.

У нас с Бальмонтом любовная переписка стихотворениями.[9] Какой он скучный! Про лето ничего не знаю. Буду ли я в Богдановщине, в Крыму, за границей. Там видно будет. Думаю, что мы увидимся с тобой в Берлине, где все-таки думаю танцевать.[10] Ну, до свиданья, мой дорогой. Пиши мне побольше фактов.

Аморя.

[1] Датируется предположительно в соответствии с упоминаниями о рассказе (см. п. 415), портрете О.С. Муромцевой, завершенном к середине февраля 1908 г. (см. п. 413), и переписке с Бальмонтом в стихах (см. ниже примеч. 9), отсутствии писем от Волошина («больше недели») и т.д.

[2] Имеется в виду портрет О.С. Муромцевой.

[3] О.С. Муромцева.

[4] Магазин фотографий в Риме.

[5] Судя по дальнейшим письмам, Сабашникова вскоре сама отказалась от этого плана.

[6] В журнале «Тропинка» за 1908 г. рассказы (и другие произведения) Сабашниковой не печатались.

[7] Этот замысел Сабашниковой не осуществился.

[8] О рассказе Сабашниковой «Облачное лето» см. примеч. 2 к п. 305.

[9] «Любовная переписка» с Бальмонтом началась в конце января и продолжалась, видимо, в феврале 1908 г. В дневнике Сабашниковой имеется следующая запись от 15/28 или 16/29 января 1908 г.: «Мне написал Бальмонт несколько строк о моей предрассветности, светлости, и я ответила» (ОДГ). Там же – стихотворный ответ Сабашниковой «На рассвете прозябая...» (стихотворение опубликовано в кн.: Антология. М.: Мусагет, 1911. С. 193).

[10] См. примеч. 10 к п. 402.

420. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 февраля / 6 марта 1908 г. Рим

Пятница 22

Целую тебя и обнимаю, Макс мой, бедный, милый, со всею нежностью, со всею любовью. Я получила 2 твоих письма. Они, как громом, поразили меня сегодня. Зачем ты оставался в Петербурге, если нес такую пытку; ты же мог писать, что писал из Парижа, и проживал бы то же. Многое, многое темно мне в твоих словах. Почему В<ячесла>ву тяжело тебя видеть? Я думаю, из-за меня. Так тогда с какой же стати ты говоришь, что путь мой – к нему. Очевидно, у него не осталось ко мне никакого чувства и ему приятнее не видать меня. Так или нет?

Милый мой, я бесконечно преклоняюсь перед твоим великодушием и твоей светлой душой. Макс, одно удивляет меня в тебе, то, что ты говоришь о «пути». Подумай, от чего ты отрекаешься и так легко. Ты пишешь: «Мне все это стало теперь так чуждо и далеко, и я никакого совершенства не хочу».[1] Это звучит ребячливо. Если бы ты не хотел совершенства, во имя чего ты стал бы жить? Не тянет разве тебя к высшему бытию, и разве нет нетерпения и ревности? «Кто не собирает со мной – расточает».[2] Детка моя милая, моя детка. Мы, верно, увидимся в Берлине, куда я непременно поеду. Алеша напишет мне о Штейнере. Я страстно хочу видеть его и знаю, что́ и как я ему скажу. Никогда моя жизнь не была так интенсивна и так страшна. Какая-то открытая рана. Скажи мне, почему «несправедлив» ко мне В<ячесла>в.* Он всегда прав, всегда и во всем силен. Странно, что мне теперь нет никакого дела до того, что он думает обо мне, п<отому> ч<то> он не верит мне, не уважает меня. Я отдала бы жизнь за него; сто жизней;** об этом нельзя говорить.*** Я не понимаю, почему Евгения Г<ерцык> «предает» меня. В<ячесла>в давно отошел, давно умыл руки. Чем и кто может меня предать? А она-то разве счастливее?[3] Я бы хотела видеть ее.

---

* Далее вымарано несколько строк.

** Далее вымарано одно слово.

*** Далее вымарано несколько слов.

Прости меня, милый Макс, за мое ругательное письмо по поводу выставок. Я не получала от Тебя, значит, очень многих писем. Относительно лекции в Саратове.[4] Помни о «лике» своем. Не надо épater* и т.д. Наивные темные умы нуждаются в объяснении простых вещей, не смущай, не дразни. Говори языком гимназическим, жалей. Я думала, что хорошо было бы прочесть в Саратове о поэте и народности, поэте и злобе дня; поэте – тростинке и законодателе. Я продолжаю видеть для тебя миссию по отношению к России, и провинция русская зовет тебя и в тебе нуждается, как в свете.

Мне очень жаль, что твои стихи не издаются; ты, как Балтрушайтис, можешь остаться в тени. Не для тебя, но для людей не надо оставаться в тени, если только, конечно, ты считаешь, что твоя книга готова. Похлопочи еще. Скорпионы не хотят?[5]

Бальмонт в одной статье, напечатанной в немецком журнале, упоминал меня, а не тебя. Что за нелепость![6]

Скажи, близок ли ты с А<нной> Р<удольфовной>. Спасибо за подарок. Меня до слез он тронул. Я получила только повестку. Сегодня я была в крипте одной церкви – это античный дом. Она была освещена и украшена лаврами. Было дивно.

Пиши мне, моя милая крошка, и я буду тебе писать. Христос с тобой. Не отсекай сука, пока не убедишься, что он в самом деле сух; живого не отсекай, даже если оно больно. О лете ничего не знаю.

Твоя Аморя.[7]

Советую написать тебе о «синематографе» большой фельетон, о развратe синематографа. Я иногда с Латри бываю там. Через неделю после убийства португальского короля мы присутствовали на его похоронах, вся процессия прошла мимо, мы видели, как толпа бесновалась, и лошади под черными покрывалами, и как стеклянные гробы внесли в церковь.[8] Это было не место комического №, кот<орый> обыкновенно привлекает публику. Бывают целые романы, кончающиеся самоубийством. Недавно я плакала в синематографе. Их 5, 6 рядом,

* Эпатировать, позволять себе скандальные выходки *(фр.)*.

и всегда зала полна людьми: рабочими, прислугой. Как раньше женщины забегали в церковь, так теперь забегают в синематограф. Это симптом более страшный, чем кажется. Напиши о перевороте, кот<орый> произвело книгопечатание, и о перевороте, кот<орый> произв<ела> фотография, фонограм<ма> и синематограф; о поддельном Христе – aracoeli*,[9] об антихристе, о идоле, еще объясни реализм. Поставь вещи на свои места. Микель Анжело «aborreva far somigliar il vivo»**.[10] Напиши о вреде иллюзии, о чертовой кукле[11].

[1] Слова из несохранившегося письма Волошина к Сабашниковой.

[2] Слова Христа: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. XI, 23).

[3] Вероятно, в одном из своих писем к Сабашниковой Волошин упомянул о «романе» между В. Ивановым и Е.К. Герцык, достигшем в феврале-марте 1908 г. своей высшей точки. Еще в ноябре 1907 г. А.Р. Минцлова внушала А.К. Герцык, что ее сестра – единственная, кто могла бы для Иванова «заменить» Сабашникову «и даже дать больше» (письмо А.К. Герцык к Е.К. Герцык от 24 ноября 1907 г. // Сестры Герцык. Письма. С. 179). Характер отношений Иванова и Е.К. Герцык действительно напоминал глубокое, окрашенное мистицизмом чувство «общего единения», связавшее в 1907 г. Иванова, Зиновьеву-Аннибал и Сабашникову.

«Я все еще здесь – писала Е.К. Герцык В.С. Гриневич 13 февраля 1908 г. из Петербурга, – и Вяч<еслав> просил меня остаться до воскресенья <...> Вчера был долгий вечер вдвоем, и он такой неземной, такой страшно грозный для земных очей, что мне почти хотелось закрыть лицо руками и бежать от него навсегда. <...> Он *правда* такой, хотя он опять все повторяет, что будет все, будет и влюбленность, и вся страсть. Он хочет и верит, что будет религиозным реформатором, он уже намечает себе новый, небывший путь в мистике – не одинокий, а общинно-мистический. И там его ученицей, он верит, что будет и Маргарита – и в этом будет их примирение. Теперь ему нужно полное ухождение от всего личного, временный аскетизм <...> Вера моя, мне страшно – разве я могу вынести его и эту жизнь! Как больно хотелось бы чуть-чуть простого счастья – зачем, зачем он гений и зачем ему тесно на земле и он стал между мирами! <...>

* Ara coeli – небесный алтарь *(лат.)*.

** Страшился срисовывать с живого человека *(ит.)*.

Никогда не быть для него единственной и, главное, знать, что всегда он будет уходить туда, куда мне нет пути... А он говорил вчера, глядя издали и нежно, и страшно на меня: "Sorella amata <сестра возлюбленная – *ит.*>, как я вас люблю!"» (Там же. С. 508–509).

О том же идет речь и в других ее письмах. «Сладкий и безумный хмель во мне, дорогая, – признается она в письме к Вере Гриневич 5 марта 1908 г., – и куда его нести мне, где разметать? Мне кажется, что у меня нет лика, что я вся теку. <...> Прости мне мое безумие, Вера любимая, прости эти неповторимые дни» (Там же. С. 510–511).

[4] В конце февраля 1908 г. Волошин получил письмо от музыкального критика В.Г. Каратыгина с предложением выступить в начале марта в Саратове (совместно с М.А. Кузминым и А.М. Ремизовым) на музыкальных курсах И.А. Гляссера. «Предлагают нам ехать в Саратов втроем читать, – сообщал Ремизов Волошину 25 февраля 1908 г. – Платят дорогу и сто рублей каждому. Хотите?» (Т. 9 наст. изд. С. 355). Поездка не состоялась (подробнее см. коммент. Г.В. Петровой к цитированному письму А.М. Ремизова // Там же).

[5] Сабашникова имеет в виду прежде всего С.А. Полякова, владельца издательства «Скорпион», и В.Я. Брюсова, идейного руководителя издательства.

[6] Речь идет о статье Бальмонта «Russlands Literaturzustände» («Русская литературная жизнь»), помещенной в двухнедельнике «Das literarische Echo. Halbmonatsschrift für Literaturfreunde» (1908. Heft 11. 1. März. S. 751–755). Статья представляет собой выполненный А.С. Элиасбергом перевод «заметки» Бальмонта «Наше литературное сегодня» (Золотое Руно. 1907. № 11–12. С. 60–63), вошедшей впоследствии в кн.: *Бальмонт К.* Морское свечение. СПб. – М.: издание т-ва М.О. Вольф, <1910>. С. 175–182). В письме к А.С. Элиасбергу от 11 января 1908 г. Бальмонт обсуждает (и отчасти критикует) его перевод (см.: *Cheron G.* Letters of K. Bal'mont and V. Brjusov to A. Eliasberg // Wiener slavistischer Almanach. 1991. Bd. 28. S. 360–361).

Волошин в статье Бальмонта действительно не упомянут, а перечисляя женские имена, Бальмонт отметил: «Отдельные прекрасные стихотворения есть еще у Аделаиды Герцык, Любови Столицы и Маргариты Сабашниковой» (S. 754; ср. в русском оригинале: «Проскользнут два-три чарующие стиха Аделаиды Герцык, Любови Столицы, Маргариты Сабашниковой»).

[7] Дальнейший текст представляет собой приписку на отдельном листе.

[8] Португальский король Карлуш I (1863–1908; правил с 1899 г.) и его старший сын и престолонаследник Луиш Филипе были убиты

в Лиссабоне 1 февраля 1908 г. двумя заговорщиками. Похоронены состоялись 8 февраля в лиссабонском монастыре Сан Висенте де Фора. Сабашникова описывает траурную процессию, состоявшуюся в тот же день в Риме.

[9] Имеется в виду римский монастырь Аракели, получивший известность скульптурным изображением Христа в виде уродливого ребенка (Gesú Bambino di Aracoeli).

[10] Известные слова Вазари о Микеланджело: «...Портретов он не делал, ибо ужасала его мысль срисовывать живого человека, если он не обладает необычайной красотой» (см.: *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Предисл. А.В. Луначарского. Ред. и вступ. статьи А. Дживелегова и Абрама Эфроса. Т. 2. М.;Л.: Academia, 1933. С. 422).

[11] Выражение «чертова кукла» имеет нескольких значений; означает, в частности, олицетворение дьявольской силы (неодушевленная кукла берет на себя дурные признаки живого человека).

421. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 февраля / 7 марта 1908 г. Рим[1]

Сегодня отправила тебе письмо[2] и получила книги. Я так глубоко тронута твоим нежным вниманием, мой милый. Целую тебя и обнимаю со всею нежностью.

Очень важно мне было иметь теперь эту книгу,[3] и потом она будет утешать нас в рýсской провинции. Да? Целую крепко Е<лену> О<ттобальдовну> и Violet.

[1] Открытка. Нынешнее местонахождение не установлено. Печатается по копии, сделанной В.П. Купченко. Датируется в связи с п. 420, а также на основании пометы в одной из рабочих тетрадей В.П. Купченко: «Рим 23 февр<аля> ст<арого> ст<иля>; СПб. 27.II.1908».

[2] П. 420.

[3] Вероятно, имеется в виду книга о Риме (см. п. 423).

422. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 23 февраля / 7 марта 1908 г. Петербург[1]

{Моя дорогая девочка! Сколько боли и тоски в твоих письмах! Боже мой! Как же люди не умеют устроить свою жизнь, не умеют совладать с ней. Иногда мне кажется, что я при всей своей наивности все же лучше понимаю жизнь, чем ты, Вячеслав, Герцыки. Мне бесконечно жаль тебя, и мое сердце переворачивается от твоих слов, но мне хочется взять тебя за плечо, встряхнуть и заставить жить, сделать так, чтобы ты не замыкалась в сосуды неисполненных желаний, неизменно оставаясь в положении <?> «выброшенной из окна», хватит любить индивидуальности, полюби человека вообще, собери свою любовь и пролей ее в мир. Но теперь я вновь возвращаюсь к моему прежнему Я. Я вернулся и нашел его изменившимся и углубленным. Я преодолел теперь не только переживания, но и мысли тех первых лет нашей жизни. Теперь я снова «странник» – «близкий всем, всему чужой»[2].

И вместе со странничеством ко мне вернулась и моя прежняя утраченная радость мира и радость от людей в целом.

У меня такое чувство, что я уже много лет живу с людьми и при этом не их видел. Что надо ценить – умных и выдающихся. Но теперь я снова полюбил *всех* людей. И каждый человек для меня нов и не кажется обычным. То, что прибавилось, что стояло между мной и людьми, опять привело к жизнерадостности – к играм. И как бы остро я ни хотел подключиться к этой радости, но я чувствую, что ты сейчас ничего не понимаешь, потому что ты далека в своей замкнутости.[3]

Дорогая Аморя! Я только что был у Ан<ны> Руд<ольфовны>, и мы говорили весь вечер о тебе и твоих планах. Где ты собираешься проводить лето? По моему мнению, Коктебель – единственное место, куда бы ты могла поехать одна. Ты должна это твердо решить и сообщить о своем решении Марг<арите> Алекс<еевне>. Там у тебя есть дом, где ты можешь самостоятельно хозяйничать. Зачем тебе жить в каком-то другом месте? Ты можешь пригласить туда кого захочешь. Позови на лето – «к себе» – Вас<илия> Мих<айловича>. Надо занять эту точку зрения и безусловно на ней настаивать.

И как раз сейчас Ан<на> Руд<ольфовна> получила письмо от Дурнова, в котором он спрашивает, куда ему поехать весной для полного одиночества. И она будет ему советовать поехать в Коктебель; Вяч<еслав> и Вера с марта будут в Судаке.[4] Ан<на> Руд<ольфовна> тоже непременно будет там с вами, только неизвестно когда. Для тебя было бы лучше всего встретиться с Вяч<еславом> в Крыму. Однако мое присутствие было бы в этом случае не только желательным, но даже и вредным, и Анна Рудольфовна также решительно высказалась против этого и полностью согласилась с моими планами.

Кроме Коктебеля, тебе больше некуда ехать, и в то же время это было бы совершенно законно, оправдано всеми формами. Против этого никто не сможет что-либо возразить.

Что касается твоего плана относительно Академии, то он кажется мне совершенно непрактичным и неумным; да и с чего ты взяла, что Серов[5] в Академии? Об этом действительно шла речь, но его, разумеется, отклонили. А кто теперь в Академии?

Аморя, уж если ты говоришь об Академии (я полностью согласен с тем, что ты пишешь о работе, рисунке, о методе, о перспективе), но самое разумное, на мой взгляд – поступить в École des Beaux Arts* в Париже;[6] там ты на самом деле научишься живописи и сможешь работать. Я не понимаю твоего слепого страха перед Парижем, хотя и уважаю его. Но коль скоро ты говоришь о практической стороне дела, то это единственное практическое решение.

Относительно книги рассказов – очень хорошо. Но прежде чем искать издателя, надо ее написать. Возможно «Тропинка» ее напечатает. Я с ними,[7] как и прежде, в раздоре.

С Вячеславом почти не вижусь, отчасти по просьбе Ан<ны> Руд<ольфовны> и Герцык. Он меня совсем не понимает, у него возникает по отношению ко мне какое-то враждебное чувство, но и оно не может теперь изменить моего чувства к нему: любви и досады. Мы очень редко бываем вместе. Мне больше от него ничего не надо, разве только то, что нужно тебе, – отсюда и возникающее подчас отчуждение.}

* Школа изящных искусств *(фр.)*.

[1] Ответ на п. 419. Публикуется в обратном переводе с немецкого (см. примеч. 1 к п. 417). Полный текст письма, как и нынешнее местонахождение оригинала, – не известны. Датируется согласно «Трудам и дням-1» (С. 198–199).

В.П. Купченко приводит следующие слова из этого письма: «...Полюби человека вообще. Я снова странник, вернулась утренняя радость». Далее – пересказ (возможно, цитация без кавычек): «Только что был у АРМ <А.Р. Минцловой>. Зовет на лето в Коктебель (с родителями). Иванов и Вера с марта будут в Судаке. Откуда ты взяла, что Серов в Академии? Поступай в École des Beaux Arts. С Вячеславом почти не вижусь, он меня не понимает» (Труды и дни-1. С. 198–199).

[2] Из стихотворения «Таиах» (1905), впервые опубликованного под заглавием «Эпилог» в газете «Русь» (1908. № 1. 1 (14) янв. С. 4).

[3] О духовном перевороте, пережитом Волошиным в первые месяцы 1908 г., см. в его письме к А.М. Петровой от 8/21 сентября 1908 г. (Т. 9 наст. изд. С. 368–369).

[4] В.И. Иванов с семьей гостил в Судаке у Герцыков в течение лета и осени 1908 г. Первыми приехали в Крым Минцлова и В.К. Шварсалон. «Я приехала несколько дней тому назад сюда из Петербурга, вдвоем (с падчерицей Вяч<еслава> Иванова Верой), – писала Минцлова А.М. Петровой 19 мая 1908 г. – Сам Вяч<еслав> Ив<анович> задержался на несколько времени в Петербурге, но на днях он приедет тоже с остальной частью своей семьи...» (ИРЛИ, ф. 542, оп. 6, ед. хр. 52, л. 2). Однако Иванов прибыл в Крым лишь 1 июля и пробыл в Судаке до 10 октября 1908 г., после чего вернулся в Петербург – к годовщине смерти Зиновьевой-Аннибал. «Мы собрались очень быстро, сразу, – я, Вяч<еслав> Ив<анович> и семья его, потому что он, В<ячеслав> И<ванович>, и Вера затосковали сильно по могиле Л<идии> Д<митриевны>», – сообщала Минцлова А.М. Петровой 16 октября 1908 г. (Там же, л. 24; письмо из Петербурга).

[5] В.А. Серов был действительным членом С.-Петербургской Академии художеств (с 1903 г.), но вышел из нее в 1905 г. (в знак протеста против расстрела демонстрации 9 января).

[6] Парижская Высшая Школа изящных искусств была основана кардиналом Мазарини в 1648 г. (современное название – с 1863 г.).

[7] Имеются в виду Н.И. Манасеина и П.С. Соловьева.

423. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 25 февраля / 9 марта 1908 г. Рим[1]

Дорогой мой, как я благодарна тебе за книгу о Риме![2] Прекрасное издание, прекрасные репродукции и прекрасный текст, которым я зачитываюсь по вечерам. Ты не можешь себе представить, как ты тронул меня этим подарком, как я благодарна тебе; как ценю и твое внимание, и эту книгу. Кто рекомендовал ее тебе? Она написана без всяких фраз; очень сжато, полно и не сухо; очень глубоко. Милый, целую тебя за нее. Я начинала, конечно, с третьего тома, п<отому> ч<то> живопись меня совершенно захватила. Я работаю на<д> тремя вещами сразу и начинаю четвертую. Как бы мне хотелось иметь больше физических сил; чем больше устаю, тем труднее мне уснуть.

Времени не хватает; мне так хочется остаться здесь подольше. Но совсем одна я не останусь; Нюша уезжает через 2 недели,[3] Латри через три. Им не нравится Рим. Ты знаешь, они очень милые, добрые, но величия не понимают, никакого подъема, никакой идеи, ни религии. И самая любовь их не подымает их. Он бессилен и, верно, ничего не напишет. Она сильнее. К нам они относятся удивительно хорошо, нежно. Я целые дни теперь в моей мастерской.

Через неделю приедет Алеша. От него узнаю про Штейнера. Сколько пробудет Алеша, не знаю. Завтра приезжает сюда Оля[4] на неделю. Относительно Изидоры Дункан надо еще обдумать это. Учиться удобно у нее; есть музыка, зала, учит ее сестра[5] и ученицы, ну а дальше? Где же у меня будет музыка, зала, зеркало, чтобы работать самостоятельно? У Латри в деревне есть зала с зеркалом и музыкант Шушу (кот<орый> положил виноградные косточки на тарелку к Ламси <*sic!*>[6]), но ведь не могу же я из-за этого жить у Латри. Я стара, чтобы быть «девочкой» и поступать учиться то туда, то сюда. Танцевать у меня желание *страстное*, много новых идей для танцев дал мне Микель Анжело, но я страшусь дилетантства, начиная, надо знать, как возможно продолжать. И кто знает, может быть, отказывая себе в этом, я сохраню кое-что для живописи,

м<ожет> б<ыть>, наоборот.... Я еще не знаю. Для меня пора игры миновала. Жизнь кажется мне очень требовательной, полной страшного значения, и что-то зовет, и что-то тянет с силой, кот<орой> я раньше не знала.

Целую тебя. Пиши мне. О лете не решаю. Бывают часы, когда удается уйти из застенка пыток, тогда ничего не страшно. Отнестись к своей жизни как чужой и холодно посмотреть в прошлое и будущее..... Ты это можешь? Я – минутами под утро бессонницы.... Если бы мне на самом деле разбили нос тогда! Это была бы милость судьбы. Я бы сидела в своем углу, со своими видениями, с цельной душой.

Макс, мне хочется приветствовать тебя на пороге новой жизни, строгой и одинокой. Я буду рада повидать тебя в Берлине. Целую тебя и люблю, и радуюсь тебе.

Твоя Аморя

У Чуйко умер муж «мамы», и он едет на 8 мес<яцев> в Россию,[7] вот бы его в Коктебель!

[1] Датируется приблизительно по соотнесенности с п. 421 (благодарность за книгу) и п. 424 (упоминание о пребывании О.Э. Сиверс и приезде А.В. Сабашникова).

[2] Исходя из того, что присланная Волошиным «книга о Риме» представляла собой трехтомник, можно предположить, что он отправил Сабашниковой богато иллюстрированное издание французского искусствоведа Эмиля Барто (Rome... Paris. 1904–1905; 2-е изд. – 1907). Третий том, который «совершенно захватил» Сабашникову, был посвящен периоду «от восшествия на престол Юлиана II до наших дней» Все три тома сохранились в библиотеке Волошина (см.: Мемориальная библиотека... С. 97–98).

[3] См. примеч. 14 к п. 413.

[4] О.Э. Сиверс.

[5] Э. Дункан.

[6] Н.М. Лампси.

[7] М.С. Чуйко уехал из Парижа в Россию в начале апреля 1908 г. «Застала еще Чуйко, кот<орый> уехал потом через два дня, – сообщала А.Н. Иванова Волошину 6/19 апреля 1908 г. – Мы с ним успели осмотреть Салон Ind<épendants> <Независимых. – *фр.*>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 9 об.).

424. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5/18 марта 1908 г. Рим

18. Среда.

Дорогой мой, я еще не ответила на твое предпоследнее письмо.[1] Ты прав: прошлое не должно иметь власти над нами и оглядываться не надо. Забывать не надо, но сложить на дно души и хранить неприкосновенным до воскресения мертвых. Согласимся так; не тронем, и сами станем на страже, чтобы этого не коснулись; но тогда, Макс, нам не надо ни писать друг другу, ни видеться, п<отому> ч<то> этих прикосновений сердце больше не может вынести. Если я не знаю о тебе всего; я ничего не хочу знать. Я не могу терпеть твоей работы, если я не сочувствую ей *вполне*. После твоего письма я поняла тебя, и у меня к тебе одно светлое чувство, но я поняла окончательно, что мы должны расстаться навсегда. Я *помню* все, Макс, и не забуду; все, что было, всю надрывающую любовь; но прошлое не должно нас связывать. Нельзя жить медленнее времени.

Я еду 13 апреля (1-го по-нашему)[2] в Берлин; там пробуду столько, сколько надо будет, чтобы хорошенько повидаться со Штейнером, и там решу, верно, я поеду в Коктебель. И буду иметь мужество отрезать то, что умерло, все пойму. Так или иначе кончатся блуждания; мне больше нельзя терять времени. Моя душа сплошная рана, а я *не хочу* страдать.

Спасибо за справки о выставках, но теперь мне нечего выставлять; все потерпело жестокий ущерб, и Бог знает, как будет исправляться. Я переработала и переутомилась сильно.

Алеша приехал вчера. Дождь идет проливной, в Риме холодно и погода ужасная, простудилась. Здесь неделю была Оля Сиверс. Макс, милый, узнай все-таки про Академию, можно ли попасть прямо в мастерские и можно ли кончить в 2 года.

Нюша уезжает отсюда через 10 дней. Она едет, чтобы очень серьезно заниматься пением. Она очень поправилась, толстая, претолстая.

Макс, когда будешь в Москве, не говори ничего о лете; скажи, что не решил, чтобы мой отъезд в Коктебель не взволновал папу.

Целую тебя нежно. Мой хороший, мой любимый и милый Макс. Спасибо еще за «Rome», кот<орым> я зачитываюсь.[3]

Твоя Аморя

[1] Вероятно, Сабашникова имеет в виду п. 417.

[2] Ошибка: 13 апреля соответствовало в XX в. 31 марта по русскому стилю. О приезде Сабашниковой в Берлин см. примеч. 1 к п. 428.

[3] См. примеч. 2 к п. 423.

425. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

12/25 марта 1908 г. Рим[1]

25.

Дорогой мой, меня очень тревожит твое ухо. Не откладывай операции. Напиши мне подробнее, что такое там у тебя. Есть ли боли? Не опасно ли это? Целую тебя в это больное ушко. Боже мой, как мне тяжело, как вся душа моя изныла!

Макс, меня очень возмущает вмешательство других в твои отношения с В<ячесла>вом. Кто бы это ни был, даже сама А<нна> Р<удольфовна>, никто не должен вставать между тобою и им. Что из того, что он волнуется, чем ближе вы стали бы, тем легче было бы и ему, и тебе. Он бы понял тебя и твое отношение к жизни. Боюсь, что на днях он уезжает,[2] и вы расстанетесь надолго не так, как следовало бы, и это будет утратой невозвратимой. Я работаю с утра до вечера. Вечером мы с Алешей идем гулять. Он очень спокоен, самобытен, добр. 10-го апреля нов<ого> стиля мы с ним уезжаем во Флоренцию, чтобы в Берлине быть 16-го.[3] Там, верно, пробуду дней 10.[4] Так что к 20 апреля нашего стиля могла бы быть в Коктебеле. Не приедешь ли ты в Берлин раньше? Как быть? Я не знаю, надо ли нам видеться... Я решительно ничего не вижу... Мне все неясно. Почему тебе не быть в Коктебеле?*

* Далее вымараны три строки.

Я устрою себе мастерскую в комнате Violet и буду заканчивать вещи, начатые здесь и задуманные здесь. Мне будет очень страшно и одиноко, я знаю; в этом отношении теперь я прямо ненормальна. Но ведь другого исхода действительно нет. М<ожет> б<ыть>, Штейнер мне даст указания, как бороться с паническим ужасом и тоской.

Евг<ения> Каз<имировна> написала мне письмо чудесное и экстатичное, зов.[5] И я не могу ответить ей. Ты понимаешь? Я ни с кем не должна говорить.

Моя поездка в Крым вопрос нерешенный, п<отому> ч<то> я жду чего-то очень важного, что должно произойти раньше.

К тебе, милый, у меня самое светлое отношение первой дружбы, для меня было бы глубокой радостью, если бы В<ячесла>в понял тебя и полюбил, тогда бы я не потеряла его, как потеряла теперь, и стала бы верить в него снова.

25 марта.

Но я не должна говорить о нем. Я боюсь, что Штейнер увидит мою душу слишком непросветленной, слишком смущенной, и не станет говорить со мной, как это было зимой. «Она была слишком занята своими мыслями», — сказал он Алеше.

Целую тебя, милый, дорогой. Люблю тебя нежно. Будь здоров.

Пришли мне статью твою о Богаевском, умоляю.[6]

Гаушу я напишу, что работ послать не могу, так как не спешила заканчивать их, думая, что все сроки прошли.

Напиши о Саратове и Москве. Violet напишу на днях. Я очень тронута ее приглашением, но не могу им воспользоваться. Узнай, милый, об Академии, что я тебя просила.

Будь здоров. Обними меня, я совсем измучена, как и ты, и все мы.

Твоя Аморя.

О том, что я собираюсь в Коктебель, никому не говори еще.

[1] Данное письмо Сабашниковой написано в ответ на только что полученное письмо Волошина (не сохранилось), в которой он сообщал ей, в частности, о предстоящей ему ушной операции. «Сегодня Маргоря получила Ваше письмо – Вы опять нездоровы – что у Вас с ухом?» – спрашивала Волошина А.Н. Иванова в письме от 12/25 марта (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 74 об.).

[2] Имеется в виду предполагавшийся отъезд В.И. Иванова в Крым (см. примеч. 4 к п. 422).

[3] Однако Сабашникова и ее брат приехали в Берлин на несколько дней раньше. Первая дневниковая запись, сделанная Сабашниковой в Берлине, датирована 30 марта / 12 апреля 1908 г.: «Зима в Риме как сон, п<отому> ч<то> душа была далека» (ОДГ).

[4] В действительности Сабашникова осталась в Берлине надолго; в Россию она вернулась лишь в конце июня 1909 г.

[5] Имеется в виду письмо Е.К. Герцык от 28 февраля / 12 марта 1908 г. Приводим его полный текст, написанный карандашом и сохранившийся в архиве В.И. Иванова:

«Долгое молчанье встало между нами, Маргарита дорогая, но каждый день я душою прижимаюсь к Вам и страдала глубоко от своего бессилия ясно понять, осветить то, что было с Вами, и провидеть этому светлый исход. Но сквозь все сомнения неизменно во мне все время одно: сознанье неправды и несправедливости того, что Вы не с нами – и я хочу Вам, наконец, это сказать.

Я не раз пыталась убедить себя в том, что судьба проявила мудрость, направив Вас в Рим, что Вам нужно одной, самой с собой, создать себя в творчестве и в жизни – и если бы тот, от кого Вы ушли, был не В<ячеслав>, я, может б<ыть>, и поверила бы в это. Но всей своей болью я чувствую, что Ваш отъезд, Ваше отдаленье ложно и призрачно, что раз пришедшие к нему не разрывают с ним, что в Вашем теперешнем одиноком искании себя – суета, а не правый путь. Не одиноко, а только лицом к лицу с ним Вы найдете себя. Я не знаю, понимаете ли Вы меня. Я не хочу сказать, что в нем кончаются все пути, растворяются все личные воли, – нет, мы все, м<ожет> б<ыть>, только затем и знали его, чтобы потом и что-то свое делать в жизни или вне жизни и чтобы найти себя и Бога. Я только хочу сказать, *его* нужно пережить с *ним*, а не уйдя от него, что нельзя причиненную им боль ревниво унести и одиноко владеть ею. Не было бы на нем печати Диониса – Христа, если б он не имел всех прав над теми, кому он причинил страдание и если б сам он не был им всецело раскрыт и отдан.

Наша священная прерогатива в том, что мы можем страдать им, не отворачивая от него лица, что с ним и обмен страданием –

обмен дарами. И мне страшно, что Вы, уйдя в одинокие переживания, топчете его и свои права. Он не может не быть верен тем, кто его духа, – про Вас же я верю, что Вы – его духа.

Мне до сих пор так темны, непонятны Ваши отношения, что когда я пытаюсь представить себе Вас здесь – я как слепая и не вижу, *как* будет, *какой* будет близость Ваша, – но если бы даже, если бы стала неизбежной разлука, – то и разлучение это должно быть пережито Вами вместе, чтобы не уязвленными расстались ваши души, а воистину освобожденными. Надо замкнуть одну вечность, чтобы встретить другую. Помните? «Так ты вечность одну схоронил и другую взлелеял». Вечностью должно стать то, что было и есть между вами. *Некуда* от него уйти как только через него, в него другого, в себя другую. И я зову Вас, навеки где-то глубоко неразлучная и любимая, зову Вас, чтобы и Вы были с ним. О, как мне страшно Вашего одинокого пути по Европе, среди разных искусств, разных веяний, – когда Ваша родина здесь. И можно ли снести, что в этот невозвратимый час религиозного созидания Вы – вдали!

Знаю, с какими трудностями связан для Вас возврат в Россию, но если Вы почувствуете, что это верней всего, – неужели Вы не найдете слов убеждающ<их>. И зная также, что Вас зовут другие теперь и Вам представляются улегчающие возможности – встреча с Ив<ановым> и т.д., и мне неудержимо хочется просить Вас, чтобы Вы не поддавались соблазну найти более легкое, а вернулись туда, куда всего труднее и больней вернуться.

Верю в Вас и жду Вас.

Тихое безумие мое диктует мне это письмо, этот призыв – страшный для Вас, страшный для меня. Вы, сестра моя по безумию, должны понять меня.

Ев<гения>»

(РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 14; видимо, копия письма, отправленного Сабашниковой в Рим; в архивной описи обозначено как «письмо от неустановленного лица». Цитируется строка из поэмы В.И. Иванова «Сон Мелампа» (1907), посвященной Волошину, впервые опубликованной в «Золотом Руне» (1907. № 10. С. 31–35) и включенной в сборник «Cor Ardens»).

Это письмо Е.К. Герцык было известно ее сестре и, видимо, обсуждалось в кругу, близком к Иванову. «Я все думаю об ее <Евгении> письме Марг<арите> и все больше радуюсь и горжусь им, – писала А.К. Герцык В.С. Гриневич 2/15 марта 1908 г. – Она *должна* была взять на себя это испытание. Этого требует красота, величие их любви <т.е. В.И. Иванова и Е.К. Герцык>. И она оказалась *впереди* его, безумней его, дерзнула на то, на что *он* не отважился. И это сделает ее еще дороже ему» (Сестры Герцык. С. 107).

[6] Имеется в виду статья Волошина в «Золотом Руне» (1907. № 10. С. 24–30); см. также примеч. 2 к п. 339. Волошин выполнил просьбу Сабашниковой, отправив ей как статью о Богаевском, так и другие свои статьи (см. п. 428).

426. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

13/26 марта 1908 г. Рим

26 марта.

Вчера я не отослала тебе письма, мой дорогой.[1] Я все думаю, как и где нам увидаться и надо ли. У меня к тебе самое светлое, нежное чувство, ничем не затемненное, кроме сознания боли, кот<орую> я причиняю тебе. Я не права была, когда просила тебя вовсе не писать мне. М<ожет> б<ыть>, ты вновь можешь; не пиши о людях и о личном, если не хочешь; пиши о своей вере, о новых мыслях и присылай напечатанные вещи. Я не буду расхолаживать тебя; я буду мягко и внимательно судить. Я буду внимательной к тебе. У тебя больше нет дурного чувства ко мне – не правда ли, Макс мой.

Сегодня я особенно устала, работа идет неуспешно, так медленно, с такими неудачами, хотя я пишу без перерывов всю зиму. Много идей, совсем новых замыслов; но нет должного равновесия.

Я забыла рассказать тебе об отце Остроумове[2]; не его ли ты знал?[3] Я встретила русских паломников, ходили мы с ними по св<ятым> местам в Риме, беседовали. Странное чувство! Они из Иерусалима. Из глуши России 24 ч<еловека>: и бабы, и мужики.[4] В подворье Станислава, куда мы пришли к ним в гости и куда нас не пустили, встретили мы отца Остроумова, – русского иезуита, знавшего в молодости Пушкина, имевшего переписку с Соловьевым; с ним просидели у него 3 часа – человек с манией величия, мученик за правду, но многое, что он рассказывал, было очень интересно; м<ожет> б<ыть>, зайду к нему еще. Он 65 лет не был в России, но говорит по-русски прекрасно (кончил в Пет<ербурге> университет в <18>45 г.) «Поверьте, я здесь в России больше, чем вы там».[5]

Напиши мне, когда Е<лена> О<ттобальдовна> едет в Коктебель; я очень прошу ее увезти, а тебя закупить для меня холст, много, ну приблизительно вчетверо больше, чем тот, что мы покупали на портрет Лидии. Ведь это никогда не помешает — запас. Латри говорил мне, что с Богаевским или Рыловым ты бы в Академии мог достать очень дешево. Если можно, кусок вроде того, что тот, и кусок пошершавее.

Милый мой, как я нахально пристаю к тебе. Что бы я могла для тебя сделать? Когда я буду в Берлине, то попрошу выслать мне из Парижа руб<лей> 100 на дорогу. Там я должна также кое-что себе купить и быть у дантиста.

Целую горячо. Я люблю тебя и боюсь всего, что сделает тебе больно.

Аморя.

[1] Письмо, тем не менее, было отправлено Волошину (поскольку сохранилось в его архиве) — возможно, на другой день совместно с настоящим письмом.

[2] Имеется в виду Ю.К. Астромов.

[3] См. в письме А.Н. Ивановой к Волошину от 12/25 марта 1908 г.: «...Случайно попали в гости к русс<кому> иезуиту Астромову, кот<орый> состоит при польской церкви — Вы должны его знать? Маргоря вспоминает, что Вы говорили о нем. Очень интересно!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 75 об.).

[4] Более подробно этот эпизод изложен в «Зеленой Змее»:

«В середине Великого поста перед Пасхой я пошла в русскую церковь и, к своему изумлению, увидела, что она полна крестьян и крестьянок в национальных одеждах — со всех концов России. После обедни я разговаривала с ними во дворе церкви. Они меня окружили и наперебой рассказывали о себе. Они приехали из Палестины, были в Бари — поклониться мощам св. Николая, теперь приехали в Рим ко гробу апостола Петра и других святых. <...> На мой вопрос — из каких они мест России — выступил высокий пожилой мужик в громадной меховой шапке и сказал: “Мы пришли сюда не из Сибири или Урала, не с Белого или Черного мора, мы все пришли от Гроба Господня — вот наша родина”. Я ходила с ними по Риму. Они шагали по римским улицам так же уверенно, как в своей родной деревне, и, покупая у итальянцев открытки с видами Рима, разговаривали с ними так, как будто те понимали по-русски, — и все шло отлично!

"Какая здесь чистота! Дай Бог за это здоровья нашему государю-императору", – крестилась старушка-богомолка, никогда не видавшая большого города и, по-видимому, не очень ясно понимавшая, что она находится в чужой стране. "И кипяточек здесь дают бесплатно!"» (Зеленая Змея. С. 166–167).

[5] Ср. в дневнике Сабашниковой (ретроспективная запись, сделанная между 8 и 10 июня 1908 г.): «В Риме я встретила русских паломников и ходила с ними по святым местам. Из лесов Уфимской губ<ернии>, из Тамбовской и Саратовской... Они приехали из Иерусалима. В подворье Станислава, где они жили и куда я пришла с ними, я встретила русского иезуита, ему 84 года. Он при Николае кончил юридический факультет; в детстве видел Пушкина. – Я не был в России 64 года. – И Вы не соскучились? – Я с Тем, – отвечал он, – кто вездесущ, и я более в России и с русскими, чем те, кот<орые> думают, что живут в России» (ОДГ).

О знакомстве Ю.К. Астромова с Пушкиным и его переписке с В.С. Соловьевым сведений не имеется. Следов его знакомства с Волошиным также не обнаружено.

427. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 марта / 6 апреля 1908 г. Рим

6 апреля.

Мой милый, как я рада, что ты сделал себе операцию;[1] надеюсь еще в Риме получить сведения о твоем здоровье. Может быть, и астма твоя пройдет теперь совсем. Какая тяжелая была для тебя эта зима. Наши планы изменились. Мы *не* едем по городам, а 9-го прямо отправляемся в Берлин, п<отому> ч<то> у нас нет денег. Да и ни у меня, ни у Алеши душа не лежит на путешествие. Это еще не уйдет. Значит, 16/4[2], как мы и предполагали раньше, мы будем в Берлине. Я заканчиваю портрет Лидии и не знаю, как с ним поступить. Он совсем сырой; м<ожет> б<ыть>, я попрошу Муромцеву его похранить неделю и потом послать тебе в руло<не>. Тогда покрой его лаком и вставь в багетную бронзовую рамку из лавровых листьев. Это ночь. Она в красном с оранжевым. О сходстве и вообще о портрете я судить совершенно не могу. Пока

не говори ничего В<ячесла>ву. М<ожет> б<ыть>, я пошлю его прямо в Феодосию.[3] Я увижу.

Относительно нашего свидания и моей поездки в Коктебель – правда, не знаю, как быть. *Долго* проживаться в Берлине не хотелось бы. Не приедешь ли ты в Крым хоть на некоторое время? Мне хочется повидать тебя. Потом не надо, чтобы люди говорили, что мы не живем вместе. Пусть не знают о нашей жизни ничего. Я твердо решила ехать прямо в Крым, не заезжая в Москву. Боюсь, что папу взволнует, если он будет знать, что мы не встретимся там. Впрочем, я хочу, чтобы наша жизнь оставалась тайной столько же для тебя, сколько для себя. М<ожет> б<ыть>, тебе бы и хорошо было перед отъездом пожить в Коктебеле и походить по горам. Я теперь могу ходить очень много. Относительно лишних денег при заезде в Крым – ведь жизнь моя в Берлине в ожидании тебя стоила бы дороже. Все, что я пишу, относится к тому случаю, если ты хочешь меня видеть. Повторяю, что я хотела бы этого; п<отому> ч<то> во многом изменилась. Ты помнишь сказку Гофмана о Klein Zaches*?[4] Это был уродец злой и безобразный, кот<орого> пожалела фея и вплела ему три красных волоска и причесала, и он всем стал нравиться; его все баловали, когда он вырос, все его вины падали на соседа, и все заслуги его соседа принимались за его; он царил, пока волшебник не выдернул у него трех волосков, и тогда погнали этого урода, и он утонул в ведре. Фея сказала: «И лучше, что ты погиб, п<отому> ч<то> ты ничего не сделал сам для себя».

Печальная и поучительная история. Я чувствую себя этим злым уродцем, кот<орый>, м<ожет> б<ыть>, сам вовремя догадался о трех волосках.

Бесконечно серьезной и трудной, трудной открывается передо мною жизнь. Я очень дурная и даже не вижу пути стать хорошей. Что-то задушено в моей жизни;** надо найти силу; самое страшное – погаснуть, а я иногда начинаю вновь, как раньше, терять реальное ощущение жизни и чувствовать себя во сне. Это самое опасное для меня и гибельное. Лучше страдать реально, чем томиться в бреду; это тупая разлука, боль –

* Крошка Цахес *(нем.)*.

** Далее вымарано несколько слов.

кот<орая> теряет остроту и кот<орая> не проходит. Впрочем, об этом лучше не говорить даже.

Мне хочется прочесть с тобой все, что ты написал за это время. Но повторяю, поступай, как знаешь; тебе виднее. Ведь я *не вижу*, ничего не могу понять. Не могу, напр<имер>, понять такой простой вещи, почему, когда В<ячесла>в хочет видеть меня, он мне не напишет об этом.

Целую тебя. Надеюсь, что ты здоров и бодр. Пиши мне теперь Берлин Poste restante.

Твоя Аморя.

[1] В конце марта 1908 г. Волошин перенес операцию уха (см.: Труды и дни-1. С. 200; примеч. 1 к п. 425).

[2] В автографе – описка: 16/3. О приезде Сабашниковой в Берлин см. примеч. 3 к п. 425.

[3] Портрет был отправлен в Феодосию А.М. Петровой. О его дальнейшей судьбе см. примеч. 13 к п. 447.

[4] Сабашникова имеет в виду (и далее пересказывает) сказку Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» («Klein Zaches genannt Zinnober», 1819).

428. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 28 марта /10 апреля 1908 г. Берлин[1]

Augsburgerstrasse. 30–31

Милый Макс,

Целую тебя за письмо.[2] В Петербург я не приеду и, во всяком случае, до июня, до конца июня, в России не буду; так что тебя я увижу здесь, когда ты будешь проездом. О себе говорить я не буду. Будущее свое не связывай со мной. Я знаю, что ты теперь силен и свободен, что тебе никто не нужен. Еще одно хотела я сказать: не пиши мне о В<ячеславе> и не говори ни со мной о нем, ни с ним обо мне.

Это моя к тебе просьба.

Целую тебя, милый мой, и твою маму.

Сделай себе сам от меня подарок к Пасхе[3] — красную розу; а на имя В<ячесла>ва вели послать в страстную субботу* белую лилию рубля в 3, не говоря, от кого.[4] Выпиши мне из Парижа руб<лей> 200. Но это не к спеху.

Здесь Аненькова <*sic!*>[5]. Она считает тебя первым поэтом.[6] Ты рад? Она en plein** в суеверии А<нны> Р<удольфовны>.***[7]

Твои фельетоны я прочла, многое мне очень нравится, особенно в фельетоне о Богаевском[8], но форма очень пышная; все фразы обременены тяжеловесными эпитетами. В переводе на французский язык это было бы хорошо, но в русской прозе, в статьях особенно, очень хотелось бы строгой sobriété****. Я бесконечно любовалась постройками римского возрождения; этими солидными дворцами без всяких украшений, красота кот<орых> — в гармоничных и обнаженных размерах; и один нарядный маленький балкончик посредине или украшенный один портал становится центром и весельем.

И как он оценен! Вот истинный размах! И вот что должно было бы стать образцом статей твоих. Я часто думаю об этом. У тебя же все с самого начала гиперболы, все «самое», и с самого начала в читателе является скептицизм, чувство меры протестует с самого начала. И мысли новые и прекрасные звучат фразой. Ты ведь не сердишься на меня? Нет? Es war gut gemeint.*****

Твоя Аморя.

К Violet у меня никакой нет несправедливости.[9] Я знаю, что она во всех отношениях очень хорошая, но мне нравятся дурные люди.

[1] Датируется приблизительно. Сабашникова приехала в Берлин 27 марта / 9 апреля или 28 марта / 10 апреля 1908 г. (см. примеч. 3 к п. 425); через несколько дней она устроилась в пансионе на Мотцштрассе (см. примеч. 2 к п. 429).

[2] Письмо не сохранилось.

* Было: пятницу

** Целиком, полностью *(фр.)*.

*** Далее вымарано несколько слов.

**** Сдержанность *(фр.)*.

***** Это сказано из добрых побуждений *(нем.)*.

[3] В 1908 г. Страстная неделя в России приходилась на 6/19 – 13/26 апреля.

[4] Волошин выполнил просьбу Сабашниковой, о чем свидетельствует запись в его дневнике от 11/24 апреля 1908 г.: «Страстная пятница. <...> Идя на Башню, заказываю лилию, которую Аморя просила послать Вячеславу» (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 291).

[5] О.Н. Анненкова.

[6] «Только теперь, читая хронику "Akasha", поняла вполне Ваше прекрасное и глубокое стихотворение "Сатурн", смысл которого еще на Рождество был для меня не ясен, – писала О.Н. Анненкова Волошину в недатированном письме (судя по содержанию, – первые месяцы 1908 г.) – <...> Вашей книги жду с большим нетерпением» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 190, л. 1).

[7] В 1908–1909 гг. О.Н. Анненкова жила в Берлине, изучала теософию, переводила работы Штейнера на русский язык и помогала М. фон Сиверс в издательских делах; посещала лекции в Берлинском университете. «Почти все свое время отдаю теософии; – сообщала она Волошину в цитированном выше письме, – слушаю д<окто>ра Штейнера и понимаю отношение к нему А<нны> Р<удольфовны>. <...> В Университет почти не хожу...» (Там же). См. также примеч. 2 к п. 431.

[8] См. примеч. 2 к п. 339.

[9] По-видимому, Сабашникова возражает Волошину, упрекавшему ее (в несохранившемся письме) в том, что она несправедлива к В. Харт.

429. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 2/15 апреля 1908 г. Берлин[1]

Мой милый Макс, мое прошлое письмо, относящееся к прошлому, должно было тебя огорчить глубоко. Оно относилось только к прошлому. Что делать, если этого я не могу касаться? Но о настоящем я тебе не сказала, что хотела бы больше о тебе знать, видеть тебя здесь. Отчего ты не пишешь мне о себе, о своих планах, мыслях и работах? Кого ты видаешь? С кем дружен?

Я поселилась в Берлине в тихой и большой комнате, выходящей на двор.[2] Только на днях начала ходить в мастерскую от 5–7 вечера рисовать. Утром стараюсь встать раньше,

делаю эскиз к сосновому духу[3]. Пока читаю больше по теософии, но буду читать по мифологии и истории, и искусства. Статью о «Зверинце» так и оставила.[4] Мне показалось, что это анализ, а я чувствую ко всему спекулятивному и аналитическому глубокое отвращение, как к чему-то, что убивает жизнь и творчество. Моя работа о двух сторонах в искусстве, мужской и женской, пока не подвигается; я нахожу все новые и новые мысли, но боюсь слов.[5] Я оказалась совершенно одинокой и потому чувствую холод, и падаю иногда, как замерзнувшая птица на лету, ни в чем нет радости.

Мне кажется, я стала сознательнее, т.е. себя увидала и вижу во всей наготе, и верю в Бога, который поможет мне стать лучше и найти себя. Милый мой, целую тебя, будь радостен. На днях я напишу твоей маме, а моя мне с Рима не писала. Только папа пишет мне. До свиданья, пиши мне.

Твоя Аморя.

Пожалуйста, немедля вышли мне 150 марок, и чтобы никто не знал. В этом совсем особенна<я> цель.

[1] Датируется по содержанию (упоминание о «прошлом» письме, в котором содержалась просьба «не писать» о В.И. Иванове). Написано до приезда В.М. Сабашникова («Только папа пишет мне»), прибывшего в Берлин около 10/23 апреля 1908 г. (см. примеч. 1 к п. 431).

[2] Сабашникова и ее брат поселились в пансионе госпожи Лоренц на Мотцштрасе 72 (на той же улице жил и Р. Штейнер).

[3] О какой именно работе Сабашниковой идет речь, неясно.

[4] Позднее статья была все же дописана (см. примеч. 8 к п. 361).

[5] Весной и летом 1908 г. Сабашникова обдумывала статью о мужском и женском начале в искусстве. Замысел вызревал постепенно и был, по все видимости, навеян знакомством Сабашниковой с творчеством великих итальянских мастеров, а также взглядами Н.В. Бугаева (см. примеч. 11 к п. 413 и примеч. 7 к п. 441). Пересказывая в дневниковой записи от 2/15 июля 1908 г. теорию Бугаева о противоположности аналитического и аритмологического начал, Сабашникова заключает: «Итак, приводя эти два начала к началам муж<ским> и женским в мире, я нахожу, что анализ носит на себе *начало* повторности, необходимости, консерватизма, законности, формы и т.д. Т.е. начало женское – в аритмологии. Дело идет о *начале* мужеском, индивидуальном и свободном. В росте растения

идет закон повторности: стебель и листья (этим заведует эфирное тело), затем там, где эфирное тело граничит с астральным, – является цветок. Искусство есть эта граница жизни. В быте, в традициях и в мудрости, действующей изнутри, – мы видим женское *начало*, в индивидуальности и непосредственном вдохновении – импульс муж<ского> *начала*» (ОДГ).

Свои наблюдения и мысли Сабашникова, как видно, пытается сочетать с теософией; не случайно они были поддержаны Штейнером в их беседе, состоявшейся на следующий день, 3/16 июля 1908 г. «Когда я сказала Штейнеру, – записано у Сабашниковой, – о моих попытках увидеть в истории человечества два течения в искусстве – мужское и женское, он утвердительно кивнул головой и предложил привести примеры из истории искусства. Я назвала Микеланджело как представителя мужского течения и Рафаэля как представителя женского течения. "Это верно, – сказал он, – Микеланджело мог бы жить еще бесконечно долго и постоянно творить нечто новое. А Рафаэль должен был рано умереть, он исчерпал себя в совершеннейшей форме"» (Erinnerungen... S. 53; приводится в обратном переводе с немецкого).

Статья не была написана, но в дневнике Сабашниковой сохранились отдельные тезисы и разрозненные записи, имеющие отношение к этой теме. «2 течения в искусстве, – записывает она, например, 30 марта / 12 апреля 1908 г., – мужское и женское. Классицизм и Романтизм. Вдыхание и выдыхание. Возрождение.

Художественное творчество может быть сознательным и бессознательным. Человеку, заглянувшему по ту сторону, трудно вернуться к форме. Тогда это жертва, потребность отдавать. Художники так же разделяются на творящих бессознательно, они – медиумы, свирель, на кот<орой> играет архангел, и гениев мужественных, кот<орые> сами достигают сознания архангельского. Гете, Леонардо, м<ожет> б<ыть>, были такими. Мик<ель>-Анжело был на границе, благодаря этому – полнота его воплощения. Одни творят от голода, другие – от полноты. Свирельной душой был Рафаэль, Моцарт... Тайна готики, м<ожет> б<ыть>, в том, что работа была коллективной, замысел и план собора давался сверхчеловеком – воплощали же его художники, принадлежащие земле. Собор строился, как строится улей. Тайна египетского искусства – иная. Классицизм, глубочайшее воплощение – в Риме, в Италии и Франции. Греция оплодотворяла варварство, вводя в хаос ритм и каждый раз преломлялась по-иному. Возрождение Греции совершает свой цикл. В России она может вернуться к первоначальным истокам своим. Елена Прекрасная – вечная жена. Художнику нужно вино, закрывающее потустороннее,

чтобы вернуться обратно на землю. Пиите от нея вси, сия есть кровь моя Нового Завета. Когда вино вновь обратится в воду, творчество станет иным... Искусства не будет» (ОДГ; приводятся слова Христа на Тайной Вечере: "И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все: ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов" // Мф. XXVI, 27–28). К этим же размышлениям Сабашникова возвращается в записи от 9/22 апреля: «Готика – не земля, принимающая в себя Бога, но Бог, берущий землю. Начало мужественное. Земля, форма, Елена Прекрасная, смерть – начало женственное. Дионис, Фауст, варварство – нач<ало> мужское. Дивное равновесие Возрождения, единственное христианское искусство». И наконец – в записи от 11/24 апреля: «Борьба гфельфов и гибеллинов – та же борьба двух начал. Римская церковь несет в себе женственное начало формы и смерти. Первоначальная, интуитивная, образная мудрость – женств<енный> дух, со времени Сократа – новая муж<ественная> мудрость, аналитический дух. Этот дух солнечный в вечной борьбе с женским началом и жаждет слияния с ним. Этот дух – дух богоборчества – находит всегда приют в сектах и рыцарских орденах. Средневековый культ мадонны. Саванаролла, Лютер – мистики этого рода. – Варвары» (Там же).

Ср. также запись в дневнике Сабашниковой от 28 апреля / 10 мая 1908 г.: «Вечер с Алешей. Обсуждение моей работы "О двух началах в искусстве". Она должна разбиться на несколько частей. Изойти нужно из Греции. Египта коснуться только в связи с Россией в конце. Борьба и равновесие этих двух начал в различные периоды искусства и так же в творчестве единичных худ<ожников>. О сознательном творчестве» (Там же).

430. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18 апреля / 1 мая 1908 г. Берлин[1]

Пятница.

Милый Макс, прости долгое молчание. Только теперь, когда тишина, подобная смерти, сошла в мою душу, я могу ясно ответить тебе: моя земная жизнь кончена, мы с тобой не можем и не должны быть вместе. Ты должен почувствовать себя свободным *во всех* отношениях. Что касается до художественного творчества, то я думаю, что и эта область закрыта для меня; м<ожет> б<ыть>, вернется и будет как жертва.[2]

Ничего темного и неясного к В<ячесла>ву нет у меня, и моя душа обращена к нему навсегда. Но видеть его мне не надо; слышать о нем мне нельзя от других. Сознаю себя в мире совершенно одной. И так хочу, так да будет.

Об этом я сказала сегодня папе, и он выслушал это, как одна его святая душа слышит и принимает.

Да, я видела Штейнера. Лето остаюсь в Германии. Не знаю, будет ли тебе тяжело меня видеть теперь. Реши это сам. Мне тяжело видеть всех людей пока; но Бог поможет мне со временем исправить то зло, кот<орое> я причинила многим.

Целую тебя нежно.

М.В.

Прошу тебя не говори с Вячеславом обо мне. Скажи, что мы расстались, и то только в том случае, если он спросит. Мне невыносима мысль, что третий, кто бы он ни был, становится между ним и мною. Я думаю, что ему тяжело видеть тебя, оттого что ты напоминаешь ему прошлое; он должен быть от него совсем свободен.

Алеша только не мог понять, почему В<ячесла>в поручает другим передавать мне разные вещи, а не выскажется ясно и просто сам прямо, больше ничего.

Сейчас я получила твое письмо. Я повторяю, что меня нет на земле. Все счеты кончены. Я никуда не поеду. Звать теперь В<ячеслав> не может меня, мне не надо его видеть, если ему надо меня видеть, он может приехать. Твоя любовь, твоя забота обо мне меня очень трогает, но, Макс, с этой жизнью кончено, и я имею теперь *право* на одиночество.

Что В<ячеслав> не может писать мне, я *вполне* теперь понимаю и не понимаю тебя, что ты от него что-то требуешь; ведь я же вдали не понимала, ты же его видел.

Я *не* приеду. Теперь все ясно и светло.

С тобой же, мне кажется, мне не надо видеться. Чтобы перейти тихо, без потрясений, в другой мир. Прости мне сухость письма. Пойми мое состояние. Не огорчайся и верь мне, я вижу твою добрую, милую, преданную душу.

[1] Датируется по упоминанию о В.М. Сабашникове, находившемся в тот момент в Берлине (см. примеч. 1 к п. 431). Время его пребывания охватывает две недели (и две пятницы), т.е. данное письмо могло быть написано либо 11/24 апреля, либо 18 апреля / 1 мая 1907 г. Слова о «долгом молчании» побуждают сделать выбор в пользу второй даты (предыдущее письмо Сабашниковой было написано приблизительно двумя неделями раньше).

[2] В сходных словах Сабашникова рассказывала о себе в письме к А.М. Петровой (около 20 апреля / 3 мая 1907 г.): «Мне сейчас очень, очень трудно писать, п<отому> ч<то> в душе нет слов. Одна жизнь отошла, и другая не настала. <...> Да, я не вижу сейчас мира; я вернусь к художественному творчеству, но это будет жертвенный акт, добровольный; *мне* этого не надо; мне это очень тяжело теперь. Но надо будет» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 112).

431. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18 апреля / 1 мая 1908 г. Берлин[1]

Дорогой мой, мучаюсь, что мое сегодняшнее письмо было сухо и жестко. Добрый, нежный мой Макс. Мы обо всем говорим с папой, тихо, как в могиле. О дивная его, тихая, кроткая душа. Если ты хочешь повидаться со мною, приезжай, конечно, только не нужно разговаривать. Здесь Анненкова. Она очень милая.[2]

Да хранит тебя Бог.

Не будь печальным.

Аморя.

Штейнер – великий пророк. Я думаю, он – Иоанн Креститель.

[1] Датируется в соответствии с первой фразой («...мое сегодняшнее письмо...», т.е. п. 430) и упоминанием о пребывании в Берлине В.М. Сабашникова. «Приехал папа, кроткий голубь мой, святой», – сообщала Сабашникова в недатированном письме к А.М. Петровой, отправленном из Берлина в первые дни мая 1908 году по европейскому календарю (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 114). В.М. Сабашников уехал 23 апреля / 6 мая, желая, по-видимому, встретить в Москве праздник русской Пасхи, приходившейся в 1908 г.

на 26 апреля (см. п. 434). Ср. также запись в дневнике Сабашниковой от 24 апреля / 7 мая: «Вчера проводили папу, он провел с нами две недели. Святой голубь, кроткий и тихий, и любящий. Тихое дитя» (ОДГ).

[2] Однако через некоторое время отношения Сабашниковой с О.Н. Анненковой усложнились. В дневнике Сабашниковой имеется запись от 26 мая / 8 июня 1908 г. о прогулке в лес, предпринятой совместно с Анненковой и теософкой Луизой Бёзе (?–1960), исполнявшей в 1907–1908 гг. секретарские обязанности у Штейнера и М. фон Сиверс. «С ней и с Анненковой мы уехали в лес. <...> В лесу мы прочли лекцию Шт<ейнера> о Троицыном дне. Анненкова влюблена в Louise. Мучается, ревнует. Тяжело мне с ней. Она вносит во все суетность, любопытство и жадность. И не видно, как можно из этого с ней выйти» (ОДГ).

432. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 20 апреля / 3 мая 1908 г. Берлин[1]

Берлин. 1908 г.

Милый мой, сегодня получила твое письмо. Мне так стало жаль тебя. Ты не должен чувствовать себя одиноким. Наше общение станет лучшим, верным. Я твой первый друг. Я и Александра Мих<айловна>. Сейчас и, верно, надолго мне надо быть совсем одной, потом я вернусь к жизни, к людям. Теперь мне бы хотелось никого не видеть. Ты знаешь, что и с Алешей я почти не вижусь, мы живем в разных концах дома и избегаем быть вместе. Я чувствую, что не имею права быть ни с кем. И переписываться мне ни с кем не надо пока.[2] С тобой я с радостью увижусь, чтобы ты уехал спокойным.

Имей в виду, что 14 мая (1-го ст<арого> ст<иля>) Штейнер читает в Архетектонской зале,[3] а 18-го уже начинается серия лекций в Гамбурге,[4] куда я еду с ними. Хорошо бы тебе в таком случае быть 4<-го> мая в Берлине. Целую тебя. Будь спокоен и не печалься.

Твоя М<аргоря>.

Возьми же на отъезд свои деньги из Парижа;[5] а также, пожалуйста, переведи мне 200 руб.

Если можно, захвати Библию, м<ожет> б<ыть>, лучше русскую. Есть хороший перевод с еврейским текстом.[6] Также соч<инения> Пушкина с его критическими статьями, т.е. полное.[7]

«Похвала моралистам»[8] очень остроумно написана.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Тема одиночества, постоянно звучащая в письмах Сабашниковой, болезненно обостряется к весне 1908 г. «Я одна и хочу быть одна, – заявляла Сабашникова в письме к А.М. Петровой 31 мая / 6 июня. – Так надо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 20). См. также п. 430, 437, 440 и 454 (примеч. 2).

[3] Имеется в виду зала в берлинском «Architektenhaus» – так называлось здание на Вильгельмштрассе, где в 1902–1918 гг. неоднократно выступал Штейнер (ср. примеч. 5 к п. 204). 1/14 мая 1908 г. Штейнер прочитал в зале этого «Дома» публичную лекцию «О небе».

[4] С 5/18 по 18/31 мая 1908 г. Штейнер читал в Гамбурге «христологический» цикл «Евангелие от Иоанна» (GA 103), состоящий из двенадцати лекций. См. примеч. 3 к п. 436.

[5] Готовясь к отъезду из Петербурга в Париж, Волошин испытывал в тот период денежные трудности. 1/14 апреля он упомянул об этом в разговоре с А.М. Ремизовым, что явствует из волошинского письма, написанного на другой день (см.: Т. 9 наст. изд. С. 357). Однако в начале мая Волошину удалось получить нужную сумму от А.Н. Ивановой (см.: Труды и дни-1. С. 203).

[6] Об отклике Волошина на эту просьбу Сабашниковой сведений не имеется.

[7] Возможно, будучи горячей поклонницей Пушкина, Сабашникова имела в виду последнее по времени и наиболее полное в начале XX в. издание: *Пушкин А.С.* Сочинения и письма. Т. I–VIII. Под ред. П.О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903–1906. Выполнил ли Волошин эту просьбу Сабашниковой, также не известно.

[8] «Похвала моралистам – статья Волошина в защиту Кузмина, Федора Сологуба и других авторов, писавших об однополой любви. В статье говорилось также о лекции В.И. Иванова «Две стихии в современном символизме», прочитанной 8 марта 1908 г. в Литературном обществе, и книге Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода». См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 218–225.

433. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 22 апреля / 5 мая 1908 г. Петербург[1]

Милая Аморя, я страшно рад получить твое второе письмо.[2] Первое было очень страшно. Но я принял его так, как оно было, и оно должно было быть *так* написано.

Как хорошо, что твой папа с тобой и что ты именно с ним говоришь обо всем.

[1] Видимо, черновик (начало) ответа на п. 430.
[2] Т.е. второе письмо, написанное в тот же день.

434. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 апреля / 6 мая 1908 г. Берлин[1]

23.

Мой милый Макс, не поедешь ли ты в Париж через Гамбург морем и каналом через Киль; мы будем там 17-го мая нов<ого> стиля[2] и останемся 2 недели. Это путешествие было бы много дешевле для тебя и чуточку лишь подольше.

Переведи мне из Парижа немедленно письмом, конечно, не телеграммой, 200 руб., п<отому> ч<то> у меня нет ни пфеннига больше.

Алеша просит Девочкин адрес.

Захвати библию и Пушкина и скажи мне имя автора книги о готике, что у тебя в Коктебеле.[3]

Папа сегодня едет в Москву.[4] До свидания. Думаю, что увидимся в Гамбурге.

Целую тебя и маму.

М.

Если она[5] видает Соловьеву, пусть спросит, есть ли в «Тропинке» свободное место для моего рассказа на ближ<айший> меся<ц>.[6]

[1] Открытка. Почтовый штемпель получения: «СПб. 26.IV.1908; штемпель отправления не прочитывается. Адрес: «Максимилиану Александровичу Волошину Невский 73. Меблированные комнаты Эрмитаж. *Petersburg. Петербург.* Russland. Россия».

[2] Сабашникова приехала в Гамбург 5/18 мая (см. п. 435).

[3] В ДМВ сохранился ряд книг, отражающих интерес Волошина к готическому искусству, средневековой архитектуре, соборам Франции и т.д. Какую из них имела в виду Сабашникова, неясно.

[4] См. примеч. 1 к п. 431.

[5] Т.е. Е.О. Кириенко-Волошина.

[6] См. п. 413 (место, отмеченное примеч. 20) и примеч. 6 и 7 к п. 419.

435. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5/18 мая 1908 г. Гамбург[1]

18-го мая.

Милый Макс, сейчас мы приехали в Гамбург. Остановились Lange Reihe 47–49. Pension Hütgner.* Мы ехали вместе с другими, с «набольшом» <?>[2]. К первому июня нов<ого> ст<иля> должны быть обратно в Берлине.

Поэтому не медли, пожалуйста, если хочешь повидаться именно в Гамбурге.[3] Это было бы самое лучшее. Деньги я получила. До свиданья, милый мой, выезжай немедля. Не понимаю, почему ты давно не сделаешь, как я тебе советовала, и давно не уехал. Целую тебя и жду.

Маргоря.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Hamburg 19.5.08.

[2] Возможно, шуточное прозвище Штейнера. Ср. дневниковую запись Сабашниковой от 6/19 мая 1908 г.: «Вчера мы уехали из Берлина. Ехали вместе с Ш<тейнером>. Мы увидали его на платформе. Он до того отличается от всех людей и походкой, и орлиной посадкой головы, и тем, как на нем сидит платье. Немецкие романтики такими изображали поэтов и волшебников.

Весна. Яблони в цвету. Он ехал впереди в первом классе. Мар<ия> Як<овлевна> спала, п<отому> ч<то> они всю ночь вози-

* Ланге Райе 47–49. Пансион Хютгнер *(нем.)*.

лись с "Люцифером", а он работал. Мы же ехали с сестрой Мар<ии> Як<овлевны> и Зелинг<ом> <*sic!*>.

В Гамбурге наняли комнаты. Перед моим окном – черные дома и свежая липа. Над умывальником вышивка "Guten Morgen, liebster Johann" <"Доброе утро, дорогой Иоганн". – *нем.*>, а на абажуре лампы – сводные картинки» (ОДГ; о журнале «Люцифер» см. примеч. 6 к п. 131; «мы» – Сабашникова и А.В. Сабашников; упоминаются также: Ольга фон Сиверс (1874–1917), сестра М. фон Сиверс; Вильгельм Зеллинг (1869–1960), антропософ, в тот период – помощник Р. Штейнера и М. фон Сиверс). Ср.: Erinnerungen... S. 50.

[3] Волошин выехал из Петербурга 11/24 мая 1908 г. В Гамбурге, куда он приехал ранним утром 13/26 мая, Волошин провел несколько дней (встречался с Сабашниковой, слушал лекции Штейнера) и 16/29 мая уехал в Париж (см.: Труды и дни-1. С. 204).

О их встрече в Гамбурге рассказывает, в частности, дневниковая запись Сабашниковой: «Неожиданно в 6 ч<асов> утра входит ко мне Макс. Очень грустный и бледный, все целует мне руки. Всем чужой и мне до такой степени чуждый. Через четверть часа он засыпает; я закрываю его своей периной и выхожу на балкон. Листья липы просвечивают, и утреннее небо нежно голубеет. <...> Макс играет словами и мыслями, желая удивить себя и других. Он плавает в этих словах и идеях, как рыба в воде. Ему ничего другого не нужно; ничто извне не может на него повлиять. Авось доиграется; авось выплывет. Его грусть, может быть, самое дорогое, что есть у него в жизни. Я думала, что свидание со Штейнером произведет на него сильное впечатление и он "вспомнит". Но он говорит, что ему этого не нужно, не чувствуя, как бы он был нужен, не чувствуя времени» (ОДГ; запись от 13/26 мая 1908 г.). «Свидание» Волошина со Штейнером» было, по-видимому, неоднократным; Сабашникова в «Зеленой Змее» упоминает (С. 170), что Волошин прослушал в Гамбурге «несколько лекций» Штейнера.

436. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17/30 или 18/31 мая 1908 г. Гамбург[1]

Дорогой мой, как печально мне думать, что ты уехал от меня таким грустным, таким расстроенным и непримиренным. Ради Бога, не грусти. Я тебя люблю, я мысленно с тобой, но ты видишь и знаешь, что мне должно оставаться одной. За

моими придирками к твоей внешности не надо видеть мелочности. Я глубоко убеждена, что в этой *внешней* негармоничности тебя с окружающими кроется внутренняя немузыкальность, кот<орая> всегда встанет между тобой и людьми, если ты не победишь ее. Пойми, милый, что простить тебе этого невозможно. Кто тебя любит и ценит, будет всегда воевать с этой стороной твоей души и ее проявлением в мире. Я не прощаю ее и не примиряюсь с ней, потому что *не хочу*.[2]

Целую тебя нежно. Успокой меня, напиши о себе. Сегодня целый день гроза. Я покупала пальто, а потом читала. Сейчас идем на лекцию.[3]

Милый, будь здоров и светел. Многое в Париже должно тебе быть очень больно. Мне очень жаль тебя, мне очень тяжело.

Целую тебя и Нюшу.

Если у Кати есть «Трагический Зверинец», вышли мне его в Берлин сейчас же.[4]

Аморя.

[1] Написано, судя по содержанию, на другой день после отъезда Волошина из Гамбурга.

[2] 17/30 мая 1908 г. Сабашникова сделала в своем дневнике следующую запись:

«Вчера вечером Макс уехал. Нам было очень тяжело вместе. Все его существо, глубоко негармоничное в движениях, его наружность, манера говорить и слова, его невероятный костюм производили на меня впечатление болезненное. Человек должен работать над своей внешностью, как и над душой. Максу нравится шутовство его, ему нравится, что на улице все, решительно все покатываются со смеху при виде этого толстяка в цилиндре, в локонах и чудно́м пальто по талии; его фатовство носит характер пошлости, и он не понимает, что идеи, носителем которых он является, требуют, чтобы он сам как лицо внушал уважение. Из-за мелочей и из-за пфеннигов с ним делаются припадки раздражительности, он поднимает скандал; его жаль, и на него досадно. Из парадоксов он не выходит. Все мысли, все, может быть, глубочайшие чувства выговаривает он пышной, иногда остроумной фразой. Все, все в нем возбуждает протест. При отъезде он был глубоко печален. Его грустный взгляд пронзил мне сердце,

и моя уверенность, что я покинула его, поколебалась. Легко, легко покинуть его. Но кто угадает правду. Я ничего не знаю. Не следует ли побеждать инстинктивное и нести раз поднятую тяжесть? Но я не хочу ничего форсировать. Мое свободное сознание скажет мне, что делать. Пока мне должно остаться одной» (ОДГ). См. также п. 437.

[3] 17/30 и 18/31 мая 1908 г. Штейнер читал в Гамбурге две последние лекции цикла «Евангелие от Иоанна» (см. примеч. 4 к п. 432). Этот цикл произвел на Сабашникову огромное впечатление. «В том душевном состоянии, в котором я тогда находилась, с сознанием виновности и вырванности из всех прежних жизненных связей, – вспоминала Сабашникова, – все, что я получала тогда, действовало на меня как мощная восстанавливающая сила» (Зеленая Змея. С. 170). «В Гамбурге Штейнер говорил о Евангелии Иоанна, – писала Сабашникова А.М. Петровой 31 мая / 13 июня 1908 г. под непосредственным впечатлением от гамбургского цикла. – Он выступил открыто проповедником христианства, он раскрывал значение времени и значение христианских Таинств. То, что мы пережили там в эти 12 дней, – рассказать нельзя. С тех пор иначе я ступаю по земле, иначе смотрю, с иным чувством встречаю и провожаю солнце, принимаю пищу, слушаю слова, и я молюсь: Сподоби мя неосужденно и со дерзновением смети причаститься святых и страшных Тайн Твоих» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 14; приводятся слова просительной ектеньи (ср. примеч. 8 к п. 51); дальнейший текст данного письма – изложение лекций, прослушанных в Гамбурге).

[4] Выполнил ли Волошин просьбу Сабашниковой, неизвестно. Как явствует из п. 437, Сабашникова уже через несколько дней получила эту книгу из Москвы (куда, по-видимому, обращалась с аналогичной просьбой). «Получила из Москвы “Трагический Зверинец” Лидии, – записала она в дневнике 9 июня 1908 г. (н.ст.). – Глубокая чудная вещь» (ОДГ; дата определена по месту записи в дневнике).

437. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Между 27 мая / 9 июня и 1/14 июня 1908 г. Берлин[1]

Дорогой мой, милый Макс, ты не ответил мне на письмо,[2] и в моей душе глубокая, глубокая грусть. Наше свидание было неверным, я была неверная, стараясь скрыть отчаяние, была все время неестественна, и ты должен был уехать оскорблен-

ный. Не знаю, когда я найду мир душе своей, когда найду гармонию и оправдание жизни и моим отношениям. Что-то оборванное, разорванное не может срастись в душе, и все, все я воспринимаю этой негармоничной душой; и вся моя жизнь не оправданна. Я не могу выйти из полного одиночества душевного. У меня ни с кем нет мира. С Алешей мы только рядом живем, но не вместе.

Это одиночество я приняла бы как искупление всего, что лежит на мне, если бы постоянная мысль, что ты из-за меня страдаешь, не лишала мою душу мира. Пиши мне о себе. Будем в постоянной переписке, потому что ты дорог мне и знаю, что и ты любишь меня. Я страдаю с каждым днем острее и не знаю, где предел.

Целую тебя, любимый, милый.

Что делает Нюша и каковы ее планы? Выдай ей из моих денег, сколько я должна ей. Как ты устроился, что делаешь, кого видаешь?

В понедельник[3] мы едем в Нюренберг.

«Зверинец» я получила.[4]

Твоя Аморя.

[1] Датируется по упоминанию о предстоящем отъезде в Нюрнберг и получении книги «Трагический зверинец» (см. примеч. 4 к п. 436).

5/18 июня в Нюрнберге Штейнер приступил к чтению курса из 12 лекций под общим названием «Теософия на основе Апокалипсиса» (GA 104), а накануне, 4/17 июня, выступил с публичным докладом «Духовная наука, Евангелие и будущее человечества». Нюрнбергский курс Штейнера закончился 17/30 июня.

[2] Имеется в виду п. 436.

[3] Т.е. 2/15 июня.

[4] См. примеч. 4 к п. 436.

438. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17/30 июня 1908 г. Нюрнберг[1]

Милый Макс, твои открыточки и деньги я получила.

3-го еду одна в Христианию и буду там одна жить, не знаю, сколько времени (т. е. во фьорде на острове, не в городе). Жизнь в Нюренберге очень насыщена и утомительна; но значительна очень.[2]

Прости, что не могу писать. Адрес мой норвежский сообщу из Берлина.[3] Целую тебя. Много ли работаешь?

Буду в Берлине 4-го.

[1] Открытка с рисунком А. Дюрера «Скалистый пейзаж». Почтовый штемпель отправления: Nürnberg 30. Juni 08. Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue de la Tour 60 Passy Paris» (по этому адресу проживали Бальмонты).

[2] О нюрнбергских впечатлениях Сабашниковой рассказывает запись в ее дневнике от 17/30 июня 1908 г.: «Мы живем на окраине города, там, где уже начинаются поля. Липы цветут. Вечером идем на лекцию об Апокалипсисе в гостиницу "Золотого Орла". Старые, закатом позлащенные крыши отражаются в воде. В окошечках широких и низких в черных каменных домах – красная герань. Пахнет теплым хлебом, розами и жасмином.

Дорог мне Нюрнберг, колыбель нового христианства, кот<орое> станет нам жизнью.

На старом кладбище среди изобилия роз горячие плиты могил и под еловыми сухими, солнцем пригретыми венками железные гербы, тайные знаки их мне становятся внятными. Это последние откровения родовой души в астральных образах. Приехал Любимов и <в> час<овне> св. Иоанна попробовал на органе играть "Парсифаля". Это потрясло меня. И в этом было что-то, что коснулось далекого прошлого его, его далекой связи с южной Германией, связи России и Германии.

Дом Дюрера, сохранившийся во всех мелочах, деревянные резные <?> лампы под потолком, окошечки с выпуклыми стеклами и рисунки. Ария Апокалипсиса, мои спутницы утверждали, что Дюрер был непосредственно и сознательно вдохновлен (inspinert) учителем, я же думаю, что он был вдохновлен как всякий большой художник и опирался на *традицию* без к<оторой> не может существовать истинное искусство» (ОДГ; о «Парсифале» см. примеч. 6 к п. 85;

Ария Апокалипсиса – серия гравюр на дереве, созданная Дюрером в 1496–1498 гг.).

Свое пребывание в Нюрнберге в июне 1908 г. Сабашникова описала также 13/26 июня в письме к А.Р. Минцловой, сохранившемся в ее бумагах и, по всей видимости, не отправленном: «В Нюрнберге очень большой съезд теософский. В Гамбурге было интимнее. Те дни были великие дни, с тех пор земля другая, новая.

Здесь хорошо на кладбище, куда ведет Kreuzweg <Крестный путь. – *нем.*>. Помните его? Там могила Hans'a Saks'a и Dürer'a. Там старая ива у входа и среди изобилия розовых деревьев горячие плиты с железными гербами, тайные знаки, кот<орые> теперь мне внятны» (Там же; упоминается Ганс Сакс (1494–1576) – нюрнбергский поэт-мейстерзингер и драматург).

Ср. также в мемуарной книге: «Никогда не видела я столько роз, как в то лето в Нюрнберге, куда мы приехали в июне слушать лекции Рудольфа Штейнера об Апокалипсисе. <...> Эти дни в Нюрнберге, городе Дюреровского "Апокалипсиса", захватили меня. В таинственных образах Откровения, данного Иисусом Христом ученику, открывались нам судьбы человечества в их неумолимой трагичности» (Зеленая Змея. С. 170–171).

[3] О том же Сабашникова сообщала и А.М. Петровой (письмо без даты): «Я еду в Норвегию близ Христиании. Адреса еще не знаю и напишу Вам из Берлина. Еду одна и жить там буду одна, не беспокойтесь обо мне, правда. Когда буду в тишине снова напишу Вам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 23).

439. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21 июня / 4 июля 1908 г. Берлин[1]

Мой дорогой, мой милый, любимый, наконец, я собралась написать тебе. Я сегодня приехала одна в Берлин и завтра еду в Христианию, тоже одна. Я хочу так и нравственно, и физически приучиться быть одной и тогда смогу быть с другими <...>

Как устроился? <...> Есть ли общая идея в твоих лекциях, и думаешь ли ты, когда пишешь, к кому ты обращаешься, это очень важно в лекциях.

В Нюренберге было хорошо, но крайне утомительно. Людей больше 100 человек, видеться, говорить, быть внимательной! Самый курс труден и насыщен, и страшен[2] <...>

[1] Оригинал письма не обнаружен. Публикуется по выпискам, сделанным В.П. Купченко. Датируется по упоминанию об отъезде Сабашниковой из Берлина в Христианию (ср. п. 438).

[2] См. примеч. 1 к п. 437.

440. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

25 июня / 8 июля 1908 г. Льян[1]

Мой милый Макс, целую тебя. Я приехала сюда третьего дня, это третья станция от Христиании, местечко Ljan, высоко над фьордом с островами в лесу.[2] Леса грандиозные здесь, воздух упоительный. Живу я у священника, рядом с пустой школой, где в деревянной зале по вечерам бывают лекции.[3] В 8 ч<асов> вечера солнце светит вовсю. Ночи белые.[4] Целую тебя. Напиши мне, как ты живешь. Пиши Kristiania Industri garden, 28. Erichsen. Здесь глушь.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Nordstrand 8.VII.08; почтовый штемпель получения отсутствует. Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard 35 *Paris*». <Господину Максу Волошину улица Булар 35. *Париж – фр.*>. Датируется по связи с п. 439.

[2] Льян (Лян) был в то время небольшим поселком вблизи Христиании; ныне – один из районов Осло.

[3] В Льяне Штейнер прочитал курс из 15 лекций под названием «Теософия в связи с Евангелием от Иоанна».

[4] Мысли и настроения, которыми была проникнута в те дни Сабашникова, отражены в ее дневниковой записи от 29 июня / 11 июля 1908 г.: «Белые ночи. Вся природа светла, прозрачна и задумчива. Все цвета слегка означены и все же ясны. Каждый цветок виден. Небо чуть голубеет, луна и деревья как духи; как духи лунные и заревые облака в небе. И я сама, как дух, бесшумно брожу по лесам, глаза и сердце раскрываются все шире, тело теряет вес. Здесь – граница иного бытия. Внизу тихий серебряный фьорд, в котором отражаются две зори и луна. Неслышно движутся лодки вдоль черных лесистых островов, и незаметно наступает утро.

Днем в лесу в воздухе, пропитанном смолой и медом, – кто со мною в лесу днем и ночью, отчего мое сердце дрожит и ширится. “Семизвездие поет в моей крови”. Страстное счастье живет в моей

крови, и одиночество длит мое блаженство. Это "Я"? Бог ли во мне или со мной проходит по лесам? Я чувствую от груди до ног огненные токи обвивают меня. В холодной голове ясно. Пребудь со мной. Не оставь меня. Или это Я?

Вчера вечером мы ехали на остров, где Ш<тейнер> должен был читать. Вышло так, что я ехала с ним и М<арией> Я<ковлевной> в лодочке. Девочка гребла. Я вспомнила св. Христофора. Здесь ребенок переправлял через реку Бога.

Штейнер сказал, что ясновидящему видны древние боги здесь в лесах. М<ожет> б<ыть>, это они во мне. А может быть, это двери тюрьмы открылись, и это Я и Его радость.

Я живу в маленькой голубой комнатке у священника рядом со школой. Столоваться хожу в гостиницу. Там после обеда пью кофе и курю. (Мне нравится моя роль эмансипированной, молодой женщины!) Мне никто не нужен, и я приду к людям, когда мое счастье будет истинным достоянием моим, и поделюсь с ними. Любовь – дитя свободы. Радостный свободный дар. Когда я буду с Отцом, будут у меня братья и сестры» (ОДГ; парафразируется строка из стихотворения Бальмонта «Хмельное солнце» (1906), вошедшего в его книгу «Птицы в воздухе» (СПб.: Шиповник, 1908): «Миг поет в твоей крови»). См. также: Зеленая Змея. С. 171–173.

441. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3/16 июля 1908 г. Льян[1]

Милый Максик, уже на днях я получила письмо твое. 2 письма, и очень радуюсь, что тебе работается и что тебе уютно. Как тебе не стыдно спрашивать у меня позволения относительно денег. Бери, сколько есть; все равно скоро ничего больше не останется.

Мне живется так хорошо, что лучше нельзя. Тут в воздухе разлито счастье. Лесная красота, одухотворенная природа, скалы, нежные шиповники (см. «Пан» Кн<ута> Гамсун<а>[2], кстати, он был здесь на прошлой неделе, т.е. не пан, а Гамсун). Штейнер говорит, что ясновидящий видит здесь старых богов;[3] здесь не так населено, и им хорошо. Я целый день в лесу с Богом и богами, и по ночам. Мало сплю.

Сегодня мне было назначено свидание с Д<окто>ром, и 1½ часа мы беседовали на балконе над фьордом. Поразительная красота и глубина.[4] Прости, что я не пишу о лекциях и о своих мыслях. Это вовсе не нужно. Мне так хочется молчать. О тебе я не забываю, но я вообще ни о ком не думаю совершенно. Люди, кот<орые> окружают меня, очень мне милы (т.е. я только вечером их вижу на лекции, кот<орая> в пустой школе над фьордом), но одной мне лучше все<го>. Я еду в Штутгарт к 3-му августа, до этого побываю на севере Норвегии. Ах, как мне эта страна близка! Сегодня я рассказывала Штейнеру о Богаевском; это очень его интересовало.[5]

Зиму я проведу в Берлине. Как мне жаль, что тебе так туго приходится с деньгами. А м<ожет> б<ыть>, в этом для тебя что-нибудь, что нужно преодолеть, что нужно.

Относительно того, что репутация твоя растет, это серьезно меня огорчает. Здесь радоваться вовсе нечему; будет момент, когда это очень повредит делу. В твоей связи с «Русью», тем, что ты связываешь свою репутацию с ее, я не вижу никакого смысла. Мне кажется, что ты бестактен и что это может делу повредить. Впрочем, это твое дело, и ты не позволяешь мне об этом говорить, мне не дано помочь тебе в этом, здесь наши взгляды расходятся.

Пишешь ли ты лекции?

Целую тебя крепко.

Знаешь, Макс, мне нравится моя роль эмансипированной молодой женщины,[6] если бы тебе так же нравилась роль брошенного мужа, я была бы очень счастлива. Как мне мила моя свобода.

Я прочла поразительную философию, скорее, теософию, Бугаева (математика)[7] и танцевала, и танцевала.

Где Муромцева? Нашел ли ты ее? Я уезжаю 22-го.

Пиши Motzstrasse потом.[8] Будь счастлив.

Аморя.

Это ничего, что я не пишу? Но ты видишь, у меня ничего не выходит. Целую тебя.

Ты не несчастлив? У тебя нет сердца против меня?[9]

[1] Датируется по упоминанию о встрече с Р. Штейнером.

[2] «Пан» (1894) – роман К. Гамсуна.

[3] Подробно описывая свою встречу со Штейнером в Льяне, Сабашникова, в частности, вспоминает: «Он провел меня на веранду, откуда сквозь сосны виден был солнечный фьорд. “Вам приятно будет посидеть здесь? Как Вам здесь нравится?” Я рассказала, как воодушевляет меня эта природа. На это он ответил: “Здесь можно еще, особенно к вечеру, увидеть облики древних богов; материалистические мысли людей и техника еще не спугнули их отсюда”» (Зеленая Змея. С. 173). О том же Сабашникова писала и А.М. Петровой 16/29 июля 1908 г.: «...Я была в Норвегии близ Христиании в лесу высоко над серебряным фьордом, где сосны и гранит, где ясный летний воздух, где белые ночи, когда вся природа одухотворена. Был там курс Штейнера, опять о Евангелии Иоанна; но еще по-новому, все глубже, все прекраснее. Это было счастливое для меня время. <...> Штейнер говорил, что там, в этих пустынных лесах, еще живут древние боги и он может их видеть, особенно под вечер» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 114–115).

[4] Встреча и полуторачасовая беседа Сабашниковой со Штейнером законспектирована в ее дневниковой записи, сделанной в тот же день:

«Вечером зажгла ладан, утром вымылась с ног до головы; надела все чистое, светлое платье и светлые башмаки, приколола розу. Было спокойно и торжественно на душе, как перед причастием. До 12 провела в лесу в медитации, все ложилось стройно, и во всем была жизнь. Пошла в белый дом, где он живет. Он провел меня на балкон, было солнце. – Вам здесь ведь приятней быть, чем в комнатах? Ну как Вам нравится здесь? – Очень, здесь необыкновенно хорошо. – Да, тут хорошо. Тут все отчетливо, чувствуется плотный гранит и тем яснее воздух. Здесь можно видеть Богов; к вечеру в особенности. Человеческие мысли не отгоняют их. Он спросил, удается ли мне концентрация. – Да, я думаю, я не уверена, так ли я делаю. – Но результаты... Вы можете... – Да. Он указал мне еще упражнения. Затем длинный разговор об искусстве. О Дионисе, о его двух сторонах. О Микель Анджело, о Сфинксе. – Начните со Сфинкса. Sie stürzt, wenn ihr Rätsel erraten ist <Он гибнет, когда его загадка отгадана. – *нем.*> О Египте и Греции. Об Эдипе. Об Архангеле и Сфинксе. О границах трагического. О полуденнице. Отчего Сфинкс не может видеть своего изображения. Астральный мир. Сфинкс, кот<орый> душит простых людей. Отчего, когда в полдень у человека кружится голова, он видит сфинкса. Сфинкса никто не понял. <...> Архангел у порога. Об андрогинности Архангела. Об Иванушке-дурачке, кот<орый>

помогает лошади. Лошадь с поднятым копытом и лошадь с опущенным. "Калинка". О Толстом. О Мережковском; о западной закованности. О русском искусстве. О ландшафте. О Богаевском, о мозаике и византийстве. Об Апокалипсисе. Мне важно быть в Штутгарте. О зиме. Нужно или совсем отойти, или войти глубоко. Вам трудно, п<отому> ч<то> Вы относитесь не поверхностно. О моей работе. О скульпторе в Гётеборге. О кристалле; о точке, в кот<орой> жизнь, о моменте зарождения кристалла. О трех степенях в искусстве.

– Да, это очень хорошо, что Вы остаетесь, Вы сможете тогда принести с собой нечто туда, куда пойдете.

Было легко и хорошо говорить; я записыв<ала> не по порядку. Многое было слишком ново и еще не понято мной Какая-то завеса приподнялась чуточку. Он говорил иногда, очень тонко намекая, и я не всегда понимала... 1½ часа мы проговорили. <...> После лекции он вернул мне карандаш, кот<орый> я у него забыла, с ужасно ласковой улыбкой» (ОДГ). В архиве Сабашниковой хранится, по всей видимости, еще одна и более подробная запись этой беседы со Штейнером, положенная в основу публикации Р. Вермбтер в 1976 г. в «Mitteilungen aus der anthroposophischen Arbeit in Deutschland» (1976. № 115. S. 31–32), перепечатано в кн.: Erinnerungen... S. 53–54). Этот текст, русский оригинал которого остался нам неизвестным, проясняет отдельные места цитированной выше дневниковой записи. Приводим его основную часть в обратном переводе по машинописи из архива В.П. Купченко (кем выполнен перевод, не установлено).

«Долгий разговор об искусстве. "У меня нет потребности рисовать с натуры. Я хотела бы видеть жизнь кристаллически прозрачных, взаимно друг друга проникающих поверхностей. Краски надо освобождать от связи с предметами, но не в виде безразличного хаоса". – "Я понимаю Вас, это верно". <...>

"Вы в своей работе идете от Сфинкса. Сфинкс еще никем не был понят. Он стоит у начала человеческой эволюции, на пороге перед схождением человека в материю. Посвященный видел в нем образ андрогинного человека. Человек-Телец, у которого астрально-физическое преобладает над эфирным, человек-Лев, у которого астрально-эфирное преобладает над физическим, человек-Орел, у которого астральное преобладает над физическим и эфирным. Эти три образа соединены в Сфинксе. А образ духовного человека открывается в голове Сфинкса".

Я спросила: "А у другого порога, порога восхождения, стоит ли там архангел?"

"Да, – сказал он, – архангел тоже андрогин.

Упадочная форма Сфинкса – это та "Полуденная женщина", которая является человеку в полуденном сне, если он получил легкий солнечный удар и благодаря этому как бы вышел из себя. "Полуденная женщина" тоже задает вопросы. Но Эдипу являлся подлинный сфинкс. Сфинкс должен пасть, когда ему показывают его собственный образ. И Сфинкс пал в человеческую душу как загадка его души. В архангеле живет начало Жизнедуха, еще не воплощенного на Земле".

"В Толстом жило начало Жизнедуха, но лишь как предвосхищение".

"В оккультизме Будхи (Жизнедух) символизируется в образе коня. Конь с поднятым копытом и конь с опущенным копытом. Если же конь всеми четырьмя ногами стоит на земле, это значит, что Будхи достиг полного развития".

Д<окто>р Штейнер нарисовал карандашом маленькую лошадку и подписал под ней "Калинка". "Так это называется в санскрите", – сказал он. На листочке, который он мне дал, нарисовал еще пятиугольник. "Эту форму надо научиться любить".

О Толстом: "Мысленно он слаб, часто нелеп, также и романы его я не особенно высоко ценю. Но то, что он говорит, например, в своей книге "О жизни" – истины, по ценности своей превосходящие всё, что можно найти в библиотеках мира".

Мережковский: "У него все пропитано западным, анализирующим интеллектом".

<...>

Я пробыла у него полтора часа. Было легко и хорошо говорить с ним. Многое было совсем ново для меня. Приподнялась немного какая-то завеса. Иногда он говорит как бы только слегка касаясь, и я не всегда его понимала» (о теософском понятии «Будхи» («Буддхи») см. примеч. 11 к п. 55, п. 210 и примеч. 2–4 к п. 218).

Ср. также описание этой беседы в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 16/29 июля 1908 г.: «Он <Штейнер> говорил со мной о многом великом и о России, об Иванушке Дурачке, у кот<орого> под грязной тряпкой сияет кольцо Царь-Девицы, и о искусстве. Он говорил, что пейзаж не достиг далеко того, что может, что только когда человек воспримет землю как живое тело Христа, будет истинный пейзаж, что до сих пор пишут бездушные ковры. Я рассказала ему о Богаевском. Это его страшно обрадовало, и он жалел, что не может видеть его картин. Если бы К<онстантин> Ф<едорович> послал мне фотографии с них и, м<ожет> б<ыть>, что-нибудь из эскизов. Мне так хочется порадовать Шт<ейнера> да самой порадоваться. Я хотела сама писать К<онстантину> Ф<едоровичу>, но Вы передадите ему» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 115).

[5] Позднее, в декабре 1908 г., Сабашникова лично познакомила Штейнера с К.Ф. Богаевским (см. п. 461).

[6] Дословное повторение фразы из дневниковой записи от 29 июня / 11 июля 1908 г. (см. примеч. 4 к п. 440).

[7] Из дневниковой записи Сабашниковой от 2/15 июля 1908 г. можно заключить, что она была увлечена, с одной стороны, «аритмологией» Н.В. Бугаева (см. примеч. 17 к п. 413), с другой, – разработанной в его трудах концепцией «эволюционной монадологии» (восходящее к Лейбницу понятие «монады» широко использовалось также в теософской литературе – см. примеч. 1 к п. 189 и примеч. 3 к п. 216).

«Все утро и весь день вчера я читала о математике Бугаева, – писала в своем дневнике Сабашникова 2/15 июля 1908 г. – Он говорит о математическом анализе, кот<орый> может быть применен только до известной степени, которым злоупотребляет наука теперь. Отсюда идея, что в ходе мировых явлений имеет значение одна *причинность* и не играет никакой роли *целесообразность*. Но природа не только механизм, но также и организм, в кот<ором> действуют с напряжением всех сил самостоятельные и самодеятельные индивидуумы. Истины анализа отличаются общностью и универсальностью, истины аритмологии (учение о прерывных целых числах) носят на себе печать своеобразной индивидуальности, привлекают к себе своею таинственностью и поразительной красотой. С целыми числами связана мистическая философия. Анализ ведает непрерывности и неизменности законов; но можно сказать, что непрерывности есть прерывности, в которых изменение идет через бесконечно малые и равные промежутки. Музыка имеет аритмологический характер. Самое дорогое связано с вопросами аритмологии. Идея свободы связана с аритмологией. Анализ – с идеей необходимос<ти>» (ОДГ).

«Поразительна монадология Бугаева, – сказано далее (та же запись). – Сущность монады не подлежит оценке, но определяется ей самой, субъективным истолкованием своего бытия. Поразительны слова о Диаде и Триаде, о страдании, о любви, о работе.

Конечная цель деятельной монады – снять различие между монадою и миром.

Физические законы суть первоначальные обычаи или привычки монады, первоначальные формы их общежития. Свобода есть зависимость монады от самой себя. Вселенная как бы стремится сделать монаду целым миром, безграничным и совершенным, а монада пытается преобразить мир в монаду.

Мир не равен самому себе. Доля. Сущность монады объя<сняется> учением о Безусловном. Человек есть живой храм, в

кот<ором> деятельно осуществляются высшие цели и главнейшие задачи мировой жизни» (Там же).

См. также примеч. 5 к п. 429.

[8] Адрес берлинского пансиона (см. примеч. 2 п. 429).

[9] Имеется в виду: Ты не сердишься на меня?

442. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

9/22 июля 1908 г. Христиания[1]

Мой милый, я еду в Штутгарт[2]; это были сплошь чудные дни. Я еду с одним скульптором – уч<еником> Шт<ейнера> – в Гетеборг к другому скульптору шведскому.[3] Потом в Копенгаген, потом, м<ожет> б<ыть>, на Rügen.[4]

В Берлине буду – 1-го.[5] Целую тебя. Жела<ла> бы, чтобы тебе было так же хорошо, как и мне.

[1] Открытка с видом морского берега (Udsight fra Nordstrand). Почтовые штемпели: отправления – Kristiania 22.7.08; получения – Paris 23.7.08. Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard Frankreich». Последнее слово зачеркнуто, вместо него вписано: «Chez M-s Balmonts La Baule Villa des Oeillets Loire Inférieure» <у Бальмонтов Ля Боль Вилла Подснежников Нижняя Луара. – *фр.*>.

В левом верхнем углу открытки – приписка: «Крест на карт<очке> означает школу, где были лекции».

[2] Т.е. на лекции Штейнера, читавшего в Штутгарте с 4 по 17 августа курс под общим названием «Вселенная, Земля и человек, его существо и развитие, а также отражение в связи между египетскими мифами и современной культурой» (GA 105; русское изд. – Ереван, 1999).

[3] Имеется в виду Ф. Хейман. Сабашникова узнала о нем от Штейнера, который посетил шведского скульптора незадолго до этого – 6 апреля 1908 г. (во время своей лекционной поездки по Скандинавии). Во время их беседы 3/16 июля 1908 г. Штейнер посоветовал Сабашниковой навестить Хеймана при возвращении из Норвегии в Германию. «Он рассказал об одном шведском скульпторе, у него мастерская в Гетеборге, – записала Сабашникова. – "Очень интересно то, что он делает. Он хочет смоделировать образы семи планет, чтобы затем исполнить их в граните. Они совсем не натура-

листичны. В них есть что-то верное. Побывайте у него на обратном пути"» (Erinnerungen... S. 54; цит. в обратном переводе с немецкого – см. примеч. 5 к п. 429). См. также примеч. 2 к п. 445.

[4] Поездка в Копенгаген не состоялась; на остров Рюген Сабашникова заехала на пути из Мальмё в Берлин (см. п. 445).

[5] Т.е. 1 августа. В действительности Сабашникова вернулась в Берлин 26 июля (см. об этом в п. 445).

443. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

12/25 июля 1908 г. Лунд[1]

Мой милый, пишу Тебе из Lund'a. Сюда приехала сегодня утром, чтобы посмотреть старый собор X-го века. Едем в Мальмё, где я переночую, завтра рано еду в Берлин. В Гетеборге провела 2 дня, было страшно интересно.[2] Напишу тебе подробно из Берл<ина> или Wolfach'a[3]. Надеюсь в Берлине получить от тебя письмо. Пиши Stuttgart postlagernd*.

Как-то ты живешь, милый друг? Так давно ничего о тебе не знаю.

[1] Открытка с изображением «великана Финна» в крипте Лундского собора (по одной из легенд, Финн, выстроив собор и не получил обещанной награды, собрался его разрушить; однако святой Ларс успел перекрестить великана, так что и он, и его жена превратились в каменные изваяния, по сей день стоящие в крипте собора).

Шведский почтовый штемпель: Lund 25.7.1908; дата на французском штемпеле неразборчива. Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard 35 Paris Frankreich». Парижский адрес зачеркнут, вместо него вписано: «Villa des Oeillets chez M-s Balmonts La Baule Loire Inférieure». <Вилла гвоздик Бальмонтам Ля Боль Нижняя Луара. – *фр.*>. Датируется по почтовому штемпелю.

[2] См. примеч. 3 к п. 442.

[3] Вольфах – курортный город в Шварцвальде (ныне – земля Баден-Вюртемберг). В то время там находились на отдыхе А.В. Сабашников и А.Л. Любимов (см. п. 445).

* Штутгарт до востребования *(нем.)*.

444. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

14/27 июля 1908 г. Ля Боль[1]

Милая Аморя!

Радуюсь за тебя, радуюсь твоей радости. Я вчера приехал в La Baule[2] к Бальмонтам – здесь тесно и душно. На Луаре хорошо. Я побывал в замке Шамбор[3]. Но все-таки самое лучшее во Франции это Île de France.[4] Ни Луара, ни Бретань не могут сравниться по красоте с окрестностями Парижа.[5] Зимой... видно, мне придется возвращаться в Петербург. Но теперь решил во что бы то ни было продержаться в Париже, чтобы набрать материалы для будущих лекций, но оставаться в Париже немыслимо. Необходимо личное мое присутствие в России.

До свидания. Крепко целую тебя.

Макс.

[1] РГБ, ф. 374, карт. 11, ед. хр. 28 (до передачи на государственное хранение – в архиве Н.К. Бруни). Открытка. Почтовый штемпель отправления: La Baule 27–7–08.

[2] Ля Боль – французский курорт на берегу Атлантического океана. Летом 1908 г. в Ля Боль отдыхали Бальмонты, у которых Волошин провел в июле около 10 дней. «Дней десять тому назад, – сообщал он А.В. Гольштейн 19 июля / 1 августа 1908 г. – я уехал из Парижа к Бальмонтам <...> и вот, верно, завтра уезжаю от них, чтобы вернуться в Париж (на велосипеде)» (Т. 9 наст. изд. С. 362).

[3] Известный замок XVI в. в долине Луары.

[4] Иль де Франс (букв. Французский остров) – историческая область Франции (центр – Париж). «Иль де Франс, – писал Волошин А.М. Ремизову 29 июня / 12 июля 1908 г. из Парижа, – самая красивая страна; леса и хлебные поля, замки с парками и старинные городки совсем пустынные, сплошь из камня сложенные, и аллеи по дорогам. Весь воздух свежей лесной прелью проникнут. И есть даже такие места, где автомобилей нет. Только редки они» (Т. 9 наст. изд. С. 358).

[5] «Я сделал прекрасное путешествие по замкам Луары, – писал Волошин А.В. Гольштейн в цитированном выше письме. – Но нахожу все-таки, что Ile-de-France красивее всего» (Там же. С. 362).

445. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

15/28 июля 1908 г. Берлин

28.

Мой милый Макс, третьего дня я приехала в Берлин, с тем, чтобы проехать еще до Штутгарта в Wolfach; но здесь почувствовала себя до такой степени плохо, что вот уже третий день не могу решиться и двинуться с дивана.

Мне очень жаль, что я не имею здесь от тебя письма, если ты писал мне в Христианию, то я получу это письмо в Штутгарте; напиши мне в Wolfach Baden Bad Hôtel на имя Алеши. Я провела 2 дня в Гетеборге со скульптором Хейманом,[1] у него мастерская на горе в избушке. Он затевает храм, хочет высечь его в шхерах в гранитном острове. Его фигуры схемы человека, прямолинейные и прямоугольные, в них чувствуется большое варварство и сила.[2] Когда мы увидимся, я расскажу тебе.

Мне очень трудно писать. Мы были еще в Лунде, потом переночевали в Мальмё, в отвратительном приморском городе, и я одна через Рюген приехала в Берлин. В Заснице[3] встретила Штейнера. Здесь в Берлине я получила от папы письмо, где он просит меня жить с тобой или с ним, укоряет в эгоизме. Письмо очень нежное; он бесконечно за меня страдает.[4] Мне очень это тяжело. Ведь тем, что я выходила за тебя замуж, я отделяла свою жизнь от семьи. И уже другой вопрос – мое отношение к тебе, вопрос, кот<орый> между мною и тобой. Наших отношений судить никто не может. Мне важно, чтобы ты понял меня, и я только тебе должна отвечать, но не другим. Ты же понял, что мне нужно быть одной, и много помог мне этим. Я должна прожить некоторое время совсем одна в Берлине и вообще устраиваться по собственной инициативе. Мне очень больно, что папа пишет об «счастье семейном» и «угле». О разбитом, об отнятом нельзя говорить. Зачем-то нам нужно было часть пути пройти вместе, чтобы что-то вместе узнать, каждому другое, и потом остаться более одинокими, чем раньше. Я должна сказать, что я очень, очень тоскую, что ничто не умерло и не побеждено, и, верно, ты тоже. Вместе нам быть невозможно, но издали мы должны друг друга под-

держивать. Многому, многому меня научили норвежцы, у них поразительная воля и смиренномудрие, и основательность.[5]

Целую тебя, мой милый. Как ты живешь? Физически я очень истощена, и мне иногда очень трудно. Но уже я более спокойна и независима. Пиши мне. Целую тебя крепко. Пиши мне о своих планах на зиму. Когда и где ты будешь читать лекции и когда едешь в Петербург? Когда мы увидимся? После Штутгарта я побуду, верно, в Wolfach'e. Мне надо поправиться. Ты здоров? Работаешь? Кого видаешь?

Я люблю тебя, милый Макс. Будь счастлив и здоров.

[1] См. примеч. 3 к п. 442.

[2] В письме к А.М. Петровой от 16/29 июля 1908 г. Сабашникова делилась впечатлениями от своего визита к Ф. Хейману: «Из Норвегии я заезжала в Швецию в Гетеборг, чтобы посетить мастерскую одного скульптора, кот<орый> задумал грандиозный храм высечь в гранитном острове. Он живет на горе в избушке одиноким аскетом, питается плодами из своего огорода. Я видела колоссальные фигуры, им сделанные, – схемы человека, ближе всего к Египту, но прямолинейнее еще, угловатее; он работает слишком сознательно; волей; это искусство мужественное, варварское, в нем сила будущего. Его храм – молчаливое посвящение; история человека, восхождение духа; но Христа нет. Христа он не принял, и оттого так голо, так далеко от земли. Земля нужна нам; самый глубокий земной реализм – просветленный Христом» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 116).

[3] Портовый город на полуострове Ясмунд, северной части острова Рюген (ныне – в составе земли Мекленбург – Передняя Померания).

[4] Это письмо В.М. Сабашникова к дочери не известно.

[5] Ср. в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 16/29 июля 1908 г.: «Счастливая страна Норвегия. Она живет в мире со своей старой сказкой. Люди, работающие в социальных вопросах, рассказывают рабочим сказки; они живут с природой, и высокая их культура развивается органически, индивидуально» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 116; парафразируются слова Савелия Туберозова (о «старой сказке») из романа Лескова «Соборяне» (1872); см. об этом примеч. 2 к п. 85).

446. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

5/18 августа 1908 г. Вольфах[1]

18 авг<уста>.

Милый Макс, пишу тебе на почте в Wolfach'e, куда сейчас приехала из Штутгарта. Я пробуду здесь до 1 сент<ября>, до Ляйпцига:[2] Bad Hôtel.*

В Штутгарте была колоссальная работа и утром, и днем, и вечером, поэтому я не могла писать.[3] Очень устала. Напиши, что делаешь, как чувствуешь себя и когда думаешь проехать через Германию? Сообщи мне также, сколько денег осталось у меня в Париже, и, если возможно, вышли марок 200. Очень у меня в этом отношении плохи дела. А у тебя?

Целую тебя. Пиши.

М.

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Wolfach 18.8.08; французский почтовый штемпель не прочитывается. Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard 35 Paris Frankreich». Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Между 2 и 14 сентября 1908 г. Штейнер читал в Лейпциге цикл из 12 лекций «Египетские мифы и мистерии и их связь с действующими духовными силами современности» (GA 106). См. также п. 447.

[3] См. примеч. 2 к п. 442.

447. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 10/23 августа 1908 г. Вольфах[1]

Милый Макс, я получила деньги и письмо. Радуюсь, что тебе хорошо и что ты работаешь, но над чем именно? Пишешь ли ты уже лекции и, если пишешь, то думаешь ли, для кого. Лекция есть творчество в слушателях. Нужно слушать их души и вести их. Нужно знать, на чем строишь. Условлено ли у тебя

* Гостиница «Курортная» *(нем.)*.

наверное, что ты будешь читать и где, и на каких условиях; закреплено ли условие.

Боюсь, что тебя опять подведут. Ответь мне на это. Ведь ты должен был читать в ноябре, а теперь едешь только в январе. Как это может быть? С кем ты имеешь в этом дело? Есть ли в твоем цикле общая мысль; на каком основании избраны именно эти, а не другие писатели? В Штутгарте лекции Д<окто>ра были о тайной связи Египта с нашим временем.[2] Я еще прослушаю цикл (подобный же) в Ле<й>пциге и тогда расскажу тебе.[3]

Утром были лекции о Р<озен->К<рейцерстве>,[4] посвящение Töni Völker.[5] Она прошла его самостоятельно.[6] Ею руководят лишь на высших планах; ее прошлое связано с Востоком, и у нее совершенно восточное лицо и гортанный голос. Была еще лекция Д<окто>ра Унгера.[7] Теософия в философском анализе. У него поразительный интеллект. Он еврей, и здесь чувствуется Кабала.

Кроме того, у него на дому мы занимались «теорией познания». Это была беседа, он сообщал свои исследования молодому философу Mületaler'у <*sic!*>, кот<орый> в 26 лет уже решил грандиозные проблемы, по словам Д<окто>ра. Он глубокий мистик.[8] Оба – оккультисты, и я думаю, что *такое* было в первый раз в мире, что люди, шедшие диаметрально противоположными путями, приходили каждый самостоятельно к истинам, выраженным теми же самыми словами. Архитектура поразительной строгости и красоты.[9] «Теория познания» является для меня основой братства. Вопрос шел о «понятии», кот<орое>, конечно, в человеке до наблюдения существует (Лев совсем не похож)[10], о мышлении, о «Я». Беседа затягивалась с 4½ до 7½; и у меня от волнения билось сердце.

Здесь я отдыхаю. Гуляю. Читаю перевод Churé <*sic!*> Штейнера «Les mystères chretiens et les mystères antiques»*.[11] Пишу статью о «Зверинце».[12] Алеша в Москве.

С А<нной> Р<удольфовной>, я думаю, наши отношения кончились. Ее письма ко мне были очень экзальтированны, за великими словами любви я чувствовала ложь, я давно уже

* «Христианские тайны и античные тайны» *(фр.)*.

перестала с ней говорить о В<ячеславе> И<ванове>. Она же в каждом письме мучила меня всякими подробностями. Я захварывала от ее писем. Нельзя было более грубо придумывать это мучительство. Последней каплей было то, что, несмотря на то, что я послала портрет с условием, чтобы *никто*, кроме В<ячесла>ва Ив<анова> и детей, и Герцык, не видал его (п<отому> ч<то> в нем действительно жизнь похоронена, п<отому> ч<то> он и производит тяжелое впечатление), его всем показывали (я *ей* послала портрет) и решили печатать. Я написала ей, что всякому мучительству и издевательству есть предел, и просила немедленно отослать портрет в Москву Алеше, где он запрёт его.[13] А<нна> Р<удольфовна> очень дорога мне, но я с полной уверенностью в своем поступке отхожу от нее. В ней что-то ужасное для меня в последнее время; и мне только страшно за тех людей, кот<орые>, как я, будут подходить к ней со слепой верой и которых она заведет Бог знает куда. Самое ужасное, что она теперь лжива. Мне очень страшно за нее. Мне очень ее жаль.

Макс, это между нами. Я в душе своей ровно ничего злого не имею к ней; я только не вижу возможности общения.

Мои планы таковы: от 2–14 сен<тября> нов<ого> ст<иля> в Лейпциге. Потом месяц где-нибудь невдалеке от Берлина и Лейпцига в Harz'e. В конце октября в Берлине, где у меня заказана уже комната и намечены занятия.

Поразительны книги Штейнера о «Philosophie der Freiheit»* и «Erkenntnistheorie»**.[14] Как тебе было бы важно это строгое воспитание мысли, – которая так сильна у тебя.***

До свиданья, милый мой.

М.

Макс, не проси меня писать тебе. Я ненавижу письма.

---

* Философия свободы *(нем.)*.

** Теория познания *(нем.)*

*** Далее вымарано несколько слов

[1] Датируется приблизительно, по связи с п. 446 (просьба о деньгах).

[2] См. примеч. 2 к п. 442.

[3] См. примеч. 2 к п. 446.

[4] О розенкрейцерстве как новой «науке», которой предстоит стать «религией», Штейнер говорил в заключительной лекции цикла.

[5] Впоследствии Сабашникова написала портрет Т. Фёлькер (местонахождение не известно). См.: Margarita Woloschin. Leben und Werk. Mit Beiträgen von Rosemarie Wermbter, Ruth Moering und Dorothea Rapp. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben. 1982. S. 172. Датой создания портрета указан 1912 г. Однако в письме к К.В. Кандаурову от 25 октября 1911 г. (из Мюнхена) Сабашникова, предлагая ряд своих работ для выставки Московского товарищества художников, упоминает среди других портрет Тони Фёлькер (РГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1).

Выразительный словесный портрет Т. Фёлькер оставил Андрей Белый: «...Я хорошо помнил ее тонкий, аскетический силуэт, смуглое, какое-то индусское лицо и огромные прекрасные глаза: помню всегда ее молчащей; на трибуну она не поднималась; ее трибуной были скорей: жертвенник, алтарь...» (*Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере. Подгот. текста, предисл. и примеч. Фредерика Козлика. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 189). Белый сообщает также об особой позиции Т. Фёлькер, создавшей среди штейнерианцев свою «школу», «в которой сконцентрированно подчеркивались и "эсотеризм" тем, и проблемы иоги». В Т. Фёлькер «выявлялась», по свидетельству Белого, «реставрированная до классических, вечных нот теософия востока, ушедшая от Безант, принявшая антропософию, но честно отказавшаяся от боя с Ариманом мира сего...» (Там же. С. 188; об Аримане см. примеч. 6 к п. 481, п. 494 и др.).

[6] Путь ученичества, ведущий человека от земного бытия к высшему, сверхчувственному «познанию», был изложен Штейнером в 1904–1905 гг. в статьях, составивших впоследствии книгу «Как достигнуть познания высших миров» (1-е изд. – 1909; GA 10); впоследствии – еще при жизни Штейнера – книга неоднократно переиздавалась, а ряд ее положений подвергались уточнениям. В разделе, озаглавленном «Посвящение» («Einweihung»), Штейнер наметил три основных стадии этого пути: подготовление, озарение и посвящение.

Приобщение к каждой из этих ступеней осуществлялось в Немецком Теософском обществе путем инициации, к которой допускались только участники Эзотерической Школы. Инициация протекала по определенной схеме, разработанной Штейнером в 1906–1908 гг. – с опорой на древнеегипетские мистерии и поздние

масонские обряды и символы. Подробности инициации содержались в строгой тайне, и каждый, кому предстояло это испытание, должен был произнести клятву, обязующую его к молчанию. Процедура была продумана до мельчайших деталей: тип помещения, его внутренний вид, предметы, заполняющие пространство «храма», освещение, убранство каждого из трех «алтарей», одежда, в которую облачали инициируемого, каждый жест и каждое слово, что произносились во время инициации, – Штейнер явно пытался создать новый религиозный ритуал. Инициации продолжались вплоть до закрытия Эзотерической Школы в 1914 г.

См. подробнее: Zur Geschichte und aus den Inhalten der erkenntniskultischen Abteilung der Esoterischen Schule von 1904 bis 1914. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1987 (GA 265). См. также: *Zander H.* Rudolf Steiner. Die Biographie. München: Piper, 2011. S. 252–267.

[7] Сведений об этой лекции К. Унгера не имеется. К. Линденберг, биограф Штейнера, отмечает «отсутствие данных», позволяющих судить о том, как проходил лейпцигский курс Штейнера в сентябре 1908 г., сколько было участников и т.д. (Chronik. S. 272).

[8] Имеется в виду Я. Мюлеталер (Mühlethaler).

[9] О К. Унгере и Я. Мюлеталере Сабашникова писала также А.М. Петровой 20 сентября / 3 октября 1908 г. (из Вернигероде): «В Штутгарте работали мы (я и еще человек 5) адски, и утром, и днем, над теорией познания; с одним теософом-евреем и другим из Швейцарии, совсем юным мистическим философом, кот<орый> решил уже грандиозные проблемы. Это люди чистые, уже совсем отрешенные от себя, и философия их кристальна. Они шли разными путями и пришли к тем же выводам, выраженным теми же словами. Но все это, конечно, только леса, кот<орые> сгорят, когда воздвигнется под ними живой храм» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 28 об.).

[10] Намек на историю, бытовавшую в кругу Сабашниковой и Волошина: увидев льва в зоопарке, девочка написала отцу: «Видела льва – совсем не похож». По свидетельству Р.П. Хрулевой, Мария Степановна, вторая жена Волошина, часто повторявшая эти слова, соотносила «девочку» с Ниной Бальмонт. Однако 6 января 1910 г. Сабашникова писала В.И. Иванову: «Одна маленькая девочка (А<нна> Р<удольфовна> в детстве), побывав в зоологическом саду, писала отцу: “Видела льва, он совсем не похож”. Это очень глубоко. Мы знаем сущность вещей и иногда не узнаем или вовсе не принимаем их явления» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 10, л. 16 об.–17.

Эту историю, которую она услышала «из уст Макса», упоминает и Марина Цветаева в своем мемуарном очерке «Живое о живом» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 206).

[11] Полное и точное описание книги: *Steiner R.* Le mystère chrétien et les mystères antiques. Traduit de l'allemand et précédé d'une introduction par Édouard Schuré. Paris: Perrin et Cie. Libraires-éditeurs, 1908. Немецкий оригинал: *Steiner R.* Das Christentum als mystische Tatsache. Berlin: Schweischke, 1902 (немецкое издание и французский перевод в коктебельской библиотеке Волошина отсутствуют). Книга объединяет в себе 24 доклада Штейнера, прочитанных в Берлине в 1901–1902 гг. в салоне графа и графини фон Брокдорф. Позже, при подготовке 2-го немецкого издания (1910), Штейнер существенно доработал первоначальный текст; окончательная редактура была произведена им для 5-го издания (1925), положенного в основу современного «канонического» текста этой книги (см.: GA 8). Русский «разрешенный автором» перевод, сделанный со 2-го немецкого издания, был выполнен О.Н. Анненковой (М.: Духовное знание, 1912; название, по требованию цензуры, было изменено: «Мистерии древности и христианство»); 2-е перераб. изд. (озаглавленное, в соответствии с оригиналом, «Христианство как мистический факт и мистерии древности» и включающее в себя предисловие автора ко второму немецкому изданию) – М.: Духовное знание, 1917; современное издание (сверенный с немецким оригиналом перевод О.Н. Анненковой в издании 1917 г.) под заглавием «Христианство как мистический факт и мистерии древности» – Ереван: Ной, 1991.

[12] Имеется в виду статья Сабашниковой о книге Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец». См. примеч. 8 к п. 361.

[13] Речь идет о портрете Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, написанном Сабашниковой в Риме (см. примеч. 3 к п. 409) и отправленном в июне 1908 г. из Берлина в Феодосию А.М. Петровой. «...На днях, верно, я пошлю Вам портрет Лидии Дим<итриевны> Ивановой, – писала она А.М. Петровой 31 мая / 13 июня 1908 г., – отдайте натянуть его на подрамок, покройте лаком и выберите вместе с Богаевским подходящий багет, думаю, бронзовый. Тогда я напишу Анне Рудольфовне, и она сделает с ним, что захочет. А я буду рада, что Вы увидите его. Это последний мой портрет. Теперь все иное» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 19 об. – 20). Портрет был действительно отправлен через несколько дней. «Милая Александра Михайловна, отсылаю Вам портрет (собственно, этюд к портрету), – писала Сабашникова Петровой 4/17 июня из Берлина, – и очень прошу Вас, когда у Вас будет время натянуть его на подрамок, покрыть лаком, п<отому> ч<то> он очень пожух. Он в ужасном виде. Смотреть его нужно в тени и так, чтобы свет приходился слева с теневой стороны картины. Я написала А<нне> Р<удольфовне>. Если она попросит Вас выслать

его, пошлите мальпостом, если нет, очень прошу К<онстантина> Ф<едоровича> похранить его пока у себя. Очень желательно рамочку, он выигрывает в золотой, напр<имер>» (Там же, л. 21). А в открытке, отправленной из Нюрнберга 17/30 июня 1908 г., Сабашникова спрашивала: «Какова судьба портрета? Не попортился ли по дороге? Напишите А<нне> Р<удольфовне> и спросите, что с ним делать» (Там же, л. 22 об.).

А.М. Петрова получила портрет и, по всей видимости, исполнила все указания Сабашниковой. «Милая, как благодарить мне Вас и его <К.Ф. Богаевского> за Ваши хлопоты о портрете. Сколько я должна Вам за раму?» (Там же, л. 28; письмо от 20 сентября / 3 октября 1908 г.). Портрет одно время хранился у К.Ф. Богаевского, и вопрос о том, каким образом доставить его В.И. Иванову, живо обсуждался в ивановском кругу. «...Я сама хотела бы увезти с собой портрет Зиновьевой-Аннибал, – писала Минцлова А.М. Петровой 20 июня / 3 июля 1908 г. – Тем лучше, что он сейчас у Богаевского в мастерской... И если раньше меня приедет Вера к Вам, дорогая моя, – подождите передавать ей портрет, *т<ак> к<ак> я боюсь, что вид его может потрясти Вяч<еслава> Иванова до смерти*» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 52, л. 9–10; Вера – В.К. Шварсалон. Ср. также п. 427 (место, отмеченное примеч. 3).

Дальнейшие перипетии, связанные с портретом Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, который в июле 1908 г. Минцлова получила из рук А.М. Петровой и доставила из Феодосии в Судак, где находился тогда В.И. Иванов, отчасти проясняет ее (Минцловой) письмо к Сабашниковой от 1/14 сентября 1908 г.:

«Дорогая Маргарита Васильевна.

Считаю необходимым написать Вам по поводу Вашего письма, более чем... неожиданного для меня.

Получая портрет, я ни на секунду не ошибалась относительно назначения его, и я передала его *тотчас же* тому, кто один имеет право на него на земле.

И никому решительно я не показывала этого портрета; кроме Жуковского (очень близкого семье Герцык) и В<еры> Ст<епановны> Гриневич, которые видели портрет *по желанию* Вяч<еслава> Ив<анова>. – В Судаке *никто* не видел его, п<отому> ч<то> я не только не показывала портрета, я никому не писала о нем даже.

Вы послали портрет не мне прямо. Перед тем как получить его мне, этот портрет был долго в Феодосии, и его видели там многие у Ал<ександры> Мих<айловны> и у Бугаевского *<sic!>*, кото-

рые, кажется, не входят в категорию лиц, обозначенных Вами!?! О Вашем нежелании, чтобы кто-либо видел портрет, я сообщила Вере, Вяч<еславу> Ив<анову> и Евг<ении> Герцык, и, повторяю, его никто не видел в Судаке, кроме семьи Герцык и В<ячеслава> И<ванова> и, повторяю, еще двух лиц, о которых я упомянула выше.

Что касается слов об "издевательстве" и "поругании" – я их *не* понимаю.

Я хорошо помню свое последнее письмо к Вам (больше месяца тому назад) и знаю, что, кроме великой боли и мучительного серьезного вопроса к Вам, – там не было ничего. – Послать этот портрет к Алеше в Москву я не могу, так как я передала его еще до того мгновения, как я привезла его в Судак, истинному владельцу его, В<ячеславу> И<ванову>, которому он и принадлежит сейчас. И я надеюсь, Маргарита Васильевна, что как бы ни было велико Ваше раздражение на меня лично, – Вы не сможете, Вы не способны на такой поступок, как отнять этот портрет у Вяч<еслава> Ив<анова>, которому он принадлежит по всем божественным и человеческим законам» (РГБ, ф. 109, карт. 31, ед. хр. 9, л. 1–2 об.; копия рукой М.М. Замятниной. Упоминается Д.Е. Жуковский, издатель, муж А.К. Герцык). См. также примеч. 5 к п. 448.

Выполненный Сабашниковой портрет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал произвел на В.И. Иванова сильнейшее впечатление. «Портрет я ему показала вчера, – сообщала Минцлова А.М. Петровой 15 июля 1908 г. – О том *впечатлении*, которое он произвел на Вяч<еслава> Ив<ановича>, я все еще не могу говорить спокойно, дорогая моя. Но все же – он *пережил* его, и то хорошо. Была минута, когда я боялась, что он не встанет уже (он упал на пол с рыданием). Но теперь это прошло и отошло. Осталась у него радость от существования дивного портрета Лидии Дм<итриевны> и глубокая благодарность к Маргарите, он собирается ей сам писать теперь – – – » (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 52, л. 15). В.И. Иванов действительно откликнулся благодарственным письмом к Сабашниковой (см. примеч. 4 к п. 449).

В последующие годы Иванов, по свидетельствам современников, никогда не расставался с этим портретом. «...На стене крайнего сектора башни, – рассказывает О. Дешарт, – висел большой, маслом написанный портрет Лидии в темно-лиловой, на плече схваченной тунике, со ртом, задумчиво сжатым, с глазами большими, светлыми в темных орбитах, сивиллински устремленными вдаль. В левом углу картины на темном фоне едва виднелись Вячеславом нацарапанные слова: цитата из драмы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: "Сегодня она вся и ты весь. Это Христос". С этим портретом В.И. никогда

не расставался. Портрет был в его комнате в час его смерти» (см.: *Иванов В.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 129; цитируются слова из книги Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (рассказ «Журя»): «Она сегодня *вся*, и ты сегодня *весь*. Это Христос» // *Зиновьева-Аннибал Л.* Тридцать три урода. Роман, рассказы, эссе, пьесы. С. 60). История с портретом исследуется также в монографии Г.В. Обатнина (см.: *Обатнин Г.* Иванов-мистик. С. 214–215).

[14] Сабашникова имеет в виду диссертацию Штейнера «Die Grundfrage der Erkenntnistheorie mit besonderer Rücksicht auf Fichte's Wissenschaft» («Основной вопрос теории познания, особенно в связи с учением Фихте», 1891) и его книгу «Die Philosophie der Freiheit» («Философия свободы», 1894), переведенную на русский язык Б.П. Григоровым и впервые изданную в Париже в 1933 гг. (современное изд.: *Штайнер Р.* Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественно-научному методу / Пер. Б.П. Григорова; сверка и ред. К.А. Свасьяна. Ереван: Ной, 1993).

448. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Начало сентября (до 8-го) 1908 г. Лейпциг[1]

Rosstrasse 10.
bei Herrn Folprecht
Parterre*

Милый Макс, я телеграфировала Нюше на твое имя мой адрес и жду ее.[2] Твое письмо[3] переслали мне из Wolfach'a.[4] То, что сделано, сделано. Ты вовсе меня не понял, и не будем об этом больше говорить; А<нну> Р<удольфовну> я люблю по-прежнему и, м<ожет> б<ыть>, больше прежнего, но после ее слов «*"мы"* Вас любим, не уходите» я должна была грубо порвать и отрезать себе к ним все пути.[5]

В том, что она нас поженила, *никогда* я ее не упрекаю, п<отому> ч<то> для себя в этом, кроме добра, ничего не вижу, а я только очень мягко спросила ее, знала ли она, зачем говорила «сначала женой, а потом невестой». В последнем письме

* Росштрасе 10 У господина Фольпрехта В нижнем этаже *(нем)*

она пишет: *я все про Вас знаю*. И тут же делает крупнейшую ошибку. Зачем? И зачем в каждом письме писать слова В<ячесла>ва в кавычках, как он не может без нее жить, что она дороже ему всего на свете и т.д.

Что это, по-твоему, желание утешить меня? Я же ей давным-давно перестала о нем писать. Ну, довольно об этом. Что разбито, искусственно склеивать нельзя, за жестокость свою я плачусь полным одиночеством.

Штейнеру верю только в одной строго определенной области, т.е. *честности* его верю. Я сознаю, что в прошлом все во мне было дурно направлено, и начинаю жить снова, без личных надежд с одним твердым намерением быть честной и найти свое истинное «я».

Я буквально захварываю от писем А<нны> Р<удольфовны> и твоих; поэтому и думаю прекратить переписку и с тобой, если ты не хочешь мне писать о своей работе. Пиши мне изредка открытки, что ты здоров. Статью о Лидии, кот<орая> вышла очень хороша, я заканчиваю и уже писала Сергею Полякову просьбу ее поместить в ближайшем №, только думаю, что он откажет; Алеша спросит Рябушинского.[6] Только авторство мое — тайна. Посоветуй, куда еще попытаться ее послать.

Целую тебя.

Твоя Маргоря.

[1] Датируется по упоминанию о предстоящем приезде А.Н. Ивановой, заезжавшей к Сабашниковой на пути из Парижа в Москву в сентябре 1908 г., и о работе над статьей, посвященной «Трагическому зверинцу».

[2] В начале сентября 1908 г. А.Н. Иванова заезжала в Лейпциг для встречи с Сабашниковой. «Я здесь пробуду еще 2–3 дня, — информировала она Волошина в письме от 25 августа / 8 сентября 1908 г. из Лейпцига, — и еду дальше и на возвратном пути тоже только повидаюсь с ней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 57 об.).

[3] Это письмо Волошина не обнаружено.

[4] Сабашникова уехала из Вольфаха в Лейпциг либо 30 августа, либо 1 сентября 1908 г. (по западноевропейскому стилю). Согласно записи в ее дневнике, 16/29 августа 1908 г. она была еще в Вольфахе.

[5] Речь идет об осложнении отношений Сабашниковой с А.Р. Минцловой, возникших летом 1908 г. из-за портрета Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см. примеч. 13 к п. 447). «Теперь ясность ее <Сабашниковой> настроения нарушена недоразумением с А<нной> Р<удольфовной>, – сообщала А.Н. Иванова Волошину в цитированном выше письме из Лейпцига от 25 августа / 8 сентября 1908 г., – она написала уже второе письмо объяснительное, но из этого, вероятно, ничего не будет, и А<нна> Р<удольфовна> уже не вернется к ней (так, по крайней мере, я думаю). Все-таки и А<нна> Р<удольфовна> неправа. Мне трудно об этом писать подробно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 585, л. 57). См. также п. 449.

[6] «Теперь она <Сабашникова> занята и увлечена статьей об Лид<ии> Дм<итриевне>, – писала Волошину А.Н. Иванова. – Не знает только, куда ее послать» (Там же). О попытках опубликовать свою статью Сабашникова рассказывала В.И. Иванову в письме от 30 августа / 12 сентября 1908 г. (из Лейпцига): «Я обращалась в "Весы" и "Зол<отое> Руно" с просьбой поместить в октябре мою статью "О границах трагического", посвященную "Трагическому зверинцу" и Ее личности. Мне казалось, что будет хорошо, чтобы такая статья появилась как бы со стороны и чтобы автор остался неизвестным (Вам особенно).

Но не получая ответа от людей, кот<орых> просила это устроить, и сознавая, что эта статья как по размерам, так в особенности по духу не подходит к журналам, прошу Вас позволения прислать ее Вам, чтобы Вы решили ее участь, совершенно не считаясь уже со мной, т.е. спокойно вернуть ее обратно, если она Вам не понравится» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 10, л. 6 об. – 7). Ответ Иванова на это обращение Сабашниковой не известен. См. также примеч. 8 к п. 361.

449. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Середина сентября 1908 г. Вернигероде (Гарц)[1]

Wernigerode (Harz).
Harzfriede.[2]

Милый Макс, напиши мне, как ты себя чувствуешь? Как ты живешь? Я живу в Wernigerode. Это в Harz'е, совсем сказочное место, и теперь осенью очень хорошо. Здесь тетя Таня с Гейером. Сегодня только первый день, и я много гуляла.

Так странно и грустно. Все кажется, что это только дурной сон – последний год «и проснусь дома, где Бог и все вместе». Но дома нет, а Бога я ищу. Милый Макс, прости меня за мою жестокость. Это все чувства старого завета.* Может быть, я уже стала немножко лучше. Знаешь, я от А<нны> Р<удольфовны> получила ужасное письмо; она захворала от моей резкой записки и не поехала в Киев;[3] я ей ответила, сознавая вину свою и прощаясь с ней навсегда. Пожалуйста, ты от этого останься вдали, не говори ей, что вызвало мое письмо, не говори также, что ты что-нибудь об этом знаешь. Я прошу тебя об этом.

Будешь ли ты писать мне о своей работе? О личном писать больше не будем, но я еще скажу тебе, что В<ячеслав> Ив<анов> писал ко мне так же, в одном конверте и официально на «Вы», прося свиданья, чтобы дать ответ на наше прошлое.[4] Я ответила так же, но с большой простотой, и просила позволения прислать статью о «Тр<агическом> Зв<еринце>», кот<орая> все расширяется и углубляется.[5] Я прибавила, что если он хочет видеть меня, то до конца нашего сентября я буду в Wernigerode, а потом в Берлине.[6]

Я не могла себе представить ничего страшнее этого письма, этого тона, этого «вы». Так что Лейпциг был для меня очень тяжел. Духовно у меня все время очень большой подъем. Я жду многого от себя теперь. Макс, меня мучает вопрос о тебе как вопрос совести. Я не знаю, страдаешь ли ты, горе ли для тебя, что я не с тобой. Напиши мне об этом, чтобы я ясно могла строить свою жизнь, п<отому> ч<то> не хочу идти ощупью. Напиши совсем, как перед Богом, чтобы вопрос привычки, самолюбия или чувствительной нежности не играл бы роли; исключительно о себе и по существу. Я совершенно тебя не понимаю. Что значит, что ты полюбил «огонь, в кот<ором> я сгораю». Истинная любовь требует и ждет от человека высшего и любит в человеке его лучшее «я». О чем же ты говоришь?

Мама так обиделась, что я не приехала на позорное свидание с В<ячеславом>,[7] что не хочет меня знать.

* Далее вымарана одна строка

[1] Датируется приблизительно (по содержанию). Сабашникова приехала в Гарц из Лейпцига после 1/14 сентября 1908 г. – после того как Штейнер закончил свой лейпцигский курс.

[2] Вернигероде – город в Саксонии (ныне – федеральная земля Саксония-Анхальт). Харцфриде – пансион или гостиница, где остановилась Сабашникова.

[3] Из дальнейшего явствует, что это письмо Минцловой было отправлено к Сабашниковой «в одном конверте» с письмом В.И. Иванова и, следовательно, было написано приблизительно 21 августа / 3 сентября 1908 г. (см. следующ. примеч.).

[4] Письмо В.И. Иванова (благодарность за выполненный Сабашниковой портрет Л.Д. Зиновьевой-Аннибал) было написано 21 августа / 3 сентября 1908 г. Ниже приводится его полный текст:

«Судак, 21 авг<уста 19>08

Дорогая Маргарита.

Я не мог и не могу писать Вам. Но хочу и должен сказать Вам, что *принял* Ваш дар и *как* принял. Для этого я должен Вас видеть; сказать Вам должен это, не написать; да и нельзя написать.

Если Вы захотите свидания, о котором я прошу как о возможности ответа Вам на Ваш дар, то известите меня, где мне быть для встречи с Вами.

Если же Вы не хотите свидания, то узнайте теперь же одно: дар Ваш я принял так, что не отдам его уже никому добровольно; и в случае насилия скорей уничтожу его, чем отдам. Тут не одна жизнь погребена; не одна и воскреснет. Портрет буду держать в совершенной тайне, за завесами. Я хотел просить Вас о позволении издать его при Собрании Сочинений, потому что это Собрание – святая книга.

Вячеслав»

(РГБ, ф. 109, карт. 10, ед. хр. 29; публикуется по копии, выполненной М.М. Замятниной; «Собрание Сочинений» – книга стихов «Cor Ardens», вобравшая в себя основные произведения Иванова 1906–1910 гг.).

Именно об этом письме вспоминает Сабашникова в своей мемуарной книге. «В сентябре, – пишет она, – после одной лекции в Лейпциге из цикла “Египетские мифы и мистерии”, Мария Сиверс передала мне письмо. У меня в руках была еще не завинченная авторучка, которой я только что записывала свои заметки. Я узнала почерк Вячеслава, вскрыла конверт и прочла письмо с обращением на “Вы” – первое после смерти Лидии. Так неестественно вычурны были эти строки, что я, оглушенная болью, стояла, не замечая, что чернила из ручки капают на руку» (Зеленая Змея. С. 175).

[5] Имеется в виду цитированное письмо Сабашниковой к В.И. Иванову из Лейпцига от 30 августа / 12 сентября 1908 г. (см. примеч. 6 к п. 448).

[6] «Если хотите видеть меня, – писала Сабашникова в этом письме, – то я до конца нашего русск<ого> сентября буду в Harz'e, а потом в Берлине Motzstrasse 72. Когда хотите, тогда и приезжайте» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 10, л. 7 об.).

[7] Видимо, речь идет о свидании, предложенном В.И. Ивановым в письме Сабашниковой от 21 августа /3 сентября 1908 г. (см. примеч. 4 к наст. письму).

450. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

20 сентября / 3 октября 1908 г. Тале (Гарц)[1]

I. 3.10.

Милый мой, наработавшись до усталости в Wernigerode (я рисовала там деревья), поехала по Harz'y. Скалы, как в Коктебеле, но друидические леса и друидические жертвенные камни.[2] В лесах стонут олени и показываются на опушках. Вчера мы повстречали, по крайней мере, штук 10 совсем близко;[3] я была на Брокене,[4] а теперь на Валгалле.[5] Зимой, когда ты поедешь в Петербург, хорошо бы тебе это посмотреть. Деревья, как храмы. Дичь, как в Сибири. Много кабанов, зайцев, белок. Я встретила восход солнца на священном камне высоко над долиной.[6] Сегодня же еду в Wernigerode. Т<етя> Таня уехала в Москву. Целую тебя.

М.

[1] Открытка с изображением развалин замка Регенштайн близ Бланкебурга в Гарце. Почтовый штемпель отправления: Thale Harz 3.10.08 (Тале – город в земле Саксония-Ангальт, округ Гарц). Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard 35 Paris Frankreich». В тот же день и там же Сабашникова написала Волошину вторую открытку (см. п. 451).

[2] «Скалы здесь, к<а>к в Крыму, но покрыты священными друидическими лесами», – писала Сабашникова А.М. Петровой в тот же день (20 сентября / 3 октября) из Вернигероде (ИРЛИ, ф. 562,

оп. 5, ед. хр. 37, л. 29–29 об.). Друиды (жрецы и маги у древних кельтов, исполнявшие, по легендам, свои обряды в священных лесах и рощах).

[3] Ср. в том же письме к А.М. Петровой: «Водятся здесь кабаны и олени. Олени теперь воют и ревут, и это страшно. То там, то сям подымается этот дикий вопль по лесам к вечеру и до зари утренней. На опушках они показываются. Вчера по дороге я встретила, по крайней мере, штук 10. Какая красота!» (Там же, л. 29 об.). См. также п. 452.

[4] Вершина Гарца (высота – 1141 м), на которой, согласно преданию, ежегодно в ночь на 1 мая собираются ведьмы, чтобы праздновать Вальпургиеву ночь.

[5] Валгалла (Валхалла) в германо-скандинавской мифологии – небесный чертог для воинов, павших в бою. Валгаллой называется также Зал Славы – здание, воздвигнутое по воле баварского короля Людвига I на берегу Дуная в 10 км от Регенсбурга (Северная Бавария) архитектором Лео Кленце в 1830–1842 гг. Представляет собой галерею статуй и бюстов выдающихся личностей, имеющих отношение к германской истории и культуре.

[6] «Иное дерево – как целый храм, – рассказывала Сабашникова А.М. Петровой в цитированном выше письме от 20 сентября / 3 октября 1908 г. – Буковые леса – совсем готика, и на ковре их мертвых листьев бледные пятна света, как в церквах. <...> Я научилась рано вставать, научилась быть, как будто нет меня, а одна душа. Веса своего не чувствую. Учусь у деревьев их дивной мудрости, рисуя их. Рисую сухо, карандашиком, изучая, и слушаю, какая в каждом живет древеница. Они хотят увидеть свой образ. Не знаю ничего лучше деревьев. Они – наши братья, какой между ними обмен даров! И ими жива земля. <...> Лес – молитва земли, посредник между небом и землею. И ему подобна должна быть душа художника. Здесь столетние деревья всех родов» (Там же, л. 29 об. – 30).

451. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

20 сентября / 3 октября 1908 г. Тале (Гарц)[1]

II.

Правда, я совсем не ожидала, что в 5 ч<асах> от Берлина такая глушь. Гостиница 18-го века,[2] и вспоминаются старинные рассказы. Погода чудная, жаркая, как летом. Я встаю

ежедневно в 7½ утра и уже в 9 на этюде.[3] Сколько я пробуду, будет зависеть от погоды. «Зверинца» не кончила,[4] не могу совмещать 2 вещи, а так как мне не ответили ни В<ячеслав>, ни Поляков, ни «З<олотое> Р<уно>», то и спешить некуда.[5] 15-го все же буду в Берлине. Черкни мне, как тебе работается.

М.

[1] Открытка с видом на долину реки Боде, «площадку ведьм» (где, по преданию, собираются ведьмы) и «Оленью пропасть» (Hirschgrund). Почтовый штемпель отправления: Thale 3.10.08». Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard 35 Paris Frankreich». Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Судя по гостиничному штемпелю на открытке, Сабашникова жила в отеле Ростраппе (Rosstrappe).

[3] «Я в Harz'e, – одна, – писала Сабашникова А.М. Петровой. – Рисую целые дни деревья и учусь у них мудрости. Недели через две буду в Берлине (Motzstrasse 72) на всю зиму» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 13). На открытке прочитывается лишь один почтовый штемпель: «Феодосия 25.9. <1908>», что позволяет приблизительно уточнить дату ее написания и отправки: 20–21 сентября / 3–4 октября 1908 г. (видимо, Сабашникова написала и отправила Петровой, как и Волошину, одно письмо вслед за другим).

[4] Имеется в виду статья Сабашниковой, посвященная книге Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (см. примеч. 6 к п. 448 и п. 449).

[5] Ср. в письме к А.М. Петровой от 20 сентября / 3 октября 1908 г.: «Летом я написала статью о "Трагическом Зверинце", как помните, еще осенью Вам рассказывала. Не знаю, что с ней делать» (ИРЛИ, ф. 562, оп.. 5, ед. хр. 37, л. 30 об.; «осенью», т.е. осенью 1907 г. в Феодосии).

452. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

1/14 октября 1908 г. Берлин[1]

Милый Макс, третьего дня я приехала из Thale на Motzstrasse, 72. Эти дни в Harz были чудные. Я рисовала, но больше гуляла. Там священные друидические леса.[2] Я жила на скале, где было их главное святилище. Воздух живой. Каж-

дый день я встречала солнце, кот<орое> подымалось из-за Валгаллы. Олени там ходят стадами; по ночам они ревут и стонут – это время их страсти.[3] В лесах пурпуровая тишина. Получил ли ты 2 моих карточки?[4] Я здесь нашла письмо от Елен<ы> Отт<обальдовны>, очень нежное и грустное,[5] в ответ на мою открытку Гете в Италии, – где Гете так похож на нее.[6] Целую тебя, пиши мне, если можешь, о своей работе.

Аморя

[1] Открытка с изображением городского замка в Потсдаме. Почтовые штемпели: отправления – Berlin 14.10.08; получения – Paris 15 oct<obre> 1908. Адрес: «Monsieur Max Volochine Rue Boulard 35 Paris». Датируется по почтовому штемпелю.

[2] См. примеч. 2 к п. 450.

[3] См. примеч. 3 к п. 450.

[4] Имеются в виду п. 450 и 451.

[5] Письмо не сохранилось.

[6] «Гете в Италии» (другое название – «Гете в Кампанье») – известная картина И.Г.В. Тишбейна (1786). Эту открытку с изображением Гете Сабашникова отправила Е.О. Кириенко-Волошиной из Вернигероде; приблизительная дата написания и отправки (штемпели отсутствуют: открытка была вложена в конверт) устанавливается по содержанию: конец сентября 1908 г. (по новому стилю). «Это – Ваш портрет я Вам посылаю, – писала Сабашникова. – Очень люблю Вас и хотела бы знать, как Вам живется. Шлю привет дорогому Коктебелю. Я сейчас в Harz'e Wernigerode Harzfriede, а через 10 дней буду в Берлине Motzstrasse 72» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36, л. 9).

О «германском» облике Елены Оттобальдовны и ее сходстве с Гете упоминала и Марина Цветаева в очерке «Живое о живом (1932): «...Лицо старого Гете, явно германское и явно божественное» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. С. 182).

453. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

17/30 октября 1908 г. Париж[1]

Моя милая, милая далекая девочка! Да, ты стала ужасно далека от меня. Не удивляйся, что я пишу тебе так редко:

я так мало знаю, какая ты теперь, что в те минуты, когда мне грустно о тебе, я ухожу в прошлое и не могу к тебе обратиться теперешней, не знаю, услышишь ли ты.

А мне часто бывает грустно о тебе. Если я молчу и начинаю думать о себе, то душе раскрывается громадная пустота по тебе. Громадная пустота осталась душе и в жизни с тех пор, как ты отошла.

Когда я думаю о Петербурге, то чувствую острую боль, и мне кажется, что невозможно было бы пережить, если бы все снова повторилось. А иногда кажется, что после не было уже жизни, и каждое мгновение той боли храню как святыню.

Аморя, девочка моя, скажи, жива ли ты. Вернешься ли ты ко мне? Аморя, вернется ли она?

Вот сейчас вечер. И все кругом тихо. И голова Таиах[2] глядит из темноты. И мне кажется, что ты можешь, можешь снова прийти, и я снова буду держать руками твою милую голову, целовать твои волосы, твои бледные пальчики. Милая, любимая, дорогая Аморя...

Я не зову тебя... Мне не надо видеть тебя. Я только хочу знать, чувствуешь ли ты в самой глубине души ту нежность, что раньше связывала нас?

Твои маленькие письма все ласковы и дружественны, но душа бьется о них, как птица о стекло.

Из твоих старых писем у меня случайно сохранилась лишь маленькая записочка в три строчки: ты написала ее последнюю из Царского Села. Вот ее слова:

«Мой мальчик, целую тебя, любимый. Христос с тобой. Твоя Аморя».[3]

Я их повторяю про себя, как твои предсмертные слова. И это ведь так. С того дня уже жизнь не возвратилась к нам.

[1] Публикуется по ксерокопии, присланной Р. Вермбтер В.П. Купченко и хранящейся ныне в его личном архиве (Санкт-Петербург); на обороте ксерокопии рукой Купченко надпись: «Получено от Р. Вермбтер 17 мая 1975 г.» Местонахождение оригинала не известно. Датируется по почтовым штемпелям: отправления – Paris 30–10–08; получения – Berlin 31–10<–08>.

[2] См. примеч. 3 к п. 15.

[3] Эта «записочка» не обнаружена. Однако похожие обращения к Волошину, встречаются в других письмах Сабашниковой из Царского Села (см. п. 318, 320 и 331).

454. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 октября / 5 ноября 1908 г. Берлин[1]

Милый Макс, ты спрашиваешь, сохранилась ли в моей душе та нежность, которая связывала нас раньше. Нет, не сохранилась; и все нежное в душе моей запрещено. От нашего прошлого ничего не осталось во мне. Все забыто.

Этим прямым признанием я хочу помочь тебе пойти навстречу новой жизни. Я одна, хочу и должна быть одной.[2] Куда позовет меня жизнь, туда пойду. Но не прошлое мне скажет мою дорогу. Каждое мгновение оглядывания – каменеет.[3]

Уже я стою вне трагического, уже нет ничего, чего бы здесь могла пожелать. Понять, значит забыть, т.е. умереть, а после смерти рождение к новой жизни. Я умерла.

Макс, не жалей ничего, будь мужественным и деятельным. У Бога все живо. Если это знаешь, то и забываешь – Богу отдаешь, и легко, легко идешь по земле. Бог запомнит, Бог рассудит и воздаст, все мы у него вместе; а сейчас, Макс, стой каждый у своего станка, до вечера.

Что мне сказать тебе,* Знаю, как больно, больно я тебе делаю, только лучше так ясно и прямо сказать, чтобы ты знал, перенес; сразу; а не тянуть, как тянул со мной В<ячеслав> И<ванов>. Целую тебя, и Христос с тобой. Не жалей себя. Я себя тоже не жалею больше.

М.

[1] Ответ на п. 453.

[2] Мотив одиночества постоянно звучит в письмах Сабашниковой того времени (см. об этом в примеч. 2 к п. 432). Неутихающая любовь к В.И. Иванову, решительно отдалившемуся от Сабашниковой после смерти жены, определяют ее внутреннее состояние тех лет. Сабашникова постоянно жалуется на физическую слабость, душевный недуг, невозможность найти свой «путь», серьезно заняться живописью и т.д. Временами Сабашниковой казалось, что ей удается – через сближение с природой, лекции Штейнера (или беседы с ним), приобщение к русской народной «стихии», погружение в работу – выйти из депрессии, но острое ощущение одиночества

* Далее вымарано несколько слов

вновь возвращалось, и она чувствовала себя потерянной и «неприкаянной». Так, в феврале 1910 г. Сабашникова пишет А.М. Петровой, что чувствует в душе «новую жизнь и возрождение» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 11 об.). Однако через несколько месяцев (в декабре 1910 г.) она признается, что у нее «длится агония»: «Я все не могу помириться со своим одиночеством. Просто кажется, что у меня не хватит силы и я замру, ничего не сделаю, если не встречу человека, не буду любить и любима. <...> Очень бесприютно и тяжело одной. <..> У меня много замыслов, как всегда. И мало сил. Думаю, что здоровье связано с тяжелым внутренним переживанием, с той агонией, о кот<орой> я говорю» (Там же, л. 41 об. – 42).

Окончательно преодолеть это критическое состояние Сабашниковой удается лишь в 1911–1913 гг. на пути приобщения к «духовному знанию», которое проповедовал Штейнер, и деятельному участию в теософском (антропософском) сообществе.

[3] Намек на библейский образ Лотовой жены (см. примеч. 2 к п. 456), к которому Сабашникова, пытаясь порвать со своим «прошлым и не желая на него «оглядываться», не раз возвращается в своих письмах (см. п. 465, примеч. 11 к п. 473 и др.).

455. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 26 октября / 8 ноября 1908 г. Париж[1]

Письмо твое трудно было мне принять и пережить. Теперь же мне понятно его значение.

Действительно, если ты такая теперь, как в этом письме, то ты умерла, и все связи меж нами порваны.

Но для меня прошлое все живо, все свято, и я не отрекаюсь ни от одного воспоминания, потому что ты – умершая: самое дорогое, что у меня было в жизни и будет.

Теперь же каждая мысль твоя чужда мне, каждое слово антипатично.

Этот сухой, по-протестантски морализирующий, тон, эти ненужные упоминания имени Божьего мне чужды и противны всему моему существу.

Я не понимаю, как воспоминания могут быть запрещены, не знаю того Бога, который «запомнит и рассудит», я не знаю никакого «станка», у которого мне нужно «стоять до вечера».

Мне так ново и так противно слышать эти речи в твоих устах, что мне радостнее думать, что ты действительно умерла, чем видеть рядом с собой какого-то подменыша, принявшего твой лик.

Поэтому прощай.

[1] Ответ на п. 454. Датируется приблизительно. Отсутствие обращения и подписи под письмом, как и сопоставление его с п. 456, в котором Сабашникова цитирует отдельные выдержки из полученного ею предыдущего письма Волошина, позволяют предположить, что данный текст – черновик (потому и сохранившийся в его архиве).

456. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

29 октября / 11 ноября 1908 г. Берлин[1]

11 ноября.

Мой дорогой Макс, ты совершенно неверно понял мое письмо. Это мне грустно, и я вижу, какое зло письма. Ни от чего я не отрекаюсь, и если не могу жить прошлым, то оттого, что каждое мгновение воспоминания для меня связано с душевным заболеванием; мне нечем вздохнуть тогда; я, как оглянувшаяся жена Лота, обращаюсь в каменный столб.[2] Милый, пойми же, что когда я говорю, что «запрещено» во мне все мягкое, то не святошество это, а инстинкт, который должен помочь мне жить, идти навстречу будущему. Словами, что прошлое у Бога (которые так тебя возмутили), хотела я сказать, что ничто не умирает, все живо, каждое мгновение. «Не ведаю, – пишешь ты, – того Бога, который все запомнит». Этот бог – высшее мое я и твое. Оно-то все сохранит. Когда я писала, что буду до вечера стоять у своего станка, то думала о том, что если естественная смерть не пришла за мной, то и надо жить и этот урок окончить, пока она не придет. Ты негодуешь на то, что я как будто мертвая. Я же и говорю тебе, что для той жизни, в которой жила до прошедшего года, я умерла. Ведь не пустыми же фразами было мое весеннее письмо к тебе. Между мной прошлой и мной настоящей действительно

мало общего; но ведь мы и живем, чтобы измениться. Разве, милый, ты сам не изменился? При чем «немецкое святошество», при чем «протестантство»? Если бы ты не прикасался к этому! Если бы просто писал о своей жизни, о работе и людях, то, может быть, увидал бы, что жизнь только форму меняет, но не уходит. Я постоянно думаю о тебе, на что направлена твоя деятельность, как и куда ты идешь. Очень возможно, что самое существо моей натуры тебе чуждо и неприятно, что ты любил во мне свою мечту, и такое разочарование самое тяжелое, что может быть в жизни. Имей же мужество сказать себе, что это так. Не желай того, чего нет; постарайся найти и полюбить то, что есть. Жизнь говорит; слушай, что она говорит, помогай рождаться новому, не останавливай жизнь.

Милый, милый мой, не будь печален. Если скучаешь без меня, пиши чаще или приезжай повидаться, если же видеть меня тебе тяжело и писать трудно, – забудь, но призраками не живи. И не будем об этом больше говорить.

Твоя Аморя.

[1] Ответ на п. 455.

[2] Согласно библейскому преданию, жена Лота, покидая Содом, оглянулась на разрушенный город и превратилась в соляной столп (Быт. XIX, 26). О Лоте и его жене упоминается и в Евангелии (Лк. XVII, 28–32). Ср. примеч. 3 к п. 454 и примеч. 11 к п. 473.

457. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Конец октября – начало ноября 1908 г. Берлин[1]

Милый, дорогой Макс, я вижу, что ты все не понимаешь меня, если можешь звать в Париж.[2] Свидание наше будет для тебя и для меня только напрасным страданием, п<отому> ч<то> от прошлого во мне ничего не осталось. Когда ты вполне это поймешь и переживешь, мы сможем встретиться; не раньше. Я же это время должна и хочу быть одна, и сколько это продлится – год или много лет, – не знаю.

У меня есть совершенно определенные цели, от кот<орых> я не отступаю, и из Берлина никуда не поеду.

Милый, милый Макс, как бы мне хотелось тебе помочь понять и принять неизбежное. Пиши мне, если хочешь, о своих мыслях и работе. Не пиши о том, о чем говорить и спрашивать напрасно.

Добрый мой, хороший, милый. Будь бодр и мужествен. Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я писала тебе «в кризисе боли», напротив, я живу *вне трагического*. Очень спокойна и уверена, работаю и вполне владею собой. Целую тебя, милый.

Аморя.

[1] Датируется приблизительно (по содержанию).

[2] В одном из несохранившихся писем этого времени Волошин предлагал Сабашниковой встретиться с ним в Париже (ср. п. 458). «Я прошу очень Аморю приехать на Рождество в Париж повидаться. А то мне очень не хочется видеть ее проездом в Берлине "между табльдотом и музеем"», – писал Волошин Е.О. Кириенко-Волошиной в начале ноября 1908 г. (Т. 9 наст. изд. С. 393; публикаторы датируют это письмо «Около 3/16 ноября»).

458. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

Около 31 октября / 13 ноября 1908 г. Париж[1]

Да, Аморя, я, правда, не понимаю твоих писем, твоих настойчивых уверений о том, что от «прошлого ничего не осталось». Если так, то тебе должно быть очень тяжело вспоминать и думать обо мне.

А вместе с тем ты пишешь мне письма с видимой симпатией и расположением. Я мог бы понять, что ты так отрекаешься и отбиваешься от прошлого, боясь с моей стороны каких-то требований к тебе. Но ведь ты же знаешь, что я никогда от тебя ничего не требовал и не буду требовать. Ни на чем прошлом я не собираюсь и не хочу строить своей жизни, ни твоей приковывать к нему. Но не могу ведь я относиться к тебе как к незнакомой молодой девице, которую встретил в первый раз в жизни.

Наше «я» ведь и есть наше прошлое... Словом, этого я не понимаю, но думаю, что очень легко понял бы все, если бы мы встретились, поэтому и предлагал тебе свидание в Париже.

Свидание это вовсе не с какой-нибудь определенной целью, а просто, чтобы посмотреть на тебя: какой ты стала за это время. Нарушать твоего одиночества и твоих планов я вовсе не хочу. Ты все предлагаешь мне писать о себе, о своих работах и мыслях. Я много раз ведь это делал летом, Аморя. Я писал тебе и о моем перевороте во взглядах на жизнь, на путь, на теософию, писал о книгах, которыми жил, но ты на эти именно письма и не отвечала. Точно так же ты не хотела мне писать о лекциях Штейнера, как я много раз просил тебя и что мне было очень, очень важно. Выходит, словом, что ни о чем более или менее отвлеченном на<м>не приходится писать, а наши интимные, личные письма неизбежно касаются лишь прошлого, т<ак> к<ак> оно одно и лежит между нами теперь, когда мы живем вдали друг от друга и разными интересами.[2]

Я ничего большего и не хочу, как жить полною жизнью, не оглядываясь назад и помогая тебе в твоих новых исканиях, но это возможно только, если я тебя увижу и узнаю, кто ты теперь. Но на твоем приезде в Париж не настаиваю и вообще, ты знаешь, что никаких требований к тебе предъявлять не буду. И самое больное для меня и обидное то, что во всех этих твоих письмах я чувствую, что в тебе живет страх, а вдруг я у тебя что-то буду требовать, о чем-то умолять тебя, опираясь на прошлое. Я замечаю в твоих письмах следы того же страха, что ты испытывала при мысли, что твоя мама может от тебя что-то потребовать. Это состояние духа казалось мне особенно обидным и унизительным для тебя.

Если ты не хочешь приехать в Париж, то я на твоем приезде вовсе не настаиваю. Но видеться с тобой в Берлине не буду, а проеду прямо в Россию, не останавливаясь.[3] Мне совсем не важно видеть тебя мельком на вокзале.

Письма при таких условиях, думаю, совершенно бессмысленны, и я писать их прекращаю. Но буду тебе благодарен, если изредка ты будешь меня извещать в двух словах на открытке о своем здоровье и о местопребывании.[4]

Прощай, Аморя. Только пусть прошлое будет для тебя живым ключом, а не мертвым склепом.

В январе я возвращаюсь в Петербург.[5] А ранней весной уеду в Коктебель.[6] Не забывай, что в Коктебеле твой дом и что он всегда ждет тебя.

Крепко целую тебя.

[1] Ответ на п. 457. Датируется приблизительно. По-видимому, черновик.

[2] См. примеч. 6 к п. 475.

[3] В действительности, возвращаясь в январе 1909 г. в Россию (см ниже примеч. 5), Волошин провел неделю в Берлине, остановившись в том же пансионе, где жила Сабашникова (см.: Труды и дни-1. С. 216).

[4] «С Аморей у нас очень неровная и порывистая переписка, исполненная всяких недоразумений, – признавался Волошин в письме к А.М. Петровой (около 11/24 ноября 1908 г.). – Она ищет себя вне земных условий, в отречении и забвении. Я же утверждаюсь здесь на земле и не хочу ни от чего отрекаться. Мы не до конца понимаем друг друга» (Т. 9 наст. изд. С. 401).

[5] Волошин вернулся в Петербург из Парижа в конце января 1909 г. (по русскому стилю).

[6] Волошин уехал в Коктебель в апреле 1909 г. (см.: Труды и дни-1. С. 220).

459. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

6/18 ноября 1908 г. Берлин[1]

Милый мой, тебе, верно, Толстой уже писал о том, что он был у меня. Он пришел ко мне в понедельник вечером,[2] ему сказали, что я на лекции № 17,[3] и он отправился туда.[4] Я видела, как, когда уже все сидели, ввели человека, по нарочито мрачному взгляду и пухлым губам я узнала в нем русского.[5] Потом я поехала с ним к его жене, и он читал мне свои стихи, которые в тот вечер очень меня обрадовали, п<отому> ч<то> я так давно не наслаждалась непосредственным искусством.

Другой день он провел у меня; в то утро приехала Нюша,[6] и мы с ним не были вдвоем, а то бы он больше о тебе рассказал. Но вся атмосфера Парижа, которая с ним повеяла на меня, произвела на меня очень тяжелое впечатление, и так захотелось мне тебе как-нибудь помочь, мой милый Макс, поднять твой дух. Он говорил, что ты окружен суетой, бегаешь на побегушках, устраиваешь «оргишники» и за все это время не написал ни одного стихотворения. Глубокая грусть за тебя, Макс, владеет мною, и ответственность я чувствую за то, что ты даром тратишь жизнь.

Когда живешь у самого ключа жизни, как я, и открываются задачи этого времени и видишь, как на великий призыв отвечают немногие и нет работников, то страшно, Макс, страшно, что ты с твоими способностями, силами и чистотой как будто потерян и не знаешь, за что приняться. Ты упрекаешь меня, что я не пишу тебе о лекциях Штейнера. Макс, это *невозможно*. Отрывки передавать нельзя. Он даже не позволяет теперь из ложи в ложу передавать отдельные лекции. Это слишком значительная и строгая вещь, он стоит за точность каждого слова. Выхватить анекдот из потустороннего и пустить его, как красивую мысль, в оборот невозможно. Страшную ответственность налагают получаемые знания, чем больше знаешь, тем невозможнее становится говорить.

Эти лекции рассчитаны на непосредственное влияние и воспитание эфирного тела, если хочешь, *нового фактически* нет ничего. Все дело в усвоении старого. Помнишь, как мы болтали о теософии, точно приняли ее как новую игру, и помнишь, как в Гамбурге тебе твоя оригинальная мысль об Иуде была дороже правды.[7] Макс, пока такое отношение живо, невозможно познание. Может быть, для искусства такая игра необходима; я не знаю; только я-то думаю, что к этому искусству нет тебе возврата и что рано или поздно ты захочешь познания. Твое занятие французами кажется мне чем-то для тебя несущественным. Как-то кажется, что эта французская утонченность — симптомы отмирающей и уже непродуктивной расы, но ведь я не знаю, как ты занят ими, и очень хотела бы знать. Ты только раз и мельком писал мне о

том в Норвегию, напиши мне еще, прошу тебя. Не думай, что у меня по отношению к тебе какая-то скупость или самозащита. На твой вопрос о прошлом я только правдиво ответила. Но я постоянно думаю о тебе, хотела бы поделиться с тобой тем великим, что получаю, хотела бы зажечь в тебе желание работать. Может быть, видеться нам и рано сейчас. Мне нужно еще очень, очень измениться. Первое влияние познания должно пагубно, парализующе действовать на искусство, но потом углубить и возвысить его. Сейчас я парализована.

Стихи Толстого я нахожу талантливыми, в некоторых местах музыкальными; но поверхностными. Он сам должен измениться, стать человеком для этого. У него женственная, суетная душа пока; но мне кажется, он мог бы очень развиваться.[8] Его любовь к тебе трогательна. По его словам, Париж показался мне какой-то мучительной арлекинадой, пестрые лохмотья, старые призраки. Меня порадовало, что ты занимаешься 12 веком. Он должен быть тебе близок, и там ты можешь найти истинное вдохновение. Как обстоят дела с лекциями, кот<орые> ты будешь читать? Готовы ли они? Доволен ли ты ими. Как я хочу услыхать их.

Милый мой, дорогой мой мальчик, не понимай меня ложно, пиши мне о занятиях своих и о мыслях. Общие цели соединят нас. Если любишь меня, займись с Нюшей теперь немецким языком.

У нас впереди большая работа и жизнь, и мы много, много можем друг для друга.[9]

Скажи, отчего ты опять задыхаешься. Это очень огорчило меня. Пиши мне. Целую тебя нежно на работу и радость.

1 Датируется по содержанию (упоминание о визите А.Н. Толстого и др.).

[2] То есть 3/16 ноября.

[3] Имеется в виду дом № 17 по Мотцштрассе – в этом доме жил Штейнер и располагалась (с 1903 г.) «штаб-квартира» Немецкой секции Теософского общества.

[4] Вечером 3/16 ноября Штейнер читал лекцию (для членов Теософского общества) «Суть и значение Десяти Заповедей» (см.: *Schmidt H.* Das Vortragswerk Rudolf Steiners. Verzeichnis der von

Rudolf Steiner gehaltenen Vorträge, Ansprachen, Kurse und Zyklen. S. 131). Доклад опубликован в кн.: *Steiner R.* Geisteswissenschaftliche Menschenkunde. Neunzehn Vorträge, gehalten in Berlin zwischen dem 19. Oktober 1908 und 17. Juni 1909. 5.-te Auflage. Die Herausgabe besorgten Johann Waeger und Hans W. Zbinden. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1988. S. 115–131; GA 107).

[5] В недатированном письме к Волошину, написанном под свежим впечатлением от встречи с Сабашниковой, А.Н. Толстой рассказывал:

«Приехали, устали. Соня осталась в номере, я умчался к Маргарите Васильевне. Дома не оказалось, дали адрес, где она будет до 11 вечера, я туда, конечно, разлетелся. Тишина, народу очень много, дышат, и слышен металлический спокойный голос.

Мне велели протискаться и сесть за печкой. Сел. Синие стены, спокойные лица, углубленные, и голос, ничего не понимаю. И было так 2 часа.

Один раз я увидел лицо его: черные глаза горящие, стиснутый рот и две морщины на смуглых щеках, худой, в черном, около алые розы, на стене распятие...

Когда расходились, подвели меня к Маргарите Васильевне, она была маленькая, невыразимо спокойная и необыкновенная, во всем отличная, точно воскресшая из мертвых... Хотела познакомить со Штейнером, но мне и без того страшно было, оказывается, на заседания ложи никак нельзя приходить посторонним <...> На следующий день объявился я в три часа у Марг<ариты> В<асильевны> и встретил там Нюшу. <...> М<аргарита> В<асильевна> ходит немного согнувшись, на плечи накинут платок теплый, не быстрая, мягкая и уверенная. Говорила о Штейнере, и щеки вспыхивали ее, и действительно нечеловека видит она в нем и в силе его. О рунах и Германии рассказывала, принесла книжечку – в которой ничего-то я не понял» (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Вступ. статья, сост., подгот. текстов писем и примеч. А.М. Крюковой. М.: Худож. литература, 1989. Т. 1. С. 135–136; Соня – С.И. Дымшиц-Толстая).

[6] А.Н. Иванова приехала из Парижа в Берлин 4/17 ноября и провела несколько дней вместе с Сабашниковой. Ср. в письме Волошина к матери (из Парижа) от 6/19 ноября 1908 г.: «Нюши здесь еще нет: она пока еще в Берлине у Амори» (Т. 9 наст. изд. С. 395).

[7] Имеется в виду вопрос Волошина об Иуде, заданный им Штейнеру в Гамбурге. Сабашникова подробно рассказывает об этом в своей мемуарной книге:

«По пути из Петербурга в Париж Макс заехал в Гамбург, чтобы повидаться со мной, и прослушал там несколько лекций. В одной

из бесед после лекции он задал вопрос, который тогда как парадокс очень его занимал: не является ли Иуда, взявший на себя грех предательства, благодаря чему только и стала возможна Христова жертва, истинным спасителем мира? Рудольф Штейнер решительно отверг эту идею как совершенно "нездоровую". Иуда не понял самого существа того, что Христос принес миру, он ждал, что Христос одержит победу над врагами путем магии. Своим предательством он хотел добиться земного триумфа для Христа. Наша материалистическая культура живет под знаком Иуды. Как Иуда "пошел и удавился", так и наша культура сама себя уничтожит» (Зеленая Змея. С. 170). Ср. примеч. 2 к п. 279 и примеч. 11 к п. 315.

[8] Ср. в цитированном письме А.Н. Толстого к Волошину: «На мои стихи <Сабашникова> сказала, что они ковровые, много блеску, красоты, но глубины души не чувствуется в них пока и что это должно прийти» (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. С. 136).

[9] О том же Сабашникова говорила тогда и А.Н. Толстому, о чем свидетельствует его берлинское письмо к Волошину:

«Как следует, спросила о тебе: много ли работаешь и как живешь. Я все рассказал, и вот что ответила мне Марг. Васильевна. Ужас, что он занимается только такими ненужными мелочами, как разыскивание анекдотов о писателях. Макс предназначен совсем к другому, очень большому, так обидно, что такой человек растрачивает себя на мелочи. Все оттого, что еще много в нем суетности, не созрел, не может еще отрешиться от нее. Париж дает только прошлое, а теперь столько важного в новой нашей жизни. Со мной Макс совсем не работает, и в Петербурге тоже, ему нужно ехать в Коктебель на одиночество.

Знаешь, Макс, Маргарите Васильевне было так тяжело, что, видно, из-за тебя она принесет все жертвы, сделает все, чтобы ты писал.

Спрашивала, готовишь ли ты лекции для поездки, что тебе это было бы очень важно начать читать доступные лекции об искусстве, но на этом она не очень настаивала.

А самое большое желание ее, чтобы ты приехал в Берлин, выучил немецкий язык, занимался оккультизмом и стал бы тем, для чего предназначен. О Германии говорила, что это непочатый край для изучения, она возродится, а Берлин только временное заблуждение. Много мы говорили, не вспомнить всего, и стало мне очень тяжело, и показалось, что и ты не прав, не работая, и она, делая только то, что нужно. И ты, и она, я думаю, сделаете шаг навстречу, потому что вы предназначены богом друг другу и оба такие хорошие» (Там же. С. 136).

460. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

21 ноября / 4 декабря 1908 г. Берлин

Берлин. 4 декабря 1908 г.

Милый Макс, постараюсь ответить тебе обстоятельнее на твое письмо,[1] которое очень порадовало меня, п<отому> ч<то> оно разрушило то впечатление, кот<орое> произвел на меня рассказ о тебе Толстого. Он сказал мне, что ты как-то потерян, не знаешь, по-видимому, что тебе делать, и тратишь силы на пустяки, что тебе некогда писать стихи, п<отому> ч<то> ты окружен суетой, и что ты очень несчастен. Это, конечно, огорчило меня глубоко, и я почувствовала как бы на себе вину в том, что ты погас. Но если ты так ясно видишь свой путь художника и идешь по нему, то я очень рада. Только сам человек может судить, теряет ли он время, и если то, что другим кажется отклонением от пути, для него путь, то, слава Богу. А я и не думаю насильно «спасать» тебя. И очень, очень рада, что ты твердо знаешь свой путь. Толстому я говорила только о познании в жизни. Я очень восхищалась его стихами, но нашла, что они пока ковер, что в них нет сердца и глубины, которая дается не талантом и натурой, а она растет от испытаний.

«*Абстракцию*» я не считаю познанием, ни художник, ни оккультист с ними не имеет дела. Уже *понятия* не есть абстракция для него, а весьма большая реальность.

Я очень хорошо понимаю твой ужас перед людьми, «изнасилованными истиной»,[2] но это только переходная стадия, когда то, что жило в чувстве, становится и интеллектом; только повторяю, это как бы краткая болезнь. Проповедь без посвящения бесплодна; у Штейнера же нет проповеди, а только факты и образы, которые, работая над душой, преобразуют ее и, конечно, становятся органичными.

Парализована я не этим, а слишком быстрым переходом от жизни, в которой все было устремлено на личное в самых разнообразных видах и кот<орая> судьбой была переведена в другую область; точно сразу выхватили из-под ног ступеньку (на которой, верно, я замедлила), и я пошатнулась, для меня

земля стала могилой, п<отому> ч<то> раньше я видела в ней лишь то, что теперь называю суетой; опять-таки повторяю, это был чересчур резкий переход, я была слепа в новом мире. Теперь я рождаюсь к другому. Кризис в искусстве должен быть. Этот кризис произойдет у всех серьезных художников.

Wer nicht stirbt, eh er stirbt, der verdirbt, wenn er stirbt. (Кто не умрет прежде, чем умрет, тот погибнет, когда умрет.)[3] Я сама хоронила Аполлона[4], говорила о том, что художник должен жить в границах трагического, быть слепым, пить вино и т.д. Словом, что он должен быть бессознательным. Приводила рассказ Оскара Уайльда о пастухе, кот<орый> замолчал, когда в самом деле увидел фавна, и т.д.[5] И теперь поняла, что то, что так казалось мне неопровержимо верно, очень наивная мысль. И ошибка состоит в том, что, говоря о сознании, мы понимаем под ним рассудок; он враг искусства, конечно. Сознание же высшее перестает иметь с ним дело. Чем чище и сознательнее художник в этом высшем смысле, тем является он совершеннее как орудие высших духов, и тут искусство только высшая степень посвящения.

Наивность в художнике уже нечто невозвратимое и может являться в таких аномалиях, как Кузмин. Я прочла «Спорады» Иванова в «Весах» и нахожу, что это очень неглубокая и несерьезная, хотя изящная статья.[6] Хотела бы думать, что она написана давно.

Тем, что ты говоришь о «лике», ты его уничтожаешь. Для меня нет разделения на лик и сущность. Что касается до того, что ты говоришь: «индивидуальность – это долг, который должен быть уплачен до последнего волокна». Так я думаю, что развитие индивидуальности есть единственная, последняя величайшая цель всей жизни мира.

Говорить о слове как о цели мне кажется невозможным. Цветок ли существует для плода или плод для цветка, разве этот вопрос можно ставить. Как для семени умирает цветок, умирает для цветка семя. Слово – всегда гроб, ограничение, жертва. Как Слово умирает в слове, как Дух хоронится в мире, так должно угаснуть слово в Слове, и мир умереть в Боге. Только то искусство совершенно, в основании которого лежит

жертва. Тогда могила – колыбель. Мы были бы ворами, если бы боялись разбивать форму. Старые нации, неспособные на жертву, застывают в форме, ибо предпочитают совершенное уже тому, что станет, – dem werden<den?>*.

Новую страну, как Россию, хотелось бы уберечь от форм, она должна зреть в хаосе, и я считаю тех, кто слишком заботится о совершенной форме и анализирует, как, напр<имер>, Бенуа и Бакст, ну и в областях других (не говорю о творцах в форме, но о теоретиках, каким ты являешься в статье о слове как цель[7]), самыми опасными врагами России и ее будущего чудного искусства.[8] Слово должно быть жертвенно и желать умереть, чтобы оно навсегда стало источником бессмертной жизни. Я не стану говорить с тобой об эзотеризме немецкого языка по отношению к французскому. Ты сам должен проникнуть в эту тайну. Я обращаюсь к тебе серьезно, и если бы не боялась, что ты здесь опять слишком влюбился в свою мысль и сотворил себе из нее кумира, кот<орый> причинит вред тебе и другим, – говорить об этом не стала бы. Вопрос о форме, о сознательном творчестве – главный предмет моих занятий, и многое, мн<ог>ое мне открылось из прошедшего и будущего.

Ты совершенно прав, говоря, что отрешаться от мира, уходить от земли – значит идти вспять. Это грех великий. Отныне земля приносит плоды, обогащая ему духовный мир.

Вопрос об Иуде и для меня показал,** что наши пути несоединимы.[9] Я была согласна с тобой, что наша матерьялистич<ес>кая эпоха лучше всего выражает предательство Иуды, но твоя фраза, что Иуда больше Христа или что он приносит бóльшую жертву, и даже не самая эта мысль, сколько игра ее, меня глубоко огорчает. Не будем больше касаться этого.

Ты пишешь, что я преисполнена духом Штейнера и потому тебе чужда. Что такое дух Штейнера? В нем нет уже субъективности. Как человека частного я не вижу и не знаю его; да, думаю, что этой жизни для него нет; как ценитель худ<ожественных> произв<едений> ты знаешь, что он не

* Становящемуся *(нем.)*.

** Далее вымарано несколько слов.

может узнавать осуществлений, и здесь его мнение не существенно, я это просто игнорирую.

Что касается до учения Штейнера, то и учения Штейнера нет. Через него говорят высшие существа, Дух Христа, дух Солнца, дух Сатурна. – Я бы хотела, чтобы такой дух преисполнял меня! Штейнер – мир, он объективен; в человеке может он только, как солнце и влага в семени, вызвать растение. Он несет любовь и свободу. Он единственный, может быть, приближаясь, не тронет, не помнет нежного растения души. Я повторяю, что нет проповеди или учения – есть посвящение, и каждый идет дорогой, которая обусловлена его кармой.

Я, и как и ты, думаю, что нельзя выбирать, быть ли художником. Не человек выбирает, а его выбирают. Он может быть более или менее сознательным (не в смысле анализа, конечно, а в смысле высшего сознания), может быть более или менее ленивым, более или менее суетным. Самое большое искусство забыть себя и отвечать на требования мира (не сего мира, конечно). Оккультизм и теософия только приблизят и облегчат явление нового искусства. Может быть, я когда-нибудь буду писать об этом. Теперь я поглощена техникой, анатомией и не имею много времени для чтения. Гете – мое общество, – и если ты непременно хочешь видеть во мне чужое влияние, ищи его в Гете.

Разговоры с Экерманом <*sic!*> – евангелие для писателя и поэта.[10] А на днях я видела «Фауста» на сцене и ничего выше этого не переживала. Кабы ты знал немецкий язык. Германский дух, конечно, юн[11] мужественным, но оплодотворит многие культуры.[12]

Здесь чудесная выставка Ludwig'a von Hoffman'a.[13] Панно греческие, пейзаж Судака и Коктебеля – строго, как у Богаевского. Поразительное знание: тело и ритм тел, деревьев, гор и облаков, покрывал и вод, как только на древних греческих рельефах. Музыка, танец, молитва. Он воспользовался всем, что дали французы в смысле синтеза линии и тонов. Взял средством то, что у Гогена, Дегаза*[14] бы<ло> целого. В нем свежий, здоровый, целительный дух, никакого декаданс'а и вся утонченность нового искусства.

* *Далее зачеркнуто.* Puvis de Chavann'a.

Как бы <ты> восхищался им![15]

Я слышала, что Адель Герцык в Париже на всю зиму.[16] Рада за тебя. Целую ее.

Штейнер не был в Берлине 3 недели и вообще будет приезжать очень редко.[17]

Целую тебя. Будь бодр и, пожалуйста, не думай, что я хочу произвести над тобою какое-нибудь насилие. Чем самостоятельнее и бодрее ты будешь работать и жить, чем меньше будешь нуждаться во мне, тем лучше. И вот мой завет: бойся спекуляций и парадоксов, бойся блестящих мыслей и слов, отвечай на требования насущного хлеба. Ты говоришь: нет правды, есть путь к ней. А я говорю: есть правда в каждое мгновение, и чем она голее и скромнее, тем больше ее красота и сила. «Все минется, одна правда останется».[18]

М.

[1] Это письмо не обнаружено.

[2] Очевидно, Сабашникова цитирует слова из несохранившегося письма Волошина (см. примеч. 1). Позднее Волошин напишет Ю.Л. Оболенской (в связи с ее отзывом о Е.И. Васильевой): «Вы очень хорошо определили: "индивидуальность, заслоненная истиной". Я это так чувствую в ее письмах. Чувствую это постоянно и в Маргарите Васильев<не> и страшно протестую всем существом против этого» (Т. 10 наст. изд. С. 83; письмо от 6–7 декабря 1913 г.). Ср. также в письме к В.Д. Финкельштейн от 9 января 1925 г.: «Теперь об антроп<ософах>... <...> Они все хорошие, и между ними очень много совсем средних людей. Но беда в том, что все они "изнасилованы истиной". Истина прекрасна тогда, когда она цветет и лучится из самого человека, является естественной эманацией человека. Люди же, раздавленные сообщенными им истинами и старающиеся их передать другим, только компрометируют их. Это больше всего смущает при первом столкновении с а<нтропософами>» (Т. 13, кн. 1 наст. изд.).

[3] Изречение Фридриха фон Логау (1604–1655), немецкого поэта-сатирика и эпиграмматиста. Эти слова не раз приводил Штейнер в своих публичных выступлениях. В ранней работе «Goethes geheime Offenbarung» («Тайное откровение Гете», 1899) он приписывает их Я. Бёме (см.: *Steiner R.* Methodische Grundlagen der Anthroposophie.

Gesammelte Aufsätze zur Philosophie, Naturwissenschaft, Ästhetik und Seelenkunde. 1884–1901. S. 94).

[4] Эти рассуждения Сабашниковой восходят к общепринятому в ту эпоху ницшеанскому противопоставлению «аполлинизма» и «дионисиийства как определяющих жизненных начал. Такие же колебания «между Аполлоном и Дионисом» (например, в обосновании эвритмии) были характерны и для Штейнера, сотрудника Архива Ницше в 1890-е гг. и автора одной из первых в Германии книг о Ницше (1895).

[5] Рассказ О. Уайльда на этот сюжет неизвестен.

[6] *Иванов В.* Спорады // Весы. 1908. № 8. С. 80–88.

[7] Утверждение Волошина о том, что «слово для человека цель, а не средство», содержится в его статье «Horomedon», опубликованной лишь в конце 1909 г. (Золотое Руно. 1909. № 11–12. С. 55–60). Эта статья представляет собой обработку его отдельных мыслей 1907–1909 гг. (см.: Записные книжки. С. 104–124), которыми он, возможно, поделился с Сабашниковой в своем несохранившемся письме к ней, одновременно сообщив и о новой статье, получившей позднее название «Horomedon».

[8] Ср. аналогичные рассуждения в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 20 сентября / 3 октября 1908 г.: «Анализ, как я думаю, причина нашей безнадежности, он не творит нового, он всегда исходит из данных уже законов, точно нельзя из свободного духа создать новое. Посмотрите еврейский социализм. Посмотрите даже в искусстве, как Бенуа свел идеалы к прошлому. Анализ любит формы застывшие. Россия же должна еще пребывать в хаосе. Для русских нет ничего опаснее готовой формы» и т.д. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 31). Неприятие художников-мирискусников с их «западничеством» и тяготением к «форме» проявляется и в других письмах Сабашниковой. «Все художники мне чужды, – писала она А.М. Петровой 31 декабря 1909 г. – Я даже хотела бы просить Константина Федоровича, чтобы он письменно познакомил меня с кем-нибудь из товарищей своих, в ком, он думает, можно было мне найти художественную поддержку. Ведь Бакст, Сомов – все это не мое, и я очень их не хочу» (Там же, л. 65 об.).

[9] См. примеч. 7 к п. 459.

[10] Ср. в письме Сабашниковой к А.М. Петровой (декабрь 1908 г.): «...Читаю поразительные разговоры Гете, которые артисту как Евангелие» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 118).

[11] В этом месте, при переходе на новую страницу, пропущено слово (или несколько слов).

[12] Мысль о «молодой» германской культуре и ее сопоставление с русской духовной культурой, которой суждено якобы пережить в будущем яркий расцвет, постоянно варьируется в письмах Сабашниковой того времени. «Александра Михайловна, какая чудная страна Германия! – восклицает, например, Сабашникова в письме к А.М. Петровой (20 сентября / 3 октября 1908 г.). – Это народ молодой, близкий природе, в нем жив Гете, Бетховен и др. (я не о Берлине говорю). О, я думаю, германская не *матерьялистическая* культура еще впереди и будет она русским крестной матерью...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 31 об.).

[13] Выставка Л. фон Гофмана открылась 15 ноября 1908 г. в берлинском салоне Гурлитта на Потсдамерштрассе 113.

[14] Имеется в виду Э. Дега.

[15] Ср. с описанием этой выставке в недатированном письме Сабашниковой к А.М. Петровой (декабрь 1908 г.): «Здесь была чудная выставка Людвига фон Гофмана. <...> Я редко видела такой строгий стиль и ритм в композиции и тонах. Они построены музыкально. Громадное знание человеческого тела и пейзажа – просветлено, успокоено. Это вечная мечта человека о Золотом веке, о жизни в гармонии с природой послушных Солнцу людей. Пейзажи как <в> Судаке, на фоне гор деревья обвиты гирляндами, и группы людей играют, поют и танцуют. Прозрачные краски. От этой выставки распространялись волны целительной силы. Душе нужен этот сон. <...> Золотая мечта о потерянном рае. Сон о золотом веке. <...>

Я бы хотела писать об этой выставке. Я шесть раз была на ней. Он, Гофман, много научился от французов, но что у них стало целью – техника и власть над мгновеньем, у него является средством» (Маргарита Сабашникова в 1908 году. С. 119–120).

Статья о Л. фон Гофмане была написана Сабашниковой в 1909 г.; дальнейшая ее судьба не известна. См. также п. 469.

[16] А.К. Герцык приехала в Париж (из Швейцарии) 24 ноября / 6 декабря 1908 г. и пробыла там до конца года. 10/23 декабря в Париже состоялась ее свадьба с Д.Е. Жуковским, на которой Волошин был шафером (см. письма А.К. Герцык к Е.А. Лубны-Герцык от 25 ноября / 7 декабря и 10/23 декабря 1908 г. // Сестры Герцык. Письма. С. 76, 80).

[17] В ноябре-декабре 1908 г. Штейнер совершил две лекционных поездки (с 3 по 9 ноября и с 18 ноября по 7 декабря). Однако с 10 по 17 ноября он находился в Берлине, где выступал с публичными докладами и лекциями для членов Теософского общества (см.: Chronik. S. 274–275; даты приведены по новому стилю).

[18] Русская народная поговорка. См.: *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Экспо, 2004. С. 63.

461. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 декабря 1908 г. / 6 января 1909 г. Мюнхен[1]

6 января.

Дорогой, милый Макс, и я поздравляю тебя с новым годом. Будь светел, милый. Только что я приехала в Мюнхен с Алешей[2]; собралась я в несколько часов, на несколько дней. Здесь Доктор, и мне необходимо было ехать.[3] Пришлось раньше времени расстаться с Богаевскими, кот<орые> едут в Италию. Я собиралась с ними проехать на несколько дней в Дрезден, но это не удалось.[4] Какие они оба чудесные, настоящие. В первый же день я повела их по их желанию на лекцию в ложу, и Д<окто>р на него произвел страшно сильное впечатление. К<онстантин> Ф<едорович> чувствует всю величину откровения, нисколько не защищается и думает, как и я, что истинное великое искусство было лишь то, кот<орое> вытекало из мистерий.[5] Мое отношение к искусству очень, очень изменилось.

Твои стихи, Макс, очень красивы и верно передают твою грусть. В них все еще слишком много красивости; я ищу той красоты и простоты, о кот<орых> можно сказать словами Гете: «Здесь необходимость, здесь Бог».[6] «Не сотвори себе кумира».[7] Только не думай, что я сама вкушаю гранатовые зерна такой вечности. Для меня нет больше в мысли разделения на жизнь и смерть, и все же я еще так, так несвободна, так привязана привычками чувства к старому миру; привязываюсь к человеку и страдаю от ревности; от разлуки, но это теперь не то темное, безнадежное, как раньше. Я за все благодарна Богу.

Милый Макс, когда ты будешь в Берлине? Я радуюсь увидаться с тобой. Думаю, что ничего тяжелого для тебя в Берлине не будет. Мы будем вдвоем и не в музеях. У меня тихая большая комната, мы в тиши обо всем поговорим. Я не могу приехать в Париж, п<отому> ч<то> мне рано выходить из той атмосферы, в кот<орой> я живу. Целую тебя. Я думаю о тебе с любовью и так хотела бы знать, что ты, как и я, узнал, что одиночества нет.

11-го я буду обратно в Берлине. Получила от Е<лены> О<ттобальдовны> нежное грустное письмо.[8] Напишу ей.

М.

Алеша уедет 25 января.

[1] Письмо написано на бланке мюнхенского пансиона «Fruchtkorb» («Фруктовая корзинка. – *нем.*; адрес: Мюнхен, Шраудольфштрасе, 2а), который содержала Х. фон Вакано. См. подробнее примеч. 7 к п. 479.

[2] А.В. Сабашников приехал в Германию из Москвы в декабре 1908 г. «Алеша уезжает в Берлин к сестре 13-го декабря с "тетей Таней" – на месяц», – сообщала Минцлова В.И. Иванову 1/14 декабря 1908 г. (РГБ, ф. 109, карт. 30, ед. хр. 6, л. 3). О том же она писала Иванову и 7/20 декабря: «"Тетя Таня" и Алеша Сабашников уезжают на месяц в Берлин 14-го, т.е. через неделю» (Там же, л. 20 об.). Основная цель совместной поездки А.В. Сабашникова и Т.А. Бергенгрин заключалась (это подтверждается и настоящим письмом Сабашниковой) в посещении лекций Штейнера (в Берлине и затем в Мюнхене).

[3] Штейнер находился в Мюнхене с 6 по 11 января 1909 г. 6 января он выступил перед членами мюнхенской ветви Теософского общества с докладом и принял участие в рождественском торжестве, на котором, судя по данному письму, присутствовали также Сабашникова и ее брат.

[4] В конце декабря 1908 г. К.Ф. Богаевский и его жена отправились в путешествие по Западной Европе (см. примеч. 2 к п. 416). Берлин был первым западноевропейским городом, который они посетили. Из писем К.Ф. Богаевского к К.В. Кандаурову и А.А. Рылову можно заключить, что он вместе с женой покинул Феодосию после 10/23 декабря 1908 г. и через неделю (см. след. примеч.) приехал в Берлин, где оставался приблизительно до 28 декабря / 10 января 1908 г. Оттуда – через Дрезден, Нюрнберг и Мюнхен – Богаевские отправились в Италию (см.: *Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. С. 116–117).

[5] В письме к А.М. Петровой от 17 февраля / 2 марта 1909 г. Сабашникова сообщала: «Штейнеру очень понравились фотографии с картин Богаевского. Вы знаете, что я их с Финочкой в первый же день свела на лекцию "О извержении вулканов и Мефистофеле". Я видела, что на К<онстантина> Ф<едоровича> личность Штейнера

произвела глубокое впечатление» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 46 об.–47; Финочка – Ж.Г. Богаевская; упомянутая лекция была прочитана Штейнером 19 декабря 1908 / 1 января 1909 г.).

[6] Запись, сделанная Гете 6 сентября 1787 г. во время его второго пребывания в Риме. См.: *Гете И.В.* Собр. соч.: В 13 т. Юбилейное издание. Т. XI. Путешествие в Италию. Перевод Н.А. Холодковского. М.: Государственное изд-во «Худож. литература», 1935. С. 419 (в переводе Холодковского: «Тут сама необходимость, тут бог»).

Р. Штейнер не раз цитировал эту фразу Гете: например, в книге «"Фауст" Гете как образ его эзотерического мировоззрения» («Goethes Faus als Bild seiner esotherischen Weltanschauung», 1902), в берлинском докладе (11 декабря 1911 г.) «Отношение гетевского «Фауста» к Гете» («Das Verhältnis des Goetheschen "Faust" zu Goethe») и др.

[7] Вторая заповедь (Исх. XX, 4).

[8] Это письмо не известно.

1909

462. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18/31 января 1909 г. Берлин

19 января. Воскресенье. Берлин.[1]

Мой милый Макс, пересылаю тебе письмо, которое уже давно ждет тебя.[2] Я думала, что тебе пишет кто-нибудь осведомленный о том, что ты на пути в Берлин, и потому не отсылала его тебе. Я поджидаю тебя.[3] Напиши, пожалуйста, мне о своих планах. Я думаю, что теперь ты собираешься в Россию, и радуюсь тебя видеть.

Алеша уехал,[4] и жизнь снова вошла в колею. Думаю, что наше свидание не было бы теперь бесплодной мукой. Напротив, могло бы быть важным и хорошим, милый мой.[5]

Твоя Маргоря.

[1] Неточность Сабашниковой: воскресенье приходилось на 18/31 января – в этот день вечером Волошин приехал в Берлин (по пути из Парижа в Петербург). Судя по содержанию, письмо было написано до появления Волошина.

[2] О каком именно письме идет речь, неясно.

[3] Приехав в Берлин, Волошин остановился в том же пансионе, где жила Сабашникова (см.: Труды и дни-1. С. 216).

[4] А.В. Сабашников уехал из Германии в Россию 12/25 января 1909 г. (см. п. 461).

[5] Встреча Волошина с Сабашниковой вечером 18/31 января (в пансионе на Мотцштрассе) отражена в дневнике Волошина:

«В двери темной гостиной вошла Аморя, бледная, холодноватая, далекая. Точно из-за могилы. Точно давно забытая. Знакомая и неведомая.

"Я тебя не ждала... Почему ты не писал? Сегодня только отослала тебе письма. Какой ты странный: карточку с горничной прислал"» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 302).

Более подробно Волошин изложил свои впечатления от свидания с Сабашниковой на другой день, 19 января / 1 февраля, в письме к матери: «Я нашел ее не грустной, не далекой, но очень тихой, слишком тихой и говорящей еще медленнее. Отношение ее ко мне очень хорошее, дружественное, но не живое, какое-то слишком "христианское". Ее борьба с собой, ее любовь и страдание – все это, чувствуется, улеглось и стихло.

Но с ней трудно говорить. Она живет религиозным откровением, которое она находит в словах Штейнера. И поэтому когда с ней говоришь и высказываешь ей свое, то чувствуешь, что она все сравнивает с тем, что она считает верным, незыблемым и единственным, и без всяких колебаний отвергает все, что не ортодоксально. В этом, теперь особенно, когда я отошел от теософии, между нами глубокое разделение.

Сейчас она стоит совсем вне жизни, еще дальше, чем она стояла раньше. И все, что во мне, ей чуждо и далеко. Хотя она делает самоотверженные усилия, чтобы не показать мне это.

То же и в искусстве: она ищет и требует простоты и сухости. Это очень хорошо. Но она так далеко проводит свои требования, что выходит за грани искусства. Все то, что я пишу, она находит слишком блестящим.

Но это всё впечатления первого вечера» (Т. 9 наст. изд. С. 420).

Сабашникова, со своей стороны, также была разочарована состоявшейся встречей. «Я видела Макса, – рассказывала она А.М. Петровой в письме от 17 февраля / 2 марта 1909 г; – он проездом в Петербург был у меня неделю. Хороший, добрый, благородный он человек, но мне чужд органически как внешним, так и внутренним существом своим. Испытания жизни как будто не отразились на нем; все он играет теориями, увлекается бездушными французами и словами, словами... – словами. Он, как варвар, любит блеск культурных изделий, но не в меру навьючивает этими блестками свои произведения и совсем, совсем не хочет понять скромного и великого в мысли. Мысль сама по себе ничто, она должна служить чувству Правды, иначе она будет служить темным силам, которые хотят завоевать мир. Макс же обольщается всякой эффектной мыслью и эффектными словами, поклоняясь им как кумирам. Честный безукоризненно в жизни, он в мысли шарлатан. Я вижу, какие вредные идеи проходят через его статьи в мир; не здоровы они, не дадут хлеба насущного; он этого не понимает. Я не могу разделять такое отно-

шение к литературе и искусству. Он закостенеет в внешних формах; эта красивость не красота. Мне было тяжело с ним, а ему со мной. Он любит меня – прошлую, беспомощного котенка; а я именно это в себе ненавижу и уничтожаю; и так нам вместе нечего делать. Это между нами, умоляю Вас. Я не понимаю моего долга по отношению к нему. Когда пойму – постараюсь исполнить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 49–50).

463. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

17 февраля / 2 марта 1909 г. Берлин

17 ф<евраля> / 2 марта. Berlin.

Милый Макс, думаю о тебе с нежностью, хороший, милый Макс. Будь радостен и здоров. Напиши мне, как ты устроился.[1] Как встретил тебя Петербург, как твои дела? Как сложились отношения с В<ячеславом> И<вановым>?

Целую маму.[2]

Я целый день теперь пишу красками и рисую. Живу в страшном одиночестве. Целую тебя.

Твоя Маргоря.

P.S. Получил ли ты деньги, кот<орые> искали тебя в Берлине, посланные из Парижа?

[1] Приехав в Петербург 27 января / 9 февраля 1909 г., Волошин остановился у А.Н. и С.И. Толстых (см.: Труды и дни-1. С. 216).

[2] Е.О. Кириенко-Волошина приехала в Петербург 9/22 января 1909 г.

464. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18/31 марта 1909 г. Берлин[1]

Милый Макс, спасибо за открытку;[2] завтра первого апреля мы едем с А<нной> Р<удольфовной> в Кельн,[3] п<отому> ч<то> комната моя сдана. Ты ведь знаешь, что у

А<нны> Р<удольфовны> была инфлюэнца, и она очень, очень слаба. У меня было намерение съездить в Париж, очень хочется повидать Катю, К<онстантина> Д<митриевича>,[4] Нюшу и Нину[5], но теперь жаль оставлять А<нну> Р<удольфовну>. Все это время я работала над овальным портретом,[6] хотела его выставить, но не успела к сроку. [18/31][7]

Тебе горячо желаю скорее попасть в Коктебель, уезжай как можно скорее.[8]

Целую тебя крепко. Как-то сошли твои лекции?[9] Издается ли книга твоя.[10]

А<нна> Р<удольфовна> шлет тебе сердечный привет. Будь здоров и бодр, милый.

А<моря>

Адр<ес>: Köln. Belfortst<rasse> IX III M. Scholl.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: отправления – Berlin, 1.4.09; получения – СПб. 21.3.09. Отправлена по адресу: «Россия Петербург. Глазовская ул. 15 кв<артира> графа Алек<сея> Ник<олаевича> Толстого Максимилиану Алекс<андровичу> Волошину Petersburg Russland». Датируется по хронологическому указанию в тексте.

[2] Эта открытка неизвестна.

[3] А.Р. Минцлова приехала в Берлин 25 февраля / 10 марта 1909 г. и остановилась в том же пансионе, где жила Сабашникова. «Я приехала вчера в Берлин, – сообщала она Е.К. Герцык на другой день, – Доктора увижу сегодня и завтра днем, т<ак> к<ак> он приехал только вчера поздно вечером. Но я очень рада, что мне удалось провести весь день вчера сплошь с 6 ч<асов> утра до 1 часу ночи почти исключительно в разговоре с Маргаритой. Нашла ее очень светлой, ясной, глубокой – – – Переговорили мы с ней *обо всем*, о чем можно только говорить, не *предавая* другого. И, кажется, Маргарите стало легко и радостно после этого разговора со мной» (РГБ, ф. 109, карт. 31, ед. хр. 11, л. 1–1 об.; Штейнер возвратился вечером 25 февраля / 10 марта из лекционной поездки в Мюнхен).

[4] Однако в конце апреля (по новому стилю) Сабашникова уехала в Париж, где остановилась у Бальмонтов на улице де ла Тур. О ее пребывании в Париже и ее впечатлениях см. в письме Е.А. Бальмонт к Волошину от 1/14 мая (Т. 9 наст. изд. С. 453), а также в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 27 апреля / 10 мая 1909 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 51–54 об.).

[5] Ниника (Н.К. Бальмонт).

[6] Имеется в виду портрет А.Н. Ивановой (ныне – в ДМВ).

[7] Так в оригинале.

[8] Волошин уехал из Петербурга в Коктебель около 12 апреля 1909 г. (см.: Труды и дни-1. С. 220).

[9] 3/16 марта 1909 г. Волошин читал в петербургском «Салоне» лекцию «Аполлон и мышь»; ту же лекцию он повторил в московском Литературно-художественном кружке 8/21 марта (см.: Труды и дни-1. С. 217–219). О других «лекциях» Волошина в начале 1909 г. сведений не имеется.

[10] Речь идет о книге «Стихотворения. 1900–1910».

465. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

31 июля 1909 г. Москва

31 июля.
Москва.

Милый Макс, пишу тебе из Москвы. Я в России уже месяц. Ехала через П<етербур>г.[1] Видела В<ячесла>ва[2] и там по вдохновению решила поселиться.[3] Совершенно случайно нашла мастерскую с комнатами на Вас<ильевском> Острове, дешевую и прекрасную. Мне помог Дикс[4]. П<етербур>г – единственное место, где я могу жить. Меня останавливала мысль, что это может быть тебе тяжело. Но если тебе еще тяжело все прошлое, то мы можем не видаться, п<отому> ч<то> я буду жить крайне уединенно и нигде не бывать (хотя буду искать работы), буду жить с А<нной> Р<удольфовной>. Это тайна пока, *не говори об этом никому* и особенно маме, и в Москве это не должно быть известно, я сняла уже эту мастерскую. 18 линия 7<-ой> №.[5] В сентябре уеду к Ш<тейне>ру в Базель на 2 недели[6] и потом уже о<бо>снуюсь у себя. <...>[7]

Больше я не пишу. Не хочется произносить слов. Да, все ясно, и не нужно оглядываться. Я верю, что ты силен, нашел себя. Причинять тебе боль мне ужасно. Я тоже очень несчастлива в личном, и это роковое, это уже крест моей жизни, но для меня было бы облегчением, если бы я могла знать, что ты не страдаешь больше, что ты силен и свободен вполне от прошлого.

Еду скоро* в Богдановщину,[8] куда напиши мне, если хочешь, но и молчание твое пойму.

Да хранит тебя Бог. Шлю привет дорогому Коктебелю. Маму целую. Морю привет и горам.

Маргоря.[9]

У меня просьба к тебе. Переведи мне или лучше в Москву на папино имя те деньги, что остались у меня в Париже. Мне они сейчас необходимы. До 20-го августа они должны быть у него.

Когда поедешь в П<етербур>г, отправь мою худ<ожественную> «Анатомию», большую книгу, кот<орая> должна быть в Коктебеле,[10] *библию*, 2 папки с рисунками: (1), бывшую в Коктебеле, другую – в Париже; зеркало большое, и, м<ожет> б<ыть>, если найдешь возможным, привези портрет мой, тебе принадлежащий,[11] мне важно было бы на время получить его; из моих книг, м<ожет> б<ыть>, найдется, или других вещей и тканей для мастерской.

Я ведь не знаю, что у нас есть.

И перешагни через больное, не допускай сердце до страдания. Уничтожь мои письма, не вспоминай – милый Макс.

[1] На обратном пути из Парижа в Россию Сабашникова заезжала в Кассель, где слушала лекционный цикл Штейнера «Евангелие от Иоанна в соотнесенности с тремя другими Евангелиями, в особенности – Евангелием от Луки». Этот курс, начавшийся 11/24 июня, Штейнер завершил 25 июня / 7 июля 1909 г. В то же самое время Сабашникова обменивалась с В.И. Ивановым письмами и телеграммами о возможности встречи за границей (встреча не состоялась, см. запись в дневнике Сабашниковой, сделанную в Касселе 23 июня / 5 июля 1909 г. // Erinnerungen... S. 56–58; Зеленая Змея. С. 182–184). Вернувшись в Берлин и переночевав в квартире Штейнера и М. фон Сиверс, Сабашникова отправилась в Петербург, куда прибыла утром 29 июня / 11 июля. Пробыв в Петербурге до 9/22 июля, Сабашникова уехала в Богдановщину.

[2] Свидание Сабашниковой с В.И. Ивановым, состоявшееся почти два года спустя после их последней встречи (в Загорье), отра-

* *Было* сейчас

жено в дневниковых записях Иванова (последняя – в ночь с 5 на 6 июля 1909 г.), свидетельствующих о возникшем между обоими глубоком взаимонепонимании. «Ее устами говорит Ш. <Штейнер>, – записывает Иванов. – Elle est possédé par lui (она одержима им. – *фр.*)» (*Иванов В.* Собр. соч. <Т.> II. С. 779). Свое ежедневное общение с Маргаритой Иванов воспринимает как «беспощадную битву» (Там же). Довольно полное представление о характере и содержании встреч Иванова и Сабашниковой в конце июня – начале июля 1909 г. дает дневник В.К. Шварсалон (см.: *Богомолов Н.А.* Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. С. 311–334).

[3] Ср. запись в дневнике В.К. Шварсалон от 7 июля 1909 г.: «А<нна> Р<удольфовна> страшно возбуждена и весела, со смехом и каким-то восторгом рассказывает, что Мар<гарита> наняла себе на будущий год мастерскую на Васильевск<ом> острове – с чудной квартиркой, очень дешево, почти чудесно и т.д., что помог ей Леман, она их послала вместе, и им всем необыкновенно удалось, почти чудесно» (Там же. С. 326).

[4] Б.А. Леман.

[5] В письме к А.М. Петровой (ноябрь 1909 г.) Сабашникова сообщает свой точный петербургский адрес: 18-я линия, д. № 7, кв. 22 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 60).

[6] С 15 по 26 сентября 1909 г. Штейнер читал в Базеле курс лекций под общим названием «Евангелие от Луки». Поездка Сабашниковой в Базель не состоялась.

[7] Нижняя часть листа оборвана; продолжение письма – на обороте того же листа.

[8] Сабашникова приехала в Богдановщину, по-видимому, 10 июля 1909 г. «Вот уже неделя, как я в Богдановщине», – сообщала она А.М. Петровой 17 июля (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 55). Однако в конце июля Сабашникова возвратилась в Москву, где провела несколько дней. Об этом свидетельствует, в частности, письмо С.М. Городецкого к В.И. Иванову от 27 июля 1909 г. – в этот день приехавший в Москву Городецкий случайно встретил Сабашникову на улице (см.: *Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых. О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2011. С. 277). Через несколько дней Сабашникова возвратилась в Богдановщину (см. п. 466).

[9] Последующий текст – на отдельном листе.

[10] Каким именно изданием (о нем упоминается также в п. 467) пользовалась Сабашникова, неизвестно. Ср. запись в ее дневнике от 2 июня 1899 г.: «Я хочу изучить анатомию по "Anatomie artistique" <Анатомия для художников, Художественная анатомия. – *фр.*> по рисункам, снимкам с статуй и картин Микель Анжело...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 16, л. 28 об.).

[11] См примеч. 3 к п. 396 и п. 397.

466. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

6 августа 1909 г. Богдановщина

Богдановщина.
6 августа 1909 г.

Милый Макс, у меня к тебе просьба: оказывается, мне для получения заграничного паспорта надо твое разрешение. Как только будет у тебя возможность, пришли мне его сюда. Надо написать так: «Сим удостоверяю, что я нижеподписавшийся и т.д. разрешаю жене моей выехать за границу» и в таком роде; может быть, тебя кто-нибудь научит форме; но дело в том, что подпись твоя должна быть *засвидетельствована*. Очень, очень мне стыдно тебя просить об этом. Уж вижу, как ты приходишь в ярость. Придется тебе ехать в город.[1] Может быть, я поеду и позднее, т.е. в октябре, а м<ожет> б<ыть>, придется ехать в конце августа числа 25-го, поэтому к 20-му самое позднее мне этот документ нужен. Пришли мне его сюда.[2] Ах, как ужасно в России. Как все грубо, как тяжело.

Я приехала снова в Богдановщину, и сегодня первый хороший день, теплый за все лето. О моей студии в П<етербур>ге еще не говорила родителям. Они очень отвлечены торфяными делами.[3]

Хорошее ли у тебя было лето? Много ли успел?

Ну, целую тебя, будь светел.

А<нна> Р<удольфовна> и Алеша уехали в Германию.[4]

[1] Речь идет о поездке из Коктебеля в Феодосию.

[2] Волошин выполнил просьбу Сабашниковой, однако позднее ему пришлось вновь предоставить ей аналогичное разрешение (см. примеч. 3 к п. 474 и примеч. 2 к п. 480).

[3] Вероятно, имеются в виду торфяные пожары летом 1909 г.

[4] Видимо, в Мюнхен, где 9/22 августа 1909 г. состоялось торжественное представление драмы Э. Шюре «Дети Люцифера» (в немецком переводе М. фон Сиверс), поставленной кружком близких к Штейнеру теософов. Кроме того, с 10/23 августа по 31 августа / 13 сентября 1909 г. Штейнер читал в мюнхенском кафе Люитпольд цикл лекций «Восток в свете Запада. – Дети Люцифера и братья во Христе». В сохранившемся списке слушателей, прибывших из разных стран (в том числе – из России), – 561 фамилия (см.: Chronik. S. 284).

28 августа / 10 сентября 1909 г. Минцлова переехала в Нюрнберг, откуда на другой день послала свое «решительное» письмо В.И. Иванову: «Вчера вечером я узнала о решении. *Уйти*... Уйти от земли...» (см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. С. 77). Из Нюрнберга Минцлова отбыла в Берлин, оттуда – в Гельсингфорс (здесь 25 сентября / 8 октября она, возможно, встретилась с Ивановым), затем отправилась обратно в Германию и лишь к ноябрю вернулась в Москву (Там же. С. 80–81, 91–93).

467. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

31 августа 1909 г. Богдановщина[1]

Богдановщи<на>
31 августа 1909 г.

Дорогой Макс, спасибо за все. Я получила и свидетельство, и деньги мои пришли из Парижа. Радуюсь, что ты много работал, и мне жаль, что тебе так тяжело было в личном отношении. Радуюсь, что у тебя есть друг и помощник.[2]

Громадное облегчение знать, что в тебе не осталось, как ты пишешь, ни боли, ни обиды, ни сожалений. Мне трудно представить себе, что боли не осталось. Тяжелы наши свидания не от обстановки, мне думается, а от того, что, развиваясь и меняясь, мы разошлись и не можем быть друг для друга тем, чем были раньше.[3] Мне было больно видеть твое

страдание, кот<орое> не в моей власти было уничтожить. Но не будем больше касаться тяжелого. Слава Богу, что каждый нашел себя самого. О, как бы я хотела для тебя радости, кроме работы еще.

Это лето я прожила с Ляйзой, Валерией Ал<ександровной>[4] и детьми[5], писала этюды. Желала бы пробыть здесь до 15 сент<ября>. О моих планах наши еще не знают. Когда ты в П<етербур>ге? Я глубоко благодарна тебе за все, милый Макс.

Аморя.

P.S. Привет маме.

Иллюстрациям была бы так рада.

<P.>P.S.[6] У нас в доме не оказалось моего постельного белья; я не брала его за границу, значит, оно должно быть у тебя. Сохрани себе парижские простыни, а мне дай 8 простынь с моей красной меткой и 4 наволочки такие же. Покупать это очень дорого. Если они у тебя и ты не привезешь их сам к 15-му или 20 сент<ября>, то пошли их, пожалуйста. Прости, ради Бога, что так затрудняю тебя, пошли их к 20 и<ли> 15-му на 18 линию 7<-ой> №. Мне.

В Коктебеле ли моя большая «Анатомия»?

[1] Ответ на несохранившееся письмо Волошина.

[2] В письме к Сабашниковой Волошин сообщил, по-видимому, о своей близости с Е.И. Дмитриевой, гостившей в Коктебеле в течение всего лета 1909 г.

[3] «С Максом мы разошлись, и я не оглядываюсь, – писала Сабашникова А.М. Петровой 17 августа 1909 г. из Богдановщины. – Все направлено на одно. Не говорите ему об этом письме. Я не пишу ему, чтобы он легко отошел, да и не о чем мне говорить с ним. Я понимаю его, но уже ушла совсем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 56 об.). Волошин, со своей стороны, также сознавал необратимость свершившегося разрыва и не скрывал своей отчужденности от Сабашниковой, подпавшей под влияние Штейнера. «Видимся мы редко, – писал он А.М. Петровой 17 декабря 1909 г. из Петербурга. – Все-таки между нами встала непереходимая пропасть. Мы не понимаем друг друга. Я несколько раз натыкался в ней на такой ледяной морализм, когда ждал живого отношения, что это снова замкнуло области, которые приоткрылись было» (Т. 9 наст. изд. С. 502–503).

[4] В.А. Алексеева.

[5] Имеются в виду дети Е.Н. Гофман и Б.Н. Гофмана: Николай, Алексей и Платон.

[6] Второй постскриптум – на отдельном листе, сложенном вместе с письмом (сгибы совпадают).

468. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

7 октября 1909 г. Санкт-Петербург

Среда.

Дорогой, я в Петербурге, приезжала по делу,[1] скоро опять уезжаю в Москву недели на две и только в конце октября вернусь. Остановилась я у Бориса Лемана, с кот<орым> дружна. У его дяди Домагацкого <*sic!*>. Знаменская, 13. Приходи завтра утром, если можно, часов <в> 11½, в 12. Или напиши, когда мне к тебе прийти.[2] Повторяю только, если, правда, тебе это не тяжело.

Борис очень хороший и любит тебя.

Маргоря.

Это первый подъезд от лит<ерного>[3] на самом верху.

[1] Вероятно, Сабашникова приезжала в Петербург для встречи и разговора с В.И. Ивановым. Сохранилась ее набросанная карандашом записка (без даты) к В.И. Иванову, с указанием адреса, по которому она проживала в те дни: «Дорогой мой, мне необходимо видеть тебя, чем скорее, тем лучше. Не беспокойся, это касается только меня <...> Я весь день дома Знаменская 13 <...> Жду. Маргарита» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 10, л. 20). Встреча состоялась и оказалась для Сабашниковой жестоким разочарованием. «В Петербурге видела “этого урода” или идолище поганое, “неугомонного” Вячеслава Иванова – писала она А.М. Петровой по возвращении в Москву. – Простите ему меня, как я ему простила. Ему надо много прощать, иначе ему плохо придется. Это слепое дитя со всяческими недостатками. Оно мне дорого по-прежнему, хотя вижу его иначе: с ним драться нужно <...> Я думаю, что мы с ним будем друзьями, хотя всегда будем драться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 59 об.; письмо от 16 октября 1909 г.). В ноябре 1909 г. Сабашникова вновь встречалась с Ивановым; см. запись в дневнике Кузмина от 13 ноября 1909 г.:

«...Вяч<еслав> к Маргарите» (*Кузмин М.* Дневник 1908–1915. Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 184).

В тот же приезд, 6 октября, Сабашникова встречалась с Блоком и вместе с ним навещала М.А. Кузмина. См. дневниковую запись Кузмина за этот день: «За обедом явилась Сабашникова и Блок, потом Чулковы <...> Когда я вышел ко всем, то Маргариты уже не было» (Там же. С. 174).

[2] Из письма Е.И. Дмитриевой к А.М. Петровой от 16 октября 1909 г. следует, что Сабашникова, проведя в Петербурге «два дня», встречалась также с Волошиным (видимо, 7 или 8 октября): «Макс ее <Сабашникову> видел <...> и говорит, что теперь чувствует к ней и страшную близость, и освобождение от нее полное. И она была так рада этому, точно распутали ей руки <...> Теперь, думаю, что Вы меня осудить можете, и больно это будет мне – ведь я не равняю себя с М<аргаритой> В<асильевной>, знаю, что во мне нет ее сил <...> Знаю, что я не великая любовь его жизни, не Аморя, а только остановка. Но ведь я не камень. И, видит Бог, мне ничего не надо. А я не хочу умалять ни единой минуты его любви к М<аргарите> В<асильевне>, а лишь хочу его покоя. Вот – судите, как знаете, не могла я иначе, м.б., я – слабая. Но мне ведь очень тяжело, и на моих плечах так много тяжести» (Черубина де Габриак... С. 45–46). «Видела Максюту в Петербурге <...>, – сообщала Сабашникова в тот же день (16 октября) А.М. Петровой (из Москвы). – Очень он хорош, Макс, и стихи его. Было радостно его встретить, и теперь так все верно, и что мы не вместе, тоже для обоих верно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 59).

[3] Дом 13 находится на углу Знаменской улицы (ныне – ул. Восстания) и Гусева переулка (ныне – пер. Ульяны Громовой), и одна его часть обозначалась, по-видимому, заглавной литерой.

469. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

13 октября 1909 г. Москва

13 окт<ября> 1909. Вторник.
Москва.

Посылаю тебе, милый, обещанные стихи.[1] Спасибо за стихи Черубине. Они так хороши.[2] Как <я> радуюсь нашей встрече!

Здесь мне тяжело, как всегда. Я всегда издали забываю это. Мама не разговаривает со мною вовсе, и все мои сообщения повисают в воздухе безответно. Но надеюсь все же, что это пройдет. Так жду зимы, так рвусь в П<етербур>г.

Ну, Бог с тобой, милый мой.

Обнимаю нежно Лилю.

Аморя.

Я оставила Борису Алек<с>еевичу мою статью о фон Гофмане.[3] Передал ли он тебе ее? Если она годится, я выпишу из Веймара репродукции его картин.

P.S. Об иллюстрациях, о работе для меня я очень прошу тебя.

[1] Сабашникова послала Волошину свои стихи того времени; с некоторыми из них она познакомила во второй половине 1909 г. А.М. Петрову. «Рада, что Вам понравились мои стихи; и за это посылаю еще», – писала Сабашникова А.М. Петровой 17 ноября 1909 г. из Петербурга (см.: ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 39). По-видимому, речь шла о возможной публикации стихов Сабашниковой в «Аполлоне».

[2] Вероятно, венок сонетов «Corona Astralis» (август 1909), обращенный к Е.И. Дмитриевой, которой Волошин посвятил также стихотворение «К этим гулким морским берегам...» (май 1909).

О тайне Черубины де Габриак Сабашникова узнала от Волошина – должно быть, во время их петербургской встречи 7 или 8 октября (см. примеч. 2 к п. 468). Можно также предположить, что Волошин послал Сабашниковой в Москву и стихи самой Е.И. Дмитриевой (еще до первой их публикации в «Аполлоне», состоявшейся в ноябре 1909 г.). «У нее <Е.И. Дмитриевой> к Вам большая просьба, – писала Сабашникова А.М. Петровой в ноябре (точная дата отсутствует): – стихи Черубины де Габриак в “Аполлоне” – ее стихи; но *никто* не должен знать. Они создали миф о Габриаке, и если мистификация откроется, будет очень большая неприятность. Итак, *абсолютное молчание*. А что это за прекрасные стихи!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 62–62 об.; «они», т.е. Волошин и Е.И. Дмитриева). См. также примеч. 2 к п. 471.

[3] См. примеч. 13 и 15 к п. 460.

470. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

29 октября 1909 г. Москва[1]

Милый Макс, я молчала, п<отому> ч<то> здесь было так тяжело. Наконец приехала А<нна> Р<удольфовна>, но останется здесь 2 недели, я же спешу в П<етербур>г. Так буду рада видеть вас. Думаю выехать в воскресенье.[2] В случае, если на 18-ой ничего не готово,[3] могу ли остановиться у Е<лены> О<ттобальдовны> в комнате? Она еще не приехала?[4] Еще могу остановиться у Нины. Зайди к Борису, узнай, милый, готово ли, т.е. смогу ли я ехать прямо на 18-ую, и скажи ему, свободна ли комната Е<лены> О<ттобальдовны>, в случае, если не придется ехать прямо на 18-ую.[5]

Я не пишу, п<отому> ч<то> безумно устала.

Будь счастлив. Так радуюсь видеть вас.

Маргоря.

Как только приеду, извещу тебя. Или спроси по телеф<ону> у Бориса.

Четверг.

[1] Датируется по письму Б.А. Лемана к Волошину относительно приезда Сабашниковой в Петербург (см. примеч. 6).

[2] Т.е. 25 октября 1909 г. Ср. в письме Е.И. Дмитриевой к А.М. Петровой от 16 октября 1909 г.: «...Она Сабашникова 26-го приедет» (Черубина де Габриак... С. 45).

[3] См. примеч. 5 к п. 465.

[4] Е.О. Кириенко-Волошина приехала в Петербург значительно позже (предположительно 3 декабря 1909 г.), поэтому Сабашникова, прибыв в Петербург 3 ноября, поселилась у Волошина (Ординарная 18, кв. 2) – в комнате, предназначенной для Елены Оттобальдовны, – и прожила там несколько дней – до 7 ноября (см.: Труды и дни-1. С. 232, 236).

[5] Волошин известил Б.А. Лемана запиской о том, что комната свободна. «Маргарита Васильевна приедет, по всей вероятности, во вторник утром, – отвечал Леман Волошину 1 ноября 1909 г., – я передам ей относительно комнаты Елены <От>тобальдовны. <...> Не беспокойтесь, я встречу ее, завезу к нам, накормлю, а затем устрою, что где решит» (Черубина де Габриак... С. 170).

471. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

6 ноября 1909 г. Санкт-Петербург[1]

Пятница.

Мой дорогой, сегодня не успела быть у тебя. Завтра уже переезжаю. Очень, очень хочу видеть тебя и Л<илю>[2].

Завтра в субботу с 11-ти буду у себя на 18-ой.[3] Когда придете? Захвати тогда мои вещи. Вечером же я у Бориса. Люблю очень тебя, и очень надо мне Л<и>лю <?>.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: отправления – СПб. 6–11–09; получения – СПб. 7–11–09. Адрес: «Здесь. Максимилиану Александровичу Волошину Ординарная улица 18 Петербургская сторона».

[2] О своем отрадном впечатлении от встречи с Е.И. Дмитриевой, состоявшейся в те дни в Петербурге, Сабашникова писала А.М. Петровой в ноябре 1909 г.: «Я познакомилась с Лилей Димитриевой <*sic!*>, и мне с первой минуты показалось, что я ее знала всегда. Мы очень близки с ней. М<ожет> б<ыть>, можно помочь ей. Чувства спокойствия за нее у меня еще нет. А Макс... ах, он все еще глуп и только через нее может поумнеть; и я ему могу помочь только через нее. <...> Ему и ей желаю жизни и благословляю обоих, но куда поведет жизнь и что потребует, – не знаю. Все сложно, но "Каким бы мы ни предавались снам, да сбудется завещанное нам средь звездных рун в их знаках и названьях". Для меня узнать об этом было громадной радостью и освобождением. Ведь Макс так одинок среди людей. Мне он чужд, но моя рука помощи, моя забота будет всегда с ним. Нельзя его бросить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 62–63). Цитируются три строки из посвященного Волошину стихотворения Е.И. Дмитриевой «Золотая ветвь», впервые опубликованного (с подзаголовком «Моему учителю») в журнале «Аполлон» (1909. № 2 (ноябрь). С. 3–4). Е.И. Дмитриева, со своей стороны, также прониклась к Сабашниковой уважительным и приязненным чувством. «Около меня Аморя, а с нею все хорошо», – писала она А.М. Петровой 22 ноября 1909 г. (Черубина де Габриак... С. 47).

[3] В автографе описка: «На 10-ой» (линии Васильевского острова).

472. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

2 декабря 1909 г. Санкт-Петербург[1]

Милый Макс,

к сожалению, мне не придется быть завтра у Головина.[2]

Кланяйся ему очень от меня[3] и спроси, когда можно будет прийти к нему еще на «Тристана»[4], например, или просто повидаться. Хотелось бы очень посмотреть, как он работает.

До свиданья, милый.

[1] Открытка. Почтовый штемпель: СПб. 2–12–09. Адрес: «Максимилиану Александровичу Волошину. Петербургская сторона. Ординарная 18. *Здесь*».

[2] Сабашникова познакомилась с А.Я. Головиным осенью 1909 г. через Волошина и впоследствии неоднократно навещала художника в его мастерской под крышей Мариинского театра. «Мы очень подружились с Головиным в этом году, когда он делал с меня портрет <...>, – сообщал Волошин А.М. Петровой 29 ноября 1909 г. – Вчера я водил к нему <Головину> Аморю на "Лоэнгрина"» (Т. 9 наст. изд. С. 495; опера Р. Вагнера "Лоэнгрин" исполнялась на сцене Мариинского театра вечером 27 ноября 1909 г). В начале 1910 г. Волошин и Сабашникова рекомендовали Головину Л. Квятковского, который одно время работал в мастерской художника. «Головин очень милый человек – писала Сабашникова А.М. Петровой 10 апреля 1910 г. – <...> Он очень хорошо относится к Людвигу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 23 об.).

[3] Согласно «Трудам и дням-1» (С. 236), Волошин навещал Головина в Мариинском театре 3/16 декабря 1909 г.

[4] Имеется в виду опера (музыкальная драма) Р. Вагнера «Тристан и Изольда» (1865), поставленная на сцене Мариинского театра В.Э. Мейерхольдом. Премьера состоялась 30 октября 1909 г. и имела оглушительный успех. Декорации к спектаклю были выполнены А.К. Шервашидзе.

1910

473. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

8 марта 1910 г. Москва

Москва. 8 марта 1910.

Милый Макс, еще в Петербурге получила твое письмецо,[1] а сейчас уже неделя, как я в Москве. Прежде всего, поздравляю тебя с выходом твоей книжечки.[2] Как много в ней хорошего и настоящего. Мы все ее читаем с радостью. И особенно хороши старые стихи. Они теплее и интимнее, проще. Издана книжка несколько небрежно и уже разваливается, но мне нравится ее формат и убористая печать. Я очень, очень рада, что она вышла. Думаю, что многим она доставит радость.[3] Ей радовались и Любимов, и Алексеевы[4].

Лилю я видела перед отъездом два раза. Она произвела на меня очень хорошее впечатление. Она спокойна, и не безнадежное у нее настроение. Она как будто нашла себя и, думаю, будет скоро писать.

Что-то не едет Александра Михайловна.[5] Людвиг остался один, п<отому> ч<то> я рассчитывала, что она приедет в Петербург, а мне сейчас важно быть в Москве.[6] Положим, я могу быть за него спокойна, но все же мысль, что он, м<ожет> б<ыть>, скучает, меня тревожит.[7]

Состояние бабушки[8] очень плохо. Она сильно страдает, изменилась до неузнаваемости. Мама часто дежурит у нее по ночам.

Нюша собирается в Париж. Я очень ослабла за зиму, здесь принимаю ванны и питаюсь усиленно. Пиши мне сюда пока.

Напиши мне о том, как обстоит дело с разводом.[9] Это сделать, я по многому вижу, необходимо; мне важно: предпринял ли ты что-нибудь?[10]

В<ячесла>ва я не видала и надеюсь никогда больше не увидеть. Я должна была отойти.[11]

Желаю, чтобы это время было творческим для тебя. Чтобы ты был спокоен и светел. Привет маме. Алеша и Любимов радуются на твои стихи.

Здоровье Бориса Николаевича все очень плохо.

Что знаешь об Ал<ександре> Мих<айловне>?

Аморя.

[1] «Письмецо» не сохранилось.

[2] Имеются в виду «Стихотворения. 1900–1910».

[3] Об откликах на книгу «Стихотворения. 1900–1910» см.: Т. 1 наст. изд. С. 434–435 (коммент. В.П. Купченко), а также Т. 9 наст. изд. С. 521–523 (примеч. Г.В. Петровой к письму Волошина к А.В. Гольштейн от 18 марта 1910 г.).

[4] Д.В. и В.А. Алексеевы.

[5] Из писем Сабашниковой к А.М. Петровой явствует, что та собиралась приехать в Петербург в начале 1910 г. (поездка не состоялась).

[6] С середины января 1910 г. Л. Квятковский находился в Петербурге, где, по просьбе А.М. Петровой, его опекали Волошин (до своего отъезда в Коктебель около 25 января) и затем – в течение нескольких лет – Сабашникова.

[7] Предполагалось, что в начале марта 1910 г. Петрова приедет из Феодосии в Петербург и, остановившись в мастерской Сабашниковой, проведет несколько дней вместе с Л. Квятковским. «...Я на днях еду в Москву, – писала ей Сабашникова 27 февраля 1910 г., – и ввиду опасного заболевания моей бабушки могу там задержаться. Еду дней на 10. До 7-го марта в Петербурге будет Анна Руд<ольфовна>; а потом и она уезжает; так что Людвиг может остаться совсем один» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 13).

[8] Н.М. Андреева.

[9] Вопрос о расторжении брака обсуждался Волошиным и Сабашниковой, по всей видимости, уже в 1909 г. «Я писал Вам о тех отношениях, которые теперь между Аморей, Лилей и мной, – рассказывал Волошин А.М. Петровой 29 ноября 1909 г. – Практически и жизненно самое необходимое сейчас – это начинать хлопоты о разводе (пока это полная тайна). Но для этого надо денег, очень много

денег, очень много времени. Я совсем теряюсь и не знаю, и не вижу, что будет, как это устроить?» (Т. 9 наст. изд. С. 496). Ср. п. 514 и 515.

[10] Вопрос о разводе, как явствует из дальнейшей переписки, решался в течение долгого времени; развод был оформлен лишь в 1927 г. (см. примеч. 3 к п. 517 и Приложение).

[11] В конце 1909 и начале 1910 г., будучи в Петербурге, Сабашникова неоднократно встречалась с В.И. Ивановым, пытаясь восстановить с ним доверительные отношения, однако ее попытки завершились полным и окончательным разрывом. «От В<ячесла>ва я отошла, ушла совсем, отрясая прах от ног своих, – писала Сабашникова А.М. Петровой 5 марта 1910 г. – И если бы оглянулась, обратилась бы в соляной столб <*sic!*>. Я закрыла эту область души; и хотела бы до своей смерти не прикасаться. Бог с ним. Быть может, молитвы Лидии его спасут от заблуждений. Я больше *не могу*. А А<нна> Р<удольфовна> не видит, какой он; и он затягивает и ее. Я чувствую освобождение моих сил на дело, на искусство, на помощь другим. А то никогда не уладится, но пусть покоится до Воскресения из Мертвых. Такое у меня чувство. Какие-то сроки исполнились, какая-то мера мира; душа теперь освободилась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 15–15 об.; «обратиться в соляной столп» – Быт. XIX, 26). То же повторяется и в следующем мартовском письме: «О В<ячесла>ве не будем больше говорить. Я отошла навсегда, и последние следы наваждения сошли» (Там же, л. 18 об. – 19).

474. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3 <?> апреля 1910 г. Санкт-Петербург

3 апрел<я>.[1]

Милый Макс, сейчас пишу тебе всего несколько слов. Я хочу ехать в Париж с Катей.[2] Мне надо доставать паспорт, для этого опять надо твое разрешение. Напиши мне разрешение на выезд за границу, и, если можно, навсегда. Это делается. Тогда мне впишут в паспорт его, и я не буду тебя тревожить.[3] Я вчера приехала в П<етербур>г. Разрешение пошли в Москву Алеше.[4] Скоро напишу тебе. Надеюсь, ты продолжаешь работать и все хорошо.

Целую тебя.

М<аргарита>.

Привет маме.

[1] Цифра «3» написана неразборчиво; возможное прочтение – «9».

[2] Совместная поездка не состоялась (см. п. 475). Сабашникова приехала в Париж позднее – осенью 1910 г. Ср. ниже примеч. 4.

[3] Однако осенью 1913 г. отъезд Сабашниковой за границу вновь задержался по той же причине (см. п. 466 и примеч. 2 к п. 480).

[4] Волошин незамедлительно прислал «разрешение», так что Сабашникова смогла получила заграничный паспорт. «Я еще в России, – писала она А.М. Петровой 8 июня 1910 г. (из Богдановщины). – Взяла паспорт, чтобы ехать в Париж, но не хватило сил физических, решила (пока годится паспорт) 2–3 месяца подождать, немного поправиться в деревне и поехала с Е<лизаветой> Н<иколаевной> и ее семьей в Богдановщину» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 38, л. 29).

475. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 10 апреля 1910 г. Петербург[1]

Милый Макс, спасибо тебе за твое хорошее письмо.[2] Дай Бог тебе сил.

Я хотела теперь же ехать в Париж с Катей, но мне не удалось сдать мастерскую, и все праздники придется проводить одной. Так до мая или больше. Я только хотела узнать условия развода. Больше ничего.

Лилю видела. Она очень спокойна. Я рада, что у тебя есть друзья в Феодосии.[3] Мне очень жаль, что ты послал В<ячесла>ву книгу, и особенно, что ты там не мог не говорить о ненависти и о том, что не кончены сплетения путей. Это звучит: вот, мол, погоди еще ужо. Нельзя посылать слова ненависти этому человеку особенно.[4] Пред ним нужно быть неуязвимым, нужно себя ставить выше. Это очень нехорошо и бестактно, что ты сделал. Не тревожь его. Он может еще причинить много зла, если его раздражать. Все кончено, не плети еще путей, отойди. Что у Вас общего с ним?[5] «Кто прошлое помянет, тому глаз вон». Смотри на В<ячесла>ва как на орудие судьбы. Ты сам знаешь, что наши с тобой пути разные и что он тут явился орудием; никто не мог бы разделить нас, если бы мы действительно были близки по духу. Может быть, все это произошло бы менее мучительно, и я бы не была так

жестока и растеряна. Прости меня, а об нем забудь вовсе. Ты пишешь: «Приезжай в Коктебель теперь, когда никто не стоит между нами». Но разве ты не видишь, что не в том дело! Что мы разные, что мы друг другу мешаем и ни в чем не сходимся, что между нами *все* стоит, а не один человек. Общением, даже перепиской, мы только будем затемнять основное отношение, и нам не надо ни переписываться, ни видеться.[6]

Еще одно: зачем ты поместил в отдел, посвященный мне, стихотворение к Вайолет «Нас палящая жажда сдружила».[7] Это мне очень неприятно и больно. Меня уже многие о нем спрашивали. Как тебе не стыдно. И зачем интимные переживания, «Таиах», «Мастерская», «Письмо» и т.д. посвящать?[8] Все, кому не лень, знают теперь и читают. Как не стыдно. Мне так это больно. А вообще книжечка очень хорошая и многим нравится. Она и здесь хорошо идет.

Ну, до свиданья, привет маме. Тебе желаю мужества и сил, и глубокой, внутренней радости. Мне еще очень нехорошо. У меня очень расстроены нервы, и все раны болят. Но я исцелюсь. Христос с тобой.

М. В.

Violet разошлась с мужем. Если бы ты ее позвал в Коктебель. Ей, верно, тяжело.[9]

Сундук я возьму в Москву, а что сделать с велосипедом? Шкапчик возьмет на хранение Лиля, а диван я продам.

[1] Датируется по соотнесенности с письмом Сабашниковой к А.М. Петровой от 10 апреля 1910 г. (см. ниже примеч. 3 и 6) и упоминанию о предстоящих пасхальных праздниках (пасхальная неделя в 1910 г. приходилось на 12–18 апреля).

[2] Письмо не сохранилось.

[3] Эта же фраза повторяется в письме Сабашниковой к А.М. Петровой от 10 апреля 1910 г.: «Я так рада, что у него <Волошина> друзья в Феодосии. Вы одна можете ему помочь стать настоящим» (ИРЛИ, ф. 562, оп., ед. хр. 38, л. 23). Ясно, что о своих феодосийских друзьях Волошин упомянул в письме к Сабашниковой, имея в виду, вероятно, А.М. Петрову и Богаевских.

[4] Речь идет о надписи Волошина на экземпляре «Стихотворений», подаренном В.И. Иванову: «Еще <не> отжиты связавшие нас годы, / Еще не пройдены сплетения путей: / Вдвоем руслом одним, – не смешивая воды, / Любовь и ненависть текут в душе моей. 7. III. 1910. Коктебель» (*Купченко В., Марков А.* «Как знак... в дар... на память...» Дарственные надписи М.А. Волошина на книгах // Дружба народов. 1984. № 7. С. 232). Экземпляр этой книги хранится ныне в Государственном литературном музее (Москва).

[5] Словами о любви и ненависти Волошин подхватывает и продолжает диалог с Ивановым на тему, заданную в дарственной надписи на книге «Эрос» (см. примеч. 4 к п. 304).

[6] В.И. Иванов не медля откликнулся на присланный экземпляр «Стихотворений». Поблагодарив Волошина «за произнесенное им слово – "любовь"», Иванов не обошел молчанием и слово «ненависть». «Другому же голосу говорю: "да не будет! – писал он 9 апреля 1910 г. – да обличится и претворится в тебе все, как во мне все обличилось и претворилось"!» <...> И прости мою неправду» (*Иванов В.* Доклад «Евангельский смысл слова "Земля"». Письма. Автобиография / Публ., вступ. статья и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 157).

[7] Тема «разного пути», несовместимости интересов и духовных устремлений, наметившаяся в переписке Волошина и Сабашниковой в 1908 г., продолжается и нарастает в их письмах к другим лицам. «...Веры наши разные и пути разные», – решительно заявляет Сабашникова в письме к А.М. Петровой от 27 апреля / 10 мая 1909 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37, л. 52). «Он <Волошин> написал мне хорошее письмо, – сообщает Сабашникова (ей же) 10/23 апреля 1910 г., – но я не могу с ним иметь общение; мы разные, чужие и только мешаем друг другу» (Там же, ед. хр. 38, л. 23).

[8] Это стихотворение (1905) было обращено к В. Харт. См. примеч. 5 к п. 73.

[9] Все три стихотворения («Письмо», «Таиах» и «В мастерской») вошли в раздел «Amori amara sacrum», посвященный Сабашниковой.

[10] Получив от Сабашниковой это известие, Волошин сразу же хотел пригласить В. Харт в Коктебель, однако – за неимением ее адреса – смог написать ей только в сентябре 1910 г. (см.: Труды и дни-1. С. 255). «...Я все лето ко всем обращался и спрашивал где она...», – писал он К.В. Кандаурову 21 сентября 1910 г., пытаясь выяснить местопребывание В. Харт (Т. 9 наст. изд. С. 553).

Переписка Волошиной с В. Харт возобновилась осенью 1911 г. (Волошин находился тогда в Париже); обсуждался, в частности,

вопрос об их личной встрече (не состоялась) и даже возобновлении отношений. «Грустно мне, глубоко грустно! – писала В. Харт Волошину (письмо не датировано; начало письма – по-русски). – Как могу я сделать этот шаг – сказать тебе не "до свиданье" <*sic!*>, не "adieu" – но вот что я решила. Теперь я живу без мужа уже месяц <далее – по-французски> с тем, чтобы разобраться в себе самой. Я должна окончательно выбрать между двумя вещами: или бросить его и, если я приму решение жить с кем-то другим, оформить развод и делить с этим человеком моего сына <...> или порвать все связи с моим прошлым, то есть с тобой. <...> Я думаю, что я недостаточно сильна, чтобы жить так, как жила прежде, – одна, совсем одна, сама по себе. А расставаясь с моим мужем, я не вижу впереди ничего другого. Макс, я знаю, что ты любишь меня. Но преисполненная признательности и нежности, я знаю, что ты не захочешь и не сможешь связать свою жизнь. Ты не создан для этого» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1430, л. 53 об.). Желание В. Харт расстаться с В.Я. Полуниным обернулось длительной (до конца 1911 г.) размолвкой, однако их брак, тем не менее, не был расторгнут.

476. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

9 июля 1910 г. Москва

Милый Макс, ты знаешь, вчера скончалась бабушка. На даче, мама успела приехать и застала ее, а я почему-то не поехала, не верила, что она скоро умрет.[1] Она очень страдала 5½ месяцев и лишь накануне смерти как будто чувствовала себя лучше, шутила. Умерла в 11 ч<асов> 35 минут утра в четверг тихо, как бы заснула. Я с Алешей приехала через 3 часа. У нее было радостное лицо. Тетя Саша так похудела, ты бы не узнал ее. Она сдержана, светла.[2] Я провела вчера с ней день и ночевала там. Все съехались, только Катя не успеет приехать к похоронам, приедет на другой день. А у меня был уже билет,[3] чтобы ехать в Сулак к ним.[4]

Я провела месяц в Богдановщине. Как-то все грустно, точно ничего не будет молодого, радостного, точно все идет к умиранию. М<ожет> б<ыть>, это субъективное чувство.[5]

А ты как живешь?[6] Часто я с ужасом вспоминаю, как много боли я причинила тебе. Простил ли ты меня? Нашел ли

свою жизнь? Не думай обо мне с озлоблением, если можешь. Желала бы знать, что твоя жизнь наладилась, что ты не страдаешь. Пишешь ли Лиле?

Привет маме и нежный поцелуй. Сейчас узнала, что А<нна> Р<удольфовна> в Судаке, что умирает Евгения Антоновна Герцык.[7]

У нас все здоровы. Мама очень изменилась. Стала кроткой, религиозной.

А я все не работаю.

Пусть тебе будет хорошо и радостно.

Забыла тебе сказать, что сундук твой[8] в Москве на кокоревском складе[9], а диван и велосипед оставлены у Сапунова, кот<орый> снял мою мастерскую[10] и купил всю мебель, кроме дивана; шкапчик у Лили.

Пусть будет тебе хорошо.

Прости меня.

Аморя.

Писать тебе я не буду, м<ожет> б<ыть>, изредка, когда захочется о чем-нибудь известить.

9 июля. Пятница. 1910.

[1] Н.М. Андреева умерла 8 июля 1910 г. в подмосковном поселке Покровское-Глебово на даче, принадлежавшей фабриканту Прохорову.

[2] В отличие от своих сестер, А.А. Андреева, будучи незамужней женщиной, жила вместе с матерью и заботилась о ней. «Тетя Саша окружила ее всеми возможными величайшими заботами и ухаживала за ней до самой ее смерти в августе 1910 года», – писала Сабашникова (Зеленая Змея. С. 191).

[3] «Еду за границу и думаю день пробыть в Берлине до вечера, – сообщала Сабашникова В.М. Викентьеву (договариваясь о встрече в Берлине) 3 июля 1910 г. – Выезжаю в среду на Александрово <...> буду 9-го утром в Берлине. <...> Еду к морю в Сулак» (ГМИИ, ф. 36, оп. I, ед. хр. 349). Судя по датам, Сабашникова отменила свой отъезд еще до смерти Н.М. Андреевой. Уехала за границу спустя месяц (около 10 августа).

[4] Сулак (Сулак-сюр-мер) – курортное место в Аквитании на Атлантическом побережье (департамент Жиронда). Бальмонт отдыхал в Сулаке летом 1910 г. и летом-осенью 1914 г. Е.А. Бальмонт, полу-

чив известие о тяжелом состоянии матери, немедленно покинула Сулак и уехала в Россию. 13/26 июля Бальмонт сообщал А.В. Гольштейн (из Сулака): «Катя писала уже из Москвы» (The Bakhmeteff Archive. Manuscript Collection // Columbia University. Rare Book and Manuscript Library. New York).

[5] «Я тоскую в Богдановщине и хотела бы уехать, но чувствую себя заарестованной, – признавалась Сабашникова В.М. Викентьеву 15 июня 1910 г. – <...> У нас скучно» (ГМИИ, ф. 36, оп. I, ед. хр. 350).

[6] Далее вымарана одна строка.

[7] О болезни Е.А. Герцык Волошина к тому времени уже известила А.Р. Минцлова. «Дорогой Макс, – писала она в открытке от 30 июня 1909 г. (из Судака в Коктебель), – я получила телеграмму о том, что Евг<ения> Ант<оновна> тяжело больна – и приехала сюда, к ней. <...> Пробуду здесь с неделю, вероятно. Хотелось бы Вас увидеть, приезжайте» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 58). См. о том же в письме Волошина к А.М. Петровой от 9 июля 1910 г. (Т. 9 наст. изд. С. 545).

«...Я никак не ожидала попасть в Судак, – писала Минцлова Ал.Н. Чеботаревской 12 июля 1910 г. – Когда я вернулась из своей поездки на Север, я думала пробыть несколько дней в Петерб<урге> и потом совсем иначе провести июль месяц. – Но как известно всем, всегда случается именно то, чего нельзя было ожидать, – так и здесь... Через 2 дня после моего возвращения на "башню" Вяч<еслав> Ив<анович> получает телеграмму от Жени Герцык о том, что Евг<ения> Ант<оновна> *тяжело больна*, страшно страдает, просит уведомить Анну Рудольфовну (это – текст телеграммы). Тогда я почувствовала, что мне *необходимо* поехать туда, немедленно. И с первым поездом, как только возможно оказалось, – я уехала прямо в Судак, где нахожусь и сейчас, и думаю уехать отсюда числа 22–23–24 июля, не раньше» (ИРЛИ, ф. 189, ед. хр. 118, л. 1).

Минцлова пробыла в Судаке почти весь июль; на обратном пути заезжала к Волошину в Коктебель, где провела один день, – это была их последняя встреча (см.: Труды и дни-1. С. 252).

[8] Упоминание о сундуке Волошина, отправленном Сабашниковой из Петербурга в Москву, содержится в письме В.М. Сабашникова к Волошину от 27 октября / 9 ноября 1910 г.: «Будьте добры, зайдите к нам. У нас на Ваше имя получено из Парижа письмо (заказное). И, кстати, посмотреть Ваш сундук, привезенный из Петерб<урга> Маргорей. Этот ли сундук, который следует передать Вам, или нет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1056, л. 13).

[9] Имеются в виду склады на Кокоревском подворье в Москве (по имени известного купца, предпринимателя и мецената В.А. Кокорева).

[10] В этой мастерской Сапунов работал вплоть до своей трагической гибели. После его смерти мастерская перешла к скульптору А.Т. Матвееву.

Волошин и Сабашникова познакомились с Сапуновым в конце 1906 г. в Петербурге (см.: Труды и дни-1. С. 165). О их более близких отношениях с художником сведений не имеется. В 1913 г. Волошин написал очерк «Памяти Н.Н. Сапунова» (впервые: Аполлон.1914. № 4. С. 5–7; см. также: Т. 5 наст. изд. С. 105–107, 689–692, примеч. Ю. М. Гельперина).

477. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

12 июля 1910 г. Коктебель[1]

12/VII – 1910. Коктебель. Феодосия.

Милая Аморя, только что получил твое письмо о смерти Натальи Михайловны[2]. Оно все очень грустное, твое письмо, точно все кругом тебя проникнуто умиранием. У меня то же чувство в моей жизни, но только не относительно себя самого. В себе я чувствую ростки жизни, но их надо таить. Сейчас им нельзя показываться. Для меня сейчас отмерло все, что было до сих пор моею жизнью. Я остался один сам с собою в глубоком одиночестве. Все, что кругом, бесконечно грустно. Очень страшно и больно за маму. Она живет теперь в состоянии непрекращающегося раздражения. Хозяйство доводит ее до исступления. Я боюсь, что это поздно или рано может кончиться психической катастрофой. Помочь ей невозможно, потому что для этого надо раз навсегда устранить ее от хозяйства. И она так сильно переживает это, что для меня уже нет ни тишины, ни спокойствия, ни уединения. А негодование и гнев ее переплескиваются на меня. Я не могу в такие дни преодолеть внутри себя всей тяжести ее присутствия, а это отражается на отношениях. Уйти совсем? Она бесконечно одинока без меня во всем мире, и у нее нет иного смысла жизни, кроме меня. Вот то, что так тяжело сейчас в моей жизни. И вместе с тем мама глубоко противится всему духовному, важному, что бы я мог дать ей, и ставит между нами все мелочи, все хозяйст-

венные подробности жизни и вынуждает, чтобы я именно об этом говорил с ней, и сердится на все мои слова.

Сейчас я ничего не пишу сам. Но много работаю. Много читаю и учусь. Читаю много Библию и Евангелья. Читаю подробно Еврейскую грамматику Фабра д'Оливе,[3] читаю St. Jean la Croix[4] (учитель св. Терезы). Я хочу остаться на зиму в Коктебеле и хочу заняться сериозно Китаем и китайским языком.[5] У меня снова подымается старая тоска по Азии, и я бы теперь, кажется, ни за что бы в Европу не уехал. А в Азию мне бы хотелось уйти совсем. Не можешь ли ты мне переслать ту русскую библию, которую я позабыл взять у тебя в Петербурге? Мне очень нужна Библия, а у меня только французский перевод.[6]

Лиля мне не пишет, и я ей не пишу. Она решила отойти от меня. Зачем тревожить ее. Вместе с нею точно трепет жизни отошел от меня. И с этой горечью не могу свыкнуться. Не я отошел от нее....[7] А вернуться самому против ее воли – для этого надо знать наверно, что несешь ей то, что ей надо, чего она ищет. Этой силы, этого знания я сейчас и ищу внутри себя.

Милая Аморя, ты пишешь, что с «ужасом думаешь, как много боли ты причинила мне».[8] Я даю тебе честное слово, что во мне уже давно нет никакой, никакой боли, никакого упрека к тебе. Все личные обиды давно угасли, и есть только любовь к тебе в прошлом и каждому мгновению, что было.

[1] Ответ на п. 476. По-видимому, черновик отправленного письма.

[2] Н.М. Андреева.

[3] Имеется в виду: *Fabre d'Olivet.* A. La langue hébraïque réstituée et le veritable sens des mots hébreux rétabli et prouvé par leur analyse radicale. Deuxième edition. Paris: Librarie génerale des sciences occultes, 1905. Книга сохранилась в ДМВ (см.: Мемориальная библиотека... С. 175). Позднее, в июне 1912 г., Волошин послал эту книгу Е.И. Дмитриевой (по ее просьбе). «...Спасибо за книгу, – благодарила она Волошина в письме от 18 июня 1912 г. – <...> Fabre d'Olive <*sic!*> мне очень нужен, отчаивалась найти» (Черубина де Габриак... С. 61).

[4] Правильно: Jean de la Croix (по-испански: Juan de la Cruz); в русской транскрипции – св. Хуан де ла Крус или св. Иоанн Креста.

[5] Обострившийся в то время интерес Волошина к Китаю был вызван, возможно, тем обстоятельством, что как раз в феврале-марте 1910 г. он работал над статьей «Клодель в Китае» (впервые: Аполлон. 1911. № 7. С. 4–62), позднее вошедшей в «Лики творчества». См.: *Смирнов И.С.* «Все видеть, все понять...» Восток и Запад в поэзии Максимилиана Волошина // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 2. М., 1988. С. 170–188. О желании Волошина «всерьез» заняться изучением Китая свидетельствуют находящиеся в ДМВ книги на французском языке по истории древнего и современного Китая (см.: Мемориальная библиотека... № 1007, 1151, 1286, 1538).

[6] В ДМВ находится несколько изданий Библии на французском языке – 1863, 1888 и 1913 гг. (см.: Мемориальная библиотека... С. 101–102).

[7] Разрыв Волошина с Е.И. Дмитриевой произошел весной 1910 г. по ее воле. «Макс, слушай и больше я не буду повторять этих слов: *я никогда не вернусь к тебе женой, я не люблю тебя*, – писала ему Е.И. Дмитриева 15 марта 1910 г. – <...> Я ждала раньше всего, что ты научишь меня *любить*, но ты не научил. Ты меня обманул. <...> Я ушла от тебя. Я не буду больше писать стихи. Я не знаю, что я буду делать. Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял ее от меня навсегда потом. Пусть мои стихи будут символом моей любви к тебе. Я сказала всё. А за этот год я благодарю тебя. Ты отрезал меня от прошлого. Прощай, Макс!» (см.: Черубина де Габриак... С. 56).

[8] См. п. 476.

1912

478. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3/16 или 4/17 апреля 1912 г. Петербург[1]

Милый Макс, я уехала в Гельсингфорс[2] в тот же день, как ты был у меня,[3] и мне придется дней 5 задержаться в Петербурге,[4] так что не знаю, увидимся ли мы.[5] Жаль, что нам не пришлось больше повидаться, но я уверена, что это будет, когда надо. Я пришлю тебе книгу[6] и какой-нибудь курс. Мы выбрали Трифона[7]. Все складывается очень хорошо. Мы переживаем значительное время.

Здесь был и Борис[8], и Лиля. Лиля живет хорошо, спокойна теперь, но как-то уж очень тиха. Эти дни будут, вероятно, поворотным моментом в ее жизни.[9] Она говорила с Д<окто>ром. Он был с нами у заутрени и разговлялся[10]. Он так велик, как никогда.[11]

Лиля будет в начале мая в Москве. Жалеет, что уже не увидит тебя.

Я буду в Москве через неделю, а Трапезников через 2.

Поцелуй от меня маму, жаль, если я не увижу ее.

А вот какое неприятное дело, расследуй его. Ваккано <*sic!*> послала с Лилей Ефрон <*sic!*> своей матери разные вещи.[12] Между прочим, дорогое черное суконное пальто на белой подкладке (120 марок стоило), и мать ее этого пальто *не получила*. Вакано долго не решалась мне этого сказать, ведь она Л. Эфрон никак не знает, а та своей нелепостью и безалаберностью сделала несколько вещей, кот<орые> заставили к ней отнестись подозрительно. Это так больно. Не украли ли у нее это пальто? Ответь мне скорее на это. Знаменская 13.[13]

Книгу мою возьми в «Мусагете». К сожалению, и в опечатках опечатки.[14]

Ну, до свиданья, голубчик.

Желаю тебе лета плодотворного, серьезного, радостного.

Трапезников и Борис, и Лиля кланяются тебе.

Маргоря.

Я хотела тебе напомнить, что когда Христос проходил мимо трупа собаки, Он сказал: «Какие прекрасные зубы у этого животного», а не сказал: «Какой прекрасный дух исходит от нее».[15] А ты счел бы долгом именно это найти прекрасным. Видеть позитивно не значит не судить; человек обязан судить.

[1] Судя по содержанию, письмо написано сразу же после приезда Сабашниковой из Гельсингфорса в Петербург (см. ниже примеч. 2–5).

[2] В Гельсингфорсе с 21 марта / 3 апреля по 2/15 апреля 1912 г. находился Штейнер, прочитавший (в основном для слушателей из России) курс из одиннадцати лекций «Духовные сущности в небесных телах и царствах природы» (GA 136).

[3] Волошин встречался с Сабашниковой в Москве (в квартире ее родителей на Поварской) 22 марта / 5 апреля 1912 г. – через две с половиной недели после ее приезда: Сабашникова вернулась из Мюнхена 5/18 марта 1912 г., встревоженная известием о болезни матери. «...В понедельник 5 марта приехала Маргар<ита> Вас<ильевна>, – извещал А.М. Петрову Квятковский (письмо от 8/21 марта 1912 г.). – Я был у нее вчера долгое время, и мы разговаривали. Она устала и тревожится за здоровье своей матери, которая лежит в больнице. В Мюнхене Марг<арита> Васил<ьевна> сдала свои работы на чердак, и здесь она, как видно, не собирается работать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 40, л. 41). Отправившись в тот же день в Гельсингфорс (через Петербург), Сабашникова прибыла туда в субботу 24 марта (накануне пасхального воскресенья). 3/16 апреля Сабашникова вернулась в Петербург.

[4] «В Петербурге я видела лучшую русскую коллекцию икон», – сообщала Сабашникова А.М. Петровой в письме от 16/29 апреля 1912 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 31; вероятно, имеется в виду собрание Н.П. Лихачева). В Петербурге Сабашникова провела не менее недели (см. также следующее примеч.).

[5] «Думал дождать<ся> возвращения Амори из Гельсингфорса, но она что-то застряла в Петербурге, – писал Волошин 10/23 апреля 1912 г. А.М. Петровой. – Мы виделись с нею немного, но очень хорошо» (Т. 9 наст. изд. С. 698). Волошин же выехал из Москвы (вместе с матерью) около 12/25 апреля (Труды и дни-1. С. 296). Вторая встреча Волошина и Сабашниковой в апреле 1912 г., по всей видимости, не состоялась.

[6] Имеется в виду книга «Проповеди и рассуждения» Мейстера Экхарта, выпущенная московским издательством «Мусагет» в переводе Сабашниковой, с ее предисловием и заставками в тексте (переиздания: М.: Политиздат, 1991; СПб.: Азбука, 2000; СПб.: Амфора, 2008).). Книга вышла в начале апреля 1912 г., и, отправляясь в Гельсингфорс, Сабашникова взяла с собой несколько экземпляров. «Я привезла с собой Экхарта, только что вышедшего, чтобы подарить М<арии> Я<ковлевне> и друзьям», – отмечено в ее дневнике (ОДГ). Работа Сабашниковой над книгой Экхарта была инспирирована и одобрена Штейнером, который, беседуя с Сабашниковой в Гельсингфорсе, между прочим сказал ей: «Это отлично, что Вы перевели Экхарта, это прочтут теперь» (Там же). См. также: примеч. 14 к наст. письму и примеч. 7 к п. 491.

[7] В апреле 1912 г. Т.Г. Трапезников был выбран «гарантом», т.е. лицом, имеющим право давать рекомендации для вступления в РАО; ранее «гарантом» была О.Н. Анненкова. См. об этом: Vor dem Thore. S. 138.

[8] О встрече тяжелобольного в то время Б.А. Лемана со Штейнером в Гельсингфорсе см.: Зеленая Змея. С. 203–207; также – в дневниковых записях Сабашниковой (ОДГ).

[9] «Я получила *очень* хорошее письмо от Черубины, – писала Сабашникова А.М. Петровскому 8 мая 1912 г. – Вот для кого Гельсингфорс открыл новую жизнь. Я прямо счастлива за нее» (ГМИИ, ф. 43, оп. V, ед. хр. 453).

[10] Штейнер присутствовал на пасхальной заутрене в гарнизонной церкви Гельсингфорса в ночь с 24 марта / 6 апреля на 25 марта / 7 апреля 1912 г. «После лекции в Страстную Субботу, – вспоминала Сабашникова много лет спустя, – Рудольф Штейнер вместе с нами, русскими, и несколькими немецкими друзьями был у Пасхальной заутрени и остался с нами разговеться. К сожалению, мы попали на службу в гарнизонной церкви. Прихожане – одни только солдаты с тупыми лицами. Хор заспанных мальчиков пел скучно и жалобно. Штейнер присутствовал на заутрени, равно как и на последующей за ней обедне – и все время стоял, – что крайне утомило остальных

немецких друзей, непривычных к столь долгому стоянию. Только около трех часов ночи мы пришли в гостиницу...» (Зеленая Змея. С. 204). Впоследствии, в одной из лекций, произнесенных в Дорнахе (13 ноября 1921 г.), он скептически отозвался о русских священниках, служивших в той церкви, назвав их «комедиантами» (*Штайнер Р.* Антропософия как космософия. Характерные черты человека в земной и космической сферах. Формирование человека как результат космических воздействий. Двадцать две лекции единого курса. Дорнах, 23 сентября – 13 ноября 1921 года. Перевод с нем. Л.Б. Памфиловой. М.; СПб.: Титурель – Деметра, 2010. С. 363; GA 208).

[11] «Пасху мы встретили в Финляндии, – сообщала Сабашникова А.М. Петровой из Москвы 16/29 апреля 1912 г. – Это был самый великий момент моей жизни. Учитель был с нами у Заутрени, с нами разговлялся. Все мои друзья, братья и сестры были там. Всё то время, все лекции и одна интимная, прочитанная нам, русским, – все было потрясающе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 30 об. – 31; «интимная лекция», обращенная к русским слушателям (ее называют также «обращением»), была прочитана Штейнером 29 марта / 11 апреля 1912 г.). Русский текст (и примечания к нему) см. в кн.: Рудольф Штейнер о России. Из лекций разных лет. Сост., перевод и коммент. Г.А. Кавтарадзе. СПб.: Дамаск, 1997. С. 9–20, 338–339.

Б.П. Григоров, один из участников гельсингфорской встречи, в письме к жене Н.А. Григоровой, написанном в тот же день, сообщал: «Сегодня мы слушали Д<окто>ра 2 раза, в ⅓ 3-го дня он в номере г<оспо>жи Рейф прочел только для нас, русских, интимную лекцию, о которой мы его просили. Лекция произвела на всех громадное впечатление не столько содержанием даже, а тем, как она была сказана, с глубоким чувством, без того пафоса, который бывает на публичных лекциях, по временам совсем тихим медленным голосом, в маленькой комнате для 15-ти приблизительно человек. Она стенографирована; но стенограмма нам будет выслана только недели через 3 из Берлина. Начал он с характеристики Блаватской и ее деятельности, затем перешел к различию между западом и востоком, о трудном положении России, лежащей между ними, далее говорил о миссии России, состоящей в том, чтобы “geben dem Geiste eine Seele” <одушевить дух. – *нем*>, о русской народной душе (Volksseele), которую мы, русские, часто не понимаем, и пожелал, чтобы мы к нашей любви и воодушевлению выработали энергию и выносливость. Мы поднесли ему небольшой портрет Влад<имира> Соловьева в рамке с нашими подписями, а он показал нам только что вышедший и присланный сюда ему в одном экземпляре теософский Календарь,

в котором летоисчисление ведется с момента смерти Христа на Голгофе <...> Вечером была очередная лекция из цикла, тоже очень интересного, причем одновременно со мной сюда приехала Каменская и присутствует на лекциях» (ГМИИ, ф. 43, оп. V, ед. хр. 96; упоминается венская теософка Марта Рейф).

Конспект «интимной» лекции содержится также в дневниковых записях Сабашниковой (ОДГ).

[12] В начале января 1912 г. (н.ст.) Е.Я. Эфрон приезжала в Мюнхен, где познакомилась с Сабашниковой. «Она была в Мюнхене и подружилась сразу и очень с Марг<аритой> Васильев<ной>, – сообщал Волошин А.М. Петровой 31 декабря 1911 / 13 января 1912 г. (из Парижа). – Она обещала ей еще вернуться в Мюнхен для того, чтобы позировать ей для портрета» (Т. 9 наст. изд. С. 685). «С Маргаритой Васильевной я встретилась как с давно знакомым человеком, – делилась Е.Я. Эфрон своими впечатлениями от знакомства с Сабашниковой в недатированном письме к Волошину (написанном, очевидно, в первых числах января 1912 г.). – Никогда еще портреты и карточки не давали мне такое близкое представление о человеке. Мне легко с ней и очень, очень хорошо, совсем хорошо. Нет ни одного движения, ни одной интонации, ни одного штриха, кот<орый> бы коробил или был чужд. <...> Знаешь, в ней даже есть какие-то заветы наши "семейные". Я не знаю что, но всем существом чувствую. Я с ней очень много говорила, о всем; и казалось, что ей так же легко со мной. У нее прекрасное ателье, и все портреты ее работы проникнуты какой-то одной могучей силой души, а она среди них такая нежная и хрупкая, почти ребенок. Знаешь, Макс, все, что я говорю тебе о ней, кажется мне недостаточным, малым» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346, л. 19).

[13] Петербургский адрес Б.А. Лемана (ср. п. 468 и примеч. 3 к нему).

[14] В списке «Замеченные погрешности» (*Мейстер Экхарт*. Проповеди и рассуждения / Перевод со средне-верхне-немецкого и вступ. статья М.В. Сабашниковой. М.: Мусагет, 1912. С. 187) напечатано «свеху» (вместо «сверху»), а некоторые указания исправлений не согласуются с набором книги.

[15] Апокрифическая история о Христе и мертвой собаке имеет восточное происхождение. Получила известность благодаря Гете, включившему в свой «Западно-восточный диван» стихотворение «Иисус в своем земном скитанье...»; при этом Гете использовал перевод из Низами, выполненный Й. Хаммером (см.: *Гете И.В.* Западно-восточный диван. Изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 194, 785). Сабашникова могла слышать эту легенду

от Штейнера, упоминавшего в своих лекциях о Христе и мертвой собаке (см., например: *Steiner R.* Die Stufen der höheren Erkenntnis. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1979. S. 52; GA 12; русск. изд. – *Штейнер Р.* Ступени высшего познания. М.: Новалис, 2008).

Известно также раннее стихотворение В. Набокова на эту тему («Садом шел Христос с учениками...», 1921), написанное по случаю годовщины смерти Достоевского.

479. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

2/15 октября 1912 г. Флоренция[1]

Милый Макс,

Как ты поживаешь? У меня к тебе большая просьба, пошли мне 2 мои толстые книги немецкие о технике живописи. Они мне теперь очень нужны, я этим занимаюсь.

Я в Италии на 2 недели,[2] скоро вернусь в Мюнхен и буду жить в горах под Мюнхеном в Тироле, если смогу устроиться.[3]

Всю осень мы прожили с Лилей, слушали 2 цикла[4] и видели мистерии Штейнера.[5] Они – прекрасны.

Лиля очень работает и светла, сильна, радостна.[6]

Будь и ты радостным, найди свой путь, милый. Целую тебя и маму.

Аморя.

Адрес: München, 2[a] Schraudolfstrasse. Pension «Fruchtkorb»*[7].

[1] Открытка с изображением св. Иоанна (S. Giovannino) Донателло из Национального музея во Флоренции. Почтовые штемпели отсутствуют (видимо, открытка была отправлена в конверте).

[2] Осенью 1912 г. Сабашникова провела в Италии около месяца (конец сентября – 20-е числа октября по новому стилю). «Сейчас еду в Сьену, – писала она А.М. Петровскому из Швейцарии (почтовые штемпели: Lugano 2.X.12; Москва 23.9.12), больше по инерции. Но останусь недолго, недели две, и вернусь устраиваться в горах»

* Мюнхен, Шраудольфштрассе 2а, пансион «Фруктовая корзинка» *(нем.)*

(ГМИИ, ф. 43, оп. V, ед. хр. 455). Посетив Сиену и Рим, Сабашникова задержалась во Флоренции, которую приблизительно в те же дни мог посетить и Штейнер (см.: Chronik. S. 321). Первая запись в ее дневнике, сделанная во Флоренции, датирована 30 сентября / 13 октября 1912 г.

«По утрам бываю в музеях, – записывает Сабашникова 4/17 октября, – днем и вечером работаю над переводом новой книги Д<окто>ра» (ОДГ; упоминается книга Штейнера «Ein Weg zur Selbsterkenntnis des Menschen. In acht Meditationen» («Путь к самопознанию человека в восьми медитациях»), изданная в Берлине в 1912 г. (GA 16) и выпущенная московским издательством «Духовное знание» в 1913 г. без указания имени переводчика; 2-е изд., просм. и исправл. – 1918; современное изд. – Л.: Союз кинематографистов СССР; ленинградская организация, 1991). О ходе своей работы над этой книгой Сабашникова регулярно писала А.М. Петровскому в конце 1912 – начале 1913 г. (см.: ГМИИ, ф. 43, оп. V, ед. хр. 456 и 457). См. также примеч. 17 к п. 483.

[3] В Тироле с 26 августа / 5 сентября по 1/14 сентября 1912 г. отдыхал Штейнер, который и привлек внимание Сабашниковой к этому месту. «Дело в том, что в Базеле после разговора с Д<окто>ром, – писала Сабашникова А.М. Петровой 7/20 октября 1912 г. (из Флоренции), – я решила, что неверно жить в Италии. Он сказал, что Италия вся в разложении, что и природа даже в ней мертва, что все пропитано пылью прошлого, что творчески она действовать уже не может. Указал, что живой воздух *очень;* недалеко от Мюнхена, в Тироле. Вот я и думаю там основаться...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 45).

[4] С 25 по 31 августа 1912 г. Сабашникова и Е.И. Дмитриева (Васильева) слушали в Мюнхене курс Штейнера «Об инициации – О вечности и мгновении – о духовном свете и жизненном мраке» (GA 138), а с 15 по 24 сентября – прочитанный им в Базеле курс «Евангелие от Марка» (GA 139). «...Сейчас в Базеле, где слушаю курс о Евангелии от Марка, – сообщала Сабашникова А.М. Петровой 6/19 сентября 1912 г. – <...> Я не отхожу от Штейнера» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 43).

В сентябре 1912 г. в Базель заезжал В.И. Иванов, посетивший Андрея Белого и А.А. Тургеневу, однако о встрече его с Сабашниковой сведений не имеется.

[5] Между 20 и 24 августа 1912 г. в Мюнхене было поставлено три мистерии, написанные Штейнером (см. подробнее примеч. 12 к п. 487). 20 августа 1912 г. состоялось представление «розенкрейцерской мистерии», озаглавленной «Врата посвящения», 22 августа – мистерии «Испытание души», а 24 августа – первое представление

«Стража порога». «Самое великое, что я пережила за это время, это "Три мистерии" Д<окто>ра, которые были разыграны его учениками, – писала Сабашникова А.М. Петровой 6/19 сентября 1912 г. – Три дня от 9 ч<асов> утра до 5-ти вечера. Весь театр 800 ч<еловек>, все его ученики, как один, не отрываясь, следили. Ничего интимнее <я> не переживала. А он сидел в директорской ложе, и я чувствовала из темноты его взор, обращенный в публику. А дал он себя, дал свою судьбу, свою борьбу, свой ужас, свою победу: "Сие есть кровь моя". И видела я свою судьбу и его. Это было воистину причастие, и с представления уходил зритель иным человеком, чем пришел. Каждая фраза – загадка и судьба. Все, каждое слово куплено кровью сердца, и я поняла, почему это – "мистерия". Новые ритмы, новые формы, необычайный замысел. Д<октор> раз сказал мне, что если понять то, что он вложил в эти вещи, не надо бы было слушать его циклов. Перевести эти вещи невозможно; там каждый звук а о u – не случайно; но я попробую расска<за>ть, как поняла...» (Там же, л. 43–43 об.).

[6] Своим впечатлением от общения с Е.И. Дмитриевой Сабашникова делилась и с А.М. Петровой в письме от 6/18 сентября 1912 г. (из Базеля): «Я не писала Вам о Лидии *<sic!>* Дмитриевой-Васильевой; вот кто радует меня. Весной она в Гельсингфорсе подошла к Д<окто>ру и вся отдалась работе. Она и в Мюнхене, и здесь. Мы много вместе. Какая она стала сильная, ясная; отрешенная от себя и радостная. И брак ее с мужем хороший, они вместе пойдут по одному пути; он ее любит, бережет; и ничего в них нет замкнутого, эгоистического. Она Вас очень любит, всегда спрашивает о Вас, кланяется Вам. Ее отношение ко мне такое хорошее, большая для меня поддержка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 44 об.).

[7] Сабашникова указывает адрес пансиона, который содержала Х. фон Вакано. В автобиографической книге Сабашникова посвящает ей несколько строк: «Я столовалась у фрау фон Вакано, которая содержала вегетарианский ресторан под названием "Фруктовая корзинка" и при нем небольшой пансион. Позднее получили широкую известность ее превосходные переводы сочинений Владимира Соловьева, вышедшие под псевдонимом Гарри Келлер *<sic!>*. Она воспитывалась в России и была сильной индивидуальностью, склонной к большим взлетам и воодушевлению. Но эти свойства у нее соединялись со склонностью к фантастике, и в ее "Фруктовой корзинке" созревали иногда плоды псевдомистического сорта» (Зеленая Змея. С. 198).

1913

480. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

26 октября / 8 ноября 1913 г. Москва[1]

Милый Максюточка, спасибо за свидетельство[2] и за письмо.[3] Как я рада, что у тебя тихо и хорошо и что ты будешь работать. Так хочется создать единое ядро работников, кот<орых> соединяет объективная правда. А то всюду «Бесы». Я была на репетиции их,[4] но в жизни их больше еще, чем на сцене. Разошлись мы с «Мусагетом»[5], кот<орый> напечатал брошюру Эллиса, безграмотную ерунду в католическом духе против мистики, антропософии и т.д.[6] Из редакции вышли Белый, Петровский, Сизов.[7] Но это неважно.

Петровский рад твоему вступлению, и тебя москвичи примут братски.[8] Пиши ему, если тебе что нужно, 7 Б<ольшой> Успенский, Арбат, кв. 3. *Просят тебя перевести цикл «Die okkulte Geschichte»**,[9] это небольшой цикл,[10] тебе особенно д<олжен> б<ыть> интересен.[11] Затем предлагали, чтобы я перевела прозой мистерию, а ты ее переработал бы в стихи. Можно начать со второй (первой занят Белый).[12]

Видела и упчелила[13] Быстренину. Дала ей книгу «Теософия»,[14] потребуй ее себе у нее и изучай. В кружке нашем ее изучают; в ней *все* дано.

Была третьего дня у Кандаурова, там встретила Рогозинского, Майю[15]. Вчера обедала с К<андауровым> у Рогозинского (он подарил мне твой портрет[16]). Потом пошли к Весниным; там были В. и А. Веснины, третьего брата не

---

* Оккультная история *(нем.)*

было[17], был Татлин и еще их товарищ архитектор (и опять Майя). Я посмотрела их рисунки, а потом неожиданно для себя заговорила о храме,[18] об ответственности архитектора, и ½ часа говорила, а они с волнением слушали. Всего я у них 1 час пробыла. После «Бесов» встретить строителей – радость. Меня провожал Рогозинский и говорил, что для них и для него это будет переворот в работе, они хотят вместе читать и изучать ок<культизм>. Я боюсь, что, попав на Успенского, пойдут ложным путем, и думаю предложить им писать для их группы рефераты, и первый об архитектуре (а это и тебе сейчас полезно прочесть), по их ответам буду писать следующие для введения в антроп <ософию>. Что ты думаешь об этом? Я напишу Рогозинскому. Доволен ты мной?

Адрес Трапезникова Clemensstr<asse> 45[1] Gert<?>[19]. Ответил ли он тебе. Мне нет. Но он Григорову писал, что очень рад тебе и посылает тебе бланк. Моск<в>ичи предлагают тебе вступить в московское общ<ество> ант<ропософическое>. Тогда ты немецки<ми> платишь лишь 1 марку, а 2,50 рубля им. Спишись с ними, я забыла сумму.

Поцелуй маму от меня крепко. Мой адрес: Bei Frau Smits Haus Meer. 6 Ahornweg Post Osterath Düsseldorf Rheinland.*

Я устала безумно.

Желаю тебе радости, работы и огня.

Маргоря.

Еду завтра.[20]

Узнай у Быстрениной, какой результат нашей беседы. Я дала ей адрес Григорова и Викентьевых. Рогозинский глубоко трогателен.

Суббота.

[1] Датируется по упоминанию об отъезде из Москвы (см. ниже примеч. 20).

Письмо представляет собой вчетверо сложенный лист бумаги (письмо-«секретка», без почтовых штемпелей; отправлено, по-видимому, не по почте, а с оказией); на первом листе – надпись: Мак-

* У госпожи Смитс Хаус Меер Ахорнвег 6 Почтовое отделение Остерат Дюссельдорф Рейнская область *(нем.)*.

симилиану Александровичу Волошину Коктебель близь Феодосии Таврической губ<ернии>.

[2] Имеется в виду «разрешение» от Волошина, необходимое Сабашниковой для оформления заграничного паспорта. «Мар<гарита> Вас<ильевна> чувствует себя не очень хорошо, – сообщала А.Н. Иванова 20 октября 1913 г. в письме к А.М. Петровой, – но выходит и по-прежнему говорит без умолку. Отъезд ее задержался из-за паспорта, кот<орый> ей не выдают без разрешения мужа. И не знаю, когда конец будет этой истории» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 36, л. 5). Ср. также п. 466 и 474.

[3] Письмо Волошина, отправленное одновременно со «свидетельством», не сохранилось.

[4] Спектакль «Николай Ставрогин» (по роману Достоевского «Бесы») был поставлен осенью 1913 г. в Московском Художественном Театре (режиссер Вл.И. Немирович-Данченко; художник-оформитель М.В. Добужинский; роль Ставрогина исполнял В.И. Качалов). Премьера состоялась 23 октября 1913 г. Спектакль вызвал множество откликов в русской печати (см.: Ф.М. Достоевский и театр 1846–1977. Библиограф. указатель. Сост. С.В. Белов. Л.: ЛГИТМиК°, 1980. С. 29–38), в частности, – негативную реакцию М. Горького.

Вероятно, Сабашникова присутствовала на генеральной репетиции, состоявшейся 21 октября (по русскому стилю). «Началась в 7, кончилась в час ночи, – записал в своем дневнике А.Н. Бенуа. – <...> Судить о том, хорошо ли это или дурно, я не способен. <...> Но на публику, кажется, это произвело сильное, хотя не потрясающее впечатление. <...> Народу было – тьма» (*Бенуа А.* Дневник. 1908–1916. Воспоминания о русском балете. М.: Захаров, 2011. С. 177). В недатированной дневниковой записи, сделанной Сабашниковой спустя несколько месяцев, сказано: «Была на “Бесах” в Художественном театре. Лица из прежней жизни прошли перед глазами, постаревшие и оставшиеся там, где я их оставила, а меня выбросила волна в другое бытие. Я им кажусь мертвой, а они – мне. Бенуа спросил: “А Вы бросили живопись?” Бенуа олицетворяет современную художественную критику. С тех пор во сне он является как призрак утраченной славы, и после этих слов я просыпаюсь смятенной. “Года идут, а я ничего не сделала!”

Рядом со мной сидел Булгаков, представитель узкого православия; отвечала я Достоевскому всем сердцем. Да разве “Бесы” в одной революции? Бесы принимают маску церковников, ухватывают за слабое место простую душу. “Вам дорога старина...”, – говорят они и т.д. Про мою книгу Б<улгаков> сказал: “Написана с подъемом, но тайная пропаганда”. Кажется, довольно явная» (ОДГ). А.Н. Бенуа

принимал тогда близкое участие в работе МХТа (см. его полемический отклик на статью Горького: *Бенуа А.Н.* Дневник художника // Речь. 1913. № 267. 30 сент. С. 4); на постановку «Бесов» откликнулся и С.Н. Булгаков (см.: *Булгаков С.Н.* Русская трагедия. О «Бесах» Достоевского в связи с инсценировкой в Художественном театре // Русская Мысль. 1914. № 4. Отд. II. С. 1–26). О книге Сабашниковой см. примеч. 6 к п. 478.

[5] «Мы», т.е. антропософы. Под «Мусагетом» же Сабашникова подразумевает редакционный коллектив издательства и в первую очередь его идейного руководителя Э.К. Метнера, с которым в начале 1910-х гг. ее связывали дружеские отношения.

[6] Имеется в виду книга: Эллис. Vigilemus! М.: Мусагет, 1913. «Эллис, – рассказывала Сабашникова А.М. Петровой в письме (из Москвы) 17 октября 1913 г., – в исступлении написал книгу против Д<окто>ра – пасквиль с цитатами из циклов и т.д., а Мусагет втайне от нас (Белого, Петровского и меня) издал ее и на днях выпустит. Расскажите это Максу. Мне пишут, чтобы я боролась с Метнером. Один человек, будучи членом, тоже отходит и против; в его руках циклы. А тут еще Вяч<еслав> Ив<анов> собирает вокруг себя людей против ереси Д<окто>ра. Все, что Д<окто>р говорит, искажают. Ужасно тяжело это неистовство людей. <...> ...м<ожет> б<ыть>, придется навсегда порвать с людьми близкими, как Метнер и др.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 70–71). Письмо к А.М. Петровой написано под свежим впечатлением от встречи с Э.К. Метнером, отразившейся в записи последнего следующим образом:

«После обеда до 6 ч<асов> у Маргариты Васильевны, кот<орая> пригласила меня по телефону. Очень милая встреча. Опять поражен был изяществом ее натуры, аристократичною тихостью ее движений и голоса. Сначала о Бугаеве. Она пытается выгородить и извинить его. Верит мне безусловно. Никаких упрашиваний по поводу "Vigilemus" Эллиса. Встреча оставила очень приятное впечатление» (РГБ, ф. 167, карт. 25, ед. хр. 27, л. 12; копии дневниковых записей Э.К. Метнера, приобщенные к его письмам М.С. Шагинян; дата записи: 15–16–17 / 28–29–30 октября 1913 г.). Однако скандал вокруг книги Эллиса все же сказался на отношениях Метнера и Сабашниковой (с этого времени начинается их расхождение). «Тяжелые дни, – отмечает в своем дневнике Э.К. Метнер (дата записи: 23–28 октября / 5–10 ноября 1913 г.). – Вчера вечером (после массы телефонов) разговор у Рачинского о необходимости заседания по поводу брошюры Эллиса. На другой день (после утомительных бесед с Кожебаткиным, Ахрамовичем и Киселевым) вечером заседание. Перед заседанием неприятнейший разговор (после и по поводу непри-

ятнейшего письма) с Маргаритой В<асильевн>ой. Заехал к ней перед заседанием. Отказалась ехать на него: встретила больная; терзалась угрызениями совести, что обидела меня» (Там же, л. 13; упоминаются: Г.А. Рачинский, литератор и переводчик, член редакционного совета издательства «Мусагет»; А.М. Кожебаткин, издатель, секретарь «Мусагета» с апреля 1910 по декабрь 1912 г.; В.Ф. Ахрамович, литератор, секретарь «Мусагета» (номинально) с декабря 1912 по октябрь 1913 г.; Н.П. Киселев, секретарь «Мусагета» с октября 1913 г.).

Подробно об этом инциденте см.: *Лавров А.В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете» // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы. М.: Издательский центр РГГУ, 2014. С. 13–33.

[7] «Брошюра Льва скоро выйдет в “Мусагете”, – писал Волошину А.С. Петровский 9/22 ноября 1913 г. – В связи с ней – хотя и не из-за нее – Бугаев, Сизов и я вышли из “Мусагета”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 958, л. 1–2). Действительно, в ноябре 1913 г. антропософы Андрей Белый, М.И. Сизов и А.С. Петровский покинули «Мусагет».

[8] Речь идет о желании Волошина примкнуть к РАО, углубившемся осенью 1913 г. во время пребывания в Коктебеле Сабашниковой. В письме к ней Волошин, по-видимому, еще раз упомянул о своем намерении. «...Сейчас я почувствовал настоятельную необходимость вернуться в его <Штейнера> школу, – писал Волошин Ю.Л. Оболенской в письме от 21–25 октября (из Коктебеля). – Все это смутно назревало в течение лета и выявилось и определилось теперь, во время приезда Маргар<иты> Васильевны» (Т. 10 наст. изд. С. 47). Сабашникова гостила в Коктебеле с 23 сентября по 8 (?) октября (ст.ст.) 1913 г.; это было ее последнее пребывание в Коктебеле (см.: Труды и дни-1. С. 332, 333). «Очень обрадовало нас Ваше решение вступить в Антропософическое Общество, – писал Волошину А.С. Петровский 9/22 ноября 1913 г. – Вне его, право, дышать больше нечем и негде, и всякая работа неизбежно оказывается дилетантизмом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 958, л. 2). «Он <Волошин> тоже стал членом, – сообщала Сабашникова Л.Л. Квятковскому в ноябре-декабре 1913 г. (письмо не датировано), – будет жить всю зиму в Коктебеле, изучать язык и циклы» (цит. по копии, сделанной В.П. Купченко в декабре 1973 г. в Москве у Л.Л. Квятковского).

По поводу вступления в РАО Волошин в октябре 1913 г. обратился к Т.Г. Трапезникову. «Дорогой Макс Александрович, – отвечал ему Трапезников 28 октября 1913 г. (по новому стилю), – Твое письмо я получил, и, конечно, очень охотно буду Твоим поручителем. Посы-

лаю тебе устав Об<щест>ва, с которым прошу Тебя познакомиться до подписания бланка, который также прилагаю. Очень рад, что Ты решился вступиться в Антропософическое Об<щест>во. <...> Подписанный Тобой бланк Ты можешь или просто послать в Берлин на имя Frl. v<on> Sivers, или послать мне обратно, и я его тогда перешлю. То же самое можно сделать и со взносом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1190, л. 5–5 об.). «...Мой вопрос об вступлении в Антропософическое общество разрешился, – сообщал Волошин А.М. Петровой 26 октября / 8 ноября 1913 г.: – меня гарантирует Трапезников» (Т. 10 наст. изд. С. 56). Подписав бланк (заявление), Волошин отправил его Трапезникову. «Получил Твое письмо и бланк, – писал ему Трапезников 1/14 ноября 1913 г. – Можешь считать себя принятым в О<бщест>во. <...> С посылкой членского взноса не торопись – я все устрою. Если Тебе нужны будут циклы, то обращайся ко мне или прямо на Motzstr<asse>, 17. Я с большой радостью готов отвечать тебе на все Твои запросы и вопросы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1190, л. 6). И, наконец, 4 декабря 1913 г. открыткой из Мюнхена Трапезников подтверждал Волошину: «Открытку Твою и членский взнос получил» (Там же, л. 7). Позднее, в 1914 г., Трапезников прислал Волошину и членский билет (Там же, л. 14).

[9] В оригинале подчеркнуто двумя чертами.

[10] Цикл из шести лекций под названием «Оккультная история. Эзотерические наблюдения над кармической связью людей и событий в мировой истории» (GA 126) Штейнер читал в Штутгарте с 27 декабря 1910 по 1 января 1911 г. (русское изд. – М.: Дамаск, 2004).

[11] Мистерии Штейнера ни Волошин, ни Сабашникова, насколько известно, не переводили.

[12] В сентябре 1913 г., находясь в Льяне (Норвегия), Андрей Белый перевел фрагмент («вторую картину») первой мистерии Штейнера «У врат посвящения» (1910). «...Я перевожу отрывок из первой мистерии д-ра Штейнера», – сказано в его записях (Андрей Белый и антропософия-1. С. 355). Перевод впервые опубликован в 1995 г.; см.: *Штейнер Р.* У врат посвящения. Розенкрейцерская мистерия / Публ., примеч., послесл. С.В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69–73 (публикация осуществлена по тексту машинописи, хранящейся в Московской антропософской библиотеке им. М.В. Ломоносова).

[13] «Упчелила» – т.е. приобщила к антропософии. Ср. в недатированном письме Сабашниковой к А.М. Петровой: «А я по дороге из Венеции в Вену "упчелила" русского протоиерея, т.е. в ересь нашу обратила. Вот ухитрилась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 32; написано в Вене в апреле 1914 г.).

[14] Имеется в виду книга Штейнера «Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» («Theosophie. Einführung in übersinnliche Welterkenntnis und Menschenbestimmung»; GA 9), впервые изданная в Берлине в 1904 г. (вторично – в Лейпциге в 1908 г., в третий раз – в Лейпциге в 1910 г.). Книга многократно переиздавалась при жизни Штейнера, сопровождаясь авторскими доработками, новыми предисловиями и др. На русский язык ее перевела А.Р. Минцлова (см.: *Штейнер Р.* Θεοσοφία. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. Перевод со 2-го немецкого, исправленного и дополненного издания 1908 г. А.Р. Минцловой. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910). Посылая Волошину в Коктебель экземпляр «Теософии», Минцлова подчеркивала, что заглавие книги «было установлено – по желанию и воле Д<окто>ра» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 56; письмо от 18 апреля 1910 г.). Новейшие русские издания «Теософии»: Ереван: Ной, 1990; Калуга: Духовное познание, 1995; см. также: *Штейнер Р.* Порог духовного мира; Теософия: введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. Из летописи мира: афористические рассуждения. Пенза: Каталог, 1991.

[15] М.П. Кювилье.

[16] Известны два портрета Волошина, выполненные В.А. Рогозинским (оба находятся в ДМВ). Один из них относится предположительно к 1913 г.: 24 июля 1913 г. Ю.Л. Оболенская отметила в своем дневнике, что она, Рогозинский, Вьюшков и Нахман рисовали в этот день Волошина (приводится по выписке, сделанной В.П. Купченко); другой – также предположительно – к 1916 г.

[17] Л.А. Веснин.

[18] Тема Храма, возникающая и в дальнейших письмах Сабашниковой, была навеяна, с одной стороны, начавшемся в Дорнахе строительством Иоаннова Здания, с другой, – лекциями Штейнера того времени, посвященными архитектуре и ее связи с душевным миром человека в разные периоды его развития (см. об этом подробно в примеч. 17 к п. 482).

[19] Указан мюнхенский адрес Т.Г. Трапезникова.

[20] Сабашникова приехала в Москву из Мюнхена около 30 августа / 12 сентября 1913 г. Оттуда она отправилась в Крым, где провела около месяца: три дня в Феодосии у А.М. Петровой, несколько дней в имении Латри и, наконец, две недели в Коктебеле у Волошина (Летопись... С. 378). Уехала обратно в Германию 27 октября / 9 ноября 1913 г. «Она <Сабашникова> уехала неделю тому назад, в прошлое воскресенье, – писала А.Н. Иванова, провожавшая ее в Москве, А.М. Петровой 2/15 ноября 1913 г. – Последние дни она еле дви-

галась от усталости, т<ак> к<ак>, не умолкая, говорила с разными людьми и так, и по телефону. Теперь мы имеем от нее известие из Берлина, где она и пробудет некоторое время, т<ак> к<ак> туда приезжает Штейнер. К курсу ритмии <*sic!*> она совсем опоздала. Я Вам все пишу о М<аргарите> В<асильевне>, но, м<ожет> б<ыть>, попав на свободу, она сама Вам написала» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 36, л. 6–6 об.; ритмия, т.е. эвритмия). См. также п. 481.

481. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

13/26 ноября 1913 г. Хаус Меер

26 ноября 1913 г.

Милый Макс, мне очень радостно теперь думать о Коктебеле, о том, что ты в тишине работаешь. Я задержалась сперва в Москве, а потом в Берлине, чтобы слышать Д<окто>ра. Он говорил в Берлине на ту же тему, что в Христиании.[1] 5-ое Е<вангелие>[2]. А Белые[3] рассказали мне подробно о том, что было там. Это потрясающе.[4] Но писать в письме об этом совершенно невозможно. Об отношении J<esus'a> к еврейству, к язычеству, к исеям <*sic!*>[5]; о его безумном страдании, ибо «и дара нет тому, кто дар». О его беседе с матерью, с Крестителем, о крещении, об искушении люциферическом и ариманическом,[6] о роли Иуды[7] и т.д. Говорил Д<окто>р с трудом и мукой, вырывая из сердца каждое слово. Говорил сперва о страдании человека, потом о страдании Бога; беря крещение, как зачатие; крест – как рождение.

Говорить с Д<окто>ром я не могла; его разрывают.

Здесь в Haus Meer я всего лишь несколько дней.[8] По утрам часа 2½ мы танцуем (между другими танцует 18-тилетняя карлица, которая должна вырасти[9]). Lory Smits божественно красива; ее движения – музыка.[10] Жаль, что она так работает (дает уроки), что ей некогда позировать. Но богатейший матерьял для картин. Сейчас, пока на меня нашла спячка, так действуют танцы; но я высыпаюсь в надежде набраться сил.[11] Когда приду в себя, буду делать наброски и ряд композиций. Мы сейчас танцуем Hyperion<s> «Schicksalslied»,[12] где одна фигура посередине, а хор движется с двух сторон. Мы занима-

емся греческим языком и русским.[13] Lory пробует исполнять «Белые колокольчики» Соловьева[14] и «Пророка» Пушкина[15].

Быстренина очень милая, но несколько экзальтирована. Я ей оставила адрес Григорова и «Теософию»[16]; упчеляй ты ее. Напиши, писала ли она тебе о нашем разговоре, принесло ли это плоды? Оба брата Веснины и их друзья понравились мне чрезвычайно; я больше почувствовала Александра, как художника. Рогозинский ничего не ответил мне на мое письмо и предложение писать. Виделся ли ты с Ал<ександрой> Мих<айловной>. Прочел ли русскую лекцию[17] и Евангелие Иоанна;[18] и другой цикл моего перевода?

Посылаю тебе рождественское стихотворение Д<окто>ра.[19] Белый, проанализировав его, нашел, что ни одного звука нет случайного и лишнего, потому оно так просто.[20]

Целую маму и тебя. Работай, милый, будь радостен.

Поцелуй от меня маму.

Я нашла Майю[21] *очень* очаровательной. Послал ли тебе Трапезников словарь?[22] Он мне не писал. Занимайся получше немецким.

Здание в Дорнахе выросло до купола. Но не хватает денег, чтобы все было из нужного матерьяла. А это так важно. Откуда бы денег достать! Такой это трагизм.[23]

[1] С 1 по 6 октября 1913 г. (17–23 сентября по русскому стилю), Штейнер прочитал в Христиании цикл из пяти докладов под общим названием «Пятое Евангелие» (GA 148). Русское изд.: *Штейнер Р.* Пятое Евангелие. Из исследований хроники Акаша. М.: Новалис, 2009 (том содержит 18 лекций, прочитанных Штейнером в 1913–1914 гг.).

Тема «Пятого Евангелия» появляется в лекциях Штейнера после того, как в Дорнахе был заложен первый камень будущего Гетеанума (20 сентября 1913 г.). В этих лекциях Штейнер пытался путем «ясновидения» (ссылаясь на «Хроники Акаша», постичь или «прочесть» которые можно якобы лишь мистически) воссоздать те события жизни Христа, которые не отражены в четырех канонических евангелиях, главным образом его юношеские годы – от двенадцатилетнего возраста до крещения в Иордане. См. также примеч. 4 к п. 482 и п. 486.

[2] 22 октября / 4 ноября и 5/18 ноября 1913 г. Штейнер читал в Берлине (для членов Антропософского общества) лекции о «Пятом

Евангелии», в основном повторившие содержание курса в Христиании. Сабашникова, прибывшая в Берлин 4/17 ноября 1913 г., слышала, по всей вероятности, последнюю из этих лекций (и, видимо, несколько дальнейших, прочитанных Штейнером до его отъезда в Штутгарт 9/22 ноября). «В Берлине я много слышала Д<окто>ра, – сообщала Сабашникова в цитированном выше письме к А.М. Петровой (конец ноября – начало декабря 1913 г). – Но то, о чем он сейчас говорит, невозможно передавать в письме. Каждое слово он с болью вырывает из сердца, он *видит* в то время, когда говорит, то, что было, тот апогей страдания, кот<орый> был пережит сначала Иисусом, видевшим, что земля оставлена, и не знавшем, что в Нем спасение, а потом страдание Божества, нисходившего в смертную огран<иченную> плоть. Передавал разговор Иисуса с матерью, много о крещении, об отношении И<ису>са к другим язычник<ам>, к еврейству, к иесеям, об искушении; о состоянии апостолов до сошествия святого Духа. Доктор говорит, что его карма, тяжелая карма – рассказать это. Иногда он закрывает лицо руками и не может говорить дальше» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 72 об.; об иесеях см. ниже примеч. 5)

[3] Имеются в виду Андрей Белый и А.А. Тургенева.

[4] О своем пребывании в Христиании (и затем в Бергене и Копенгагене) и том огромном впечатлении, которое произвели на него лекции о «Пятом Евангелии», Андрей Белый подробно рассказал в мемуарной книге, посвященной Штейнеру, рассматривая этот цикл как переломный момент в своей духовной биографии. «В Христиании перетрясла тема, – писал Белый; – и то, что в ней вставало мне; но встряс и доктор, – по-новому вскрывшись» (*Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере. С. 334). О том же Белый пишет и в «Материале к биографии...»: «Впечатление этого курса до того огромно, что мы теряем голову; и – решаем: вся наша жизнь отныне должна принадлежать Обществу...» (Андрей Белый и антропософия-1. С. 355). См. подробно: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: Издательский центр РГГУ, 2006. С. 58–69.

[5] Имеются в виду ессеи (иессеи, иесеи) – религиозное течение, возникшее в Палестине вскоре после смерти Христа. Приверженцы этой общины проповедовали аскетизм и оккультное знание. Штейнер полагал, что Христос в своем внутреннем развитии стал одним из ессеев. Эту мысль он впервые пытался обосновать в своем бернском цикле 1910 г. (двенадцать докладов под общим заглавием «Евангелие от Матфея», прочитанных с 1 по 12 сентября 1910 г.; GA 123; рус. изд.: *Штайнер Р.* Евангелие от Матфея. М.: Новалис, 2001), в 4-й лекции

цикла, прочитанного в Христиании 22 сентября / 5 октября 1913 г., а также в лекции, прочитанной в Берлине 22 октября / 4 ноября 1913 г. (GA 148).

Пересказывая в письме к А.М. Петровой содержание одной из лекций Штейнера на тему «Пятого Евангелия», Сабашникова писала в частности: «Он <Иисус> бывал и у иесеев, секта праведных людей, готовящихся принять Мессию. Они жили в братстве. Иесей мог свободно брать из общей кассы и только не на свою семью, они жили в медитациях и были посвящаемыми. У них часто бывал Иисус, разговаривал с ними, и хотя он не был в их посвящении, многое они Ему доверяли. Там он встречался и беседовал с юношей, кот<орый> тоже бывал у иесеев, юноша, кот<орый> сознавал ту же брошенность человечества, как и Иисус, и они были как бы братья в страдании. Это был Иоанн Креститель. У иесеев был строгий устав, они соблюдали чистоту и не смешивались с внешним миром <...> И понял Иисус, что и иесеи на ложном пути...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 6–6 об.; письмо не датировано; доставлено из Мюнхена в Феодосию Л.К. Квятковским в марте 1914 г.).

[6] Люцифер и Ариман – демонические начала, олицетворяющие, по Штейнеру, двойную природу зла, тесно связанные между собой и сопутствующие друг другу. Люцифер пытается оторвать человека от Земли, внушает ему чувство гордыни, самоутверждения и превосходства, тогда как Ариман воздействует на интеллектуально-аналитические способности человека, направляя их в области материального мира. Отражая усилия человека постичь мир «на физическом плане», ариманическое проявляется в позитивистском мышлении, материализме, атеизме и т.д. С Ариманом связаны также социальные отношения человека, его зависимость от материальных благ (денег), страх (в частности, страх смерти). Люцифер и Ариман противостоят «Христову импульсу», устремленному в сверхчувственный мир. Их роль двойственна: активизируя в человеке душевные и интеллектуальные возможности, они в то же время приковывают его к «земному». Эти представления – важнейший элемент штейнеровской «христологии».

В лекциях, посвященных «Пятому Евангелию», Штейнер говорил о Люцифере и Аримане как о двух «искусителях» Христа: соблазны, предложенные первым из них, Христос смог отвергнуть, тогда как заданный Ариманом вопрос «Как превратить камни в хлеб?» остался без ответа (см.: *Steiner R.* Aus der Akasha-Forschung. Das Fünfte Evangelium. Achtzehn Vorträge, gehalten 1913 und 1914 in verschiedenen Städten. 5-te Aufl. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1992. S. 87–89; GA 148).

Люцифер и Ариман предстают в толковании Штейнера не столько «демонами» в конкретном обличье, сколько побудительными импульсами, необходимыми для развития человеческой природы. Это в особенности относится к Люциферу, который виделся Штейнеру некоей одушевляющей силой, способной воодушевить и «окрылить» человека, направить его к «высшим сферами». Не случайно еще в начале 1900-х гг., приступая к изданию собственного журнала, Штейнер дал ему название «Люцифер», т.е. «Светоносец» (см. примеч. 6 к п. 131). Впрочем, позднее этот образ подвергался у Штейнера существенному переосмыслению.

Излагая в цитированном выше письме к А.М. Петровой «Пятое Евангелие» Штейнера, Сабашникова рассказывала: «Он <Штейнер> говорил об искушении Люцифера, Духа познания и гордости. Христос победил в начале времен. Еще в период древнего солнца был некий светлый, сияющий и блещущий мудростью и гордый своею мудростью дух – правитель мира Венеры. Другой же – полный любви и смирения. Первый пронзал мир лучами своими, все постигая; другой открывал сердце свое, принимая мир в себя, отдаваясь миру; а что такое был мир в то время, вокруг солнца 12 мировых учителей, 12 мировых духов, 12 знаков Зодиака – звучали, каждый произносил свое слово; и все 12 слов заключающий мировые тайны в любви принял, услышал – тот смиренных Дух, и стали в нем они единой мировой тайной, и стал он властителем мира, Господом, Христос; а Люцифер гордый потерял свое царство и тоскует в нем, тоскует. Потому не мог искусить Люцифер Христа на земле, когда предлагал ему все царства мира. И тогда приступили к нему Люцифер и Ариман вместе, и оттого что были они вместе, уравновесились силы их, и Христос ответил им; но когда один Ариман предложил камни обратить в хлебы, ответил Христос: “Не хлебом единым жив человек”. Но на искушение Аримана вполне сможет Он ответить в конце времен, ибо нужно было Ему сперва умереть и соединиться с землей, с камнем, с минеральным, чтобы постепенно вся земля была насквозь проникнута Христом. Люцифера может единично каждый победить в душе, очищаясь от страстей. Ариман царствует в материи, в социальном устройстве, в хлебе насущном, *в деньгах*. И только когда *все* примут Христа, будет дан ответ Ариману, будет побеждено искушение Ариманово, будет освобожден Ариман. Потому послал Ариман Иуду, чтобы Христос через смерть соединился с землей и чтобы в грядущем причастились люди этой жертве и хлеб обратился в тело Христово. А потому вопрос Аримана еще открыт, и люди связаны деньгами, хлебом, социальным строем, голодом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1065, л. 8 об. – 9). См. также п. 483 (место, отмеченное примеч. 15 и 16).

[7] Предательство Иуды Штейнер объяснял (в лекции, прочитанной 5/18 ноября 1913 г.) как «необходимость», вызванную вмешательством Аримана, который якобы «вошел» в Иуду с тем, чтобы Христос мог осуществить свое предназначение (см.: *Steiner R.* Aus der Akasha-Forschung. Das Fünfte Evangelium. S. 150, 152). Вопроса о предательстве Иуды Штейнер касался и в лекциях, посвященных толкованию Евангелий.

«Хочу сообщить Вам тайну предательства Июды, – писала Сабашникова А.М. Петровой (письмо не датировано; судя по содержанию, – апрель 1913 г.). – Он был уверен, что Христос силен на земле. Он роптал, что Христос медлит прославиться на земле; так он Его любил и так не понимал. Его заговор был с целью показать силу Христа, ибо он был уверен, что И<исус> Х<ристос> своей магической силой победит врагов и восторжествует, и прославится, будет царит<ь>. Результат его действия был неожидан для него. Он – перевоплощения того Июды, о кот<ором> говорится в конце Библии. Там 12 братьев выступают на сцену. Эти 12 являются в Новом Завете. После своего предательства Христа в Палестине Июда опять воплотился и совершил второе предательство Христа. Он был ярым поборником Господствующей церкви и предал Риму тайны эзотерических братств.

Я написала Вам об этом (но это между нами); такой поцелуй Июды м<ожет> б<ыть> дан России от любящего ее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 57). Сабашникова пересказывает (приблизительно) слова Штейнера о ветхозаветном Иуде Маккавейском (см.: 1 кн. Маккав. I–IX), якобы перевоплотившемся впоследствии в Иуду Искариота, которому суждено было пройти через «испытание изменой»; Штейнер говорил об этом, в частности, в одной из лекций базельского цикла «Евангелие от Марка» («Das Markus-Evangelium»), прочитанного в сентябре 1912 г. (см.: GA 139. S. 44–45).

[8] В Хаус Меер под Дюссельдорфом Сабашникова провела бóльшую часть декабря 1913 г. «Маргоря пишет, что ей в Дюссельдорфе очень хорошо», – сообщала Волошину Е.Н. Гофман открыткой от 28 ноября / 11 декабря 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 449, л. 19).

[9] Ирена Хильферкус (1895–1980).

[10] «Маленькая Lory Smits – учительница наша в Eurythmia <*sic!*> – сама любовь и жертва, – восхищалась Сабашникова в своем письме к А.М. Петровой (ноябрь-декабрь 1913 г.). – Солнечная, гениальная, без всякого довольства собой, ничего нет в ней суетного, чистый сосуд Божий, работает как!» (ИРЛИ, ф. 542, оп. 5, ед. хр. 39, л. 72 об.)

[11] Эти сведения о Сабашниковой Волошин пересказал в письме к А.М. Петровой от 26 ноября / 9 декабря 1913 г. (Т. 10 наст. изд. С. 73).

[12] «Песня Судьбы» – стихотворение Гельдерлина, включенное им во второй том романа «Гиперион, или Отшельник в Греции» (1799). Русский перевод (В. Микушевича) см. в кн.: *Гельдерлин*. Сочинения. Сост. и вступ. статья Александра Дейча. Коммент. Г. Ратгауза. М., 1969. С. 414. Другой перевод (Е.И. Садовского) – в кн.: *Гельдерлин Ф.* Гиперион. Стихи. Письма; *Гонтар С.* Письма Диотимы / Изд. подготовила Н.Т. Беляева. М.: Наука, 1988. С. 233–234 («Литературные памятники»).

[13] Ср. в письме Сабашниковой к Л.Л. Квятковскому (ноябрь – декабрь 1913 г.): «...Здесь так много работы, мы танцуем, учимся вместе греческому, я учу их русскому, делаю наброски, портрет» (недатированное письмо, скопированное В.П. Купченко в собрании Л.Л. Квятковского).

[14] Стихотворение В.С. Соловьева (1899).

[15] Стихотворение А.С. Пушкина (1826).

[16] См. примеч. 14 к п. 480.

[17] О «русской лекции» Штейнера, прочитанной в Гельсингфорсе 29 марта / 11 апреля 1912 г., см. примеч. 11 к п. 478.

[18] См. примеч. 3 к п. 432.

[19] Р. Штейнер нередко облекал свои изречения, медитации, обращения к ушедшим и т.д. в стихотворную форму (используя свободный нерифмованный стих). В данном случае имеется в виду, скорее всего, семистрочное стихотворение Штейнера» «Рождественское настроение» («Weihe-Nacht-Stimmung) «Ich fühle mich wie entzaubert...» («Я чувствую, что сняты чары...») из сборника «Календарь души» («Seelenkalender») – под таким названием Штейнер издал в Мюнхене весной 1912 г. собрание медитативных изречений, соотнесенных с каждой неделей года (см. примеч. 11 к п. 478). Стихотворение предназначалось для четвертой недели декабря (38-ой, считая от праздника Пасхи).

См.: *Steiner R.* Wahrspruchsworte. Zusammenstellung und Herausgabe besorgten Edwin Froböse und Paul Jenny. 7-te Auflage. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1991. S. 26 (GA 40); рус. издание «Календаря души» – М.: Московский центр вальдорфской педагогики, 1992. См. также: *Хорнеман Д.* Душа с землею вместе дышит. О «Календаре души», составленном Рудольфом Штайнером. Пер. с нем. Б. Старостина. М.: Энигма, 2000. С. 105

[20] В архиве Волошина текст «рождественского стихотворения» не обнаружен. Вероятно, получив его от Сабашниковой, Волошин передал или переслал текст А.М. Петровой. Из ее письма к Волошину от 9–10 / 22–23 декабря 1913 г. явствует, что ей был известен не

только текст стихотворения, но и отзыв о нем Андрея Белого. «Ведь вот же ядовитая штука эта теософия, – писала А.М. Петрова, у которой интерес к современному оккультизму сочетался с глубокими сомнениями в "духовной науке" и самом Штейнере, – дохнуть не дает. Что хотите, говорите, а ведь в ледяшки превращает. <...> Доктор в искусстве – это какая-то каша. Это неприлично, т.е. его желание быть и в этих областях. <...> Никакой Белый не убедит меня, что стихи Доктора прекрасны. <...> У Доктора есть колоссальные знания, ясное сознание какой-то своей (их ?) цели (м<ожет> б<ыть>, и прекрасной, и верной), но *вдохновения* у него нет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 19).

В ноябре-декабре 1913 г. Андрей Белый высказывался о стихотворении Штейнера неоднократно. В письме к А.М. Петровой от 29 ноября / 12 декабря 1913 г. (из Мюнхена) Л.Л. Квятковский рассказывал: «Позавчера перед последней лекцией Доктора в мастерской у Маргариты Васильевны было собрание русских: Трапезников, Фридкина – киевлянка, Сидоров с женой – москвич, ассист<ент> Московс<кого> университета – эстетика, Андрей Белый с женой, молодой человек из Петербурга Белоцветов, профессор Московского унив<ерситета> Самсонов, Екатерина Александровна Ильина, Ольга Павловна Костычева, живущая с Марг<аритой> Васильевной; некая Нина Николаевна и я. Андрей Белый говорил о стихе Доктора и как не понимают этот прекрасный стих Рачинский и Э. Метнер, а также говорил о Религиозно-Ф<илософском> Общ<естве> в Москве, которое уже 12 лет говорит о благодати, но благодати в их лице нисколько не прибавилось; у них дух легкости "шумите, братцы, шумите", а у доктора разучаешься этому» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 40, л. 65 об.; упоминаются: Т.Г. Трапезников, Г.Г. (Генриетта Гинда) Фридкина, А.А. Сидоров и его жена Т.А. Буткевич, Андрей Белый и А.А. Тургенева, Н.Н. Белоцветов, Н.В. Самсонов, Г.А. Рачинский, Э.К. Метнер; Нина Николаевна – возможно, Н.Н. Богоявленская; «шумите, братцы, шумите» – парафраз известных слов Репетилова «Шумим, братец, шумим!» из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»).

[21] М.П. Кювилье.

[22] Исходя из контекста, можно понять, что речь идет о немецко-русском и/или русско-немецком словаре (возможно, словаре немецкого языка) – несколько таких изданий сохранились в библиотеке Волошина (см.: Мемориальная библиотека... № 984, 1528). С просьбой о словаре Волошин обратился к Трапезникову в октябре 1913 г. (видимо, в том же письме, в котором он просил Трапезникова быть его «гарантом»). «Относительно словаря я справлюсь как следует и вышлю Тебе», – отвечал ему Трапезников из Мюнхена 15/28 октября

1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1190, л. 5 об.). Словарь был отправлен в Коктебель через несколько дней (см.: Там же, л. 13; открытка от 21 октября / 3 ноября 1913 г, в оригинале ошибочно – 1914 г.).

[23] В конце 1913 – начале 1914 г. Сабашникова, воодушевленная начавшимся в Дорнахе строительством Иоаннова Здания, постоянно сообщала своим знакомым в России о положении дел, участии в них самого Штейнера, возникавших перипетиях и т.д. «...В Дорнахе идет работа, – писала она, например, А.М. Петровой (письмо не датировано; по содержанию – январь 1914 г.). – Каждый орнамент, каждая линия взяты из духовного откровения. На все тут же Доктором находится новая техника. "Этот храм спустился с неба, чтобы защитить нас", – говорит Доктор. Все модели он лепит сам Архитекторы рисуют их, увеличивают модель в дереве. Ежедневно 400 рабочих работают там. Уже один купол готов. Стекла в окнах будут выдалбливаться негативом и в связи с положением солнца на них, по рисункам Доктора, – тайны мировой эволюции, воплощений и смерти» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 37 об.).

482. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 30 ноября / 13 декабря 1913 г. Дюссельдорф[1]

Милый Макс, как я рада, что тебе так много дают циклы.[2] Какая жизнь открывается для тебя! Я советую тебе заняться и грамматикой. Она только детям скучна. На самом деле, немецкая грамматика очень интересна, и без нее нельзя обойтись, иначе получатся вечные пробелы; напр<имер>, глаголы dürfen, sollen, müssen и т.д.[3] Нет ли в Феодосии немца, кот<орый> мог бы тебе помочь? Книги вышлю, как только буду в городе. Это мой подарок. Через три дня мы все едем на 4 дня в Кельн, где будут лекции Д<окто>ра,[4] между прочим, будет вечер, посвященный Бетховену. Он читает о нем лекцию;[5] а мы будем танцевать часть VII Симфонии[6] и еще одну вещь, а также в евритмии[7] передавать главу из Евангелия от Луки. Рождество. Посреди рассказчик, а вокруг хор. В Бетховене мы делаем εὐοῖ*[8]. Это потрясающе. В «Polonaise»** Бетховена[9] я танцую, ударяя в кимвалы.[10]

* Эвоэ! *(греч.)*.

** Полька, польский танец *(фр.)*

Мы учимся греческому языку, п<отому> ч<то> только в евритмии можно правильно изобразить хоры и трагедии.[11] Я видела недавно «Ефигению» <*sic!*> Гете.[12] Меня потрясла эта вещь, как ничто, несмотря на плохое исполнение, но, проникая и eurythmi'ей, начинаешь совершенно по-иному чувствовать стихи. Я по-иному вижу и рисую тело. Тут я начала очень большой портрет, но дама уезжает, а он на полдороге.[13] *Кадетство*[14] моей живописи убивает меня. Я должна отбросить все старые привычки и пуститься вовсю, не липнуть на натуре, а работать свободнее; так работать смогу только в январе после генерального собрания в мюнхенской мастерской,[15] а пока буду набираться движений. Эвритмия даже к природе меняет чувства; понимаешь жест дерева, облака; и это не антропоморфизм, наоборот человек через танец выходит в космос, становится над человеческим.

Когда будет побольше времени, напишу тебе все о храме.[16] Пока – готика – Bewußtseinsseele* (равновесие, Verstandesseele**, в Греции), все устремлено к высшему «я», громоздится вверх.[17]

Меня заботит Людвиг. Школа, куда он попал, оказалась неудачной, слишком технической; он теряет время и не знает, что ему делать.[18] Я считаю, что самое лучшее ему работать в Крыму летом и в школе живописи зимой. Что делать с ним? Я пишу Ал<ександре> Мих<айлов>не.[19]

Он был у Д<окто>ра, получил медитацию.[20]

До свиданья, милый Макс. Эскиз я тебе позднее пошлю. Цикл гельсингфорский[21] я раз 5 читала и могла бы читать еще столько же, сколько в нем. Подлизывайся к Лиле, у нее много циклов.

Адрес мой: *Post Osterath* Rheinland Haus Meer[22] Ahornweg 6 bei Smits.***[23]

---

* Сознательная душа *(нем.)*.

** Рассудочная душа *(нем.)*

*** Почтовое отделение Остерат, Рейнская область, Хаус Меер, Ахорнвег 6, для Смитс *(нем.)*

[1] Датируется по упоминанию о лекциях Штейнера в Кельне.

[2] Имеются в виду лекционные циклы Штейнера.

[3] Сабашникова называет немецкие модальные глаголы, выражающие возможность и долженствование.

[4] 4/17–5/18 декабря 1913 г. Штейнер прочитал в Кельне несколько докладов, озаглавленных «Мистерии Голгофы». В 1923 г. эти тексты, объединенные с другими лекциями на тему «Пятого Евангелия» (ср. примеч. 1 и 2 к п. 481), прочитанными в Христиании и других городах, были выпущены отдельным изданием (единственная прижизненная публикация докладов Штейнера; см.: GA 148).

[5] Специальной лекции, посвященной Бетховену, Штейнер в Кельне не читал (см.: *Schmidt H.* Das Vortragswerk Rudolf Steiners. Verzeichnis der von Rudolf Steiner gehaltenen Vorträge, Ansprachen, Kurse und Zyklen. S. 206).

[6] Седьмая симфония Бетховена (A-dur, op. 92), была написана в 1811–1812 гг., впервые исполнена в 1813 г.

[7] Эвритмия (*греч.* εὐρυθμία – гармоничность, соразмерность, слаженность) – система пластических движений, разработанная Штейнером в начале 1910-х гг. и представляющая собой свободное сочетание танца и пантомимы с поэтической речью и музыкой.

[8] Эвоэ! – вакхический возглас.

[9] Имеется в виду Полонез C-dur для фортепьяно (op. 89), созданный Бетховеном в 1814 г. и посвященный российской императрице Екатерине Алексеевне (супруге Александра I).

[10] «Бетховенский» вечер в Кельне состоялся 5/18 декабря 1913 г. и представлял собой эвритмическое представление «Песни Судьбы» Гельдерлина, рождественской истории (по Евангелию от Луки) и аллегретто из Седьмой симфонии Бетховена. Исполнительницами были: Татьяна Киселева, Маргарита Сабашникова, Наталья фон Папов, Элизабет Дольфус, Элеонора (Лори) Майер-Смитс, Эрна Вольфрам и Эдит Рёрле (Chronik. S. 341).

[11] Ср. в цитированном письме Сабашниковой к А.М. Петровой, написанном во время ее пребывания у Лори Майер-Смитс (т.е. конец ноября – начало декабря 1913 г.): «Мы занимаемся по-русски с Lory, чтобы она могла танцевать русские стихи, греческим, п<отому> ч<то> только при этом ключе, т.е. при eurythmia, становится ясно, чем были и должны были быть греческие хоры и трагедии» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 72 об.).

[12] Имеется в виду драма Гете «Ифигения в Тавриде» (1776, 1786); первая редакция драмы была написана прозой, вторая – стихами.

[13] О каком именно портрете идет речь, неясно. «Я пишу одну артистку во весь рост. Картина в два метра», – сообщала Сабашни-

кова А.М. Петровой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 72 об.; недатированное письмо от ноября-декабря 1913 г.).

[14] «Кадетство» означает в данном контексте несовершеннолетие, незрелость (от *фр.* cadet – малолетний, младший).

[15] Второе генеральное собрание Антропософского общества, состоявшееся в Берлине 5/18 – 10/23 января 1914 г.

[16] Имеется в виду Иоанново Здание – антропософский «храм», который первоначально предполагалось возвести в Мюнхене, однако в феврале 1913 г., по решению местных властей, строительство было остановлено. После этого Штейнеру и его соратникам удалось приобрести земельный участок в Дорнахе (Швейцария), где 20 сентября 1913 г. и был заложен будущий «Гетеанум».

[17] Нетрудно предположить, что, встретившись осенью 1913 г. в Крыму, Сабашникова и Волошин живо обсуждали начавшееся строительство «храма». По-видимому, Сабашникова обещала Волошину прислать ему выписки из лекций Штейнера, посвященных архитектуре, что вскоре и выполнила (см. примеч. 2 к п. 484).

Исходя из представления о трехчленной природе человека (тело – душа – дух), Штейнер выстроил семиуровневую структуру его духовной эволюции (физическое тело – эфирное тело – астральное тело – Я – Самодух или Манас – Жизнедух – Духочеловек) и выделял при этом – в отношении трех первых уровней – соответственные формы души: сознательную (Bewußtseinsseele) в физическом теле, рассудочную (Verstandesseele) или душу характера (Gemütsseele) в эфирном теле и ощущающую (Empfindungsseele) – в астральном. Развитие каждой из этих форм Штейнер связывал с теософским учением о «культурных циклах»: ощущающая душа сформировалась, по Штейнеру, в египетско-вавилонскую эпоху (2907–747 до н.э.), рассудочная – в греко-латинскую (747 до н.э. – 1413 н.э.), тогда как сознательная душа характерна, полагал Штейнер, для современной «послеантлантической» эпохи, которая должна завершиться в 3573 г.

Эти взгляды, ранее изложенные в книгах «Теософия» и «Очерк тайноведения» (см. примеч. 14 к п. 480 и примеч. 17 к п. 483), Штейнер уточнил в своей лекции («Первоисток архитектуры из душевного начала человека и ее взаимосвязь с ходом развития человечества»), прочитанной в Берлине 5 февраля 1913 г. на 2-м генеральном собрании Союза Иоаннова Здания. Подчеркивая, что «человек это храм души», Штейнер намечал в современной эпохе возможность перехода от душевного к духовному, от сознательной души к Самодуху или Манасу. Вдохновляющим стимулом этого развития должно было служить Иоанново Здание – образец «новой архитектуры», антропософский Храм, в котором, по замыслу Штейнера, должно

быть «преодолено» все материальное. «...В новом здании, – говорил Штейнер, – мы придадим формам, декору, живописи такой облик, что стены будут "пробиты", а через краски и формы будут ощущать, несмотря на замкнутость, как духовно-душевный взгляд распространяется в мировые дали. Как в пирамиды вносились пропорции Космоса, так и тому, что мы могли пережить благодаря антропософии, теософии, мы создадим соответствующие формы, краски, придадим силуэт, облик; чтобы благодаря тому, что мы создаем на стене и "наколдовываем" стене, можно было пережить, что стена как таковая "размывается", исчезает, и можно пережить замкнутость так, что мы повсюду могли бы ощущать иллюзию: это расширяется наружу, в Космос, подобному тому, как душа сознательная, когда она входит в Самодух, из простого человеческого вживается в духовное» (см. в кн.: *Steiner R.* Wege zu einem neuen Baustil. «Und der Bau wird Mensch». Acht Vorträge... Dornach: Rudolf Steiner Nachlass-Verwaltung, 1982; GA 286). Русский перевод: *Штейнер Р.* Пути к новому архитектурному стилю. «И Здание становится человеком». Восемь лекций, прочитанных в Берлине и Дорнахе между 12 декабря 1911 года и 26 июля 1914 года. Пер. с нем. и редакция О.Г. Прониной. М.: Новалс, 2008. С. 45).

Сабашникова присутствовала на этой лекции и была глубоко захвачена ее пафосом. В ее дневнике (февраль 1913 г.) отмечено: «Потом еще лекция о "Храме". Храм эфир<ный> – пещерный. Храм Gemütsseele, Verstandesseele – греческий, Bewußtseinsseele – готика. Храм, исходящий в мир, раскрывающийся в макрокосме – наш. Надо было его <Штейнера> видеть. Он был сам живой храм. Он строил его своими движениями. Токи сил» (ОДГ).

Посетив в конце февраля 1913 г. средневековый Вильберг в Рейнской провинции (ныне – земля Северный Рейн-Вестфалия), Сабашникова записывает в дневнике 3 марта 1913 г.: «В Вильберге всей душой принимала красоту. Городок в горах как группа кристаллов. Дома органично вырастают друг из друга, сплоченные. Как этот город средних веков в Германии выражает дух Bewußtseinsseele. Все символично, и речка, огибающая гору с замком, и мельница» (Там же).

В мемуарной книге Сабашникова упоминает о попытках Штейнера «построить здание, архитектура которого соответствовала бы духу мистерий нашей эпохи» (Зеленая Змея. С. 224). Воплощением такого здания и должен был служить «храм» в Дорнахе. «Ничто в этом здании, – пишет Сабашникова, – не было изображением уже сотворенного, все было как бы новым творением из предвечного Слова» (Там же. С. 240). См. также п. 489, 491, 493 и др.

[18] В конце марта (по русскому стилю) 1913 года Людвиг Квятковский отправился, по настоянию Сабашниковой, в Мюнхен, где первое время работал в мастерской Ф. Хасса (1864–1930) – живописца, иллюстратора и фотографа, связанного в 1909–1912 гг. с мюнхенскими теософами. «Работаю в мастерской от 9 до 12 и 2–5. Газ объясняет прекрасно. Вечером занимаюсь дома», – сообщал Квятковский А.М. Петровой 30 марта / 12 апреля 1913 г. о своих первых днях в Мюнхене (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 40, л. 49 об.; Газ – Ф. Хасс). О том же Людвиг писал и Волошину спустя месяц (письмо от 28 апреля / 11 мая 1913 г.): «Работаю в частной мастерской, каждый день 6 часов. Стараюсь в каждую линию вдуматься и тогда ее проводить. Почувствовать тело как связку сил, линиями передать движение. Вечером обыкновенно занимаюсь дома» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 635, л. 1). Позднее Квятковский держал (и выдержал) экзамен в мюнхенскую Школу прикладного искусства (Kunstgewerbeschule). «Людвиг поступил в ремесл<енную> худ<ожественную школу>, – рассказывала Сабашникова А.М. Петровой в ноябре 1913 г., – и опять недоволен. Но пусть уже что-нибудь кончит! Я буду посылать ему больше денег, чтобы он, наряду с этой школой, работал в мастерской Holosy <*sic!*>. Но вот будет ли он ходить туда. Не знаю, что и придумать для него. Ведь за школу за год вперед уплачено» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 72; письмо без даты; датируется по содержанию; упоминается венгерский художник Шимон Холлоши (1857–1918), руководитель художественной школы в Мюнхене). «В этой школе я изучаю "Glasmalerei" (живопись по стеклу. – *нем.*) и керамику и еще рисую с натуры», – писал Квятковский А.М. Петровой в письме от 20 октября / 2 ноября 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 40, л. 63).

Пребывание Л. Квятковского в Школе прикладного искусства оказалось недолгим (см. об этом подробно в примеч. 24 к п. 483).

[19] Вероятно, имеется в виду недатированное письмо (ноябрь-декабрь 1913 г.), цитированное в примеч. 2 и 4 к п. 481 и примеч. 11, 13 и 18 к наст. письму.

[20] «Медитация» состоялась после публичной лекции Штейнера «Духоведение и духовный мир», прочитанной в Мюнхене 24 ноября / 7 декабря 1913 г. (Квятковский присутствовал также на второй мюнхенской лекции Штейнера из цикла «Теософия и антисофия», прочитанной для членов Антропософского Общества 26 ноября / 9 декабря). Сообщая 29 ноября / 12 декабря А.М. Петровой о содержании обеих лекций, Квятковский писал:

«В конце первой лекции я подошел к Доктору с волнением и трепетом и сказал о себе. Он записал МНЕ медитацию, сказав, как

медитировать. Затем я показал ему некоторые из своих работ, ранних и самых последних, и вот что он сказал мне: "Он хочет быть художником, пусть будет им. У него есть данные создать дельное. Пусть он занимается *светом* и *красками*, внутреннею жизнью красок. К свету и внутренней жизни красок современные художники не подходят. Пусть вживается во внутреннюю жизнь красок. Пусть он от этого не боится утратить реальную форму. Работает, не пользуясь палитрой, а прямо из горшка с краской. Вживается в краски, так, например: смотря на синюю краску, чтобы он чувствовал, что действует в ней. Пусть не теряет бодрости и мужества, потому что я вижу, он может создать дельное"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 40, л. 65–65 об.). См. об этом также примеч. 11 к п. 487.

[21] О гельсингфорском курсе Штейнера см. примеч. 2 к п. 478.

[22] Хаус Меер (ныне – Меербуш) – селение (ныне – город) в земле Северный Рейн – Вестфалия.

[23] По этому адресу семья Смитс жила с 1910 г. «Семья Smits такая гармоничная, – сообщала Сабашникова А.М. Петровой (ноябрь 1913 г.). – Мать – вдова, тетка и четыре дочери, маленькой 9 лет, в доме еще живет несколько посторонних для Eurythmie. Каждое утро с 10 ч<асов> до 12 мы работаем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 72).

1914

483. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Между 2/15 января 1914 г. Берлин
и 20 января / 2 февраля 1914 г. Мюнхен[1]

Милый Макс, спасибо за письмо[2] и за книгу.[3] Книгу я читала с удовольствием. Факты интересны. (Но зачем ты делаешь интимные надписи на книге?! Это не письмо. Пришлось, прости, вырвать заглавную страничку.[4]) «Farbenlehre»*[5] я не нашла в маленьком издании, да она и трудна для чтения. Я рада, что ты так продуктивно живешь в Коктебеле. Главное, одолей немецкий язык, и откроются для тебя такие сокровища у Д<окто>ра, у Гете, у Германа Грима <*sic!*>.....[6]

Пишу тебе из Берлина, куда приехала вчера. Eurythmia – дар Богов людям. Я все больше и больше понимаю, что она несет земле. Что касается лично для меня, то я ее беру, как путь в живописи и ключ к поэзии, сама я дать в танце что-либо не могу. У меня нет данных для этого, ибо здесь мало одной грации, легкости и понимания. Вот у Lory Смитс – дар. Вокруг ее жеста – сила; все цветет и светится.[7] Она будет танцевать на генер<альном> собрании[8] «Пророка» Пушкина.[9] Кроме разных вещей вместе, мы втроем, Lory, еще одна такая же юная, как она, и красивая девушка[10] и я – исполняем из последней части последней главы «Фауста» хор кающихся, сперва вместе, а потом по очереди, Lisly[11] – Марию Магдалину, Magna – Peccatrix**, я – самаритянку, Lory – Мар<ию> Египетскую. Потом опять все вместе, потом является прелестная Гретхен.

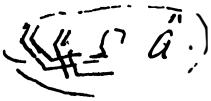
---

* «Теория цвета» *(нем.)*

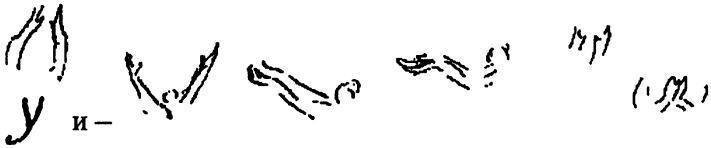
** Великая грешница *(лат.)*.

Прочти это место, кот<орое> начинается: «Du schwebst zur Höhe der Ewigen Reiche, vernimm das Flehen, du ohne gleiche, du Gnadenreiche»*[12]

Писать о жесте каждого звука гласн<ого> и соглас<ного> трудно, п<отому> ч<то> они полны оттенков. Гласные – это реакция на внутреннее, согласные – на внешнее. A Abwehr** – защита ладонями наружу. Надо почувствовать это изнутри. E – изумление, благословение, отвращение, восхищение

Здесь скрещиваются 2 силы, и это материя. 

O любовное приятие, объятие.

U и – 

Движение рук и даже всего тела кверху. Углубление бытия. Знаменитая статуя «Мальчик, молящийся солнцу»[13] – типичное ü. Соприкосновение внешней стороны рук, прохождение одного мимо другого.

Ei – поворот всего тела, отклоненного назад, вбок или вперед: чувство «wie Liebe»***[14]

* Ты воспаряешь ввысь к Вечным Царствам, услышь моленье, ты бесподобная, ты милостивая» *(нем.)*

** Защита *(нем.)*.

*** Как любовь *(нем.)*

О согласных невозможно писать.

Когда у меня будет больше времени, я приведу свои записки в порядок, сделаю рисунки и пошлю тебе. Форма для мысли прямолинейна

Для чувства – . Для воли – и т. д.

Основные положения головы: склоненная – мысль, поднятая – чувство. Прямая – воля.

Нужно звук или жест почувствовать сперва в своем эфирном теле.

Об отношении Люцифера и Аримана больше всего сказано в цикле: «Wie Karma wirkt»*[15]. Люцифер царствует в мире душевном, Ариман – в материи и в мысли. Преображенный Люцифер – красота, Ариман – сила, крепость. Во времена древнего Солнца Люцифер был властителем Венеры, духом, сияющим мудростью, и гордый своим светом. Тогда от 12 Учителей Духов 12 Зодиаков прозвучали мировые слова; Люцифер гордый был полон собой, пронзал светом слова; но был другой, в смирении отдававшийся миру и принявший в самозабвении эти слова. Люцифер потерял свое царство, а Тот, ставший носителем единого мирового Слова и Тайны, стал царем вселенной – Христос. Люцифер вечно тоскует, томится и страстно горит. Он может жить только через других, через нас, в нашем астральном; и мы должны освободить его, преобразив страсть, он станет Духом Святым чер<ез> Христа в нас. «Я» из центра просветит астральное.[16]

Если ты будешь читать Geheimwissenschaft**,[17] то многое из него узнаешь.

Жаль, что тебе приходится писать книгу о готике теперь.[18] Только с помощью оккультных знаний, иммагинат[19] можно

* «Как действует Карма» *(нем.)*.

** Тайноведение *(нем.)*.

понять символику того искусства. Мне только недавно, напр<имер>, стало ясно отношение дракона и слона, огня и воды. В Кельне я была поражена собором.[20] Камень стал легким духом и уходит в небо. Жаль, что ты должен спешить с книгой. Любимов говорил мне с восторгом об одной книге: «Дух готики». Немецкой.[21] Послать ее тебе?

Людвиг оставил школу[22]; там не давали знаний материяла, а лишь механической работы, он говорил, что теряет время. Я прибавила денег и хотела, чтобы он работал у известного Hollósy; но узнала, что он ни в какую мастерскую ходить не хочет, а работает частно у Штюкгольда и в восторге от его советов.[23] Меня это тревожит. Мне он написал предерзкое письмо, и я решила не писать ему, а поговорить. Быть может, он прав, избегая школ; б<ыть> м<ожет>, я для него хочу рутины, но до сих пор я не видала у него работы и боюсь за него.[24]

В Кельне Д<окто>р рассказывал о Иисусе Христе;[25] его слова теперь звучат библейски, эпически, он передает то, что видит и слышит. При этом то, что он, передавая, это переживает, так его самого потрясает, что страшно, что присутствуешь при мировой мистерии.

Пересылаю письмо ко мне Белого.[26] Тема этого цикла будет «Космическая и человеческая мысль».[27]

Что это А<лександра> М<ихайловна> мне не пишет? Я ей послала заказным письмо,[28] и нет ответа. Привет ей и Богаевским. Желаю всем вам, чтобы этот год был творческим и светлым.

М. С.

Лиля Эфрон написала мне, прося письмо к Джунковскому[29], и не рассчитала, что я получу письмо ее, когда ее не будет уже в С<анкт>-П<етербурге>. Но я все равно не могла бы дать письма.[30]

Завтра увижу Е.И. Васильеву.[31]

Спасибо, Макс, за твою книгу![32] Прочту с интересом.

<*Приписка карандашом*:> Милый Макс, вот много дней, как написано это письмо, но не успеваю отослать. Сидим в собрании от 10 ч<асов> утра до 11 вечера безвыходно. Лекции грандиозны. Сижу с Лилей рядом, но, в сущности, совсем не видимся. Она уезжает сегодня в С<анкт>-П<етербур>г. Всего хорошего, милый Макс.

<*Приписка на последнем листе*:> Еще неделю не отсылала письма. Пишу из Мюнхена. 1<-го> апреля еду в Дорнах на работу.

Беда с Людвигом; ходит учиться к Штюкгольду; я ничего *не понимаю*, что они делают. Надо его вернуть в Россию в школу; он очень обленился.[33]

[1] Письмо было написано в Берлине; приписка карандашом сделана спустя 17 дней в Мюнхене, откуда письмо и было отправлено. Датируется в связи с упоминанием о предстоящем генеральном собрании Антропософского общества, цикле Штейнера «Человеческая и космическая мысль» и отъезде Е.И. Васильевой в Россию (11/24 января 1914 г.). Волошин получил это письмо в Коктебеле 26 января / 8 февраля 1914 г. (см.: Т. 10 наст. изд. С. 156 и 160).

[2] Это несохранившееся письмо Волошина было послано одновременно с книгой «Лики творчества», т.е. в последние дни декабря 1913 г. – первые дни января 1914 г. и содержало, несомненно, поздравления к Рождеству и Новому году.

[3] Книга Волошина «Лики творчества» (Книга первая. СПб.: издание «Аполлона», 1914) вышла в Петербурге около 20 декабря 1913 г.

[4] Речь идет, видимо, о дарственной надписи Волошина на экземпляре «Ликов творчества», отправленном Сабашниковой.

[5] Точное название трактата Гёте «Zur Farbenlehre...» («К учению о цвете» или «К теории цвета») (см. примеч. 10 к п. 407).

[6] Внимание Сабашниковой к трудам Гримма, прежде всего к его работам о Гёте, привлек, несомненно, Штейнер. На смерть Г. Гримма Штейнер отозвался некрологом. «Я часто вспоминаю прекрасные часы, которые мне довелось провести с ним в Веймаре, – писал Штейнер. – <...> Его книга о Гёте – это исторический документ, каких мало на свете. <...> Сколько бы еще ни было сказано о Гёте, ничто не сможет превзойти книгу Гримма» (цит. по: *Steiner R.* Methodische Grundlagen der Anthroposophie. Gesammelte Aufsätze zur

Philosophie, Naturwissenschaft, Ästhetik und Seelenkunde 1884–1901. S. 470–471; GA 30). Штейнер вспоминает о Гримме и в автобиографии: «С тех пор как я прочитал в Вене его книгу о Гете, во мне жила глубокая симпатия к роду его духовности. <...> Герман Гримм обладал особым даром обозревать большие и малые эпохи духовной истории. <...> Он весь был откровением единого, цельного стиля. Он не позволял себе никакой небрежности устной речи, он чувствовал, что в литературно-художественном изложении нужно оставаться тем же человеком, каким являешься в повседневной жизни» (*Штайнер Р.* Мой жизненный путь. Незавершенная автобиография, изданная Марией Штайнер в 1925 году. Пер. с нем. М.О. Оганесяна М : Evidentis, 2002. С. 155–156). Штейнер неоднократно упоминал о Г. Гримме и в своих лекциях.

Согласно записи в дневнике Сабашниковой от 23 мая / 5 июня 1908 г. (ОДГ), она читала тогда книгу Г. Гримма о Микеланджело, впервые напечатанную в 1868 г. и не раз переиздававшуюся (рус. пер. – СПб., 1913). Можно предположить, что она была знакома и с книгой Гримма «Гете в Италии» (1859).

В библиотеке Волошина (ДМВ) книги Г. Гримма отсутствуют.

[7] Точно так же воспринимал Л. Смитс осенью 1913 г. и Андрей Белый, восторженно отзывавшийся о ней в письме к Н.А. Поццо от 16/29 сентября 1913 г. (из Льяна): «Еще о Смитс. Сама она чистый, неиспорченный ребенок (19 лет); оттого *пока еще* все у нее *Божьей милостью*; в Дюссельдорф (к ней) поедет учиться Марг<арита> Васильев<на>, которая задружила с ней, Киселева (помнишь), и вообще к ней будут тянуться русские-модерн, обнаруживающие, как кажется, особые способности к танцам. И тут – я побаиваюсь за Смитс: она может, русифицируясь, декадентизироваться; и тогда пропадет *детское* в ней и *Божьей Милостью*; вместо этого может оказаться жест; пока же всякая ее интерпретация согласных и гласных прямо-таки *открытие*, но все *неизвестно почему*, точно прямо *упавшее* из иного мира; Доктор мог дать лишь общие указания, а развитие, конкретизация, детализация принадлежит ей; и вот то, что принадлежит *ей*, пока что совершенно чудесно и совершенно подлинно». В другом месте того же письма Андрей Белый сообщает, что Штейнер задал ей (Л. Смитс) «протанцевать русское стихотворение» и что у него (Белого) был по этому поводу с Л. Смитс «длинный разговор» (ОДГ; фрагмент письма любезно сообщен шведским славистом М. Юнгреном; упоминается русская эвримистка Т.В. Киселева (1881–1970), сыгравшая впоследствии заметную роль в развитии эвритмического искусства XX в.).

[8] См. примеч. 15 к п. 482.

[9] См. примеч. 15 к п. 481.

[10] Третьей исполнительницей была Элизабет (Лизли) Дольфус.

[11] Лисли – сокращенное от Элизабет.

[12] Эти слова (Сабашникова воспроизводит их не вполне точно) произносит, обращаясь к Богоматери, хор кающихся грешниц в заключительной сцене «Фауста». В переводе Н.А. Холодковского:

Ты в горние селения
Паришь, благословенная!
Горячие моления
Услышь, о несравненная,
Источник всепрощения!

(*Гете И.В.* Собр. соч.: В 13 т. Юбилейное издание. Т. V. Фауст. Перевод Н.А. Холодковского. Предисл. и примеч. Н.Н. Вильям-Вильмонта. М.: ОГИЗ – Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 552).

[13] Общепринятое название бронзовой статуи в Берлинском музее; приписывается одному из сыновей или учеников Лисиппа.

[14] Для эвритмических упражнений Штейнер разработал в начале 1910-х гг. систему звуковых соответствий: каждое движение в танце передавалось определенным звуком (гласным, согласным или дифтонгом). Л. Майер-Смитс вспоминала: «В тот первый вечер (понедельник 16 сентября 1912 года) Рудольф Штейнер сразу же <...> углубился в самую сокровенную область эвритмии: гласные звуки. “Вы должны воспитать в себе тонкое, дифференцированное восприятие отдельных звуков. А для этого вы должны научиться управлять вашим сердцем – дать ему возможность подняться в голову”. Он не говорил: “Этот звук означает защиту, другой – удивление, а третий – восхищение”; он говорил так: “Научитесь воспринимать А как защиту, поднимая вверх согнутые руки, Е – как скрещение (пускай условное) отдельных частей тела, I – как потягивание, О – как любую замкнутую в себе округленность, U – как любое устремление вверх, которое может быть серьезно выражено широким движением руки, человечески же – прыжком. Ei – это каждое движение тела” и так далее» (Erinnerungen... S. 112–113).

Об этой стороне эвритмического искусства Сабашникова писала А.М. Петровой в середине 1913 г. из Мюнхена (предположительно в июне): «Теперь жизнь особенно полна и значительна. Идут репетиции мистерии. Я, к счастью, могу присутствовать, п<отому> ч<то> исполняю танец сильф. Какая это школа – видеть эту общую отрешенную от личного работу. Как глубоко художественно все. Кроме того, одна 18-летняя девушка, которую Д<октор> научил рит-

мике, дает нам уроки. Это возрождение древних храмовых танцев. Каждая гласная и согласная слова отвечается <*sic!*> оккультно жесту; каждую молитву или истинное стихотворение можно перевести в танец, и когда начинаешь сливать отдельные звуки и неожиданно создаешь магической красоты танец, – понимаешь по-иному слово и жест, страшно и чу́дно. Это священное искусство. Я пробую русские стихи, но в русском языке нет еще той магии, как в немецком, это язык будущего, только молитвы звучат верно и по-русски. Это только начало, а какие возможности открываются... Особенно для композиции в живописи и для стихов. Точно новое чувство привито или, скорее, снова воскрешено во мне. А это только еще начало» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 60– 60 об.).

[15] «Как действует Карма» – статья Штейнера, впервые напечатанная в журнале «Luzifer» (1903. Nr. 7. Dezember. S. 249–263) и позднее переизданная (в расширенном виде) отдельной брошюрой (*Steiner R.* Wie Karma wirkt. Berlin: Philosophisch-Theosophischer Verlag, 1910; 2-е изд. – 1913; GA 34). Однако в этой работе (как и в других того времени) ни Люцифер, ни Ариман не упоминаются. По-видимому, Сабашникова имеет в виду «Откровения Кармы» («Die Offenbarungen des Karma») – цикл из одиннадцати лекций, прочитанный Штейнером в Гамбурге между 16 и 28 мая 1910 г. (GA 120); в отдельных лекциях этого цикла Штейнер говорил о воздействии люциферических и ариманических сил на развитие как всего человечества, так и отдельного человека.

[16] О Люцифере и Аримане см. подробно примеч. 6 к п. 481.

[17] Сабашникова имеет в виду книгу Штейнера «Очерк тайноведения» (*Steiner R.* Die Geheimwissenschaft im Umriss. Leipzig: Verlag von Max Altmann, 1910), представляющую собой продолжение «Теософии» (см. примеч. 14 к п. 480). В библиотеке Волошина (ДМВ) сохранилось четвертое, расширенное и дополненное немецкое издание «Очерка...», выпущенное в 1913 г. тем же издателем (Мемориальная библиотека... С. 401).

Из письма Сабашниковой к А.М. Петровой от 8/21 декабря 1913 г. из Кельна можно заключить, что она переводила на русский язык этот труд Штейнера для издательства «Духовное знание» (см. примеч. 7 к п. 491). «...Выйдет мой перевод “Пути к самопознанию в 8-ми медитациях” и “Очерка Тайноведения”», – сообщала Сабашникова (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 39, л. 50). О переводе книги Штейнера «Путь к самопознанию человека в восьми медитациях» см. примеч. 2 к п. 479. Что касается «Очерка тайноведения», то этот перевод, по всей видимости, в печати не появился. Первый русский перевод этой книги Штейнера – М.: Духовное знание, 1916 (перевод

Т. Трапезникова при участии Л. Красильщик; переиздание: Л.: Эго, 1991). См. также примеч. 2 к п. 479 и примеч. 7 к п. 491.

[18] Из текста письма явствует, что Волошин сообщил Сабашниковой о своем замысле – написать книгу под названием «Дух готики», которую предполагалось выпустить в издательстве М. и С. Сабашниковых. Сохранился предварительный план и несколько черновых набросков будущей работы, впервые опубликованных А.В. Лавровым в составе публикации «"Дух готики" – неосуществленный замысел М.А. Волошина» (Русская литература и зарубежное искусство. Л.: Наука, 1986. С. 317–346). См. подробнее: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 963–973 (коммент. А.В. Лаврова).

[19] Иммагината – *зд.* воображаемое, образ. Термин, широко используемый в оккультизме (в частности, Штейнером).

[20] Знаменитый кельнский собор, строительство которого, начавшись в 1248 г., окончательно завершилось лишь в 1880 г.

[21] Сабашникова имеет в виду книгу В. Воррингера «Formprobleme der Gotik» («Формообразующие проблемы готики»), впервые изданную в Мюнхене в 1912 г. Волошину эта книга, судя по всему, осталась неизвестной; во всяком случае, в набросках к книге «Дух готики» труд Воррингера не упоминается (книга отсутствует и в ДМВ). См. также п. 485.

[22] Школа прикладного искусства в Мюнхене (ср. примеч. 4 к п. 363 и примеч. 18 к п. 482).

[23] «Я после Рождества стал работать у художника Штукгольда, – сообщал Квятковский А.М. Петровой 28 января / 10 февраля 1914 г. – Очень дельно и продуктивно. Вы когда-то говорили: хорошо бы мне учителя, который научил хорошо рисовать. Штукгольд именно из таких» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 40, л. 69). См. ниже примеч. 24 и 33.

[24] О том же, причем весьма подробно, Сабашникова рассказывала и А.М. Петровой. «Он <Людвиг> очень меня заботит, – писала ей Сабашникова 19 января / 1 февраля 1914 г. – Он отказался учиться в школе и бросил ее; написав мне на мое письмо очень дерзкое письмо. Я лично отвечать ему не стала, но решила, чтобы он не терял времени и не отвлекался от живописи, поместить его к Hollósy; это частная мастерская. Hollósy очень известный старый профессор, которому съезжаются учиться даже законченные художники. Я через подругу передала Людвигу, что буду платить за него больше, чтобы только вышел толк. Приезжаю: Людвиг и не думал поступать к Hollósy, а работает у одного еврея-художника Штюкгольда, который, по моему мнению, пишет ужасные вещи, хуже футуристов, какие-то уродства. Он учит Людвига с утра до вечера даром, берет за краски

и натуру; причем натура не сидит и раза 2 приходит и уходит. <...> Штюкгольд требует, чтобы он у него аккуратно работал, но, что они делают, что это за метод, я не понимаю; я ничего не вижу в этой яркой, мертвой, кривой мазне. Людвиг всецело под влиянием Штюкгольда и считает, что я в живописи ничего не понимаю. Для меня выяснилась его постоянная лживость, его лень и то, что он все время живет в иллюзии <...> Мне лично брать на себя инициативу взять его от Штюгтольда, который так много для него делает и кот<орого> Людвиг, видимо, очень любит и ценит, неудобно. Но я с ужасом вижу на Людвиге влияние живописи Штюкгольда, его абстрактности и умствования, и вижу, что Людвиг грамоте не научится. Узнав Людвига, я пришла к выводу, что ему необходимо кончить школу живописи в Москве. Необходим строжайший контроль». Далее Сабашникова просила Петрову способствовать возвращению Квятковского в Россию. «В нем такая смесь хорошего и темного, – пишет Сабашникова в том же письме, – и так надо было бы, чтобы мужчина строгий взял его в руки. Сейчас для него авторитет Штюкгольд. Я уже молчу, чтобы он хоть как-нибудь работал, только работал, но вас всех прошу его выписать. Думаю, что вы не изменитесь к Людвигу и поможете ему, поможете встать на ноги. Нужно уничтожить его довольство собой, но бережно, не помяв, ни сломав его душу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 2–4 об.). В результате действий, предпринятых Сабашниковой, Квятковской в марте 1914 г. вернулся в Россию.

[25] Имеются в виду лекции Штейнера под общим названием «Мистерия Голгофы», прочитанные в Кельне 17 и 18 ноября 1913 г. (см. примеч. 4 к п. 482).

[26] Это недатированное письмо Андрея Белого к Сабашниковой (по содержанию, – январь 1914 г.) опубликовано И.В. Левичевым по фотокопии, сохранившейся в ДМВ. См.: *Левичев И.В.* Письма Андрея Белого к М. Волошину и М. Сабашниковой из фондов Дома-музея М.А. Волошина. К 135-летию Максимилиана Волошина // Toronto Slavic Quaterly, 2012, Nr. 39 (http://www.utoronto.ca/tsq39). Оригинал: ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 55.

Письмо в основной своей части посвящено прочитанному в Лейпциге (между 15/28 декабря 1913 г. и 20 декабря 1913 / 2 января 1914 г.) циклу лекций Штейнера «Христос и духовный мир. О поисках святого Грааля» (GA 149). Вернувшись из Берлина в Мюнхен, Сабашникова отправила письмо Белого А.М. Петровой с просьбой показать Волошину. «Посылаю Вам письмо Белого мне о цикле, кот<орый> был в Лейпциге и на кот<орый> из-за “недостатка в излишестве денег” я попасть не могла, – писала ей Сабашникова 19 января / 1 февраля 1914 г. – Покажите это письмо Максу. Белый

это наша радость и надежда, когда он передает лекции, через него чувствуешь живую силу. Жена его играет при нем прекрасную роль. Он – экстаз, хаос, бездна, – она – воля, тонкость, мера. Оба работают. Обоих люблю горячо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 1 об.). В действительности письмо А. Белого было отправлено в Феодосию через несколько недель с Л.Л. Квятковским (Там же, л. 20 об.; недатированное письмо Сабашниковой к А.М. Петровой; по содержанию – март 1914 г.).

Следует отметить, что Андрей Белый, перечисляя русских слушателей Штейнера, съехавшихся в конце 1913 г. в Лейпциге, ошибочно упоминает среди них Сабашникову (см.: Андрей Белый и антропософия-1. С. 363). О лейпцигском курсе, который он пережил как значительное духовное событие, Андрей Белый писал и в автобиографическом «Материале...» (Там же), и в «Воспоминаниях о Штейнере» (С. 309–310).

[27] Цикл Штейнера «Человеческая и космическая мысль», состоявший из четырех лекций, был прочитан в Берлине 7/20–10/23 января 1914 г. (GA 151).

[28] В письме А.М. Петровой от 19 января / 1 февраля 1914 г. Сабашникова упоминала про свое «длинное письмо в декабре» (ИРЛИ, ф. 562. оп. 5, ед. хр. 40, л. 1). Однако среди бумаг А.М. Петровой в составе волошинского архива такого письма обнаружить не удалось. Сохранилось другое многостраничное письмо Сабашниковой конца 1913 – начала 1914 г., содержащее пересказ одной из лекций Штейнера на тему «Пятого Евангелия» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3 ед. хр. 1065, л. 5–10; первый лист отсутствует), но оно было отправлено позднее – его доставил Л.Л. Квятковский, вместе с письмом А. Белого (см. выше примеч. 26). Фрагменты этого многостраничного послания приводятся в примеч. 4 и 5 к п. 481.

[29] Имеется в виду В.Ф. Джунковский.

[30] Эта просьба содержалась в письме Е.Я. Эфрон к Сабашниковой, отправленном через Волошина. «Вкладываю письмо к Маргарите Васильевне, думаю, что ты знаешь адр<ес>. Перешли сейчас же», – писала она Волошину 15/28 декабря 1913 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346, л. 22). Волошин не медля выполнил просьбу Е.Я. Эфрон. «...Письмо Твое Марг<арите> Вас<ильевне> отправил в тот же день, – сообщал ей Волошин. – Не знаю только застанет ли оно ее сразу: она теперь шныряет по германским городам» (см.: Т. 10 наст. изд. С. 108). В письме к матери от 26 января / 8 февраля 1913 г. Волошин просит ее передать Е.Я. Эфрон ответ Сабашниковой (Там же. С. 157).

[31] В декабре-январе 1914 г. Е.И. Васильева находилась в Германии. «Уезжаю за границу 11.XII. и вернусь 13.I.», – писала она

А.М. Петровой 22 ноября 1913 г. (Черубина де Габриак... С. 68; даты – по русскому стилю). 30 ноября / 13 декабря 1913 г. она сообщила Волошину предварительный план своей поездки: До 22 декабря 1913 / 4 января 1914 г. – Лейпциг; до 2/15 января – Мюнхен; до 11/24 января – Берлин (см.: Там же. С. 69). 13/26 января 1914 г. Васильева вернулась в Петербург. «Только что вернулась из Германии, – писала она Волошину 17/30 января 1914 г. – видела Аморю, Людвига» (Там же).

[32] См. выше примеч. 3.

[33] Имя Штюкгольда было хорошо известно Волошину. «Я этого Штикгольда знаю по Парижу, – пишет он Е.О. Кириенко-Волошиной 26 января / 8 февраля 1914 г. после получения письма от Сабашниковой, – <...> это самое сумбурное и говорливое существо, пишущее картины эллипсисами. Немудрено, что Маргарита прибавляет: "Я *ничего не понимаю*, что они делают. Надо его вернуть в Россию в школу, а то он очень обленился". А Алекс<андре> Мих<айловне> он сам в последнем письма писал: "*Есть случай* хорошо выучиться живописи". Если этот случай – Штикгольд, то я не поздравляю его со вкусом в выборе себе наставников» (Т. 10 наст. изд. С. 157). В тот же день, рассказывая А.М. Петровой о полученном от Сабашниковой письме, Волошин дает более детальный портрет Штюкгольда: «Он был кошмаром моей последней зимы в Париже. Он жил в соседнем доме. Знакомство началось с того, что он меня остановил на улице в час ночи (я совсем не знал, кто это) и продержал три часа под дождем, доказывая, что "кубизм" – это неверно, а нужен: "эллипсизм". Затем он приходил каждый день и писал мой портрет. <...> Это русский еврей (мы его звали "Венгерец по жене", потому что он на вопрос о национальности говорил, что у него жена венгерка) не молодой, неудачник, с манерами непризнанного таланта, буквально всех знает. Говорлив до умоисступления – но при этом на смеси: русско-немецкого-польско-венгерско-французско-еврейского диалектов. <...>

Ах, Вы не знаете Штюкгольда и не можете себе представить во всей мере всю нелепость такого учителя живописи – первого, которого Людвиг выбрал себе самостоятельно!» (Там же. С. 161; о портрете Волошина, созданного Штюкгольдом, сведений не имеется).

Иное мнение о Штюкгольде как художнике и педагоге сложилось у Сабашниковой. «...Он добрый и тратит даром на Людвига дни и дни в желании помочь ему», – рассказывала она А.М. Петровой в недатированном письме (по-видимому, февраль-март 1914 г.). Однако из того же письма явствует, что Квятковский продержался в мастерской Штюкгольда совсем недолго. уже через несколько недель мастер разочаровался в своем ученике. «Был сейчас Штюкгольд, –

пишет Сабашникова А.М. Петровой, – очень жаловался на Людвига, говорит, что не работал, так "визиты" делал каждый день. – Да, Вы ему выскажите, – говорю я ему. – Я, говорит, каждый день говорю, не помогает.

Другие же ученицы, 2 пожилые дамы, сделали у него громадные успехи; я видела их работы; они у него учились, чтобы работать в Дорнахе. Они в восторге от Штюкгольда. Мне он лично очень симпатичен; но работ его я не понимаю, другие же все от его картин в восторге, и его выставка имела большой успех» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 10, 13).

Следует упомянуть, что «жена венгерка» Элизабет Штюкгольд (урожд. Вересс, 1889–1961), расставшись с мужем, переселилась с дочерью в 1921 г. в Дорнах к швейцарскому писателю и антропософу Альберту Штеффену (1884–1963), возглавившему после смерти Штейнера Антропософское общество. Их брак был официально зарегистрирован в 1935 г.

484. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

9/22 февраля 1914 г. Мюнхен

14. München. 22 феврал<я>.

Милый Макс, спасибо за письмо.[1] Посылаю тебе все, что я вспомнила о храме;[2] м<ожет> б<ыть>, тебе пригодится; да вообще это важно, чтобы почувствовать момент. Что касается до твоей работы по готике, то духовное знание никогда не сможет идти вразрез со строго научной работой. Она идет вразрез только с псевдонаукой. Теософ может написать чисто, строго научную книгу, ни слова не упомянув о теософии, но он вернее осветит и сгруппирует факты. Что значит *«по-своему осветить матерьял»* без истинного понимания? У меня теперь почти физическая боль делается, когда читаешь, что пишут современники, боль от неправды, а ведь каждый искренно *по-своему* освещает факты, нисколько не справляясь, соответствует ли это истине, и какое будет иметь влияние на души; думают, что достаточно, чтобы мысль была правдоподобна, интересна, занимательна, красива. И столько, столько ложных идей сгущается и затемняет свет. А писатели не чувствуют

ответственности, им не страшно, что «ложная человеческая мысль разрушает миры, кот<орые> строили боги».[3]

Впрочем, это отношение к слову приобретается постепенно, когда духовное знание становится реальностью. И это отношение покупается большим страданием и жертвами. Тоже и отношение к искусству. Надо уметь умереть и возродиться. По словам Доктора, теософию надо взять как крест и нести ее, надо пройти через соломенные чучела схем, через поле трупов,[4] ибо теософия ужасна в своей первоначальной нехудожественности и лишь после страданий и лишений она воскресает и родит новые художественные импульсы.

Наша ответственность громадна перед будущим человечеством.

«Раньше боги строили с людьми, теперь боги строят только, когда люди становятся *сознательными орудиями* богов».[5]

И как долго я не могла этого понять и все «оглядывалась», и все надеялась, что можно, как раньше.

Книгу Worringer'a я не пошлю тебе,[6] хоть она написана и блестяще красиво, он все стройно конструирует на неверных положениях. Очень modern*.

Пиши мне. М<ожет> б<ыть>, ты приедешь в Дорнах, когда в Коктебеле будет людно; там, я думаю, помогая в работе, можно приблизиться к цели, как нигде.[7]

Отчего это Рогозинский так и не ответил мне. Не пропало ли письмо? То, что я посылаю тебе о храме, верни мне. Я разовью и пошлю им.

Целую креп<ко>.

[1] Это письмо Волошина (ответное на п. 483) не известно.

[2] Имеются в виду записи (или заметки) Сабашниковой, воспроизводящие лекции Штейнера об архитектуре 1911–1913 гг. В архиве Волошина эти тексты не сохранились – вероятно, ознакомившись с ними, Волошин вернул их Сабашниковой, которая, в свою очередь, отправила их, как предполагала, по другому адресу. Ср. примеч. 16 к п. 482, примеч. 3 к п. 485 и п. 487 (место, отмеченное примеч. 18).

[3] Ср. в недатированном письме Сабашниковой к А.М. Петровой (судя по содержанию, – февраль 1914 г.): «Неверными мыслями, лег-

* Современно *(нем.)*.

комысленными суждениями люди разбивают миры, которые строят боги» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 7 об.; кавычки отсутствуют).

[4] Сабашникова вольно пересказывает слова Штейнера из его берлинской лекции, произнесенной 12 декабря 1911 г. перед участниками общего собрания Союза Иоаннова Здания (эта лекция известна под названием «И Здание становится человеком»); имеется в виду прежде всего следующее место: «...Духовная наука есть наш крест, духовная наука для нас есть жертва <...> С какой интенсивностью хотел бы я растолковать, что для всего, что живо всходит – также в движении развития человечества и Божественного мира – духовная наука должна немного напоминать поле трупов!» (*Штейнер Р.* Пути к новому архитектурном стилю. «И Здание становится человеком». С. 35).

[5] Пересказ отдельных мыслей Штейнера, изложенных им в начале берлинской лекции от 12 декабря 1911 г. «У людей в первобытное время, – говорил Штейнер, – была еще и иная помощь, чем в нашем временном цикле; им помогали боги, не осознаваемые человеком. Боги устремляли свои силы в подсознание и неосознанное бытие человека» (Там же. С. 21). И далее: «Мы создаем нечто новое в смысле того, что мы должна создать это в свободной самодеятельности из человеческих душ, в совершенно ином стиле, чем было в прошедшие времена. Сознание, рождающееся вместе с душой сознательной <...> есть знак нашего времени. Если будущее должно получить от нас документы культуры, похожие на те, что были созданы в прошедшие времена, в прошлом, то нам следует творить с сознанием, с полностью просветленным сознанием, в котором уже ничто не возникает из подсознания» и т.д. (Там же. С. 22).

[6] См. примеч. 21 к п. 483.

[7] Волошин живо откликнулся на приглашение Сабашниковой, повторенное и в последующих письмах. «В Дорнах меня зовет Маргарита, – писал он Ю.Л. Оболенской 16/29 апреля 1914 г., – для того, чтобы принять участие в самой работе над строением храма. И это влечет меня больше, чем мистерии. У меня всегда была мечта о великой коллективной работе построения единого здания – и я знаю, что это там теперь осуществляется. Не быть там, значит не причастить, быть может, единственного и неповторяемого в жизни. Маргарита зовет сейчас. Но я решил уехать в июле, чтобы вернуться лишь осенью...» (Т. 10 наст. изд. С. 242; о «мистериях» см. примеч. 5 к п. 479 и примеч. 12 к п. 487). Волошин действительно отправился в Дорнах в июле 1914 г., провел там пять месяцев, оттуда уехал в Париж и вернулся в Россию лишь в апреле 1916 г.

485. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

10/23 февраля 1914 г. Мюнхен[1]

Милый Макс, посылаю тебе одновременно заказное письмо[2] и записки об архитектуре на имя Ал<ександры> Мих<айловны>.[3] Съезди за ним. Я боялась, что оно потеряется.

Радуюсь, что ты доволен своей работой и жизнью.

М. С.

10 февраля.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: отправления – München 23. Feb<ruar 19>14; получения – Феодосия 14.2.14. Адрес: «Максимилиану Александровичу Волошину Коктебель близь *Феодосии* (Таврической губ<ернии>) Россия Russland».

[2] Т.е. п. 484.

[3] «Получили ли Вы записки об архитектуре, кот<орые> я послала Вам заказным письмом для Вас и Макса? – спрашивала Сабашникова А.М. Петрову в середине марта (н.ст.) 1914 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 20 об.). См. также примеч. 2 к п. 484.

486. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 февраля / 9 марта 1914 г. Мюнхен

9 марта.

Милый Макс, спасибо большое за твое хорошее письмо. Я надеюсь, что тебе удастся приехать в Дорнах.[1] Трифон хотел позвать тебя гостить, если сам найдет помещение.[2] Но, во всяком случае, можно будет найти и место, и деньги; я одолжу тебе с радостью.[3] Я чувствую, что быть при мистериях в этом году *страшно значительно*.[4] Вообще тут совершается мировое, и иногда слабая душа почти не выносит сознания всего величия, всей катастрофичности, всего подвига, кот<орый> видит. Но издали трудно об этом говорить. Я посылаю с Людвигом Ал<ександре> Мих<айловне> и тебе записки очень беглые 5-го Евангелия.[5] Спрячь их потом. Да, конечно,

Ал<ександре> М<ихайлов> не трудно.[6] Но ведь нельзя служить двум господам зараз, либо правда и новое; либо старая ложь, в кот<орой> завязла земная, видимая церковь. Надо быть непредубежденным. В Дорнахе у нас будет жить Лиля.[7]

Милый Макс, сейчас я отправляю в Феодосию Людвига. Он тут запутался с какой-то гадкой компанией, связался с какой-то женщиной; признаться, я перекрестилась, когда узнала, что это женщина, ибо вид имело, что за ним мужчина; какой-то развратный человек его водил всюду, науськивал отказаться от моей помощи и остаться здесь. От хозяйки я узнала, что он дома часто не ночует; и что черный большой человек сидит у него по ночам. Людвиг был как безумный, очень груб со мной. Ведь и деньги мог от него же достать. Ему 19 лет, неопытен; а темперамент большой; тут же был карнавал, и Мюнхен бесновался 2 недели. Сегодня я взяла Людвига нахрапом; на его псевдогероизм действовала призывом к истинному героизму во имя Доктора, во имя силы высшего я; предлагала ему свою помощь как брата на пути; и вот это подействовало. Я просила его, чтобы он ехал сегодня же: *ни с кем не прощаясь*. Он согласился. Видимо, влечет его какая-то страсть, и он может убежать опять туда, как убежал вчера. Сейчас сидит у меня; я не покину его целый день и вечером провожу. Слава Богу, что это женщина! Вот как можно говорить в наше время.

Милый Макс, подействуй, чтобы в Феодосии к Людвигу *не* относились как <к> малолетнему преступнику. Он лжет ужасно. Но пусть не показывают, что это знают. Пусть фактически требуют работы, но не пилят. Я убедилась, ему *фактически* <не> нужна строгая требовательность, но ласка, шутка; тогда он раскрывается; а главное во имя *идеала* надо действовать на него; слово теософ для него священно. Милый Макс, будь в этом ему помощью. Доктор дал ему медитацию в помощь от затруднений половой жизни. Может, ты будешь ему другом и поможешь в борьбе. Поддерживая теософские идеи в нем; позови работать в Коктебель. Я боюсь, что и Ал<ександра> Мих<айловна>, и Богаевский слишком восстановлены против него благодаря моим письмам. Он вел себя действительно ужасно, но в его душе есть нечто, на чем

можно строить. Сухость и холод его оттолкнет и толкнет на дурное, ибо в нем много темного. Но надо строить на идеале в нем, кот<орый> для него свят; «нельзя строить на том, чего нет». На юношу надо действовать тем, что убедительно для него, призывая его на утверждение себя, но лучшего; я изумлена, как на него подействовали мои громкие фразы о «мече в руках против зла», о «высоком рыцарском служении истинной любви и идеалу». Он внял.

Действуй на него в этом смысле и пиши мне о нем.

Ты приезжай летом в июле в Дорнах, ведь вокруг готика и готические города; проверь свои взгляды непосредственным впечатлением.

Итак, поручаю тебе Людвига. Подействуй в этом смысле на других.

Дало ли тебе что-нибудь, что я писала об архитектуре. Пожалуйста, вычеркнув личное и о Белом, пошли это Ал<ексею> Сергеевичу[8] для передачи Машковцеву.[9] Потом тебе вернут, но мне хочется, чтобы все это знали и в Москве.

[1] Письмо не сохранилось. Судя по первым фразам, Волошин сообщил Сабашниковой о своем желании приехать в Дорнах (см. примеч. 7 к п. 484).

[2] «Пишу тебе из Dornach'a, – сказано в открытке Т.Г. Трапезникова, отправленной Волошину в Коктебель 26 апреля 1914 г. (н.ст.). – Слышал, что Ты думаешь приехать сюда. Приезжай – здесь очень хорошо. Работа тут интересная – все очень своеобразно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1190, л. 12).

[3] Вопрос о деньгах для поездки в Швейцарию был в то время для Волошина весьма насущным. «Я <...> был без всяких денег, и средства на поездку предложила мне Маргарита именно для того, чтобы я мог принять участие в постройке Johannesbau», – сообщал Волошин А.В. Гольштейн 13/26 декабря из Арлесгейма (Т. 10 наст. изд. С. 273). Эта тема обсуждается и в последующих письмах Сабашниковой (см. п. 487 и 489). Однако через некоторое время ей пришлось обратиться по этому поводу к А.Н. Ивановой, которая, со своей стороны, охотно предложила Волошину деньги для поездки в Дорнах. 12/25 апреля 1914 г. А.Н. Иванова (приехавшая в Арлесгейм навестить Сабашникову) писала Волошину: «Маргоря говорила мне, что Вы тоже очень бы хотели приехать сюда, пока строится храм, и что препятствие лишь в том, что у Вас нет денег. Милый Макс,

я с удовольствием пошлю Вам денег на дорогу – ведь это уж не так много, и поделюсь с Вами моими богатствами, если у Вас будет не хватать на прожитие. Здесь ведь недорого. Я думаю, что Вы могли бы оказать большую помощь при постройке, т<ак> к<ак> привыкли много работать и Вам бы эта работа очень много дала. <...> Вопрос о Вашем приезде нужно решить возможно скорее, т<ак> к<ак> нужно найти помещение, кот<орых> здесь мало и кот<орые>, конечно, очень разбираются. Поэтому телеграфируйте Маргоре, что Вы согласны приехать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 104 об. – 105 об.)» В конце концов, А.Н. Иванова перевела Волошину нужную сумму – об этом идет речь в ее письмах к нему от 6/19 мая 1914 г. и 31 мая / 3 июня 1914 г. (см.: Т. 10 наст. изд. С. 277). См. также примеч. 1 к п. 490.

[4] Летом 1914 г. предполагалось осуществить постановку новой (пятой) мистерии Штейнера, однако ввиду начавшейся войны этот замысел не осуществился. Возможно, однако, Сабашникова писала о других представлениях, которые разыгрывались в 1914 г. в Дорнахе (см. примеч. 12 и 14 к п. 497).

[5] См. примеч. 1 и 2 к п. 481 и примеч. 4 к п. 482.

[6] В конце 1913 г. А.М. Петрова заявила о своем выходе из РАО.

[7] Е.И. Дмитриева (Васильева) предполагала, по-видимому, приехать в Дорнах.

[8] А.С. Петровский.

[9] Подобно Сабашниковой, Н.Г. Машковцев интересовался тогда историей и теорией архитектуры. В июне 1912 г. они посетили Ростов Великий. «Были в Ростове Великом с Машковцевым, – записала в дневнике Сабашникова. – Приехали в 5 ч<асов> утра. Солнце светило, потом ударили к заутрени. Много успели осмотреть в короткий срок. Очень мил Машк<овцев>. Отрешенно любит искусство» (ОДГ; запись от 4 июня 1912 г.).

487. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

24 марта / 6 апреля 1914 г. Венеция

Венеция. 6 апреля.

Милый Макс, прости, что долго не отвечала тебе на письмо. Сейчас пишу из Венеции. Я ездила в Милан на свиданье к т<ете> Саше; мы пробыли там 4 дня. Она поехала в

Париж, а я по дороге на цикл в Вену[1] остановилась в Венеции на 2 дня. Хотелось видеть св. Марка[2] перед Johannesbau*,[3] чтобы глубже почувствовать момент и задачу нашего строения. Остановилась нечаянно в очень дорогой гостинице и чувствую себя вроде «madame de Konstantinopole»**, помнишь?[4] С меня дерут и за то, что я ем, дерут и за то, что не ем; лакеи третируют. Я прошмыгиваю мимо них и питаюсь у себя в комнате.

Чудный, совсем ни с чем не сравнимый вид. Только одной тут страшно.

Перед отъездом в Мюнхен[5] я не успела написать тебе, п<отому> ч<то> было стечение всяких обстоятельств. Приехал на 4 дня Доктор;[6] Белые[7], мы же собирали вещи и целый вагон мебели отправляли в Дорнах.

Андрей Белый тоже работает в Дорнахе; режет оккульт<ные> узоры планет на капителях колонн. Белый бук – Сатурну, ясень – солнцу, вишня – луне, береза – Венере, клен – Юпитеру, дуб – Марсу, не помню других.[8] Когда началась эта работа, Доктор долго смотрел, как начали специалисты возиться с деревом, обрубая его топором, пиля пилой; и сказал: «С деревом надо иначе обращаться»; взял долото и легкий деревянный молоток и легко и быстро стал работать, говоря: «Надо освобождать скрытое в дереве, снимая лишнее легко». Каждую капитель он начинает сам. Колонна 50 метров вышины.

Андрей Белый неузнаваем, – розовый, спокойный, тихо светящийся.

Я знаю, что многое будет непонятно там, многое чуждо и даже жутко. Ведь это не греческий храм, в котором выразился человек , поворачиваясь во все стороны, он утверждал себя в мире: «Вот я», «Вот я». Здесь же космическая точка зрения. Недаром это Johannes-Bau. Дух космический говорит человеку: «Познай себя», и человек отвечает: «Ты еси».

* Иоанново здание *(нем.)*.

** Мадам из Константинополя *(фр.)*

Две вечности сливаются, человек и мир . Кто не прошел через смерть в базилике , тот ужаснется этому зданию; оно будет беспощадно для не готовых. Все то в душе, что не готово к жертве, взбунтуется. Я предвижу, как тяжело будет иногда. Все формы необычны, все даны свыше, для будущего. В этом здании мировая мистерия; я придаю громадное значение работе там; это тоже путь.

Ты писал мне, что мой восторг только раздражает. Разве у меня восторг? Ведь во всех письмах я говорю о фактах. Впрочем, значит, делаю это неумело, если результаты плохие. Вот и сейчас, м<ожет> б<ыть>, я все, что поняла, передала неясно. Помнишь, как казалось несбыточным анонимное, коллективное творчество. Наши мечты – это были предвестия того, что подходило, что звало.

Великий посвященный стал во главе работы.

В Мюнхен приехал Бородаевский.[9] Этот человек еще судорожно держится за свой маленький лирический багаж, боится потерять старое и все примеривается, нельзя ли идти, по его словам, «путем средним, путем компромисса». Он член, но как-то очень неглубоко вошел. Его все занимает: кто такое Доктор в прошлых воплощениях; а также у кого из членов рождаются дети. Впрочем, ни к чему об этом рассказывать.[10]

Ты очень верно писал, что можно говорить только о том, что стало плотью и кровью. Мы сами себе внушаем часто, что знаем то, чего еще не знаем. Для того, что по-настоящему знаешь, найдешь и язык понятный. У меня же с А<лександрой> М<ихайловной> одни недоразумения. И я решила ни о чем таком больше не говорить с ней.

О Людвиге ты ошибся вот в чем: это не прогресс, что у него завелись товарищи, он и в Москве, и в Мюнхене постоянно в гостях бывал. Быть один, заниматься вовсе не умел. Я писала тебе, что для упорядочения его пол<ового>уклона Д<окто>р дал ему медитации. Д<окто>р сказал, что это *ложь*, что мужчинам нужна половая жизнь, что это нормально и т.д. Это, сказал он, ложь, инспирированная Люцифером.[11]

Как многие освобожденно вздохнут. Я пишу тебе это, чтобы ты не говорил Л<юдвигу> иначе, ибо того, что Д<окто>р говорил об инспир<ации> Люцифера, Л<юдвиг> не знал, это было на закр<ытой> лекции.

Бедные, бедные люди, как они загнаны, запутаны. С каким ужасом я оглядываюсь на прошлое. Путаница, ненужная путаница. И вот из тьмы начинаем пробираться. Свет увидели.

Милый Макс, зовя тебя в Дорнах, я не в долг предлагала, а просто. Ведь между нами не может быть счетов. Ты знаешь, что здание будет готово только в ноябре – декабре. Ведь момент единственный, непременно приезжай. Только, ради Бога, овладей языком и прочти мистерии[12].

Прошу тебя, не оставляй языка.

Белый переводит I<-ю> мистерию прекрасно.[13]

Завтра еду в Вену. Послезавтра услышу Д<окто>ра. Цикл о жизни между смертью и новым рождением.[14]

Напиши мне уже в Дорнах, т.е. *Arlesheim* bei Basel, 352 Mattweg.[15]

Это деревня поблизости. Через неделю я там буду.

Всего лучшего; вдохновения и радости желаю тебе. Теперь хорошо в Коктебеле. Если мама уже в Коктебеле, привет ей. Я посылала ей осенью «Теософию» в Коктебель.[16]

Получила ли она? Как у Вас с ней?

А Рогозинский так и не написал мне. Пошли ему мой адрес. Я задумала книжку о храме.[17] Впрочем, уже давно. А теперь все так приблизилось.

М.

Я грущу оттого, что все, что писала, испортила и пока не вижу своего пути в живописи.

Если тебе люди надоедят, приезжай в Дорнах работать.

[1] См. ниже примеч. 14.

[2] Собор св. Марка (XI в.) в Венеции на площади Сан-Марко.

[3] Антропософский храм в Дорнахе первоначально именовался Johannesbau или просто Bau; название Гётеанум (Das Goetheanum) он получил лишь в 1918 г.

[4] Этот эпизод, относящийся к пребыванию Волошина и Сабашниковой в Константинополе в первой половине июля (по новому стилю) 1906 г. (см.: Труды и дни-1. С. 160) отражен в «Зеленой Змее»: «В четвертую ночь <в Константинополе> мы, наконец, спали в роскошном отеле европейских дипломатов, но здесь нам пришлось прятаться от элегантной публики. Я носила тогда множество колец на пальцах, черную кружевную шаль и шляпку "либерти" с зеленой шелковой лентой, завязанной под подбородком. По-видимому, все это произвело странное впечатление на служащего отеля: взяв наши паспорта, он спросил: "Месье – парижанин, а мадемуазель, верно, константинопольская?"» (С. 141).

[5] По-видимому, описка Сабашниковой. Следует (судя по содержанию): перед отъездом из Мюнхена.

[6] С 16/29 марта по 19 марта / 1 апреля 1914 г. Штейнер находился в Мюнхене, где прочитал две публичные лекции, а 30 марта выступил перед членами Антропософского общества.

[7] «Надвигались лекции в Мюнхене, – описывал Андрей Белый эту поездку в марте 1914 г.: – мы поехали в Мюнхен впятером (я, Ася, мама, Наташа, Поццо); в Мюнхене д-р прочел 4 лекции; кроме того: были *E.S.*» (Андрей Белый и антропософия-1. С. 377; Ася – А.А. Тургенева; «мама» – Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922) – мать Андрея Белого; Наташа – Наталья Алексеевна Поццо (урожд. Тургенева; 1886–1942), сводная сестра А.А. Тургеневой; Поццо – Александр Михайлович Поццо (1882–1941). E.S. – Esoterische Stunden <часы для эзотерических занятий. – *нем.*>).

[8] Штейнер полагал, что каждая порода дерева, используемая при создании колонн Гётеанума, должна выражать определенное планетарное состояние: бук (граб) соответствует Сатурну, ясень – Солнцу, вишня – Луне, дуб – Марсу, вяз – Меркурию, клен – Юпитеру, береза – Венере. Эта соотнесенность увязывалась с традиционным представлением о том, что планеты «покровительствуют» определенным дням недели: Сатурн – субботе, Солнце – воскресенью, Луна – понедельнику и т.д. (Антропософская картина мира основывается на семеричной системе.)

[9] «В эти дни, помнится, – писал впоследствии Андрей Белый, сообщая о событиях марта 1914 г., – в Дорнахе оказался В.В. Бородаевский, которому здесь не понравилось; он все жаждал умственных разговоров, дебатов и споров об антропософии, а мы были заняты главным образом вопросами техническими: как держать стамеску, как резать по дереву..» (Андрей Белый и антропософия-1. С. 375). Из Дорнаха Бородаевский приезжал в Вену на лекционный курс Штейнера (см. ниже примеч. 14).

[10] Годом ранее, 14/27 февраля 1913 г., Андрей Белый сообщал А.С. Петровскому, что Бородаевский «по-серьезному рвется к Доктору», что, прочитав книгу Штейнера «Как достигнуть познания высших миров», он «решил искать пути у Доктора». Андрей Белый утверждал, что «подробно» сообщил Бородаевскому «о маршруте Доктора» и советовал ехать в Гельсингфорс. «Вы его осведомите, если будет проситься: – заключал Белый. – Бородаевский подлинный человек» (Андрей Белый – Алексей Петровский. Переписка 1902–1932. Вступ. статья, сост., коммент. и подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 241). В августе 1913 г. в Мюнхен (на лекции Штейнера) приезжала М.А. Бородаевская, жена Бородаевского (см.: Белый и антропософия-1. С. 354). Однако позднее Бородаевский потерял интерес к антропософии. 5 октября 1915 г. он писал В.И. Иванову, что охладел к антропософии как «особой международно-немецкой секте», но сохраняет к ней прежнее отношение, «если взять ее шире "в духе и в истине"» (цит. по: *Глухова Е.В.* Вячеслав Иванов и Валериан Бородаевский // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. Изд-во Пушкинского Дома. СПб., 2010. С. 526).

[11] О медитации, которую Л. Квятковский получил от Штейнера, говорится в недатированном (предположительно февраль 1914 г.) письме Сабашниковой к А.М. Петровой: «...Я должна коснуться тяжелого вопроса. Помните, я говорила, что у Людвига, по его признанию, тяжелый переходный возраст; он жаловался на мысли полового характера. <...> Если бы им занялся какой-нибудь мужчина, но не Макс с его теориями. Зимой после публичной лекции Доктора Людвиг подошел к нему с запиской, на записке было написано, что его мучат пол<овые> мысли. Д<окто>р дал ему медитацию, посмотрел его рисунки и сказал, что он м<ожет> б<ыть> дельным художником, если *будет работать*. Это он подчеркнул; этой фразы Л<юдвиг> мне не сказал, а сказал вчера Трапезников, кот<орый> был между ними посредником» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 11 об. – 12). См. также примеч. 20 к п. 482 и п. 486.

[12] Имеются в виду четыре мистерии, написанные Штейнером: «Врата Посвящения (Инициация). Розенкрейцерская мистерия» (1910); «Испытание Души. Инсценированное жизнеописание» (1911); «Страж Порога. Инсценированные душевные события» (1912); «Пробуждение душ. Инсценированные душевные и духовные события» (1913). Первый перевод мистерий на русский язык осуществлен Н.Н. Белоцветовым (см.: *Штайнер Р.* Драмы-Мистерии. Пер. с нем. Н.Н. Белоцветова. М.: Enigma – ОДДИ-стиль, 2004). См. также примеч. 5 к п. 479.

[13] См. примеч. 12 к п. 480.

[14] Штейнер находился в Вене с 24 марта / 6 апреля по 2/15 апреля 1914 г. С 27 марта / 9 апреля по 1/14 апреля он прочитал цикл лекций «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением» (последний цикл, прочитанный Штейнером перед войной); циклу предшествовали две публичных лекции. См. также примеч. 6 к п. 489.

[15] Арлесгейм (Арлесхайм) – коммуна в Швейцарии, центр округа Арлесгейм в кантоне Базель-Ланд; граничит с Дорнахом, центром округа Дорнек, административно принадлежащим к кантону Золотурн. С конца 1913 г. здесь стали селиться антропософы, приезжавшие в Дорнах для участия в строительстве Гетеанума. По соседству от Сабашниковой жили в 1914 г. Андрей Белый с А.А. Тургеневой (Mattweg 318) и Т.Г. Трапезников (Mattweg 334). «...Поселились мы в Арлесгейме на *Mattweg*, отстоящей от "*Bau*" довольно далеко [в] 20 минутах ходьбы; все в Дорнахе и Арлесгейме цвело; цвели яблони; и купол "*Bau*" возвышался среди белеющего цвета; через несколько домиков от нас поселился Трапезников, у которого я стал часто бывать, а еще через несколько домиков поселились Поццо, у которого остановилась С.Н. Кампиони» (Андрей Белый и антропософия-1. С. 378; Софья Николаевна Кампиони (урожд. Бакунина; 1886–1942), мать А.А. Тургеневой). «Это домик за деревней на лугу, окруженный плодовыми деревьями, – описывала Сабашникова свое новое жилье в Арлесгейме в апреле 1914 г. (недатированное письмо к А.М. Петровой). – Очень уютно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 33). Приехав в Дорнах 18/31 июля 1914 г., Волошин поселился в этом же доме (см.: Т. 10 наст. изд. С. 247, 250–253 и др.).

[16] См. примеч. 14 к п. 480.

[17] Замысел не осуществился; сохранились лишь отдельные дневниковые записи (ОДГ).

488. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

29 марта / 11 апреля 1914 г. Вена.

Вена. 11 апреля.

Христос Воскресе!

Уже Пасха.[1] Я не успела сейчас же отправить тебе письма, и уже три дня в Вене. Цикл такой, какого еще никогда не было.[2]

Здесь встретила мою подругу скульпторшу, кот<орая> работает в Дорнахе.[3] Она говорит, что там райская радость. Все, как дети, что работать такая радость, что она вечером старается поскорее заснуть, чтобы утром бежать на работу. Что надо проще подходить, и только такое детское отношение там возможно.

Будь радостен, Макс милый.

[1] Имеется в виду католическая Пасха, которая в 1914 г. приходилась на 29 марта / 14 апреля (тогда как православная Пасха праздновалась в 1914 г. 6/19 апреля).

[2] См. примеч. 14 к п. 487.

[3] По-видимому, М. Качер.

489. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Около 7/20 апреля 1914 г. Дорнах[1]

Милый Макс, пишу тебе из Дорнаха. Надеюсь, что ты получил мое письмо из Вены. Оттуда прямо приехала сюда. Все, что я заранее думала и представляла себе, оказалось неверным. Сама природа, во-первых: это Умбрия и Россия. Это величие и мягкость, и дали без конца. Сейчас все, все бело от цветов. А храм...

Я думала, он будет чужд, но он родной, он бесконечно родной, роднее всего, что было до сих пор в жизни. Думаешь, как странно, как странно – да ведь это мой сон, сон раннего детства; и дух совместной работы и совместная еда в белой, из сосны построенной, зале среди белых цветущих яблонь, готовят и подают те, кого видала годами у Д<окто>ра. Глядят друг на друга радостными глазами, смеются, как дети, говорят одни глупости, п<отому> ч<то> умности нельзя говорить; тут сама живая жизнь, тут всякое рассуждение, всякое высказано<е> умное слово – глупо, не то, не то, не то, не похоже.

Внизу под галереей режут капители. Они необъятны; работают вокруг каждой капители много людей и не видят друг друга. Стучат молотки, и весело, весело. Здесь каждый

удар во славу Божию. Меня поставили резать капители Юпитера из белого клена; Венера – береза; вишня – Луна, Сатурн – белый бук, Марс – дуб, Солнце – ясень.[2] О, что за красота этот орнамент в архаических, громадных деревянных архитравах. Египет, Индия, Норвегия, но нет ближе, первоначально чисто и просто. Я видела архитравы; музыка сфер.[3] А на камне при закладке (камень имел форму кристалла времени додекаэдра[4]) было вложено космическое Отче наш.

В лестницах, точно завороты раковин, цветы. Ходила по мастерским. Вся техника новая. Изобретается все тут же. 15 архитекторов работают и сегодня не знают, как будет завтра, дается по мере, изнутри открывается, разрешаются новые задачи техники. Рост органический.

Я смотрела на храм, как он сияет перед заходящим солнцем; я думала, что те, кто может только, кто способен видеть и чувствовать, должны быть здесь. У меня разрывается сердце, что не весь мир участвует в возникновении на физич<еском> плане этого. Расти вместе с его ростом, вживаться во все детали – это путь посвящения. И, наконец, – руки нужны. Со времен Хирама[5] ничего подобного не было. «Он воистину есть воплощение Существа, которому мы служим», – сказал Д<окто>р в Вене.[6] Но я ничего не понимала, пока своими глазами не увидала. Тут, Макс, нельзя никакими понятиями объяснить. Д<окто>р сам сказал: «Здесь нельзя объяснять, делать схем<ы> – это живое». Я жалею, что не была здесь с самого начала. Каждый день надо видеть рост.

Пишу тебе все это, чтобы сказать тебе, не жди, приезжай. Утром работай одно, днем другое; свое и в храме. Жить дешево, я помогу тебе. В «кантине»[7] (это столовая) за 1 franc – чудная еда на весь день. Комната 30 fr., а м<ожет> б<ыть>, ты сможешь жить у нас. У нас громадный чердак, много мебели.

Я просто своим священнейшим долгом считаю тебя звать; это неповторимо. Пусть денежный вопрос тебя не останавливает. Напиши, я вышлю.[8]

Цикл в Вене о жизни между смертью и рождением. Религия людей на земле духи – боги, но религия богов и духов – вдали идеал человека, храм. Пройдя после смерти

дух<овные> миры, человек полон дух<овных> сил, и вот ему нужно воплотиться, п<отому> ч<то> только через воплощение и страдание он может отделаться от недостатков, приблизиться к идеалу человека; но Люцифер подходит с искушением остаться с богами в дух<овных> мирах. Возникает борьба Люцифера со стражем порога, кот<орый> побуждает человека к осуществл<ению> идеала; результат борьбы тот, что человек столкнут на физ<ический> план из времени в пространство. Боги закрывают его глаза, не дают ему видеть дух<овного> мира, которого он еще не достоин, надевают радужную повязку на глаза. Христос соединил две религии в одно. С этой точки зрения, объяснял он, в Боге рождаемся, во Христе умираем, в Духе св<ятом> воскресаем. И наш храм построен по тому прообразу. Все это так велико, что, правда, надо не говорить, а видеть. Если ты достаточно безумен, то приезжай. Д<окто>р здесь, работает с нами. Вспомни твое ощущение от него.

Целую и жду.

Поцелуй от меня маму. Ее кафтан производит здесь фурор и так удобен при работе.

Arlesheim (bei Basel). Mattweg 352.[9]

[1] Датируется согласно «Трудам и дням-1» (С. 349).

[2] См. примеч. 8 к п. 487.

[3] «Работаем над одним архитравом, – рассказывала Сабашникова в недатированном письме к А.М. Петровой (апрель 1914 г.): – Белый с женой, ее сестра с мужем и я. Только обедаем в кантине под цветущими яблонями да пьем кофе в 5 ч<асов>. Работаем молча, с азартом; зато за обедом (у нас обедает человек 70) говорим глупости и хохочем. Все дети. Работа общая, радостная. Работаем на лесах (хотя архитрав этот стоит на земле пока, но таковы размеры!). Я посыпаю стружками плешину Андрея Белого. Очень жду Макса, он будет здесь так у места. Так понять сможет это воплощающееся чудо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 40, л. 33 об. – 34).

[4] Додекаэдр (*греч.* δωδεκά-εδρον) – двенадцатигранник (многоугольник из 12 пятиугольных граней, 30 ребер и 20 вершин).

[5] Ветхозаветной истории о Хираме (Адонираме), строителе Соломонова храма (2 Пар. II–V), и масонской Храмовой легенде

Штейнер посвятил несколько лекций еще в 1904–1905 гг. (см. примеч. 8 к п. 214).

[6] Сабашникова приводит слова Штейнера из его обращения («О строительстве Иоаннова здания в Дорнахе»), произнесенного 14 апреля 1914 г. перед последним докладом венского цикла: «...Eine Verkörperung des sprituellen Wesens, dem wir zugetan sind» (см.: *Steiner R.* Inneres Wesen des Menschen und Leben zwischen Tod und neuer Geburt. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1997. S. 182; GA 153).

[7] Kantine (*нем.*) – столовая, буфет.

[8] Ср. также примеч. 1 к п. 490.

[9] См. примеч. 15 к п. 487.

490. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

19 апреля / 2 мая 1914 г. Дорнах

2 мая.

Милый Макс, когда ты приедешь? Я сняла тебе комнату, очень хорошую и дешевую. Не хотела пропустить этот случай, п<отому> ч<то> теперь здесь все труднее найти комнаты. Комната с услугами 25 fr. В кантине питаться совсем дешево. Так что вполне могу пригласить тебя в гости и очень жду. Нюшенька ждет ответа относительно денег на дорогу,[1] п<отому> ч<то> у меня в данный момент их нет, но впоследствии, благодаря дешевизне здешней жизни, будут. Здесь ты сможешь полдня работать в Храме, полдня писать свое. Тут тихо и хорошо. Приезжай не откладывая. Весь этот месяц Доктор будет у нас, а потом начнутся разные циклы, так что не откладывай поездки. М<ожет> б<ыть>, можешь так устроиться, что в Феодосии на дорогу возьмешь у кого-нибудь, а отсюда вышлешь.

До свиданья.

Маргоря.

В конце мая съездим в Париж на лекции Д<окто>ра.[2] Ты сможешь проверить свои готические впечатления в Шартре, Париже, Страсбурге, Базеле, поняв их в связи с Johannesbau.

Если тебе почему-либо нельзя приехать, я передам комнату, но было бы жаль.

[1] А.Н. Иванова приехала к Сабашниковой в Арлесгейм 11/24 апреля 1914 г. «Вот второй день, к<а>к я с Маргорей, – писала она Волошину 12/25 апреля 1914 г. из Арлесгейма. – Здесь чудесно, но, к сожалению, льет дождь. Маргорю я видаю мало, ибо она очень много работает на постройке. Она страшно увлечена работой и физически даже почти не устает. Она хочет привлечь сюда всех и меня очень зовет остаться дольше, сделаться членом и работать с ней. Но я не чувствую, что для меня это сейчас нужно, и отказываюсь. Не хочу пассивно записаться членом, чтобы быть только с Маргорей. Лишь тогда сделаюсь членом, когда буду этого хотеть. А когда это будет и будет ли когда, – я не знаю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 104–104 об.).

А.Н. Иванова провела у Сабашниковой более недели. «Гостит у меня милая, милая Нюшенька; но мало ее вижу, – сообщала Сабашникова А.М. Петровой (недатированное письмо, написанное в апреле 1914 г.). – Она *членом становиться* не хочет, потрясающе равнодушна ко всем вопросам теософии и потому не принимает участие в работе» (ИРЛИ, ф. 563, оп. 5, ед. хр. 40, л. 33–33 об.). Аналогичный отзыв, сделанный уже после отъезда А.Н. Ивановой, содержится в дневниковой записи от 30 апреля / 13 мая 1914 г.: «Приезд Нюши. Милая душа, но только душа. Нет мысли, нет духа, и становится душно, как под низким потолком. Нет движения, nicht Zeit, sondern nur *Dauer* <не время, а только *длительность. – нем.*>, и что-то, что поражает вообще в России. Все еще покоится окруженное душевностью. Еще не начиналась жизнь.

Какое страдание слышать негодование на Германию, черные тучи лжи и ненависти. И даже через кроткую душу Нюши дохнуло на меня нечто, отчего я была разбита. О как мне вернуться в Россию?

Мужество. Молчание. Мудрость» (ОДГ).

Сабашникова сообщила А.Н. Ивановой о причине, препятствующей приезду Волошина в Дорнах, на что та сразу же с готовностью откликнулась, предложив свою помощь (см. об этом примеч. 4 к п. 486).

[2] С 11/24 мая по 16/29 мая 1914 г. Штейнер находился в Париже. За это время он прочитал три доклада; два из них (прочитанных 25-го и 27 мая) были предназначены для членов Антропософского общества. (Сабашникова в Париж не ездила.)

491. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Май (после 22 апреля / 5 мая) 1914 г. Дорнах[1]

Милый Макс, все твои письма я получила, но не успела ответить. Писать здесь ведь совершенно некогда, с утра до вечера в Johannesbau. Конечно, приезжай, если тебе удобнее, в июне, но оставайся уже до мистерий, до ноября; ведь это будет единственный момент в истории земли.

Жаль, что ты не видишь, как уплотняется храм; как из прозрачного корабля становится массивным. Уже сняли много лесов, и обнару<жи>лись какие-то боковые полукруглые сводчатые залы, таинственные перспективы, ходы. Капители уже подымают на колонны; последняя отделка будет сделана наверху; кончены 14 капителей. Теперь принялись за 12 других для малого полукруга, каждая из этих колонн составлена из двух родов деревьев. Доктор работает изумительно; никто не может скопировать его работы, так отчетливы и чисты грани и так нежны их отношения. На архитравах он сам не работал, он только изредка приходит и делает указания, чертит углем.[2] Архитравы – это какие-то циклопические сооружения. На них в музыкальном непрерывающемся орнаменте – история мира от Сатурна до Венеры. Я хожу в модель. Надо подлезать по<д> маленький храм, внутри все вылеплено Доктором, все капители и архитравы. Изредка бывает лекция о дух<овном> мире, об переживаниях после смерти.[3] Он говорил о том, что переживает теперь недавно умерший поэт – наш член Morgenstern; он был чахоточный; как в его больных органах назревала великая мировая иммагинация; как теперь из этих иммагинаций строится и развивается мир невероятной красоты.[4] Все это связано с нашим храмом. Эти лекции теперь при работе как-то особенно звучат.

Я просила Анненкову выслать тебе «Geheimwissenschaft» по-французски. Эту книгу ты получил или сам выписывал?[5] Выпиши себе из Москвы «Летопись мира»[6] из «Дух<овного> Знания».[7]

Богаевский, посылая мне рецепт красок, неожиданно говорит о «Храме» как о единственном пути. Меня обрадо-

вало это. Если бы он, Рогозинский и братья Веснины приехали посмотреть Johannesbau!

Доктор говорил о храме, что все, что техника дала нового, «первины» новой культуры, дары Аримана в Johannesbau принесены в жертву духовным высшим силам; все, что иначе, направлено на матерьялизм. Это он говорил на лекции. В этой лекции он много говорил об ариманическом влиянии, о бациллах и всяких паразитах, как об симптомах его.[8] В это время в Дорнахе поднялась буря; полосой прошла и разрушила мастерские, снесла крыши, т<ак> ч<то> это стоило много тысяч поправок. Так странно.

Здесь будет строение для отопления Bau; для воды и электричества; в его линиях и формах будет заклят Ариман, пленен.

Всего значения того, что здесь дано, мы, конечно, и понять не можем.

Твою комнату я отдаю Петровскому, кот<орый> скоро приезжает и на очень долго.[9] Ты уж как-нибудь иначе устроишься, хотя летом будет съезд громадный и трудно будет найти место. В соседних деревнях, м<ожет> б<ыть>. Я еще решительно нигде здесь не была. Работой своей недовольна. Мне дают снимать большие плоскости дерева, для чего надо много физ<ической> силы, а формы следить не приходится; душа разрывается при виде, до чего эти орнаменты плохо сделаны сравнительно с тем, что делает и дает Доктор. Я говорю об архитравах. Голоса не имеешь, да и опыта в скульптуре нет, и возвращаешься часто с грустью в сердце. И несколько дней была невралгия руки, тогда уже совсем здесь трудно; сидеть дома здесь трудно, если взялся за работу.

Ну, до свиданья, привет маме. Я не снимаю ее кофты.

Будь радостен. Маргоря.

P.S. Лиля и Борис не приедут сюда до декабря.

То, что ты пишешь о Людвиге, меня радует, но мне странно, что с отъезда он ничего не написал мне, кроме открыток, даже не известил, был ли в Вене, как предполагалось. Его поведение более чем странно. Я ему взяла билет

до границы, дала денег, узнав цену билета до Феодосии, специально, кроме это<го>, дала на Вену, на Киев, прибавила 15 рубл<ей> на паспорт и 20 рубл<ей> на первый месяц. Он приехал без денег. Куда же он девал их? Спроси у него.

Читай «Geheimwissenschaft»; там очень, очень много дано.

[1] Датируется по содержанию и упоминанию о базельской лекции Штейнера, в которой он говорил, в частности, о К. Моргенштерне (22 апреля / 5 мая 1914 г.).

[2] Ср. запись в дневнике Сабашниковой от 10/23 мая 1914 г.: «Вчера на архитравах Доктор указывал, как нам делать Марс. Изумительно, как он видит в глыбе дерева форму и неожиданно освобождает ее из толщи. Как величайший мастер, указывает главные плоскости. Объясняя что-то Качер, он сказал: "Историки искусства совершенно ошибаются, думая, что акантовый лист послужил основанием для капители. Эта форма явилась из духовного мира, но она отвечала акантовому листу в природе, и они, найдя потом это сходство, стали довершать его"» (ОДГ; акантовому листу Штейнер посвятил в июне 1914 г. отдельную лекцию – см. примеч. 2 к п. 492.)

[3] Имеется в виду лекция Штейнера «Пробуждение спиритуальных мыслей как требование времени», прочитанная в Базеле 22 апреля / 5 мая 1914 г. для членов Антропософского общества (GA 154).

[4] Штейнер говорил о том, что в больном теле К. Моргенштерна присутствовали «сильные имагинации», создавшие в его душе «мощную картину духовного мира», великолепие которого и созерцает ныне покойный (*Steiner R.* Wie erwirbt man sich Verständnis für die geistige Welt? Das Einfliessen geistiger Impulse aus der Welt der Verstorbenen. Sieben Vorträge gehalten in verschiedenen Städten zwischen dem 17. April und 26. Mai 1914. Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1985, S. 54; GA 154).

[5] Французское издание этой книги (*Steiner R.* La science occulte / Traduit de l'Allemand, avec l'autorisation de l'auteur par Jules Sauerwein. D'après la quatrième édition. Paris: Perrin et Cie, 1914) сохранилось в ДМВ (Мемориальная библиотека... С. 402). См. также примеч. 17 к п. 483.

[6] Имеется в виду: *Штейнер Р.* Из летописи мира. (Aus der Akasha-Chronik). Разрешенный автором перевод. М.: Духовное знание, 1914 (имя переводчика не указано).

[7] «Духовное знание» – московское издательство, созданное в 1912 г. для распространения в России антропософского учения и публикации трудов Р. Штейнера в русском переводе. «Издательство

"Духовное Знание" в основу своей деятельности кладет принципы, которым служит Антропософическое общество, – говорилось в печатном каталоге издательства. – <...> Для достижения означенной цели "Духовное Знание" издает книги современных и старых авторов, отвечающих назначению указанного круга идей» (в кн.: *Штейнер Р.* Очерк тайноведения. С. 430). Первоначально помещалось по адресу: Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9 (московский адрес конторы издательства «Мусагет» и редакции журнала «Труды и дни»). Инициаторами и основными сотрудниками издательства были супруги Б.П. и Н.А. Григоровы и А.С. Петровский, осуществлявший редакторскую работу (см.: Vor dem Thore. S. 223–229; раздел «Der Verlag Duchovnoe znanie»).

Деятельность издательства фактически прекратилась в 1918 г., однако в 1920 г. «Духовное знание» выпустило вторым изданием брошюру Штейнера «Рождество. Размышление из жизнемудрости (vitaesophia). По рождественской лекции, прочит<анной> 13 дек<абря> 1907 года» (1-е изд. – 1918; имя переводчика в обоих изданиях не указано).

Сабашникова была тесно связана с «Духовным знанием». В 1912 г. в этом издательстве перепечатана подготовленная ею книга «Избранные проповеди» Мейстера Экхарта – сокращенный вариант мусагетовского издания (см. примеч. 6 к п. 478), а в 1913 г. – перевод книги Штейнера «Путь к самопознанию...» (см. примеч. 2 к п. 479 и примеч. 17 к п. 483) и книга «Святой Серафим» (о св. Серафиме Саровском).

[8] См. примеч. 3.

[9] А.С. Петровский приехал в Дорнах в мае 1914 г. – «с годовым отпуском, чтобы работать при "*Ваи*"» (Андрей Белый и антропософия-1. С. 385); уехал в июне 1915 г.

492. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ[1]

Июнь 1914 г. Дорнах

Милый Макс, когда ты приедешь? Отчего ты замолчал? Дело в том, что работники очень нужны. Что нас только сто человек, а работа трудная, напряженная, физически тяжелая, что мы надрываемся. Капители начерно сделаны и подняты, также уже подняты часть архитрав<ов>, остается другая часть

архитравов (а ведь это циклопические куски!), цоколи всех колонн, громадные барельефы внешней архитектуры, порталов и окон (наличников), начинается шлифовка стекол для окон, живопись куполов. Мы работаем с утра до вечера непрерывно, и многие уже очень устали; нужна помощь, стоящие вне не представляют себе, что это за работа; а ведь нужно к декабрю кончить; если не прибудет помощь в виде ряда сильных мужчин – не поспеем к декабрю, а <от> этого зависит судьба движения. Я смотрю так на это: этого момента не повторится, надо всем жертвовать. Приезжай скорее и зови с собой тех, кто может стать членом и помогать: Богаевского, напр<имер>, Рогозинского.

Какой напряженный темп нашей жизни, и какие откровения – это ты увидишь, приехав. В мастерских Доктор постоянно читает нам лекции о храме. Одна лекция была о «листе Аканта»,[2] о происхождении коринфской колонны из ясновидения и ясночувствования сил земли и солнца; о нашем Bau как «негативной форме» для духа, так слово, ударяясь о материю, организует формы, истинный наш Bau невидим, виден лишь негатив его; в другой раз он говорил о том, что «красота спасет мир», о живых силах наших барельефов как органе, через кот<орый> Боги говорят, об окнах как о пути к потерянному раю. Bau – уголь, кот<орый> изнутри станет алмазом, снимет сам себя, открывая доступ в дух<овный> мир. Доктор в той лекции вновь по-новому определял греческий храм, как алтарь земли (тяжесть земли преодолена законом равновесия), святилищем страны, где обитает Бог. Романский храм, где община замыкается о<т> мира со своим Духом, готика, как ее ответвление, где община не только учится, но работает вместе с богами, это «кристаллизация ремесла», сказал он. Наш храм по сравнению с современной немой архитектурой – говорящий храм. Его формы сделают то, чего учения и законы не могли сделать, прольют гармонию, любовь в человечество. «О, если бы все, все люди могли быть в этих покоях», – воскликнул он; и призывал благодать на нашу работу, которой никто не достоин, если не забудет себя.[3] Мне, к сожалению, некогда писать.

Строится здание для отопления, в кот<ором> будут заключены ариманические силы электричества и паровых котлов, это здание в своих формах воплощает и тем сам<ым> пленяет, закрепляет в себе Аримана и отводит его от Храма. Оно будет высоты с «Bau». Вид оно <и>меет сфинкса, рысьего бога. Труба, как венец на голове, как растение, два купола – лапы. Оно спокойно и насторожилось. Его будут отливать из железного бетона. Нечто вроде этого.[4]

Приезжай, увидишь. Я подружилась с главным инженером, кот<орый> нашел тайну купола. Он мне много объясняет.[5] Напиши, куда выслать тебе деньги. Телеграфируй, если надо, Нюше или мне. Спеши. Петровский и Сизов здесь. Ты остановишься у Трифона.[6]

Целую, жду.

[1] Датируется по упоминанию о дорнахских лекциях Штейнера, первая из которых состоялась 25 мая / 7 июня, вторая – 4/17 июня, третья – 15/28 июня 1914 г. (Две лекции были прочитаны в июле 1914 г.)

[2] Лекция Штейнера «О происхождении мотива акантового листа» («Über die Entstehung des Akanthusblattmotivs») из цикла под названием «Общий первоисток архитектурных форм в Дорнахе и греческого орнамента аканф» состоялась 25 мая / 7 июня 1914 г. (см. в кн.: *Штейнер Р.* Пути к новому архитектурному стилю. «И Здание становится человеком». Восемь лекций... С. 59–80). «Вчера в Schreinerei <столярной мастерской. – *нем.*> лекция об искусстве, – сообщала Сабашникова Е.А. Бальмонт. – Мы сидели на досках. Лекция называлась "Über das Akantusblatt" <"Об акантовом листе". – *нем.*>. Нас работников сто человек. Я счастлива здесь, как только человек может быть счастлив. Какие тут хорошие есть люди. Здесь всех на деле видишь» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 8–8 об.; дата на письме – 9 июня).

[3] Цитата из лекции от 7 июня 1914 г.

[4] Сабашникова описывает здание котельной (Heizhaus) при Гетеануме, выстроенное в 1914 г. по проекту Штейнера (в стиле «модерн»). Здание сохранилось до настоящего времени (модернизировано в 1990 г.) и обеспечивает теплом как основной корпус, так и ряд близлежащих строений.

[5] Имеется в виду Й. Энглерт, с которым у Сабашниковой весной 1914 г. сложились близкие отношения; ему посвящен ряд записей в ее дневнике. Так, 1 июля 1914 г. она пишет: «Встреча с Э<нглертом> – испытание, кот<орое> ставит мне жизнь. Нельзя уходить от жизни. <...> Вот человек, всего добившийся сам и сохранивший чистоту души, подходит к Доктору и нужен Доктору. Через него могут осуществиться изобретения в Штрадеровском духе, несущие спасение человечеству в соц<иальном> и дух<овном> отношении. Все время постройки Johannesbau <Иоаннова Здания. – *нем.*> через его чистую душу и благодаря его опыту приходили верные решения и поступки. А постройка Johannesbau – только начало великого дела. И этот человек всей силой своей чистой и сильной души любит, в 40 лет любит в первый раз <в> жизни» (ОДГ; Штрадер – изобретатель, герой мистерии Штейнера «Страж порога», 1912).

Тогда же Й. Энглерт сблизился и с Андреем Белым. Ср. в его «Материале к биографии...» (апрель 1914 г.): «М.В. Волошина стала сильно дружить с инженером Энглертом, познакомила меня с ним; и с той поры начинаются наши частые встречи и разговоры с Энглертом; он оказался замечательно умным, весьма начитанным человеком: прекрасный математик, талантливый инженер, астроном, астролог и глубокий знаток исторической мистики; он быстро выдвинулся в ряду строителей, оттеснив первоначального архитектора Шмидта и, в сущности говоря, один руководил всеми инженерными и строительными работами; он разрешил весьма остроумно проблему соединения куполов "*Вау*"; доктор ежедневно являлся в его комнату при "*Вау*" и просиживал с ним часами; беседы с Энглертом мне очень многое дали» (Андрей Белый и антропософия-1. С. 385; упоминается Карл Шмид-Куртиус (1869–1941), первый архитектор Гетеанума).

[6] Ср. примеч. 15 к п. 487.

493. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Между 19 июня / 2 июля и 27 июня / 10 июля 1914 г. Дорнах[1]

Милый Макс,

Сейчас получила твое письмо. Или наши письма разошлись, или мое пропало. Я только что тебе писала длинное,[2] а посылала и открытки.[3] Получил ли ты его?

Не знаю, что тебе посоветовать, сначала ли сделать путешествие по городам или потом. Получив здесь ключ к тайне линий, форм и цветов, ты лучше сможешь понять и готику; но с другой стороны, оказавшись здесь, уже трудно будет отсюда уехать тебе, п<отому> ч<то> жизнь здесь кипит, захватывает, работники, особенно художники, обладающие мускулами, нужны чрезвычайно. Поэтому думаю, лучше тебе будет *сперва* исполнить обязательство по отношению к книге (очень приятное обязательство), а потом засесть за работу здесь и пробыть здесь до декабря.

Была еще лекция Доктора о действии на астр<альное> тело геометрических фигур;[4] он старался раскрыть, почему так прекрасны и радостны формы всех окон, дверей и линий храма нашего. *Все в движении*. Это новое в архитектуре здесь. Ну, милый, приезжай, писать невозможно, но рассказать и показать можно бесконечно.

Купол кроется серебристым норвежским шифером. Храм будет весь светлый, серебристый, как голубь. Я раз неожиданно увидала его из горной долины. Мне показалось, что я вижу его *из времен* – замок Грааля.[5] Он из серого дуба; началась работа скульптуры в дубе над окнами и порталами. М<ожет> б<ыть>, от 12 до 20 июля нов<ого> стиля я буду на цикле в Швеции «Христос и Душа».[6] Но это – в зависимости от работы. Если ты приедешь без меня, то Трапезников тебя повсюду введет и остановишься ты у него. Он живет рядом с нами.

Хочу еще очень просить тебя очень позаботиться о своем внешнем виде, дабы не выделяться; это для нашего общества, нас просили быть очень приличными ввиду настроения туземцев, ты же особливо неприличен. Обстригись и приче-

шись, можно, как в год «нашего семейного счастья». Ты тогда был такой почтенный, с косым пробором и умеренными волосами и бородой; такой благообразный. Посылаю тебе образец – твой тогдашний портрет. Уподобься ему. Блузу для работы купим в Базеле или захвати, если имеешь нечто приличное, ибо в пиджаке работать жарко и трудно. Прости за эти просьбы, не обижайся; это необходимо.

Напиши скорее, когда и как приедешь. Готовься к чуду и к величайшему, что есть в жизни. Я не устаю этому чуду изумляться.

Ал<ександра> Мих<айловна> мне не пишет.

Привет маме и Богаевскому.

Твоя Маргоря.

Адрес Трапезникова Mattweg 334.

Все советуют тебе сперва совершить поездку по городам, потом здесь работать.

Анненкова просит привезти ей в подарок этюд, как ты Нинике подарил. У меня для тебя от Нюши краски и бумага.

[1] Датируется по содержанию (упоминания о лекциях Штейнера).

[2] Вероятно, п. 492.

[3] Сохранилась лишь одна открытка (п. 485).

[4] Имеется в виду лекция, прочитанная 15/28 июня 1914 г. в Дорнахе (для строителей Иоаннова Здания) – об архитектурных формах, идее «нового зодчества» и т.д. (см.: GA 286).

[5] Это событие, запомнившееся Сабашниковой, произошло, как свидетельствует запись в ее дневнике от 18 июня / 1 июля 1914 г., во время ее прогулки с Й. Энглертом, состоявшейся после упомянутой лекции Штейнера. «В воскресенье, – записано у Сабашниковой, – была лекция Доктора о геометрических фигурах в связи с нашим храмом. Я видела, что Э<нглерт> грустный, расстроилась от того, что мы не видались весь день. И я испугалась. О, если бы не замутить этой души. Он должен ясно понимать, что я могу быть только добрым товарищем, и вечером в горах я опять это повторила. Мы шли вверх по горной долинке без дорог. – "Вы любили кого-нибудь". – "Да, я люблю, которого я не знаю". – "Еще вопрос: уверены ли Вы, что Вы его узнали бы?" – "Да, я думаю". И я видела, что он потрясен. Но тут он что-то увидал и тихонько повернул меня назад, там вдали между

гор внизу, в конце долины, мы увидали Johannesbau, серебристый, как голубь, как замок Грааля, там вдали он как бы плыл. И казалось, что мы видим его не из пространства, а из времени, из времен прошлых или будущих» (ОДГ).

[6] Цикл «Христос и человеческая душа» (GA 155; рус. пер.: М.: Антропософия, 1999) был прочитан Штейнером в Швеции 12–16 июля 1914 г. (по новому стилю). «В середине июля Рудольф Штейнер поехал в Швецию читать лекции в Норчёпинге, – вспоминала Сабашникова. – Мы с моими друзьями Бугаевыми последовали за ним, и из России несколько человек приехали туда же. <...> Лекции <...> оставили в душе совсем особое впечатление, может быть, потому, что читались непосредственно перед мировой катастрофой. Они заставили нас осознать, что свободная воля и божественное познание – двуединая цель человеческой эволюции. <...> Друзьям, собравшимся на этот цикл, Штейнер однажды показал диапозитивы строящегося Здания; и в этом отдалении мы, дорнахцы, еще ярче осознали, что значит для нас возможность там работать» (Зеленая Змея. С. 246–247).

1915

494. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Февраль (после 7/20) – 1915 г. Дорнах[1]

Милый Макс,

Мне очень совестно, что я до сих пор тебе не писала; но ты знаешь, как трудно здесь писать.

Во внешней жизни ничего не меняется, а вокруг Bau и в нем совершается так много, так грандиозно все, что здесь открывается в области искусств и понимания человеческой эволюции, что пришлось бы ежедневно писать фолианты.

Работа идет своим порядком. Сняли леса в малом куполе. Он совсем иной, чем большой; если в том все во времени и движении, здесь все в духовном пространстве, все <в> покое, все кристальное, эллинское. Средняя композиция купола – Христос среди Аримана и Люцифера – дана датскому художнику Розенкранцу. Внизу на востоке грандиозная скульптура из 7-ми деревьев, достигающая 2 трети колонн на ту же тему. Только в живописи Люцифер, освобожденный, красным облаком, возносится из сердца Христа, в скульптуре же он падает в пропасть со сломленными крыльями. Ариман и тут и там в земле скован цепями из солнечных лучей. Доктор сам вылепил голову Аримана, лепит Христа. Это нечто невыразимо прекрасное.

Художники делают успехи. Очень хороши вещи поляков.[2] Греческая культура. Весенний трагический пейзаж в цвету. В нем красный сфинкс угрожает в кошмаре человеку, а голубого человек свергает в пропасть. Странных, страшных сфинксов сделал Пан Поляк <*sic!*>.[3] Д<окто>р ими доволен.

Моя работа идет медленно. Очень устаю от электричества и отсутствия воздуха.

Ты пишешь, что тебе враждебна нем<ецкая> культура,[4] а антропософия близка. Я думаю, что благодаря незнанию языка ты мало проник и в то, и в другое, знаешь все отрывочно и поверхностно. Иначе не мог бы разделять эти 2 вещи. Если бы ты стоял на почве антропософии, то не думал бы о том, что тебе лично чуждо или тебе лично мило, а искал бы оценить объективное значение явления, забыв личные пристрастия и склонности. Ты понял бы, что антропософия немыслима без германской культуры, миссией которой она является, что миссия эта в своем начале, что все: Гете, Шиллер, Фихте, Новаллис <*sic!*>, Вагнер, Гегель и др<угие> говорят о том же – готовят ей путь, что не случайно новые мистерии и медитации даны на этом языке и теряют силу мантры на другом, и что, наконец, железная броня, организация и дисциплина на физ<ическом> плане – необходимость для защиты этого идеала; условие борьбы с Ариманом, что, наконец, смысл земли в этом «Я» человечества и центр тяжести в 5<-ой> подрасе, как 6-ая подраса и раса будут смыслом Юпитера.[5] Ученик должен учиться отрешаться от субъективизмов и судить вещи по их существу, чтобы действовать в смысле правды. Читай больше Доктора, это тебя освободит.

Всего лучшего.

Маргарита.

Энглерт кланяется тебе. Он был месяц в Германии.[6] Он здоров теперь.

[1] Датируется в связи с упоминанием о возвращении Энглерта из Германии (см. ниже примеч. 6).

[2] Имеются в виду Р. Полляк и его жена Хильда.

[3] Т.е. Р. Полляк.

[4] Критическое отношение к германской культуре (в противовес французской) сложилось у Волошина еще в ранней юности. См. его признание в письме к Сабашниковой от 27 августа / 9 сентября 1905 г. о том, что он «глубоко ненавидит» и «презирает» немцев (п. 124). «Вы знаете, что мне Германский дух был всегда враждебен и до войны», – писал он А.М. Петровой 13/26 декабря 1915 г. (Т. 10 наст. изд. С. 448–449).

«Антинемецкие» настроения Волошина и особенно его «галломания» вызывали у Сабашниковой неприязненное чувство. Ей казалось, что Волошин скользит по поверхности, основное внимание уделяя форме и не желая приобщиться к «сокровенному», т.е. божественному. Внимание Волошина к внешней стороне литературного творчества, его «культурный» стиль и стилистические «изыски», скорее, раздражали Сабашникову, о чем она писала А.М. Петровой еще в 17 февраля / 2 марта 1909 г. (см. примеч. 5 к п. 462).

Разумеется, в этом конфликте между Сабашниковой и Волошиным, подспудно ощутимом еще в 1904–1906 гг. и отчетливо обозначившемся после их расставания, отражалось, по сути, не столько различие германского и романского духа, сколько столкновение религиозной веры и художественного творчества. «Я согласна с Вами, – писала Сабашникова Петровой 24 января / 6 февраля 1911 г. (из Мюнхена), – что он <Волошин> талантлив, но считаю его статьи парадоксальными, произвольными и очень вредными благодаря всеобщей путанице в наши дни. – Мне больно читать их; это нездоровое французское направление, не религиозное отношение к мысли. Только бы было блестяще и интересно, и оригинально, а верно ли, *плодотворно* ли для души, об этом он не заботится. Играет большими, великими проблемами; делает парадоксы из слов Евангелия. Ведь во мне не личная антипатия говорит, он враг мне принципиальный, но я желаю ему добра и радуюсь, когда его любят по-настоящему» (Там же, ед. хр. 39, л. 5–5 об.). И в другом письме к А.М. Петровой (от 18/31 мая 1911 г. из Парижа): «Когда я читаю его <Волошина> статьи, такие талантливые, я всегда очень огорчаюсь несерьезностью их. Как его французы испортили!» (Там же, л. 18).

Волошин же, со своей стороны, упрекал Сабашникову в догматизме, узости ее позиции, неумении выйти за рамки теософских теорий и т.д. См. также примеч. 4 к п. 458.

[5] Подраса – теософский термин, обозначающий человеческий тип, каким он складывается в течение временного периода в 2000 лет (Штейнер предпочитал пользоваться термином «культурная эпоха»). Пятая и шестая подрасы послеантланической эпохи (или «коренной расы»), приходятся, по летоисчислению Штейнера, соответственно на 1413–3573 и 3573–5733 годы. По завершению шестой и седьмой (5733–7893) подрас, человек обретет новое (пятое) «планетарное воплощение» – состояние Юпитера.

[6] См. запись в дневнике Сабашниковой от 23 февраля / 7 марта 1915 г.: «Э<нглерт> вернулся из Германии в удивительном подъеме. Они вошли к нам втроем 20 февраля, Унгер, Аренсон и он, говорили о лекциях Д<окто>ра...»

495. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

23 ноября / 6 декабря 1915 г. Дорнах

6 декабря.

Милый Макс, пишу тебе на авось в Париж. Не думай, что я совсем забыла тебя, что так долго не пишу, но ты знаешь, как у нас тут живется. Все время принадлежишь не себе, все вечера даже заняты разными лекциями; а в воскресенье всякие сборища и обсуждения всяких случающихся историй. Радостного у нас, как и везде, мало.

Хочу сообщить тебе печальное известие: скончалась Штинде.[1] Быстро, неожиданно случилось это. Она уехала отсюда здоровой, была больна всего 8 дней; мы внезапно получили телеграмму о ее смерти, ничего не зная о ее болезни: воспалении слепой кишки и брюшины. Скончалась она в том доме, где много лет уже работала, где 10 лет тому назад мы навещали ее в № 55. Скончалась в среду в 9 ч<асов> вечера, когда, по обыкновению, было в этой кв<артире> собрание, кот<орые> она все эти годы вела. Все собрались, как всегда в этот вечер, один господин читал лекцию; вошел Пейперс и объявил о ее кончине. Незаменимая эта утрата. Умный, большой человек была она, широкий, и все силы без остатка отдавала делу. Ничего для себя. Была объективна, практична. Заменить ее никто не может. Мне она была другом, и я верю, что не утрачу связь, если буду достойна. Так реальна ее близость. И так все еще слышится голос ее. Особенно, когда вспоминаешь цвет ее платья. В последнее время, впрочем, она всегда была больше в белом, как старец какой-то.[2]

У нас много, много переменилось. Были встряски, чуть ли не крушение. Многие отошли.

Для меня лично этот год тоже был печален. В живописи не сдвинулась я нисколько. Ряд неудачных смытых ангелов; ни Доктор мной недоволен, ни я сама собою; а между тем я, не прекращая, ежедневно в своем электрическом подвале (где была Экерштенн <*sic!*>[3]). Так-таки ничего не достигла! А то, что делают другие, о Боги, это нечто ужасное; лучше всего оказался Линде, хуже всего Полляки;[4] ее полосатые звери все

становились мертвее, вычурнее, площе;[5] все у них издали бесцветно и без композиции. Но они сделали, а я ничего не сделала. Что-нибудь лучше, чем ничего. Большой купол пишут неотвратимо. Я и не смотрю на этот винегрет. А жаль, что Bau этим испорчен. Занавес тоже пишется у-жааа-сно.[6] В стеклах торжествует католически-декадентский стиль Седлецкого. Рихтер давно уже уехал.[7] Бедный, бедный Доктор! Самое радостное из всего — это евритмия и ее новый отдел, аполлонический.[8] Мы исполняли звездные танцы, 12 знаков Зодиака, 7 планет, констелляции, слова Д<окто>ра. Жаль, что ты Lory[9] не видал. Вот это гениальное существо.

С Э<нглер>том почти не видаюсь, в связи с разными историями попали и мы в историю, записаны были на черную доску; я была объявлена позором общества. Это были крайне тяжелые вещи.[10] Жена его вела себя весьма благородно в этой истории.[11] Он очень занят, измучен.

Я живу Villa Brandis Dornach; одна; и вообще очень одна;[12] кроме Бауэра и жены покойного поэта[13], мало с кем общаюсь, а они живут далеко.

Бугаев пишет роман[14] и читает нам лекции по Канту.[15] Ему теперь лучше. У О<льги> П<авловны>[16] умерла мать в Италии[17].

Напиши мне о своих занятиях; кончил ли ты книгу, что рисовал, как идет внутренняя работа. Напиши и о маме, и всех крымских друзьях. Боже мой, какие тяжелые времена. Как устроился ты матерьяльно? Меня тревожит этот вопрос. Тут всем плохо.

Не придется ли тебе идти на войну? Напиши мне, как тебе живется. Желаю тебе продуктивной, полной жизни. Цена жизни — степень напряжения воли. Это я поняла.

У меня к тебе просьба: пошли мне переписку Van Gog'a[18] и Noa Noa[19] наложенным платежом. Хочется послушать душу художника. Еще «Aurelia» Gérard de Nerval.[20]

[1] С. Штинде умерла в Мюнхене 4/17 ноября 1915 г.

[2] В связи с кончиной С. Штинде Сабашникова писала 2/15 декабря 1915 г. Е.А. Бальмонт: «...Я не часто ее <С. Штинде> видала, но знала, что есть у меня тут верный друг, старый, мудрый, которому

есть до меня дело и к которому я могу всегда пойти, кот<орый> всегда отнесется со всей серьезностью и широким пониманием. Нежность была в ней громадная, не выражающаяся внешне. И она меня любила. О, как пусто, пусто без нее! Что касается до ее помощи Д<окто>ру, то это была его главная опора. Работа в М<юнхене> всецело лежала на ней, 2 залы для народа, где каждый вечер был либо концерт, либо лекция, либо показывались картины, а на Рождество игрались мистерии. Затем осуществление в М<юнхене> мистерий Д<окто>ра, идея Bau и *практическое* осуществление его, кантина и пр. и пр. Все начинала и осуществляла она, неся обо всем заботы ежедневно. Заботы об отдельных людях, о их мат<ериальном> и дух<овном> благе. Сами себя эти 2 трогательных подруги всего лишали, и Штинде 2 раза в неделю вовсе не спала, чтобы все успевать делать. Она была очень истощена на работе. В ней была какая-то особенная тишина и красота в последнее время. Обе они стали прозрачными. Странно, как многие ее не ценили, не любили. Много, очень много тяжелого пришлось ей пережить в сентябре. Помнишь, я писала тебе, что посетила их. Я думала найти ее убитой, а нашла просветленное спокойствие; она сказала: "Мы все пережили много тяжелого за эти дни, чтобы прийти к самопознанию и быть достойными работать после войны". И вот не дожила она до окончания войны, до окончания Bau. <...>

Д<окто>р сказал, что она незаменима на физ<ическом> плане. Он с тех пор здесь не был; мы ждем его на Рождество. Говорят, графиня прозрачна, полна заботы о других, светла. Но что будет, когда вернутся будни.

Как прекрасна жизнь, которая была вся напряжением воли для других. "Мы будем с ней связаны, – сказал Д<октор>, – вечно" и повторил: "Вечно, вечно"» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 2–2 об.; упоминается графиня П. фон Калькрейт, соратница и ближайший друг С. Штинде).

Духовный облик «первохристианки» Штинде воссоздает и Андрей Белый в своей мемуарной книге (*Андрей Белый*. Воспоминания о Штейнере. С. 161–165).

[3] Имеется в виду баронесса И. фон Эккардтштейн.

[4] Т.е. Р. Полляк и его жена Хильда.

[5] Расписывая (вместе с мужем) большой купол Иоаннова Здания, Хильда Полляк пыталась изобразить ряд фантастических существ атлантической и лемурийской эпох.

[6] Волошин вполне разделял мнение Сабашниковой о невысоком уровне живописных работ в Гетеануме. Скептически воспринимая «ясновидение» как метод творчества, характерный для

большинства дорнахских живописцев, Волошин выделял среди них Сабашникову, считая ее подлинным художником. «Единственный настоящий живописец у них <в Дорнахе> – Маргарита (это, кстати, и мнение Штейнера), – писал Волошин 10/23 – 12/25 января 1915 г. Ю.Л. Оболенской из Парижа – Но хотя она и проповедует и ясновидение, и опьянение, и благодать, и отрицает всякое наблюдение, анализ, знание законов, тем не менее, в ней, как в подлинном живописце, все это живет бессознательно, и, укрепляясь духовно, она делает настоящие вещи» (Т. 10 наст. изд. С. 292).

[7] Андрей Белый упоминает в своей книге о Штейнере, что в 1915 г. Т. Рихтер «исчез» из Дорнаха, потому что его «мобилизовали» (*Андрей Белый*. Воспоминания о Штейнере. С. 273).

[8] «Аполлоническим» принято называть эвритмический курс, осуществленный в Дорнахе под руководством Штейнера между 18 августа и 11 сентября 1915 г.

[9] Элеонора Смитс.

[10] Имеется в виду тесная дружба Сабашниковой с Энглертом в 1914–1915 гг., вызывавшая раздражение и кривотолки в антропософской среде. К осени 1915 г. отношения Сабашниковой с ее дорнахским окружением, включая Штейнера и М.Я. Сиверс, заметно осложнились; свидания с Энглертом стали почти невозможными. 21 сентября / 4 октября 1915 г. Сабашникова рассказывала Е.А. Бальмонт:

«Тут были тяжелые события... <...> Нам было показано, что мы с тем, что нам давалось, устраивали игру; жили в тумане личных чувств, облекая их оккультным плащом. Д<октор> написал сатиру, круг зодиаков, «Песнь посвящения», мы исполняли ее. Собирались, думая, как помочь делу, как стать лучше. Мар<ия> Як<овлевна> и ее муж присутствовали. Стали друг про друга собирать факты, грязные истории. Наташа и Ася, имея на меня зуб, доложили старшим о том, что я Э<нглер>та считаю посвященным (чего я никогда не думала и не высказывала), к этому присоединились негодующие голоса обо мне. <...> Моральное общество скандализировано моим существом. <...> Трифон (с кот<орым> я за последнее время разошлась) ходил объясняться по этому поводу с М<арией> Я<ковлевной>. Ей были известны еще какие-то факты или через Лелю, или через т<етю> Таню. Как симптом ее отношения ко мне вижу то, что я исключена после этих событий из танцев (она руководит этим курсом, где принимают участие Наташа, Ася и еще 5 человек). Lory уехала в дни моей катастрофы. Михаил, жена покойного поэта и Lory – это те, кто выказались в эти дни как мои друзья. Остальные – нет. Меня просили не бывать в будочке. Моя хозяйка считает неудобным, чтобы

он бывал у меня. Да ему и времени нет. <...> Он скрепил сердце и взял свой крест. Только это страшно отразилось на его глазах. Я же осталась одна среди враждебных людей. Так же и живопись мою не признают, и Д<окто>ру не нравится, что я делаю, да я и сама недовольна. Я спрашиваю себя, имею ли я право дольше здесь оставаться. Но все надеюсь, что Bau не отвергнет моей работы, что жертвой и страданием я получу право работать дальше» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 17–17 об.; Наташа – Н.А. Поццо; Ася – А.А. Тургенева; Леля – О.Н. Анненкова; Logy – Э. Смитс; Михаил – М. Бауэр; «жена покойного поэта» – М. Моргенштерн. Упоминаются также поэтические тексты Штейнера, написанные в августе 1915 г. (сатира «Песнь об инициации», «Танец планет» и др.), собранные в томе «Изречения» («Wahrspruchworte», 1-е изд. – 1925); GA 40). Эвритмическое представление упомянутых произведений состоялось в Дорнахе 12 сентября 1915 г.).

9/22 октября 1915 г. Сабашникова сообщила Е.А. Бальмонт о своем разговоре с М.Я. фон Сиверс: «Я сказала, что с Э<нглер>том мы больше не видаемся. Она ответила: да, нельзя думать только о том, что приятно и удобно. Поговорили об этих странных днях, когда все всплыло на поверхность. Кто хотел учиться, мог поучиться. Выброшены были элементы, с кот<орыми> нельзя было дальше идти. <...> Так же и в отношении ко мне моих милых графини <и> Штинде нет ни тени осуждения или недоверия. Значит, я могу здесь дальше работать. С другой стороны, так реальна эта невозможность видеться, так грустно жить. На днях мы поговорили несколько минут. Он в полном равновесии, страшно много работает и по делу, и для Д<окто>ра, и с ним. Д<окт>ор проводит в его будочке ежедневно несколько часов. Особенно много занимаются они астрол<огией>. Видимо, он так полон мировым, что личные чувства не имеют места в его душе или, лучше сказать, он не имеет ни времени, ни возможности, ни *права* думать о личном, отдаваться личному. Моя грусть кажется ему слабостью, эгоизмом, сантиментальностью, т.е., по существу, ведь ничего не изменилось. Да, с высшей точки зрения, это так и есть» (Там же, л. 1; «графиня» – П. фон Калькройт).

Связь Сабашниковой с Энглертом полностью прервалась после ее возвращения в Россию (ср. п. 513). В своей мемуарной книге Сабашникова даже не называет его по имени, упомянув лишь о своем «друге» тех лет – «главном инженере», помогавшем Штейнеру в технических вопросах (Зеленая Змея. С. 234).

[11] Имеется в виду Мария Фабер (первая жена Й. Энглерта). «Его <Энглерта> жена выказала себя с прекрасной стороны, – отметила Сабашникова в письме к Е.А. Бальмонт от 21 сентября / 4 октября

1915 г., – написала письмо Д<окто>ру, в кот<ором> сообщила, что ничего против меня не имеет; и одному сплетнику намылила голову. Но это не изменило факта невозможности видеться» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 17 об.).

Обосновавшись осенью 1922 г. в Голландии, Сабашникова отправила жене Энглерта письмо, желая узнать о судьбе своих картин и личных вещей, которые, покидая Дорнах, она оставила у ее мужа. «В Берлине я узнала, что Энглерт женился, а его жена вышла замуж, – писала Сабашникова Е.А. Бальмонт 2 октября 1922 г. (из Голландии). – Здесь узнала о том, что его в Bau судили (в его отсутствие), что он подделывает письма; они (его письмо и письмо, им подделанное) были выставлены в Schreinerei – каждый должен был в этом убедиться сам. От т<ети> Тани узнала адрес его бывшей жены и написала ей. Она ответила очень ласково; ее здоровье совсем разрушено его поведением с ней. Вещей моих у нее нет; сообщила мне его адрес, прося не говорить, от кого я его имею. Я написала ему. Он ответил сейчас же. "Ich bin froh und traurig, daß Sie noch leben" <"Мне радостно и грустно, что Вы еще живы".– *нем.*>. Письмо громадное, в кот<ором> он описывает последние 5 лет. Ужасное по трагизму. Он пишет, что 1918 и <19>19 <гг.> был в постоянной лихорадке, душевно болен; в вечном напряжении добывать деньги для Bau, прибегая в болезненном состоянии ко всевозможным мерам; этого не поняли; втоптали в грязь. <...> Письмо гордое и безнадежное. Не вынес "Lebensprüfung" <жизненного испытания. – *нем.*>. Страдание, через кот<орое> он прошел, невероятно. Не знаю, что мне ему ответить; он не поймет; он не один, за ним католическая церковь. Хочется сделать жест молчания, покоя и любви. Я не могу ему помочь. Увидаться было бы только тяжело.

Все мои вещи и картины пропали. Жена пишет, что они у него; он пишет, что у него ничего нет – все у нее. Они расстались, не видаясь; а меня и тот, и другой считал погибшей. Я, как призрак, встала из могилы.

Вот закончилась одна история моей жизни. Я вспоминаю первые месяцы работы в Bau, его труды, его беседы с Доктором. Его любовь. Но я скорблю не лично, совсем объективно, как о ком-то другом. Жизнь – великий мастер, великий художник. Она умеет попасть в слабое место» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 10 об. – 11).

[12] «Маргарита недавно написала очень грустное письмо: очень там тяжело, – сообщал Волошин А..М. Петровой 2/15 декабря 1915 г. (из Парижа): – Художеств<енная> ее работа опять не ладится, и отношения с людьми смутны» (Т. 10 наст. изд. С. 460).

[13] Маргарита Моргенштерн.

[14] Имеется в виду роман Андрея Белого «Котик Летаев», начатый во французской Швейцарии в октябре 1915 г. и завершенный в октябре 1916 г. (опубликован в первом и втором выпусках сб. «Скифы» в 1917–1918 гг.; отд. изд. – Пг.: Эпоха, 1922).

[15] В декабре 1915 г. (и вплоть до марта 1916 г.) Андрей Белый читал русским антропософам в Дорнахе лекцию «Кант и Штейнер в свете современных теоретико-познавательных проблем» (см. составленный Белым в 1932 г. перечень рефератов, публичных лекций, бесед и пр. под названием «Себе на память» // Андрей Белый и антропософия-3. С. 477–478). См. также рукопись «3 способа кантианского выведения позиции д-ра Штейнера» (РГБ, ф. 25, карт. 37, ед. хр. 6; 25 лл.).

[16] О.П. Костычева.

[17] Сабашникова была знакома с Е.Н. Костычевой (как и, возможно, Волошин). В 1912 г. в Мюнхене Сабашникова, проживая в одном пансионе с О.П. Костычевой, собиралась писать портрет Евдокии Николаевны. «О<льга> П<авловна> умоляет меня начать картину матери, – читаем в дневнике Сабашниковой (запись между 22 ноября и 23 декабря 1912 г. по новому стилю), – и предлагает позировать» (ОДГ).

[18] Письма Ван Гога долгое время печатались фрагментарно (первое издание состоялось в 1914 г.). Можно предположить, что Сабашникова знала публикацию переписки Ван Гога с друзьями в журнале «Золотое Руно» (1908. № 7–9. С. XIII–XVI), тем более что ей предшествовала в том же номере (С. V–XII) статья Волошина «Устремления новой французской живописи (Сезанн, Ван Гог и Гоген)», включенная в «Лики творчества» под заглавием «Лики живописи. Сезанн, Ван-Гог и Гоген» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 46–61).

О письмах Ван Гога Волошин писал Сабашниковой еще в 1904 г. (см. примеч. 4 к п. 7 и примеч. 7 к п. 8). Однако отдельные издания переписки Ван Гога (на русском и других языках) в волошинской библиотеке (ДМВ) отсутствуют.

[19] «Ноа Ноа» (по-таитянски – «благоухающий», «благоухающая земля») – автобиографическая книга П. Гогена, посвященная его жизни на Таити в 1891–1893 гг., быту полинезийцев и т.п. (1894; первая публ. – 1901); написана совместно с поэтом Ш. Морисом. Сабашникова, возможно, видела русское издание: *Гоген П.* Путешествие на Таити. Пер. О.И. Ш. Ред. и вступ. статья Я. Тугендхольда. [М.]: Д.Я. Маковский. [1914].

В библиотеке Волошина (ДМВ) «Ноа Ноа» отсутствует. Однако в статье 1908 г. «Лики живописи. Сезанн, Ван-Гог и Гоген» он опи-

сывает отдельные эпизоды жизни Гогена на Таити именно по этой книге (см.: Т. 5 наст. изд. С. 55–60).

[20] «Аврелия» – незавершенная повесть Ж. де Нерваля (1855); издавалась также под названием «Le rêve et la vie» («Мечта и жизнь»). В библиотеке Волошина сохранилось первое издание этой повести (Paris, 1855); см.: Мемориальная библиотека... С. 330. Первая публикация на русском языке: *Нерваль Ж. де*. Сильвия. – Октавия. – Изида. – Аврелия. Перевод с фр. <Е.С. Урениус>. Ред. и вступ. статья П. Муратова. М.: К.Ф. Некрасов, 1912.

1916

496. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

8/21 января 1916 г. Дорнах[1]

21 janvier.

Cher Max, merci pour l'invitation de venir à Paris, mais je n'ai pas de temps, ni d'argent. Je suis heureuse que tes affaires vont bien.

Ta lettre a mis beaucoup de temps pour son chemin. Je te prie de *ne rien* me dédier dans ton livre, j'ai des raisons sérieuses pour cela; *écris aussi vite* que possible à Moscou pour *anéantir* cette dédicace. Nos tendances surtout dans tout ce qui concerne le mystique ou «l'apocalyptique » sont trop incommensurables.

Ce qui concerne ta traduction, penses-tu donc qu'il soit mieux d'empoisonner les âmes que les corps ?

Écris-moi aussitôt que tu recevras cette carte pour que je sache que tu l'as reçue.

Sois heureux!

Marguérite Volochine.

Exp<éditeur>: M. Volochine, Villa de Brandis, Dornach près Bâle.

Перевод:

21 января.

Дорогой Макс, спасибо за приглашение приехать в Париж, но у меня нет ни времени, ни денег. Я рада, что твои дела идут хорошо.

Письмо твое шло очень долго.[2] Прошу тебя *ничего* мне не посвящать в твоей книге, у меня для этого имеются серьезные

причины. *Напиши как можно скорее* в Москву, чтобы *уничтожить* это посвящение.[3] Наши склонности, особенно в том, что касается мистического и «апокалиптического», слишком несоизмеримы.

Что же до твоего перевода, неужели ты думаешь, что лучше отравлять души, чем тела?[4]

Напиши, как только получишь эту карточку, чтобы я знала, что ты ее получил.

Будь счастлив.

Маргарита Волошина.

Отпр<авитель>: М. Волошина, Вилла Брандис, Дорнах возле Базеля.[5]

[1] Открытка (заказным). Штемпели: отправления – Basel 22.1.16; получения – Paris 24–1–16. Почтовый адрес: «Monsieur Max Volochine 60 Rue de la Tour (Passy) Paris» (по этому адресу проживал К.Д. Бальмонт). Помета неизвестной рукой: «absent de 2-e au 29» (далее *нрзб.*).

[2] Это письмо Волошина, написанное и отправленное, видимо, в декабре 1915 г. (ср. п. 498), не сохранилось.

[3] Волошин не выполнил (или не смог выполнить) просьбу Сабашниковой. Сборник «Anno mundi ardentis 1915», изданный в марте 1916 г., открывался стихотворением «Под знаком Льва», написанным в Дорнахе в августе 1914 г. и посвященным М.В. Сабашниковой.

[4] Вероятно, Волошин сообщил Сабашниковой о переводах Верхарна, выполненных им в 1915 г. по заказу издателя С.А. Скирмунта (см. письмо Волошина к М.С. Цетлиной от 25 августа / 7 сентября 1915 г. // Т. 10 наст. изд. С. 423, 425). Негодование Сабашниковой могло в особенности вызвать стихотворение «Окровавленная Бельгия» с его заключительными строками: «О, Фландрия! Каких невыразимых дел, / Какого ужаса, безумия, трагизма / Ты стала зрелищем! Как страшен твой удел / Быть жертвой голода германского садизма!» (см.: Т. 4 наст. изд. С. 82).

[5] Перевод с французского выполнен П.Р. Заборовым.

497. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Конец января 1916 г.[1]

Милый Макс, боюсь, что моя открытка тебя огорчила; на французском языке я выразилась очень нелепо. Я хотела поскорее предупредить тебя, чтобы ты отнюдь не посвящал мне стихотворений. При свидании объясню, почему. Но в этом нет ничего обидного.

Я очень рада за тебя, что ты так много работал и матерьяльно хорошо устроился.

Из стихотворений, кот<орые> ты послал, мне больше всего нравится о Христе, хотя не совсем, в конце есть эстетизм.[2] А об России мне что-то неприятно.[3] Я не люблю, когда над Россией сантиментально умиляются и когда русские *гордятся смирением*. Всякую слезливость я теперь просто ненавижу. Мне кажется, что об этом теперь совсем, совсем нельзя тратить слов, должно быть *целомудрие*.[4] Не скрою от тебя, что «Страшный суд», где раскрываются нарывы и гнойники–могилы и растут побеги бледных ног и рук,[5] на меня и на других произвело отвратительное впечатление отвратительным *матерьялизмом*, а когда после этого каждый становит<ся> кругом Зодиака и себя судит, хочется просто кричать от этого кощунственного смещения, от этой безвкусицы; как от фальшивой музыки. Мне жаль огорчать тебя, но когда здесь понимаешь, учишься чувствовать всю святость, всю значительность слов, такие выходки, такое смещение плоскостей делают страшно больно.

Милый зверек, что ты ухватил с ковчега?[6]

У меня бессильно опускаются руки, и я не знаю, как помочь горю. Ну, довольно об этом. Я это не говорю, чтобы обидеть тебя, но чтобы ты знал мое мнение. Я желаю тебе от всей души всего лучшего.

Если тебя призовут, то не на фронт, п<отому> ч<то> ты стар; тебе дадут тогда другую службу цензора или почтаря, что-нибудь канцелярское. А вот Трифон ждет, что его возьмут.[7] У нас почти никого не осталось. Финансов тоже нет. Рабочих распустили. Мы все сложились, чтобы платить двум столя-

рам. Большой купол скоро закончат расписывать. Мы начнем в мае. Кемпер очень жалеет, что ты не будешь расписывать занавеси. Ольга Павл<овна>[8] тебе очень кланяется и просит не посвящать ей «гнойников».[9] Она живет с тихой рыженькой англичанкой. Бор<ис> Ник<олаевич>[10] пишет интересный роман и читает нам лекции.[11]

На Рождестве исполнялись средневековые мистерии и миракли о трех королях, Ироде и пастухах.[12] Очень, очень хорошо.

В евритмии я исполняю юмористические вещи Кристиана М<оргенштер>на[13]. Седлецкая и я — единственные таланты. Д<окто>р всегда требует повторения. В прошлый раз я исполняла непрерывно подряд «Молитву змеи», «Старый корень», «Пудель», «Четыре четверти свиньи»[14] и т.д. до изнеможения.[15] Не знаю, можешь ли ты себе представить по этому настроение здесь.

Седлецкий очень тебе кланяется. Также ночной сторож говорил мне, что очень тебя любит.

Прости мои резкости. Кланяйся милому Парижу. Я бы хотела повидать его, но у меня нет ни денег, ни времени.

Всего тебе хорошего.

Маргоря.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Речь идет о стихотворении «Не ты ли...» (дата написания — 1 декабря 1915 г.), впервые опубликованном под заглавием «Над законченной книгой» в сборнике «Anno mundi ardentis 1915» (С 63–65).

[3] Имеется в виду стихотворение «Россия (1915 г.)», написанное в августе 1915 г. в Биаррице (первая публикация — 1917). Предназначавшееся для сборника «Anno mundi ardentis 1915» как заключительное стихотворение раздела «Внутренние голоса», оно было исключено Волошиным из готовой книги с пометой: «Седьмое стихотворение этого цикла, обращенное к России, не должно быть напечатано теперь по внутреннему убеждению автора» (С. 22).

[4] Стихотворение «Россия» не понравилось, видимо, и Е.О. Кириенко-Волошиной, что можно понять из письма к ней А.М. Петровой, на которую это стихотворение произвело совершенно иное впечатление. «Знаю от Ек<атерины> Мих<айловны> Манасеиной, что Макс<имилиан> Ал<ександрович> прислал уже Вам свое новое

стихотворение "Россия", – писала Петрова Елене Оттобальдовне 8 сентября 1915 г. – Неужели оно не нравится Вам? Бросьте смотреть, что это "родний" несуразный сын писал; посмотрите, *какой* поэт это написал! Мне оно страшно дорого еще и потому, что никто уже не сможет сказать, что "Макс равнодушен к России"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 13, л. 4).

[5] Имеется в виду стихотворение «Суд» (февраль 1915 г.), впервые опубликованное под заглавием «Dies illa tam amara» <«День этот так горек». – *лат.*> в журнале «Русская мысль» (1915. № 4. Отд. I. С. 5–6) как седьмое (последнее) стихотворение цикла «Anno mundi ardentis 1915». Впоследствии вошло в качестве завершающего стихотворения в цикл «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» (см.: Т. 2 наст. изд. С. 60–62; 658; коммент. В.П. Купченко).

[6] Задавая Волошину этот иронический вопрос, Сабашникова хотела узнать, насколько обогатился его духовный опыт за время пребывания в Дорнахе. При этом Сабашникова обыгрывает последние строчки посвященного ей стихотворения «Под знаком Льва»: «И я, как запоздалый зверь, / Вошел последним внутрь ковчега» (Т. 1 наст. изд. С. 224). Волошин подразумевал в этих строках свой приезд в Дорнах 31 июля 1914 г. – в день начала войны. См. запись в его дневнике от 18/31 июля 1914 г.: «Приехал в 5½ ч<асов> вечера в Базель. <...> Я чувствовал себя одним из нечистых животных, запоздавших и приходящих в ковчег последним» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 165–166). Через несколько дней, 28 июля / 10 августа, Волошин пишет А.М. Петровой: «...Я, как запоздавший зверь, последним вошел в двери Ковчега» (Т. 10 наст. изд. С. 249). «Ковчегом» нередко именовалось Иоанново здание – это сопоставление было общепринятым в антропософской среде. Ср. в статье Волошина «Скрытый смысл войны» (1918; первая публикация – 1991): «Ковчег, в который я вошел запоздалым зверем, был "Дом Св. Иоанна", строившийся около деревни Дорнах в Базельском кантоне...» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С 373).

11/24 января 1915 г., откликаясь на стихотворение Волошина «Под знаком Льва», А.К. Герцык писала ему (из Москвы в Париж): «Вы так хорошо выразили, как шли "по стогнам буйных городов.. " Но только Дорнах – не ковчег, да и нельзя теперь укрываться в ковчеге!!» (Сестры Герцык. С. 157; приводится строка из стихотворения Волошина «Под знаком Льва»).

В воспоминаниях Сабашникова также уподобляет Иоанново здание Ноеву ковчегу: «Иногда я поднималась на холм над Зданием и смотрела на него сверху. И оно представлялось мне кораблем, плывущим в волнах потопа. Мы слышали гул пушек, видели воздушные

бои; силы разрушения бушевали в мире. В этом Здании, думалось мне, будет спасена культура Духа, зерно будущего» (Зеленая Змея. С. 252; глава «Ковчег»).

[7] Т.Г. Трапезников был призван в армию в начале 1917 г., в связи с чем покинул Дорнах и вернулся в Россию.

[8] О.П. Костычева.

[9] Стихи, посвященные О.М. Костычевой, в книге «Anno mundi ardentis 1915» отсутствуют.

[10] Андрей Белый.

[11] См. примеч. 15 к п. 495.

[12] 13/26 декабря 1915 г. в Дорнахе состоялся рождественский спектакль; исполнялись: «Пфальцская пастораль» и «Действо о Трех королях из Оберуфера» (см.: Chronik. S. 369).

[13] В октябре 1915 г. в Дорнахе – в рамках курса, прочитанного Штейнером между 10 и 25 октября 1915 г. («История и проблемы оккультного движения в XIX столетии»; GA 254), – каждое воскресенье, вплоть до 31 октября, устраивались эвритмические представления юмористических произведений («юморесок») К. Моргенштерна (см.: Chronik. S. 367). «Представления юморесок, – вспоминала по этому поводу Сабашникова, – имели, несомненно, и педагогическое значение: в духовно настроенном обществе у людей с соответствующими склонностями легко возникает нездоровая сентиментальность, всякие мистические чудачества. Против этого юмор – лучшее средство» (Зеленая Змея. С. 245).

[14] Перечислены следующие стихотворения К. Моргенштерна из сборника «Песни висельника» («Galgenlieder», 1905): «Змея говорит...» («Die Schlange spricht...»), «Два корня...» («Die zwei Wurzeln»), «Героический пудель» («Der heroische Pudel»), «Танец» («Tanz»).

[15] О своем исполнении стихов К. Моргенштерна Сабашникова рассказывала также Е.А. Бальмонт в письме от 22 октября 1915 г.: «В воскресенье будет еще раз евритмия, и я изображаю Героического Пуделя "Гальгенлидер" Моргенштерна. Этот пудель за ночь из черного превратился в белого, п<отому> ч<то> его госпожа играла на рояли. По-моему, я к комическим ролям не способна. Но другим нравится, как я исполняю. Зато Седлецкая в них удивительна. В прошлое воскресенье она исполняла одинокую качалку на балконе (Моргенштерна) и "Назобель'а". Эти стихи вообще гениально юмористичны и по форме совершенны» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 1 об.; упоминаются юморески «Качалка на оставленной террасе» («Der Schaukelstuhl auf der verlassenen Terrasse») и «Назобель» («Nasobēl») – из «Песен висельника»).

498. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Вторая половина января 1916 г. Дорнах[1]

Милый Макс, ты удивляешься и обижаешься, что я протестовала против посвящения мне стихотворения (кот<орое>, между прочим, оказалось фразой) так решительно.

Я не сомневаюсь, что ты сделал это «в знак любви и уважения», но и в первом твоем сборнике ты тоже «в знак любви и уважения» посвятил мне стихотворение, обращенное к другой даме на «ты».[2] Это стихотворение, на кот<орое> ссылаются для характеристики меня, смущало моих друзей, а для меня оно просто гадость, которая несправедливо меня позорит. Что же удивительного, что я против посвящений мне от тебя, что все толки довольно и без того мучительны. Кроме того: любя и глубоко уважая милого Макса, я литератора Макса Волошина терпеть не могу со всеми его выступлениями, парадоксами, цитатами из Евангелия и Remi de Gourmon <*sic!*>[3], теориями и принципами, и вывертами*.

Милому, доброму, хорошему Максу я признаюсь в этой моей большой и решительной антипатии, прошу меня простить и за меня на нее не обижаться.

Твое первое письмо[4] шло ко мне месяц, поэтому я поспешила написать в ответ открытку по-французски, чтобы она скорее дошла (я думала, тебе пришлют корректуры). Письма же закрытые читаются равно, как открытые. Я очень, очень жалею, что обидела тебя, дорогой Макс. Тем более, что все это так незначительно и лично, и беды в том большой нет, если имя напечатано.

Не сердись, не обижайся. Надеюсь, ты уже здоров. Книгу вышли *наложенным платежом*.[5]

Курс так падает, что я не знаю, как мы здесь все проживем.

Так как мы действительно уж очень расходимся с тобой в чем-то неуловимом, и у нас каждый раз возникает дисгармония, то лучше действительно поменьше говорить. Но хорошие отношения всегда будут, и если тебе что-нибудь нужно, всегда напиши.

* *Было:* выходками

Работа моя идет получше.

У каждого свой путь. Да будет Твой путь благословен. Что не сделало учение, сделает судьба.

Только изо всех сил искать правды.

Прости еще, что причинила тебе боль.

Маргарита.

[1] Датируется приблизительно по связи с п. 496 и 497.

[2] Имеется в виду стихотворение «Если сердце горит и трепещет...» (см. примеч. 5 к п. 73).

[3] Речь идет о Р. де Гурмоне.

[4] См. примеч. 2 к п. 496.

[5] Речь идет о книге «Anno mundi ardentis 1915».

1917

499. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

30 июня 1917 г. Москва

30 июня 1917.

Милый Макс, шлю тебе привет из Москвы; я приехала сюда во вторник,[1] а в Петербурге жила 4 дня у Лили. Нашла маму и папу ужасно постаревшими, и дома все в том же духе тяжело и еще тяжелее. Но я рада, что вернулась в Россию. После революции совершенно не находила себе места за границей и попала случайно в партию жен и детей эмигрантов, кот<орые> ехали прямо через Германию[2] (о чем не распространяйся, ибо тут это считают позором). Напиши мне, как ты живешь. Мне придется все лето жить в Москве. Кланяйся очень Елене Оттобальдовне. Скажи Александре Мих<айловне>, что я ее очень люблю.

В Петербурге мне было очень хорошо, и я почувствовала, какая полнота жизни в России. Тут же, как всегда, благодаря домашнему настроению, душно и видишь одну негативную сторону жизни.

Мне очень важно было бы сообщить тебе некоторые факты о смысле событий, о роли м<асон>ства. Надеюсь, что ты хорошо работаешь. Желаю тебе всего, всего лучшего.

Аморя.

Тебе это письмо передаст дядя Ваня, кот<орого> ты знаешь.[3]

Кланяюсь милой Феодосии, Богаевским и всем, кто помнит меня.

[1] Т.е. 27 июня.

[2] Сабашникова вернулась в Россию в одном из «экстерриториальных поездов», которые отправлялись из Цюриха в Петербург и следовали через Германию и Швецию. «Я не знала, – вспоминала Сабашникова, – что с первым из этих поездов уехал Ленин и другие большевистские лидеры. В нашем поезде ехали отставшие...» (Зеленая Змея. С. 257).

[3] И.М. Сабашников.

500. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Первая половина <после 7–8> июля 1917 г. Москва[1]

Милый Макс,

Спасибо тебе за письмецо.[2] Мне очень хотелось бы приехать в Коктебель, но я не хочу оставлять папу, кот<орый> ужасно плохо выглядит; я чувствую, что много даю ему. Он же не может надолго отлучиться из Москвы; главным образом, боится пути и того, что не сможет вернуться из-за недостатка мест или поездов. Прошу тебя на всякий случай напиши мне (если возможно с оказией), нашлись ли бы комнаты, и как обстоит дело с пропитанием. Во всяком случае, я бы хотела, чтобы хоть Нюша к тебе поехала. Я совсем не знаю, как сложится жизнь. Матерьяльные наши условия крайне плохи. Между нами: папа прямо на краю краха, и от этого зависит благополучие других, что его и терзает. В имениях беспорядки.

Я буду жить у Ляйзы, но там темно и нельзя работать, а мне так хочется работать. Сейчас тоже ничего не начинаю, п<отому> ч<то> все жду, когда папа выберется куда-нибудь за город. Я видела здесь Лилю Эфрон и Фельдштейн Еву, жалела, что не застала Оболенской.

Москва сейчас ужасна. Нет воздуха. Атмосфера праздно-распущенная. Какой-то восточный город. Все говорят: мы идем к гибели и, нарядившись, идут гулять в сквер. Разъезжают по 2, по 3 солдата в автомобилях – грузовиках, мчатся с победоносным видом, точно победили мир. Почему не заклю-

чают мира? Чего еще ждут? Во всем недомыслие и непростительное легкомыслие.

Последние полгода мы слышали исключительно о внутренних пружинах современных фактов. Многое важно было бы тебе знать.

Ася[3] и Наташа[4] остались работать над статуей в центре,[5] и куда бы они здесь делись без средств. Энглерту жилось плохо в мат<ериальном> отношении, кроме того, у него открылась болезнь сердца, ему запрещено работать, а он работает, как вол. Должен.

Я рада, что ты много работаешь.

Целую маму. Очень, очень тронута приглашением. Увидеть море! И теперь я могла бы много ходить пешком!

Трифон приехал из Лондона через неделю после меня и в ужасе от Лондона. Там запрещено говорить и даже думать о мире. Готовы 6 лет воевать еще. Нюша с Ляйзой в Черниговской около Троицы.[6] Они не ездили в Крым.

Напиши мне про Ал<ександру> Мих<айловну>. Целую тебя крепко.

Аморя.

[1] Написано после получения письма от Волошина, в котором он приглашал Сабашникову в Коктебель.

[2] Это письмо Волошина, написанное предположительно 3–4 июля 1917 г. – сразу же по получении письма от Сабашниковой, – не обнаружено. «Вчера совершенно неожиданно получил цыдульку от Маргариты, в которой она извещает о своем благополучном прибытии в Россию, – писал Волошин А.М. Петровой 4 июля. – <...> Я, конечно, зову ее в Коктебель <...> Я несказанно рад тому, что она, наконец, в России и дышит русским воздухом» (Т. 10 наст. изд. С. 605–606).

[3] А.А. Тургенева.

[4] Н.А. Поццо.

[5] Имеется в виду деревянная пластическая композиция (высотой около 9 метров), задуманная Штейнером и выполненная им совместно с английской скульпторшей Эдит Марион (1872–1924). Получившая название «Представитель человечества» и предназначавшаяся для сцены в восточной части малого купола первого Гетеанума, скульптура изображала собой человека, пребывающего

в противоборстве с двумя демонами-искусителями – Люцифером и Ариманом (см. примеч. 6 к п. 481). «Он <Штейнер> показывал нам модель группы, кот<орая> будет стоять на востоке, – рассказывала Сабашникова Е.А. Бальмонт 6 октября 1915 г. – Лицо "представителя человечества" прекрасно, 2 других тоже. Много силы заключено в этой вещи, но многое исполнено Марион мелко и сладко. Он спросил, как мне нравится, я сказала, что очень, что это прекрасно. Но что слишком много еще мелочей, барокко. Он был, видимо, очень обижен и сказал: "Так должно быть. Такова правда". Вообще я не умею с ним разговаривать. Он меня не понимает» (РГБ, ф. 374, карт. 7, ед. хр. 12, л. 18). О работе над этой скульптурной группой см. в воспоминаниях А.А. Тургеневой (*Turgenieff A.* Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. 3. Auflage. Stuttgart: Verlag Freies Geitsesleben, 1993. S. 96–99; рус. изд.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительство первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002. С. 85–87). См. также: *Прокофьев С.О.* Скульптурная группа Рудольфа Штейнера. Откровение духовной цели человечества и Земли. Перевод с нем. О.Г. Прониной. М.: Новалис, 2013.

[6] Черниговский монастырь (в 3½ километрах к востоку от Троицко-Сергиевой Лавры).

501. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Июль 1917 г. Москва[1]

Милый Макс, сейчас у меня явилась надежда увезти в августе папу в Крым, в Коктебель. Напиши мне подробнее все условия, какие комнаты будут свободными (в крайнем случае, я могу, мне кажется, жить в одной комнате с ним). Что стоит еда и можно ли ее получать. А также как попадают из Феодосии в Коктебель, что это стоит?

Мне кажется, что ужасно важно его увезти.[2]

А главный вопрос, как уехать из Феодосии; есть ли места; думаешь ли ты, что будет правильное сообщение.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Поездка Сабашниковой и В.М. Сабашникова в Крым не состоялась.

502. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

14–22 сентября 1917 г. Москва

14 сентября.

Милый Макс, прости, что так долго тебе не отвечала. Вчера узнала, что ты совсем освобожден от в<оенной> службы.[1] Очень порадовалась. Мне так и не пришлось побывать в Коктебеле. Не хочется от папы уезжать. У него разные старческие недуги. Мы с ним недели 2 жили в Звенигородском уезде, а теперь я уже начала свой зимний сезон. Живу на Новинском бульваре 18, кв<артира> Княжевич.[2] Живу у тети Саши там; комната темная, т<ак> ч<то> работать довольно трудно.

Вчера я была у Лили Эфрон, познакомилась там с Оболенской[3] и Мариной.[4] Я рада побывать у Оболенской; с ней работает Кандауров. Мне надо общаться с художниками; м<ожет> б<ыть>, к ним можно будет внести дух<овн>ое. В этом направлении мы очень деятельны. Сняли аудиторию на весь год.

Вообще, я рада, что в России. Есть поприще. Внешняя жизнь сложилась удачно в том отношении, что не приходится думать о еде. Это редкое счастье в наше время!

Вообще я испытываю какую-то ни на чем внешнем не основанную радость. Эмпирично все – ужасно. А в воздухе, в небе России, что-то невероятно прекрасное; надежда, жизнь. Я спрашивала, есть ли такое чувство у других? И оно есть у многих. Весенняя распутица, грязь на земле, а чувство, что где-то близко другое. Напиши мне еще. Шлю привет маме. Что Алекс<андра> Мих<айловна>?

Всего лучшего

Маргарита.

P.S. Видаешься ли с Горьким?[5]

22 сент<ября>

Милый Макс,

Благодарю тебя, что ты познакомил меня с Оболенской. Я была у нее, а потом она у меня. Мне очень, очень понрави-

лись ее работы; в них такая серьезность и основательность.[6] Мне очень не хватало общения с художником. Но вижу, что мне надо в живописи начинать с азов.

Буду писать natures mortes. Она обещала руководить мной.

Мы будем вместе читать лекции.[7] Ее вовсе не исключали из Общества, как она поняла.[8]

Твое стихотворение «Мат<еринство>»[9] сильно, но мучительно, а для меня искусство истинное – это то, которое дает, чего нет, но что хотелось бы, чтобы оно было. Прекрасное в материнстве, а не кошмарное.

Завтра буду у Цетлиных.

[1] 25 августа Волошин был приглашен в уездное Воинское присутствие в Феодосии на медицинское переосвидетельствование и признан «окончательно негодным» к военной службе по состоянию здоровья, о чем 7 октября 1917 г. ему было выдано соответствующее свидетельство (см.: Труды и дни-2. С. 26 и 31).

[2] Квартира А.А. Княжевича и Л.П. Княжевич в доме Шанявских (на углу Новинского бульвара и Дурновского переулка). Шанявские имели тесные связи с Сабашниковыми (М.В. Сабашников был душеприказчиком А.Л. Шанявского, принимал участие в создании Народного университета им. Шанявского и т.д.).

[3] Знакомство Сабашниковой с Ю.Л. Оболенской, состоявшееся, по утверждению Сабашниковой, 13 сентября 1917 г., было продолжено через несколько дней. Вероятно, к этой же встрече у Е.Я. Эфрон относится и упоминание о Сабашниковой в письме С.Я. Эфрона к Е.О. Кириенко-Волошиной от 15 сентября 1917 г.: «Вчера вечером было собрание "обормотника", на к<отор>ом присутствовала Маргарита Васильевна. – Много вспоминали Вас и Коктебель и... Боже, как захотелось из Москвы» (Марина Цветаева. Неизданное. Семья. История в письмах. Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 250; «обормотник», т.е. собрание «обормотов» – близких друзей Волошина, регулярно навещавших его в Коктебеле; название было придумано Волошиным. См.: *Купченко В.П.* «Стройтесь в роты, "обормоты"» // Крымский альбом. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 1998. С. 175–183).

[4] Знакомству Сабашниковой с Мариной Цветаевой предшествовала ее встреча с С.Я. Эфроном, состоявшаяся, по всей видимости, в первые дни августа 1917 г. в Москве (подробности неизвестны).

«Недавно Сережа познакомился с Маргаритой Васильевной, – сообщала Цветаева Волошину 9 августа 1917 г. – <...> Сереже Маргарита Васильевна очень понравилась, мне увидеться с ней пока не довелось» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. Письма. С. 60). «Мне очень хотелось бы, чтобы ты познакомилась с Маргаритой», – отвечал на это Волошин (Т. 10 наст. изд. С. 633).

[5] М. Горький жил в Коктебеле с 12 августа по 12 сентября 1917 г. (на даче Н.И. Манасеиной) и в течение этого месяца «каждый день» виделся с Волошиным (см. п. 503). Подробнее см.: *Купченко В.П.* М. Горький и М. Волошин // Русская литература. 1976. № 2. С. 144–151.

[6] Своими впечатлениями от знакомства с Сабашниковой Оболенская делилась с Волошиным в письме от 18 сентября 1917 г.: «На днях была у меня Маргарита Васильевна. Я думаю, наши работы ей чужды, за исключением моих иллюстраций, не тех, что Вам нравились, а наиболее сложных с Китежем и путешествием вокруг центральной фигуры» (цит. по: Т. 10 наст. изд. С. 688–689; примеч. А.В. Лаврова).

[7] Имеются в виду лекции Штейнера.

[8] «Ее <Сабашникову> беспокоит мое изгнание из Общества, – писала Ю.Л. Оболенская Волошину в цитированном выше письме, – думает, что это недоразумение. Но не все ли мне равно. К чему мне Общество, откуда можно удалить – ведь это внешне, не так ли? <...> Марг<арита> Вас<ильевна> говорит: не смешивайте дела с людьми. Но ведь люди же и есть самое интересное» (Т. 10 наст. изд. С. 689; Общество – РАО).

[9] Речь идет о стихотворении Волошина «Материнство» («Мрак... Матерь... Смерть... созвучное единство...»), датируемом 8 июля 1917 г. Впервые: Вестник Русского Христианского Движения. (Париж). 1977. № 120. С. 211–212 (источник текста и автор публикации не указаны).

503. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

26 сентября 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель. 26/9 1917

Милая Аморя, ужасно обрадовался, получив от тебя письмо, а то уже не знал, что с тобою сталось. Вообще ото

всего твоего письма веет какою-то внутреннею радостью и бодростью. Как хорошо, что вы с Юлией Леонидовной друг другу понравились (хочу, что<бы> все мои друзья друг другу нравились). В живописи у нее очень строгий путь формы и цвета, и хорошо, что она внутреннее свое всегда придерживает, и оно пробивается неожиданно, как бы помимо нее (вот как в ее русских сказках), и воплощается тем глубже и полнее. Обрати внимание, что она всегда идет от чистого цвета к форме – именно, так требовал Доктор. Мне очень нравится, что вы так устроились, то есть что она будет руководить твоими натюрмортами, а ты с ней будешь читать лекции. Теперь мне только хочется, чтобы тебе Цетлины тоже понравились.

Операция Александры Михайловны прошла благополучно, и она уже дома и очень слаба.[2] Я завтра еду в Феодосию на несколько дней повидать подробно ее и Богаевского, которого не видал уже целый год (с прошлой осени). Он в первый раз со времени Революции приезжает из Севастополя на несколько дней и вызвал меня.[3]

Я надеюсь, что зимой все же приеду на некоторое время в Москву, чего мне очень хочется.[4] Мама думает на январь, февраль, когда будет очень сурово в Коктебеле, уехать в город к Александре Михайловне. А я тогда поеду в Москву. Мне Цетлины предлагают остановиться у них, так что я буду жить совсем близко от тебя. Ты, вероятно, видела у них те акварели, что я послал с братом Марьи Самойловны[5] для выставки.[6] Как тебе они понравились? Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела еще другую серию, что я послал позже прямо Кандаурову.[7] Мне кажется, что я прошел за эти годы с Дорнаха очень большой путь в живописи.

Ты ничего мне не пишешь, какое впечатление на тебя произвела Марина. Мне не кажется, чтобы она тебе понравилась, но ее стихи последнего периода с русскими ритмами, я думаю, тебе будут очень близки. Мне они кажутся прекрасными.[8]

Мне хочется знать о друзьях. Где Трапезников? Добрался ли он, наконец, до России? Из письма Ольги Николаевны знаю, что Екатерина Алексеевна остается на Урале зимовать.[9] А Нюша?

Ты спрашиваешь о Горьком. Он уже уехал. Видал я его каждый день и, в конце концов, очень полюбил. Он «совсем не похож».[10] В нем бесконечная внимательность и любовность по отношению ко всему окружающему и просветленность очень больного и очень усталого человека. Ехал он в Коктебель неохотно, так как у него с этими местами связаны воспоминания об очень тяжелой поре жизни, когда он был чернорабочим при постройке Феодосийского порта. А уезжая, он говорил, что непременно сюда вернется ранней весною.

До свиданья. Привет Александре Алексеевне, Марг<арите> Алекс<еевне>, Вас<илию> Мих<айловичу>, Алеше, Ляйзе.

МАХ.

[1] Ответ на п. 502.

[2] В августе 1917 г. А.М. Петрова оперировалась в Симферополе по поводу фибромы.

[3] В 1915 г. К.Ф. Богаевский решил отправиться на войну добровольцем. «Очень потрясло меня решение Константина Федоровича идти в действующую армию, – писал Волошин Ю.Л. Оболенской 27 августа / 9 сентября 1915 г. из Биаррица. – <...> Не могу это принять» (Т. 10 наст. изд. С. 426). Однако в действующую армию Богаевский не попал и до конца войны прослужил в Севастополе (см. его письмо к Волошину от 23 сентября / 6 октября 1915 г. // *Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. С. 125). 27 сентября / 10 октября 1917 г. Волошин встретился в Феодосии с Богаевским (Труды и дни-2. С. 30). Окончательно вернулся в Феодосию в январе 1918 г.

[4] Поездка не состоялась. Посетить в следующий раз Москву Волошину удалось лишь зимой-весной 1924 г.

[5] М.С. Цетлина. Брат – Р.С. Тумаркин.

[6] Ср. в письме Волошина к Ю.Л. Оболенской от 13 сентября 1917 г.: «...С представившейся оказией я послал вчера в Москву ряд моих акварелей для выставок. Они будут переданы Марье Самойловне Цетлин...» Далее Волошин сообщает, что акварели доставил в Москву Р.С. Тумаркин (Т. 10 наст. изд. С. 663).

[7] Ср. недатированное письмо Волошина к К.В. Кандаурову (Т. 10 наст. изд. С. 686; датировка комментатора (А.В. Лаврова): «Не позднее 24 сентября 1917 г.»).

[8] Какие именно стихи Цветаевой имеет в виду Волошин, не известно. Народные мотивы и «русские ритмы» характерны для

ряда стихов Цветаевой 1916–1917 гг.: «Отмыкала ларец железный...», «Говорила мне бабка лютая...», «То-то в зеркальце чуть брезжит...», «Продаю, продаю, продаю...», «Цыганская свадьба», цикл стихов о Стеньке Разине и др.

[9] В мае 1917 г. Е.А. Бальмонт вместе с дочерью и О.Н. Анненковой отправилась на Урал. «Мне хотелось показать дочери, выросшей за границей и знавшей только Калужскую губернию, более дикие места России, ее красоты, озера, горы и леса, – вспоминала Е.А. Бальмонт. – Мы выбрали озеро Тургояк на Урале, под городишком Миассом. Бальмонт должен был приехать туда из Тифлиса...» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. С. 405). Однако стремительное развитие событий вынудило Е.А. Бальмонт и О.Н. Анненкову задержаться в Миассе, где они пробыли несколько лет. «...У нас изменились все планы, – сообщала О.Н. Анненкова Волошину 5 сентября 1917 г. – Вопли близких наших из Москвы и из Петербурга побудили Екатерину Алексеевну остаться на зиму здесь. Мы уже сняли квартиру в Миассе (гнусный каторжный поселок, однако с двумя кинематографами!!) и дней через 10 туда переедем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 190, л. 5–5 об.). См. также примеч. 15 к п. 513.

[10] См. примеч. 10 к п. 447.

504. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

21 октября 1917 г. Коктебель

Коктебель. 21 октября 1917.

Дорогая Аморя, я прошу твоей духовной помощи для Веры Эфрон. Ты, кажется, встречала ее, но мельком и, конечно, не успела рассмотреть ее, потому что она очень замкнута. Но ты помнишь ее историю по рассказам Лили Эфрон и по моим. Как она еще ребенком была сериозно замешана в революции, в терроре, сидела в тюрьме,[1] как было повешено несколько самых близких ей людей, как при ней повесилась ее мать.[2] Она никогда не могла вполне прийти в себя от пережитого. Часть души как бы была в параличе. Другою частью души она нашла для себя выход в театре. Но и тут она пришла в тупик.

Она оказалась талантлива, но талант ее только трагический, очень сериозный и строгий, то есть совершенно не нужный для современного театра. И по характеру своему она

скорее могла бы быть мученицей или монахиней; ее место скорее где-нибудь на каторге, чем на сцене. И совершенно естественно, что театр, где все основано на интриге и эротике, изверг ее. Вместе с этим порвалась нить, связывающая ее с жизнью, и проступила тоска, которая покрывалась раньше работой. Сегодня я получил от нее письмо, которое очень меня взволновало. Она пишет в нем: «...бывают дни, недели, месяцы, когда от тоски плохо помнишь людей, вернее, живут они для тебя в другой плоскости. И в такой момент, если скажут, что ты мертва, а они живы еще на земле, то не удивишься. Верно, так люди восемь часов после своей смерти слышат все земное, говорят, они слышат. Теперь я осознала свое такое отношение... Хотела написать, чтобы что-то объяснить тебе, но не могу... Понимаешь ли, что вся фактическая жизнь не важна... А что важно?»[3]

Вера так замкнута, что надо очень многое, чтобы она написала о себе так даже самому близкому человеку. Ей надо помочь и помочь немедля. И, конечно, единственной помощью может быть для нее только духовное знание. Но в этом-то и лежит главная трудность, потому что она и по воспитанию, и по духу своей семьи, и по кругу людей, среди которых она жила, чужда совершенно идеям богопознания. Это совершенно не вяжется с ее духовным обликом и, конечно, это только скорлупа низшего разума, но когда мне приходилось с ней говорить об этом, то она с грустной улыбкой говорила: «Но ведь ты знаешь, что я в это не верю и не могу поверить...». И я никогда не настаивал, так как мне было совершенно ясно, что она идет к духовному знанию своим, не логическим путем, и что ей не надо мешать. Но вот теперь из письма ее я вижу, что она задыхается в себе и что ей надо помочь разбить последнюю скорлупу, а то она может совсем задохнуться. Если б была Анна Рудольфовна, она бы это сделала. Но я думаю, что ты сможешь это сделать, хотя это очень трудно. Ты сможешь найти те слова, которые дойдут до нее. Только надо быть очень осторожной и не прибегать к книгам, а найти слова для нее. Можешь ли, хочешь ли ты?

Ты знаешь Лилю Эфрон. Вера не похожа на нее: она гораздо глубже, мучительнее, но в ней нет ни капли эгоизма.

Она всегда живет другими и о других. Когда я себе представляю ту обстановку, в которой Вера вполне сама собой, как она должна была бы быть, то, как это ни страшно, – это каторга. Она была бы там святой. И это как будто было ей написано на роду и каким-то чудом миновало ее. Страшное в ее жизни, я думаю, не то, что она была свидетельницей гибели близких, а то, что она потеряла веру в то, за что она могла бы собой пожертвовать: она сама отошла от революции, а другой веры не обрела, не нашла выхода своим жертвенным силам и в искусстве. Ей надо дать веру, а то она погибнет: ей грозит или самоубийство, или безумие. Ее жертвенность станет оружием против самое себя. Пойди к ней, Аморя, и помоги ей.

Не говори ей, конечно, что я написал тебе и о ее письме. Я же пишу ей одновременно с этим письмом и буду просить ее ближе познакомиться с тобой,[4] так что она не удивится. Не говори ей сначала ничего прямо об антропософии и избегай имен, а сперва подойди к ней лично и приобрети ее доверие. Я почти никого не знаю, в ком бы чувствовалось столько духовной чистоты, жертвенности и безвыходности, как в Вере, и кто пробуждал бы к себе такую мучительную любовь.

Вера, кажется, живет у Жуковских,[5] но на всякий случай позвони Оболенской (92-12) и спроси.

Пишешь ли ты с нею натюрморты? Познакомилась ли с Цетлиными? До свиданья, крепко целую.

МАХ.

[1] В.Я. Эфрон была арестована в 1906 г. и выслана в г. Тверь; административная ссылка была заменена высылкой за границу.

[2] Е.П. Дурново, мать В.Я. Эфрон (а также Анны, Елизаветы, Петра, Сергея, Константина, Алексея, Татьяны и Глеба), состояла в партии «Народная воля». Выполняя одно из конспиративных заданий, была арестована и заключена в Петропавловскую крепость. После освобождения под залог уехала из России; жила в Женеве. В 1885 г. вступила в брак с Я.К. Эфроном. В 1905 г. примкнула к партии социалистов-революционеров; летом 1906 г. была арестована и находилась в Бутырской тюрьме, где провела 10 месяцев. Выпущенная до суда на поруки семьи, вторично эмигрировала (в Париж).

В начале февраля 1910 г. покончила с собой (после самоубийства сына Константина – «Котика»).

[3] Волошин цитирует недатированное письмо от В.Я. Эфрон (октябрь 1917 г.), опубликованное в комментарии А.В. Лаврова к ответному письму Волошина от 23 октября 1917 г. (см.: Т. 10 наст. изд. С. 703).

4 «Милая Вера, – писал Волошин В.Я. Эфрон 23 октября 1917 г., – повидайся подробнее с Маргаритой, постарайся ближе ее узнать и полюбить. Мне кажется, я уверен, что это очень много тебе даст именно теперь» (Т. 10 наст. изд. С. 702). Однако сведений о встречах Сабашниковой с В.Я. Эфрон в 1917–1922 гг. не обнаружено. См. также п. 505.

[5] Т.е. в квартире В.А. Жуковской, семья которой была дружна с Эфронами.

505. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

9 ноября 1917 г. Москва[1]

1917. 9 ноября.
Новинский <бульвар> 18 кв. 6.

Милый Макс,

Мы все благополучны пока, хотя все были под обстрелом и артиллерийск<им> и ружейным 6 дней. В окна влетали пули. Но душевное состояние было покойное.[2] Только теперь болит сердце оттого, что люди так друг на друга озлоблены; срывают сердце на симптомах, видят в следствии – причину. Века крепостничества, темноты могли ли принести иной плод?

Переживем ли мы это время? Разве чудом и милостью.

Весь наш круг цел. Оболенскую еще не видала. Цетлины целы. Они очень милы! Я получила твое письмо о Вере Эфрон.[3] Постараюсь увидеть ее. Но не очень верю в такую помощь. В этом я изменилась. Дух<овную> науку надо активно искать; мне кажется, нельзя сказать, чтобы Вера страдала от того, что не может приносить себя в жертву; нет того положения в жизни, где жертва отвергалась бы. Но редкие женщины могут жить без личной любви; и в этом почти всегда хотя бы далеко скрытая причина отчаяния. Она любит... не тебя ли? И верно

нашла бы сейчас же смысл жизни, если бы ее существование было нужно любимому человеку.

Целую маму и Александру Мих<айлов>ну. Напиши, как ты живешь. Как матерьяльно устроился? Сыты ли вы, в тепле ли вы?

Твоя Маргарита.

[1] Ответ на п. 504.

[2] Имеются в виду события в Москве конца октября – начала ноября 1917 г., которые переросли в уличные бои между большевиками и силами, сохранявшими верность Временному правительству. См. запись в дневнике современницы: «6 ноября 1917. Кошмарные известия из Москвы: уже который день идет бой между юнкерами и большевиками. Город все время обстреливается артиллерией; разрушают дома, убивают мирных жителей. По всем улицам, на всех площадях идет перестрелка. Кремль поврежден, но еще неизвестно насколько. Жертв с обеих сторон – масса. Большевики, кажется, одерживают верх. Москва горит. Никогда еще Россия не видала такого позора» (*Кн. Сайн-Витгенштейн Е.Н.* Дневник 1914–1918. Подгот. к печати Мария Разумовская. Paris: YMCA-Press, 1986. С. 111).

[3] П. 504.

506. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

17 ноября 1917 г. Коктебель[1]

Коктебель. 17 ноября 1917 г.

Милая Аморя, получил твое письмо от 9-го. Слава Богу, что все для тебя прошло благополучно. О других я уже знал от Марины и Сережи Эфрон, которые приехали в Коктебель.[2] Но они ничего не знали ни о тебе, ни о Цетлиных. Впрочем, о тебе у меня не было тревоги, т<ак> к<ак> с тобой, я уверен, не может случиться ничего страшного в области случайностей внешнего мира: ты защищена духовным кольцом. От Оболенской тоже получил письмо. У нас все тихо пока. Провозглашено автономное Крымское Ханство, и татары берут на себя охрану прав народностей Крыма.[3] Возможная и сериозная опасность – это захват Крыма Турцией, что при разложении

флота, конечно, случится. Вне же этого, кроме случайного разбойничества, ничего не грозит. Впрочем, я лично готов ко всему. Мне почему-то уже много лет назад начала мерещиться такая эпоха, и я с первого же момента революции знал, что это начинается. И мы еще далеко не достигли самого худшего. Относительно себя я отнюдь не чувствую той безопасности, какую чувствую относительно тебя. Но разве может быть что-нибудь страшно, если весь свой мир несешь в себе? Когда смерть является наименее страшным из возможных несчастий?

За духовную сущность России у меня нет страха: рушится только государственность, то есть то, что давило и оберегало одновременно, но что рано или поздно должно было быть разломано внутренним напором. Глубочайшая моральная идея Святой Руси прорывается сейчас всюду среди самых нелепых и кровавых форм. Она брезжит во всем, что с точки зрения государственной является непростительной глупостью и преступлением. И теперешние переговоры о сепаратном мире, и развал армии, и отмена смертной казни – все это политически нелепо и преступно и во многих случаях является сознательным предательством, но, чтобы пойти за такими вожаками, чтобы соблазниться такими идеями, чтобы совершать деяния, настолько противоречащие собственным прямым интересам, для этого надо обладать глубокой чистотой сердца. Для меня – европейца – непереносимо то, что мы изменили и предали наших союзников, совершили акт, лишающий нас чести, но этим мы принимаем на себя искупление той лжи, которая породила теперешнюю войну. В конце концов, в этом нелепом предложении мира есть та правда, которая еще ни разу с начала войны нигде не проявлялась в Европе.

Та жадность, жестокость и глупость, которые сейчас клубятся по Руси, не смущают меня – это неизбежный дым всякого самосожжения. Россия как государство, как империя, как Левиафан, сейчас действует и ведет себя, как во Христе юродивый. Левиафан, добровольно раздающий свои владения, Левиафан-юродивый – это новый знак самоотречения, до сих пор еще небывалого, который сейчас вписывается в

историю человечества. Это предвидел, может, только А. <*sic!*> Печерин, когда писал: «...и в разрушении отчизны видеть зарю всеобщего, быть может, воскресенья...»[4]

Я еще не могу совместить моего двойственного отношения наряду с полным отчаянием перед тем, что будет, меня охватывает глубокая и горькая радость за Россию.

В домашней жизни у нас нехорошо. И не в смысле питания и топлива — это все благополучно, но мама становится все нервнее и раздражительнее, и придирчивее. Последний месяц это был какой-то пароксизм. Все во мне ее безумно раздражает, хозяйство ей надоело до нестерпимости. Я живу под постоянным окриком и чувствую себя самым глупым и бестолковым из кухонных мужиков. Когда я не вмешиваюсь в хозяйство, то это негодование на то, что я все взвалил на ее плечи, а когда я принимаюсь за кухню и стряпню, то непрекращающийся крик на то, что я все делаю не так и нарочно отлыниваю от работы, что попробовал бы я так 30 лет... Я чувствую себя совершенно разбитым душевно и, главное, лишен возможности работать, т<ак> к<ак> все это начинается с утра. Если б я уехал, это все быстро прошло бы, но теперь оставить ее нельзя в такое время.

Видала ли ты мои акварели у Юлии Леонидовны? Мне очень интересно, какие перемены ты нашла в моей живописи с Дорнаха? Относительно Веры Эфрон ты не права в твоем предположении относительно любви: когда ты ее повидаешь, то сама увидишь, я думаю. В ней надо разбить какое-то тонкое стекло, которое ее отделяет от пути духовного знания.

Александру Михайловну вижу редко: я не могу почти бывать <в> Феодосии из-за астмы — мы переписываемся. Ей нехорошо: операция прошла прекрасно, но остальные болезни остались, и бесконечно трудно жить из-за дороговизны со всей ее семьей (детьми ее брата[5]).

[1] Ответ на п. 505.

[2] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон приехали в Феодосию из Ялты (вместе с А.И. Цветаевой и няней) 17 октября 1917 г. В начале ноября М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон отправились в Москву — «как раз в дни московского боя» (из письма Волошина к Ю.Л. Оболенской от

15 ноября 1917 г. // Т. 10 наст. изд. С. 720), однако 10 ноября вновь вернулись в Крым (в Коктебель). «Третьего дня неожиданно приехала Марина с Сережей и массой рассказов об московских днях», – сообщал Волошин А.М. Петровой 12 ноября 1917 г. (Там же. С. 718).

[3] Слова «Крымское ханство» Волошин употребляет в ироническом смысле. Крымское Ханство – независимое государство крымских татар – существовало в 1441–1783 гг. (до присоединения Крыма к России). 13 ноября в Бахчисарае состоялся Первый курултай крымско-татарского народа, а 1 декабря 1917 г. была провозглашена автономная Крымская народная республика, прекратившая свое существование в январе 1918 г., когда Крым был занят войсками Красной армии.

«У нас в Крыму сравнительно спокойно и тихо, – писал Волошин М.С. Цетлиной 17 ноября 1917 г., – и объявлено автономное Крымское Ханство с преобладанием татар, которые гарантируют права всем народностям, населяющим Крым. Если только нас ненароком не завоюет Турция, то, сравнительно с прочей Россией, у нас будет полная идиллия» (Там же. С. 726).

[4] Известное четверостишие В.С. Печерина, неточно цитируемое Волошиным. У Печерина: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья! / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного Денницу возрожденья» (1834). Впервые опубликовано в кн.: *Гершензон М.О.* Жизнь В.С. Печерина. М., 1910. С. 108.

[5] У А.М. Петровой было пять братьев: Адриан, Александр, Михаил, Орест и Петр.

1918

507. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

3 января 1918 г. Москва[1]

Желаю тебе радости, мира и плодотворной работы на новый год.

Милый Макс, спасибо за письмо; твое отношение к происходящему, кот<орое> выразилось и в письме ко мне, и в твоем стихотворении «Святая Русь»[2], очень мне близко. На все происходящее я смотрю издали, и все «негодования», «возмущения» мне кажутся чем-то до того ненужным и неуместным, жалким и действительно «буржуазным». Все крепостное право, шпицрутены, все интеллигентское безбожие и абстрактность – ведь должно же было принести эти плоды. А война! Вся эта ложь; все это мотовство во время войны..... Здесь заговорила Немезида. И каким бы путем кривым (как пьяная) Россия сейчас ни пошла, правда же, это безумие лучше того разума, создавшего ту порочную культуру с теми прекрасными плодами, кот<орые> дали другие.

Я жалею, что о многом не могу тебе писать. Жаль, что когда к тебе едут, я этого не знаю, а то бы я написала.

У нас стоит чудная зима, и я чувствую в воздухе все то же, что и осенью. Вовсе не тяжело. А как-то прекрасно. Звездно. И не знаю, откуда это чувство. Раньше все было сдавлено, под спудом, сперто. А теперь... ну прорвался нарыв или, чтобы поэтичнее выразиться, весна растопила снега, и развезло грязные дороги, сплошная грязь.

Это стихия, и разрешится она своими стихийными, нечеловеческими законами. Мне кажется, что дело не в вожа-

ках, не в лозунгах; а в вздувшейся реке, кот<орая> не вынесла, когда блуждающие огни отрясали в нее червонцами (это из сказки Гете).[3] Дело в стихийной воле народа, кот<орый>, проявляясь безобразно в морали отдельного, к чему-то своему идет, к своей правде. Относительно «измены».... Если так, то Фауст должен был бы идти в Ад, но он порвал контракт с Мефистофелем. И лучшее в мире происходит из таких нарушений.....

Когда мы увидимся, чтобы я могла поговорить с тобой? Ц<етлины>х хотя и посещаю, но у нас ничего не выходит; переливание из пустого в порожнее, пока мне кажется, что они в стадии порхания с цветка на цветок (культуры).

Из-за отсутствия телефонов, из-за недоступности трамваев и фантастичности почты я никого не видаю, кроме соседей. Видаю Еву Фельдштейн; она мне очень, очень нравится.[4]

Рисунки твои все видела. Они все виртуозные, но в них отсутствует духовно-душевное; точно их делала машина, они механически передают топографию, цвета; их линия и гамма мертвы. Я смотрю на них с изумлением и не понимаю, как, любя эту природу, ты так ухитряешься писать. Не сердись на меня, Максюта!

Доктор в Дорнахе. Все письма, мне посланные, теряются. Дошли только 2 открытки.[5]

Макс, тебе, верно, ужасно тяжело. Не мог ли бы ты хоть погостить у кого-нибудь в Крыму? Чтобы побыть одному?

До свиданья, милый.

Маргарита.

Привет маме.

[1] Ответ на п. 506. В письме к А.М. Петровой от 15–19 января 1918 г. Волошин приводит (неточно) несколько фрагментов из этого письма Сабашниковой (см.: Т. 12 наст. изд. С. 49).

[2] Стихотворение Волошина «Святая Русь» («Суздаль и Москва не для тебя ли...»), посвященное А.М. Петровой, было завершено 19 ноября 1917 г.; первая публикация – в однодневной газете «Слову – свобода. Издание Клуба московских писателей» (1917. 10 дек. С. 2; в той же газете – стихотворения Волошина «Мир» и «Бонапарт»). Вошло в сборник «Демоны глухонемые».

[3] Сабашникова вспоминает один из эпизодов «символической» сказки Гете «О Зеленой Змее и прекрасной Лилии» (1795): блуждающие (или болотные) огни рассыпают вокруг себя золотые монеты; старик, переправляющий их через реку, предостерегает их: «Упади в воду хоть одна монета, эта река, которая совершенно не выносит золота, вскипела бы громадными волнами и поглотила бы меня вместе с суденышком, да и вам бы, чай, не сдобровать» (*Гете И.В.* Тайны. Сказка. *Штайнер Р.* О Гете. С. 36; перевод Н. Федоровой).

[4] Дружба Сабашниковой с Е.А. Фельдштейн восходит к 1913 г.; их знакомство состоялось в октябре в Москве перед отъездом Сабашниковой за границу. Посредником в их знакомстве был Волошин. «Она <Сабашникова> произвела на меня неизгладимое впечатление», – писала Е.А. Фельдштейн Волошину 18–20 октября 1913 г. (цит. по: Т. 10 наст. изд. С. 55). «Как я рад, что ты с нею увидалась, – отвечал ей Волошин 25 октября. – Я так хотел, чтобы вы встретились и полюбили <друг> друга. Тебе очень нужно то, что она с собой несет, мне кажется» (Там же. С. 52).

[5] Кто именно писал Сабашниковой из Дорнаха в 1917 г., в точности не известно.

508. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

13 января 1918 г. Коктебель[1]

13 января 1918. Коктебель.

Милая Аморя, получил твое письмо (от 3 января? – штемпель неясен). Каждое письмо, доходящее теперь до нас с севера, – целое событие, так же, как и газета. Мы почти совершенно отрезаны с самого начала декабря.

Твое письмо пришло одновременно с тем разрешением сложных обстоятельств, которые складывались последнее время довольно грозно. В Крыму идет междуусобная война между татарами и русскими, тщательно раздуваемая всевозможными провокационными слухами. Феодосия с нового года захвачена большевиками,[2] и одновременно с этим началось разграбление имений крестьянами, которое до сих пор до Крыма не доходило. В Коктебеле первой жертвой оказалась экономия Юнге: пришли не коктебельцы, а султановцы[3] и стали делить все сельскохозяйственное имущество и выливать

вино. К этому были готовы и заранее примирились с неизбежным. Но, поделив хозяйственные вещи, они уже собирались перейти к дележу и уничтожению мебели, книг: то есть всего того, что осталось от Екатерины Феодоровны[4], и в том числе рисунков Федора Толстого. Это казалось уже непредотвратимо вчера вечером.[5] Но в последнюю минуту мне удалось вызвать из Феодосии отряд конницы, я отправился один ночью в экономию, оставленную Юнге (они сейчас у нас) и занятую крестьянами, вступил с ними в переговоры, а среди ночи как раз вовремя подоспел вызванный мной отряд «красногвардейцев». Словом, все было спасено.[6] А сегодня, по иронии судьбы, мне с этими же всадниками пришлось организовывать совершенно неожиданно для самого себя «большевистское правление» в Коктебеле.

Это пока спасает и остальных обитателей Коктебеля... Надолго ли? Через неделю нас завоюют, может быть, татары, а после придут армяне восстанавливать Митридатово царство[7], а после нас присоединят к Младотурции...[8] Наш дом сейчас Ноев ковчег: одних детей 10 человек, и жена Александра Юнге[9] должна родить сегодня ночью одиннадцатого...[10]

Это большевистско-романтическое приключение оторвало меня от работы, которой я был занят все время. Вскоре после моего последнего письма настроение мамы значительно изменилось к лучшему, и я стал писать стихи: я посылал их все Юлии Леонидовне с просьбой тебе их прочесть.[11] И сейчас опять вернусь к регулярной работе до нового завоевания. Мне было очень любопытно беседовать и иметь дело эти дни с красногвардейцами, местными большевиками и погромщиками. И, в общем, у меня осталось об них благоприятное впечатление. Первоисток всего нашего хаоса — это беспредельная, совершенно детская доверчивость и такая же детская вера в возможность немедленного осуществления социалистического рая, а рядом с этим, как основной порок, очень примитивная жадность. Весело смотреть, как им приятно играть в революцию: скакать, распоряжаться, спасать, карать, произносить обращения к народу, стрелять из ружей. Всё упоение детской игры в солдатов <*sic!*> и индейцев. Все это

сопровождается и настоящим смертоубийством, и кровью, но все же не в таком количестве, как могло быть. От вчерашней ночи и сегодняшнего утра у меня осталось именно такое впечатление. В этом спасении бумаг и книг Ек<атерины> Ф<едоровны> очень помог Вл<адимир> А<нтонинович> Княжевич и проф<ессор> Кедров (певец), который сам ночью верхом прискакал во главе отряда. Мне очень хотелось бы, чтобы ты написала подробное письмо обо всем, о чем всё умалчиваешь. Знаешь, напиши его, а случай, наверное, представится, тогда и пошлешь. Ведь я тоже не знаю, кто приедет: все приезды были неожиданны: попроси всех моих друзей известить тебя, когда они узнают, что кто-нибудь едет в Крым. Протелефонируй на всякий случай моему другу Александру Матвеев<ичу> Пешковскому (Сивцев Вражек 35 – его тел<ефон> есть в тел<ефонной> кн<иге>). Он хотел приехать в Коктебель, хотя не думаю, что он приедет. Ты помнишь его – санскритолог, мой товарищ по гимназии, с которым мы жили у Алекс<андры> Мих<айловны>.[12] Запроси тоже Марину Цветаеву. Знаешь ли ты ее стихи последнего периода? Нравятся ли они тебе? Она в двух шагах от тебя живет (Борисоглебский, 6). Как живет Нюша? Я ничего об ней не знаю. Нравится ли тебе из моих стихов «Дмитрий Император»?[13]

То, что ты пишешь о весне и радости: мне как-то стало еще более чувствоваться теперь после зимнего солнцестояния и не покидало все эти дни, даже тогда, когда мы ждали погрома. Почти не могу объяснить себе этого состояния, т<ак> к<ак> разум не видит нигде никакого просвета в положении дел.

Аморя, мне очень нужно, чтобы ты мне написала все, что ты знаешь о мыслях Доктора о теперешних событиях и о состоянии Европы. Я так давно оторван от его мысли. В этой радости есть что<-то> бесспорное и достоверное, что непременно хочется перевести в область сознательного, но это упорно не поддается, хотя так близко.

До свиданья. Крепко целую тебя. Спасибо за письмо.

[1] Ответ на п. 507.

[2] Феодосия была полностью занята большевиками 11 января 1918 г. (см. об этом в письме Волошина к Ю.Ф. Львовой от 19 января 1918 г. // Т. 12 наст. изд. С. 43).

[3] Султановцы – жители деревни Султановка (между Коктебелем и Феодосией). Ср. в письме Волошина к Г.А. Шенгели от 9 января 1918 г.: «...Завтра приходят султановские крестьяне социализировать Юнговскую экономию» (Т. 12 наст. изд. С. 23; «Экономия» – винодельческое хозяйство братьев А.Э. и Ф.Э. Юнге).

[4] Е.Ф. Юнге.

[5] «...Сию минуту в двух верстах от нас конфискуют и грабят имение Юнге, которые сами скрываются у нас, – писал Волошин накануне (12 января 1918 г.) А.М. Пешковскому. – И поговаривают о том, чтобы разделить между крестьянами все приморские дачи – нашу, конечно, в том числе» (Т. 12 наст. изд. С. 30). О том же см. в письме Волошина к А.К. Герцык от 17 января 1918 г. (Там же. С. 36).

[6] Действительно, благодаря вмешательству Волошина удалось предотвратить полный разгром имения Юнге, за что он благодарил Феодосийский ревком письмом от 13 января 1918 г. (Т. 12 наст. изд. С. 34). «Экономия Юнге социализирована, но, к счастью, без эксцессов и без прямого разграбления, как соседние имения, – сообщал Волошин своей знакомой (композитору и пианистке) Ю.Ф. Львовой 19 января 1918 г. – Но был момент очень опасный: мне пришлось вызывать красноармейцев из Феодосии. <...> Ник<олай> Ник<олаевич> Кедр<ов> прискакал во главе отряда конницы ночью. И все было спасено» (Там же. С. 43).

[7] Под Митридатовым царством обычно подразумевают области, завоеванные при Митридате VI Евпаторе, царе Понтийского царства, который вел продолжительные войны с Римом и подчинил себе, в частности, Боспорское государство в Крыму. Ср. в письме к А.М. Петровой от 27 апреля / 10 мая 1918 г.: «Вчера я в первый раз с момента оккупации Крыма увидал немецких солдат воочию и говорил с ними. <...> Когда я их увидал в бинокль на коктебельском берегу – купающимися, то это было, скорее, удивление: как будто я воочию увидал римских солдат, вступивших в Митридатово царство» (Т. 12 наст. изд. С. 97).

[8] Младотурки – политическое движение в Османской империи, начавшееся в 1876 г. и завершившееся после поражения Турции (как одного из союзников Германии) в Первой мировой войне.

[9] Д.А. Юнге.

[10] 23 января 1918 г. у Д.А. и А.Э. Юнге родилась дочь Алла.

[11] «Покажите все стихи непременно Маргарите, лучше сами прочтите», – писал Волошин Ю.Л. Оболенской 2 января 1918 г., посылая ей «пук стихов» о революции (Т. 12 наст. изд. С. 9, 11).

[12] В 1894–1896 гг. Волошин и А.М. Пешковский (оба учились тогда в Феодосийской гимназии) жили у М.Л. Рафанович, бабушки А.М. Петровой (см.: Труды и дни-1. С. 36, 41).

[13] Имеется в виду стихотворение «Dmetrius-Imperator (1591–1613)», написанное в декабре 1917 г. и посвященное Ю.Л. Оболенской; вошло в сборник «Демоны глухонемые» (С. 30–33). 1591 и 1613 – даты, которыми Волошин обозначил период Смутного времени: от смерти царевича Дмитрия до смерти Ивашки, сына М. Мнишек. Замысел этого стихотворения определялся, по словам Волошина, идеей «написать все Смутное время как деяния одного и того же лица, много раз убиваемого, но неизбежно воскресающего, неистребимого, умножающегося...» (из лекции «Русь распятая» (1920) // Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 469). К образу убитого в Угличе царевича Дмитрия обращалась в свое время и Сабашникова (см. примеч. 14 к п. 4).

509. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

18/31 мая 1918 г. Москва

31 июня[1] 1918.

Милый Макс, как хотелось бы получить известие о тебе. Много, верно, ты пережил; как мама? Как Алекс<андра> Мих<айловна>?

Мы провели зиму хорошо. Сейчас очень голодно, и голод угрожающ. Какое это унизительное чувство – вечный, острый голод. Работой же я довольна очень. У меня была маленькая мастерская с Евой Ад<ольфовной>[2] в их флигеле. Навещала нас там Юлия Леонид<овна>; корректировала.[3] Но мне ее манера живописи все же чужда; я много почерпнула, но это не мой путь. Сейчас начала работать с Рыбниковым. Изучаем и иконы.

Очень оживлена была жизнь в Антропос<офском> обществе. Я вела группу евритмии, и на Пасхе мы дали евритмически «Фауста» 1 сцену и др<угие> вещи. Сейчас у меня вводный курс теософии. 30 человек.

Ряд лекций читали Белый, Викентьев, и др<угих> полупубличных.

Я была очень много с Евой, подружилась и с ней, и с ее мужем[4]. Вообще, после одиночества за границей рада была общению. Лето проведу в Москве и буду продолжать всяческие занятия. Только бы не умереть вовсе с голоду.

Установится ли общение с Крымом, а вдруг можно будет приехать к тебе осенью? Как у вас пропитание? У нас ужасно. На маму, папу и прислугу жаль смотреть. Еле двигаются от истощения. Я живу какими-то сверхъестественными силами и чувствую себя очень хорошо.

Макс, милый, постарайся дать о себе знать. Все тебя здесь любят, тревожатся о тебе. А из Швейцарии с осени никаких вестей никто не получал. Очень жду известий.

Целую тебя и маму.

Аморя.

[1] Явная описка Сабашниковой.

[2] Е.А. Фельдштейн.

[3] 4/17 марта 1918 г. А.Н. Иванова писала Волошину: «Маргоря <...> целый день вне дома, видает очень много людей, последнее время работает вместе с Евой Ф<ельдштейн> и Оболенской и пока довольна своей жизнью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 152 об.–153).

[4] М.С. Фельдштейн.

510. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

7/20 июня 1918 г. Коктебель

20 июня 1918. Коктебель.

Милая Аморя, очень обрадовался получить весточку от тебя[1] и от Нюши[2]. Я уже до твоего письма перестал беспокоиться о тебе, т<ак> к<ак> получил письмо от Оболенской, из которого узнал, что ты жива и здорова.[3]

Над Коктебелем вся буря пронеслась благополучно.

Но я побыл самый грозный месяц в городе с Александрой Михайловной. Там были моменты очень жуткие: Феодо-

сия была средоточием, куда бежали со всех концов Черного моря, и все по очереди пытались захватить власть, расстреливали на всех углах днем и ночью, кидали бомбы, шли уличные бои, составлялись проскрипции[4]. Но до систематического приведения этих проскрипций в действие, как было в других крымских городах, не дошло. И странно: несмотря на то, что царил настоящий террор, настроение было очень бодрое и даже веселое, не у меня только, а у большинства знакомых, за малыми исключениями. Опасность рождала большой подъем духа. А несчастие и разорение очень просветляло и очищало людей. Я этот месяц прожил, соприкасаясь с самыми разнообразными элементами, начиная с анархистов и красногвардейцев и кончая монархистами, и всюду находил прекрасных людей и друзей.

Последние остатки политической партийности, которой у меня вообще было мало, рассеялись окончательно за этот месяц, т<ак> к<ак> за всеми оттенками и страстей, и мнений вставала только единая мятущаяся и слепая душа России.[5] Теперь, когда приходят изредка номера северных газет и читаешь всю старую политическую канитель со всеми истертыми словами, то кажется удивительно, так это все давно прошло.

Я все это время (за исключением месяца в Феодосии) очень много работал и работаю — главным образом, пишу стихи. Чувствую, что внутренне произошел в моей работе какой-то громадный сдвиг.

Написал после Пасхи большую поэму «Протопоп Аввакум».[6] Я ее послал на днях с оказией в письме Юлии Леон<идовне> с просьбой показать ее всем знакомым. Пожалуйста, возьми ее прочесть: мне кажется, что она будет тебе близка.

Это письмо не дописано, и как раз является оказия послать его сию же минуту. Пожалуйста, извести как-нибудь, но как можно скорее, Лилю, Веру и Марину, что Сережа Эфрон — жив: мы получили от него недавно письмо с просьбой дать о нем знать в Москву,[7] но оказия, с которой мама писала, очень была ненадежна.

Посылаю тебе несколько новых стихотворений.

Приезжай в Коктебель: тут пока хорошо во всех отношениях.[8] Голода нет. Проезд возможен, т<ак> к<ак> многие приехали это время из Москвы и из Петербурга. Ради Бога, достань мне и пришли с оказией книгу: ВАСИЛИЧ. Имп<ератор> Александр I и старец Феодор Кузмич. Изд<ание> ОБРАЗОВАНИЯ (Москва)[9].

Она мне очень нужна для одной задуманной поэмы.[10]

Стихи покажи знакомым, особенно Юлии Леон<идовне>.

До свиданья. Крепко тебя целую. Привет всем друзьям и знакомым. Моя оказия[11] уезжает: надо кончать.

МАХ.

[1] Имеется в виду п. 507.

[2] Письмо А.Н. Ивановой из Москвы от 17/29 мая 1918 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 156–157).

[3] В письме от 20 мая / 2 июня 1918 г. Ю.Л. Оболенская сообщала Волошину: «Маргариту Вас<ильевну> видела давно уже, когда мы делали ей холст для заказного портрета (Григоровой)» (Т. 12 наст. изд. С. 135; упоминается Надежда Афанасьевна Григорова (урожд. Бурышкина; 1885–1964), врач; теософка, позднее – антропософка; жена Б.П. Григорова). Это письмо Оболенской было получено в Коктебеле 2/15 июня 1918 г.

[4] Проскрипции (лат. proscriptio – письменное обнародование) – списки лиц, объявленных вне закона.

[5] Пребывание в Феодосии, длившееся почти полтора месяца (с 1 марта по 12 апреля по новому стилю), Волошин подробно описал в письме к Ю.Л. Оболенской от 2/15 апреля 1918 г. (Т. 12 наст. изд. С. 88–92).

[6] Поэма Волошина «Протопоп Аввакум» была завершена 19 мая 1918 г. «Я за это время написал большую поэму о Протопопе Аввакуме, каких никогда не писал еще ни по форме, ни по содержанию», – писал Волошин А.К. Герцык 6/19 июня 1918 г. (Т. 12 наст. изд. С. 138). Первая публикация поэмы, посвященной «Памяти В.И. Сурикова», – в киевском журнале «Родная земля» (1918. № 1. С. 13–31).

[7] «Дорогие Пра и Макс, – писал С.Я. Эфрон Е.О. Кириенко-Волошиной и Волошину 12 мая 1918 г. из Новочеркасска, – только что вернулся из Армии, с которой совершил фантастический тысячеверстный исход. Я жив и даже не ранен – это невероятная удача, п<отому> что от ядра Корниловской Армии почти ничего не осталось. <...> – Теперь о Москве. Я потерял всякую связь с Мариной и

сестрами, уверен, что они меня давно похоронили, и эта уверенность не дает мне покоя. Пользовался всяким случаем, чтобы дать знать о себе, но все случаи были очень сомнительны. Пра, дорогая, громадная просьба к Вам – выдумайте с Максом какой-нибудь способ известить Марину и сестер, что я жив. Боюсь подумать о том, как они перемучились это время. Сам я тоже нахожусь в постоянной тревоге о них. Если Вам что-либо известно – умоляю известить телеграммой...» (Марина Цветаева. Неизданное. Семья. История в письмах. С. 271). Сабашникова, очевидно, выполнила просьбу Волошина, хотя известие о том, что С.Я. Эфрон жив, его сестры и М. Цветаева получили другим путем. См. п. 511: «Эфроны уже знали о Сереже».

[8] Поездка Сабашниковой в Коктебель не состоялась. «Приедет ли Маргарита в Коктебель, как хотела, –спрашивал Волошин Ю.Л. Оболенскую в письме от 23 августа / 5 сентября 1918 г. – я ей писал, но едва ли письмо дошло: все, кто ехали среди лета и в начале, не довезли ни одного письма» (Т. 12 наст. изд. С. 163).

[9] Точное название: *Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузмич. По воспоминаниям современников и документам. Со многими рисунками и портретами. М.: Образование, <1909>. Книга сохранилась в коктебельской библиотеке Волошина (ДМВ).

[10] Летом 1918 г. Волошин предполагал написать стихотворение (или поэму) об Александре I и старце Феодоре Кузмиче и в связи с этим запрашивал своих знакомых о книгах, необходимых ему для работы. «Мне вдруг почудилась как тема стих<отворения>: Александр I и Феодор Кузмич», – сообщал он А.М. Петровой 6/19 июня 1918 г. (Т. 12 наст. изд. С. 135). Замысел, однако, не был осуществлен.

[11] В.И. Слива.

511. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

29 июня / 12 июля 1918 г. Москва[1]

Москва. 29 июн<я> / 12 июля.

Милый Макс, бесконечно рада была твоему письму, кот<орое> привезла Слива. Мысль поехать в Коктебель ослепительна.[2] Но сию минуту я не могу этого исполнить, п<отому> ч<то> у меня кружок в 20 человек, где мы читаем и беседуем; и для этих людей это хлеб насущный.

Кроме того, здесь со дня на день ждут событий, и я могла бы застрять в дороге. Но если будет возможно в августе, я непременно приеду.

Как я рада, что ты работаешь. Стихи твои мне очень нравятся. Особенно «Карадаг»[3] и «Феодосия»[4]. Но зачем в «Ангеле времен»[5] такие ужасные физиологические слова, это портит все стихотворение. Уничтожь эти слова. Это всех отшатывает.[6] Очень хорош и «Коктебель»,[7] но твой профиль – лишнее.[8] Я была у Гольдовских в Быкове[9], и Р<ашель> Мир<оновна>[10] читала эти стихи. С Евой[11] я все ближе. Мы настоящие друзья.

Там же в деревне живет Лиля у учительницы в избе и взяла к себе 1½ год<овалую> девочку Марины.[12] Трогательно возится с ней без няни.

Юлия Леонид<овна> не получила твоей поэмы об Аввакуме.[13] Пришли ее. Книгу Василич<а> пошлю со Сливой. (Против Сливы меня очень предупреждает Лиля[14]). А это письмо спешу отправить с Зоей Жикулиной <*sic!*>. В Москве ужасный голод. Очень голодают мои старички. А я все подкармливаюсь у друзей-богачей. Почти все живут в Москве. Здесь духота всяческая, не продохнешь. Я уже год здесь. И весь год был ровный, бодрый. Но сейчас какое-то чувство слепоты, желание уединиться для внутренней работы. О, если бы Коктебель! Как рада была бы повидать вас всех и море... Я теперь охотно и много хожу пешком и была бы на высоте Коктебеля, не то, что раньше. Только можно было бы быть сытой. Если у Вас есть деньги, делайте запасы муки и крупы. Мы давно без сахара. Фунт черного хлеба стоит 7 рублей. И к Вам, верно, тоже придет голод.

Что-то будет вообще с миром? Из Швейцарии с октября никаких известий...[15]

Ну, Макс, всего лучшего. Пиши, пожалуйста. А я очень надеюсь через месяц приехать (если планы сейчас вообще возможны). Напиши, сколько стоит жизнь? И дорога?

Целую крепко Елену Отт<обальдовну> и Ал<ександру> Мих<айловну>.

Работай. Ты сделал такие успехи!

Целую. Маргоря.

Эфроны уже знали о Сереже.

Есть ли у тебя краски? Я приеду без багажа. Могла бы захватить только краски в порошке и казеин. Напиши об этом.

[1] Ответ на п. 510.

[2] Сабашникова, как видно, живо откликнулась на приглашение Волошина, однако ее намерение посетить Коктебель ни в 1918 г., ни позднее не осуществилось.

[3] В середине июня 1918 г. Волошин написал цикл из двух стихотворений под общим названием «Карадаг», впервые опубликованный в еженедельном воскресном литературном приложении № 37 к берлинской газете «Накануне» (1923. № 246. 28 янв.); редактором «Приложений» был А.Н. Толстой.

[4] Стихотворение «Феодосия (1918) («Сей древний град – богоспасаем...») датируется 24 августа 1918 г.; впервые опубликовано в кн: *Волошин М.* Стихотворения и поэмы.: В 2 т. Общая ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве. Т. 1. Стихотворения. Вступ. статьи Б. Филиппова и Э. Райса. Paris: YMCA-Press. 1982. С. 297–298.

[5] Стихотворение «Ангел Времен» («Держа в руке живой и влажный шар...»), написанное в Коктебеле в апреле-мае 1918 г. (окончательная дата – 20 мая), впервые появилось в сборнике «Демоны глухонемые» (С. 27–28) с посвящением В.Л. Рюминой, сестре милосердия, знакомой Волошина по Феодосии и Коктебелю. Напечатано под названием «Европа» в парижском журнале «Современные записки» (1921. № 4. С. 86–88), под тем же названием – в кн.: *Волошин М.* Стихотворения. Вступ. статья С. Наровчатова. Сост., подг. текста и примеч. Л. Евстигнеевой. М., 1977. С. 253–255 (Б-ка поэта. Малая серия. 3-е изд). Другие варианты названия – «Славия», «Ангел времен говорит» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 529; коммент. В.П. Купченко).

[6] «Ужасными физиологическими словами» Сабашникова посчитала, видимо, «матерние органы», «глубокие влумины», «чувствилище» и др., не говоря уже о центральной теме этого стихотворения: оплодотворение Европы азиатским началом, в результате которого на свет появились «Русь – третий Рим» и Петербург («незрелый плод Славянства»).

[7] Стихотворение «Коктебель» («Как в раковине малой – Океана...»), написанное 6 июня 1918 г., впервые опубликовано в харьковском альманахе «Парус» (1919. № 1. 19 янв. С. 8); под заголовком «Киммерия» напечатано в московском журнале «Свиток» (1922. № 2. С. 5–6). В настоящее время публикуется без заголовка (см.: Т. 1 наст. изд. С. 170).

[8] Имеются в виду заключительные строки этого стихотворения: «И на скаде, замкнувшей зыбь залива, / Судьбой и ветрами изваян профиль мой!».

[9] Быково – дачный поселок в 34 км к юго-востоку от Москвы (ныне – поселок городского типа в Раменском районе Московской области); железнодорожная станция на Казанском направлении Московской железной дороги.

[10] Р.М. Гольдовская.

[11] Е.А. Фельдштейн.

[12] Летом 1918 г. Е.Я. Эфрон, уехавшая из Москвы в деревню (Быково), где она работала в Народном доме, взяла к себе Ирину, полугодовалую дочку Цветаевой. В начале сентября 1918 г. Цветаева забрала у нее дочь. Впоследствии отношения Цветаевой с В.Я. и Е.Я. Эфрон чрезвычайно осложнились именно в связи с их попытками опекать Ирину. После смерти Ирины в Кунцевском приюте Цветаева необоснованно обвиняла в гибели своей младшей дочери именно сестер мужа: «... Я с ними давно разошлась, – писала она Волошину 14 марта 1921 г. о сестрах Эфрон, – из-за их нечеловеческого отношения к детям, – дали Ирине умереть с голоду в приюте под предлогом ненависти ко мне. Это – достоверность. Слишком много свидетелей» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. Письма. С. 64). См. подробнее: *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. Paris: Синтаксис, 1988. С. 245–253 (глава «Смерть Ирины»).

[13] См. примеч. 6 к п. 510.

[14] Е.Я. Эфрон.

[15] Имеется в виду отсутствие известий из Дорнаха.

512. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

26 сентября / 9 октября 1918 г. Коктебель

9 октября 1918. Коктебель.

Дорогая Аморя, три дня тому назад возобновилось почтовое сообщение Украины с Крымом и первым выкинуло мне твое письмо, написанное еще 12 июля и посланное с Зоей Жекулиной.[1] Я страшно обрадовался твоему решению ехать в Коктебель, и хотя уже август давно миновал, но все же жду тебя на зиму. Вообще мы все время – то есть мама, Сережа Э<фрон>[2] и я, ждем друзей с севера, и по нашим расчетам и ты, и Эфроны, и Фельдштейны должны неизбежно приехать

в Коктебель на зиму, так как бегство из Москвы кажется нам неизбежным особенно после декрета о выселении.[3] Уверенность эта так велика, что мы даже не сдаем комнат на зиму, чтобы было место для своих.

Особенно Сергей[4] ждет Марины, но, очевидно, ни одно из его писем не дошло, и она даже не знает, что он в Коктебеле, хотя он здесь уже 3 месяца и ждет ее со дня на день. Пожалуйста, когда получишь это письмо, поговори с Мариной, Верой,[5] Лилей,[6] Эвой <*sic!*>[7] и Юлией[8] об их планах, и если есть сообщение между Украиной и Великороссией, то напиши или телеграфируй в Харьков на имя Петра Борисовича Краснова (Садовая, 3) для пересылки мне или передай письмо кому-нибудь из едущих на юг на Курском вокзале.

У нас все лето полное благополучие и тишина. Дороговизна относительно небольшая по сравнению с севером. Голод ожидается к весне хлебный. Запасов мы никаких не делаем, так как мама это ненавидит, да и вообще у нас никакого хозяйства, ни прислуги нет, но если приедут москвичи, все это возможно совместно наладить. Маме вообще все хозяйство надоело, и она все забросила, а <я> все время в работе литературной или живописной. Я зимой выеду только месяца на полтора в турне по южным городам с лекциями для заработка: меня зовут в Ростов, Харьков, Екатеринослав: оказывается, я стал популярен почему-то на юге в этих городах, где я никогда не бывал:[9] там массами распространялись в рукописях мои последние стихи.

Летом я работал главным образом над живописью: сделал графику к «Демонам Глухонемым», которые печатаются в Харькове.[10] А последний месяц написал 70 акварелей для выставок в Харькове и Ростове.[11]

Много времени отняли летом поездки по лекциям и чтения. Теперь работаю над подготовкой ряда новых лекций, что буду читать зимою.

Сейчас приходила мама и говорила: напиши, что с питанием будет трудно доставать, надо будет в городе покупать. Но этого не так уж следует бояться: в деревне есть теперь потребительская лавка, в которой можно найти разные необходимые продукты и, кроме того, всегда можно попросить в больших

имениях Латри, Айвазовской, Дуранте овощей и хлеба. Во всяком случае, для тех, кто провел эту зиму в Москве, наши неудобства не могут быть уж такими страшными и безысходными.

Я тебе все это время писал с различными оказиями, а также Юлии. Передай ей, что вчера пришло ее письмо маме от 3 апреля со страшной тревогой за судьбу нашего дома. Вообще теперь каждый день приходят транспорты писем, залежавшихся с весны на крымской границе.

Если будет время и возможность написать письмо, то напиши поподробнее обо всех знакомых поименно.

У нас у всех и со всеми благополучно. Богаевский прожил у меня 1½ месяца. Хочет приехать еще осенью.

Шервашидзе с Бутковской прожили около двух месяцев и теперь проехал<и> в Сухум занимать престол.[12]

Из Москвы знакомых не было никого, но все же кое-кто в Коктебель приезжал, и говорили, что дорога вовсе не так трудна, особенно для женщин.

Краски в порошках и казеин у меня есть и в достаточном количестве, так что их привозить не стоит, а если у тебя есть и тебе понадобится акварель, то лучше захвати. Тоже бумаги, хотя бы простой александрийской, потому что, хотя у меня есть запасы, но всякие запасы истощимы, а <я> потребляю очень много бумаги.

До свиданья, крепко тебя целую. Привет Марг<арите> Алекс<еевне>, Вас<илию> Мих<айловичу>, Алеше, Алекс<андре> Алекс<еевне>, Ляйзе, Нюше.

Какие сведения об Екатерине Алексеевне? Что делает Бальмонт? Не грозит ему ничего?[13]

Напиши, что делается в поэзии. Познакомилась ли ты с Эренбургом?[14]

Имей в виду, что из Коктебеля я уеду в турне, вероятно, в конце ноября, декабре, а вернусь в январе.[15] Самый чувствительный недостаток в Коктебеле — это керосин и вообще освещение.

МАХ.

[1] П. 510.

[2] Проделав в рядах Добровольческой армии Кубанский поход, С.Я. Эфрон в мае 1918 г. оказался в Новочеркасске, откуда прибыл в Коктебель около 27 июня / 10 июля 1918 г. (см.: Труды и дни-2. С. 51). «Я Вас ожидал в Коктебеле пять месяцев, – писал он Марине Цветаевой 26 октября 1918 г., – послал за это время Вам не менее пятнадцати писем, в которых умолял Вас как можно скорее приехать сюда с Алей. Очевидно, мои письма не дошли, либо Ваши обстоятельства сложились так, что Вы не смогли выехать. <...> Макс Вам все расскажет о моей жизни в Коктебеле. Он мне очень помог во время моего пребывания здесь. <...> Макс и Пра были для меня как родные» (Марина Цветаева. Неизданное. Семья. История в письмах. С. 275–276; Аля – А.С. Эфрон, дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона). Около 1 ноября 1918 г. С.Я. Эфрон покинул Коктебель и вернулся в Добровольческую армию.

[3] Имеется в виду постановление Моссовета от 11 сентября 1918 г. «О порядке реквизиции жилых помещений и движимого имущества», позволявшее изымать у «буржуазно-паразитических элементов» жилые помещения и передавать их рабочим. Осенью 1918 г. из Москвы было выселено несколько тысяч «буржуазных» семей, а в их квартиры вселились около 20 тысяч рабочих.

[4] С.Я. Эфрон.

[5] В.Я. Эфрон.

[6] Е.Я. Эфрон.

[7] Е.А. Фельдштейн.

[8] Ю.Л. Оболенская.

[9] Предполагаемая лекционная поездка Волошина в Ростов-на-Дону и другие южные города зимой 1918–1919 гг. не состоялась: в ноябре 1918 г. он отправился с лекциями в Ялту, затем в Севастополь, Симферополь и Евпаторию, а в январе 1919 г. – пароходом в Одессу, где пробыл три с половиной месяца. В начале июня 1919 г. Волошин вернулся в Коктебель.

[10] Сборник «Демоны глухонемые», составленный из стихотворений 1905–1918 гг. (в письме к З.В. Сербской от 27 сентября / 10 октября 1918 г. Волошин назвал его «книжкой стихов о революции» // Т. 12 наст. изд. С. 187), был выпущен в январе 1919 г. в харьковском издательстве «Камена». В 1923 г. в берлинском «Книгоиздательстве писателей» вышло второе издание.

[11] «...Последнее время, – сообщал тогда же Волошин Ю.Л. Оболенской, – делал акварели для харьковских и ростовских выставок, куда меня звали. Сделал за этот месяц 74 больших акварели, и они уже уехали» (Т. 12 наст. изд. С. 181; письмо от 10 октября 1918 г.).

В каких именно выставках предполагалось участие Волошина, не установлено.

[12] Князь А.К. Шервашидзе-Чачба был местоблюстителем Княжеского престола Абхазии.

[13] После Октября 1917 года Бальмонт – во всяком случае, внешне – не проявлял особой враждебности по отношению к большевикам. Свое неучастие в «политике» Бальмонт (в прошлом – яростный противник самодержавия, политический эмигрант и т.п.) пытался обосновать тем, что он – поэт, а потому «выше всяких партий». В мае 1918 г. он обнародовал публицистическую брошюру «Революционер я или нет» (М.: Верфь, 1918), в которой «нет ни слова о советской власти и большевиках, но акцент на картины насилия, крови, террора и мрачные предчувствия, естественно, ассоциировались с тем, что происходило после Октябрьской революции. Автор отказывается от того, к чему раньше, в 1905 году, призывал» (*Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт с утренней душой. Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М.: ИНДРИК, 2003. С. 338). Проявляя известную сдержанность и дипломатичность, поэт сумел убедить А.В. Луначарского в своей лояльности и добился разрешения на выезд (вместе с семьей) в заграничную командировку (1920). Однако впоследствии, уже покинув Россию, Бальмонт неоднократно подчеркивал свой антибольшевизм, который он якобы не скрывал и в 1918–1920 гг. «Я не однажды на публичных выступлениях заявлял, что Россию сейчас держат за горло кровавые руки и что никакое творчество не мыслимо там, где не любят работать и любят убивать», – писал он, например, в очерке «Трудность», рассказывая о допросе в ЧК, куда он был однажды вызван повесткой к следователю Н.А. Рославец (Воля России. 1921. № 174, 10 апр. С. 4). О том же говорится и в очерке «Кровавые лгуны»: «В московских свободных газетах, пока они издавались, и во время многочисленных публичных выступлений, в Москве и в провинциальных городах, я всегда говорил, и говорил весьма резко, против большевиков и против режима крови и насилия – как до большевистского переворота, так и после него. <...> Никогда и нигде я не восхвалял большевиков. Я говорил неоднократно, не опасаясь ничего за свои слова, что большевики – захватчики, что они деспоты, что никакая достойная творческая работа не мыслима там, где нет свободы слова и где господствует система сыска и террора» (Воля России.1921. № 209, 22 мая. С. 4–5). См. подробно: *Берд Р., Иванова Е.* Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004, № 3. С. 55–85).

На самом деле, отношение Бальмонта к новой власти и большевистским вождям не было однозначным; оно менялось по мере

развития событий. Поначалу недоверчиво-скептическое, оно переросло в 1919–1920 гг. в полное неприятие большевиков и их методов. К тому же импульсивный поэт вряд ли мог сдерживать свои эмоции, и они постоянно вырывались наружу – и в кругу близких ему людей, и в письмах, и в публичных выступлениях (о чем Волошину наверняка было известно).

[14] О личном знакомстве Сабашниковой с Эренбургом точных сведений не имеется. Однако в конце января 1918 г. оба присутствовали на вечере «Встреча двух поколений поэтов» в квартире М.О. и М.С. Цетлиных, где Маяковский читал свою поэму «Человек». Некоторые отзывы об этом вечере см. в кн.: *Катанян В.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 5-е, изд. доп. М.: Сов. писатель, 1985. С. 139. Упоминает о нем и Сабашникова в своей мемуарной книге: «В доме, некогда принадлежавшем славянофилу Хомякову и сохранившему обстановку начала 19 века, вернувшаяся из эмиграции супружеская чета собирала футуристических поэтов и художников. Там я и познакомилась со многими из них, в том числе с Владимиром Маяковским» (Зеленая Змея. С. 262).

[15] См. примеч. 9 к наст. письму.

1921

513. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

22 сентября 1921 г. Зачеренье

1921
22/9 сентября.

Санатория Зачер<е>нье
бли<з> ст<анции> Преображенская
по Варшавской ж<елезной> д<ороге>[1]

Милый Макс, очевидно, ты не получил моих писем, кот<орые> я посылала тебе через охрану памятников[2]. Я получила от тебя сперва записочку, а в июле письмо от апреля.[3] Я понимаю тебя. Я тоже устала от того же. Но ни минуты еще не пожалела о своем возвращении ни тогда, когда жила в комнате в 1° ниже нуля, ни когда лежала в тифу в ужасных условиях,[4] ни сейчас, когда живу в санатории для туберкулезных в палате на 12 человек, на грязной соломенной койке, в доме, где харкают и плюют 100 человек некультурных и диких и где нет проведенной воды и самых элементарных санитарных условий. У меня катар обоих верхушек лёгких и страшное истощение. Эта зима была хороша с января. Благодаря Лигскому я имела комнату в Наркоминделе[5] и обеды из интернац<иональной> гостиницы,[6] служила в библиотеке, немного начала работать у Татлина,[7] виделась с Бруни Левой[8], Ниночкой[9] и сынком их Ванечкой[10], с учениками Петрова-Водкина[11] и им самим, и мне эта зима много дала.[12] А главное, что было хорошо, и из-за чего я осталась в Петрограде, это кружок людей, интересующихся нашей наукой, с кот<орыми>

я занималась. Мы собирались 2 раза в неделю, потом бывала музыка. Много самостоятельных рефератов.[13] Сейчас особенно значительно общение от души к душе, потому я вовсе не стремлюсь к Нюше[14] и считаю, что мы страшно много имеем, проходя все, что судьба нам послала, и я не завидую тем, кто внимает мудрости вдали от жизни. Мы проходим школу. Мне кажется, я изменилась; стала спокойнее, ничего не желаю для себя, кроме возможности работать. Я бы сейчас могла осуществить свои художественные мысли, п<отому> ч<то> нашла путь учень<я> или нащупала и могла бы планомерно работать, но начну этот сезон без места (Лигский уехал в Варшаву консулом, и меня сейчас же всего лишили[15]), без дров, без пайка, без печки, без денег, с очень расстроенным здоровьем; ибо в этом санатории поправиться нельзя (здесь не дают масла и только ½ стакана молока), всегда шпиг американский, кот<орый> не ем.... Стараюсь за портреты получить в деревне молока, но пока бесплодно. 7 октября вернусь в Петроград. Мой адрес Фонтанка 129, кв. 5, тел. 1 42 76. Буду жить в семье Глеба Александров<ича> Ивашенцова, врача.[16] Я не очень тревожусь за будущее, мы живем совсем другими силами, чудом; от нас ничего не зависит.

Энглерт 4 года тому назад перестал мне писать. Я все продолжала по старому адресу; но недавно узнала, что он давно со скандалом покинул Д<орна>х и, кажется, женился на Хольцлейтнер, помнишь, была такая смугленькая с детским голоском.[17] Как это все невероятно и тяжело.

Родители мои очень нуждаются, мама работает, как лошадь, на двух местах. Папа почти не встает с дивана. Страшно бедствуют Гофманы. О них просто не могу думать без ужаса. Ляйза стала торговкой на Смоленском рынке, приобрела там место. Она стала старухой. Катя в Херсоне, стремится вырваться.[18] Ниночка ждет второго младенца.[19] Она очень солнечный, умный, живой человек; выше матери ростом, шаловливая, хорошенькая.

Если в течение зимы мое здоровье ухудшится, можно ли мне приехать в Коктебель к весне? Получить место вроде твоего секретаря. Или и у вас жизнь тоже непосильна?

Пришли мне твоих стихов. Я видела «Демоны Глухонемые», мне очень понравилось и, знаешь, рисунки![20] Ты побе-

дил. Изменился ли ты? Думаю, судя по письму, что да. Что уже ты не смог бы, как еще в <19>14 г<оду>, с упоением рассказывать о сенсационном. Жизнь явила нам строгое лицо.

И вот наша жизнь уже на закате, и можно уже произнести о ней суд. Счастья, того, о кот<ором> я больше всего мечтала, ей не угодно было дать мне. Я смирилась. Но я еще прошу об одной милости, о возможности осуществить несколько картин и закончить роман. (Я пишу роман, где самое главное после ее смерти, я говорила тебе о нем. Он давно задуман. «Вечная память».)[21] Сейчас я чувствую какую-то зрелость, впервые. Самостоятельность. Мужество. Все, что было пережито лично, видано в смысле стран, культур, и искусство стало достоянием, есть чувство полноты. Если бы только какая-либо возможность работы. Я лишилась места как раз, когда была в разгаре писания «Рождения Венеры»[22]. В ней уже есть пространственность и динамизм с формой.

До свиданья, милый друг. Пиши мне скорее заказным, Фонтанка 129, кв. 5.

Маргарита.

Целую твою маму, Алекс<андру> Мих<айловну>. Привет Богаевск<им>.

[1] С 1919 г. и по настоящее время – станция Толмачево (Лужский район Ленинградской области) на участке Гатчина – Луга Октябрьской железной дороги в 140 км от Санкт-Петербурга. Расположенное поблизости имение «Зачеренье», перейдя в 1908 г. в собственность Александро-Невской Лавры, получило название «Серафимово» (по имени Серафима Саровского) и было преобразовано в монашескую обитель, которая использовалась также как летняя резиденция митрополита Антония. После 1917 г. на этом месте был создан санаторий ВЦИК г. Петрограда, в котором отдыхали, среди прочих, С.М. Киров, Н.К. Крупская и др. Однако в эпоху военного коммунизма условия в этом санатории были, по-видимому, далеко не идеальными. «...Меня отправили в санаторий для легочных больных в Новгородской области, где я полгода голодала и мерзла», – вспоминала Сабашникова (Зеленая Змея. С. 287; Зачеренье находилось на границе Петроградской и Новгородской областей).

Во время войны «Зачеренье» было полностью разрушено (впоследствии здесь открыт пионерский лагерь).

[2] Имеется в виду Музейный отдел Наркомпроса (полное название – «Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины»), созданный в 1918 г. и возглавлявшийся (до 1928 г.) Н.И. Седовой, женой Л.Д. Троцкого. Одним из главных организаторов и сотрудников Музейного отдела был Т.Г. Трапезников – при его содействии (и поддержке Н.И. Седовой) Сабашниковой удалось впоследствии получить разрешение на выезд за границу (см. об этом: Зеленая Змея. С. 304).

[3] Это письмо Волошина не известно.

[4] Сабашникова заболела сыпным тифом в ноябре 1919 г., ухаживая за Полей (см. примеч. 3 к п. 242). Свое пребывание в больнице Е.И. Марциновского Сабашникова описала в «Зеленой Змее» (С. 275–278). Волошину это было отчасти известно из письма А.Н. Ивановой, отправленного из Парижа 26 августа 1920 г.: «Маргоренька очень стремится за границу, но не может получить разрешения. Она осенью была больна тифом. После этого жила в разных санаториях. Одно время мы были в санат<ории> с ней вместе. Когда я уезжала, она уже совсем оправилась, но осталась еще там к<а>к преподавательница подвижных игр в детской колонии. Она очень тоскует, что не может отдаться живописи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585, л. 157–157 об.). О своем пребывании в больнице Сабашникова подробно рассказала и Штейнеру в письме от 2 июля 1921 г. (АШ).

[5] «К чести Лигского надо сказать, – пишет близко знавший его А.В. Амфитеатров, – что в своем большевицком зигзаге он старой хлеба-соли не забывал и всегда старался быть полезным тем, кого покинул. Я, например, много обязан ему: не только троекратным освобождением из-под арестов, но если бы Лигский не присылал нам дров, то мы в зиму 1919–1920 годов должны были бы замерзнуть без топлива» (*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 2. Сост., подг. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрения, 2004. С. 251).

[6] Имеется в виду гостиница «Англетер», переименованная в 1919 г. в «Интернационал» (в октябре 1925 г. гостинице было возвращено прежнее название; с 1948 до начала 1970-х гг. – «Ленинградская»). В «Интернационале» проживали или обслуживались партийно-советские чиновники разного уровня, командиры Красной армии, деятели культуры и др.

[7] «Так как мне хотелось ознакомиться с различными направлениями нового искусства, – рассказывает Сабашникова в книге воспоминаний, – я стала его <Татлина> ученицей. Специально для

меня он смастерил некую фигуру: деревянная доска, выкрашенная охрой, частью покрытая лаком, на ней наискось положена черная матовая бумага с белым ободком, а сверху прикреплена треугольная латунная пластинка. Я написала все это дома в импрессионистической манере, не понимая – чего он, собственно, хочет. Он был очень недоволен и предложил написать работу заново, причем все передавать локальным цветом, как можно более независимо от игры света... <...> Лакированные места модели следовало лакировать и на рисунке, матовые – оставить матовыми. Это было почти имитацией. И называлось – "объективная живопись"» (Зеленая Змея. С. 284). В письме к Штейнеру от 2 июля 1921 г. Сабашникова также упоминала о Татлине, «очень интересном», по ее мнению, благодаря чувству материала и содержательности конструкции. «Однако – добавляла Сабашникова, – он очень материалистичен и завершает, как мне кажется, египетскую линию нашего времени. Мы должны совершить прыжок в Персию, от статике к динамике, к движению красок в пространстве» (АШ; в оригинале по-немецки).

[8] С Л.А. Бруни Сабашникова познакомилась осенью 1913 г. в Коктебеле. «Приехала <...> Маргарита Васильевна, – сообщал Волошин Ю.Л. Оболенской 3 октября 1913 г. – Мы с нею теперь рисуем Бруни, который оказался великолепным натурщиком» (Т. 10 наст. изд. С. 36).

[9] 24 февраля 1921 г. Н.К. Бруни писала своей родственнице Т.А. Полиевктовой (урожд. Орешниковой; 1877–1965), антропософке и близкой приятельнице Е.А. Бальмонт, из Петрограда: «...Видаю часто Маргорю, мы вместе бываем всюду. Как<ая> она милая!» (РГБ, ф. 374, карт. 15, ед. хр. 13, л. 16).

[10] И.Л. Бруни.

[11] Сабашникова имеет в виду прежде всего Л.Т. Чупятова (1890–1941), живописца и театрального художника, которого в письме к Штейнеру от 2 июля 1921 г. называет «антропософом». «Он – ученик великого мастера Петрова-Водкина, – пишет Сабашникова. – <...> Чупятов перешел от натуралистической формы к эфирной. Я видела одну из его работ. Он работает, несмотря на ужасный холод и голод, над ликом Богоматери и не желает идти ни на какие компромиссы (он мог бы писать плакаты за деньги). В этих образах Богоматери с младенцем нет ничего натуралистического. Сферические формы, отличающиеся невероятной интенсивностью красок, пронизывают одна другую. Голубой, желтый, розовый и красный ярко сияют и сочетаются столь гармонично, что целое производит впечатление белизны. Глубина картины достигается исключительно цветом, у него нет ни графики, ни светотени. Возможно, что-то в этой вещи

еще произвольно, но общее впечатление очень сильное. Этот путь кажется мне началом той живописи, которая должна возникнуть. Чупятов живет одним искусством, он глубоко религиозен; за него можно было бы опасаться (так сильно напряжена его душа), не будь он столь логичен и последователен в своей работе, которой предается с огромной энергией. Но он не сможет продолжать здесь работать» (АШ; в оригинале по-немецки).

[12] «Для меня лично очень важно, что я через Бруни попала в струю худ<ожественной> жизни и буду работать. В Вольфиле еще не была, там меня уже ждут», – сообщала Сабашникова в письме к Б.П. и Н.А. Григоровым 27 января 1921 г. (цит. по кн.: Зеленая Змея. С. 396; оригинал письма – в архиве М.Н. Жемчужниковой).

[13] Имеется в виду антропософский кружок, о котором Сабашникова рассказывает в своих воспоминаниях:

«...Группа около двадцати человек обратилась ко мне, выражая желание начать систематические занятия духовной наукой. В этом маленьком кружке людей, до того мало знакомых или совсем не знакомых друг с другом, регулярно собиравшемся у меня, участвовали выдающиеся деятели из разных областей культуры» (Зеленая Змея. С. 285). В июле 1921 г. Сабашникова просила Штейнера придать созданному ею кружку статус «общества», т.е. дать ему название и предоставить ей как руководительнице право принимать новых членов; однако ее просьба не нашла отклика в Дорнахе (см.: Vor dem Thore. S. 295). На основании писем Сабашниковой к Штейнеру (июль 1921 г.) Р. фон Майдель восстанавливает (частично) состав участников кружка: иранист Е.Э. Бертельс (1890–1957), художник В.В. Воинов, врач-инфекционист Г.А. Ивашенцов (см. о нем также примеч. 16), инженер-мелиоратор и поэт Н.В. Макридин (1882–1942), искусствовед Е.Ю. Фехнер (1900–1985), востоковед Ю.К. Щуцкий (1897–1938, расстрелян) и др. (Ibid., S. 295–296). Судя по мемуарным записям Андрея Белого («Себе на память»), летом 1921 г. он не раз выступал в кружке Сабашниковой (свои выступления Белый именует «семинарием»). «1921 год <...> Июль. Семинарий в Петерб. группе антр. у Сабашниковой. Беседа. Петербург». Такая же запись относится и к августу 1921 г. (Андрей Белый и антропософия-3. С. 481).

[14] Т.е. за границу.

[15] Ср. в «Зеленой Змее»: «После отъезда Лигского новый глава комиссариата уволил большую часть служащих. В один миг я лишилась и обедов в гостинице, и квартиры. <...> Я не умерла от голода потому, что один немец, с которым я познакомилась в комиссариате, уезжая, оставил мне свои консервы. Но у меня началась болезнь лег-

ких. Я странствовала из одного медицинского учреждения в другое, стояла в очередях до обморока и видела страшные картины человеческих бедствий» (С. 287).

[16] В письме к Штейнеру от 29 июля 1921 г., рассказывая об антропософском кружке в Петрограде, в котором она ведет «подготовительный курс» (см. выше примеч. 13), Сабашникова особо выделяет Г.А. Ивашенцева: «Нам очень много дает благодаря своей работе с нами доктор медицины Ивашенцев, известный своими трудами в области бактериологии, а также как практикующий врач, и, к сожалению, как администратор (говорю "к сожалению", поскольку, возглавляя Комиссариат народного здравоохранения в Петрограде, ведая всеми петроградскими больницами и будучи директором Бактериологической лаборатории, он совсем не располагает временем для антропософских занятий, а ему хотелось бы отдавать антропософии все свое время и все свои научные познания; ему 38 лет)» (АШ; в оригинале – на немецком языке. Должность Г.А. Ивашенцева указана Сабашниковой не вполне точно: в 1920–1921 гг. он заведовал лечебным подотделом Петроградского Губздравотдела).

[17] О М.Т. Хольцлейтнер не раз упоминает Андрей Белый, перечисляя участников «рабочего дорнахского ядра» (см.: Воспоминания о Штейнере. С. 292–293; Андрей Белый и антропософия-1, по указателю).

[18] «В 1920 году мы с О.Н. Анненковой выбрались наконец из Миасса, но не могли попасть прямо в Москву, – писала Е.А. Бальмонт. – Мы ехали с поездом "Военстроя", который изменил направление из-за гражданской войны на юге. После четырехмесячных странствий в теплушках через всю Россию, – мы стояли по три недели на узловых станциях, не зная, куда нас двинут, – мы достигли Херсона, где нам пришлось промучиться еще с год. В Москву мы попали осенью 1921 года» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. С. 423).

[19] Нина Бруни, родившаяся в апреле 1922 г.

[20] Рисунки, заставки и фронтисписы к сборнику «Демоны глухонемые» были выполнены самим Волошиным; на обложке помещен портрет автора работы А.К. Шервашидзе.

[21] О романе Сабашниковой под таким названием сведений не обнаружено. Р. Вермбтер сообщает, что в 1930-е гг. Сабашникова закончила роман под названием «Радуга» («Die Regenbogenbrücke»), которой «занимал ее в течение очень долгого времени». Этот «длинный, искусно построенный» роман, который Сабашникова писала «еще по-русски», а потом перевела на немецкий язык, имел автобиографическую основу; поэтому, завершив книгу своих воспоми-

наний, Сабашникова сочла его публикацию «излишней» (Margarita Woloschin. Leben und Werk. S. 49). См. также примеч. 9 к п. 380.

[22] К своей картине «Рождение Венеры» (см. примеч. 16 к п. 23) Сабашникова вернулась в 1921 г. в Петрограде и продолжала работу в 1922 г. в Москве (до отъезда из России). См. запись в ее дневнике от 2 июня 1922 г.: «Перевозила вещи <...> “Венеру” свою тащила на спине как крест; так же тащила ее в ноябре по Питеру. Потащу ли куда в третий раз?» (РГБ, ф. 374, карт. 8, ед. хр. 16, л. 2 об.).

1922

514. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

16 февраля 1922 г. Москва

16 февраля 1922.

Милый Макс, пользуюсь оказией, чтобы, наконец, ты получил от меня весточку. Твои записочки, кот<орые> ты посылал мне с разными людьми, мне пересылали в Петроград,[1] где я провела почти год.[2] Я писала тебе много раз по почте, но, кажется, тщетно. Теперь не знаю, с чего начать.

О тебе до меня доходили всегда отзывы, полные признательности. Да, мы проходили через великое время. Все человечество встречает стража порога;[3] некот<орые> переживают это сознательно. Я лично ни минуты не сожалела о том, что приехала в Россию, хотя пришлось туго в смысле голода и холода и результат – активный туберкулез; у меня всегда жар. Но как раз в этом году благодаря моей болезни мне живется очень хорошо; родители решились продавать вещи; я не служу и могу работать. Пишу «Рождение Венеры» и на этот раз напишу![4] Книгу о русской мистике по-нем<ецки> (мне заказал один немец)[5] и роман. Петроград мне дал бесконечно много. Я училась у Татлина, видала Петрова-Водкина и его учеников, дружила с Бруни (Ниночка прекрасный человек), а сынишка их Giovanni Bruni[6] мой любимец. Я радостно живу и радостно умру. За границу, хоть меня по болезни и отпускают, я не стремлюсь.

Энглерт оказался неверным другом. С <19>18 г<ода> не пишет мне. Доктор развил громадную соц<иальную> деятельность – «Трехчленность соц<иального> организма».

Свобода дух<овной> культуры и независимость ее от всего прочего, независимость права (равенства) и независимость хозяйств<енно> эконом<ической> жизни (братства). Соответствие с человеком головы (нервы), сердца (ритм) и питат<ельных> органов. Растроение.[7] Это движение независимо от антропос<офии>. В нем принимают участие известные филос<офы>, ученые и практики.[8]

Но самое общество очень экзотеризировалось, американизм.

Доктор – директор акционерного общества.[9] Это значит – взять крест культуры! Или пойти ко льву (Ариману) в пещеру. Но уже личные отношения с ним невозможны. В Петрограде я основала общество.[10] Очень интересные люди; но из-за климата не могла остаться; м<ожет> б<ыть>, поеду летом туда. Бруни в Оптиной и зовут меня туда.[11]

Макс, отчего ты не приезжаешь? Напиши мне, не поговорить ли с Луначарским о том, чтобы тебя и маму привезли в санитарном вагоне. Ведь ты же тут получал бы акад<емический> паек; да вообще нашел бы работу. Разве не надо бежать из Крыма? Ведь ты бы мог, верно, продать свой дом на доллары американцам и обеспечить себя.

Впрочем, м<ожет> б<ыть>, ты, как и мы здесь, не думаем о будущем. Сейчас американцы жертвуют писателям паек.[12] Ты тоже получишь. Сколько это будет длиться, не знаю, но пока надеюсь написать «Венеру».

Здесь Катя и Леля Анненкова[13]. Катя мало изменилась, но нервна и раздражительна. Папа мой все полеживает, ведь ему 75 лет. Мама невероятно активна; дает рабочим уроки; работает 8 ч<асов> в день. Живут без прислуги.

Тяжелее всех Гофманам. У них всегда голод, но это не люди, а ангелы. Я рада, что Нюшенька уехала.[14]

Макс, Людвиг просит, чтобы ты узнал, что с его матерью; он ни строчки не получал с тех пор, как уехал; очень тревожится. Он спрашивает, приехать ли ему за ней с 6 миллионами *сейчас*. Или послать их ей с Кандауровой, кот<орая> едет за Цераским в марте.[15] Ответь с оказией кому-нибудь. Людвиг послал матери две посылки почтой и 500 000 р. с д<окто>ром Наниевым <*sic!*>.

Я много думаю об Ал<ександе> Мих<айловне>. Все мысленно с ней беседую и кажется, что она слышит меня. Как жаль, что мы здесь уже не встретились.

Пошли мне свои стихи. Я знаю только «Демонов Глухонемых».

Мельком видела Парнок; видела Кузнецову. Поцелуй от меня маму. Как мне грустно за нее. Привози ее. Вас обоих устроят в санаторию.

Ну, всего лучшего, милый, мы все помним тебя и любим. Очень огорчались твоей болезнью. Были на вечере в твою пользу. Было собрано 20 000 000; не знаю, как тебе отправили их.[16]

Твоя Маргоря.

[1] «Записочки» Волошина, о которых упоминает Сабашникова, не сохранились.

[2] Сабашникова приехала в Петроград в декабре 1920 г. и вернулась в Москву в январе 1922 г. (см.: Летопись... С. 382); при этом почти полгода (с августа по декабрь) она провела в санатории в Новгородской губернии (см. п. 513).

[3] О «страже порога» см. примеч. 6 к п. 276.

[4] См. п. 513, примеч. 22.

[5] Сведения о книге такого рода или работе над ней не выявлены. «Немец», заказавший книгу, по всей видимости, – известный немецкий публицист Пауль Шеффер (1883–1963), в 1920-е гг. – московский корреспондент газеты «Berliner Tageblatt»; его знакомство с Сабашниковой приходится на первые месяцы 1922 г. (см.: Зеленая Змея. С. 297–298).

[6] И.Л. Бруни.

[7] Откликаясь на текущие события (крушение кайзеровской Германии, революция в ноябре 1918 г., создание Веймарской республики, бурные дискуссии того времени о создании новой системы государственного управления и т.д.), Штейнер обращается к общественной тематике и создает свой проект выхода из кризисной европейской ситуации. Предложенная им концепция, основанная на идее свободы личности как условии национальной свободы, предусматривала четкое разделение отдельных сфер жизни (политическая, экономическая, юридическая, духовная и т.д.). Основные положения этой доктрины были обозначены в «Меморандуме» Штейнера, написанном в июле 1917 г. по просьбе некоторых государственных деятелей Германии (см. об этом подробнее: *Коренева М.Ю.* Образ России у

Рудольфа Штейнера // Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб.: Коллектив авторов, 1998 (приложение к альманаху «Канун»). С. 311–313; 317–336). Проект новой политической системы, позднее изложенный Штейнером в книге «Основы социального вопроса» (1919), сводился к тезису о «трехчленности социального организма». Строго разделяя три области общественного бытия (социальную, правовую и духовную), Штейнер закреплял за каждой из них особые функции. Публичная активность Штейнера и его усилия обосновать социальную «трехчленность» продолжались до весны 1921 г.

[8] Составленный Штейнером в начале 1919 г. призыв «An das deutsche Volk und die Kulturwelt!» («К немецкому народу и культурному человечеству!»), в котором были изложены, в частности, его соображения о «трехчленности социального организма», был поддержан и подписан известными деятелями немецкой культуры (среди них – писатели Г. Бар, Т. Манн, философ Г. Наторп, искусствовед В. Френгер и др.), а также некоторыми военными и даже политиками.

[9] В 1920 г. Штейнер основал два акционерных общества: «Der kommende Tag» («Грядущий день») в Германии и «Futurum AG» в Швейцарии. Основная их цель заключалась в получении денежных средств, необходимых для продолжения строительства Гетеанума и других масштабных антропософских начинаний (например, Вальдорфская школа). В течение 1920–1923 гг. оба «холдинга», созданные Штейнером, пытались всячески упрочить свое положение: приобретали собственность, наращивали свой оборот и неуклонно расширяли поле своей деятельности. В Штутгарте был открыт банк «Der Kommende Tag A. Koch & Co». Однако в условиях инфляции и экономического кризиса все попытки Штейнера, направленные на создание прочной экономической базы для Антропософского общества, не увенчалась успехом. «Грядущий день» прекратил свое существование в 1924 г., «Футурум АГ» – тремя годами позже.

[10] См. примеч. 13 к п. 513.

[11] В сентябре 1921 г. семья Бруни уехала из голодного Петрограда в деревню Стенино под Козельском (рядом с Оптиной пустынью), где жила А.А. Соколова, мать Льва Бруни. Оттуда в начале 1923 г. Бруни перебрались в Оптину пустынь, где прожили до 1927 г. См.: *Сарабьянов А.* Жизнеописание Льва Бруни. М.: Русский авангард, 2009. С. 77–78, 89.

[12] Речь идет о помощи голодающим в Советской России, которую оказывала в 1921–1923 гг. Американская организация помощи – АРА (American Relief Administration); в рамках этой помощи предусматривались отдельные посылки для деятелей науки и культуры.

«...Правда ли, что существует специальный американский паек для писателей? – спрашивал Волошин В.В. Вересаева в письме от 12–18 марта 1922 г. – Правда ли, что я внесен в этот список?..» (Т. 12 наст. изд. С. 437). В ответном письме от 21 марта 1922 г. Вересаев подтвердил, что такой паек действительно существует, однако, по согласованию с наркомом здравоохранения Н.А. Семашко, будет направляться в Крым через Москву. «Паек чудовищно хороший: – сообщал Вересаев, – получаем и белую муку, и мясо, и сливочн<ое> масло, и сахар, чай, кофе, – даже шоколаду недавно получили. Кроме того, когда прибудут посылки для ученых русских от американцев, в первую очередь будут посланы крымцам» (Там же. С. 440; коммент. А.В. Лаврова).

[13] О.А. Анненкова.

[14] А.Н. Иванова покинула Россию в июне 1920 г. вместе с Бальмонтом, Е.К. Цветковской и Миррой Бальмонт (его дочерью от Цветковской).

[15] А.В. Кандаурова приехала в Феодосию в начале мая 1922 г. (см.: Труды и дни-2. С. 154). 11 мая 1922 г. Волошин сообщал матери: «...Анна Влад<имировна> Кандаурова перевозит больного Церасского (и Ц<ерасс>*ких*) в Москву. Едет хлопотать в Симферополь о вагоне *прямо из Феодосии*» (Т. 12 наст. изд. С. 483; фамилию «Цераский» Волошин писал с двумя «с»). Обратно в Москву А.В. Кандаурова вернулась в августе 1922 г.

[16] Сабашникова имеет в виду вечер в московском Союзе Писателей, состоявшийся 6 февраля 1922 г. В вечере принимали участие Н.А. Бердяев, Б.К. Зайцев, С.Я. Парнок, В.Ф. Ходасевич и др. За неделю до этого, 31 января 1922 г. в салоне Е.Ф. Никитиной в Москве состоялся вечер, посвященный крымским писателям. С.Я. Парнок читала на этом вечере стихи Волошина из цикла «Неопалимая Купина», а В.В. Вересаев – один из своих рассказов (см.: Труды и дни-2. С. 143–144). 4 марта 1922 г. Парнок сообщала Волошину, что послала ему с оказией пять миллионов рублей как «результат литературного вечера <...> посвященного писателям Крыма» (цит. по: *Купченко В.П.* С.Я. Парнок и М.А. Волошин. К истории взаимоотношений // Лица. Биограф. альм. <Вып.> 1. С. 413). «Оказией» был врач П.И. Наний, который – по просьбе В.В. Вересаева – привез в Феодосию собранные в Москве деньги уже к 12 марта 1922 г. Это выясняется из ответного письма Волошина к В.В. Вересаеву и М.Г. Смидович от 12–18 марта 1922 г. (см.: Т. 12 наст. изд. С. 433; см. также письмо Волошина к Е.О. Кириенко-Волошиной от 14 марта 1922 г. // Там же. С. 431). Другой благотворительный вечер в пользу голодающих крымчан, в котором участвовали С.Я. Парнок и В.В. Вересаев, был устроен 25 февраля 1922 г. в салоне Е.Ф. Никитиной (см.: Труды и дни-2. С. 146).

515. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Март 1922 г. Москва[1]

Милый Макс, спасибо за письмо; то, что ты пишешь о Крыме, ужасно.[2] Тебе все-таки следует приехать. Ведь ты маме своим присутствием все равно помочь не можешь. Выйди из этого заколдованного круга. Тебе, верно, Луначарский (раз он вызывает тебя) даст паек и комнату.[3] Комнату найти тут трудно, но летом можно жить под Москвой. На американский паек[4], кажется, мало надежды. Мы записаны давно, но он в Ревеле, и не на чем его везти. Приезжай и выписывай потом маму. Нельзя ли рукописи и книги сложить в ящики и сдать под охрану памятников старины. Не погибать же тебе из-за книг. Я знаю, что Наний везет тебе деньги, и ты на некот<орое> время будешь обеспечен. Не приедут ли и Богаевские?

Здесь тиф свирепствует. В Оптиной болен Лева Бруни.[5] Очень опасно болен Зайцев. Ужасно, если не перенесет.[6] Ведь ты знаешь, что Леша (сын Веры) расстрелян в <19>19<-м> году.[7] Меня зовут на год в Дорнах, жить даром у Вакано; зовут гостить в Голландию к морю.[8] Я подала прошение об отпуске; не знаю, что из этого выйдет. Жаль покидать Россию. Я стала патриоткой[9].

Твои стихи еще не успела прочесть, к сожалению. Очень трудные были дни. У меня туберкулезный процесс 1<-й> степени. В мои годы не так страшно.

Кланяюсь маме. Целую. Твоя М. С.
Жить здесь очень интересно.

[1] Датируется по содержанию (упоминание о болезни Л.А. Бруни и Б.А. Зайцева).

[2] Это письмо Волошина не известно. О катастрофическом положении, в котором оказался Крым в конце 1921 г. и первую половину 1922 г., Волошин сообщал свои друзьям и знакомым почти во всех письмах того времени.

[3] В январе 1921 г. Волошин обратился к Луначарскому по поводу сохранения памятников культуры на территории Крыма и положения отдельных художников и писателей, чья жизнь оказа-

лась тогда в опасности (см.: Т. 12 наст. изд. С. 355–356). 18 мая 1921 г. Луначарский отправил в Крымревком телеграмму с просьбой разрешить Волошину выезд в Москву – «для совещания по целому ряду специальных вопросов» (Труды и дни-2. С. 125), однако покинуть Крым Волошину не удалось. «Ваш вызов меня в Москву, – писал Волошин Луначарскому в сентябре 1921 г. – был почему-то задержан на 2 месяца Крым-Ревкомом, и когда он дошел до меня, я уже заболел. <...> Поэтому у меня не было никакой возможности приехать в Москву летом и нет никакой надежды выбраться не только из Крыма, но со своего кресла – зимой» (Т. 12 наст. изд. С. 374).

[4] См. примеч. 12 к п. 516.

[5] В одном из писем Лев Бруни сообщал в марте 1922 г., что был болен тифом, но «вылежался» в местной больнице (см.: *Сарабьянов А.* Жизнеописание художника Льва Бруни. С. 78).

[6] «Весной 1922 г. я заболел в Москве сыпным тифом, – вспоминал Б.А. Зайцев (с этой фразы начинается его повесть «Другая Вера», 1968). – Двенадцать дней был без сознания, на границе гибели. По ночам жена моя Вера выходила на улицу, обламывала сосульки льда с крыш и заборов, прикладывала мне ко лбу. Наступила ночь, когда стали коченеть ноги – начинался так называемый менингитизм, от которого спасения нет. <...> Но Вера не сдавалась. Верила в противоочевидность. Положила мне на грудь образок св. Николая Чудотворца, которого особенно чтила, молилась и твердила: "Боря будет жив!" Это была тринадцатая ее бессонная ночь. В ночь эту и произошло таинственное, чего здравый смысл не ждал, одна Вера верила, вопреки всему. Утром ко мне вернулось сознание. Началось выздоровление. Все это переломило нашу жизнь и судьбу» (*Зайцев Б.* Собр. соч.: В 5 т. Сост., автор вступ. статьи и примеч. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп). С. 395).

[7] Алексей Смирнов, сын В.А. Зайцевой от первого брака, был расстрелян осенью 1919 г. как участник контрреволюционного заговора. В письме к Штейнеру от 2 июля 1921 г. Сабашникова упоминает о «погибшем Алеше Смирнове», называя его «юным участником прежнего вводного курса» (АШ).

[8] Покинув Россию 17 августа 1922 г. (на пароходе «Гакен», отплывавшем в Германию из Петрограда), Сабашникова последующие месяцы провела в Голландии – в селении Вассенар близ Гааги (на побережьи Северного моря) – у своих друзей Пегги Николины Мольтцер-Клопперс (урожд. Мольтцер; 1882–1930), антропософки и первой голландской эвритмистки, и ее мужа, театрального художника Х. Клопперса.

[9] Отношение Сабашниковой к отъезду за границу в те годы менялось (в зависимости от общей ситуации в Советской России). Судя по письму А.Н. Ивановой к Волошину от 26 августа 1920 г. (из Парижа), Сабашникова предполагала покинуть Россию еще в 1920 г. (см. примеч. 4 к п. 513). «Почему Маргоре не дают разрешения на выезд?», – интересовался в ответ Волошин (письмо от 9/22 сентября // Т. 12 наст. изд. С. 332 и 335). 2 июля 1921 г. Сабашникова делилась своими сомнениями со Штейнером: «За границу никого не выпускают. Белого – тоже. Я могла бы, невзирая на опасность, бежать, если бы знала, что это правильный шаг. Но я не знаю, что делать. Будет ли у меня в Германии (откуда я уже получила разрешение на въезд) прожиточный минимум и прокормит ли меня мое искусство? Известие, что госпожа Костычева, врач, зарабатывает себе на хлеб мытьем полов, усугубляет мою нерешительность. Я бы так не смогла. <...> Если не будет совсем никакой возможности вырваться за границу (чтобы уехать нелегально надо заплатить миллион), то я отправлюсь в Оптину Пустыню, куда переселяются дочь госпожи Бальмонт и ее муж, художник Бруни, о котором я Вам писала» (АШ; в оригинале по-немецки).

1923

516. ВОЛОШИН – САБАШНИКОВОЙ

24 февраля 1923 г. Коктебель

24/II 1923 Коктебель.

Милая Маргоря,

Я тебе не писал очень давно, с прошлой весны. Я тогда уехал лечиться и вернулся в Коктебель только к декабрю.[1] Застал маму уже больной и в постели.

Она умерла 8 января (т.е. 11-й день Рождества). Умерла от своей хронической болезни расширения легких. Она знала, что умрет от нее, и боялась, что при общем здоровье своего организма будет долго мучиться от медленного механического задушения. Но этого не случилось. Приближение смерти сказалось в общем ослаблении организма, полусонном состоянии и отвращении к пище. Так что она угасла постепенно и незаметно, без физических болей, как умирают от старости.[2]

Последние годы ей было очень одиноко: с самого занятия Крыма она жила совершенно одна в Коктебеле, а я был в отсутствии: то в Феодосии, то в Симферополе – во время Террора[3], потом заболел. Полгода я тогда пролежал дома больной, но не мог и спускаться к ней вниз, а потом еще целый год по санаториям: сперва в Феодосии[4], потом в Саках[5], потом в Севастополе – прошлой осенью[6]. Лечили меня очень энергично и внимательно, и в суставных болях моих действительно произошел перелом, но зато самое лечение было настолько утомительно, что ко мне вернулись и моя астма, и мои мучительные головные боли. Так что я себя чувствую

старым, разбитым и совершенно негодным для всякой физической работы. Тем более, что правая рука моя становится все хуже. Материальное положение наше за последнюю зиму было недурно благодаря посылкам из-за границы.[7]

Огромной радостью для меня и благодеянием для мамы явилось этот год присутствие Маруси Заболоцкой, которая все лето по воскресеньям, когда была свободной, навещала маму и заботилась о ней, а во время ее последней болезни бросила службу и оставалась при ней неотлучно, как врач.

Она стала самым мне близким человеком и другом и теперь остается со мною в Коктебеле. Мы с ней познакомились и подружились в эти страшные годы террора и голода. В ней есть самозабвенный героизм.

Хронологически ей 34 года, духовно 14. Лицом похожа на деревенского мальчишку этого же возраста (но иногда и на пожилую акушерку или салопницу). *Не* пишет стихов и не имеет талантов. Добра и вспыльчива. Очень хорошая хозяйка, если не считать того, что может все запасы и припасы подарить первому встречному. Способна на улице ввязываться в драку с мальчишками и выступать против разъяренных казаков и солдат единолично. Ей перерубали кости, судили в нар<одных> трибуналах, она тонула, умирала от всех тифов. Она медичка, но не окончила, т<ак> к<ак> ушла сперва на германскую, потом на Гражданскую войну. Глубоко по-православному религиозна.[8] Арифметике и грамоте ее учил Н<иколай> К<онстантинович> Михайловский (критик).[9] Воспитывалась она в семье Савинковых.[10] Тебя очень боится как моей *законной* жены.

Ее любовь для меня величайшее счастье и радость.

Лиля мне писала о гибели Иоанного Дома.[11] Ради Бога, напиши мне все подробности. И вообще все, что там делается и говорится. Что Д<окто>р говорит о России и Германии?[12]

Посылаю тебе несколько новых стихотв<орений>.[13] Очень надеюсь, что к весне удастся, наконец, приехать в Москву и повидаться.[14] Весь вопрос только в том, на кого дом оставить. Это очень сложно, т<ак> к<ак> Маруся должна тоже проехать в Петербург, чтобы выяснить, как она сможет

окончить Мед<ицинский> инс<титут>.[15] Адресую письмо на Волхонку,[16] но где ты живешь в точности? Где Екатер<ина> Алек<сеевна>? Я ничего о ней 5 лет не знаю.[17] А так часто думаю. Мой привет Марг<арите> Ал<ексеевне>, Вас<илию> Мих<айловичу>, Ляйзе. Поправились ли ее дела? Что слышно о Нюше? О Бальмонте? Крепко тебя обнимаю.[18]

[1] В 1921 г. Волошин тяжело заболел (суставной артрит и др.). С середины октября 1921 г. до июня 1922 г. он находился в феодосийской санатории, позднее – в Саках и Севастополе. Вернулся в Коктебель около 20 декабря 1922 г.

[2] О последних днях Е.О. Кириенко-Волошиной и ее смерти рассказывается в нескольких письмах Волошина: Е.С. Ляминой (9 января 1923 г.), И.В. Быстрениной (9 января 1923 г.), Ю.Л. Оболенской (14 января 1923 г.), В.В. Вересаеву (7–15 января 1923 г.) и др. (см. Т. 12 наст. изд.).

[3] Волошин имеет в виду свое пребывание в Симферополе с 24 января по 21 мая 1921 г. (см.: Труды и дни-2. С. 116–125), когда в городе, занятом 20 ноября 1920 г. частями Красной армии, царил кровавый террор. «Пришлось переживать за это время и видеть то, что стоит за пределами ужаса», – писал Волошин матери из Симферополя 12 февраля 1921 г. (Т. 12 наст. изд. С. 358). «Более страшного времени Крым не переживал, – делился он своими впечатлениями с К.В. Кандауровым 24 апреля 1921 г. – <...> Говорят о прекращении Террора с мая месяца. Но не верю. <...> Все это время я живу лицом к лицу с террором» (Там же. С. 359–361). Кроме того, Волошин был в Симферополе с 24 июля по 1 августа и с 9 по 18 сентября 1922 г. (Труды и дни-2. С. 162, 164–165).

[4] Волошин находился в Феодосии с 16 октября 1921 г. до начала июня 1922 г. (Там же. С. 135 и 156).

[5] Саки – курортный город на юго-западном берегу Крымского полуострова, центр городского округа Саки и Сакского района. В августе 1922 г. Волошин проходил в Саки курс грязелечения.

[6] В Севастополе Волошин лечился в Инфизмеде (Институт физических методов лечения), согласно официальному удостоверению, с 26 сентября по 23 ноября 1922 г. (см.: Там же. С. 171).

[7] «...Питанием мы более или менее обеспечены благодаря заграничным посылкам, – писал Волошин К.В. Кандаурову 25 декабря 1922 г. из Коктебеля, – на 550 мил<лионов> куплены дрова, но денег нет и не предвидится ниоткуда. У меня нет денег даже на почтовые марки» (Т. 12 наст. изд. С. 572).

[8] Аналогичная характеристика М.С. Заболоцкой – в письме Волошина к В.Я Эфрон от 24 мая 1923 г. (Там же. С. 664).

[9] В письме к В.В. Вересаеву от 7–15 января 1923 г. Волошин называл М.С. Заболоцкую «ученицей и воспитанницей Н.К. Михайловского» (Там же. С. 596). Это утверждение восходит, по-видимому, к рассказам самой Марии Степановны. В 1973 г. она вспоминала: «А Михайловский, атеист, учил меня Закону Божьему! Особенно катехизису» (*Волошина М.С.* О Максе, О Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. В. Купченко. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 2003. С. 230).

[10] Еще в 1903 г., будучи гимназисткой, М.С. Заболоцкая подружилась с Верой Савинковой, сестрой Б.В. Савинкова, и жила целую зиму в их петербургской квартире. «Росла в семье Савинковых», – писал о ней Волошин В.Я. Эфрон 24 мая 1923 г. (Т. 12 наст. изд. С. 664).

[11] Иоанново здание (Гетеанум) сгорело в ночь с 31 декабря 1922 г. на 1 января 1923 г. «Ты, наверное, уже знаешь печальную весть, но, на всякий случай, повторяю – сообщала Волошину Е.И. Васильева 3 февраля 1923 г., – в ночь на 1 янв<аря> после лекции Доктора дотла сгорел Johannes-Bau (поджог). <...> Начали строить новое здание, меньше, из камня, иного стиля» (Черубина де Габриак... С. 111). «Известие о гибели Иоаннова Дома меня глубоко поразило, – отвечал ей Волошин 24 февраля 1923 г.: – я не знал об этом совершенно: от Маргариты я давно ничего не имел. Никаких вестей о Дорнахе не получал» (Т. 12 наст. изд. С. 613).

[12] Этот же вопрос Волошин задает и в письме к Е.И. Васильевой, написанном в тот же день (Т. 12 наст. изд. С. 613).

[13] Судя по другим письмам Волошина за январь-март 1923 г. (Е.И. Васильевой, В.В. Вересаеву, Н.К. Кедровой, Ю.Л. Оболенской, Т.Д. Цемах), он мог послать Сабашниковой свои стихотворения, написанные в январе 1923 г.: «Голод», «Русь гулящая», «Святая Русь», «Благословение» и др. (из циклов «Усобица» и «Путями Каина»). См. письма названным адресатам в т. 12 наст. изд. (С. 597, 612, 623).

[14] Эта фраза также свидетельствует, что в конце февраля 1923 г. Волошин не знал об отъезде Сабашниковой, покинувшей Россию 17 августа 1922 г. (ср. предыдущ. примеч.).

[15] В начале 1910-х гг. М.С. Заболоцкая училась в петербургском Женском Медицинском Институте (открыт в 1897 г.; ныне – Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова). В своих воспоминаниях она пишет: «После гимназии я была бестужевкой, но с третьего курса перешла в женский медицинский институт» (*Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле,

о себе: Воспоминания. Письма. С. 74). В 1914 г., не закончив институт, отправилась на войну помощником лекаря (Там же. С. 313). Продолжить медицинское образование в 1920-е гг. М.С. Волошиной не удалось.

[16] На Волхонке (д. 14, кв. 12) жили родители Сабашниковой.

[17] См. примеч. 18 к п. 513.

[18] После смерти Волошина, получив письмо от М.С. Волошиной, Сабашникова ответила ей 20 января 1933 г. и, пытаясь утешить Марию Степановну, вспоминала об этом (последнем) письме Волошина к ней:

«Чтобы встретиться с Максом в том мире, Вам нужно пройти здесь скорбный путь временного одиночества и подготовиться к встрече, мыслями и чувствами, которые имеют смысл не только на земле, а в мире вечной любви, бессмертной. *И только на земле* мы можем готовиться к жизни в духовном мире. Макс своими страданиями был <к этому> подготовлен и всей своей жизнью, полной бескорыстной любви. *Я знаю его бескорыстие*, его чистоту и нежность.

Я узнала о его смерти, и мне *не с кем* было говорить о нем. Камень лежал на сердце, и вот пришло Ваше письмо, милая, милая, бедная Маруся моя. И прикоснувшись к Вашему сердцу, камень этот превратился в слезы о Максе, которому я в жизни так мало смогла тогда дать. Несколько лет тому назад он написал мне, как счастлив с Вами, как Вы ему облегчаете жизнь.

Милая Маруся, разве не счастье знать, что Вы для него сделали и что Вы *навсегда, навсегда* связаны с ним. Мне кажется только, что ему тяжело Ваше отчаяние, что он был бы рад, если бы Вы были с его и Вашими друзьями; ведь он еще больше живет с душами и в душах близких, чем в Коктебеле» <...> Обнимаю Вас, милая. Напишите мне еще. Напишите о нем побольше, если можете. Я буду тоже писать Вам о нем.

Думайте о нем как о живом!» (ДМВ).

1924

517. САБАШНИКОВА – ВОЛОШИНУ

Лето 1924 г. Штутгарт[1]

Штутгарт.
Sonnenbergstr<asse> 70
bei Bauer.[2]

Милый Макс,

У меня большая просьба к тебе. Как только тебе будет возможно, вышли мне, а также в русское представительство в Берлине, Unter den Linden 7, официальное, в соответственном учреждении, выданное свидетельство о нашем разводе и о твоем вторичном браке.[3] А также и мне, т<ак> к<ак> один экземпляр может легко там затеряться. Мне нужно, чтобы мой паспорт был в порядке, а без этого свидетельства я числюсь замужем.[4]

Меня всегда радовали известия о тебе. Моя жизнь в смысле работы в живописи сложилась хорошо. Я нашла в живописи свой путь.[5] В этом году у меня было до 50 учеников. Но здоровье этой работы не выдерживает; и этим летом я лежу с катаром легких.

Шлю привет тебе, твоей жене, Коктебелю. А также К<онстантину> Ф<едоровичу>, о котором часто думаю.

Желаю, чтобы жизнь твоя была исполнена любви.

Аморя.

Адрес советского консульства:
Полномочное представительство в Германии
Représentation plénipotentiaire en Allemagne Berlin Unter den Linden 7*.

[1] Датируется предположительно. См. также ниже примеч. 5.

[2] По этому адресу Сабашникова проживала в 1924–1927 гг.

[3] Брак Волошина с М.С. Заболоцкой был заключен в Москве 9 марта 1927 г. после развода с Сабашниковой (см.: *Приложение*).

[4] Однако в течение долгого времени Сабашникова формально оставалась – несмотря на попытки получить другой паспорт – советской гражданкой. «У меня все еще советский паспорт, – сообщала она В.А. Зайцевой 18 августа 1927 г. – На мою просьбу переменить его на Нансеновский некий Бруно Миллер (друг Белоцветовых) сперва написал мне очень сердечный ответ, что будет рад мне помочь, а потом второе письмо, краткое и неприятное, что ничего сделать для меня не может. Я думаю, что в Париже мне скорее удалось бы переменить мой паспорт, т<ак> к<ак> меня многие там знают. Аргутинский обещал к июлю выслать мне через консульство разрешение. Но ничего не пришло; а сама запрашивать во Францию я не решалась...» (РГБ, ф. 374, карт. 15, ед. хр. 55, л. 1; упоминаются Н.Н. Белоцветов, его жена М.Э. Белоцветова, и князь В.Н. Аргутинский-Долгоруков). Трудности с паспортом продолжались у Сабашниковой вплоть до конца 1930-х гг. «У меня забота с паспортом, – писала она А.Н. Ивановой (из Штутгарта в Париж) 19 апреля 1938 г.: – его здесь не хотят возобновить, надо писать в Берлин, но там меня не знают. Что меня смущает, что если мне не дадут больше Reisepass <заграничный паспорт. – *нем.*>, то я не только к т<ете> Тане никогда не попаду, но меня могут вернуть на родину. На днях отсюда выслали 20 ч<еловек>, даже тех, кот<орые> тут родились и по-русски не говорят. А это означает конец» (РГБ, ф. 374, карт. 9, ед. хр. 37, л. 27 об.; Т.А. Бергенгрин постоянно жила в Швейцарии).

[5] «Эти 2 года были внутренне очень плодотворны для меня, хотя печальны внешне», – писала Сабашникова Н.А. Бердяеву 29 июля 1924 г. (http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19240729sabash.php). Письмо написано в Айнзингене (под Ульмом), где находилась тогда Сабашникова (в гостях у Э. Майер-Смтс).

* Полномочное представительство в Германии Берлин Унтер ден Линден 7 *(фр.)*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ

9 февраля 1925 г. Штутгарт[1]

Максимилиану Александровичу Волошину
в Феодосии

На основании того, что мы 10 лет не видались и что по своему состоянию здоровья я не могу вернуться в Россию, я считаю развод для нас обоих целесообразным и прошу мне дать его, выслав соответственный документ.[2]

Маргарита Васильевна Волошина (рожденная Сабашникова)

Margarete Sabaschnikoff Woloschin
Stuttgart 9/II 25[3]

[1] Этот документ, заверенный штутгартским нотариусом, Сабашникова отправила Волошину вместе с предыдущим (написанным ранее) письмом – через Е.А. Бальмонт (см.: Труды и дни-2. С. 253). Хранится в ДМВ.

[2] «Соответственный документ» не был выслан, поскольку, находясь в Коктебеле, Волошин не мог надлежащим образом оформить развод. Брак был юридически расторгнут во второй половине февраля 1927 г. во время пребывания Волошина в Москве, о чем свидетельствуют следующие документы:

1

«В Отдел записи актов гражданского состояния Хамовнического района

Гражданина Максимилиана Александровича Волошина (Кириенко-Волошина), живущего в Померанцевском пер. д. 8, кв. 1

по делу с гражданкой Маргаритой Васильевной Волошиной (рожденной Сабашниковой), место жительства которой мне не известно.

Заявление

Я состою с гр<аждан>кой Маргаритой Васильевной Волошиной (Сабашниковой) в браке, совершенном в 1906 году в апреле месяце 18 числа (число приблизительно) в церкви Власия по Мало-Власьевскому переулку.

Брак этот прошу расторгнуть. Ввиду отсутствия брачного документа, прилагаю подписку.

17/II 1927 Максимилиан Волошин»

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 22, л. 1–2; указан московский адрес С.В. и М.С. Шервинских).

2

«Подписка

1927 года февраля 17 дня я нижеподписавшийся Максимилиан Александрович Волошин даю отделу ЗАКС Хамовнического района настоящую подписку на основании 139 ст<атьи> Кодекса Законов о браке, семье и опеке (Собр<ание> Узакон<ений> <19>26 г. № 28) в том, что я состою в браке с гр<аждан>кой Маргаритой Васильевной Волошиной (рожденной Сабашниковой), совершенном в 1906 году в апреле месяце 18 дня (число приблизительно) в церкви Власия по Мало-Власьевскому переулку, причем за правильность изложенных сведений принимаю на себя ответственность по закону

Максимилиан Волошин»

(Там же, л. 3).

Одна из копий полученного в Москве судебного решения о расторжении брака Волошина и Сабашниковой была засвидетельствована в коктебельском сельсовете 23 ноября 1927 г. (см.: Труды и дни-2. С. 367).

[3] Оригинал этого заявления хранится в ДМВ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аввакум Петров (1620 или 1621–1682), протопоп, глава старообрядчества и идеолог раскола в русской православной церкви, писатель 701, 703
Авенариус Надежда Ивановна, подруга юности М.А. Сабашниковой; М.В. Сабашникова дружила с ее дочерьми (родной и приемной) 61
Аврамов, казачий офицер 111
Адемар де Монфалькон (Adhémar de Montfalcon) Г.П., маркиза де Вабель, графиня *47*
Азадовский К.М. 8, 12, 58, 148, 239, 443
Айвазовская (урожд. Нотара) Нина Александровна (1867–1944), владелица поместья близ Феодосии; племянница А.Н. Айвазовской, жены художника, удочеренная ею. Родственница Латри и Дуранте, друг К.Ф. Богаевского, М.А. Волошина и др. 707
Айвазовский И.К. 396
Акимова (урожд. Постакова) Елизавета Алексеевна, знакомая Волошина и Сабашниковой по Парижу; в 1895–1899 гг. училась на Бестужевских курсах 204
Александр I 611, 701, 702
Александрова Н.И. 36
Алексеев Дмитрий Викторович (1875–1934), химик, профессор Томского политехнического института, Московского университета и других учебных заведений. С 1930 г. заведовал кафедрой физической химии в Военно-артиллерийской академии г. Ленинграда. Был шафером на свадьбе Чехова и О.Л. Книппер. Теософ (в середине 1900-х гг., находясь в Германии, слушал лекции Штейнера); в конце 1900-х – начале 1910-х гг. принадлежал к московскому кружку Б.П. Григорова 574
Алексеева (урожд. Амозова) Валерия Александровна, приятельница семьи Сабашниковых в конце 1890-х гг.; жена Д.В. Алексеева 567, 574
Алкивиад (ок. 450–404 до н.э.), политический и общественный деятель Древней Греции 190
Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург. В 1904–1906 гг. – политический эмигрант (Италия, Франция). С 1921 г. – вторая эмиграция (Италия) 27, 30, 64, 65, 70, 74, 76, 90, 92, 93, 106, 714

---

* *Аннотируются имена, упоминаемые в основном корпусе переписки. Страницы, на которых содержатся дополнительные сведения о данном лице, выделены курсивом. Мифологические имена и имена литературных персонажей опущены; исключены также фамилии в названиях издательских фирм. Древнегреческие и латинские имена приводятся только в русской транскрипции.*

Амфитеатрова (урожд. Соколова; сценич. псевд. – Райская) Иллария (Евлалия) Владимировна (1875–1949), актриса; вторая жена А.В. Амфитеатрова 57, 58, 68, 106

Андреев Василий Алексеевич, старший брат Е.А Бальмонт (доживший, по ее словам, до глубокой старости), один из четырех братьев Андреевых 37, *38*

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), прозаик 211, 351, 352, 377

Андреева Александра Алексеевна (1853–1926), критик, переводчик, историк литературы. Сестра Е.А. Бальмонт, Т.А. Бергенгрин, М.А. Волконской, А.А Поляковой и М.А. Сабашниковой 10, 27, 30, 33, 56, 64, 99, 116, 118, 266, 297, 302, 413, 580, 581, 634, 679, 683, 707

Андреева Л.В. 37

Андреева (урожд. Королева) Наталья Михайловна (1832–1910), жена купца А.В. Андреева, бабушка Сабашниковой 30, 33, 34, 42, 61, 102, 116, 413, 445, 575, 580, 583

Андреевы, семья 21, 38

Андреева-Бальмонт см. Бальмонт Е.А.

Аничков Евгений Васильевич (1866–1937), историк литературы, критик. С 1917 г. – за границей (командирован с русским отрядом во Францию). С 1920 г. – профессор Белградского университета. Умер в Белграде 156, 446

Аничкова (урожд. Авинова; псевд. – Иван Странник) Анна Митрофановна (1868–1935), прозаик, критик, переводчица. Жена Е.В. Аничкова. Волошин познакомился с ней и ее мужем в Париже в мае 1900 г. и неоднократно посещал ее парижский салон. После 1917 г. жила в СССР, занималась переводами 446

Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица в 1730–1740 гг. 63

Анненкова Ольга Николаевна (1884–1949), теософка (с 1908 г.), позднее – антропософка; переводчица трудов Штейнера на русский язык; принимала участие в строительстве первого Гетеанума. Племянница (по матери) М.А. Врубеля; двоюродная сестра Б.А. Лемана. Близкая приятельница Е.А. Бальмонт. Была арестована в 1931 г. по групповому делу антропософов, заключена в Бутырскую тюрьму, приговорена к ссылке, но позднее освобождена; в 1935 г. вновь отправлена в ссылку (находилась в Тургайской, затем Актюбинской областях) 149, 176, 490, 491, 496, 497, 524, 588, 646, 662, 663, 682, 684, 717, 720, 722

Антиной, любимец римского императора Адриана 190

Антоний (Вадковский А.В.), митрополит 713

Аппий Клавдий Цек 437

Аргутинский (Аргутинский-Долгоруков) Владимир Николаевич, князь (1874–1941), дипломат; искусствовед и коллекционер. В 1898–1912 гг. – секретарь российского посольства в Париже. В 1918–1919 гг. – хранитель Отдела гравюры и рисунка Эрмитажа. В 1921 г. эмигрировал во Францию. Был близко знаком с ведущими мирискусниками и русскими писателями (в том числе – А.П. Чеховым, К.Д. Бальмонтом, М.А. Волошиным) 172, 174, 183, 733

Аренсон (Arenson) А. 658
Арнштам А.М. 13
Арсеньев К.К. 302
Архилох (VII в. до н.э.), древнегреческий поэт; с его именем связан так называемый «Архилохов стих» (сочетание дактилических и хореических стоп) 264
Аспазия (470 до н.э. – ?), жена Перикла, прославившаяся своим умом 190
Астромов Юлиан Константинович (1820–1913), капеллан польской церкви св. Станислава в Риме. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1846 г. в Риме перешел в католичество. В 1856 г. рукоположен в священники. Автор ряда апологетических трудов (на русском языке) 485–487
Ахрамович (псевд. – Ашмарин) В.Ф. 597, *598*

Бакст (наст фамилия Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924), живописец, график, театральный художник 35, 113, 115, 167, 168, 170, 176, 182, 205, 206, 215, 390, 550, 553
Балашов Н.И. 155, 352
Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944), поэт, переводчик, театральный деятель (писал на русском и литовском языках); дипломат 127, 471
Бальмонт (урожд. Андреева) Екатерина Алексеевна (1867–1950), переводчица. Сестра А.А. Андреевой, Т.А. Бергенгрин, М.А. Волконской, А.А. Поляковой и М.А. Сабашниковой. Вторая жена К.Д. Бальмонта 10, 21, 23, 24, 37, 38, 47, 50, 52, 56, 59, 62, 64, 79, 87, 91, 99, 101, 103, 104, 109, 112, 114, 116, 120–122, 136, 137, 145, 172, 174, 183, 240, 266, 298, 360, 502, 505, 515, 516, 561, 576, 577, 580–582, 651, 660, 662–664, 672, 678, 682, 684, 707, 712, 715, 717, 720, 729, 734
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, эссеист, переводчик 10, 26, 31, 37, 49, 56, 57, 75, 76, 87, 90, 92, 99, 103, 109, 121, 122, 126, 130, 160, 181, 182, 184, 190, 195, 196, 294–206, 209, 210, 251, 275, 276, 289, 302, 318, 360, 386, 413, 466, 469, 471, 473, 505, 508, 515, 516, 561, 581, 582, 668, 707, 723, 729
Бальмонт М.К. 723
Бальмонт Н. см. Бруни Н.К.
Бар (Bahr) Г. 722
Барановские, родственники Сабашниковых 140, 314
Баррес (Barrès) М. 410
Бауэр (Bauer) Михаэль (1871–1929), антропософ, один из первых учеников Штейнера, видный деятель антропософского движения 660, 662, 663
Бах (Bach) И. 425
Бащенко Р.Д. 313, 463, 556, 683
Безант (Besant) А. 84, 421, 522
Бёзе (Boesé) Л. 497
Бекетова М.А. 156

Беллармин (Bellarmin) Роберт (Роберто Франческо Ромоло Беллармино; 1542–1621), богослов и проповедник; автор религиозных трактатов и сочинений. Кардинал, позднее – архиепископ. Канонизирован в 1930 г. 37, 38, 94
Белов С.В. 596
Белоцветов Н.Н. 608, 639, 733
Белоцветова (урожд. Лейтнеккер-Дембская) М.Э. 608, 733
Белый Андрей (наст. имя и фамилия – Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), прозаик, поэт, литературный критик, теоретик литературы, мемуарист 11, 52, 93, 126, 205, 206, 296, 339, 340, 386, 458, 522, 592, 594, 597–599, 601–603, 608, 619, 621, 625, 626, 633, 635, 637–640, 643, 649, 652, 655, 660–662, 665, 670, 672, 699, 716, 717, 726
Беляева Н.Т. 607
Беляевская О.А. 121
Бёме (Böhme) Я. 552
Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), живописец, график, сценограф, художественный критик 17, 26, 27, 34–37, 40, 41, 53, 57, 67, 77, 123, 131, 138, 170, 424, 427, 429–431, 435, 445, 450, 454, 464, 468, 550, 553, 596, 597
Бергенгрин Татьяна Алексеевна (1861–1945?), теософка (позднее – антропософка), сестра А.А. Андреевой, Е.А. Бальмонт, М.А. Волконской, А.А. Поляковой и М.А. Сабашниковой 10, 31, 43, 83, 413, 529, 532, 556, 662, 733
Берд (Bird) Р. 709
Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ 153, 163, 201, 210, 212, 214, 454, 723, 733
Бердяева (урожд. Трушева) Лидия Юдифовна (1874–1945), жена Н.А. Бердяева 214
Березкин А.М. 352
Бернард Клервоский, св. (Bernard de Clairvaux; 1091–1153), французский теолог и мистик, цистерцианский монах, первый настоятель монастыря Клерво, влиятельный католический деятель своего времени (один из вдохновителей крестовых походов) 57, 58, 68, 70
Бертельс Е.Э. *716*
Берто (Bertaux) Э. 479
Бетховен (Beethoven) Л. ван 370, 425, 554, 609, 611
Бирон (Biron) Э.И. фон, граф Священной Римской империи, герцог Курляндии и Семигалии 237
Блаватская Е.П. 67, 84, 147, 589
Бланш (Blanche) Жак-Эмиль (1861–1942), французский живописец, портретист, гравер; писатель 77, 169
Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт 121, 149, 155, 156, 159, 163, 171, 185, 205, 215, 250, 253, 289, 296, 311, 312, 318, 330–332, 386, 454, 466, 569
Бобринский Алексей Алексеевич, граф (1864–1909) 231–233
Бове О.И. 98

Богаевская (урожд. Дуранте) Жозефина Густавовна (1877–1969), жена К.Ф. Богаевского 436, 454, 463, 555, 557, 578, 619, 675, 713, 724
Богаевский Константин Федорович (1872–1943), живописец, график 8, 10, 13, 41, 116, 170, 192, 231, 242, 280, 282, 310, 311, 313, 326, 372, 375, 377, 405, 415, 416, 423–425, 436, 440, 445, 448, 454, 461, 463, 482, 485, 486, 490, 509, 511–513, 524, 525, 553, 555, 556, 578, 619, 646, 650, 654, 675, 682, 683, 707, 713, 724, 732
Богомолов Н.А. 11, 12, 34, 58, 261, 291, 297, 358, 366, 466, 564, 566, 569
Богоявленская (в замужестве – Мордовина) Н.Н. 608
Боде-Колычев М.Л., барон 379, 380
Бодлер (Baudelaire) Ш. 155, 215
Боргезе (Borghese), итальянская княжеская семья 431, 447, *448*
Борнио А.В. 147
Бородаевская (урожд. Князева) М.А. 639
Бородаевский Валериан Валерианович (1874 или 1875–1923), горный инженер; поэт (близкий к кругу В.И. Иванова); антропософ 636, 638, 639
Боткина А.П. 38
Брагинский И.С. 590
Бредо (Bredow) Е. фон, графиня 173, 225
Брокдорф (Brockdorff) К.Л. фон, граф 524
Брокдорф (Brockdorff) С. фон, графиня 524
Бруни Иван Львович (1920–1995), график, иллюстратор. Академик Российской Академии художеств; народный художник РСФСР. Сын Л.А. Бруни и Н.К. Бруни (Бальмонт) 711, 719, 721
Бруни Лев Александрович (1894–1948), живописец, график, педагог 711, 716, 720, 722, 724–726
Бруни (урожд. Бальмонт) Нина Константиновна (1901–1989), дочь К.Д. Бальмонта и Е.А. Бальмонт, жена Л.А. Бруни 10, 121, 137, 240, 516, 523, 562, 654, 684, 711, 712, 715, 716, 719, 720, 726
Бруни Н.Л. 712, 717
Брут Марк Юний 82, 84
Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, литературный деятель 93, 98, 126, 156, 158, 159, 162, 171, 185, 204, 289, 296, 318, 325, 382, 384, 386, 442, 443, 473
Бугаев Николай Васильевич (1837–1903), математик и философ. Профессор (в течение ряда лет – декан) физико-математического факультета Московского университета. Член-корреспондент Императорской Академии наук и многих научных обществ. В 1891–1903 гг. – председатель Московского математического общества. Основоположник Московской философско-математической школы. Отец Андрея Белого 456, 458, 459, 492, 509, 513
Бугаева (урожд. Егорова) А.Д. *638*
Булар (Boulard) М.-Ж. 507, 514, 515, 519, 532, 534, 535
Булгаков С.Н. 596, 597
Бунин И.А. 115, 121
Бурлюк В.Д. 462
Бурлюк Д.Д. 462
Бурлюк (Бурлюк-Кузнецова) Л.Д. 462

Буткевич Т.А. 608
Бутковская Наталья Ильинична (1878–1948), издательница. С 1920 г. в эмиграции. Умерла в Канн (Франция). Вторая жена А.К. Шервашидзе 707
Бутягина (урожд. Руднева, по первому мужу – Бутягина) Варвара Дмитриевна (1863–1923), вторая жена В.В. Розанова (с 1891 г.), никогда официально не носившая его фамилии 167, 169, 201
Быстренина (в замужестве – Петерсон) Инна Владимировна (1887–1947), биолог; танцовщица–босоножка 594, 595, 602, 729
Бюрнуф (Burnouf) Э. 84, 85

Вагнер (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор, дирижер, писатель, публицист 225, 226, 443, 573, 657
Вазари (Vasari) Дж. 474
Вакано (Vacano) Харриет (Гариетта Эдуардовна) фон (1862–1949), антропософка. Родом из Эстонии. С 1908 г. содержала в Мюнхене вегетарианский пансион «Фруктовая корзинка». Переводила на немецкий язык и публиковала под псевдонимом Харри Кёлер (имя и фамилия ее первого мужа) философские сочинения Владимира Соловьева. Умерла в Дорнахе 556, 586, 593, 724
Вальдор (Эсмер-Вальдор) см. Мерсеро А.
Ван Гог (Van Gogh) Винсент (1853–1890), голландский живописец 660, 665
Василич Г. 701–703
Васильева Е.И. см. Дмитриева Е.И.
Вахтель (Wachtel) М. 297
Венгеров С.А. 305
Венгерова З.А. 156
Венгерова И.А. 156
Вересаев (наст. фамилия – Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), прозаик, литературовед, поэт-переводчик 723, 729, 730
Вермбтер (Wermbter) Р 465, 511, 522, 536, 717
Верхарн (Verhaeren) Э. 158
Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, переводчик, историк литературы 115, 289, 301,
Веснин Александр Александрович (1883–1959), архитектор-конструктивист 594, 602, 647
Веснин Виктор Александрович (1882–1950), архитектор-конструктивист 594, 602, 647
Веснин Леонид Александрович (1880–1933), архитектор-конструктивист 594, 600, 647
Викентьев Владимир Михайлович (1882–1960), египтолог; антропософ. Сотрудник Российского исторического музея им. Александра III (ныне – Государственный Исторический музей). В 1922 г. уехал в научную командировку в Египет (сроком на один год), где и остался до конца жизни. Умер в Каире 413, 414, 424, 581, 582, 595, 699

Викентьева Вера Михайловна, сестра В.М. Викентьева; в 1900-е гг. работала в одной из московских библиотек, находившихся под попечительством М.А. Сабашниковой 32, 34, 59, 60, 595
Вилье де Лиль-Адан (Villier de Lille-Adan) Филипп Огюст Матиас, граф (1838–1889), французский прозаик и драматург 351, 352
Вилькина (в замужестве – Виленкина) Людмила Николаевна (1873–1920), поэтесса, прозаик, переводчица 160
Вильям-Вильмонт Н.Н. (псевдоним – Н. Вильмонт) 622
Винберг Анатолий Владимирович (1875–1926), адвокат 128, 130
Винкельман (Winckelmann) Иоганн Иоахим (1717–1768), немецкий историк искусства, теоретик классицизма 449
Витевский 428
Владимиров В.Е. 111
Воинов В.В. 716
Волконская (урожд. Андреева) Мария Алексеевна (1866–?), сестра А.А. Андреевой, Е.А. Бальмонт, Т.А. Бергенгрин, А.А. Поляковой и М.А. Сабашниковой; жена князя Д.А. Волконского (1861–1909), предводителя дворянства Белгородского уезда Курской области 59, 73
Волошина (урожд. Заболоцкая) Мария Степановна (1887–1976), вторая жена Волошина 5, 728, 730–733
Вольфрам (Wolfram; в замужестве – Девентер) Э. 611
Воррингер (Worringer) Вильгельм (1881–1965), немецкий историк искусства 624, 629
Врубель Михаил Александрович (1856–1910), живописец 35, 92, 94
Вьюшков М.П. 600
Выдрин И.И. 17, 131
Вяземский Валериан Орестович (1867–1924), инженер путей сообщения; изыскатель. В 1901–1911 гг. работал на строительстве Оренбургско-Ташкентской железной дороги (начальником 3-го Туркестанского участка). В последние годы жизни – профессор Петроградского института инженеров путей сообщения 175, 209
Вяземская (урожд. Изотова) Мария Николаевна (ок. 1878–1942), жена В.О. Вяземского 175

Габрилович (псевд. – Галич) Л.Е. 163
Газ см. Хасс Ф.
Галанина Ю.Е. 143
Гамбаров Ю.С. 47, 114
Гамсун (Hamsun; наст. фамилия – Педерсен) Кнут (1859–1952), норвежский прозаик и драматург 508, 510
Гарелин Николай Федорович (1883–1928), историк издательского дела в России. Учился в Московском и Лейпцигском университетах. С 1919 г. – сотрудник библиотеки Румянцевского музея; в 1923–1928 гг. – ученый секретарь Полиграфического, позднее – Библиологического отдела Государственной академии художественных наук в Москве. Соученик А.В. Сабашникова (по 3-й московской мужской гимназии) и его университетский товарищ 19–22

Гауш Александр Федорович (1873–1947), живописец-пейзажист, коллекционер, педагог; меценат 462, 482
Гегель (Hegel) Георг Вильгельм. Фридрих (1770–1831), немецкий философ 657
Гейер (Geier) Гейнц (Хайнц) (1878–1941), немец; писал стихи, занимался скульптурой 1900–1904 гг. провел в России (был в Сибири и на Алтае). В Москве познакомился и сблизился с семьей Сабашниковых (особенно – с Т.А. Бергенгрин, которую сопровождал во время ее путешествия в Индию в 1905 г.). Впоследствии – антропософ; слушал лекции Штейнера, жил в Дорнахе и участвовал в строительстве первого Гетеанума. В годы Первой мировой войны служил в драгунском полку (в Румынии) 90, 529
Гейне (Heine) Г. 162
Гейнсборо (Gainsborough) Томас (1727–1788), английский художник 455
Геккель (Haeckel) Эрнст (1834–1919), немецкий ученый-естествоиспытатель, философ, сторонник эволюционной теории Дарвина 90
Гельдерлин (Hölderlin) Иоган Кристиан Фридрих (1770–1843), немецкий поэт 607
Гельперин Ю.М. 583
Гениева Е.Ю. 12
Генрих II Валуа (1519–1559), французский король (с 1547 г.) 236
Гернет Нина Константиновна (1864–1932?), журналистка; теософка. Школьная приятельница А.А. Каменской. С конца 1890-х гг., живя в Англии, сотрудничала в лондонском журнале «Theosophical Review» (ее статьи, подписанные «A Russian», посвящены были главным образом славянским древностям, русскому фольклору, религии, мистике и т.д.), позднее – в петербургском «Вестнике теософии» 123, 124
Геродот 310
Герцык (Лубны-Герцык; в замужестве – Жуковская) Аделаида Казимировна (1874–1925), поэтесса, критик 12, 278, 279, 289–291, 293, 311, 331, 354, 356, 357, 359, 360, 367–371, 378, 381, 382, 384, 385, 387, 392, 394, 395, 398, 404, 406, 410, 411, 428, 432, 444, 446, 448, 454, 456, 472, 473, 483, 521, 525, 526, 552, 554, 671, 701
Герцык (Лубны-Герцык; урожд. Вокач) Евгения Антоновна (1855–1930), мачеха сестер Герцык 354, 356, 371, 525, 526, 554, 561, 582
Герцык (Лубны-Герцык) Евгения Казимировна (1878–1944), переводчица, критик 12, 214, 215, 278, 279, 290, 291, 293, 311, 331, 354, 356, 357, 359, 367–371, 378, 382, 387, 394, 395, 398, 404, 406, 409–411, 446, 448, 456, 464, 470, 472, 475, 476, 482–484, 521, 525, 526, 554, 561, 582, 671
Герцык (Лубны-Герцык; урожд. Тибедель) С.М. *370*
Гершензон М.О. 691
Гете (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий мыслитель, поэт, прозаик, драматург 340, 417, 418, 424, 425, 428, 431, 441, 448, 449, 493, 535, 552–555, 557, 590, 610, 611, 616, 620, 657, 693
Гиль (Ghil; урожд. Бланшон; Blanchon) Анна-Алиса (1868–1936), жена Р. Гиля 96

Гиль (Ghil; наст. фамилия Гильбер; Ghilbert) Рене (1862–1925), французский поэт-символист, критик 96
Гиляр 410, *411*
Гиппиус (в замужестве – Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945), поэтесса, прозаик, литературный критик, публицист 31, 103, 105, 116, 117, 171, 386
Глаголева (Глаголева-Ульянова) Анна Семеновна (1873–1944), живописец, график. Жена Н.П. Ульянова 136, 413, 462
Глазер Владимир Оттобальдович (1845–1908), статский советник; дядя Волошина 158
Глазер М.В. 158
Глазер (урожд. Зоммер) Надежда Григорьевна (1823–1908), бабушка Волошина, мать Е.О. Кириенко-Волошиной 33, 34, 68, 70, 71, 231, 232, 329, 344
Глазер Николай Оттобальдович (1853–1925), брат Е.О. Кириенко-Волошиной, дядя Волошина. Умер во Франции 35, 37, 104
Глазер О.А. 63, 65
Глотов Яков Александрович (1878–1938; репрессирован), переводчик; двоюродный брат Волошина. Участник революционного движения 46, 49, 65, 67, 75, 76, 131, 136, 137, 139, 185
Гляссер И.А. 473
Глухова Е.В. 639
Гоген (Gauguin) Поль Эжен Анри (1848–1903), французский живописец 551, 665, 666
Голике Роман Романович (1848–1919), типограф и издатель, владелец типографии в Санкт-Петербурге. Умер в Финляндии
Голлербах Э.Ф. 207
Головин Александр Яковлевич (1863–1930), живописец, график, сценограф. С 1902 г. – главный художник императорских театров (оформил ряд спектаклей в Александринском и Мариинском театрах). Работал также для «Русских сезонов» С.П. Дягилева в Париже 573
Гольдовская (урожд. Хин, по первому браку – Фельдштейн) Рашель Мироновна (1863–1928), прозаик, драматург 135, 136, 703, 705
Гольштейн (урожд. Баулер, по первому мужу – Вебер) Александра Васильевна (1850–1937), переводчик, прозаик, литературный критик; в юности – участница народовольческих кружков; с середины 1870-х гг. – во Франции 10, 25, 57, 96, 106, 107, 131, 139, 156, 160, 163, 213, 341, 414, 416, 434–436, 446, 516, 575, 582, 633
Гольштейны, семья 105, 106
Гомер 370
Гонкур (Goncourt) Ж. де 22
Гонкур (Goncourt) Э. де 22
Гонтар (Gontard) С. 607
Гончарова Н.С. 462
Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, прозаик, переводчик, драматург 113–115, 119, 121, 129, 155, 156, 158, 167, 169, 175–177, 185, 193, 200, 204–206, 212, 243, 249, 267, 289, 291, 386, 445, 459, 564

Горький Максим (наст. имя и фамилия – Алексей Максимович Пешков, 1868–1936), писатель 185, 187–189, 196, 198, 199, 596, 597, 679, 680, 683
Гофман А.Б. 567, 568
Гофман Борис Николаевич (1875–1941), врач 10, 29, 59, 62, 72, 129, 292, 318, 323, 329, 347, 349, 360, 361, 376, 377, 380, 382, 392, 399, 413, 568, 575, 712, 720
Гофман Е.Н., сестра Б.Н. Гофмана 329
Гофман (урожд. Иванова) Елизавета Николаевна (1876?–1941), кузина М.В. Сабашниковой, сестра А.Н. Ивановой, жена Б.Н. Гофмана 10, 25, 26, 29, 32, 58, 60, 72, 98, 100, 194, 115, 129, 140, 172, 221, 226, 227, 259, 292, 318, 323, 330, 347–350, 353, 357, 366, 374, 376, 377, 379, 380, 382, 383, 388, 391, 392, 399, 409, 410, 432, 437, 439, 447, 453, 567, 568, 577, 606, 676, 677, 683, 707, 712, 720, 729
Гофман (Hoffmann) Людвиг фон (1861–1941), немецкий живописец, график, архитектор 551, 554
Гофман Модест Людвигович (1887–1959), поэт, критик, литературовед (пушкинист). В 1906–1907 гг. был близок к кругу «башни» В.И. Иванова (в начале 1907 г. – секретарь издательства «Оры»). С 1922 г. – во Франции. Умер в Париже 215, 330
Гофман Николай Борисович (1904–1941), старший сын Е.А. и Б.Н. Гофманов. Впоследствии – студент-математик 26, 30, 318, 323, 324, 388, 568
Гофман П.Б. 567, 568
Гофман (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776–1822), немецкий писатель-романтик, прозаик и композитор 85, 366, 367, 488, 489
Гофман-Кядошниковы, семья 350
Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк, профессор Московского университета 42, 48
Гревс И.М. 86
Гредескул Николай Андреевич (1865–1941), юрист, общественный и политический деятель. В 1894–1904 гг. – приват-доцент Харьковского университета. Один из основателей Конституционно-демократической партии, член ее Центрального комитета. Депутат Первой Государственной думы, помощник ее председателя (С.А. Муромцева). С 1907 г. – профессор права в санкт-петербургском Политехническом институте. Продолжал публиковаться и после 1917 г.; пользовался известной поддержкой со стороны большевистской власти. Умер в Ленинграде 212
Гречишкин С.С. 211
Грибоедов А.С. 608
Григоров Борис Павлович (1883–1945), экономист; с 1910 г. – теософ, позднее – антропософ. Член кружка «Молодой Мусагет». Участник строительства первого Гетеанума. Один из организаторов РТО и председатель его московской ветви. В 1931 г. арестован по делу московских антропософов (провел три года в лагере) 527, 589, 595, 602, 649, 701, 716
Григорова (урожд. Бурышкина) Н.А. 589, 649, *701,* 716
Гримм (Grimm) Герман Фридрих (1822–1901), немецкий филолог, историк и теоретик искусства; биограф Гете; прозаик. Профессор Берлинского университета. Инициатор и главный редактор первого Полного собрания сочинений Гете (Веймарское издание). Сын Вильгельма Гримма 616, 620, 621

Гринвальд (Грюнвальд) Маргарита Константиновна (конец 1880-х – 1968), переводчица, историк (сотрудничала с Е.В. Тарле). Окончила в 1916 г. Бестужевские курсы. Арестована в 1928 г. (по делу религиозно-философского кружка «Воскресение») и провела пять лет в Соловецком концлагере. В 1935 г. выслана из Ленинграда; жила в Уфе, где преподавала английский язык, затем работала в Ивановском педагогическом институте. После войны преподавала в ЛГУ; в 1952 г. защитила в Москве кандидатскую диссертацию по истории Англии 10, 19, 27, 38, 39, 47, 53, 66, 75, 76, 88, 92, 94, 108, 499
Гриневич (урожд. Романовская) Вера Степановна (1873? – после 1947), дочь археолога, коменданта Генуэзской крепости в Судаке; приятельница сестер Герцык, знакомая и корреспондентка Н.А. и Л.Ю. Бердяевых. В 1922 г. эмигрировала из Феодосии в Трапезунд (Турция); в 1920-е гг. жила в Софии, позднее – во Франции 215, 279, 289, 410, 446, 448, 472, 473, 483, 525
Гришунин А.Л. 37
Громова У.М. 569
Грякалова Н.Ю. 47
Гужон (Goujon) Жан (ок. 1510 – ок. 1572), французский скульптор, автор статуи Дианы де Пуатье для фонтана замка в Анэ 236, 238
Гумилев Н.С. 436
Гуревич Л.Я. 163
Гуревич Я.Г. 384
Гуревич Я.Я. 384
Гурлит (Gurlitt) Ф. 554
Гурмон (Gourmont) Реми де (1858–1915), французский прозаик, эссеист, литературный и театральный критик 162, 175, 176, 196, 198, 377, 380, 414, 423, 673, 674

Давыдов З.Д. 184, 356, 465
Даль В.И. 554
Данте Алигьери (Dante Alighieri) 178, 456
Де Амичис (Amicis) Э. *431*
Дега (Дегаз; Degas) Илер Жермен Эдгар (1834–1917), французский живописец 551
Дейч А.И. 607
Делонэ (урожд. Терк) С.И. 169
Денисов В.И. 169
Дерюжинская 223
Дешарт (урожд. О.А. Шор) О. 249
Дживелегов А.К. 474
Джиральдони (Giraldoni; урожд. Ферни) К. 208
Джиральдони (Giraldoni) Л. 208
Джиральдони (Giraldoni) Марио, итальянский певец; вокальный педагог. В 1910-е гг. давал уроки пения в Петербурге. Старший брат Э. Джиральдони 205, 208
Джиральдони (Giraldoni) Эудженио (1871–1924), оперный певец (баритон) 205, 208

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938; расстрелян), государственный деятель, военачальник; генерал-майор Свиты Его Величества; московский губернатор в 1905–1913 гг.; товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов (1913). Председатель московского столичного попечительства о народной трезвости, в котором работала М.А. Сабашникова. Автор мемуаров (впервые – 1997 г.) 27, 30, 82, 619, 626
Джунковский Николай Федорович (1862–1916), чиновник Министерства финансов. Старший брат В.Ф. Джунковского 146, 379
Дикс см. Леман Б.А.
Дмитриева (в замужестве – Васильева) Елизавета Ивановна (1887–1928), поэтесса (публиковавшая стихи под псевдонимом «Черубина де Габриак», придуманным для нее Волошиным), переводчица; антропософка 5, 10, 552, 567, 569–572, 575, 577, 578, 581, 584–588, 591–593, 610, 619, 620, 626, 627, 632, 634, 647, 675, 730
Дмитрий (Дмитрий Иванович), царевич 696, 698
Добужинский М.В. 115, 159, 171, 182, 596
Дольфус (Dollfus; в замужестве – Бауман) Э. 611, 616, 622
Домогацкий Николай Николаевич (1844 или 1846–?), член правления Общества Юго-Восточных железных дорог, дядя Б.А. Лемана 568
Донателло (Donatello; полное имя – Донато ди Никколо ди Бетто Барди) 591
Достоевская А.Г. 40
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель 39–41, 46–48, 66, 67, 73, 591, 596, 597
Дриттенпрейс В.П. 462
Дубасов Федор Васильевич (1845–1912), военно-морской и государственный деятель; генерал-адъютант; адмирал; в 1905–1906 гг. – московский генерал-губернатор (руководил подавлением Декабрьского вооруженного восстания). В 1906 г. дважды подвергался покушениям со стороны эсеров-максималистов 102, 162, 163
Дубовиков А.Н. 171
Дункан (Дёнкан. Дэнкан; Duncan) Айседора (Исидора) (1876–1927), американская танцовщица и балетный педагог 233, 423–425, 460, 461, 478
Дункан (Duncan) Э. 478, 479
Дуранте (урожд. Килюс) Ольга Александровна (?–1913), благотворительница. Владелица имения Эссен-Эли. Тетка А.М. Петровой 396, 707
Дурнов Модест Александрович (1868–1928), художник, архитектор, поэт 476
Дурново см. Эфрон Е.Я.
Дурылин С.Н. 431
Дымов Осип (наст. имя и фамилия – Иосиф Исидорович Перельман, 1878–1959), прозаик, драматург, журналист. С 1913 г. – в США (умер в Нью-Йорке) 163, 196, 198
Дымшиц-Толстая (урожд. Дымшиц) С.И. 543, 546, 560
Дюрер (Dürer) А. 595, 506
Дягилев С.П. 170, 430, 431

Евреинов Н.Н. 210
Евреинова (урожд. Сабашникова) Нина (Антонина) Васильевна (1861–1945), сестра издателей М.В. и С.В. Сабашниковых; приятельница Е.А. Бальмонт. Эмигрировала в 1922 г. Умерла во Франции 10, 38, 137, 138, 140, 141, 170, 172, 180, 201, 209–213, 216–218, 239, 278, 296, 429, 446, 571
Евстигнеева Л.А. 704
Екатерина Алексеевна (урожд. Луиза Мария Августа Баденская), супруга Александра I 611
Елизавета Петровна (1709–1762), младшая дочь Петра I и Екатерины I, российская императрица (с 1742 г.) 63

Жданов, помощник пристава 111
Жекулина Зоя Сергеевна – знакомая Волошина; родственница Н.В. Евреиновой. С 1920 г. – в Сербии 703, 705
Жемчужникова М.Н. 12, 38, 716
Жилкин Иван Васильевич (1874–1958), журналист, прозаик, общественный деятель. Депутат Первой Государственной думы, один из инициаторов Трудовой группы (призывал к союзу левых с кадетами). После поражения Первой русской революции полностью отошел от политической деятельности. С 1909 г. – член редколлегии журнала «Вестник Европы». С 1918 г. – председатель Московского клуба писателей; с 1934 г. – член Союза советских писателей 212
Жуковская (в замужестве – Серейская) В.А. 687
Жуковская Т.Н. 12, 385
Жуковские 686
Жуковский Д.Е. *526*, 554

Заболоцкая см. Волошина М.С.
Заборов П.Р. 352, 668
Зайцев Борис Константинович (1881–1972), прозаик, переводчик. С 1922 г. – в эмиграции. Умер в Париже 723, 725
Зайцева (урожд Орешникова) В.А. 724, 725, 733
Зайчик (Saitschik) Роберт (1867–1965), писатель, историк литературы, культуролог и критик. Родился в Литве. В 1895–1914 гг. – профессор цюрихского Политехникума (преподавал современную, в частности, русскую, литературу). В 1914–1925 гг. – профессор в Кельне. Автор работ (написанных по-немецки), посвященных западноевропейской и русской культуре 22
Залманов А.С. 403
Замятнина Мария Михайловна (1862–1919), подруга Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, домоправительница в семье Ивановых 184, 266, 278, 360, 361, 454, 457, 531
Званцева Елизавета Николаевна (1864–1922), художница, учредитель и директор (совместно с А.А. Хотяинцевой) частной художественной школы в Москве (1899–1906), затем – в Петербурге (1906–1916). В начале 1900-х гг. Сабашникова посещала занятия в школе Званцевой–Хотяинцевой 115, 124, 125, 127, 128, 130, 132–134, 137, 138, 172, 174
Зеллинг (Selling) В. *501*

Зильберштейн И.С. 170
Зиновьева-Аннибал (урожд. Зиновьева, по первому браку – Шварсалон) Лидия Дмитриевна (1865 или 1866–1907), прозаик, драматург. Вторая жена В.И. Иванова 5, 10, 115, 121, 146, 150–156, 158, 160, 165, 166, 169, 171, 172, 178, 183, 184, 186, 188, 190, 196, 199, 207, 216, 219, 226–229, 238, 239, 241, 246, 249, 250, 254, 260, 261, 263, 278, 279, 288, 289, 291, 292, 295–297, 301, 304, 313, 318, 320, 324, 328, 332, 335, 339–343, 347, 348, 351, 353, 354, 357–360, 365–367, 369, 375, 378–380, 387, 388–394, 397, 401–404, 407–409, 412, 424, 426, 443, 447, 448, 453, 472, 486, 487, 498, 503, 524–529, 531, 534
Зубков Н.Н. 12

Ибсен (Ibsen) Г. 149
Иванов Александр Андреевич (1806–1858), живописец 172, 174
Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, филолог, переводчик; теоретик символизма 5, 6, 10, 12, 26, 85, 113–115, 119–121, 123–126, 129, 134–138, 140, 142, 143, 146, 147, 150–156, 158, 159, 163, 165, 166, 169, 171, 172, 176, 177, 179, 180–185, 187–190, 192, 194, 196–201, 204–210, 212, 214, 215, 217, 218, 221–223, 225–229, 231, 232, 238, 240–243, 245, 246, 248–253, 260, 261, 263, 265, 266, 268, 269, 272, 275, 277–279, 282, 283, 287–297, 301, 304–306, 309–311, 313–318, 320, 324, 328–333, 339, 340, 342, 343, 347–349, 351, 353, 358–360, 363, 364, 366, 368, 369, 375, 378–380, 386–394, 397–399, 401–404, 407–409, 411–413, 422, 424, 426, 429, 432, 433, 436, 446, 447, 452–455, 461, 464, 470, 472, 475–477, 482, 483, 488–492, 495, 521, 523, 525–532, 534, 537, 549, 560, 562–564, 566, 568, 569, 576–579, 582, 592, 597, 639
Иванов Д.В. 249, 448
Иванова Анна Николаевна (1877–1939), кузина М.В. Сабашниковой. Умерла во Франции 10, 17, 18, 21–23, 25, 33, 36, 56, 58–60, 71, 78, 80, 82, 83, 97, 98, 100, 101, 104, 118, 120–123, 131, 137, 142, 145, 169, 170, 172, 174, 183, 185, 186, 224, 229, 238, 240, 252–254, 259, 263, 311, 312, 326, 327, 344, 345, 347–350, 352, 353, 355, 357, 359, 360, 362, 366, 367, 370, 371, 374, 376, 377, 379–381, 383, 387–393, 395, 397–401, 403, 405–415, 417, 418, 420, 421, 425, 427, 430, 431, 439, 445, 447, 454, 455, 457, 467, 478–480, 483, 486, 498, 502, 504, 527–529, 544–546, 561, 562, 596, 600, 633, 634, 644, 645, 651, 654, 676, 677, 682, 696, 699, 701, 707, 712, 714, 720, 723, 726, 729, 733
Иванова Е.В. 709
Иванчин-Писарев А.И. 67
Ивашенцов Глеб Александрович (1883–1933), врач-терапевт, инфекционист; организатор здравоохранения. С 1922 г. – главный врач инфекционной больницы им. С.П. Боткина, с 1927 г. заведовал кафедрой инфекционных болезней в Первом Ленинградском медицинском институте; один из основателей Терапевтического общества им. С.П. Боткина. В последние годы жизни был председателем эпидемического совета Ленинградского горздравотдела и облздравотдела; кроме того, – кандидатом в члены ЦИК СССР и членом президиума Ленсовета 712, 716, 717
Ивашка (Иван Дмитриевич) 688
Иезуитова Л.А. 211
Ильина Е.А. 608

Кавтарадзе Г.А. 589
Казачков С.В. 12, 247, 599
Кандзава Х. 458
Калинин М.И. 48
Калькройт (Kalckreuth) Паулина фон, графиня (1856–1929), художница; теософка, одна из первых учениц Штейнера. Ее дом в Мюнхене, где она жила вместе с С. Штинде, был своего рода теософским (антропософским) центром 146, 149, 157, 180, 203, 661, 663
Каменская Анна Алексеевна (псевд Alba; 1867–1952), теософка, писательница. Первый (и бессменный) президент РТО. Издательница и редактор журнала «Вестник теософии» (1908–1917). Покинула Россию в 1921 г; жила в Швейцарии, преподавала историю индуизма в Женевском университете 212, 214, 215
Кампиони (урожд. Бакунина) С.Н. *640*
Канаев И.И. 443
Кандауров Константин Васильевич (1865–1930), театральный художник 369, 372, 522, 556, 579, 594, 679, 682, 683, 729
Кандауров Леонид Васильевич (1877–1962), студент-естественник Московского университета, друг юности Волошина; педагог; впоследствии астроном. Брат К.В. Кандаурова 369, 372, 522, 556, 579, 594
Кандаурова (урожд. Попова) Анна Владимировна (1877–1962), жена К.В. Кандаурова, племянница В.К. Цераского 372, 720, 723
Кант (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ 660, 665
Каратыгин В.Г. 473
Карлуш (Carlos) I, португальский король 471, 473
Кармин Елена Ивановна, художница, приятельница Е.Н. Званцевой. Познакомилась с Волошиным и Сабашниковы летом 1906 г. в Коктебеле 115, 119, 120, 124, 125, 128, 131, 137
Карьер (Карриер; Carrière) Эжен (1849–1906), французский живописец и график 369, 370
Катанян В.В. 710
Катулл Гай Валерий (87 или 84 до н.э. – после 54 до н.э.), римский поэт 190, 192
Каухчишвили Н.М 458
Качалов В.И. 596
Качер (Kačer) Маня (1870–1936), скульпторша, антропософка. В 1914–1916 гг. участвовала в строительстве первого Гетеанума. Сабашникова познакомилась с ней в начале 1910-х гг. в Мюнхене, где Качер основала школу ваяния 641, 648
Квятковский Людвиг Лукич (1897–1974), художник, родом из Феодосии. Был репрессирован в 1930-е гг., провел около 25 лет в лагерях и ссылках. Умер в Москве 10, 573–575, 587, 598, 604, 607, 608, 610, 614, 619, 620, 624–627, 631–633, 636, 637, 639, 647, 720
Кедров Николай Николаевич (1871–1940), певец (баритон) и композитор, музыкальный педагог, профессор Петроградской консерватории. С 1923 г. – в эмиграции. Умер и похоронен в Париже 696, 697
Кедрова Н.К., двоюродная сестра Н.Н. Кедрова 730

Кейдан В.И. 34
Кемпер (Kemper) Карл (1881–1957), художник и скульптор, участник строительства Гетеанума 670
Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, общественный и политический деятель. Один из учредителей и наиболее заметных деятелей кадетской партии (член ее Центрального комитета). Получил известность как яркий оратор (особенно в период выборов в Первую Государственную думу). С 1909 г. – профессор Московского университета. В 1918–1921 гг. неоднократно подвергался арестам. Выслан из советской России осенью 1922 г. Умер в Праге 44–46, 48, 49
Кине (Quinet) Эдгар (1803–1875), французский писатель, историк и философ 83, 86
Кириенко-Волошин А М 63, *65*
Кириенко-Волошина (урожд. Глазер) Елена Оттобальдовна (1850–1923), мать Волошина 10, 17, 18, 21, 23, 29, 39, 56, 63, 65, 68–71, 79, 86, 87, 95, 97, 99–102, 105, 109, 114, 116, 117, 123, 124, 128, 130, 136, 141, 145, 146, 156–158, 161, 168, 188, 216–218, 220–222, 225–227, 230, 233, 235, 236, 254, 256, 262, 283, 293, 320, 329, 338, 343 –345, 350, 358, 369, 387, 393, 399, 400, 404, 410, 413, 415, 416, 433, 442, 452, 466, 474, 486, 489, 492, 500, 535, 541, 556, 559–571, 576, 578, 581, 583, 586, 588, 595, 602, 626, 627, 637, 643, 647, 654, 670, 671, 675, 677, 679, 688, 698, 699, 702, 703, 705, 706, 713, 720, 721, 723, 724, 727, 729
Киров (наст. фамилия – Костриков) С.М. 713
Киселев Н.П. 597, *598*
Киселева (урожд. Повалишина) Т.В. 611, *621*
Кленце (Klenze) Л. фон 533
Клодель (Claudel) Поль (1868–1955), французский поэт и драматург 144, 145, 159, 160, 410, 585
Клопперс (Kloppers) Х. 725
Книпер О.Л. 274
Княжевич Александр Антонинович (1869 – после 1919), статский советник, камергер, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе 679, 680
Княжевич Владимир Антонинович (1871–1934), предводитель дворянства в Феодосийском уезде. С 1920 г. – эмигрант; умер в Белграде 696
Княжевич (урожд. Родственная) Лидия Павловна (?–1945), пианистка, жена А.А. Княжевича. Умерла в Нью-Йорке 679
Ковалевский А.О. 323
Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), историк, правовед, социолог, публицист, педагог 47, 113, 114
Кожебаткин А.М. 597, *598*
Козлик (Kozlik) Ф. 522
Кокорев В.А. 582
Коллинз (Collins) М. (в замужестве – Кенингэйл Кук) 25
Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), драматическая актриса, создавшая в 1904 г. в Петербурге «Новый драматический театр» 146, 149, 156, 158, 159, 162, 163, 169, 175, 176

Кондратьев А А. 170, 171
Конечный А.М. 466
Коренева М.Ю. 721
Коркина Е.Б. 680
Корнилов Л.Г. 701
Косоротов Александр Иванович (1868–1912), драматург, прозаик, публицист 113, 115, 177, 193, 209, 212
Костычева (урожд. Фокина) Евдокия (Авдотья) Николаевна (1845–1915), жена П.А. Костычева, мать О.П. Костычевой 660, 665
Костычева Ольга Павловна (1880–1956), врач; имела практику в Петербурге. Участвовала в строительстве первого Гетеанума. Дочь известного почвоведа, геоботаника и микробиолога П.А. Костычева (1845–1895) 608, 660, 665, 670, 672, 726
Котрелев Н.В. 385
Красильщик Л.И. 624
Краснов Петр Борисович (1895–1962), журналист, поэт, издатель 706
Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941), художница 88, 96, 109
Крупская Н.К. 713
Крусанов А.В. 462
Крюкова А.М. 546
Кублицкая-Пиоттух А.А. 156
Кудрин Н.Е. см. Русанов
Кудрявцев Константин Дмитриевич, петербургский чиновник, редактор газеты «Известия Санкт-Петербургской городской думы»; гипнотизер, член Русского спиритуалистического общества; теософ, член РТО, впоследствии резко порвавший с Обществом и подвергший теософов разоблачительной критике в книге «Что такое теософия и Теософическое Общество. С приложением неизданного письма Е.П. Блаватской...» (СПб., 1912; 2-изд., расшир. и доп.: СПб., 1914). Автор статей и рецензий, публиковавшихся в журналах «Вестник теософии», «Из Мрака к Свету», «Ребус». В 1900-е гг. – член Петербургского общества защиты детей от жестокого обращения 179–181, 205, 213–215, 217, 218, 239, 240, 264, 266, 315, 330, 391, 392, 419, 420
Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт, прозаик, драматург, переводчик; композитор 8, 11, 113, 114, 119, 121, 129, 135, 137, 139, 151, 169–171, 173, 176–178, 180, 181, 199–201, 204–207, 209, 210, 212, 214, 215, 289, 291, 305, 311, 386, 432, 453, 454, 466, 473, 498, 549, 569, 587
Кузнецов П.В. 159, 462
Кузнецова (по первому браку – Трухачева, по второму – Балагина; театральный псевд. – Гринева) Мария Ивановна (1895–1966), актриса московского Камерного театра, драматург. Вторая жена Б.С. Трухачева (1892–1919), первого мужа А.И. Цветаевой. В 1910-е гг. неоднократно гостила в Коктебеле 721
Кук (Cook) Т. 364
Кульбин Н.И. 462
Куманин В.Н. 61, 62
Кумпан К.А. 466
Куприяновский П.В. 709

Купченко В.П. 6, 7, 12, 13, 17–19, 25, 38, 40, 52, 85, 132, 148, 172, 173, 184, 192, 195, 198, 200, 211, 237, 238, 253, 273, 318, 319, 356, 395, 406, 412, 432, 446, 456, 465, 474, 507, 511, 536, 575, 579, 598, 607, 671, 680, 704, 723, 730
Курсинский А.А. 159
Кустодиев Б.М. 207, 330, 332
Кювилье (урожд. Михайлова; по первому браку (с 1916 г.) – княгиня Кудашева, по второму (с 1934 г.) – Роллан) Мария Павловна (1895–1985), поэтесса 594, 595, 600, 602
Кюршнер (Kürschner) Й. 443

Лавров А.В. 12, 52, 58, 163, 198, 211, 215, 239, 282, 295, 444, 598, 624, 681, 683, 687, 723
Лавров В.М. 111
Лагорио Л.Ф. 411
Ламбаль (Lamballe) Мария-Тереза де Савуа-Кариньон, княгиня (1749–1792), одна из приближенных королевы Марии-Антуанетты, растерзанная парижской толпой 4 сентября 1892 г. 76, 80, 82, 87, 102
Лампси Н.М. 396, 478, 479
Лапшин В.П. 461
Ларионов М.Ф. 462
Латри (урожд. Грамматикова; по второму браку – Васмундт) Екатерина Николаевна (1864–1967), пианистка, первая жена М.П. Латри 438, 439, 456, 460, 478
Латри Михаил Пелопидович (1875–1942), живописец, график, керамист; внук И.К. Айвазовского. Владелец имения Баран-Эли (Боран-Эли) под Феодосией. С 1920 г. – в эмиграции (в Афинах, затем – Париже) 438, 439, 444, 445, 447, 454, 456, 457, 460, 463, 467, 468, 471, 478, 486, 600
Леви (Lévy) Элифас (наст. имя Альфонс Луи Констан; 1810–1875), французский писатель-оккультист 166
Левичев И.В. 6, 184, 340, 625
Лейбниц (Leibniz) Г.В. 513
Лейкинд О.Л. 462
Леман Борис Алексеевич (псевд. Борис Дикс; 1882–1945), поэт, критик, педагог; деятель РТО 10, 13, 113, 115, 121, 141–143, 176, 427, 454, 562, 564, 568, 571, 572, 586–588, 590, 647
Лемус Владимир Иванович (1872–1938, расстрелян), профессор (в 1918–1923 гг. – ректор) Петровской (или Тимирязевской?) сельскохозяйственной академии (ныне – Российский аграрный институт им. К.А. Тимирязева). Выслан в 1935 г. в Алма-Ату, где работал профессором Зоотехнического ветеринарного института и НИИ животноводства 44, 53
Ленин (наст. фамилия – Ульянов) В.И. 676
Ленотр (Lenôtre) Жорж (наст. имя и фамилия – Луи Леон Теодор Гослен; 1855–1935), французский историк и драматург 230
Ленский А.П. 193
Лентулов А.В. 462
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 297, 430, 493

Лермонтов М.Ю. 28
Лесков Н.С. 518
Лигский Константин Андреевич (1882–1931), эсер, после Октября – член ВКП(б), антропософ (в 1914 г. принимал участие в строительстве первого Гетеанума). В 1920–1921 гг. – управделами уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел в Петрограде; в 1921–1924 гг. – заведующий консульским отделом в Варшаве, впоследствии – на дипломатической работе в Японии и Греции 711, 712
Линде (Linde) Герман Генрих Бернгард (1863–1923), художник–сценограф, антропософ, эзотерический ученик Штейнера. Оформлял декорации и кулисы для инсценировки мистерий в 1909–1913 гг. В 1914 г переселился в Дорнах и руководил живописными работами при росписи большого купола первого Гетеанума 659
Линденбаум Владимир Васильевич, поэт, автор единственного стихотворного сборника «Уклоны» (Ярославль· типография Э.Г. Вальк, 1904) 113
Линденберг (Lindenberg) К. 13, 523
Липпи (Lippi) Ф. 422
Лисипп 622
Лихачев Н.П. 587
Логау (Logau) Ф. фон 552
Ломоносов М.В. 599
Лоррен (Лоррэн; Lorraine; наст. фамилия – Желле; Gelle) Клод (1600–1682), французский художник-пейзажист 39, 41, 280
Лоренц (Lorenz), хозяйка берлинского пансиона 492
Лосев Д.А. 117
Луиш Филипе (Luis Filipe), герцог Браганса, сын Карлуша I 473
Лубны-Герцык см. Герцык Е.А.
Лукьянчиков К.И. 350, 352
Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), журналист, государственный и общественный деятель. В 1917–1929 гг. – нарком просвещения. В первые годы советской власти многократно содействовал спасению культурно-исторических памятников и помогал представителям старой интеллигенции 380, 474, 709, 720, 724, 725
Львова Ю.Ф. 697
Любимов Анатолий Львович (1882–1960), соученик А.В. Сабашникова по 3-й московской мужской гимназии, приятель М В. Сабашниковой; меломан. Учился в Московском университете (на естественном факультете), впоследствии – экономист 18, 20, 21, 78, 82, 94, 131, 152, 153, 165, 167–169, 172, 174, 414, 505, 515, 574, 575, 619
Людвиг (Ludwig) I, баварский король 533
Людовик (Louis) XVI 81
Людовизи (Ludovisi) 450
Лютер (Luther) М. 494
Лядов А.К. 159
Лямина Елена Сергеевна (1870–1952), кузина Волошина 326, 327, 729
Лямина (в замужестве – Шмелева) Любовь Сергеевна (1874–1957), кузина Волошина 326, 327

Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942), литературный критик, историк литературы, фольклорист. С 1902 г. ведущий критик журнала «Вестник Европы», в котором заведовал литературным отделом. Покинул Россию в 1917 г. Умер в Праге 196

Мазарини (Maz(z)arino) Дж., кардинал 477
Майдель (Maydell) Р. фон 8, 13, 716
Майер-Смитс см. Смитс
Макаров Николай Петрович (1810–1890), лексикограф, составитель Полного французско-русского (6-е изд. – 1890) и Полного русско-французского словарей (6-е изд. – 1893); автор сатирических произведений; был известен также как концертирующий гитарист 152–154
Маковский С.К. 163, 462
Макридин Н.В. *716*
Малларме (Mallarmé) Ст. 246, 249
Малмстад (Мальмстад; Malmstad) Дж. 11, 12, 169, 639
Малявин Филипп Андреевич (1869–1940), живописец 35
Манасеин Михаил Петрович (1860–1917), врач по кожным болезням. Муж Н.И. Манасеиной 119, 121, 140, 344, 347, 359, 360, 362, 392
Манасеина Екатерина Михайловна (1895–1955), драматическая актриса. Дочь М.П. и Н.И. Манасеиных 119, 121, 140, 344, 347, 362, 392, 402, 670
Манасеина Наталья Ивановна (1869–1930), детская писательница. Редактор-издатель (совместно с П.С. Соловьевой) детского журнала «Тропинка» 119, 121, 123, 133, 140, 344, 347, 362, 392, 454, 456, 680
Манн (Mann) Т. 722
Мануйлов В.А. 158, 444
Марион (Maryon) Э. *677*, 678
Мария-Антуанетта (Marie-Antoinette) 47, 81
Маркадэ (Marcadé) Ж.-К. 169
Марков А Ф. 579
Маркс Адольф Федорович (1838–1904), петербургский издатель и книготорговец 39, 41
Марушина Г.А. 17, 131
Марциновский Е.И. 714
Маслов П.К. 213
Матвеев А.Т. 583
Машковцев Николай Георгиевич (1887–1962), искусствовед, антропософ. Член РАО. В 1918–1927 гг. – хранитель, в 1927–1930 гг. – заместитель директора Третьяковской галереи Член-корреспондент Академии художеств (1947). С 1950 г. – профессор. В 1948–1962 гг. – заведующий сектором русского искусства в НИИ теории и истории изобразительного искусства. Автор работ, посвященных русскому и советскому изобразительному искусству 633, 634
Маяковский В.В. 710
Медичи (Medici), флорентийское семейство 423, 431
Мейерхольд В Э. 149, 159, 169, 573
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), прозаик, поэт, критик, публицист, переводчик 31, 66, 67, 103, 105, 386, 511, 512

Мерсеро (Mercereau) Александр (псевд. – Эсмер Вальдор; 1844–1945), французский поэт и прозаик 57, 58, 97, 98, 103
Мерилиз А. 78, 95
Метерлинк (Maeterlinck), Морис (1862–1949), бельгийский драматург, поэт, эссеист 133, 159, 385
Метнер Э.К. 597, 608
Микеланджело (Микель Анжело; Микель Анджело; Michelangelo) Буонаротти (1475–1564), итальянский скульптор, архитектор, живописец, поэт 448, 459, 460, 472, 474, 478, 493, 510, 621
Микушевич В.Б. 607
Милиоти В.Д. 159
Миллер (Miller) Б. 733
Милорадович (урожд. Васильчикова) А.А., графиня 213
Минский (наст. фамилия – Виленкин) Н.М. 31
Минцлова (Минслова) Анна Рудольфовна (1865–1910?), переводчица (Новалиса, О. Уайльда, Р. Штейнера); теософка, получившая известность благодаря своим парапсихическим способностям и обширным познаниям в оккультных областях. Была связана с символистским кругом (Бальмонт, Андрей Белый, Брюсов, В.И. Иванов и др.) и вождями теософского движения (А. Безант, Р. Штейнер). Таинственным образом «исчезла» в 1910 г., что породило немало домыслов 10, 19, 26, 27–33, 36, 38, 42–44, 46, 48–50, 52, 54, 55, 57, 61, 66, 68, 69, 71–73, 76–78, 81–83, 88, 91, 94, 95, 99, 101, 108, 110, 121, 122, 131, 141–151, 153–156, 158, 162, 168, 171–173, 179–181, 183, 187–189, 192, 196, 198, 199, 201, 203, 205–207, 210, 212, 213, 215–217, 220–227, 229, 231, 232, 251, 256, 259, 270, 272, 273, 279–282, 289, 301, 304–306, 311, 320, 324–329, 333, 334, 345, 347–350, 352, 353, 355–358, 361–363, 372, 402, 403, 407, 408, 411–413, 416, 419, 420, 422, 423, 429, 432, 437, 439, 442, 452, 454, 455, 463, 464, 466, 467, 471, 475, 476, 477, 481, 490, 491, 506, 520, 521, 523–531, 560, 561, 562, 564–566, 571, 575, 576, 582, 600, 685
Мирбо (Mirbeau) Октав (1850–1917), французский прозаик, драматург, публицист 133
Мирошниченко Н.М. 12, 239
Мирэ А. (наст. имя и фамилия – Александра Михайловна Моисеева; 1874–1913), прозаик, переводчица 150–154, 158, 187
Митридат VI Евпатор 697
Михайлов А.В. 590
Михайлова М.В. 12, 261
Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист, социолог, критик, общественный деятель народнического направления 728, 730
Мишле (Michelet) Ж. 92
Мнишек М. 698
Можарова А.Ф. 224
Моисеева А.М. см. Мирэ А
Молчанова Н.А. 709
Мольтцер-Клопперс (Moltzer-Kloppers) П.Н. 725

Молэ (Моле, Molay) Ж.Б. де 81
Моргенштерн (Morgenstern) Кристиан Отто Йозеф Вольфганг (1871–1914), поэт, автор стихотворных юморесок, переводчик, антропософ 646, 648, 660, 670, 672
Моргенштерн (Morgenstern; урожд. Гозебрух фон Лихтенштерн) Маргарета (1879–1968), антропософка; жена К. Моргенштерна, его биограф, издательница его писем и сочинений. Имела дружеские отношения с русскими антропософами (Сабашниковой, Т.Г. Трапезниковым, Михаилом Чеховым и др.) 660, 662–664
Морис (Maurice) Ш.Ж. 665
Морозов Николай Александрович (1854–1946), народоволец; ученый поэт, мыслитель, мемуарист 264, 266
Морозов П.О. 498
Морозов С.Т. 400
Моцарт (Mozart) В.А. 493
Муратов П.П. 666
Муромцев С.А. 431
Муромцева (в первом браке – Витевская, во втором – Брюан) Мария Сергеевна (?–1930), певица, младшая сестра О.С. Муромцевой 428, 431
Муромцева (Климентова-Муромцева) Мария Николаевна (1857–1946), оперная певица, жена С.А. Муромцева. Мать М.С. и О.С. Муромцевых 428
Муромцева (по первому браку Родионова, по второму – Шаврина) Ольга Сергеевна (1883–?); дочь С.А. Муромцева, сестра М.С. Муромцевой, двоюродная сестра В.Н. Муромцевой (жены И.А. Бунина). В 1919 г. развелась с мужем и вместе с матерью покинула Россию. Соученица Сабашниковой по 4-й московской женской гимназии 428, 431, 432, 440, 442, 444, 446, 455, 456, 459, 463, 469, 487, 509
Мюлеталер (Mühlethaler) Якоб – философ, автор работы «Шопенгауэр и западная мистика» («Schopenhauer und die Abendländische Mystik», 1910) 520, 523
Мюллер (Müller) М. 237, 362
Мюр А. 78, 95

Набоков В.В. 591
Наний П.И. 720, 723, 724
Наполеон (Napoléon) I Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804–1814, 1815) 37, 290, 292
Наровчатов С.С. 704
Наторп (Natorp) П. 722
Нахман М.М. 600
Некрасов Н.А. 206
Немирович-Данченко Вл.И. 596
Нерваль (Nerval) Жерар де (наст. имя и фамилия – Жерар Лабрюни; 1808–1855), французский поэт 660, 666
Низами Гянджеви (наст. имя – Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф) 590
Никитина Е.Ф. 723

Николай I 487
Нило (Nilo) И. 8
Ницше (Nietzsche) Ф. 137, 443, 553
Новалис (Novalis; наст. имя и фамилия – Фридрих фон Гарденберг; 1772–1801), немецкий романтик, поэт и прозаик 657
Нувель Вальтер Федорович (1871–1949), музыкальный критик, один из учредителей общества и журнала «Мир Искусства» 176, 182, 210, 215, 454

Обатнин Г.В. 8, 307, 310, 315, 527, 579
Оболенская Юлия Леонидовна (1889–1945), художница 10, 552, 598, 600, 630, 662, 676, 680–683, 686, 690, 691, 695, 698–703, 706–708, 715, 729, 730
Орлова (урожд. Бедункевич; по второму браку – Лукьянчикова) Александра Иосифовна (1876–?), преподавательница женского городского начального училища в Санкт-Петербурге 88, 112, 114, 116, 118, 120, 125, 132, 133, 176, 200, 344, 345, 350, 454, 456

Павлов И.П. 730
Павловский Е.Н. 443
Палаш И.Н. 239
Памфилова Л.Б. 173, 589
Панина А.Л. 38, 52
Папов (Papoff; в замужестве – Хунцикер) Н. фон 661
Парнок (наст. фамилия Парнох) Софья Яковлевна (1885–1932), поэтесса, литературный критик 721, 723
Пашин Павел Васильевич, гимназический приятель А.В. Сабашникова 78, 82
Пейперс (Пайперс; Peipers) Феликс (1873–1944), врач, антропософ 659
Петр I Великий 290, 291
Петров Григорий Спиридонович (1866–1925), священник (в 1907 г. лишен сана за свои публичные выступления), религиозный писатель-публицист 210
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог 711, 715, 719
Петрова Александра Михайловна (1871–1921), педагог (постоянно жила в Феодосии); близкий друг Волошина и позднее Сабашниковой 10, 12, 34, 68–71, 95, 148, 149, 185, 189, 221, 231, 311, 313, 326, 350, 396, 405, 407, 410, 411, 413, 418, 424, 425, 431, 435–437, 439, 442, 453, 477, 489, 496–498, 503, 506, 510, 512, 518, 523–526, 532–534, 538, 543, 553, 554, 556, 559, 561, 564, 567–569, 571–579, 582, 587–590, 592, 593, 596, 597, 599, 600, 602–612, 614, 615, 619, 622–629, 631, 632, 634, 636, 639, 640, 643, 645, 654, 657, 664, 670, 671, 675, 677, 679, 682, 683, 688, 690, 691, 693, 697–699, 702, 703, 712, 721
Петрова Г.В. 473, 575
Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958), переводчик («Авроры» Я. Бёме и др.), сотрудник издательства «Мусагет»; близкий друг Андрея Белого. С 1907 г. работал в библиотеке Румянцевского музея, затем – Государственной библиотеке СССР. Антропософ, член РАО; один из строителей первого Гетеанума. Был арестован в 1924 г. (освобожден); вторично – в 1931 г. по групповому делу антропософов и приговорен к

трем годам исправительно-трудовых лагерей 588, 591, 594, 597–599, 633, 634, 639, 647, 649, 651
Печерин Владимир Сергеевич (1807–1885), поэт, переводчик, мемуарист, мыслитель 690, 691
Печковский А.П. 431
Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933), лингвист; друг Волошина 151, 369, 696–698
Пешковская Людмила Сергеевна (1888 – после 1940), жена А.М. Пешковского 369
Писарева (урожд. Рагозина) Елена Федоровна (1853–1944), теософка, автор теософских статей и книг; переводчица работ А. Безант и Р. Штейнера. Жила в Калуге. Вице-президент Русского Теософического общества, председатель его Калужского отделения С 1922 г. жила за границей. Умерла в Женеве 159
Платон 215, 251, 253
Поленов В.Д. 232, 233
Поленова Е.Д. 463
Полиевктова (урожд. Орешникова) Т.А. 118, 715
Полляк, Полляк-Карлин (Pollack-Karlin) Рихард (1867–1943), художник; антропософ. В 1914–1919 гг. работал вместе с женой в Дорнахе на строительстве первого Гетеанума. Погиб в Биркенау (Освенцим) 656, 657, 659, 661
Полляк, Полляк-Карлин (Pollack-Karlin; урожд. Котани) Хильда – жена Р. Полляка. Погибла (предположительно) в 1943 г. в лагере смерти Дахау 657, 659, 661
Полунин В.Я. 578, 580
Поляков, московский врач 399
Поляков Александр Сергеевич (1905 – ок. 1940; репрессирован), сын С.А. Полякова 32, 34
Поляков Сергей Александрович (1874–1943), математик; переводчик. Основатель и владелец издательства «Скорпион» 32, 34, 44, 120, 473, 528, 534
Полякова Анна Александровна см. Семенова А.А.
Полякова (урожд. Андреева) Анна Алексеевна, сестра А.А. Андреевой, Е.А. Бальмонт, Т.А. Бергенгрин, М.А. Волконской и М.А. Сабашниковой. Жена Я.А. Полякова 43, 59, 60
Полякова Анна Ивановна (1831–1913), мать С.А. Полякова 32, 34
Полякова (урожд. Люссек-Вель-Дюзек) С.А. *34*
Поляковы, семья 29
Порфирий *259*
Поспелов Г.Г. 37
Постаков Вартан Алексеевич, инженер; брат Е.А. Акимовой 293, 204
Поступальский И.С. 155
Потемкин П.П. 176
Поццо А.М. *638*, 640, 643
Поццо (урожд. Тургенева) Н.А. 621, *638*, 643, 662, 663, 677
Прево (аббат Прево; Prévost) А.Ф. 153
Прокопов Т.Ф. 725
Прокофьев С.О. 12, 678

Пронина О.Г. 613, 678
Протопопов Всеволод Дмитриевич, один из членов-учредителей товарищества «Знание». Близкий друг семьи Сабашниковых. Умер в Швейцарии в середине 1910-х гг. 73
Прохоров Н.И., фабрикант 581
Пти (Пети; Petit) Жорж (1856–1920), владелец художественной галереи в Париже (с 1881 г.); уделял особое внимание произведениям импрессионистов. После смерти Ж. Пти галерея перешла к его наследникам и была закрыта в 1933 г. 76
Пустарнаков В.Ф. 458
Пуатье (Poitier) Диана де (1499–1566), возлюбленная французского короля Генриха II 230, 236, 405
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт 11, 21, 43, 48, 165, 186, 291, 305, 358, 441, 485, 487, 498, 499, 602, 607, 616
Пшибышевский (Przybyszewski) С.Ф. 167, 169
Пяст (наст. фамилия – Пестовский) В.А. 185

Раев Н.П. 218
Разумовская М.А., графиня 688
Райс Э.М. 704
Райчевич А. 442, 443
Раттауз Г.Г. 607
Рафалович С.Л. 163
Рафанович М.Л. 698
Рафаэль (Rafaello) Санти 493
Рачинский Г.А. 597, *598*, 608
Редон (Рэдон; Redon) Одилон (1840–1916), французский живописец, гравер, литограф 187, 189, 249
Рейтблат А.И. 714
Рейф (Райф; Reif; урожд. Буссе) М. 589, 590
Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), прозаик, переводчик, художник и каллиграф 8, 146, 156, 167–171, 173, 176, 178, 179, 187, 199–201, 204–207, 209–212, 214, 215, 247, 330, 332, 360, 361, 412, 445, 453, 473, 498, 516
Ремизова (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (1876–1943), палеограф. Жена А.М. Ремизова. Увлекалась теософией 146, 167, 168, 170, 199, 201, 210, 212, 240, 247, 330, 332, 445, 453
Репина И.А. 117
Рерих Н.К. 163, 170
Рёрле (Röhrle) Э. 611
Рихтер (Rychter) Тадеуш (1873 – после 1939), польский художник; в 1914–1915 гг. вместе с женой Анной Мей-Рихтер (May-Rychter; 1864–1954) активно участвовал в строительстве Иоаннова Здания, возглавляя стекольную мастерскую. В 1924 г. оба переселились в Иерусалим. В 1939 г. был приглашен в Польшу (для росписи одной из церквей); после немецкой оккупации Польши его следы теряются 660, 662
Рогозинский Владимир Александрович (1882–1951), инженер, архитектор (из круга братьев Весниных). Волошин посвятил ему стихотворение «Москва» (1917) 594, 595, 600, 602, 629, 637, 647, 650

Розанов Василий Васильевич (1856–1919), литературный критик, публицист, эссеист, религиозный мыслитель 41, 156, 167–169, 201, 210
Розанова см. Бутягина В.Д.
Розанов Ю.В. 211
Розенкранц (Rosenkrantz) Арильд, барон (1870–1964), датский художник; антропософ (с конца 1912 г.). В 1914–1917 гг. жил в Дорнахе и участвовал в строительстве Иоаннова Здания (ему принадлежала роспись в восточной части малого купола) 656
Рославец (урожд. Лановая) Н.А. 709
Русанов Н.С (псевд. – Н. Е. Кудрин) 67
Руэри (Ла Руэри) см Тюфен
Рыбников Алексей Александрович (1887–1949), живописец, график, иллюстратор, реставратор, педагог. Автор научных трудов по вопросам реставрации. Сотрудник Музейного отдела Наркомпроса (занимался спасением и сохранением художественных ценностей). С 1919 г. – организатор и научный руководитель реставрационной мастерской Третьяковской галереи 698
Рылов Аркадий Александрович (1870–1939), живописец-пейзажист, график, педагог. С 1915 г. – академик живописи 486, 556
Рындина Л.Д. 233
Рюмина В.Л. 704
Рябушинский Николай Павлович (1877–1951), меценат, коллекционер, редактор-издатель журнала «Золотое Руно» (1906–1909). Выступал (под псевдонимом Н. Шинский) как писатель и художник. Умер в Ницце 34, 36, 37, 40, 41, 53, 56, 57, 62, 75, 76, 79, 92, 98, 159, 207, 528

Сабашников Алексей Васильевич (1883–1954), агроном, агробиолог; антропософ. Брат М.В. Сабашниковой. Учился в Лейпциге (1905–1907). Работал в Московском сельскохозяйственном и Московском межевом институтах. В 1920 г. командирован в советское торгпредство в Берлине; остался в Германии. Публиковал в немецкой печати статьи по аграрному вопросу. Умер в г. Лауфенбург на Рейне (на границе Германии и Швейцарии) 10, 18–22, 26, 30, 59, 66, 72, 73, 77, 78, 82, 94, 97, 98, 100, 104, 108, 137, 142, 186, 323, 392, 406, 407, 412, 414, 416–418, 420, 421, 424, 425, 445, 455, 463, 466, 470, 478–483, 487, 492, 494, 495, 497, 499–501, 504, 517, 520, 526, 528, 555, 556, 558, 565, 576, 580, 683, 707
Сабашников Василий Михайлович (1848–1923), чаеторговец; отец М.В. Сабашниковой 10, 21, 23–30, 33, 36, 42, 44, 46, 49, 56, 58, 59, 65, 72, 76, 77–79, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 99, 100, 102, 104, 119, 129, 140, 145, 160, 213, 221, 226, 263, 304, 305, 312, 318, 323, 324, 339, 347, 366, 388, 391, 399, 407, 411, 445, 451, 452, 476, 480, 488, 492, 495–497, 499, 517, 587, 675, 676, 678, 679, 683, 707, 712, 720, 729
Сабашников Иван Михайлович (1855–1931), врач-психиатр, доктор медицины; служил в Варшаве, позднее в Москве. Переводил на русский язык Р. Тагора и Э. Арнольда. Брат В.М. Сабашникова 675, 676
Сабашников М.В. 430, 624
Сабашников Сергей Васильевич (1873–1909), книгоиздатель, брат М.В. Сабашникова 138, 140, 430, 624

Сабашников Ф.В. *430*
Сабашникова (урожд. Андреева) Маргарита Алексеевна (1860–1933), мать М.В. Сабашниковой, сестра А.А Андреевой, Е.А. Бальмонт, Т.А Бергенгрин, М.А. Волконской и А.А. Поляковой 10, 21, 23, 25–30, 32, 33, 36, 37, 42–44, 46, 48, 49, 55, 56, 58–61, 64, 65, 72, 77, 80, 94, 98–102, 104, 119, 129, 137, 157, 166, 168, 172, 174–176, 180, 188, 193, 194, 200–202, 209–214, 221, 226, 250, 253, 255, 291, 306, 312, 318, 323, 324, 327, 328, 330, 338, 339, 347, 359–361, 365, 366, 371–374, 378, 386, 388, 390, 391, 394–396, 397, 401, 402, 404, 408, 411–414, 416, 417, 419–421, 427, 429, 437, 439, 445, 451, 452, 455, 466, 475, 492, 530, 581, 587, 675, 683, 707, 720, 729
Савонарола (Savonarola) Дж. 494
Савинков Б.В 730
Савинкова В В. 730
Савинковы 728
Савинов А Н 37
Садовский Е.И. 607
Сайн-Виттенштейн Е Н., княгиня 688
Сакс (Sachs) Г. *506*
Самков В.А. 170
Самсонов Н.В. 608
Сапунов Николай Николаевич (1880–1912), живописец, театральный художник 149, 182, 581, 583
Сарабьянов А.Д. 722, 725
Сарду (Sardou) В. 49
Свасьян К.А 527
Северюхин Д.Я. 462
Седлецкая (Siedlecka) Ядвига (Вига; 1874–1950), художница; антропософка; жена Ф.В. Седлецкого. Участвовала в строительстве первого Гетеанума, принимала участие в эвритмических спектаклях 670, 672
Седлецкий (Siedlecki) Францишек Винчент (1867–1934), польский живописец и график, участник строительства первого Гетеанума 660
Седова Н.И. 714
Сезанн (S zanne) П. 665
Семашко Н.А. 723
Семенов Е.П. (наст. имя и фамилия – Соломон Моисеевич Коган) 385
Семенов Л.Д. 163
Семенов Михаил Николаевич (1873–1952), издатель; литератор, мемуарист. Покинул Россию до 1914 г., жил в Италии. Умер в Неаполе 34, 44
Семенова (урожд. Полякова) Анна Александровна (1873–1957), жена М.Н. Семенова (с 1903 г.). Впоследствии брак распался 34, 44, 48
Сен-Жермен (St. Germain), граф де (?–1784), французский авантюрист, путешественник; алхимик и оккультист, владевший якобы многими иностранными языками (в том числе – арабским и древнееврейским). С его именем связано немало легенд и преданий (согласно одной из них, граф бессмертен и является в разные эпохи под именами различных исторических лиц). Пользовался особым почтением у теософов. Упоминается Пушкиным в рассказе «Пиковая дама» 42, 47

Сен-Симон (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа, граф де (1760–1825), французский философ, основоположник утопического социализма 42, 48
Сербская З.В. 708
Серафим Саровский, св. 649, 713
Серов Валентин Александрович (1865–1911), живописец и график 159, 205, 206, 468, 476, 477
Сиверс Мария Яковлевна, фон (1867–1948), переводчица, деятельница теософского (позднее – антропософского) движения; помощница и жена Р. Штейнера (официально – с 1914 г.) 10, 30, 31, 147, 417, 418, 421, 422, 491, 497, 500, 501, 508, 531, 563, 566, 588, 599, 621, 662, 663
Сиверс Ольга Эммануиловна, графиня (1877–1912), племянница А.И. Урусова (дочь его сестры); подруга юности Сабашниковой. В 1900-е гг. жила в основном за границей 402, 403, 478–480
Сиверс О.Я., фон *501*
Сидоров А.А. 608
Сизов Михаил Иванович (1884–1956), литератор, переводчик, критик; физиолог; антропософ. Близкий друг Андрея Белого (по кружку «аргонавтов»). В 1914–1915 гг. участвовал в строительстве первого Гетеанума 594, 598, 651
Симон (Simon) Люсьен (1865–1945), французский живописец, портретист и жанрист 77, 167, 169
Синельников И.Е. 228
Скирмунт С.А. 668
Слива (по первому браку – Брюллова, по второму – Окс) Вера Ивановна, дочь И.Т. Сливы, управляющего крымским винодельческим имением «Магарач» (ныне – поселок Отрадное) по соседству с Массандрой Приятельница М.В. Сабашниковой и Е.И. Дмитриевой (Васильевой) 701–703
Смидович Мария Гермогеновна (1875–1963), жена В.В. Вересаева, его троюродная сестра 723
Смирнов А. 724, 725
Смирнов Александр Александрович (1883–1962), литературовед, критик, переводчик; кельтолог, медиевист, шекспировед. В 1900-е и 1910-е гг. подолгу жил в Париже 103, 105, 169
Смирнов И.С. 585
Смитс (Smuts; в замужестве – Майер-Смитс) Элеонора (Лори; 1893–1971), антропософка, одна из создательниц эвритмического танца 595, 601, 602, 606, 611, 616, 621, 622, 660, 662, 663, 773
Смитс, семья 610, 615
Снегов С.Г. 62
Снегова Надежда Яковлевна, приемная дочь Н.И. Авенариус, в юности – подруга Сабашниковой; в 1920-е гг. – хористка Большого театра 62
Соболев А.Л. 105
Соболевский А.И 206
Соколов Сергей Алексеевич (псевд. – Сергей Кречетов; 1878–1936), поэт, критик; владелец московского издательства «Гриф» (1903–1914) 129, 130, 135, 136, 162, 233

Соколова А.А. 722
Сокологорская Ольга Ивановна, знакомая Волошиных 212
Сократ 494
Соллогуб Е.Ф., графиня 380
Сологуб (урожд. Боде-Колычева) Н.М., графиня 380
Соллогуб Ф.Л., граф 380
Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, поэт 38, 108, 485, 487, 589, 593, 602, 607
Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, прозаик, переводчик, религиозный публицист. Племянник философа В.С. Соловьева (жизни которого посвятил отдельное исследование). Священник (с 1916 г.); позднее присоединился к общине католиков восточного обряда. Подвергался репрессиям. Умер в Казанской психиатрической больнице 381–384, 386
Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. – Allegro, 1867–1924), поэтесса, сестра Вл.С. Соловьева и Вс.С. Соловьева 121, 344, 345, 350, 352, 435, 454, 456, 499
Сологуб Федор (наст. имя и фамилия – Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927), поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик 68, 70, 71, 160, 212, 289, 296, 319, 322, 362, 386, 498
Солодкая Д.О. 297
Соломос Л.А. 35, 37, 54, 55
Сомов Константин Андреевич (1869–1939), живописец, график 26, 35, 113, 115, 116, 121, 123, 129, 130, 151, 176, 205–207, 454, 553
Сомов М.П. 159
Спивак М.Л. 458
Спиридонова Мария Александровна (1884–1941, расстреляна), революционерка, член эсеровской боевой группы (16 января 1906 г. смертельно ранила жандармского полковника). 12 марта 1906 г. приговорена к смертной казни через повешение, замененное бессрочной каторгой. Активно участвовала в политической деятельности в 1917–1919 гг. В советское время подвергалась неоднократным арестам (последний раз – в 1937 г.) 110, 111
Станюкович (урожд. Арцеулова) Людмила (Любовь) Николаевна (1843–1909), жена писателя К.М. Станюковича 159, 160
Станюкович Мария Константиновна (1875–1942), дочь К.М. Станюковича. Писала стихи, переводила художественную литературу. Увлекалась оккультизмом и теософией, сотрудничала в журнале «Вестник теософии» 152, 153, 160, 166, 171–175, 177, 193
Станюкович Зинаида Константиновна (1872–1934), дочь К.М. Станюковича 159, 160
Старостин Б.А. 607
Стерн Д. см. Флавиньи
Стернин Г.Ю. 37
Столица (наст. фамилия – Ершова) Л.А. 473
Стрижак Т.Л. 12, 247
Строганов С.Г., граф 461, 462
Строгановы А.Н. и Н.А. 43, 49, 432
Струве Г.П. 704

Струве Н.А. 704
Струве Петр Бернгардович (1870–1944), политический и общественный деятель; экономист, историк, издатель 128, 130
Струкова Ольга Михайловна (?–1908), московская знакомая Волошина и Е.О. Кириенко-Волошиной 221, 222, 329, 331, 442, 443, 454, 456
Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937), издатель и журналист; старший сын А.С. Суворина. В 1903–1908 гг. издавал газету «Русь». С 1920 г. в эмиграции (в Югославии). Окончил Белградский медицинский институт. Умер в Париже 23, 53, 54, 57, 112, 132, 134, 160–162, 167, 180, 201, 209, 210, 377
Суворин А.С. 198
Суворина Евгения (Ева) Константиновна, жена А.А. Суворина 112, 114, 154, 201, 209
Суворов Александр Васильевич (1730–1800), полководец, генералиссимус 63, 65
Судейкин Сергей Юрьевич (1882–1946), живописец, график, театральный художник, иллюстратор. В 1906–1912 гг. – близкий друг М.А. Кузмина (оформил несколько его книг). Эмигрировал в 1920 г Умер в Нью-Йорке 159, 178, 182, 190, 212, 213, 462
Суриков В.И. 701
Сюннерберг (псевд. – Эрберг) К.А. 353, 354

Тамамшев А.А. 176
Танеев Владимир Иванович (1840–1921), адвокат, общественный деятель. Брат композитора С.И. Танеева. Сторонник и пропагандист социалистических взглядов (переписывался с К. Марксом) 42, 47, 49, 52
Тарантулов, почтальон 320
Татлин Владимир Евграфович (1885–1953), живописец, график, дизайнер; авангардист, родоначальник художественного конструктивизма 595, 711, 714, 715, 719
Тереза Авильская, св. (Teresa de Ávila; 1515–1582), испанская монахиня, основательница ордена кармелитов, автор мистических сочинений 584
Теш Павел Павлович фон (1842–1908), московский врач; гражданский муж Е.О Кириенко-Волошиной 250, 252, 257, 259, 274, 277, 299
Тименчик Р.Д. 185
Тишбейн (Tischbein) И.Г.В. 535
Толстая см. Дымшиц-Толстая С.И.
Толстой А.К., граф 370
Толстой Алексей Николаевич, граф (1882–1945), прозаик, поэт 543, 545–548, 560, 561, 704
Толстой Лев Николаевич, граф (1828–1910), писатель 73, 89, 338, 341, 342
Толстой Федор Петрович, граф (1783–1873), живописец, художник-медальер и скульптор. Вице-президент Императорской Академии художеств. Отец Е.Ф. Юнге 695
Трапезников Трифон Георгиевич (1882–1926), искусствовед, музейный работник; антропософ, деятель РАО. Окончил Гейдельбергский университет по специальности история искусств. В 1913–1916 гг. участвовал в строительстве Гетеанума. Служил хранителем Отдела изящных искусств

Румянцевского музея. С 1918 г. работал в Музейном отделе Наркомпроса (заведовал подотделом провинциальной охраны памятников искусства и старины). В 1923 и 1924 гг выезжал для лечения за границу. Умер в Германии 10, 586, 587, 595, 598–600, 602, 608, 624, 631, 633, 639, 640, 651, 653, 662, 669, 672, 677, 682, 714
Третьяков В.П. 41
Троповский Е.Н. 169
Троцкий (наст. фамилия – Бронштейн) Л.Д. 714
Тугендхольд (Тугендгольд) Я.А. 665
Тумаркин Роман Самойлович (1888–1977), брат М.С. Цетлиной 682, 683
Тургенева А.А. 417, 592, 601, 603, 608, 635, 638, 640, 643, 655, 662, 663, 677, 678
Тыркова (по первому браку – Борман, по второму – Вильямс; псевд. – А. Вергежский) Ариадна Владимировна (1869–1962), прозаик, публицист, мемуаристка; активный деятель русского феминистского движения. Одна из организаторов Конституционно-демократической партии, член ее Центрального комитета. В 1918 г. уехала с семьей в Англию, позднее – во Францию и США. Умерла в Вашингтоне 212, 213
Тюфен (Tuffin) Арман Шарль, маркиз де ла Руэри (Rouërie) (1751–1793), французский военный (уроженец Бретани), участник Войны за независимость в Северной Америке (под именем «полковника Армана») 230

Уайльд (Wilde) Оскар (1854–1900), английский прозаик, поэт, драматург 549, 553
Ульянов Николай Павлович (1875–1949), живописец, рисовальщик; мемуарист 136, 413, 462
Ульянова см. Глаголева А.С.
Унгер (Unger) Карл (1878–1929), инженер, владелец завода шлифовальных станков; теософ (с 1904 г.) В 1905 г. учредил (вместе с А. Аренсоном) теософскую ложу в Штутгарте. Один из организаторов строительства первого Гетеанума. Член совета Антропософского общества (1913–1923). Автор ряда философских и духовно-научных трудов; многократно выступал с докладами и статьями. Пользовался особым доверием Штейнера и М. фон Сиверс. Застрелен маньяком в Нюрнберге перед началом лекции 520, 523
Урениус Е С. 666
Урусов Александр Иванович, князь (1843–1900), адвокат, общественный деятель, театральный критик, автор статей о Бодлере; знаток и собиратель автографов французских писателей 274, 297, 302
Успенский Петр Демьянович (1878–1947), философ, теософ, журналист (по образованию – математик). Автор книги «Четвертое измерение» (1909) и др. Эмигрировал в 1920 г. Умер в Англии
Уткин П.С. 462

Фабр д'Оливе (Fabre d'Olivet) Антуан (1767–1825), французский писатель, ученый, философ-мистик и оккультист 584
Федоров А.М. 121
Федорова Н.Н. 694

Фельдштейн (урожд. Леви) Ева Адольфовна (1886–1964), художница. Дочь петербургской поэтессы (писавшей по-немецки) Т.А. Линген (1866–1931). В 1909–1918 гг. – жена М.С. Фельдштейна 676, 693, 694, 699, 703, 705, 706, 708
Фельдштейн Михаил Соломонович (1884–1939, расстрелян), юрист, правовед, публицист. Профессор Московского государственного университета и Института народного хозяйства им. К. Маркса. Был арестован в 1922 и 1927 гг. Сын Р.М. Хин (Гольдовской); муж Е.А. Фельдштейн (1909–1918) и В.Я. Эфрон (с 1919 г.) 699, 705
Фёлькер (Völker) Тони (1873 или 1874–1938), пианистка, музыкальный педагог. С 1902 г. – член Немецкой секции Теософского общества; с 1906 г. – руководительница одной из ветвей Общества в Штутгарте. В 1911–1913 гг. – член Правления Общества. Одна из близких сподвижниц Р. Штейнера и М. фон Сиверс 520, 522
Феодор Кузьмич, старец 701, 702
Феофилактов Н.П. 178
Фехнер Е.Ю. *716*
Фидлер Ф.Ф. 380
Филиппов (наст. фамилия – Филистинский) Б.А. 704
Философов Д.В. 386
Финкельштейн (урожд. Синайская) В.Д. 552
Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ 527, 657
Флавиньи (Flavigny) М.К.С. де, графиня Агу (Agoult) де (псевд. – Даниель Стерн) 67
Флобер (Flaubert) Г. 238
Флоренский П А. 458
Франс (France) А. (наст. имя и фамилия – Анатоль Франсуа Тибо) 162
Франциск I (1494–1547), французский король (с 1515 г.) 236
Франциск Ассизский, св. (San Francese d'Assisi; до монашества – Джованни Франческо ди Пьетро Бернардоне) 431
Френгер (Fraenger) В. 722
Фридкина Г.Г. 608
Фурье (Fourier) Ш.М. 48

Хаммер (Гаммер), Хаммер-Пургшталь (Hammer-Purgstall), фон, барон 590
Харт (Hart; в замужестве – Полунина) Элизабет Вайолет (1878–1950), художница из Ирландии 8, 10, 352, 355, 357, 362, 363, 366, 369, 371–373, 375, 376, 381–383, 385, 388–390, 392, 394–396, 398, 404, 406, 409, 410, 413, 433, 442, 447, 448, 452, 453, 467, 474, 482, 490, 491, 578–580
Хасс (Hass) Ф. *614*
Хейман (Heymann) Франк (1880–1945), шведский скульптор, теософ; уроженец Гетеборга. Известен, в частности, тем, что, начиная с 1902 г, пытался возвести огромный храм на скалах острова Лэнгё (близ города Стрёмстад). Строительство продолжалось до самой смерти скульптора и не было доведено до конца 514, 517, 518
Хильферкус (Hilverkus) И. 601, 606
Хин см. Гольдовская Р М

Ходасевич В.Ф. 564, 723
Холлоши (Hollósy) Шимон (1857–1918), венгерский живописец и педагог; с 1886 г. руководил собственной школой-студией в Мюнхене (среди его русских учеников – М.В. Добужинский, К.С. Петров-Водкин и др.) 614, 619, 624
Холодковский Н.А. 557, 622
Хольцлейтнер (Holzleitner) Мария Терезия (1884–1964), художница; вторая жена Й. Энглерта (с 1922 г.)
Хомяков А.С. 710
Хорнеман (Hornemann) Д. 607
Хрулева Р.П. 523
Хуан де ла Крус, св. (Juan de la Cruz; в миру – Хуан де Йепес Альварес; 1542–1591), испанский монах (ордена кармелитов), автор мистических стихов и трактатов 584
Хютгнер (Hütgner), владельцы пансиона в Гамбурге 500

Цветаева (по первому браку – Трухачева, по второму – Минц) Анастасия Ивановна (1894–1993), писательница, автор мемуаров; сестра М.И. Цветаевой 690
Цветаева (в замужестве – Эфрон) Марина Ивановна (1892–1941), поэт, прозаик 524, 535, 679, 680, 682–684, 688, 690, 691, 696, 700, 701, 703, 705, 706, 708
Цветковская Елена Константиновна (1882–1944), гражданская жена К.Д Бальмонта 10, 52, 56, 182, 184, 466, 723
Цезарь Гай Юлий 84
Цемах Т.Д. 730
Цензор Д.М. 185
Цераская (урожд. Шелехова) Лидия Петровна (1855–1931), астроном, педагог; жена В.К. Цераского 372, 374
Цераский Витольд Карлович (1849–1925), астроном, директор Московской обсерватории в 1890–1916 гг. 372, 374, 720, 724
Цетлин (псевд. – Амари) Михаил Осипович (1882–1945), поэт, литературный критик, издатель. Член партии эсеров. В 1907–1917 гг. находился в эмиграции; вторично эмигрировал в 1919 г. Жил во Франции, в 1941 г. переехал в США. Умер в Нью-Йорке 681, 682, 686–688, 710
Цетлина (урожд. Тумаркина, по первому браку – Авксентьева) Мария Самойловна (1882–1976), издательница; принадлежала к партии эсеров. Жена М.О. Цетлина (с 1910 г.) 668, 681–683, 686–688, 710
Цивьян Т.В. 458

Чеботаревская Ал.Н. 582
Чуйко Михаил Самойлович (1875 – ок. 1947), художник; приятель Сабашниковой; в 1900-х г. и 1910-х гг. жил и работал в Париже. В 1938 г. репрессирован; 5 лет провел в Казахстане 10, 21, 24, 53, 54, 78, 79, 88, 118, 131, 139, 349, 350, 364, 402, 403, 479
Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фамилия – Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969), критик, литературовед, переводчик, поэт, прозаик 155, 156, 175, 185, 193, 196

Чулков Георгий Иванович (1879–1939), поэт, прозаик, драматург, критик 146, 150, 152, 163, 189, 196, 260, 261, 289, 340, 386, 454, 461, 569
Чулкова (урожд. Степанова) Надежда Григорьевна (1874–1961), жена Г.И. Чулкова 165, 454, 456, 569
Чупятов Л.Т. *715*

Шабельская Н.Ю. 180, *181*
Шагинян М.С. 597
Шанявские 680
Шанявский А.Л. 680
Шварсалон Вера Константиновна (1889–1920), дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, третья жена В.И. Иванова 279, 454, 466, 476, 477, 521, 525, 526
Шварсалон Константин Константинович (1892–1918?), сын Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака. Офицер 521
Шварсалон Сергей Константинович (1887–1941, расстрелян), старший сын Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака. Гвардейский офицер. В начале 1920-х гг. служил в полпредстве РСФСР в Китае. В конце 1920-х – 1930-х гг. преподавал иностранные языки в педагогическом училище в Калуге. Расстрелян по обвинению в шпионаже 197, 198, 521, 564
Швейцер В.А. 705
Швоб (Schwob) Марсель (1867–1905), французский прозаик, критик и переводчик 410, 466
Шевелева (в замужестве – Янковская) Маргарита Михайловна (1884–1936), родственница по материнской линии (троюродная сестра) М.В. Сабашникова. Умерла в Корее 139
Шейн П.В. 206
Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт 196, 261
Шенгели Г.А. 697
Шервашидзе (Шервашидзе-Чачба) Александр Константинович, абхазский князь (1867–1968), живописец, график, сценограф. В ноябре 1909 г. – секундант Волошина на его дуэли с Гумилевым. В 1918–1920 гг. жил и работал в Сухуми. В 1920 г. эмигрировал. Умер в Монте-Карло (Монако) 75, 92, 96, 573, 707, 709, 717
Шервинская М.С. 735
Шервинский С.В. 735
Шестов Лев Исаакович (наст. имя и фамилия – Лейб Иегуда Шварцман; 1866–1938), философ. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже 73
Шеффер (Scheffer) П. 721
Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства 183, 657
Шишкин А.Б. 189
Шмидт Петр Петрович (1867–1906, расстрелян), революционный деятель, один из руководителей Севастопольского восстания в 1905 г., возглавивший мятеж на крейсере «Очаков» и других судах Черноморского флота. Известен как «лейтенант Шмидт» 51, 53, 95, 98, 103, 105, 106, 110, 111

Шмид-Куртиус (Schmid-Curtius) К. *652*
Шницлер (Schnitzler) А. 338
Шолль (Шоль; Scholl) Матильда (1868–1941), преподавательница, деятельница теософского (позднее – антропософского) движения. Была лично знакома с А. Безант и перевела на немецкий (с английского) ее книгу «Эзотерическое христианство, или Малые мистерии» (Leipzig, 1903). Увлекалась математикой. Одна из первых учениц и ближайших сподвижниц Штейнера Волошин и Сабашникова познакомились с ней в Берлине осенью 1905 г. 173, 203
Шопенгауер (Schopenhauer) Артур (1788–1860), немецкий философ 235, 237, 362
Шперлинг М.В. 328
Шруба (Schruba) М. 163
Штейнер (Штайнер) М. см. Сиверс М. фон
Штейнер (Штайнер; Steiner) Рудольф (1861–1925), немецкий философ и религиозный реформатор, председатель Немецкой секции Теософского общества, создатель и руководитель Антропософского общества (с 1913 г.) 5, 11, 13, 22, 25, 30–32, 34, 42, 48–51, 59, 60, 63, 73, 84, 86, 91, 95, 108, 120, 123, 142–144, 146–148, 153, 157, 161, 171, 173–175, 179, 198, 199, 203, 221, 223, 225, 226, 247, 252, 364, 372, 392, 411, 416–423, 425,443, 447, 454, 455, 457, 470, 478, 480, 482, 491–493, 495–498, 500, 501, 503, 504, 506–514, 517, 520, 523, 524, 528, 538, 542, 544–548, 550–552, 554–557, 559, 561–564, 566, 567, 586–593, 597–616, 619–626, 628–630, 632, 634–665, 667, 678, 681, 693, 694, 696, 714–717, 721, 722, 725, 726, 728
Штёрринг (Störring) Густав Вильгельм (1860–1945), немецкий психолог и философ; в 1900-е гг – профессор Цюрихского университета 22, 24
Штеффен (Steffen) А. *628*
Штинде (Stinde) Софи (1853–1915), художница; теософка, ученица Штейнера (с 1904 г.). Член правления Немецкой секции Теософского общества, позднее – активный деятель антропософского движения; возглавляла мюнхенскую «Эзотерическую школу» 146, 157, 180, 203, 659–661, 663
Штюкгольд (Штикгольд; Stückgold) Станислав Исаевич (1868–1933), инженер, художник; антропософ. Родился в Варшаве. Принимал участие в Первой русской революции. К живописи (первоначально – скульптуре) обратился в 1907 г. В 1909 г выставлял свои произведения в Париже; обратил на себя внимание Аполлинера, Пикассо и др. В 1913 г. в Мюнхене присоединился к Антропософскому обществу (по поручительству Т.Г. Трапезникова). Умер в Париже 619, 620, 624, 625, 627, 628
Штюкгольд (Штикгольд; Stückgold; урожд. Вересс) Э. *628*
Шульце (Schultze) М., хозяйка берлинского пансиона 19, 416
Шумихин С.В. 11, 466, 569
Шюре (Schuré) Эдуард (1841–1929), французский писатель, философ и музыковед, автор, романов, пьес, исторических, поэтических и философских сочинений; оккультист. Автор книги «Великие Посвященные» («Les Grands Initiés», 1889) – о величайших духовидцах прошлого. Был близко знаком с Р. Штейнером и М. фон Сиверс, переводившей его на немецкий язык 123, 124, 524, 566

Щербатов Сергей Александрович, князь (1874–1962), меценат, коллекционер, художник, автор статей об искусстве; мемуарист. Умер в Риме 37, 92, 94, 96
Щуцкий Ю.К. *716*

Эккардтштейн (Eckardtstein) Имме фон, баронесса (1871–1930), художница, антропософка. Участвовала в постановке мистерий (1910–1913) и в строительстве первого Гетеанума (1914–1915) 659, 661
Эккерман (Eckermann) Иоганн Петер (1792–1854), секретарь И.В. Гете в 1823–1832 гг. 551
Экстер А.А. 462
Экхарт (Eckhart) Иоганн (Мейстер Экхарт; ок. 1260–1327), немецкий философ и теолог, монах-доминиканец 588, 590, 649
Элиасберг А.С. 473
Эллис (наст. имя и фамилия – Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт, переводчик, критик, религиозный публицист 594, 597, 598
Энглерт (Englert) Йозеф (1874–1957), инженер; антропософ. С 1910 г. руководил отделом в Базельской строительной компании, осуществлявшей работы в Дорнахе при возведении первого Гетеанума. Принимал участие в закладке Иоаннова Здания 20 сентября 1913 г.; производил основные технические расчеты (спроектировал, в частности, двойной купол здания). Входил в состав правления «Общества по строительству Иоаннова здания» («Johannesbauverein»), ведал его финансовыми делами. После скандала, разразившегося в конце 1918 г. (был обвинен в подделке финансовых документов), вынужден был покинуть Дорнах. Со временем отошел от антропософии. Обосновался (с 1922 г.) в Лугано, где сблизился с писателем Г. Гессе 651, 652, 654, 657, 660, 662–664, 677, 712, 719
Энглерт (урожд. Фабер) Мария, первая жена Й. Энглерта (с 1900 г.) 660, 663, 664
Эрве (Hervé) Гюстав (1871–1944), французский политический деятель (возглавлял в 1900-е гг. левое, с анархическим уклоном, крыло социалистической партии; позднее поддерживал итальянский и германский национал-социализм). В декабре 1905 г. был осужден на четыре года 57, 58
Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист, общественно-литературный деятель 707, 710
Эртель Михаил Александрович (?–1920-е), историк, теософ 149, 232, 233, 353, 413, 442
Эсмер-Вальдор (Вальдор) см. Мерсеро А.
Эсхил 284
Эфрон А.С. 155, *708*
Эфрон Алексей Я. 686
Эфрон (в замужестве – Трупчинская) Анна Я. 686
Эфрон Вера Яковлевна (1888–1945), актриса; педагог (режиссер массовых представлений и т.п.); библиотекарь. В 1907–1910 гг. училась в Женевском университете. С 1919 г – жена М.С. Фельдштейна. В 1930–1942 гг. работала в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина. Последние

годы жизни провела в г. Уржум и окрестных деревнях 684, 686, 687, 690, 700, 703, 705, 706, 708, 730
Эфрон Г.Я. 686
Эфрон (Дурново-Эфрон) Елизавета Петровна (1853–1910), участница революционного движения; мать А.Я. Эфрон, В.Я. Эфрон, Е.Я. Эфрон, А.Я. Эфрона, К.Я. Эфрона, П.Я. Эфрона, С.Я. Эфрона, Т.Я. Эфрон (трое детей – Алексей, Татьяна и Глеб – умерли в раннем возрасте) 586, 680, 684–686
Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976), актриса; педагог 586, 590, 619, 626, 676, 679, 680, 684, 685, 700, 703, 705, 706, 708
Эфрон Ирина (1917–1920), дочь М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона 703, 705
Эфрон К.Я. 686, 687
Эфрон П.Я. 686
Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941, расстрелян), литератор. Муж М.И. Цветаевой 680, 688, 690, 691, 700–703, 705, 706, 708
Эфрон Т.Я. 686
Эфрон Я.К. 686
Эфрос А.М. 474

Юлиан II (Отступник) Флавий Клавдий 479
Юлий II, папа 448
Юнггрен (Ljunggren) М. 621
Юнге А.А. 695, 697
Юнге Александр Эдуардович (1872–1921), ботаник 89, 695, 697
Юнге (урожд. Котлярева; по первому браку – Деген) Д.А. 695, 697
Юнге (урожд. Толстая) Екатерина Федоровна (1843–1913), художница-акварелистка, автор портретов и пейзажных произведений; мемуаристка 33, 43, 48, 61, 62, 89, 415, 694, 697
Юнге Федор Эдуардович (1866–1928), инженер-механик 280, 282–284, 697
Юнге, семья 694, 697
Юшкова Наталья Александровна, приятельница Н.В. Евреиновой 216–218, 348

Яремич С.П. 41
Ярин А.Я. 418
Ярцев П.М. 169

Allegro см. Соловьева П.С.
Allinari 467

Bakhmeteff B.A. 582
Bauer E. 732
Beltle E. 13

Cheron G. 473
Coles H.A.V., парижский фотограф 35, 53, 56, 97

Eimermacher K. 13
Erichsen, священник в Льяне 507

Fleishman L. 12
Froböse E. 607

Gasperoni, хозяйка пансиона в Риме 439

Jenny P. 607

Koch A. 722

Lippens F. 417

Michatelli 430
Moering R. 522
Müller, хозяйка берлинского пансиона 414

Poljakov F.B. 12

Rapp D. 522

Sauerwein J. 648
Schuré E. см. Шюре
Schmidt H. 417, 421, 545, 611
Steiner M. см. Сиверс М. фон

Vierl K. 13

Waeger J. 546
Waschik K. 13
Wiesberger H. 51

Zander H. 523
Zbinden H.W. 546

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5
Указатель лиц, упоминаемых в письмах по именам, именам и отчествам или прозвищам 10
Условные сокращения 11

1906

239. Сабашникова – Волошину – 19 февраля / 4 марта или 20 февраля / 5 марта. 16
240. Сабашникова – Волошину – 20 февраля / 5 марта 17
241. Сабашникова – Волошину – 21 февраля / 6 марта 18
242. Сабашникова – Волошину – 22 февраля / 7 марта 19
243. Сабашникова – Волошину – 22 февраля / 7 марта 22
244. Сабашникова – Волошину – 22 февраля / 7 марта 24
245. Сабашникова – Волошину – 23 февраля / 8 марта 25
246. Сабашникова – Волошину – 24 февраля / 9 марта 31
247. Волошин – Сабашниковой – 25 февраля / 10 марта. 34
248. Сабашникова – Волошину – Конец февраля – начало марта (до 6/19). 37
249. Волошин – Сабашниковой – 26 февраля / 11 марта. 38
250. Сабашникова – Волошину – 26 февраля / 11 марта 42
251. Сабашникова – Волошину – 26 февраля / 11 марта 49
252. Волошин – Сабашниковой – 26 февраля / 11 марта – 27 февраля / 12 марта. 53
253. Волошин – Сабашниковой – 27 февраля / 12 марта. 55
254. Сабашникова – Волошину – 27 февраля / 12 марта 59
255. Сабашникова – Волошину – 28 февраля / 13 марта 60
256. Сабашникова – Волошину – 28 февраля / 13 марта 61
257. Волошин – Сабашниковой – 28 февраля / 13 марта. 62
258. Сабашникова – Волошину – 1/14 марта. 65
259. Волошин – Сабашниковой – 1/14 марта 67
260. Сабашникова – Волошину – 2/15 марта. 72
261. Волошин – Сабашниковой – 2/15 – 3/16 марта 73
262. Сабашникова – Волошину – 3/16 марта. 77
263. Волошин – Сабашниковой – 3/16 марта 79

264. Сабашникова – Волошину – 4/17 марта 82
265. Волошин – Сабашниковой – 4/17 марта 86
266. Сабашникова – Волошину – 5/18 марта 89
267. Волошин – Сабашниковой – 6/19 марта 92
268. Сабашникова – Волошину – 6/19 – 7/20 марта 95
269. Волошин – Сабашниковой – 7/20 марта 96
270. Сабашникова – Волошину – 8/21 марта 98
271. Волошин – Сабашниковой – 8/21 марта 103
272. Волошин – Сабашниковой – 9/22 марта 105
273. Волошин – Сабашниковой – 10/23 – 11/24 марта 109
274. Волошин – Сабашниковой – 21 сентября 112
275. Сабашникова – Волошину – 21 сентября 115
276. Волошин – Сабашниковой – 22 сентября 118
277. Сабашникова – Волошину – 22 сентября 122
278. Волошин – Сабашниковой – 22 сентября 124
279. Волошин – Сабашниковой – 23 сентября 126
280. Сабашникова – Волошину – 23 <?> сентября 130
281. Сабашникова – Волошину – 23 или 24 сентября 132
282. Волошин – Сабашниковой – 24 сентября 132
283. Волошин – Сабашниковой – 24 сентября 134
284. Сабашникова – Волошину – 25 сентября 136
285. Волошин – Сабашниковой – 25 сентября 138
286. Сабашникова – Волошину – Около 1 ноября 140
287. Волошин – Сабашниковой – 11 ноября 141
288. Сабашникова – Волошину – 12 ноября 144
289. Волошин – Сабашниковой – 12 ноября 145
290. Волошин – Сабашниковой – 12 ноября 150
291. Сабашникова – Волошину – 30 ноября или 1 декабря 152
292 Волошин – Сабашниковой – 1 декабря 154
293. Сабашникова – Волошину – 1 декабря 156
294. Волошин – Сабашниковой – 2 декабря 158
295. Сабашникова – Волошину – 2 декабря 159
296. Волошин – Сабашниковой – 3 декабря 160
297. Сабашникова – Волошину – 3 декабря 164
298. Сабашникова – Волошину – 4 декабря 166
299. Волошин – Сабашниковой – 5 декабря 167
300. Сабашникова – Волошину – 6 декабря 171
301. Волошин – Сабашниковой – 6 декабря 174
302. Волошин – Сабашниковой – 7 декабря 177
303. Волошин – Сабашниковой – 7–8 декабря 179
304. Волошин – Сабашниковой – 13 декабря 182

305. Сабашникова – Волошину – 14 декабря 186
306. Сабашникова – Волошину – 14 декабря 187
307. Волошин – Сабашниковой – 14 декабря 190
308. Волошин – Сабашниковой – 15 декабря 193
309. Сабашникова – Волошину – 16 декабря 193
310. Волошин – Сабашниковой – 16 декабря 196
311. Сабашникова – Волошину – 17 декабря 199
312. Волошин – Сабашниковой – 17 декабря 201
313. Сабашникова – Волошину – 17 или 18 декабря 202
314. Сабашникова – Волошину – 18 декабря 203
315. Волошин – Сабашниковой – 18 декабря 208
316. Волошин – Сабашниковой – 19 декабря 211
317. Волошин – Сабашниковой – 20 декабря 213

1907

318. Сабашникова – Волошину – 26 февраля 216
319. Волошин – Сабашниковой – 16 марта 219
320. Сабашникова – Волошину – 18 марта 220
321. Волошин – Сабашниковой – 20 марта 221
322. Волошин – Сабашниковой – 20 марта 224
323. Волошин – Сабашниковой – 21 марта 225
324. Волошин – Сабашниковой – 21 марта 226
325. Волошин – Сабашниковой – 22 марта 227
326. Сабашникова – Волошину – 22 марта 228
327. Волошин – Сабашниковой – 23 марта 230
328. Волошин – Сабашниковой – 23–24 марта 231
329. Волошин – Сабашниковой – 24–26 марта 233
330. Сабашникова – Волошину – 25 марта 239
331. Сабашникова – Волошину – 26 марта 241
332. Волошин – Сабашниковой – 27 марта 250
333. Волошин – Сабашниковой – 28–29 марта 254
334. Сабашникова – Волошину – 30 марта 260
335. Волошин – Сабашниковой – 31 марта 261
336. Волошин – Сабашниковой – 1–3 апреля 267
337. Волошин – Сабашниковой – 3–4 апреля 274
338. Сабашникова – Волошину – 5 апреля 277
339. Волошин – Сабашниковой – 5–6 апреля 280
340. Волошин – Сабашниковой – 6 апреля 283
341. Волошин – Сабашниковой – 6–8 апреля 284
342. Сабашникова – Волошину – 7 апреля 287
343. Сабашникова – Волошину – Не ранее 9 или 10 апреля 289

344. Волошин – Сабашниковой – 10 апреля 292
345. Сабашникова – Волошину – 11 или 12 апреля 295
346. Волошин – Сабашниковой – 11–12 апреля 297
347. Сабашникова – Волошину – 12 апреля 303
348. Волошин – Сабашниковой – 13 апреля 305
349. Сабашникова – Волошину – Около 14 апреля 307
350. Волошин – Сабашниковой – 14 апреля 311
351. Волошин – Сабашниковой – 15 апреля 312
352. Сабашникова – Волошину – 16 апреля 314
353. Волошин – Сабашниковой – 17 апреля 316
354. Волошин – Сабашниковой – 17–19 апреля 319
355. Сабашникова – Волошину – 20 апреля 324
356. Волошин – Сабашниковой – 21 апреля 325
357. Сабашникова – Волошину – 21 апреля 327
358. Сабашникова – Волошину – 21–22 апреля 329
359. Волошин – Сабашниковой – 23 апреля 332
360. Сабашникова – Волошину – 23 апреля 334
361. Сабашникова – Волошину – 31 мая 335
362. Волошин – Сабашниковой – 1 июня 342
363. Волошин – Сабашниковой – 2 июня 343
364. Волошин – Сабашниковой – 4 июня 345
365. Сабашникова – Волошину – 6 июня 347
366. Сабашникова – Волошину – 9 июня 349
367. Волошин – Сабашниковой – 12 июня 350
368. Сабашникова – Волошину – 15 или 16 июня 353
369. Волошин – Сабашниковой – 17 июня 354
370. Сабашникова – Волошину – Около 20 июня 357
371. Волошин – Сабашниковой – 20 июня 359
372. Сабашникова – Волошину – 22 июня 360
373. Волошин – Сабашниковой – Около 24 июня 361
374. Сабашникова – Волошину – Около 27 июня 363
375. Сабашникова – Волошину – 29 июня 365
376. Волошин – Сабашниковой – 30 июня – 1 июля 367
377. Волошин – Сабашниковой – 4–5 июля 371
378. Сабашникова – Волошину – 5 или 6 июля 374
379. Волошин – Сабашниковой – 8 или 9 июля 375
380. Сабашникова – Волошину – 10 или 11 июля 378
381. Волошин – Сабашниковой – Между 10 и 12 июля 381
382. Волошин – Сабашниковой – Около 14 июля 385
383. Сабашникова – Волошину – 15 или 16 июля 389
384. Сабашникова – Волошину – 17 июля 391

385. Волошин – Сабашниковой – 17 июля 393
386. Волошин – Сабашниковой – 19 или 20 июля 394
387. Волошин – Сабашниковой – 21 июля 396
388. Сабашникова – Волошину – Между 20 и 25 июля 400
389. Сабашникова – Волошину – 30 или 31 июля 401
390. Волошин – Сабашниковой – 3 августа 403
391. Сабашникова – Волошину – 4 августа 406
392. Сабашникова – Волошину – 9 августа 408
393. Волошин – Сабашниковой – Около 24 августа 409
394. Сабашникова – Волошину – 20 ноября 410
395. Сабашникова – Волошину – 24 ноября 411
396. Сабашникова – Волошину – 7 декабря 412
397. Сабашникова – Волошину – 14/27 декабря 414
398. Сабашникова – Волошину – 20 декабря 1907 / 2 января 1908 417
399. Сабашникова – Волошину – 21 декабря 1907 / 3 января 1908 419
400. Сабашникова – Волошину – 25 декабря 1907 / 7 января 1908 420
401. Сабашникова – Волошину – 28 декабря 1907 / 10 января 1908 422
402. Сабашникова – Волошину – 31 декабря 1907 / 13 января 1908 423

1908

403. Сабашникова – Волошину – 4/17 января 426
404. Сабашникова – Волошину – 5/18 января 432
405. Сабашникова – Волошину – 11/24 января 437
406. Сабашникова – Волошину – 12/25 января 437
407. Сабашникова – Волошину – 16/29 января 440
408. Сабашникова – Волошину – 24 января / 6 февраля 444
409. Сабашникова – Волошину – 30 января / 12 февраля 447
410. Сабашникова – Волошину – Январь (после 7/20) – начало февраля 448
411. Сабашникова – Волошину – Конец января – начало февраля 450
412. Сабашникова – Волошину – Около 29 января / 10 февраля . 451
413. Сабашникова – Волошину – 3/16 февраля 453
414. Сабашникова – Волошину – 7/20 февраля 459
415. Сабашникова – Волошину – Около 7/20 февраля 459
416. Сабашникова – Волошину – Около 7/20 февраля 462
417. Волошин – Сабашниковой – Не ранее 12/25 февраля 463

418. Волошин – Сабашниковой – 13/26 февраля 466
419. Сабашникова – Волошину – 17 февраля / 1 марта 467
420. Сабашникова – Волошину – 22 февраля / 6 марта 470
421. Сабашникова – Волошину – 23 февраля / 7 марта 474
422. Волошин – Сабашниковой – Около 23 февраля / 7 марта .. 475
423. Сабашникова – Волошину – Около 25 февраля / 9 марта ... 478
424. Сабашникова – Волошину – 5/18 марта ..... .480
425. Сабашникова – Волошину – 12/25 марта 481
426. Сабашникова – Волошину – 13/26 марта 485
427. Сабашникова – Волошину – 24 марта / 6 апреля 487
428. Сабашникова – Волошину – Около 28 марта / 10 апреля ... 489
429. Сабашникова – Волошину – Около 2/15 апреля 491
430. Сабашникова – Волошину – 18 апреля / 1 мая 494
431. Сабашникова – Волошину – 18 апреля / 1 мая 496
432. Сабашникова – Волошину – Около 20 апреля / 3 мая. 497
433. Волошин – Сабашниковой – Около 22 апреля / 5 мая 499
434. Сабашникова – Волошину – 23 апреля / 6 мая 499
435. Сабашникова – Волошину – 5/18 мая 500
436. Сабашникова – Волошину – 17/30 или 18/31 мая 501
437. Сабашникова – Волошину – Между 27 мая / 9 июня и 1/14 июня 503
438. Сабашникова – Волошину – 17/30 июня 505
439. Сабашникова – Волошину – 21 июня / 4 июля 506
440. Сабашникова – Волошину – 25 июня / 8 июля 507
441. Сабашникова – Волошину – 3/16 июля 508
442. Сабашникова – Волошину – 9/22 июля 514
443. Сабашникова – Волошину – 12/25 июля 515
444. Волошин – Сабашниковой – 14/27 июля 516
445. Сабашникова – Волошину – 15/28 июля 517
446. Сабашникова – Волошину – 5/18 августа 519
447. Сабашникова – Волошину – Около 10/23 августа 519
448. Сабашникова – Волошину – Начало сентября (до 8-го) 527
449. Сабашникова – Волошину – Середина сентября 529
450. Сабашникова – Волошину – 20 сентября / 3 октября 532
451. Сабашникова – Волошину – 20 сентября / 3 октября 533
452. Сабашникова – Волошину – 1/14 октября 534
453. Волошин – Сабашниковой – 17/30 октября 535
454. Сабашникова – Волошину – 23 октября / 5 ноября 537
455. Волошин – Сабашниковой – Около 26 октября / 8 ноября ...538
456. Сабашникова – Волошину – 29 октября / 11 ноября 539
457. Сабашникова – Волошину – Конец октября – начало ноября 540

458. Волошин – Сабашниковой – Около 31 октября / 13 ноября. . .541
459. Сабашникова – Волошину – 6/18 ноября. 543
460. Сабашникова – Волошину – 21 ноября / 4 декабря 548
461. Сабашникова – Волошину – 24 декабря / 6 января 1909 555

1909

462. Сабашникова – Волошину – 18/31 марта 562
463. Сабашникова – Волошину – 17 февраля / 2 марта 560
464. Сабашникова – Волошину – 18/31 марта. 560
465. Сабашникова – Волошину – 31 июля 562
466. Сабашникова – Волошину – 6 августа 565
467. Сабашникова – Волошину – 31 августа 566
468. Сабашникова – Волошину – 7 октября. 568
469. Сабашникова – Волошину – 13 октября. 569
470. Сабашникова – Волошину – 29 октября. 571
471. Сабашникова – Волошину – 6 ноября 572
472. Сабашникова – Волошину – 2 декабря. 573

1910

473. Сабашникова – Волошину – 8 марта. 574
474. Сабашникова – Волошину – 3 <?> апреля. 576
475. Сабашникова – Волошину – Около 10 апреля. 577
476. Сабашникова – Волошину – 9 июля 580
477. Волошин – Сабашниковой – 12 июля. 583

1912

478. Сабашникова – Волошину – 3/16 или 4/17 апреля. 586
479. Сабашникова – Волошину – 2/15 октября. 591

1913

480. Сабашникова – Волошину – 26 октября / 8 ноября 594
481. Сабашникова – Волошину – 13/26 ноября. 601
482. Сабашникова – Волошину – Около 30 ноября / 13 декабря. . . 609

1914

483. Сабашникова – Волошину – Между 2/15 января
и 20 января / 2 февраля. 616
484. Сабашникова – Волошину – 9/22 февраля. 628
485. Сабашникова – Волошину – 10/23 февраля. 631
486. Сабашникова – Волошину – 24 февраля / 9 марта 634
487. Сабашникова – Волошину – 24 марта / 6 апреля 640
488. Сабашникова – Волошину – 29 марта / 11 апреля 641

489. Сабашникова – Волошину – Около 7/20 апреля 644
490. Сабашникова – Волошину – 19 апреля / 2 мая 646
491. Сабашникова – Волошину – Май (после 22 апреля / 5 мая . . . 646
492. Сабашникова – Волошину – Июнь 649
493. Сабашникова – Волошину – Между 19 июня / 2 июля и 27 июня / 10 июля 653

1915

494. Сабашникова – Волошину – Февраль (после 7/20) – март . . . 656
495. Сабашникова – Волошину – 23 ноября / 6 декабря 659

1916

496. Сабашникова – Волошину – 8/21 января 667
497. Сабашникова – Волошину – Конец января 669
498. Сабашникова – Волошину – Вторая половина января 673

1917

499. Сабашникова – Волошину – 30 июня 675
500. Сабашникова – Волошину – Первая половина <после 7–8> июля 676
501. Сабашникова – Волошину – Июль 678
502. Сабашникова – Волошину – 14–22 сентября 679
503. Волошин – Сабашниковой – 26 сентября 681
504. Волошин – Сабашниковой – 21 октября 684
505. Сабашникова – Волошину – 9 ноября 687
506. Волошин – Сабашниковой – 17 ноября 688

1918

507. Сабашникова – Волошину – 3 января 692
508. Волошин – Сабашниковой – 13 января 694
509. Сабашникова – Волошину – 18/31 мая 698
510. Волошин – Сабашниковой – 7/20 июня 699
511. Сабашникова – Волошину – 29 июня / 12 июля 702
512. Волошин – Сабашниковой – 26 сентября / 9 октября 705

1921

513. Сабашникова – Волошину – 22 сентября 711

1922

514. Сабашникова – Волошину – 16 февраля 719
515. Сабашникова – Волошину – Март 724

1923

516. Волошин – Сабашниковой – 24 февраля 727

1924

517. Сабашникова – Волошину – Лето 732

Приложение. Заявление Сабашниковой от 9 февраля 1925 г. 734

Указатель имен 736

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Пепельный свет». 1925 г.

Волошин, Максимилиан Александрович
Собрание сочинений. Т. 11, кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга вторая. 1906–1924. Максимилиан Волошин; Сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подгот. текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского. Под общей ред. А.В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2015. – 784 с.
ISBN 978-5-902152-96-5 (т. 11, кн. 2)
ISBN 978-5-902152-05-4

Вторая книга настоящего тома охватывает переписку Максимилиана Волошина (1877–1932) с его первой женой, художницей Маргаритой Васильевной Сабашниковой (1882–1973). Драматическая история отношений Волошина и Сабашниковой разворачивается на фоне великих исторических потрясений – от Первой русской революции до Гражданской войны. Письма освещают важнейшие события в жизни Волошина и Сабашниковой: сближение с В.И. Ивановым и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и неудавшуюся попытку «тройственного союза»; тесное общение Сабашниковой с Р. Штейнером и кругом немецких и русских антропософов; участие Сабашниковой и Волошина в строительстве первого Гетеанума; ее возвращение в Россию весной 1917 г. и окончательный отъезд за границу в 1922 г.

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Том одиннадцатый
Книга вторая

Переписка с Маргаритой Сабашниковой
1906–1924

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 01.07.2015
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 28. Тираж 2500 экз.
Заказ № 1315

ЛР № 01716 от 05.05.2000
Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. (495) 605-37-97. Факс (495) 605-89-47
http://www.ellisluck.ru
e-mail: ellisluck@mail.ru

ISBN 978-5-902152-96-5
9 785902 152965 >

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография "Красный Октябрь"»
430030, г. Саранск, ул. Титова, 2а
E-mail: tko-saransk@mail.ru